СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ 1.

ВООРУЖЕНЫЯ СИЛЫ РОССІИ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1890.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

Jeremiah Curtin

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

ЧАСТЬ 1.

ЧАСТЬ 2.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ I.

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ.

I.

Вступленіе.

Въ настоящую минуту Европа приняла болѣе воинственный видъ, чѣмъ было когда-нибудь со времени окончанія великихъ наполеоновскихъ войнъ. Главная, по крайней мѣрѣ наиболѣе бросающаяся въ глаза, забота большихъ европейскихъ государствъ состоитъ теперь въ пересмотрѣ своихъ военныхъ учрежденій, въ расширеніи кадровъ арміи, чтобы вмѣстить въ нихъ наибольшую силу при переходѣ на военное положеніе, въ усовершенствованіи вооруженія. Каждое государство боится остаться позади другихъ. Забота эта всеобщая. Она достаточно объясняется нынѣшнимъ состояніемъ міра. На нашихъ глазахъ перевершаются почти всѣ прежнія, установленныя отношенія между народами, замѣняются новыми, изъ которыхъ ни одно не окрѣпло еще достаточно, чтобы считаться рѣшеннымъ дѣломъ; чѣмъ слабѣе привычныя связи, тѣмъ больше мѣста произволу и силѣ. Въ такую минуту каждому самостоятельному народу приходится оглянуться на себя, сравнить свои силы, естественныя и выработанныя, съ силами сосѣдей, внимательно разсмотрѣть, не остается ли что-нибудь сдѣлать въ этомъ отношеніи, и въ то же время безпристрастно взвѣсить собственное заключеніе о себѣ и сравнить его съ дѣйствительностію. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ провѣрка сужденій, сдѣлавшихся болѣе или менѣе общепринятыми, становится необходимымъ возмужалому обществу.

Въ сущности, каждый международный вопросъ есть вопросъ о силѣ; мирное и военное разрѣшеніе его составляютъ двѣ степени напряженія одного и того же дѣйствія. Когда неравенство силы очевидно, тогда уступаютъ безъ боя, если возможно

приличнымъ образомъ; иначе вступаютъ въ бой. Въ международныхъ отношеніяхъ желать чего-нибудь значитъ сознавать въ себѣ силу добиться желаемаго. Дипломатія составляетъ въ сущности не иное чтò, какъ безсрочные переговоры между народными силами, между арміями, во главѣ которыхъ стоятъ ихъ правительства. Дипломатія—это форма, часто искуство пользоваться своею дѣйствительною силой, не напрягая ея; безъ силы дипломатія будетъ празднымъ разговоромъ—краснорѣчіемъ ганноверскихъ уполномоченныхъ передъ графомъ Бисмаркомъ. Разумѣется, сила человѣческихъ обществъ не измѣряется однимъ перечисленіемъ штыковъ и пушекъ, или чтò то же, населеній и доходовъ. Тѣмъ не менѣе, сумма нравственнаго, политическаго и матеріяльнаго могущества народовъ не только должна опредѣлять мѣру ихъ желаній, но на дѣлѣ всегда опредѣляетъ ее. Невозможнаго нечего и желать.

Часто однакожъ общество имѣетъ смутное понятіе о своемъ народномъ могуществѣ, понятіе, основанное на случайныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ поторопились вывести обманчивыя заключенія; а между тѣмъ общественное настроеніе, даже въ абсолютныхъ государствахъ, имѣетъ великое вліяніе на рѣшенія политики. Пруссія вышла на войну въ 1806 году и чуть не погибла, вслѣдствіе того, что была ложно увѣрена въ превосходствѣ своей арміи, на основаніи давно минувшихъ побѣдъ Фридриха Великаго, когда все уже измѣнилось кругомъ. Въ 1866 году совершилось совсѣмъ обратное. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство прусскаго общества боялось послѣдствій затѣй Бисмарка, что Пруссія не вѣрила въ себя и была вовлечена въ войну вопреки своему желанію, только отчаянно рѣшительнымъ характеромъ своего министра. Хотя прусская армія выказалась въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ отъ нея ждали, тѣмъ не менѣе успѣхъ ея въ домашней нѣмецкой войнѣ объясняется на половину такими случайными и мѣстными обстоятельствами, что выводить изъ него заключеніе относительно внѣшней войны было бы слишкомъ преждевременно. Но теперь новый оборотъ медали. Послѣ побѣды прусское общество черезчуръ возмнило о себѣ, готово натолкнуть свое правительство на самыя рискованныя предпріятія, и можетъ жестоко за то поплатиться. Мы также видѣли на своемъ вѣку, у себя дома, и притомъ два раза, ошибочное настроеніе, основанное на невѣрной оцѣнкѣ своихъ средствъ, и настроеніе это, каждый

разъ приводило къ послѣдствіямъ очевидно невыгоднымъ. Въ первый разъ, когда передъ восточною войной мы собирались закидать в аг въ шапками, не принимая въ соображеніе того, что каковы бы ни были народныя силы России, на эти силы можно было полагаться только при должной организаціи ихъ; военная же организація того времени отличалась тѣмъ свойствомъ, что обременяла государство въ мирное время непомѣрнымъ количествомъ войскъ, оказывавшимся недостаточнымъ для военнаго; вновь формируемыя части не годились для открытаго боя, а дѣйствующихъ войскъ не могло достать для того, чтобы сдерживать союзниковъ съ моря и серіозно грозить имъ съ сухопутной границы—единственное средство достигнуть успѣха. Конечно, общественное мнѣніе тогда мало значило, но еслибы русское общество понимало, до какой степени наше военное (надо прибавить и гражданское) устройство того времени было недостаточно для такого громаднаго предпріятія, какъ восточная война, мнѣніе его произвело бы нѣкоторое дѣйствіе. Другой примѣръ еще болѣе поучителенъ. Неудача восточной войны вселила въ русское общество полнѣйшее недовѣріе къ собственной силѣ, длившееся много лѣтъ, слышное по временамъ даже теперь; конечно, нынѣшніе австрійцы, дѣйствительно разбитые на-голову, болѣе увѣрены въ себѣ, чѣмъ были увѣрены мы послѣ 1856 года. Послушавъ что̀ тогда говорилось въ публикѣ почти поголовно, можно было выдумать, что мы представляемъ собой Китай послѣ перваго его столкновенія съ англичанами, разоблачившаго внезапно безсиліе Небесной Имперіи. Между тѣмъ, странное дѣло, восточная война произвела совершенно обратное впечатлѣніе въ Европѣ; понимающіе люди стали думать о насъ выше послѣ Севастополя, чѣмъ думали прежде, они увидѣли Россію ближе и поняли громадность ея естественныхъ силъ.

Вліяніе этого легкомысленнаго разочарованія, хотя неуловимое, было, къ сожалѣнію, слишкомъ дѣйствительно и десять лѣтъ тяготѣло надъ внѣшнимъ положеніемъ России, надъ самыми существенными ея международными интересами. Было бы ребячествомъ надѣяться успѣховъ отъ дипломатіи, не поддержанной достаточною увѣренностію общества въ народной силѣ. Дипломатія всегда можетъ сказать: дайте мнѣ увѣренность въ силѣ, я разовью ее въ дипломатическіе успѣхи. Въ подобныхъ вещахъ нельзя ссылаться на правительство. Въ

томъ и состоитъ безконечное превосходство законнаго, установленнаго, вѣковаго правительства надъ случайнымъ и революціоннымъ, что оно составляетъ не партію и всегда проникнуто духомъ среды, надъ которою стоитъ; если ему случается по нѣкоторымъ вопросамъ разно съ ней думать, то оно всегда и безъ исключенія одинаково съ ней чувствуетъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно вывести заключенія по крайней мѣрѣ относительно вѣрныя: 1) мнѣніе народа о своемъ могуществѣ имѣетъ великое вліяніе на ходъ его политическихъ дѣлъ; 2) мнѣніе это нерѣдко бываетъ чрезвычайно легкомысленнымъ и неосновательнымъ, а послѣдствія заблужденія тяжко ложатся на судьбу государства.

Между тѣмъ вообще принимается, что даже основные военные вопросы составляютъ спеціяльность, что они могутъ оставаться чуждыми обществу. А когда приходитъ минута выразить свое мнѣніе о войнѣ и мирѣ, взвѣсить средства для успѣха, будьте увѣрены, что изъ десяти военныхъ, считаемыхъ лучшими судьями въ этомъ дѣлѣ, девять повторятъ мнѣніе общественной среды, въ которой живутъ. Такимъ образомъ общество, обыкновенно чуждое военныхъ вопросовъ, не знающее основательно ни состоянія вооруженныхъ государственныхъ силъ, ни отношенія ихъ къ задумываемой борьбѣ, въ важныхъ случаяхъ становится въ значительной степени судьей и рѣшителемъ этихъ самыхъ вопросовъ.

Освободиться отъ вліянія общественнаго мнѣнія въ подобныхъ вещахъ дѣло невозможное и вовсе не желательное. Если мнѣніе вліяетъ въ вещахъ второстепенныхъ, какъ же обойдти его въ вопросѣ быть или не быть, возникающемъ съ каждою серіозною войной. Является дилемма по наружности безвыходная: исторія доказываетъ, что общественное мнѣніе бываетъ часто крайне легкомысленно въ вопросахъ войны и мира, а между тѣмъ вліяніе его по необходимости сильно, иногда неотразимо. Очевидно, тутъ кроется какое-нибудь громадное недоразумѣніе. По моему понятію, это недоразумѣніе заключается въ слѣдующемъ. Безъ сомнѣнія, военное дѣло составляетъ спеціяльность, но въ такомъ же смыслѣ какъ спеціяльность инженеровъ, строющихъ желѣзныя дороги. Люди, наилучше понимающіе нужды страны въ распредѣленіи желѣзныхъ путей, часто не имѣютъ никакого понятія объ инженерномъ искуствѣ. Что было бы, еслибъ единственными судьями въ этомъ

дѣлѣ оставались инженеры-техники? Они занялись бы искуствомъ для искуства, настроили бы множество дорогъ замѣчательныхъ по исполненію, по преодолѣннымъ трудностямъ, но безполезныхъ для страны. То же самое оказывается и въ военномъ устройствѣ государства. Образованіе арміи есть, конечно, дѣло военной специяльности, какъ постройка желѣзной дороги есть дѣло специяльности инженерной. Техникъ имѣетъ полное право представить свои возраженія противъ направленія предполагаемаго пути, вслѣдствіе мѣстныхъ затрудненій, которыя онъ можетъ оцѣнить лучше другаго; но возраженія его могутъ имѣть предметомъ только то, чтобы дать другое очертаніе дорогѣ, обойдти препятствія изгибами, а не то, чтобы перекинуть ее въ другую сторону, строить ее не на Кіевъ, а на Воронежъ. Отъ системы, положенной въ основаніе военнаго устройства, зависитъ прямо степень могущества государства, а вслѣдствіе того и международная политика, сквозь которую это могущество сквозитъ во всемъ, какъ цвѣтная подкладка черезъ кисею. Между тѣмъ превосходство военнаго устройства происходитъ главнѣйше отъ его соотвѣтственности съ общественнымъ складомъ, можно сказать, отъ его безискуственности, ненатянутости, отъ того на сколько вѣрно вооруженныя силы націи представляютъ ея дѣйствительныя, живыя силы и ея общественныя отношенія, во всей ихъ естественности. Съ перваго взгляда видно, на сколько легче дать окончательное устройство силамъ, которыя сами складываются въ готовую форму, чѣмъ биться надъ устройствомъ искуственнымъ, которое требуетъ столько труда и времени и потому уже не можетъ расширяться по произволу. Если же правда, что вооруженныя силы націи должны быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ ея самой, то правда и то, что вопросъ объ основаніи военной системы становится вопросомъ о самой націи, о ея духовныхъ и матеріальныхъ основахъ, то-есть обращается въ вопросъ политическій и входитъ въ область общественнаго сознанія, какъ его неотъемлемое право и потребность. Вездѣ и всегда общество чувствовало, если не вполнѣ ясно сознавало, эту истину, и никогда не считало чуждыми себѣ вопросовъ такой коренной важности, хотя мало было подготовлено къ ихъ правильному обсужденію. Выходило то, что оно чаще рѣшало ихъ страстію, чѣмъ разумомъ.

Нынѣшній вѣкъ, передѣлавшій столько людскихъ понятій, распространившій въ народномъ сознаніи столько прежнихъ спеціяльностей, оказалъ свое вліяніе и въ этомъ отношеніи. Въ Англіи, Германіи и Франціи, особенно во Франціи, основныя понятія о военномъ дѣлѣ и о военной статистикѣ стали общимъ достояніемъ. Теперь рѣдко уже можно встрѣтить француза, который не имѣлъ бы о военномъ дѣлѣ (конечно не въ его спеціяльностяхъ) столь же опредѣленнаго понятія, какъ о другихъ популярныхъ предметахъ жизни и науки. Во Франціи былъ бы смѣшонъ статскій (по русскому выраженію), наивно не понимающій самыхъ простыхъ вещей, относящихся къ арміи и войнѣ. Не даромъ нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей, писанныхъ въ новой Франціи по частямъ военно-сухопутной и военно-морской, писаны двумя статскими, Тьеромъ и Луи Рейбо. Эта вульгаризація военныхъ понятій въ обществѣ составляетъ одну изъ великихъ силъ Франціи, даетъ ей замѣтное превосходство въ Европѣ. Франція смотритъ на военныя событія и на политику, подготовляющую войну, не слѣпыми глазами, какъ многіе другіе; она совершенно хорошо понимаетъ свои шансы, и слова «популярность или непопулярность» какого-нибудь предпріятія означаютъ тамъ не одно увлеченіе страсти или предразсудка (хоть безъ страстей въ такомъ случаѣ конечно не обходится), но оцѣнку, до извѣстной степени вѣрную, силъ, препятствій и цѣлей. Военные люди не имѣютъ во Франціи характера жрецовъ Изиды, они не могутъ слишкомъ увлекаться самомнѣніемъ, принадлежностію всякаго не контролируемаго спеціялиста; они, конечно, первые и главные судьи, но которыхъ въ свою очередь судитъ общество. Одобреніе его придаетъ мѣрамъ военнаго министерства, иногда невыгоднымъ для финансовъ, нравственную силу, сопровождающую общественныя реформы, необходимость которыхъ сознана. Могущество государства отъ того не проигрываетъ.

Хотя пониманіе военнаго дѣла менѣе развито въ обществахъ Англіи и Германіи, но и тамъ оно распространено несравненно болѣе, чѣмъ у насъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что общественное мнѣніе этихъ странъ не разочаровалось бы въ силахъ націи по поводу войны подобной восточной, не приняло бы оплошности, выкупленной такимъ развитіемъ могущества, за безсиліе и не напустило бы на себя скромности побѣжденныхъ китайцевъ, отличавшей наши рѣчи

въ продолженіи десяти лѣтъ. Такое странное явленіе было возможно только въ обществѣ, въ которомъ не считается до сихъ поръ невѣжествомъ для образованнаго человѣка не знать, изъ какого числа полковъ состоитъ армія его отечества, какія производятся въ ней преобразованія, каково отношеніе ея силъ къ силамъ другихъ народовъ и такъ далѣе. И за границей этимъ вещамъ не учатъ въ гражданскихъ школахъ, но всѣ ихъ знаютъ и тѣмъ уже обезпечиваются отъ слишкомъ несообразныхъ заключеній. Если не каждый гражданинъ тамъ Тьеръ или Рейбо, за то общество въ массѣ достаточно понимаетъ вещи, необходимыя для уразумѣнія національнаго могущества, чтобы не принимать бѣлаго за черное.

Русское общество должно перевоспитать себя въ этомъ отношеніи, иначе оно никогда не будетъ судьею своихъ собственныхъ дѣлъ, останется чуждымъ своей современной исторіи. Средства къ тому открыты, занавѣсь, за которою совершались всѣ распоряженія военнаго вѣдомства, поднята. Понимание условій, на которыхъ основано могущество отечества, теперь прямо уже зависитъ отъ степени вниманія русскаго общества къ своимъ собственнымъ дѣламъ.

Всѣми признано, что въ жизни человѣческихъ обществъ не бываетъ крупныхъ явленій совершенно случайныхъ, такихъ явленій, которыя не исходили бы изъ главнаго источника—народнаго духа и исторической судьбы государства. Но не всѣ еще, кажется, пришли къ заключенію, что подъ это общее правило подходятъ также различные виды устройства военныхъ силъ, существующіе въ томъ или другомъ государствѣ; что это устройство вовсе не произвольное, что оно необходимо обусловлено какъ общественнымъ складомъ, такъ и географическимъ положеніемъ государства. Между тѣмъ существующія въ разныхъ государствахъ системы военной организаціи выражаютъ до такой степени вѣрно настоящую минуту ихъ жизни, что ее можно было бы возстановить въ исторіи по однимъ даннымъ военной статистики; вездѣ основанія, на которыхъ зиждется военная система, лежатъ глубже, чѣмъ въ личной волѣ правительства. Объемъ вооруженій опредѣляется не какимъ-либо государствомъ, взятымъ одиночно, но всею суммой государствъ, составляющихъ образованный міръ, то-есть духомъ проживаемой эпохи,—также и общественнымъ складомъ народа, который правители не могутъ передѣлать по произволу. Самая

организація и духъ войскъ почти всегда еще менѣе зависятъ отъ правительства, чѣмъ даже объемъ вооруженій; въ нихъ выражаются съ математическою вѣрностью, установленныя исторіей отношенія общественныхъ классовъ, степень полноправности, усвоенной гражданамъ различныхъ состояній, и всѣ обычаи страны, особенно отношеніе взрослыхъ сыновей къ семьѣ, которое вездѣ вліяетъ сильнѣйшимъ образомъ на установленіе той или другой системы рекрутскаго набора. Изъ этихъ двухъ условій, вовсе не произвольныхъ, — количества войскъ и ихъ внутренней національной организаціи, истекаетъ все остальное—пропорція силъ мирнаго времени къ военному, отношеніе разныхъ оружій между собою, система производства и распредѣленія командованій, даже, въ значительной степени, боевой уставъ, котораго придерживается войско. Примѣровъ нечего искать, каждое европейское государство будетъ подходящимъ примѣромъ.

Вотъ Англія, немного уступающая населеніемъ Франціи и много превосходящая ее богатствомъ. Въ настоящее время это государство отличается крайне мирнымъ настроеніемъ. Но въ началѣ столѣтія, когда ея общественное устройство еще не выказывало своихъ крайнихъ послѣдствій, Англія вовсе не была миролюбива и вела гигантскую борьбу противъ Франціи и всей подчиненной ей Европы. Правительство и общество были за одно и напрягали всѣ средства, чтобы выставить противъ Наполеона возможно значительныя силы. Кажется, при такомъ населеніи и такомъ богатствѣ, Англія могла бы вооружить огромную армію; однакожь нѣтъ, гражданское устройство ея не позволяло ей того; дѣйствующая англійская армія, безъ союзниковъ, никогда не превышала пятидесяти тысячъ солдатъ. Несмотря на все желаніе, роль Англіи въ континентальныхъ войнахъ была всегда лишь второстепенная. Всякій знаетъ, какимъ образомъ неприкосновенность личности, воспитанная аристократическими учрежденіями Англіи, распространенная понемногу на каждаго англичанина, заставляетъ это государство набирать свое войско исключительно, вольною вербовкой, въ самой низкой черни. Эта система набора, краеугольный камень военнаго могущества Англіи, обусловливаетъ все остальное. Переходъ съ мирнаго положенія на военное, удваивающій и устраивающій европейскія арміи, не можетъ имѣть тамъ такого значенія, какъ на материкѣ; тамъ, напротивъ того, люди,

охотно вербующіеся въ мирное время, не идутъ въ службу въ виду предстоящихъ опасностей и лишеній, и такимъ образомъ источникъ пополненія не возрастаетъ, но изсякаетъ для англійской арміи съ приближеніемъ войны. Та же самая причина заставляетъ удерживать англійскаго солдата, сколь можно долѣе, подъ знаменемъ. Прежде онъ служилъ всю жизнь; теперь срокъ сокращенъ, но его вербуютъ почти всегда на дальнѣйшіе сроки. Составъ англійской арміи, набранной изъ бездомной черни, преимущественно изъ пропащихъ людей, налагаетъ на нее, ей только свойственный характеръ. Англійскій солдатъ — *илотъ*, котораго никакое отличіе не можетъ вывести въ люди; между нимъ и офицеромъ лежитъ та же непереходимая грань, какъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ. Понятно, какимъ образомъ изъ этихъ отношеній истекаетъ духъ англійскаго устава, его исключительное предпочтеніе развернутаго строя. Англійскій солдатъ, котораго всегда держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ, хотя и одаренъ отъ природы энергическимъ характеромъ, но вслѣдствіе своего общественнаго положенія и военнаго воспитанія становится пасивнымъ до механичности; энергія его обращается исключительно въ устойчивость! Какой стремительности, необходимой для рвущейся впередъ колонны, ждать отъ этихъ людей? Они несамостоятельны, потому что складъ англійской общественной жизни не допускаетъ ихъ самостоятельности, а вслѣдствіе того могутъ дѣйствовать удовлотворительно лишь какъ неодушевленный механизмъ въ рукахъ офицера; для нихъ пригоднѣе всего тотъ строй, въ которомъ энергія ихъ можетъ выражаться пасивно и въ которомъ они всегда на глазахъ и въ волѣ своихъ офицеровъ. Отъ того же происходитъ, что англійское войско не умѣетъ жить на походѣ средствами страны, а обременено нескончаемыми обозами, требуетъ самыхъ мелочныхъ попеченій, какъ кадетскій лагерь: весь разумъ его въ начальствѣ. Со всѣмъ тѣмъ англійская армія — армія превосходная, она постоянно побѣждала лучшія войска, какія только могутъ быть—войска первой французской имперіи. Высшая развитость, нравственная и физическая, передовыхъ англійскихъ классовъ, составляющихъ ея душу; грубая твердость толпы, образующей ея тѣло; превосходное снаряженіе, дѣлаютъ изъ этой арміи военное орудіе, во многихъ отношеніяхъ одностороннее и слишкомъ тяжелое, но страшное. Малочисленность англійской арміи

не позволяетъ ей играть самостоятельную роль въ европейскихъ войнахъ; но для Англіи она совершенно достаточна. Морское могущество страны удесятеряетъ силу ея сухопутнаго войска, давая возможность угрожать имъ всякому прибрежному пункту непріятельскихъ владѣній и развлекать такимъ образомъ силы, часто огромныя, что мы достаточно испытали во время восточной войны. Для внутренней обороны противъ вторженія Англія имѣетъ милицію изъ зажиточныхъ, полноправныхъ классовъ, но черни ни подъ какимъ видомъ не даетъ оружія въ руки; въ этомъ отношеніи она такъ же вѣрна себѣ, какъ и въ остальномъ. Достаточно видно, до какой степени отчетливо англійская армія выражаетъ историческій складъ народа и географическое положеніе страны. Еслибы во время Карла II, когда учреждены были въ Англіи первыя постоянныя войска, существовалъ человѣкъ, одаренный нечеловѣческою способностью выводить изъ даннаго положенія всѣ его логическія послѣдствія, онъ съ точностью предсказалъ бы нынѣшнюю организацію англійской арміи; до такой степени военная система государства непроизвольна; до такой степени сила вещей представляетъ военному министерству только техническую работу— группировать элементы, какіе выдаются ему готовыми соціальнымъ и политическимъ бытомъ народа.

То же самое и на материкѣ. Какъ ни различна французская военная организація отъ англійской, она также непроизвольна и такъ же мало зависима въ своихъ основаніяхъ отъ правительства, какъ и тамъ. Франція составляетъ сплошное, однородное тѣло, расположенное въ самомъ сердцѣ Европы, и по тому самому уже рѣдко можетъ избѣжать участія во всякомъ международномъ замѣшательствѣ. Несмотря на революцію, французы, въ своемъ частномъ быту, и теперь еще воспитываются въ тѣхъ же преданіяхъ войнолюбія и народной славы, развившихся въ давнія времена подъ вліяніемъ, господствовавшаго дворянства, утратившаго давно всякій политическій характеръ и ставшаго чисто-военною кастой, европейскими к ш а т р і я м и. Двадцатипятилѣтняя борьба на жизнь и смерть революціи и имперіи еще болѣе развила это расположеніе, превративъ всю націю въ военный станъ. Войнолюбіе французовъ понятно, по крайней мѣрѣ, исторически, тѣмъ болѣе, что оно поддерживается еще многими особенностями. Война бываетъ полна угрозами для самаго существованія большинства евро-

пейскихъ государствъ, но не для Франціи. Вслѣдствіе сильнаго пораженія Австрія можетъ разсыпаться, Италія—быть вновь раздроблена и порабощена, изъ Пруссіи, даже послѣ ея кениггрецкой побѣды. можно еще накроить десятокъ Саксоній; но кто станетъ надѣяться, при совершенной однородности такого сплошнаго государственнаго тѣла какъ Франція, отхватить отъ нея провинцію и долго удерживать завоеванія. Въ случаѣ пораженія, Франція рискуетъ только матеріяльными жертвами и своимъ вліяніемъ на извѣстный срокъ, но вовсе не рискуетъ своимъ дѣйствительнымъ могуществомъ. Очень естественно, что французское славолюбіе можетъ развертываться на просторѣ, вслѣдствіе чего Франція всегда была зачинщицей почти всѣхъ европейскихъ войнъ. У другихъ народовъ національная гордость, славолюбіе, составляетъ одну изъ страстей, во Франціи оно составляетъ главную, господствующую страсть, удовлетвореніе которой успокоиваетъ до извѣстной степени всѣ другія. Покойный герцогъ Орлеанскій понималъ это дѣло очень хорошо, когда наталкивалъ своего отца на войну, предсказывая, что иначе имъ придется погибнуть въ одной изъ парижскихъ водосточныхъ канавъ. Кромѣ того, на силѣ арміи преимущественно основано существованіе всякаго французскаго правительства, каково бы оно ни было, такъ какъ со времени революціи правительство тамъ ничто иное какъ одна изъ партій, захватившая въ свою очередь власть въ руки. Дисциплиной штыковъ держатся французскія власти, славой штыковъ онѣ увлекаютъ страну. Понятно, что при такомъ положеніи вещей первая забота правительства—располагать арміей, сколь возможно, многочисленною. Но тутъ сила вещей вступаетъ въ свои права. Франція богаче Пруссіи, но несмотря на то, далеко не можетъ выставить пропорціонально населенію такой массы вооруженныхъ силъ, какъ эта послѣдняя. То же самое наслѣдственное настроеніе народа, заставляющее правительство всѣми возможными средствами усиливать армію, полагаетъ предѣлъ этому усиленію. Чисто народная сила невозможна во Франціи. На сколько французъ вѣренъ правительству какъ солдатъ, на столько же онъ опасенъ для него какъ вооруженный гражданинъ; пока онъ не обратился всецѣло въ солдата, ему нельзя дать ружья въ руки. Еще въ 1866 г., когда это сочиненіе было писано для «Русскаго Вѣстиика» тамъ говорилось: «неизвѣстно на сколько увеличатся силы французовъ ожидаемымъ

преобразованіемъ военнаго положенія; но принимая въ расчетъ историческій, сложившійся въ силу необходимости духъ ихъ военныхъ учрежденій, надо думать, что эти силы не выйдутъ изъ системы постоянной долгосрочной арміи». Такъ и случилось. Соревнованіе съ прусскими положеніями разрѣшилось продолженіемъ срока службы съ 7-ми лѣтъ на 9, что̀ позволяетъ зачислять большее число людей въ резервъ и привести когда нужно всю дѣйствующую армію въ боевой комплектъ. Что же касается до національной гвардіи, остающейся безъ организаціи, то она вовсе не соотвѣтствуетъ ландверу. Она можетъ въ военное время занимать гарнизоны пограничныхъ крѣпостей, что̀ конечно значительно способствуетъ приращенію силы; но главный смыслъ этого учрежденія въ мысли правительства—за это можно поручиться—состоитъ въ томъ, что съ первою войной въ его распоряженіи окажется полмилліона лишнихъ людей для пополненія дѣйствующихъ войскъ или для чего бы ему ни вздумалось; положенія закона не остановятъ: во Франціи le salut public примѣнимъ ко всему и все оправдываетъ. Но одни постоянныя войска, хотя бы содержимыя въ мирное время въ кадрахъ, значительно ограниченныхъ, никогда не могутъ выставить очень высокаго итога силъ относительно, къ населенію страны. Съ переходомъ на военное положеніе французская армія возвышалась на двѣ трети, теперь будетъ возвышаться вдвое, кромѣ національной гвардіи, которая никогда не считалась тамъ самостоятельной силой, вѣроятно и теперь не будетъ считаться такою; между тѣмъ какъ прусская армія увеличивается втрое. По духу военныхъ учрежденій иначе быть не можетъ. Если кадры слишкомъ понизить, изъ арміи выйдетъ народная сила, что̀ не для всѣхъ годится; если содержать ихъ въ такой численности, какая нужна, чтобы не ослабить сословный духъ арміи, никакой бюджетъ не вынесетъ ихъ тягости. Надо имѣть въ виду, кромѣ того, что во Франціи почти половина дѣйствующихъ войскъ употребляется на занятіе гарнизонами городовъ (для Парижа цѣлая армія, для Ліона корпусъ), безъ чего правительство не будетъ обезпечено въ своемъ существованіи двадцать четыре часа. Вооруженные граждане не могутъ исполнять этого назначенія, такъ какъ противъ нихъ-то именно оставляются войска. Алжирія, колоніи требуютъ также войскъ. Изъ 115 пѣхотныхъ полковъ для европейской кампаніи остается только половина. Дѣйствующія силы,

которыми располагала Францiя при сильномъ напряженiи въ 1859 году, составляли 180 тыс. въ Италiи и 50 тыс. на Рейнѣ, всего 230 тысячъ: третью меньше, чѣмъ выставила Пруссiя въ послѣднюю войну. Изъ такого же положенiя возникаетъ духъ, въ которомъ воспитывается французская армiя. Недостатокъ численности обращается въ усиленiе ея внутренняго качества. Правительство желаетъ обособить ее какъ можно болѣе, поддерживая въ ней духъ касты, чему съ своей стороны много способствуютъ военныя преданiя полковъ. Обособить, дѣйствительно, можно только старыя банды; но со времени революцiи гражданскiя, если не политическiя, права французовъ ограждены ненарушимо; срокъ службы опредѣленъ, годовое количество рекрутъ также. Оставалось одно средство—вербовать отставныхъ солдатъ на второй и на третiй сроки; такимъ образомъ полки составляются изъ старыхъ, преданныхъ власти и надежныхъ въ бою кадровъ; а въ пѣхотѣ была бы голова, хвостъ всегда можно придѣлать. Экономическiй бытъ Францiи позволяетъ широко пользоваться этимъ средствомъ. Извѣстно, что въ этой странѣ большинство сельскаго населенiя состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ; сыновья ихъ охотно поступаютъ въ службу и живутъ на счетъ казны, въ ожиданiи наслѣдства. Правительство не обращаетъ никакого вниманiя на декламацiю противъ права выкупа отъ военной службы, ослабляющаго, какъ говорятъ, патрiотическое настроенiе нацiи; ему вовсе не нужна патрiотическая Францiя, ему нужна боевая армiя. Очевидно также, что при господствѣ принциповъ 1789 года, французское офицерство, демократическое въ основанiи, можетъ быть передъ солдатами только чиномъ, а не классомъ; между тѣмъ, безпокойный духъ народа и политическое положенiе страны заставляютъ поддерживать во французской армiи чинопочитанiе еще гораздо болѣе строгое, чѣмъ во всякой другой, правительство достигаетъ этой цѣли, раздѣляя военные чины (солдатъ, унтеръ, оберъ-и штабъ-офицеровъ) по группамъ, между которыми проведена искуственная стѣна. Такъ какъ подъ руками нѣтъ натуральнаго класса офицеровъ, то пришлось создать искуственную офицерскую корпорацiю. При желѣзной внутренней дисциплинѣ, военнымъ дается по отношенiю къ обществу такая воля, такая степень безнаказанности, какъ нигдѣ въ Европѣ; корпоративный духъ армiи заставляетъ всю роту вступаться за своего солдата, а наказывать всю роту, говорятъ

дѣло слишкомъ серіозное. Воспитаніе въ такомъ духѣ, заодно съ народнымъ характеромъ, придаетъ французскимъ солдатамъ свойства наемныхъ бойцовъ, ландскнехтовъ XVI вѣка, дерзость, отвагу, славолюбіе, фанатизмъ къ своему знамени, презрѣніе ко всему не военному. Очевидно, къ Франціи не примѣнимы ни англійскія, ни прусскія военныя учрежденія; первыя лишили бы ее внѣшней силы, вторыя—внутренней опоры. Она должна имѣть свою самостоятельную организацію, сущность которой дана силой вещей, независимо отъ всякой военной теоріи.

Возьмемъ третій примѣръ, Пруссію. Историческій складъ этого государства сказывается въ его военной системѣ еще рѣзче, чѣмъ мы видѣли на примѣрахъ Англіи и Франціи. Пруссія была не національность, даже теперь, еще не совсѣмъ національность; она государство, то-есть, историческая случайность, представляемая династіей и арміей. Національность Пруссіи не въ ней, а внѣ ея, въ большомъ этнографическомъ отдѣлѣ, котораго она составляетъ урывокъ. Однородность огромнаго большинства населенія и хорошія гражданскія учрежденія дали ей, правда, нѣкоторый устой. Но все-таки, относительно исторической крѣпости, Пруссія отличается отъ Австріи только тѣмъ, что та распалась бы безъ всякой боли, между тѣмъ какъ первая чувствовала бы боль въ минуту разрыва, но только въ эту минуту, не долѣе. Еслибы въ послѣднюю войну австрійцамъ удалось рѣшительно взять верхъ, Силезія, прусская Саксонія, рейнскія провинціи стали бы кричать, вѣроятно, ощутили бы какъ ихъ отдираютъ отъ бранденбургской монархіи; но черезъ три года онѣ были бы спокойны, чувствовали бы себя дома подъ другими нѣмецкими правительствами. Гогенцоллернской династіи нужно еще много счастливыхъ годовъ, чтобы сдѣлать изъ своей державы націю. До тѣхъ поръ она остается историческою случайностію, всякая война заставляетъ ее испытывать всѣ шансы, которымъ подлежитъ случайное, политически сколоченное государство, шансы не имѣющіе значенія для государствъ-націй. Съ другой стороны, вокругъ Пруссіи не было до сихъ поръ открытаго политическаго горизонта морей съ хорошими гаванями и полугражданскихъ странъ, вызывающихъ вмѣшательство, а вслѣдствіе того частное столкновеніе съ другими первоклассными державами изъ соперничества. Со времени вѣнскаго конгресса Пруссія въ

первый разъ серіозно вооружилась въ 1866 году, между тѣмъ какъ Россія, Англія, Франція и даже отчасти Австрія, вели въ это время каждая, нѣсколько серіозныхъ войнъ въ Европѣ и внѣ ея. До сихъ поръ Пруссія могла быть вызвана на войну только вопросомъ о существованіи, какъ это и случилось недавно. Война за существованіе, очевидно, дѣло не одного правительства, а всего народа; если между частями государства существуетъ какая-нибудь внутренняя связь, народъ долженъ вставать поголовно при вопросѣ быть или не быть. Войска чисто военныя, каково бы ни было ихъ преимущество, нужны только тому государству, которое, по своему положенію, можетъ быть часто вовлекаемо въ сепаратныя войны, которое вынуждено совершать дальнія экспедиціи. Іенская кампанія открыла Пруссіи глаза. Съ тѣхъ поръ прусская военная система была основана исключительно на поголовномъ ополченіи. Такимъ образомъ государство, составлявшее половину Франціи или Австріи, могло располагать первоклассною по многочисленности арміей, дѣйствующія силы которой дошли въ послѣднее время, черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія войны, до 360.000, то-есть третью болѣе, чѣмъ могла выставить императорская Франція въ 1859 году. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, даже послѣ богемскаго похода, что въ устройствѣ прусской арміи качество пожертвовано количеству; но за то Пруссія съ 1806 года и не предпринимала войнъ иначе, какъ за независимость; а это дѣло исключительное, извращающее во многомъ обыкновенные шансы.

Эти три условія: шаткость государственнаго бытія, не обезпеченнаго явными племенными границами, замкнутое географическое положеніе, обрѣзывающее свободу дѣйствій, и необходимость удержать нечаянно пріобрѣтенный политическій рангъ, заставили Пруссію обратиться въ военный лагерь, основать народную армію. Собственно говоря, народная армія, состоящая не изъ искуственно обособленнаго класса людей, а изъ правильно организованныхъ и обученныхъ земскихъ силъ, можетъ стать безъ труда, при нормальномъ срокѣ службы, очень хорошимъ постояннымъ войскомъ; но Пруссія должна была, по своей исторической задачѣ, располагать первоклассною арміей, стало-быть несоразмѣрно многочисленною въ пропорціи къ населенію. Для этого пришлось проводить черезъ военную школу всѣхъ молодыхъ людей и держать ихъ въ рядахъ не болѣе того, сколько оказывалось необходимо нужнымъ,

чтобъ обучить новобранца употребленію оружія и фронту. При такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы слить полкъ въ одно органическое цѣлое,—первое условіе для качества войска; вся сила арміи заключается только въ томъ, что въ ней остается постояннымъ, то-есть въ офицерахъ и фельдфебеляхъ; масса солдатъ, полученныхъ лишь наружно, вставляется въ эти кадры какъ сырой матеріялъ. Надобно, чтобы въ кадрахъ было военнаго духа столько, чтобъ его стало на всѣхъ. Офицеры обыкновенно воспитываются самою арміей; но тутъ, когда арміи въ мирное время, можно сказать, не было налицо, приходилось образовать такой корпусъ офицеровъ, который самъ по себѣ, съ колыбели, былъ бы исполненъ воинскаго духа въ полномъ смыслѣ слова. Пруссія имѣла для того готовый элементъ въ своемъ мелкопомѣстномъ дворянствѣ, юнкерствѣ, сословіи военномъ и рыцарскомъ испоконъ-вѣку, составляющемъ основу и всю силу ея арміи. Этими людьми, прирожденными солдатами, безусловно преданными династіи, держится все прусское войско *).

Прусскую армію можно опредѣлить такъ: хорошо полученное ополченіе, предводительствуемое наслѣдственно военнымъ и воинственнымъ дворянствомъ. Качество ея не поддается опредѣленію, такъ какъ оно, можно сказать, рождается только съ войной, и духъ ея складывается не въ мирное время, а на самомъ театрѣ войны; какъ хамелеонъ она станетъ и такою, и иною при разныхъ обстоятельствахъ; она будетъ хороша послѣ первыхъ, ничего не рѣшающихъ, еще удачъ, очень слаба послѣ первыхъ неудачъ. Ненормальность качества прусской арміи оказывается уже изъ того, что въ ней, навыворотъ всеобщихъ понятій, лучшими, дѣйствующими войсками бываютъ самыя молодыя, которыя въ другомъ мѣстѣ считались бы почти что рекрутами; чѣмъ прусскій солдатъ старѣе, тѣмъ онъ хуже и тѣмъ болѣе отодвигается въ резервъ, какъ человѣкъ достаточно уже позабывшій ремесло.

Чтобы подобная система, обращающая весь народъ въ войско, была благонадежною системой, не довольно юнкерства: нужны полное довѣріе правительства къ низшимъ классамъ, ограниченная территорія, густое населеніе, хорошія сообщенія,

*) Кромѣ техническихъ частей—артиллеріи и инженеровъ, ничего не значащихъ въ государственномъ строѣ по своей малочисленности.

а еще болѣе того, справедливое, опредѣленное и неуклонное въ своемъ дѣйствіи общественное устройство, позволяющее расписать впередъ мѣсто каждому человѣку и поставить его въ ряды въ короткое время. Ясно, что подобное напряженіе не можетъ продолжаться долго. Призывая въ армію сразу почти все населеніе, способное носить оружіе, Пруссія уподобляется человѣку, выходящему на бой съ однимъ зарядомъ; если онъ не свалитъ противника первымъ выстрѣломъ, онъ останется передъ нимъ безоружнымъ. Очевидно, противъ государства, котораго нельзя свалить разомъ, какъ Франція, не говоря уже о Россіи, прусскій натискъ составляетъ не больше какъ лѣтній ливень, конца котораго можно дождаться подъ первымъ навѣсомъ. Существенно, прусское устройство есть чисто оборонительное; въ одиночку, безъ союзовъ, пруссаки, даже нынѣшніе, могутъ дѣйствовать наступательно только у себя дома, въ малой и великой Германіи. Военная организація, основанная на системѣ ландверовъ, подходила исторически только къ Пруссіи и въ одной Пруссіи осуществилась.

Въ устройствѣ австрійской арміи не можетъ выражаться никакой общественный типъ, за несуществованіемъ такого, но въ немъ выражаются всѣ печальныя условія, которыми обставлено существованіе этой противоестественной монархіи. Австрійское правительство употребило нечеловѣческія усилія, чтобы создать армію, безъ которой оно не могло бы существовать; надо отдать ему справедливость, ни одна военная администрація въ Европѣ не дѣйствовала съ такою неусыпною заботливостію, съ такою послѣдовательностію и съ такимъ пониманіемъ дѣла; ни одна также не достигала такого блестящаго, очевиднаго результата, сравнительно съ трудностями, которыя ей предстояло преодолѣть. *Австрійская* армія, въ полномъ значеніи слова, дѣйствительно существуетъ. Три четверти, если не девять десятыхъ этой арміи, принадлежатъ къ національности императорской портупеи и готовы биться хоть противъ своихъ отцовъ и братьевъ, полковой духъ почти совсѣмъ заглушилъ въ нихъ духъ народный, и это тѣмъ удивительнѣе, что нижніе чины каждаго полка не сбродные (во избѣжаніе вавилонскаго столпотворенія, которое сдѣлало бы невозможнымъ всякое внутреннее управленіе), но одноземцы, набираемые въ особомъ рекрутскомъ округѣ, присвоенномъ каждому полку. Казалось бы, возбужденіе племеннаго духа въ австрійскихъ

народахъ, столь сильное въ нашъ вѣкъ, должно представляться опаснѣе, чѣмъ духъ партій во Франціи и развлекать австрійскія силы еще болѣе, чѣмъ развлекаются французскія; однакожъ нѣтъ. Вѣнское правительство знаетъ, что тутъ идетъ борьба глухая, затяжная, которая не вспыхнетъ разомъ какъ революціонная страсть, борьба опасная во времени, а не въ минутѣ, требующая болѣе полицейскихъ, чѣмъ военныхъ средствъ, и когда приходитъ надобность сосредоточивать войска, смѣло обнажаетъ самыя безпокойныя провинціи. Изъ этого выходитъ, что Австрія изо всѣхъ европейскихъ державъ (кромѣ Россіи, и то Россіи такой, какою она можетъ быть) располагала самою громадною массой дѣйствующихъ силъ, доходившихъ въ послѣднее время почти до 400.000. Конечно, для того, чтобъ имѣть такую армію, она должна довольствоваться очень молодыми войсками, однородными по качеству съ прусскими, такъ какъ солдатъ, вмѣсто узаконеннаго десятилѣтняго срока, въ дѣйствительности служитъ только два года. Тѣмъ не менѣе, съ четырьмя стами тысячъ преданныхъ правительству и дисциплированныхъ дѣйствующихъ войскъ, чего бы нельзя было сдѣлать? Но тутъ выступаетъ наружу вся несостоятельность искуственныхъ комбинацій. Безопасность имперіи не позволяетъ формировать полковъ вполнѣ національныхъ, по офицерамъ и солдатамъ; офицеры набираются изъ всего дворянства Австріи и Германіи; они не понимаютъ своихъ солдатъ и объясняются съ ними черезъ унтеръ офицеровъ, которые должны быть, для производства въ это званіе, онѣмечены до извѣстной степени. Австрійская армія состоитъ такимъ образомъ изъ трехъ разнородныхъ пластовъ, связанныхъ между собою только механически. Неутомимыми стараніями правительство совершило чудо: вселило въ эту пеструю массу такое чувство военнаго долга, что армія составляетъ для нихъ второе, или скорѣе первое отечество. Пока умы въ спокойномъ состояніи и существуетъ порядокъ, австрійская армія ведетъ себя превосходно. Но представьте себѣ первый безпорядокъ отъ частной неудачи, а частныя неудачи сопровождаютъ на войнѣ даже побѣдителя,—въ полку происходитъ вавилонское смѣшеніе, всякая нравственная связь между совершенно чуждыми одни другимъ начальниками и подчиненными уничтожается или, лучше сказать, внезапно обнаруживается всегдашнее отсутствіе ея, и армія, не смотря на свои солидныя качества, терпитъ ката-

строфу. Военная закваска габсбургскихъ полковъ такъ хороша, что ихъ скоро можно переустроить и вновь вести въ дѣло, но все-таки не на полѣ сраженія, а участь дня уже рѣшена. Въ австрійской арміи вполнѣ выражаются свойства слишкомъ сложныхъ химическихъ соединеній; красивыя на видъ и прочныя въ благопріятныхъ условіяхъ, они разлагаются при малѣйшемъ нарушеніи равновѣсія.

Изъ этого бѣглаго очерка военнаго устройства четырехъ главныхъ государствъ Европы видно, что ни одно изъ нихъ не руководствовалось, и не могло руководствоваться въ этомъ дѣлѣ теоріей; организація арміи вездѣ истекала изъ самого положенія вещей, была вопросомъ преимущественно политическимъ и соціяльнымъ. Но затѣмъ военному министерству оставалась еще роль чрезвычайно важная, распредѣлить ввѣренныя ему силы по ихъ свойствамъ, вѣрно понятымъ, и подготовить ихъ наилучшимъ образомъ въ виду современныхъ потребностей военнаго дѣла. Могущество государства зависитъ по крайней мѣрѣ на половину отъ этихъ послѣднихъ условій.

Со времени Петра Великаго до нынѣшняго царствованія. наша Россія, одна въ цѣломъ свѣтѣ, не имѣла своей собственной, выработанной жизнію военной системы и жила подражаніемъ. Конечно, и наши военныя учрежденія не были совсѣмъ произвольны; они зависѣли, и зависѣли довольно тѣсно, отъ мѣстныхъ условій, напримѣръ, отъ крѣпостнаго права; но вліяніе этихъ условій выражалось только отрицательно, тѣмъ что не стѣсняли кругъ дѣйствій военной администраціи, не давали ей развернуться свободно. Положительнаго вліянія они не имѣли. Гдѣ только военное управленіе располагало свободой дѣйствій, оно не обращало вниманія на самыя существенныя черты народной личности. Идеалы нашихъ организаторовъ были постоянно нерусскіе, заимствованные, и притомъ по большей части заимствованные изъ сомнительныхъ источниковъ, напримѣръ старопрусскаго; оттуда пришла къ намъ фридриховская школа, бившаяся столько лѣтъ, чтобъ обратить русскихъ солдатъ—въ кого? въ пруссаковъ іенской компаніи, такъ какъ у насъ именно подражали не пруссакамъ новѣйшимъ, а старымъ пруссакамъ, такъ блистательно покончившимъ свои дѣла. И не только воспитаніе войскъ, вся наша военная организація была взята цѣликомъ съ чужаго образца, почти безъ всякаго примѣненія къ средѣ, въ которую переносилась. Отсутствіе

установленныхъ началъ въ управленіи военною частію доходило до того, что не дальше какъ полвѣка тому назадъ, Аракчеевъ могъ предпринять—устроить русское войско наперекоръ двумъ и болѣе тысячамъ лѣтъ исторіи, по образцу древнихъ египтянъ и мидянъ и основать наслѣдственную военную касту.

Такая странность объясняется двумя причинами. Вопервыхъ, то же самое у насъ дѣлалось во всемъ. Чтобъ указать на одинъ примѣръ изъ тысячи, возьмемъ городовое положеніе съ его думами и магистратами; оно было дано какъ право, почти какъ привилегія, но въ такой мѣрѣ прилажено къ жизни, что одаренные имъ граждане, отлично понимавшіе практическій ходъ этого дѣла, откупались отъ своей привилегіи какъ отъ рекрутскаго набора. Это городовое положеніе было совершенно тѣмъ же въ гражданскомъ строѣ русской жизни, чѣмъ фридриховская школа, напримѣръ, въ военномъ. Въ продолженіи полутораста лѣтъ продолжалось перевоспитаніе русскаго народа; можно сказать, продолжалась сама петровская реформа. Недавнее время, когда окончился этотъ воспитательный періодъ, отрѣзано какъ ножемъ въ нашей исторіи, всякій это видитъ; съ тѣмъ вмѣстѣ пришелъ конецъ и магистратамъ, и фридриховской школѣ. Вторая причина, почему Россія могла такъ долго жить съ произвольною, не руководимою никакимъ принципомъ военною администраціей, заключается въ томъ, что при малой пропорціи вооруженныхъ силъ государства къ итогу населенія, стоявшей до 1812 года гораздо ниже, чѣмъ въ остальной Европѣ, *) этой администраціи былъ просторъ; не требуя отъ государства, съ переходомъ на военное положеніе всего что̀ государство можетъ дать, она не была вынуждена необходимостію управлять со статистикой и этнографіей въ рукахъ. Съ 1812 года наша армія разрослась, но не собственно армія, понимая подъ этимъ названіемъ силы дѣйствительно противопоставляемыя врагу, а недѣйствующая, мертвая часть арміи, относящаяся къ ея живой части, какъ зарытый въ землѣ фундаментъ дома относится къ его жилымъ комнатамъ. Тогда отсутствіе твердыхъ началъ, произвольность воен-

*) Пусть читатели вспомнятъ, какъ недостаточны и несоотвѣтственны распространенному о насъ въ Европѣ мнѣнію были силы, выставленныя Россіей противъ Наполеона въ 1805—1807 годахъ, такъ же какъ и въ тогдашней турецкой войнѣ.

ныхъ учрежденій и подражаніе неподходящимъ образцамъ стали живо чувствоваться въ государственномъ строѣ и въ народной экономіи. Постоянная милліонная армія съ 25-ти-лѣтнимъ срокомъ службы, въ которой подвижныхъ войскъ было не болѣе какъ на половину, которая, забирая цѣлыя поколѣнія, никогда не возвращала ихъ назадъ, обращая въ военно-потомственное сословіе всякаго человѣка, котораго прикасалась, стала дѣйствительно бременемъ. Она истощала народъ гораздо въ высшей степени, чѣмъ могла защищать его. Это ненормальное положеніе дѣла разрѣшилось всѣмъ памятною катострофой: на второй годъ восточной войны у насъ состояло 2.230.000 людей на казенномъ пайкѣ, а подъ Севастополемъ, гдѣ рѣшалась участь гигантской борьбы, едва ли было на лицо въ рядахъ болѣе ста тысячъ штыковъ. Половина вины въ этомъ случаѣ можетъ пасть на бездорожье и спѣшность вооруженій, потребность которыхъ не предвидѣли заранѣе; другая половина падаетъ на тогдашнюю систему, или, лучше сказать, безсистемность военныхъ учрежденій.

Не надо, впрочемъ, смѣшивать вещей. До 19-го февраля 1861 года русская военная администрація не была свободна въ своихъ дѣйствіяхъ. При крѣпостномъ правѣ не могло быть хорошей военной организаціи, Когда уже вся Европа, кромѣ Англіи, приняла въ томъ или другомъ видѣ систему запасныхъ войскъ, давшую ей средство быть одинаково экономною въ мирное время и грозно вооруженною въ военное, это учрежденіе, коренная черта новѣйшаго времени, не могло ни широко развиться, ни оказаться столь же благонадежнымъ въ Россіи; тѣмъ самымъ уже мы сильно отставали въ своемъ могуществѣ. При крѣпостномъ правѣ, всякій поступающій въ солдаты становился вольнымъ, а потому нельзя было безъ потрясенія всего общественнаго склада, пропускать слишкомъ много людей черезъ военную службу, имѣть въ спискахъ мирнаго времени все количество солдатъ нужныхъ для войны; только въ виду государственной опасности правительство могло прибѣгать къ чрезвычайной мѣрѣ—неограниченнымъ рекрутскимъ наборамъ. Но тогда, чтобъ употребить въ дѣло эту массу людей, приходилось формировать новыя части, для которыхъ не было на лицо ни кадровъ, ни офицеровъ, ни матеріяльныхъ запасовъ; требовался длинный рядъ самыхъ сложныхъ мѣръ, приводившій неизмѣнно къ величайшей суматохѣ въ арміи, съ невозна-

градимой потерей времени, а результатъ выходилъ только тотъ, что на содержаніе казны поступало нѣсколько сотъ тысячъ полуобученныхъ солдатъ, способныхъ занимать внутренніе гарнизоны, но не способныхъ вести войну, особенно наступательную. Въ итогѣ силы государства состояли изъ одной массы постоянныхъ войскъ, которую никакимъ средствомъ нельзя было довести до того, чтобъ она соотвѣтствовала потребностямъ военнаго времени, въ виду новаго устройства европейскихъ силъ. Покойный государь сдѣлалъ все что могъ, чтобъ исправить этотъ неисправимый недостатокъ тогдашняго общественнаго устройства,—онъ учредилъ безсрочно-отпускныхъ, хотя всѣ тогда были противъ этой мѣры, но не могъ преодолѣть препятствій, заключавшихся въ самой природѣ вещей. Во первыхъ, все-таки нельзя было много увеличить число военныхъ частей, значительно въ то же время сокративъ ихъ численность по мирному положенію; пришлось бы призывать ежегодно слишкомъ много рекрутъ, то-есть освобождать слишкомъ много крѣпостныхъ. Во-вторыхъ, при порядкѣ тогдашней службы, поглощавшей человѣка на вѣкъ, съ перспективой весьма незавидной участи, солдатъ оставался солдатомъ только подъ вліяніемъ привычки и сейчасъ же переставалъ быть имъ, по крайней мѣрѣ нравственно, какъ только выходилъ на волю; вновь призываемые на службу безсрочные оказывались во всѣхъ отношеніяхъ хуже рекрутъ и не исправлялись уже никогда, а потому были весьма плохимъ военнымъ подспорьемъ. Пока продолжалось крѣпостное право, можно было разсчитывать вѣрно только на дѣйствующія войска.

Вліяніе крѣпостнаго права не ограничивалось однимъ этимъ. Подчиняя неволѣ слишкомъ двадцать милліоновъ людей, разбросанныхъ по всему пространству Россіи, оно заставляло въ то же время держать во внутреннихъ губерніяхъ грозную силу для предупрежденія всякаго движенія и такимъ образомъ ослабляло боевую силу государства массой людей, хотя вооруженныхъ, но вооруженныхъ не противъ внѣшняго врага. До крымской войны численность всей внутренней стражи, подъ разными наименованіями, простиралась до 180 тысячъ. Если вспомнить при томъ, что у насъ почти все нужное для арміи дѣлалось тогда арміей же, людьми подъ военнымъ мундиромъ; что̀ всякій солдатскій сынъ поступалъ съ дѣтскаго возраста на казенное содержаніе; если исчислить всю массу резервовъ,

всевозможныхъ нестроевыхъ командъ, военныя поселенія, то не кажется удивительнымъ, что изъ милліона людей, находившихся подъ названіемъ войска на казенныхъ пайкахъ, Россія могла выставить дѣйствительно военныхъ, дѣйствующихъ войскъ, не болѣе, если не менѣе, всякой первоклассной державы. При несоразмѣрномъ протяженіи нашихъ предѣловъ, сколько же оставалось ихъ для дѣйствующихъ армій, по которымъ исчисляется внѣшняя сила государствъ? Наша военная организація оставалась въ сущности организаціей XVIII вѣка, не измѣнившись въ своихъ основныхъ чертахъ, между тѣмъ какъ вся Европа жила уже давно въ полномъ XIX столѣтіи. Въ этомъ положеніи дѣла застала насъ восточная война.

Общее преобразованіе нашихъ военныхъ учрежденій, начавшееся съ 1861 года, справедливо можетъ быть названо *девятнадцатымъ февраля* русской арміи.

Во-первыхъ, она дѣйствительно была во многомъ послѣдствіемъ 19-го февраля. Нельзя оставаться при крѣпостной арміи посреди освобожденнаго народа. Когда разъ воля состоялась, надобно было немедленно провести въ армію новыя права русскаго человѣка. Нынѣшнее военное министерство руководилось мыслію Освободителя и исполнило эту задачу, съ твердостію и послѣдовательностію, увѣковѣчивающими его имя; тѣмъ болѣе, что военная реформа служитъ у насъ не только дополненіемъ, но обезпеченіемъ гражданской. Если разныя подробности новыхъ положеній, на счетъ которыхъ только опытъ произнесетъ окончательный приговоръ, могутъ вызывать возраженія, то самый духъ положеній не подлежитъ никакому спору. Во-вторыхъ, съ чисто военной точки зрѣнія, значеніе послѣднихъ преобразованій также велико. Главное сдѣлано — наша военная система содвинута съ прежнихъ основаній. Вмѣсто постоянной, всегда содержимой въ комплектѣ дѣйствующей арміи, и резервовъ, создаваемыхъ на время войны изъ безсрочныхъ и рекрутъ, у насъ существуетъ теперь, какъ вездѣ армія съ подвижнымъ, произвольно растяжимымъ наличнымъ составомъ, которую можно низводить по мѣрѣ надобности до однихъ кадровъ и постепенно повышать до комплекта. Безсрочно-отпускные, вмѣсто того, чтобъ формироваться въ новыя части, служатъ только для пополненія арміи. Когда принято такое основаніе, то дальнѣйшее развитіе военной организаціи, сообразно съ потребностями времени, составляетъ уже вопросъ

подробностей, а не сущности дѣла, какъ было прежде. Главная заслуга совершеннаго преобразованія состоитъ въ томъ, что оно одинаково раскрываетъ дверь будущимъ какъ и насущнымъ потребностямъ, равно облегчая удовлетвореніе ихъ.

Нынѣшніе размѣры вооруженія главныхъ европейскихъ государствъ стали таковы, что прежняя система постоянныхъ войскъ пополняемыхъ съ переходомъ на военное положеніе рекрутами, оказалась совершенно недостаточною. А потому каждому пришлось сообразоваться съ общею системой и располагать такою же относительною силой, какъ непріятель, по разсчету населенія. Ясно, что въ каждую строевую единицу, особенно пѣхотную, можно разомъ ввести большое число новыхъ солдатъ, не разрушая тѣмъ сложившагося въ ней характера и не понижая ея боевыхъ качествъ. Характеръ каждаго человѣческаго общества, большаго и маленькаго, выражается преимущественно въ личностяхъ, за которыми признается нѣкоторая доля авторитета; а такъ какъ хозяевами въ военной части бываютъ натурально люди, составляющіе ея кадры, и такъ какъ всякій новичокъ невольно преклоняется предъ ихъ авторитетомъ, то закалъ ихъ сейчасъ же распространяется на вновь поступившихъ; надобно только, чтобъ эти вновь поступающіе были уже предварительно подучены строю и владѣнію оружіемъ, такъ какъ самой арміи, переходящей на военное положеніе, некогда ихъ учить. Опытъ доказалъ, что части можно расширять и сокращать по произволу, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, безъ вреда ихъ качеству. Но совсѣмъ другое дѣло формировать новыя части, особенно передъ войной, когда приходится вдругъ и спѣшно образовать множество частей: тутъ что ни шагъ, то затрудненіе. Изъ всѣхъ подобныхъ импровизацій удалось только одна, созданіе французской арміи весной 1813 года. Для успѣха ея нуженъ былъ геній Наполеона и чрезвычайное обиліе военныхъ элементовъ въ тогдашней Франціи, столько лѣтъ уже обращенной въ военный станъ; результатомъ же ея были все-таки весьма посредственныя войска. Прочія попытки этого рода кончались всегда тѣмъ, что на иждивеніе государства поступало безчисленное множество людей, а настоящаго войска не было. Мы достаточно испытали подобный примѣръ надъ собой во время восточной войны.

На основаніи этихъ безспорныхъ истинъ совершено было

преобразованіе нашей арміи въ 1863 году. Въ основаніе его положены два правила: 1) съ переходомъ изъ мирнаго положенія въ военное, никакой части дѣйствующихъ войскъ не формировать вновь, а только приводить въ комплектъ существующія части; 2) пополнять войска не иначе какъ обученными людьми, и для того имѣть въ запасѣ полное количество безсрочно-отпускныхъ, составляющее разницу между мирнымъ и военнымъ положеніемъ. Пополненіе производить постепенно, переходя отъ низшей, узаконенной численности частей, къ высшей. Даже въ мирное время не ставить въ дѣйствующія войска неприготовленныхъ рекрутъ, а предварительно обучать ихъ въ резервныхъ батальонахъ. Матеріальные запасы по боевому итогу войскъ должны, разумѣется, всегда находиться въ наличности.

Имѣя подъ рукой полное количество безсрочно-отпускныхъ для укомплектованія арміи, можно было значительно сократить численность людей въ каждой строевой единицѣ, а вслѣдствіе того, оставляя тотъ же итогъ людей въ арміи по мирному положенію, раздѣлить ее на значительно большое число этихъ строевыхъ единицъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ 28-ми пѣхотныхъ дивизій, наши дѣйствующія силы возвысились до 47-ми дивизій, то-есть къ нимъ прибавилось 19 новыхъ дивизій, равныхъ численностью всей прусской арміи (безъ ландвера), очевидно, это приращеніе усилило могущество Россіи въ наступательной войнѣ, нисколько не обременяя ея финансовъ. Для постепенности перехода съ мирнаго положенія на военное, а также и для внутреннихъ потребностей, которыя всегда надо имѣть въ виду въ такомъ обширномъ государствѣ, установлены для батальона, имѣющаго около тысячи человѣкъ комплекта, три степени численности въ 220, 500 и 680 человѣкъ. Вслѣдствіе того, съ водвореніемъ полнаго спокойствія извнѣ и внутри русская пѣхота можетъ быть сокращена въ одну треть своего боеваго комплекта; передъ войной же она будетъ пополняться не вдругъ, какъ бывало прежде, а постепенно, возводя части отъ низшаго состава къ высшему, отчетливо устраивая ихъ на каждой ступени, чтобъ избѣжать суматохи, неразлучной съ внезапнымъ приливомъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей. Въ нынешнемъ вѣкѣ намъ приходилось уже нѣсколько разъ готовиться къ войнѣ, до которой въ дѣйствительности не доходило; въ такомъ случаѣ наши вооруженія будутъ теперь

подвигаться постепенно, сообразуясь съ мѣрой опасности; мы можемъ быть готовы къ столкновенію, когда оно станетъ неизбѣжнымъ, не доводя безвременно напряженіе силъ и расходовъ до конца. Для пополненія убыли въ войскахъ приготовленными людьми, а не сырымъ матеріаломъ, составляющимъ силу только на бумагѣ, сформированы резервные баталіоны, эскадроны и батареи, въ которыхъ рекруты должны подучаться предварительно до поступленія въ дѣйствующія части. Очевидно мы сдѣлали большой шагъ впередъ въ развитіи національнаго могущества. Еслибъ нынѣшняя организація существовала у насъ во время восточной войны, мы стояли бы на одной ногѣ съ противниками; но съ тѣхъ поръ Европа снова далеко ушла впередъ.

Со времени восточной войны, въ десять лѣтъ, пока Россія напряженно трудилась надъ своимъ внутреннимъ преобразованіемъ, Европа приняла совершенно новый видъ. На нашихъ глазахъ рушилось не только положеніе дѣлъ, созданное вѣнкимъ конгрессомъ, но и вся политическая система, установленная вестфальскимъ миромъ; кончилась Европа, какою знали ее не только мы, но наши прадѣды и прапрадѣды. Сумма европейскихъ силъ чрезвычайно возросла, распредѣленіе ихъ стало совсѣмъ инымъ. Вмѣсто трехъ первоклассныхъ и одной полупервоклассной державы (Пруссіи), составлявшихъ такъ долго вмѣстѣ съ Россіей всю политическую систему міра, возникли шесть въ полномъ смыслѣ слова первостепенныхъ государстъ: Англія, Франція, Германія, Австрія, Италія и Соединенные Штаты. Силы Германіи и Италіи, прежде все равно какъ бы не существовавшія въ общемъ итогѣ, вносятъ теперь въ политическое равновѣсіе міра полмилліона никогда не слыханнымъ доселѣ дѣйствующихъ войскъ, а съ Соединенными Штатами этого приращенія нельзя даже исчислить.

Новое распредѣленіе силъ ставитъ насъ совсѣмъ въ другое положеніе чѣмъ то было прежде.

Въ разсчетѣ войны надобно принимать въ соображеніе только арміи первоклассныхъ державъ; остальныя, многочисленныя въ итогѣ, въ дѣйствительности очень мало значитъ, еще недавно всѣ видѣли, на сколько силы германскаго союза, дѣйствовавшаго, казалось, единодушно, помогли Австріи. Полевыя находящіяся на лицо въ предѣлахъ Европы арміи первоклас-

сныхъ государствъ, составляли въ 1853 году по военному положенію приблизительно: *)

Англійская армія	50.000
Французская армія	330.000
Австрійская армія	380.000
Прусская армія	280.000
	1.040.000
Русская армія (безъ кавказской и казаковъ)	470.000

Русская армія относилась къ итогу прочихъ первоклассныхъ армій, какъ 1:2¹/₄.

Нынѣ эта пропорція слѣдующая:

Армія англійская	72.000
» французская	480.000
» итальянская	300.000
» сѣверо-германскаго союза	507.000
» австрійская	485.000
	1.844.000
Армія русская (не считая 6 дивизій на Кавказѣ)	650.000

Но этотъ расчетъ еще не даетъ точнаго понатія объ относительномъ могуществѣ державъ, если не принять въ соображеніе массы внутреннихъ войскъ, состоящихъ за дѣйствующею арміею, такъ какъ изъ этой массы значительныя силы могутъ въ случаѣ крайности принять прямо или косвенно участіе въ дѣйствіяхъ. Кромѣ тѣхъ внутреннихъ войскъ, которыя могутъ быть обращены въ подвижныя, надобно также приложить къ дѣйствующей силѣ по крайней мѣрѣ резервы, занимающіе крѣпости, нѣкоторыя границы и проч. иначе пришлось бы отдѣлить на этотъ предметъ часть дѣйствующей арміи. Съ этими вспомогательными средствами могущество государствъ выражается слѣдующимъ образомъ (мы не принимаемъ въ разсчетъ запасныхъ войскъ, служащихъ единственно для обученія рекрутъ, т. е. для комплектованія арміи).

---

*) Исчислены всѣ полевыя войска, снабженныя обозомъ, а не тѣ только, которыя государство могло вывести за границу, и притомъ по списочному состоянію.

	Дѣйст. войск.	Резервъ.	
Англія	72.000	120.000	милиціи и кромѣ того волонтеры.
Франція	480.000	400.000	національной гвардіи положимъ дѣйствительно хоть 200.000
Италія	300.000	—	
Сѣверо-Германскій союзъ	507.000	200.000	ландвера, кромѣ запасныхъ войскъ.
Австрія	485.000	150.000	5-хъ и 6-хъ батальоновъ, пограничныхъ войскъ волонтеровъ; кромѣ 4-хъ бат. запас.
Россія	650.000	—	кромѣ 13 крѣпостныхъ батальоновъ ничего

Десять лѣтъ тому назадъ дѣйствующія русскія силы составляли почти половину суммы первокласныхъ европейскихъ армій, теперь онѣ составляютъ треть ихъ; считая же резервы (имѣющіе свое назначеніе на войнѣ), которыхъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, наши силы составляютъ лишь пятую часть противъ суммы пяти главныхъ державъ. Такая разница произошла сколько отъ политическихъ перемѣнъ, столько и отъ преобразованія военной организаціи на западѣ.

Умаленіе одиночной силы, сравнительно съ суммой европейскихъ силъ, отзывается, конечно, на всякомъ другомъ государствѣ; но значеніе это тамъ иное. Во-первыхъ, каждая изъ старыхъ державъ Европы, кромѣ одной Австріи, пріобрѣла какія-нибудь значительныя выгоды въ этомъ вихрѣ событій. Сплоченіе Германіи, уединяя въ нѣкоторомъ отношеніи латинскую расу, можетъ тѣснѣе сплотить ее около Франціи, къ приращенію могущества этой націи, захватившей уже заблаговременно Ниццу и Савоію, простирающей, можетъ быть, свои виды на Бельгію. Пруссія стала великою державой. Англія пріобрѣтаетъ въ новой нѣмецкой имперіи такой устой для своей политики, который въ высшей степени развязываетъ ей руки, разъединяя опасныхъ для нея противниковъ. Даже Австрія утратила однѣ мечты, конечно очень розовыя, но потерпѣла мало ущерба въ дѣйствительности. Только Россія несетъ на себѣ невыгодныя послѣдствія европейскаго переворота. Въ

освобожденія Италіи мы проиграли тѣмъ, что къ лагерю, конечно не дружественному, прибавилась двухъ-сотъ-тысячная армія; въ объединеніи Германіи потеряли ненарушимый прусскій союзъ, прикрывавшій половину нашей западной границы, потеряли обезпеченность будущаго съ этой стороны и утратили свое исключительное положеніе на Балтійскомъ морѣ; пораженіе Австріи, задвинутой теперь стѣной отъ остальной Европы, оставленной съ нами съ глазу на глазъ, можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что сдѣлаетъ любезныя отношенія 1854 года съ этою державой постоянными. Далѣе, кромѣ неблагопріятнаго для насъ передѣла, западная Европа еще подвинулась къ намъ такъ близко, какъ никогда прежде не бывало, забирая въ свои руки дѣла, остававшіяся чуждыми ей до послѣдняго времени. Не говоря уже о дипломатическомъ походѣ за Польшу, во время восточной войны была рѣчь о Финляндіи. Румынскія княжества и христіанскія населенія Турціи приняты подъ европейскую опеку, а въ интимныхъ дипломатическихъ кружкахъ былъ возбужденъ даже вопросъ о Кавказѣ; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ фантазіи нѣкоторыхъ дипломатовъ этотъ уголъ русскихъ владѣній до сихъ поръ еще представляется средствомъ вознагражденія Турціи, въ случаѣ какихъ-либо комбинацій. Наконецъ, на сколько бы не измѣнилось отношеніе силы того или другаго государства западной Европы къ общей суммѣ ея силъ, для нихъ это дѣло совсѣмъ иное чѣмъ для насъ. У нихъ идетъ споръ между своими, у насъ онъ идетъ съ чужими. Наше положеніе совершенно исключительное. Хотя великія западныя державы обрѣзываютъ, не церемонясь, когда смогутъ, одна другую, но существованіе каждой изъ нихъ, даже существованіе въ нормальной силѣ, за нею признанной, обезпечено всею Европой. Это обезпеченіе нисколько не простирается на насъ. Если бы можно было лишить Россію ея европейскаго положенія, отрѣзать ее отъ морей, забросить ее даже за Москву, многіе были бы рады содѣйствовать такому счастливому событію, а изъ прочихъ никто бы о насъ не потужилъ, не написалъ бы ни одной дипломатической ноты въ нашу пользу. Сочувствуя намъ въ 1812 году, Европа сочувствовала только себѣ, своему безпомощному положенію передъ Наполеономъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ душѣ, въ общественномъ настроеніи, независимо отъ дипломатическихъ интересовъ, западная Европа

въ общей массѣ намъ враждебна. Эта враждебность происходитъ не отъ той или другой политической системы русскаго правительства, но отъ самой сущности вещей, отъ недовѣрія къ новому, чуждому, слишкомъ многочисленному, внезапно появившемуся на ея рубежѣ народу, съ его безпредѣльнымъ государствомъ, чуждымъ ея преданіямъ, гдѣ многіе основные общественные вопросы понимаются иначе, чѣмъ въ ней, гдѣ вся масса народа надѣлена землей, гдѣ исповѣдуется религія, сто разъ опаснѣйшая для папства, чѣмъ само протестантство, религія, отрицающая вмѣстѣ то и другое. Оказалось въ добавокъ, что это нежданное-негаданное государство окружено родственными ему стихіями, славянскими и православными, которыя западная Европа считала уже своею добычей, которыя она бы непремѣнно съ теченіемъ времени покорила до послѣдней деревни, сростила бы съ собою и совратила изъ вѣры отцовъ, еслибъ ихъ усыпавшее сознаніе не было вдругъ пробуждено выросшею будто изъ-подъ земли православно-славянскою имперіей. Что бы мы ни дѣлали, мы никогда не заставимъ полуфеодальную и полуреволюціонную Европу искренно признать своими людей чуждыхъ ей отъ самой колыбели. Что бы мы ни дѣлали мы никогда не разувѣримъ ее на счетъ пугающаго ее призрака, не разувѣримъ по той простой причинѣ, что мы сильно растемъ каждый день и сами себя еще не знаемъ, что мы никакимъ образомъ не можемъ ручаться ни за себя, какъ будемъ мы думать о православныхъ и славянскихъ дѣлахъ черезъ нѣсколько лѣтъ, ни тѣмъ болѣе за дѣтей своихъ. Естественныя влеченія сказались и уясняются съ каждымъ годомъ. Съ того часа какъ передъ глазами не совсѣмъ еще задавленныхъ славянъ и православныхъ поднялась на горизонтѣ Европы могущественная Россія, исчезла всякая надежда окончательно онѣмечить первыхъ и окатоличить вторыхъ. Теперь уже никакія человѣческія усилія не упразднятъ великаго вопроса, онъ будетъ стоять въ этомъ видѣ хотя бы цѣлое столѣтіе, дожидаясь естественнаго разрѣшенія. Заинтересованные никогда не добьются этого разрѣшенія собственными силами. Оно зависитъ прямо отъ единственнаго сочувствующаго имъ народа, населеніе котораго ежегодно возрастаетъ на милліонъ. Западныя державы считаютъ насъ всѣхъ русскихъ и нерусскихъ славянъ и православныхъ, чужими людьми, не прощаютъ намъ смущенія, внесеннаго внезапно въ исторію

Европы и никогда не встрѣтятъ дружелюбно никакого успѣха съ нашей стороны, ни внѣшняго, ни внутренняго. Кажется, изъ всего совершившагося въ послѣднія двадцать лѣтъ видно достаточно ясно, что онѣ берегутъ для себя свои завѣтные принципы права, свободы и національности и не считаютъ нужнымъ распространять ихъ на насъ, славянъ и православныхъ; Греція для нихъ не то, что Италія, и славяне не то, что нѣмцы или даже мадъяры.

Послѣ того какъ Россія разрушила Польшу и побѣдила Турцію, со дня вступленія на престолъ Павла до дня вступленія Александра II, мы отсрочивали открытое соперничество съ Европой только тѣмъ, что, можно сказать, пошли къ ней въ службу, оградили себя союзомъ, принявшимъ впослѣдствіи имя священнаго, стушевались за нимъ, пожертвовали всѣми національными интересами, едва не перестали быть политически русскими. Но съ тѣхъ поръ какъ Россія вновь стала Россіей подъ державой Александра II, она скинула, нечувствительно для самой себя, эту обременительную маску и потому должна быть готова ко всѣмъ послѣдствіямъ признанія своей исторической личности. Конечно, мы можемъ и теперь какъ прежде, имѣть на западѣ Европы союзниковъ, но должны знать заранѣе, что эти союзники, сошедшіеся съ нами на одинъ данный случай, будутъ во всемъ остальномъ смотрѣть на насъ тѣми же глазами какъ и враги. Намъ приходится полагаться только на себя несравненно болѣе, чѣмъ всякому европейскому народу, всегда находящему сочувственную себѣ группу. Сочувственныя намъ группы существуютъ въ Европѣ, но не располагаютъ своими силами; силы ихъ находятся въ распоряженіи у недруговъ. Нужны большіе перевороты для того, чтобы мы, русскіе, могли выйдти изъ нашего одиночества и жить не особнякомъ, но посреди сочувственной свободной семьи. Безъ сомнѣнія, современное положеніе Россіи, стоящей въ одиночествѣ, болѣе богато будущимъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе достойно, чѣмъ лицемѣрное сотоварищество Священнаго Союза, но нѣтъ сомнѣнія также, что оно полно угрозъ и требуетъ сознательной увѣренности въ себѣ отъ общества какъ и отъ власти. Русскіе люди, искренно желающіе отечеству мира и процвѣтанія, должны или закрыть глаза передъ дѣйствительностью, или сознать, что благодѣяніе прочнаго мира мо-

жетъ быть куплено только непоколебимостью народнаго характера.

Несмотря на возможность всякихъ политическихъ сочетаній, каждое государство знаетъ приблизительно силы, съ которыми оно можетъ встрѣтиться. Всякій знаетъ своихъ возможныхъ враговъ и разсчитываетъ свои силы въ этой пропорціи. Не будучи пророкомъ, можно сказать навѣрное, на много лѣтъ впередъ, съ кѣмъ каждое первоклассное европейское государство можетъ завести войну и съ кѣмъ оно не будетъ ея имѣть. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, наше положеніе опредѣлено гораздо менѣе другихъ. У насъ нѣтъ друзей, хотя могутъ быть компаніоны въ выгодномъ предпріятіи; врагами нашими могутъ очутиться по очереди всѣ европейскіе народы. Единственная опредѣленность въ нашемъ международномъ положеніи состоитъ только въ увѣренности, что мы никогда не будемъ имѣть сепаратной войны, одиночнаго поединка — какой былъ у Австріи съ Франціей, у Австріи съ Пруссіей и т. д. Россія слишкомъ сильна, и послѣдствія пораженія съ нашей и съ противной стороны слишкомъ не равны, чтобы кто-нибудь вышелъ на насъ одинъ на одинъ. Мы знаемъ съ точностью лишь то, что когда намъ придется мѣряться съ кѣмъ-либо силами, противникомъ нашимъ будетъ не нація, а большой союзъ. Три года тому назадъ, на насъ чуть не обрушилась вся Европа, безъ всякаго вызова съ нашей стороны; волей или неволей мы бы должны были ее встрѣтить. Съ тѣхъ поръ какъ Россія стала становиться русскою, мы всегда должны быть готовы къ такому обороту дѣлъ, полагаясь только на себя.

Государство въ восемьдесятъ милліоновъ жителей, изъ которыхъ четыре пятыхъ составляютъ одно племя и живутъ однимъ сердцемъ, никогда не можетъ быть побѣждено безвозвратно. Завтрашній день всегда ему принадлежитъ. Чѣмъ бы не разыгралось нынѣшнее, дѣйствительно смутное и неблагопріятное для насъ положеніе европейскихъ дѣлъ, мы можемъ спокойно ждать событій. Несмотря на временныя затрудненія, нравственныя и матеріяльныя силы нынѣшней Россіи неизмѣримо велики, не то что въ 1853 году. Надобно только, чтобы силы эти не оставались силами стихійными, чтобы къ нимъ прибѣгали не въ самую минуту крайности, когда изъ нѣдръ народа можно почерпнуть только сырой матеріялъ,

чтобъ онѣ были признаны и распредѣлены заранѣе, были бы организованы постоянно. Россія слишкомъ сильна, чтобы кто-нибудь вышелъ на одиночную борьбу съ ней; на насъ можетъ подняться, намъ можетъ заступить дорогу только большой европейскій союзъ; русскія силы на военномъ положеніи должны быть расчитаны по этой мѣркѣ, иначе онѣ опять окажутся недостаточными. Притомъ, раньше ли, позже ли наступитъ рѣшительная минута, но когда она наступитъ, дѣйствующія войска, какъ и въ восточную войну, будутъ имѣть свое особое назначеніе, далеко не обнимающее всѣхъ потребностей обороны нашихъ безконечныхъ предѣловъ и подержанія великанской борьбы; какъ и въ тотъ разъ, придется вставать самой Россіи съ ея народными силами, придется вызвать итогъ ея военныхъ элементовъ во всемъ ихъ разнообразіи. Гораздо вѣрнѣе распредѣлить ихъ своевременно. Государство, какъ и отдѣльный человѣкъ, можетъ выказать только ту степень своей природной силы, какую развило въ немъ упражненіе; оно должно сознательно овладѣть ею. Нынѣшнія военныя учрежденія поставили дѣло именно такимъ образомъ, но далеко еще не дали всѣхъ своихъ послѣдствій. Особенности Россіи, условія ея боеваго могущества такъ отличны отъ всего, что представляетъ Западъ Европы, а наше военное устройство было недавно еще до такой степени слѣпымъ подражаніемъ, что мы отвыкли судить о себѣ самостоятельно, а этого нельзя было передѣлать сразу; слѣдствіе то, что многіе самостоятельные источники русской силы остались до сихъ поръ непочатыми.

Бросимъ бѣглый взглядъ на эти своеобразности Россіи въ военномъ отношеніи, не выходя покуда изъ предѣловъ короткаго перечня. Первая изъ нихъ заключается въ чрезвычайномъ перевѣсѣ нашего населенія надъ населеніемъ каждаго европейскаго государства. Въ 1868 году въ Россіи надобно считать отнюдь не менѣе 80 милліоновъ жителей, стало-быть, она нѣсколько превосходитъ сумму Австріи, Франціи, Бельгіи и Голландіи вмѣстѣ взятыхъ — 78.630.000; или Австріи, Пруссіи, всего бывшаго германскаго Союза, Бельгіи и Голландіи— 78.210.000. Обстоятельство это не можетъ не имѣть большого вліянія на счетъ нужныхъ государству военныхъ силъ. Если бы мы вооружились такъ, какъ Пруссія (720 тысячъ солдатъ на 18½ милліоновъ населенія), у насъ было бы 3.200.000 людей подъ ружьемъ,—размѣры очевидно несообразные, превос-

ходящіе всякую потребность, даже въ случаѣ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языкъ. Громадность числа людей, состоявшихъ у насъ на казенномъ пайкѣ въ концѣ восточной войны, происходила отъ тогдашней системы, несоразмѣрно развивавшей не дѣйствующую, мертвую часть арміи въ ущербъ ея живой силы. Теперь, когда отношеніе между этими двумя частями установлено правильно, вооруженія Россіи могутъ быть чрезвычайно могущественны, не доходя даже до пропорціи, установленной военнымъ положеніемъ во Франціи (800.000 на $37^1/_2$ милліоновъ, у насъ выходило бы 2.000.000 регулярнаго сухопутнаго войска). Надобно сказать и то, что сумма союзныхъ силъ, равная матеріяльно силѣ одиночнаго государства, никогда не можетъ быть равна ей нравственно по разногласію цѣлей и даже пріемовъ, по трудности своевременнаго сосредоточенія арміи, по неодинаковой устойчивости въ случаѣ неудачъ. Не имѣя надобности поддерживать такую высокую пропорцію арміи къ населенію, какая принята въ западныхъ державахъ, Россія, очевидно, можетъ пользоваться гораздо большимъ просторомъ въ устройствѣ своихъ силъ, можетъ тщательнѣе и разнообразнѣе сортировать ихъ, не подвергая въ то же время свои населенія, если не финансы, такому истощенію, какъ за границей. Содержаніе русскаго солдата также стоитъ значительно дешевле, чѣмъ на западѣ и не отъ скудости (можно сказать навѣрное, что нашъ солдатъ умеръ бы съ голоду на пищѣ французскаго); только матеріяльная часть за границей, и то кромѣ лошадей, въ общемъ итогѣ обильнѣе нашей. Стоимость военной части по мирному положенію, разложенная на наличность людей, составляетъ: въ Англіи 2.737 франковъ на человѣка, во Франціи—923, въ Австріи—657, въ Пруссіи—734, въ Россіи, по курсу рубль въ 340 сантимовъ, приблизительно 560 франковъ въ годъ. Хотя нашъ государственный бюджетъ, относительно къ населенію, самый низкій въ Европѣ, но дешевизна въ содержаніи войскъ, вмѣстѣ съ меньшею пропорціей количества ихъ, потребнаго въ военное время, уравниваетъ для насъ тягости войны въ сравненіи съ Франціей и даетъ намъ значительный перевѣсъ въ сравненіи съ Пруссіей.

Великая своеобразность Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ великое преимущество ея состоятъ въ томъ, что она не можетъ быть побѣждена въ такой степени, даже въ такомъ смыслѣ, какъ

всякое другое континентальное государство, которое можно не только побѣдить, но занять, лишить возможности продолжать сопротивленіе. Всѣ европейскія великія державы, кромѣ Россіи и Англіи, подвергались не разъ такому полному пораженію, что были подъ ногами противника и должны были сдаться безусловно: Франція въ 1814 и 1815, Пруссія въ 1806, Австрія въ 1805, 1809 и прошломъ 1866 годахъ. Понятно, что ничего подобнаго не случится съ Россіей, никто ея не займетъ и даже не дойдетъ до ея столицы, развѣ для того, чтобы сложить тамъ голову. Она можетъ сама рѣшиться, во избѣжаніе напраснаго истощенія, прекратить невыгодную борьбу, не представляющую болѣе шансовъ къ успѣху, какъ случилось въ 1856 году, но не можетъ быть вынуждена къ тому; еслибъ оказалось нужнымъ, ничто бы не помѣшало намъ продолжать восточную войну еще много лѣтъ. Преимущество это, очевидно, громадное. При равныхъ шансахъ на побѣду, шансы войны выходятъ совсѣмъ не равные. Одинъ противникъ можетъ быть только отраженъ, другой же можетъ быть уничтоженъ. Положеніе Англіи однородно съ нашимъ, но съ тою разницей, что она, хотя неуязвима для врага, но сама также не въ состояніи нанести ему смертельнаго удара. Она истомляла Наполеона I борьбой безъ конца, но болѣе ничего не могла сдѣлать, между тѣмъ какъ Россія, отпарировавъ ударъ, сама перешла въ наступленіе и сломила противника. Въ цѣломъ тѣлѣ Россіи нѣтъ ни одной точки, въ которой она была бы уязвима смертельно, между тѣмъ какъ такія точки существуютъ, и очень опредѣленно, въ политическомъ тѣлѣ каждаго изъ ея противниковъ.

Военныя средства Россіи гораздо разнообразнѣе не только каждаго европейскаго государства отдѣльно, но цѣлой западной Европы вмѣстѣ взятой. На Западѣ нѣтъ великой державы, которая не была бы вынуждена всею суммой своихъ историческихъ условій держаться односторонне той или другой исключительной системы военнаго устройства: Англія—наемныхъ войскъ, Франція—одной постоянной арміи, Пруссія—регулированнаго ополченія и т. д. Наше отечество не только не осуждено своею исторіей усвоить себѣ какой-либо однообразный способъ военнаго развитія, напротивъ того, никакая исключительная система не въ состояніи обнять его потребностей; сочтиники нашихъ народныхъ силъ такъ разнообразны, что

каждый изъ нихъ требуетъ иныхъ пріемовъ для своего развитія; только соединеніе многихъ самостоятельныхъ учрежденій и вѣрное ихъ примѣненіе могутъ ввести Россію въ обладаніе всею силой, данною ей Богомъ. Россія есть единое цѣлое и живетъ въ одну душу съ своею династіей. Строй русской жизни стоитъ на общей довѣренности и не нуждается въ поддержкѣ силой, наши армія не имѣетъ теперь никакого полицейскаго значенія, а потому военное устройство не подлежитъ у насъ, и только у насъ однихъ, никакимъ постороннимъ соображеніямъ, политическимъ и сословнымъ; въ этомъ заключается неизмѣримое наше преимущество. Послѣ освобожденія крѣпостныхъ, количество, составъ и іерархическій порядокъ постоянныхъ войскъ обусловлены только духомъ русскаго народа, взятаго въ массѣ, и статистикой; никакія искуственныя сочетанія, для предосторожности, намъ не нужны. Вся внутренность имперіи, четыре пятыхъ государства, можетъ быть, въ случаѣ войны, совершенно обнажена отъ войскъ, кромѣ карауловъ при тюрьмахъ, что позволяетъ сосредоточивать боевыя массы, въ несравненно высшей пропорціи къ итогу вооруженныхъ силъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; кто не помнитъ предложенія московскаго городскаго общества въ 1863 году организовать обывательскую стражу, чтобы предоставить правительству возможность вывесть къ границѣ всѣ войска? Кромѣ постоянныхъ войскъ, Россія располагаетъ для обороны своихъ предѣловъ громадною земскою силой, извѣстною, кромѣ насъ, только Англіи, (волонтеры), Швейцаріи и Америкѣ, и вовсе неизвѣстною остальной Европѣ, которая не смѣетъ дать оружія въ руки своимъ гражданамъ, не обративъ ихъ предварительно въ солдатъ. Всѣ видѣли, какими глазами итальянское правительство, одно изъ самыхъ популярныхъ, смотрѣло на своихъ волонтеровъ. Только еще Пруссія прибѣгаетъ отчасти къ ополченію, но и то уже осолдатченному; но прусское ополченіе включается въ составъ арміи, которая безъ него не была бы довольно многочисленна, и потому не есть въ собственномъ смыслѣ ополченіе. Въ наше столѣтіе, въ Россіи, ополченіе сзывалось уже три раза: въ 1807, 1812 и 1855 годахъ, и ни въ какой значительной войнѣ мы безъ него не обойдемся. Наконецъ, затрудненіе, почти неодолимое для европейскихъ государствъ, при большомъ напряженіи силъ,—формированіе кавалеріи, соотвѣтствующей по численности массѣ

пѣхоты, для насъ не существуетъ. Въ Россіи есть цѣлыя области исключительно кавалерійскихъ населеній. Казаки принесли уже достаточно пользы русской арміи, но они не принесли еще десятой части той пользы, какой можно отъ нихъ ждать теперь, когда начинаетъ основываться самостоятельное устройство русскихъ силъ. Слѣпое подражаніе чужимъ образцамъ, руководившее полтораста лѣтъ русскими военными учрежденіями, не допускало нашихъ организаторовъ видѣть что-либо внѣ этихъ образцовъ; наша природная кавалерія осталась до сихъ поръ безъ развитія, ибо ни Франція, ни Пруссія, не представляютъ ничего подобнаго ей къ подражанію; но сама въ себѣ она составляетъ громадную силу, которой надобно только сказаться.

Съ такими средствами Россія, конечно, можетъ не бояться борьбы противъ какихъ бы то ни было силъ: но средства эти должны быть заранѣе опредѣлены и развиты, должны стать изъ стихійныхъ государственными. Россія не можетъ быть побѣждена, но она можетъ понести рядъ временныхъ, очень чувствительныхъ пораженій, можетъ быть вынуждена нѣсколько разъ возобновлять борьбу съ крайнимъ для себя истощеніемъ пока научится опытомъ и войдетъ въ полное обладаніе своихъ богатырскихъ силъ.

Мы разсмотримъ съ должнымъ вниманіемъ, одно за другимъ, эти особенныя условія русскаго могущества, представленныя здѣсь въ краткомъ перечнѣ.

II.

Разчисленіе силъ для большой войны.

Война приняла теперь нравственно болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ прежде. Накопленіе богатства и кредитъ позволяютъ государству осуществлять важныя мѣры насчетъ будущаго, не стѣсняясь размѣрами текущихъ доходовъ; а какъ изъ всѣхъ вещей на свѣтѣ война, когда она становится необходимою, есть самая важная, потому что ставитъ на карту не только богатства, но существованіе того, кто ими владѣетъ, то

естественно, государства стали выставлять въ минуту спора всѣ свои силы разомъ, можно сказать, стали опорожняться до дна; они сосредоточиваютъ теперь въ одномъ моментѣ силы нѣсколькихъ лѣтъ. Очевидно, военный расходъ должно выкупать экономіей мирнаго времени, такъ что всякая лишняя растрата на войска въ продолженіе мира отнимаетъ соразмѣрную часть средствъ у будущей войны. Въ этомъ отношеніи понятія круто измѣнились. Теперь страшенъ не тотъ, кто бережетъ свои средства для того, чтобъ имѣть возможность сильно и скоро вооружиться, когда придетъ надобность. Конечно, этимъ опредѣляется только *количество*, за которымъ остается исключительное значеніе въ одной оборонительной войнѣ. Государства, принявшія такую систему до крайности, доказываютъ тѣмъ свое миролюбіе, такъ какъ для нихъ назначать войну, значитъ поднимать поголовно свой народъ, чего нельзя дѣлать ежедневно. Въ наступательной же войнѣ, сила народа можетъ быть выражена формулой, количество войскъ, помноженное на ихъ качество, какъ сила удара опредѣляется массой, помноженною на скорость. Качество же получается на условіяхъ діаметрально противуположныхъ количеству. Но если за качествомъ остается еще большое значеніе, то при нынѣшнемъ состояніи европейскихъ армій, оно все-таки не можетъ замѣнить количества, скорѣе наоборотъ. Даже дѣйствующія войска приходится теперь устраивать такъ, чтобы при возможно большей численности, они были наилучшаго качества, а не въ противоположномъ смыслѣ, то-есть, чтобы, при высшемъ качествѣ, они были какъ можно болѣе многочисленны. Можно сказать, конечно, довольно произвольно, но все-таки приблизительно вѣрно, что теперь пропорція, въ которой лучшія европейскія войска могутъ идти на худшія европейскія же, должна быть не менѣе какъ въ три четверти противъ послѣднихъ; въ отдѣльной сшибкѣ можетъ быть иначе, но въ большомъ сраженіи иного отношенія допустить нельзя. Недавно произошла кустоцкая битва, въ которой итальянская армія, сформированная не болѣе пяти лѣтъ передъ тѣмъ, изъ послѣднихъ элементовъ въ Европѣ, и та, хотя была подъ конецъ побита, могла однакожъ продержаться цѣлый день на полѣ сраженія при равныхъ силахъ. Даже въ отношеніи къ дѣйствующимъ войскамъ, численность ихъ на театрѣ войны должна быть покупаема всевозможнымъ сокращеніемъ мертвой части вѣдомства.

нестроевыхъ людей всякихъ чиновъ. Отношеніе между боевымъ комплектомъ войскъ и кадрами мирнаго времени не можетъ быть опредѣлено теоретическски: оно зависитъ отъ народнаго духа, отъ склада самой арміи, утвержденнаго долгою практикой, отъ того, какого именно рода войска преимущественно нужны государству по его относильному положенію и т. д. Въ дѣйствительности, каждая нація держится въ этомъ случаѣ своей особенной системы, данной ей историческими условіями; но въ то же время всѣ признаютъ истину: «чѣмъ значительнѣе разница между мирнымъ и военнымъ положеніемъ, тѣмъ армія можетъ быть могущественнѣе», и всѣ стараются примѣнить ее къ своей организаціи, тѣмъ или другимъ способомъ.

Когда пропорція арміи къ населенію разъ установлена, вся система формированія войскъ, характеръ рекрутскаго набора, срокъ приготовленія и службы солдата, отношеніе мирнаго положенія къ военному и пр., становятся въ значительной степени уже не произвольными. Очевидно, нельзя дать одинаковыхъ учрежденій двумъ арміямъ, которыя, при одномъ и томъ же годовомъ комплектѣ рекрутъ, должны быть доведены до разной степени численности. Опредѣленіе пропорціи арміи къ населенію обусловливаетъ очень тѣсно послѣдующія учрежденія; но и самая эта пропорція не можетъ быть установлена совершенно произвольно. Качество войскъ тѣсно зависитъ отъ степени ихъ численности; дойдя до извѣстнаго предѣла, численность арміи можно увеличивать только на счетъ ея качества, уменьшая сроки дѣйствительной службы, опрѣсняя, можно сказать, боевой духъ полковъ большимъ и большимъ количествомъ новобранцевъ, далеко еще не обратившихся въ настоящихъ солдатъ, выдвигая въ офицеры множество людей не обладающихъ нужными ихъ званію качествами. При данномъ народномъ складѣ есть, безъ сомнѣнія, степень, далѣе которой нельзя идти, или войско, считающееся боевымъ, обратится въ то же ополченіе, Однако же хорошія военныя учрежденія, вѣрно примѣненныя къ національному духу, могутъ отодвинуть эту степень довольно далеко, позволятъ дать арміи упругую организацію, сильно расширять ее въ военное время, безъ замѣтнаго пониженіа качества войскъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ установить не произвольно, а на основаніи опыта, предѣлъ, до кото-

раго можно увеличивать наличный составъ полковъ съ переходомъ на военное положеніе, не разрушая ихъ духа.

Въ этомъ отношеніи у насъ мнѣніе еще не установилось. Большинство практическихъ офицеровъ, сжившихся съ русскимъ солдатомъ въ бою и въ походѣ, несовсѣмъ довѣряютъ новымъ учрежденіямъ, не сочувствуютъ молодымъ полкамъ, пополняемымъ безсрочно-отпускными. Надобно вспомнить, что всѣ эти офицеры начали службу въ войскахъ двадцати-пятилѣтняго срока, а первыя впечатлѣнія сильны; тогда рекрутъ считался настоящимъ солдатомъ развѣ на пятомъ году службы. Кромѣ того, понятно, что сердце влечетъ боеваго офицера преимущественно къ старымъ солдатамъ; только съ этими людьми можно, что называется, чисто разыграть дѣло передъ непріятелемъ, не боясь случайностей *). Неудивительно поэтому, что старые офицеры, по большей части, требуютъ старыхъ войскъ, плохо довѣряя народнымъ арміямъ, какія теперь почти повсемѣстно стали заводиться въ Европѣ. Съ своей точки зрѣнія они совершенно правы: никакими искуственными мѣрами нельзя довести полкъ народной арміи, состоящій изъ краткосрочныхъ людей, до того, чтобъ онъ сравнялся по качеству съ старыми бандами. Но также вѣрно и то, что теперь, если только молодое войско сформировано и воспитано толково, никакой суворовскій полкъ не справится съ двумя молодыми, даже съ трудомъ и большимъ рискомъ будетъ бороться противъ полуторныхъ силъ. Прежде было не то, и причина перемѣны очевидна. Въ дѣйствительности огня французскіе или турецкіе, молодые или старые батальоны мало чѣмъ отличаются между собою, то-есть отличіе есть, но оно не такъ за-

*) Недавно французскій писатель, генералъ Трюшо доказывалъ очень остроумно, что высокое боевое достоинство, признаваемое мнѣніемъ за ветеранами, есть не болѣе какъ предразсудокъ, что внѣ дѣла ветераны служатъ плохо, что солдаты пятилѣтняго срока вообще гораздо надежнѣе. Мнѣніе довольно странное для бывалаго офицера. Никто не видалъ войска, составленнаго изъ однихъ ветерановъ, объ немъ нечего и говорить; рѣчь можетъ идти только о томъ, въ какой степени ветераны полезны между молодыми солдатами—а это вещь ясная. Полкъ становится вполнѣ боевымъ тогда лишь, когда онъ нравственно обособляется когда въ немъ складывается опредѣленный типъ, развивается общественный духъ, въ силу постоянно поддерживающихся преданій и укоренившихся понятій, чего никогда не произойдетъ безъ старыхъ солдатъ, хранителей этого духа и этихъ преданій.

мѣтно. Несравненное превосходство старыхъ бандъ оказывается главнѣйше лицомъ къ лицу, въ ударѣ, до котораго теперь гораздо труднѣе добраться, чѣмъ прежде, при перевѣсѣ непріятеля въ силѣ даже очень трудно. Вслѣдствіе того, качество войскъ составляетъ нынѣ несомнѣнное преимущество только при равныхъ силахъ. Теперь уже не побьешь съ десятью тысячами тридцать или двадцать тысячъ европейскихъ войскъ, какъ сплошь и рядомъ случалось прежде. Переворотъ, произведенный новымъ оружіемъ, сказался въ организаціи армій. Въ то же время народное богатство увеличилось на столько, что въ наше время легче вооружить и содержать на войнѣ одного бойца на счетъ 50 душъ населенія, чѣмъ прежде вывести одного на счетъ ста душъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ европейскія государства, даже Франція, стали рѣшительно жертвовать качествомъ количеству, поддерживая первое одними искусственными мѣрами, на сколько возможно. Силы, рѣшившія судьбу Италіи въ 1859 году, оказались бы ничтожными въ Богеміи въ 1866 году. И движеніе въ этомъ направленіи продолжаетъ усиливаться. Въ такомъ положеніи дѣлъ самыя законныя предпочтенія должны уступить мѣсто необходимости. При равномъ населеніи двухъ государствъ, изъ которыхъ одно будетъ держать войско шестилѣтняго срока дѣйствительной службы, увеличивающееся вдвое съ переходомъ на военное положеніе, а другое—войско трехлѣтняго срока, увеличивающееся втрое, послѣднее выставитъ полуторную силу противъ перваго; пусть солдаты этого перваго государства, старые служивые, будутъ въ состояніи биться три противъ четырехъ, то-есть, 1 противъ $1^1/_3$, но имъ придется имѣть дѣло 1 на $1^1/_2$, и вся выгода окажется на сторонѣ непріятеля. Этотъ цифирный примѣръ ничего не значитъ въ сущности, но онъ показываетъ наглядно то, что было бы долго объяснять словами.

Конечно, есть предѣлъ, далѣе котораго упругость военной организаціи не можетъ идти. Этотъ предѣлъ зависитъ отчасти отъ народнаго склада, отъ того какъ скоро человѣкъ извѣстной національности обращается въ солдата, а еще гораздо болѣе отъ политическаго склада самого государства. Понятно, что императорская Франція, постоянно ведущая гдѣ нибудь войну, не могла бы держаться ландверной системы, еслибы даже внутренняя безопасность допускала это учрежденіе. Оно не пригодно и намъ, отчасти по той же причинѣ, отчасти по от-

сутствію строгой точности въ гражданскомъ порядкѣ и быстроты сообщеній, нужныхъ для него. Но если предѣлъ упругости боевой арміи и существуетъ для каждой національности, то тѣмъ не менѣе, въ виду постоянно усиливающагося вооруженія у сосѣдей, каждому стало необходимо довести размѣры своего вооруженія по крайней мѣрѣ до этого естественнаго предѣла. Тутъ дѣло не въ напряженіи государственнаго бюджета,—совсѣмъ напротивъ, а въ расширеніи пропорціи военнаго вооруженія къ мирному. Для каждаго сказалась необходимость располагать силами, которыя не уступали бы силамъ вѣроятныхъ противниковъ.

Но кромѣ дѣйствующихъ армій, сосредоточиваемыхъ на пунктахъ, гдѣ рѣшается участь войны, всякому государству необходима огромная масса войскъ для другихъ назначеній: для огражденія своихъ предѣловъ, лежащихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ театра войны, если они подвержены нападенію, для занятія непріятельскаго края и блокады его крѣпостей въ тылу своей арміи, когда та значительно продвинется впередъ; для гарнизона своихъ собственныхъ крѣпостей; для резервовъ, пополняющихъ убыль въ боевыхъ частяхъ, для занятія внутренности государства караулами. Очевидно, тутъ не нужны войска боевыя, приготовленныя исподволь, надобно только, чтобы въ нихъ былъ хорошій народный духъ; поэтому, если правительство довѣряетъ населенію, ихъ можно вовсе не держать въ мирное время, даже въ кадрахъ, а собирать только передъ войной. Къ этой массѣ бездѣйствующихъ, но необходимыхъ войскъ, надобно прибавить еще множество нестроевыхъ командъ, безъ которыхъ не только боевыя силы, но даже внутреннія не могутъ обойдтись, фурштатовъ перевозящихъ тяжести, военно-мастеровыхъ, провіантскихъ и коммиссаріятскихъ служителей, лазаретную прислугу и всѣ полувоенныя-полугражданскія спеціяльности арміи, которыхъ набирается много. Весь итогъ этихъ полубоевыхъ или вовсе небоевыхъ частей бываетъ такъ великъ, что даже въ Пруссіи, гдѣ ихъ относительно менѣе, онъ составлялъ въ послѣднюю войну—$^2/_5$ вооруженныхъ силъ. Между тѣмъ Пруссія не была вынуждена защищать другія границы, кромѣ тѣхъ, гдѣ были сосредоточены ея боевыя арміи, резервы находились тамъ только по крѣпостямъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, гдѣ они обучали рекрутъ; берега ея также были безопасны. Совсѣмъ другое дѣло у насъ.

Кто бы ни были наши враги, сосредоточеніе русскихъ дѣйствующихъ армій можетъ быть совершено съ сознательною цѣлію только въ трехъ пунктахъ: въ Царствѣ Польскомъ, по берегамъ Прута и на турецко-азіятской границѣ. Будемъ ли мы дѣйствовать наступательно или оборонительно, когда дѣло дойдетъ до войны, по самому географическому очертанію первое столкновеніе можетъ произойдти только въ одномъ изъ этихъ трехъ стратегическихъ пунктовъ или на всѣхъ трехъ вмѣстѣ; тамъ будутъ и арміи. Но между Царствомъ Польскимъ, Прутомъ и турецко-азіятскою границей, и по сторонамъ ихъ, лежатъ сотни верстъ открытой сухопутной границы и два морскіе бассейна—Балтійскій и Черноморскій: все это пространство надобно оградить отъ всякаго покушенія. Союзъ противъ Россіи безъ участія морскихъ державъ, или хоть одной морской державы, почти немыслимъ; а при этомъ участіи, намъ приходится, какъ уже приходилось однажды, разрѣшать задачу почти небывалую: не имѣя морской силы, которая могла бы идти въ сравненіе съ непріятельскою, защищать длинную линію береговъ отъ всегда готовыхъ дессантовъ*), надобно прибавить, что въ числѣ этихъ береговъ есть не русскіе, хотя и принадлежащіе Россіи: Финляндія, Самогитія, Кавказъ; на одномъ изъ этихъ береговъ стоитъ столица. Очевидно, подобную, задачу можно разрѣшить только тѣмъ, чтобы всегда быть готовымъ стянуть къ каждому приморскому пункту значительное число войскъ, то-есть занять прибрежный край громадною силой, которая въ то же время вовсе не будетъ силой, будетъ только расходомъ и простоитъ все время войны неподвижно, ружье у ноги. Такимъ образомъ намъ приходится занимать берега бѣломорскіе, балтійскіе и черноморскіе, кромѣ того 14 первоклассныхъ и нѣсколько меньшихъ крѣпостей, лежащихъ вдоль нашей западной и южной границъ, отъ Свеаборга до Керчи, четыре такихъ города какъ Петербургъ, Рига, Варшава и Одесса, и наконецъ, кромѣ всего это-

---

*) Въ такомъ положеніи, кромѣ насъ, никто не находился Пруссія никогда не была угрожаема съ моря. Австрія почти не имѣетъ береговъ. Франція, при Наполеонѣ I, вела морскую войну съ государствомъ, располагающимъ, сравнительно, слишкомъ небольшою сухопутною силой; но даже при этомъ условіи, надо вспомнить, въ какое затруднительное положеніе ставило Наполеона опасеніе англійскихъ дессантовъ.

го, удерживать въ спокойствіи достаточными силами Царство Польское, западныя губерніи (всего 19 губерній) и Кавказъ (7 губерній и областей, не считая Ставропольской); очевидно, какія громадныя мертвыя силы нужны Россіи, для того чтобъ ея живыя силы могли дѣйствовать! Такой колоссальной постоянной арміи, которая могла бы удовлетворить всѣмъ этимъ потребностямъ и остаться достаточно сильною на главномъ театрѣ войны, не было ни у Чингисхана, ни у Наполеона въ то время, когда онъ распоряжался Европой, ни у кого не было. Ее невозможно собрать изъ однихъ постоянныхъ войскъ, для которыхъ въ мирное время содержатся кадры, такъ какъ эти кадры, даже при относительно короткомъ срокѣ службы людей, задавили бы бюджетъ въ ожиданіи войны.

Въ этой мертвой половинѣ государственныхъ силъ заключаются части непосредственно принадлежащія постоянной арміи—резервы приготовляющіе рекрутъ (то, что Французы называютъ полковыми депо), существующіе какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Кромѣ того, на открытыхъ границахъ, особенно морскихъ, подверженныхъ случайнымъ покушеніямъ непріятеля, приходится располагать въ нѣкоторой пропорціи настоящіе боевые полки, какъ надежный резервъ на всякій случай. Но затѣмъ нѣтъ надобности, какъ нѣтъ возможности, чтобы вся масса силъ, занимающая берега, крѣпости, сомнительныя области, внутренніе караулы, состояла изъ опытныхъ войскъ. Чисто оборонительная война какъ восточная, предоставлявшая непріятелю возможность устремлять массу своихъ силъ куда онъ хотѣлъ, была явленіемъ случайнымъ, происшедшимъ вслѣдствіе небывалой политической ошибки: исключительно морская война, разумѣется, для насъ невозможна. При войнѣ же сухопутной, непріятель будетъ слишкомъ развлеченъ, чтобъ отдѣлять цѣлыя арміи въ дессантъ къ нашимъ берегамъ; а противъ покушеній второстепеннаго характера, для обороны береговъ, крѣпостей и подавленія случайныхъ внутреннихъ движеній, напримѣръ въ польскихъ областяхъ, также какъ для занятія непріятельскихъ провинцій, оставшихся въ тылу за дѣйствующею арміей, годятся самыя молодыя войска, если они многочисленны, хорошо вооружены и одушевлены любовью къ отечеству. По особенностямъ нашего географическаго положенія, мы нуждаемся въ большей массѣ этихъ временныхъ войскъ, вызываемыхъ къ бытію только войной, чѣмъ какое бы

то ни было европейское государство. Для наглядности я постараюсь исчислить приблизительно эту массу, основываясь на распредѣленіи оборонительныхъ силъ во время восточной войны не упуская изъ вида и послѣдовавшихъ затѣмъ измѣненій во многихъ обстоятельствахъ. Разумѣется, подобное исчисленіе можетъ дать только самое общее понятіе о дѣлѣ, такъ какъ не бываетъ двухъ войнъ въ одинаковыхъ условіяхъ. Наше положеніе, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, наиболѣе опредѣленное. Всякая возможная для Россіи европейская война, сопровождаясь въ то же время войной морскою, ставитъ намъ одни и тѣ же условія для обороны границъ; каково бы ни было назначеніе русскихъ дѣйствующихъ силъ, наши оборонительныя средства будутъ сосредоточены исключительно въ четырехъ мѣстностяхъ: 1) на берегахъ балтійскихъ, 2) въ западныхъ губерніяхъ, 3) на берегахъ черноморскихъ, 4) на Кавказѣ. Политическія случайности не могутъ имѣть большаго вліянія на распредѣленіе собственно оборонительныхъ силъ: опасность разрыва съ Швеціей во время войны, напримѣръ, заставила бы только усилить боевой резервъ дѣйствующихъ войскъ Балтійскаго бассейна, какъ опасность разрыва съ Турціей заставила бы усилить боевой резервъ черноморскій; размѣщеніе мѣстныхъ войскъ осталось бы тѣмъ же самымъ, какое нужно для отраженія покушеній морскихъ державъ.

Главнѣйшее, что̀ надобно имѣть въ виду при исчисленіи временныхъ войскъ, состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить ими вездѣ, гдѣ возможно, войска постоянныя, дѣйствующія, которыя должны сосредоточиваться массами на театрѣ войны, развлекаясь какъ можно менѣе оборонительными назначеніями. Размѣръ вооруженій принятъ нормальный, то-есть самый высшій, съ уменьшеніемъ опасности онъ будетъ самъ собою сокращаться.

Считая по дивизіямъ въ 12 батальйоновъ (хотя изъ этихъ войскъ, конечно, могутъ и не формироваться дивизіи) выходитъ:

Въ балтійскомъ бассейнѣ приблизительно:

Въ Финляндіи, для занятія гарнизонами крѣпостей, прибрежныхъ батарей и въ резервъ за ними	3	дивизіи.
Въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и окрестностяхъ	4	«
Въ Остзейскомъ краѣ	2	»
	9	

Въ Западномъ краѣ.

Въ гарнизонъ восьми западныхъ крѣпостей (считая тутъ же и варшавскую цитадель)	4½	дивизіи.
Въ 14 губерній Царства Польскаго и западнаго края (по прежнему счету), полагая кругомъ въ каждую по бригадѣ . . .	7	»
Кромѣ того, на занятіе Варшавы.	1	»
Въ приморскую часть Литвы, на которую непріятель легко можетъ задумать пробную попытку.	1	»
	13½	

Въ черноморскомъ бассейнѣ.

Въ гарнизонъ крѣпостей и приморскихъ городовъ отъ Бендеръ до Керчи, нынѣ совершенно обезпечивающей Азовское море.	3	дивизіи.
Для прикрытія Бессарабіи со стороны Дуная	1	»
Въ резервъ Новороссійскаго края съ Крымомъ, противъ значительнаго покушенія	2	»
	6	

На Кавказѣ.

Заселеніе черкесскихъ горъ станицами обратило эту страну въ крѣпость, которая сама себя защищаетъ; но въ случаѣ войны придется занять просто войсками главные перевалы, рѣчныя переправы и нѣкоторые прибрежные пункты Кубанской области и Кутаисскаго края, для облегченія движеній дѣйствующихъ войскъ, на что, кромѣ казаковъ втораго сбора, надобно положить приблизительно.	1	дивизію.
На замѣщаніе въ Терской и Дагестанской областяхъ большей части войскъ выведенныхъ въ поле	2	»
На гарнизонъ пограничныхъ крѣпостей нѣкоторыхъ городовъ и мусульманскихъ областей Закавказскаго края	2	»
На занятіе бѣломорскаго прибрежья	½	»
	5½	»
	Итого 34	дивизіи.

Списочная численность 34 дивизій, въ 12 баталіоновъ каждая, составляетъ съ небольшимъ 400.000.

Полагая также въ пособіе дѣйствующимъ арміямъ, для назначеній. которыя могутъ исполнять и временныя войска, занятіе края въ ихъ тылу, блокаду крѣпостей и прочее—шесть дивизій, вся масса не дѣйствующихъ войскъ, создаваемыхъ только на время войны, можетъ дойти при сильной борьбѣ до 40 дивизій, то-есть до 480 тысячъ. Послѣдній изъ показанныхъ

разрядовъ не составляетъ необходимости, но можетъ составить весьма важное подспорье; а такъ какъ начинать войну можно только съ тѣмъ, чтобы побѣдить во что бы то ни стало, то каждая полезная вещь, могущая способствовать успѣху, по тому самому становится необходимою. Шесть дивизій временныхъ войскъ въ тылу дѣйствующей арміи составляютъ пропорцію, выше которой потребность, вѣроятно, никогда не пойдетъ.

Еслибъ Австрія приняла участіе въ восточной войнѣ, какъ она грозила, то силы союзниковъ (за исключеніемъ, можетъ-быть, англичанъ) были бы переведены изъ Крыма къ западной границѣ, извнѣ или извнутри, и размѣщеніе нашихъ резервныхъ войскъ было бы приблизительно таково какъ оно здѣсь показано въ силу необходимости.

Это только силы оборонительныя, не вліяющія на исходъ войны, необходимыя для того, чтобы можно было, не оглядываясь, сосредоточить дѣйствующія арміи, гдѣ окажется нужнымъ. Теперь мы постараемся опредѣлить на сколько это возможно, съ какою массой силъ мы можемъ встрѣтиться,—что̀ значитъ въ то же время, какую силу мы должны были бы противопоставить врагамъ, чтобы сдѣлать борьбу возможною. Тутъ дѣло идетъ еще не о томъ, сколько Россія можетъ выставить дѣйствующихъ войскъ, но о томъ, сколько было бы желательно, чтобъ она могла выставить для уравненія шансовъ. Я прошу читателей не забывать, что пока рѣчь идетъ только объ этомъ.

Возьмемъ для сравненія прошлую войну и сосчитаемъ, какія силы могли бы мы имѣть на рукахъ, еслибы захотѣли продолжать ее. Обстоятельства 1853—56 годовъ—чисто морская оборона противъ ничѣмъ не развлекаемыхъ непріятельскихъ дессантовъ, конечно, не повторятся больше. Употребляя тривіальное сравненіе, можно сказать, что мы были тогда въ положеніи круто привязаннаго къ столбу, на живодерномъ дворѣ, медвѣдя, который долженъ отбиваться отъ собакъ, не имѣя возможности сдѣлать шага навстрѣчу имъ. Это странное положеніе произошло отъ одной причины: мы не имѣли достаточно дѣйствующихъ войскъ, чтобы заставить союзниковъ измѣнить морскую войну на сухопутную. Наступленіе на Австрію въ 1854 году было бы, конечно, слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ тогда можно было опасаться, что эта держава будетъ

поддержана Пруссіей, но въ 1855, сколько теперь извѣстно, этой опасности, уже не существовало *). Еслибы въ тотъ годъ у насъ было достаточно силъ, мы могли бы избавиться отъ морской войны и обратить ее въ сухопутную. Французы перенесли бы свои силы на материкъ, въ помощь союзникамъ; англичане остались бы защищать, на всякій случай, Турцію, или сдѣлали бы попытку на Закавказье. Мы имѣли бы противъ себя на Карпатахъ французовъ, австрійцевъ и вспомогательный сардинскій корпусъ, при тогдашнихъ итогахъ 400 тысячъ солдатъ; на Дунаѣ Турокъ и, можетъ быть, Англичанъ, тысячъ около ста; въ Азіи турокъ и также можетъ-быть, англичанъ (которыхъ въ этомъ случаѣ не было бы уже на Дунаѣ), тысячъ семьдесятъ. При нынѣшней европейской военной организаціи эти силы въ томъ же положеніи вещей, были бы слѣдующія: австрійцевъ 350 тысячъ, французовъ 150 тысячъ (въ войнѣ на такомъ разстояніи нельзя выставить того же количества войскъ, какъ у своихъ предѣловъ); наконецъ, вѣроятно, тысячъ сто италіянцевъ, всего 650 тысячъ солдатъ—наполеоновская армія 1812 года. На Дунаѣ или на Днѣстрѣ и въ Азіи общій итогъ и теперь остался бы тотъ же, такъ какъ силы Турціи не возрасли съ тѣхъ поръ, а силы Англіи, хоть и возрасли, но еще болѣе раздѣлились, увеличившись въ Индіи и въ Канадѣ. Еслибы прошлая война происходила въ 1868 году, намъ нужно было бы выставить, для сохраненія равенства въ силахъ, 600 тысячъ дѣйствующихъ войскъ въ западную армію, 100 тысячъ въ южную и около 70 на Кавказѣ, со стороны черноморскаго прибрежья и турецкой границы,—всего 770 тысячъ. Кромѣ того, и кромѣ всѣхъ резервовъ, ограждающихъ берега Балтійскаго, Чернаго и Бѣлаго морей, занимающихъ западныя области и крѣпости, дѣйствующія войска нужны были бы въ нѣкоторой пропорціи и на другихъ мѣстахъ. Противъ мало вѣроятнаго при сухопутной войнѣ, но все-таки сбыточнаго покушенія на балтійскіе берега въ союзѣ съ Швеціей, въ этомъ бассейнѣ пришлось бы оставить центральный боевой резервъ въ двѣ, если не въ три дивизіи: на черноморскихъ берегахъ, сзади южной арміи, также двѣ или полторы въ полѣ, иначе непріятель могъ бы занять Крымъ; при выступленіи впередъ западной арміи

---

*) Переговоры съ Пруссіей за то время не опубликованы.

оказалось бы нужнымъ, можетъ-статься, расположить въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ резервовъ, хоть одну дивизію; наконецъ, на Кавказѣ, даже при нынѣшнемъ его состояніи, нельзя свести всѣ дѣйствующія войска съ горъ къ границѣ—какія бы ополченія ни были введены въ Дагестанъ и Чечню; тамъ все пришлось бы удержать нѣсколько привычныхъ войскъ, кромѣ линейныхъ баталіоновъ, по крайней мѣрѣ одну дивизію. Сумма этихъ дѣйствующихъ, хотя и не бьющихся войскъ, вмѣстѣ съ оренбургскими и сибирскими, также постоянными, была бы около девяти пѣхотныхъ дивизій, то-есть, со всѣми родами регулярнаго оружія, 130 тысячъ, а всего съ арміями 900. Присоединяя сюда 480 тысячъ ополченія, по нашему вычисленію, выходитъ 1.380.000 подъ ружьемъ, кромѣ полковыхъ депо и нестроевыхъ. Въ 1856 году у насъ числилось по спискамъ гораздо болѣе этого, но три четверти тогдашнихъ войскъ были совсѣмъ не войска, а скоро набранныя, полуустроенныя толпы людей на казенномъ провіантѣ, стоившія еще больше постоянныхъ солдатъ, вслѣдствіе чрезвычайной спѣшности формированія, но которыхъ нельзя было вывести въ поле по недостатку ничѣмъ незамѣнимой предварительной организаціи.

Замѣчательно, что расположеніе дѣйствующихъ войскъ въ приведенномъ примѣрѣ составляетъ не частный случай, не картину только тогдашнихъ обстоятельствъ, но, можно сказать, нормальное распредѣленіе русскихъ силъ при всякой борьбѣ противъ европейскаго союза. Еслибы мы хотѣли добиться побѣды въ восточной войнѣ (надо прибавить: и было бы съ чѣмъ), намъ пришлось бы сосредоточить четыре пятыхъ боевыхъ силъ въ западной арміи. Такъ будетъ и впредь. Въ 1855 году обозначилось положеніе дѣлъ, которое съ тѣхъ поръ продолжается и будетъ еще продолжаться неопредѣленное время. Какъ только обнаружилась солидарность европейскихъ стремленій по интересующимъ насъ вопросамъ, стало ясно, что гордіевъ узелъ перенесенъ на другую почву, что отнынѣ румянцовскіе походы не могутъ болѣе приносить плодовъ, и судьба всѣхъ вопросовъ, сталкивающихъ насъ съ Западомъ, не только по турецкимъ, но даже по азіятскимъ дѣламъ (если они доростутъ до такихъ размѣровъ), должна рѣшаться на европейскихъ поляхъ, однимъ словомъ, стало очевидно, что отнынѣ вся боевая сила Россіи заключается въ ея западной арміи, стоящей на своемъ натуральномъ базисѣ, на Вислѣ, остальнымъ же арміямъ предстоитъ

только роль—сдерживать второстепенныя попытки непріятеля, пока продолжается борьба главныхъ силъ на западной границѣ и потомъ, если счастіе окажется на нашей сторонѣ, приводить въ исполненіе, но уже безъ большихъ усилій, приговоръ судьбы, произнесенный на той же западной границѣ—enregister la victoire. Русское общество до сихъ поръ еще не уяснило себѣ этого оборота дѣла; оно полагаетъ, что въ случаѣ борьбы, напримѣръ по восточному вопросу, успѣхъ можетъ зависѣть отъ южной, или, какъ ее называли прежде, дунайской арміи, но это вовсе не такъ. Воротимся для наглядности къ прошлой войнѣ и положимъ, что Россія въ 1853 году, располагала всѣми своими силами. Въ чемъ заключался узелъ вопроса? Большинство думаетъ, что онъ заключался въ быстромъ захватѣ Константинополя. Я думаю, съ своей стороны, что никакіе успѣхи нашего оружія въ предѣлахъ Турецкой имперіи не могли рѣшить этого дѣла. Взятіе Константинополя вызвало бы рѣшительный союзъ Англіи, Франціи и Австріи. Имѣя открытый доступъ къ намъ, союзники не стали бы перевозить съ такими затрудненіями свои арміи черезъ море, они сосредоточились бы на среднемъ Дунаѣ, и восточный вопросъ сталъ бы рѣшаться на Карпатахъ. Еслибы мы были побиты въ средней Европѣ, захватъ Константинополя не послужилъ бы ни къ чему, мы бы его возвратили, только, можетъ-быть, не въ руки турокъ, а въ другія, гораздо опаснѣйшія; еслибы мы остались побѣдителями, участь Константинополя была бы тоже рѣшена, имъ можно было бы распорядиться безъ большихъ затрудненій. Такъ будетъ и впредь, не только по восточному вопросу, но по всѣмъ большимъ вопросамъ, какіе только могутъ возникнуть. Прежде успѣхи второстепенныхъ армій имѣли гораздо больше значенія, потому что главная армія не заключала въ себѣ суммы всѣхъ силъ государства, ее можно было много разъ подновлять и длить такимъ образомъ борьбу, упрочивая свои успѣхи на побочныхъ военныхъ театрахъ. Но уже со временъ Наполеона I дѣло приняло иной видъ, а теперь оно дошло до того, что столкновеніе главныхъ массъ рѣшаетъ участь войны безъ аппелляціи. Какую выгоду извлекли бы австрійцы изъ побѣды баварцевъ? Еслибы въ той же прошлой восточной войнѣ намъ выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатоліи, но мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему повели бы насъ эти успѣхи? Если же, напротивъ союзники одержали

бы верхъ надъ нами на Днѣстрѣ, овладѣли Крымомъ, Закавказьемъ, Финляндіей и даже Петербургомъ, но въ то же время ихъ силы были бы на голову разбиты на поляхъ средней Европы, кто диктовалъ бы условія мира?

Нельзя себѣ представить такого сочетанія дѣлъ на войнѣ, въ которомъ не только главная, но исключительно рѣшительная роль не принадлежала бы западной арміи. Другія арміи могутъ получить важное значеніе только въ случаѣ успѣха западной,—имъ предстоитъ пожинать то, что̀ первая посѣетъ. Россія сильна на столько, на сколько можетъ быть сильною ея западная армія.

Мы видѣли уже съ какими силами пришлось бы мѣриться нашей западной арміи, еслибъ она перешла въ наступленіе во время восточной войны. По тогдашнимъ размѣрамъ европейскихъ вооруженій, онѣ составляли бы около 400 тысячъ, по теперешнимъ около 650. Въ случаѣ войны противъ союза англо-австро-прусскаго онѣ были бы еще выше, около 700 (не считая второстепенныхъ военныхъ театровъ). Этими двумя сочетаніями,—западныя державы съ одною изъ нѣмецкихъ, или обѣ нѣмецкія съ Англіей,—исчерпывается вѣроятность европейскихъ союзовъ и самыхъ большихъ силъ, которыя когда-либо могли бы обрушиться на насъ. Всякая другая комбинація была бы уже благопріятнѣе. Въ каждомъ случаѣ, Россія не можетъ пошевелиться, что бы ни случилось, если не будетъ въ состояніи выставить на Вислу дѣйствующихъ, вполнѣ подвижныхъ силъ, равныхъ возможнымъ вражескимъ. При этомъ, кто бы ни были наши противники, численность другихъ дѣйствующихъ армій (говоря только о первоначальномъ расположеніи) могла бы быть очень ограниченная, даже еслибы пришлось одновременно имѣть дѣло съ Турціей: 80 тысячъ въ южной арміи, 60 тысячъ на Кавказѣ (35 на границѣ и 25 въ горахъ черноморскаго прибрежья, чего совершенно достаточно для огражденія доступа на Кавказъ и съ сѣверной и съ южной стороны) и до 130 тысячъ на разныхъ пунктахъ въ видѣ резервовъ. Эта масса до 900 тысячъ (870), за исключеніемъ спеціальныхъ оружій, требуетъ 60 пѣхотныхъ дивизій 13 баталіоннаго состава. Располагая такими силами, наше отечество можетъ безопасно оставаться въ своемъ уединенномъ, самостоятельномъ, полномъ великихъ надеждъ положеніи, какія бы бури не разыгрались въ Европѣ.

такой степени вѣроятнымъ, какъ въ войнѣ австрійской, но черноморскихъ береговъ все-таки нельзя было бы совершенно обнажить, чтобъ не ввести сосѣда въ искушеніе; на дружелюбіе гогенцоллоровскихъ румынъ также нельзя было бы при этомъ полагаться. На гарнизоны крѣпостей и въ полѣ—въ Крыму и Бессарабіи,—пришлось бы оставить по крайней мѣрѣ 3½ дивизіи, на Кавказѣ 6 див.—итого 28 дивизій.

Для дѣйствующей арміи осталось бы 19 дивизій—240 т. регулярныхъ бойцевъ всѣхъ оружій, противъ 350 т. непріятеля,—почти тоже самое что и при войнѣ австрійской.

Мы полагаемъ 12½ дивизій на западную окраину, и недаромъ. Несмотря на громадныя силы, введенныя въ этотъ край въ 1863—64 г., польское возстаніе было подавлено не ранѣе, какъ послѣ объявленія Галиціи въ осадномъ положеніи. Достаточно было келейнаго потворства австрійскаго правительства инсургентамъ, чтобы длить возстаніе неопредѣленное время. Чего же можно ждать когда сильный врагъ станетъ рѣшительно поддерживать бунтъ арміями и деньгами, когда онъ откроетъ всесвѣтной революціи путь въ Польшу? Чтобъ не очутиться на своей собственной почвѣ въ положеніи, созданномъ народною войною французамъ въ Россіи, чтобъ не остаться безъ сообщеній и продовольствія, намъ пришлось бы независимо отъ дѣйствующихъ армій, занять обширный край отъ Днѣпра до прусской границы такими силами, чтобъ онъ не могъ пошевелиться. Для этого 12½ дивизій, изъ которыхъ 4½ въ гарнизонахъ крѣпостей, можетъ быть не со всѣмъ достаточно; поэтому мы отчислили на охрану заднѣпровскаго края по крайней мѣрѣ самое необходимое. Но за исключеніемъ этого необходимаго, наша дѣйствующая армія будетъ третью слабѣе непріятельской, даже въ случаѣ одиночной войны; потому она можетъ быть вынуждена къ отступленію, вслѣдствіе чего придется отступать и мѣстнымъ войскамъ, охраняющимъ край; еще хорошо когда это окажется для нихъ возможнымъ. Если же страну не занимать и сосредоточить всѣ силы въ дѣйствующей арміи, то еще до перваго выстрѣла, при сборахъ къ войнѣ, возстаніе можетъ разлиться далеко въ тылу и мы очутимся, стоя въ своихъ предѣлахъ, какъ бы на чужой землѣ, гдѣ все станетъ помогать непріятелю. Кругъ по видимому безвыходный, но въ сущности доказывающій только одну несомнѣнную истину, а именно что при нынѣшнемъ устройствѣ военныхъ силъ по всей Европѣ,

одна дѣйствующая армія, безъ многочисленнаго, заранѣе устроеннаго и, по крайней мѣрѣ, на половину подвижнаго резерва, не можетъ вести не только наступательной, но даже оборонительной войны. Ясно почему. Если съ одной стороны будутъ возлагать на дѣйствующую армію обязанности, которыя у непріятеля исполняетъ резервъ, то бывши даже гораздо многочисленнѣе вражеской по спискамъ мирнаго времени, она окажется въ полѣ гораздо слабѣе послѣдней. У насъ же покуда не только нѣтъ за арміей никакихъ резервовъ, но даже самая армія не довольно многочисленна сравнительно, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, она до сихъ поръ еще слишкомъ долгосрочная, недостаточно растяжимая съ переходомъ на военное положеніе; вовторыхъ, и это главное, даже послѣ сокращеній, произведенныхъ послѣднею реформою, у насъ остается еще внѣ арміи слишкомъ много мертвыхъ частей: мѣстныхъ войскъ, линейныхъ, крѣпостныхъ и гарнизонныхъ батальіоновъ, которые, какъ постоянные, числятся въ итогѣ арміи, но не составляютъ внѣшней силы; чего почти нѣтъ въ Европѣ, гдѣ въ мирное время внѣ дѣйствующей арміи существуютъ только полковые депо и техническія части.

Встрѣчаются у насъ люди, даже опытные (я зналъ такихъ), не берущіе въ соображеніе необходимости быть готовымъ къ оборонѣ, прежде чѣмъ думать о наступленіи. Они хотѣли бы сразу сосредоточить всѣ силы въ дѣйствующей арміи на томъ основаніи, что врагъ, побѣжденный на главномъ пунктѣ побѣжденъ уже вездѣ. Рѣшительность хорошая вещь, но далѣе извѣстныхъ предѣловъ не только опасна, но просто невозможна. Положимъ у насъ было бы съ чѣмъ вести войну съ Австріею въ 1855 г. Развѣ было статочнымъ дѣломъ начать это наступленіе съ того, чтобъ отдать непріятелю Крымъ, черноморское прибрежье, Бессарабію, Финляндію, наконецъ Петербургъ покуда наши силы сосредоточивались бы на западной границѣ,—все въ ожиданіи успѣха противъ австрійцевъ. Вѣроятно, впечатлѣніе, произведенное такимъ началомъ, сдѣлало бы самый успѣхъ наступленія несбыточнымъ. А еслибы при томъ успѣха не вышло, или успѣхъ вышелъ бы не полновѣсный—къ чему всегда надо быть готовымъ—тогда что? миръ uti possidetis, т. е. Финляндія, Крымъ и проч. остающіеся въ рукахъ непріятеля? Никто на свѣтѣ не дѣйствовалъ рѣшительнѣе Наполеона I-го, никто не былъ въ такой степени обезпеченъ въ

успѣхѣ какъ онъ, благодаря личному генію и качеству его арміи, и однакожь, дѣйствующія силы его никогда не превосходили половины вооруженныхъ силъ Франціи.

Оба вышеприведенные примѣра основаны на предположеніи несбыточномъ—одиночной войны съ сосѣднею державою. Въ одиночку на насъ никто не пойдетъ. Мы, можетъ быть, вынуждены къ войнѣ не какимъ-либо отдѣльнымъ противникомъ, а коалиціею и должны расчитывать степень военнаго напряженія по этой пропорціи. Даже еслибъ мы вышли на войну, имѣя союзниковъ, то не можемъ навѣрное расчитывать на нихъ до конца, по самой сущности нашихъ кровныхъ интересовъ, съ которыми ни одинъ европейскій союзникъ не помирится искренно.

III.

Народное ополченіе.

Займемся сначала чисто оборонительными, внутренними войсками, соотвѣтствующими ландверамъ, національной гвардіи или милиціи другихъ государствъ. Мы видѣли что намъ нужно, кромѣ запасныхъ частей, приготовляющихъ рекрутъ, 480 или, на меньшій конецъ, 400 тысячъ такихъ войскъ, для того, чтобъ дѣйствующая армія не отвлекалась отъ своего прямаго назначенія.

Создать разомъ изъ ничего 480.000 или хоть 400.000 регулярнаго войска дѣло конечно затруднительное. Это то же, что „да будетъ свѣтъ" только не изъ божественныхъ устъ. Съ объявленіемъ войны приходится формировать не одни войска, болѣе или менѣе подвижныя; надобно въ то же время сотнями тысячъ созывать и обучать рекрутъ, безъ которыхъ армія растаетъ въ одинъ походъ, учетверять матеріяльную часть и пр. Потребность въ офицерахъ, не только въ хорошихъ, а въ какихъ-нибудь, которымъ можно дать это званіе по какому бы то ни было предлогу, становится въ это время до крайности жгучею, а между тѣмъ ихъ не достаетъ даже для дѣйствующихъ войскъ; вновь формируемыя части, стоившія такихъ трудовъ, внезапно поглощаются нежданными, вдругъ открывающимися потребностями, не удовлетворивъ тѣмъ, для которыхъ онѣ были первоначально назначаемы. Вездѣ въ Европѣ, даже

во Франціи, гдѣ устройство арміи такъ совершенно, переходъ на военное положеніе сопровождается чрезвычайною путаницей, съ огромною растратой силъ и проволочкой времени. Одна Пруссія совершаетъ этотъ переходъ безъ затрудненія. Расписавъ напередъ мѣсто каждому человѣку,—офицеру и солдату, въ своей народной арміи, она безъ малѣйшей суматохи созываетъ одинъ за другимъ свой резервъ и ландверы равныхъ призывовъ, выставляя ихъ стройною массой, не для того, чтобы затыкать прорѣхи, когда онѣ уже оказались (что никогда не проходитъ даромъ), а для того, чтобы предупреждать потребности. У насъ, въ виду и въ первое время войны, всегда начинали съ того, что формировали рıервы чисто военнымъ способомъ, прибавляя къ пѣхотнымъ полкамъ батальіонъ за батальіономъ. Батальіоны формировались медленно, а между тѣмъ событія не ждали, и мы постоянно опаздывали по крайней мѣрѣ полугодомъ; восточная война еще у всѣхъ въ памяти. Потомъ несмотря на всѣ усилія, резервы оказывались недостаточными. Кончали постоянно тѣмъ, что обращались къ народу и вызывали ополченіе. Такъ было при крѣпостномъ правѣ въ 1807, 1812 и 1855 годахъ, такъ было бы и въ 1863, если бы дошло до войны. По крайней мѣрѣ официяльный *Инвалидъ* говорилъ о 125.000 ополченія, которыми бы дѣло, конечно, не ограничилось. И ополченіе, даже крѣпостное, никогда не обманывало ожиданій правительства. Въ 1855 году оно было не обучено, но, безъ сомнѣнія, стоило больше резервовъ равныхъ наименованій, было болѣе проникнуто сознаніемъ долга, болѣе одушевлено и рѣшительно. Безъ ополченія не обойдется у насъ ни одна серіозная война, опытъ доказалъ, что оно необходимо. Съ другой стороны, присущая Россіи способность располагать земскою силой наравнѣ съ Швейцаріей и Соединенными Штатами, также наравнѣ съ Пруссіей, хотя въ другомъ видѣ, составляетъ такое громадное, неоцѣненное преимущество, что обходить его, не ввести въ расчетъ своихъ постоянныхъ силъ, значило бы отказаться отъ половины своего могущества. При крѣпостномъ правѣ ополченіе могло быть только случайностію, вызываемою тяжкими обстоятельствами; въ свободной Россіи оно можетъ и должно быть основною постоянною силой, содѣлывающею ее непобѣдимою, хотя бы весь свѣтъ обрушился на нее. Устроенное ополченіе 80-милліонаго народа не ограждаетъ государства отъ возможности пораженія въ наступатель

ной войнѣ, но ограждаетъ его отъ всѣхъ послѣдствій этого пораженія.

Въ государствѣ, обладающемъ возможностію выставить вооруженную земскую силу, очевидно, нечего искать другихъ источниковъ для массы внутреннихъ войскъ по военному положенію, о которыхъ идетъ рѣчь. Формировать искуственно резервныя войска, никогда не подоспѣвающія вовремя, когда есть въ народѣ готовая сила, которую можно двинуть разомъ, въ тѣхъ размѣрахъ какъ это оказывается нужнымъ, значило бы составлять химически воду, стоя у колодца. Съ переходомъ на военное положеніе, ополченіе можетъ замѣнить всѣ не прямо боевыя части, какихъ бы то ни было наименованій, кромѣ однихъ полковыхъ депо, приготовляющихъ рекрутъ; не только прибавочные батальіоны полковъ, назначаемые для охраненія границъ, но крѣпостные полки, внутреннюю стражу; въ значительной степени артиллерійскіе гарнизоны и нестроевыхъ всѣхъ видовъ, которыхъ при этомъ подспорьи можно вовсе не держать въ мирное время.

Государство какъ Россія, которому приходится при войнѣ ограждать достаточными силами свои безконечные предѣлы отъ Архангельска до Каспійскаго моря, выставляя въ то же время огрумную дѣйствующую армію, можетъ-быть могущественно только при земской силѣ; безъ нея оно утомилось бы въ борьбѣ тяжестію собственнаго тѣла, во всѣхъ частяхъ требующаго опоры. Еслибы Россія, при обширности своего пространства, политически была похожа на Францію, она не могла бы выйдти на большую европейскую войну; въ этой соотвѣтственности средствъ и потребностей отчетливо сказывается мудрость исторіи. Ополченіе не составляетъ боевой силы Россіи, но составляетъ то подспорье, безъ котораго она не выставитъ въ поле боевыхъ силъ соотвѣтствующихъ ея задачамъ.

Земская сила существующая безъ кадровъ мирнаго времени есть торжественное осуществленіе военнаго принципа: „чѣмъ меньше тѣмъ больше", между тѣмъ какъ всѣ усилія европейскихъ государствъ создать для войны силы наименѣе обременяющія бюджетъ, какимъ бы успѣхомъ они не увѣнчались, составляютъ только приближеніе къ нему.

Несмотря на все разнорѣчіе нашего общества и нашей печати, у насъ еще не высказывалось мнѣнія, даже со стороны людей, которые больше всего боятся вѣянія русскаго

духа, чтобы въ борьбѣ съ чужеземцами, напримѣръ въ обстоятельствахъ 1863 года, Русскій Царь не могъ ввѣриться своему свободному народу даже народу крѣпостному. Вѣроятно, такого мнѣнія когда онъ ввѣрялся и впредь не появится.

Но земская сила существуетъ до сихъ поръ въ Русскомъ государствѣ только какъ возможность, какъ стихійная сила, какъ статуя существуетъ въ глыбѣ мрамора для глаза художника. Внезапное формированіе ея во время войны сопряжено съ чрезвычайными усиліями и дастъ опять самые посредственные результаты. Для того чтобы принять ополченіе въ постоянный разчетъ русскихъ силъ, надобно не только разчитывать на него, но заранѣе и положительно знать, на что и къ какому сроку можно разчитывать; надобно, чтобъ ополченіе, какъ государственная сила, было утверждено закономъ и расписано впередъ,—чтобъ ополченцы знали себя какъ ополченцевъ и понимали бы хоть сколько-нибудь свое дѣло.

Если принять разъ, что внутреннія силы (за исключеніемъ постоянныхъ дѣйствующихъ войскъ), вызываемыя у насъ въ такомъ огромномъ количествѣ каждою войной, всего удобнѣе почерпать въ народномъ ополченіи: то надобно принять и то, что ополченіемъ же можно замѣнить все, что носитъ военный мундиръ, не принадлежа къ дѣйствующимъ боевымъ войскамъ, за исключеніемъ техническихъ частей, нуждающихся въ долгомъ обученіи. Даже въ нѣкоторыхъ спеціяльныхъ оружіяхъ, кромѣ знающихъ людей, нужно много простой рабочей силы, требующей очень мало, а иногда не требующей никакого приготовленія. Численность всѣхъ этихъ людей огромна: сюда принадлежатъ почти всѣ нестроевые, фурштаты, усиленныя по военнымъ штатамъ команды провіянтскія и коммиссаріятскія, лазаретная прислуга, деньщики; въ гарнизонной артиллеріи—за исключеніемъ первыхъ четыревъ нумеровъ—вся остальная масса людей: въ артиллерійскихъ и саперныхъ паркахъ—всѣ ѣздовыя и фурщики. Армія не можетъ существовать безъ этихъ невоенныхъ солдатъ, а потому у насъ, какъ въ цѣлой Европѣ, они числятся въ ея спискахъ, хотя не всѣ находятся на лицо въ мирное время. Численность поименованныхъ разрядовъ составляетъ при переходѣ на военное положеніе не менѣе 60-ти тысячъ. Они всѣ поступили бы въ ряды, не увеличивая списочнаго состоянія арміи въ мирное время, но усиливая ее въ военное, еслибъ эти потребности удовлетворялись прямо

земскою силой. Все количество нестроевыхъ, какъ при боевыхъ частяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ командахъ, можетъ быть разчислено въ уставѣ ополченія, отдѣльно въ каждой мѣстности и составлять особый, всегда готовый разрядъ. Назначеніе въ нэстроевую службу нисколько не задѣнетъ самолюбія нашего простолюдина,—въ мундирѣ и съ тесакомъ онъ будетъ считат себя тѣмъ же ополченцемъ. При такомъ устройствѣ, существующемъ покуда въ одной Пруссіи, сформированіе нестроевыхъ частей, съ объявленіемъ военнаго положенія, не требуетъ ряда сложныхъ мѣръ и сбивчивыхъ перечисленій; по первому приказу эти части налицо; остается только устроить матеріяльную часть.

Масса составляющая рабочую силу арміи не требуетъ никакого особеннаго подготовленія, она удовлетворяетъ своему назначенію какъ сырой матеріалъ; но строевому ополченію нужно подготовленіе, хотя бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Нравственно, русскій простолюдинъ становится воиномъ скорѣе всякаго европейца, кромѣ француза; въ его природѣ заключаются въ зародышѣ всѣ военныя качества: онъ смѣлъ какъ никто, устойчивъ, покоренъ; но къ техникѣ ратнаго дѣла онъ не легко привыкаетъ. Причиной тому, во-первыхъ, закрѣплость народнаго бытоваго характера, съ трудомъ поддающагося вліянію новой сферы, въ которой, надо сказать, много еще не-русскаго, по крайней мѣрѣ по наружности, и вовторыхъ, непривычка къ огнестрѣльному оружію, употребленіе котораго гораздо менѣе развито въ русскомъ народѣ чѣмъ вездѣ въ Европѣ. Европейскій рекрутъ беретъ въ руки ружье какъ вещь знакомую; русскій рекрутъ въ первое время боится своего ружья, хотя не боится направленной въ него пули. Полезно было бы пріучить его заблаговременно къ тремъ вещамъ: къ чуждой ему обстановкѣ военной подневоли и гуртоваго житья; къ тому чтобъ онъ зналъ и признавалъ свое начальство, отъ урядника до начальника дружины; къ употребленію оружія—послѣднее совершенно необходимо. Когда люди, въ своей обыденной жизни, сознаютъ себя ратными товарищами, знаютъ строевое начальство и потому не боятся неизвѣстности, и притомъ знакомы сколько-нибудь съ своимъ оружіемъ, они пойдутъ въ походъ смѣло и съ готовностью; при такомъ расположеніи духа всякое дѣло спорится. На походѣ и въ стоянкѣ, куда они придутъ, можно довершить ихъ военное образованіе

до удовлетворительной степени; одушевленіе, всегда присущее русскому человѣку въ важныя для отечества минуты, сдѣлаетъ остальное.

Ополченіе, конечно, должно быть сформировано не изъ однолѣтковъ, а изъ нѣсколькихъ классовъ постепеннаго возраста, положимъ изъ 20, 21 и 22-лѣтнихъ. Каждый классъ однолѣтковъ на дружину составитъ по этому разсчету 333 человѣка, или полагая 2 проц. на убыль, классъ 20-ти лѣтковъ 340. Съ тѣмъ вмѣстѣ можно будетъ призывать эти классы къ оружію или разомъ, или по-одиночкѣ, одинъ за другимъ, по мѣрѣ надобности, начиная со старшаго. Размѣры государственнаго вооруженія не могутъ быть одинаковы въ каждой войнѣ; иногда будетъ достаточна треть земской силы, иногда двѣ трети ея. Для правильнаго веденія списковъ и сборовъ земскаго войска нужно, безъ сомнѣнія, раздѣлить его на дружинные участки, изъ которыхъ ополченцы не выходили бы иначе какъ при военномъ призывѣ. Не считая области, къ которымъ учрежденіе ополченія не подходитъ: Финляндію, имѣющую свое особенное устройство, Царство Польское, Закавказскій край, казачьи войска и кочевыя племена, остальное населеніе составляетъ нынѣ приблизительно до 64 милліоновъ. При дѣленіи на 480 участковъ, каждый участокъ будетъ заключать 133 тысячи душъ обоего пола, то-есть большой уѣздъ, какихъ много въ Россіи. Отношеніе количества строевыхъ ополченцевъ къ населенію будетъ $15^1/_2$ душъ на тысячу мужскихъ, вмѣсто 23, какъ было положено въ 1855 году; съ нестроевыми до 18 душъ. На 64 милліона населенія, классъ 20-ти лѣтковъ мужскаго пола можно считать около 614 тысячъ; стало быть, ополченіе, требуя изъ этого числа ежегодно 160 тысячъ, не можетъ стѣснять рекрутскаго набора.

Чтобъ ополченіе было всегда готово къ походу, оно должно имѣть своихъ постоянныхъ офицеровъ. Сформированіе корпуса офицеровъ составляло самую трудную часть задачи въ 1855 году; нечего и говорить, что большинство этихъ офицеровъ, спѣшно набранныхъ, не стоило своихъ ратниковъ. Между тѣмъ эта задача—найдти офицеровъ для ополченія—и тогда была разрѣшена правильно; существенный недостатокъ, котораго нельзя было избѣжать, состоялъ въ самой внезапности призыва ополченія. И теперь, какъ тогда, при постоянномъ устройствѣ, какъ и при невзапномъ созывѣ, только само земство мо-

жетъ дать офицеровъ земской силѣ. Регулярной арміи нельзя снабдить офицерами такую массу войскъ; правительственная власть не можетъ также расцѣнивать людей, живущихъ по своимъ глухимъ околодкамъ, безъ всякихъ сношеній съ нею. Но слѣдуетъ постановить правиломъ, какъ это и было сдѣлано, чтобы ротными командирами избирались исключительно люди, служившіе уже въ войскахъ; на эти мѣста можно допустить не только офицеровъ, но также отставныхъ фельдфебелей и шевронныхъ унтеръ-офицеровъ, пользующихся хорошею славой въ своей мѣстности. Но званіе начальниковъ дружинъ и выше, при соединеніи нѣсколькихъ дружинъ вмѣстѣ, нельзя уже предоставлять выборамъ; командовать отдѣльною частію невозможно безъ достаточнаго знанія военнаго дѣла. При нынѣшнемъ недостаткѣ въ офицерахъ было бы затруднительно постоянно держать часть ихъ при ополченіи. Но эта мѣра возможна съ началомъ военныхъ приготовленій, при сборѣ ополченія. Передъ открытіемъ войны выгодно избавить дѣйствующія войска отъ многихъ генераловъ и офицеровъ, полезныхъ въ мирное время, но ненадежныхъ для боя; тѣмъ болѣе что такая мѣра даетъ возможность выдвинуть способныхъ людей на открывшіяся вакансіи—условіе очень важное въ началѣ кампаніи *). Въ этомъ случаѣ нечего строго держаться іерархіи чиновъ; регулярный ротный командиръ можетъ командовать дружиной, баталіонный командиръ ополченскимъ полкомъ. Такое распредѣленіе было бы даже правильнымъ, такъ какъ одинаковая численность людей въ ополченіи и въ постоянномъ войскѣ вовсе не представляетъ равной боевой силы.

Говоря о такомъ учрежденіи какъ ополченіе, надобно особенно имѣть въ виду, чтобъ оно не было, сколько возможно, отягощеніемъ для народа въ мирное время. Я увѣренъ, что при хорошемъ соображеніи мѣстныхъ условій, оно даже вовсе не будетъ отягощеніемъ, напротивъ, займетъ молодыхъ людей, привлечетъ ихъ, и въ то же время подниметъ народный духъ.

---

*) Дѣлая эту уступку мнѣнію слишкомъ у насъ распространенному, я долженъ оговориться, что въ своемъ личномъ убѣжденіи, я считаю способными толково учить войска только тѣхъ людей, которые хорошо знаютъ чего можно требовать отъ нихъ въ бою. Но затѣмъ остается еще въ военной іерархіи много мѣстъ чисто техническихъ.

Надобно только, чтобы срокъ ополченской службы былъ коротокъ; я полагаю три года.

Области, въ которыхъ учрежденіе земскихъ войскъ не можетъ быть введено по ихъ политическому состоянію, конечно, не должны пользоваться привиллегіей за то только, что на нихъ нельзя вполнѣ положиться. Въ замѣнъ ополченія, онѣ могутъ быть обложены прибавочнымъ, соотвѣтственно тягости этой повинности, рекрутскимъ наборомъ.

Основной вопросъ состоитъ въ томъ: подготовлять-ли ополченіе и какъ подготовлять его?

Разсчитывать на земскую силу, не подготовленную заранѣе —не поведетъ ни къ чему. Для меня это аксіома, истекающая изъ самаго ея назначенія. Ополченіе никогда не будетъ настоящимъ войскомъ, годнымъ для открытаго боя; оно можетъ быть распредѣлено небольшими частями,—дружинами, при постоянныхъ полкахъ—конечно; можетъ встрѣтить въ превосходныхъ силахъ второстепенные дессанты, всегда робѣющіе на чужой землѣ какъ дитя въ потемкахъ; можетъ сдерживать сомнительныя области, занимать крѣпости—такое назначеніе ему по силамъ, но не больше. По этому собирать ополченіе въ самый разгаръ войны для усиленія дѣйствующихъ массъ, когда непріятель взялъ уже верхъ,—значитъ добровольно морочить себя, тратитъ деньги и отрывать народъ отъ работы безъ особенной пользы, ополченіе не возстановитъ дѣла, проиграннаго постоянною арміею. Естественное назначеніе ополченія, какъ всякихъ ландверовъ и милицій,—замѣнить внутри государства дѣйствующія войска, гдѣ только возможно, чтобы не отвлекать этихъ войскъ отъ ихъ прямаго назначенія—боя съ непріятелемъ. Война же теперь разыгрывается скоро и начало едва ли не самый важный моментъ ея. Слѣдовательно надобно быть сильнымъ къ началу, т.-е. замѣнить къ первому выстрѣлу дѣйствующія войска гдѣ можно. Я не считаю нужнымъ доказывать, что къ первому выстрѣлу нельзя создать ополченіе изъ ничего, развѣ растянуть приготовленія къ войнѣ на цѣлый годъ, чего никакой противникъ не допуститъ.

Стало быть, не говоря еще о качествѣ ополченія, первая наша потребность состоитъ въ томъ, чтобъ ополченіе стало постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, чтобъ оно было заранѣе росписано, имѣло своихъ офицеровъ и урядниковъ, чтобъ для него были готовы мѣстные, по крайней мѣрѣ губерн-

скіе, склады оружія и аммуниціи, тогда только его можно будеть въ пору собрать и двинуть куда слѣдуетъ.

Затѣмъ является вопросъ: должно-ли подготовлять ополченцевъ въ мирное время? Нѣкоторые говорятъ «нѣтъ», основываясь на томъ, что дружины 1855 г. оказывались удовлетворительными безъ подготовленія. Но удовлетворительность вещь относительная и притомъ, надобно замѣтить, что озлобленіе народа противъ врага, громившаго Севастополь, много способствовавшее ретивости дружинъ, не подогрѣвало бы ихъ нисколько въ 1853 году, т.-е. именно въ то время когда слѣдовало созвать ополченіе, чтобы начинать войну по военному; потомъ еще надо замѣтить, что у ополченія 1855 г. были не нынѣшнія ружья, требующія умѣнья обращаться съ ними, а старыя кремневыя. Я думаю, что все способствующее успѣху войны должно считаться необходимымъ; если только оно возможно, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о быть или не быть. Предѣломъ возможности въ этомъ отношеніи, я считаю форму нынѣшняго военнаго бюджета. Все нужное для побѣды въ первой войнѣ и укладывающееся въ нынѣшній бюджетъ должно быть сдѣлано. Далѣе будетъ показано какими экономіями по разнымъ статьямъ могутъ возмѣститься издержки на ополченіе.

Установить систему организаціи и подготовленія ополченія составляетъ конечно дѣло сложное, требующее множества разнородныхъ соображеній и потому сподручное только собранію опытныхъ военныхъ и земскихъ людей. Но отлагая въ сторону подробности, у насъ можетъ быть принята только одна изъ четырехъ слѣдующихъ формъ:

1. Обучать ежегодно всѣ три (или сколько бы ихъ ни было) разряда ополченія дружины въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ военнаго участка (о чемъ будетъ рѣчь впереди), въ теченіи короткаго срока, напр. трехъ недѣль.

2. Обучать только первый, младшій разрядъ, но болѣе продолжительное время—напр. полтора мѣсяца.

3. Собирать людей поротно (т. е. въ районѣ не болѣе 30—40 верстъ поперечника) на время долгихъ праздниковъ на нѣсколько дней, раза два три въ годъ.

4. Наконецъ не собирать людей вовсе въ мирное время, но только вести имъ списки.

Что касается до меня, то эту послѣднюю систему я считаю за отсутствіе всякой системы. Конечно все-таки лучше имѣть

ополченіе расписанное впередъ, хоть и не собираемое, чѣмъ не имѣть никакого. Тѣмъ не менѣе, чтобы ополченіе было готово къ началу войны, надобно чтобъ ратникъ умѣлъ уже къ этой минутѣ обращаться съ своимъ ружьемъ, иначе ружье будетъ испорчено прежде чѣмъ имъ придется дѣйствовать; обращеніе же съ оружіемъ именно составляетъ камень преткновенія для русскаго простолюдина. Хотя учить этому дѣлу не долго, но учить будетъ нѣкогда въ минуты сбора, по необходимости спѣшнаго, къ началу войны. Выдать скорострѣльныя ружья людямъ, не знающимъ какою рукою взять ихъ, и сейчасъ же вести этихъ людей на другой конецъ Россіи—что же выйдетъ изъ ружей? Затѣмъ, хотя на стоянкѣ, куда придутъ дружины, ихъ можно обучать правильно,—но еще до того, чтобъ только замѣнить ими дѣйствующія войска на многихъ пунктахъ, надобно, чтобъ онѣ представляли уже нѣкоторую боевую силу, чего нельзя ждать отъ ратниковъ, не умѣющихъ зарядить ружья. Поэтому, кажется, нельзя оставить ратниковъ, записанныхъ въ дружину вовсе безъ обученія; остается лишь выборъ между тремя предыдущими системами.

Лучшею я считаю первую—ежегодный сборъ всѣхъ трехъ разрядовъ ополченія дружины въ одномъ мѣстѣ, на три недѣли. Люди привыкнутъ къ оружію, узнаютъ другъ друга, узнаютъ и свое начальство; соревнованія будетъ больше.

Возможна также и вторая—сборъ одного младшаго разряда на 5 или на 6 недѣль. Такой сборъ будетъ стоить дешевле и казнѣ и рабочимъ людямъ, но вліяніе его окажется несомнѣнно слабѣе.

Наконецъ сборъ людей по околоткамъ на праздники былъ бы весьма достаточенъ, еслибъ у нашего народа стрѣльба въ цѣль составляла такую же забаву, какъ напримѣръ кулачный бой; тогда въ одинъ день ратникъ узналъ бы какъ обращаться съ новымъ ружьемъ. Но въ настоящемъ положеніи вещей пришлось бы развозить ружья по околоткамъ нѣсколько разъ въ годъ или оставить ихъ на порчу въ рукахъ ратниковъ. То и другое дѣло не подходящее. Надобно остановиться на первой или на второй формѣ сбора.

Стоимость годоваго сбора трехъ разрядовъ ополченія на три недѣли—всего 480,000 человѣкъ—будетъ слѣдующая.

Расходъ на содержаніе (людей я считаю на 21 день) безъ кормовыхъ въ пути, такъ какъ по пространству дружиннаго

участка ратникъ придетъ на сборный пунктъ въ день или два (на такое разстояніе полиція безпрестанно вызываетъ людей безо всякаго вознагражденія).

Трехъ недѣльное содержаніе человѣка станетъ въ 2 руб.— 960.000 руб., жалованье офицерамъ 360,000 руб., инструкторы изъ нижнихъ чиновъ ничего не стоятъ, такъ какъ эту обязанность (что будетъ видно далѣе) можно возложить на резервныя части. Матеріалы для практической стрѣльбы 260,000. Полагая на ремонтъ для ружья, ранца и патронтажа, находящихся въ рукахъ только 3 недѣли въ году, по 1 руб. 20 коп. на человѣка—576,000 руб., солома, освѣщеніе, дрова (въ нехолодное время года) по 50 коп. на человѣка 240,000 руб., леченіе больныхъ (для молодыхъ парней, собравшихся на три недѣли, нужны не лазареты, а то, что на военномъ языкѣ называется околотками) положимъ 25 коп.—120,000 руб. всего 2.456,000 руб. *), будемъ считать $2^1/_2$ милліона. Никакого склада обмундированія не нужно. Полезно даже, чтобъ при выводѣ ополченія къ границѣ отъ него не требовали строгаго однообразія въ формѣ, довольствуясь лишь какой-нибудь общей отмѣткой по дружинамъ.

Сборъ одного младшаго разряда на полтора мѣсяца обойдется приблизительно въ 2 милліона.

Остается отвлеченіе народа отъ производительнаго труда. Но, во-первыхъ, самое непроизводительное отвлеченіе есть то, которое не достигаетъ своей цѣли, а потому гораздо лучше держать лишнихъ 30 тыс. человѣкъ подъ ружьемъ (мѣсячный сборъ ополченія по годовому разсчету) и быть сильнымъ, чѣмъ оставаться безъ нихъ недостаточно сильнымъ, отвлекая все-таки отъ труда 800 тыс. человѣкъ ежегодно. Во-вторыхъ, располагая полу-милліоннымъ ополченіемъ можно упразднить многія мѣстныя войска, какъ будетъ показано ниже, и получить въ результатѣ не убытокъ, а чистую прибыль для казны и народной производительности. Въ-третьихъ, наконецъ, сборъ ополченія по разнымъ полосамъ Россіи долженъ быть соображенъ съ

*) Военныя изданія наши, возражавшія противъ постояннаго ополченія, возводили стоимость его до ужасающей цифры. Но тутъ была полемика, а не оцѣнка. Ополченіе, созданное безъ связи съ общимъ военнымъ устройствомъ, стоило бы конечно дорого; при этой же связи стоимость его не превыситъ указанной цифры.

мѣстными условіями, а у насъ въ каждой мѣстности выпадаетъ время, когда работа почти ничего не приноситъ.

Кромѣ собственно русскаго ополченія слѣдуетъ также устроить ополченіе за Кавказомъ, на основаніяхъ нѣсколько отличныхъ.

Въ этомъ перечнѣ главныхъ основаній, на которыхъ, по моему пониманію, можетъ быть устроено у насъ народное ополченіе, не договорены многія вещи, хотя и существенно относящіяся къ предмету, но изложеніе которыхъ, можетъ стать яснымъ только въ связи съ организаціей дѣйствующихъ силъ. Объ этомъ впослѣдствіи.

Повторяю въ заключеніе: земская сила Россіи не есть чье-либо личное изобрѣтеніе. Въ полвѣка обстоятельства три раза уже вызывали ее изъ нѣдръ народа, чуть было не вызвали въ четвертый и непремѣнно снова будутъ вызывать каждый разъ, какъ только Россія будетъ вовлечена въ серьезную борьбу. Возможность пользоваться земскою силой составляетъ великое и исключительное преимущество нашего отечества передъ остальною Европой; потребность въ этой силѣ у насъ настоятельнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь при относительной слабости нашего флота и непосильной задачѣ защищать безконечное протяженіе русскихъ предѣловъ одною постоянною арміей, имѣющей совсѣмъ другое назначеніе. Возможность и потребность, существующія въ одинаковой степени, составляютъ въ результатѣ необходимость. Но чтобы разсчитывать на ополченіе, надобно организовать его правильно и постоянно; иначе оно останется стихійною силой, никогда не будетъ готово во-время и не принесетъ пользы соотвѣтствующей издержкамъ, нужнымъ на его внезапное устройство. Скажу еще разъ: народное ополченіе не можетъ составить боевой силы Россіи, но составляетъ то подспорье, безъ котораго Россія никогда не выставитъ боевой силы соотвѣтствующей ея задачамъ и ея положенію въ мірѣ.

IV.

Пѣхота.

Во II главѣ было замѣчено, что даже при устроенномъ народномъ ополченіи наша дѣйствующая армія, состоящая изъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій, все еще не достаточно многочисленна, т. е. не соотвѣтствуетъ политическимъ задачамъ Россіи.

Ополченіе необходимо для того, чтобъ можно было сосредоточить дѣйствующую армію на театрѣ войны, но само по себѣ оно не составляетъ силы въ международномъ спорѣ, оно—щитъ, но не мечъ государства. Международная сила Россіи, какъ и всякой другой державы, заключается въ постоянной арміи.

Мы находимся въ исключительномъ положеніи; мы слишкомъ сильны, чтобъ кто нибудь пошелъ на насъ одинъ на одинъ и потому не можемъ расчитывать наши вооруженія по размѣрамъ одиночной войны, какъ всякое другое государство; когда у насъ будетъ война, она будетъ войной противъ коалиціи. Въ 1863 г. достаточно было одного слова «да» со стороны австрійскаго правительства, чтобы противъ насъ состоялся союзъ изъ Франціи, Австріи, Италіи, Турціи и Швеціи. Тогда буря пронеслась мимо, но она можетъ разразиться вновь. Возьмемъ эту, несбывшуюся коалицію за основаніе и посмотримъ какія организованныя силы мы могли бы ей притивупоставить, располагая, кромѣ нынѣшней, дѣйствующей арміи, еще устроеннымъ народнымъ ополченіемъ.

Въ этомъ случаѣ, имѣя кромѣ сухопутной еще морскую войну, намъ пришлось бы занять окраины государства также сильно, какъ въ 1855 году. Мы видѣли изъ вышеприведеннаго расчисленія, что для охраны окраинъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, кромѣ ополченія нужно еще 6 постоянныхъ дивизій, какъ резервъ за нимъ. Отчисляя изъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій 6 на окраины, 6 на Кавказѣ, и по крайней мѣрѣ 7 на Дунаѣ, для большой дѣйствующей арміи на Вислѣ, рѣшающей судьбу войны, осталось бы 28 дивизій,—за вычетомъ 15% со списковъ около 340.000 бойцевъ всѣхъ оружій, именно столько сколько нужно для уравновѣшиванія силъ въ одиночной войнѣ

противъ Австріи или Пруссіи, но совершенно недостаточныхъ для борьбы противъ коалиціи.

При одиночной войнѣ намъ не пришлось бы занимать окраинъ такъ сильно, весь остатокъ оборонительныхъ войскъ пошелъ бы на усиленіе большей дѣйствующей арміи, которую можно было бы такимъ образомъ довести до значительнаго превосходства надъ непріятельской. Это значитъ, что образованіе народнаго ополченія, безъ приращенія постоянной арміи, удовлетворяетъ потребности только въ случаѣ одиночной войны, почти несбыточной.

Въ обстоятельствахъ, которыми могъ разыграться 1863 годъ, мы имѣли бы противъ себя на Вислѣ не менѣе 600 т. солдатъ. Располагая даже устроеннымъ народнымъ ополченіемъ, котораго покуда у насъ нѣтъ, при нынѣшнемъ итогѣ постоянной арміи, мы могли бы противупоставить этимъ силамъ не много болѣе половины—благоразумнѣе было бы сдаться безъ войны. Для того, чтобъ отстоять себя во всякомъ случаѣ, русская имперія должна располагать постоянною арміею по крайней мѣрѣ въ 60 дивизій. Тогда большая западная армія состояла бы, въ вышеприведенномъ итогѣ силъ, не изъ 28, а изъ 41 пѣхотной дивизіи; что предполагаетъ, за исключеніемъ 15% со списковъ, не менѣе полумилліона бойцевъ всѣхъ оружій—сила достаточная для уравновѣшенія вражеской, особенно при томъ условіи, что тутъ однородная, послушная единой волѣ масса будетъ дѣйствовать противъ разноязычныхъ, не сосредоточенныхъ вначалѣ, союзниковъ.

Возможность довести нашу дѣйствующую пѣхоту до такой цифры, безъ приращенія военнаго бюджета въ мирное время и безъ пониженія боеваго качества войска, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Прежде всего слѣдуетъ всѣ мѣстныя пѣхотныя войска переформировать въ дѣйствующія; въ настоящее время, наряду съ новыми учрежденіями, отвѣчающими современной дѣйствительности, остается еще много старины, идущей въ разрѣзъ съ признанными потребностями. Она продолжаетъ существовать отъ того что расчетъ военныхъ средствъ Россіи основанъ исключительно на одномъ постоянномъ войскѣ, хотя опытъ дѣлаетъ очевиднымъ, что безъ земской силы наше отечество не обойдется въ серіозной войнѣ. Не имѣя правильнымъ образомъ въ виду, въ мирное время, этого подспорья, приходится содержать на

случай войны разныя части, безъ которыхъ иначе можно было бы обойтись. Большую часть изъ нихъ можно было бы упразднить, еслибы не останавливалъ вопросъ: чѣмъ замѣнить ихъ, когда война отзоветъ наличныя силы?—вопросъ, котораго бы не существовало при узаконенномъ ополченіи. Къ такимъ воинскимъ частямъ и разрядамъ служивыхъ людей принадлежатъ: крѣпостные полки, кавказскіе линейные батальоны, внутренняя стража, часть артиллерійскихъ гарнизоновъ (кромѣ первыхъ нумеровъ), фурштаты, парковые фурщики и ѣздовые и почти всѣ нестроевыя команды и лица, въ томъ числѣ и денщики. Очевидно, какого огромнаго сбереженія въ мирное время можно достигнуть, имѣя подъ рукой, чѣмъ замѣстить всѣ эти разряды съ переходомъ на военное положеніе.

Прежде всего надобно замѣтить, что всѣ не дѣйствующія мѣстныя войска бываютъ всегда войсками низшаго качества, во первыхъ потому, что лучшіе элементы, особенно въ отношеніи офицеровъ, приберегаются для боевыхъ войскъ, во вторыхъ потому, что на мѣстныя части всегда меньше обращено вниманія, отъ нихъ не столько требуется; въ третьихъ оттого, что онѣ сами считаютъ себя послѣднимъ разрядомъ; а какъ человѣкъ прежде всего нравственное существо, то онъ никакъ не можетъ подняться въ дѣйствительности выше собственнаго мнѣнія о себѣ. Дѣйствующія войска годятся для всего; мѣстныя же войска могутъ годиться только для одного своего назначенія. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они плохи. Прежде они стоили дешевле другихъ, такъ какъ содержаніе ихъ было ниже; въ этомъ заключалась единственная причина ихъ существованія,—иначе, зачѣмъ же было преднамѣренно формировать войска низшаго качества, годныя для одного только назначенія, когда на тѣ же деньги можно было содержать хорошія войска, пригодныя для всякихъ назначеній? Теперь мѣстныя войска сравнены содержаніемъ съ дѣйствующими; остается только та экономія, что при нихъ не содержатъ обоза.

Произвольное, необусловленное необходимостью дѣленіе одного оружія, какъ линейная пѣхота, на разные виды, только раздробляетъ безъ нужды армію. Можно предвидѣть въ общихъ чертахъ, сколько потребуется силъ при войнѣ, на томъ или другомъ военномъ театрѣ; но никогда нельзя предвидѣть заранѣе мѣстное ихъ расположеніе; гораздо лучше, чтобы каждый баталіонъ, находящійся на театрѣ войны, могъ быть

употребленъ вездѣ, гдѣ окажется нужнымъ. Конечно, въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, является иногда исключительно мѣстная потребность въ войскахъ; на пустынныхъ окраинахъ имперіи приходится формировать отдѣльные батальіоны, для занятія далеко раскиданныхъ одинъ отъ другого пунктовъ. Въ Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ дѣленіе пѣхоты на линейные батальіоны отвѣчаетъ потребности. Но никакой не можетъ быть цѣли держать посреди массы дѣйствующихъ войскъ другую, совершенно отдѣльную массу войскъ мѣстныхъ, каковы кавказскіе линейные батальіоны. *) 37 этихъ батальіоновъ, то-есть три пѣхотныя дивизіи, обращены въ мѣстное, гарнизонное войско, не существующее въ итогѣ боевыхъ силъ арміи, не только потому, что оно не можетъ быть сдвинуто съ мѣста за неимѣніемъ обоза, но еще болѣе потому, что по низшему своему качеству, оно мало годится для войны, хотя стоитъ столько же, какъ и самые лучшіе полки. Отдѣльное существованіе въ кавказской арміи такой массы чисто мѣстныхъ войскъ не только не нужно теперь, но оно никогда не было нужно; сформированіе его съ перваго же дня было ошибкой. Въ послѣднюю турецкую войну, въ то время, когда намъ приходилось идти въ числѣ семи тысячъ на пятьдесятъ, несмотря на жгучую потребность въ войскахъ, многіе линейные батальіоны, совершенно безполезные на своемъ мѣстѣ, такъ и оставались тамъ. Давно пора переформировать 37 кавказскихъ линейныхъ батальіоновъ въ три дѣйствующія дивизіи. Тогда, съ началомъ войны, ихъ можно двинуть куда окажется нужнымъ, замѣняя гарнизоны внутреннимъ войскомъ-ополченіемъ, что теперь невозможно, сколько бы ни было ополченія подъ рукой, такъ какъ эти батальіоны, по своему устройству, неподвижны, а по качеству, не слишкомъ надежны для войны. Считая нужныя Россіи силы въ 60 пѣхотныхъ дивизій, сформированіе трехъ боевыхъ дивизій изъ кавказскихъ линейныхъ войскъ пойдетъ въ этотъ счетъ, не прибавляя ни одного лишняго человѣка къ итогу военнаго положенія.

Нынѣшнее военное министерство уже сдѣлало рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Финляндскіе линейные батальіоны

---

*) Число этихъ батальіоновъ нынѣ сокращено, но я принимаю въ расчетъ итогъ силъ, какъ онъ былъ къ 1 января 1868 г

переформированы въ дѣйствующіе полки; но весьма желательно, чтобъ это преобразованіе было распространено и на Кавказъ. Тогда, съ началомъ дѣйствій, можно будетъ размѣстить войска, смотря по потребностямъ минуты, чего заранѣе нельзя предвидѣть.

Очевидно также, что съ устройствомъ ополченія и крѣпостные полки станутъ не нужны, кромѣ небольшихъ мѣстныхъ командъ. Въ мирное время крѣпости могутъ быть заняты полевыми войсками, какъ вездѣ въ Европѣ; въ военное—мѣсто ихъ займетъ ополченіе. Приготовленія къ большой войнѣ не совершаются въ одинъ день; заранѣе устроенное ополченіе можетъ быть вызвано и размѣщено по своимъ мѣстамъ въ то же время, пока къ дѣйствующимъ полкамъ станутъ собираться безсрочные. Снаряженіе его можно дополнить уже на мѣстѣ. Вотъ еще одна дивизія.

Бо̀льшая часть нынѣшнихъ губернскихъ баталіоновъ содержится только на тотъ случай, чтобы было кому заступить караулы съ отбытіемъ къ границѣ полевыхъ полковъ. При узаконенномъ ополченіи, существованіе ихъ для этой цѣли окажется излишнимъ. Отдѣляя по сту человѣкъ (одинъ взводъ) отъ каждой земской дружины, получимъ 48.000 (численность нынѣшнихъ губернскихъ баталіоновъ) для занятія внутреннихъ карауловъ. При организованномъ ополченіи можно будетъ упраздднить всѣ эти внутренніе батальіоны въ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно бываютъ расположены полевыя войска.

Но и самое устройство нашей внутренней стражи, хотя значительно улучшенной въ послѣднее время, вызываетъ многія замѣчанія. Назначеніе этой стражи охранять внутреннее спокойствіе. На ней лежитъ четыре рода обязанностей: 1) подавлять волненія, 2) преслѣдовать людей, нарушающихъ силою общественную безопасность, 3) стеречь тюрьмы и препровождать арестантовъ и 4) занимать городскіе караулы. Три первыя обязанности во всей Европѣ возложены на жандармовъ. Кто не знаетъ, что наша внутренняя стража, состоящая изъ солдатъ втораго разряда, то-есть приблизительно, изъ плохихъ солдатъ, почти радикально не способна къ нимъ. Неспособность эту восполняли до сихъ поръ только тѣмъ, что замѣщали качество количествомъ, то-есть ставили трехъ, если не четырехъ гарнизонныхъ солдатъ тамъ, гдѣ можно было бы обойтись однимъ хорошимъ жандармомъ.

Въ главныхъ европейскихъ государствахъ число жандармовъ и вооруженныхъ полицейскихъ, замѣняющихъ нашу внутреннюю стражу, слѣдующее:

Во Франціи	24.791
Въ Австріи	12.432
Въ Италіи	21.236

Внутренняя стража еще недавно составляла у насъ 140 тысячъ. Теперь, хотя она въ значительной степени замѣщена дѣйствующими войсками, въ ней заключаются еще 53 батальіона и 606 разныхъ командъ, численность которыхъ составляла въ 1864 г. (по послѣднему публикованному отчету, въ которомъ показана численность внутренней стражи) 94.000, а съ жандармами 100 т. Приведеніе 34 губернскихъ батальіоновъ изъ полнаго въ кадровый составъ, низводитъ эту цифру въ настоящее время вѣроятно до 80 т.

Въ настоящее время улеглось уже броженіе, вызванное въ началѣ освобожденіемъ крестьянъ; вѣроятно, не придется часто совершать вооруженныя экзекуціи противъ вольнаго русскаго народа. Но и въ прежнее время, когда такія экзекуціи случались чаще, какъ только безпорядки принимали нѣсколько обширные размѣры, напримѣръ, распространялись на большое село или волость, внутренняя стража, столь многочисленная тогда, оказывалась недостаточною для подавленія ихъ; приходилось вызвать полевыя войска. Люди зрѣлаго возраста должны помнить довольно подобныхъ случаевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ обстоятельствахъ 25 хорошихъ жандармовъ сдѣлаютъ гораздо больше ста инвалидовъ. При ополченіи, всегда можно будетъ созвать на такой конецъ достаточную земскую силу изъ другихъ участковъ, чуждыхъ мѣстности, гдѣ происходятъ безпорядки.

Всѣмъ извѣстно, что, несмотря на присутствіе внутри имперіи ста тысячъ вооруженныхъ людей, которымъ исключительно ввѣрено охраненіе общественной безопасности (и кромѣ того еще столькихъ полицейскихъ служителей), преслѣдованіе злоумышленниковъ, способныхъ къ сопротивленію—обязанность, возлагаемая въ Европѣ на жандармовъ—исполняется у насъ безоружными понятыми. Сто тысячъ гарнизонныхъ солдатъ не принимаютъ въ ней никакого участія. Для охраны тюремъ и конвоированія арестантовъ наша внутренняя стража совсѣмъ не годится. Частыя преступленія въ нашихъ тюрьмахъ, частые

примѣры злодѣевъ, такъ легко убѣгающихъ отъ преслѣдованія, достаточно доказываютъ эту истину. *) Для подобныхъ обязанностей, поимки и караулы арестантовъ, нужны люди расторопные, опытные, посвященные въ это дѣло, настоящіе жандармы, вооруженные вдобавокъ не ружьемъ, а револьверомъ. Какъ требовать отъ караульнаго унтеръ-офицера, не только солдата, чтобъ онъ зналъ всѣ уловки заматорѣлыхъ арестантовъ. Кто разъ посѣтилъ европейскую тюрьму, съ перваго взгляда увидитъ, что въ нашихъ острогахъ надзоръ за преступниками производится только наружно и совершенно механически: то же самое и при конвоированіи ихъ; не говоря уже о томъ, что сами часовые, по врожденной русскому человѣку добротѣ, а иногда и изъ интереса, служатъ проводниками въ сообщеніи арестантовъ съ ихъ товарищами, оставшимися на волѣ. Въ такомъ положеніи дѣла, остается только одно средство—замѣнять качество количествомъ, не удвоивать, а удесятерять количество приставниковъ; но не смотря на то, десять часовыхъ, требующихъ 30 человѣкъ въ караулѣ и 90 для смѣны карауловъ, не могутъ замѣнить нѣсколькихъ постоянныхъ, а потому опытныхъ жандармовъ. Оттого у насъ внутренняя стража, которая никогда не ловитъ, а только стережетъ преступниковъ, не вдвое (какъ слѣдовало бы по расчету населенія), а вчетверо многочисленнѣе французской, которая и ловитъ, и стережетъ, и исполняетъ политическія обязанности, вовсе чуждыя нашей.

Затѣмъ на внутренней стражѣ лежитъ еще содержаніе карауловъ при особыхъ учрежденіяхъ, какъ казначейства и пр. Но тутъ можно спросить, кто видалъ часовыхъ при англійскихъ не военныхъ казначействахъ? Охраненіе ихъ ввѣрено нѣсколькимъ надежнымъ сторожамъ и полиціи, однакожь воры залѣзаютъ въ нихъ гораздо рѣже, чѣмъ въ наши.

Нашу внутреннюю стражу нельзя преобразовать, въ ней нѣтъ вовсе элементовъ, изъ которыхъ могло бы что-нибудь выйдти; ее нужно замѣнить новымъ учрежденіемъ, одинаково экономическимъ и приспособленнымъ къ дѣлу, жандармами, какъ во всей Европѣ.

*) Когда за Кавказомъ формировѣлась конная милиція для турецкой войны, я сказалъ одному сотенному начальнику, татарину, что люди его на войнѣ ничего не будутъ стоить. «Можетъ- быть у другихъ, отвѣчалъ онъ, а не у меня; я набралъ свою сотню изъ молодцовъ; все бѣглые изъ Сибири; да изъ остроговъ.

Для караула при небольшомъ острогѣ, въ которомъ стоитъ только 10 часовыхъ, нужно 90 человѣкъ комплекта, кромѣ унтеръ-офицеровъ; между тѣмъ какъ 30 и даже меньше опытныхъ жандармовъ, съ револьверомъ въ карманѣ, могутъ исполнять эту обязанность, не обременяя себя. Такъ и во всемъ остальномъ. Можно смѣло сказать, что въ большомъ губернскомъ городѣ, для охраненія тюремъ, казначействъ, преслѣдованія злоумышленниковъ, достаточно сотни или полуторы сотни исправныхъ, опытныхъ и вооруженныхъ людей, употребляемыхъ какъ слѣдуетъ; ихъ не замѣнитъ цѣлый батальіонъ внутренней стражи. Такихъ людей достаточно кругомъ по 25 на уѣздъ, считая больше въ уѣздахъ, черезъ которые проходитъ этапная дорога, и меньше въ такихъ, гдѣ ея нѣтъ. На среднюю губернію въ 10 уѣздовъ, милліонъ жителей и съ ея губернскимъ городомъ, жандармовъ придется не болѣе 355—375 человѣкъ. Прибавляя излишекъ на столицы и другіе важные пункты, положимъ 450. За исключеніемъ Финляндіи, Кавказа, казачьихъ войскъ и кочевыхъ народовъ, гдѣ внутренней стражи нѣтъ, жандармовъ понадобится на всю Россію не больше 30 тысячъ; и можно поручиться, что эти жандармы будутъ охранять общественное спокойствіе гораздо лучше, чѣмъ нынѣшнія гарнизонныя войска. Жандармовъ можно сформировать и изъ служащихъ, и изъ отставныхъ соддатъ на содержаніи, которое получаютъ вольнонаемные полицейскіе служители, но съ тѣмъ, чтобъ эти отставные знали, что пока они остаются въ добровольно принятомъ званіи, они несутъ государственную службу и вполнѣ отвѣчаютъ за нее. Жандармскій корпусъ также естественно включить въ это число. Наконецъ, сюда же могутъ быть присоединены, нынѣшніе городовые и полицейскіе; вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ гарнизонныхъ офицеровъ, приходящихся на губернію, тогда будетъ достаточно 10; въ этомъ числѣ жандармскіе офицеры, выбранные какъ слѣдуетъ, могутъ оказаться чрезвычайно полезными сотрудниками уголовной полиціи, столь еще слабой у насъ. Чтобы жандармы были хороши, надобно приманивать въ эту службу достаточнымъ содержаніемъ. Кромѣ нынѣшнихъ полицейскихъ, уже обезпеченныхъ, содержаніе 30 тысячъ жандармовъ, еслибъ оно было даже двойное въ стоимости противъ полевыхъ войскъ, составило бы расходъ на 60 тысячъ, а не на 100, какъ теперь (считая съ жандармскимъ корпусомъ). Это единственное оружіе, въ которое можно при-

зывать охотниковъ, такъ какъ высокое содержаніе привлечетъ естественно людей благонадежныхъ. Такимъ образомъ наша дѣйствующая армія можетъ быть усилена 37 линейными кавказскими, 13 крѣпостными и 53 губернскими батальіонами— всего 103-мя батальіонами, т.-е. 8-ю дивизіями 13-ти батальіоннаго состава, готовымъ, совсѣмъ сформированнымъ войскомъ, для качества котораго нужно только перемѣшать корпусъ офицеровъ переводами. Численность 53-хъ новыхъ дѣйствующихъ батальіоновъ въ кадровомъ составѣ, образованныхъ изъ нынѣшнихъ губернскихъ, не превышаетъ 20 тыс. солдатъ, т.-е. экономіи въ людяхъ, остающейся отъ замѣщенія нынѣшней внутренней стражи жандармами (считая даже что 30 тыс. жандармовъ будутъ стоить вдвое, противъ 60). Обращеніе этихъ 8 дивизій въ дѣйствующія не увеличитъ ни однимъ солдатомъ наличные списки военнаго министерства; эти люди и безъ того уже на лицо (напротивъ того расходъ въ людяхъ, если не въ деньгахъ, сократится на 30 тыс. человѣкъ). Денежная прибавка потребуется только на содержаніе лишнихъ дивизіонныхъ штабовъ и 8-ми артиллерійскихъ бригадъ.

Преобразованіе это можетъ быть совершено въ годъ времени; тогда, вмѣсто нынѣшнихъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій у насъ будетъ 55. Но намъ нужно по крайней мѣрѣ 60. Упраздненіе большей части нестроевыхъ, замѣняемыхъ въ военное время ополченіемъ, можетъ покрыть значительную часть нужнаго на это расхода. Но положимъ, во избѣжаніе спора, что тутъ нужна новая ассигновка. Содержать въ мирное время пять лишнихъ дивизій безъ возвышенія военнаго бюджета, можно только на счетъ пониженія наличнаго состава дѣйствующихъ частей. Чтобы восполнить въ бюджетѣ расходъ на содержаніе этихъ 5-ти дивизій (въ кадровомъ составѣ) достаточно привести въ этотъ же составъ изъ мирнаго и усиленнаго мирнаго нѣсколько другихъ дивизій, что не представляетъ никакого затрудненія. Войска, стоящія внутри имперіи находятся всѣ въ одинаковыхъ условіяхъ. Кромѣ гвардіи (нынѣ въ мирномъ составѣ) 4-хъ кавказскихъ дивизій и 4-хъ на западной границѣ (которыя слѣдуетъ держать, по обстоятельствамъ, на военномъ или на усиленномъ мирномъ положеніи) большая часть остальной пѣхоты, если не вся, можетъ быть приведена въ кадровый составъ, распространенный и теперь уже на значительное число войскъ безъ всякаго неудобства. Не возвышая

расходовъ и сохраняя неприкосновенно нынѣшнюю наличность арміи (еслибъ это оказалось нужнымъ, чего однако я не думаю) надобно только подѣлить ее на большее число полковъ, какъ это было сдѣлано въ 1863 г., т.-е. провести преобразованіе 1863 г. нѣсколько далѣе—на 5 дивизій, такъ какъ 8 остальныхъ составляютъ не приращеніе, а лишь переименованіе мертвыхъ силъ въ живыя.

Особенныя обстоятельства, постоянно возникающія въ такой обширной имперіи какъ русская, заставляютъ то здѣсь, то тамъ усиливать войска и держать батальіоны въ высшихъ комплектахъ; съ умноженіемъ числа строевыхъ частей, потребность въ такомъ возвышеніи по большей части прекратится, потому что можно будетъ вездѣ, гдѣ окажется надобность, вмѣсто одного кадроваго батальіона поставить два. Увеличится нѣсколько расходъ на новые полковые и дивизіонные штабы и лишнія артиллерійскія части, но этотъ расходъ покроется экономіей отъ упраздненія многихъ частей, ненужныхъ при такой силѣ—постоянной и земской, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ государства, заранѣе опредѣленнымъ.

Но возможно ли сохранить высокія боевыя качества войска при томъ условіи, чтобы большую часть людей распускать по домамъ. Въ сущности, этотъ вопросъ относится не только къ мѣрамъ, предлагаемымъ въ этомъ сочиненіи, но ко всему, установившемуся у насъ порядку вещей, такъ какъ нѣсколько лѣтъ уже болѣе, чѣмъ въ половинѣ, дѣйствующихъ дивизій и во всѣхъ внутреннихъ войскахъ большая часть людей распускается по домамъ. Но во всякомъ случаѣ на такое сомнѣніе нельзя отвѣчать прямо. Утвердительный или отрицательный отвѣтъ зависитъ отъ нѣсколькихъ условій: во-первыхъ, отъ продолжительности срока первоначальной дѣйствительной службы (человѣкъ, который не втянется настоящимъ образомъ въ свое дѣло въ полтора или два года какъ въ Пруссіи, можетъ втянуться въ него очень хорошо въ три или четыре, какъ во Франціи); во-вторыхъ, отъ чувствъ, питаемыхъ солдатами къ общему дѣлу, также и отъ однородности состава арміи, напримѣръ, въ Австріи или въ Пруссіи. Въ-третьихъ, отъ того, какъ распредѣляются безсрочно-отпускные при сборѣ: въ свои ли прежніе полки или въ другіе, имъ незнакомые; въ-четвертыхъ, отъ того, остается ли въ полкахъ достаточное число старослуживыхъ для хорошей закваски всей массы; въ-пя-

тыхъ, наконецъ, отъ духа и степени приготовленности офицеровъ. Смотря по этимъ условіямъ, треть всего числа людей подъ знаменемъ въ мирное время можетъ быть или совершенно достаточною, или вовсе недостаточною.

При введенной теперь системѣ дисциплины и воспитанія войскъ, при нынѣшнемъ настроеніи русскаго народа, рѣзко отразившемся на рекрутахъ, у насъ, безъ сомнѣнія, стала возможною упругая военная организація. При прежней системѣ нашъ рекрутъ былъ человѣкъ на всегда оторванный отъ семейства и родной деревни, приведенный въ рекрутское присутствіе иногда въ колодкахъ и всегда подъ стражей, отмѣченный какъ арестантъ бритьемъ половины головы; на службѣ его учили не военному дѣлу, а выправкѣ, маршировкѣ, требовали отъ него жизни въ носкѣ, граціи. Эти вещи не имѣли для него никакого смысла; начальники сами не сознавали для чего они это дѣлаютъ, а потому, конечно, не пускались въ объясненія съ солдатомъ, а вбивали въ него науку насиліемъ. Сбитый съ толку, доведенный до одурѣнія, русскій человѣкъ, поступившій во фронтъ, долженъ былъ всему научиться не разумѣніемъ, а механическою привычкой; онъ умѣлъ дѣлать только то, что было глубоко вдолблено въ него и выходило само собою, какъ оно выходитъ у полусоннаго человѣка, безсознательно повторяющаго свои обыденныя привычки. Очень натурально, что рекрутъ, при такой обстановкѣ становился не вполнѣ солдатомъ даже въ пять лѣтъ; становился имъ развѣ только къ десяти годамъ; даже между десятью и пятнадцатилѣтними солдатами замѣчалась значительная разница, такъ трудно давалась имъ наука. Еще въ ту пору кавказскій солдатъ, отъ котораго требовали службы болѣе практической, понятной, съ которымъ лучше обращались (вслѣдствіе болѣе тѣснаго сближенія между чинами, созданнаго войной), выучивался всему несравненно скорѣе; потомъ, если ему случалось переходить во внутреннія войска, онъ понималъ легче другаго даже мелочныя требованія условной красоты, потому что былъ болѣе развитъ. Срокъ, въ который рекрутъ становился солдатомъ, былъ гораздо болѣе коротокъ на Кавказѣ, чѣмъ внутри Россіи; но начальство судило о солдатѣ не по Кавказу. Было признано аксіомой (и надо сказать, при тогдашнихъ условіяхъ справедливо), что русскій рекрутъ становится надежнымъ солдатомъ развѣ въ пять лѣтъ: Разумѣется, при такомъ убѣжде-

ніи не могло быть вопроса о краткосрочныхъ солдатахъ. Рекруты не годились для быстраго укомплектованія частей; безсрочно-отпускные, тянувшіе безконечный срокъ, знавшіе, что ихъ ожидаетъ во фронтѣ суровое обращеніе изъ-за бездѣлицы, что ихъ тамъ будутъ расцѣнивать по граціи, для которой они устарѣли, возвращались въ ряды чрезвычайно не охотно, и какъ довольно доказалъ опытъ, оказывались много хуже рекрутъ. Оставалось разчитывать на однихъ служащихъ, вытянувшихся солдатъ и держать строевыя части въ мирное время по крайней мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ комплекта. Въ этихъ понятіяхъ воспитались почти всѣ высшіе чины нашей арміи. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось,—крѣпостное состояніе уничтожено не только въ земствѣ, но и въ войскѣ, и народъ это знаетъ; рекрута не возятъ больше въ колодкахъ и не клеймятъ бритьемъ головы; срокъ службы уменьшился, а дѣйствительное нахожденіе въ рядахъ сократилось и того болѣе; тѣлесное наказаніе отмѣнено, содержаніе сдѣлалось лучше, обращеніе перемѣнилось; отъ солдата стали требовать на службѣ вещей осмысленныхъ, возбуждающихъ въ немъ не тяготу, а соревнованіе. Если не всѣ эти улучшенія, особливо послѣднее, доведены до конца, то всѣ подвинулись такъ далеко, что разница между нынѣшнимъ и прежнимъ бросается въ глаза. Послѣдствія вышли такія, что въ 1863 году, когда наша армія была вдругъ увеличена на двѣ пятыхъ, для чего потребовалось разомъ большая масса рекрутъ, эти рекруты шли на службу, весело и, у толковыхъ начальниковъ, въ два мѣсяца, не только могли заступать почетный караулъ, но были уже недурными застрѣльщиками. Несмотря на свою молодость, эти люди легко совершали усиленные переходы. Между ними оказалось большое соревнованіе; особенно тамъ, гдѣ одноземцы изъ разныхъ губерній были введены въ полки группами; эти группы лѣзли изъ кожи, чтобы перещеголять на службѣ одна другую: Воронежцы выбивались изъ силъ, чтобъ не показаться хуже тамбовцевъ. Совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло на нашу армію. Когда на Кавказѣ были сформированы три новыя дивизіи, тамошніе офицеры, вообще живущіе ближе съ солдатамъ и лучше понимающіе серіозную сторону службы, чѣмъ въ Россіи,—были изумлены быстротой развитія новыхъ рекрутъ. Въ этомъ отношеніи всякій, истекающій годъ облегчаетъ задачу, глубже и глубже, укореняя въ войскахъ новыя нравственныя понятія,

внесенныя въ нашу армію преобразованіемъ дисциплинарной системы и столькихъ другихъ вещей. Прежде русскій солдатъ былъ крѣпостнымъ начальства, теперь онъ вольный человѣкъ, призванный на защиту своего отечества. Съ вольными людьми задача стала совсѣмъ иною; то что прежде нужно было вдалбливать въ солдата, теперь надобно только объяснить ему. Съ тѣмъ вмѣстѣ стало возможнымъ развить солдата довольно скоро, въ небольшое число годовъ, и затѣмъ отпустить его домой на остальной срокъ службы.

Рекруты развиваются теперь въ хорошихъ рукахъ несравненно быстрѣе, чѣмъ прежде. Черезъ годъ послѣ поступленія въ полкъ изъ резервнаго батальіона, они нисколько не уступаютъ старымъ солдатамъ въ наружномъ знаніи службы; чрезъ два года они становятся вполнѣ хорошими застрѣльщиками. Но качества солдата далеко не заключаются въ одномъ знаніи службы, боевая часть не есть только собраніе обученныхъ военному дѣлу людей. Солдатъ, кромѣ совершеннаго знанія своего дѣла на ученьѣ, въ походѣ и въ караулѣ, долженъ быть на столько проникнутъ военнымъ духомъ, чтобъ этотъ духъ руководилъ его взглядами и чувствами, чтобъ онъ привыкъ разцѣнивать людей и вещи именно съ этой точки зрѣнія; напримѣръ, чтобы понятіе о святынѣ знамени, о безчестіи потерять его, не только для части, но для каждаго человѣка этой части, вросло въ его душу: чтобы воинская заслуга имѣла въ его глазахъ неоцѣненное, ни съ чѣмъ несравнимое достоинство; чтобы часовой, заснувшій на своемъ постѣ становился въ его глазахъ не только виновнымъ, но презрѣннымъ человѣкомъ и такъ далѣе. Потомъ нужно, чтобы солдатъ сроссяя съ своимъ полкомъ, величался его заслугами, даже смотрѣлъ свысока на другой мундиръ; однимъ словомъ, чтобы полкъ сталъ для него чѣмъ-то въ родѣ особой національности, маленькой родины. Всѣ эти требованія сводятся къ одному: чтобы новобранецъ успѣлъ достаточно проникнуться общественнымъ мнѣніемъ своей среды. Разумѣется, надобно чтобъ эта среда существовала, нужно вести войско такимъ образомъ, чтобъ общественный духъ могъ сложиться и укорениться въ полкахъ. Если подобный идеалъ доступенъ хоть съ внѣшней стороны молодому солдату, то въ минуту воодушевленія онъ можетъ такъ полно возникнуть въ его душѣ, что тотъ, хоть на часъ, станетъ самъ какъ будто ветераномъ; а главное, военная служба

будетъ уже имѣть для человѣка нѣкоторое нравственное значеніе, помимо техники ремесла; безсрочно-отпускной будетъ и въ домашнемъ быту понимать себя, какъ воина. Я убѣжденъ, и многіе раздѣляютъ это убѣжденіе, что при исполненіи нынѣшнихъ военныхъ руководствъ въ ихъ истинномъ духѣ (чего надо требовать неукоснительно), солдата можно довести до такой степени сознанія въ три года полевой службы, кромѣ времени приготовленія въ резервахъ. Въ годъ онъ будетъ знать свое дѣло, въ два обычныя занятія войдутъ ему въ привычку, черезъ три года, онъ можетъ быть солдатомъ по духу. При системѣ народныхъ войскъ, эти войска должны набираться изъ молодыхъ людей узаконеннаго возраста (двадцати лѣтъ); въ эту пору впечатлѣнія бываютъ живы и вліяютъ на всю жизнь. Для высшихъ классовъ это возрастъ университета или другой высшей школы; всякій помнитъ по себѣ какъ глубоко охватывала его товарищеская среда этой переходной эпохи и какъ долго сохранялось ея вліяніе. Да не покажется такое сравненіе страннымъ—оно совершенно вѣрно. Для двадцатилѣтняго простолюдина полковое общество, не говоря объ открываемой ему грамотности, вѣетъ совсѣмъ новою жизнію, расширяетъ его понятія, дѣйствуетъ воспитательно. Три года полковой жизни выдѣлываютъ на столько же духовный складъ простолюдина, на сколько три окончательные года школы выдѣлываютъ складъ молодаго человѣка высшихъ сословій,—а каждый знаетъ, что нѣсколько лѣтъ потомъ вліяніе школы еще продолжается. При нынѣшней системѣ воспитанія войскъ (или лучше сказать при духѣ этой системы, потому что приложеніе ея къ дѣлу требуетъ еще дальнѣйшаго развитія) можно считать трехлѣтній срокъ дѣйствительной службы достаточнымъ въ нашей пѣхотѣ для полнаго приготовленія солдата.

Установленіе полнаго срока службы зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ времени нужнаго для серіознаго обученія рекрута и 2) отъ того, во сколько разъ армія должна усиливаться съ переходомъ на военное положеніе. Помноживъ первую цифру на вторую получимъ раціональный срокъ военной службы, на который государство имѣетъ поводъ обязывать гражданина. Полгода въ рекрутскомъ депо (резервномъ баталыонѣ) и три года въ полку—$3^1/_2$ года, втрое—$10^1/_2$ лѣтъ. Но такъ какъ годовые классы людей убываютъ постоянно вслѣдствіе смертности (въ этомъ цвѣтущемъ возрастѣ убыль рѣдко превышаетъ

2°/₀), то для сохраненія комплекта можно положить двѣнадцать лѣтъ. Вотъ раціональный срокъ службы при такихъ учрежденіяхъ.

Утверждая, что послѣ полугода, проведеннаго въ резервахъ, трехъ-лѣтній срокъ совершенно достаточенъ для образованія надежнаго русскаго солдата, я вовсе не упускаю изъ вида многихъ вѣнскихъ возраженій, которыя можно выставить противъ такого утвержденія. Во-первыхъ, трехлѣтній срокъ достаточенъ въ томъ лишь случаѣ, когда солдатъ будетъ учиться, или скорѣе воспитываться, точно три года. Для войскъ разбросанныхъ по мелкимъ поселкамъ, которыя не могутъ собираться ежедневно даже по-ротно, эти три года обратятся въ полтора, что уже недостаточно. Для войскъ расположенныхъ по дальнимъ окраинамъ, куда рекрутъ путешествуетъ по нѣскольку мѣсяцевъ, такой срокъ также не годится. Но въ виду такого разнообразія обстоятельствъ у насъ и принятъ различный численный составъ батальіоновъ, то-есть различный срокъ дѣйствительной службы подъ знаменемъ. Во-вторыхъ, трехъ-лѣтній срокъ удовлетворяетъ потребности только при хорошемъ составѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, твердо знающихъ и совѣстливо исполняющихъ свою обязанность, чѣмъ мы еще не можемъ похвалиться съ полной увѣренностію. Въ третьихъ, наконецъ, даже при осуществленіи всѣхъ этихъ условій, нѣтъ сомнѣнія, что пяти-лѣтній солдатъ лучше трехъ-лѣтняго, а пятнадцати-лѣтній лучше обоихъ. Я выставляю 3-хъ лѣтній срокъ какъ минимумъ и высказался за систему сформированія пѣхоты, стоящей дома, въ европейской Россіи, изъ трехъ-лѣтнихъ солдатъ, не какъ за единственно возможную для уравненія нашихъ силъ съ вѣроятными силами вражескими, а какъ за предѣлъ, который можно принять безъ опасенія обратить армію въ ополченіе, и въ то же время какъ за самую упругую систему, наименѣе обременительную для гражданина и наиболѣе расширяющую силу арміи съ переходомъ на военное положеніе. Однообразное устройство войскъ, гдѣ бы они ни были расположены, какъ это существуетъ въ Европѣ, у насъ еще непримѣнимо; всякая система организаціи потребуетъ исключеній; по этому же дѣйствительная служба во фронтѣ, за которою слѣдуетъ безсрочный отпускъ, у насъ не узаконена и составляетъ домашнее распоряженіе военнаго министерства. Въ различныхъ обстоятельствахъ эта мѣра и прилагается различно. Развѣ

кадровый составъ 320 человѣкъ въ батальіонѣ, распространенный теперь на значительное число войскъ, предполагаетъ долгую службу?

Я убѣжденъ, что при нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣрахъ въ устройствѣ полковъ и корпуса офицеровъ (которыя будутъ означены ниже) показанные мною сроки могутъ быть постановлены для войскъ, расположенныхъ внутри государства и достаточны для образованія отличной арміи. Но я вовсе не стою за немедленное введеніе ихъ, во-первыхъ потому именно, что для этого нужны еще нѣкоторыя дополнительныя мѣры; а во-вторыхъ потому, что теперь главная забота должна состоять не въ окончательномъ установленіи системы, а въ доведеніи русской арміи, безъ обремененія государства, до той степени матеріяльнаго и нравственнаго могущества, при которомъ каждое слово русскаго правительства передъ Европой было бы не словомъ только, но совершившимся дѣломъ.

Не отказываясь отъ срока въ 3½ года какъ отъ желательной нормы въ будущемъ, я думаю, что можно безъ всякаго опасенія, теперь же установить срокъ службы въ рядахъ въ пять лѣтъ. Онъ будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности уже осуществившейся. Срокъ этотъ станетъ нормальнымъ, конечно, только для войскъ, приведенныхъ въ кадровый составъ; всякое возвышеніе комплекта заставитъ удерживать солдата болѣе продолжительное время подъ знаменемъ. Годовое число рекрутъ увеличится при этомъ, но тягость, сопряженная съ рекрутчиной, значительно уменьшится для каждаго лица, что гораздо важнѣе. Нынѣшняя служба не страшна; рекрутъ боится не службы, онъ боится быть оторваннымъ отъ дома и навѣки остаться бобылемъ, чего никогда не случится при такой относительно короткой отлучкѣ. Разумѣется, чтобъ пяти-лѣтній срокъ сталъ дѣйствительностію, надобно строго держаться нормы и безъ крайней надобности не возвышать состава частей. Прослуживши пять лѣтъ во фронтѣ, при разумномъ направленіи сверху, подъ руководствомъ опытныхъ начальниковъ, солдатъ можетъ достаточно изучить свое дѣло и проникнуться духомъ своего званія, чтобы не было надобности послѣ роспуска призывать его ежегодно для повторенія службы. Это главное преимущество пяти-лѣтняго срока надъ срокомъ въ 3½ года, достаточнымъ также, чтобы обучить солдата матеріяльно всему.

что онъ долженъ знать, но, можетъ быть, недовольно долгомъ для того, чтобы знаніе вполнѣ вошло въ привычку человѣку.

Въ вопросѣ о срокѣ заключается больше общественнаго, чѣмъ чисто военнаго значенія. Для народа не все равно, приходится ли считаясь на службѣ 15 лѣтъ, служить ли въ рядахъ 5 или 8; но для устройства арміи, если только срокъ обученія достаточенъ для того, чтобы молодой солдатъ понялъ, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, это почти одно и тоже. Въ военномъ смыслѣ важность заключается не столько въ продолжительности этихъ двухъ сроковъ, сколько во взаимномъ отношеніи ихъ между собою. Если съ приведеніемъ части въ комплектъ безсрочные или рекруты будутъ только пополнять недочетъ въ кадрахъ—армія должна считаться долгосрочною, когда бы даже все продолженіе службы солдата было не велико; если же часть состоитъ въ кадрахъ и съ приведеніемъ въ комплектъ пришлые люди составляютъ большинство, то армія будетъ народною, почерпаемою изъ самой націи на время войны, сколько бы времени солдатъ не стоялъ въ рядахъ прежде. До послѣдняго времени, напримѣръ, полный срокъ службы былъ одинъ и тотъ же во Франціи и Пруссіи—7 лѣтъ; разница была только въ отношеніи числа служащихъ подъ знаменемъ къ числу отпускныхъ; но эта разница составляетъ такое коренное отличіе, что французская армія была несомнѣнно арміей долгосрочной, прусская же народной. Эти двѣ нормы военной организаціи требуютъ совсѣмъ разныхъ мѣръ для хорошаго боеваго воспитанія войскъ. Въ долгосрочномъ полку, то-есть въ такомъ, гдѣ большинство нижнихъ чиновъ постоянно находится подъ знаменемъ, воинскій духъ возникаетъ самъ собою, изъ какихъ бы элементовъ ни составляли полкъ, отъ того, что всѣ служащіе, какъ товарищи, проникаются общимъ настроеніемъ. Въ арміи народной не то; между сборными, незнакомыми между собою людьми нѣтъ ничего общаго. Въ такой арміи нужны искуственныя мѣры, особенное группированіе элементовъ, чтобы слить полкъ въ одно цѣлое, безъ чего онъ никогда не станетъ надежною боевою частію.

Въ нашей арміи въ одномъ 1865 г. 24 дивизіи были приведены въ мирный, то-есть половинный составъ и 10 въ кадровый, то-есть въ треть полнаго состава. Такая армія должна считаться арміей народной, недолгосрочной, несмотря на 15-лѣтній срокъ обязательной службы, между тѣмъ какъ англій-

ская армія, въ которой солдата вербуютъ лишь на 10 лѣтъ,— преимущественно постоянная, а не народная. Что нынѣшняя наша армія не долгосрочная, не смотря на положеніе, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ начальники частей, жалующіеся, что имъ не изъ кого выбирать унтеръ-офицеровъ, такъ какъ производство въ это званіе предоставлено лишь людямъ, прослужившимъ три года, а такихъ слишкомъ мало въ рядахъ. Остается ли солдатъ въ кадрахъ полка 8 лѣтъ или 5, или даже того меньше, это еще не особенно измѣняетъ характеръ арміи; дѣло въ томъ, что часть, съ поставленіемъ на военное положеніе, пополняется на двѣ трети новыми людьми, ничѣмъ съ нею несвязанными. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ и тѣмъ, которое мы обсуждали выше. Оба требуетъ совершенно одинаковыхъ мѣръ для того, чтобъ укомплектованный полкъ оказался не сбродной, безъ всякаго духа, частію, а цѣльной, одинаково настроенной боевой единицей.

Пока у насъ солдатъ служилъ безсмѣнно двадцать пять лѣтъ, распредѣленіе людей въ полки не представляло никакого вопроса; брали въ соображеніе только дальность разстояній; затѣмъ люди, сведенные вмѣстѣ почти на всю жизнь, должны были слиться воедино, и для нихъ образовывалась новая родина—часть, въ которой они служили. Но какъ только были учреждены безсрочные, этотъ вопросъ возникъ, если не въ правительственной сферѣ, то по крайней мѣрѣ въ общественномъ мнѣніи военныхъ. Оказался слѣдующій фактъ: когда безсрочные попадали случайно въ свою прежнюю часть, старыя воспоминанія брали верхъ, они вступали въ прежнюю колею и по большей части оказывались тѣми же людьми, какими ихъ знали до выпуска. Но когда эти безсрочные причислялись къ другой, новой для нихъ части, какъ почти всегда случалось, они оказывались не только плохими солдатами, но ядомъ, положительно отравлявшимъ всю часть. Въ этомъ отношеніи очень рѣдко бывали исключенія; въ пользу подобнаго резерва не было ни одного голоса во всей русской арміи. Безсрочные вездѣ являлись людьми буйными, дурнаго поведенія, развращающими молодыхъ солдатъ, вселяющими въ нихъ презрѣніе къ самымъ священнымъ обязанностямъ службы; подъ огнемъ они всегда умѣли очутиться позади; а какъ они были при томъ старыми солдатами, съ нашивками и медалями, иногда съ крестами.

а потому наружностію своею вселяли въ молодыхъ солдатахъ нѣкоторое подобострастіе, то примѣръ ихъ дѣйствовалъ губительно. Не было начальника, который не предпочиталъ бы для пополненія рядовъ рекрутъ, боявшихся въ началѣ собственнаго выстрѣла, этимъ старымъ слугамъ государевымъ, какъ ихъ называли оффиціяльно. По общему голосу, каждый безсрочный ослаблялъ войско двумя людьми, — во-первыхъ, самъ онъ никуда не годился; во-вторыхъ надобно было отдѣлять еще одного служащаго солдата, чтобы караулить его.

При нынѣшнихъ порядкахъ солдатъ выходитъ въ отпускъ уже не съ тѣми воспоминаніями о службѣ какъ прежде, потому и возвращается къ ней не съ прежнимъ чувствомъ; но разница выходитъ только въ мѣрѣ, а не въ сущности. Всякій крестьянскій парень ведетъ себя иначе въ своей деревнѣ на глазахъ родныхъ и старшихъ, почтеніе къ которымъ онъ всосалъ съ молокомъ матери, чѣмъ въ чужихъ людяхъ. Полкъ, въ которомъ впервые сложилась душа рекрута, въ которомъ произошло преобразованіе его изъ крестьянина въ солдата, составляетъ для него ту же родную деревню. тамъ только существуетъ товарищество, мнѣніе котораго онъ считаетъ обязательнымъ для себя. Всякій знаетъ до какой степени русскій простолюдинъ рабъ міра, но лишь того міра, съ которымъ онъ сжился, который онъ считаетъ своимъ міромъ. Чтобы стать въ такія же отношенія къ новому товариществу, онъ долженъ вновь сростись съ нимъ душой, а это дѣло не одного дня, даже не одного года; тѣмъ болѣе, что рекрутъ, какъ впервые вступающій на службу, самъ лѣпится въ готовую форму, безсрочный же, призываемый въ ряды, уже человѣкъ разбитной, съ готовыми понятіями, и привыкать къ инымъ ему трудно; онъ будетъ долго жить въ новой части отрѣзаннымъ ломтемъ, не подчиняясь вовсе ея нравственному вліянію. Между тѣмъ надобно вести на войну полкъ, въ которомъ двѣ трети людей остаются чуждыми и полку, и другъ другу. Эти люди могутъ по-одиночкѣ биться храбро, но развѣ можно ожидать отъ такого полка какого-нибудь духа, какого-нибудь общаго настроенія; а въ регулярномъ войскѣ сила вовсе не въ томъ, чтобы каждый человѣкъ былъ храбрецъ — это несбыточно, нужно чтобы полкъ былъ храбръ, все дѣло въ сборной душѣ части. Если въ полку есть много людей, не подчиняющихся его духу,

то самое существованіе этой сборной души становится невозможнымъ.

Надо вспомнить великій примѣръ Ватерлоо. Французская армія, сформированная передъ самымъ походомъ, состояла почти поголовно изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, возвратившихся изъ плѣна и дальнихъ гарнизоновъ по всѣмъ концамъ европы; но люди эти были сведены въ новые полки, они не знали ни своихъ начальниковъ, ни другъ друга. Наполеонъ говорилъ «la terre qui porte cette armée en est fière», и онъ былъ правъ относительно одиночныхъ людей. Но вотъ что случилось; эти старые солдаты бились какъ львы, но эти молодые полки, составленные изъ людей ничѣмъ между собою не связанныхъ, лишенные поэтому общей души, какъ только счастіе не повезло имъ, закричали «измѣна» и разсыпались по-одиночкѣ, какъ испуганный табунъ, чего никогда не случалось въ такой степени даже съ полками рекрутъ, выведенныхъ на убой въ 1813 году.

Для всякаго войска, а тѣмъ болѣе для народной арміи, состоящей преимущественно изъ молодыхъ солдатъ, должна быть принята аксіома: «военная часть надежна въ бою тогда только, когда она состоитъ изъ людей проникнутыхъ нравственною связью, образующихъ товарищество»; лишь при такой связи явится въ ней круговая порука, увѣренность во взаимной поддержкѣ, и часть станетъ слитною, цѣльною единицей; а на войнѣ вся сила именно въ этомъ. Чтобы расчитывать въ бою на полкъ, состоящій въ мирное время изъ трети, даже изъ половины полнаго комплекта, надобно, чтобы онъ пополнялся своими отпускными, а не какими-либо другими; безъ этого хорошей арміи никогда не будетъ. Но сводить въ полкъ исключительно его безсрочныхъ, разбросанныхъ по обширной имперіи, рѣшительно невозможно. Для этого пришлось бы обратить цѣлыя дивизіи въ писарей и употребить годъ на укомплектованіе войскъ. Есть только одно средство достигнуть этой цѣли легко, безъ замѣшательства; опредѣлить каждому пѣхотному полку особенный рекрутскій участокъ, изъ котораго бы онъ исключительно формировался. Отпускные пойдутъ на родину. Съ постановленіемъ полка на военное положеніе, къ нему будутъ призваны безсрочно-отпускные его участка. Если къ нимъ примѣшается нѣсколько постороннихъ, если нѣкоторые изъ отпускныхъ полка разбредутся въ другіе участки, въ этомъ нѣтъ ни-

какой важности; масса будетъ своя; полкъ останется однимъ товариществомъ, а только это и нужно. Исключеніе можетъ быть допущено только временно, на войнѣ, когда полкъ понесетъ несоразмѣрныя потери; тогда его, для спѣшности, разумѣется, необходимо комплектовать первыми прибывшими рекрутскими партіями. Въ обыкновенное время также можетъ быть разница въ убыли полковъ, стоящихъ не въ одинаковыхъ санитарныхъ условіяхъ по всѣмъ концамъ имперіи, но для того остается все количество рекрутъ изъ областей не допускающихъ раздѣленія на полковые округа; его можно распредѣлить между полками по усмотрѣнію.

Постоянныя войска долгаго срока могутъ быть сформированы изъ какихъ угодно элементовъ, но народная армія, кадры пополняемые отпускными, не могутъ быть хороши иначе, какъ на этомъ условіи. Государства, принявшія систему народныхъ армій, основали ее на полковыхъ рекрутскихъ округахъ,—всѣ, даже разноплеменная Австрія.

Можно поручиться въ томъ, что полкъ, составленный изъ одноземцевъ, изъ сосѣдей, разовьется такимъ органическимъ цѣлымъ, будетъ такъ воодушевленъ, какъ не былъ еще никогда ни одинъ полкъ нашей арміи. Я говорилъ уже какое соревнованіе было возбуждено въ дивизіяхъ, сформированныхъ въ 1863 году частнымъ размѣщеніемъ людей въ полки группами, хотя еще въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Для качества полка чрезвычайно важно, чтобъ онъ составлялъ нѣчто въ родѣ маленькой національности, естественной или выдѣланной, все равно; надобно непремѣнно, чтобы полкъ имѣлъ свой нравственный оттѣнокъ, свою оригинальность, свои обычаи: чтобы солдату, забредшему въ чужую часть, говорили: „ну, съ перваго слова видѣнъ Куринецъ,“ „вотъ за версту признали Эриванца“ и чтобы дѣйствительно Куринца можно было признать съ перваго слова, а Эриванца отличить за версту. Надобно, чтобы всѣ чины считали свой полкъ первымъ въ свѣтѣ, свято хранили его преданія, готовы были идти на ножи со всякимъ чужимъ за его славу; это возможно лишь тогда, когда полкъ имѣетъ личность. Только при такомъ развитіи часть будетъ составлять одно боевое цѣлое, *несокрушимое до изнеможенія силъ,* такое цѣлое, въ которомъ ни одиночный человѣкъ не выдаетъ товарища, ни рота не выдаетъ роту, ни полкъ во всемъ составѣ не допуститъ кого-либо превзойдти себя. Грузинскіе гре-

надеры, обиженные тѣмъ, что сосѣди ихъ по штабъ квартирѣ, Эриванцы, не поддерживали ихъ будто бы въ сраженіи подъ Башъ-Кадыкларомъ (претензія, надобно сказать, совершенно не справедливая), нѣсколько лѣтъ потомъ поголовно не говорили съ ними, даже встрѣчаясь одинъ на одинъ. Вотъ полкъ съ личностію! Надобно знать до какой степени напоминаніе славнаго имени полка дѣйствуетъ на кавказскихъ солдатъ. „Помните, что вы кабардинцы", это слово всегда равнялось нѣсколькимъ тысячамъ подкрѣпленія. Но изъ всей нашей арміи только на Кавказѣ и были полки съ личностію, даже тамъ она начинаетъ блѣднѣть. Еще въ письмахъ изъ Тифлиса, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, я объяснялъ развитость этихъ войскъ не только боевою жизнію, но тѣмъ, что онѣ остались войсками суворовскими, какими пришли сюда въ первый годъ нынѣшняго столѣтія; до нихъ почти не коснулась плацъ-парадная фридриховская школа, и полки развились дѣйствительно самобытными, одушевленными единицами. За исключеніемъ же Кавказа, надо сказать, полки наши не имѣютъ никакой физіономіи, разница между ними только въ цвѣтѣ воротника; полковыя преданія лежатъ въ архивахъ и никому не извѣстны; имя полка не звучитъ солдату ничѣмъ близкимъ сердцу. На практикѣ это значитъ, что полкъ далеко не представляетъ той боевой силы, какая могла бы въ немъ заключаться. Въ природѣ одинъ законъ: каждый новый шагъ къ развитію знаменуется большимъ обособленіемъ сначала единичности, потомъ личности; изъ безразличной массы силъ выдѣляется понемногу живая душа. Это такъ же вѣрно въ исторіи политической, какъ и въ естественной. Полкъ съ выработанною личностію относится къ полку безличному, какъ высшій организмъ къ студню полипа; всѣ недозрѣлые плоды одного вкуса. Можно сказать положительно, пока каждый изъ русскихъ полковъ не разовьется до самобытности, русская армія не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть.

Шестидесятилѣтнее вліяніе фридриховской школы подѣйствовало неблагопріятно на наши войска: не на солдатъ, а на начальниковъ, на штабы, на весь итогъ военныхъ обычаевъ и пріемовъ. Съ рутиной, видной на глазъ, можно скоро покончить, что уже и сдѣлано въ значительной степени; но рутину, засѣвшую въ душу, въ понятія людей, трудно искоренить даже въ долгіе годы. Въ срокъ одного поколѣнія невозможно влить

въ наши полки, остающіеся на прежнемъ основаніи, тотъ просторъ жизни, который даетъ каждой военной части самобытный характеръ. Этой самобытности не изъ чего развиться, для нея покуда не существуетъ даже зародыша. Надо положить новыя дрожжи въ русскую армію. Распредѣленіе рекрутскихъ участковъ по полкамъ, сформированіе полковъ изъ одноземцевъ, станетъ жизненнымъ обновленіемъ для нашей арміи. Можно даже не придавать частямъ никакого имени, уничтожить нынѣшнія названія, оставивъ одни нумера; онѣ сами будутъ знать кто онѣ такія. Укрѣпленіе за полками опредѣленныхъ рекрутскихъ участковъ необходимо, по двумъ причинамъ чрезвычайной важности: для того, чтобы съ переходомъ на военное положеніе пополнять часть ея собственными, а не чужими безсрочно-отпускными, безъ чего она никогда не будетъ единодушною, связною боевою частію; для того, чтобы зародить въ полкахъ соревнованіе, вложить въ нихъ нравственную цѣльность. Одно и то же учрежденіе оказывается нужнымъ и для того, чтобы прочно устроить многочисленную, легко подвижную народную армію, и для того чтобы разомъ ввести ее въ возрастъ зрѣлости. Полкъ, состоящій изъ одноземцевъ, представляетъ всѣ залоги военныхъ качествъ; въ немъ быстро разовьется круговая порука, обязанность взаимной поддержки, соревнованіе съ чужими, сотоварищество—явится личность. Всѣ наши полки въ короткое время станутъ въ извѣстной мѣрѣ кабардинскими. Кромѣ того, между арміей и земствомъ возникнетъ тѣснѣйшее сочувствіе. Каждый полкъ будетъ для своего рекрутскаго участка какъ сынъ родной семьи, въ случаѣ надобности получитъ отъ него возможныя пособія; люди все утратившіе силы отъ ранъ или болѣзни встрѣтятъ на родинѣ общее содѣйствіе. Рекруты пойдутъ съ величайшею охотой, зная что они идутъ къ своимъ. Солдатъ на службѣ будетъ вдвое дорожить хорошею славой, зная, что она воротится съ нимъ въ родную деревню. При такомъ учрежденіи вся Русская Земля станетъ за русскою арміей, не аллегорически, но уже буквально, какъ мать за своимъ сыномъ.

Военная слава полка, выставляемаго участкомъ, непремѣнно отзовется и на его ополченіи. Между полкомъ и участкомъ завяжется глубочайшая душевная связь; участокъ будетъ знать въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію своего полка, станетъ гордиться имъ и за нимъ тянуться. Ополченцы, взявъ ружье

въ руки, скажутъ: „вѣдь мы тѣ же!“ и подъ командой хорошаго начальника совершатъ чудеса; подъ вліяніемъ этой увѣренности въ полковой славѣ никогда не будетъ недостатка; каждый участокъ станетъ считать свой полкъ первымъ—этого довольно. Взаимная связь также сильно отзовется на полку, какъ и на мѣстности; солдатъ будетъ знать, что его хорошая слава, память о его заслугахъ, не исчезнетъ съ выходомъ въ отставку; она воротится съ нимъ подъ отеческій кровъ, его встрѣтятъ въ родномъ селѣ съ тою степенью уваженія, какую онъ заслужилъ въ строю. Однимъ великимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ нравственнымъ побужденіемъ къ отличію будетъ больше для русскаго солдата.

Нѣтъ сомнѣнія, что рекрутъ разовьется несравненно скорѣе между одноземцами, чѣмъ между чужими. Онъ пойдетъ изъ деревни въ полкъ какъ ѣздятъ въ гости отъ отца къ дядѣ. Военная служба окончательно перестанетъ пугать русскаго человѣка. Нравственность людей въ полкахъ улучшится; отъ дурныхъ поступковъ солдата будутъ удерживать уже не старшіе по службѣ, но старшіе по родству и обычаю, которыхъ съ измала онъ привыкъ почитать. Люди станутъ за свой полкъ, какъ стоятъ за свой домъ. Кто же выдастъ роднаго, кто отстанетъ отъ сосѣда, чтобъ тотъ осрамилъ потомъ передъ братьями и невѣстой? Сравните съ полкомъ такого закала одинъ изъ нынѣшнихъ, приведенный изъ кадровъ на военное положеніе, когда къ 60-ти солдатамъ (изъ которыхъ 30 штрафованныхъ) составляющимъ его основаніе, присоединится на короткое время еще 120, не видавшихъ въ глаза ни этихъ кадровыхъ, ни другъ друга, совершенно равнодушныхъ къ мнѣнію своихъ случайныхъ сотоварищей; возможно ли будетъ увѣрить этихъ людей, что они напримѣръ азовцы и должны стоять за честь полка и его знамени?

Противъ образованія полковъ по участкамъ было выставлено одно, съ виду дѣйствительно полновѣсное, возраженіе. «Полки, составленные изъ инородческихъ населеній будутъ аномаліей въ нашей арміи, въ нихъ возникнутъ всѣ недостатки австрійскаго войска; какъ учить ихъ и командовать ими? притомъ русское войско служитъ главнымъ проводникомъ народности; черезъ нее понемногу русѣютъ иноязычныя племена». Эти возраженія имѣли бы силу, еслибъ русское племя было только главнымъ въ государствѣ, какъ нѣмецкое въ Швейца-

ріи; но русское племя не главное только, оно есть *суть* имперіи; все не русское растворяется въ немъ. Съ самаго начала мы оговорили страны, составляющія завоеванія внѣ русской почвы — Финляндію, Царство Польское, Кавказъ. Къ этимъ окраинамъ не применимы ни ополченіе, ни дѣленіе на полковые участки. Затѣмъ можно еще назвать два нерусскіе угла — остзейскія губерніи и жмудскіе уѣзды. Но стремленія простаго народа въ этихъ странахъ таковы, что за духъ туземнаго солдата нечего опасаться; стоя въ русской губерніи, подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ, онъ научится по-русски. Наконецъ эти углы, населенные не болѣе какъ двумя съ половиной милліонами жителей, можно исключить изъ общаго положенія и распредѣлять ихъ рекрутъ по полкамъ. Останется еще 62 милліона изъ 64-хъ, къ которымъ это учрежденіе совершенно подходитъ; нечего тормозить столь полезную мѣру изъ за Лифляндской и Ковенской губерній. Въ остальной Россіи, хотя инородцы и разсыпаны клочками, но нигдѣ не составляютъ сплошнаго населенія, нѣтъ ни одного уѣзда, гдѣ бы русское племя не составляло большинства; стало быть не будетъ полка, въ которомъ большинство не состояло бы изъ русскихъ. Меньшинство же, при ничтожномъ племенномъ устоѣ какихъ-нибудь Мордвинъ или Тептярей, на половину уже обрусѣвшихъ, не составляетъ конечно серіознаго препятствія.

Разстоянія также не представляютъ особеннаго затрудненія. Полки, постоянно занимающіе окраину, какъ кавказскіе, пополняются и теперь преимущественно изъ ближайшихъ губерній; въ этихъ же губерніяхъ слѣдуетъ отвести имъ участки. Въ мирное время нѣтъ надобности ставить прочіе; передвижные полки слишкомъ далеко отъ ихъ участковъ. Въ настоящее время очень благоразумно не даютъ полкамъ застаиваться; но для этого достаточно перемѣщать ихъ въ сосѣдній округъ. Еслибъ нужно было переслать людей съ Волги на Вислу, что случается и теперь, то при желѣзныхъ дорогахъ это не трудно. Надо вообще замѣтить: нельзя провести никакого преобразованія, даже самаго настоятельно нужнаго, безъ того, чтобъ при этомъ не возникло многихъ затрудненій; установившаяся вещь всегда кричитъ когда ее ломаютъ. Вопросъ въ томъ, на какой сторонѣ перевѣсъ,—на сторонѣ выгодъ или затрудненій?

Я не думаю, чтобы нужно было доказывать безопасность для общественнаго порядка соединенія одноземцевъ по груп-

намъ. Этого учрежденія не боится даже разношерстная Австрія, въ которой каждый полкъ имѣетъ свой особенный рекрутскій округъ. Распредѣленіе войскъ по національностямъ даже тамъ не ведетъ за собой не только вредныхъ, но даже сколько-нибудь сомнительныхъ политическихъ послѣдствій. Какія же послѣдствія можетъ оно имѣть при распредѣленіи рекрутъ по уѣздамъ. Развѣ не всѣ русскіе люди въ одинаковой степени слуги Царю и матери Россіи?

На вышеприведенныхъ основаніяхъ переходъ къ военному положенію будетъ совершаться легко, съ соблюденіемъ условій, нужныхъ для хорошаго качества войска. Въ частяхъ возникнетъ тѣсное товарищество, между ними возбудится соревнованіе, обнаружится личность каждой. Это еще не все. Съ какимъ бы то ни было духомъ, масса молодыхъ солдатъ слишкомъ подвержена внезапнымъ впечатлѣніямъ, чтобы быть вполнѣ надежною, если ей не приданъ болѣе твердый остовъ, если ею не руководятъ зрѣлые, опытные люди, не одни только офицеры; въ офицерахъ заключается умъ части, а не ея нравственная душа; они голова ея, а не сердце. Во всякой арміи, а въ нашей еще несравненно болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, между офицерами и толпой нужны звенья, посредники, пользующіеся ея довѣріемъ. Необходимо поставить опытныхъ руководителей въ головѣ самыхъ мелкихъ подраздѣленій, даже десятковъ. Обучить пѣхоту не долго, была бы голова, къ ней всегда можно придѣлать новый хвостъ, но эта голова не можетъ быть сосредоточена въ маленькомъ кружкѣ начальствующихъ, всѣ плечи въ части должны чувствовать ее на себѣ. Молодой солдатъ не можетъ стать такою головой даже для самой маленькой кучки товарищей, въ немъ нѣтъ обаянія, онъ можетъ только дѣйствовать, а не показывать другимъ что дѣлать. Во фронтѣ необходимы старые унтеръ-офицеры и ефрейторы, пользующіеся авторитетомъ опытности и знанія дѣла.

Объ унтеръ-офицерахъ нечего и говорить; въ нашей арміи въ нихъ заключается вся нравственная основа части. Унтеръ-офицеры, кромѣ своего значенія въ жизни полка и во фронтѣ, должны еще быть инструкторами, обучающими одиночныхъ рядовыхъ, они должны знать свое дѣло въ совершенствѣ, чего нельзя требовать отъ людей, которые сами еще продолжаютъ учиться; а трехъ-лѣтнимъ солдатамъ надо учиться до послѣдняго дня, чтобы быть вполнѣ приготовленными ко времени

роспуска. Унтеръ-офицеровъ приходится меньше чѣмъ по одному на десять рядовыхъ, въ этой пропорціи трудно обучать людей скоро и правильно, трудно и присмотрѣть за ними; имъ нужны въ помощники старые солдаты-ефрейторы. Для доброкачественности молодаго войска надобно, чтобы на нѣсколькихъ солдатъ приходился руководитель, всегда стоящій передъ ихъ глазами. Тогда войско представитъ полное соединеніе боевыхъ качествъ: съ одной стороны твердость и хладнокровіе зрѣлости, съ другой—пылкость молодости.

При томъ, чтобъ унтеръ-офицеры и ефрейторы были хороши на сколько возможно, надобно чтобъ они не помышляли объ отставкѣ, какъ о счастливой минутѣ освобожденія отъ тяжелой обязанности, что свойственно всякому солдату; они должны быть воинами не по обязанности только, какъ большинство рядовыхъ, но по духу, по складкѣ вошедшей имъ въ кровь; солдатъ долженъ видѣть въ нихъ образецъ, по которому ему надобно стараться выдѣлать себя. Но человѣкъ тогда только вырабатывается вполнѣ въ духѣ своего званія, когда онъ ничего не ищетъ внѣ его, посвящаетъ ему жизнь; а для этого требуется, чтобъ унтеръ-офицеры и ефрейторы находили въ службѣ удовлетвореніе, необходимое человѣку какъ нравственному существу и знали, что старость ихъ будетъ обезпечена; тогда они останутся на службѣ добровольно, пока позволятъ силы и придадутъ молодымъ полкамъ устой старыхъ дружинъ.

Для пріобрѣтенія этихъ опытныхъ людей есть только одно средство, но вѣрное и легкое—французская система вербовки солдатъ, отслужившихъ свое время. Никто не откажетъ французской арміи въ высокой степени зрѣлости, хотя солдата держутъ тамъ въ рядахъ въ мирное время не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ; несмотря на такую кратковременность дѣйствительной службы, установленіе вербовки солдатъ на второй срокъ придаетъ французскимъ войскамъ несомнѣнный характеръ старыхъ бандъ, ставитъ эту армію такъ высоко. Пруссія не обладаетъ этимъ рессурсомъ, ея вооруженная сила поглощаетъ все населеніе, способное носить оружіе; добыть ветерановъ ей неоткуда. Но въ государствѣ, не вынужденномъ напрягать свои средства до такой степени, имѣющемъ простроръ въ устройствѣ своихъ вооруженій, вербовка солдатъ на вторичную службу, дополняющая нравственно все то, чего не достаетъ молодому войску, должна стать однимъ изъ существеннѣйшихъ основаній

военной организація. Она принята во Франціи, гдѣ отношеніе вооруженной силы къ населенію составляетъ $^{1}/_{43}$; у насъ, гдѣ это отношеніе никогда не перейдетъ $^{1}/_{60}$, существуетъ для нея еще гораздо болѣе простора.

Покуда, при пятнадцатилѣтнемъ срокѣ службы, вербовка рядовыхъ на вторичный срокъ не составляетъ еще у насъ необходимости, хотя во всякомъ случаѣ выгодно замѣнить рекрута обученымъ, обтерпѣвшимся и проникнутымъ духомъ своего званія человѣкомъ, если такой обмѣнъ ничего не стоитъ; но вербовать унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ совершенно необходимо теперь же; каковъ бы ни былъ срокъ дѣйствительной службы—$3^{1}/_{2}$ года, или 9 лѣтъ, но если только введены въ войскахъ безсрочные отпуски и солдатъ не стоитъ въ рядахъ всю жизнь, какъ было у насъ прежде, нужны мѣры для удержанія въ рядахъ унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Въ кавказской арміи хорошо извѣстно, до какой степени внезапный выпускъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, объявленный съ окончаніемъ войны, разстроилъ полки нравственно; все что составляло душу полка, внутреннюю основу его, разомъ выбыло вонъ; многихъ полковъ теперь нельзя узнать. Между тѣмъ эта мѣра требовалась справедливостію: нельзя отказать человѣку въ его правѣ за то только, что онъ хорошъ въ своемъ званіи и потому полезенъ. Еслибъ у насъ въ то время были узаконены мѣры для привлеченія къ добровольной службѣ нужныхъ войску людей, можно было бы выпустить не только 15-ти лѣтнихъ, но даже всѣхъ 8 лѣтнихъ, нисколько не разстраивая полковъ. Рядовые въ пѣхотѣ что волосы на головѣ, ихъ всегда можно отрастить вновь; но унтеръ-офицеры и ефрейторы представляютъ тотъ источникъ жизни въ организмѣ, безъ котораго волосы можно только наклеивать, а не отращать.

Пополненіе рядовъ старослуживыми есть не только существенное условіе для качества войскъ, но оно одинаково нужно и для того, чтобъ избавить армію отъ нынѣшнихъ охотниковъ изъ вольнаемныхъ, и для того, чтобы дать каждому гражданину, имѣющему средства, возможность откупиться. Нынѣшнихъ наемниковъ нельзя терпѣть въ войскѣ, на этотъ счетъ всѣ согласны. Кто только видѣлъ какъ въ нашемъ народѣ ставятъ охотника, не можетъ этому удивляться. Въ охотники идутъ безъ исключенія одни пропащіе люди. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ поступленіемъ на службу, эти люди, распоряжаясь по-

чти неограничено кошелькомъ и семействомъ нанимающаго, справляютъ безумную оргію, въ которой они развращаются окончательно. Не мудрено, что изъ нихъ выходятъ потомъ не защитники родной земли, а колодники арестантскихъ ротъ, которыя наполняются ими преимущественно. Нанимающій же часто раззоряется до тла и всегда разстраивается. Надо ввести въ эти отношенія законный порядокъ, чтобы всякій гражданинъ могъ откупиться отъ обязательной военной службы безъ затрудненій, внеся опредѣленную закономъ сумму въ рекрутскую кассу. Абсолютно обязательная военная служба можетъ имѣть смыслъ въ Пруссіи, а не у насъ, гдѣ отношеніе служащихъ къ населенію, при величайшемъ развитіи силъ, составитъ не болѣе какъ 1 къ 80. Во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе государственной рекрутской кассы стало необходимымъ и для арміи, и для общества. Русскій простолюдинъ не боится труда да и труда ему на службѣ едвали не меньше, чѣмъ на вольной работѣ; но для него важна цѣна, которую онъ получаетъ за трудъ. Если ему предоставленъ выборъ, то онъ не согласится взять за службу меньше, чѣмъ сколько можетъ получить въ другомъ занятіи. Вышедши на волю унтеръ-офицеру возможно нанятся приблизительно за 8 руб. въ мѣсяцъ, солдату за 5; за эту плату, даже за 6 и 4 руб. они охотно останутся на службѣ, не пользуясь правомъ отпуска. И безъ того съ обращенія нашей арміи изъ крѣпостной въ вольную, стало необходимымъ возвысить служебное положеніе и содержаніе унтеръ-офицеровъ; на счетъ этого всѣ согласны *) на второй срокъ или, по мѣрѣ силъ, хоть на полъ-срока, они могутъ быть завербованы за цѣнность рекрутской квитанціи, въ настоящее время 500 руб., проценты которой зачтутся имъ въ жалованье,

---

*) Эта вопіющая потребность должна быть покрыта какими бы то ни было средствами. Было бы выгоднѣе даже сократить нѣсколько составъ частей и обратить сбереженіе на добавленіе унтеръ-офицерскаго жалованья. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что батальіонъ въ 900 штыковъ съ хорошими унтеръ-офицерами представляетъ большую силу, чѣмъ батальіонъ въ 1000 штыковъ съ дурными. На первыхъ порахъ нѣсколько лѣтъ еще унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ можно будетъ удержать на службѣ вѣроятно за меньшее вознагражденіе чѣмъ то, которое показано выше, имѣя въ виду 500 р. капитала обезпечивающаго ихъ старость—(цѣнность рекрутской квитанціи, получаемой за вторичную службу) они откажутся отъ безсрочнаго отпуска, замѣняемаго нѣсколькими срочными (унтеръ-офицеры за 60, ефрейторы за 40 р. годоваго содержанія).

въ облегченіе казеннаго расхода, а капиталъ пойдетъ за пенсію при отставкѣ. Достаточно вознаграждаемые пока служатъ и обезпеченные подъ старость, наши высшіе нижніе чины посвятятъ жизнь службѣ и станутъ источникомъ военнаго духа для всей арміи. Съ пониженіемъ сроковъ необходимость этой мѣры станетъ чувствоваться еще живѣе.

Нѣтъ надобности удерживать на службѣ полное число этихъ старшихъ людей при части, сокращенной въ одну треть комплекта. Безсрочный отпускъ можетъ быть замѣненъ для желающихъ временными годовыми отпусками, черезъ 2 года на третій. При этомъ будетъ еще та выгода, что армія избавится отъ элементовъ, изъ которыхъ, по неблагонадежности или неспособности, рѣдко выходятъ хорошіе солдаты; напримѣръ, отъ польскихъ горожанъ, отъ евреевъ и пр., которые станутъ откупаться массой, когда имъ предоставятъ возможность необременительнаго выкупа; они понесутъ ту же государственную повинность, только въ другомъ видѣ. Когда этотъ порядокъ выкупа и вербовки старослуживыхъ установится закономъ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ общественной рекрутской кассы и съ безусловнымъ запрещеніемъ ставить вмѣсто себя вольнонаемныхъ охотниковъ, то безъ всякаго сомнѣнія запросъ и предложеніе, съ двухъ сторонъ, примутъ обширные размѣры; не будетъ недостатка ни въ охотникахъ служить вторичный срокъ, ни въ средствахъ къ привлеченію ихъ.

При такомъ порядкѣ вещей, вербовка выслуживающихъ свое время людей на вторичный срокъ должна производиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нужно открыть продажу зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій по опредѣленной цѣнѣ во всѣхъ казначействахъ, а право выкупа предоставить безъ изъятія всѣмъ лицамъ и сословіямъ, чтобы не только отдѣльный человѣкъ, но и общество, городское или сельское, могло пользоваться имъ собирательно, если пожелаетъ. Кромѣ отдѣльныхъ семействъ, найдутся цѣлые классы людей, которые станутъ широко пользоваться этимъ правомъ, напримѣръ евреи. Со втораго года можно будетъ видѣть съ достаточною точностію какіе размѣры приметъ военный выкупъ и опредѣлить количество, въ которомъ должно вербовать отставныхъ. При этой мѣрѣ можно будетъ распространить рекрутскій наборъ на всѣ окраины имперіи и исключительныя населенія, каковы мусульманскія области (кромѣ горцевъ, состоящихъ подъ военнымъ управле-

ніемъ), Бессарабія, иностранные колонисты и пр. Если политическія соображенія, болѣе или менѣе основательныя, заставляютъ отказываться въ нѣкорыхъ мѣстностяхъ отъ рекрутскаго набора въ натурѣ, то эти соображенія теряютъ силу съ открытіемъ возможности для каждаго лица и сословія купить по умѣренной цѣнѣ рекрутскую квитанцію. Дарованіе льготы нѣкоторымъ инородцамъ въ несеніи натуральной военной повинности, можетъ-быть, имѣло свои причины; избавленіе ихъ отъ повинности денежной, которую несетъ на себѣ господствующій народъ, не можетъ имѣть никакого основанія.

Нечего говорить о боевомъ и административномъ раздѣленіи войскъ: оно почти тождественно во всей Европѣ. Можно сдѣлать одно только замѣчаніе. Желательно, чтобъ у насъ былъ сформированъ при всѣхъ дивизіяхъ 13-й стрѣлковый батальіонъ, какъ это существуетъ при нѣкоторыхъ. Полковыя стрѣлковыя роты прикрываютъ фронтъ своихъ частей: для этого назначенія онѣ совершенно достаточны, какъ бы ни былъ продолжителенъ бой. Но на войнѣ безпрестанно встрѣчаются случаи, когда стрѣлки нужны спеціяльно, особо, для занятія мѣстности слишкомъ пересѣченной. Оборона такой мѣстности пѣхотнымъ батальіономъ не даетъ достаточнаго числа стрѣлковъ, такъ какъ ихъ приходится 160 на тысячу списочныхъ людей; посылать туда стрѣлковыя роты изъ резерва, значитъ заранѣе отнимать застрѣльщиковъ у батальіона, которому еще придется, можетъ-быть, выдерживать упорный бой; приводитъ стрѣлковый батальіонъ изъ другой дивизіи, значитъ перепутывать командованіе: корпусный командиръ не долженъ заниматься отдѣльными строевыми единицами. Для подобныхъ назначеній, столь часто требуемыхъ обстоятельствами, нуженъ при дивизіи особый стрѣлковый батальіонъ. Кромѣ того, при обыкновенномъ ходѣ войны, стрѣлки выбываютъ изъ фронта въ большемъ числѣ, нежели люди линейныхъ ротъ, а замѣнить ихъ трудно, такъ какъ эти послѣдніе не учатся стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій. Стрѣлковый батальіонъ при дивизіи дovodитъ численное отношеніе застрѣльщиковъ къ массѣ линейной пѣхоты съ одной пятой до одной четвертой, что само по себѣ уже весьма важно.

V.

Численность пѣхоты и военно-земское устройство.

Принимая пятилѣтній срокъ службы подъ знаменемъ за нормальный для всѣхъ пѣхотныхъ частей по внутреннему приложенію, при 15-ти годахъ полной обязательной службы, 15 годовыхъ разрядовъ, каждый въ 80 рекрутъ, дадутъ въ совокупности 1200 человѣкъ на батальіонъ; но исключая ежегодно 2% естественной убыли итогъ этотъ составитъ около 1000 челов. Батальіонъ на кадровомъ положеніи будетъ состоять изъ 5-ти младшихъ разрядовъ—400 челов.; самый младшій изъ нихъ—рекруты (80 чел.) будутъ находиться первый годъ въ резервномъ батальіонѣ и на пути, такъ что комплектъ кадроваго батальіона останется какъ и теперь 320 челов., съ убылью 300.

По послѣднему публикованному отчету (за 1865 годъ) численность всей нашей пѣхоты составляла 626.000, въ томъ числѣ пѣхоты дѣйствующей 466.000.

Съ увеличеніемъ нашей арміи до 60 пѣхот. дивизій, численность всей пѣхоты съ мѣстными войсками въ европейской Россіи въ мирное время можетъ быть слѣдующая:

3 гвардейскія дивизіи по мирному положенію какъ и теперь	14.000
4 дивизіи на западной границѣ и 4 кавказскія по военному положенію	104.000
49 дивизій въ кадровомъ составѣ	255.000
Резервы пѣхотные	41.000
Жандармы	30.000
Итого	444.000

Считая на восточной окраинѣ (Сибирь, Оренбургъ, Туркестанъ) 40 т., менѣе противъ нынѣшняго на 142.000. При такомъ сокращеніи въ мирное время наша дѣйствующая пѣхота по военному положенію выставитъ 768.000 штыковъ (по спискамъ) вмѣсто 580.000, которые она выставляетъ теперь.

Сокращеніе на 140 тыс. количества постоянно содержимыхъ войскъ, считая стоимость солдата въ 50 р., составляетъ сбереженіе въ 7 милліоновъ.

На ополченіе нужно 2½ милліона. Полагая также что 30 тыс. жандармовъ будутъ стоить вдвое противъ пѣхоты, это составитъ 1½ мил. лишняго расхода. 10 новыхъ дивизіонныхъ штабовъ

(кавказскіе линейные батальіоны имѣютъ уже свое управленіе) и вновь сформированныхъ артиллерійскихъ бригадъ по мирному положенію будутъ стоить ежегодно приблизительно 1½ мил. Затѣмъ 1½ мил. останутся еще въ экономіи на самыя вопіющія потребности.

Если 480 тыс. ополченцевъ будутъ отвлекаемы на мѣсяцъ отъ производительнаго труда, что по годовому расчету составляетъ 40 т. челов., то 140.000 лишнихъ безсрочныхъ останутся дома; такъ что отвлеченіе отъ труда, не смотря на созваніе ополченія, уменьшится ежегодно на сто тысячъ человѣкъ.

Мы не вводимъ въ этотъ разчетъ многихъ весьма значительныхъ сбережій, которыя окажутся сами собою, какъ только ополченіе станетъ у насъ государственнымъ учрежденіемъ; надобно было бы выставлять гадательныя цифры, такъ какъ военные отчеты у насъ еще не пишутся съ такою подробностію, чтобы можно было видѣть опредѣленно расходъ по каждой статьѣ. Можно однакоже указать два главныя источника сбереженій, которые не замедлятъ оказаться при такомъ порядкѣ вещей.

Очевидно, что съ учрежденіемъ ополченія можно будетъ сильно сократить число нестроевыхъ людей, состоящихъ теперь при арміи. Полагая при каждой дружинѣ по разчету должное количество нестроевыхъ съ переходомъ на военное положеніе всю массу ихъ будемъ имѣть подъ рукой. Нечего сомнѣваться, что съ тесакомъ и въ мундирѣ русскій простолюдинъ будетъ одинаково считать себя ополченцемъ и въ строю и внѣ его. Этими людьми, не требующими приготовленія, а потому и не подлежащими ежегодному сбору, можно будетъ замѣнить: 1) госпитальныя, провіантскія и коммиссаріатскія команды (при огромномъ количествѣ первыхъ, потребномъ на войнѣ, ихъ невозможно составлять исключительно изъ привычныхъ служителей, довольно чтобы главные между ними были подготовлены); 2) рабочую силу крѣпостныхъ артиллерійскихъ гарнизоновъ; 3) фурштатовъ при полкахъ; 4) всѣхъ фурщиковъ (одни артиллерійскіе парки требуютъ большаго числа этихъ людей; съ передѣлкой запасныхъ ящиковъ въ четырехколесные каждый крестьянскій парень можетъ быть фурщикомъ); 5) деньщиковъ. Имѣя полное число нестроевыхъ для военнаго времени, можно вовсе не держать ихъ при полкахъ въ мирное; для исполненія же необходимыхъ нестроевыхъ обязанностей могутъ

быть наряжаемы, поочередно, люди изъ фронта, только непремѣнно поочереди, чтобы солдатъ не отрывался надолго отъ своего прямаго дѣла.

Содержаніе полнаго числа офицеровъ на треть комплекта людей не нужно въ служебныхъ видахъ. Но при этомъ надобно имѣть въ виду двѣ вещи: 1) офицеръ, свободно отдавшійся правительству, долженъ быть обезпеченъ отъ всякихъ случайностей, несмотря ни на какія сокращенія штатовъ. Требуя отъ человѣка, чтобъ онъ выработалъ себя для специяльности, необходимой обществу, но отвлекающей его отъ всякаго другаго рода знаній, нельзя сказать ему, пока онъ достойно носитъ свое званіе,—ты больше не нуженъ. Подобный насильственный роспускъ офицеровъ можетъ убить нравственно армію. Стоитъ обратить вниманіе на образъ дѣйствій французскаго правительства въ 1865 году: уменьшая численность ротъ, а потому и офицеровъ въ своей арміи, оно ни одного изъ нихъ не бросило на произволъ судьбы, обезпечило участь каждаго. 2) Если безсрочные солдаты, достаточно обученные, могутъ быть вполнѣ удовлетворительными послѣ продолжительнаго отпуска, то объ офицерахъ нельзя сказать того же: они должны знать гораздо больше, должны слѣдить за развитіемъ военнаго дѣла въ своемъ оружіи; а потому офицеръ, возвратившійся изъ долгаго отпуска, часто окажется много перезабывшимъ и сильно отставшимъ. Для офицеровъ безсрочные отпуски непригодны, но они могутъ быть замѣнены срочными отпусками. Чтобы не содержать напрасно полнаго числа офицеровъ въ кадровой части, лучше всего предоставить трети наличнаго числа ихъ право годоваго, невысчитываемаго изъ службы отпуска, съ половиннымъ содержаніемъ. Подобное установленіе будетъ значительною льготой для высшихъ классовъ и вообще для людей, имѣющихъ какое-нибудь состояніе. Дѣйствительность такой мѣры можетъ оказаться только на практикѣ; но, вѣроятно, найдется значительное число охотниковъ; если оно дойдетъ до предѣла, то содержаніе офицеровъ въ мирное время сократится на одну шестую. Эти отпускные офицеры, призываемые на три недѣли изъ мѣста жительства въ центръ военнаго участка, могутъ служить также важнымъ подспорьемъ для обученія ополченцевъ.

Устанавливая армію на новыхъ основаніяхъ, безъ чего она не будетъ въ состояніи соперничать съ европейскими силами,

приходится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только передѣлывать старину, но и совсѣмъ отказаться отъ нея. Не только при дальнѣйшемъ сокращеніи сроковъ службы, но уже теперь, въ настоящую минуту, многое въ нашихъ военныхъ учрежденіяхъ идетъ въ разрѣзъ съ современными потребностями, признанными и закономъ и единогласнымъ мнѣніемъ военныхъ. Таково существующее до сихъ поръ еще въ арміи войсковое хозяйство. Оно состоитъ въ томъ, что, по недостаточности многихъ отпусковъ и излишку другихъ, начальнику части предоставляется въ нѣкоторомъ отношеніи быть ея арендаторомъ, взять на себя ея содержаніе и сводить концы съ концами, посредствомъ солдатскаго труда, какъ онъ знаетъ. Въ подобномъ порядкѣ вещей продолжается старое время, когда солдатъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ правительства и служилъ всю жизнь. Тогда это казалось естественнымъ; при двадцатипятилѣтней службѣ солдата, было возможно много такого, что теперь становится уже затруднительнымъ, а съ окончательнымъ сокращеніемъ сроковъ станетъ невозможнымъ. Въ двадцать пять лѣтъ солдатъ имѣлъ время выучиться всякому ремеслу для казенной потребности и въ то же время могъ основательно узнать службу; еслибы вмѣсто выправки, его учили тогда прицѣльной стрѣльбѣ, онъ могъ быть и хорошимъ сапожникомъ и отличнымъ стрѣлкомъ. Но теперь, когда приходится выставлять въ поле гораздо большую силу и для того обратить дѣйствующія части въ кадры, черезъ которыя люди только проходятъ; когда эти люди въ срокъ, относительно короткій, должны не только основательно изучить военное дѣло, но проникнуться духомъ его, чтобы потомъ, съ призывомъ къ войнѣ, стать въ ряды настоящими солдатами,—они не могутъ уже быть вмѣстѣ и воинами и полковыми мастеровыми, стрѣлками и портными. Кромѣ того, военное хозяйство отзывается еще множествомъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Изъ-за него выходитъ, что наличность людей въ части, кромѣ дней инспекторскихъ смотровъ, почти невозможно учесть: Богъ знаетъ гдѣ они; что солдаты въ массѣ, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ, обучены весьма недостаточно; что они утрачиваютъ сознаніе своего чисто военнаго призванія и считаютъ себя солдатами только между прочимъ, въ нѣкоторые дни и часы. Я имѣлъ случаи убѣдиться изъ личнаго опыта, повѣряя численность людей въ частяхъ, что вызывая внезапно изъ казармы комплектную роту, показываемую и дѣйствительно

находящуюся налицо, дома, иногда нельзя собрать десяти человѣкъ. Люди эти не въ отлучкѣ, къ вечеру ихъ можно всѣхъ поставить въ ряды; они занимаются внѣ казармы какимъ-нибудь хозяйственнымъ дѣломъ. Это значитъ однакоже, что въ этотъ день только 10 человѣкъ могли явиться на военное обученіе; если такой порядокъ продолжается круглый годъ, то солдату въ 12 мѣсяцевъ придется сходить на ученье разъ 20; тутъ не только пятилѣтній, но и десятилѣтній срокъ обученія покажется недостаточнымъ. Конечно, я привелъ крайній случай, но тѣмъ не менѣе очевидно, до какой степени войсковое хозяйство, особенно во многихъ полкахъ, расположенныхъ по окраинамъ, гдѣ оно такъ развито, отвлекаетъ людей отъ прямаго дѣла. Въ 1842 году, кажется, было постановлено французскими палатами, что солдатъ не можетъ быть обязательно употребленъ ни на какую работу, кромѣ обусловливаемой боевыми потребностями, и то лишь, тогда, когда часть приведена на военное положеніе. Это рѣшеніе доказываетъ фактъ и безъ того впрочемъ извѣстный, что во Франціи всѣ понимаютъ военное дѣло. У насъ часто выставляютъ противъ совершеннаго уничтоженія войсковаго хозяйства, какъ аргументъ, что иногда оказалось бы затруднительнымъ удовлетворить потребностямъ войска съ подряда. Но въ дѣйствительности мнѣ нигдѣ не случилось видѣть такого затрудненія, даже на окраинахъ. Видѣлъ же я постоянно, что солдата употребляли на работу изъ за воображаемой дешевизны, считая, что такъ какъ онъ уже и безъ того содержится казною, то выгодно произвести его руками за 5 руб. то, что иначе стоило бы 10; выходило, что солдатъ, содержаніе котораго обходится ежегодно въ 50 р., а въ общемъ итогѣ военнаго бюджета въ 150 р., былъ оторванъ отъ семьи и стоилъ правительству такихъ денегъ, не для того, чтобы быть воиномъ (онъ не существовалъ, какъ воинъ), но для того, чтобы выгадать экономію въ 5 руб. Не лучше ли было бы оставить этого человѣка дома, не тратить на его содержаніе 50 руб. и купивъ нужную вещь за 10, сберечь остальные 40. Этотъ примѣръ вовсе не шутка. Положительно *вся* цѣнность солдатской работы находится *всегда* въ такомъ же отношеніи къ казенному расходу на человѣка. Защитники хозяйства (теперь, впрочемъ, ихъ осталось не много) утверждаютъ, что этотъ работающій солдатъ все же состоитъ налицо, и когда нужно, станетъ въ ряды. Но если для обу-

ченія солдата нуженъ извѣстный срокъ, то къ этому сроку надобно приложить еще все время, когда онъ работаетъ, а не учится, время, въ продолженіе котораго казна содержитъ его съ тѣмъ выгоднымъ экономическимъ разчетомъ, какъ показано выше. Какъ только хозяйство существуетъ, то происходитъ непремѣнно одно изъ двухъ: или солдата держутъ для работы лишнее время въ рядахъ, или отпускаютъ его домой недостаточно обученымъ (оттого такъ трудно сговариваться съ защитниками нынѣшнихъ сроковъ; утверждая, что въ болѣе короткое время нельзя приготовить солдата, они подразумѣваютъ—и шорника).

Передача распоряженія хозяйствомъ изъ рукъ начальника части въ руки комитета составляетъ весьма незначительную перемѣну. У насъ зло происходитъ не отъ хозяина, а отъ хозяйства. Чтобъ у насъ была истинно боевая армія при относительно короткихъ срокахъ службы, непремѣнно нужно уничтожить даже слѣды военнаго хозяйства, не только пильщиковъ и угольщиковъ, которые понынѣ водятся въ нѣкоторыхъ полкахъ, но всякихъ портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ и проч; надобно кормить, одѣвать и снабжать войско всѣмъ нужнымъ съ подряда, какъ въ другихъ странахъ. Было бы несравненно выгоднѣе, если ужь нельзя сдѣлать иначе, исключить изъ комплекта всѣхъ нынѣшнихъ полковыхъ мастеровыхъ и приложить расходуемыя на нихъ деньги къ содержанію полка. Въ войскѣ хозяйственная работа вредна не сама по себѣ; работа въ мѣру не помѣшала бы солдату заниматься военнымъ дѣломъ какъ слѣдуетъ, при нынѣшнемъ и даже пятилѣтнемъ срокѣ службы; но нельзя допустить ее въ принципѣ. Какъ только работа допущена, она разростается незамѣтно и ее уже невозможно учесть.

При изложенномъ устройствѣ арміи изъ 768 тыс. дѣйствующей пѣхоты (кромѣ инженерныхъ войскъ) въ мирное время 373 тыс. будутъ находиться на службѣ, а около 400 тыс. (395), не многимъ больше половины, у себя дома на родинѣ; какъ только обстоятельства позволятъ сократить число дивизій, находящихся на военномъ положеніи, то эта цифра еще увеличится *). Прилагая къ ней 480 тыс. ополченія выходитъ, что

*) Я не высчитывалъ трехъ гвардейскихъ дивизій особо, принимая ихъ въ общемъ счетѣ 60-ти дѣйствующихъ.

изъ 1.248,000 штыковъ, которые Россія можетъ выставить противъ непріятеля, на родинѣ оставалось бы 875 тысячъ, т.-е. $^7/_{10}$. Очевидно, въ такомъ положеніи дѣла попеченіе о людяхъ, распущенныхъ по домамъ, становится столько же важнымъ, какъ и попеченіе о строевыхъ частяхъ; въ мирное время глав ная часть арміи будетъ жить не подъ знаменемъ, а на родинѣ, въ своихъ рекрутскихъ участкахъ, а потому мѣстное военное управленіе участками потребуетъ большой заботливости. Нужно будетъ не только держать въ совершенномъ порядкѣ списки безсрочнымъ и ополченцамъ, но постоянно исправлять и пополнять ихъ; ополченцевъ надобно ежегодно сортировать, ставить каждаго на свое мѣсто, отдѣлять строевыхъ отъ нестроевыхъ, и наконецъ, ежегодно обучать ихъ.

Комплектованіе всѣхъ частей арміи—инженерныхъ, артиллерійскихъ и всѣхъ необходимыхъ въ мирное время командъ, должно быть включено въ число рекрутъ, выставляемыхъ полковымъ участкомъ. Учрежденіе этихъ участковъ можетъ быть распространено только на части Имперіи совершенно благонадежныя по духу массы (каковы бы ни были шляхетскія сословія), на тѣ части, изъ которыхъ можно безопасно вызывать ополченіе; населеніе таковыхъ областей мы исчислили приблизительно въ 64 милліона. Рекруты неблагонадежныхъ мѣстностей, не подѣленныхъ на участки, должны быть распредѣляемы по полкамъ сообразно съ разною пропорціею убыли. Мы исчислили нужныя нашему отечеству силы въ 240 пѣхотныхъ полковъ (кромѣ стрѣлковыхъ батальйоновъ) и 480 земскихъ дружинъ. Такимъ образомъ, на каждый полковой рекрутскій участокъ придется двѣ дружины ополченія, стало-быть населеніе его будетъ 266—267 тысячъ душъ обоего пола: смотря по губерніи два, три или четыре уѣзда. Шестьдесятъ четыре милліона русскаго населенія (за исключеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа, казачьихъ войскъ и кочевыхъ народовъ) подѣлятся на 240 полковыхъ рекрутскихъ участковъ. Участку придется выставлять ежегодно рекрутъ и ополченцевъ.

На 3-хъ батальіонный полкъ	240
На стрѣлковый батальіонъ	20
На прочія части, основываясь на отношеніи численности разныхъ родовъ оружія по отчету 1864 г. (безъ кавалеріи)	80
	340
Ежегодно выставляемый разрядъ ополченцевъ	680

Добавочное число нестроевыхъ къ этому разряду, фурщики, деньщики,

рабочая сила разныхъ вѣдомствъ, госпитальныя и другія команды, и нестроевые всѣхъ видовъ, считая приблизительно общее количество, кромѣ содержимаго въ мирное время, въ 80 тыс. 110

Итого 792

Для избѣжанія излишней сложности мы не вычли изъ каждаго разряда соотвѣтственный процентъ рекрутъ, падающій на окраины, которыя не могутъ быть подѣлены на мѣстные участки. Процентъ этотъ составляетъ, приблизительно $^1/_{13}$, а потому ежегодно число рекрутъ съ участка надобно считать только 315.

На 133,000 душъ мужескаго пола, считая тутъ всѣ классы общества, ежегодно будетъ вызываться 315 рекрутъ, т.-е. $2^2/_5$ на тысячу душъ, а ополченцевъ, свободно располагающихъ своею жизнію въ мирное время, безъ малаго 6 на тысячу. Численность солдатъ на участокъ 4,850 (немного менѣе 28 на 1,000 душъ м. п.) изъ нихъ въ отсутствіи около половины (считая гвардію, 8 пѣхотныхъ дивизій и войска восточной окраины въ высшихъ комплектахъ) ополченцевъ строевыхъ 2,000, а нестроевыхъ 330. Все количество людей въ участкѣ, служащихъ или подлежащихъ призыву 7,180, а на тысячу душъ м. п. немного менѣе 54-хъ.

Обученіе рекрутъ и ополченцевъ должно быть ввѣрено резервнымъ войскамъ. Съ раздѣленіемъ государства на рекрутскіе участки и образованіемъ земскаго войска резервныя войска нельзя будетъ группировать баталіонами. Не слѣдуетъ надолго отзывать изъ дома людей, которымъ предоставлено содержать себя собственнымъ трудомъ. Въ мѣстахъ, рѣдко населенныхъ, гдѣ поэтому участокъ растянется на обширное пространство, будетъ даже трудно собирать людей въ одинъ центральный пунктъ, придется назначить два сборныя мѣста. Такихъ участковъ, впрочемъ, будетъ немного. Сзывать же ополченіе къ баталіону изъ цѣлой губерніи, или хоть изъ значительной части ея пространства, оказалось бы невозможнымъ. При такомъ устройствѣ резервныя войска надобно разставить по-ротно, по одной ротѣ въ каждомъ участкѣ, что дастъ 240 ротъ.

Управленіе полковымъ участкомъ должно быть сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Начальники участковъ замѣнятъ въ этомъ случаѣ нынѣшнихъ губернскихъ военныхъ начальниковъ. Обязанность ихъ будетъ очень важная, такъ какъ на нихъ ля-

жетъ, кромѣ всѣхъ заботъ этихъ послѣднихъ, еще сортированіе и устройство ополченія. При однородномъ составѣ полковъ изъ одноземцевъ, между полкомъ и его рекрутскимъ участкомъ, не только безсрочными участка, но и ополченіемъ его, возникнетъ тѣсная связь; распоряженія, совершаемыя въ одномъ, будутъ отзываться на другомъ; качества начальника участка получатъ такимъ образомъ новое, весьма важное нравственное значеніе, котораго не имѣютъ теперь губернскіе начальники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военно-административная децентрализація будетъ доведена до своего естественнаго предѣла. Лучшимъ, относительно, начальникомъ участка можетъ быть, безъ сомнѣнія, хорошій штабъ-офицеръ изъ полка, выставляемаго участкомъ; полкъ, сформированный изъ одноземцевъ, будетъ имѣть свой оттѣнокъ; сжившись съ этими людьми въ полку, начальникъ пойметъ ихъ и на родинѣ.

Нельзя устроить ополченіе не раздѣливъ землю на дружинные участки. Для качества полковъ, пополняемыхъ при комплектованіи массою новыхъ людей, по моему крайнему убѣжденію, необходимо присвоить каждому полку постоянный рекрутскій участокъ. Обѣ эти потребности сливаются въ одну. Кто нибудь долженъ въ мирное время завѣдывать ополченіемъ, вести ему списки, распредѣлять людей, обучать ихъ; для ополченія надобно устроить какое-нибудь управленіе по дружинамъ. Содержаніе этого управленія потребуетъ расходовъ, независимо отъ нынѣшнихъ военныхъ губернскихъ управленій. Гораздо удобнѣе соединить то и другое въ однѣхъ рукахъ, раздѣлить землю на участки, изъ которыхъ каждый будетъ выставлять пѣхотный полкъ, двѣ дружины ополченія и все пропорціональное число рекрутъ нужныхъ для другихъ оружій. При распредѣленіи въ эти участки пѣхотныхъ резервовъ по-ротно, всѣ средства для сформированія, снаряженія и обученія войскъ на мѣстѣ окажутся подъ рукою. Наборъ въ одномъ участкѣ свяжетъ нравственно ополченіе съ войскомъ, безъ чего послѣднее осталось бы отрѣзаннымъ ломтемъ; преданіе, духъ и современные военные взгляды не имѣли бы доступа къ нему; набираемое же въ одномъ участкѣ съ полкомъ, изъ одноземцевъ, принимая въ себя многіе элементы своего полка, какъ напр. отставныхъ унтеръ-офицеровъ, ополченіе станетъ его отраженіемъ. Главное затрудненіе съ ополченіемъ—не ограничиваясь одной доброй волей, влить въ него военный духъ, будетъ устранено

въ зародышѣ. Если понадобится усилить составъ полковъ, то при такомъ устройствѣ можно придать полку одну или обѣ его дружины, съ полною увѣренностію, что черезъ самое короткое время онѣ будутъ не хуже постоянныхъ батальіоновъ, съ которыми сведены; чего вовсе нельзя ждать, если между полкомъ и дружиной нѣтъ нравственной связи. Одна эта возможность, создавать для дѣйствующей арміи четвертые и пятые батальіоны, съ достаточною надеждою, что они окажутся хорошаго качества, заслуживаетъ, чтобъ на нее было обращено вниманіе.

240 мѣстныхъ управленій будутъ стоить дороже нынѣшнихъ губернскихъ, но не слишкомъ, потому что, при маломъ протяженіи района, имъ можно дать самые ограниченные штаты. За то военное управленіе будетъ дѣйствительно децентрализовано: каждый начальникъ военнаго участка станетъ завѣдывать дѣломъ вполнѣ опредѣленнымъ и однороднымъ, а въ этомъ главное. Полкъ и дружины его составятъ въ сущности одно цѣлое; въ большей части участковъ не окажется много пересылочныхъ людей. Человѣкъ тогда только занимается дѣломъ основательно, когда можетъ на немъ сосредоточиться; между тѣмъ у нынѣшняго губернскаго начальника сто дѣлъ на рукахъ, и какое главное изъ нихъ, онъ самъ не знаетъ. Мѣста начальниковъ военныхъ участковъ будутъ хорошею наградою штабъ-офицерамъ не боевымъ, которымъ по этому никакъ не слѣдуетъ давать полковъ, но тѣмъ не менѣе знающимъ службу и полезнымъ,—такихъ много, также раненымъ. Если когда-нибудь русскія военныя силы станутъ слагаться правильно въ самомъ своемъ зародышѣ, въ народѣ, изъ котораго онѣ почерпаются, то онѣ сложатся такимъ образомъ только въ ограниченныхъ, однородныхъ, даже въ военномъ отношеніи, участкахъ.

VI.

Конница.

До сихъ поръ я не упоминалъ о кавалеріи и не исчислялъ рекрутъ, потребныхъ для этого рода оружія, наравнѣ съ другими. Еслибы дѣло шло о западно-европейскихъ арміяхъ, такое обособленіе было бы неумѣстнымъ; тамъ нѣтъ для кавалеріи другаго источника, кромѣ одного общаго рекрутскаго набора. Но когда дѣло идетъ о Россіи, вопросъ о кавалеріи, полагаю, можетъ быть поставленъ отдѣльно.

Въ настоящее время вѣковѣчное понятіе о боевомъ значеніи кавалеріи нѣсколько расшаталось. Въ послѣднихъ войнахъ она дѣйствительно не играла большой роли; ей не было мѣста на изрытыхъ оврагами окрестностяхъ Севастополя и на затопленныхъ равнинахъ Италіи; въ прусско-австрійской войнѣ произошла всего только одна значительная кавалерійская атака,— въ послѣдній часъ Кенихгрецкаго сраженія, доставившая пруссакамъ сто непріятельскихъ пушекъ и множество плѣнныхъ. Всѣ другія атаки не достигали цѣли; мѣткій огонь нарѣзныхъ ружей постоянно отбивалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что безъ кавалеріи армія была бы парализована, олицетворила собой басню льва побѣжденнаго комаромъ. Безъ кавалеріи нельзя ничего знать о непріятелѣ, стало-быть нельзя правильно распоряжаться дѣйствіями; невозможно жить на счетъ страны, такъ какъ пѣхота слишкомъ утомляется переходомъ, чтобъ ее можно было посылать далеко въ сторону для фуражировки—пришлось бы возить съ собой нескончаемые обозы, какъ въ семилѣтней войнѣ, то-есть обратить армію въ черепаху; безъ кавалеріи невозможно разбить непріятеля, можно только овладѣть полемъ сраженія, предоставляя противнику перейдти на другую удобную для него позицію; только кавалерія способна воспользоваться неожиданностію, накрыть врага, когда онъ почему-нибудь не готовъ насъ встрѣтить; наконецъ, лишь съ помощію кавалеріи можно маскировать свою игру, задержать на нѣкоторое время превосходныя силы непріятеля и развлечь его вниманіе. Хорошая пѣхота въ силахъ только осуществить раз-

четы полководца, хорошая же кавалерія можетъ внезапно совершить то, на что полководецъ не смѣлъ и разчитывать.

Вотъ, между прочимъ, примѣръ того, что значитъ побѣда, довершенная кавалеріей и побѣда не довершенная ею. Въ сраженіяхъ послѣдней турецко-азіатской войны, при смѣшной несоразмѣрности силъ, имѣя дѣло съ хорошо-вооруженнымъ и устроеннымъ противникомъ, мы должны были биться безъ резервовъ; войскъ едва доставало на первую линію; всѣ они рѣзались въ рукопашную, а потому, къ концу дня, бывали такъ истомлены, что еле двигались, кавалерія же болѣе всѣхъ. Преслѣдовать непріятеля было не съ чѣмъ. Оттого въ сраженіи при Башъ-Кадыкларѣ мы взяли только девять плѣнныхъ; непріятель, выйдя изъ подъ огня, могъ спокойно отступить. Но въ сраженіи при Кюрукъ-Дара, въ которомъ войска были истомлены еще сильнѣе, такъ какъ бой продолжался долѣе, къ концу дня нашлось нѣсколько свѣжихъ сотенъ мѣстной татарской милиціи, свѣжихъ оттого, что ихъ держали внѣ огня, по негодности; эта, ни къ чему не способная конница, устремленная въ минуту отступленія турокъ на ихъ лѣвое крыло, привела $2^1/_2$ тысячи плѣнныхъ и довела преслѣдуемое крыло до того, что оно разсыпалось куда глаза глядятъ, между тѣмъ какъ центръ и правое крыло турокъ, понесшіе гораздо большую потерю въ сраженіи, отступили въ порядкѣ.

Безъ конницы нигдѣ нельзя воевать, даже въ самой пересѣченной мѣстности: доказательство—наши кавказскія экспедиціи; на открытыхъ же поляхъ средней Европы, отъ Вислы до Рейна, составляющихъ историческій военный театръ міра, нужна многочисленная конница. Но конница отличается отъ другихъ родовъ оружія тѣмъ, что она не терпитъ посредственности. Въ пѣхотѣ хорошее вооруженіе и воодушевленіе замѣняютъ въ значительной мѣрѣ опытность; въ артиллеріи усовершенствованныя орудія и на каждое четыре знающіе свое дѣло нумера, даютъ уже удовлетворительное войско; но конница, пока человѣкъ не сроссся съ лошадью до такой степени, что четыре конскія ноги обращаются для него въ свои собственныя, принесетъ мало пользы въ дѣлѣ; самая отчаянная храбрость кавалериста, который, сѣвъ въ сѣдло, не чувствуетъ себя четвероногимъ центавромъ, то же что храбрость тронутаго параличомъ пѣхотинца. Даже этого мало сказать. У кавалериста должна выдѣлаться кавалерійская душа; разсудокъ у него дол-

женъ быть въ глазѣ: метнулъ взоромъ и рѣшилъ, вспыхнулъ какъ порохъ и уже расшибъ или самъ расшибся; совсѣмъ не то что пѣхотинецъ, котораго дѣло долбить камень какъ дождевая капля и все таки продолбитъ. Но откуда взять такихъ людей или, лучше сказать, какъ узнать ихъ? ибо въ дѣйствительности такія личности бываютъ.

Не имѣя для того нравственной мѣрки, всего удобнѣе группировать людей по породамъ. Наслѣдственность запечатлѣвается въ людяхъ и душевно, и тѣлесно. Какая-нибудь особенность въ жизни извѣстной расы или группы людей въѣдается даже въ духовный складъ человѣка, и хотя не каждая личность вполнѣ олицетворяетъ ее въ себѣ, но вся группа, въ массѣ, дастъ гораздо больше процентовъ этого особеннаго качества, чѣмъ другая группа. Такимъ образомъ, наша кавалерія формировалась преимущественно изъ Малороссіянъ, которые у себя держатъ мало лошадей, ѣздятъ всегда на волахъ; а между тѣмъ, въ массѣ, изъ нихъ выходитъ больше хорошихъ кавалеристовъ, чѣмъ изъ другихъ русскихъ породъ. Чему это приписать, какъ не тому, что если нынѣшніе малороссіяне давно уже не казаки, и въ домашнемъ быту мало обращаются съ лошадьми, то все же они потомки казаковъ, все же осталась въ нихъ казачья жилка и часть отцовской закваски.

Съ тѣхъ поръ какъ европейская конница не состоитъ уже исключительно изъ дворянъ, ее пришлось волей-неволей набирать изъ мужиковъ, формировать искуственно. Но въ Европѣ этотъ недостатокъ восполняется отчасти качествомъ кавалерійскихъ офицеровъ: кромѣ французскихъ, они вездѣ, почти поголовно, изъ дворянъ хорошихъ родовъ; европейское же дворянство, не только по происхожденію, но и по воспитанію, составляетъ до сихъ поръ природную кавалерію; она сызмала пріучается къ тонкой верховой ѣздѣ и къ владѣнію оружіемъ, и вноситъ въ конницу, въ возможной мѣрѣ, коренной духъ этого оружія. У французовъ врожденная запальчивость характера способствуетъ качеству кавалеріи, хотя, вообще, они не отличные ѣздоки. Совсѣмъ тѣмъ искуственная европейская конница всегда пассовала передъ природною конницей, когда та была хорошо воспитана. Какъ только показались по сю сторону Балкановъ турецкіе спаги (всадники прирожденные), знаменитая австрійская кавалерія приняла въ обычай встрѣчать ихъ не атакой, а огнемъ: до такой степени опытъ научилъ ее

не полагаться на коня и на саблю, имѣя дѣло съ турками; съ другой стороны, венгерскіе гусары, не смѣвшіе сходиться со старинною турецкою конницей, но все-таки превосходившіе наѣздничествомъ мужиковъ другихъ армій, насильно посаженныхъ на коней, считались первою кавалеріей въ Европѣ и относительно, заслуживали свою славу. Но венгерцы давно уже обратились изъ полу-варварскаго коннаго народа въ обыкновенныхъ бюргеровъ и земледѣльцевъ. Во время египетскаго похода, французская кавалерія, несмотря на преимущества регулярнаго строя, никогда не могла устоять противъ мамелюковъ; тѣ подавались передъ ея атакой, но сейчасъ же обхватывали ее съ фланговъ и уничтожали въ одиночномъ бою. Нѣтъ сомнѣнія, что при равныхъ условіяхъ, прирожденный всадникъ, на конѣ, всегда побьетъ всадника случайнаго. Но надобно, чтобъ условія были равны, чтобы лошади были также сильны, оружіе одинаково хорошо, и чтобы фронту не противопоставлялась безпорядочная толпа; а главное, нужно, чтобы были равны нравственныя понятія; если съ одной стороны строгая дисциплина и духъ военной чести заставляетъ каждаго человѣка лѣзть прямо на все, куда его ни поведутъ, а съ другой отдѣльному всаднику не будетъ вмѣняться въ безчестіе, если онъ ускачетъ съ поля, или станетъ отстрѣливаться издали, то, разумѣется, первая сторона возьметъ верхъ, хотя бы на первыхъ порахъ; тутъ надо сравнивать не блестящій строй съ оборванною и вольною толпой, а людей съ людьми. Мюратъ могъ говорить „je charge les cosaques à coups de cravache; таково же было отношеніе нашихъ драгунъ,—впрочемъ только нижегородцевъ и сѣверцевъ,—къ горцамъ; но въ одиночку никогда французскій кавалеристъ не стоилъ казака. Когда же эти казаки были дисциплинированы, они врѣзывались въ мюратовскую кавалерію, какъ ножъ въ масло, какъ доказала лейпцигская атака Орлова-Денисова.

Въ Россіи конская порода разнообразнѣе и отчасти пригоднѣе для кавалерійской службы, чѣмъ гдѣ нибудь въ Европѣ, кромѣ Англіи, а главное, гораздо дешевле. При такомъ обиліи, у насъ легче формировать конницу, по крайней мѣрѣ легче снабжать ее лошадьми. Несмотря на то существуетъ фактъ, который я долженъ высказать, независимо отъ своего личнаго сужденія: въ Европѣ наша кавалерія не пользуется репутаціей. Европейскіе офицеры отдаютъ полную справедливость нашей

пѣхотѣ и артиллеріи, хотя, при послѣдней встрѣчѣ, русская пѣхота была далеко не тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть; но они низко цѣнятъ нашу кавалерію. Еслибы въ такомъ мнѣніи и была тѣнь правды, оно бы не было обидно для русской націи, во-первыхъ, потому что и у римлянъ, перваго войска въ исторіи, покорившаго міръ, была также плохая конница; во-вторыхъ, потому что наша военная организація составляла до послѣдняго времени только подражаніе, пересадку чужихъ образцовъ, часто къ намъ не подходившихъ, и даже теперь только-что выходитъ изъ колыбели; качество конницы, скопированной съ пруссаковъ, ничего не доказываетъ относительно того, чѣмъ можетъ быть настоящая русская конница, сама по себѣ. Подобное мнѣніе не можетъ быть обиднымъ и потому, что оно нисколько не касается храбрости людей. Самый храбрый человѣкъ можетъ оказаться на конѣ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ въ водѣ храбрецъ, не умѣющій плавать. Самый же фактъ, что подобное мнѣніе о нашей кавалеріи распространено въ Европѣ, и распространено безъ исключеній, не подлежитъ сомнѣнію.

Въ нашей военной исторіи есть примѣры, въ нашей арміи есть полки, оповергающіе подобное сужденіе; но тѣхъ и другихъ не много. Мало было кавалерійскихъ атакъ, которыя могли бы сравниться съ атакой кирасирскаго принца Алберта, полка на Гроховомъ полѣ; можетъ-быть, въ свѣтѣ нѣтъ конницы равной Нижегородскому драгунскому полку и выдѣлившемуся изъ него Сѣверскому; по крайней мѣрѣ можно сказать вѣрно то, что нижегородцы никогда не были отбиты въ атакѣ ни на пѣхоту, ни на конницу, что полкъ этотъ никогда не считалъ непріятеля, что взводъ нижегородцевъ бросался одинаково и на сто, и на тысячу враговъ, какъ только ихъ видѣлъ,—далѣе этого кавалерія не можетъ идти. Но для такой выдѣлки людей имъ нужно было проводить жизнь верхомъ и на войнѣ. Вопросъ не въ томъ, до какой степени совершенства можетъ дойти русскій кавалеристъ—онъ можетъ дойти до всякой степени—а въ томъ, чѣмъ онъ становится обыкновенно, каковъ бываетъ средній продуктъ элементовъ, изъ которыхъ составляется наша кавалерія, и укоренившейся у насъ системы ея воспитанія. Въ этомъ отношеніи едва ли можно опровергнуть фактами европейское мнѣніе объ ней.

Примѣръ двухъ или нѣсколькихъ отличныхъ полковъ, развившихся въ особенныхъ обстоятельствахъ, примѣры нѣсколь-

кихъ блестящихъ атакъ не могутъ установить репутацію цѣлаго рода оружія. Относительно же нашей кавалеріи надобно замѣтить слѣдующее. Въ исторіи другихъ армій, пѣхота и кавалерія постоянно соперничаютъ между собой; на долю той и другой выпадаетъ одинаковое число подвиговъ, которыми потомъ гордится народъ. У насъ это не такъ. Невозможно перечесть подвиговъ нашей пѣхоты, каждое сраженіе представляетъ величайшіе примѣры и ея стойкости, и сокрушительности ея удара; между тѣмъ подвиги нашей кавалеріи можно перечесть по пальцамъ. Съ Петра Великаго и до настоящей поры не появилось ни одного русскаго кавалерійскаго генерала съ европейскимъ именемъ, подобнаго Мюрату, Зейдлицу, и другимъ. То же самое было у римлянъ: ни одного славнаго кавалерійскаго генерала на сотни именъ генераловъ пѣхотныхъ. Между тѣмъ исторія нашей кавалеріи изобилуетъ эпизодами, не говорящими въ пользу ея качествъ или ея воспитанія. Несмотря на то, что въ Россіи можно найдти лучшія породы лошадей, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, изъ турецкой войны 1828—1829 годовъ цѣлыя дивизіи возвращались пѣшкомъ, такъ какъ кони ихъ не выдержали похода; конно-егерскія дивизіи были расформированы за слишкомъ неудачныя дѣла противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году; въ Крыму наша кавалерія также не блистала. Не мудрено, что въ Европѣ составилось не совсѣмъ выгодное понятіе о ней.

Во время владычества фридриховской школы качество всей нашей арміи стояло ниже ея дѣйствительной способности. Пѣхота послѣ того сильно поправилась; тѣ же усилія были приложены и къ кавалеріи. Но, надобно замѣтить, чѣмъ родъ оружія сложнѣе, тѣмъ труднѣе его исправленіе, особенно если недостатки его застарѣлые. Кавалерія же наша испоконъ-вѣку, по крайней мѣрѣ во мнѣніи Европы, стояла ниже пѣхоты. Во время италіянскаго суворовскаго похода, когда кастильіонскіе и риволійскіе полки французовъ постоянно подавались передъ натискомъ очаковскихъ гренадеръ, кавалерія, съ такимъ стараніемъ обучаемая Суворовымъ, далеко не стяжала той же славы. Историки той войны, единогласно признавая тогдашнюю нашу пѣхоту несокрушимою, легко отзываются о нашей кавалеріи. Невѣрная вѣковая система воспитанія, односторонній и условный взглядъ на дѣло, застарѣвшіе въ такомъ сложномъ родѣ оружія, какъ кавалерія, мало позволяютъ надѣяться на

скорое исправленіе. Десять лѣтъ тому назадъ фальшивость взгляда на военное дѣло, истекавшая изъ того, что на войско смотрѣли постоянно съ плацъ-парадной точки зрѣнія, была у насъ также сильна въ пѣхотѣ какъ и въ конницѣ; но въ первой послѣдовавшія реформы значительно вытравили ее; въ кавалеріи она еще крѣпко держится. Въ то время, когда у насъ подпиливали на ружьяхъ гайки, для звучности пріемовъ, въ глазахъ начальниковъ, что бы они ни говорили, ружье было не оружіе, а машина издающая пріятное бряцанье при пріемѣ. Въ нашей пѣхотѣ найдутся еще люди, которымъ въ глубинѣ души, пріятно подобное опредѣленіе ружья; но нѣтъ ни одного, который бы рѣшился выговорить вслухъ свою старозавѣтную мысль; въ кавалеріи же до сихъ поръ нипочемъ и думать, и говорить, что лошадь нужна солдату не только для атаки непріятеля, но и для показа передъ начальствомъ на смотру, что ее должно расцѣнивать съ этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія. У насъ еще тьма кавалеристовъ, для которыхъ качества лошади имѣютъ совершенно условное значеніе, точно какія-нибудь модныя серги, цѣнимыя по фасону; чистокровный англійскій или арабскій конь имъ не по вкусу, имъ нравится искуственная лошадь, какъ прежде нравился искуственный пѣхотинецъ. Но произвольно-искусственной кавалеріи не бываетъ на свѣтѣ, качество всадника развивается по качеству лошади. Извѣстенъ афоризмъ: скажите мнѣ какихъ лошадей вы мнѣ дадите, я вамъ скажу какую я могу образовать кавалерію. На пряничномъ конькѣ формируется пряничный всадникъ. Фридриховская школа сидитъ въ нашей кавалеріи такъ глубоко, что ее не вытравишь и въ двадцать лѣтъ.

Разъ я встрѣтился съ однимъ англійскимъ офицеромъ, заѣзжавшимъ когда-то въ Петербургъ, кавалеристомъ, какими бываютъ только англичане, и глубочайшимъ знатокомъ лошадей. Онъ видалъ наши ученія и говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ: „ахъ, какая у васъ есть кавалерія!“ Какъ подобаетъ русскому, я тоже возгордился нашею кавалеріей и сталъ ему пересчитывать лучшіе гвардейскіе полки. Мой англичанинъ съ нетерпѣніемъ пожималъ плечами и наконецъ сказалъ: „ну что вы говорите о мужикахъ, съ трудомъ обученныхъ верховой ѣздѣ! Развѣ у насъ такъ ѣздятъ? И чѣмъ бы я сталъ тутъ восхищаться? Нѣтъ, у васъ есть дѣйствительно несравненная кавалерія, только не эта; но ваши лейбъ-казаки, вашъ атаман-

скій полкъ, линейцы и черкесы! Это не люди верхомъ, а центавры. До чего бы мы довели такіе кавалерійскіе элементы, еслибъ они у насъ были.

Англичанинъ правъ. Разница между естественнымъ и обученнымъ кавалеристомъ бросается въ глаза. Въ искуственномъ кавалеристѣ сейчасъ видно, что между имъ и его конемъ нѣтъ ничего общаго, что они сведены случайно и не пригнаны одинъ къ другому. Между тѣмъ какъ естественный кавалеристъ не есть только всадникъ; онъ всадникъ выработанный извѣстною породою лошадей. Въ этомъ отношеніи донской казакъ, линеецъ и кудръ—три совсѣмъ разные типа ѣзды; они ѣздятъ совсѣмъ инымъ образомъ, хотя одинаково превосходно въ томъ смыслѣ, что не только совершенно владѣютъ конемъ, но даютъ своею ѣздой развиться всѣмъ его природнымъ качествамъ; прочее у нихъ все различно. Такой ѣздокъ, сидя на конѣ, не думаетъ о немъ, конь составляетъ продолженіе его собственнаго тѣла; съ другой стороны, лошадь его служитъ больше и лучше, чѣмъ служила бы подъ другимъ всадникомъ, ни одно качество ея не пропадаетъ даромъ. Въ кавалеріи быстрота удара составляетъ три четверти дѣла. Взгляните на любую европейскую кавалерію (кромѣ англійской), и сравните самую быструю ея скачку не съ одиночкой, а съ такою же строевою скачкой, напримѣръ, казаковъ; вы увидите настоящій разлетъ только у вторыхъ; скачка искуственной кавалеріи покажется вамъ сравнительно лишь ускореннымъ галопомъ. Посмотрите также на снаряженіе тѣхъ и другихъ: казакъ имѣетъ при себѣ все нужное, какъ и регулярный кавалеристъ, но во сколько его сбруя и сѣдловка легче, и главное, во сколько онѣ лучше прилажены къ лошади, хотя за пригонкой ихъ не сидѣлъ цѣлый ученый комитетъ. Но если вы хотите видѣть разницу между тою и другою кавалеріей во всемъ ея объемѣ, возьмите ихъ въ походѣ, послѣ усиленныхъ переходовъ и многихъ лишеній; казачьи лошади, несущія двойную службу, будутъ во всей своей силѣ, онѣ втянутся въ трудъ, къ тому времени, когда часть европейской кавалеріи пойдетъ уже пѣшкомъ, а другая часть потеряетъ половину своей быстроты и силы отъ утомленія коней. Самая обыкновенная вещь въ европейской войнѣ,—бездѣйствіе на полѣ сраженія части кавалеріи, утомленной передъ тѣмъ усиленными переходами, состояніе, до котораго никогда не доходили наши казаки. Въ военной наукѣ образова-

лась даже присказка, что задача состоитъ не въ томъ, какъ употребить кавалерію противъ непріятеля,—занятіе для нея всегда найдется,—а какъ довести ее до поля сраженія. Выносчивость же кавалиріи зависитъ сколько отъ качества лошади, столько же и отъ качества всадника. Соединеніе того и другаго даетъ конницу, насчетъ которой не возникаетъ уже вопроса, какъ довести ее до непріятеля.

Есть факты самые положительные, о которыхъ нельзя говорить нашимъ кавалеристамъ: они сочтутъ ихъ за шутку; въ этомъ я убѣдился личнымъ опытомъ. Сюда принадлежатъ стоверстные переходы, совершенные много разъ нижегородскими эскадронами на ихъ донскихъ коняхъ, въ то время когда они гонялись за шайками Гаджи Мурата; набѣги скопищъ хоть Шуаибъ Муллы, или того же Гаджи-Мурата, пробѣгавшихъ, съ тысячью и болѣе всадниковъ, по полтораста и до двухъ сотъ верстъ въ сутки; ежедневныя посылки казачьихъ конныхъ гонцовъ, за многія сотни верстъ, на перемѣнныхъ почтовыхъ лошадяхъ, совершаемыя съ быстротой фельдъ-егеря (эти скачки, подобныя скачкамъ черной охоты, совершаетъ не какой нибудь наѣздникъ, а первый встрѣчный казакъ). Понятно, что этимъ вещамъ не вѣрится въ регулярной, не-кавказской кавалеріи; онѣ не подъ силу обученнымъ манежной ѣздѣ крестьянамъ. Но въ этомъ случаѣ добросовѣстность заставляетъ признать истину, что послѣдній казакъ, какъ ѣздокъ, далеко превосходитъ перваго регулярно кавалерійскаго ординарца.

Европейскія государства не имѣютъ и никогда не имѣли особой породы людей, которую бы они могли назначать исключительно въ кавалерію; они были вынуждены необходимостію формировать своихъ всадниковъ искуственно. Такая порода людей существовала только въ Австріи, въ лицѣ мадьяровъ, шеклеровъ и сербовъ, и Австрія пользовалась своимъ преимуществомъ сколько было возможно; вся ея легкая кавалерія состояла изъ природныхъ всадниковъ и вслѣдствіе того справедливо слыла первою европейскою конницей, пока, съ теченіемъ времени, эти прирожденные кавалеристы не обратились въ обыкновенныхъ горожанъ и крестьянъ. Австрійское военное управленіе не собирало своихъ всадниковъ нестройною толпой, не оставляло ихъ въ видѣ иррегулярной конницы, вслѣдствіе того только, что эти люди ѣздили не поманежному; оно отлично пони-

мало, что въ бою сомкнутый строй придаетъ кавалеріи чрезвычайную силу; оставляя неприкосновеннымъ то, что наѣздники эти знали лучше всякаго берейтора, верховую ѣзду, оно учило ихъ тому, чего они не знали—сомкнутому строю. Пока австрійское военное министерство имѣло подъ рукой природные кавалерійскіе элементы, ему и въ голову не приходила мысль формировать, рядомъ съ ними другую, искуственную легкую кавалерію изъ крестьянъ кой-какъ обученныхъ верховой ѣздѣ.

Относительно богатства, разнообразія и качества военныхъ элементовъ, Россія составляетъ цѣлый міръ. Нѣтъ, кажется, въ свѣтѣ такого источника военнаго могущества, даже такого оттѣнка его, которыми бы наше отечество не было одарено: въ нашихъ предѣлахъ сосредоточены въ громадныхъ размѣрахъ всѣ боевыя спеціальности, разсѣянныя по разнымъ государствамъ; но только всѣ эти природные матеріалы у насъ еще недовольно разработаны и примѣнены къ дѣлу. Подчиненныя Россіи кавалерійскія населенія составляютъ нѣсколько милліоновъ душъ не то, что австрійскія. Кромѣ организованныхъ войскъ: донскаго, кубанскаго, терскаго, уральскаго, оренбургскаго и сибирскаго, въ этотъ счетъ входятъ — половина Кавказа и всѣ кочевые и полукочевые народы. У насъ никогда не могло бы возникнуть вопроса: изъ кого формировать кавалерію? — еслибы въ продолженіе полутора вѣка Россія не жила такою подражательною жизнію. Было бы понятно, еслибы съ рожденіемъ русской регулярной арміи у насъ была сформирована искуственно тяжелая конница — кирасиры, единственный видъ кавалеріи, насчетъ котораго могъ возникнуть вопросъ, такъ какъ вполнѣ готовыхъ элементовъ для него не было. Но образованіе искуственно легкой кавалеріи изъ мужиковъ, рядомъ съ нашею безчисленною иррегулярною конницей, доказываетъ только отсутствіе всякой самостоятельной идеи въ военномъ управленіи прошлаго столѣтія; потомъ, когда эта аномалія утвердилась и къ ней привыкли, она естественно уже никого не удивляла, она продолжала существовать, какъ всякій заведенный порядокъ. Конечно въ ту пору образованіе изъ казаковъ регулярной кавалеріи не обошлось бы безъ затрудненій, вслѣдствіе особыхъ привилегій и замкнутаго быта казачьихъ войскъ; но эти затрудненія не были неодолимы, не были даже очень крупны. Когда Петръ Великій могъ пригнать двадцать тысячъ казаковъ для того, чтобы рыть Ладожскій

каналъ, онъ могъ привести въ правильную систему народъ казачьихъ полковъ и заставить ихъ учиться строю, подъ руководствомъ европейскихъ конструкторовъ. Систему сформированія кавалеріи изъ рекрутъ надобно приписать не затрудненію—учить регулярному строю казаковъ, а нѣмецкому вліянію. Почти всѣ инструкторы первоначальной русской арміи были нѣмцы, потомъ половина военачальниковъ ея и значительная часть кавалерійскихъ генераловъ были также изъ нѣмцевъ, и притомъ не австрійскихъ, а сѣверныхъ, прусскихъ, до пріѣзда въ Россію не видавшихъ въ глаза человѣка, который умѣлъ бы ѣздить верхомъ, не выучившись предварительно этому дѣлу въ манежѣ. Эти господа могли учить только тому, что сами знали; кромѣ того, при узкой рутинѣ и вошедшемъ въ пословицу педантствѣ нѣмецкой военной школы, они даже знать не хотѣли вещей, къ которымъ не были пріучены на родинѣ. Глядя съ высока на все имъ чуждое, понимая только свои, чрезвычайно сложные и педантскіе кавалерійскіе пріемы, они переносили ихъ цѣликомъ въ русскую армію, формировали нашу конницу такъ, какъ еслибъ это дѣло происходило въ Пруссіи или Гановерѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ магдебургскимъ городовымъ правомъ, завелась въ Россіи и магдебургская кавалерія. Подобные типы даже теперь встрѣчаются у насъ; можно себѣ представить, какова была ихъ самоувѣренность въ прошломъ вѣкѣ. Одинъ англійскій критикъ, разбиравшій мемуары прусскаго генерала Мюфлинга, имѣвшаго вліяніе на первоначальный планъ кампаніи 1812 года, выражаетъ по этому поводу свое удивленіе такъ наивно и такъ естественно, что русскому человѣку и смѣшно, и досадно читать. «Какъ это могло случиться, говоритъ критикъ, что народъ, считающійся въ такой степени воинственнымъ, питающій о себѣ такое высокое мнѣніе, какъ русскій, могъ руководствоваться мнѣніями офицеровъ прусской арміи, оказавшейся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ неспособнѣйшею въ свѣтѣ? Наставленія тогдашнихъ прусскихъ офицеровъ были бы приняты войсками Веллингтона, наравнѣ съ наставленіями офицеровъ персидскихъ. Должно быть, прибавляетъ критикъ, въ русской арміи есть что-то, чего мы, англичане, не совсѣмъ понимаемъ».

Нынѣшняя система набора нашей кавалеріи совершенно похожа на то, какъ еслибъ Англія, имѣющая въ своемъ распоряженіи семьсотъ тысячъ душъ морскаго населенія, стала

набирать своихъ матросовъ изъ рабочихъ внутреннихъ графствъ, изъ манчестерскихъ бумагопрядильщиковъ или бирмингамскихъ кузнецовъ.

Казаки никогда не были иррегулярною конницей, въ собственномъ значеніи этого слова; они не были только кавалеріей манежною! Иррегулярная конница,—это, напримѣръ; курды или чеченцы, не только не знающіе строя, но никогда не дѣйствующіе массой. У этихъ послѣднихъ каждый человѣкъ дѣлаетъ что хочетъ, общаго направленія и команды нѣтъ, находчивость каждаго замѣняетъ волю начальника, отчего они такъ хороши въ партизанской войнѣ, но не годятся для открытаго боя въ полѣ, развѣ только въ преслѣдованіи. Казаки же, хотя также могутъ дѣйствовать въ разсыпную, но въ битвѣ всегда строились, и теперь строятся, лавою. Ихъ движенія не такъ стройны, а атака не такъ сомкнута какъ въ регулярной кавалеріи, но это происходитъ не отъ качества людей или лошадей, которое, напротивъ, гораздо выше, а отъ того, что съ нихъ этого не требуется, что ихъ этому если и учатъ, то очень мало.

Разныя казачьи войска у насъ не одинаковы, по своимъ свойствамъ и привычкамъ. Линейскіе казаки, напримѣръ, сравнительно съ другими, гораздо больше иррегулярная конница—по выѣздкѣ лошадей, приноровленной больше къ одиночной джигитовкѣ, по легкости вооруженія, по своей привычкѣ къ винтовкѣ, неудобной для строя, и по духу. Но донскіе казаки, напротивъ, прирожденная регулярная кавалерія. У первыхъ выѣздка коня черкесская, у вторыхъ монгольская, общая калмыкамъ и киргизамъ, то-есть степная, прямолинейная, пріучающая лошадь не къ особенной поворотливости, а къ сильнѣйшему, неудержимому разскоку—первое качество коня въ строю. Донской казакъ носитъ ружье потому только, что оно введено въ его форму, но ружье не составляетъ у него первой надежды какъ у линейца; главное оружіе его пика, то-есть оружіе вмѣстѣ холодное и строевое, такъ какъ пика страшна не въ одиночку, а въ массѣ. Это различіе самое харектеристическое. Для наѣздника-одиночки винтовка и шашка гораздо удобнѣе; если масса вооружается пикой, то значитъ, она хочетъ дѣйствовать сомкнутою силой, значитъ, сомкнутый регулярный строй у нея въ крови. Такъ и дѣйствовали донцы, пока ихъ не обратили почти насильно въ иррегулярное войско. Коренные

донскіе кони не жидкіе, какъ кабардинскіе, служащіе линейцамъ, но по большей части рослые и дубоватые, кони для разлета и удара; главное достоинство ихъ въ силѣ и выносчивости, опять достоинство регулярно-кавалерійское. Вотъ еще разница. Донцы, опрокинувъ непріятеля, преслѣдуютъ его массой, до послѣдней возможности, не развлекаясь ничѣмъ, пока противникъ въ виду; линейцевъ же почти невозможно удержать, чтобъ они не останавливались по нѣскольку надъ каждымъ свалившимся—своимъ и непріятельскимъ, для оказанія помощи при первомъ, для добычи при второмъ. На Кавказѣ, гдѣ тѣ и другіе служили рядомъ по многу лѣтъ, это различіе замѣчалось постоянно. Тутъ въ донцахъ сказывается даже нравственно духъ регулярной кавалеріи.

Въ нашей арміи существуетъ насчетъ боеваго качества донцовъ неправильное, можно сказать легкомысленное мнѣніе. Большинство не цѣнитъ ихъ въ настоящую мѣру. Причина тому и въ самомъ формированіи донскихъ полковъ, и въ способѣ какимъ употребляли ихъ въ европейской войнѣ. На Кавказѣ же, гдѣ донцы часто исполняли назначеніе строевой конницы, и гдѣ опытныхъ цѣнителей всегда было достаточно, мнѣніе о донскихъ казакахъ вообще очень высоко. Всякій видитъ чего имъ недостаетъ, вслѣдствіе состава, устройства и обученія; но всякій могъ видѣть также несравненныя качества, составляющія основу ихъ натуры. Когда донской полкъ попадаетъ въ руки хорошему командиру (что, правду сказать, случается не часто) его нельзя узнать. Не говоря о выносчивости, о способности къ усиленнымъ переходамъ, форсированной скачкѣ и ко всякимъ стоянкамъ (качества, которыхъ никто не отрицаетъ), мы видѣли нѣсколько наметавшихся донскихъ полковъ, которые рѣшительностію атаки и силой удара олицетворяли идеалъ кавалеріи. Конечно, не многіе регулярные кавалерійскіе полки сравнялись бы съ этими, всѣмъ памятными на Кавказѣ, донцами. Чего недостаетъ донскимъ полкамъ, того недостаетъ имъ только вслѣдствіе укоренившагося взгляда на нихъ военной администраціи и происходящей изъ этого системы приготовленія ихъ. Чѣмъ могутъ быть донцы, доказываетъ лейбъ-казачій полкъ. Въ немъ люди отборные по росту и наружности, а не по качествамъ; нѣтъ причины, чтобы всякій другой донской полкъ былъ хуже его, развѣ люди покажутся не такъ казисты. Но даже и въ этомъ отно-

шеніи, послѣдняя донская сотня можетъ считаться отборною по виду, въ сравненіи съ массой рекрутъ, пополняющихъ нашу кавалерію. Нынѣшняго лейбъ-казачьяго полка никто не видалъ въ дѣлѣ, какъ и другой гвардейской конницы, но какъ всадниковъ, этихъ людей нельзя сравнивать съ ихъ товарищами по оружію. Англичанинъ, о которомъ я разсказывалъ, восхищаясь казаками и черкесами, никакъ не хотѣлъ называть ихъ лучшею конницей; онъ постоянно называлъ ихъ единственною конницей, какую онъ у насъ видѣлъ.

Дѣло не въ томъ, каковы часто или даже обыкновенно бываютъ донскіе полки: это происходитъ отъ причинъ отъ нихъ не зависящихъ; а въ томъ, чѣмъ становятся донцы, какъ только попадаютъ въ благопріятныя условія: вотъ мѣрка для расцѣнки ихъ. Много есть причинъ почему они не всегда хороши. Причины эти надо перебрать по порядку; онѣ относятся отчасти ко всѣмъ нашимъ казачьимъ войскамъ.

Первая причина заключается въ самомъ составѣ донскихъ полковъ. Говоря о пѣхотѣ, я узказывалъ на необходимость сзывать къ полку его собственныхъ, а не какихъ-нибудь чужихъ безсрочныхъ; товарищество, вполнѣ сложившееся, составляетъ душу всякой строевой части. Но если это правило настоятельно нужно для качества регулярнаго войска, то во сколько оно еще нужнѣе для войска иррегулярнаго и земскаго, какъ казаки, въ которомъ люди не сростаются между собой искуственно, вслѣдствіе долгаго сожительства подъ знаменемъ, а приносятъ цѣликомъ въ строй отношенія, сложившіяся на родинѣ, и вслѣдствіе этого обстоятельства упорно сохраняютъ ихъ въ продолженіе строевой службы. Еще въ *Кавказскихъ Письмахъ* я говорилъ: «общая связь линейскаго войска выражается только въ администраціи, но не въ народной жизни; на дѣлѣ каждый отдѣльный полкъ или бригада составляетъ особенное общество, имѣющее по большей части значительные видовые оттѣнки. Дѣйствующій линейскій полкъ не состоитъ, какъ донской или уральскій, изъ случайно соединенныхъ между собою людей, собранныхъ какъ попало съ цѣлаго округа, перемѣняющихся каждый срокъ, не имѣющихъ внѣ службы никакой связи ни между собой ни съ своими офицерами. Линейскій полкъ есть извѣстный поземельный участокъ. Служащіе въ немъ казаки и офицеры всѣ дѣти одной семьи, всѣ сосѣди и односельцы, мѣняющіеся только очередью, но никогда не перемѣняющіе знамени. Эта осо-

бенность проводитъ глубокое различіе между линейцами и другими полками. У линейцевъ глубоко вкорененъ полковой духъ, безъ котораго нѣтъ настоящаго войска. Полкъ для нихъ вмѣстѣ—знамя и родина; полковая слава дорога имъ какъ воинамъ и какъ гражданамъ». Этой необходимой связи вовсе нѣтъ въ донскихъ полкахъ; они набираются съ цѣлаго округа изъ казаковъ и офицеровъ чуждыхъ другъ другу; не только имя полка ничего не говоритъ казаку, но даже репутація, заслуженная имъ въ строю, пропадаетъ безслѣдно съ роспускомъ полка, рѣдко возвращается съ человѣкомъ на родину. У линейцевъ офицеръ чрезвычайно дорожитъ хорошими отношеніями къ подчиненнымъ—ему придется потомъ жить съ ними какъ съ односельцами, какъ съ равными согражданами, для донскаго и всякаго другаго казачьяго офицера этихъ отношеній не существуетъ; онъ прослужитъ съ ввѣренными ему казаками три года и потомъ не увидитъ ихъ въ глаза; онъ съ ними связанъ гораздо меньше даже, чѣмъ регулярный офицеръ съ солдатами; послѣдній, по крайней мѣрѣ, сближается съ людьми долгою служебною привычкой. Главное нравственное основаніе, придающее полку цѣльность и характеръ, обращающее его въ связанное круговою порукой товарищество, упущено у донцовъ. Не знаю, такъ ли было у нихъ всегда, но если даже всегда такъ было, то этотъ недостатокъ до такой степени недостатокъ капитальный, что онъ необходимо долженъ быть исправленъ. Пока Донское Войско не раздѣлено на полковые округи, пока донскія сотни не состоятъ изъ одностаничниковъ, въ самомъ устройствѣ ихъ лежитъ причина, почему нравственно они должны стоять ниже линейцевъ. Различіе въ числѣ казаковъ, вызываемыхъ на службу въ томъ или другомъ году, нисколько не препятствуетъ такому дѣленію на Дону, какъ не препятствуетъ ему на Кавказѣ; смотря по надобности, изъ полковаго округа можно вывести одну или нѣсколько сотенъ и формировать ихъ въ сводные полки; строевыя части все-таки будутъ проникнуты нравственною связью.

Вторая причина, почему донцы не всегда поддерживали свою репутацію, заключается въ ихъ офицерахъ. Я нисколько не хочу сказать этимъ, чтобъ изъ донскихъ офицеровъ не выходили отличные, образцовые кавалеристы и примѣрные начальники, или даже, чтобы такихъ выходило мало. Но само-

устройство войска донскаго таково, что оно не даетъ развиться корпусу настоящихъ строевыхъ и боевыхъ офицеровъ. Этотъ недостатокъ у него общій съ другими казачьими войсками, но у линейскихъ казаковъ, напримѣръ, особыя мѣстныя причины ослабляютъ его вліяніе. Донское войско составляетъ не только замкнутый классъ людей, но цѣлую область, замкнутую въ самой себѣ; внутреннее управленіе этою областію, даже гражданское, находится исключительно въ рукахъ казаковъ, принадлежитъ имъ по привилегіи. Донское управленіе, гражданское и внутреннее, очень обширно, а многочисленный классъ войсковыхъ чиновниковъ, вращающійся всегда въ предѣлахъ Донской Земли, стоитъ ближе къ начальству, чѣмъ строевые офицеры, постоянно разсѣянные по всѣмъ угламъ Имперіи, и потому можетъ скорѣе обратить на себя вниманіе и выслужиться. Между тѣмъ, по войсковому положенію, всѣ чины войска, одинаково казаки, всѣ считаются военными, носятъ эполеты и имѣютъ право переходить, когда захотятъ, съ гражданской должности на военную. Въ то же время постоянная цѣль, pium desiderium каждаго казака по рожденію, состоитъ въ томъ, чтобы добиться командованія полкомъ, потому что оно выгодно, и часто, при извѣстной продолжительности, на всю жизнь обезпечиваетъ человѣка. Очень натурально, что войсковые чиновники исключительно стремятся къ этой цѣли, и получивъ штабъ-офицерскій чинъ, употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ вліянія, чтобы поскорѣе стать кандидатомъ въ полковые командиры. Въ ихъ распоряженіи больше этихъ вліяній, чѣмъ у строевыхъ; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ такое же право на очередь какъ и послѣдніе. Но эти чиновники такіе же точно чиновники, какъ во всей Россіи; донской стряпчій или секретарь ничѣмъ не отличается отъ такого же стряпчаго или секретаря сосѣдней губерніи. Изъ этого выходитъ, что донскими полками и даже сотнями, если только стоянка полка выгодна, командуютъ болѣе стряпчіе, чѣмъ военные офицеры, по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось встрѣчать между ними больше стряпчихъ и секретарей чѣмъ военныхъ. Эта характеристика можетъ быть распространена не только на многихъ полковыхъ командировъ, но на значительное число штабъ-офицеровъ. А въ то время какъ высшія мѣста въ донскихъ полкахъ наполняются чиновниками, низшія, но все-таки начальственныя мѣста, отдаются

чаще писарямъ, чѣмъ наѣздникамъ; я думаю, можно сказать, не преувеличивая, что едва ли не половина донскихъ урядниковъ вышла изъ писарей и тому подобныхъ мелкихъ агентовъ власти. Вещь ясная. Войсковой чиновникъ, получая военное начальство, беретъ съ собой людей, служившихъ ему за канцелярскимъ столомъ или въ другихъ послугахъ (они такіе же казаки по праву, хотя, можетъ-быть, въ жизни не держали въ рукахъ пики); онъ и производитъ ихъ въ урядники преимущественно. Почти каждый регулярный штабный офицеръ имѣетъ при себѣ въ походѣ вѣстоваго казака; въ награду за личную послугу, онъ выпрашиваетъ ему галуны. Потомъ эти урядники выходятъ въ офицеры и камандуютъ сотнями по писарски. Подобное смѣшеніе гражданской и военной службы, облеченной въ одну форму, производитъ въ казачьихъ войскахъ тѣ жѣ послѣдствія, какія бы оно произвело вездѣ. Представьте себѣ, что чиновникамъ нашихъ нижнеземскихъ судовъ и казенныхъ палатъ открыто переименованіе тѣмъ же чиномъ въ гусары и саперы, и писцамъ ихъ въ фельдфебели этихъ войскъ съ перспективой дальнѣйшаго производства, и притомъ, всѣмъ имъ, съ приманкой нѣкоторыхъ выгодъ въ новой службѣ, и представьте себѣ, что произошло бы при этомъ въ войскахъ; вотъ то, что вы представили, и происходитъ именно у казаковъ, особенно у донскихъ, имѣющихъ болѣе обширное внутреннее управленіе, чѣмъ другіе. Надобно удивляться крѣпости закала донской натуры, видя ихъ даже тѣмъ, что они есть; другіе, на ихъ мѣстѣ, стали бы хуже китайцевъ. Вотъ и разгадка, почему донцы могутъ быть, но рѣдко бываютъ отличною кавалеріей: это съ ними случается тогда лишь, когда они попадаютъ въ руки хорошаго строеваго командира. Я не могу распространяться здѣсь о средствахъ, какимъ образомъ положить конецъ такому состоянію вещей. Средство само по себѣ ясно—радикальное отдѣленіе гражданской части отъ военной; кто былъ разъ чиновникомъ, тотъ не можетъ больше воротиться въ строй, кто былъ писаремъ, тотъ не долженъ уже быть ни строевымъ урядникомъ, ни полковымъ офицеромъ; съ гражданскихъ чиновниковъ, даже съ военныхъ чиновъ нестроевыхъ, надобно снять военную форму *). Приведеніе этого сред-

*) О писаряхъ надо сказать то же и въ отношеніи къ дѣйствующимъ войскамъ. Достаточно видалъ я на своемъ вѣку, какъ передъ дѣломъ, изъ всѣхъ

ства въ дѣйствіе вызоветъ обширную реформу въ донскомъ войскѣ давно необходимую, но довольно сложную и многимъ непріятную (никакъ, впрочемъ, не казакамъ, а чиновничеству); оно потребуетъ формальнаго отдѣленія войска, настоящихъ казаковъ, и ихъ земель отъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ и владѣній Донской области; также одного управленія отъ другаго, которому нѣтъ причины оставаться военнымъ. Славное донское войско, которому при должныхъ реформахъ можетъ предстоять еще такая великая будущность, должно само понять, что ему нельзя устоять на одной точкѣ, когда вся имперія стремится впередъ. Россіи еще надолго будутъ нужны казаки, но только казаки, удовлетворяющіе современнымъ потребностямъ. Мои слова не больше, какъ слова частнаго человѣка, но ими говоритъ сила неотразимая—духъ вѣка.

Реформа въ войскѣ нужна еще для того, чтобы ввести въ донскіе полки должное число регулярныхъ кавалерійскихъ офицеровъ. Обстоятельная рѣчь объ этомъ впереди; замѣтимъ только, что, вопервыхъ, исключеніе изъ списковъ донскихъ офицеровъ всѣхъ чиновниковъ, безспорно необходимое, образуетъ пробѣлъ, который нужно будетъ наполнить; а вовторыхъ, что несмотря на природныя качества донцовъ, у нихъ далеко недостаточно еще развиты понятія и знанія, нужныя настоящей строевой кавалеріи; только регулярные офицеры могутъ принести имъ эти понятія и знанія.

Третья причина, наконецъ, часто недопускающая донцовъ развернуться во всемъ блескѣ врожденныхъ имъ качествъ,—это обычное, вошедшее въ привычку въ нашей арміи, обращеніе съ ними. Выговоримъ горькое, но совершенно справедливое слово: ихъ держатъ, по большей части, въ черномъ тѣлѣ. Какъ иррегулярное войско, Донцы несутъ и въ походѣ, и по окраинамъ имперіи, гдѣ расположены ихъ полки, самую тяжелую, но вмѣстѣ и самую невидную службу. Надобно видѣть большую часть донскихъ стоянокъ, хоть на Кавказѣ, откуда они уже выступили совсѣмъ, чтобы понять мѣру лишеній и неудобствъ, которую эти люди могутъ выносить. Въ настоящихъ

штабовъ насылались въ строй писаря за полученіемъ георгіевскихъ крестовъ, которые они отнимали такимъ образомъ у людей, составляющихъ нравственную основу части. Писаря также, конечно, заслуживаютъ поощренія; но ни награды, выдаваемыя имъ, ни вообще ихъ служба, не должны считаться военными.

походахъ, на войнѣ, донцамъ выпадалъ обыкновенно главный трудъ, но весьма мало блеску. Большинство нашихъ кавалерійскихъ начальниковъ, подъ руку которымъ попадали казаки, были пріучены цѣнить конницу съ манежной точки зрѣнія, а потому смотрѣли на нихъ свысока. Случаи отличія донскимъ казакамъ представлялись рѣдко. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ нашихъ арміяхъ, при столькихъ войнахъ, попадались донскіе полки не хуже знаменитыхъ полковъ казачьихъ, слава которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ; ихъ не умѣли только поставить на свое мѣсто, вслѣдствіе предвзятыхъ идей. Усиленный трудъ, безъ должнаго вниманія къ нему, мало можетъ поощрить человѣка.

Сложите послѣдствія этихъ трехъ обстоятельствъ случайнаго состава донскихъ полковъ, чиновничьяго характера значительной части ихъ офицеровъ и приниженнаго ихъ положенія въ арміи, и отвѣтьте: если при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ выдаются по временамъ изъ общаго числа полки, о которыхъ мало сказать, что они не хуже лучшихъ регулярныхъ, то каковы же должны быть донцы, устроенные какъ слѣдуетъ во всѣхъ отношеніяхъ?

Въ настоящемъ состояніи военнаго дѣла отъ кавалеріи приходится требовать новой способности, безъ которой прежде она очень хорошо обходилась, драгунской способности—спѣшиваться. Въ наше время кавалерія, не приспособленная къ тому, чтобы въ случаѣ надобности сойти съ коня и отстрѣливаться, не можетъ имѣть никакой самостоятельности; придется постоянно держать при ней пѣхоту, а это значитъ: ее придется всегда держать при пѣхотѣ, такъ какъ послѣдняя не можетъ сбѣжаться съ лошадью. Съ тѣхъ поръ какъ разросшееся населеніе обратило европейскія поля въ подобіе огородовъ, а ружья стали хватать втрое далѣе прежняго, кавалерія въ отдѣлѣ не можетъ уже полагаться всегда и вездѣ только на коня и на саблю. Исключительнымъ ея назначеніемъ осталось, какъ и всегда, атаковать верхомъ; но чтобы сохранить какую-нибудь степень самостоятельности, чтобы не держаться постоянно за пѣхоту какъ ребенокъ за подолъ няньки, кавалерія должна умѣть сама защищаться огнемъ и преодолѣвать безъ пѣхоты второстепенныя мѣстныя препятствія, противъ случайнаго непріятеля; иначе она не будетъ въ состояніи ступить шагу въ сторону, такъ какъ въ западной Европѣ едва ли найдется теперь от-

крытое пространство на дальность ружейнаго выстрѣла, безъ какого-нибудь забора или препятствія, за которымъ могутъ усѣсться стрѣлки; ружье же бьетъ на 1.200 шаговъ. Можно сказать увѣренно, что не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ вторая шеренга будетъ составляться изъ драгунъ во всѣхъ родахъ кавалеріи. Но образованіе изъ рекрутъ хорошихъ драгунъ, одинаково способныхъ къ обоимъ родамъ службы, дѣло очень трудное; лучшіе европейскіе кавалеристы сомнѣвались и сомнѣваются въ успѣшности такого результата, приписывая способность дѣйствовать одинаково хорошо пѣшкомъ и верхомъ только природнымъ наѣздникамъ: мамелюкамъ, арабамъ, казакамъ и т. д. Наша иррегулярная кавалерія обладаетъ въ высшей степени этою двойною способностію, потому она такъ же способна къ малой войнѣ на пересѣченной мѣстности, какъ и въ степи. Если регулярная кавалерія должна сохраниться въ нынѣшней пропорціи (а это необходимо по многимъ причинамъ), то и она должна быть способна къ тому же: иначе какую же роль станутъ играть въ арміи нѣсколько десятковъ тысячъ самаго дорогаго войска, которое нельзя выдвинуть далѣе ружейнаго выстрѣла отъ массы пѣхоты? Для такого дѣла, очевидно, недостаточно нѣсколькихъ карабинеровъ въ эскадронѣ; обучать же пѣхотной службѣ всю массу кавалеріи дѣло затруднительное. Когда верховая ѣзда дается человѣку только въ силу настойчиваго и долгаго упражненія, развлекать его другимъ занятіемъ значитъ ослаблять въ главномъ. Изъ нашего кавалериста, какъ изъ всякаго русскаго человѣка, не мудрено сдѣлать хорошаго пѣхотинца, но мудрено сдѣлать такъ, чтобъ онъ остался при этомъ хорошимъ ѣздокомъ. Подобнаго вопроса не можетъ возникнуть, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, который ѣздитъ верхомъ такъ же какъ ходитъ пѣшкомъ, отъ природы; при какомъ бы то ни было развлеченіи онъ будетъ все такъ же ѣздить, какъ всякій другой будетъ ходить. Донскіе казаки не такъ привычны къ спѣшиванію какъ линейскіе, но все же привычны; придя въ первый разъ на Кавказъ, не учившись никогда этому дѣлу особенно, они точно такъ же садились въ залоги и по временамъ несли пѣшую службу, какъ и линейскіе. Драгунскіе батальоны, въ томъ видѣ какъ ихъ формировали въ прошлое царствованіе, очевидно фантазія; въ десять лѣтъ войны можетъ не выпасть одного случая примѣнить ихъ. Въ дѣлѣ нужны не спѣшанныя стройныя массы кавалеріи, а

стрѣлки, самое большое кучки. Регулярную кавалерію, сформированную изъ казаковъ, почти нечего учить спѣшиванью. Достаточно нѣскольких элементарныхъ застрѣльщичьихъ ученій и по временамъ упражненія въ прицѣльной стрѣльбѣ, чтобы люди знали свое дѣло на сколько это потребно.

Нужно ли говорить, во сколько казаки расторопнѣе рекрутъ и даже солдатъ, кромѣ самыхъ старыхъ? Всякій сближавшійся съ ними на походѣ или въ дѣлѣ хорошо это знаетъ.

Кадры русской арміи должны расшириться: это необходимо для управленія нашихъ силъ съ возможными вражескими; по всей Европѣ арміи усиливаются; не можемъ мы одни остаться въ прежнемъ положеніи. Но уже теперь раздаются голоса о несоразмѣрно малой численности нашей регулярной въ отношеніи къ пѣхотѣ (въ нынѣшнее царствованіе кавалерія дѣйствительно сокращена на половину, съ 458 дѣйствующихъ эскадроновъ на 220). Я не раздѣляю мнѣнія, чтобы теперешнее количество регулярной кавалеріи было недостаточно, при огромномъ числѣ иррегулярной, всегда готовой къ походу. За границей относительная численность линейной конницы, соотвѣтствующей по назначенію нашей регулярной, еще меньше; легкая конница исполняетъ тамъ преимущественно обязанности нашихъ казаковъ—аванпостную службу, рекогносцировки и фуражировки. Но не подлежитъ сомнѣнію, что съ расширеніемъ кадровъ арміи, нынѣшнее количество регулярной кавалеріи будетъ уже недостаточно. Какъ пополнить его? Сформированіемъ новыхъ полковъ. Но кавалерія не пѣхота. Выучить рекрута верховой ѣздѣ не то, что научить его стрѣлять и маршировать. Тутъ трудность состоитъ не въ пріученіи къ строевой службѣ и владѣнію оружіемъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать изъ человѣка всадника, чтобъ онъ чувствовалъ себя на лошади, какъ на своихъ ногахъ, что̀ и при долгомъ срокѣ достигается только на половину. Искуственную кавалерію нельзя распускать въ мирное время по домамъ, оставляя подъ знаменемъ одни кадры; ее приходится держать весь срокъ на службѣ, увольняя развѣ небольшое число людей во временные отпуски. Пѣхоту можно усилить по военному положенію безъ обремененія бюджета въ мирное время, однимъ сокращеніемъ сроковъ; относительно кавалеріи эта мѣра невозможна. Тутъ что новый человѣкъ въ спискахъ, то новый постоянный расходъ, втрое превышающій расходъ на пѣхотинца. Усиленіе кавалеріи, набранной изъ ре-

крутъ, которую надо держать всегда на лицо, повело бы къ сильному приращенію военнаго бюджета. Увеличить число нашей кавалеріи, безъ истощенія казны, можно только тѣмъ способомъ, чтобы формировать новые кавалерійскіе полки изъ природныхъ всадниковъ, которыхъ нужно учить только правильной строевой службѣ, а не верховой ѣздѣ; съ такими людьми можно подвести кавалерію подъ общую организацію, держать въ мирное время треть людей въ строю и двѣ трети въ отпуску; на 6-ти-эскадронный полкъ—дивизіонъ подъ знаменемъ и два дивизіона по домамъ. Но если нужда вынудитъ къ такой мѣрѣ, и у насъ будутъ регулярные казачьи полки, что же станетъ дѣлать рядомъ съ ними кавалерія изъ рекрутъ? Рѣшившись разъ брать въ одну половину конницы людей, которыхъ нечего учить верховой ѣздѣ, такъ какъ они знаютъ это дѣло лучше всякихъ учителей; располагая неограниченнымъ числомъ такихъ людей, неужели все-таки, покуда стоитъ Россія, будутъ набирать другую половину конницы изъ крестьянъ, которые только къ концу срока пріучаются ѣздить весьма посредственно? Неужели, вслѣдствіе иностранныхъ понятій петровскихъ и аннинскихъ выписныхъ инструкторовъ, у насъ навсегда сохранятся рядомъ съ линейцами гусары, заведенные въ Европѣ, какъ подражаніе гусарамъ венгерскимъ, никогда не стоившимъ нашихъ линейцевъ; а на ряду съ донцами—уланы, перенятые западомъ у поляковъ съ нашихъ же казаковъ и татаръ? Да вѣдь это выходитъ исторія норманскихъ яицъ, которыя истые англичане, живя въ Парижѣ, выписываютъ изъ Лондона. Искуственная кавалерія никогда не можетъ достигнуть качества натуральной, правильно обученной; а цѣна ея содержанія ровно тройная, такъ какъ она должна быть всегда налицо, между тѣмъ какъ природная кавалерія можетъ быть подчинена пѣхотной организаціи, состоять въ мирное время на иждивеніи казны въ количествѣ одной трети.

Скажутъ, можетъ быть, что донскіе казаки необходимы какъ иррегулярная кавалерія, что ихъ некѣмъ замѣнить въ этомъ родѣ службы. Мнѣ уже привелось читать, не помню гдѣ, именно такое возраженіе. Признаюсь чистосердечно, я считаю его за шутку. Наше отечество обладаетъ не только элементами нестроевой конницы, но готовою нестроевою конницей, въ про-

порціи въ десять разъ превышающей всякую потребность. Мы разсмотримъ этотъ предметъ на своемъ мѣстѣ.

Донцы, безъ сомнѣнія, и теперь должны считаться регулярною кавалеріей, только недостаточно обученною. Донской полкъ учится строевой службѣ недѣли двѣ во время сформированія; потомъ онъ идетъ въ походъ, а прибывъ къ мѣсту назначенія, разбивается отдѣльными постами, которые почти не видятъ другъ друга. Еслибъ онъ могъ пробыть въ сборѣ хоть три мѣсяца въ году, подъ рукой исправнаго командира, онъ былъ бы вполнѣ регулярнымъ. Но, чтобы можно было замѣнять донцами строевые кавалерійскіе полки, такого домашняго преобразованія недостаточно. Строевая кавалерія—оружіе очень сложное; оно можетъ достигнуть совершенства тогда только, когда всѣ служебныя понятія и привычки сложились долговременною практикой, образовали стройную систему, руководствующую людей одинаково и въ важныхъ вещахъ, и въ мелочахъ службы. Въ духѣ каждаго оружія, если оно хорошо сформировано, выражется самая сущность дѣла, вліяющая на весь ходъ службы и въ крупныхъ и въ мелкихъ вещахъ; душа его не въ обученіи только, а въ непрерывномъ преданіи, усвоенномъ всѣми составляющими его людьми. Вотъ этого регулярно кавалерійскаго преданія не достаетъ въ казакахъ; изъ ихъ собственной закваски оно не разовьется скоро въ удовлетворительной полнотѣ, безъ урока и примѣра, безъ совмѣстной службы съ строевою конницей на той же ногѣ, безъ руководства регулярныхъ офицеровъ. Естѣ донскіе офицеры, которые могли бы отлично командовать линейскимъ кавалерійскимъ полкомъ; но развѣ такихъ много? Достоинство казаковъ состоитъ въ томъ, что они молодцы въ душѣ, одиночно гораздо болѣе развиты, чѣмъ рекруты и притомъ природные ѣздоки; но они могутъ стать вполнѣ регулярною кавалеріей лишь въ рядахъ кавалеріи уже существующей при совмѣстной службѣ съ нею. Будущность нашей кавалеріи и будущность военнаго бюджета зависятъ не отъ прибавленія новыхъ сотенъ къ линейнымъ полкамъ, но отъ постепеннаго замѣщенія эскадроновъ регулярными донскими сотнями.

Чтобы ввести донцовъ въ регулярную кавалерію, прежде всего надобно раздѣлить донское войско на мѣстные полки и сотни на подобіе кавказскаго линейнаго: иначе всѣ старанія ни къ чему не приведутъ. Казаки служатъ посрочно, а за тѣмъ

возвращаются на льготу; объ обученіи казачьей сотни стоитъ хлопотать лишь въ такомъ случаѣ, когда она составляетъ постоянную часть: тогда будетъ извѣстно, что сотня № такой-то, выходящая изъ такой-то станицы, обучена регулярно. Собирать со всей Донской Земли всѣхъ регулярныхъ казаковъ и соединять ихъ вновь въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находились на предыдущемъ срокѣ—дѣло слишкомъ хлопотливое и ненадежное; притомъ же, въ земскомъ войскѣ хороша только часть, проникнутая еще на мѣстѣ духомъ товарищества. Если же войско донское было бы подѣлено на постоянные полки и сотни, превращеніе его въ регулярную кавалерію обратилось бы въ простой разчетъ времени. Чтобы говорить о замѣщеніи нынѣшнихъ эскадроновъ донскими сотнями, надобно прежде всего принять раздѣленіе Донскаго Войска на полковые и сотенные участки за совершившійся фактъ. Такъ я и сдѣлаю.

Можно разомъ ввести по одной постоянной сотнѣ въ составъ каждаго изъ легкихъ кавалерійскихъ полковъ, то-есть во всѣ, за исключеніемъ четырехъ кирасирскихъ, съ общимъ расформированіемъ, въ то же время, четвертыхъ эскадроновъ. Расходъ на кавалерію не прибавится такимъ образомъ ни копѣйкой. Сотня останется нераздѣльною, въ своемъ полномъ составѣ, но офицеровъ надобно перемѣшать, иначе ни регулярные не ознакомятся съ казаками, ни казачьи не проникнутся достаточно духомъ строеваго войска. Половина послѣднихъ можетъ быть перемѣщена въ другіе эскадроны и замѣнена офицерами эскадрона расформированнаго. Черезъ два года она станетъ превосходнымъ эскадрономъ и будетъ отпущена на льготу, съ замѣной ея второю сотней того же полка. Въ шесть лѣтъ три сотни каждаго донскаго полка станутъ такимъ образомъ вполнѣ приготовленными. На седьмой годъ, вмѣстѣ съ четвертою сотней того же полка, придетъ и первая, окончившая свою четырехлѣтнюю льготу. Имѣя при всякомъ кавалерійскомъ полку донской дивизіонъ, можно сейчасъ же расформировать третьи эскадроны; на девятый годъ, когда придетъ вторая сотня со льготы и пятая новая—второй эскадронъ; а на одиннадцатый, съ прибытіемъ третьей льготной и шестой, послѣдней, новой—остальной эскадронъ. Въ десять лѣтъ всѣ наши четырехъ-эскадронные кавалерійскіе полки изъ рекрутъ замѣнятся шести-сотенными регулярными донскими. Число строевой кавалеріи увеличится на половину, соразмѣрно съ возрастаніемъ пѣхоты,

а налицо въ мирное время будетъ ея находиться только $^2/_3$ противъ нынѣшняго—два эскадрона въ каждомъ полку, вмѣсто четырехъ, съ упраздненіемъ въ то же время всѣхъ резервныхъ эскадроновъ. Вмѣстѣ съ экономіей на обмундированіе всей кавалеріи (такъ какъ казаки выходятъ въ своемъ платьѣ), выгода для казны будетъ очень большая.

Казачьи офицеры никогда вполнѣ не замѣнятъ регулярныхъ кавалерійскихъ, по крайней мѣрѣ этого слишкомъ долго пришлось бы ждать, такъ какъ кавалерійское офицерство, въ массѣ, состоитъ изъ людей довольно образованныхъ, на Дону же образованіе стоитъ еще низко; кромѣ того, за исключеніемъ донскихъ чиновниковъ, носящихъ мундиръ, количество строевыхъ казачьихъ офицеровъ не слишкомъ велико. Въ обученныхъ донскихъ полкахъ надобно сохранить по крайней мѣрѣ на половину нынѣшнихъ регулярныхъ офицеровъ. Въ десять лѣтъ, если пополнять вакансіи сообразно съ этимъ предположеннымъ числомъ, оно само собой дойдетъ до нормы. Съ отдѣленіемъ отъ войска поземельнаго дворянства Донской Земли (которому, такимъ образомъ, предоставится всякая карьера) половинное число нынѣшнихъ офицерскихъ вакансій будетъ достаточно для строевыхъ казаковъ. На неоднократно выраженное мнѣніе вводить въ донское войско регулярныхъ офицеровъ, какъ они вводятся въ линейное, постоянно слышался отвѣтъ: „казакамъ это будетъ обидно". Какимъ казакамъ? Чиновничеству, особенно стряпчимъ, получающимъ полки—конечно! Но въ странѣ гдѣ, пять лѣтъ тому назадъ, освобождены двадцать милліоновъ крѣпостныхъ, такой отвѣтъ не годится. Строевымъ же казакамъ и офицерамъ это далеко не будетъ обидно; черезъ мѣсяцъ службы они оцѣнятъ всю разницу между старымъ и новымъ порядкомъ вещей; даже свои офицеры-земляки станутъ совсѣмъ другими въ новомъ сообществѣ.

Очередную службу достаточно положить въ два года, за которыми послѣдуетъ четырехлѣтняя льгота. Если донскому войску придется выставлять только нынѣшнее число регулярно-кавалерійскихъ полковъ шестисотеннаго состава, изъ которыхъ въ мирное время лишь двѣ сотни будутъ въ строю за предѣлами войска, то служба его станетъ весьма легкою. Къ шести дѣйствующимъ сотнямъ можно прибавить двѣ резервныя, остающіяся постоянно дома, но изъ которыхъ полкъ будетъ пополняться въ военное время, въ которыхъ будутъ обучаться

также всѣ малолѣтки. Развитый съ молодости и потомъ хорошо обученный на службѣ казакъ, не забудетъ на льготѣ своего дѣла, именно потому, что онъ казакъ, а не рекрутъ; онъ явится изъ своей станицы на призывъ такимъ же исправнымъ воиномъ, какъ пѣхотный отпускной изъ своей деревни. Природная способность казака изгладитъ органическое различіе требованій между двумя родами службы. Но, тѣмъ не менѣе, ему нужны и серіозныя упражненія, по крайней мѣрѣ трехнедѣльный сборъ, для поддержанія регулярной стройности и привычки къ оружію. Для этой цѣли желательно, чтобы къ каждой льготной сотнѣ, кромѣ казачьихъ офицеровъ, было прикомандировано еще по одному регулярному. Полагая, какъ мы сдѣлали, половинное число регулярныхъ офицеровъ въ полку, то-есть на три сотни, при трети или четверти отпускныхъ, обезпеченныхъ половиннымъ содержаніемъ (какъ въ пѣхотѣ), остальные будутъ достаточно заняты при двухъ дѣйствующихъ и четырехъ льготныхъ сотняхъ. На содержаніи людей и лошадей получится большая экономія въ мирное время. Но ее нельзя распространять на ремонтъ коней и вооруженія. Въ этомъ отношеніи регулярные казаки должны получать все, что теперь идетъ на регулярную кавалерію. Порода донскихъ лошадей лучшая, какая есть въ Россіи и въ Европѣ для конницы. Но конь коню рознь, даже въ одной породѣ. Теперь казаки, сообразно съ своими средствами, выѣзжаютъ на дешевыхъ лошадяхъ, изъ которыхъ немногія годны для сильнаго строя. Наша же строевая конница, поддержанная такою тучей иррегулярной, на которой будутъ лежать всѣ обязанности аванпостной службы и малой войны, должна быть не преимущественно, а исключительно конницей линейною, способною къ атакѣ на пѣхоту. Ей нужны сильныя, рослыя и вмѣстѣ пылкія лошади. Такихъ лошадей будетъ сколько угодно на Дону, въ новороссійскихъ и ставропольскихъ степяхъ, когда явится запросъ. Но онѣ не дешевы. Казакъ не имѣетъ средствъ пріобрѣсти такого коня на свой счетъ. Ему должно выдавать сполна ремонтныя деньги, по нынѣшнему положенію регулярной кавалеріи, то-есть 120 рублей, и затѣмъ требовать неуклонно, чтобы подъ нимъ былъ конь должныхъ качествъ, не менѣе $2^3/_4$ верш. Лошади ниже этой мѣры не годятся въ линейной кавалеріи; ударъ ихъ, особенно на пѣхоту, слишкомъ слабъ: это хорошо знаетъ всякій, видавшій атаку на каре. Значительное преи-

мущество нижегородскаго полка въ турецкой войнѣ состояло въ томъ, что лошади его, пріобрѣтаемыя исключительно на Дону, были выше обыкновенной драгунской мѣры, а потому и сильнѣе, но все еще не довольно сильны. На такихъ коняхъ донцы будутъ регулярною кавалеріей, какой Европа еще не видала, развѣ только у англичанъ,—въ этомъ можно поручиться. Также точно регулярнымъ донскимъ полкамъ слѣдуетъ выдавать положенныя деньги на сѣдло и сбрую, и затѣмъ требовать совершенной ихъ исправности. Нынѣшнее донское оружіе должно быть, конечно, сохранено въ своемъ видѣ, но улучшено въ качествѣ. Нечего говорить также, что офицеры изъ казаковъ должны быть сравнены съ прочими во всѣхъ отношеніяхъ. Желательно, чтобъ они, по общему примѣру, были обезпечены и на льготѣ половиннымъ жалованьемъ. Съ обращеніемъ донцовъ въ регулярные полки произойдетъ такая экономія, не только въ содержаніи кавалеріи, но и въ жалованьи офицерамъ, въ сравненіи съ которою подобный расходъ, справедливый и необходимый, составитъ лишь нѣсколько процентовъ.

Я не касаюсь въ этомъ очеркѣ никакихъ чисто тактическихъ вопросовъ. Но тутъ нельзя не спросить—должны ли регулярные казаки строиться лавой, по своему обычаю; или въ двѣ шеренги? Я никогда не слыхалъ и не читалъ осмысленнаго отвѣта на то, почему кавалерія должна дѣйствовать двумя шеренгами, когда первое боевое условіе въ этомъ войскѣ—возможно большая смѣнность частей—уменьшается такимъ построеніемъ на половину. Какъ бы то ни было, вкорененный обычай, великое дѣло. Оставляя его неприкосновеннымъ въ кавалеріи, составленной изъ рекрутъ, которая привыкла такъ дѣйствовать, которая иначе дѣйствовать не умѣетъ, можно выставить тотъ же аргументъ въ защиту стародавняго обычая другой кавалеріи, которая привыкла дѣйствовать иначе. Конечно, никто не рѣшится сказать, чтобы лейбъ-казачій полкъ былъ хуже какого-нибудь другаго, потому что обычное его построеніе лава,—а не двухъ-шереножный строй.

По поводу привычекъ можно сказать то же самое о всѣхъ коренныхъ обычаяхъ донцовъ.

Изъ донскихъ казаковъ должно сформировать регулярную кавалерію. Но регулярность эта должна состоять только въ стройности и въ сомкнутости, а не въ измѣненіи ихъ внутрен-

нихъ распорядковъ, ихъ обращенія съ конемъ и такъ далѣе. Родовой обычай людей, формирующихся для службы еще дома: по отцовскимъ преданіямъ, святое и неприкосновенное дѣло, на немъ основывается вся сила увѣренности въ себѣ какъ части, такъ и отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ отношеніи регулярный офицеръ можетъ научить казака только тому, чему львенокъ, воспитанный орломъ, хотѣлъ учить звѣрей—вить гнѣзда.

Перейдемъ къ нестроевой конницѣ.

Названіе это неправильное, такъ какъ всѣ казаки у насъ, болѣе или менѣе, строевое войско; оно прилагается вѣрно только въ полкахъ кавказскихъ туземныхъ наѣздниковъ. Весь этотъ отдѣлъ нашей конницы слѣдовало бы называть конницей натуральною, въ отличіе отъ искуственной.

Нестроевую конницу нельзя смѣшивать въ одинъ видъ. По качеству людей, какъ дѣйствительность даетъ ихъ у насъ, она должна дѣлиться на два рѣзко отличныя подраздѣленія, на боевую и аванпостную. Къ первой должны быть причислены всѣ кавказскія конноиррегулярные войска и, можетъ-быть, уральскіе казаки; (послѣднихъ я не знаю),—къ другой, остальные казаки и кочевые инородцы.

Несмотря на огромное количество нестроевой конницы, находившейся при нашихъ арміяхъ во всѣхъ войнахъ, можно сказать, ее очень мало употребляли для самостоятельныхъ партизанскихъ дѣйствій: до сихъ поръ мы не умѣли пользоваться настоящимъ образомъ своимъ преимуществомъ. Кромѣ 1812 и начала 1813 года, казаки не дѣйствовали отдѣльными отрядами. Я отношу это бездѣйствіе къ двумъ причинамъ: вопервыхъ, къ односторонности взгляда, существовавшаго у насъ насчетъ иррегулярной конницы; и вовторыхъ, къ дѣйствительно меньшей, относительно, способности донцовъ къ партизанской войнѣ, чѣмъ напримѣръ кавказской конницы. Донцы по духу—регулярная кавалерія. Хотя они обладаютъ гораздо большею смѣткой въ аванпостной службѣ, чѣмъ строевые кавалеристы, но они не совсѣмъ одиночные наѣздники; они создались степью, въ которой число, связность и строевое вооруженіе копьемъ сохраняютъ несомнѣнное преимущество надъ одиночною удалью; только со времени предпослѣдняго царствованія они стали носить ружье. Очевидно, что на пересѣченныхъ поляхъ Европы эта степная кавалерія безъ ружей не

была достаточно самостоятельною; а между тѣмъ наша нестроевая конница состояла почти исключительно изъ донцовъ и по нимъ расцѣнивалась тактически, даже въ теоріи. Слѣдствіемъ вышло то, что нестроевую конницу стали употреблять исключительно для аванпостной службы и рекогносцировокъ; какъ самостоятельное оружіе, она оставалась въ бездѣйствіи. Однакоже военная исторія доказываетъ, до какой степени многочисленная нестроевая конница можетъ быть самостоятельнымъ оружіемъ, не только у себя дома, при оборонѣ, но и въ наступательной войнѣ. Пока турки сохраняли воинственный духъ, ихъ делибаши образовали какъ бы атмосферу вокругъ твердаго ядра арміи, чрезвычайно разширяли кругъ ея дѣйствія, держали непріятельское войско, въ его собственной землѣ, въ постоянной блокадѣ. Можно видѣть изъ записокъ современниковъ, до какой степени австрійцы, у себя дома, въ своемъ лагерѣ, были осаждены этою докучливою кавалеріей. Въ этомъ отношеніи наше время ничѣмъ не отличается отъ прошлаго. И теперь, какъ тогда, боевая иррегулярная конница, хорошо направляемая и достаточно многочисленная, можетъ поставить противника въ самое затруднительное положеніе, даже на его собственной почвѣ. Хорошая нестроевая конница, какъ кавказская, снабженная надежными проводниками, никогда не можетъ быть отрѣзана, какъ по качеству своихъ лошадей, которые загонятъ три смѣны обыкновенныхъ кавалерійскихъ, такъ и по своему умѣнію пользоваться мѣстностію. Пѣхота не догонитъ ея, кавалерія ничего ей не сдѣлаетъ. Наши кавказцы, казаки и туземцы, считающіе первымъ своимъ оружіемъ винтовку, одинаково опасны верхомъ и пѣшкомъ. Въ большомъ сраженіи, при тѣснотѣ, высокое качество этихъ людей, выказывающееся въ полномъ свѣтѣ преимущественно въ разсыпную, не на своемъ мѣстѣ; но въ преслѣдованіи и въ партизанской войнѣ оно даетъ имъ рѣшительный перевѣсъ надъ всякимъ европейскимъ врагомъ. На конѣ, они окружатъ непріятельскую кавалерію, какъ рой пчелъ, заставятъ ее истощиться въ безплодныхъ атакахъ и разстрѣляютъ по одиночкѣ; спѣшившись за первымъ прикрытіемъ, они разомъ остановятъ ее. Эта летучая конница проникнетъ какъ вода во всякій интервалъ, образовавшійся между отрядами непріятеля, разорветъ ихъ, заставитъ противника содержать сообщеніе между своими массами не иначе, какъ посредствомъ сильныхъ колоннъ, под-

вергнетъ опасности его парки и обозы, поставитъ его въ положеніе французовъ въ Испаніи. Съ этою конницей мы будемъ знать все что дѣлаетъ непріятель, между тѣмъ какъ онъ ничего не будетъ знать о насъ; рекогносцировки станутъ для него невозможными, развѣ посредствомъ цѣлыхъ отрядовъ, и то на близкихъ разстояніяхъ; между нами и противною стороной повиснетъ завѣса, прозрачная для насъ и темная для него.

Для достиженія такого результата недостаточно, конечно, нѣсколькихъ полковъ; нужна масса летучей конницы, употребляемая только для этого назначенія,—при большой дѣйствующей арміи не менѣе двадцати полковъ, во второстепенныхъ арміяхъ—около десятка. Конница эта должна быть въ однѣхъ рукахъ, подъ управленіемъ отличнаго атамана окруженнаго нѣсколькими надежнѣйшими начальниками летучихъ отрядовъ.

Кавказъ можетъ выставить большое число несравненной боевой иррегулярной кавалеріи. Кубанской войско выставитъ 28 конныхъ полковъ, терское войско 10. Это все линейцы, качество которыхъ, по крайней мѣрѣ большей части изъ нихъ, довольно извѣстно. Затѣмъ, изъ туземнаго кавказскаго населенія можно вызвать еще много полковъ, такого же высокаго достоинства.

Въ прежнее время попытки собирать подъ наше знамя горскихъ охотниковъ на продолжительную службу, оказывались иногда (какъ въ турецкую войну) мало успѣшными. Но съ тѣхъ поръ все перемѣнилось. Лучшіе шамилевскіе воины и нѣсколько тысячъ абрековъ остались безъ дѣла, а потому почти безъ хлѣба, горская молодежь, слушая разсказы старшихъ братьевъ, горитъ желаніемъ попробовать свои силы. Этому воинскому пылу надо дать исходъ при первомъ удобномъ случаѣ, чтобъ онъ не обратился противъ насъ.

На Кавказѣ нѣтъ ни одного толковаго мѣстнаго начальника, который бы не ручался, что вызоветъ изъ ввѣреннаго ему племени сколько угодно наѣздниковъ, при первомъ призывѣ къ войнѣ. Силы горскаго населенія, постановленныя подъ русское знамя и въ первый разъ побратавшіяся съ нами на ратномъ полѣ будутъ тѣмъ самымъ изъяты изъ-подъ власти враждебныхъ внушеній. Количество иррегулярной конницы, которую Кавказъ можетъ выставить, при должныхъ мѣрахъ со стороны мѣстнаго начальства, почти неограниченно. Въ та-

кой массѣ нѣтъ и надобности. Я буду считать только полки, которые можно сейчасъ же, безъ напряженія, вызвать изъ каждой мѣстности. Такихъ полковъ легко сформировать: въ Карачаѣ, съ прикубанскими племенами, 1, въ Кабардѣ 1, въ Осетіи 1, въ Чечнѣ съ нагорными округами 3, на Кумыкской плоскости 1, въ Шамхальствѣ 1, въ Акушѣ и Мехтулинскомъ ханствѣ 1, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ и Кюринскомъ ханствѣ 1, въ Казикумухскомъ ханствѣ и Самурскомъ округѣ 1, въ нагорномъ Дагестанѣ 4, въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ 1, въ Тушино-Хевсурскомъ 1; и одинъ Куртинскій, всего 18 полковъ.

Съ линейцами число боевыхъ иррегулярныхъ полковъ, удовлетворяющихъ самымъ взыскательнымъ условіямъ партизанской войны и вмѣстѣ аванпостной службы, доходитъ до 56; но еслибъ была нужда, мы можемъ имѣть ихъ и больше.

Кромѣ боевой иррегулярной кавалеріи для партизанской войны, намъ нужно еще нѣкоторое число иррегулярныхъ полковъ для аванпостной службы. Желательно, чтобы не было большаго различія между тѣми и другими полками, чтобы всѣ они были боевыми. Я не считаю невозжнымъ достиженіе такой цѣли при заботливомъ воспитаніи иррегулярныхъ войскъ. Но покуда надо брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Мы насчитали 56 боевыхъ полковъ, даже изъ нихъ не всѣ заслуживаютъ вполнѣ это названіе; найдется между ними десятокъ полковъ, стоящихъ гораздо ниже другихъ по упадку воинственности въ нѣкоторыхъ племенахъ; но все же они могутъ быть если не отличными партизанами, то хорошею аванпостною стражей. Тоже можно сказать и о другихъ нашихъ иррегулярныхъ войскахъ. Какъ передовая караульная стража, онѣ далеко превосходятъ войска регулярныя самыми существенными качествами: неутомимостію людей и лошадей, чуткостію и зоркостію, находчивостію, привычкой къ одиночному дѣйствію,—особенностями всегда отличающими людей кочевыхъ или полукочевыхъ, живущихъ на окраинахъ, посреди неразработанной природы. Притомъ эти люди, хотя не первокласные бойцы, какъ линейцы, или кавказскіе горцы, все же довольно воинственны, чтобы каждый могъ лично постоять за себя, дать первый отпоръ. Совокупнаго дѣйствія отъ нихъ не требуется. Они казаки, какъ представляетъ себѣ казаковъ большинство нашего общества; къ нимъ это понятіе, невѣрное

относительно донцовъ, прилагается вполнѣ. Они не войско, главное назначеніе котораго схватываться грудь съ грудью съ непріятелемъ, а дозорщики арміи. Ихъ дѣло составлять передовую стражу, разъѣзды, летучія колонны въ тылу главныхъ силъ, препровождать плѣнныхъ и т. д. Ихъ дѣло также замѣнять кавалерію въ мѣстностяхъ, гдѣ кавалерія нужна для быстроты, а не для рѣшительнаго боя съ устроеннымъ противникомъ, напримѣръ, въ безпокойныхъ областяхъ, каковы польскія, при оборонительныхъ войскахъ, охраняющихъ протяженіе береговъ и границъ и пр. Для такого дѣла наши иррегулярные войска, не говоря о тѣхъ, которыя мы назвали боевыми и которымъ принадлежитъ высшее назначеніе, не только вполнѣ пригодны, но даже незамѣнимы. Въ европейскихъ арміяхъ всѣ вышеуказанные виды службы возложены на легкую регулярную кавалерію и въ значительной степени парализуютъ ее, утомляя и развлекая; утомленная же конница не годится для боя. Кромѣ того, иррегулярныя войска, даже не слишкомъ боевыя, драгоцѣнны тѣмъ, что въ мирное время ихъ не содержатъ, или содержатъ только отчасти; съ первымъ же призывомъ они готовы въ полномъ комплектѣ. Безъ нихъ пришлось бы постоянно держать налицо массу регулярной кавалеріи для тѣхъ же самыхъ назначеній, такъ какъ искуственная кавалерія изъ рекрутъ требуетъ тщательнаго и непрерывнаго обученія. Располагая должнымъ количествомъ нестроевой конницы, стоящей относительно немного въ мирное время, мы замѣняемъ ею постоянныя силы (чѣмъ значительно облегчается бюджетъ), придаемъ арміи отличную передовую стражу, самую бдительную, какая только можетъ быть, и сохраняемъ въ свѣжести свою регулярную кавалерію. Изъ этого достаточно видна важность военнаго назначенія иррегулярныхъ войскъ, даже втораго разряда. Тутъ нужны люди неутомимые, находчивые, прирожденные всадники, на коняхъ столь же выносчивыхъ, какъ они сами. Такихъ людей сколько угодно по окраинамъ Россіи; одни изъ нихъ устроены по-военному, другіе нѣтъ, но устроить ихъ очень легко и не дорого.

Можно исчислить приблизительно сколько нужно иррегулярныхъ полковъ по окружности европейской Россіи (считая тутъ же и Кавказъ) при высшемъ военномъ напряженіи. Не будемъ брать въ счетъ собственно азіятскую окраину государства на востокѣ отъ Каспійскаго моря. Затѣмъ, держась распредѣленія

массъ, предположеннаго нами при разчисленіи пѣхотныхъ дивизій, число и размѣщеніе нестр‹ ев ıхъ конныхъ полковъ; можно положить примѣрно такимъ обр зомъ.

Для партизанскихъ дѣйствій:

При большой дѣйствующей арміи	20
При южной арміи (на Днѣстрѣ)	8
При дѣйствующемъ корпусѣ на турецко-азіятской границѣ	8
Итого .	36

Изъ 55-ти остается еще 19 для сторожевой, конвойной и внутренней службы при дѣйствующихъ арміяхъ и при войскахъ, расположенныхъ по границамъ.

Для сторожевыхъ силъ:

При большомъ скопленіи силъ въ арміи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ солдатъ, окружность которой будетъ относительно уменьшаться съ возрастаніемъ численности, аванпостной стражи достаточно положить по полку на корпусъ въ три дивизіи, особенно когда фронтъ ея прикрытъ летучими отрядами. Въ арміяхъ меньшей численности надобно положить больше. По этому разсчету выйдетъ:

полковъ для аванпостной службы:

При большой дѣйствующей арміи, которую мы полагали въ 40 пѣхотныхъ дивизій (кромѣ сторныхъ), сторожевыхъ полковъ	13
Для службы въ тылу арміи въ занятомъ непріятельскомъ краѣ . .	6
	19
При южной арміи, которую мы полагали въ 7 дивизій	4
При войскахъ обороняющихъ кавказско-черноморское прибрежье, кромѣ казаковъ 2-го сбора въ Кубанской области	2
Кромѣ того:	
Въ Балтійскомъ басейнѣ	8
Въ Черноморскомъ	3
Въ Царствѣ и западныхъ губерніяхъ, въ началѣ дѣйствій, полагая по три сотни на губернію и полкъ на Варшаву	8
Итого .	39 *

*) Въ мирное время внутреннюю кордонную службу на Кавказѣ несутъ линейцы; съ началомъ войны эта несравненная конница должна, конечно, поступить въ дѣйствующія арміи. Для замѣны ея на кордонѣ всегда можно выставить достаточное число чапаръ изъ мѣстныхъ жителей. Учрежденіе это существуетъ и теперь, но, чтобы соотвѣтствовать своей цѣли, требуетъ п‹ л наго преобразованія.

Всѣхъ боевыхъ и караульныхъ иррегулярныхъ полковъ 73 (кромѣ азіятской Закаспійской украйны).

До сихъ поръ наибольшая часть нестроевой конницы выставлялась донскимъ войскомъ. Съ обращеніемъ донцовъ въ регулярную кавалерію, ихъ надобно замѣнить другими людьми. Кавказъ можетъ выставить 56 конно-иррегулярныхъ полковъ, въ случаѣ надобности и больше. Положимъ, что изъ Оренбургской украйны могутъ быть двинуты на западъ 8 полковъ; ихъ останется еще достаточно для службы въ Зауральскомъ краѣ. Вотъ уже 64 полка. Остается набрать еще 11. Для нихъ существуютъ готовые элементы во внутреннихъ кочевникахъ юго-восточной полосы европейской Россіи.

Имѣвъ давно уже случай познакомиться съ этими кочевниками калмыками, букеевскими (внутренними) киргизами, ногайцами и трухменами, я всегда искренно удивлялся, отчего не извлекутъ хоть какую-нибуть пользу для государства изъ этихъ людей, не платящихъ почти никакихъ податей, но занимающихъ, всѣ вмѣстѣ, слишкомъ 25 милліоновъ десятинъ земли—пространство равное Пруссіи, какъ она была до нынѣшняго года. Обращеніе въ гражданское населеніе башкировъ и мещеряковъ, мѣра совершенно правильная. Значеніе военной повинности, которую несло это многочисленное населеніе, раскиданное по плодороднымъ землямъ, нисколько не соотвѣтствовало ущербу, причиняемому такимъ порядкомъ вещей общей производительности государства. Совсѣмъ другое дѣло калмыки, ногайцы и пр. Племена эти не велики, всего ихъ наберется до 60-ти тысячъ кибитокъ, то-есть семей. Живутъ они въ степи, по большей части безплодной, которая можетъ доставлять пропитаніе только однимъ кочевникамъ. Жизнь ихъ проходитъ въ совершенной праздности. Есть между ними много людей обнищавшихъ, нанимающихся для прокормленія по окраинамъ жилыхъ мѣстъ; но всѣ остальные, кочующіе, живутъ доходомъ отъ своихъ стадъ и положительно ничего не дѣлаютъ; нѣсколько пастуховъ единственные занятые люди между ними. Прочіе во всю жизнь свою не приращаютъ народнаго богатства ни на полушку. Находятся ли они дома или на краю свѣта, это не составляетъ никакой разницы ни для государственной экономіи, ни для нихъ самихъ. Такихъ кочевниковъ полтора милліона, если не больше, подъ властію Россіи; но я не говорю о дальнихъ, еще дикихъ киргизахъ, а

о кочевникахъ внутреннихъ, заключенныхъ въ предѣлахъ европейской Россіи, можно сказать свойскихъ, замѣтно уже обрусѣвшихъ. Пользы отъ нихъ нѣтъ рѣшительно никакой. Единственная подать, которую они платятъ, идетъ на содержаніе ихъ же управленія. Между тѣмъ всѣ эти кочевники—всадники прирожденные, неутомимые, люди зоркіе, чуткіе и находчивые, какъ всѣ полудикари, взросшіе подъ открытымъ небомъ, и въ то же время смѣлые, если только въ головѣ ихъ поставленъ смѣлый руководитель. На Кавказѣ было много знаменитыхъ абрековъ изъ бѣглыхъ ногайцевъ. Суточные переѣзды, совершаемые нашими кочевниками, показались бы европейцу баснословными. Люди эти родятся казаками, имъ нужны только руководители-офицеры и на первое время урядники. Можно въ одинъ день посадить ихъ всѣхъ на коня, безъ всякаго растройства въ хозяйствѣ, такъ какъ хозяйства у нихъ не существуетъ. Для военнаго устройства племена эти можно присоединить къ ближайшимъ казачьимъ войскамъ—кавказскихъ кочевыхъ къ линейному, калмыковъ къ донскому, букеевскихъ киргизовъ къ уральскому. Въ каждомъ изъ этихъ войскъ найдется достаточное количество запасныхъ офицеровъ и урядниковъ для вновь формируемыхъ сотенъ, тѣмъ болѣе, что въ войскѣ иррегулярномъ эти люди нужны для того, чтобы командовать, а не для того чтобъ учить, такъ какъ учить его почти нечему; а потому число ихъ можетъ быть сокращено до крайняго предѣла. По привычкамъ, по характеру ѣзды и по вооруженію, на сколько у нихъ есть вооруженіе, кочевые инородцы вездѣ близко подходятъ къ сосѣднимъ казакамъ, такъ какъ послѣдніе развивались сначала по ихъ образцу. Безъ малѣйшаго затрудненія можно вывести, хоть завтра 8 полковъ калмыцкихъ, 6 киргизскихъ и 6 ногайскихъ и трухменскихъ. Полки эти, какъ войско, конечно, не будутъ равняться съ чеченскими, или дагестанскими; но они будутъ не хуже многихъ полковъ казачьихъ, особенно съ оренбургской окраины, несшихъ исправно свою стражевую и разсыльную службу при нашихъ арміяхъ.

Всякое новое дѣло требуетъ постепенности. Хотя кавказскіе горцы лично всѣ готовые воины, а кочевники готовые всадники, но для благоустройства будущихъ полковъ, ихъ надо формировать методически, начиная съ низшей строевой единицы, сотни. Новые иррегулярные полки нужны для замѣщенія донцовъ; стало быть достаточно, чтобъ они зрѣли по мѣрѣ

того какъ донскія въ сотни будутъ обращаться въ регулярную кавалерію; взамѣнъ каждой донской сотни, прикомандированной къ строевой конницѣ, должна создаваться новая сотня нестроевая. При этомъ, пріемы для образованія иррегулярныхъ полковъ изъ кочевниковъ и кавказскихъ горцевъ не могутъ быть одинаковы. Однихъ можно формировать какъ намъ удобно, съ другими надо поступать осторожно.

Устройство полковъ изъ кочевниковъ дѣло очень простое. Раздѣливъ ихъ уравнительно на полковые участки, можно въ первый годъ сформировать по одной сотнѣ на каждый полкъ, оставляя ее на внутренней службѣ; на второй годъ удвоить ее, образуя такимъ образомъ дивизіонъ, и вести на службу куда потребуется. Новые люди, становясь между старыми, прослужившими уже годъ, будутъ сейчасъ же годны для нехитрой нестроевой службы. Затѣмъ черезъ каждые два года смѣнять людей постепенно, чтобы вновь пришлые становились въ ряды служилыхъ. Въ десять лѣтъ очередь обойдетъ весь составъ полка. Больше не нужно; большаго ничего не происходитъ и въ организованныхъ иррегулярныхъ войскахъ. Отъ кочевниковъ можно требовать для однообразія, напримѣръ, шапокъ одного цвѣта, по полкамъ, но, разумѣется, экипировка стала бы для нихъ затруднительною, еслибы вмѣсто ихъ обыкновеннато платья имъ навязали какой-нибудь мудреный мундиръ.

Кавказцевъ можно привлечь къ службѣ незамѣтно, не насилуя ихъ вольности и понятій. На первое время надобно сдѣлать имъ службу легкою и не отдалять ихъ отъ домовъ. Достаточно сформировать сначала по одной сотнѣ на полкъ и оставить ее въ своемъ округѣ, для исполненія полицейскихъ обязанностей; потомъ уже присоединить къ ней другую. На 17 полковъ составится 34 сотни; такое количество горцевъ на казенномъ содержаніи наберется и теперь на Кавказѣ, подъ видомъ разныхъ милицій. Для того, чтобъ имѣть въ готовности цѣлый полкъ съ округа, этихъ двухъ сотенъ довольно. Охотниковъ на остальныя четыре сотни достаточно приписать къ двумъ первымъ, вызывая ихъ на службу по очереди и постепенно. Льготнымъ людямъ нужно, конечно, обезпечить какія-нибудь преимущества, но, я полагаю, преимущества эти могутъ быть весьма не обременительныя. Денежное содержаніе, напримѣръ 2 рубля въ мѣсяцъ, офицерамъ и урядникамъ треть оклада,

что составитъ кругомъ 30 руб. на всадника, на 68 льготныхъ сотенъ 250 тысячъ въ годъ. Эта сумма не составитъ новаго расхода, онъ только переносится съ содержанія нынѣшнихъ иррегулярныхъ войскъ на другія, и потому не можетъ считаться новымъ. Для льготныхъ всадниковъ къ содержанію должно присоединить какое-нибудь замѣтное внѣшнее отличіе. На Кавказѣ уже поднятъ фактически вопросъ о постепенномъ запрещеніи горцамъ права носить публично огнестрѣльное оружіе. Къ нѣкоторымъ племенамъ это уже примѣнено; черезъ нѣсколько времени, безъ сомнѣнія, будетъ примѣнено ко всѣмъ. Можно предоставить льготнымъ охотникамъ право ходить въ полномъ вооруженіи. Для такихъ честолюбивыхъ людей какъ горцы, это отличіе будетъ большою приманкой. Вмѣстѣ съ содержаніемъ, хотя такимъ скуднымъ какъ мы предположили, оно привлечетъ весьма достаточное число охотниковъ. Надобно только, чтобъ эти охотники были настоящими охотниками, чтобъ они не видѣли надъ собой тѣни принужденія. Хочешь служи, хочешь ступай, на мѣсто тебя мы найдемъ другаго. Иначе сейчасъ же зайдетъ между ними рѣчь, что ихъ берутъ въ казаки.

Приписывать къ полку охотниковъ придетъ время тогда лишь, когда двѣ сотни на каждый полкъ будутъ уже сформированы. Надобно постепенно пріучать горцевъ къ службѣ внѣ ихъ края. Они и теперь охотно пойдутъ на войну, но не на внутреннюю, или пограничную службу. Надобно исподоволь пріучать ихъ къ ней. Когда списки всему полку будутъ уже составлены, и вторая очередь, прослуживъ годъ дома, привыкнетъ нѣсколько къ порядку, одну изъ сотенъ можно будетъ выдвинуть за предѣлы племеннаго участка, но недалеко, расположивъ ее на кордонахъ; во всякомъ случаѣ безъ принужденія; пусть не желающіе остаются дома: на ихъ мѣсто найдутся иные. На слѣдующій годъ другую сотню, также прослужившую годъ дома, можно расположить нѣсколько далѣе; въ короткое, относительно, время легко будетъ замѣнять горцами сборные линейные полки, хотя отчасти, на внутренней кавказской службѣ; эти послѣдніе станутъ на мѣсто донцовъ, по другимъ границамъ. Со временемъ же и горскіе полки пойдутъ куда ихъ пошлютъ. Самое важное дѣло при формированіи горскихъ полковъ, хорошій выборъ офицеровъ. Въ жизни горцевъ фамильныя и личныя отношенія играютъ такую роль, что отъ этого выбора можетъ зависѣть весь успѣхъ дѣла; за однимъ лицомъ

пойдутъ сотни, за другимъ не пойдетъ никто. Мѣстные начальники военныхъ районовъ Кавказа, съумѣютъ, конечно, дать вѣрное направленіе подобной мѣрѣ, еслибъ она была принята. Постепенное пріученіе горцевъ къ службѣ не устраняетъ однакоже возможности внезапнаго сформированія полковъ, еслибы представилась надобность. На войну ихъ можно вызвать и безъ постепенности. Противъ внѣшняго врага, даже въ настоящую минуту, правительство можетъ расчитывать на многія тысячи отчаянныхъ кавказскихъ наѣздниковъ.

Въ учрежденіи иррегулярныхъ конныхъ войскъ надобно имѣть въ виду одну важную вещь, которую у насъ постоянно забывали. Въ военное время часто является надобность увеличить, въ томъ или другомъ мѣстѣ, число казачьихъ полковъ, и для того вызываютъ на службу большее число людей, чѣмъ какое опредѣлено обыкновенными штатами: мѣра очень натуральная, такъ какъ иррегулярное войско самое удобное подспорье; оно всегда готово, между тѣмъ какъ другое войско пришлось бы формировать вновь. Сравнительно со штатнымъ числомъ строевыхъ, въ районѣ казачьихъ войскъ остается еще гораздо большее число людей способныхъ носить оружіе, также служившихъ и опытныхъ. Но въ этомъ случаѣ къ службѣ готовы только люди лично, а не всадники. Казаки держатъ у себя обыкновенно не болѣе строевыхъ лошадей, чѣмъ сколько полагается штатами. Когда война была нормальнымъ состояніемъ Кавказа, линейные полки состояли изъ шести сотенъ и строевыхъ людей было на шесть сотенъ, развѣ немногимъ больше. Теперь линейные полки, терскаго войска напримѣръ, въ четырехъ-сотенномъ составѣ, и верховыхъ лошадей у нихъ на четыре сотни. Естественно, что казакъ, какъ домохозяинъ, держитъ для службы только то, чего служба требуетъ; остальное онъ кладетъ на свое хозяйство; въ южной же полосѣ Россіи, въ которой группируются казачьи населенія, всѣ сельско-хозяйственныя работы производятся волами, а не лошадьми, потому казакъ замѣняетъ первыми всякую лишнюю лошадь. Когда внезапно призывается къ службѣ большое число людей, чѣмъ обыкновенно, имъ приходится вдругъ обзаводиться лошадьми, цѣна которыхъ немедленно возвышается. Это затрудненіе до такой степени вліяетъ на сборъ добавочныхъ частей, что сформированіе ихъ часто можетъ состояться только на половину, а иногда и вовсе не можетъ состояться, хотя людей

больше чѣмъ нужно, и съ ихъ стороны нѣтъ недостатка въ доброй волѣ. Можно сказать навѣрное, что въ настоящее время было бы чрезвычайно затруднительно выставить безъ денежнаго вспоможенія со всего кавказскаго линейнаго войска полные шестисотенные полки; то же самое оказывается и въ другихъ казачьихъ войскахъ. Между тѣмъ, въ исчисленіи иррегулярной конницы мы предполагали полки именно въ этомъ составѣ; такъ полагается и въ государственномъ расчисленіи, иначе нестроевой конницы окажется недостаточно. Сформированіе не только шести-сотенныхъ полковъ, но, въ случаѣ надобности, даже прибавочныхъ къ нимъ частей, дѣло вовсе незатруднительное по количеству и приготовленности людей, по духу учрежденій иррегулярныхъ войскъ; но оно не можетъ быть даровымъ для государственнаго казначейства, не можетъ быть отнесено исключительно на счетъ казаковъ. Чтобы количество и качество иррегулярной кавалеріи соотвѣтствовали ожиданію, надобно положить правиломъ—всякому нестроевому всаднику, не сидящему верхомъ по штатамъ мирнаго времени, съ призывомъ на службу выдавать пособіе на заведеніе коня, примѣрно 50 руб.,—цѣна доброй степной или горской лошади. Къ этой категоріи принадлежатъ въ казачьихъ полкахъ—сотни свыше числа, положеннаго штатомъ, въ горскихъ полкахъ сотни призываемыя на службу внѣ очереди, и т. д. Безъ такого отпуска нельзя поставить легкую конницу на ноги въ должномъ видѣ. Тутъ дѣло идетъ о расходѣ военнаго, а не мирнаго времени, Невозможно вести войну экономно; она ведется для обезпеченія будущаго, а потому и на счетъ будущаго.

VII.

Военные чины.

Въ настоящее время корпусъ офицеровъ русской арміи не складывается уже самъ собою, его нужно создавать искуственными мѣрани. Прежде, русскому человѣку высшаго сословія приходилось выбирать только одно изъ двухъ: служить или ничего не дѣлать. Естественно, что дворянство служило поголовно и начальствовало надъ своими бывшими крѣпостными въ мундирѣ какъ начальствовало надъ ними, когда тѣ ходили еще въ зипунѣ. Тутъ выражалось цѣликомъ общественное .устройство. Офицерство составляло сословіе, оно было военнымъ дворянствомъ, въ отличіе отъ военнаго крестьянства. Теперь это отличіе существуетъ только искуственно, какъ не успѣвшая еще изчезнуть форма, но не какъ сущность дѣла. Наши лучшія молодыя силы отвлечены въ другую сторону; собственно русское дворянство перестало поступать въ военную службу не только исключительно, но даже преимущественно. Съ тѣмъ вмѣстѣ пресѣклась возможность формировать корпусъ офицеровъ почти поголовно изъ дворянъ, какъ было прежде, т. е. кончилось офицерство какъ сословіе, какъ общественный пластъ, однородный въ своемъ составѣ отъ прапорщика до фельдмаршала, лежащій на другомъ общественномъ пластѣ. *Русскіе* офицеры уже не рождаются; армія должна ихъ выростить.

Съ другой стороны, пока дѣйствіе привилегіи продолжается, ею пользуются элементы, изъ которыхъ вовсе не желательно образовать большинство нашего офицерства. «*Московскія Вѣдомости*» разсчитали, что собственно русское дворянство составляетъ не болѣе четверти дворянства русской Имперіи остальныя три четверти приходятся на иноязычныхъ, по большей части новосозданныхъ и политически далеко не совсѣмъ надежныхъ людей *). Это значитъ, въ короткихъ словахъ, что

*) Нечего говорить, что мы не подразумѣваемъ здѣсь ни остзейскаго ни грузинскаго дворянства и не дѣлаемъ никакой разницы въ военномъ отношеніи между ними и кровными русскими.

русское царство отравлено своимъ не русскимъ высшимъ сословіемъ; слѣды отравы сказались ясно въ судорогахъ, непонятныхъ въ нашемъ обществѣ и народѣ, отъ нигилизма до пожаровъ и подметныхъ грамотъ. Но это чужеядное высшее сословіе становится понемногу, подъ покровомъ привилегіи, въ головѣ арміи: именно подъ покровомъ привилегіи, потому что по личнову развитію, девять десятыхъ этихъ людей не достигли бы такого положенія. Къ подобному дворянству надобно присоединить еще много другихъ элементовъ; кто не знаетъ, что старыя узаконенія присвоили всякому не русскому въ Россіи хоть какія-нибудь права, сверхъ общаго права; всякій иностранецъ или полуиностранецъ, не подлежащій рекрутской повинности, вступаетъ въ военную службу вольноопредѣляющимся и этимъ самымъ становится ближе къ офицерству, чѣмъ природный русскій человѣкъ. Неужели мы будемъ дожидаться чтобъ эти сбродные элементы, при малой охотѣ къ военной службѣ собственно русскаго дворянства, стали рѣшительно въ головѣ нашей арміи? При этомъ условіи становится затруднительнымъ набирать офицеровъ *по праву*. Это вторая причина почему армія должна возвращать изъ себя большинство офицеровъ, а не принимать ихъ извнѣ. По обѣимъ причинамъ, уничтоженіе сословной привилегіи въ военной службѣ стало въ настоящее время дѣломъ настоятельной необходимости. Надобно вычеркнуть изъ закона сроки для производства въ офицеры, различные для каждаго сословія, и положить одинъ общій срокъ для лицъ удовлетворяющихъ требованіямъ экзамена.

Воспитанниковъ военныхъ училищъ достанетъ развѣ на четверть такой арміи какъ наша; образованное дворянство не идетъ больше въ армію въ достаточномъ числѣ. Съ переходомъ на военное положеніе у насъ опять окажется крайній недостатокъ въ годныхъ офицерахъ, такой недостатокъ, что онъ можетъ парализовать лучшія военныя учрежденія, если не будетъ предупрежденъ кореннымъ измѣненіемъ военнаго права. А не забудемъ что въ первой войнѣ, какая у насъ вспыхнетъ, будетъ несомнѣнно рѣшаться вопросъ о мѣстѣ Россіи въ свѣтѣ и будущности нашей на долгое время; нельзя жертвовать участью такихъ вещей старымъ воспоминаніямъ.

Есть и еще причины, требующія, чтобы въ нашей арміи заслугѣ были настежь открыты двери. Нашъ солдатъ сталъ

теперь вольнымъ человѣкомъ. Прежній крѣпостной думалъ только о томъ, какъ бы отбыть свой срокъ. Нынѣшній австріецъ или пруссакъ служитъ въ рядахъ такъ мало, что его желанія остаются гражданскими, не переносятся на военную службу,—военное честолюбіе его не возбуждено. Нашъ же солдатъ, особенно унтеръ-офицеръ, будетъ служить довольно долго и станетъ дѣйствительно военнымъ, — это условіе необходимо для качества арміи. Но въ такомъ случаѣ, сознавая себя вольнымъ человѣкомъ, которому на родинѣ могло бы предстоять значительное положеніе между своими, и въ то же время ставъ надолго военнымъ безъ всякихъ видовъ на будущее, онъ можетъ или утратить всякую энергію, или возмутиться душой; если мы хотимъ имѣть хорошую армію, этому чувству надо дать исходъ. Отчасти эта мѣра воспитанія офицеровъ армій уже осуществлена; остается довершить ее съ другой стороны. Но съ тѣмъ вмѣстѣ распадается понятіе объ офицерствѣ какъ о чемъ-то цѣльномъ; какъ только эполеты утратятъ совсѣмъ свое сословное значеніе, каждый прапорщикъ будетъ уже не кандидатомъ въ фельдмаршалы, какъ бывало, но унтеръ-офицеромъ, произведеннымъ въ слѣдующій классъ. До сихъ поръ у насъ оно еще *не такъ*, но по ходу дѣла, ни отъ кого лично не зависящему, будетъ *такъ*. При этомъ станетъ уже невозможнымъ и ненужнымъ требовать отъ офицера (понимая подъ этимъ именемъ весь военный людъ носящій эполеты) чего нибудь общаго. Какъ теперь отъ солдата требуютъ одного, а отъ унтеръ-офицера другаго, такъ придется требовать отъ субалтернъ-офицеровъ третьяго, отъ ротныхъ командировъ четвертаго, отъ штабъ-офицеровъ пятаго и т. д. Каждый чинъ составитъ особую группу, отъ которой понадобятся не знанія отвлеченнаго офицера, а именно то, что для нея нужно. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ офицерскомъ экзаменѣ долженъ быть поставленъ иначе чѣмъ теперь.

Въ послѣднее время большинство мнѣній, высказанныхъ въ нашей печати объ устройствѣ корпуса офицеровъ, требовало главнѣйше одного—образованія, не опредѣляя въ точности, какое образованіе тутъ нужно. Между тѣмъ именно въ этомъ опредѣленіи вся сила.

Какъ ни желательно чтобы всякій челотѣкъ зналъ какъ можно больше, но общее образованіе не можетъ быть предметомъ попеченій или требованій со стороны военнаго управле-

нія, которое обязано считать образованнымъ офицеромъ только офицера образованнаго въ своемъ дѣлѣ, не заботясь о томъ, каковы его энциклопедическія познанія. Общій уровень образованія долженъ составлять заботу общества въ массѣ, но онъ не касается до специальныхъ вѣдомствъ. У насъ долго забывали эту непреложную истину, что и теперь еще отзывается на офицерскихъ экзаменахъ; требованіе отъ людей, безъ особенной надобности, высшаго уровня образованія, чѣмъ тотъ, который существуетъ дѣйствительно, ведетъ только къ фальши, а фальшъ къ тому, что не спрашиваютъ въ достаточной степени и дѣйствительно нужнаго. Какъ ни мало въ нашей арміи хорошо образованныхъ людей, но ихъ все-таки гораздо больше, чѣмъ образованныхъ офицеровъ; а для качества войска пропорція должна бы быть обратною.

Кромѣ спеціальныхъ знаній, потребныхъ въ дѣлѣ, которому человѣкъ себя посвящаетъ (даже въ этомъ отношеніи программа должна ограничиваться только необходимымъ), офиціально нельзя спрашивать отъ него ничего болѣе; но за то этого необходимаго надобно требовать по всей строгости, безъ малѣйшаго снисхожденія: человѣкъ не знающій того, что нужно знать для его дѣла, никуда не годится. Полезное можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда не останется никакого сомнѣнія, что необходимое удовлетворено вполнѣ. Сумма познаній, нужная офицеру не спеціальныхъ оружій для отличнѣйшаго исполненія его обязанностей, весьма ограничена. Въ то же время военное дѣло составляетъ такую спеціальность, въ которой характеръ человѣка, его инстинктивныя способности, смѣтка, быстрая рѣшимость, умѣнье заслужить довѣренность толпы, играютъ первую роль и могутъ поставить его очень высоко въ своемъ ремеслѣ. Отталкивать такихъ людей изъ-за алгебры и французской исторіи было бы китайскимъ педантствомъ. На Кавказѣ дознано опытомъ, что весьма часто отличнѣйшіе ротные командиры выходили изъ юнкеровъ, долго протянувшихъ лямку, бѣдныхъ, мало образованныхъ дворянъ; сжившись съ солдатомъ, эти люди знали его и могли имъ командовать безъ затѣй, но разумно.

Открытіе доступа къ спеціяльному образованію въ войсковыхъ школахъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ на всѣхъ общаго права, вызоветъ много кандидатовъ, достойныхъ эполетъ. Степень приготовленности этихъ людей будетъ, конечно далеко не

равная; найдутся такіе, которые пойдутъ далеко. но большая часть будетъ годиться только для скромныхъ оберъ-офицерскихъ мѣстъ, представляя притомъ всѣ качества, нужныя для такого званія. Разумѣется, нельзя мѣрить однихъ другими. Можно установить двѣ степени экзамена: одинъ окончательный, другой только для оберъ-офицерскихъ чиновъ, и въ то же время раздѣлить военные чины на три группы: оберъ-офицеровъ и генераловъ, разорвавъ между ними всякое производство по старшинству, предоставляя его лишь достойнымъ. Теперь уже можно, кажется, надѣяться, что у насъ сыщется и безъ искуственныхъ мѣръ достаточно образованныхъ людей для мѣстъ, на которыхъ необходимо нужны образованные люди; масса же мелкихъ офицеровъ, которую такъ трудно теперь подобрать, будетъ, кромѣ прилива высшихъ классовъ, воспитываться самою арміей. Качество простаго офицера станетъ измѣряться тогда не его *гражданскими познаніями,* составляющими весьма ненадежный критеріумъ, а его *военными познаніями и качествами,* что будетъ горазде лучше для развитія войска.

Жизнь высшаго слоя арміи, офицерства, даже въ нашъ вѣкъ равенства, имѣетъ въ основѣ своей дворянскія преданія. Коренныя понятія и обычаи военнаго ремесла не поддаются напору времени и сохраняются почти цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они выработались въ эпоху, когда войско значило—дворянство. Очень понятно почему. Преимущественное развитіе военныхъ качествъ въ человѣкѣ приводитъ, наконецъ, къ особому исключительному типу; тогда только войско хорошо, когда этотъ типъ значительно въ немъ распространенъ. Старинное же дворянство, военная каста былаго времени, по всему свѣту, состоявшее изъ прирожденныхъ и наслѣдственныхъ воиновъ, осуществляло въ себѣ этотъ ратный идеалъ отъ древне-индійскихъ кшатріевъ до нынѣшняго прусскаго юнкертума. Гдѣ только дворянство существуетъ, оно составляетъ первый военный элементъ страны. Въ отношеніи военнаго долга, какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, наше дворянство не можетъ оставаться дворянствомъ XVIII вѣка, къ чему оно такъ привыкло; оно станетъ нечувствительно, всякій годъ терять болѣе и болѣе свое общественное положеніе, но оно можетъ быть дворянствомъ XIX вѣка, стать еще выше прежняго, замѣнивъ привилегію высшимъ сознаніемъ долга и своимъ при-

рожденнымъ нравственнымъ превосходствомъ. Устраняясь въ большинствѣ отъ военной службы какъ отъ ремесла, дворянство, для сохраненія своего общественнаго положенія, должно принять ее на себя, какъ обязанность. Конечно, желательно, чтобы передъ тѣмъ преобразованіе нашей арміи подвинулось нѣсколько далѣе, чтобы сроки дѣйствительной службы были сокращены, чтобы рекрутскій выкупъ былъ правильно установленъ. При прежнихъ порядкахъ, когда солдатъ былъ крѣпостной человѣкъ правительства, высшія сословія натурально не призывались въ ряды; но тогда все русское дворянство поголовно служило въ арміи офицерами. Теперь солдатъ сталъ вольнымъ человѣкомъ, гражданиномъ; въ настоящее время быть солдатомъ значитъ быть воиномъ своего отечества. Какое дворянство, имѣющее хоть тѣнь политическаго чувства, позволитъ себѣ оставить другимъ сословіямъ службу, которой оно обязано происхожденіемъ и существованіемъ? Послѣ кореннаго измѣненія, происшедшаго въ послѣднее время въ духѣ нашихъ военныхъ учрежденій, дворянство должно просить правительство снять съ него льготу, ставшую несовсѣмъ благовидною— не считаться въ числѣ защитниковъ отечества. Для людей, серіозно предавшихся какому-либо исключительному занятію, всегда останется средство выкупа посредствомъ зачетной квитанціи, прочіе должны показать народу какъ нести высшій общественный долгъ. Желательно, чтобы русское дворянство не только отклонило отъ себя привилегію, которую оно раздѣляетъ теперь съ нѣмецкими колонистами—не проливать обязательно крови за Россію, но чтобъ оно, какъ можно менѣе, пользовалось общимъ правомъ выкупа. Съ уменьшеніемъ сроковъ, отбыть нѣсколько времени подъ роднымъ знаменемъ не можетъ испортить ничьей жизни. Для будущности нашей арміи необходимо, чтобы русское дворянство не уклонялось отъ военной службы, по крайней мѣрѣ, какъ отъ общенародной обязанности. Уменьшеніе образованнаго, возросшаго на твердыхъ преданіяхъ элемента, стало живо чувствоваться въ русскихъ войскахъ; затрудненіе набирать хорошихъ офицеровъ удвоилось противъ прежняго. Отреченіе дворянства отъ неприличной ему льготы, разомъ поставитъ русскую армію на ноги. Молодые дворяне будутъ лучшими проводниками понятій долга и права въ массу солдатъ; нравственное перевоспитаніе войскъ, къ которому правительство стремится съ такими чрезвычайными

усиліями, съ трудомъ проникающее сквозь гущу застарѣлыхъ понятій, совершится тогда въ одинъ день. Кто осмѣлится нарушать неприкосновенность солдата, когда между солдатами будутъ стоять Рюриковичи? Кто найдетъ военную службу не по себѣ, тотъ оставитъ ее по окончаніи срока; кто полюбитъ, тотъ останется. Такихъ будетъ множество изъ людей, которые теперь, не по примѣру отцовъ, отстраняются отъ ратнаго дѣла. Молодые люди съ нѣкоторымъ образованіемъ не засидятся въ тылкѣ: сдавъ экзаменъ, они будутъ офицерами. Еще до этого, при нынѣшнихъ правахъ рядоваго, положеніе ихъ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ положенія юнкеровъ. Нравственное единеніе высшаго сословія съ народомъ, порвавшееся полтораста лѣтъ тому назадъ, возстановится всего скорѣе въ рядахъ русской арміи: оба они поймутъ другъ друга. Пройдя черезъ ряды арміи, дворяне въ массѣ станутъ уже не чужды военному дѣлу и потому будутъ въ состояніи толково занять офицерскія мѣста въ необходимомъ для насъ земскомъ ополченіи, изъ чего произойдутъ два важныя послѣдствія: вопервыхъ, хорошее устройство ополченія сдѣлается легкимъ, вовторыхъ, дворянство и въ этомъ отношеніи станетъ въ головѣ народа, займетъ у себя дома, въ своемъ уѣздѣ и околоткѣ, руководящее положеніе не въ силу привилегіи, а въ силу высшей способности.

Съ тѣмъ вмѣстѣ военная служба по жребію станетъ обязательною для всякаго гражданина. Какъ только дворянство приметъ на себя этотъ долгъ—его историческій долгъ—то онъ естественно будетъ распространенъ на милліоны людей, живущихъ русскимъ достояніемъ и не несущихъ первой изо всѣхъ общественныхъ повинностей.

Сформированіе корпуса офицеровъ, воспитываемаго самою арміей, а не приносимаго въ нее извнѣ высшимъ общественнымъ классомъ, требуетъ многихъ особенныхъ мѣръ и усиленнаго попеченія, безъ которыхъ можно было обойтись при военномъ дворянствѣ. Но какъ возобновить былое положеніе вещей ни отъ кого не зависитъ, то надобно озаботиться новымъ. Въ этомъ отношеніи наши военныя учрежденія, вытекшія изъ другихъ взглядовъ, требуютъ многихъ преобразованій.

Вслѣдствіе старыхъ порядковъ, число офицеровъ, служащихъ подъ разными наименованіями внѣ фронта, составляетъ у насъ слишкомъ высокій процентъ, неизвѣстный другимъ арміямъ.

Неопредѣленность и произволъ въ этомъ отношеніи такъ еще значительны, что у насъ всякій начальникъ можетъ изобрѣтать прямо или косвенно импровизованныя должности внѣ фронта для покровительствуемыхъ имъ лицъ. Благодаря этой неопредѣленности, многочисленности вѣдомствъ вовсе не военныхъ, наполненныхъ однакожь людьми въ военномъ мундирѣ, и отсутствію разграниченія между боевыми и не боевыми офицерами, возникъ такой духъ, что всякій небогатый офицеръ считаетъ службу во фронтѣ за худшее, ищетъ и находитъ, если имѣетъ малѣйшее покровительство или случай, какое-нибудь хозяйственное мѣсто и продолжаетъ носить эполеты, переставъ въ сущности быть военнымъ. Какъ ни велико зло, происходящее отъ столь излишняго обремененія казначейства, но тутъ есть зло еще значительнѣйшее: оно состоитъ въ томъ, что прямая военная служба, съ ея трудами и славой, перестаетъ быть цѣлью военныхъ людей; они пользуются и бо́льшимъ спокойствіемъ, и лучшимъ содержаніемъ, и выгодами, часто сопряженными съ мѣстами внѣ фронта, тогда лишь, когда оставляютъ ряды, такъ что всякій офицеръ, имѣющій сколько-нибудь ловкости, наровитъ выйти изъ строя, въ которомъ остаются за тѣмъ только неодаренные этимъ искуствомъ. Пока не будетъ положенъ конецъ такому порядку вещей, наши офицеры не будутъ истинно-военными людьми-руководителями, образцами для солдатъ. Нравственное отношеніе, существующее покуда между нашимъ офицерствомъ, взятымъ въ массѣ, и нижними чинами—вовсе не нормальное; нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша армія держится преимущественно качествомъ своихъ солдатъ, которые, относительно, несравненно превосходятъ офицеровъ. За исключеніемъ гвардіи, нѣсколькихъ кавказскихъ и, можетъ-быть, нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, нашъ корпусъ офицеровъ вовсе не составляетъ военнаго сословія, проникнутаго военнымъ духомъ, не имѣетъ никакого выраженія, столь рѣзко отличающаго за границей офицеровъ отъ прочихъ гражданъ. Иначе и быть не можетъ, потому что этотъ корпусъ вовсе не обособленъ, не замкнутъ въ себѣ. Онъ не былъ обособленъ и прежде, но тогда онъ состоялъ поголовно изъ дворянъ, исключительно служившихъ въ войскѣ, вносившихъ въ него болѣе гордый, смѣлый и самостоятельный духъ. Теперь же, когда большинство армейскихъ офецеровъ выходитъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, и вольноопредѣляющихся разныхъ

званій, характеръ ихъ можно поднять только рѣзкимъ, отграниченіемъ отъ всего остальнаго и систематическимъ воспитаніемъ въ особомъ, имъ однимъ свойственномъ духѣ. Даже потомъ, когда наше офицерство будетъ воспитываться самою арміей, условіе это останется необходимымъ. Храбрость русскаго человѣка всякаго сословія стоитъ внѣ вопроса; однакожь никто не удивится, если чиновники какого-нибудь губернскаго правленія не окажутся въ данномъ случаѣ храбрецами. Теперь нѣтъ больше сословной разницы между большинствомъ нашихъ офицеровъ и чиновниками губернскихъ правленій; если первые не будутъ сведены въ замкнутую корпорацію, воспитываемую въ особомъ духѣ, то не будетъ и причины, чтобъ отличіе ихъ отъ родныхъ братьевъ, взявшихъ перо, сказалось слишкомъ рѣзко. Но какой же можетъ быть общій духъ, какая можетъ образоваться корпорація между людьми, мундиръ которыхъ покрываетъ одинаково и строеваго офицера, и смотрителя провіантскаго магазина, высчитывающаго мышеѣдъ, и всякаго надсмотрщика надъ казенными дровами, госпитальнаго эконома, квартальнаго надзирателя, участковаго засѣдателя, — да кто пересчитаетъ всѣ метаморфозы, подъ которыми является въ нашемъ отечествѣ военный мундиръ? Какой положительный цвѣтъ можетъ принять этотъ хамелеонъ, называемый корпусомъ нашихъ офицеровъ? И какой духъ можетъ образоваться въ корпораціи, способнѣйшіе члены которой, если только они люди безъ состоянія, стремятся всею душой отъ лавроваго вѣнка къ мышеѣду, думаютъ только о томъ, какъ бы, не скидая своего мундира, улизнуть изъ фронта на какое-нибудь тепленькое хозяйство мѣстечко. Прежде всего у насъ нуженъ абсолютный разрывъ между военною службой и военно-хозяйственными вѣдомостями, всякими не прямо военными должностями какихъ бы то ни было наименованій, такъ чтобъ офицеръ, носящій эполеты, пока онъ ихъ носитъ, не могъ имѣть въ виду ничего кромѣ фронтовой службы и немногихъ дѣйствительно военныхъ штабныхъ мѣстъ, требующихъ военной специяльности. Внѣ этихъ званій, не должно быть военнаго мундира. Тогда только онъ пріобрѣтетъ цѣну, тогда только подъ нимъ разовьется цѣльная, одушевленная свойственными ей чувствами корпорація. *Воль*шая разница—искать легко достающихся занятій внѣ фронта, или выходить въ отставку, чтобъ искать мѣста въ постороннемъ вѣдомствѣ.

Единственное средство покончить съ этимъ смѣшеніемъ языковъ—исчислить точно, по военному положенію, всѣ дѣйствительно необходимыя военныя должности внѣ фронта, опредѣлить по нимъ до послѣдней единицы число нужныхъ нестроевыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ каждаго чина отдѣльно, упразднить толпу людей, состоящихъ при арміи безъ опредѣленнаго дѣла, кромѣ безсрочно-отпускныхъ, и затѣмъ свято держаться закона—не допускать ни одного человѣка носить военный мундиръ внѣ установленныхъ должностей, не производить никого въ слѣдующій чинъ сверхъ комплекта. Когда въ нашей арміи, какъ нынѣ во французской, будетъ опредѣлено закономъ число людей для каждаго чина, тогда нельзя будетъ получить чинъ, не получая въ то же время означеннаго въ спискахъ (и, стало-быть, нужнаго въ арміи) мѣста. Тогда только можетъ у насъ образоваться корпусъ офицеровъ; съ тѣмъ вмѣстѣ сократятся издержки на содержаніе массы безполезныхъ людей, при скудномъ содержаніи людей необходимыхъ.

Тутъ идетъ дѣло о вещахъ первостепенной важности. Можетъ ли Россія обойтись безъ постоянной арміи? Если нѣтъ, то надо имѣть въ виду, что постоянная армія есть учрежденіе совершенно исключительное, идущее въ разрѣзъ со всѣми прочими явленіями образованнаго общества, подчиненное законамъ желѣзной необходимости—однимъ и тѣмъ же со времени македонской фаланги и римскихъ легіоновъ. Солдатъ, какого бы чина ни былъ, не есть гражданинъ, вставшій за родную землю—это совсѣмъ иной типъ—онъ человѣкъ, сдѣлавшій изъ войны ремесло и средство къ существованію, что несогласно съ человѣческою природою и потому можетъ поддерживаться только искуственными мѣрами. Идеи и чувства, которыми живетъ постоянная армія, не заключаютъ въ себѣ никакой доли истины—онѣ фикція и потому требуютъ исключительнаго, принаровленнаго къ этому дѣлу воспитанія человѣка. Отказаться на вѣки отъ своей воли, какъ въ монастырѣ; составить себѣ идеалъ чести изъ слѣпаго повиновенія; идти на неизбѣжную смерть по первому слову старшаго, къ которому не питаешь иногда ни уваженія, ни довѣренности; считать самымъ священнымъ предметомъ въ свѣтѣ лоскутъ шелковой матеріи на концѣ палки, называемый знаменемъ, посвятить жизнь на изученіе и преподаваніе прицѣльной стрѣльбы и бѣглаго шага за столько

то рублей въ годъ, и въ то же время считать себя не наемнымъ учителемъ гимнастики, но цвѣтомъ и украшеніемъ своего отечества—всѣ эти и множество другихъ вещей, безъ которыхъ нѣтъ постоянной арміи,—ничто иное какъ громаднѣйшія фикціи, прививающіяся къ людямъ только при извѣстной обстановкѣ вещей, вовсе не произвольной. Между тѣмъ опытъ двухъ тысячъ лѣтъ доказываетъ, что вооруженные граждане, при какомъ бы то ни было напряженіи благороднѣйшихъ чувствъ естсственныхъ, не могутъ, устоять противъ такого искуственнаго сочетанія—арміи. Изъ этого истекаетъ уже не фикція, а явная истина—нельзя мѣрить военныя потребности обыкновеннымъ аршиномъ, надобно подчиняться кажущимся несообразностямъ ихъ собственной логики.

Первая потребность арміи—высокое мнѣніе военныхъ о своемъ званіи, находящее сочувственный отзывъ въ обществѣ. Если общество вполнѣ сознаетъ себя какъ націю, то (въ продолжающемся еще покуда положеніи свѣта) оно должно высоко цѣнить свою армію, въ которой осуществляется національное могущество; цѣнить-же армію, значитъ цѣнить людей, ее составляющихъ. Посмотрите, какъ относятся къ офицеру общество, народъ, всѣ классы населенія въ европейскихъ странахъ наименѣе проникнутыхъ духомъ солдатчины, наиболѣе гражданскихъ, какъ Англія и Голландія. Вы сейчасъ видите, что всѣ уважаютъ въ офицерѣ свое національное величіе, смотрятъ на него съ тѣмъ же чувствомъ, въ маломъ размѣрѣ, какъ на памятники славныхъ побѣдъ, которыми тамъ заставлены площади. Можно судить по преданіямъ, что таково же было положеніе русскаго офицера не далѣе какъ при Александрѣ I-мъ. Недавно одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ генераловъ писалъ мнѣ: „грустно, а нельзя не видѣть—военное званіе у насъ въ упадкѣ; съ каждымъ днемъ оно теряетъ свое обаяніе, приманку и сочувствіе общества. На юношу юнкера смотрятъ съ пренебреженіемъ, и барышни перестали заглядываться на молодаго корнета.... Если во Франціи или Германіи ребенокъ скажетъ, что онъ хочетъ быть генераломъ; мать поцѣлуетъ его съ гордостію и гости обласкаютъ; если то же скажетъ русскій мальчикъ, то это сочтутъ противной пошлостью и будутъ правы и т. д.“ Очень естественно, что въ Европѣ и у насъ смотрятъ на офицера различно. Тамъ онъ представляетъ опредѣленный типъ—народнаго бойца, рѣзко отграниченный отъ

всего прочаго; у насъ ничего не представляетъ. Глядя на русскаго офицера нельзя знать, военный онъ, или столоначальникъ, или чапаръ, произведенный за послуги при уѣздномъ начальникѣ. Я не думаю, чтобъ число офицеровъ, дѣйствительно потребное для арміи, было больше теперь, относительно къ населенію имперіи, чѣмъ при Александрѣ I-мъ, но ихъ слишкомъ много внѣ арміи, изъ чего выходятъ два послѣдствія: эполеты не означаютъ военнаго и содержаніе, подѣляемое на столько рукъ, оказывается скуднымъ, не позволяетъ поддерживать себя сообразно званію, особенно въ высшихъ чинахъ. Военное сословіе, не замкнутое въ самомъ себѣ, не можетъ проникнуться никакимъ общественнымъ, ему только свойственнымъ духомъ и заставить каждаго члена корпораціи достойно носить свое званіе; нація также не можетъ видѣть въ такомъ сословіи что либо типическое и относиться къ нему опредѣленнымъ образомъ.

Кромѣ того, офицерское сословіе не сложится у насъ достойнымъ его образомъ, покуда войско будетъ дѣлиться на разряды съ разными привилегіями. Такихъ разрядовъ у насъ нѣсколько. Съ одной стороны, приливъ значительной части молодыхъ людей въ гвардіи заставляетъ смотрѣть на армейскаго офицера, въ которомъ однакожъ вся сила, какъ на офицера втораго разряда, не заслуживающаго особеннаго вниманія; нашъ гвардейскій офицеръ не отборный, какъ наполеоновскій, а потому привилегія его, бросая тѣнь на армію, не можетъ возбуждать въ ней никакого соревнованія; въ то же время всѣмъ извѣстно, что въ гвардіи меньше всего можно научиться настоящей службѣ. Съ другой стороны у насъ существуютъ войска совсѣмъ уже нисшаго разряда, какъ гарнизонныя, доставившія Тургеневу такіе забавные и такіе вѣрные, къ сожалѣнію, типы начальника инвалидной команды и его подпоручика; этихъ людей дѣлаетъ забавными только ихъ обстановка. Гдѣ же обществу разбирать въ незнакомомъ человѣкѣ, принадлежитъ ли онъ къ смѣшнымъ, или къ плохимъ, или къ порядочнымъ? Французская литература не допускаетъ типа смѣшнаго офицера, такъ какъ армія такихъ типовъ не производитъ; французскій мундиръ вещь священная для общества; какъ риза.

Наша армія окружена сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ, полу-военной атмосферой не принадлежащей къ ней прямо. Высшая часть военнаго сословія—большинство генераловъ и

полковыхъ командировъ—выходятъ не изъ арміи, но изъ особаго пласта, лежащаго надъ арміей и не имѣющаго съ нею почти никакого соприкосновенія (сюда же надо причислить генеральный штабъ) *). Личный составъ этого пласта хорошъ, въ томъ отношеніи; что большинство людей представляетъ, по своему личному положенію и образованію, многіе задатки къ тому, чтобъ стать надежными офицерами; но зародышъ можетъ дать плодъ только будучи пересаженъ вòвремя въ почву, а не залежавшись въ запасномъ магазинѣ. Важнѣйшая сторона службы не въ ученьяхъ и маневрахъ, а въ нравственныхъ отношеніяхъ между людьми, въ пониманіи условій, на которыхъ зиждется армія—чему нельзя научиться иначе, какъ въ самой арміи. Невозможно начинать учиться съ должности полковаго командира, когда тутъ же приходится всѣмъ распоряжаться. Между тѣмъ изъ такого положенія дѣлъ выходитъ, что полками въ дѣйствительности командуютъ, но не управляютъ; а въ то же время производство задерживается въ арміи, что поперечитъ первымъ основаніямъ боеваго развитія войска. У военнаго человѣка, вслѣдствіе условій его положенія, отнято, столько побужденій обыкновенной гражданской дѣятельности, что онъ болѣзненно дорожитъ тѣми, которыя ему оставлены. Изъ этихъ остающихся побужденій главное—честолюбіе, надежда на повышеніе, безъ котораго не существуетъ никакого соревнованія, развѣ для немногихъ, которые любятъ военное дѣло для него самого. Этотъ четвертый, высшій пластъ слѣдуетъ присовокупить къ тремъ поименованнымъ. Вотъ уже четыре разряда офицеровъ по привиллегіямъ (узаконеннымъ или нѣтъ, это все равно). Такого произвольнаго наслоенія, такой, можно сказать, разрозненности въ корпусѣ офицеровъ,

---

*) Несмотря на важность такого предмета какъ относительное положеніе генеральнаго штаба въ арміи, я не хочу заводить о немъ пространной рѣчи, именно потому, что она вышла бы слишкомъ пространна, а между тѣмъ мнѣніе арміи въ этомъ отношеніи до такой степени единогласно, что выводъ изъ моихъ словъ былъ бы тотъ, что я думаю какъ всѣ. Каждая живая душа знаетъ, что главный недостатокъ этого учрежденія у насъ состоитъ въ томъ, что оно выдѣлено въ особое сословіе. Чужой примѣръ намъ не указъ, тамъ, у другихъ сильный духъ арміи исправляетъ самъ собою многія учрежденія; у насъ же, одинъ Кавказъ только обладалъ этимъ уменьемъ; въ прочей арміи, если только въ учрежденіи была допущена какая-нибудь рѣзкость; то она сейчасъ же разросталась до чудовищныхъ размѣровъ.

который по самому назначенію своему долженъ быть однороднымъ, нѣтъ и не можетъ быть нигдѣ.

Въ дѣлѣ воспитанія арміи, органическаго ея развитія, важнѣйшая должность, безъ сомнѣнія, есть должность полковаго командира; въ лицѣ его верхъ связывается съ низомъ, управляющіе съ управляемыми; такъ какъ самъ онъ въ одно время и самостоятельный начальникъ и строевой офицеръ. Вся нравственная основа части зиждится на личности, если не одного какого-либо командира, то по крайней мѣрѣ ряда ихъ; съ другой стороны, высшему военному управленію извѣстно объ арміи (кромѣ наружной стороны) лишь то, что полковые командиры доведутъ до его свѣденія. Высшіе начальники—генералы командуютъ войсками, но не воспитываютъ ихъ; вліяніе опытнѣйшаго начальника дивизіи на духъ полка не обнаруживается прямо, но проходитъ черезъ личность непосредственно начальника. Дайте хорошему командиру самый плохой полкъ (т. е. плохой нравственно, тутъ дѣло идетъ, разумѣется, не о церемоніяльномъ маршѣ) на довольно продолжительное время и не стѣсняйте его распоряженій,—онъ найдетъ средство поправить полкъ. Неудовлетворительные генералы плохо распорядятся войсками въ бою; но съ неудовлетворительными полковыми командирами самое войско станетъ неблагонадежнымъ для боя, хоть бы въ головѣ его сталъ Суворовъ. Въ надежныхъ полковыхъ командирахъ заключается вся внутренняя, органическая сторона дѣла; безъ нихъ самыя лучшія учрежденія—пустыя слова.

Невозможно надѣяться на безошибочный выборъ личный, развѣ только при главнокомандующемъ сросшемся душой съ своей арміей; но можно установить порядокъ, въ которомъ заключалось бы обезпеченіе, что въ большинствѣ, по крайнѣй мѣрѣ, на эти мѣста станутъ самые благонадежные офицеры. Каковъ долженъ быть полковой командиръ, чтобъ считаться благонадежнымъ? Въ отвѣтѣ никто не усомнится. Такимъ можетъ быть преимущественно офицеръ близко знакомый съ ввѣряемымъ ему дѣломъ, прошедшій полевую службу снизу до верху въ рядахъ людей, находившихся въ одинаковыхъ условіяхъ съ тѣми, которые ему поручаются, и заслужившій хорошую славу на каждомъ изъ постепенно занимаемыхъ имъ мѣстъ. Удовлетворительныхъ полковыхъ командировъ слѣдуетъ оставлять на мѣстахъ какъ можно долѣе, чтобъ не прерывать

въ части единства направленія, и выдвигать въ генералы, безъ задержки, только людей съ предполагаемымъ военнымъ дарованіемъ,—что составляетъ новое условіе. Между тѣмъ, мало вѣроятно, чтобъ офицеръ, незнакомый съ обстановкою вещей, прибывшій изъ сферы совершенно чуждой полку—командовать имъ два, три года, сумѣлъ не только придать части, но даже сохранить въ ней должное направленіе. Объ исключеніяхъ не говоримъ. Результатъ подобныхъ назначеній тотъ, что армія остается безъ направленія или, что еще хуже, съ зачатками направленій спутывающихся и противурѣчивыхъ, никогда не доводимыхъ до конца. Но въ этомъ высшемъ, чуждомъ арміи слоѣ офицеровъ, безъ всякаго сомнѣнія много людей, представляющихъ хорошіе задатки будущаго. Зачѣмъ же они не находятся въ рядахъ арміи, гдѣ при своемъ личномъ развитіи, они скорѣе другихъ выработались бы для настоящаго дѣла?

Однимъ словомъ, армія не можетъ сростись въ цѣльную, благонадежную для войны силу, если она не воспитываетъ, не вынашиваетъ въ своихъ нѣдрахъ не только офицеровъ, о чемъ была рѣчь выше, но и своихъ высшихъ начальниковъ, всѣхъ до единаго. Полъ-вѣка тому назадъ, разбираемое нами положеніе дѣлъ было возможно, потому, во первыхъ, что оно существовало тогда въ зародышѣ, не разрослось еще въ такой степени. Много ли было людей въ свитѣ и колонноважатыхъ, велика ли была гвардія въ первую половину царствованія государя Александра Павловича? вовторыхъ, все у насъ жило тогда патріархальнымъ обычаемъ; дворянство считало фракъ за обликъ подъячаго, вещи складывались сами собою. Теперь же, когда общественная жизнь развилась такою сложностію отношеній, все, что не обновлено сообразно съ потребностію времени и носитъ еще на себѣ слѣды патріархальности, положительно портитъ дѣло.

Армія должна быть живымъ организмомъ, въ которомъ голова мгновенно чувствуетъ хоть бы булавочный уколъ въ пяткѣ, а не наслоеніемъ разнородныхъ матеріяловъ, положенныхъ одинъ на другой, но не сращенныхъ между собою. Въ арміи не должно быть никакихъ прибавочныхъ, не входящихъ прямо въ составъ ея званій, никакихъ помощниковъ и никакихъ чуждыхъ, одно другому, подраздѣленій; «начиная отъ унтеръ-офицера каждый начальникъ долженъ имѣть свою часть, своихъ подчиненныхъ. за которыхъ онъ отвѣчаетъ и

которые смотрятъ ему въ глаза — и каждый начальникъ, до фельдмаршала включительно, долженъ имѣть своего прямаго непосредственнаго, исключительнаго начальника; послѣднее верховное звѣно этой священной цѣпи, ограждающей государство, есть Государь, отвѣтственный Богу. Тогда будетъ извѣстно каждую минуту, чего нужно арміи». Офицерство, съ одного конца Россіи до другаго, должно быть братскимъ, рыцарскимъ сословіемъ. Офицеръ долженъ значить—офицеръ; если при этомъ приходится спрашивать—какой? То уже ни самъ онъ не знаетъ какими глазами на себя смотрѣть, ни общество этого не знаетъ. Къ офицерскому сословію нашей арміи можно буквально примѣнить то, что генералъ Тромю говоритъ о линейной пѣхотѣ. Въ ней вся сила, а между тѣмъ изъ нея извлекаютъ столько отборныхъ элементовъ, что остается наконецъ лишь то, что считаютъ не достаточно хорошимъ, для всего прочаго качества арміи распадаются; высшая приготовленность людей остается съ одной стороны, опытность съ другой—не сливаясь. Повторимъ еще разъ: постоянная армія можетъ держаться твердо только на опредѣленныхъ основахъ, однихъ и тѣхъ же со временъ Филиппа Македонскаго, создавшаго ее впервые.

Кромѣ обособленія всего офицерства въ массѣ, какъ военнаго сословія, надобно еще обособить его по спеціяльностямъ, замкнуть каждый родъ оружія въ самомъ себѣ; такъ существутъ въ цѣломъ ствѣтѣ. Практическія познанія и способности офицера не составляютъ чего-либо абсолютно-относящагося къ военному дѣлу во всемъ его объемѣ: каждый знаетъ только свою спеціяльность, рѣзко отличную отъ другой. Пѣхотный офицеръ долженъ изучить въ подробности обращеніе съ ружьемъ въ мастерской, знать тонкости стрѣлковаго дѣла, фехтованія на штыкахъ, пригонку пѣхотной аммуниціи; онъ долженъ привыкнуть все разсчитывать по пѣхотному: разстояніе, съ котораго можно открыть огонь и разстояніе, съ котораго надо бросаться въ штыки, быстроту перехода пѣшаго человѣка, удобство разныхъ построеній на данной мѣстности и т. д. Кавалеристу надобно все это знать иначе, можно сказать навыворотъ; онъ долженъ выдѣлать свою человѣческую натуру по натурѣ конской, слить ихъ въ одно: оружіе его другое, разстояніе имѣетъ для него совсѣмъ иное значеніе, онъ другимъ образомъ разцѣниваетъ достоинства и недостатки солдата, чѣмъ пѣхотинецъ.

Даже врожденныя душевныя качества нужны разныя въ томъ и другомъ оружіи, въ чемъ согласны всѣ тактики въ свѣтѣ; затрудненіе состоитъ только въ томъ, какъ расцѣнивать неиспытанныхъ людей при распредѣленіи по родамъ оружія. Но нѣтъ сомнѣнія, что долгая привычка къ своей спеціяльности выдѣлываетъ до нѣкоторой степени складъ человѣка; такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи получается результатъ до извѣстной степени, замѣняющій невозможную предварительную расцѣнку: въ человѣкѣ воплощается извѣстный типъ. Поэтому въ цѣломъ свѣтѣ каждый родъ оружія составляетъ особую замкнутую корпорацію, которую надо проходить съ начала. Во франціи пѣхотный офицеръ можетъ поступить въ кавалерію, а кавалерійскій въ пѣхоту,—только солдатомъ. У насъ же не только молодой офицеръ, но ротный командиръ, штабъ-офицеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, переходитъ изъ пѣхоты въ конницу, и въ первый разъ въ жизни, сѣвъ на лошадь, становится въ головѣ эскадрона, тоже и обратно. Военныя положенія до сихъ поръ вѣрятъ у насъ философскому камню и почитаютъ таковымъ пару эполетъ, превращающихъ въ боеваго офицера всякаго до кого они коснутся.

Также точно нужны самыя строгія о опредѣленныя узаконенія насчетъ брака военныхъ чиновъ. Строевымъ нижнимъ чинамъ, по моему мнѣнію, они должны быть формально воспрещены; для офицеровъ же допущены только при трехъ условіяхъ: 1) высшемъ чинѣ, напримѣръ полковнику, 2) при обезпеченномъ состояніи, 3) при назначеніи въ какую-нибудь положительно нестроевую должность, напримѣръ, воинскаго начальника. Женатые офицеры не только бремя для своей части, но они рѣдко даже остаются боевыми людьми. Изъ одного только своего опыта я бы могъ привести десятки примѣровъ храбрецовъ, которые, женившись, становились людьми очень осторожными.

Чтобы въ какомъ-нибудь собраніи людей, составляющихъ общественную группу, выработался опредѣленный характеръ, надобно, чтобъ эти люди жили въ тѣсной связи между собою, чего до сихъ поръ почти вовсе не существуетъ въ нашихъ полковыхъ обществахъ. Офицеры живутъ въ разбродъ, кружками, сходятся между собою только на ученьѣ; въ каждомъ кружкѣ выдѣлываются свои особенные взгляды, не подпадающіе подъ контроль всего товарищества; при такой разобщенности нѣтъ

мѣста цѣльному общественному характеру, который служилъ бы школой каждому вновь-поступающему, налагалъ бы на всѣхъ печать одной корпораціи съ ея основными понятіями. Это одна изъ главныхъ причинъ почему наши офицеры такъ мало проникнуты духомъ своей профессіи. Въ иностранныхъ арміяхъ полковымъ офицерскимъ обществамъ давно уже дано правильное устройство; въ каждомъ полку заведенъ клубъ съ общимъ столомъ, библіотекой, и проч., соединяющій всѣхъ не занятыхъ офицеровъ; тутъ складывается мнѣніе, каждый отдѣльный человѣкъ обхватывается по-немногу духомъ корпораціи. Чтобы дать толчокъ, нужно регламентировать это учрежденіе закономъ, потомъ оно пойдетъ само собою. Надобно отпустить во всѣ полки сумму на первоначальное обзаведеніе. Правда, большая часть войскъ у насъ не живетъ еще въ казармахъ, а стоитъ разсѣянно по деревнямъ, что очень затрудняетъ сосредоточеніе офицеровъ. Но когда разъ дѣло будетъ устроено, то хотя бы полку случилось временно разсѣяться на стоянкѣ, оно все-таки окажетъ свою пользу и возникнетъ вполнѣ съ первыми благопріятными обстоятельствами. Будетъ по крайней мѣрѣ положено основаніе офицерскому обществу, которое иначе никогда не станетъ обществомъ, не охватитъ однимъ духомъ всѣхъ своихъ членовъ.

Вызывая общественный духъ въ нашемъ корпусѣ офицеровъ, надо принять всевозможныя мѣры, чтобы дать ему должное направленіе, чтобы люди воспитывались воинами, а не только строевыми офицерами. Кромѣ кавказской арміи, гдѣ боевая жизнь развивала офицеровъ, у насъ это слишкомъ долго было наоборотъ, и будничная жизнь офицера обыкновенно ничѣмъ не разнилась отъ жизни чиновника. Наши офицеры по большей части не знали и не любили никакихъ военныхъ упражненій, въ нихъ рѣдко появлялась какая-нибудь черта природной удали, столь ствойственной всякому молодому человѣку, даже не изъ военнаго сословія. Съ тѣхъ поръ они занялись этими предметами какъ службой, но только на ученьи. Въ своемъ кружку между ними почти никогда не было рѣчи о военномъ дѣлѣ, выходящемъ изъ предѣловъ вседневнаго ученья; война мало интересовала ихъ, они посвящали себя не войнѣ, а военной службѣ, что совсѣмъ не одно и то же. Въ начальникѣ и товарищѣ они мало цѣнили военныя качества, уважали его не по боевой заслугѣ, если такая и была за нимъ,

а скорѣе по другимъ, общежительнымъ качествамъ. У насъ до сихъ поръ еще бываетъ,—я бы могъ привести примѣры,—что трусъ, явно опозорившійся, терпится въ полку, иногда даже считается добрымъ малымъ. Никогда такой вещи не случается въ другой арміи, гдѣ осрамившійся въ бою прапорщикъ, не только генералъ, разглашается стоустою молвой, и если не будетъ разстрѣлянъ, то нигдѣ уже, по крайней мѣрѣ не найдетъ себѣ мѣста.

Сведемъ въ одинъ итогъ наши заключенія объ офицерскомъ сословіи: 1) въ настоящее время оно не привносится въ армію въ достаточномъ количествѣ извнѣ, высшимъ общественнымъ классомъ *русскихъ*, а потому армія должна сама воспитывать своихъ офицеровъ; для этого нужно полное упраздненіе въ арміи сословныхъ привилегій; 2) при этомъ нельзя уже требовать отъ оберъ-офицера всего что нужно генералу, какъ было при однородномъ составѣ военной іерархіи; вслѣдствіе того, чтобы не стѣснять производство обременительными условіями, его можно было бы разорвать на извѣстномъ, чинѣ, предоставивъ повышеніе только отличію; т. е. мнѣнію высшаго начальства. 3) Было бы желательно, чтобы обязательность военной службы (съ правомъ выкупа) была распространена на каждаго русскаго, безъ чего самый надежный элементъ для комплектованія корпуса офицеровъ будетъ въ значительной степени устраненъ изъ арміи. 4) Сосредоточить армію въ самой себѣ, исключить изъ военнаго званія все не прямо военное, чтобы эполеты были знакомъ настоящей боевой службы. Для этого слѣдуетъ опредѣлить съ точностію итогъ офицеровъ каждаго чина и не выходить изъ него иначе какъ новымъ положеніемъ закона, ни въ какомъ случаѣ не производить въ чинъ сверхъ общаго комплекта, сократить до послѣдняго предѣла число нестроевыхъ генераловъ и офицеровъ съ возвышеніемъ, по возможности, содержанія остающимся. 5) Упразднить дѣленіе войскъ на высшія, среднія и нисшія, сложить одну русскую армію, равную во всѣхъ подраздѣленіяхъ честію, правомъ и обязанностію; разница можетъ быть допущена въ содержаніи, но не въ привилегіи. 6) Возвратить въ армію, въ офицерское сословіе, всѣ разряды, извлеченные изъ него подъ предлогомъ отборнаго качества, отличія, или даже спеціяльности. Особенная развитость въ военномъ приготовленіи (полагая даже, что ее можно получить въ школѣ) составляетъ уже сама по себѣ

награду офицеру; во многихъ случаяхъ начальство будетъ имѣть его въ виду исключительно; но тутъ должно быть свободное, а не обязательное предпочтеніе, такъ какъ одно приготовленіе еще не доказываетъ превосходства. Между тѣмъ эти приготовленные люди, также какъ люди, удостоиваемые высшихъ отличій, служа въ рядахъ, подымутъ уровень массы и сами не утратятъ своихъ хорошихъ залоговъ отъ односторонности. 7) Затѣмъ уже не трудно будетъ соединить полковое общество и дать его воспитанію чисто военное направленіе. Надо собрать наши разбросанные, военные элементы и сосредоточить ихъ въ арміи, ввести ихъ въ настоящее русло.

Для качества войска, послѣ состава офицеровъ, важнѣе всего хорошій составъ унтеръ-офицеровъ. Есть арміи, въ которыхъ онъ столь же важенъ какъ и первый. Гдѣ только офицеры не выходятъ изъ самой арміи, а набираются по закону въ высшихъ классахъ, какъ покуда у насъ, тамъ между ними и солдатами становятся необходимы промежуточныя звенья. Духовныя функціи войска распадаются: умъ его переходитъ въ офицеровъ, нравственное чувство толпы остается въ унтеръ-офицерахъ и старыхъ солдатахъ. Покуда у насъ войскомъ поголовно командовали дворяне, званіе унтеръ-офицера, былъ десятскимъ, не было чиномъ, утеръ-офицеръ какъ во всякомъ господскомъ селѣ, такимъ же человѣкомъ толпы, но пользующимся лично нѣкоторымъ довѣріемъ. Въ войскахъ, стоявшихъ по мирному положенію, то-есть въ огромномъ большинствѣ арміи, въ унтеръ-офицеры выбирали преимущественно по качествамъ ординарца; надежнѣйшаго человѣка оставляли рядовымъ за желтизну лица или невзрачную фигуру. Все равно было кто бы ни становился десятскимъ въ части, нравственная сторона которой не имѣла ни какого случая выказаться. Но какъ только войску случалось стать на постоянное боевое положеніе, напримѣръ, перейдти на Кавказъ, выборъ унтеръ-офицеровъ получалъ сейчасъ же совсѣмъ другое значеніе. Еще въ «Кавказскихъ Письмахъ» я говорилъ: «вліяніе общественнаго мнѣнія простиралось здѣсь не на однихъ офицеровъ, но на всю массу полка. Ротный командиръ имѣлъ причину не дѣлать произвольныхъ выборовъ, такъ какъ съ унтеръ-офицерами, не имѣющими нравственнаго вліянія на людей, онъ былъ бы наказанъ первою перестрѣлкой. Во всякомъ собраніи людей сильнѣйшія лич-

ности сейчасъ же выдвигаются впередъ и становятся руководителями толпы; въ критическія минуты, особенно въ бою, такія личности незамѣнимы, потому что въ эти минуты толпа, привыкшая довѣряться имъ, слушаетъ ихъ безъ разсужденія. Если офиціяльную власть передаютъ не этимъ вліятельнымъ людямъ, а другимъ, отличаемымъ по какой-нибудь произвольной оцѣнкѣ, то нравственная связь между начальниками и солдатами разрывается, потому что исчезаетъ посредствующее звено; остается только одна дисциплина, то-есть одно внѣшнее командованіе. Такимъ войскомъ начальникъ уже не владѣетъ и не можетъ за него поручиться. Кавказская армія всегда была сильна именно тѣмъ, что въ ней отношенія между людьми слагались естественно, безъ посторонней натяжки. При значительномъ вліяніи общественнаго мнѣнія на всякой ступени каждый бралъ по большей части то что ему принадлежало, и потому старшихъ слушались безъ принужденія, какъ признанныхъ руководителей. Оттого войско было проникнуто серіозною дисциплиной, тою основною дисциплиной, которая состоитъ въ сознательномъ и совѣстливомъ исполненіи существенныхъ обязанностей военнаго званія».

Теперь, когда гласно признается необходимость дать войску воспитаніе преимущественно боевое, очевидно, надо выбирать унтеръ офицеровъ по мѣркѣ кавказской, а не внутренней русской, до сихъ поръ еще не совсѣмъ брошенной.

Кромѣ того, съ постепеннымъ измѣненіемъ основаній, на которыхъ зиждется наша армія, званіе унтеръ-офицера получаетъ новое значеніе. Солдатъ, служившій почти всю жизнь съ кремневымъ ружьемъ, долженъ былъ научиться своему дѣлу безъ всякой методы, по одной только рутинѣ; но въ арміи краткосрочной (какова уже нынѣшняя при уменьшенномъ составѣ полковъ), вооруженной вдобавокъ гораздо сложнѣе, стало необходимымь обучать людей методически. Унтеръ-офицеръ изъ десятника по необходимости превращается въ инструктора; въ бою ему также нужно болѣе развитія, чѣмъ прежде, когда все дѣло состояло въ томъ, чтобъ кричать ура и лѣзть впередъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ офицерство утрачиваетъ у насъ свой сословный характеръ, унтеръ-офицеръ, бывшій до сихъ поръ только старшимъ солдатомъ, будетъ проводникомъ мыслей и чувствъ сверху внизъ, чего не было прежде, пока одно сословіе лежало подъ другимъ, какъ вода подъ масломъ, не

сливаясь: наконецъ, онъ же станетъ кандидатомъ въ офицеры, изъ этихъ людей будетъ набираться большинство высшаго военнаго класса; съ упраздненіемъ привилегій въ ряду унтеръ-офицеровъ станетъ довольно много образованныхъ людей. По всѣмъ этимъ причинамъ, обойдти которыя ни отъ кого не зависитъ, званіе унтеръ-офицера необходимо должно стать чиномъ, промежуточнымъ чиномъ между рядовымъ и офицеромъ. Мѣры, принимаемыя для удержанія на службѣ офицеровъ, должны простираться и на унтеръ-офицеровъ; жалованье этимъ людямъ должно быть поднято до такой степени, чтобъ они находили въ службѣ обезпеченіе не ниже того, какое представляется имъ на сторонѣ, такъ чтобы унтеръ-офицеры, не удовлетворяющіе условіямъ дальнѣйшаго производства, все-таки посвящали жизнь службѣ. Пока унтеръ-офицеры не будутъ добровольно оставаться въ рядахъ, нельзя дать арміи должнаго воспитанія. Это такая вопіющая потребность, что удовлетворить ей надо во что бы ни стало.

Какъ бы ни было возвышено унтеръ офицерское званіе противъ нынѣшняго, путь къ нему не долженъ быть заставленъ никакими трудными для простолюдина условіями, особенно надо быть осторожными съ экзаменомъ. Въ этомъ отношеніи опасность у насъ велика. Вслѣдствіе закоренѣлой привычки облегчать себѣ исполненіе дѣла тѣмъ, чтобы руководиться не духомъ, а буквой положенія, всякое новое направленіе у насъ сейчасъ же обращается на практикѣ въ крайность. Тѣ же люди, которые старались прежде обратить солдата въ фигуранта, станутъ стараться обратить его въ ученаго. Между тѣмъ въ военномъ дѣлѣ, особенно не въ специяльныхъ оружіяхъ, первая, исключительно важная вещь характеръ; изъ ста качествъ, нужныхъ военному человѣку не высшихъ чиновъ, 99 состоятъ въ характерѣ. Если при нынѣшнемъ состояніи образованія въ русскомъ народѣ, для полученія галуновъ постановить неизмѣннымъ условіемъ хоть только основательное знаніе грамоты, прощай русскіе унтеръ-офицеры! Къ такому результату надо стремиться, но нельзя еще изъ него сдѣлать закона. Можно, конечно, постановить норму, ограничить напримѣръ производство въ унтеръ-офицеры неграмотныхъ только третью, но оттолкнуть совсѣмъ этихъ людей нельзя; боецъ не школьникъ, которому можно ставить баллы по успѣхамъ въ классѣ. Кромѣ людей, сдающихъ офицерскій экзаменъ, имѣющихъ право при должномъ званіи

службы на производство въ унтеръ офицеры; самое лучшее выборъ всѣхъ остальныхъ предоставить *безъ повѣрки* полковому командиру; повѣрка высшимъ начальникомъ будетъ непремѣнно наружная, стало-быть вредная, такъ какъ онъ объ этихъ людяхъ, какъ о людяхъ судить не можетъ.

Затѣмъ, чего нужно, чтобъ унтеръ-офицеры выбирались правильно по нравственнымъ качествамъ? Я долго думалъ—что въ этомъ отношеніи возможны какія-либо искуственныя мѣры, но долженъ былъ отказаться отъ такого убѣжденія. Ни въ какомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ сложномъ обществѣ какъ постоянная армія, формы не могутъ замѣнить духа, царствующаго между людьми. Для того, чтобъ армія складывалась правильно въ отношеніи какъ унтеръ-офицеровъ, такъ и офицеровъ и всего прочаго надобно, чтобы требованія сверху были безъ изъятія правильны, чтобы на войско смотрѣли военными глазами, видѣли въ немъ исключительно *боевую* силу и ничего болѣе. Въ этомъ отношеніи могутъ быть установлены мѣры, чтобы производить оцѣнку войскъ наиболѣе правильнымъ образомъ, выраженія удовольствія и неудовольствія; расточаемыя теперь довольно неопредѣленнымъ образомъ, наградныя деньги выдаваемыя иногда за смотры, и проч., получатъ тогда характеръ преміи, законно заслуженной. Степень совершенства частей можно мѣрить результатомъ прицѣльной стрѣльбы, быстротой и выносчивостью перехода, умѣньемъ стрѣлковъ пользоваться мѣстностію и т. д., составляя этимъ предметамъ экзамена таблицы и публикуя ихъ. Тогда и начальникъ будетъ знать почему именно онъ доволенъ частію, и часть будетъ это знать. Какой духъ, какое соревнованіе обнаружится въ войскахъ, когда окажется вдругъ и объявится, что первый № въ общемъ итогѣ получила такая-то рота, какого-нибудь глухаго армейскаго полка. Безъ всякаго сомнѣнія входить въ разсчетъ тутъ должны лишь чисто военныя требованія, напримѣръ ни какъ не грамотность, такъ какъ грамотность полезна въ войскѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она развиваетъ солдата для его прямаго, военнаго дѣла; объ успѣшности вспомогательныхъ средствъ надобно судить по *практическимъ* результатамъ. Можно думать, что при такой разцѣнкѣ начальники частей будутъ стараться о правильномъ распредѣленіи людей по ихъ нравственнымъ качествамъ; зная, что никто не обратитъ вниманія на то, скрашиваютъ ли унтеръ-офицеры фронтъ своею фигурою, они будутъ

тщательно выбирать въ это званіе людей, которые могутъ повести солдатъ наилучшимъ образомъ. Въ сущности это значитъ: перенести щегольство своею частію со внѣшней стороны на внутреннюю, что и требуется.

Другая потребность нашего войска, и потребность несомнѣнная, состоитъ въ возобновленіи существовавшаго прежде разряда отборныхъ людей, упраздненнаго вмѣстѣ съ расформированіемъ гренадерскихъ и карабинерныхъ ротъ при батальіонахъ. Человѣкъ не можетъ жить одними отвлеченными чувствами безъ личныхъ цѣлей и надеждъ, возбуждающихъ его дѣятельность; онъ заснетъ безъ нихъ, станетъ вялымъ автоматомъ. Изъ всѣхъ личныхъ эгоистическихъ побужденій, способныхъ подстрекать дѣятельность, у военнаго человѣка остается только одно, быть отличеннымъ въ глазахъ товарищей; стать на высшую ступень въ своей средѣ. Въ солдатѣ это чувство дѣйствуетъ столько же какъ и во всякомъ другомъ. Бывали арміи автоматическія, отрицавшія у солдата душу, старавшіяся обратить его въ машину, но онѣ никогда не могли выстоять противъ живыхъ армій, противъ армій съ душой. Солдату необходима должна быть открыта перспектива къ отличію,—не къ отличію, зависящему только отъ случая выпадающаго немногимъ, какъ крестъ, но къ такому, котораго каждый человѣкъ могъ бы добиться навѣрное при должномъ стараніи, которое падало бы не на нѣсколькихъ счастливцевъ,—возбужденіе еще недостаточное,—но на массу людей, на четверть по крайней мѣрѣ всего числа служащихъ. Люди, доказавшіе опытомъ свое пониманіе военнаго дѣла, всѣ безъ исключенія считали подобную приманку, вызывающую соревнованіе, первымъ условіемъ для качества войска. Наполеонъ I говорилъ: „еслибы въ моей арміи служили великаны и карлики, я бы составилъ отборныя части для великановъ и карликовъ, чтобы не было никакой группы солдатъ, въ которой человѣкъ не имѣлъ бы въ виду возможности подняться надъ товарищами.“ Когда въ военномъ человѣкѣ не возбуждено соревнованія, онъ составляетъ только половину самого себя. Перспектива унтеръ-офицерскаго званія не можетъ замѣнить такую приманку, вопервыхъ потому, что ихъ приходится менѣе, чѣмъ одинъ на двадцать рядовыхъ, стало-быть шансы на повышеніе слишкомъ ограничены; вовторыхъ потому, что качества, требуемыя отъ рядоваго и унтеръ-офицера не одинаковы: отличнѣйшій солдатъ можетъ не годиться въ унтеръ-

офицеры. Возстановленіе отборныхъ людей въ каждой части составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей нашей арміи. Но при нынѣшнемъ дѣленіи баталіона на стрѣлковую и линейныя роты, учрежденіе еще особой отборной роты стало совершенно неудобнымъ. При томъ же, самая цѣль такого учрежденія вовсе не требуетъ, чтобъ отборные люди были отдѣляемы въ особыя группы, они должны быть разлиты по всей части, какъ кровь въ тѣлѣ. Извлеченіе лучшихъ людей ослабляетъ фронтъ; признаніе же, видимая отмѣтка, данная имъ, съ оставленіемъ во фронтѣ, укрѣпляетъ его; такимъ образомъ каждое звено стрѣлковой цѣпи, каждые два ряда въ строю будутъ имѣть въ головѣ своего признаннаго руководителя. Отношеніе числа отборныхъ людей къ общему числу строевыхъ должно быть таково, чтобы всякій солдатъ имѣлъ увѣренность, что добьется повышенія, если захочетъ. Нормальная пропорція, какъ она была до учрежденія стрѣлковыхъ ротъ,—четвертая часть, одинъ отборный на четырехъ рядовыхъ.

VIII.

Общія соображенія.

Мы разсмотрѣли главныя условія, при которыхъ русское могущество можетъ соотвѣтствовать современному международному положенію нашего отечества. Представимъ кратко эти условія въ ихъ общей связи.

Покуда еще Россія не можетъ существовать безъ громадной силы. Болѣе всякаго европейскаго государства, она должна полагаться только на себя. Военное устройство дѣло не произвольное, оно зависитъ отъ установившагося общественнаго склада. Вслѣдствіе историческаго духа двухъ государствъ, вооруженныя силы ихъ могутъ быть далеко не равны численностію и далеко не однокачественны при одномъ и томъ же военномъ бюджетѣ. Поэтому подражаніе тутъ у мѣста развѣ только на зарѣ вносимой извнѣ цивилизаціи. Россія отжила уже подражательный періодъ своей исторіи. Во внѣшней, какъ и во внутренней государственной жизни, мы должны быть тѣ-

перь русскими, сообразоваться только съ самими собою. Относительно военнаго могущества, Россія, не говоря уже о ея громадности, поставлена исторіей въ самое выгодное положеніе. Кромѣ немногихъ окраинъ, заливаемыхъ понемногу русскою волной, послѣ упраздненія крѣпостнаго права, между правительствомъ, обществомъ и народомъ у насъ не существуетъ крупныхъ недоразумѣній и не откуда имъ возникнуть; взаимная довѣренность скрѣпляетъ сверху до низу все зданіе государства. Въ такомъ положеніи дѣлъ, могущество монархіи должно мѣриться не численностію постоянной арміи, какъ въ Австріи или въ наполеоновской Франціи, а итогомъ всего населенія. На такой же военный бюджетъ, какъ французскій, еслибы даже стоимость содержанія солдата была одинакова, мы можемъ выставить силы вдвое громаднѣйшія, такъ какъ нашему правительству не предстоитъ хлопотъ заручать солдата въ свой лагерь, прежде чѣмъ дать ему ружье въ руки; такъ какъ у насъ вся дѣйствующая армія можетъ быть двинута за границу и замѣнена внутри государства людьми, сегодня созванными подъ знамя. Вслѣдствіе того русское могущество относится къ французскому не какъ бюджетъ къ бюджету (какъ было бы при одинаковыхъ политическихъ условіяхъ), а какъ 80 милліоновъ къ 37. Но всякая сила, чтобы быть силой, должна быть организована: безъ этого она сила въ возможности, а не въ дѣйствіи. Наши финансовыя средства, относительно, не велики; 80 милліоновъ русскихъ отдаютъ въ руки правительства четвертью менѣе, чѣмъ 37 милліоновъ французовъ. Очевидно, что казенными средствами, на которыя содержатся постоянныя арміи, россія не можетъ покуда быть сильнѣе франціи. Наша сила въ людяхъ, а не въ деньгахъ. Прочность общественнаго порядка дозволяетъ намъ, съ переходомъ на военное положеніе, увеличивать армію въ несравненно высшей пропорціи, чѣмъ могутъ французы, у которыхъ каждый солдатъ есть въ то же время тѣлохранитель правительства, а потому долженъ быть солдатомъ по ремеслу. Вторая наша особенность, громадность населенія, — позволяетъ не напрягать своихъ силъ до такой степени какъ необходимо въ Пруссіи, не обращать всей арміи въ ополченіе, но воспитать значительную часть ея въ наилучшемъ боевомъ духѣ. Таковы историческія и статистическія особенности русской жизни. При громадномъ и вѣрномъ населеніи, но при слабыхъ въ то же время

финансахъ, Россія не можетъ обнаружить всю свою силу посредствомъ одной постоянной, долгосрочной, если можно такъ выразиться—солдатской арміи; намъ нужны армія народная и ополченіе. Разумное преобразованіе началось; остается довершить его. Между тѣмъ событія не ждутъ.

Можно сказать почти навѣрное, что если при первой войнѣ противъ большаго союза (иной войны у насъ и быть не можетъ) на врага выйдетъ не организованная сила русскаго народа, а одна армія въ нынѣшнемъ ея составѣ, то шансы успѣха будутъ опять не на нашей сторонѣ. Принятую теперь у насъ военную организацію можно сравнить съ организаціей союзниковъ въ 1854 году; въ то время она поставила бы насъ относительно учрежденій на одной высотѣ съ непріятелемъ; но она не равносильна нынѣшнему военному устройству Европы.

Ополченіе намъ совершенно необходимо. При громадномъ протяженіи нашихъ предѣловъ, одной постоянной арміи, хотя бы значительно усиленной противъ нынѣшняго, не станетъ на двойное дѣло—ограждать предѣлы противъ всякаго покушенія и встрѣтить враговъ равносильною имъ массою на главномъ пунктѣ. Это невозможно даже въ случаѣ одиночной войны, не говоря о борьбѣ противъ союза, къ которой, однакоже, мы должны быть всегда готовы. При томъ, постоянное войско слишкомъ дорогая сила, чтобъ ее употреблять тамъ, гдѣ безъ нея можно обойдтись. Для этого у насъ можетъ быть созвано земское войско—ополченіе, вполнѣ соотвѣтствующее народному духу, дешовое (ратникъ въ мирное время обойдется не болѣе 5-ти рублей со всѣми посторонними расходами) и безъ котораго, какъ многократно доказалъ опытъ, мы не можемъ обойдтись въ серіозной войнѣ. Но ополченіе главнѣйше нужно для того, чтобъ сосредоточить дѣйствующія войска противъ непріятеля, не въ разгаръ войны, когда дѣло уже отчасти рѣшено, но къ началу ея. Чтобъ на ополченіе можно было разсчитывать, оно должно стать постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, а чтобъ ополченцевъ двинуть во-время, къ первому выстрѣлу, ихъ слѣдуетъ заблаговременно пріучить владѣть оружіемъ, къ чему лучшимъ средствомъ представляется трехъ-недѣльный сборъ, разъ въ годъ. Земское войско требуетъ только постоянныхъ складовъ аммуниціи и оружія и затѣмъ очень мало хлопотъ.

Изъ ополченія же можно выставить все число нестроевыхъ

нужныхъ для войны, и затѣмъ держать ихъ въ мирное время въ самомъ ограниченномъ числѣ. Надобно также образовать ополченіе за Кавказомъ, такъ какъ этотъ край достаточно успокоенъ и нѣтъ ему причинъ вѣчно оставаться на льготѣ.

Далѣе при устроенномъ ополченіи наша постоянная армія должна быть усилена по числу батальіоновъ и батарей, иначе она будетъ въ состояніи дать отпоръ только одиночному противнику, а не коалиціи. Въ случаѣ войны противъ союза (не только возможной, но представляющейся даже въ весьма опредѣленныхъ очеркахъ), русская пѣхота должна состоять изъ 60-ти дивизій (мы считаемъ 13-ти батальіоннаго состава). Тогда можно будетъ выставить въ большую дѣйствующую армію не менѣе 40 дивизій, составляющихъ въ началѣ, со всѣми родами оружій, около полумилліона бойцевъ — сила достаточная, при своей однородности и хорошемъ командованіи, чтобы побѣдить разрозненныхъ союзниковъ. При этомъ другія арміи (южная и кавказская) будутъ довольно сильны для отраженія врага, и все протяженіе нашихъ предѣловъ будетъ ограждено отъ случайныхъ покушеній.

Армія и теперь значительно сокращается въ мирное время, на счетъ уменьшенія срока дѣйствительной службы. Я убѣжденъ, что этотъ срокъ можно положить сейчасъ же въ 5 лѣтъ, безо всякаго опасенія за основательное обученіе солдата, а впослѣдствіи довести до нормальнаго предѣла. При 5 годахъ службы подъ знаменемъ, батальіонъ будетъ состоять изъ 400 человѣкъ—320 въ рядахъ и 80 рекрутъ въ резервахъ; въ этотъ составъ можно привести всю дѣйствующую армію за исключеніемъ 8-ми дивизій и гвардіи.

Одна изъ главныхъ причинъ относительной малочисленности нашихъ дѣйствующихъ войскъ состоитъ въ существованіи у насъ цѣлой массы войскъ мѣстныхъ, мертвыхъ для войны, чего давно уже нѣтъ въ Европѣ. Въ то же время эти мѣстныя войска оказываются неудовлетворительными даже для своего прямаго назначенія, чего нельзя избѣжать по ихъ нисшему качеству; между тѣмъ какъ на другихъ основаніяхъ они были бы не хуже прочихъ. Замѣняя внутреннюю стражу жандармами *) какъ во всемъ свѣтѣ: изъ губернскихъ, кавказ-

*) «Военный Сборникъ» доказывалъ (1 янв. 1863 г.), что намъ неоткуда взять хорошихъ жандармовъ, вѣроятно оттого, что жандармская служба не въ

скихъ линейныхъ и крѣпостныхъ батальіоновъ можно сформировать безъ труда 8 новыхъ дивизій. Чтобы довести постоянную нашу пѣхоту до численности 60-ти дивизій, остается прибавить еще 5 выдѣленіемъ новыхъ кадровъ, какъ было сдѣлано въ 1863 году.

При этихъ преобразованіяхъ вся наша пѣхота (въ предѣлахъ европейской Россіи и Кавказа) обратится въ дѣйствующую, боевая сила дойдетъ до своего нормальнаго развитія; а наличный составъ ея въ мирное время можетъ уменьшиться на 140 тысячъ человѣкъ.

Народная армія низводимая въ кадры не можетъ существовать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ армія долгосрочная, въ которой духъ частей возникаетъ вслѣдствіе долгаго сожительства подъ знаменемъ. Чтобы полкъ, внезапно возвышаемый съ трети состава до комплекта, оказался нравственно цѣльной, проникнутой общимъ духомъ боевой единицей, онъ долженъ быть составленъ изъ людей, уже охваченныхъ этимъ духомъ, изъ товарищей, а не изъ какихъ-нибудь сбродныхъ. Но какъ къ полку нельзя собирать его безсрочныхъ со всѣхъ концевъ Россіи, то для достиженія такой цѣли нѣтъ другаго средства, какъ назначить каждому полку постоянный рекрутскій участокъ, какъ принято вездѣ, гдѣ въ мирное время составъ частей сильно понижается. Нельзя сомнѣваться, что полкъ, составленный изъ одноземцевъ, станетъ очень скоро полкомъ *характернымъ*, что въ немъ разовьются высокія боевыя достоинства, что рекрутъ заранѣе уже будетъ связанъ сердцемъ со своимъ полкомъ и военная служба приметъ въ глазахъ народа совсѣмъ иной видъ, чѣмъ теперь. Мѣра эта не представляетъ никакого особеннаго затрудненія, потому что кромѣ нѣкоторыхъ окраинъ, съ которыхъ рекруты должны идти на уравнительное комплектованіе полковъ, стоящихъ не въ одинаковыхъ санитарныхъ условіяхъ, въ 62-хъ мил. жителей, къ которымъ это учрежденіе совершенно примѣняется, русское племя составляетъ вездѣ значительное большинство, значитъ всѣ полки будутъ русскими по языку и духу.

Армія должна имѣть прочную основу въ унтеръ-офицерахъ и ефрейторахъ; чѣмъ армія моложе, тѣмъ эта основа должна

натурѣ русскаго человѣка. Это напоминаетъ разсужденіе спеціальнаго военнаго комитета въ 30-хъ годахъ, что русскому солдату нельзя дать пистоннаго ружья, потому что, по его особенной натурѣ, онъ растеряетъ пистоны.

быть прочнѣе. А потому этихъ старшихъ людей надобно удерживать на службѣ высшимъ содержаніемъ, по истеченіи же узаконеннаго времени вербовать на вторичный срокъ; для этого назначить сумму, выручаемую отъ продажи рекрутскихъ квитанцій, съ запрещеніемъ принимать наемщиковъ, изъ которыхъ никогда не выходитъ хорошихъ солдатъ.

Раздѣляя землю на дружинные участки для ополченія, и рекрутскіе для полковъ, надо сосредоточить управленіе тѣми и другими въ однѣхъ рукахъ. Между полкомъ и дружинами, набираемыми въ одной мѣстности завяжется тѣснѣйшая душевная связь — дружины станутъ какъ бы 4-мъ и 5-мъ баталіонами своего полка. Военный участокъ составится изъ одного рекрутскаго и двухъ дружинныхъ — около 133 тысячъ жителей м. п. Такимъ образомъ европейская Россія (считая только область, въ которыхъ русское племя составляетъ значительное большинство) подѣлится на 240 военныхъ участковъ, управленіе локализируется въ хорошемъ смыслѣ этого слова и децентрализація, предпринятая военнымъ министерствомъ, достигнетъ своего нормальнаго предѣла.

Существующее у насъ устройство кавалеріи похоже на то, какъ еслибъ англичане стали набирать своихъ матросовъ изъ земледѣльцевъ внутреннихъ графствъ. Ни съ чѣмъ не сообразно что государство, въ предѣлахъ котораго живутъ милліоны природныхъ всандниковъ, съ такими усиліями формируетъ конницу изъ мужиковъ, которыхъ надобно еще научить держаться на лошади, слѣдствіемъ чего оказывается постоянная посредственность этого рода оружія. При томъ такую искуственную конницу приходится въ мирное время держать въ комплектѣ, въ обремененіе бюджета. Наше славное донское войско по духу и преданіямъ составляетъ естественную регулярную конницу, въ чемъ главное его отличіе отъ другихъ казаковъ; надобно только подѣлить его на постоянные полки и сотни, въ замѣнъ сбродныхъ, и выдѣлить гражданское управленіе изъ строеваго войска. Тогда можно будетъ ежегодно вводить по одной донской сотнѣ въ составъ кавалерійскихъ полковъ, съ одновременнымъ расформированіемъ одного эскадрона, черезъ нѣсколько лѣтъ наши 4-хъ эскадронные *искусственные* конные полки будутъ замѣнены 6-ти эскадронными *природными* гораздо высшаго качества, надобно только регулярныхъ офицеровъ на половину перемѣшать съ донскими. Регулярная кавалерія уси-

лится на половину въ военное время, сообразно съ необходимымъ приращеніемъ пѣхоты, и больше чѣмъ на половину сократится въ мирное, отъ чего произойдетъ значительная экономія, необходимая на другія вопіющія потребности.

Наша иррегулярная конница составляетъ драгоцѣнное подспорье для войны, предоставляетъ намъ значительныя преимущества, которыми до сихъ поръ, однакожь, мы не совсѣмъ сознательно пользовались, что зависѣло отчасти отъ качества и вооруженія донцовъ, составляющихъ почти исключительно этотъ родъ оружія. Мы можемъ употреблять эту легкую конницу какъ дѣлали встарину турки и поставить непріятеля въ затруднительное положеніе. Наши природные всадники дѣлятся по своимъ качествамъ на два разряда—боевыхъ и сторожевыхъ. Слѣдуетъ составить изъ кавказскихъ горцевъ 18 полковъ, чтобы обратить въ нашу пользу кипучую отвагу горской молодежи, которая иначе, при первомъ удобномъ случаѣ, обратится противъ насъ; вмѣстѣ съ линейными у насъ будетъ 56 боевыхъ иррегулярныхъ полковъ. За тѣмъ выгодно также сформировать нѣсколько сторожевыхъ полковъ изъ внутреннихъ кочевниковъ, не несущихъ никакой повинности. Образованіе строевой кавалеріи изъ донцовъ не уменьшитъ нисколько количество нестроевой, которой у насъ больше, чѣмъ нужно.

Вліяніе великихъ гражданскихъ преобразованій настоящаго царствованія измѣнило во многомъ основы, на которыхъ держалась наша армія. Приливъ дворянства въ военную службу значительно уменьшился. Чтобы восполнить этотъ недочетъ, чтобы не допустить также разные инородческіе элементы стать рѣшительно въ головѣ русскихъ силъ, стало необходимымъ упраздненіе сословныхъ правъ въ военной службѣ; русская армія должна сама воспитывать своихъ офицеровъ, какъ это дѣлаетъ французская. Измѣненіе характера въ высшемъ слоѣ арміи—офицерствѣ, бывшемъ до сихъ поръ сословіемъ, требуетъ опять новыхъ мѣръ; духъ корпораціи долженъ замѣнить сословный духъ, русское офицерство должно составить единое товарищество, проникнутое значеніемъ своего званія, безъ всякаго подраздѣленія по привилегіямъ; оно должно быть замкнуто въ себѣ, представлять и въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ націи вершину боевой силы Россіи, ничего другаго. Вмѣсто того, чтобъ разъединять и разбрасывать силы офицерской корпораціи, надобно сосредоточить ихъ, возвратить арміи

всѣ отборные элементы, извлеченные изъ нея подъ разными предлогами, иначе никогда не выработается въ ней должная закваска. Армія должна представлять стройное единство, одну непрерывную цѣпь безъ всякихъ исключеній о выдѣленій— быть организмомъ, а не механическимъ напластованіемъ.

Съ измѣненіемъ многихъ основаній въ арміи измѣняется и значеніе унтеръ-офицерскаго званія, оно необходимо должно быть возвышено, обезпечено лучшимъ содержаніемъ, стать призваніемъ людей на всю жизнь. Нужно также возстановить въ войскѣ прежній разрядъ отборныхъ людей, чтобы дать исходъ чувству соревнованія—главному побужденію военнаго человѣка и въ то же время поставить живой образецъ, заслуги, какъ примѣръ для подражанія въ глазахъ каждаго солдата. Воспитаніе войска въ боевомъ духѣ зависитъ отъ требованій сверху. Если на армію будутъ смотрѣть исключительно какъ на боевую силу, будутъ цѣнить въ ней лишь то, что способствуетъ боевому развитію, то при несравненномъ естественномъ качествѣ матеріяловъ, изъ которыхъ она слагается, она въ дѣйствительности станетъ первой арміей въ свѣтѣ, не только по многочисленности, но и по качеству.

Вотъ наши положенія:

Устройство, соотвѣтствующее дѣйствительнымъ потребностямъ оказывается всегда выгоднымъ во многихъ отношеніяхъ. Съ преобразованіемъ арміи на вышеизложенныхъ основаніяхъ, окажется слѣдующее сбереженіе:

1) Сокращеніе наличнаго состава пѣхоты на 140 тыс. чел. по 50 р. на каждаго	7,000,000
2) Сокращеніе числа нестроевыхъ, замѣняемыхъ по военному положенію людьми изъ ополченія, положимъ *)	500,000
3) Сокращеніе регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ (4 эскадрона дѣйствующіе резервный и запасный) на 2 эскадрона, всего приблизительно	3,500,000
Итого	11,000,000

Мы не считали тутъ ни экономіи отъ одежды людей—казаки выходятъ въ своемъ платьѣ, ни экономіи на офицерскомъ жалованьи (при сокращеніи частей, треть всего числа офице-

*) Въ послѣднемъ военномъ отчетѣ не показано ни число нестроевыхъ, ни подраздѣленіе ихъ, поэтому послѣднюю цифру мы поставили гадательно. Вѣроятно оно оказалось бы больше приведенной.

ровъ можетъ быть ежегодно увольняема въ отпускъ по желанію).

Потребности, влекущія за собой новые расходы суть слѣдующія:

Содержаніе ополченія	2,500,000
Прибавка къ содержанію жандармовъ противъ общей стоимости пѣхоты	1,500,000
Содержаніе 10-ти новыхъ дивизіонныхъ штабовъ; офицеровъ 65-ти новыхъ батальйоновъ и 13 артиллерійскихъ бригадъ	2,250,000
Увеличеніе содержанія унтеръ-офицерамъ и ефрейторамъ противъ нынѣшняго, первымъ 6, а вторымъ 3 р. въ мѣсяцъ, считая налицо по мирному положинію, только ²/₃	3,250,000
Итого	9,500,000

Остается еще 1½ милліона на другія потребности.

Остатокъ суммъ отъ сокращенія непомѣрнаго числа офицеровъ, служащихъ теперь подъ разными наименованіями внѣ фронта, не введенъ въ разчетъ, такъ какъ его слѣдуетъ обратить исключительно на усиленіе содержанія офицеровъ дѣйствительно нужныхъ на службѣ.

Въ настоящее время русскія дѣйствующія силы (кромѣ восточной окраины и саперовъ) составляютъ 556 батальіоновъ и 232 эскадрона. На вышеприведенныхъ основаніяхъ при томъ же расходѣ въ мирное время (съ добавленіемъ на нѣкоторые предметы и безъ малѣйшаго пониженія въ качествѣ войска, даже напротивъ) онѣ составляли бы 780 батальіоновъ (съ ополченіемъ 1280 батал.) и 340 эскадроновъ; несмотря на сборъ ополченія меньшее число рукъ было бы оторвано отъ производительнаго труда и, наконецъ, военная служба стала бы въ понятіи русскаго народа тѣмъ, чѣмъ она должна быть—священнымъ долгомъ, не разрушающимъ ничьей жизни.

Но кромѣ этихъ постоянныхъ силъ, не уступающихъ силамъ какого бы то ни было европейскаго союза, учрежденіе народной арміи съ ополченіемъ обратитъ всю Россію въ военный станъ. Еслибы Провидѣніе готовило въ будущемъ русскому народу испытанія, соразмѣрныя съ величіемъ его исторической судьбы, то наше отечество могло бы, при такихъ учрежденіяхъ, вооружиться какъ теперь вооружается Пруссія и встрѣтить натискъ, хоть всей Европы, неодолимою стѣной вооруженныхъ и устроенныхъ людей. Въ 1812 году Россія готова была подняться до послѣдняго человѣка, но всеобщій порывъ принесъ мало пользы; война кипѣла полгода въ предѣлахъ Россіи, шесть

губерній подверглись опустошенію, и, наконецъ, врагъ былъ сокрушенъ, но безъ содѣйствія земскихъ силъ. Одинъ порывъ тутъ не много значитъ; онъ вызоветъ партизановъ, но не сложитъ неприготовленнаго народа въ регулярное войско, способное встрѣтить врага лицомъ къ лицу; между тѣмъ какъ при военномъ устройствѣ, соотвѣтствующемъ вѣку, при краткосрочной народной арміи и ополченіи, столько людей пройдетъ черезъ ихъ ряды, что внѣ списковъ военнаго министерства останется еще масса готовыхъ бойцовъ. Конечно, они будутъ ограждены закономъ отъ произвольнаго призыва на службу; но бываютъ случаи, когда всякое право должно уступить заботѣ самосохраненія; въ такомъ положеніи находилась Франція въ 1793 году, Россія въ 1812 году, Америка въ 1862 году. Располагая нѣсколькими классами, окончившихъ срокъ ополченцевъ и высшимъ сословіемъ, прошедшимъ въ большинствѣ черезъ военную школу, можно выставить не только, сокрушающую земскую силу, но сформировать, безъ проволочки времени, 4-е и 5-е батальіоны, то есть усилить и безъ того громадную армію еще на двѣ трети; въ такомъ крайнемъ случаѣ можно прибавить и къ регулярной кавалеріи, составленной изъ донцовъ, по два эскадрона готовыхъ всадниковъ на полкъ; а запасъ нашей иррегулярной кавалеріи неисчерпаемъ. Организованный подобнымъ образомъ осьмидесяти-милліонный народъ можно смѣло назвать непобѣдимымъ.

Въ главныхъ чертахъ военно-народное устройство наше можетъ быть осуществлено въ короткій срокъ времени—въ четыре года, считая одинъ годъ на предварительныя мѣры. Въ эти 48 мѣсяцевъ три разряда ополченія были бы готовы; пѣхота была бы переформирована и доведена до желательной численности еще прежде. Только переустройство кавалеріи требуетъ десяти лѣтъ; но въ крайнемъ случаѣ на усиленную армію достаточна и нынѣшняя кавалерія, особенно сопутствуемая тучей превосходной нестроевой конницы, какую Россія всегда выставитъ.

Съ образованіемъ народной арміи и ополченія, Россія будетъ въ состояніи встрѣтить побѣдоносно силы какого бы то ни было европейскаго союза. Можно сказать положительно, что никакая сборная союзная сила, при одинаковой численности, не равняется такой же силѣ однородной. Тутъ происходитъ то же, что̀ въ борьбѣ одного силача съ двумя или тремя обыкновен-

ными людьми. Силы этихъ людей, въ сложности, можетъ-быть, превосходятъ силу противника, но они никакъ не могутъ взяться за него такъ, чтобъ усилія ихъ слились въ одномъ мгновеніи, между тѣмъ какъ каждый взмахъ силача опрокидываетъ всякаго изъ нихъ отдѣльно. Не говоря уже о различіи видовъ и цѣлей, о разницѣ въ пріемахъ, о нарушеніи связности дѣйствій самолюбіемъ каждаго союзника порознь, о трудности сохранить единство въ арміи, имѣющей нѣсколько головъ; но самое сосредоточеніе силъ со стороны большаго союза представляетъ такія затрудненія, что рѣшительный противникъ, думающій одною своею головой, почти всегда можетъ предупредить враговъ, не дать имъ соединиться. Конечно, при большомъ сосредоточеніи силъ на западной границѣ, намъ нельзя уже будетъ дѣйствовать наступательно съ другихъ предѣловъ; но этого и не нужно; достаточно стать на этихъ предѣлахъ въ оборонительное положеніе, занять ихъ такою силой, чтобы непріятель не могъ расчитывать на вѣрные и быстрые успѣхи по окраинамъ; въ виду большой дѣйствующей арміи ему также нельзя будетъ отдѣлять много людей на второстепенныя предпріятія. Дессанты могутъ безпокоить насъ, но только столкновеніе сухопутныхъ массъ въ центральной Европѣ рѣшитъ окончательно кто правъ и кто виноватъ, рѣшитъ судьбу окраинъ, какъ и главнаго театра войны, точно такъ какъ Кениггрецъ рѣшилъ участь Италіи.

Въ сухопутной европейской войнѣ обладаніе Царствомъ Польскимъ даетъ намъ, при равныхъ силахъ, огромный перевѣсъ надъ противниками. Этотъ передовой мысъ Русской Имперіи, вдающійся въ Европу клиномъ, какъ бастіонъ, между Австріей и Пруссіей, составляетъ въ нашихъ рукахъ, какъ всѣмъ извѣстно, несравненный операціонный базисъ. Въ случаѣ войны съ Австріей или съ Пруссіей *) наша армія, обладающая теченіемъ Вислы и расположенными по ней крѣпостями, не можетъ быть обойдена ни съ какой стороны. Враги могутъ атаковать насъ только съ лица, съ самаго дальнаго рубежа имперіи, между тѣмъ какъ наша армія очутится нѣсколькими переходами въ сердцѣ враждебной земли, парализуя разомъ половину

*) Здѣсь идетъ рѣчь не политическая, а стратегическая—о свойствѣ нашихъ границъ. Всякій знаетъ, что о разрывѣ съ Пруссіей, напримѣръ, не можетъ быть теперь и рѣчи.

ея владѣній: въ прусской войнѣ—все что лежитъ на востокъ отъ Одера; въ австрійской—всю Галицію и большую часть Венгріи. При хорошемъ начальствованіи и рѣшительности съ нашей стороны, своевременное соединеніе такихъ союзниковъ какъ французы или италіянцы съ австрійцами совершенно невозможно; союзнымъ арміямъ пришлось бы принять бой порознь, одной за другою: развѣ сосѣди наши стали бы отступать къ противоположному предѣлу своей территоріи для сближенія съ друзьями, отдавая безъ выстрѣла важнѣйшія области. Даже въ случаѣ союза противъ насъ двухъ смежныхъ державъ—Австріи и Пруссіи, мы могли бы быстрымъ наступленіемъ изъ Царства Польскаго стать между вражескими арміями и не допустить ихъ до соединенія.

Безъ сомнѣнія, желѣзныя дороги даютъ теперь средство передвигать войска въ союзной странѣ гораздо скорѣе, чѣмъ можетъ наступать непріятель; но все же не такъ скоро, чтобъ армія, собирающаяся въ Савоіѣ, или даже въ Венеціянской области, могла оказать своевременно помощь арміи, расположенной на Карпатахъ, противъ врага, выступающаго изъ радомской губерніи.

Сила Россіи заключается исключительно въ сухопутной арміи. Нашъ флотъ можетъ имѣть оборонительное значеніе, избавить насъ въ военное время отъ расходовъ на содержаніе одной или двухъ лишнихъ дивизій въ балтійскомъ и черноморскомъ бассейнахъ, что при существованіи ополченія не составляетъ слишкомъ большой разницы; но такой роли, которая могла бы положить что-нибудь на чашку вѣсовъ въ большой европейской войнѣ, онъ никогда не имѣлъ, и впредь не будетъ имѣть, пока мы не добьемся исключительнаго обладанія однимъ изъ смежныхъ морей, не запремъ его. Тогда другое дѣло, тогда нашъ флотъ будетъ въ состояніи спокойно развиться въ своемъ недоступномъ убѣжищѣ и въ случаѣ надобности вылетѣть оттуда, нанести ударъ и опять скрыться. Но и тогда мы не будемъ морскою державой, въ томъ смыслѣ какъ Англія, Америка или даже Франція; наши морскія силы, какъ бы онѣ велики ни были, раздѣленныя на двѣ половины между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ, никогда не могутъ равняться силамъ державы, которая владѣетъ берегами океана и потому можетъ сосредоточивать свои флоты. Безъ сомнѣнія, великій народъ не можетъ обойдтись безъ нѣкоторой морской силы, для поддер

жанія своихъ интересовъ на чуждыхъ берегахъ, для того, чтобы быть въ состояніи, въ случаѣ морской войны, вредить непріятелю своими крейсерами; но все это вещи второстепенныя, не вліяющія ни на волосъ на участь великихъ международныхъ споровъ. Для такихъ назначеній у насъ есть достаточно военныхъ судовъ. Намъ желательно имѣть еще небольшую эскадру на Тихомъ океанѣ, на берегахъ котораго развивается понемногу русское мотущество, желательно содержать полицію на Черномъ морѣ, но и только покуда. По нашему крайнему понятію, воображать, что развитіе нашего флота, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть какое-либо вліяніе на русское международное могущество, значитъ совершенно не понимать военнаго дѣла. Содержать большой флотъ, который все-таки никогда не будетъ равенъ союзному, даже отдѣльно французскому или англійскому и который, поэтому, долженъ будетъ при первомъ выстрѣлѣ скрыться въ порты; отнимать для содержанія его нужныя суммы у сухопутной арміи, въ которой заключается дѣйствительная сила, значило бы перелагать расходъ съ производительной почвы на непроизводительную. Еслибъ я обладалъ магическою силой создать однимъ словомъ, съ началомъ войны, или нашъ бывшій, дѣйствительно превосходный и геройскій черноморскій флотъ, одаренный всѣми новѣйшими усовершенствованіями, или лишній корпусъ хорошихъ войскъ, то я не поколебался бы ни на минуту и создалъ бы корпусъ. Черноморскій флотъ могъ бы имѣть великое вліяніе на второстепенныя событія востока, особенно въ мирное время; онъ часто могъ бы доставлять торжество нашему народному самолюбію; но въ военное время не могъ бы оказать рѣшительнаго вліянія на событія. Слишкомъ ясно, что судьба востока зависитъ не отъ побѣдъ на востокѣ, морскихъ или сухопутныхъ; между тѣмъ какъ присутствіе одного лишняго корпуса на полѣ европейской битвы можетъ рѣшить восточныя и западныя дѣла, вопросъ о Черномъ морѣ и всякій другой.

Въ наше время вопросъ о командованіи пріобрѣтаетъ, если возможно, еще болѣе значенія, чѣмъ прежде. Государства выставляютъ всѣ свои силы разомъ къ началу войны; остающіеся за арміей резервы не довольно сильны въ сравненіи съ дѣйствующею арміею, чтобы значительно повліять на ходъ войны. При громадности армій и удобствѣ сообщеній событія развиваются такъ быстро, что поправить первыя неудачи становится

иногда невозможнымъ; некогда даже перемѣнить главнокомандующаго. Правильный разчетъ первоначальныхъ дѣйствій всегда составлялъ весьма важный залогъ успѣха; теперь же въ немъ залогъ исключительно важный, по большей части рѣшительный. Въ главнокомандующемъ нельзя уже ошибаться.

Очевидно также, что громадность выставляемыхъ силъ на столько же упрощаетъ чисто военныя соображенія, на сколько усложняетъ соображенія хозяйственныя. Нынѣшнія массы слишкомъ велики и требуютъ слишкомъ много попеченій о своемъ довольствіи, чтобы быть поворотливыми. Случайные стратегическіе маневры, вслѣдсвіе ежечасныхъ неожиданныхъ событій, составлявшіе *суть* военнаго искуства, становятся затруднительными; значеніе ихъ сосредоточивается на общемъ планѣ кампаніи, выборѣ предметнаго пункта и первоначальномъ направленіи массы. *) Капитальная ошибка, погубившая австрійцевъ въ послѣднюю войну, очевидно состояла въ томъ, что къ первому выстрѣлу главныя силы ихъ стояли въ верхней Силезіи, а не въ сѣверо-восточной Богеміи, гдѣ имъ слѣдовало быть; шансы войны были бы уравновѣшены, еслибы Бенедекъ— вначалѣ расположился правильно; чтобы поправить ошибку, когда война уже началась, нуженъ былъ не Бенедекъ а Наполеонъ I. Конечно легче обдумать планъ дѣйствій на досугѣ, чѣмъ всегда вдохновляться правильно. Чѣмъ меньше можно ошибаться въ выборѣ главнокомандующаго, тѣмъ меньше предстоитъ ошибаться самому главнокомандующему. Если бы вещи не складывались всегда именно къ такой пропорціи, то самое развитіе стало бы невозможнымъ.

Наконецъ, при нынѣшнихъ силахъ на войнѣ дѣло не только въ начальникѣ, но въ *начальникахъ*. Никакой человѣкъ не можетъ распорядиться дѣйствительно такими массами, раскиданными на такомъ пространствѣ. Тутъ конечно идетъ дѣло не о Цезарѣ или Наполеонѣ, а объ обыкновенныхъ талантливыхъ людяхъ. Послѣдняя богемская война представляетъ замѣчательный примѣръ. Въ головѣ прусской арміи не стояло не только геніальнаго человѣка, но даже человѣка съ выдающимся изъ ряда талантомъ; въ головѣ ея просто не стояло никого. Но прус-

*) Конечно, это выраженіе надобно понимать только относительно—къ чему клонится дѣло. И теперь случайные стратегическіе маневры могутъ разрѣшаться великими результатами,—но вопросъ въ правилѣ, а не въ исключеніи.

скими корпусами командовали энергическіе люди и, главное, не мудрившіе,—они безъ хитрыхъ маневровъ шли прямо на выстрѣлъ, когда его слышали,—этого оказалось достаточнымъ. Главный штабъ сталъ сочинять настоящіе планы уже послѣ побѣды, во второмъ періодѣ кампаніи. Великое качество прусской арміи, котораго въ ней вовсе не подозрѣвали, безмѣрно великое качество состоитъ въ томъ, что она воспитываетъ рѣшительныхъ генераловъ, способныхъ дѣйствовать стойко и просто,—первый залогъ успѣха на войнѣ. Маршалъ Мармонъ утверждалъ, очевидно справедливо, что первое достоинство военнаго начальника состоитъ въ совершенномъ соотвѣтствіи ума съ характеромъ, чтобы сила ума тождественно равнялась въ немъ силѣ воли. Если человѣкъ видитъ дальше, чѣмъ на сколько у него хватаетъ рѣшительности, онъ уже по природѣ теоретикъ и не выстоитъ въ своихъ планахъ; если онъ и уменъ, но болѣе рѣшителенъ, чѣмъ уменъ, онъ отважится на предпріятія, окончательная цѣль которыхъ недостаточно вызрѣла въ его соображеніи, на предпріятія подверженныя поэтому слишкомъ большой случайности. Военная способность, это внутренняя пропорціональность человѣка. Она можетъ выражаться безконечнымъ числомъ степеней, однородныхъ, но не одинаково крупныхъ, отъ Наполеона до толковаго ротнаго командира. Вотъ почему столько знаменитыхъ полководцевъ были людьми, не превышавшими умственною силой довольно обыкновенной высоты человѣческихъ способностей; но изъ того же слѣдуетъ, что удовлетворительно хорошіе, если не геніальные полководцы, вовсе не составляютъ исключительнаго явленія, находятся во всякое время и во всякомъ народѣ. Дѣйствительно, нѣтъ въ исторіи правительства, оставившаго по себѣ память способности и энергіи, которое не нашло бы подходящихъ людей для командованія своими арміями, отъ правительства Перикла до правительства Линкольна. Такіе люди найдутся и у насъ.

Первое достоинство главнокомандующаго не геній—откуда достать генія—но умѣнье стать на высотѣ своего положенія, оказаться начальникомъ въ такой степени, чтобъ его воля была непреложнымъ закономъ для всѣхъ и каждаго. Армія, дѣйствующая какъ одинъ человѣкъ, надежнѣе самыхъ хитрыхъ плановъ,—богемская война доказала вновь эту истину. Въ нашъ вѣкъ, когда такъ тщательно изучаютъ театръ войны и силы противниковъ, не можетъ быть принятъ совершенно не-

сообразный планъ дѣйствій; но онъ всегда можетъ быть несообразно исполненъ, не только въ случаѣ, когда самъ главнокомандующій не устаиваетъ въ своихъ видахъ, но, что случается чаще, если частные начальники позволяютъ себѣ не устаивать въ *его* видахъ. Въ главнокомандующемъ важнѣе всего стойкость характера и могучая воля, подчиняющая себѣ людей нравственно.

Первое достоинство генераловъ, его помощниковъ—рѣшительность. Одинъ разъ на десять излишняя рѣшительность можетъ стать причиной неудачи; десять разъ она поведетъ къ успѣху. Всякій бывалый военный человѣкъ видалъ начальниковъ, хотя не обладавшихъ никакимъ замѣтнымъ талантомъ, но энергическихъ и за то обожаемыхъ солдатами; одно имя этихъ людей служило залогомъ успѣха. Война—это игра въ быть или не быть, а каждый знаетъ, даже по частной жизни, до какой степени человѣкъ, не боящійся худаго конца страшенъ противнику. Въ мирное время довольно трудно распредѣлять людей по талантамъ; умъ самъ по себѣ, безъ придаточныхъ свойствъ, ничего не доказываетъ въ военномъ. Всего замѣтнѣе въ человѣкѣ энергія, самостоятельность; поддѣлаться подъ эти природныя свойства очень трудно; даже въ мелочахъ видно, на сколько человѣкъ живетъ своимъ умомъ и руководится своей волей. Все-таки это лучшая мѣра для разцѣнки офицеровъ. Надобно съ самаго начала вести ихъ въ такомъ духѣ, что бы каждый офицеръ бралъ на себя отвѣтственность, не стѣсняясь общими правилами, если думаетъ что такъ выйдетъ лучше—на маневрахъ ли, въ распоряженіяхъ ли частію,—и судить его только по результату. Французы говорятъ о себѣ «nous n'aimons pas les petits coups» и считаютъ въ этомъ свою силу. По-русски, это значитъ: каждый беретъ на себя, что считаетъ нужнымъ, не оглядываясь. Не надобно много труда, чтобы перевоспитать русскую армію въ этомъ духѣ. Въ русскомъ характерѣ беззавѣтной рѣшительности такъ много, что она не только составляетъ его добродѣтель, но переходитъ даже въ его порокъ. Надобно только снять съ нашей арміи болѣе чѣмъ полувѣковой формализмъ, заѣвшій ея дѣйствительную природу, чтобы она была какъ французская, «qui n'aime pas les petits coups»—съ придачею русской выстойчивости, чтобъ она была арміей суворовской, т.-е. дѣйствительно русской.

На войнѣ нужны только военныя качества. Кромѣ этихъ, всевозможныя достоинства и недостатки, по которымъ мѣряютъ людей въ гражданскомъ быту, относятся въ военномъ только къ человѣку, а не къ солдату и не могутъ служить мѣрой для его оцѣнки.

Нечего и говорить о томъ, что высшее начальство должно знать репутацію офицеровъ извѣстнаго чина, начиная даже съ полковника; въ другихъ странахъ ихъ знаютъ съ капитана. Если человѣкъ разъ былъ испытанъ, то онъ уже не подлежитъ новой оцѣнкѣ въ мирное время; онъ годится или не годится,— и кончено. Въ головѣ войскъ могутъ стоять начальники или доказавшіе себя на дѣлѣ, или не успѣвшіе еще себя доказать,—но никакъ не тѣ, которые доказали противное; послѣднее можетъ повести только къ разрушенію нравственнаго чувства въ арміи.

Существуетъ поговорка, очень распространенная, но вовсе невѣрная, что военные люди выносятся впередъ войной. Военные таланты дѣйствительно выказываются сами собою, но только въ чьихъ глазахъ? Въ глазахъ ближайшихъ свидѣтелей. Выносятся же они впередъ только зоркостію правительства или такою военною организаціей, въ которой армія, воспитанная въ чисто военномъ духѣ, умѣетъ судить правильно о людяхъ и имѣетъ голосъ достаточно сильный для того, чтобъ онъ былъ слышенъ всему обществу. Такова французская армія, въ которой мнѣніе развивается свободно и уважается; очасти такова и прусская. Но Австрія, напримѣръ, вѣчно воюетъ, а со временъ Евгенія Савойскаго у нея не было ни одного полководца, достойнаго этого названія. Когда въ большомъ государствѣ не слыхать признанныхъ военныхъ именъ, на которыя нація возлагала бы свои надежды; когда даже войны, продолжающіяся нѣсколько лѣтъ, не выносятъ впередъ такихъ именъ,—это значитъ только то, что военная организація государства неестественная, что въ ней люди расцѣниваются не по дѣйствительнымъ способностямъ, признаваемымъ окружающею ихъ средой—единственнымъ неподкупнымъ судьей въ такомъ дѣлѣ, а по какимъ нибудь искуственнымъ мѣрамъ. Это значитъ во всякомъ случаѣ, что выдвигаются впередъ не тѣ люди, которые стоятъ того, люди, берущіе по праву то, что имъ принадлежитъ; не тѣ, которые были бы выдвинуты мнѣніемъ, если бы мнѣніе что-нибудь значило; а просто тѣ,

которые нравятся. Изъ нравящихся же мущинъ рѣдко выходитъ что-нибудь путное; природа предоставляетъ законное право нравиться только барышнямъ. Это значитъ также, что выборы не обсуждаются, иначе мнѣніе было бы услышано, а совершаются въ канцелярской тайнѣ. Въ европейскомъ племени всегда довольно способныхъ и характерныхъ людей; если они не показываются, то въ этомъ выражается не скудость въ людяхъ; а скудость системы управленія.

Этотъ вопросъ о военномъ общественномъ мнѣніи чрезвычайно важный, но въ то же время необычайно скользкій. Онъ не подлежитъ никакому опредѣленію, потому что держится въ неуловимой нравственной сферѣ. Какъ опредѣлить право общественнаго мнѣнія въ постоянной арміи, основанной исключительно на дисциплинѣ, на безусловномъ повиновеніи старшему, до такой степени, что даже въ самой анархической республикѣ войско представляетъ собою воплощеніе деспотизма, и безъ этого не можетъ существовать. Но въ то же время несомнѣнно, что во всѣхъ боевыхъ арміяхъ, какія только видѣлъ свѣтъ, кончая нашей кавказской, общественное мнѣніе было сильно развито и вліяло на многія вещи; оно почти исключительно выдвигало людей, поэтому люди распредѣлялись правильно. Мнѣніе не можетъ быть безошибочнымъ руководителемъ, — безошибочной мѣрки не дано человѣку; австрійское правительство напримѣръ, поступило бы очень хорошо не послушавшись голоса арміи, выкричавшей главнокомандующимъ Бенедека; но въ сотнѣ другихъ случаевъ оно ошиблось бы, не принявъ этого мнѣнія въ разсчетъ. Нельзя выростить искуственно самостоятельнаго и зрѣлаго мнѣнія въ арміи, какъ нельзя возбудить его въ человѣкѣ, покуда онъ самъ не доростетъ до этой поры.

Кромѣ вѣрной расцѣнки боевыхъ людей, возможной только при зрѣломъ общественномъ мнѣніи, укоренившемся въ самой арміи, нужно еще, чтобы начальники, которые поведутъ войска въ бой, были заблаговременнно съ ними знакомы. Теперь войска станутъ группироваться по мѣрѣ дѣйствительной потребности. Тѣмъ не менѣе было бы вовсе не военнымъ дѣломъ сводить внезапно съ началомъ войны незнакомыя между собою дивизіи и ввѣрять главное начальство лицамъ на столько же чуждымъ войскамъ, на сколько войска имъ чужды. Отдѣленіе военной администраціи отъ боеваго командованія войсками, можетъ стать безвреднымъ только съ восполненіемъ этого су-

щественнаго недостатка. Съ переходомъ арміи на военное положеніе придется необходимо, за нѣкоторыми исключеніями, ставить въ головѣ крупныхъ ея подраздѣленій не тѣхъ людей, которые управляли войсками въ мирное время, а другихъ, или изъ начальниковъ дивизій, которымъ знакомы только ихъ четыре полка, или изъ людей, которые повысились уже надъ этимъ званіемъ и съ тѣхъ поръ были совсѣмъ разобщены съ войсками. Во всякомъ случаѣ такой іерархическій составъ большихъ массъ слишкомъ напоминаетъ случайную іерархію арміи, выступавшей подъ Ватерлоо, бывшую главною причиной катастрофы. Нельзя смѣшивать разнородный характеръ двухъ званій—административнаго и боеваго.

Какъ можетъ начальникъ разумно распорядиться въ бою войсками, личнаго состава которыхъ онъ не знаетъ. Война не маневры; трудность задачи, предстоящая тѣмъ или другимъ частямъ, бываетъ различная, а на каждый полкъ нельзя одинаково полагаться; еще несравненно важнѣе понимать заблаговременно своихъ помощниковъ—строевыхъ начальниковъ, и возлагать на каждаго, по возможности только то, что ему по силамъ. Съ другой стороны войска также должны знать своихъ главныхъ начальниковъ. Какое обаяніе можетъ производить въ бою на солдата генералъ, котораго тотъ видитъ въ первый разъ? Ото всѣхъ этихъ вещей зависитъ ни болѣе ни менѣе, какъ исходъ войны. Надо полагать, для австрійскихъ начальниковъ оказалось мало пользы въ томъ, что они успѣли хорошо разцѣнить своихъ подчиненныхъ въ битвѣ подъ Садовой. Какой увѣренности въ себѣ ждать отъ арміи, въ которой вся высшая іерархія съ одной стороны и войска съ другой остаются чуждыми другъ другу въ минуты, когда участь войны начинаетъ уже рѣшаться? Между тѣмъ таково будетъ наше положеніе, если вещи останутся въ ихъ нынѣшнемъ видѣ. Наше устройство имѣетъ сходство съ французскимъ, но тамъ условія совсѣмъ другія. Французская армія значительно менѣе нашей составомъ и численностію, она армія боевая и по воспитанію и по непрерывности войнъ, которыя вела въ послѣднее время, всѣ части ея знакомы между собою, репутація почти каждаго офицера высшихъ чиновъ, начиная съ полковника, установлена; тамъ съ назначеніемъ корпуснаго командира, еще не видавши его въ глаза, каждый капралъ разскажетъ солдатамъ его службу, качества и опишетъ лич-

ность. Развѣ у насъ есть что нибудь похожее на это? Ни одно европейское государство не рѣшилось еще принять французскую систему, хотя нѣтъ ни одного изъ нихъ, къ которому бы эта система не была болѣе примѣнима, чѣмъ къ намъ.

Военно-административное дѣленіе Россіи на округа полезно, безъ сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ; но оно нисколько не препятствуетъ должному сближенію предполагаемыхъ корпусныхъ командировъ съ предназначаемыми имъ войсками.

Такъ какъ война всегда можетъ загорѣться очень неожиданно, то и высшая военная іерархія должна быть всегда расписана заблаговременно, хотя бы только приблизительно, чтобы главные начальники знали своихъ подчиненныхъ, когда имъ придется вести ихъ въ бой, и были извѣстны имъ. Для этого достаточно даже непродолжительное соприкосновеніе, во время лѣтнихъ занятій войскъ. Сведеніе войскъ на извѣстные сроки массами необходимо само по себѣ. Командованіе такими сборами войскъ однимъ или нѣсколькими въ одномъ районѣ, смотря по ихъ многочисленности, ввѣряемое лицамъ, которымъ предполагается предоставить высшія званія на войнѣ, было бы въ боевомъ отношеніи равносильно сближенію, установлявшемуся между прежними главнокомандующими и корпусными командирами и ихъ войсками, безъ нарушенія главныхъ основаній военно-окружной системы. Государственная власть не можетъ не имѣть въ виду постоянно, хотя приблизительно, какъ распредѣленія силъ, вызываемаго тѣмъ или другимъ военнымъ сочетаніемъ, такъ и лицъ, которымъ эти силы могутъ быть ввѣрены. Трудно было бы надѣяться на успѣхъ войны, если бы такіе вопросы, не обсужденные заранѣе, возникали только во время самыхъ приготовленій, когда нужно направлять войска спѣшно и безошибочно, разомъ распредѣлять начальниковъ сообразно съ ихъ способностію. Если жъ эти вопросы обсуждены заранѣе, хотя, конечно, въ общемъ видѣ, если они существуютъ постоянно въ соображеніи какъ рѣшенные, то не представляется никакого затрудненія сближать войска во время сборовъ съ начальниками, которымъ предполагается ввѣрить ихъ на войнѣ. Надобно только, чтобъ одни и тѣ же лица были сводимы съ одними и тѣми же войсками, иначе не произойдетъ никакого сближенія. При такой системѣ, отчетливо установленной, можно было бы со временемъ упразднить въ мирное время даже званіе начальника

дивизіи, подчиняя полки прямо военно-окружному начальству, какъ во Франціи.

Боевая армія составляется не сборомъ людей, сколько бы то ни было многочисленныхъ и хорошо обученныхъ; она должна быть нравственною, собирательною личностію, должна имѣть одинъ общій пульсъ. Всякій пробѣлъ въ связи верха съ низомъ, одной части съ другою, разрушая единство настроенія и взаимной довѣренности, разрушаетъ ея боевую цѣльность.

IX.

Заключеніе.

Мы высказали свои мысли. Отдавая на судъ общественнаго мнѣнія ихъ значеніе въ военномъ отношеніи, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ отношеніи этого труда къ текущей минутѣ. Читателямъ выяснился смыслъ сочиненія: онъ состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ наше отечество должно собрать свои силы, какъ собираетъ ихъ Европа, чтобъ относиться къ міру не какъ государство съ 350-ю милліонами дохода, уступающее въ этомъ отношеніи другимъ великимъ державамъ, а какъ государство съ 80-милліоннымъ населеніемъ, ставящимъ его на первое мѣсто въ свѣтѣ; намъ приходится, другими словами, въ военныхъ учрежденіяхъ, какъ и во многихъ другихъ, сойдти съ основаній заложенныхъ Петромъ, и замѣнить постоянную солдатскую армію, ограниченную цифрой бюджета, арміей народною, опредѣляемою преимущественно цифрой населенія, то-есть устроить по военному само земство. Многіе изъ читателей не найдутъ нужнымъ спрашивать для чего это? Они сами знаютъ и чувствуютъ для чего. Но многіе, даже изъ людей готовыхъ въ минуту опасности на всякую жертву отечеству, сдѣлаютъ, быть можетъ, этотъ вопросъ. Хотя въ нашей народной жизни прошла уже безвозвратно полоса напускнаго тумана, когда въ космополитическомъ увлеченіи иные ставили въ упрекъ Пушкину его оду *Клеветникамъ Россіи*; тѣмъ не менѣе нельзя ожидать отъ общества, въ которомъ подобныя явленія были возможны еще недавно, твердо установившагося, общеприня-

таго мнѣнія о внѣшнихъ интересахъ своего отечества и о силахъ потребныхъ для поддержанія этихъ интересовъ. До послѣдняго польскаго возстанія мы были сильны только своимъ живымъ народнымъ чувствомъ, которое въ критическую минуту оказывалось все мощнѣе и дѣльнѣе нашихъ случайныхъ мнѣній. Поэтому вопросъ о томъ, для чего намъ нужно быть сильно вооруженными и кто намъ угрожаетъ, весьма возможенъ и требуетъ предварительнаго соглашенія. Писавши о вооруженныхъ силахъ Россіи, мы должны были имѣть въ виду этотъ вопросъ и ясный отвѣтъ на него хоть для тѣхъ читателей, которые не равнятся съ нами во взглядѣ на коренныя начала.

Во второстепенномъ государствѣ многія соображенія могутъ оттѣснять на второй планъ вопросъ о народномъ вооруженіи,— соображенія политическія, экономическія и соціяльныя,—ибо второстепенное государство держится и существуетъ не собственною силой. а международнымъ правомъ, охраняемымъ соперничествомъ великихъ державъ. Мы достаточно видѣли въ послѣднія десять лѣтъ, что охрана эта несовсѣмъ дѣйствительна; но небольшія государства не могутъ отвратить отъ себя опасности собственною энергіей. Конечно, безъ арміи и они не могутъ обойтись, чтобы не стать игрушкой ежедневныхъ случайностей; но ихъ армія имѣетъ только одно значеніе—возможности перваго отпора въ ожиданіи внѣшней помощи; нѣтъ надобности, поэтому, чтобъ она точно соотвѣтствовала численности и средствамъ націи во всемъ ихъ объемѣ, и чтобы качество ея было очень высокое. Швеція можетъ довольствоваться своими поселенными войсками, короли Неаполитанскіе полагались преимущественно на наемныхъ швейцарцевъ. Когда армія не представляетъ собой полнаго залога народной безопасности, а обезпечиваетъ государство только противъ второстепенныхъ случайностей, то очень естественно, что численность и организація ея становятся дѣломъ почти произвольнымъ, дѣломъ мнѣнія, и подчиняются многимъ соображеніямъ, имѣющимъ большое значеніе для общества. Державы первоклассныя находятся въ другомъ положеніи. Первоклассная держава есть нація, или политическое тѣло, существующее само по себѣ, независимо отъ всякихъ правъ и договоровъ, поддерживающееся собственною силой. Первостепенныя государства—это капитальныя стѣны всемірнаго политическаго зданія, всегда однѣ и тѣ же, между

тѣмъ какъ прочія—перегородки, которыя каждое столѣтіе ломаетъ и передѣлываетъ какъ ему удобнѣе. Держава, которая не можетъ защитить себя отъ всякихъ коалицій, которая нуждается въ охранѣ международнаго права, не есть держава первоклассная и не можетъ имѣть самостоятельнаго голоса. Очевидно, напримѣръ, что признаніе первокласснымъ государствомъ Италіи, не имѣющей еще столько силы, чтобы справиться въ полѣ сраженія даже съ однимъ изъ клочковъ австрійской арміи, есть пока фикція, вызванная политическою игрой, а не дѣйствительность. Италіи все-таки приходится идти за кѣмъ-нибудь на буксирѣ. Положнніе незавидное даже для внутренняго развитія, на которое всегда ложится печать энергіи народа, его увѣренности въ себѣ, почерпаемой въ чувствѣ внѣшней самостоятельности. Кто не надѣется на себя передъ чужими, тотъ едвали будетъ смѣлъ и прямъ въ домашнемъ кругу. У человѣка не можетъ быть двухъ лицъ, какъ у Януса, не можетъ быть двухъ душъ: одной по внѣшнимъ, другой по внутреннимъ дѣламъ отечества. Народъ малочисленный, слабый не по своей винѣ, можетъ развиваться безпрепятственно, сознавая эту слабость, но для многочисленной, самостоятельной націи, обѣ стороны государственной жизни — внутренняя и внѣшняя, связаны неразрывно. Малѣйшій ущербъ въ одной изъ нихъ сейчасъ же отзывается на другой; упадокъ, даже временное умаленіе внѣшняго могущества сказывается немедленно внутри или общественною апатіей или общественнымъ разладомъ; нація обращается или въ Испанію наслѣдниковъ Филиппа II, отдающуюся исключительно молитвамъ и серенадамъ, или во Францію послѣ 1815 года, грызущую свои внутренности, раздираемую партіями, мучимую воспоминаніями до-той минуты, пока она не заняла снова соотвѣтственное ея силѣ международное положеніе. Нельзя почти сомнѣваться, что событія восточной войны и чувства, порожденныя ея послѣдствіями въ русскомъ обществѣ, содѣйствовали болѣе чѣмъ что-либо другое развитію того горячечнаго бреда, который извѣстенъ подъ именемъ нигилизма. Человѣкъ, у котораго подорваны привычныя вѣрованія въ себя, бросается обыкновенно въ противоположную крайность. Общество есть тотъ же человѣкъ, только въ громадныхъ размѣрахъ; оно слагается изъ человѣческихъ душъ. Возьмите же человѣка самостоятельнаго, всегда сохранявшаго свое достоинство и вдругъ нечаянно уни-

женнаго. Одно изъ двухъ: или этотъ человѣкъ замучитъ себя растерзаетъ себя упреками, въ душѣ его загорится настоящее междуусобіе, которое не успокоится, пока онъ, удвоенною энергіей, почерпаемою въ самыхъ терзаніяхъ своихъ, не вознаградитъ прошлаго; или этотъ человѣкъ понуритъ голову и такъ уже останется на вѣкъ. Въ одномъ случаѣ выйдетъ Франція, въ другомъ Испанія. Мѣщанское счастіе, нетревожимое сильными ощущеніями, возможно только для маленькихъ народовъ, слабыхъ не по своей винѣ, какъ въ былое время, въ гражданскомъ быту оно составляло принадлежность слабыхъ и смирныхъ людей, жившихъ подъ чужою опекой.

Маленькая Данія можетъ горько оплакивать свое несчастіе, но даже оплакивая, оставаться счастливою и довольною; полезныя реформы, внутренній миръ и процвѣтаніе могутъ вполнѣ утѣшить ее; она вышла изъ боя растерзанною, но съ спокойною совѣстію: чтὸ же ей оставалось дѣлать? Такого мелководнаго счастія не дано въ удѣлъ великимъ народамъ; и справедливо. Великій народъ можетъ также понести пораженіе, но не можетъ на немъ успокоиться; полезныя реформы и внутреннее развитіе могутъ утѣшить его только на извѣстный срокъ, ибо никакое правильное развитіе, никакая счастливая будущность невозможны безъ уваженія къ себѣ и безъ вѣры въ себя, а такая униженная покорность передъ судьбой со стороны сильнаго доказала бы его душевное растлѣніе, несовмѣстное съ этими благородными чувствами, несовмѣстное ни съ какою хорошею будущностію. Несчастіе заставляетъ оглядываться на свою жизнь, раскаиваться въ своихъ ошибкахъ, понимать свои недостатки и исправлять ихъ: такъ бываетъ со всякою сильною личностію, и человѣческою, и государственною. Такимъ образомъ и съ такими послѣдствіями, всегда одинаковыми, отзывалось несчастіе на всякомъ великомъ народѣ; примѣровъ можно привести множество, но самый яркій изъ нихъ—примѣръ Пруссіи послѣ Іены. Наученный несчастіемъ великій народъ, исправляя свои недостатки, не разстается съ мыслію подняться опять во весь свой ростъ, съ обновленными силами. Иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ прежде всего нравственное существо, не довольствующееся однимъ матеріяльнымъ благосостояніемъ и привольною жизнію, существо, требующее нравственнаго удовлетворенія; а какое нравственное удовлетвореніе можетъ согласоваться съ низкимъ мнѣ-

ніемъ о себѣ какъ о народѣ? Иначе быть не можетъ и потому, что всякая личность въ свѣтѣ, и одиночная и сборная, не можетъ чувствовать себя спокойною, отклонившись отъ своего природнаго назначенія. А развѣ великіе народы не имѣютъ своего природнаго назначенія, врученнаго имъ безъ ихъ спроса, проходящаго черезъ всю ихъ исторію, проникшаго массу извѣстнымъ оттѣнкомъ чувствъ и взглядовъ, отъ которыхъ она не можетъ оторваться, не открывая въ то же время части своей души. Если изъ племенъ, одинаково мелкихъ въ своемъ источникѣ, одни остаются ничтожными или второстепенными навсегда, другія разростаются въ великіе народы, то развѣ не очевидно, что эти послѣднія племена одарены большею энергіей, устойчивостію, большею, способностію притяженія и претвращенія въ себя; что въ нихъ вложенъ зародышъ, изъ котораго развиваются отборныя силы человѣчества, что именно они, а не другія, призваны *дѣлать* исторію нашего рода. Воспитанный въ теченіе вѣковъ такимъ призваніемъ, отзывающимся хоть бы смутно, но все-таки отзывающимся въ душѣ каждаго отдѣльнаго лица, великій народъ всецѣло проникается характеромъ всемірнаго дѣятеля и не можетъ уже возвратиться къ частной жизни маленькихъ народовъ. Мѣщанское счастіе не удовлетворитъ его; какъ Самсонъ, онъ почувствуетъ возвращеніе силы вмѣстѣ съ отросшими волосами и не успокоится, пока не возвратитъ снова своего величія, не станетъ опять на свой историческій путь. Чѣмъ больше времени народъ отстраняется отъ этого пути, тѣмъ сильнѣе бываетъ увлеченіе къ возврату. Приходитъ день, когда сознаніе своей мощи и не удовлетворяющаго ей международнаго значенія, голосъ недовершенныхъ историческихъ стремленій, чувство затронутой національной гордости сливаются въ одно общее настроеніе, во всенародное чувство, заслоняющее собой, на нѣкоторый срокъ, всѣ текущіе внутренніе интересы. Тогда для каждаго человѣка общее дѣло становится своимъ дѣломъ, каждая царапина на величіи отечества чувствуется каждымъ какъ личное оскорбленіе. Это значитъ, у Самсона отросли волосы; великій народъ уже не удовлетворяется тѣмъ, чтобы привольно жить и даже строить школы и писать книги на покоѣ: онъ хочетъ быть самимъ собой. Одна изъ величайшихъ нравственныхъ потребностей общественнаго человѣка исторически воспитанное мнѣніе о себѣ,—требуетъ удовлетворенія. Такой переломъ мнѣнія—

увлеченіе отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнимъ, отъ которыхъ общественное вниманіе было отстранено временно какими нибудь обстоятельствами,—фактъ много разъ совершавшійся вездѣ. По многимъ признакамъ можно думать, что настроеніе русскаго общества слагается съ нѣкотораго времени въ этомъ направленіи, что мы находимся наканунѣ такого дня, когда большинство русскихъ людей не будетъ уже достаточно удовлетворено успѣхомъ въ однихъ домашнихъ дѣлахъ. Никогда нельзя было сомнѣваться, что такой поворотъ мнѣнія произойдетъ раньше или позже: это законъ исторіи, проходящій чрезъ всю жизнь великихъ народовъ; можно было сомнѣваться только въ срокѣ, когда онъ наступитъ.

Независимо отъ влеченій живой души, которая сказывается во всякомъ человѣческомъ обществѣ, великая держава не можетъ сосредоточиться и замкнуться въ себѣ надолго, еслибъ и хотѣла. Она можетъ умѣрить свое вмѣшательство во всемірныя дѣла, углубиться въ себя, только на очень непродолжительный срокъ. Міръ не стоитъ на мѣстѣ, формы его и сочетанія измѣняются безпрерывно; абсолютнаго могущества, независимо отъ сравненія своихъ силъ съ чужими силами, не существуетъ; а потому никакой значительный народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ событіямъ, происходящимъ за его границей, далеко не можетъ допустить всего, что можетъ тамъ случиться. Была ли бы могущественна Россія, была ли бы она обезпечена въ своей цѣлости, еслибъ устояла европейская монархія, созданная Наполеономъ I? Было ли бы возможно у насъ правильное внутреннее развитіе при такой внѣшней опасности, грозящей ежедневно? Не пришлось ли бы намъ пожертвовать самыми дорогими общественными интересами для внѣшняго обезпеченія государства, отложить всякую мысль о будущемъ для настоящаго? Европейская монархія Наполеона была явленіемъ исключительнымъ, которое конечно не возвратится; но развѣ въ нынѣшнемъ положеніи европейскихъ дѣлъ, при нынѣшнемъ, слишкомъ извѣстномъ и вовсе нескрываемомъ настроеніи почти всего Запада противъ Россіи, не могутъ возникнуть такія политическія сочетанія, которыя будутъ имѣть для насъ совершенно то же значеніе, какъ французская имперія 1812 года, которыя также какъ и она могутъ оторвать насъ, и оторвать надолго, отъ всякой мысли о будущемъ для настоящей минуты? Для прилежнаго наблюдателя не можетъ быть сомнѣнія, что такіе

виды, хотя бы въ зародышѣ покуда, существуютъ въ умѣ многихъ правительственныхъ людей Запада; что виды эти согласуются также со многими основными интересами нашихъ недоброжелателей и что общественное мнѣніе въ большинствѣ благопріятно имъ. При такомъ союзѣ личныхъ стремленій, интересовъ и мнѣнія, въ нашу эпоху неожиданныхъ событій и внезапныхъ рѣшеній, каждое несогласіе въ какомъ-либо серіозномъ вопросѣ, можетъ чрезвычайно быстро разгорѣться въ прямое столкновеніе. Кто не помнитъ 1853 и 1863 годовъ. Что враждебная сила будетъ теперь въ рукахъ не одного лица, а одного чувства или одного интереса, отъ этого намъ не станетъ легче. Возможность неблагопріятныхъ намъ политическихъ сочетаній чрезвычайно облегчена рядомъ невообразимыхъ событій послѣдняго десятилѣтія, происшедшихъ безъ нашего вмѣшательства, въ то время какъ мы замыкались въ себя. Въ это десятилѣтіе Россія воскресла къ жизни, это правда; но и оборотъ медали слишкомъ важенъ, чтобъ его можно было считать второстепеннымъ въ сравненіи съ чѣмъ бы то ни было. Внѣшняя опасность можетъ быть предупреждена, единеніе враждебныхъ намъ интересовъ можетъ быть разсѣяно или ослаблено въ самомъ зародышѣ только рѣшительнымъ воздѣйствіемъ на современныя дѣла; а для такого воздѣйствія нужна прежде всего сила или по крайней мѣрѣ внушительный видъ силы, неоставляющій повода никакому сомнѣнію.

Наконецъ, надо сказать и то, что въ свѣтѣ нѣтъ такой великой державы, всѣ интересы которой, не только политическіе и торговые, но даже чисто національные, племенные, заключались бы во всей полнотѣ въ ея нѣдрахъ, не выходили бы за ея предѣлы. Такая отрѣзанность принадлежитъ только небольшимъ народцамъ, каковы, напримѣръ, голландцы; да и тѣхъ смущаетъ по временамъ вопросъ о родственныхъ имъ фламандцахъ. До сихъ поръ ни одна великая держава не осуществила такого полнаго объединенія своей народности, чтобъ оставаться чуждою сердцемъ ко всему заграничному. У всякаго значительнаго европейскаго народа есть своя заграничная родня, которой онъ сочувствуетъ, которой онъ не можетъ не сочувствовать безъ самоотреченія, потому что она есть плоть отъ его плоти, потому что въ ея лицѣ онъ самъ попирается чуждымъ насиліемъ; попирается его знамя, его народность, историческія идеи или религія. Какъ ни далеко разошлись ро-

манскіе народы, а даже у нихъ сердце говоритъ сообща; симпатіи Франціи всегда были за Италіей, а Германіи противъ Италіи. Хотѣть чтобы человѣкъ замкнулъ свои естественныя чувства въ пограничной чертѣ, условленной на послѣднемъ съѣздѣ дипломатовъ, значитъ представлять его себѣ куклой, а не человѣкомъ. Никто не можетъ быть сыномъ своего государства; только отечество, то-есть самостоятельная народность, можетъ имѣть сыновъ; государство же имѣетъ однихъ слугъ, часто очень преданныхъ, но все-таки слугъ. Мать Россія — слово полное великаго смысла, мать Австрія—чистая безсмыслица. Если же человѣку свойственно питать сыновнія чувства къ своей великой семьѣ-народности, то онъ, значитъ, любитъ ее, а не послѣднюю политическую растасовку картъ, любитъ ее одинаково вездѣ гдѣ видитъ, и въ своемъ, и въ чужомъ государствѣ. Посмотримъ, долго ли политическая вѣрность австрійскихъ нѣмцевъ устоитъ противъ патріотическаго влеченія? Когда великій народъ стремится сердцемъ къ заграничной роднѣ, болѣе или менѣе близкой, однокровной или одновѣрной, онъ защищаетъ не только ее, но самъ себя, онъ защищаетъ въ ней свою собственную личность и свои собственныя убѣжденія, свой историческій типъ, выражающійся въ извѣстной мѣрѣ и въ родичахъ его, противъ чуждыхъ личностей и убѣжденій. Вѣра въ себя, въ законность и превосходство своихъ коренныхъ идей и стремленій, есть та сила, которая создаетъ великіе народы; какая же вѣра, обладающая могуществомъ, отдастъ себя на попраніе въ какомъ бы то ни было видѣ? Великій народъ, остающійся безстрастнымъ при видѣ страданій своей крови или своихъ задушевныхъ убѣжденій въ лицѣ своихъ близкихъ, потому что законность участія къ нимъ не оговорена формально дипломатическими трактатами, подсѣчетъ тѣмъ свои собственныя національныя основы, покажетъ всему свѣту и самому себѣ, что эти основы для него только вывѣска, а не призваніе.

Для людей, не отвергающихъ народной личности, то-есть самой исторіи, заключеніе ясно. Великій народъ не можетъ заглушить въ себѣ надолго голосъ своего вѣковаго призванія, душа его очень скоро возмущается противъ такого насилія надъ собой. Великая держава не можетъ надолго замкнуться въ себѣ, не рискуя очутиться внезапно въ такомъ положеніи, изъ котораго ей потомъ придется выбиваться цѣною величай-

шаго напряженія силъ. Сборный человѣкъ, представляемый народностію, не можетъ отрѣшиться отъ человѣческихъ чувствъ, иногда противъ воли вызывающихъ его на дѣятельность, также какъ и частное лицо; поступая иначе онъ утратилъ бы собственное уваженіе, безъ котораго жизнь ничего не стоитъ для народа, какъ и для личности. Эти три побужденія къ внѣшней дѣятельности неотразимо увлекаютъ каждый великій народъ, занимающій самостоятельное мѣсто въ свѣтѣ, ко вмѣшательству во всемірныя дѣла, заставляютъ его неустанно направлять событія въ смыслѣ своихъ національныхъ интересовъ. Намъ кажется несомнѣннымъ, что сумма этихъ побужденій вызываетъ въ настоящее время къ внѣшней дѣятельности Россію болѣе, чѣмъ какую-либо другую державу. Восточная война и десятилѣтнее углубленіе въ себя накопили на насъ долгъ съ процентами, который теперь разомъ приходится уплачивать. Но современный міръ не въ такомъ положеніи, чтобы право и самыя законныя чувства значили что-нибудь безъ силы, тѣмъ болѣе, что каждая нація имѣетъ свои законныя чувства, иногда круто противорѣчащія чувствамъ другой.

Размѣры этого сочиненія, посвященнаго исключительно военному дѣлу, не позволяютъ намъ вдаваться въ обсужденіе современныхъ европейскихъ событій, хотя связный перечень фактовъ подтвердилъ бы вышесказанное лучше всякихъ разсужденій. Важность этихъ событій для Россіи такова, что они могутъ заставить призадуматься самаго довѣрчиваго и безпечнаго человѣка, если только онъ русскій по чувствамъ. Нѣсколькихъ словъ будетъ достаточно не для развитія, но для уясненія нашей мысли.

На свѣтѣ есть державы окончательно сложившіяся, собравшія въ себя почти всѣ свои естественные элементы и сростившія ихъ съ собой, а потому не связанныя больше съ такими жизненными интересами за границей, отъ рѣшенія которыхъ прямо зависѣло бы ихъ могущество и внутреннее развитіе; и есть державы еще складывающіяся, чувствительныя къ урону не только въ себѣ, но и внѣ себя, державы, будущность и развитіе которыхъ могутъ быть сильно подсѣчены въ лицѣ ихъ заграничныхъ интересовъ. Такова прусская Германія, такова и Русская Имперія, не смотря на свою огромность. Совершающееся на нашихъ предѣлахъ безконечно важно для насъ, не только какъ залогъ спокойной будущности, но даже

какъ обезпеченіе въ томъ, что мы устоимъ въ нынѣшнемъ своемъ положеніи. Для большей части Европы Россія неприкосновенна, то-есть считается недостижимою, только на востокъ отъ Днѣпра, на сѣверъ отъ Кубани, на югъ отъ Выборга; все прочее не признается еще окончательно рѣшеннымъ и при первомъ неблагопріятномъ для насъ сочетаніи европейскихъ силъ можетъ стать предметомъ враждебныхъ попытокъ. Обширныя окраины Россіи далеко еще не такъ прочно срощены съ владычествующимъ племенемъ, чтобы на нихъ не могли оказать нѣкотораго притяженія, другіе, даже псевдо-однородные съ ними центры, создаваемые вдоль нашей границы. Явная враждебность высшихъ и среднихъ классовъ въ однѣхъ окраинахъ, совершенная разноязычность и чужеземная культура въ другихъ, не допускаютъ до сихъ поръ такой органической связи ихъ съ тѣломъ государства, чтобы сила оружія и внѣшняя приманка не могли больше имѣть вліянія на ихъ судьбу. Со дня разрушенія Польши, въ продолженіи полувѣка, Россія обезпечивалась отъ непріязненныхъ замысловъ Священнымъ Союзомъ. Сбросивъ съ себя эти обременительныя узы, она можетъ полагаться только на собственную силу. Намъ нужно теперь, и еще долго нужно будетъ въ будущемъ охранять Финляндію отъ скандинавизма, прибалтійскія губерніи отъ нѣмецкаго единства, Польшу и западныя губерніи отъ самыхъ сложныхъ вліяній и замысловъ, Бессарабію отъ Румыніи, Закавказье и отъ Европы, и отъ мусульманскаго фанатизма. Заботы правительства и общества о нашихъ окраинахъ ясно доказываютъ, что еще не все тамъ рѣшено.

Съ другой стороны, битва при Садовой и разложеніе Турціи дали славянскому вопросу и въ Австріи, и на балканскомъ полуостровѣ такой толчокъ, что онъ начинаетъ быстро переходить изъ области архсологіи на дѣйствительную почву. Онъ никогда не разрѣшится безъ Россіи, потому что сами заинтересованные не владѣютъ такими силами, чтобы идти самостоятельно къ своей цѣли, а изъ великихъ державъ, устанавливающихъ судьбу свѣта, одна Россія можетъ желать ему разрѣшенія окончательнаго и справедливаго; для прочихъ же эти истерзанныя племена орудіе, а не цѣль: къ личной участи ихъ всѣ равнодушны. Тѣмъ не менѣе дѣло это зрѣетъ; все зависитъ отъ того, какое оно получитъ направленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о славянахъ и православныхъ, разрѣшаемый враждеб-

ною Россіи политическою интригой, можетъ стать, хоть бы и временно, великою для насъ опасностію. Вдоль русской границы могутъ создаться уже не частные и призрачные, а дѣйствительные центры притяженія, тяготѣющіе на наши окраины. Враждебныя къ Россіи и самостоятельныя до нѣкоторой степени славянскія и православныя массы, опирающіяся на сочувствіе, а еще вѣроятнѣе даже на содѣйствіе Европы, совсѣмъ не то что враждебная Австрія или Турція. Славянское и православное сосѣдство, относящееся къ намъ въ массѣ какъ теперь относятся поляки, развѣ это возможно допустить? Тутъ бы шло дѣло уже но о политическомъ соперничествѣ, а о племенномъ междуусобіи, о томъ, кто представляетъ расу и стоитъ во главѣ ея; изъ такой постановки вопроса возникло бы нѣчто похожее на вѣковую борьбу московской Руси съ литовской изъ-за того, кому изъ двухъ принадлежитъ право называться Русью. А такіе виды, по врайней мѣрѣ такія поязновенія противъ насъ, несомнѣнно существуютъ во многихъ правительственныхъ головахъ и въ общественномъ настроеніи западной Европы. Недавно еще Европа надѣялась поглотить, ассимилировать все русское и близкое къ русскому по племени и вѣрѣ, живущее внѣ предѣловъ Россіи. Внезапное появленіе на рубежѣ Европы православно-славянской имперіи воскресило умиравшихъ, и заставило западную политику отказаться отъ такой надежды. Тогда, вмѣсто того чтобъ изглаживать слѣды этихъ опасныхъ элементовъ, естественно явилась мысль признать ихъ, (хотя не совсѣмъ откровенно и не безъ заднихъ мыслей), но съ условіемъ, чтобъ они стали подъ враждебное намъ знамя. Эта мысль не совсѣмъ еще дозрѣла, но она зрѣетъ очевидно. Еще десять лѣтъ углубленія въ себя и за результаты нельзя будетъ отвѣчать. Такой оборотъ дѣла окажется гибельнымъ для славянъ и православныхъ, которые никогда не достигнутъ своей цѣли, опираясь на западъ, но онъ можетъ оказаться гибельнымъ и для насъ.

Кромѣ потребностей народной политики, мы вынуждены еще къ необходимой политики географической. Россія сообщается съ океаномъ, то-есть съ цѣлымъ міромъ, только двумя выходами, двумя внутренними морями, которыя, по своей замкнутости и ограниченности, легко могутъ стать *de facto* изъ общей чьею-либо частною собственностью. Рѣшеніе славянскихъ и греческихъ дѣлъ во враждебномъ намъ смыслѣ, простирающееся

до Босфора, передающее ключи Чернаго моря изъ рукъ умирающаго въ руки молодыя, искуственно сложенныя и непріязненно къ намъ настроенныя, создастъ для насъ такое положеніе, о которомъ нельзя не подумать крѣпко. Вдоль западной границы постоянное, опасное по своему племенному характеру, междуусобіе, мечомъ или вліяніемъ, все равно; на сѣверномъ морскомъ выходѣ сильное соперничество; на южномъ возможность непріязненнаго владычества; что̀-жь это за будущность?

Какъ единственная въ свѣтѣ православно-славянская держава, Россія не можетъ допустить никакимъ образомъ ни онѣмеченія или окатоличенія своихъ заграничныхъ сродниковъ, ни тѣмъ еще менѣе рѣшительнаго перехода ихъ во враждебный станъ. Ясно, почему для насъ нестерпимо второе. Но мы не могли бы допустить и перваго, даже независимо отъ политическихъ видовъ, потому что это значило бы отречься отъ основной, зиждительной силы своей исторіи, признать себя подломившимся народомъ. Русская жизнь содержитъ въ себѣ слишкомъ много самобытныхъ, ей только свойственныхъ началъ, чтобы слиться совершенно съ жизнію римско-феодально-католической или протестантской Европы, стать однимъ изъ ея отпрысковъ, какъ другія западныя націи. Намъ приходится жить и развиваться по-своему. Но жить и развиваться совершенно особнякомъ, быть единственнымъ видомъ своего рода, одною струной октавы, безъ соприкосновенія съ чѣмъ-нибудь параллельнымъ, безъ возможности провѣрки своего направленія, результатовъ своей жизни и мысли съ направленіями однородными, вышедшими изъ того же духовнаго корня, но представляющими его въ разныхъ развѣтвленіяхъ, во всемъ разнообразіи, къ какому онъ способенъ; остаться единственнымъ свободнымъ православно-славянскимъ народомъ, не имѣющимъ на всемъ горизонтѣ міра ни одной точки сравненія съ собой, кромѣ самого себя,—это значило бы стать въ положеніе племенъ древности или Китая, которые должны были все черпать изъ себя, никогда ни освѣжаясь. Конечно, отчужденіе наше не было бы столь полное, потому что мы соприкасаемся нравственно съ Европой, участвуемъ въ обще-человѣческомъ прогрессѣ. Мы сродни Европѣ, но все-таки двоюродные, а не родные братья ей. Насъ разлучило историческое воспитаніе. Три четверти нравственнаго фонда Европы, даже современной, имѣютъ свой корень въ римскомъ правѣ и римскихъ государственныхъ

преданіяхъ, въ феодальной закваскѣ личныхъ отношеній и въ католичествѣ съ его сектами—въ вещахъ совершенно намъ чуждыхъ. Чѣмъ больше будетъ развиваться наша общественная жизнь, тѣмъ болѣе она задастъ намъ вопросовъ, на которые мы не найдемъ отвѣта даже въ совокупности западной жизни. Безъ однородныхъ, сочувственныхъ, развивающихся параллельно съ нами на одномъ и томъ же духовномъ основаніи славянскихъ и православныхъ народностей, намъ пришлось бы жить до такой степени крайне самостоятельною жизнію, что едва ли созданъ народъ, у котораго надолго хватитъ силъ для такой ноши. Самостоятельное существованіе заграничной родни необходимо Россіи не только въ политическихъ, но и въ нравственныхъ видахъ, въ видахъ общественной будущности. Оно нужно не только русскому государству, но и русскому человѣку. Каждый великій народъ окруженъ, хоть отчасти, сочувственною атмосферой; у одной Россіи ея нѣтъ, хотя элементовъ для нея вокругъ насъ больше, чѣмъ у кого бы то ни было. Вся эта полоса однокровныхъ и одновѣрныхъ стихій, обхватывающая Россію кольцомъ, не можетъ оставаться нейтральною; она будетъ или рѣшительно за насъ, или рѣшительно противъ насъ, смотря по нашимъ дѣйствіямъ. Для своей безопасности, какъ для своего развитія, изъ политическихъ, какъ изъ нравственныхъ побужденій, Россія не можетъ щадить никакихъ усилій, чтобы создать вокругъ себя сочувственный и союзный славянскій и православный міръ.

Полусознательное влеченіе къ такой цѣли сказалось у насъ давно, но только на дняхъ стало принимать болѣе опредѣленный образъ. Однѣ литературныя заявленія не проведутъ такихъ чувствъ въ жизнь; но когда народнымъ влеченіямъ ставится ясная цѣль, она проникаетъ массы какъ живой огонь. Въ 1848 году Италія еще не думала о національной цѣлости, въ 1860 году цѣлость была уже общею мыслію всѣхъ и каждаго; между тѣмъ вѣковой Тосканѣ и вѣковому Неаполю стоило чего-нибудь отказаться отъ себя. Тѣмъ болѣе въ нашемъ дѣлѣ. Намъ не нужно новыхъ областей, намъ нужны только пріязнь и союзъ, вмѣсто вражды, на нашихъ предѣлахъ; намъ нужны равноправные братья-союзники.

Ни ясныя какъ день политическія потребности, ни самыя законныя влеченія народнаго чувства еще не исчерпываютъ всѣхъ побужденій современнаго русскаго поколѣнія ко внѣш-

ней дѣятельности; Россія не можетъ устроить благополучно даже свои внутреннія дѣла, оставаясь подъ впечатлѣніемъ восточной войны, не изглаженнымъ другимъ, благопріятнѣйшимъ настроеніемъ. Забота о домашнемъ преуспѣяніи на половину развлекается у насъ заботой объ обширныхъ окраинахъ, въ которыхъ никакой прочный успѣхъ невозможенъ, пока тамъ существуетъ увѣренность, выводимая изъ результата послѣдней войны, что сочувственная имъ часть Европы можетъ одолѣть насъ и возвратить имъ въ одинъ день все утраченное. Люди могутъ склониться безъ задней мысли предъ необходимостію тогда только, когда они потеряли всякую надежду устоять на своемъ. Трудно сростить съ собой края, въ которыхъ почти каждая, пробуждающаяся мысль переходитъ, если не прямо въ непріязненный, то все-таки не въ сочувственный станъ (мы говоримъ не объ однихъ полякахъ), и трудно также не допустить ее до такого перехода, пока надежда на другой оборотъ дѣлъ живетъ еще у всякаго семейнаго очага. Въ 1812 году, когда имеператоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну вслѣдъ за бѣгущимъ Наполеономъ, онъ могъ сдѣлать изъ Польши, даже нравственно, все что хотѣлъ, потому, что она ни на что больше не надѣялась. Со времени восточной войны, на всѣхъ предѣлахъ нашихъ, заселенныхъ не русскимъ племенемъ, стало выражаться совсѣмъ другое настроеніе. Довольно трудно ладить съ людьми, которые почерпаютъ новую надежду въ каждомъ заграничномъ замѣшательствѣ, для которыхъ самая положительная воля правительства, поддерживаемая всею націей, не кажется еще приговоромъ судьбы, вслѣдствіе убѣжденія, что эта нація не устоитъ противъ силъ ихъ друзей, истинныхъ или предполагаемыхъ. Даже въ мѣстностяхъ не враждебныхъ, а только чуждыхъ намъ, не согрѣтыхъ поэтому русскимъ чувствомъ, являются самыя дикія, пока еще не опасныя, но все-таки вредныя мечтанія, по поводу этой мнимой несостоятельности Россіи передъ Европой. При каждомъ значительномъ европейскомъ событіи ребяческая фраза «какъ скажетъ Наполеонъ, такъ и будетъ», самыя невозможныя мечтанія о перемѣнѣ участи получаютъ тамъ цѣнность ходячей монеты. Что за дѣло до того, что *мы* знаемъ нелѣпость всѣхъ этихъ надеждъ и мечтаній, когда *они*, заинтересованные, не знаютъ того и увлекаются понятіями внушенными въ одной мѣстности страстію, въ другой безграмотностію, но исходящими изъ одного источ-

ника,—изъ того, что послѣ восточной войны они не считаютъ Россію достаточно сильною и ждутъ всего возможнаго въ будущемъ. Легко ли вести въ должномъ направленіи людей, которые умышленно упираются на каждомъ шагу, вслѣдствіе своихъ ложныхъ мечтаній? Наши окраины, какъ бочки Данаидъ, будутъ безплодно поглощать величайшія жертвы правительства и общества, пока рѣшительныя событія не увѣрятъ ихъ въ томъ, что онѣ окончательно и безъ апелляціи къ судьбѣ *наши*. Первая удачная война измѣнитъ кореннымъ образомъ нынѣшнія отношенія. Тогда четверть усилій окажетъ больше дѣйствія, чѣмъ совокупность ихъ оказываетъ теперь.

Торжество въ справедливой войнѣ доставляетъ побѣдителю не однѣ только вещественныя выгоды; послѣдствій ея нельзя исчислить съ карандашомъ въ рукѣ, вычитая издержки изъ цѣнности пріобрѣтеній. Въ настоящемъ положеніи свѣта, когда международная справедливость еще ничего не значитъ безъ поддержки оружіемъ, готовность великаго народа идти на борьбу за свои убѣжденія, напряженіе воли и увѣренность въ себѣ, которыя онъ выноситъ изъ борьбы, удесетяряютъ его духовныя силы, а въ этихъ силахъ источникъ всякаго народнаго процвѣтанія, даже часто вещественнаго. Вся исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ. Голландія послѣ войны испанской, Франція послѣ войны республики, Пруссія послѣ войны за независимость—всѣхъ такихъ примѣровъ не перечислишь—становились сейчасъ же гораздо дѣятельнѣе, предпріимчивѣе, богаче, въ нѣсколько лѣтъ не только покрывали жертвы предшествующихъ годовъ, но удваивали народный капиталъ. Понятно почему,—народъ тотъ же четовѣкъ, а сила человѣка заключается въ немъ самомъ, въ степени его душевнаго напряженія, которое надобно только пробудить. Вопреки ходячимъ понятіямъ, жертвы вынуждаемыя великою войною, если только эта война ведется за сознаваемое народомъ право, всегда оказываются даже въ экономическомъ отношеніи, не растратою, а зернами будущей жатвы (тутъ разумѣется идетъ дѣло не о мексиканскихъ экспедиціяхъ Наполеона). Такой выводъ несогласенъ, можетъ быть, съ теоріей не существующаго отвлеченнаго человѣка, но онъ прямо истекаетъ изъ природы человѣка дѣйствительнаго, жизнь котораго слагается изъ мнѣній, вѣрованій и впечатлѣній. Также точно, когда дѣло идетъ о соперничествѣ между европейскими народами (т. е. племенами одинаково энергическими), задѣтыми

за живое, то здѣсь надо подводить итоги не рублями, а чувствамъ; Франція побѣдила Европу въ то время, когда французскія ассигнаціи имѣли цѣнность оберточной бумаги.

Всякому извѣстно историческое заключеніе, столько разъ высказанное: до сихъ поръ намъ некогда было заняться исключительно своимъ внутреннимъ развитіемъ; всѣ силы выходили у насъ на созданіе государства. Но, очевидно, это *некогда* продолжается и до днесь. Сознаніе нашей исторической личности складывалось постепенно и только передъ нынѣшнимъ поколѣніемъ обозначился ясно послѣдній рядъ вопросовъ, заключающихъ наше *государственное дѣло*. Россія должна покончить съ ними, чтобы, наконецъ, опочить отъ трудовъ и, не тревожась будущимъ, развивать свои народныя начала, создавать русское просвѣщеніе; иначе эти вопросы сами напомнятъ о себѣ и тяжко будутъ развлекать насъ, можетъ быть еще цѣлое столѣтіе.

Мы не развивали взгляды, высказанные въ этой главѣ, мы только указали ихъ: иначе пришлось бы написать цѣлое сочиненіе. Мы хотѣли не доказывать, но пояснить передъ читателями свое убѣжденіе, состоящее въ томъ, что всѣ интересы и всѣ чувства современной Россіи положительно указываютъ предлежащій ей путь. Самые сильные союзы, какіе только могутъ сложиться для противодѣйствія законнымъ стремленіямъ нашего отечества, вовсе не такъ состоятельны, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Лишь продолжительное бездѣйствіе наше можетъ дать время возникнуть дѣйствительно страшному союзу. Иниціатива со стороны Россіи встрѣтила бы, конечно, сильное противодѣйствіе, но далеко не единодушное, не народное, не возбуждающее страстей массы,—противодѣйствіе, въ которое ни одна нація не положитъ своего сердца. Страсти будутъ возбуждены только въ большихъ космополитическихъ партіяхъ—клерикальной или демократической—смотря по нашимъ дѣйствіямъ, можетъ быть въ обѣихъ вмѣстѣ. Народы останутся равнодушными. Двадцать лѣтъ тому назадъ европейское политическое зданіе скрѣплялось еще привычкой; многіе люди чистосердечно тревожились, когда видѣли, что какая-либо передѣлка угрожаетъ положенію вещей, съ которымъ они свыклись; удивительные перевороты послѣдняго времени разрушили и эту привычку. Можно сказать положительно, что въ настоящее время европейское общественное мнѣніе смущается гораздо

болѣе неопредѣленностію положенія, предшествующаго кризису, ожиданіемъ какихъ-либо событій, чѣмъ самыми этими событіями, когда они уже разыгрались; оно сейчасъ же свыкается съ каждымъ совершившимся фактомъ, какъ-будто онъ установленъ испоконъ вѣка. Всѣ былыя политическія идеи и отношенія до такой степени разсыпались прахомъ, что теперь нѣтъ ни одного правительства (кромѣ англійскаго, и то не на долго), которое держалось бы сколько нибудь преданій внѣшней государственной политики; существуютъ только интересы дня, а потому всякія сочетанія, самые внезапные союзы, содѣйствія и противодѣйствія стали возможными. Даже тотъ смутный порядокъ отношеній, какой мы видимъ въ текущую минуту, поддерживается только жизнію или присутствіемъ у дѣлъ нѣсколькихъ лицъ. Очевидно, въ такомъ положеніи вещей, для государства, непоколебимаго на своихъ основаніяхъ и ясно сознающаго свои цѣли, вся сила заключается въ настойчивости и иниціативѣ. Если всѣ отношенія безпрерывно мѣняются кругомъ,— тотъ, кто не измѣняетъ своихъ видовъ, постоянно направляетъ событія въ своемъ смыслѣ, стремится безъ колебанія къ одной цѣли, непремѣнно дождется благопріятной обстановки; несбыточное вчера становится сбыточнымъ завтра. Конечно, изъ числа вопросовъ, лежащихъ у насъ на сердцѣ, нѣтъ ни одного, къ разрѣшенію котораго, можно было бы приступить безъ достаточной силы; но за то, располагая такою силою, нѣтъ ни одного вопроса также, который могъ бы вызвать общее сопротивленіе. Съ каждымъ европейскимъ государствомъ отдѣльно у насъ есть пункты несогласимые, разрѣшаемые только войною; но эти же пункты могутъ быть миролюбиво улажены съ другимъ, лежащимъ рядомъ, государствомъ. На свѣтѣ только два соперника, съ которыми намъ нельзя сойтись ни въ чемъ: венгерская Австрія и Турція. За то, отъ насъ зависитъ имѣть прочнаго друга, съ которымъ можно идти рука объ руку во всѣхъ опредѣлившихся до сихъ поръ, принимаемыхъ къ сердцу съ обѣихъ сторонъ, интересахъ—Америку. Судьба, очевидно, сближаетъ насъ; несмотря на разность наружныхъ формъ, въ обѣихъ націяхъ существуютъ побужденія къ глубочайшему сочувствію взаимные интересы, ихъ и наши, разрѣшаются одними и тѣми же политическими сочетаніями. Здѣсь не мѣсто распространяться о великой идеѣ американскаго союза. Нельзя сказать, чтобы русское общество поняло все ея значеніе; но оно сдѣлало еще лучше—

оно приняло ее къ сердцу. *) За исключеніемъ двухъ сосѣдей, съ которыми нельзя сойтись, и одного друга, съ которымъ не должно ни въ чемъ расходиться, наши отношенія ко всѣмъ прочимъ случайны и зависятъ болѣе или менѣе отъ насъ самихъ. Стало быть для каждаго вопроса можно уловить минуту благопріятнаго политическаго оборота дѣлъ; разумѣется, при неуклонномъ направленіи, въ которомъ не можетъ удержаться наиболѣе послѣдовательное правительство, если само общество не проникнуто сознаніемъ національныхъ цѣлей.

Наши кровные интересы искреннѣе и живучѣе, а потому и могущественнѣе личныхъ интересовъ, противопоставляемыхъ имъ; на пути нашемъ не стоитъ ничего живаго, намъ не предстоитъ никакой борьбы жизни съ жизнью; все одаренное будущностію въ этомъ свѣтѣ можетъ быть съ нами, или нейтрально къ намъ. Противъ насъ выдвигаются лишь страсти, и интересы, предводимые эгоизмомъ, политическою интригой, отрицаніемъ человѣческаго права, или грубѣйшимъ матеріальнымъ насиліемъ. Намъ можетъ предстоять великая борба, но никакой вѣрный и вѣрующій въ себя народъ, тѣмъ болѣе восьмидесятимилліонный, не поколеблется, когда придетъ время выйдти на эти темныя полчища.

До сихъ поръ у насъ есть люди, полагающіе, что слишкомъ большое государственное могущество влечетъ за собой, какъ прямое послѣдствіе, правительственную централизацію съ характеромъ военной дисциплины, что могущество противорѣчитъ свободѣ и развитію и потому его должно опасаться. Но въ этомъ замѣчаніи кроются, очевидно, два недоразумѣнія: одно въ опредѣленіи значенія слова «слишкомъ большое могущество», другое—въ смѣшеніи временъ и эпохъ. Слишкомъ большое могущесвво то, которое обременяетъ себя ненужнымъ, изъ славолюбія, еслибъ относительно оно даже и не было велико.

*) Въ двухъ словахъ—значеніе американскаго союза для насъ также велико въ политическомъ какъ и въ военномъ отношеніи. Въ политическомъ—потому что тутъ возможенъ для обоихъ *единственный* искренній союзъ, безъ оглядокъ. Въ военномъ—потому что мы служимъ, по качеству нашихъ силъ, естественнымъ дополненіемъ другъ другу, мы—отвлекая десанты отъ ихъ сомнительныхъ областей, они—отвлекая флоты отъ нашихъ береговъ. Наша слабость, при всей нашей силѣ, состоитъ въ томъ, что мы не можемъ сосредоточиваться, намъ приходится слишкомъ много занимать; задача исполнимая только въ случаѣ американскаго союза.

Слово это непримѣнимо къ великой державѣ, стремящейся осуществить свои историческія влеченія, такія влеченія, въ которыхъ оно находить законное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и внутреннимъ, и внѣшнимъ. Осуществленіе этихъ цѣлей можетъ сдѣлать могущество державы громаднымъ, но не сдѣлаетъ его слишкомъ великимъ, не скажется противодѣйствіемъ внутреннему развитію, потому что изъ него никогда не возникнетъ избытка силы, не находящей себѣ употребленія: сила будетъ только соотвѣтствовать ношѣ. Деспотизмъ, дѣйствительно оказывался всегда основнымъ характеромъ государствъ завоевательныхъ, отъ Римской имперіи до первой Французской, но потому именно, что онѣ были завоевательныя, потому что онѣ насильно налагали иго на чуждые народы. Піемонтъ же нисколько не сталъ деспотическимъ отъ того, что привлекъ къ себѣ Италію. Нѣтъ причины, чтобъ однородное съ этимъ историческое явленіе, хотя въ гораздо болѣе обширной рамкѣ, привело къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Работа самой жизни, когда люди не насилуютъ ея, а только содѣйствуютъ ей, не можетъ разрѣшиться ничѣмъ, кромѣ какъ жизнію, еще болѣе могучею, потому что она становится болѣе разнообразною. Никакой уважающій себя человѣкъ не захочетъ для своего отечества даже всемірнаго владычества, если оно должно быть сопряжено съ потерей или застоемъ, хотя бы малѣйшаго изъ его личныхъ человѣческихъ правъ. Отечество существуетъ только для гражданина. Но объ этомъ нѣтъ и вопроса; Россія можетъ стать путеводительницей своихъ родичей только въ той мѣрѣ, въ какой она сама явится способною къ полному человѣческому развитію, только просвѣщенная, прогрессивная и свободная Россія можетъ стать средоточіемъ славянскаго и православнаго міра. Россія, въ которой мы родились не закончившая еще своего воспитательнаго періода, могла манить къ себѣ Болгаръ, искавшихъ въ ней убѣжища отъ грабежа, отъ выкупа за голову, но она не могла манить образованныхъ и граждански обезпеченныхъ родичей. Теперь же въ нашемъ будущемъ сомнѣваться нечего. Прогрессивный ходъ русской исторіи очевиденъ, а съ 1855 года быстрота его бросается въ глаза. Мы единственный современный народъ, не сомнѣвающійся въ своей верховной власти. Систематическая реакція въ современной русской исторіи немыслима; а временныя задержки и даже минутные возвратные шаги, по поводу хотя бы первостепен-

ныхъ вопросовъ, тянутся цѣпью черезъ жизнь всякаго народа, даже американскаго. Равномѣрный ходъ исторіи отъ того не останавливается. Когда пароходъ несется на полныхъ парахъ, экипажъ не останетъ, прогуливаясь отъ носа къ кормѣ; въ то время, когда онъ сдѣлаетъ пятьдесятъ попятныхъ шаговъ, разбѣжавшееся судно умчитъ его на сто сажень впередъ.

Никакой сильный народъ не дозволитъ безъ сопротивленія, чтобы въ сферѣ его дѣйствія, а тѣмъ болѣе на его границахъ, происходили событія, послѣдствія которыхъ могутъ оказаться ему неблагопріятными. Но кромѣ этого побужденія къ дѣятельности, общаго всѣмъ великимъ державамъ, каждая изъ нихъ руководствуется при вмѣшательствѣ въ чужія дѣла побужденіями самобытными, совсѣмъ отличнаго характера, которыя поэтому никакъ не могутъ быть подведены подъ одинаковое освященіе справедливости и нравственности. Эгоизмъ массъ вездѣ кончаетъ признаніемъ справедливости всего что ему кажется полезнымъ. Но справедливость все-таки не остается пустымъ словомъ, даже въ международныхъ отношеніяхъ. Политическому обществу, какъ и отдѣльному лицу, трудно выдерживать искуственно принятую на себя роль, придавать напускнымъ или эгоистическимъ чувствамъ жизненность и могущество чувствъ сердечныхъ. Напротивъ того, народъ, глубоко убѣжденный въ своемъ правѣ, обладаетъ энергіей и настойчивостію, противъ которыхъ нелегко устоять безъ подавляющаго превосходства въ силахъ. Могущественная держава, стремящаяся къ осуществленію своихъ историческихъ видовъ, твердо ею сознанныхъ; въ силу одного этого сознанія уже на половину обезпечена въ успѣхѣ. Но международныя дѣла не рѣшаются безъ силы. Для полнаго успѣха нужны три вещи: ясное сознаніе цѣлей, проникающее общество сверху до низу; твердая воля, выражающаяся не порывомъ, а настойчивымъ, безустаннымъ дѣйстіемъ въ принятомъ направленіи; и военное устройство, соотвѣтствующее совокупности матеріяльныхъ и нравственныхъ силъ восьмидесятимилліоннаго народа.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Панцырныя войска.

Чрезъ всю исторію войнъ проходитъ явленіе, съ перваго взгляда почти необъяснимое,—несоразмѣрное вліяніе на успѣхъ кампаніи всякаго усовершенствованія, даже малозначительнаго, въ вооруженіи или строѣ, если имъ пользуется только одна сторона. Не было бы удивительно, если бы самый лучшій легіонъ Цезаря былъ разбитъ самымъ плохимъ современнымъ полкомъ: тутъ оказалось бы только слишкомъ большая несоразмѣрность въ разрушительныхъ средствахъ. Но совсѣмъ не легко объяснить, почему какое-нибудь второстепенное измѣненіе въ оружіи или въ строѣ, конечно выгодное, но не составляющее капитальной разницы отъ общепринятаго, можетъ поселить панику въ непріятельскихъ рядахъ. Натурально, всякое улучшеніе доставляетъ принявшей его сторонѣ выгоду, соразмѣрную съ своимъ значеніемъ, прибавляетъ нѣсколько процентовъ къ шансамъ ея на успѣхъ. Но дѣло этимъ не ограничивается. Если разъ въ чемъ-нибудь признано преимущество непріятеля, то слѣдствіемъ такого признанія бываетъ непремѣнно паника, въ большей или меньшей степени; войска идутъ въ бой безъ довѣрія къ себѣ, до битвы еще ждутъ пораженія, и потомъ этимъ преимуществомъ объясняютъ свои неудачи. Между тѣмъ никакое нововведеніе не достигаетъ сразу такой зрѣлости, чтобы составлять дѣйствительное, подавляющее преимущество. Все дѣло въ воображеніи. Такими нововведеніями, рѣшавшими побѣду, были поочереди: ружейные патроны при Густавѣ Адольфѣ; штыкъ въ арміи Людовика XIV; желѣзные

шомполы, введенные въ прусскую армію принцемъ Ангальтъ-Дессаусскимъ, разсыпанье стрѣлковъ—первыми французскими революціонными войсками, которые разсыпались потому только, что не умѣли строиться; нарѣзныя ружья нѣсколькихъ баталіоновъ въ первоначальныхъ дѣлахъ крымской войны; и наконецъ игольчатое прусское ружье. Смѣшно думать, чтобъ эти нововведенія, хотя полезныя, доставляли побѣду сами по себѣ, обезпечивали ее матеріяльно. Обращаясь къ нашему домашнему примѣру, къ крымской войнѣ, исходъ двухъ сраженій подъ Альмой и Инкерманомъ достаточно объясняется всѣмъ, чтò только можетъ вліять на участь боя. Но люди такъ созданы, что у насъ, какъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, стали объяснять неудачу не дѣйствительными ея причинами, а однимъ только обстоятельствомъ — оружіемъ. И въ войскѣ, и въ народѣ раздался общій вопль: съ нашимъ оружіемъ мы не можемъ побѣдить. Это заявленіе подѣйствовало; во второй разъ солдаты, наслышавшіеся о негодности своего оружія, шли въ бой, конечно, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ себѣ. Между тѣмъ нарѣзное оружіе было въ то время только опытомъ; подъ Альмой и Инкерманомъ съ нарѣзными ружьями стояли лишь нѣсколько французскихъ егерскихъ баталіоновъ Неужели застрѣльщичьи цѣпи, съ такими ружьями, могли дать положительный перевѣсъ непріятелю? Но тутъ произошло то же, чтò всегда происходитъ въ такомъ случаѣ. Мы приписали неудачу первой встрѣчи нарѣзнымъ ружьямъ нѣсколькихъ баталіоновъ; признавъ, что непріятель превосходитъ насъ въ этомъ отношеніи, мы потомъ дѣйствительно уже уступали ему, потому что такъ думали о немъ. То же вышло и въ нынѣшней богемской войнѣ. Австрійцы сдѣлали все, чтò люди могутъ сдѣлать, чтобы быть побитыми и, конечно, были побиты, самолюбіе требовало изворота. Игольчатыя ружья давали пруссакамъ, положимъ, пять процентовъ на 100 преимущества; этого было достаточно, чтобы свалить на ружья причину неуспѣха. Мнѣніе это быстро облетѣло армію. Въ началѣ, австрійцы, хорошо направленные, могли разбить пруссаковъ, несмотря на игольчатыя ружья, и потомъ все-таки отдать справедливость качеству этихъ ружей; но къ концу кампаніи, они считали себя какъ будто безоружными предъ противникомъ и потому положительно не были въ состояніи бороться съ нимъ. На-

добно обратить вниманіе на вновь возникающій въ Евро ѣ вопросъ объ оборонительномъ вооруженіи.

Во всѣхъ газетахъ было возвѣщено, что нѣкоторые прусскіе офицеры носили легкія, намагниченныя кольчуги, непробиваемыя пулей; потомъ стало извѣстно, что во французской арміи обращено вниманіе на этотъ предметъ. Недавно особый комитетъ въ Миланѣ испытывалъ непробиваемый войлокъ.

Теорія этого вопроса очень проста. Она состоитъ въ томъ: можетъ ли нынѣшнее искуство изобрѣсть такой покровъ, который, не обременяя человѣка сверхъ извѣстной мѣры, защищалъ бы его отъ пули? Если можетъ, то тутъ не о чемъ и разсуждать. Смотря по легкости такого покрова, надобно ввести его въ армію въ большей или меньшей пропорціи. Кто первый найдетъ и введетъ у себя такіе панцыри, тотъ будетъ владыкой Европы. Паника, производимая до сихъ поръ въ рядахъ противниковъ всякими новыми усовершенствованіями,— нарѣзными скорострѣльными ружьями, нарѣзными пушками и разными смертоносными снарядами, ничего не значитъ противъ паники, которую произведетъ атака неуязвимымъ для ружейнаго огня фронтомъ, хотя бы у непріятеля оказалось лишь нѣсколько панцырныхъ полковъ. Послѣ первой такой атаки, сторонѣ, не имѣющей покуда панцырей, останется только немедленно и во что̀ бы ни стало подписать миръ, чтобы не доводить себя до худшаго. Этотъ вопросъ занимаетъ меня уже лѣтъ двадцать, потому что, около двадцати лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ и испытывалъ такую рубашку и очень хорошо понялъ эффектъ, который она можетъ произвести на войнѣ. Съ тѣхъ поръ я много разъ говорилъ объ этомъ съ боевыми людьми; но привычка въ человѣкѣ слишкомъ сильна, а привычка презирать оборонительное оружіе длится уже триста лѣтъ. Немногіе соглашались со мной. Одинъ говорилъ, что и персіяне утверждаютъ, что они были бы очень храбры на войнѣ, еслибы не боялись быть убитыми; другой отвѣчалъ, что храбрый человѣкъ долженъ разстегнуть даже полотняную рубашку; на вотъ, дескать, бей, покуда я не дошелъ, за то ужь берегись, когда дойду. Убѣжденіе мое не поколебалось однакожь отъ такихъ аргументовъ. Увлеченіе личной храбрости и трехсотлѣтняя привычка смотрѣть на предметъ съ извѣстной точки не могутъ поколебать факта, яснаго какъ день, состоящаго въ томъ, что всякое признанное преимущество на сторонѣ непрія-

теля сейчасъ же производитъ недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ панику на противной сторонѣ. Конечно, наши полки въ Крыму не уступали въ смѣлости никакимъ другимъ; конечно защитники Севастополя глядѣли въ глаза смерти такъ смѣло, какъ только можетъ глядѣть человѣкъ; безъ сомнѣнія, и австрійскія войска не трусливы. Но когда оказалось, что нарѣзныя ружья даютъ преимущество французамъ, а скорострѣльныя—пруссакамъ, то и въ нашихъ, и въ австрійскихъ рядахъ родилось сомнѣніе: возможно-ли взять верхъ надъ врагомъ? А безъ увѣренности, или по крайней мѣрѣ безъ сильной надежды одержать побѣду, бой немыслимъ, развѣ со стороны горсти смѣльчаковъ, засѣвшихъ на смерть по какому-нибудь особенному поводу. Тутъ дѣйствуетъ не страхъ смерти. Храбрый полкъ лезетъ на стѣну, съ которой смерть низвергается на него во всѣхъ видахъ, идетъ на картечь и доходитъ, хотя двѣ трети людей иногда умащиваютъ своими тѣлами путь его. Но если тотъ же самый безстрашный полкъ придетъ къ убѣжденію, правильному или ложному, все равно, что непріятель обладаетъ предъ нимъ какимъ-либо явнымъ преимуществомъ, онъ пойдетъ впередъ, какъ ходятъ на казнь, съ увѣренностію погибнуть, и не обманется въ ожиданіи. Когда бой идетъ между массами, то изъ двухъ противниковъ, употребляющихъ всевозможныя усилія для одержанія побѣды, беретъ верхъ тотъ, кто болѣе надѣется на себя. Но можно ли сравнить впечатлѣніе, производимое большею дальностію или быстротой огня противника съ впечатлѣніемъ, которое произведетъ на другую сторону его неуязвимость? Въ суматохѣ боя процентъ пуль, попадающихъ изъ нарѣзныхъ ружей, немногимъ больше, чѣмъ изъ гладкоствольныхъ; главная разница состоитъ въ томъ, что первыя бьютъ на болѣе далекомъ разстояніи. Если же нѣсколько лишнихъ долей на этомъ процентѣ попавшихъ пуль производятъ такое потрясающее нравственное дѣйствіе, то какое дѣйствіе окажетъ мнѣніе, что непріятель можетъ бить насъ безнаказанно, что его пули для насъ смерть, а наши для него горохъ? Безъ сомнѣнія, такая мысль всегда будетъ преувеличенной; чтобы человѣка сдѣлать неуязвимымъ, надобно было бы зашить его въ непробиваемый мѣшокъ; можно защитить только жизненныя части тѣла. Но и этого довольно. Еслибъ обнаружилось, что непріятеля, который бьетъ насъ наповалъ, можно только ранить, или если бы броня оказалась непроби-

ваемою лишь на нѣкоторомъ разстояніи, на 100 или на 150 шаговъ, то и этого было бы достаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое состязаніе между двумя сторонами. Воображеніе возвело бы дѣйствительность въ чудовищные размѣры. Можно сказать навѣрное: одной панцырной дивизіи достаточно на трехъ-сотъ-тысячную армію, чтобы рѣшить безъ колебанія генеральное сраженіе. Участь всякаго боя рѣшается на одномъ какомъ-либо пунктѣ; панцырная дивизія оказала бы на этомъ пунктѣ такое же дѣйствіе, какъ броненосное судно на деревянный флотъ. Нѣкоторые замѣтятъ: сосредоточивъ батареи, можно разстрѣлять эту дивизію картечью, противъ которой не устоитъ ни одинъ панцырь. Но отчего же не всегда разстрѣливаютъ обыкновенныя, незащищенныя дивизіи, отчего не могутъ имъ воспрепятствовать брать позиціи? Панцырь же, отбивающій пулю, не выдержитъ картечи только на очень близкомъ разстояніи.

Не можетъ быть никакой рѣчи о тягости латъ. Европейская пѣхота скинула ихъ только два съ половиной вѣка тому назадъ, не потому чтобъ онѣ оказались неудобны, а потому что онѣ не защищали отъ пули: не къ чему было обременять себя. До тѣхъ поръ, въ продолженіе тысячелѣтій, вся регулярная пѣхота ходила въ латахъ, отъ греческихъ оплитовъ до ландскнехтовъ XVI вѣка. Римскій легіонеръ, кромѣ тяжелаго наступательнаго оружія, ранца и провіанта, несъ на себѣ шишакъ; панцырь, щитъ и колъ для составленія лагернаго частокола. Между тѣмъ римскіе воины не были силачи; даже въ учебникахъ исторіи говорится, что они уступали силой варварамъ; тѣмъ не менѣе съ такою ношей они совершали изумительные форсированные переходы. Тутъ дѣло въ привычкѣ. Французы, народъ вообще малосильный, не выходятъ на ученье иначе, какъ съ полнымъ ранцемъ, и однакожь, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ, совершаютъ всѣ эволюціи бѣгомъ· Вѣсъ нашего ранца можетъ быть уменьшенъ на треть. При этомъ условіи, для крѣпкаго человѣка, латы въ 15 фунтовъ не составятъ обремененія. На средне-вѣковомъ ландскнехтѣ онѣ вѣсили около 35 фунтовъ.

Вопросъ все-таки въ томъ: можно ли смастерить непробиваемый пулей панцырь, вѣсъ котораго былъ бы подъ силу пѣхотинцу, хотя преображенцу? Я говорю утвердительно: можно, потому что самъ видѣлъ и испытывалъ такой пан-

цырь. Теперь говорятъ о намагниченной кольчугѣ: не отрицая ея положительно, я ей не повѣрю, пока не увижу. На Кавказѣ можно найдти довольно кольчугъ; я ихъ испытывалъ много разъ, при томъ самыя надежныя, и всякій разъ опытъ показывалъ одно и то же, пуля пробиваетъ въ оба конца прочнѣйшую кольчугу, даже на мягкой подкладкѣ. Не понимаю, что тутъ можетъ сдѣлать намагничиваніе. Но я видѣлъ непробиваемый ружейною пулей войлочный панцырь. Лѣтъ двадцать тому назадъ, одновременно были сдѣланы въ газетахъ два объявленія о такихъ панцыряхъ, одно изъ Милана, другое изъ Ирландіи. По просьбѣ одного изъ моихъ пріятелей, азіятскаго владѣльца, я выписалъ для него такой панцырь и вмѣстѣ съ нимъ испытывалъ его. Панцырь состоялъ изъ рубашки, опускавшейся ниже паховъ, съ широкими рукавами, застегивающимися у кисти; онъ топырился какъ картонъ и вѣсилъ 15 фунтовъ. Стрѣляли мы въ него, правда, небольшою пулей, калибра азіятской винтовки, хватавшей однакожь на 800 шаговъ. Пуля рѣдко отскакивала или скользила, но по большей части падала послѣ удара мертвою. Мы стрѣляли и по человѣку, одѣтому въ этотъ панцырь, причемъ контузія была незамѣтна. Я слышалъ, хотя не могу поручиться за вѣрность слуха, что еще ранѣе того времени, въ одномъ изъ петербургскихъ манежей былъ офиціяльно испытываемъ такой же панцырь и съ такими же результатами. Недавно было объявлено въ газетахъ, что панцырный войлокъ, испытанный въ Миланѣ и оказавшійся непробиваемымъ для пули, вѣситъ семь разъ менѣе желѣзнаго листа такой же силы сопротивленія. Даже обыкновенный войлокъ, намоченный и сложенный вдвое, можетъ отражать пулю. Тушины (кавказское племя) носятъ войлочныя шапки, поля которыхъ загнуты къ верху, въ видѣ околышка; много разъ было замѣчено, что, послѣ дождя, пуля горской винтовки не пробиваетъ такую шапку. Безъ сомнѣнія, въ панцырной рубашкѣ, которую я видѣлъ, влажность войлока была замѣнена какимъ-нибудь искуственнымъ средствомъ.

Теперь, когда зашла уже рѣчь о панцырѣ, когда несомнѣнно, что можетъ быть изготовленъ достаточно легкій панцырь, отражающій пулю, можно быть увѣреннымъ, что не сегодня, такъ завтра, на одномъ изъ европейскихъ полей сраженія, явятся вдругъ, съ какой-нибудь стороны, панцырные полки: для противоположной стороны сраженіе это будетъ

имѣть исходъ Кениггреца, а можетъ-быть еще гораздо худшій, такъ какъ паника отъ неуязвимости непріятеля будетъ, конечно, сильнѣе чѣмъ отъ быстроты его огня. Гораздо лучше быть въ этомъ случаѣ стороной удивившею, чѣмъ стороной удивленною. Вся выгода будетъ на сторонѣ принявшей иниціативу. Вопросъ о панцырѣ, такой вопросъ, въ которомъ чужой умъ и примѣръ ничего не значатъ. Если существуетъ на свѣтѣ достаточно легкій непробиваемый панцырь, то надобно только испытать дѣйствительно ли онъ легокъ и непробиваемъ, и затѣмъ ввести его хоть на гвардію, состоящую изъ самыхъ сильныхъ людей, расходъ въ такомъ случаѣ не можетъ быть препятствіемъ. Содержаніе арміи обходится намъ до 170 милліоновъ рублей ежегодно; восточная война стоила около 600 милліоновъ рублей; конечно, всякій русскій согласился бы съ радостію, чтобъ она обошлась въ 700 милліоновъ, но кончилась полнымъ торжествомъ. Для государства опасенъ постоянный сверхсмѣтный расходъ, а не одиночная издержка на необходимый предметъ, тѣмъ болѣе что издержка эта никакъ не можетъ быть велика. Еслибы панцырь обошелся даже въ 50 руб., то на 25.000 войска было бы нужно 1.250.000 р. сер. Предметъ же этотъ важенъ именно для насъ, несравненно болѣе чѣмъ для всякаго другаго. У насъ нѣтъ боеваго офицера, извѣдавшаго войну, который бы сомнѣвался въ рѣшительномъ нашемъ превосходствѣ въ рукопашномъ бою, въ прямомъ столкновеніи массъ, противъ какого бы то ни было противника. Но вмѣстѣ съ этимъ слышится и сомнѣніе, доведется ли часто работать штыкомъ, удастся ли преодолѣть огонь непріятеля, чтобы слѣпиться съ нимъ? Въ этомъ отношеніи сомнѣніе точно позволительно. Русскіе солдаты идутъ на огонь безстрашно, но дѣло не въ томъ. Въ сраженіи гораздо болѣе стрѣляютъ чѣмъ рѣжутся; тотъ чей огонь, по какой бы ни было причинѣ, сильнѣе и вѣрнѣе, беретъ верхъ во все продолженіе, боя, хоть на нѣсколько процентовъ. Рѣшительная атака можетъ сломить сильнѣйшаго огнемъ противника и дать намъ побѣду, но можетъ и не сломить, можетъ быть парализована его стойкостію или искуснымъ употребленіемъ резервовъ; между тѣмъ постоянный перевѣсъ въ огнѣ, въ каждую минуту боя, составляетъ въ суммѣ столь рѣшительное преимущество, что оно должно имѣть вліяніе на исходъ боя. Сколько бы ни говорили французы о своемъ штыкѣ, онъ

все-таки служитъ имъ лишь подспорьемъ, хотя и весьма важнымъ. Наша же армія, со временъ Петра Великаго и до сего дня, никогда не брала верхъ надъ непріятелемъ иначе какъ штыкомъ. Въ военной исторіи другихъ народовъ встрѣчаются поминутно, въ каждомъ сраженіи, славные успѣхи, пріобрѣтенные огнемъ: то мѣткій огонь стрѣлковъ сбилъ непріятеля, то баталіонъ подошелъ ко врагу на 50 шаговъ и заставилъ его бѣжать однимъ разрушительнымъ залпомъ, то атакующая масса опрокинута хладнокровною пальбой развернутой линіи. Въ нашей военной исторіи такихъ эпизодовъ почти нѣтъ. Наши баталіоны идутъ на врага затѣмъ чтобы бить его въ рукопашную, а не затѣмъ, чтобы стрѣлять въ него на близкой дистанціи; они, конечно, встрѣчаютъ атакующаго непріятеля ружейнымъ огнемъ, но не ждутъ его на выстрѣлъ въ упоръ, какъ другіе, а подпустивъ на небольшое разстояніе, сами бросаются на встрѣчу ему. Притомъ русскій солдатъ ненавидитъ огневой бой, недовѣряетъ начальнику, который заставляетъ его долго вести перепалку, и вѣритъ только рукѣ своей, штыку и прикладу. Онъ знаетъ себя по сердцу гораздо лучше тактиковъ его обучающихъ. Нашъ Суворовъ говаривалъ: „пуля дура, штыкъ молодецъ". Геніальный полководецъ, нѣмецкій или другой, никогда не сказалъ бы этихъ словъ, потому что геніальный полководецъ понимаетъ духъ своей арміи, а такой духъ живетъ только въ русскомъ солдатѣ. Къ побѣдѣ много разныхъ путей; для каждаго энергическаго народа есть свой. Русскій солдатъ—рукопашный боецъ, а не стрѣлокъ; онъ становится стрѣлкомъ, какъ кавалеристомъ, только на половину; онъ мѣшкотенъ, довольно тяжелъ и вполнѣ рѣшителенъ только въ кучѣ, съ товарищами. Знаменитый горскій партизанъ Гаджи-Мурадъ говаривалъ: «странный человѣкъ русскій солдатъ! въ одиночку ничего не стôитъ противъ лезгина, а когда ихъ соберется кучка въ десять человѣкъ, чортъ съ ними не справится». Десять человѣкъ, это не фронтъ; за такою кучкой нѣтъ никакого преимущества регулярнаго войска, въ ея силѣ выражается только складъ народнаго характера: „на міру и смерть краса",—именно складъ не одиночнаго стрѣлка, а фронтоваго рукопашнаго бойца. Армія, сильная своимъ огнемъ, отличается совсѣмъ другимъ характеромъ. Въ нынѣшнее царствованіе русская пѣхота усвоила себѣ стрѣлковое дѣло въ удовлетворительной степени, но только въ удовлетворительной; упроще-

ніемъ обученія стрѣльбѣ можно подвинуть ее еще на одинъ шагъ, но на немъ она остановится; на то есть много причинъ и въ народномъ характерѣ, въ складѣ русскаго человѣка, и въ степени развитости нашихъ офицеровъ. Говорю по убѣжденію своему и многихъ: едва ли когда-нибудь наша армія вполнѣ сравняется своимъ огнемъ съ хорошими арміями европейскими; но при ея несомнѣнномъ превосходствѣ въ рукопашномъ бою объ этомъ нечего жалѣть: каждому свой талантъ, и намъ едва ли было бы выгодно помѣняться. Замѣчательно, что тѣмъ же свойствомъ отличались римляне: они брали только грудью, между тѣмъ какъ ихъ легкія войска всегда были хуже непріятельскихъ. Въ первой войнѣ, несмотря на смертоносность нынѣшняго огнестрѣльнаго оружія, намъ все-таки придется идти на проломъ, не только въ рѣшительную минуту боя, какъ всѣмъ, но часто, всякій разъ, когда нужно будетъ осадить непріятеля: придется все-таки разчитывать преимущественно на штыки, иначе мы не возьмемъ верха. Но при такомъ способѣ дѣйствій, выливающемся изъ народныхъ свойствъ, надобно серіозно подумать (если только представляется къ тому какая-либо возможность), нельзя ли ослабить чѣмъ-нибудь разрушительность непріятельскаго ружейнаго огня, а такое средство представляется, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ отборныхъ войскъ, рѣшающихъ бой. Не говорю уже о сокрушающемъ впечатлѣніи новизны, еслибы мы первые выставили на поле битвы пѣхотные панцырные полки, или еслибы мы выставили ихъ въ большемъ количествѣ; но намъ выгодно, чтобы всѣ европейскія арміи одѣлись въ броню, вслѣдствіе чего штыкъ съ прикладомъ снова возьмутъ верхъ надъ огнемъ, или, по крайней мѣрѣ, уравновѣсятъ его шансы. Все что можетъ возвысить значеніе холоднаго оружія въ ущербъ огнестрѣльному, пойдетъ въ пользу намъ, рукопашному войску.

Панцырь долженъ защищать жизненныя части тѣла, ударъ въ которыя сейчасъ же сваливаетъ человѣка,—грудь, животъ, голову. Нашъ солдатъ не боится раны, при увѣренности, что пуля не убьетъ его сразу, онъ пойдетъ на нее какъ на игру въ снѣжки. Въ холодное время пѣхотинецъ можетъ совершать походъ въ латахъ; въ жаркое время нѣтъ надобности имѣть ихъ на тѣлѣ, онѣ могутъ быть прилажаны къ ранцу какъ вьюкъ и надѣваться предъ боемъ. Въ пѣхотѣ панцырь можетъ быть надѣтъ только на отборные полки—вопервыхъ потому что

такое дорогое войско должно быть надежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; потомъ оно должно состоять изъ крѣпкихъ людей, которые легко снесутъ добавочную тяжесть панцыря, его слѣдуетъ сберегать для рѣшительной минуты, и для того держать въ резервѣ,—такимъ образомъ люди будутъ менѣе утомлены походомъ. Этимъ условіямъ отборнаго, наиболѣе сберегаемаго войска у насъ соотвѣтствуетъ только гвардія,—къ ней и долженъ быть примѣненъ панцырь. *) По своей многочисленности наша гвардія достаточна, чтобъ рѣшить въ послѣдній часъ сраженія какую бы то ни было битву гигантовъ; она будетъ въ походѣ сбережена лучше другихъ войскъ; люди въ ней будутъ менѣе утомляться,—все что нужно. Даже самое назначеніе подобнаго резерва—идти на огонь безъ оглядки и массою вломиться въ непріятельскія линіи, для чего требуется отвага и высокоразвитое честолюбіе, болѣе чѣмъ боевая опытность—совершенно подходитъ къ духу нашей гвардіи. Поэтому, если панцырь дѣйствительно легокъ и непробиваемъ, какъ несомнѣнно докажетъ первый опытъ, то въ него слѣдуетъ одѣть, сначала и исключительно, гвардейскую линейную пѣхоту; 24 батальіона такихъ панцырниковъ обезпечиваютъ, покуда, исходъ всякой битвы.

*) Со временемъ—кто знаетъ—можетъ быть большая часть арміи надѣнетъ панцырь; но покуда только отборныя войска могутъ быть панцырными. Кромѣ гвардіи у насъ нѣтъ другаго отборнаго войска; его можно было бы сформировать изъ самыхъ крѣпкихъ людей, какъ формировали прежде гренадеръ,—но тутъ является чрезвычайно спорный вопросъ: что перевѣшиваетъ въ отборныхъ войскахъ—польза или вредъ? Польза, вслѣдствіе того, что они даютъ арміи устой, котораго безъ нихъ нельзя достигнуть; или вредъ—такъ какъ выборъ людей ослабляетъ въ извѣстной степени всю армію, что отзывается наконецъ, на каждой ротѣ? Въ защиту той и другой стороны дѣла можно привести самые убѣдительные аргументы. По всей вѣроятности, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ общимъ образомъ,—для одной арміи будетъ лучше такъ, а для другой иначе, смотря по ихъ духу и потому какъ онѣ первоначально складываются. У насъ—главные военные авторитеты противъ отборныхъ войскъ,—стало быть, нечего объ этомъ говорить. Но отборное войско—гвардія, существуетъ налицо и вѣроятно долго будетъ существовать, а потому все что было сказано объ отборныхъ войскахъ въ статьяхъ *Русскаго Вѣстника* остается при ней. Если панцырь признается годнымъ по своимъ качествамъ, то войско къ которому онъ больше всѣхъ примѣняется, разумѣется, гвардейская линейная пѣхота. Можно думать что если панцырь разъ будетъ введенъ, то употребленіе его распространится далѣе; въ такомъ случаѣ можно будетъ сформировать панцырную роту, въ каждомъ пѣхотномъ полку и сводить эти роты между собою, какъ окажется лучшимъ. Но это еще въ будущемъ. Довлѣетъ дневи злоба его.

По моему понятію, слѣдуетъ дать панцырь линейной кавалеріи; у насъ же вся строевая кавалерія должна быть линейною. Наша легкая конница—казаки и другіе природные всадники, о чемъ достаточно сказано въ предшествующихъ письмахъ. Мѣрило достоинства линейной кавалеріи—способность къ атакѣ на пѣхоту. Строй, опрокидывающій каре, опрокинетъ всякую конницу. Но атаковать съ успѣхомъ пѣхоту, при нынѣшнемъ состояніи огнестрѣльнаго оружія, могутъ только панцырники; лишь отъ нихъ можно ожидать, что они не затянутъ поводьевъ и ударятъ съ разскока. Кромѣ того, какъ доказываетъ опытъ послѣднихъ войнъ, всадники безъ брони съ трудомъ даже съѣзжаются съ пѣхотой. Надобно или отказаться навсегда, въ какомъ бы то ни было случаѣ, отъ прямой атаки на неразстроенную пѣхоту, то-есть забыть всѣ кавалерійскія преданія, или дать конницѣ панцырь. Лошади у нашей строевой конницы должны быть сильныя; для сильной лошади, при облегченной сѣдловкѣ, какова казачья, обремененіе лишними 15-ю фунтами не составляетъ слишкомъ многаго; тѣмъ болѣе, что самая утомительная конная служба въ нашей арміи падаетъ на иррегулярные, а не на линейные полки, которые, по большей части, будутъ идти пѣхотнымъ походомъ съ массой. Кромѣ панцыря, всей конницѣ строевой и нестроевой нужно дать налокотники. Пара стальныхъ налокотниковъ такъ легка, что вѣсъ ея почти нечувствителенъ; а между тѣмъ налокотникъ, особенно лѣвой руки, защищаетъ всадника гораздо больше, чѣмъ каска или эполеты. Человѣкъ невольно закрываетъ себя отъ поднятой сабли лѣвою рукой; оттого половина сабельныхъ ударовъ приходится около локтя, вслѣдствіе чего сейчасъ же нѣмѣетъ рука до плеча и кавалеристъ долженъ выйдти изъ боя. Съ налокотниками, ловкій всадникъ можетъ отбиться отъ нѣсколькихъ. Давно уже пора намъ, хоть вслѣдствіе близкаго знакомства, перенимать кавалерійскіе обычаи у черкесовъ, а не у ганноверцевъ.

Конно-артиллерійскій панцырь нуженъ для того, чтобы конная артиллерія успѣла разстрѣлять пѣхоту прежде, чѣмъ та ее разстрѣляетъ. Конная артиллерія дѣйствуетъ разрушительно только на самый близкій картечный выстрѣлъ. Я видѣлъ своими глазами, какъ дивизіонъ смѣлѣйшей конной батареи, какая только можетъ быть въ свѣтѣ, подлетѣвъ къ непріятельскому баталіону, былъ уничтоженъ однимъ залпомъ

не успѣвъ нанести непріятелю чувствительный вредъ; вся прислуга повалилась разомъ. При нынѣшнихъ нарѣзныхъ ружьяхъ такіе случаи будутъ повторяться безпрестанно. Не бѣда, если пули перебьютъ лошадей. Конныя орудія все-таки разстрѣляютъ непріятеля и сильно помогутъ идущимъ за ними конницѣ или пѣхотѣ; но если преждевременно перебьютъ людей, то жертва останется напрасною. Обремененіе конно-артиллерійской строевой лошади лишними 15-ю фунтами не составляетъ большаго разсчета. Въ этомъ родѣ оружія упряжныя лошади утомляются всегда скорѣе строевыхъ; послѣднія даже съ этою прибавкой наши будутъ еще скакать, когда первыя уже опѣшаютъ.

Панцырь нуженъ также тѣмъ пѣхотнымъ офицерамъ, которые, по положенію, выѣзжаютъ во фронтъ верхомъ,—штабъ-офицерамъ и адъютантамъ. Нельзя командовать батальіономъ пѣшкомъ: начальникъ долженъ быть виденъ всѣмъ людямъ; ѣхать же верхомъ одному, посреди тысячи пѣшихъ людей, подъ штуцернымъ огнемъ, слишкомъ рискованная вещь. Тутъ дѣло не въ жизни одного человѣка; всякій боевой человѣкъ, вступая въ сраженіе, идетъ на смерть и не долженъ думать о себѣ; но внезапная смерть начальника, почти всегда ведетъ за собой разстройство части, иногда положительный неуспѣхъ атаки по этой причинѣ. Въ бою никто не долженъ щадить себя, въ этомъ условіе успѣха; но второе условіе, не менѣе важное, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности предохранить войска отъ путаницы, почти всегда слѣдующей за смертію начальниковъ. Сказанное о верховыхъ пѣхотныхъ офицерахъ распространяется, конечно, и на другіе высшіе чины; разстройство въ дивизіи опаснѣе, чѣмъ въ батальіонѣ, а разстройство въ корпусѣ опаснѣе обоихъ. До XVIII вѣка, пока еще вѣрили средневѣковымъ латамъ, всѣ генералы носили полное рыцарское оборонительное вооруженіе.

Панцырь можетъ многое измѣнить въ современномъ военномъ дѣлѣ; но никому онъ такъ не сруки какъ намъ; панцырь это торжество штыка и копья, русскаго плеча надъ заморскою хитростію пули.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Кирасиры.

Кирасиры существуютъ во всѣхъ большихъ европейскихъ арміяхъ. Они, очевидно, остатокъ старинной, закованной въ латы, дворянской конницы рыцарей. Преимущественное назначеніе ихъ—опрокидывать густыя массы пѣхоты и кавалеріи, но главнѣйше пѣхоты. Для этой цѣли они носятъ латы, защищающія ихъ, какъ преполагается, отъ ружейнаго выстрѣла; для этого же даны имъ сильныя лошади, которыя могутъ съ разлета опрокинуть нѣсколько рядовъ пѣхотинцевъ. Вопрос о кирасирахъ сталъ въ послѣднее время спорнымъ. Одни говорятъ, что при нынѣшнемъ могуществѣ ружейнаго огня кирасиры стали нужнѣе, чѣмъ прежде, что опытъ послѣднихъ войнъ убѣдительно доказываетъ неспособность обыкновенной легкой кавалеріи не только атаковать пѣхоту съ успѣхомъ, но даже сойдтись съ нею. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что существованіе кирасиръ противорѣчитъ первому условію всякой кавалеріи—быстротѣ, такъ какъ они, по тяжести коней и вооруженія, именно быстротой и не обладаютъ.

Мнѣ кажется, этотъ споръ очень похожъ на знаменитый споръ двухъ рыцарей о щитѣ, который былъ съ одной стороны позолоченъ, а съ другой посеребренъ; еслибы противникц дали себѣ трудъ обмѣняться на минуту мѣстами, или точками зрѣнія, то не изъ чего было бы спорить. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ кирасиръ можно обойтись; но нѣтъ сомнѣсія также, что настоящіе кирасиры, въ небольшомъ числѣ, могутъ быть очень полезны; только настоящихъ кирасиръ те-

перь нигдѣ не существуетъ, ни по качеству людей, ни по качеству лошадей, ни по качеству вооруженія.

Ясно, что еслибъ у одной изъ враждующихъ сторонъ было хоть самое небольшое число кавалеріи, способной почти навѣрное врубиться въ пѣхоту, эта сторона обладала бы великимъ преимуществомъ. Теперь не такъ какъ въ древности, побѣда принадлежитъ не тому, кто успѣетъ въ данное время вырѣзать наибольшее число людей во вражескихъ рядахъ, а тому, кто пѣрвый съумѣетъ разстроить нервы противника. Регулярная линія какъ плотина—достаточно проткнуть ее соломинкой и дать водѣ литься, и чрезъ нѣсколько времени вода снесетъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, что на Гроховомъ полѣ, въ 1830 году, еслибъ атака полка принца Альберта была поддержана, мы разрѣзали бы польскую армію пополамъ, и этотъ день кончилъ бы войну. Гдѣ только мѣстность позволяетъ кавалеріи дѣйствовать, тамъ, съ настоящими кирасирами, можно на полчаса, когда угодно, взять верхъ надъ непріятелемъ; для рѣшительнаго главнокомандующаго этого времени, распространяющаго недоумѣніе во вражескихъ рядахъ, достаточно чтобъ утвердить за собой побѣду. Но что̀ такое настоящіе кирасиры?

Существуетъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Сильная и смѣлая кровная лошадь, подобная англійскому гантеру, пущенная въ карьеръ, сбиваетъ съ ногъ безъ затрудненія шесть человѣкъ, стоящихъ одинъ за другимъ — глубину фронта пѣхотнаго каре; но только въ такомъ случаѣ, когда сѣдокъ не задерживаетъ поводьевъ. Извѣстна атака лорда Понсомби при Ватерлоо. Французы стояли колоннами изъ цѣлой дивизіи, стало-быть густыми массами, безъ пустоты въ серединѣ, проникнуть въ которыя было чрезвычайно трудно. Но англійская кавалерія разнуздала своихъ лошадей и, вонзивъ имъ шпоры въ бока, влетѣла въ эту гущу людей какъ пушечное ядро. Подобныя атаки чрезвычайно рѣдки, но самый фактъ повторится неизмѣнно, кавалерія всякій разъ врубится въ пѣхоту, несмотря ни на какое геройство послѣдней, при двухъ условіяхъ: 1) чтобы лошади были сильныя и кровныя, то-есть безстрашныя и притомъ совершенно свѣжія, не утомленныя походомъ; 2) чтобъ онѣ были пущены въ разлетъ, какъ въ послѣднюю минуту скачки, чтобъ ни одна рука не затянула поводьевъ; разлетѣвшаяся лошадь не можетъ остановиться вдругъ, еслибъ и захотѣла; броситься въ сторону ей некуда во фронтѣ.

Оба эти условія были соблюдены при атакѣ лорда Понсомби. Лошади были кровныя и совершенно свѣжія, такъ какъ сраженіе произошло посреди расквартированія англійской арміи; ни одна рука не задержала ихъ разлета, потому что они были разнузданы. Обыкновенно же кавалерійскія атаки на пѣхоту бываютъ только пародіей вышеприведенной. Посредственныя, вовсе не пылкія лошади, заѣзженныя въ манежѣ, повинующіяся малѣйшему движенію пальцевъ, въ добавокъ измученныя походомъ, подъ всадниками не сросшимися съ конемъ, конечно не врѣжутся въ хладнокровную пѣхоту. Даже отчаянная атака лорда Лукана у Балаклавы только пронеслась сквозь наши линіи, но не прорѣзала ихъ. Между тѣмъ, чтобы кавалерійская атака произвела свое дѣйствіе, конница должна проникнуть въ глубь непріятельскихъ линій не сквозь интервалы, а черезъ тѣла пѣхотинцевъ; эти линіи смутятся непремѣнно, видя въ тылу у себя кавалерію, которую даже фронтъ не могъ остановить; пользуясь этою минутой, ихъ легко опрокинуть. Нельзя сомнѣваться въ пользѣ кавалеріи, которая можетъ наносить такіе удары, хотя бы она состояла лишь изъ нѣсколькихъ эскадроновъ; нельзя спорить также противъ того что къ подобному дѣлу пригодны одни кирасиры, крѣпкіе всадники на большихъ, сильныхъ и горячихъ лошадяхъ. (Въ сраженіи подъ Кюрукъ-Дара половина Нижегородскаго полка легла на одномъ каре штуцернаго батальіона, прежде чѣмъ покончила съ нимъ, вслѣдствіе того только, что лошади не были довольно сильны, чтобы сразу прошибить грудью кучу тѣсно сжавшихся людей). Одной кирасирской дивизіи, способной сдѣлать свое дѣло, достаточно на полумилліонную армію, а потому тутъ нечего щадить издержекъ; надобно или довести кирасиръ до такого совершенства, или не держать ихъ вовсе.

Очевидно, первое условіе совершенства кирасиръ состоитъ, повторяемъ, въ томъ, чтобы подъ ними были лошади очень сильныя, непремѣнно кровныя (не кровная лошадь не обладаетъ достаточною рѣшимостію) и вполнѣ свѣжія въ минуту атаки. Перваго пункта условія достигнуть не трудно: случка самыхъ крупныхъ донскихъ и новороссійскихъ кобылъ съ кровными жеребцами дастъ эту породу; удовлетворить второму пункту можно только тѣмъ, чтобы посадить кирасиръ, для кампаніи, на запасныхъ лошадей-подъѣздковъ, прикомандировавъ къ каждому полку двѣ иррегулярныя сотни въ видѣ ко-

новодовъ. Расходъ на подъѣздковъ для 16-ти эскадроновъ невеликъ въ военное время, когда сотни милліоновъ тратятся для достиженія цѣли. Боевые кони должны быть пылкими, цѣльными и заносчивыми, чуждыми манежной выѣздки, иначе они никогда не ворвутся въ каре. Они должны быть пріучены мчаться прямо на всякое препятствіе, на огонь и на штыки, по-суворовски; но въ этомъ случаѣ, я полагаю, гораздо безопаснѣе замѣнять на ученьи людей куклами.

Второе условіе, безъ котораго можно было обойдтись скорѣе прежде, чѣмъ теперь, чтобы кирасиры были дѣйствительно защищены своимъ оборонительнымъ оружіемъ отъ пули: иначе если не подобрать ихъ поголовно изъ старинныхъ паладиновъ, они затянутъ поводья и разлету не будетъ. Теперь огонь изъ нарѣзныхъ ружей открывается на кавалерію издалека, сильную лошадь не сразу свалишь пулей, если ударишь не въ мозгъ или сердце,—раненая, она все таки доскачетъ до фронта; человѣка же всякій ударъ въ тѣло, даже не смертельный. сваливаетъ непремѣнно. Кавалерія можетъ быть разстроена еще издали мѣткимъ огнемъ, подбивающимъ сѣдоковъ. Надобно, чтобъ у кирасира были закрыты всѣ части тѣла, ударъ, въ которыя причиняетъ смерть или рану, сейчасъ же выводящую изъ строя, — голова, грудь и животъ. Кирасировъ надобно, по моему мнѣнію, одѣть съ ногъ до головы въ непробиваемый войлокъ; къ панцырю прибавить рукава и наножники, къ шишаку наличникъ; кромѣ того надѣть на боеваго коня наголовникъ и нагрудникъ такого же войлока чтобы защитить мѣста, въ которыя лошадь можетъ быть сражена разомъ, прежде чѣмъ домчится до фронта. При подъѣздкѣ, служащемъ для перехода, ни войлочный панцырь въ 20 фунтовъ, ни тяжесть вооруженія всадника не могутъ обременить сильнаго и свѣжаго кирасирскаго коня; ударъ же кирасировъ, (конечно хорошо подобранныхъ и обученыхъ) будетъ по большей части рѣшительнымъ.

Немудрено подобрать въ Русской Имперіи подходящихъ людей на 16 эскадроновъ, вербовкою или выборомъ изъ природныхъ ѣздоковъ, или изъ другихъ людей, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ кавалерійской службы. Сказанное о кавалеріи вообще не можетъ относиться къ горсти отборныхъ людей.

Въ мирное время, кромѣ высшей цѣны лошадей, стоимость

кирасиръ не будетъ многимъ превышать стоимость прочей линейной кавалеріи.

Кирасиры нужны для того только чтобы сломить непріятельскій строй; нечего тратить ихъ силы на то, чтобы довершать пораженіе, встрѣчать направленныя на нихъ фланговыя атаки и т. д. Для этого дѣла достаточно хороша обыкновенная линейная кавалерія. Соединяя въ однѣхъ рукахъ, на время войны, дивизіонъ кирасирскій съ дивизіономъ линейной конницы, получится четырехъ-эскадронный полкъ, равно способный къ сокрушительности удара, къ быстротѣ, и ко всякимъ случайностямъ. Кирасирская дивизія можетъ образовать въ кампаніи восемь такихъ сводныхъ полковъ. Съ самаго начала я сказалъ, что не считаю необходимымъ держать особые кирасирскіе полки; безъ нихъ легко обойтись, особенно въ томъ случаѣ, когда вся линейная кавалерія надѣнетъ легкій панцырь. Но если хотятъ сохранить этотъ родъ оружія, то разумѣется надобно устроить его такъ, чтобъ онъ достигалъ своей цѣли. Настоящіе кирасиры, въ небольшомъ числѣ, вооруженные и посаженные на коня какъ должно, будутъ стоить своего содержанія.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Пластуны.

Во время кавказской войны у насъ началъ было возникать особый родъ пѣхоты, назамѣнимый на войнѣ—пластуны. Онъ не былъ развитъ самостоятельно по нашей наклонности къ однообразію. Пластуны сначала возникли въ Черноморьи, вслѣдствіе необходимости защищать плавни и лѣса отъ горскихъ шаекъ. Фельдмаршалъ князь Барятинскій, тогда еще полковой командиръ, оцѣнилъ значеніе этого рода людей и тотчасъ же завелъ пластунскую команду при своемъ полку. Съ тѣхъ поръ такія команды стали распространяться по Кавказу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до полу-батальіона, но онѣ не были устроены систематически, а съ окончаніемъ войны ихъ распустили по полкамъ, и слѣдъ ихъ простылъ, кромѣ одной Кабардинской команды изъ 80-ти человѣкъ. Названіе пластуновъ сохранилось въ пѣшихъ ротахъ, состоявшихъ при казачьихъ полкахъ Кубанскаго войска, но только одно названіе; пластуны были охотники, пріученные къ малой войнѣ, подбиравшіеся не слышно къ звѣрю и человѣку, клавшіе такіе залоги, что даже горцы не могли ихъ высмотрѣть, прокрадывавшіеся вдвоемъ, втроемъ, черезъ гущу непріятельскаго населенія, выкрадывавшіе людей изъ вражескихъ пикетовъ и т. д. Черноморскіе пластуны достаточно прославились подъ Севастополемъ, хотя ихъ тамъ было очень мало. Назначеніе пластуновъ въ европейской войнѣ (еслибъ они еще существовали) было бы замѣнять иррегулярную конницу въ слишкомъ пересѣченной мѣстности, гдѣ она не можетъ удобно дѣйствовать. Возьмите италіянскую войну 1859 г. и послѣднюю бо-

гемскую, и сообразите, какое несравненное преимущество оказалось бы на сторонѣ, которая располагала бы нѣсколькими пластунскими батальіонами. Эти двѣ кампаніи характеризуются постояннымъ экспромтомъ, вслѣдствіе того, что обѣ стороны никогда ничего не знали другъ о другѣ; еслибы повязка спала съ глазъ одной изъ нихъ, она бы владычествовала неограниченно на театрѣ войны. Пересѣченная мѣстность Италіи и горнаго пояса, окружающаго Богемію, парализовали кавалерійскія рекогносцировки (да и что̀ значатъ рекогносцировки регулярной кавалеріи?); нѣсколько батальіоновъ пластуновъ были бы глазами, видящими въ темнотѣ. Наша казачья, особенно кавказская конница можетъ доставлять намъ это преимущество, но только не въ горахъ или изрытыхъ канавами и затопленныхъ равнинахъ, подобныхъ верхне-италіянскимъ; замѣняя ее пластунами въ неудобныхъ мѣстахъ, мы были бы на войнѣ какъ человѣкъ во мракѣ, подходящій къ противнику съ потайнымъ фонаремъ. Конечно, развитость пластуна была болѣе личная, чѣмъ принадлежащая роду оружія; но еслибъ эти части сохранились, то примѣръ и поученія бывалыхъ людей, преданія и духъ ихъ, перешли бы въ значительной степени, какъ закваска, ко вновь поступающимъ; соотвѣтственное воспитаніе, частая охота въ лѣсахъ, посылка частями въ Туркестанъ, гдѣ еще раздаются выстрѣлы, поддержали бы въ нихъ сноровку. Пластуновъ надо возсоздать, какъ это ни трудно. Условіе это нужно не для стрѣльбы: можно научить хорошо стрѣлять и солдатъ изъ рекрутъ; но ихъ нельзя научить беззвучной походкѣ, умѣнью пройдти невидимо и многообразной смѣткѣ охотника; ихъ нельзя научить помнить каждую стежку разъ пройденную, переправляться черезъ рѣку безъ лодки, сидѣть три дня въ норѣ, высматривая кругомъ, внезапно накрыть врага и проч. что̀ составляетъ натуру пластуна. Упражняя этихъ людей какъ должно, напримѣръ, формируя изъ нихъ вездѣ, гдѣ только представится возможность, царскую стрѣлковую охоту, можно довести ихъ до высокой степени. Пока еще не ушло время, можно отыскать и на Кавказѣ уцѣлѣвшіе остатки пластуновъ изъ солдатъ, черноморцевъ и бывшихъ горскихъ абрековъ, и создать изъ нихъ новые кадры для этого рода войска. Надобно замѣтить притомъ, что лучшіе пластуны, исполнявшіе должность развѣдчиковъ и разсыльныхъ по вражескому краю, всегда были немногочисленны; въ большомъ количествѣ ихъ

нѣтъ и надобности. Если сформировать нѣсколько ротъ настоящихъ пластуновъ, то число это будетъ достаточнымъ. У насъ всегда можно добыть вербовкой натуральный матеріалъ для десятка такихъ ротъ, изъ кавказскихъ и сибирскихъ охотниковъ; только имъ необходимо дать, на первый случай, отборныхъ офицеровъ, ходившихъ на Кавказѣ съ пластунами. Конечно, одна пластунская рота будетъ стоить вдвое или втрое противъ обыкновенной, такъ какъ хорошіе охотники не пойдутъ въ службу по низкой цѣнѣ, но и польза отъ нея будетъ десятерная.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Вооруженіе и обмундированіе.

Въ нашемъ оружіи, въ пригонкѣ оружія и въ экипировкѣ войска многое требуетъ усовершенствованія.

Объ огнестрѣльномъ ручномъ оружіи достаточно высказать два замѣчанія. Можно положиться на спеціалистовъ и военные комитеты въ томъ, что наше новое скорострѣльное ружье будетъ изъ числа лучшихъ. Но ружье не только огнестрѣльное, оно еще холодное оружіе; въ этомъ отношеніи оно требуетъ также соблюденія нѣкоторыхъ условій, соображенныхъ съ природными привычками людей, для которыхъ назначается. Русскій солдатъ въ рукопашномъ бою больше бьетъ куркомъ въ голову, чѣмъ колетъ; только первая шеренга встрѣчаетъ непріятеля штыками, другіе по большей части сейчасъ же переворачиваютъ ружье. Надобно принять въ соображеніе эту привычку русскаго солдата, если возможно, при устройствѣ ружья, надо замѣтить, что со введеніемъ панцыря прикладъ или курокъ, какъ холодное оружіе, получатъ положительную важность. Штыкомъ нельзя проткнуть панцырь, отражающій пулю (хотя, по моему наблюденію острое оружіе, какъ стилетъ, входитъ въ него удобнѣе пули); между тѣмъ какъ сильный ударъ тяжелымъ орудіемъ въ голову сваливаетъ человѣка несмотря ни на какой панцырь.

Второе замѣчаніе относится къ кавалерійскому пистолету. Не знаю, годится ли онъ для другихъ народовъ, но для русскаго солдата не годится. Пистолетная стрѣльба слишкомъ тонкая вещь; даже изъ казаковъ только тѣ умѣютъ владѣть пистолетомъ, для которыхъ онъ составляетъ національное при-

родное оружіе; да и они употребляютъ его не иначе какъ для удара въ упоръ; онъ у нихъ даже безъ мушки. Донцы отвыкли отъ него. Въ рукѣ же солдата, по замѣчанію всѣхъ боевыхъ офицеровъ, пистолетъ составляетъ нѣчто въ родѣ астрономическаго инструмента. Пригодное огнестрѣльное оружіе для кавалериста, смотря потому, предназначается ли ему спѣшиваться или нѣтъ, это, въ первомъ случаѣ, винтовка, во второмъ карабинъ; но ни въ какомъ случаѣ не нынѣшнее драгунское ружье, тяжелое и неуклюжее.

Колющее холодное оружіе всегда хорошо, лишь бы оно было выковано изъ хорошей стали. Но все рубящее европейское оружіе, безъ исключенія, ничего не стòитъ. Въ Европѣ выдѣлываютъ хорошую сталь; по качеству металла тамошнее, а вслѣдъ за нимъ и наше оружіе удовлетворительно; но европейцы не имѣютъ понятія ни о формѣ, какую должно дать клинку, чтобъ онъ могъ рубить, ни объ обдѣлкѣ его, чтобъ онъ ловко лежалъ въ рукѣ и на перевязи, ни о точеніи клинка. Легкій клинокъ не годится въ рукахъ европейца, для него нужно умѣнье; но желая придать клинку достаточный вѣсъ, европейскіе оружейники даютъ ему форму, дѣлающую его негоднымъ для употребленія; они выковываютъ его толстымъ и узкимъ, отчего онъ бываетъ похожъ на палку, оставляетъ рубецъ, но не входитъ въ тѣло. Между тѣмъ тутъ нужно противуположное; надобно придавать вѣсъ клинку шириной полосы, выковывая ее по возможности тонкою, лишь бы она не гнулась при ударѣ. Потомъ европейское точеніе клинка никуда не годится. Лезвіе обтачиваютъ у насъ на колесѣ и даютъ жалу видъ сферическаго треугольника съ выгнутыми боками, отчего самое жало всегда бываетъ тупо. Для качества лезвія нужно не то, чтобъ оно представляло очень острый треугольникъ, а то, чтобъ оно состояло изъ прямаго пересѣченія двухъ плоскостей, безъ закругленія. Изломъ стекла, образующій прямой уголъ, отлично рѣжетъ тѣло, потому что тутъ прямо пересѣкаются двѣ плоскости, и нить острія выходитъ очень тонкая. Лучшее точеніе прямое съ обѣихъ сторонъ, подъ угломъ къ 30—35°. Оно должно быть исполнено еще на заводѣ. Лезвіе, выданное тупымъ, какъ оно выдается у насъ, такъ что на него хоть садись верхомъ, не можетъ быть отточено полковыми средствами, — немало нужно заботы для того, чтобы во фронтѣ поддерживали и готовое жало лезвія. Рукоять нашего холоднаго оружія не при-

способлена къ удару, не говоря уже объ обмотанномъ на немъ кожанномъ темлякѣ; толщину темляковаго узла трудно обхватить, такъ что саблю приходится держать только двумя или тремя пальцами: какой же тутъ можетъ быть ударъ? Самая ловкая рукоять—рукоять грузинской сабли, крытая кожей, слегка овальная, широкая у клинка, немного съуживающаяся и загибающаяся наверху. Темлякъ—тонкій кожанный снурокъ, съ петлей, надобно продѣвать сквозь головку рукояти, чтобъ онъ не мѣшалъ пальцамъ. Ножны должны быть непремѣнно кожаныя, иначе никакое лезвіе не устоитъ; стальныя ножны—несообразность, возможная только при постоянно тупомъ оружіи. Сабля, чтобы не болтаться и не стѣснять, должна висѣть у коннаго человѣка на поясѣ, у пѣшаго черезъ плечо (нынѣшнее ношеніе сабель пѣхотными офицерами на поясѣ чрезвычайно неудобно, человѣкъ на каждомъ шагу чувствуетъ свою ношу, чего вовсе не слѣдуетъ). Сабля, выдѣланная съ соблюденіемъ вышеприведенныхъ условій, будетъ настоящимъ оружіемъ. Но вообще гораздо лучше замѣнить всѣ сабли широкими палашами. Въ рукахъ европейца и даже донскаго казака сабля не годится; ею надобно умѣть владѣть, она на своемъ мѣстѣ лишь въ рукѣ людей, которымъ она достается вмѣстѣ съ преданіемъ, каковы горцы и линейцы. Кривизна европейской сабли есть не болѣе какъ фальшивое и безсознательное подражаніе; при надлежащей же практической кривизнѣ, надо рубить ловко, подъ изгибъ, чтобы загнутый конецъ сдѣлалъ свое дѣло; этому искуству невозможно обучить солдатъ и даже донцевъ, людей копья, а не сабли. Нашему кавалеристу нужно оружіе, которымъ бы онъ рубилъ какъ топоромъ, въ русскихъ рукахъ, безспорно, лучшее лезвіе—широкій, но тонкій палашъ, длиной 17 вершковъ, шириной около $^{7}/_{8}$ вершка, довольно тяжелый, съ грузинскою рукоятью. Такой палашъ рубитъ страшно, и не требуетъ никакой особенной ловкости въ пріемахъ. Инымъ эти замѣчанія покажутся мелочными; но вотъ послѣдствіе этихъ мелочей: послѣ первкй сшибки кавалеристъ узнаетъ, что противникъ убиваетъ его ударомъ наповалъ, а самъ онъ можетъ только намѣтить; на немъ синякъ; съ какимъ сердцемъ пойдетъ онъ въ атаку во второй разъ? У насъ есть и теперь кавалеристы, которые серіозно увѣрены, что главное, даже исключительное оружіе всадника—его конь, опрокидывающій непріятеля, но они забываютъ, что конь не самъ скачетъ, что его гонитъ всадникъ

и гонитъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ увѣренъ лично въ себѣ. Какъ можно въ такомъ дѣлѣ, какъ война, пренебрегать чѣмъ бы то ни было, что̀ можетъ увеличить вѣроятность успѣха!

Между нашими кавалеристами много противниковъ копья; но опытные боевые офицеры вообще другаго мнѣнія. Регулярный строй съ копьемъ гораздо сильнѣе, чѣмъ съ мечомъ. Пока въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку существовалъ пикинерный эскадронъ, въ дѣлѣ ему отдавали преимущество предъ прочими и, дѣйствительно, преимущество это выказывалось довольно замѣтно, хотя въ этомъ полку, нравственно, всѣ эскадроны были одинаково превосходны. Предпочтеніе должно склониться къ копью уже потому, что при немъ всадникъ не лишенъ меча, имѣетъ оба оружія подъ рукой. Во всѣ времена до послѣднихъ столѣтій, кавалерія, дѣйствовавшая стѣной, вооружалась копьемъ; отсутствіе копья указываетъ вездѣ одиночныхъ всадниковъ, джигитовъ, а не строй, каковы мамелюки, спаги, черкесы и другіе. Надобно замѣтить, что одиночный всадникъ всегда имѣлъ при себѣ, кромѣ сабли, еще метательное оружіе: встарину лукъ, потомъ винтовку или карабинъ; кавалерія, состоящая изъ такихъ всадниковъ, никогда не бросалась въ атаку съ мѣста, но подготовляла ее изнурительною для непріятеля джигитовкой; копье было бы для нея бременемъ и не соотвѣтствовало бы цѣли при отсутствіи строя стѣной. Гдѣ только природная кавалерія ходила строемъ, тамъ она всегда вооружалась копьемъ. Но копье природной кавалеріи не похоже на нашу строевую пику, оно гораздо длиннѣе, до пяти аршинъ. Во всякомъ собраніи стариннаго оружія можно видѣть, какой длины было рыцарское копье; донской, арабскій дротикъ тѣхъ же размѣровъ. При сформированіи регулярной кавалеріи изъ донцовъ, о копьѣ не можетъ быть и рѣчи; оно ихъ природное оружіе, то именно оружіе, которымъ они сильны. Надобно оставить донскую пику въ ея нынѣшнемъ видѣ, но дать ей остріе немного длиннѣе—игольчатое, изъ отличной штыковой стали, и требовать, чтобъ оно было укрѣплено на древко прочно, а не прибито какимъ-нибудь гвоздикомъ.

Тесакъ нашъ также очень плохое оружіе. Въ пѣхотѣ онъ только напрасно обременяетъ человѣка. Спросите каждаго бывалаго солдата: можетъ-ли тесакъ принести ему какую-нибудь пользу? Но есть цѣлые разряды военныхъ людей, которымъ

нельзя дать никакого другаго оружія, кромѣ тесака — пѣшая артиллерія, нестроевые. Эти люди, особенно артиллеристы, должны быть, однако, вооружены, не для того чтобъ отбивать нападеніе, но для того чтобы лично защищать себя въ случаѣ надобности. Есть удивительное холодное оружіе, не превосходящее величиной тесака — обоюдо-острый большой лезгинскій кинжалъ. Это оружіе такъ страшно, что атака лезгинъ много утратила своей силы съ тѣхъ поръ какъ они, подъ вліяніемъ вышедшей изъ Чечни моды, замѣнили его шашкой; въ началѣ мюридизма, говорятъ очевидцы, они производили такую крошку своими кинжалами, что трудно было устоять противъ нихъ; по чему не ударятъ—по рукѣ, по ружью, по головѣ—все пополамъ. Подъ наблюденіемъ кавказскихъ мастеровъ такіе кинжалы можно выдѣлывать на каждомъ оружейномъ заводѣ и замѣнить ими тесаки.

Сооруженіе разныхъ оружейныхъ вещей въ однѣхъ рукахъ составляетъ вопросъ только относительно кавалеріи. Пѣхотѣ не нужно ничего кромѣ ружья со штыкомъ, артиллеріи и нестроевымъ — кромѣ тесака (лезгинскаго кинжала). Но кавалерія, дѣйствующая преимущественно холоднымъ оружіемъ, не можетъ быть оставлена вовсе безъ огнестрѣльнаго; иначе она утратитъ всякую самостоятельность. Хотя соединеніе копья съ винтовкой, замѣнившею старинный лукъ, противорѣчитъ всѣмъ преданіямъ (на что̀ нельзя смотрѣть легко), тѣмъ не менѣе нынѣшнее состояніе военнаго дѣла заставляетъ допустить такое сочетаніе. Тридцать лѣтъ уже донскіе казаки носятъ копье, саблю и винтовку, и не обременяются этимъ арсеналомъ: они привыкли къ своему вооруженію, а въ военномъ дѣлѣ привычка первая вещь. Надобно только, чтобы винтовка была какъ можно легче, и пригнана по плечу какъ у линейцевъ, чтобы человѣкъ не чувствовалъ ея даже на скаку. Спѣшенная кавалерія предназначается не для удара на колонну, а для стрѣлковаго боя; отдѣльный же стрѣлокъ будетъ достаточно вооруженъ винтовкой и палашомъ. Мы знаемъ довольно, были ли страшны чеченскіе стрѣлки, замѣнявшіе штыкъ шашкой.

Мы говоримъ о донцахъ какъ о регулярной кавалеріи, обучающейся своему дѣлу систематически. Но другіе натуральные казаки владѣютъ съ умѣньемъ только тѣмъ оружіемъ, съ которымъ они родились. Надобно постоянно имѣть въ виду

ихъ понятіе и не навязывать имъ вещей, къ которымъ они не привыкли. Винтовка необходима всякому казаку, безъ нея онъ не воинъ; но затѣмъ наши иррегулярные полки дѣлятся на два рода—на сабельниковъ и на копѣйщиковъ. Каждый изъ нихъ силенъ своимъ умѣньемъ,—надобно оставить его какъ онъ есть. Всѣ наши казаки-копѣйщики смотрятъ на саблю какъ на какую-то мудреную выдумку, называютъ ее темлякомъ, и тяготятся ею. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ обвѣшивать всадника излишнимъ оружіемъ, которымъ онъ не умѣетъ пользоваться; оружіе это сбиваетъ его съ толку. Копье и винтовка—прирожденное оружіе всѣхъ нашихъ иррегулярныхъ не кавказскихъ. Приданную имъ положеніемъ шашку лучше замѣнить кинжаломъ; кинжалъ не обременитъ, а между тѣмъ казакъ будетъ вооруженъ и внѣ строя, будетъ имѣть чѣмъ отмахнуться, пѣшій и конный, въ случаѣ надобности. Онъ будетъ чувствовать себя ловко, зная всегда за что взяться.

Хорошая пригонка оружія и аммуничныхъ вещей, возможная легкость ихъ и одежда, вполнѣ соотвѣтствующая климату и привычкамъ людей, изъ которыхъ набирается армія, суть дѣло первой важности.

Привычный человѣкъ можетъ выносить на себѣ довольно большую тяжесть, но съ условіемъ, чтобъ она была распредѣлена совершенно равномѣрно, чтобы поддерживающіе ее ремни нигдѣ его не рѣзали и не безпокоили. Пѣхотинецъ, сколько-нибудь потертый, не можетъ снести ноши и на другой же день выбываетъ изъ строя. При экипировкѣ солдата надо имѣть въ виду исключительно, прежде всего, доставить ему возможныя удобства, допускать украшенія въ его обмундированіи въ такомъ только случаѣ, когда они совершенно невинны, когда они прибавляются не на счетъ чего-либо существеннаго. Нѣтъ арміи, въ которой бы это основаніе не было принимаемо въ теоріи, и въ то же время нѣтъ арміи, въ которой оно было бы вполнѣ примѣнено на практикѣ. Человѣкъ средней силы не можетъ снести, безъ утомленія, ноши свыше двухъ пудовъ, считая тутъ все—одежду, обувь, ранецъ, патронташъ, оружіе и провіантъ, какъ бы ни была ловко пригнана его ноша. Въ этой ношѣ заключенъ весь домъ солдата, все чѣмъ онъ можетъ располагать для успокоенія послѣ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, для защиты своего тѣла отъ враждебнаго дѣйствія стихій. За исключеніемъ оружія, провіанта, тяжелой солдатской обуви

(надѣтой на немъ и запасной), ранцевой коробки и ременныхъ перевязей, въ нѣсколькихъ остальныхъ фунтахъ находится все, физически необходимое человѣку для продолжительнаго скитанія подъ открытымъ небомъ—бѣлье, лѣтняя одежда, какое-нибудь теплое платье чтобы не замерзнуть, плащъ, нужный для того, чтобы не ложиться на голой землѣ и завернуться въ бурную ночь, какая-нибудь немножко мягкая вещь, чтобы положить ее подъ голову на ночлегѣ. Остается-ли же въ солдатской ношѣ хоть на золотникъ мѣста для прихоти, для произвольнаго распоряженія? Можно-ли обременять солдата какими-нибудь вздорными вещичками? Можно-ли, напримѣръ, заставлять его нести въ военное время лишнюю пару платья на случай смотра и такъ далѣе? И въ концѣ-концовъ, можно-ли считать въ какой-нибудь степени военнымъ человѣкомъ начальника, который, забывая такія вещи, смотритъ на войско съ точки зрѣнія красоты, то-есть удовольствія своихъ глазъ?

Весь разчетъ силы арміи, количества людей, которыхъ можно довести до поля сраженія, и быстроты, съ которою можно ихъ довести, то-есть, послѣ личныхъ качествъ полководца, почти весь секретъ войны заключается въ вѣрномъ разчетѣ нуждъ и силъ человѣка. Кто только совершалъ походъ, знаетъ по опыту, что̀ такое значитъ, для выносчивости на маршѣ, или для бодрости въ бою, все равно, выспаться въ свое время, не продрогнуть черезчуръ отъ холода или не истомиться слишкомъ отъ жару, не быть потертымъ, свободно шевелить членами подъ амуниціей; отъ бодраго человѣка можно требовать всего, самыхъ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній на короткій срокъ; отъ заранѣе истомленнаго—того лишь, что̀ можетъ дать преобладаніе духа надъ тѣломъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ придется основывать военныя соображенія на предварительномъ разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ. Еслибы можно было вычислить, сколько десятковъ тысячъ людей, въ каждой войнѣ, наполняли госпитали, на сколько замедлялись военныя операціи, какого количества бойцовъ, которые несомнѣнно обезпечили бы побѣду, не доставало на полѣ сраженія вслѣдствіе понятій о красотѣ и стройности, вслѣдствіе праздныхъ прихотей, вкравшихся въ устройство войскъ въ мирное время,—некого было бы убѣждать: голая цифра была бы слишкомъ убѣдительна. Можно сказать не задумываясь, что всякая вещь, кромѣ оружія, которую солдатъ, располагаясь на бивакѣ, не

можетъ употребить для своего удобства и долженъ, проносивъ цѣлый день, отложить въ сторону, стоитъ войску, въ продолженіи кампаніи, нѣсколькихъ процентовъ его численности. Ширину перевязей, лишнюю тяжесть ранца, киверъ съ бляхами или шапку, которая не можетъ служить въ то же время подушкой, всякія ненужныя погремушки, болтающійся съ боку тесакъ, число пуговицъ застегнутыхъ въ жаръ, стройность на походѣ, выравниваніе бивака, запрещеніе солдату нести на поясѣ какой-нибудь мѣшочекъ, нарушающій однообразіе, всѣ эти и подобныя имъ вещи перелагаются въ концѣ въ проценты убыли и обезсиленія. Нѣтъ сомнѣнія, что та армія, начальство которой первое рѣшительно откажется отъ увлеченія этими ребячествами, сейчасъ же выкажетъ великое превосходство надъ прочими.

Первоначально военный мундиръ былъ вездѣ обыкновенною народною одеждой, приведенною къ однообразію, по полкамъ. Въ Европѣ онъ и до сихъ поръ сохранилъ отчасти этотъ характеръ; кромѣ шапки, часто принимающей фантастическія формы, всякій рабочій, принаряжаясь въ воскресенье, одѣтъ въ платье такого же покроя какъ и солдатъ, только не столь пестрое; въ одеждѣ того или другаго нѣтъ рѣзкаго различія. Народная одежда есть результатъ тысячелѣтняго опыта, отраженіе климатическихъ и всякихъ другихъ мѣстныхъ условій. Собранный съ цѣлаго свѣта медицинскій совѣтъ никогда не придумаетъ такой удобной и въ такой степени удовлетворяющей всѣмъ гигіеническимъ условіямъ одежды, для данной страны, какую выкраиваетъ, по-немногу послѣдовательный опытъ поколѣній. Только высшіе классы, предохраненные комфортомъ отъ внѣшнихъ вліяній, могутъ безнаказанно игратъ своимъ костюмомъ; но когда дѣло идетъ о толпѣ, замѣна народной одежды иноземною, сложившеюся при другихъ условіяхъ, не можетъ остаться безъ вреднаго вліянія на здоровье, а потому и на бодрость людей. Кромѣ того, не даромъ привычка называется второю натурой. Для простолюдина переодѣванье въ иноземное платье составляетъ какъ бы отреченіе отъ своей народности; оно часто возмущаетъ его нравственное чувство и всегда нагоняетъ на него какое-то отупѣніе, непониманіе всего, что съ нимъ дѣлается, продолжающееся иногда не мало времени. Нельзя представить себѣ до какой степени это переодѣваніе замедляетъ у насъ развитіе рекрута.

Во всей Европѣ военный мундиръ почти одинаковъ, кромѣ цвѣта и нашивокъ; но за то и климатическія условія тамъ почти одинаковы, и племенной костюмъ главныхъ европейскихъ народовъ весьма мало разнообразится, особенно по городамъ. Русскій климатъ рѣзко отличается отъ средне-европейскаго, а русская народная одежда, мѣховая, восемь мѣсяцевъ въ году, всегда широкая, удобная и скромная, темнаго цвѣта, безъ всякихъ блестокъ, составляетъ совершеннѣйшее выраженіе мѣстныхъ условій. Лѣтній, зимній и промежуточный русскій уборъ, тулупъ подъ зипуномъ, тулупъ одинъ, зипунъ одинъ и наконецъ одна рубашка, смотря по временамъ года, не могутъ быть замѣнены ничѣмъ другимъ, если ставить на первое мѣсто гигіеническія условія.

Введеніе въ русскою армію европейской военной одежды, исключительно суконной—кафтана съ шинелью, было очевиднымъ противорѣчіемъ всѣмъ мѣстнымъ условіямъ. Еслибы стрѣльцамъ и всякимъ старинnымъ русскимъ войскамъ платье выдавалось натурою, то я думаю, предложеніе ходить зимой безъ овчины, въ одномъ суконномъ плащѣ, также удивило бы ихъ, какъ предложеніе совершать лѣтомъ походъ нагишомъ. Нельзя не отмѣтить при этомъ особенной черты нашей военной исторіи. До Петра Великаго русскія арміи всегда предпочитали для дѣйствій зиму; онѣ находили самымъ выгоднѣйшимъ временемъ для вторженія въ непріятельскій край время морозное, которое онѣ выдерживали гораздо лучше непріятеля. Допетровская эпоха наполнена зимними походами; но за то русскія войска были тогда одѣты по-русски. Послѣ Петра зимнія кампаніи становятся очень рѣдкими, для совершенія ихъ пришлось бы одѣвать войско за-ново. Необходимость заставила кавказскія войска одѣться на зиму въ мѣхъ, только не на казенный, а на свой собственный счетъ, на солдатскія заработанныя деньги; съ тѣмъ вмѣстѣ открылась возможность совершать походы въ самые трескучіе морозы, безъ чего Кавказъ до сихъ поръ не былъ бы еще покоренъ. И въ Европѣ, особенно восточной, мы могли бы съ огромнымъ преимуществомъ вести зимнюю кампанію, но для этого нужно, чтобы русскій человѣкъ былъ постоянно, а не случайно только одѣтъ по-русски.

Полушубокъ составляетъ одежду русскаго человѣка отъ семи до осьми мѣсяцевъ въ году, стало быть главную его одежду; по немъ пригоняются и другія части наряда. Кафтанъ

это прихоть богатаго, безъ которой обходится большая часть народа, замѣняя его зипуномъ, надѣваемымъ какъ кафтанъ въ прохладное время и какъ шинель, сверхъ тулупа, въ зимнее; оттого наша народная одежда всегда широка въ складкахъ, не застегивается, а подпоясывается; просторъ русской земли какъ будто отражается на распашномъ просторѣ русскаго платья. Одѣвая людей въ полушубокъ, слѣдуетъ примѣнить къ нему и другія части одежды, сообразно съ климатомъ и привычками человѣка, даже для красоты тутъ былъ бы выигрышъ. Въ костюмѣ сказывается эстетическое чувство породы, столько же какъ и другія мѣстныя условія; онъ ближе подходитъ къ типу, лучше вырисовываетъ его чѣмъ иноземный костюмъ. Тонкій, вытянутый къ верху и узколицый французскій солдатъ очень красивъ въ кепи, полукафтанѣ и штиблетахъ; широколицый и коренастый русскій человѣкъ столько же безобразенъ въ этомъ платьѣ, сколько хорошъ въ своей народной широкой одеждѣ.

Нельзя представить себѣ, не видавъ, насколько переряженіе въ нѣмецкое платье, первое впечатлѣніе рекрута на службѣ, отуманиваетъ человѣка, сбиваетъ его съ толку; какъ трудно достается ему одно умѣнье застегивать пуговицы, неизвѣстныя въ русскомъ нарядѣ. Оторванный отъ семьи, напуганный еще дома небылицами, которыя ему разсказываютъ объ ожидающей его судьбѣ, смущенный причитаніями родныхъ, которые по старой привычкѣ, оплакиваютъ его какъ покойника, рекрутъ и такъ не знаетъ сначала какою ногой ступить въ незнакомомъ ему мірѣ; а тутъ сейчасъ же ему брѣютъ бороду, одѣваютъ его въ иностранное платье, въ которомъ сначала даже его дворовая собака не сразу признаетъ его. Рекруту кажется на первыхъ порахъ, что онъ отрывается не только отъ своей мѣстной, но отъ своей общей родины, отъ отечества; ему кажется, что его вводятъ въ какой-то иноземный міръ, въ которомъ онъ не можетъ ни думать, ни чувствовать попрежнему, въ которомъ ему придется выворотить наизнанку всѣ свои понятія. Состояніе эго длится не малое время, пока онъ осмотрится и пойметъ, что въ новой средѣ только обстановка иноземная, а духъ русскій, что онъ все еще дома. Это смущенное душевное состояніе, чрезвычайно замедляетъ его развитіе,—вещь не очень важная въ мирное время, но важная въ военное, когда рекруту, прямо изъ избы, приходится идти въ походъ и дѣйствовать. Созван-

ное въ 1855 году ополченіе не подвергалось этому тяжелому впечатлѣнію перемазыванья на иноземный ладъ: русскіе мужики взяли ружье и пошли въ походъ какъ были, русскими же людьми; въ этомъ обстоятельствѣ коренилась главная причина быстраго ихъ развитія и отличнаго духа. При необходимомъ у насъ сокращеніи сроковъ дѣйствительной службы, этого дѣла нельзя упускать изъ виду. Когда солдатъ служилъ 25 лѣтъ, когда войско составляло государство въ государствѣ, была, можетъ быть, причина обособлять его даже наружно, былъ поводъ по крайней мѣрѣ держаться такого мнѣнія; но при народной, краткосрочной арміи, какая нужна намъ теперь, нѣтъ къ тому ни причины, ни повода. Рекрута надобно затуманивать какъ можно меньше, надобно чтобъ онъ мгновенно обернулся въ солдата и вполнѣ развился въ короткій, относительно, срокъ; искуственное, затяжное обращеніе рекрута въ солдата теперь уже не у мѣста; а поэтому всякое условіе, сколько нибудь туманящее человѣка на первыхъ порахъ, должно быть тщательно устраняемо. Нужно чтобы парень шелъ изъ своего рекрутскаго участка на службу въ свой же полкъ какъ на побывку къ роднымъ и возвращался домой тѣмъ же парнемъ, какимъ всѣ его знали, развитымъ, но не искаженнымъ и даже не переиначеннымъ ни въ какомъ отношеніи. Тогда только народная армія разовьется во всей полнотѣ, разовьется безъ усилій и у Россіи будетъ, въ случаѣ надобности, столько же добровольныхъ, охотно идущихъ на службу солдатъ, сколько у нея людей способныхъ взять ружье въ руки. Внѣшность значитъ много въ такихъ вещахъ. Было время, когда нѣмецкое платье имѣло у насъ свое значеніе и въ обществѣ, и въ войскѣ: оно было внѣшнею вывѣской вопроса быть ли Россіи Московскимъ царствомъ или Русскою Имперіей? Вопросъ этотъ упраздненъ теперь. Мы можемъ быть русскими, по одеждѣ войска, сообразно съ существенными климатическими условіями, не боясь возврата къ старообрядству.

Экипировка солдата не должна рѣзко отличаться отъ народной одежды, выкроенной вѣковою опытностію: иначе она не будетъ соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ; не удовлетворитъ ни нравственно, ни матеріально, нуждамъ человѣка, для котораго шьется. Хороша та экипировка, которая соотвѣтствуетъ двумъ условіямъ: одно, чтобъ она заключала въ себѣ все необходимое и ничего лишняго, даже на ползолотника, такъ какъ она одно-

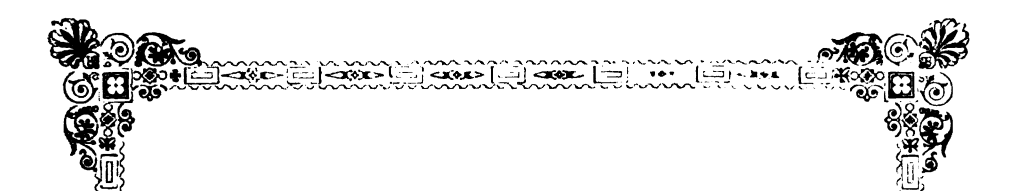
временно охраняетъ жизнь человѣка отъ стихій и носится имъ на себѣ; второе, чтобъ она соотвѣтствовала привычкамъ человѣка. Содержаніе солдата соразмѣрено вездѣ съ бытомъ простолюдина средняго состоянія, не богатаго и не бѣднаго. Одежда такого простолюдина заключается, кромѣ бѣлья, въ полушубкѣ, зипунѣ, кушакѣ, лѣтнихъ и зимнихъ шароварахъ, рукавицахъ и наушникахъ. Ничего больше и не нужно солдату. Къ этому платью могутъ быть прилажены всѣ нужныя отмѣтки и нашивки, по роду войскъ и по полкамъ. Полушубокъ, носимый восемъ мѣсяцевъ въ году, составляетъ главную часть одежды. Надобно чтобы солдатъ, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, стоялъ въ немъ въ строю; для того можно отмѣтить полушубокъ нужными нашивками. Нѣсколько кабардинскихъ ротъ пошили себѣ, когда-то, дубленые, разно окрашенные полушубки, по-ротно; нельзя сказать до какой степени онѣ были мужественно красивы въ этихъ полушубкахъ; боевой глазъ дѣйствительно могъ ими любоваться. Зипунъ можетъ быть цвѣтной, разумѣется не яркій, по роду войска, длинный какъ шинель, но съ подстегивающимися полами, чтобъ замѣнять имъ кафтанъ въ прохладное, но не морозное время; кушакъ для опоясыванья, широкія шаровары въ сапогахъ. Высокіе кавказскіе сапоги неудобная вещь; они слишкомъ тяжелы. Перейдти черезъ лужу можно одинаково во всякихъ сапогахъ; при переходѣ же черезъ рѣчку солдаты всегда скидаютъ свои высокіе сапоги, также какъ и короткіе; но съ первыми при этомъ бываетъ больше возни. Вмѣсто особыхъ фехтовальныхъ рубашекъ гораздо лучше выдавать арміи все бѣлье цвѣтное, изъ крашенины, по цвѣту зипуна и нашивокъ на полушубкѣ. Солдату въ походѣ нельзя часто перемѣнять бѣлье, а бѣлье бѣлое, но грязное, производитъ на всякаго человѣка, даже загрубѣлаго, непріятное впечатлѣніе; когда солдатъ шьетъ рубаху на свой счетъ, онъ всегда шьетъ цвѣтную. Лѣтомъ, строй въ цвѣтныхъ рубахахъ, гладкихъ или полосатыхъ, по полкамъ, будетъ очень красивъ. Кепи не годится, вопервыхъ потому, что онъ положительно безобразитъ русское лицо, вовторыхъ, и это гораздо важнѣе, потому что при скудномъ имуществѣ солдата, каждая вещь должна по возможности служить къ его удобству; надобно, чтобъ онъ могъ на ночлегѣ положить шапку подъ ухо себѣ, чтобъ она была мягка и чтобъ ее можно было мять. Лучшая для нашего солдата—низкая войлочная, срѣзанная у са-

маго темени, съ полями, которыя можно поднимать и опускать, называемая звенигородкой, какую носитъ народъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Шапка эта твердо сидитъ на головѣ, когда поля опущены,—прикрываетъ глаза стрѣлка отъ солнца; не промокаетъ, можетъ служить подушкой, легка и чрезвычайно красива, ухорски обрисовываетъ русское лицо; на нее можно навязать какой-нибудь снурокъ для отмѣтки. Замѣняемая на время боя, у панцырника, оборонительнымъ капюшономъ, она можетъ быть положена въ карманъ. Башлыкъ превосходное нововведеніе, которое, конечно, должно быть удержано. Въ такой холодной землѣ какъ наша, надобно выдавать на зиму рукавицы или теплыя перчатки. Вотъ и все снаряженіе солдата, удобное соотвѣтственное, климату и привычкамъ простолюдина, красивое и недорогое, никакъ не дороже нынѣшняго, потому что полушубокъ упраздняетъ мундирный кафтанъ, въ которомъ нѣтъ никакой надобности; въ прохладное, но не морозное время человѣкъ надѣнетъ на себя зипунъ съ полами, подстегнутыми выше колѣна. Кромѣ экономіи, солдата при этомъ нарядѣ не слѣдуетъ обременять кафтаномъ, потому что ему пришлось бы носить его въ ранцѣ для какого-нибудь смотра; а въ солдатской ношѣ каждый лишній, не необходимый, золотникъ составляетъ положительное зло.

Ранецъ долженъ быть сколь возможно легокъ; для плечъ человѣка достаточно и клади въ него положенной. Едва-ли не лучшій матеріялъ для ранца—дубленый непромокаемый холстъ, сложенный вдвое, представленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кажется г. Масловымъ на Московскую выставку; онъ легокъ и проченъ. Теперь обращено должное вниманіе на удобнѣйшую пригонку солдатской ноши: но на этотъ счетъ все еще можно сдѣлать одно общее замѣчаніе, съ которымъ будутъ согласны всѣ опытные офицеры. Нельзя найдти однообразной форменной пригонки пѣхотнаго вьюка, которая дѣйствительно оказалась бы удобною, на ремняхъ-ли, на стальныхъ-ли крючкахъ въ бандажѣ, или какой бы то ни было. Человѣка, совершающаго длинный переходъ, утомляетъ не столько та или другая пригонка вьюка, сколько однообразное положеніе тяжести, постоянно надавливающей однѣ и тѣ же части тѣла; его можетъ облегчить не какая-либо улучшенная пригонка, а возможность давать этой тяжести разнообразное положеніе, возможность нести ее то на одномъ плечѣ, то на дру-

гомъ, то на обоихъ вмѣстѣ и даже на груди, попеременно давая по очереди отдыхъ частямъ тѣла, служащимъ опорною точкой. Кавказскіе солдаты совершали переходы (иногда баснословные) гораздо легче, пока вмѣсто ранца у нихъ былъ мѣшокъ, который они носили въ какомъ хотѣли положеніи; на введенный съ тѣхъ поръ ранецъ весь Кавказъ жаловался въ одинъ голосъ, какъ на вещь обременительную. Многіе найдутъ, можетъ-быть, что разнокалиберное ношеніе ранца испортитъ наружную красоту фронта. Но, такой родъ пригонки нуженъ для похода, а не для смотра, на которомъ люди могутъ подтянуться какъ угодно; удобные, никогда не натирающіе аммуничные ремни должны быть не широки, но мягки и возможно легки; также точно и ремни конской сбруи. У насъ есть дома несравненный матеріялъ для всякаго ременнаго прибора—кабардинскій, прочный, легкій и мягкій какъ шелкъ. Кажется, разъ уже выписывали въ Россію мастеровъ для выдѣлки этого товара, не знаю зачѣмъ дѣло остановилось. Кабардинскіе ремни хорошей выдѣлки превосходятъ и стальные крючки въ бандажѣ, и всякій европейскій аммуничный и сбруйный приборъ.

Хорошо снаряженный русскій солдатъ первый ходокъ, какъ и первый рукопашный боецъ въ свѣтѣ. Онъ не довольно легокъ, чтобы бѣгать по часамъ, какъ французъ, но сильнѣе и выносчивѣе, и всегда заморитъ послѣдняго на длинномъ переходѣ. Надобно только, чтобы нашъ салдатъ былъ, сообразно съ своими природными качествами и привычками, также отчетливо снаряженъ; все необходимое и ни золотника лишняго все для дѣла и ничего для прихоти.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ 2.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1890.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ II.

ЧАСТЬ 2.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 138—140.
1889.

НАШЪ ВОЕННЫЙ ВОПРОСЪ

ВОЕННЫЯ

и

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Слово къ читателямъ.

Въ этой книгѣ собраны статьи и брошюры послѣднихъ гоговъ, не утратившія еще по моему сужденію современнаго значенія. Большая часть изъ нихъ посвящены нашему военному вопросу. Пустивъ въ свѣтъ «Вооруженныя силы Россіи» въ 1867 году, (сочиненіе отчасти уже устарѣвшее, по чрезвычайно быстрому развитію военнаго дѣла въ Европѣ), я долженъ былъ защищаться и объяснять свои взгляды. Потомъ настала практическій вопросъ объ обще-обязательной военной повинности и о переустройствѣ русской арміи, вызвавшій послѣднія статьи. Читатели могутъ замѣтить нѣкоторое измѣненіе въ моемъ взглядѣ на подробности въ теченіи этихъ шести годовъ; но человѣкъ живетъ, стало быть мыслитъ и передумываетъ. Въ основаніяхъ же я никогда не колебался, да и колебаться было невозможно. Въ 1867 году, какъ и теперь, я заявлялъ объ одной и той же неотложной для насъ потребности—объ органическомъ устройствѣ русской арміи, основанномъ на точномъ разсчетѣ средствъ и цѣлей, на вѣрной оцѣнкѣ естественныхъ источниковъ русской силы, подъ начальствомъ настоящихъ боевыхъ людей, вмѣсто устройства механическаго, подражательнаго и произвольнаго, руководимаго бюрократіей.

Въ концѣ книги помѣщена политическая брошюра: «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ».

Полагаю, что каждый человѣкъ, долго думавшій о какомъ-либо предметѣ, усидчиво его изучавшій, можетъ сказать о немъ что-нибудь новое. Я сдѣлалъ, что могъ въ мѣрѣ своихъ силъ и не только говорилъ вслухъ, что думалъ, но убѣдившись разъ въ вѣрности своего мнѣнія, боролся за него, не уступая ни

передъ какими послѣдствіями. Кто-то сказалъ, (кажется Лейль): «всякая новая мысль, брошенная въ умы, проходитъ черезъ три ступени развитія: сначала она—чепуха, потомъ—опасное дѣло, въ концѣ—всѣ ее знали и безъ автора». Вмѣстѣ со многими я испыталъ на себѣ справедливость этого слова. Одна изъ высказанныхъ мною мыслей, военная, проросла уже двѣ первыя ступени и стоитъ покуда на рубежѣ между опаснымъ дѣломъ и безличнымъ успѣхомъ; вторая мысль, вызвавшая въ русской словесности многіе замѣчательные труды въ томъ же смыслѣ, въ настоящую пору только что подымается изъ разряда чепухи въ разрядъ опаснаго дѣла. Конечно, я не приписываю себѣ открытія ни той, ни другой, я только высказалъ ихъ опредѣленнѣе или ранѣе прочихъ. Все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть одну мысль на третьей ступени, перешедшую въ дѣло; а другую хоть бы только на второй, распространяющуюся въ умахъ. Пусть сбудется тогда послѣднее слово Лейля.

Статьи расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по существенной ихъ связи.

Разъясненія дѣла

по поводу «Переустройства русскихъ силъ», статьи г. Я—ва и вызванныхъ ими возраженій.

Мартъ 1871 годъ.

I.

Статьи о переустройствѣ русскихъ войскъ вызвали, наконецъ, отвѣтъ—событіе давно желанное, въ возможности котораго стали уже сомнѣваться люди, заявлявшіе свое мнѣніе о военныхъ мѣропріятіяхъ послѣднихъ годовъ. На сколько наши военные журналы были готовы къ разъясненіямъ въ прежнее время, на столько стали они молчаливы потомъ. Между тѣмъ, когда дѣло идетъ о такомъ предметѣ, какъ передѣлка военно-государственнаго строя, и слѣдовательно о повинности, касающейся лично всѣхъ и каждаго, гораздо полезнѣе вести разговоръ съ живыми людьми, чѣмъ съ безотвѣтными проектами. Хотя мы не имѣемъ права придавать появившимся отвѣтамъ офиціозный характеръ, но они писаны, очевидно, людьми, имѣющими близкія связи съ администраціею и выражающими съ достаточною приблизительностью ея взглядъ.

Счастіе, однакожъ, не полно. О сущности дѣла въ послѣднихъ отвѣтахъ все-таки нѣтъ ни слова, и спорные вопросы обойдены цѣликомъ. Но если изъ нихъ не видно прямо мнѣнія, то видно по крайней мѣрѣ настроеніе къ поставленнымъ вопросамъ. Даже такимъ образомъ монологъ обращается въ діалогъ.

Понимаю совершенно, насколько такой разговоръ безполезенъ въ настоящее время. Но знаю также, что никакое об-

щественное сознаніе, разъ установившееся, не можетъ оставаться безплоднымъ долго; для того же, чтобы сознаніе могло установиться, нужно, чтобы спорный вопросъ былъ освѣщенъ не съ одной только стороны и чтобы объясненіе его не составляло исключительнаго права поборниковъ одного направленія.

О самомъ предметѣ я не буду говорить много; по моему понятію, онъ развитъ уже достаточно. Но я долженъ объясниться съ противниками насчетъ нѣсколькихъ пунктовъ—изъ уваженія къ дѣлу и читателямъ.

Читатели знаютъ, что мнѣ пришлось стоять въ этомъ спорѣ на двухъ противоположныхъ точкахъ. Сначала я доказывалъ невозможность обойтись безъ резерва, а офиціозная военная печать возражала мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду его стоимостью и ненужностью *). Потомъ внезапно роли перемѣнились: не только резервъ оказался необходимымъ, но оказалось также, что для него нельзя жалѣть никакихъ жертвъ. Я же остался при своемъ мнѣніи, и долженъ былъ доказывать обратно, что хотя резервъ точно нуженъ, но только въ той мѣрѣ, насколько онъ нуженъ и что жертвовать лишнимъ, въ настоящемъ положеніи Россіи, значитъ подсѣкать не одно настоящее, но и будущее, въ томъ числѣ и будущее военное могущество. Кромѣ того, у насъ шелъ разговоръ и о другихъ вещахъ, безъ которыхъ число ничего не значитъ.

Вопросы, поставленные въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи» и потомъ въ «Переустройствѣ русскихъ силъ» очень просты и вызываются очевидностію. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ настоящее время, при 150 милліонахъ военнаго бюджета и съ просторомъ дѣйствій, открывавшемся послѣ освобожденія крѣпостныхъ, мы выставляемъ на поле битвы гораздо меньше людей, чѣмъ сѣверо-германскій союзъ, располагавшій бюджетомъ въ 76 мил. талеровъ; меньше даже чѣмъ выставляла прежняя досевастопольская организація, имѣвшая въ своемъ распоряженіи бюджетъ не выше прусскаго, и страшно стѣсненная крѣпостнымъ правомъ, недопускавшимъ устройства правильнаго резерва. Всякая держава выставляетъ на театръ войны больше, по крайней мѣрѣ не меньше, силъ, чѣмъ сколько она содержитъ въ мирное время; между тѣмъ, какъ у насъ могло бы

*) Возраженія эти будутъ перечислены ниже.

перейти за границу не больше половины регулярнаго войска, содержимаго по мирнымъ штатамъ. Необходимо исправить это отношеніе силъ. Но исправлять его созданіемъ второй солдатской арміи—резервной, въ то время, когда во многихъ отношеніяхъ недостаетъ средствъ на приведеніе въ полную готовность первой—наличной, угрожало бы опасностью задавить производительныя силы подъ тяжестію бюджета и отвлеченія отъ труда, безъ твердой увѣренности въ результатѣ,—что не можетъ быть полезно ни для кого, такъ какъ армія существуетъ для государства, а не государство для арміи. Притомъ, удвоеніе войска этимъ способомъ можетъ быть произведено только насчетъ качества самой же арміи; пришлось бы растворить въ двойной массѣ всѣ ея нравственныя силы, весь ея разумъ, выработанные напряженными усиліями двухъ почти вѣковъ—именно то, что у насъ добывается всего труднѣе и въ чемъ оказывается наибольшій недочетъ. Въ этомъ отношеніи нашу армію приходится сберегать тщательнѣе, чѣмъ всякую иную, такъ какъ она—произведеніе чисто искуственное, можно сказать, тепличное, развившееся не въ уровень съ другими государственными учрежденіями, подобно арміямъ европейскимъ, но взростившее въ себѣ и изъ себя независимо отъ общаго состоянія вещей въ государствѣ, все, чѣмъ она обладаетъ;—такъ продолжается и до днесь. Тратить армію на резервъ было бы слишкомъ невыгодно. Главное же,—при массѣ нашихъ постоянныхъ войскъ, дѣйствующихъ и мѣстныхъ (превосходящей вдвое силы, содержимыя, по мирному положенію, самою могущественною изъ европейскихъ державъ), мы не затруднились бы выставить въ поле огромную армію, если бы эти постоянныя войска можно было собрать и замѣнить вездѣ, внѣ самого театра войны,—на оборонительныхъ окраинахъ, въ гарнизонахъ крѣпостей и внутреннихъ караулахъ,—чѣмъ бы то ни было; а для такой цѣли нужна не вторая солдатская армія, а какая-нибудь земская сила, нѣсколько подъучоная. При этомъ исчезло бы ненужное и вовсе не военное подраздѣленіе пѣхоты на нѣсколько категорій,—на баталіоны дѣйствующіе, губернскіе, крѣпостные и линейные; всякій постоянный солдатъ обратился бы въ бойца. Затѣмъ, наши постоянныя войска могутъ быть еще усиливаемы для войны очень несложными мѣрами. У насъ много людей, и у нихъ окажется, когда нужно, много доброй воли;

но мы слабы организаціонными средствами, а потому должны извлекать изъ нихъ пользу до возможнаго предѣла. При ежегодно возрастающемъ недочетѣ въ офицерахъ, и невозможности, вслѣдствіе того, формировать новыя части изъ приготовленныхъ людей (подобно прусскому ландверу), но зная притомъ складъ русской арміи, естественно возникаетъ предположеніе: не лучше ли прямо усиливать этими приготовленными людьми наличныя части, соединяя ихъ въ тактическія единицы такой силы, какая окажется удобнѣе. Тогда наша дѣйствующая армія будетъ достаточна противъ какого бы то ни было союза. Есть ли, покуда, кромѣ этого средства, какое-либо другое, съ толкомъ воспользоваться лишними отпускными для войны? Передумывая сказанное, по неволѣ приходишь къ вопросу: слѣдуетъ ли намъ создавать вторую солдатскую армію, безъ большой увѣренности въ успѣхѣ, и жертвовать ей всѣми личными и вещественными силами народа, жертвовать только что возникающимъ образованнымъ слоемъ общества? Не слѣдуетъ ли, оставляя армію особнякомъ, какъ она стоитъ съ самаго начала, искать ей подспорья—не дорогаго, не обременительнаго для личности, но сильнаго числомъ и доброю волей,—въ самомъ народѣ. Развѣ дешевое ополченіе, нѣсколько подъучоное, не достаточно для того, чтобы занимать во время войны шаткія окраины и караулы, и пополнять убыль въ арміи? Стоитъ ли обременять государство 30 лишними милліонами бюджета и разрывать воспитаніе каждаго молодаго человѣка, какъ разъ между гимназіею и университетомъ, оставаясь въ то же время опять при разрозненной арміи, разбитой на разныя мѣстныя и другія подраздѣленія войскъ, и потому опять, при недостаточной, дѣйствительно боевой силѣ на театрѣ войны, — все изъ-за плохаго солдатскаго резерва, превосходящаго качествомъ ополченіе развѣ только на нѣсколько процентовъ? Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ почти такого же свойства: должны ли мы рабски подражать другимъ и отказаться отъ пользованія своими естественными силами, потому только, что ихъ нѣтъ у этихъ другихъ? Должны ли мы, напримѣръ, располагая милліонами прирожденнаго коннаго населенія, формировать искуственно дорогую строевую конницу и тратить лишніе милліоны на содержаніе ея въ полномъ комплектѣ, въ мирное время, вмѣсто того, чтобы держать на лицо только треть людей и коней, а на войнѣ владѣть двойною силой

противъ нынѣшней? Или еще: должны ли мы пренебрегать страшною силою — нашею безподобною нестроевою конницею, не смотря на обиліе матеріала, большая половина котораго не выйдетъ, однакожъ, на войну по недостатку какого-либо подготовительнаго устройства въ мирное время? И такъ далѣе.

До сихъ поръ перечислены главнѣйшіе изъ вопросовъ чисто внѣшнихъ, опредѣляющихъ составъ и численность арміи. За ними встаютъ вопросы качественные, одни—присущіе всякому войску, другіе — неизбѣжные въ войскѣ русскомъ, истекающіе изъ его личнаго склада. Могутъ ли быть составляемы у насъ полки изъ людей, собранныхъ внезапно и ничѣмъ не склеенныхъ между собою нравственно, на подобіе того, какъ были составлены полки арміи Бурбаки, также изъ старослуживыхъ людей, растаявшіе въ одну недѣлю?—можно ли ожидать многаго отъ полка безъ исторіи и преданій, и существуютъ ли эти преданія для людей, созванныхъ въ полкъ случайно, на нѣсколько дней? Будетъ ли солдатъ заботиться о своей части и будетъ ли на нее полагаться (безъ чего нельзя быть смѣлымъ), когда онъ стоитъ между двумя неизвѣстными ему людьми? Можетъ ли обнаружиться въ краткосрочныхъ войскахъ какая-нибудь стойкость и развиться настоящій солдатскій духъ, безъ постоянныхъ унтеръ-офицеровъ, доведенныхъ до закала дѣйствительно военныхъ людей, образующихъ основу части владѣющихъ рядовыми нравственно, а не по заказу? Можетъ ли русская армія сохранить свои качества при нынѣшнемъ недочетѣ, при нынѣшнемъ нравственномъ и вещественномъ положеніи офицеровъ, и не слѣдуетъ ли искать средствъ противъ этой бѣды въ возвратѣ ко многому, что составляло всегда приманку военной службы, и еще больше — въ распредѣленіи офицеровъ, сообразномъ съ нынѣшнимъ состояніемъ общества и самой арміи, вмѣсто того, чтобъ ежегодно безплодно сѣтовать на неисправимую недостаточность бюджета? Можетъ ли армія воспитаться удачно, безъ цѣльности власти и соотвѣтственной обстановки, безъ строгого военнаго подбора полковыхъ командировъ, этихъ настоящихъ воспитателей ея? Можно ли было оставить въ строевой арміи неприкосновеннымъ зло, называемое полковымъ хозяйствомъ, ограничиваясь уничтоженіемъ одного лишь хозяина, служившаго единственнымъ противовѣсомъ злу, обращавшимъ его, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, на пользу части? Правильно ли усат-

новлены отношенія тамъ, гдѣ часто лучшіе офицеры не желаютъ принимать званіе полковаго командира, столь великое въ арміи по своему назначенію? Соотвѣтствуетъ ли дѣлу безконечная отчетность, съ мелочнымъ формализмомъ, ничего не выясняющая сама по себѣ и невозможная въ военное время, введенная въ войска, и заставляющая начальниковъ частей противъ воли и убѣжденія, но по необходимости, разцѣнивать офицеровъ преимущественно по ихъ канцелярской способности? Статочное ли дѣло — остановить постоянно увеличивающійся недочетъ строевыхъ офицеровъ однѣми денежными средствами, еслибъ они и нашлись, при такой обстановкѣ, когда прямая способность армейскаго офицера къ своему дѣлу ставится на задній планъ и не даетъ ему никакой надежды на карьеру? Можно ли поставить въ системѣ военнаго образованія такъ называемыя общечеловѣческія цѣли впереди чисто военныхъ, цѣнить, напримѣръ: солдатъ почти исключительно по успѣху въ грамотности? Не колеблятъ ли такія взгляды и требованія боеваго духа арміи? Можетъ ли администрація, привыкшая смотрѣть на все съ своей точки зрѣнія, занятая своимъ дѣломъ, сама же себя повѣряющая, развить войска нравственно, укоренить въ нихъ такой же воинскій духъ, какъ это было возможно ихъ прямымъ начальникамъ, взросшимъ въ арміи, неразлучно жившимъ съ нею на войнѣ и въ мирѣ? Могутъ ли главные боевые вожди, разставшіеся съ арміей на полтора десятка лѣтъ, увѣренно принять въ свои руки неизвѣстныя имъ поколѣнія людей, взрощенныя въ новомъ для нихъ духѣ? Можетъ ли постоянное войско, сущность котораго состоитъ въ томъ, что сотни и тысячи жизней отдаются на безграничное распоряженіе одного человѣка, причемъ подчиненные всѣхъ степеней не имѣютъ права, не должны даже имѣть привычки разсуждать — съ толкомъ или безъ толку ихъ ведутъ на смерть — можетъ ли оно вынести безъ разстройства коллегіальныя формы управленія, не только полковъ, но, сверху до низу, формы, въ которыхъ мнѣніе младшаго поминутно связываетъ старшаго, или подробный регламентъ отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, позволяющій послѣднему на каждомъ шагу отстаивать свои права; какъ будто войско можно приравнивать къ гражданскому обществу? И такъ далѣе. Однимъ словомъ: можетъ ли страшная жертва, требуемая отъ государства содержаніемъ постоянной арміи, искупаться

чѣмъ либо другимъ, кромѣ совершенной годности арміи для войны, и потому безопасностію государства?

За этими вопросами поднимаются третьи, первостепенной важности, не вполнѣ затронутые до сихъ поръ печатью. Можетъ ли администрація судить правильно о нравственныхъ потребностяхъ боевой службы и правильно расцѣнивать военныхъ людей? Не будутъ ли люди, въ глазахъ ея, цифрами, и управленіе арміей — одною статистикой, съ упущеніемъ всей внутренней стороны дѣла? Правильно ли поставлены основанія тамъ, гдѣ одинъ и тотъ же начальникъ командуетъ и инспектируетъ себя, довольствуетъ войска, и провѣряетъ правильность довольствованія? Можно ли въ Россіи, при нашихъ порядкахъ, формировать арміи съ ихъ сложнымъ механизмомъ, сильнымъ только при условіи единства и связности, въ ту самую минуту, когда ихъ должно вести на войну? Можно ли безнаказанно примѣнять военно-полевыя учрежденія къ учрежденіямъ административнымъ, и для того связывать самостоятельность начальствованія на войнѣ? И, опять, такъ далѣе.

Существенны ли эти вопросы. и можетъ какой нибудь хорошій русскій не принимать ихъ къ сердцу? Въ настоящее же время, можетъ ли не принять къ сердцу многихъ изъ нихъ даже самый дурной изъ русскихъ подданныхъ, когда они такъ близко подступаютъ къ его личности?

Надобно замѣтить: недоразумѣнія, разрѣшающіяся такими основными вопросами качественными, возникли у насъ съ системою 1862 г.; до тѣхъ поръ было мѣсто однимъ вопросамъ перваго отдѣла—состава и численности. Военныя основанія, заложенныя Петромъ и длившіяся неизмѣнно до послѣдняго десятилѣтія, воспроизводившія, конечно, всѣ неизбѣжные недостатки гражданскаго быта, на которомъ онѣ строились (чему великое освобожденіе 19 февраля и новый духъ общества также неизбѣжно полагали конецъ), были безупречны, въ смыслѣ внутренняго боеваго воспитанія арміи, со всѣми его всемірно признанными потребностями. Рѣчь идетъ, конечно, не о смотровыхъ взглядахъ). Съ 1862 года возникаютъ сомнѣнія о вещахъ, считавшихся у насъ до тѣхъ поръ—и считаемыхъ еще вездѣ—безспорными.

II.

Я считалъ главнымъ дѣломъ правильную постановку вопросовъ; рѣшеніе же, хотя провѣренное многими опытными людьми, выдавалъ только за приблизительное. Нѣкоторые изъ поставленныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, недостаточно ясны для большинства общества; чтобъ оцѣнить ихъ важность, надо ихъ перечувствовать и посмотрѣть, что выходитъ на дѣлѣ отъ того или другаго разрѣшенія ихъ. Но для военнаго, т.-е. дѣйствительно сжившагося съ арміею, человѣка, тутъ идетъ дѣло о вещахъ близкихъ сердцу. Вслѣдствіе того, труды мои были встрѣчены военными людьми съ откровеннымъ сочувствіемъ. Соглашаясь или не соглашаясь съ тѣмъ или другимъ предложеннымъ рѣшеніемъ, они признавали единогласно неотложную важность постановленныхъ вопросовъ, и удостоивали меня, письменно и словесно, привѣтствій, превыше заслуги. Не имѣя права, безъ согласія этихъ высокочтимыхъ воиновъ, называть ихъ имена, ни приводить ихъ слова, что было бы лучшей изъ всѣхъ аргументацій, я могу, однакожъ, сказать: эти лица— значительное большинство нашихъ вождей, имена которыхъ извѣстны каждому: главнокомандовавшіе боевыми русскими арміями, большая часть бывшихъ корпусныхъ командировъ, начальники большихъ дѣйствовавшихъ силъ, и за ними много генераловъ, въ числѣ которыхъ опять большинство людей, составившихъ себѣ военное имя. Читатель пойметъ, что это показаніе безспорное: такъ можетъ говорить только человѣкъ, имѣющій средство доказать свои слова.

Въ тоже время со стороны лицъ, стоявшихъ въ административныхъ рядахъ (журналы, издаваемые военнымъ министерствомъ) *), или взявшихъ на себя защиту дѣла въ томъ же смыслѣ **), я былъ встрѣченъ такимъ образомъ. Рецензія «Военнаго Сборника» 1 января 1868 г. начиналась словами: «нѣкоторые самозванные прожектеры берутъ на себя и проч. ***).

*) Статьи «Инвалида» 1867 г. «Военнаго Сборника» 1 января 1868 г. и статья г. профессора военной академіи Беренса.

**) Статьи г. Быкова, г. С. З. и передовая статья «Голоса», писанная, кажется не редакціей, какъ обнаруживается изъ слѣдующаго.

***) Тѣмъ не менѣе, надо отдать справедливость этой статьѣ, и только ей; она писана, очевидно, человѣкомъ военнымъ, но повинующимся своему положенію; между бранью она разсуждала часто мѣтко, хотя полусловами.

Слѣдующія рецензіи или отвѣты объявляли:

«Отъ этихъ статей отдаетъ чѣмъ-то неподходящимъ подъ русскую натуру, чѣмъ-то желчнымъ и недружелюбнымъ... и совсѣмъ, какъ бы, не въ русскомъ духѣ». «Онъ напускаетъ полный туманъ на совершенно ясное дѣло. Г. Фадѣеву неизвѣстна азбука организаціи нашей арміи. Пусть онъ переговоритъ съ юнкеромъ младшаго класса военнаго училища. Такой проектъ организаціи называется нелѣпостію, человѣкъ, его предлагающій—незнающимъ азбуку того дѣла, за которое берется, а осуществленіе такого проекта—верхомъ безразсудства. Г. Фадѣевъ не можетъ выдержать экзамена въ младшій классъ нашего военнаго училища».

И прочее; все выписано буквально.

Но обходить предметъ и посылать автора въ младшій классъ военнаго училища оказалось недостаточнымъ. Послѣднія статьи по поводу «Переустройства русскихъ силъ» прибѣгли къ новому способу, который нельзя назвать иначе, какъ «ложнымъ показаніемъ». Пріемъ этотъ достоинъ обличенія.

Напримѣръ, читавшіе «Вооруженныя силы», или знающіе меня лично, знаютъ и то, что я всегда былъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній. Въ моей книгѣ сказано:

«Съ тѣхъ поръ (съ 19 февраля) многое измѣнилось—крѣпостное состояніе уничтожено не только въ земствѣ, но и въ войскѣ, и народъ это знаетъ, рекрутъ не возятъ больше въ колодкахъ и не клеймятъ бритьемъ головы; срокъ службы уменьшенъ, тѣлесное наказаніе отмѣнено... совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло на нашу армію».

Ясно-ли? Такихъ мѣстъ въ книгѣ много, и все содержаніе ея не допускаетъ никакого сомнѣнія въ моемъ направленіи. Но въ послѣдней моей статьѣ написано: «Во Франціи не подчиняли отношенія между военными людьми, истекающія изъ суровой необходимости обратить ихъ въ слѣпое орудіе одной воли, какимъ-либо невозможнымъ филантропическимъ взглядамъ, не прилагали своихъ знаменитыхъ «правъ человѣка» къ военной службѣ, ни по дисциплинарному порядку, ни передъ военнымъ судомъ». Изъ нѣсколькихъ предъидущихъ строкъ о поднявшихся вопросахъ, читатель уже видѣлъ смыслъ этихъ словъ; они значатъ: военный начальникъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія только передъ старшимъ, и даже въ томъ случаѣ, если его признаютъ виноватымъ; подчиненный не долженъ

этого знать. Въ европейскихъ арміяхъ аксіома не подлежитъ сомнѣнію. Одинъ изъ отвѣчавшихъ мнѣ, г. Быковъ, выводитъ, однакожъ, изъ этихъ словъ, что я требую возстановленія тѣлесныхъ наказаній, негодуетъ на двухъ столбцахъ газеты, и произноситъ приговоръ:

«Кто изъ русскихъ не возмутится такимъ явнымъ дикимъ протестомъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, вызванной реформами, обезсмертившими нынѣшнее царствованіе?»

Между тѣмъ, у меня даже слово наказаніе не было произнесено.

Былъ-ли тутъ какой-нибудь поводъ къ невольному недоразумѣнію, и имѣю-ли я право назвать такую уловку «ложнымъ показаніемъ?»

Далѣе. Въ статьѣ «Голоса» сказано, что я писалъ и подписывалъ въ «Вѣсти» статьи противъ военнаго министерства, пока «Московскія Вѣдомости» не обличили меня. Въ жизни я не писалъ строки въ «Вѣсти», и никогда моей подписи тамъ не было. Надѣюсь, что редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и бывшіе редакторы «Вѣсти» объявятъ, есть-ли тутъ хоть слово правды!

Въ той же статьѣ сказано, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» я назвалъ систему 1862 года—19-мъ февраля нашей арміи, и потомъ вымаралъ это выраженіе, при изданіи книги. Я много сокращалъ, издавая книгу, какъ дѣлаетъ всякій; однакожъ это выраженіе осталось цѣликомъ на стр. 29-й; но оно нисколько не было уподобленіемъ, оно было выраженіемъ голаго факта. Освобожденіе крѣпостныхъ состоялось въ 1861 году, и съ того же времени началось введеніе его въ армію; разумѣется, освобожденный народъ не могъ обращаться въ крѣпостныхъ солдатъ. Это событіе было благодѣяніемъ великаго царствованія, послѣдствіемъ его—солдатъ, несомнѣнно лучшій, какъ матеріалъ, чѣмъ прежній, и просторъ въ военныхъ мѣропріятіяхъ, не стѣсняемыхъ больше крѣпостнымъ правомъ. Но военное министерство тутъ ни причемъ, какъ горное вѣдомство въ освобожденіи заводскихъ крестьянъ; оно можетъ быть отвѣтственно только въ дальнѣйшемъ примѣненіи данныхъ основаній; всякій же, читавшій «Вооруженныя силы», знаетъ, что я не былъ сторонникомъ многихъ изъ нихъ, хотя въ то время система далеко еще не обозначилась.

Но крупнѣе всѣхъ ложныхъ показаній—показаніе статьи

г. С. З. Рѣчь шла о невыдѣленіи особою хозяйственною частію 5-й стрѣлковой роты; вездѣ есть люди, приготовленные тщательнѣе другихъ для стрѣлковаго дѣла; но выдѣляются ли они хозяйственно, это не имѣетъ никакого отношенія къ войнѣ. Я писалъ не для барышень, и потому не считалъ нужнымъ отчеканивать каждое начальное понятіе, какъ въ учебникѣ. Въ словахъ: «достаточно ввести въ каждую изъ четырехъ ротъ баталіона» пропущено слово «линейныхъ»; только, нѣсколько строкъ дальше, сказано; «для успѣшности этой мѣры нужно, чтобъ стрѣлки не были выдѣляемы изъ ротъ особою частію». Конечно, я не заботился о ясности такого выраженія; каждому рядовому извѣстно, сколько ротъ въ баталіонѣ, мнѣ же доводилось не разъ командовать въ огнѣ колонною, состоявшею преимущественно изъ сводныхъ стрѣлковыхъ ротъ нѣсколькихъ полковъ,—трудно было не знать ихъ состава и значенія. По этому-то поводу г. С. З. обличилъ меня въ незнаніи азбуки военной организаціи, и послалъ экзаменоваться въ младшій классъ юнкерскаго училища. Онъ заключаетъ такъ: «какъ гоголевскій почтмейстеръ въ своихъ несообразностяхъ дошелъ до того, что, наконецъ, самъ долженъ былъ хлопнуть себя по лбу, такъ и г. Фадѣевъ» и проч.

Если ужъ рѣшиться разъ въ жизни и на минуту заговорить невозможнымъ языкомъ г. С. З., то можно сказать ему: у того же самаго писателя вы найдете такія слова, обращенныя къ нечистому игроку: «не тратьте по пусту зарядовъ, мы видимъ, что вамъ извѣстны тайны высшаго искуства».

Я показалъ только главныя изъ подобныхъ продѣлокъ, но ими проникнуты насквозь обѣ названныя статьи.

Праваго дѣла не защищаютъ такими пріемами.

III.

Для нравственной оцѣнки послѣднихъ статей и возвышенности мнѣній той стороны, которой онѣ служатъ представителями, достаточно было бы сказаннаго: но жаль обойдти и другую сторону: сводъ разсужденій, писавшихъ о самомъ предметѣ, когда они разсуждаютъ искренно, еще любопытнѣе. Если вспомнишь, что гг. Быковъ и С. З. принялись защищать офи-

ціальный взглядъ, и стало быть знаютъ его сколько нибудь, сужденіе ихъ пріобрѣтаетъ общій интересъ.

Послушаемъ прежде сужденія г. Быкова. Его статья писана разомъ противъ меня и г. Я—ва, развивавшаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» замѣчательно вѣрный взглядъ на недостатки нынѣшняго командованія арміею. Мнѣніе его подходитъ близко къ моему, вслѣдствіе чего я считаю себя вправѣ отвѣчать разомъ на обѣ статьи.

Но еще раньше, въ видѣ предисловія ко всему послѣдующему, я долженъ понятно объяснить г. Быкову, что значатъ слова, которыя онъ принялъ за протестъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Я буду говорить вещи общеизвѣстныя; но что же дѣлать, когда пишущіе въ защиту официіальныхъ взглядовъ не хотятъ знать этихъ общеизвѣстныхъ вещей.

Постоянная армія, дѣйствительно, «составляетъ исключеніе въ просвѣщенномъ обществѣ, и стоитъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ духъ вѣка, и потому не можетъ быть подводима подъ взглядъ прогрессивныхъ журналовъ». Армія есть собраніе вооруженныхъ людей, оторванныхъ отъ общества, имѣющихъ призваніемъ обращать свое оружіе, безъ разсужденія, куда прикажутъ, и воспитываемыхъ въ такомъ духѣ, стоящихъ особнякомъ посреди безоружныхъ гражданъ. Для того, чтобъ эта вооруженная сила была страшна врагамъ и безопасна для своихъ, нужно, чтобъ она была глубоко дисциплинирована, то есть, чтобъ воля старшаго была высшимъ и непреложнымъ закономъ для младшаго, что осуществляетъ царство произвола, а не закона — не то, что въ гражданскомъ обществѣ, и чего можно достигнуть не регламентомъ, а только вкорененною привычкою, нетерпящею никакого исключенія. Не такъ легко заставить идти на явный рискъ смерти, бодро и дружно, людей, большинство которыхъ не чувствуетъ къ тому никакого геройскаго влеченія и не легко также удержать вооруженнаго и ожесточеннаго своимъ ремесломъ человѣка отъ насилія надъ безоружнымъ. Затѣмъ, власть старшаго сдерживается только старѣйшимъ, который долженъ смотрѣть, чтобы первый не злоупотреблялъ ею. Эта цѣпь безусловнаго повиновенія обхватываетъ всю армію и замыкается въ рукахъ главы государства, верховнаго главнокомандующаго. Оттого отстаиваніе своего права, основный законъ гражданскаго общества, не примѣнимъ къ

войску; тамъ нѣтъ правъ, а есть только жалоба непосредственному начальнику; военные законы писаны не для того, чтобы младшій ограждалъ ими свои права, а для того, чтобы старшій отвѣчалъ за соблюденіе ихъ передъ старѣйшимъ. Гражданское общество въ своемъ развитіи стремится къ тому, чтобы у частнаго лица не только не было никакого начальника (потому что верховная власть есть выраженіе государственнаго права, а не начальство), но чтобы частное лицо пользовалось свободой идти на перекоръ всему обществу, вмѣстѣ взятому, пока изъ его дѣйствій не происходитъ вещественнаго зла. Въ арміи же начальникъ — все, и какъ каждый школьникъ знаетъ — «младшій о поступкахъ старшаго не разсуждаетъ». Отъ того постоянная армія не можетъ идти объ руку съ гражданскимъ обществомъ и развиваться вмѣстѣ съ нимъ; гражданскій прогрессъ можетъ вліять на внѣшнія формы произвола, осуществляемаго арміей; на сознаніе лицъ, облеченныхъ имъ, а не на его сущность. Внутренній порядокъ постоянной арміи и отношенія между людьми, ее составляющими, не сдвинулись ни на волосъ, и не могли сдвинуться, съ того основанія, на которомъ была поставлена первая постоянная армія, фаланга Филиппа Македонскаго. Въ самомъ рабскомъ обществѣ и въ самомъ свободномъ не можетъ быть значительной разницы во внутреннихъ учрежденіяхъ арміи. Мы видимъ въ исторіи примѣры развращенія арміи, но не видимъ примѣра добровольнаго приложенія къ арміи «правъ человѣка», что мой просвѣщенный оппонентъ кринимаетъ за отсталость понятій. Дисциплинированные янычары были страшною и безопасною для Турціи силой; янычары, утратившіе дисциплину, стали бѣгать, и въ тоже время стали жечь Константинополь. Это исторія всякой арміи, въ которой начинается растлѣніе; она сама додумается до «правъ человѣка», не дожидаясь просвѣщеннаго почина сверху. Послѣдствія же растлѣнія постоянныхъ армій достаточно извѣстны: первое—негодность въ бою; второе — военныя возстанія подъ либеральною вывѣскою, какъ въ Испаніи; третье — продажа власти и права съ молотка, какъ въ Римѣ III столѣтія, съ вѣшаньемъ либераловъ (либералами считаются всѣ, кого можно ограбить). Не трудно вызвать искреннія рукоплесканія либеральнаго студента, поставивъ на очную ставку начальника части съ его рядовымъ, студентъ будетъ видѣть тутъ торжество священныхъ «правъ

человѣка», Но этому юношѣ можно объяснить въ пять минутъ, что сцена, радующая его, противна интересамъ каждаго — отъ старообрядца до нигилиста, что она станетъ со временемъ гасильникомъ всякаго права, и что самъ онъ можетъ узнать изъ горькаго опыта, не только старости, но своихъ зрѣлыхъ лѣтъ, къ чему ведутъ такія сцены и такія рукоплесканія. Избѣжать «отношеній между военными людьми, истекающихъ изъ суровой необходимости, обратить ихъ въ слѣпое орудіе единой воли», и не колоть глаза просвѣщенному обществу военною дисциплиной (несомнѣнно идущей въ разрѣзъ всякому просвѣщенію), можно только однимъ способомъ— если народный складъ и географическое положеніе позволяютъ— не держать арміи внутри государства, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Но держать армію и допустить въ нее «права человѣка»— это значитъ создать такое просвѣщенное состояніе вещей, искорененіемъ котораго прославились Діоклатіанъ, Петръ Великій и султанъ Махмудъ II.

Мы слышали объ эмансипаціи труда, объ эмансипаціи женщинъ, даже объ эмансипаціи дѣтей. Но признаюсь, въ первый разъ въ жизни услыхалъ я объ эмансипаціи арміи (хотя и видѣлъ нѣчто подобное). И надобно же было такъ случиться, что первую гласную проповѣдь о ней сказали люди, вздумавшіе взять на себя защиту мнѣній нынѣшняго военнаго министерства!

IV.

Понятно, что въ такомъ исключительномъ кругу, какова постоянная армія, взаимныя отношенія и понятія людей о своемъ дѣлѣ рѣзко отличаются отъ взглядовъ гражданскихъ. Настоящій военный человѣкъ на службѣ и внѣ службы—два различныя лица. Эти особенныя отношенія и понятія стоятъ совершенно на своемъ мѣстѣ въ военной средѣ, которая безъ нихъ и существовать не можетъ; онѣ истекаютъ изъ дѣйствительности, весьма отличной отъ обыкновенной общественной, но имѣющей свои непреложные законы, какъ всякая дѣйствительность. Только изучить эту дѣйствительность со стороны невозможно, надо въ нее вжиться, такъ какъ она состоитъ вся изъ безчисленныхъ мелочей, общій итогъ которыхъ, тѣмъ не

менѣе—годность арміи для боя и безопасность для общества, или, напротивъ—негодность въ бою и государственная опасность. По невозможности подвести несчетные случаи подъ правила, въ военномъ человѣкѣ важнѣе всего складъ, развившійся жизнію и опредѣляющій потомъ самъ собою его взгляды и пріемы въ дѣлѣ; тогда ему не придется уже додумываться до послѣдствія какого либо вопроса въ своемъ ремеслѣ; онъ ихъ видитъ практически впередъ. Въ такомъ искуственномъ и одностороннемъ мірѣ какъ военный, принципы не имѣютъ никакого смысла, вся важность въ непосредственномъ результатѣ. Потому дѣйствительная военная служба и ношеніе военнаго мундира внѣ ея, при какой бы то ни было книжной учености, не имѣютъ ничего общаго. Всякій знаетъ, что армія не можетъ обойтись безъ многихъ внѣшнихъ учрежденій, безъ администраціи и разныхъ спеціальностей; но всѣ онѣ должны только служить ей. Вѣрно же судить о потребностяхъ войскъ и распоряжаться ими—командовать на войнѣ или воспитывать ихъ для войны—могутъ одни военные люди, если не боевые (которыхъ нельзя ставить по заказу), то строевые. Послѣднее раздѣленіе, впрочемъ, только теоретическое; въ наше время и въ большомъ государствѣ главные военные начальники по большей части вели войну, и оказываются вмѣстѣ строевыми и боевыми.

Указаніе на эту послѣднюю истину составляетъ естественный переходъ ко второму разсужденію г. Быкова. Стараясь затемнить неопровержимые доводы г. Я—ва, онъ обращается и ко мнѣ, по этому же поводу, съ такими словами:

«Можно-ли утверждать, что всѣ боевые люди, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ военныхъ достоинствахъ и заслугахъ, одинаково полезны и способны для управленія частями, какъ въ военное, такъ и въ мирное время? Что же бы пришлось дѣлать съ боевымъ человѣкомъ, занимающимъ должность, которая требуетъ и административныхъ способностей, когда бы онъ оказался въ нихъ несостоятельнымъ, неужели допустить приложеніе къ дѣлу однѣхъ только боевыхъ способностей? и т. д.».

Между прочимъ, замѣтимъ г. Быкову, что, защищая какую-нибудь сторону, не надобно ее же язвить. Кто эти «административные генералы, лишенные военныхъ способностей?» Но дѣло не въ томъ.

Первое заключеніе, возникающее въ мысли по прочтеніи

словъ г. Быкова, слѣдующее: если военная система сложена такимъ образомъ, что она по правилу, а не въ видѣ особеннаго исключенія, удаляетъ въ мирное время изъ арміи боевыхъ людей, единственныхъ, которые могутъ приготовить боевыя войска, то она идетъ мимо цѣли, и не годится.

Но дѣло еще важнѣе.

Г. Я—въ развилъ ясно для каждаго читателя (для военнаго же человѣка неоспоримо) современную потребность нашей арміи въ высшихъ самостоятельныхъ начальникахъ. Но мое заключеніе оттѣняется отъ его заключеній тѣмъ, что, какъ мнѣ кажется, г. Я—въ сказалъ въ своей замѣчательной статьѣ съ одной стороны, слишкомъ много, съ другой—не договорилъ главнаго.

Онъ сказалъ слишкомъ много, полагая, что возстановленіе самостоятельныхъ командировъ совмѣстно съ нынѣшнею военною системою. Система эта завершена достаточно, чтобы можно было не ошибаться въ ея основаніяхъ. Она не допускаетъ въ принципѣ какой бы то ни было части войскъ, выдѣленныхъ особымъ самостоятельнымъ цѣлымъ, начальникъ котораго не былъ бы въ то же время начальникомъ поземельнаго округа и предсѣдателемъ окружнаго совѣта, составляющаго, въ сущности, мѣстное отдѣленіе самаго же министерства; непремѣнно отдѣленіе, такъ какъ министерство не можетъ нигдѣ выпустить изъ рукъ военнаго хозяйства,—оно для этого существуетъ. Но такимъ образомъ выходитъ, что, вмѣсто чисто-военнаго командованія войсками, поставлена надъ ними исключительно военно-административная инспекція, довольствующая, командующая и сама себя повѣряющая. Назначеніе единаго корпуснаго командира, не только главнокомандующаго, было бы отрицаніемъ всей системы.

Къ доводамъ, выставленнымъ г. Я—вымъ, можно было бы прибавить еще новые; но суть дѣла все-таки не въ нихъ.

Она вотъ въ чемъ:

Самостоятельные высшіе начальники арміи, въ прежнемъ смыслѣ, необходимы у насъ въ мирное время для того, чтобы быть ходатаями передъ государственною властію за потребности живой, дѣйствительной русской арміи, а не какой-либо отвлеченной. Военная администрація, какъ министерство, всегда имѣетъ достаточный голосъ, чтобы настоять на своихъ нуждахъ; но если она же будетъ говорить и за армію, то по

неизбѣжной необходимости, потому что человѣкъ такъ созданъ-при какомъ бы то ни было талантѣ и несомнѣннѣйшей добросовѣстности, она дастъ перевѣсъ административнымъ нуждамъ и улучшеніямъ передъ существенными потребностями арміи; то-есть, пожертвуетъ цѣлію—средствамъ. Это неминуемо, какъ по естественному влеченію къ тому, что ближе сердцу, такъ и потому, что администрація, каковъ бы ни былъ ея составъ, не можетъ близко знать армію, и никогда, нигдѣ, безъ единаго исключенія въ исторіи, не проникала въ сущность военнаго дѣла. Такъ слѣдуетъ, потому что администрація, по естественному порядку вещей, завѣдуетъ исключительно сырыми матеріалами, личными и вещественными, изъ которыхъ слагается армія, и должна сосредоточивать на нихъ все свое вниманіе—трудъ и безъ того громадный. Но даже въ этомъ отношеніи рѣшеніе вопроса,—что нужно, не подъ силу ей: правильно судить объ немъ могутъ только тѣ, которые поведутъ армію въ бой; дѣло администраціи найти наилучшія средства удовлетворить заявленной потребности. Нравственныя же нужды арміи никогда не могутъ быть точно оцѣнены администраціею, потому что полководецъ не бываетъ военнымъ министромъ, кромѣ какихъ-нибудь исключительныхъ и минутныхъ обстоятельствъ; онъ гораздо нужнѣе на своемъ мѣстѣ и даже часто не соотвѣтствуетъ такому назначенію; жизнь развиваетъ его иначе. Барклай былъ поставленъ минутно во главѣ министерства, но съ тѣмъ только, чтобы написать учрежденіе о большой дѣйствующей арміи и сейчасъ же принять начальство надъ нею. Но еслибъ даже Барклай остался министромъ и сталъ одновременно ходатаемъ за администрацію и армію, онъ былъ бы увлеченъ новою средою, самъ обратился бы въ бюрократа и, можно поручиться, черезъ нѣсколько времени армія начала бы это чувствовать. Быть администраторомъ и—имѣть въ виду, прежде всего, военныя цѣли, далось только Наполеону I-му. Весь складъ войсковой службы, отъ полководца до прапорщика, не только не похожъ, но не долженъ быть похожимъ на складъ администраціи, отъ министра до мелкаго чиновника; иначе обѣ стороны не будутъ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть. Армія, по своему духу и непремѣннымъ условіямъ, выдѣляется изъ общаго гражданскаго строя. Военная администрація, служащая связью между ними, почерпающая въ народѣ матеріалы для арміи, по указанному плану, не можетъ выдѣляться

изъ общественной среды. Она—такое же министерство, какъ всѣ прочія. Эти заключенія очевидны, одинаково изъ теоріи и изъ опыта. Прусская система, отдѣлившая военное командованіе отъ администраціи, доказала свою годность; французская, смѣшавшая ихъ, выказала свои послѣдствія; а между тѣмъ французская армія, по твердости (хотя проникнутой старообрядчествомъ) своихъ преданій и вкравшемуся въ нее своеволію, представляла хоть то обезпеченіе, что ее нельзя было безъ шума рѣзать по живому тѣлу. Совѣщанія администраціи (ставшей на мѣсто командованія) съ бывшими боевыми вождями, т. е. запросъ мнѣній, не могутъ никогда выяснить дѣло удовлетворительно. Во первыхъ, потому, что эти боевые вожди, переставъ быть вполнѣ самостоятельными, станутъ, какъ всякій человѣкъ, осторожными въ выраженіи мнѣній; во вторыхъ, потому, что въ рукахъ администраціи непремѣнно возобновится процедура бывшаго нашего суда, по которому дѣло, рѣшенное въ собраніи департаментовъ сената, поступало на заключеніе министра юстиціи, т. е. состоявшихъ при немъ мелкихъ чиновниковъ. Все-таки за армію будетъ говорить администрація, въ сущности ей чуждая, и это сильно отзовется на арміи. Кромѣ того, въ такомъ искуственномъ сочетаніи людей, какъ войско, главное дѣло всегда не въ духѣ того или другаго направленія, а въ его мѣрѣ. Надо знать, гдѣ остановиться; дѣло же это чисто практическое; между тѣмъ, военная администрація, какъ всякая другая, можетъ смотрѣть на вещи только съ общей точки зрѣнія, и въ своихъ начинаніяхъ будетъ проводить не мѣры, пригнанныя по насущной потребности, а принципы, не всегда удобные для военнаго дѣла. Въ концѣ приходится опять круто повернуть къ вѣковѣчному опыту; хорошо еще, когда есть время. Совсѣмъ другое дѣло, когда армію представляютъ передъ государственною властью ея прямые и самостоятельные начальники. Они знаютъ навѣрное, въ какомъ положеніи дѣло и что нужно. Тогда голосъ арміи восходитъ безъ прерыва съ самыхъ основаній, отъ фельдфебеля до главнокомандующаго и повергается передъ верховнымъ вождемъ государственныхъ силъ. Если боевые начальники могутъ ошибаться въ современныхъ военныхъ вопросахъ, то они ошибутся на оттѣнокъ, а не на цѣлый цвѣтъ. И, главное при этомъ средства, отдѣляемыя государствомъ военному вѣдомству, бу-

дутъ распредѣляемы сообразно потребности: прежде на необходимое, потомъ на полезное, а не обратно.

Вотъ почему, можно полагать, русской арміи нужны вполнѣ самостоятельные высшіе начальники. Но ихъ нельзя наклеить на окружную систему, какъ сказалъ г. Я—въ. Объ окружной системѣ, какъ о внутреннемъ устройствѣ военнаго министерства, заключеннаго въ своемъ естественномъ кругѣ дѣйствій, не было бы и спору; ему лучше знать, какъ устраивать себя. Но нынѣшняя окружная система вовсе не то. Она есть систематическое подраздѣленіе русскихъ силъ на дробныя части, подчиненныя коллегіальнымъ окружнымъ управленіямъ, а черезъ нихъ не прямо, но дѣйствительно—министерству, т. е. замѣна личнаго командованія арміею, въ принципѣ и повсемѣстно, административною опекою, не только въ мирное, но отчасти даже въ военное время, какъ достаточно видно изъ положенія 17 апрѣля 1868 года. Административная же опека, какъ доказано всемірнымъ опытомъ, значитъ—замѣщеніе живаго дѣйствія писаніемъ объ немъ и своевременныхъ мѣръ многолѣтними проектами о мѣрахъ. Въ гражданскомъ быту преслѣдованіе цѣлей канцелярскимъ порядкомъ мало способствуетъ развитію жизни; въ военномъ оно противуположно дѣлу, какъ огонь водѣ. Притомъ всякая бюрократія имѣетъ свойство разростаться безъ мѣры, и разъ введенная, хотя бы въ среду, совершенно ей не соотвѣтственную, не оставляетъ уже мѣста ни для чего другого, кромѣ самой себя. Какая же самостоятельность командованія совмѣстна съ преобладаніемъ административныхъ формъ?

V.

Никто не думаетъ отрицать полезнаго, совершеннаго военною администраціею въ послѣдніе годы. Вопросъ идетъ исключительно о томъ, въ какой мѣрѣ это полезное соотвѣтствуетъ главной цѣли—вѣроятности побѣды, т. е. могуществу арміи по качеству и количеству, насколько жертва, требуемая содержаніемъ арміи отъ государства, достигаетъ своей прямой цѣли? Въ этомъ отношеніи послѣдствія преобладанія администраціи въ военномъ дѣлѣ, при какой бы то ни было добросовѣст-

ности, всегда однѣ и тѣже. Они сказались у насъ въ обоихъ порядкахъ—вещественномъ и нравственномъ.

Въ вещественномъ—тѣмъ, что всѣ нужды и виды административные (въ вещахъ даже очень спорныхъ), не смотря на ихъ стоимость, осуществляются широкою рукою. Преобразованіе центральныхъ учрежденій, созданіе военно-окружныхъ управленій, новыхъ военныхъ судовъ, съ ихъ тюрьмами и военно-исправительными ротами, не говоря о многочисленныхъ комитетахъ на высокомъ окладѣ и проч.—окончены или оканчиваются. Число чиновниковъ военнаго вѣдомства удвоилось за послѣднія 9 лѣтъ. Теперь 8,251 классныхъ чиновниковъ и около 2,700 офицеровъ на письменныхъ мѣстахъ (не считая занятыхъ канцелярскою работою въ полкахъ), т. е. 11 т. чиновниковъ, всѣ со столовыми деньгами и значительно высшимъ содержаніемъ противъ строевыхъ, работаютъ для администраціи. Послѣдній изъ административныхъ дѣятелей—помощникъ столоначальника военно-центральныхъ управленій, получаетъ болѣе содержанія, нежели батальіонный командиръ въ чинѣ подполковника; вице-директоръ болѣе начальника дивизіи, членъ окружнаго суда наравнѣ съ нимъ. Въ тоже время при затратѣ 154 милліоновъ на 724 т. солдатъ (недавно еще 900 т. содержались на 90 милліоновъ) изъ 22 тысячъ остальныхъ строевыхъ офицеровъ, полагаемыхъ по штатамъ, недостаетъ 2,700 по мирному и 6,740 по военному положенію. Изъ числа 548 генераловъ, полагаемыхъ въ военномъ вѣдомствѣ, строевыхъ теперь только 179, нестроевыхъ 369, кромѣ 68-ми сверхъ-комплектныхъ, также нестроевыхъ. Въ военномъ министерствѣ, по штатамъ, должно находиться 75 генераловъ (больше чѣмъ чиновниковъ всѣхъ степеней въ прусскомъ), въ дѣйствительности же находится 120. Виды строевыхъ офицеровъ на повышеніе слѣдующіе: изъ числа 51 произведенныхъ въ генералы приказомъ 17 апрѣля 1870 г., строевыхъ 14 (изъ остальныхъ 37-ми 24 нестроевые военнаго вѣдомства). Въ отношеніи содержанія, даже начальники частей, ротные и батальонные командиры, едва перебиваются и ежегодно въ большомъ числѣ уходятъ изъ арміи; полковые командиры, по недостатку средствъ, не видятся внѣ ученія съ своими офицерами; положеніе строевыхъ генераловъ—наименѣе оплачиваемое изъ всѣхъ высшихъ чиновъ военнаго вѣдомства. Въ матеріальномъ отношеніи перевооруженіе арміи по новымъ потребностямъ

идетъ медленнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь; для необходимаго пѣхотнаго резерва и всѣхъ иррегулярныхъ войскъ скорострѣльныхъ ружей еще не предвидится. Не говоря о Пруссіи, уже годъ тому назадъ Франція имѣла двойной запасъ Шаспо и передѣланныхъ скоро-стрѣльныхъ ружей (à tabatière) на все число людей, призываемыхъ подъ оружіе; въ тоже время Австрія кончила вооруженіе арміи съ резервами и заготовляетъ теперь ружья въ запасъ. У насъ, послѣ застоя первыхъ двухъ годовъ, къ 1871 году готовое количество ружей «достаточно для вооруженія всѣхъ полевыхъ войскъ по военному составу». «Но, затѣмъ, нѣтъ ихъ еще для мѣстныхъ войскъ, для резервовъ, безъ которыхъ мы не обойдемся, и въ запасъ для арміи». Полное число 800 т. съ небольшимъ, считая тутъ кавалерійскія ружья и карабины. «Къ снабженію скорострѣльными ружьями иррегулярныхъ войскъ не можетъ быть приступлено прежде окончательнаго разъясненія финансовыхъ средствъ казачьихъ войскъ». Запасныхъ орудій для мобилизаціи мѣстныхъ войскъ въ случаѣ крайности, очень мало. Кромѣ запаса орудій необходимаго полевой артиллеріи, считая его на меньшій конецъ въ 20%, остается покуда съ небольшимъ 100 орудій. Для образованія, хоть бы самаго спѣшнаго резерва изъ мѣстныхъ войскъ, пополненныхъ излишкомъ отпускныхъ и рекрутами (какъ исчислено въ «Переустройствѣ русскихъ силъ»), потребовалось бы 840 орудій. Перевооруженіе крѣпостей, давно предназначенное, исполнено меньше, чѣмъ на половину. Сухопутныхъ только на 43% противъ предложеннаго, а приморскихъ на 48%. Укрѣпленіе главныхъ узловъ желѣзныхъ дорогъ на западной границѣ, безъ чего оборотъ войны можетъ быть очень опасенъ, также давно имѣющееся въ виду, остается безъ средствъ исполненія. Запасы военные, и вообще служащіе исключительно для военнаго времени, не достигаютъ по всѣмъ почти статьямъ предположенной нормы, а по нѣкоторымъ далеко не достигаютъ. Первый комплектъ металлическихъ патроновъ (по 300 на ружье) можетъ быть готовъ, предположенію, только къ концу нынѣшняго года; для втораго комплекта, необходимаго въ случаѣ войны, въ запасѣ имѣется лишь ³/₅ потребнаго количества свинца. Залежи русской сѣры, не смотря на ихъ обиліе, все еще не разработаны, такъ что съ началомъ войны опять возникнутъ затрудненія въ ея доставкѣ, подобно 1854 году. Вмѣсто 12-ти пороховыхъ заводовъ, какъ было во Франціи,

у насъ осталось, по прежнему, три, такъ что какой либо случай съ однимъ изъ этихъ заводовъ въ военное время поставить насъ въ крайнее затрудненіе; недавнее предположеніе— развить пороховое производство частною промышленностію, осуществится еще не скоро. Неприкосновенный провіантскій запасъ, основанный при покойномъ князѣ Паскевичѣ и обезпечивавшій въ первые мѣсяцы довольствіе арміи, переходящей на военное положеніе, — израсходованный во время польскаго возстанія,—сталъ возобновляться только въ прошломъ году въ очень ограниченныхъ размѣрахъ (довольствіе на 180 тыс. человѣкъ въ теченіе трети, между тѣмъ какъ армія должна комплектоваться 463 тыс- отпускныхъ); но и въ этихъ размѣрахъ онъ еще не пополненъ. Походный обозъ арміи будетъ готовъ только черезъ пять лѣтъ. По заключенію послѣдняго комитета, размѣръ военно-врачебныхъ учрежденій не соотвѣтствуетъ потребностямъ большой войны, а срокъ пополненія врачебныхъ запасовъ зависитъ отъ будущихъ денежныхъ ассигнованій. Запасъ проволоки для военнаго телеграфа — имѣется въ виду, и прочее. Начальники главныхъ отдѣловъ тутъ, конечно, не виноваты — они дѣлаютъ насколько получаютъ средствъ. Для привлеченія въ ряды старослуживыхъ унтеръ-офицеровъ до сихъ поръ не имѣлось средствъ, хотя продажа зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій должна составлять, по соображеніямъ, значительную сумму. Для устройства постоянныхъ лагерей, въ которыхъ войска могутъ обучаться большимъ дѣйствіямъ, для казармъ и проч.—«наличныхъ фондовъ не оказывается». Всякій знаетъ, что восполнить эти нужды нелегко, по огромности потребныхъ суммъ; но ясно также, что тутъ дѣло идетъ уже не о вещахъ полезныхъ, а о вещахъ необходимыхъ, и что въ военномъ смыслѣ нельзя тратиться ни на что, пока не удовлетворены такія потребности, особенно нѣкоторыя изъ нихъ. Что не можетъ быть сдѣлано вдругъ, то могло быть сдѣлано исподволь, въ теченіе 10 лѣтъ, еслибъ на первомъ планѣ стояли чисто военныя цѣли, а не военно-административныя.

Въ нравственномъ отношеніи, послѣдствія административной оцѣнки вещей сказались возникновеніемъ цѣлаго ряда вопросовъ качественныхъ, отчасти перечисленныхъ въ началѣ статьи, основныхъ въ военномъ дѣлѣ, о которыхъ прежде не было помину въ нашей арміи.

Кромѣ того, не смотря на увеличеніе военнаго бюджета въ

полтора раза и просторъ въ дѣйствіяхъ, открытой освобожденіемъ 19 февраля, вѣроятный итогъ нашихъ боевыхъ силъ для войны не только не возросъ, но положительно понизился, по неимѣнію какого-либо резерва (читатели увидятъ это ниже), а составъ переформированной арміи, отъ котораго наиболѣе зависитъ численность боевыхъ войскъ, по мнѣнію многихъ, не былъ примѣненъ къ измѣнившемуся общественному положенію и текущимъ военнымъ задачамъ.

Приходится думать, что съ предстоящимъ военнымъ преобразованіемъ, расширяющимъ средства и потребности, дѣйствительныя нужды и административная расцѣнка ихъ разойдутся еще далѣе.

Чтобъ этого не случилось, самостоятельные вожди дѣйствующихъ войскъ, знающіе навѣрное, что, въ какой мѣрѣ и въ какой послѣдовательности нужно для побѣдоносной арміи, необходимы у насъ, полагаемъ, въ мирное, и въ военное время. При обширности страны, неопредѣленности вещей и слабости нашихъ организаціонныхъ силъ, они необходимѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ нибудь. У насъ всякое дѣло идетъ только при сильномъ личномъ починѣ, и безъ него разрѣшается одними заголовками въ отчетахъ. Но желая такого исхода, слѣдуетъ договаривать: онъ былъ бы отрицаніемъ системы 1862 г., потому что возвратилъ бы преобладаніе въ военномъ дѣлѣ боевому началу надъ бюрократическимъ. На какихъ основаніяхъ могли бы быть учреждены самостоятельныя командованія? Въ настоящемъ положеніи вещей корпусные командиры не помогутъ. Нужны люди съ полнымъ значеніемъ и авторитетомъ — командующіе, но конечно не окружные. Въ Россіи естественно быть двумъ главнокомандующимъ и двумъ командующимъ арміями: большой западной, кавказской, балтійской (съ командованіемъ всѣми внутренними дѣйствующими войсками) и, южной.

VI.

На этомъ мы можемъ покончить съ разсужденіями г. Быкова, благодаря его за поднятіе такихъ вопросовъ. Г. С. З., кажется, не за что будетъ благодарить, развѣ за то, что онъ дастъ намъ случай показать, какія силы и понятія возникаютъ изъ нѣдръ военной бюрократіи.

Я высказалъ одно начало положительно вѣрное — читатель можетъ въ этомъ убѣдиться, обратившись къ первому военному (разумѣется не по мундиру только), внушающему ему довѣріе. При слабости нашихъ организаціонныхъ силъ (покуда рѣчь идетъ только объ ограниченномъ числѣ надежныхъ ротныхъ командировъ и даже фельдфебелей)—усиливать дѣйствующую армію вновь формируемыми частями нельзя; но какъ на войнѣ численное превосходство при равномъ качествѣ составляетъ все-таки первое условіе успѣха, а увеличить число отпускныхъ можно самымъ легкимъ способомъ, усиливая нѣсколько наборъ и сокращая соразмѣрно съ закономъ срокъ службы, слишкомъ долгій въ настоящее время, то является вопросъ: что дѣлать съ этими отпускными? Организовать ихъ не чѣмъ и не кѣмъ, теперь, и еще долго. Всякія предположенныя новыя устройства дадутъ результатъ развѣ въ слѣдующемъ поколѣніи. Остается одно простое и даже единственное средство: пользоваться отпускными, — вливать ихъ въ извѣстной мѣрѣ въ наличныя части. Такой исходъ я считаю неизбѣжнымъ у насъ; пѣхота въ 100 тысячъ четвертью сильнѣе пѣхоты въ 75 тыс., какъ бы ни были распредѣлены люди. Да и кромѣ того, всякій человѣкъ, становящійся въ старую часть, вноситъ больше силы въ армію, чѣмъ два и три, формируемые въ новую. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ условный, на который я далъ отвѣтъ, по моему мнѣнію, наиболѣе сообразный съ дѣломъ, хотя далеко не единственный изъ разныхъ представляющихся въ этомъ случаѣ. Какъ тактическая единица пѣхоты есть батальіонъ и какъ гибкость войска также что нибудь значитъ—для чего нужно, чтобъ эта единица была приблизительно нормальной силы—то я полагалъ бы, усиливъ роты до 300 рядовыхъ, раздѣлить полкъ на 4 трехъ ротные батальона той же численности, какъ нынѣшніе. При настоящемъ положеніи вещей, я считаю такой способъ усиленія дѣйствующей арміи наиболѣе пригоднымъ, не только въ случаѣ внезапной войны (еслибъ были лишніе отпускные), но еще надолго, а потому высказалъ его какъ постоянный пріемъ, съ которымъ должна быть сообразована матеріальная часть *). Я сказалъ: «выдѣленіе обоза и нестроевыхъ для 4-го батальіона требуетъ

---

*) Нынѣ я полагаю, что прямое усиленіе батальіона запасными людьми до 1,200 рядовыхъ, какъ болѣе простое, оказалось бы удобнѣе.

измѣненія въ штатахъ, но какъ только это выдѣленіе станетъ общимъ правиломъ, затрудненія исчезнутъ». Такихъ оговорокъ не къ чему писать въ серьезномъ разсужденіи, но я написалъ, зная впередъ съ кѣмъ имѣю дѣло.

С. З. находитъ, что такой проектъ называется нелѣпостію, человѣкъ, его предлагающій — незнающимъ азбуки того дѣла, за которое берется, а осуществленіе такого проекта — верхомъ безразсудства.

Если ужъ тутъ есть нелѣпость, то посмотримъ, на чьей она сторонѣ. Обратимся къ доводамъ.

Ихъ два у г. С. З. 1) «Г. Фадѣевъ выступаетъ съ проектомъ новой ломки, на этотъ разъ крайне вредной, потому что въ основаніе ея кладетъ начала, совершенно противуположныя съ выработанными въ послѣднее время тактическими принципами, и 2) если вы увеличите число людей въ ротѣ, то этимъ нарушите весь хозяйственно-административный разсчетъ, что неизбѣжно повлечетъ за собою измѣненіе всего опредѣленнаго обоза, казеннаго и артельнаго».

Прежде о тактикѣ. Я не буду говорить объ отношеніи къ тактикѣ числа батальоновъ въ полку, такъ какъ это ужъ слишкомъ несообразно. Поговоримъ о ротахъ. Въ европейскихъ арміяхъ, даже въ одной и той же арміи, бываютъ батальоны въ 8, 7, 6, 5, 4 и 3 роты; въ одной французской были образцы первыхъ 5-ти составовъ; у пруссаковъ батальоны 4-хъ-ротные, у насъ есть 5-ти и 4-хъ-ротные, временно бывали 3-хъ-ротные. Который же изъ этихъ батальіоновъ именно совершенно противоположенъ съ выработанными въ послѣднее время тактическими принципами, и который съ ними сходится? Теперь строютъ ротныя колонны для избѣжанія потерь отъ артиллерійскаго огня,—это единственная ихъ цѣль. Но батальіонъ въ бою есть просто батальіонъ, и сколько въ немъ ротныхъ колоннъ,— это имѣетъ такое же отношеніе къ военнымъ принципамъ, какъ разсужденія г. С. З. къ военному искуству. Онъ видалъ въ Красномъ Селѣ батальонъ, выстроенный изъ линейныхъ ротъ въ 4 колонны и 2 линіи—и остался при убѣжденіи, что тутъ тактическій принципъ. Дѣйствительно, въ уменьшеніи батальона на одну роту есть небольшая ломка, но только не тактическая, а учебная; С. З. не умѣлъ ее назвать. Безъ нужды лучше не трогать привычнаго порядка. Но если выбирать между 4-хъ-ротнымъ батальіономъ въ 1,200 рядовыхъ и 3-хъ-ротнымъ

въ 900, то послѣдній, по моему сужденію, лучше. Сопоставленіе же выгоды: располагать 400-сотъ-тысячною арміей въ 3-хъ ротныхъ баталіонахъ или 300-сотъ-тысячною въ 4 хъ-ротныхъ—могло возникнуть только въ мысли моего почтеннаго опонента, одного въ цѣломъ свѣтѣ. Въ приготовленіи войскъ требуется не механическое, а осмысленное обученіе; построеніе баталіона въ 4 или 3 колонны не касается солдатъ; оно дѣло баталіоннаго и ротныхъ командировъ; такихъ же офицеровъ, которые не съумѣютъ выстроиться толково съ 3-мя ротами, когда 4-я случайно въ командировкѣ, не слѣдуетъ держать въ арміи. У насъ есть даже уставъ для 3-хъ-ротнаго баталіона; если такой порядокъ имѣется въ виду систематически, то войска пріучаются къ нему заблаговременно. Это очень просто. Еслибъ дѣло шло о раздробленіи полка, оно возбуждало бы вопросъ нравственный. Но выдѣленіе четвертаго баталіона, остающагося въ составѣ своего полка, изъ трехъ другихъ, не касается ни нравственной силы, ни тактики, если только слова эти берутся въ осмысленномъ видѣ. Оно есть не болѣе, какъ измѣненіе въ одномъ изъ учебныхъ правилъ, понятное каждому унтеръ-офицеру и предвидѣнное уставомъ.

Теперь объ обозѣ. Во первыхъ, нужно сказать, еслибъ порядокъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣлся въ виду, то обозъ былъ бы пригнанъ къ нему безъ всякой ломки. При батальонѣ въ 900 человѣкъ остался бы комплектный баталіонный обозъ, какъ теперь, при чемъ повозки четвертой выбывшей роты служили бы резервомъ; такъ было бы даже лучше, потому что случайныя нужды ротъ не равны. Для четвертаго баталіона былъ бы нуженъ добавочный обозъ. Ну, а для вновь формируемыхъ баталіоновъ, не выдѣляемыхъ изъ полковъ, развѣ обозъ не нуженъ? Или г. С. З. не хочетъ даже предвидѣть случаевъ, когда нужно будетъ добавлять и формировать вновь, и рѣшительно разсчитываетъ русскую силу въ первой войнѣ, по числу готовыхъ крашенныхъ повозокъ? А если какой-нибудь сарай съ этими повозками сгоритъ, то причитающееся на нихъ число баталіоновъ онъ оставитъ дома? Дѣло идетъ объ усиленіи на четверть боевой пѣхоты, единственнымъ возможнымъ теперь средствомъ, т. е. о побѣдѣ или пораженіи, а г. С. З. считаетъ это нелѣпостію, потому что 4-му баталіону пришлось бы выступить съ некрашенными повозками.

Давно извѣстно, что грубость словъ всегда сопутствуетъ ре-

бяческому сужденію; понимающіе люди разсуждають между собою спокойно. Намъ все равно, каково обращеніе г. С. З.: но если такія военныя понятія проводились нѣсколько лѣтъ офиціальною военною газетой, то шутка, изъ ничтожной, становится уже плохою. Изъ недоразумѣній г. С. З. (на этотъ разъ, кажется, искреннихъ) читатель видитъ, въ какой мѣрѣ справедливы сказанныя выше слова — что между военною службою и ношеніемъ военнаго мундира, внѣ ея, нѣтъ ничего общаго.

VII.

Еще объ одномъ предметѣ, на этотъ разъ послѣднемъ.

Кто сказалъ правду о сравнительной, численной силѣ, нынѣшней и прежней военной организаціи: я — или эти господа?

Они выдаютъ мои приблизительныя цифры за подложныя, свои за офиціальныя. Между тѣмъ, по первой же справкѣ, оказывается вотъ что:

Г. Быковъ показываетъ число отпускныхъ къ 1 января 1871 года 680,000; за выдѣленіемъ 428 т., нужныхъ на укомплектованіе арміи (дѣйствительно 463,420) остается въ запасѣ 252,000. Съ такимъ остаткомъ можно устроить много хорошаго, напр., усиленіе дѣйствующихъ батальіоновъ, считаемое г. С. З. нелѣпостію. Прочитавъ эту цифру, я былъ очень радъ своей ошибкѣ: только недоумѣвалъ, откуда взялось внезапно такое число? Но во всеподданнѣйшемъ отчетѣ военнаго министерства съ 1 января 1671 года показано «на пополненіе недостающихъ нижнихъ чиновъ состоитъ въ отпускахъ 508 т., т.-е на 45 т. болѣе, чѣмъ требуется».

45 т. вмѣсто 252-хъ! Послѣ того вѣра моя въ кредитныя суммы почтенныхъ оппонентовъ совсѣмъ поколебалась, и въ предлежащемъ разсужденіи я буду считать только на звонкую монету, числомъ батальіоновъ.

Г. С. З. знаетъ, что въ настоящее время походныхъ войскъ въ Европейской Россіи 516 батальіоновъ; что въ началѣ восточной войны было, какъ онъ говоритъ, 368 (я считалъ съ учебною карабинерною дивизіею); что кромѣ того приказано было сформировать изъ резервовъ къ армейскимъ полкамъ по 4 баталіона, къ гвардейскимъ и гренадерскимъ, не помню

именно сколько, но кажется также второй комплектъ. Вводить въ счетъ мѣстныя войска нельзя, какъ я не вводилъ корпусъ внутренней стражи. Во всякомъ случаѣ выходило тогда слишкомъ 700 батальіоновъ, на 200 больше, чѣмъ предполагается выставить системою 1872 года. Но таже почти пропорція силъ оказывается между военными штатами, нынѣшнимъ и 1860 г., какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	Теперь.		1860 г.
Батальіоновъ	850	—	962
Эскадроновъ	280	—	422
Батарей	186	—	211
Полевыхъ орудій . . .	1,400	—	1,555

Мой противникъ утверждаетъ, что въ такомъ случаѣ можно было сформировать изъ сыраго матеріала и 10-е и 12-е батальіоны, и такъ далѣе, и что такихъ импровизованныхъ силъ нельзя вводить въ счетъ. Вотъ въ томъ то и дѣло. Кто же видалъ резервы, устроенные для того, чтобъ выходить на войну въ своемъ мирномъ составѣ? Они для того и существуютъ, чтобъ образовать кадры новыхъ войскъ. Развѣ вы будете считать 120 предположенныхъ мѣстныхъ батальіоновъ въ военное время (если опубликованный проектъ нынѣшняго переустройства состоится) во 120, а не 360 и даже болѣе? Теперь для укомплектованія войскъ больше отпускныхъ, чѣмъ было тогда — но въ этомъ нѣтъ ни вины, ни заслуги двухъ системъ. До 19 февраля 1861 года кадры пополнялись въ большинствѣ рекрутами; при крѣпостномъ правѣ не могло быть иначе. Прежнее военное устройство билось противъ неодолимыхъ трудностей; но въ немъ была заложена правильная военная идея, потому оно создало кадры для резерва, какой былъ тогда возможенъ и, съ началомъ войны, хотя съ трудомъ, осуществило его. Резервные и запасные батальіоны удвоивались, а не утроивались, потому что, при массѣ сырыхъ рекрутъ, кадры были недостаточны для утроиванія — опять доказательство вѣрнаго взгляда на войну. Съ нынѣшнею народною свободою, и, стало быть, съ растяжимостію мѣропріятій, у прежней системы были бы теперь и армія, и резервъ, соразмѣрныя съ дѣйствительностію нашихъ военныхъ задачъ. Она безъ средствъ сдѣлала больше, чѣмъ система 1862 года, имѣвшая средства. Объ этомъ я и говорилъ. Читавшіе «Вооружен-

ныя силы», знаютъ, что я не скупился на указаніе слабыхъ мѣстъ прежней военной организаціи, происходившихъ главнѣйше отъ общественнаго состоянія Россіи — не она положительно понимала военное дѣло. При испытанныхъ главнокомандующихъ, имѣвшихъ самостоятельный голосъ у правительства, это и не могло быть иначе.

Одного моего оппонента подкрѣпляетъ другой, увѣряя, что наши нынѣшнія боевыя силы не меньше германскихъ. Но съ г. Быковымъ мы расходимся, кажется, въ самыхъ основаніяхъ разсчета. Я считаю только тѣхъ людей, въ рядахъ которыхъ намъ придется биться, г. же Быковъ сосчитываетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ ему придется продовольствовать. Противъ такого счета я никогда не спорилъ; я увѣренъ, напротивъ, что число продовольствуемыхъ будетъ огромное, даже боюсь, чтобъ оно не было слишкомъ велико. Но обращаясь опять къ нашему счету дѣйствующихъ войскъ — звонкой монетою, по батальіонно, сравненіе силъ выходитъ слѣдующее:

Возьмемъ силы—не Германіи, а только Сѣверо-германскаго союза. Полевыхъ батальіоновъ 358, ландверныхъ со стрѣлковыми полу-батальіонами 224. Г. Быковъ напрасно пропускаетъ ландверныя войска; они принимаютъ участіе во всѣхъ полевыхъ дѣйствіяхъ и были вводимы во Францію массою; на внутреннюю службу въ военное время въ Пруссіи достаточно полковыхъ депо. Сѣверо-германскій союзъ имѣлъ, стало быть, для дѣйствія (конечно, въ случаѣ крайности) 582 готовыхъ бабальіона, съ артиллеріею, кромѣ резервныхъ войскъ.

Принимаемъ разсчетъ г. Быкова нашимъ войскамъ, назначеннымъ для обороны окраинъ — кромѣ окраины балтійской, поглощавшей въ прошлую войну слишкомъ 200 т. войска. Всякій знаетъ, что противъ насъ могъ бы состояться союзъ англо австро турецкій, но что просто австро-турецкій мало вѣроятенъ; а въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы ограждать Балтійское море такъ же сильно, какъ и въ 1855 году, особенно, если бы англійскій флотъ явился съ дессантомъ. Не говорю уже о войнѣ съ Пруссіею. Для балтійской окраины, при морской войнѣ, нельзя полагать меньше 80—100 батальіоновъ, что будетъ все-таки половиною меньше, чѣмъ въ 1855 г. Затѣмъ, г. Быковъ отдѣляетъ еще 40 батальіоновъ на черноморское прибрежье и 100 на внутреннее занятіе Западнаго края. Это вѣрно. Слагая 40, 100 и 80, получимъ 220, которые

надо вычесть изъ 516 ти, составляющихъ всю наличную силу въ Европейской Россіи. Остается 296 походныхъ батальіоновъ съ артиллеріею на обѣ арміи, западную и южную, вмѣсто 582-хъ сѣверо-германскихъ — ровно половина. Численность же нѣмецкаго батальіона почти одинакова съ нашимъ.

Вотъ на что сводятся счеты моихъ почтенныхъ противниковъ, переведенные на ясныя выраженія.

Возражать спискомъ мѣстныхъ войскъ и мѣстныхъ командъ, какъ сдѣлалъ г. Фроловъ, значитъ тратить напрасно листъ чистой бумаги. Наши мѣстныя войска предназначены исключительно къ мѣстной службѣ; для нихъ нѣтъ ни артиллеріи, ни обоза и, главное, нѣтъ въ виду, кѣмъ бы можно было ихъ замѣстить. Военное министерство никогда не включало ихъ въ разсчетъ боевыхъ силъ и оговорило ихъ исключительно мѣстное значеніе въ самомъ положеніи (13 августа 1864 г.). Я не сомнѣваюсь, что при первой войнѣ эти войска все-таки будутъ обращены въ дѣйствующія — по необходимости; но для этого нужно очень много времени, невознаградимаго на войнѣ. Самое же обращеніе къ этому способу станетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніемъ, что нынѣшняя военная организація оказалась несостоятельною на опытѣ, и вмѣсто ея начинается новая, совсѣмъ на другихъ началахъ.

Въ заключеніе, я долженъ сказать моимъ противникамъ, что упреки, которые они мнѣ дѣлаютъ за гласное обсужденіе военныхъ вопросовъ, и ихъ сомнѣнія, проговоренныя полушопотомъ, въ моихъ побужденіяхъ и искренности русскихъ чувствъ—средства никуда негодныя, бывшія когда-то въ ходу, но брошенныя давно самыми грязными уличными листками... Забота о личной пользѣ никакъ не могла внушить мнѣ того, что я писалъ до сихъ поръ. Желалъ бы отъ всей души, чтобы тоже самое можно было сказать объ нихъ.

Затѣмъ, утѣшаюсь надеждою, какъ говорилось въ старинныхъ послѣсловіяхъ, что это долгое преніе съ моими учеными противниками принесетъ пользу хотя нѣкоторымъ читателямъ.

Разборъ проектовъ Главнаго Штаба.

1872 г.

I.

Великое дѣло близится къ рѣшенію.

Каждый русскій сознаетъ, что предстоящее военное преобразованіе—дѣло дѣйствительно великое, съ которымъ можно сравнить по важности только освобожденіе народа 1861 года. На него можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: съ личной и съ общественной — со стороны новыхъ отношеній, въ которыя оно ставитъ къ государству каждаго русскаго человѣка, и со стороны цѣли, которой оно должно достигнуть. Въ первомъ отношеніи о грядущемъ военномъ преобразованіи говорилось уже довольно много въ печати и въ обществѣ, особенно на первыхъ порахъ; вѣроятно, будетъ также много говориться, когда предположенія комисій о личной военной повинности станутъ общеизвѣстными и подвергнутся обсужденію законодательнымъ порядкомъ. Мы и займемся теперь другой стороной дѣла, возбуждавшей менѣе толковъ, но еще болѣе важной, такъ какъ въ ней заключается самая цѣль, обусловливающая новую повинность—проектами объ устройствѣ русскихъ силъ на основаніи обще-обязательной службы.

Этотъ послѣдній вопросъ не возбуждалъ до сихъ поръ въ обществѣ вниманія, подобающаго его важности. Общественное мнѣніе полагалось на спеціалистовъ и въ то же время успокоивалось сознаніемъ могущества и неприкосновенности нашего великаго отечества, сильнаго даже помимо достоинствъ того или другого военнаго устройства. Это сознаніе своей силы,

воспитанное вѣками побѣдъ и очевидною мощію русскаго народа, весьма естественно; но оно основательно только условно. Конечно, коренная Россія, отъ Днѣпра до Тихаго океана, Россія царей и Екатерины II, теперь уже неприкосновенна для внѣшняго врага, и въ этомъ заключается наше великое преимущество, потому что ни одно европейское государство не содержитъ въ себѣ, подобно намъ, недоступныхъ для врага центровъ. Но Россія настоящаго и будущаго, одолѣвшая Польшу и возсоединенная, единственная нынѣ представительница, въ глазахъ свѣта, славянскаго племени, стоитъ уже не въ тѣхъ условіяхъ. Заднѣпровскій край далеко не пользуется неприкосновенностію отъ вторженія, а наша западная граница, также какъ нынѣшняя восточная граница Германіи, не обладаетъ никакими свойствами прочнаго государственнаго рубежа, ни географически, ни этнографически, ни исторически. Она проведена недавними политическими договорами, выразившими въ свое время довольно вѣрно отношеніе международныхъ силъ, а стало быть и требованій; съ тѣхъ поръ отношеніе силъ рѣзко измѣнилось, что не можетъ способствовать прочности минувшихъ договоровъ. Въ настоящее время вся западная русская граница, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, очевидно не иное что, какъ произвольная черта, которая можетъ также легко отодвинуться далеко назадъ, какъ и выступить впередъ, смотря по обстоятельствамъ и умѣнію пользоваться своими средствами.

Съ другой стороны, какъ всѣмъ извѣстно, современная война приняла гораздо болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ было прежде. Вмѣсто части силъ, постоянно подновляемой, воюющіе народы выставляютъ теперь разомъ всѣ свои силы до дна, вслѣдствіе чего первые удары рѣшаютъ участь столкновенія и подломленному народу становится почти невозможнымъ поправиться въ теченіе войны. На глазахъ свѣта стоитъ примѣръ отчаянныхъ и, можно сказать, исполинскихъ усилій Франціи вырвать у врага разъ одержанную имъ побѣду. Теперь вопросъ, по крайней мѣрѣ главный вопросъ, уже не въ настойчивости народа во время войны, а въ разумномъ устройствѣ силъ, вѣрно соображенномъ со всѣми источниками народнаго могущества, до войны. Хотя наше положеніе, даже въ этомъ отношеніи, исключительное, такъ какъ коренная русская земля ограждена отъ враговъ природою и разстояніемъ; но кто же не сознаетъ, что въ настоящее время обѣ половины Россіи,

восточная и западная, срослись уже органически и что ударъ въ Минскѣ и Кіевѣ былъ бы намъ также чувствителенъ, какъ и въ Москвѣ. Участь же западной границы, а стало быть и всей западной Россіи, зависитъ прямо отъ совершенства нашего военнаго устройства.

Россія откликнулась какъ одинъ человѣкъ на державный призывъ къ обще-обязательной службѣ. Принимая на себя съ сердечною охотою всѣ сопряженныя съ нею тягости, русскій человѣкъ не можетъ не озабочиваться мыслію, насколько его готовность жертвовать собою принесетъ дѣйствительной пользы отечеству.

Мы приступимъ къ обсужденію проектовъ съ возможнымъ безпристрастіемъ, отрѣшаясь отъ собственныхъ взглядовъ и влеченій, насколько человѣкъ къ тому способенъ, принимая въ соображеніе множество весьма сложныхъ условій и вліяній, при которыхъ комиссіямъ пришлось остановиться на томъ, а не на другомъ рѣшеніи, независимо отъ ихъ теоретическаго достоинства.

Первоначальный проектъ военнаго устройства на основаніи обще-обязательной службы былъ выработанъ почти немедленно вслѣдъ за Высочайшимъ повелѣніемъ объ установленіи этой службы. Проектъ означенъ 7 числомъ ноября 1870 г. Предположенное имъ новое устройство русскихъ силъ, предназначаемыхъ для европейской войны (т. е. за исключеніемъ войскъ восточной окраины), было слѣдующее:

Дѣйствующая армія (всѣ полевыя войска) оставляется въ ея нынѣшней силѣ.

На мѣсто резервныхъ и губернскихъ батальіоновъ учреждаются 120 мѣстныхъ батальіоновъ 5-ротнаго состава, по 500 чел. въ каждомъ. Въ военное время, 3 роты каждаго батальіона дополняемые отпускными, образуютъ пѣхотный резервный полкъ въ 3 батальіона, всего 360 батальіоновъ, 30 дивизій полевыхъ. Изъ нихъ 24 дивизіи получали соотвѣтственное число батарей (для чего предполагались особыя резервныя батареи) и усиливали, когда нужно, дѣйствующую армію, или занимали окраины, на которыхъ можно ждать прямаго столкновенія съ непріятелемъ; остальныя 6 дивизій безъ артиллеріи, также подвижныя, назначались подспорьемъ гарнизоннымъ войскамъ. По мѣрѣ сокращенія мѣстныхъ батальіоновъ отдѣленіемъ ротъ, составъ ихъ долженъ былъ пополняться, оставаясь постоянно въ

числѣ 500 чел. На эти же батальіоны возлагалось формированіе маршевыхъ командъ изъ отпускныхъ и рекрутъ, для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ. Въ то же время предполагалось увеличить число крѣпостныхъ батальіоновъ до 29 и съ началомъ войны учетверять ихъ, обращая роту въ батальіонъ. Наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, сзывалось государственное ополченіе (безъ артилеріи) въ числѣ 240 дружинъ; кадрами ему служили четвертыя роты мѣстныхъ батальіоновъ.

Въ комисіяхъ, работавшихъ, какъ извѣстно, два года надъ установкою основаній новаго военнаго устройства, главное изъ этихъ основаній по проекту 7 ноября 1870 года — оставленіе полевой арміи въ нынѣшней ея численности — подверглось коренному измѣненію. Это очевидно изъ послѣдней «Записки о предположеніяхъ по устройству войскъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ» 1872 года.

Въ «Запискѣ» сказано (стр. 16 и 17):

«Ближайшее разсмотрѣніе подробностей въ этихъ предположеніяхъ... вызываетъ необходимость многое измѣнить и дополнить».

«Развитіе численности арміи, основанное на учрежденіи многочисленнаго резерва.., едва ли удовлетворительно разрѣшитъ этотъ важнѣйшій вопросъ. Хотя въ запискѣ о развитіи нашихъ вооруженныхъ силъ (7 ноября 1870 г.) прямо выражена мысль, что резервы создаются для того, чтобы всѣ полевыя войска сдѣлались свободными для употребленія на рѣшительномъ театрѣ дѣйствій... тѣмъ не менѣе... случаи употребленія нашихъ резервовъ, для выполненія главныхъ военныхъ дѣйствій, неизбѣжно имѣли бы весьма частое примѣненіе на дѣлѣ, а не были бы исключительными. Одно это обстоятельство показываетъ, что предполагавшійся къ учрежденію подвижной резервъ, по своему устройству и боевымъ качествамъ, долженъ былъ отвѣчать почти такимъ же требованіямъ, какъ и дѣйствующія войска; но этого невозможно было достигнуть тѣми средствами, на какія при этомъ было разсчитано».

Поэтому послѣдній проектъ комисіи полагаетъ: «Съ увеличеніемъ дѣйствующихъ войскъ на такую цифру, какая окажется возможною, составъ и силу тыловыхъ войскъ опредѣлить только въ томъ размѣрѣ, какой необходимъ будетъ для возложенія нъ нихъ тыловой службы и вообще второстепенныхъ дѣйствій»,—и проч.

Очевидно, этимъ опредѣленіемъ рѣшительно ниспровергается сущность первоначальнаго проекта 7 ноября 1870 г.

Сила государства во внѣшнемъ столкновеніи выражается не преимущественно, а исключительно числомъ и качествомъ дѣйствующихъ войскъ. Всѣ остальныя вооруженныя массы, внѣ полевой арміи, составляютъ не силу, а обременительный, хотя въ извѣстной степени необходимый расходъ людьми и деньгами, для того, чтобы дать возможность сосредоточивать полевые полки для открытаго боя, не отвлекая ихъ занятіемъ укрѣпленныхъ мѣстъ, открытыхъ береговъ, гарнизонной службой и пр., для чего годятся всякія временныя войска. Если сравнить государство съ паровой машиной, то въ дѣйствующихъ войскахъ выражается живая сила, идущая въ дѣло, а во всякихъ другихъ—часть силы, уходящей на треніе. Задача хорошаго механика въ томъ и состоитъ, чтобы въ дѣйствіи машины терялось какъ можно меньше силы. Въ нынѣшнихъ европейскихъ арміяхъ, какъ увидимъ ниже, сократили уже до послѣдней степени безплодный расходъ на тыловыя войска въ мирное время, такъ что численность боевыхъ силъ тамъ дѣйствительно увеличена на такую цифру, какая только оказывается возможною. Съ другой стороны, боевое качество строевой части—полка и проч.—состоитъ далеко не въ одиночномъ обученіи людей. Чтобы строевая часть была надежна въ бою, надобно, чтобы люди не только хорошо знали другъ друга и начальниковъ, но чтобы въ нихъ возникли общественный духъ и товарищество, покоряющіе себѣ всякую вновь поступающую личность, выдѣлывающіе ее въ духѣ полка. Такое нравственное единеніе есть не только идеалъ, а непремѣнный залогъ годности боевой части; войско, въ которомъ оно не развито, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, не годится для полевой войны. Очевидно, что это срощеніе возникаетъ только при томъ условіи, чтобы строевая часть существовала постоянно,—иначе откуда оно возьмется? Потому существенное различіе между боевыми войсками и резервными всякаго наименованія состоитъ не столько въ степени обученія людей, какъ въ томъ именно, что первыя войска—постоянныя, сросшіяся какъ камень, вторыя же, временно сборныя, стройны только по виду, а нравственно онѣ—горсть песку. Случалось тысячи разъ, что надежный полкъ, потерявшій въ бою три четверти людей и сразу пополненный рекрутами, оказывался все-таки отличнымъ

полкомъ,—такъ дѣйствительна старая закваска (въ такомъ состояніи находились всѣ русскіе полки, вступившіе въ Германію послѣ отечественной войны); но никогда не случалось, чтобъ вновь собранная часть, безъ твердыхъ кадровъ; оказалась боевымъ войскомъ. Недавній примѣръ Франціи показалъ это наглядно, даже для самыхъ чуждыхъ военному дѣлу людей. Всякій резервъ, собираемый только для войны, хотя бы изъ старыхъ солдатъ, какъ его ни называй, есть не болѣе, какъ ополченіе. Полевая война возможна только съ постоянными войсками, а резервы и ополченія годятся лишь для второстепенныхъ дѣйствій, хотя бы на театрѣ войны, но въ тылу боевой арміи. Сколько у государства постоянныхъ войскъ (нынѣ—постоянныхъ кадровъ), столько у него и силы для войны. Но теперь выводятъ въ поле такія громадныя арміи, что держать ихъ всегда на лицо нѣтъ никакой возможности; поэтому въ мирное время содержатъ въ Европѣ только треть или двѣ пятыхъ людей, потребныхъ для войны. Ясно, что этими солдатами мирнаго времени нельзя распоряжаться произвольно, отрывать ихъ отъ кадровъ боевой арміи для какихъ-либо другихъ назначеній, не совершенно необходимыхъ. Въ Германіи, напримѣръ, на 259,216 пѣхотныхъ солдатъ, по мирному положенію, съ лазаретными служителями и военно-мастеровыми, считается 245,372 строевыхъ солдатъ дѣйствующей пѣхоты, на всѣ остальныя потребности остается 13,844 чел. Можно сдѣлать сравненіе буквально вѣрное. Солдаты мирнаго времени относятся къ солдатамъ военнаго, какъ посѣвъ къ жатвѣ. Они—зерна, приготовленныя на посѣвъ. Но кто же тратитъ свой посѣвъ на житейскія нужды, кромѣ случая опасности голодной смерти? Солдатъ, отнимаемый отъ кадровъ боевой арміи въ мирное время, уменьшаетъ ея силу на войнѣ не однимъ, а тремя солдатами. Вся сложная наука устройства современныхъ армій основана на двухъ аксіомахъ: первая — для полевой войны годятся только постоянныя войска; вторая — за исключеніемъ немногихъ процентовъ (въ Пруссіи 5%), всѣ постоянные кадры мирнаго времени должны входить въ составъ боевой арміи, иначе ея нельзя довести до потребной силы.

Въ этихъ немногихъ строкахъ изложенъ весь современный кодексъ организаціи побѣды (разумѣется, только въ смыслѣ численнаго устройства армій, не говоря о духѣ, въ которомъ

онѣ должны быть воспитаны). Надѣемся, что онъ понятенъ всѣмъ гражданскимъ читателямъ.

Не нужно объяснять, что устройство армій не можетъ быть вездѣ одинаковое. Народный складъ, всегда вѣрно отражаемый арміей, и географическія особенности страны не одинаковы; особенно рѣзко отличается отъ Европы Россія, составляющая свой особенный міръ. Очевидно, напримѣръ, что конница не должна быть устраиваема въ Россіи, обладающей прирожденными конными населеніями, по европейскому образцу. Тѣмъ не менѣе, уклоненія отъ общаго, оправданнаго опытомъ, правила должны быть основаны на ясныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, исключительныхъ мѣстныхъ условіяхъ; иначе онѣ будутъ ничѣмъ инымъ, какъ фантазіями или доказательствомъ неспособности учредителей.

Встрѣтивъ въ первоначальномъ проектѣ такой основной промахъ, какъ составъ боевой арміи изъ двухъ разнородныхъ половинъ — постоянныхъ войскъ и временно-собираемаго резерва, военная комисія не могла не признать проектъ несостоятельнымъ, хотя и выразилась объ этомъ предметѣ вскользь.

Въ глазахъ у нея стоялъ примѣръ Пруссіи. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, Пруссія приняла, изъ экономическихъ разсчетовъ, именно такое смѣшанное устройство; дѣйствующая армія ея составлялась на половину изъ постоянныхъ войскъ, а на половину изъ резервныхъ. Къ ея счастію, прежде чѣмъ дошло до серьезной войны, у нея были мелкія стычки въ Шлезвигѣ и Баденѣ въ 1848 и 49 годахъ, доказавшія, не смотря на ничтожность столкновенія, несостоятельность такого устройства; резервъ оказался неспособнымъ нести службу настоящаго полеваго войска. Взлѣдствіе того, въ 1860 году резервъ перваго призыва влитъ въ армію и для того почти удвоено число прусскихъ полковъ, т.-е. постоянныхъ кадровъ. Изъ этого преобразованія произошла памятная читателямъ парламентская борьба, доходившая до послѣдней степени ожесточенія. Прусское правительство сознавало, что дѣло идетъ о жизни государства, и не колебалось. Въ 1866 году парламентъ явился благодарить его за настойчивость, выказанную противъ него же самого. Нашъ проектъ 7 нояря 1870 года не послѣдовалъ примѣру прусскаго парламента, не покорился передъ очевидностію и предложилъ ввести въ Россіи подобіе забракованныхъ прусскихъ учрежденій, существовавшихъ до

1860 года. Очевидно, комисія не могла видѣть въ немъ серьезнаго труда и должна была добавить его вставкою: «съ увеличеніемъ дѣйствующихъ войскъ на такую цифру, какая окажется возможною» и проч. Кому ни принадлежитъ эта вставка: комисій, или самой правительственной власти, какъ утверждаютъ нѣкоторые, она исправляетъ дѣло. Съ такою поправкою будущность русской силы обезпечена на столько, насколько поправка дѣйствительно осуществлена на дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія, какъ съ установленнаго и несомнѣннаго основанія, мы можемъ вѣрно судить о достоинствѣ окончательныхъ проектовъ.

II.

Сущность послѣднихъ военныхъ проектовъ слѣдующая:

Численность арміи въ мирное время остается безъ измѣненія, около 750 т., что совершенно правильно:

Полевыя войска усиливаютъ 10-ю новыми пѣхотными дивизіями. Кадрами для нихъ служатъ 51 батальіонъ, изъ упраздняемыхъ линейныхъ, четвертыхъ полевыхъ кавказскихъ и стрѣлковыхъ.

Артиллерійскія пѣшія бригады, какъ существующія, такъ и вновь формируемыя, будутъ состоять изъ 5 батарей, кромѣ картечной.

Резервные и губернскіе батальіоны упраздняются. Рекруты станутъ поступать прямо въ полки изъ рекрутскихъ участковъ, въ пропорціи $^4/_5$ русскихъ и $^1/_5$ инородцевъ; гвардія, гренадеры (къ чему гренадеры?) и инженерныя войска пополняются отборными людьми всѣхъ участковъ. Для этой цѣли Европейская Россія подѣлится на 250 участковъ—200 русскихъ, внутреннихъ, и 50 инородческихъ, по окраинамъ. Въ военное время русскіе участки будутъ выставлять особый подвижной резервъ. (Замѣтимъ мимоходомъ, что все это и еще многое другое давно уже обсуждалось въ печати, но рѣзко отвергалось въ военныхъ и другихъ изданіяхъ поборниками системы 1862 года, утверждавшими, что никакой резервъ и вообще никакія измѣненія въ существовавшемъ устройствѣ не нужны. Читатели помнятъ этотъ споръ. Теперь же многія изъ отвергаемыхъ предложеній

приняты по необходимости, а между тѣмъ не мало лѣтъ пропало даромъ).

Подвижнаго резерва изъ отпускныхъ выставляется въ военное время 200 батальіоновъ съ артиллеріей. Въ мирное время кадровъ для этихъ батальіоновъ не полагается, кромѣ 5 офицеровъ и 10 унтеръ-офицеровъ на батальіонъ, включаемыхъ сверхъ штата въ дѣйствующія войска. Резервъ назначается исключительно для тыловыхъ дѣйствій (въ началѣ войны—занятіе окраинъ).

Кромѣ того, во всѣхъ 250 участкахъ, русскихъ и инородческихъ, формируются запасные батальіоны, по одному на участокъ, въ составѣ 265 нижнихъ чиновъ, безъ нестроевыхъ, для обученія и формированія запасныхъ людей, а въ военное время и рекрутъ; тогда же прикомандировываются къ каждому запасному батальіону еще 125 солдатъ-учителей изъ младшихъ разрядовъ. Запасной батальіонъ формируетъ въ началѣ дѣйствій, для пополненія убыли на войнѣ, маршевой батальіонъ изъ отпускныхъ людей въ 1,100 человѣкъ, потомъ еще батальіонъ изъ остатка отпускныхъ, а затѣмъ маршевыя команды изъ рекрутъ.

Полагаются также слабые кадры резервныхъ и запасныхъ батарей, включаемые въ мирное время въ составъ ближайшихъ полевыхъ бригадъ.

Кавалерія въ военное время состоитъ изъ 18 дивизій (приблизительно по числу корпусовъ), по 3 полка регулярныхъ и по одному казачьему въ каждой; прочіе казачьи полки присоединятся къ пѣхотнымъ дивизіямъ или несутъ другую службу. Крѣпостные батальіоны оставлены комиссіей въ томъ же видѣ, какъ они предположены проектомъ 7 ноября 1870 г. Гвардейскіе и гренадерскіе запасные батальіоны формируются особо.

Въ ожиданіи отдаленнаго срока, къ которому разовьется предполагаемая система, имѣется въ виду создать, на случай внезапныхъ событій, особый рекрутскій запасъ изъ людей, ежегодно подлежащихъ призыву, но не подпавшихъ жребію. По окончаніи годоваго набора, 120 т. такихъ людей будутъ оставляться на 3 недѣли при запасныхъ батальіонахъ для первоначальнаго подготовленія, а затѣмъ призываются только въ военное время. Съ полнымъ развитіемъ системы, рекрутскій запасъ долженъ возрости до 900 т. Изъ проекта видно, хотя и не совсѣмъ ясно, что это временное учрежденіе полагается

обратить въ постоянное. Комиссія назвала рекрутскимъ запасомъ тотъ именно разрядъ людей, изъ котораго давно уже предлагали создать государственное ополченіе, но не дала ему никакого самостоятельнаго устройства.

Наконецъ въ крайнихъ случаяхъ можетъ быть созвано особое государственное ополченіе изъ людей, не входящихъ въ рекрутскій запасъ, стало быть изъ 37-лѣтнихъ и старше, т. е. изъ отставныхъ солдатъ и обывателей, исключенныхъ уже изъ рекрутскихъ списковъ. Для этой силы не имѣется въ виду никакой предварительной организаціи, кромѣ того, что она будетъ созываться по образцу 1854 года, причемъ всѣ губерніи должны выставлять пѣшія дружины и конныя сотни.

Съ призывомъ военнаго времени станетъ подъ ружье въ Европейской Россіи и на Кавказѣ 2.084,600 чел , кромѣ ополченія. Дѣло идетъ объ образованіи армій для большой европейской войны массами, почему сюда включена и кавказская армія. Такъ какъ дальнія азіатскія окраины, Туркестанъ и Сибирь, исключены изъ этого разсчета, то нельзя ссылаться на исключительныя географическія условія, парализующія часть нашихъ силъ. Условія устройства арміи собственно Европейской Россіи подходятъ, хотя не совсѣмъ, но довольно близко, къ условіямъ всякаго европейскаго государства.

Новая система будетъ развита и закончена только въ 1889 году.

Такова сущность послѣдняго проекта военныхъ комиссій, представляемаго на обсужденіе высшихъ чиновъ арміи. На сколько основанія проекта принадлежатъ комисіи и на сколько министерству, въ какой мѣрѣ комиссіи дано было простору въ заключеніяхъ—это намъ не извѣстно.

Громадная цифра 2.084,600 человѣкъ подъ ружьемъ сама по себѣ еще ничего не выражаетъ. Въ началѣ 1856 года у насъ было подъ ружьемъ (т. е. на казенномъ пайкѣ) 2.560,000 человѣкъ, а между тѣмъ не ставало силъ, чтобы выбить изъ Крыма полтораста тысячъ союзниковъ. Дѣло не въ одномъ счетѣ людей, а въ правильномъ ихъ распредѣленіи. Всякія тыловыя войска, резервныя, запасныя и проч., нужны лишь въ такомъ числѣ, въ какомъ они дѣйствительно нужны, что всегда можетъ быть разсчитано впередъ съ нѣкоторою приблизительностію; всѣ они вѣсятъ очень немного на вѣсахъ войны, какъ не давно еще видѣли на примѣрѣ Франціи. Однихъ

только боевыхъ войскъ нужно столько, сколько возможно по средствамъ государства. Когда пруссаки въ 1860 году преобразовали свою военную систему, они удвоили кадры постоянной арміи: вмѣсто 9 пѣхотныхъ дивизій сформировали 18.

Изъ массы нашихъ тыловыхъ войскъ будутъ выдѣляться только 200 подвижныхъ резервныхъ батальіоновъ. По всей вѣроятности, всякая наша сухопутная война усложнится войной морской. Если чисто-сухопутная война не совсѣмъ невозможна, то во всякомъ случаѣ нельзя основывать разсчета на такомъ исключительномъ условіи; а при морской войнѣ 200 резервныхъ батальіоновъ не только разойдутся до одного на защиту прибрежій и замѣну кавказскихъ дѣйствующихъ войскъ, выдвигаемыхъ въ Азію, но ихъ не станетъ для всѣхъ этихъ назначеній. Въ 1854—55 годахъ огражденіе одного только балтійскаго прибрежья потребовало свыше 200 т. войска. Слѣдовательно, разсчитывая наши силы на театрѣ войны, надо позабыть о существованіи резервныхъ батальіонахъ, особенно на первыхъ порахъ. Они принесутъ лишь ту пользу, что избавятъ боевыя войска отъ развлеченія въ тылу, по крайней мѣрѣ отчасти.

Надобно замѣтить тутъ же и впослѣдствіи не упускать изъ виду, что такое невыгодное условіе—вынужденное бездѣйствіе многочисленныхъ резервныхъ войскъ по окраинамъ, слѣдствіе исключительныхъ условій, лежитъ всею тяжестію только на насъ, а не на непріятелѣ. У Германіи или у Австріи съ Турціею подвижные резервы не были бы бездѣйственны при войнѣ съ нами и примкнули бы всею массою къ полевой арміи. Разница въ томъ, что на Балтійскомъ морѣ у нѣмцевъ нѣтъ шаткихъ политически прибрежій, десантъ въ которыя представлялъ бы какой нибудь смыслъ, между тѣмъ какъ у насъ такія прибрежія есть и чрезвычайно опасныя, отрѣзывающія Петербургъ отъ западной границы, т. е. отъ дѣйствующей арміи; на Черномъ же морѣ мы до сихъ поръ хозяева только на бумагѣ, а сосѣди наши—на дѣлѣ. Потому оборонительныя войска за тыломъ арміи почти не нужны нашимъ сосѣдямъ, развѣ въ незначительномъ числѣ, какъ противъ французскаго флота въ 1871 году; они двинутъ впередъ весь свой ландверъ также, какъ двинули его во Франціи. Это исключительное условіе въ пользу возможныхъ соперниковъ Россіи—не натяжка, а печальная дѣйствительность, которую

нельзя не принимать въ соображеніе: иначе всякій расчетъ разлетится прахомъ. Нашей дѣйствующей арміи придется биться противъ итога подвижныхъ силъ непріятеля, дѣйствующихъ и резервныхъ; мы же будемъ въ состояніи притянуть часть резервовъ на театръ дѣйствій только въ случаѣ побѣдоноснаго начала войны, не иначе.

Объяснившись насчетъ этихъ трехъ пунктовъ, мы можемъ приступить къ изслѣдованію, насколько громадная жертва, потребованная отъ русскаго народа и столь охотно принятая имъ на себя, возвыситъ силы Россіи на основаніи послѣднихъ проектовъ. Чтобы не давать мѣста произвольнымъ сужденіямъ, мы будемъ постоянно сопоставлять предполагаемыя нами учрежденія съ учрежденіями, осуществленными у нашихъ сосѣдей, въ Германіи и Австріи.

Мы видѣли, что комиссія рѣшила исправить проектъ 7-го ноября 1870 года возможнымъ усиленіемъ дѣйствующей арміи. Въ чемъ же состоитъ это усиленіе?

Выше показано, что пруссаки, перестроивая свою военную систему въ 1860 году, почти удвоили полевую армію на счетъ резервовъ. Они позаботились еще о сформированіи за арміей, но никакъ не на счетъ ея, возможно многочисленнаго ландвера, также подвижнаго войска, въ родѣ нашихъ будущихъ резервныхъ батальіоновъ; но никакихъ постоянныхъ кадровъ, кромѣ боевыхъ, тамъ не существуетъ.

Послѣднія преобразованія въ Австріи происходятъ въ томъ же духѣ. Положено обратить пятые батальіоны полковъ, существовавшіе до сихъ поръ на бумагѣ и потому чисто резервные, въ дѣйствующіе. Въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, уничтожены всякіе постоянные кадры мѣстныхъ или запасныхъ войскъ, вслѣдствіе чего численность полевой арміи сильно тамъ возросла.

На основаніи послѣднихъ проектовъ русскія силы увеличиваются въ военное время, при обще-обязательной службѣ, съ 1.208,000 на 2.080,000, собственно русская пѣхота съ 845,000 на 1.467,000. Приращеніе пѣхоты составляетъ, слѣдовательно, 622,000 *).

*) Мы будемъ брать въ сравненіе исключительно пѣхоту, такъ какъ она служитъ вездѣ мѣриломъ всѣхъ прочихъ оружій. Въ Россіи, по нашимъ мѣстнымъ условіямъ, конница можетъ быть самостоятельнымъ оружіемъ, независ

Насколько же усиливается при этомъ пѣхота боевой арміи, отъ которой исключительно зависитъ наша участь? По проекту, въ полевую пѣхоту включается еще 10 новыхъ дивизій, т. е. 120 батальіоновъ; но значительная часть этого приращенія осуществляется на бумагѣ, такъ какъ на составъ новыхъ дивизій расходуется 51 старыхъ баталіоновъ; дѣйствительная же цифра приращенія слѣдующая:

Теперь дѣйствующей пѣхоты состоитъ на лицо (кромѣ азіатскихъ окраинъ):

4 дивизіи 16-батальіонныхъ . .	64	батальіон.
43 » 12 » . . .	516	»
7 стрѣлковыхъ бригадъ	28	»
Итого . .	608	батальіон.

По проекту будетъ состоять:

57 дивизій 12-батальіонныхъ . .	684	батальіон.
Бригада стрѣлковъ	4	»
Итого . .	688	батальіон.

Слѣдовательно, изъ приращенія всей пѣхоты 622 тысячами, достается на долю боевой пѣхоты только 80 батальіоновъ, т. е. 80 т. строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Въ Германіи, на 857 т. всей пѣхоты по военному положенію, дѣйствующей пѣхоты состоитъ 469 т., около 4/7, а съ подвижнымъ резервомъ 729 т., или 86%.

Въ Австріи, на 607 т. всей пѣхоты по военному положенію, дѣйствующей, съ кроатами и тирольцами безъ гонведовъ. состоитъ 501,000, около 5/6, или 83%.

Въ Россіи, на 1.467,000 всей пѣхоты по военному положенію, дѣйствующей состоитъ (считая только строевыхъ людей, какъ и въ предшествующихъ примѣрахъ) 688 т., около 9/20, а съ подвижнымъ резервомъ 888 т.—60%.

Но какъ 200 резервныхъ батальіоновъ непремѣнно разойдутся безъ остатка на оборону прибрежій и окраинъ, то боевая сила Россіи, соотвѣтствующая тому итогу силъ на театрѣ войны,

---

ымъ отъ какой-либо пропорціи съ пѣхотою. Этотъ предметъ мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ онъ уже достаточно очерченъ въ брошюрѣ ген. Пистолькорса, въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи» и въ моей статьѣ печатаемой ниже.

какой мы показали выше у сосѣдей, составляетъ, сравнительно съ общимъ числомъ нашей пѣхоты, только 46°/₀.

Это соотношеніе силъ, слѣдствіе предположенной системы военнаго устройства, можно для наглядности выразить еще слѣдующимъ образомъ:

Германія, при населеніи въ 40 мил., военномъ бюджетѣ въ 360 мил. франковъ (1871 г.) и общемъ итогѣ пѣхоты 857 т., можетъ выставить противъ насъ 469 дѣйствующихъ и 260 ландверныхъ батальіоновъ, всей пѣхоты 729 тыс. При этомъ у нея остается еще 148 батальіонныхъ депо для крѣпостныхъ гарнизоновъ. Для защиты противъ насъ своихъ береговъ ей нужно, очевидно, еще меньше силъ, чѣмъ противъ французовъ въ 1871 г.

Австрія, при населеніи въ 35,600.000, военномъ бюджетѣ въ 252 мил. франковъ (1871 г.) и общемъ итогѣ пѣхоты съ гонведами 687 т., можетъ выставить противъ насъ пѣхоты, съ гонведами же, 580 тысячъ.

Россія, при населеніи въ 82 м., военномъ бюджетѣ въ 527 м. франковъ (1871 г. считая руб. = $3^1/_2$ фр.) и общемъ итогѣ пѣхоты 1.467,000, будетъ въ состояніи выставить на западную границу при новомъ устройствѣ (исключая кавказскую армію) 43 пѣхотныя дивизіи и бригаду стрѣлковъ—520 т. На 60 т. меньше Австріи и почти на цѣлую треть меньше Германіи, при всемъ напряженіи силъ 80-миліоннаго народа!

Вотъ практическій выводъ, къ которому приходитъ смѣлое рѣшеніе «увеличить дѣйствующую армію на такую цифру, какая только окажется возможною». Оказалось возможнымъ, поднявъ всю Россію на ноги, усилить дѣйствующую армію 80 батальіонами.

Конечно, въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы предполагали, крайнюю степень напряженія, сборъ на театръ войны всѣхъ подвижныхъ войскъ до послѣдняго батальіона, чего на практикѣ не бываетъ. Нѣмцы не выведутъ въ поле весь свой ландверъ, австрійцы—всѣхъ гонведовъ; но мы также не выведемъ всю полевую армію, предоставляя участь Петербурга, Финляндіи, Остзейскаго края, Крыма и всего черноморскаго прибрежья, Чечни и Дагестана—одному плохому резерву, котораго вдобавокъ, далеко не станетъ на занятіе такихъ обширныхъ пространствъ, особенно въ началѣ войны, при не выяснившихся еще намѣреніяхъ непріятеля. Стало быть отношеніе силъ оста-

нется тоже самое, какое мы представили. Надо сказать, кромѣ того, мы брали исключительно случаи одиночной войны, а всякій знаетъ, что одиночной войны у насъ никогда не будетъ: мы слишкомъ для того сильны, если не своимъ военнымъ устройствомъ, то числомъ и духомъ русскаго народа; а въ войнѣ противъ союза, т.-е. въ дѣйствительно возможной и вѣроятной войнѣ, это неравенство готовыхъ силъ еще значительно увеличится.

Между тѣмъ у насъ нѣтъ недостатка въ постоянныхъ кадрахъ для дѣйствующей арміи. Одновременно съ увеличеніемъ ея только 80 батальіонами, по проекту комиссіи упраздняются: 82 резервныхъ батальіона, 44 губернскихъ *), 28 стрѣлковыхъ, 11 линейныхъ и 16 кавказскихъ; да можно было бы упразднить 21 крѣпостной батальіонъ. Вотъ 202 готовыхъ боевыхъ кадра, не увеличивающихъ бюджета ни одной копѣйкой, такъ какъ они содержались до сихъ поръ по штатамъ мирнаго времени. Надобно замѣтить, что со времени учрежденія мѣстныхъ войскъ, для нихъ отбирались лучшіе люди; стало быть они представляютъ въ настоящемъ видѣ надежные кадры для сформированія боевыхъ полковъ.

Куда же исчезаютъ эти отличные кадры?

Очевидно 126 резервныхъ и губернскихъ батальіоновъ расходятся на сформированіе 250 запасныхъ и на увеличеніе числа крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ причины относительной слабости боевой арміи, не смотря на громадное напряженіе, становятся ясными. Наша сила растрачивается: 1) на запасные мѣстные батальіоны, 2) на крѣпостныя войска, 3) на особые маршевые батальіоны изъ отпускныхъ людей—три учрежденія, нигдѣ не существующія въ томъ видѣ, какъ проектъ ихъ предлагаетъ.

Чѣмъ объясняются такія отступленія отъ общепринятыхъ основаній европейскаго военнаго устройства? Исключительностію ли нашихъ мѣстныхъ условій, или же, напротивъ, исключительностію личнаго взгляда учредителей? Судьба русскаго могущества зависитъ отъ уясненія этого вопроса. Мы постараемся разложить эти отступленія на ихъ составныя части.

---

*) Ихъ всего 52, но въ 8 губ. оставляются полные батальіоны.

III.

Прежде всего будемъ твердо помнить аксіому, несомнѣнную для всего военнаго свѣта: силы мирнаго времени относятся къ силамъ военнаго, какъ зерна посѣва въ жатвѣ. Военныя же силы измѣряются исключительно боевой арміей, а потому всякій солдатъ, содержимый по штатамъ мирнаго времени, но отвлекаемый отъ боевыхъ кадровъ, равняется зерну посѣва, непопадающему въ землю. Неизбѣжныя потребности заставляютъ и безъ того отвлекать слишкомъ много людей для непроизводительнаго, въ военномъ смыслѣ, назначенія, особенно у насъ; если же къ неотразимымъ потребностямъ присоединится еще произволъ личныхъ взглядовъ, дозволяющихъ себѣ сочинять разныя болѣе или менѣе полезныя учрежденія на счетъ необходимыхъ, то послѣдствіемъ окажется, какъ мы уже видѣли, что Австрія, владѣющая только $^2/_5$ населенія Россіи и располагающая $^2/_5$ русскаго военнаго бюджета, выставитъ въ поле больше солдатъ, чѣмъ мы.

Съ этой положительной точки зрѣнія, состоятельность или несостоятельность исключительныхъ военныхъ учрежденій, перенесенныхъ въ новый проектъ изъ записки 7 ноября, выкажется сама собою.

Крѣпостныя войска.

При должномъ настроеніи, вызываемомъ напряженіемъ народнаго чувства, самыя скоронабранныя войска могутъ стойко защищать крѣпость,—всякій это знаетъ. Въ послѣдней франко-прусской войнѣ національные гвардейцы, совершенно неспособные къ открытому бою, отбивались за укрѣпленіями также точно, какъ и полевыя войска. Въ теоріи, комиссія называетъ крѣпостныя войска спеціальными, вопреки всемірному понятію, соглашаясь съ запиской 7 ноября 1870 г., на практикѣ же она смотритъ на нихъ какъ на ополченіе и смѣло обращаетъ по военному положенію крѣпостную роту изъ 60 человѣкъ въ девятисотный батальіонъ, т.-е. увеличиваетъ въ 15 разъ. Нечего, кажется, пояснять какому бы ни было читателю, что кадръ, возвышенный въ 15 разъ, есть ополченіе, а

ное постоянное войско; въ арміи Бурбаки приходилось даже болѣе одного стараго солдата на 15 новобранцевъ, что не вылечило ея отъ недостатковъ, присущихъ всякому ополченію. Но если по такому разсчету крѣпостные гарнизоны будутъ не болѣе какъ ополченіемъ (противъ чего нельзя возражать съ военной точки зрѣнія: для крѣпостей дѣйствительно нужно только ополченіе), то для чего создавать для нихъ постоянные кадры и для того обрѣзывать боевую армію на $2^1/_2$ почти пѣхотныя дивизіи (29 батальіоновъ) и заранѣе обрекать на неподвижность 130 тыс. обученныхъ солдатъ. У насъ легко создать изъ рекрутскаго запаса дополненнаго отпускными, нѣсколько сотъ тысячъ ополченія, не только не уступающаго, но при извѣстныхъ пріемахъ формированія далеко превосходящаго качествомъ гарнизонную роту, разжижаемую въ 15 разъ.

Могутъ возразить: гарнизонная артиллерійская прислуга недостаточна; ей нужно подспорье изъ спеціально обученныхъ людей? Совершенно справедливо. Но по проекту линейныя крѣпостныя роты не обучаются дѣйствію при орудіяхъ, какъ не обучались до сихъ поръ; на это назначается 5-я стрѣлковая рота. Стало быть, дѣло идетъ только объ усиленіи крѣпостной артиллеріи по мирнымъ штатамъ 29-ю ротами въ 60 человѣкъ, всего 1,740 человѣкъ. Кто же станетъ противъ этого спорить? Но возможно-ли изъ-за такой пустой прибавки уменьшать полевую армію на $2^1/_2$ дивизіи, которыхъ иногда бываетъ достаточно для рѣшенія генеральнаго сраженія?

Проектъ увѣряетъ, что крѣпостныя войска будутъ высылать излишекъ, если такой окажется, въ дѣйствующую армію. Во-первыхъ, этотъ излишекъ гарнизонныхъ частей, разжиженныхъ въ 15 разъ, негоденъ къ полевой войнѣ. Во вторыхъ, какъ же это проектъ ведетъ разсчетъ войны? Положимъ загорится австро-турецкая война, а запасныхъ людей балтійскихъ гарнизоновъ потащутъ изъ разныхъ губерній сперва въ Финляндію и проч., потому что тамъ находятся ихъ кадры, и потомъ станутъ перевозить на Дунай? Современная война требуетъ приведенія всѣхъ силъ разомъ на военное положеніе; куда же ведетъ система, по которой, въ случаѣ австро-турецкой войны, приходится комплектовать финляндскіе гарнизоны? Мѣстные кадры вредны именно тѣмъ, что, въ случаѣ такого или иного оборота войны, большая часть ихъ пропадаетъ даромъ, особенно въ рѣшительные дни начала дѣйствій.

Двѣ лишнія полевыя дивизіи всегда много значатъ, тѣмъ болѣе двѣ къ двумъ, и такъ далѣе. Но, положимъ, отъ двухъ дивизій русской арміи не убудетъ; да дѣло идетъ не о двухъ дивизіяхъ, а объ особомъ взглядѣ или, вѣрнѣе сказать, направленіи, руководящемъ такимъ великимъ дѣломъ. Новый проектъ, очевидно, называетъ крѣпостные гарнизоны спеціальнымъ войскомъ, для того, чтобъ оправдать учрежденіе для нихъ постоянныхъ кадровъ по проекту 7 ноября 1870 года, какъ будто можно кого нибудь увѣрить, что для обороны за стѣною нужны спеціальныя войска, или, что рота, разжиженная въ 15 разъ, можетъ считаться спеціальнымъ войскомъ.

Запасные баталыоны.

Постоянные кадры этого рода войскъ развлекаютъ силы государства еще гораздо болѣе крѣпостныхъ кадровъ. Въ европейскихъ арміяхъ не существуетъ соотвѣтствующаго учрежденія. Въ Германіи, на 260 ландверныхъ и 148 батальіоновъ-депо по мирнымъ штатамъ, находится въ рекрутскихъ участкахъ 4.378 постоянныхъ солдатъ. По такому разсчету пропорціонально силамъ русской арміи, ихъ было бы у насъ до восьми тысячъ.

Въ кадрахъ запасныхъ войскъ полагается по проекту дѣйствительно это нормальное число — 8,150; но къ нему прибавляется въ мирное время 3 тыс. инструкторовъ, 40 тыс. конвойныхъ и 20 тыс. мѣстной пѣхоты — всего 71,300, кромѣ всѣхъ людей при хозяйственныхъ и матеріальныхъ учрежденіяхъ. Съ кавалерійскими и артиллерійскими резервами будетъ слишкомъ 87 тыс., въ военное же время, съ прибавкою такъ называемыхъ учителей, по 125 на батальіонъ, и мастеровыхъ, число всей мѣстной кадровой пѣхоты простирается за 100 тыс. Въ однихъ запасныхъ батальіонахъ будетъ числиться въ мирное время 1,542 офицера и 49 тыс. нижнихъ чиновъ; въ военное же однихъ офицеровъ слишкомъ 8 тысячъ, между тѣмъ, какъ ихъ недостаетъ у насъ для боевой арміи (подвижные резервы въ этотъ счетъ не входятъ). Изъ предполагаемаго учрежденія запасныхъ батальіоновъ явствуетъ до сихъ поръ только одно послѣдствіе: для его осуществленія расхо-

дуется 126 готовыхъ батальіонныхъ кадровъ, которые могли бы поступить въ дѣйствующую армію.

Въ одномъ отношеніи нѣмецкіе полковые депо соотвѣтствуютъ нашимъ запаснымъ батальіонамъ; они также въ военное время обучаютъ рекрутъ, но, кромѣ того, несутъ еще многія службы. Эти депо пополняютъ убыль арміи изъ своего собственнаго состава, занимаютъ, по выводѣ ландвера, гарнизоны крѣпостей, а когда нужно, выставляютъ новыя строевыя части на театръ войны. При небольшомъ пространствѣ Гермаманіи и извилистомъ очертаніи границъ, вся внутренность ея доступна непріятелю, а потому ее нелья вовсе обнажить. Со всѣмъ тѣмъ, въ Германіи не считаютъ нужнымъ держать для этихъ депо ни одного кадроваго человѣка по мирнымъ штатамъ. У насъ изъ внутренности государства — по выраженію Гоголя — «скачи хоть три года, ни до какого царства не доскачешь»; однакожь, къ этимъ внутреннимъ мѣстностямъ, лежащимъ на три года скачки отъ границы, будетъ приковано 250 батальіонныхъ кадровъ, отнимаемыхъ у боевой арміи. Съ какою цѣлію?

При нынѣшнихъ сокрушительныхъ и скоротечныхъ войнахъ, приходится разсчитывать почти исключительно на людей подготовленныхъ для войны; во время дѣйствій учить уже некогда. Подготовленіе же рекрутъ, вставляемыхъ въ ряды старыхъ войскъ, требуетъ только умѣнья обращаться до нѣкоторой степени съ ружьемъ, чему можно научиться при всякихъ временныхъ войскахъ. Объ остальныхъ внутреннихъ потребностяхъ нечего и говорить: любое ополченіе годится для нихъ. Составъ временныхъ войскъ не представляетъ также вопроса въ Россіи, гдѣ за наборомъ остается 120 тыс. годныхъ къ службѣ людей, на которыхъ предположено распространить первоначальное военное обученіе; да за укомплектованіемъ постоянныхъ войскъ остается еще большое число отпускныхъ. Трудно предположить, чтобъ такія простыя соображенія ускользнули отъ вниманія коммиссіи. Если же, не смотря на то, проектъ предлагаетъ систему нигдѣ не виданную, крайне многосложную и очевидно подрывающую самую цѣль преобразованія, то надо думать, что коммиссія, соглашаясь на нее, подчинилась давленію неодолимыхъ мѣстныхъ условій.

Какія же это мѣстныя условія?

Сохраненіе порядка густымъ размѣщеніемъ войскъ? Нѣтъ.

Въ мирное время и безъ того предполагается расположить полевыя войска какъ можно равномѣрнѣе и ближе къ ихъ участкамъ, въ военное же,— мѣсто ихъ можетъ быть занято всякими временными войсками.

Содержаніе карауловъ? Нѣтъ. Проектъ возлагаетъ караулы на полевыя войска, рекомендуя при этомъ хорошее нравственное вліяніе гарнизонной службы, пріучающей солдата серьезно смотрѣть на свои обязанности. Въ осьми отдаленныхъ губерніяхъ предположено оставить нынѣшніе губернскіе баталіоны подъ другимъ названіемъ. Для уѣздовъ, не занятыхъ полевыми войсками, и для этапной службы разработывается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденіе земской стражи. Проектъ указываетъ на неготовность этой работы, какъ на одну изъ побудительныхъ причинъ къ сформированію запасныхъ баталіоновъ. Надо думать, что тутъ недоразумѣніе. По крайней мѣрѣ свѣтъ не видалъ еще такого явленія, чтобы въ вѣковомъ учрежденіи первой важности, каково военное устройство государства приводилась основная мѣра, явно несостоятельная, вслѣдствіе того только, что въ другомъ министерствѣ, на сосѣдней улицѣ, не совсѣмъ еще довершена текущая работа, съ окончаніемъ которой предлагаемая мѣра лишается послѣдняго основанія. Война можетъ вспыхнуть завтра, а у насъ окажется 6-ю дивизіями меньше, чѣмъ выходило по разсчетамъ самаго проекта, изъ-за 35 тыс. человѣкъ, нужныхъ будто бы для конвоированія арестантовъ. Проектъ увѣряетъ, что такую обязанность невозможно возлагать на полевыя войска. Постоянно,—конечно, нѣтъ; но въ видѣ временной мѣры, пока введется земская стража, возможенъ и этотъ, и всякій другой способъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ не ослаблять полевой арміи цѣлыми 6-ю дивизіями (по нашему счету больше чѣмъ 6-ю). Изъ дальнѣйшихъ указаній проекта становится, впрочемъ очевиднымъ, что онъ хочетъ запасныхъ баталіоновъ для нихъ самихъ, а не изъ за этой причины.

Что же остается еще изъ мѣстныхъ условій? Обученіе рекрутъ? Также нѣтъ. Въ мирное время рекруты будутъ теперь поступать прямо въ полки, въ военное — они научатся обращенію съ ружьемъ при всякой временной части, какъ научаются въ Пруссіи при временныхъ полковыхъ депо. Проектъ же создаетъ для такой простой и легкой цѣли баснословную педагогическую систему — 100 тысячъ спеціальныхъ учителей

(численность запасныхъ кадровъ) на 127 тысячъ учениковъ (величина годоваго набора пѣхоты).

Что же затѣмъ? Временной сборъ отпускныхъ? Надобно надѣяться, что эта мѣра, мало полезная сама въ себѣ, разорительная для народа и для государства вмѣстѣ, не состоится на практикѣ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, напримѣръ, введенія въ армію новаго вооруженія, къ которому надобно пріучать людей. Но еслибъ эта мѣра даже состоялась, то развѣ для нея нужны запасные батальіоны; развѣ въ Пруссіи, съ которой мы перенимаемъ такое учрежденіе, существуютъ какія-либо постоянные кадры для ежегодныхъ сборовъ ландвера; развѣ сборъ не можетъ происходить въ мирное время при полевыхъ войскахъ? Это говоритъ самъ проектъ (стр. 56), но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ: «установленіе комплектованія войскъ по участкамъ не можетъ еще принести дѣлу всѣхъ выгодъ, если участки не будутъ имѣть мѣстныхъ воинскихъ частей, при которыхъ чины запаса могли бы собираться для отправленія въ войска и на театръ войны». Понятно, что для этого нуженъ воинскій начальникъ въ участкѣ. Но чины запаса сами не дѣти, а старые солдаты съ офицерами и унтеръ-офицерами; къ чему же имъ нужна нянька въ видѣ запаснаго батальіона для отправленія въ войска? И какая роль предстоитъ при этомъ отправленіи нижнимъ чинамъ запаснаго батальіона? Станутъ ли они подсаживать отпускныхъ при влѣзаніи въ вагоны, что ли? Когда указаніе на опредѣленную цѣль замѣняется общими мѣстами, это уже плохой признакъ.

Неужто, наконецъ, запасной батальіонъ необходимъ для матеріальнаго снаряженія отпускныхъ и рекрутъ? Все-таки нѣтъ. Хотя проектъ говоритъ о какихъ особыхъ мастеровыхъ при запасномъ батальіонѣ, но совсѣмъ невѣроятно, чтобы благодѣтельныя, хотя не совсѣмъ доконченныя преобразованія временъ генерала Сухозанеча пропали даромъ и, чтобы снаряженіе двухъ-милліонной арміи, переходящей на военное положеніе, было ввѣрено не подряду, а солдатскому труду, дорогому и скудному средству крѣпостныхъ временъ.

Сколько можно видѣть изъ сбивчивыхъ указаній проекта, главною цѣлію запасныхъ батальіоновъ остается все-таки сборъ и обученіе рекрутъ и запасныхъ въ военное время. Но именно эта цѣль и придуманные для нея пріемы возбуждаютъ наибо-

дѣе сомнѣнія. Относительно рекрутъ, очевидно, громадность средствъ далеко првосходитъ важность цѣли. Отпускные же дѣлятся по срокамъ. Младшіе пойдутъ прямо къ полки, не задерживаясь обученіемъ при запасномъ батальонѣ, потому что непріятель не ждетъ и въ наше время переходитъ границу черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны; самые старые, наиболѣе отвыкшіе отъ службы, войдутъ прямо въ составъ резервныхъ батальоновъ и также не будутъ учиться при запасѣ, по той же самой причинѣ: надобно, чтобы они успѣли занять Петербургъ ранѣе непріятеля. Стало быть запасные батальоны назначаются исключительно для обученія отпускныхъ среднихъ сроковъ, лучше помнящихъ службу, не формирующихъ, въ добавокъ, отдѣльныхъ частей, а вставляемыхъ въ ряды между старыми солдатами, что даже не требуетъ особенно твердаго знанія службы. Изъ отпускныхъ старыхъ сроковъ можно составлять особыя части для самостоятельныхъ дѣйствій, не обучая ихъ при запасѣ, а отпускными среднихъ сроковъ нельзя пополнять ряды готовыхъ частей безъ новаго обученія? И для такой серьезной цѣли отнимается у боевой арміи 126 существующихъ на лицо кадровъ.

Но этого мало: надо смотрѣть на пріемы обученія. Съ началомъ войны къ запасному батальону прикомандировываются 125 солдатъ самаго младшаго срока, въ качествѣ учителей, какъ наилучше помнящіе службу; люди эти будутъ распоряжаться старыми солдатами 10 и 12-лѣтними. Въ настоящее время въ арміи по неволѣ возбуждается вопросъ: какими глазами станутъ смотрѣть старые отпускные на нынѣшнихъ безбородыхъ унтеръ-офицеровъ? Будутъ ли послѣдніе имѣть какое-либо нравственное значеніе для первыхъ, безъ чего въ войскѣ не можетъ существовать настоящей связи и дисциплины? А тутъ, въ запасномъ батальонѣ, 12-лѣтній отпускной будетъ отданъ въ обученіе 5-лѣтнему — не унтеръ-офицеру а своему же брату солдату. Какой же военный, прослужившій хоть полгода въ строю, можетъ усомниться, что подобное обращеніе возмутитъ отпускныхъ до глубины души и наполнитъ наши боевые ряды людьми, возненавидѣвшими новую службу съ перваго же дня призыва. Мы напрасно впрочемъ заговорили о военныхъ по поводу такихъ изобрѣтеній: военные тутъ ни причемъ.

Учрежденіе запасныхъ батальоновъ и вообще кадровъ за-

пасной пѣхоты не имѣетъ никакого оправданія у насъ, какъ и вездѣ. Число постоянныхъ людей въ полковомъ рекрутскомъ участкѣ можетъ ограничиться 2—3 офицерами для веденія списковъ и нѣсколькими нижними чинами для храненія запасовъ, какъ въ Пруссіи. Различіе въ разстояніяхъ нашихъ и прусскихъ, на которое часто указываютъ, имѣетъ значеніе только для ногъ, которымъ приходится проходить эти разстоянія, а не для рукъ, ведущихъ имъ счетъ.

Пересмотрѣвъ цѣлый рядъ аргументовъ, мы не можемъ объяснить ни однимъ изъ нихъ настойчивость новыхъ проектовъ—сохранить, во что бы ни стало, запасные баталіоны въ духѣ записки 7 ноября, вопреки вставкѣ о «возможномъ увеличеніи цифры дѣйствующихъ войскъ». Записка не имѣвшая въ виду такой вставки, предлагала 120 запасныхъ баталіоновъ; новый проектъ, прибавившій вставку, создаетъ 250 полубатальіоновъ, т. е. 5-ю полными баталіонами больше. Оттого прибавленное имъ приращеніе полевой арміи, какъ оно ни малозначительно, осуществляется не на счетъ какого либо сокращенія безплодныхъ издержекъ, какъ слѣдовало, а ложится новою тягостью на бюджетъ.

Надо прибавить: кромѣ напраснаго расточенія силъ, учрежденіе запасныхъ войскъ опасно еще въ другомъ отношеніи: какъ недавно завелось, въ запасныя войска станутъ переводить лучшихъ людей, предоставляя худшимъ стоять за русское дѣло въ бою.

IV.

Маршевые баталіоны.

Слѣдуя за проектомъ, мы восходимъ къ мѣрамъ все болѣе важнымъ и въ тоже время все болѣе ослабляющимъ боевую армію. Особыхъ войскъ для занятія крѣпостей теперь уже нѣтъ почти нигдѣ; постоянныхъ кадровъ для временныхъ войскъ давно уже нигдѣ нѣтъ; учрежденія, называемаго маршевыми баталіонами, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ проектъ, ни у кого и никогда не было.

По проекту, съ привиденіемъ арміи на военное положеніе,

къ запасному батальону собираются въ двѣ очереди 1,000 отпускныхъ среднихъ сроковъ и упражняются въ ратномъ искусствѣ, пока въ дѣйствующихъ войскахъ не окажется убыли соотвѣтствующей числомъ 1-й очереди. По мнѣнію коммиссіи, весьма основательному, армія теряетъ въ первые же дни войны около 20% болѣе отъ непривычныхъ трудовъ, чѣмъ отъ огня; тогда направятся къ ней первыя маршевыя колонны. Такимъ образомъ, съ выступленіемъ дѣйствующей арміи на театръ войны, а резервныхъ батальіоновъ на окраины, внутри государства останется одной пѣхоты:

Запасной	331,359
Мѣстной, если крѣпостные батальіоны, кромѣ 60 тыс. солдатъ, учетверятся рекрутскимъ запасомъ	152,212
Отпускныхъ людей 2-й очереди	165,000
Пѣхотныхъ рекрутъ новаго набора	126,487
Итого, кромѣ офицеровъ	775,058

Да рекрутскаго запаса останется около 750,000.

Всего же, съ запасами регулярной кавалеріи и артиллеріи, кромѣ запасныхъ казаковъ, кромѣ предположеннаго государственнаго ополченія, кромѣ тысячъ людей при всякихъ хозяйственныхъ частяхъ слишкомъ 1.600,000. Въ этомъ числѣ устроенныхъ войскъ 584,000, а всѣхъ обученыхъ солдатъ до 750,000 (въ числѣ обученыхъ мы считаемъ конечно людей, стоящихъ въ строю крѣпостныхъ войскъ).

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль перваго, самаго рѣшительнаго и трудно поправимаго впослѣдствіи столкновенія массъ, наша дѣйствующая армія, уступающая числомъ пѣхоты, какъ мы видѣли, даже одной австрійской, схватится съ врагомъ. Исходъ этого перваго столкновенія повліяетъ неотразимо на судьбу всей войны, можетъ быть рѣшитъ ее окончательно, какъ первый мѣсяцъ франко-прусской борьбы рѣшилъ участь всего послѣдующаго. А въ тоже время 750 тыс. обученыхъ солдатъ будутъ стоять ружье у ноги внутри государства, дожидаясь, чтобъ дѣйствующая армія потеряла сначала 20% своей численности. Да кто же знаетъ впередъ, сколько именно процентовъ убудетъ изъ арміи въ эти недѣли? Французская армія, напримѣръ, поставленная совершенно въ такія же условія, только невольно, въ какія проектъ добровольно ставитъ

русскую армію, потеряла изъ своей численности, въ первый же мѣсяцъ дѣйствій, ровно сто процентовъ. Кто же не знаетъ притомъ, что осуществленіе разсчетовъ постепеннаго пополненія арміи на войнѣ, даже осуществленіе грубо приблизительное, съ величайшими отступленіями, возможно только для побѣдителя? Онъ одинъ можетъ опредѣлить съ нѣкоторою степенью вѣроятности, гдѣ онъ будетъ находиться въ данное время и куда направить маршевыя колонны. Развѣ это во власти побѣжденнаго? Еслибъ у французовъ были готовы, въ послѣднихъ числахъ августа, ихъ 800 тыс. мобилей, могли ли они пополнить ими армію Базена или армію Макъ-Магона, разъ двинувшуюся изъ Шалона? Разсчитывать же на побѣду можетъ только тотъ, кто сильнѣе на полѣ битвы съ перваго дня войны. Что значатъ всѣ маршевыя колонны запасныхъ людей, когда постоянные кадры разбиты. Тьеръ, въ своей знаменитой рѣчи объ устройствѣ арміи, сказалъ:

«Я хочу показать вамъ сущность причины нашихъ несчастій, не допустившую Францію подняться. Весь нашъ военный составъ въ кадрахъ былъ взятъ въ Мецѣ и Седанѣ. И у насъ спрашиваютъ, почему Франція не поднялась, не смотря на выказанный ею патріотизмъ, не смотря на 800 тыс. мобилей. Почему не поднялась? Потому что уже не имѣла кадровъ.» Русская полевая армія будетъ конечно гораздо многочисленнѣе французской августа 1870 г.; но всякій знаетъ также, что ей придется мѣряться съ силами, далеко превосходящими передовыя силы Германіи того же мѣсяца. Неужели мы станемъ добровольно подвергать наши кадры, по французскому примѣру, возможности такой же участи?

Вездѣ на свѣтѣ принимаютъ мѣры для посильнаго поддержанія численности арміи въ военное время, однакожъ при этомъ разсчитываютъ преимущественно не на готовыхъ строевыхъ солдатъ, которыхъ никто не оставляетъ дома безъ необходимости, а на учрежденія въ родѣ нашего рекрутскаго запаса или даже на сырыхъ рекрутъ. Къ веснѣ 1871 года у пруссаковъ начинало не доставать даже этихъ послѣднихъ. Съ рекрутскимъ запасомъ, ежегодно подкрѣпляемымъ, и съ очереднымъ рекрутскимъ наборомъ пополненіе русской арміи совершенно обезпечено. Объ этомъ конечно нельзя не заботиться. Но никому еще не приходило въ голову обезпечить комплектованіе арміи тѣмъ способомъ, чтобъ оставить поло-

вину ея дома. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же довольствоваться половиной? Можно оставить дома три четверти или четыре пятыхъ; комплектованіе будетъ еще лучше обезпечено.

Обходя всѣ вопросы, представляющіе какой либо поводъ къ возраженію, хотя бы самый слабый (какъ напримѣръ мѣстныя войска), остается несомнѣннымъ, что проектъ коммиссіи отымаетъ у русскихъ боевыхъ силъ, въ самомъ разгарѣ войны, слѣдующій итогъ людей:

1-я очередь маршевыхъ . .	225,000	насколько разсчеты проекта вѣрны.
2-я » » . .	165,000	
Излишекъ людей въ кадрѣ запасныхъ батальіоновъ по военному положенію, по крайней мѣрѣ	80,000	
Итого	470,000	

Послѣднюю цифру мы выставили на такомъ основаніи: въ Пруссіи на полковой рекрутскій участокъ приходится менѣе 40 кадровыхъ солдатъ. Допуская ихъ въ Россіи три раза больше выйдетъ на участокъ около 100 человѣкъ, на 250 участковъ—25,000, а не 106, какъ хочетъ проектъ.

Кромѣ того, устройство арміи по проекту надолго отсрочиваетъ часъ, когда русскія боевыя силы могутъ быть пополнены очереднымъ наборомъ. По проекту, обученіе рекрутъ при запасныхъ батальіонахъ начнется тогда лишь, когда эти батальіоны сбудутъ съ рукъ двѣ очереди отпускныхъ, что случится не ранѣе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, да на обученіе нужно по крайней мѣрѣ два,—всего полгода, между тѣмъ какъ они могли быть готовы въ 2, наболѣе въ 3 мѣсяца. Стало быть, въ первый періодъ войны добровольное пониженіе боевыхъ русскихъ силъ составляетъ 470 т.+127 т. пѣхотныхъ рекрутъ, всего 600 тысячъ солдатъ (при этомъ еще мы считаемъ только одну пѣхоту). А три мѣсяца,—современные читатели всѣ это помнятъ,—обнимаютъ періодъ времени, протекшій отъ вступленія пруссаковъ во Францію до разбитія орлеанской арміи, т.-е. до разрушенія послѣдней серьезной надежды французовъ.

Можно, пожалуй, отвѣчать, что для всѣхъ этихъ людей нѣтъ готовыхъ кадровъ. Да, но, во-первыхъ, по чьей же винѣ ихъ нѣтъ, когда онѣ отыскиваются для 250 запасныхъ (ска-

жемъ для 125 полныхъ) и 29 крѣпостныхъ батальіоновъ; когда разомъ упраздняются 126 кадровъ резервныхъ и губернскихъ батальіоновъ? Во-вторыхъ, развѣ не существуетъ, внѣ рутиннаго способа устройства войскъ по штатнымъ нормамъ, еще другихъ пріемовъ для усиленія ихъ состава? Развѣ въ Австріи не существовали долго батальіоны въ 1,200 рядовыхъ по военному положенію? Развѣ дѣленіе и численность полковъ, батальіоновъ и ротъ установлены заповѣдью Божіею, а не послѣднимъ приказомъ и не могутъ быть соображены съ новыми потребностями, о чемъ и въ печати было уже довольно рѣчи? Вѣдь нельзя же разсчитывать силы арміи по готовому крашеному обозу. Намъ приказано не вливать вина новаго въ мѣха старые. Въ приложеніи къ данному случаю это значитъ: не удваивать число людей, призываемыхъ къ оружію, затѣмъ, чтобъ опять втиснуть эти двойныя силы въ старую рамку, недостаточность которой, именно, вынуждаетъ преобразованіе.

Развитіе европейскихъ армій ограничивается теперь только двумя предѣлами: числомъ людей, способныхъ стать подъ ружье, и выносчивостью бюджета; были бы люди, изъ нихъ устроятъ армію, лучше или хуже, но непремѣнно устроятъ. По нашему проекту выходитъ иное—люди есть и есть чѣмъ ихъ содержать, только никакъ не находится имъ военнаго употребленія.

Въ проектѣ есть длинное разсужденіе о выгодахъ и неудобствахъ формированія частей изъ одноземцевъ, бросающееся въ глаза своей ошибочностью. Неудобство, по мнѣнію записки, состоитъ въ томъ, что на войнѣ нельзя строго держаться этого правила, такъ какъ убыль въ частяхъ бываетъ не одинакова, — какъ будто въ этомъ важность. Однородный составъ нуженъ для того, чтобы создать полкъ нравственно, образовать слитное, солидарное во всѣхъ своихъ частяхъ товарищество, безъ чего боевая часть никуда не годится; въ краткосрочномъ войскѣ невозможно этого достигнуть другимъ способомъ. Когда полкъ готовъ, созрѣлъ, его нельзя уже испортить никакимъ временнымъ приливомъ постороннихъ людей, Однородность постояннаго состава въ мирное время есть средство, а не цѣль.

Возьмемъ примѣръ, доказывающій наглядно, до какой степени предлежащія работы иногда дѣйствительно не свѣрены съ сознаніемъ военныхъ цѣлей. Проектъ предлагаетъ возвысить мирный составъ батальіоновъ нѣсколькихъ дивизій, расположенныхъ вдоль западной границы, до 730 рядовыхъ,—мѣра сама по себѣ понятная, хотя спорная, такъ какъ она отразится сокращеніемъ общаго числа батальіоновъ въ арміи. Но для чего онъ ее предлагаетъ? Для того чтобы быть въ состояніи немедленно дополнить эти дивизіи мѣстными людьми и предупредить непріятеля, разбить пограничные его корпуса прежде, чѣмъ они соберутся. Проектъ ставитъ на видъ зло, которое могла нанести пруссакамъ французская армія, еслибъ она бросилась (неготовая и несосредоточенная?) въ рейнскую область. Но вѣдь нѣмцы въ 2 недѣли стояли уже въ сборѣ. Нынѣшніе австрійцы вѣроятно также не промѣшкаютъ долго. Съ нашей стороны весь вопросъ заключается въ томъ, чтобъ искуственными мѣрами, системой хорошо расположенныхъ, укрѣпленныхъ лагерей, уравновѣсить, насколько возможно, невыгодныя условія нашего сбора, отстающаго, по причинѣ разстояній, нѣсколькими недѣлями отъ непріятельскаго; а проектъ хочетъ: не дожидая сосредоточенія арміи, бросить нѣсколько дивизій прямо въ пасть льву на вѣчную жертву, вмѣсто того, чтобы прикрыть ими сборъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей, растянувшихся нитью на нѣсколько тысячъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ. Онъ полагаетъ, что передовыя дивизіи могутъ перейти границу черезъ недѣлю, когда ихъ нужно сперва пополнить, снарядить, дать имъ боевой обозъ и свезти за нѣсколько сотъ верстъ къ границѣ,—операціи, которыя могутъ начаться не ранѣе дня объявленія войны, иначе непріятель сдѣлаетъ тоже самое. Но предположимъ невозможное—нѣсколько дивизій пришли къ границѣ черезъ недѣлю. Онѣ, во первыхъ, никого не разобьютъ; пограничные вражескіе корпуса успѣютъ уже къ этому времени сосредоточиться въ ожиданіи подмоги; не можемъ же мы такъ скоро преслѣдовать ихъ пѣшкомъ, какъ они скоро поѣдутъ по своимъ желѣзнымъ дорогамъ! Во-вторыхъ, мы знаемъ изъ опыта, что черезъ двѣ недѣли всѣ непріятельскія силы будутъ уже подвезены къ нашей границѣ. Какъ же полагаетъ проектъ, остальная наша армія также вступитъ въ непріятельскій край въ теченіе слѣдующей недѣли для поддержанія передовыхъ дивизій? Иначе

вѣдь онѣ будутъ вынуждены положить оружіе? Или проектъ жертвуетъ ими для прикрытія сбора остальныхъ силъ, соглашаясь добровольно и обдуманно на рядъ Вертовъ, Мецовъ и Седановъ, неизбѣжныхъ, если мы станемъ подставлять по частямъ русскую армію ударамъ непріятеля? Мы не говоримъ уже объ обхватывающемъ направленіи прусской и австрійской границъ, съ которыхъ легко отрѣзать всякую часть, несвоевременно выдавшемуся впередъ и недостаточно сильную?

V.

Рекрутскій запасъ и государственное ополченіе.

Надо быть благодарнымъ комиссіи за введеніе въ проектъ положенія о рекрутскомъ запасѣ. Безъ этого учрежденія всѣ мѣры къ устройству русской арміи были бы неполны. Наше отечество, при его обширности, не можетъ быть поражено въ голову, подобно Франціи, и всегда будетъ въ состояніи длить войну, дожидаясь лучшаго часа. Но для того, чтобы это исключительное преимущество пошло намъ въ прокъ, нельзя довольствоваться какою-либо опредѣленною цифрою запасныхъ людей; необходимо, чтобы русскій народъ самъ умѣлъ защитить себя при надобности. Тѣмъ не менѣе, нужна была извѣстная доля рѣшимости для принятія этого учрежденія, такъ какъ оно обращаетъ весь русскій всесословный народъ въ армію безъ изъятія и безъ жеребья.

Но если комиссія правильно взглянула на необходимость рекрутскаго запаса, то нельзя сказать того же и о выводахъ, которые новый проектъ извлекъ изъ этого рѣшенія. Надо было бы вспомнить пословицу: что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ; призывая къ оружію весь русскій народъ въ случаѣ необходимости, не надо было допускать излишка безъ необходимости; слѣдовало смотрѣть на рекрутскій запасъ, заранѣе подготовленный, какъ на исключительный источникъ пополненія арміи въ военное время, не распложая отпускныхъ солдатъ, т.-е не срывая людей съ почвы навсегда болѣе, чѣмъ нужно. Ихъ требуется столько, чтобы вывести въ поле

подавляющія силы, что всегда возможно при громадности русскаго населенія, но не болѣе. Вѣдь въ продолжительной войнѣ армія не будетъ пополняться изъ запаса. Кто изъ севастопольцевъ, кто изъ кавказцевъ, изъ всѣхъ недобитковъ славной былой нашей арміи повѣритъ, чтобы войско стало хуже отъ пополненія обученными рекрутами, когда оно не портилось даже отъ сырыхъ рекрутъ, если только кадры были хороши. Надо выбрать одно изъ двухъ. Хотѣть выставить сразу большія силы и разсчитывать на пополненіе ихъ, сколь можно долѣе, отпускными же солдатами, имѣя подъ рукою рекрутскій запасъ, значитъ завѣдомо потеряться въ безвыходномъ кругѣ, какъ мы это видѣли въ главѣ о маршевыхъ батальіонахъ. Единственное оправданіе проекта состоитъ въ томъ, что онъ, кажется, вовсе не хлопочетъ о большихъ силахъ въ полѣ.

Другая ошибка проекта, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ не даетъ рекрутскому запасу никакого опредѣленнаго устройства. Если не забирать въ солдаты больше людей, чѣмъ нужно, то рекрутскій запасъ можетъ возрости современемъ до $1^1/_2$ милліона и больше. Вмѣстѣ съ годовою очередью рекрутъ, войсковыхъ и запасныхъ, его станетъ и на пополненіе какой бы то ни было убыли въ арміи и на сформированіе, при надобности, новыхъ временныхъ войскъ. Но для этой цѣли должна существовать какая-либо предварительно обдуманная система. Вѣдь рекрутскій запасъ — это именно то самое ополченіе, на которое столько разъ указывала наша печать. Если государственное ополченіе не будетъ почерпаемо изъ разрядовъ, которые проектъ называетъ рекрутскимъ запасомъ, и если ему не будетъ дано дѣйствительнаго устройства не на одной бумагѣ, то мы никогда не увидимъ русскаго ополченія. А между тѣмъ ясно кажется, что рекрутскій запасъ, устроенный и выдвигаемый въ военное время по мѣрѣ надобности, окажется несравненно полезнѣе неустроеннаго, даже для коплектованія арміи.

Третья ошибка — въ пріемахъ, предлагаемыхъ проектомъ для подъученія запасныхъ рекрутъ. Эти люди оставляются въ участкѣ послѣ рекрутскаго набора и обучаются въ теченіе трехъ недѣль. Срокъ этотъ, вмѣстѣ съ ополченіемъ, былъ первоначально предложенъ въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи», но лишь въ смыслѣ перваго шага къ земской силѣ. Чему

можно научиться въ три недѣли? Прежде всякій лишній человѣкъ значилъ что нибудь въ аттакующей колоннѣ; при нынѣшнемъ же ходѣ пѣхотнаго боя, исключительно стрѣлковаго, но въ то же время массами, только разомкнутыми, рекрутъ, вставляемый въ ряды старыхъ солдатъ, можетъ обойтись безъ предварительнаго строеваго образованія, но онъ долженъ умѣть владѣть ружьемъ и стрѣлять, хотя бы посредственно, на 400 шаговъ; иначе онъ принесетъ въ армію только ротъ, а не руки, будетъ сырымъ рекрутомъ. Такая степень обученія можетъ быть достигнута до нѣкоторой степени наименѣе въ три мѣсяца и должна быть, кромѣ того, поддерживаема стрѣльбою по волостямъ, въ праздники, обходя кругомъ весь участокъ, за что нужно только умѣть взяться. Потому, или созывать запасныхъ рекрутъ на три мѣсяца, можетъ быть и больше, или не созывать вовсе. По новымъ французскимъ положеніямъ, запасные рекруты будутъ обучаться годъ. Проектъ высчитываетъ содержаніе ихъ рубль въ недѣлю; въ три мѣсяца это составитъ 13 рублей, 1.560,000 въ годъ, если ихъ 120 тыс., въ шесть и семь разъ меньше того, во что обойдутся запасные участковые баталіоны. Даже 180 тысячъ рекрутъ содержимыхъ подъ ружьемъ полгода, будутъ стоить вдвое меньше. А между тѣмъ, безъ этой неважной издержки русская армія на войнѣ станетъ похожею на дерево безъ корней. Съ другой стороны сборъ на нѣсколько мѣсяцевъ запасныхъ рекрутъ откроетъ неизсякаемый источникъ пополненія боевой арміи и позволитъ ограничить рекрутскій наборъ необходимымъ, стало быть принесетъ великое облегченіе народу.

Такой рекрутскій запасъ дѣло понятное и великое. Но проектъ сочиняетъ подъ этимъ названіемъ только заголовокъ съ расходомъ, но безъ содержанія.

Другое учрежденіе, государственное ополченіе, какъ его предлагаетъ проектъ, есть буквально прусскій ландштурмъ,— разрядъ людей, окончившихъ полный служебный срокъ во всѣхъ резервахъ и спокойно доживающихъ своей вѣкъ, для которыхъ поэтому въ Пруссіи не имѣется въ виду никакой организаціи. Имъ дано тамъ военное названіе, а въ случаѣ вторженія непріятеля, будетъ дана, вѣроятно, даже какая нибудь внѣшняя отмѣтка, чтобы предоставить всѣмъ гражданамъ право вести партизанскую войну, не подвергаясь разстрѣлянію; ничего другого при этомъ не имѣлось въ виду.

Проэктъ исключаетъ изъ ополченія рекрутскій запасъ, т. е. всѣхъ способныхъ къ службѣ; стало быть наше государственное ополченіе можетъ состоять только изъ людей старше 37 лѣтъ, по большей части мало способныхъ къ службѣ, безъ единаго офицера (такъ какъ, въ случаѣ крайняго напряженія, всѣ, носящіе мундиръ давно уже, станутъ въ ряды) и безъ всякаго предварительнаго устройства; сборъ ополченія и выборъ офицеровъ предоставленъ земству, какъ въ 1855 году. Но разница въ томъ, что тогдашняя Россія не была еще подведена подъ однообразное обязательное военное устройство; въ солдаты принимались люди всякихъ возрастовъ, дворянство почти поголовно начинало жизнь военной службой; оттого въ 1855 году можно было почерпнуть въ обществѣ и народѣ, помимо армій, еще много непочатыхъ силъ, эти силы не принесли почти никакой пользы, потому что къ нимъ обратились только въ крайнихъ обстоятельствахъ, т. е. слишкомъ поздно, также какъ будто и теперь по проекту. Но что же останется за нынѣшней арміей и рекрутскимъ запасомъ, кромѣ ландштурма? Будемъ же и говорить только о ландштурмѣ. Когда непріятель придетъ жечь Москву, всякій русскій человѣкъ, не только сорокалѣтній, но и семидесятилѣтній, возьмется за топоръ; когда придется вывести въ поле всѣхъ солдатъ до послѣдняго инвалида, земство нарядитъ стражу изъ стариковъ для охраненія казначейства и тюрьмы; въ Севастополѣ даже тюрьмы не охраняли, а напротивъ, выдали колодникамъ ружья. Когда въ годину испытанія отечества, русскій Царь позоветъ на службу своихъ отставныхъ солдатъ и офицеровъ,—кто же не явится, если будетъ имѣть силу явиться? Кто этого не знаетъ? Но патріотизмъ, какъ и благотворительность, не подлежатъ уставу. Крайность не законъ, но вездѣ признается срокъ, на которомъ кончается военная повинность и человѣку даютъ жить спокойно. Россія, съ ея доказанною готовностію къ самопожертвованію за общее дѣло, не должна быть исключеніемъ въ этомъ случаѣ, особенно когда исключеніе не имѣетъ цѣли. Неужели составители проекта думали серьезно превзойти Шарнгорста, Мольтке и Роона не на своей, а на ихъ же почвѣ, мобилизуя ландштурмъ, отыскивая новые источники силъ тамъ, гдѣ тѣ ничего не нашли даже при нѣмецкихъ порядкахъ? Къ проекту приложены длинныя статистическія таблицы (вѣроятно замедлившія на много времени окончаніе работъ),

вычисляющія количество ополченія, выставляемаго каждою губерніею. Всего приходится 522,000 конечно на бумагѣ; на дѣлѣ не собралось бы за трехъ-милліонной арміей и половины этого числа. Притомъ всѣ губерніи безъ исключенія должны выставлять конныя сотни, даже тѣ губерніи, гдѣ очень мало лошадей и почти никто не умѣетъ ѣздить верхомъ, между тѣмъ какъ многія области Европейской Россіи населены природными всадниками. По проекту, подъ-петербургскіе сорокалѣтніе чухонцы должны будутъ садиться въ первый разъ въ жизни на коня, а башкиры и калмыки, подчиненные общему росписанію, въ большинствѣ выставлять пѣшія дружины...

Что все это значитъ? Зачѣмъ рекрутскій запасъ, единственный источникъ пополненія арміи въ военное время, остается безъ обученія, или, что еще хуже, съ обученіемъ на бумагѣ? Зачѣмъ онъ остается безъ устройства и государственное ополченіе почерпается не изъ этого естественнаго источника, не смотря на то, что его вполнѣ достало бы и на пополненіе арміи (съ ежегодною прибылью войсковыхъ и запасныхъ рекрутъ) и на ополченіе? Зачѣмъ, подъ именемъ государственнаго ополченія, предпринимается небывалое дѣло—мобилизація ландштурма? Всѣ эти учрежденія нѣсколько лѣтъ уже обсуждались въ печати, объ нихъ много спорили, всѣ онѣ достаточно уяснены, названія, подъ которыми онѣ введены въ проектъ, давно извѣстны русскому обществу, даже гражданскому. Раскрывая проектъ, находишь въ заголовкахъ учрежденія, вошедшія уже въ общее сознаніе; но подъ этими заголовками открываешь — разрядъ, называвшійся ополченіемъ, въ видѣ рекрутскаго запаса безъ ружей, увѣчный ландштурмъ, переодѣтый государственнымъ ополченіемъ, башкировъ пѣшкомъ, старыхъ чухонцевъ верхомъ—все знакомыя головы на чужихъ плечахъ.

VI.

Резервные батальоны.

Читатели помнятъ, что подъ этимъ названіемъ выдѣляются участками 200 отдѣльныхъ батальіоновъ изъ людей трехъ старшихъ разрядовъ, для несенія подвижной службы въ тылу

арміи (охраненіе окраинъ и пр.). Проектъ вообще изобилуетъ дѣленіемъ войскъ одного и того же оружія на разныя категоріи, что вездѣ уже считается самымъ дурнымъ и обвѣтшалымъ пріемомъ военнаго устройства. Никто не можетъ знать напередъ, гдѣ, сколько и для чего понадобится войска, а между тѣмъ переводъ людей и частей изъ одной категоріи въ другую, дѣло не простое и даже не всегда возможное. Ведетъ же это къ тому, что людей одного названія оказывается всегда слишкомъ мало, между тѣмъ какъ людямъ другого названія нечего дѣлать. Сознательно, войско можетъ дѣлиться только на два разряда, не по цѣли употребленія, а по способу формированія— на разрядъ постоянный и разрядъ временный. Между тѣмъ, по проекту, одна пѣхота подѣлится у насъ: 1) на отборную; 2) полевую; 3) крѣпостную; 4) мѣстную; 5) резервную; 6) запасную мѣстную въ участкахъ; 7) запасную учительскую; 8) запасную маршевую. Всѣ эти подраздѣленія составляютъ особыя категоріи, не смѣшивающіяся между собою, имѣющія каждая особый источникъ пополненія въ запасѣ.

Резервные батальіоны составляютъ одну изъ такихъ перегородокъ арміи и, думаемъ, самую неудачную. Временныя войска, ничего не стоющія въ мирное время, конечно, необходимы и даже необходимы въ большемъ размѣрѣ, нежели высчитываетъ проектъ. Полевая армія не должна развлекаться тыловыми дѣйствіями; эта аксіома; но въ то же время нельзя знать, сколько понадобится войскъ, при неизвѣстномъ сочетаніи обстоятельствъ, на балтійскомъ или черноморскомъ прибрежьѣ, или въ тылу дѣйствующей арміи. Самая побѣдоносная война можетъ быть вдругъ заторможена неожиданными событіями на этихъ окраинахъ, если въ нѣдрахъ государства не будетъ заблаговременно припасено достаточно силъ для противодѣйствія всякой случайности. Наши окраины растянулись такъ широко, что оборона ихъ не подходитъ ни подъ какую изъ извѣстныхъ, осуществленныхъ уже гдѣ-либо системъ. Въ 1855 году, напримѣръ, для благопріятнаго исхода войны, намъ нужно было принять угрожающее положеніе противъ Австріи съ такими силами, которыя могли бы осуществить угрозу, занимая въ тоже время окраины достаточно сильно, чтобъ отбить у непріятеля охоту пытать на нихъ счастіе. Развѣ такое занятіе окраинъ осуществимо съ 200 резервныхъ батальіоновъ, которыхъ въ 1855 году не достало бы на одну балтійскую

окраину? А между тѣмъ громадный итогъ силъ, высчитываемый проектомъ, достаточенъ для всякой цѣли, если только распорядиться имъ какъ слѣдуетъ. Изъ сказаннаго прямо вытекаютъ два очевидныя послѣдствія: 1) Россіи нужно не какое-либо опредѣленное количество подвижныхъ войскъ, а такое именно, какое потребуется обстоятельствами. Оставляя въ резервѣ нѣсколько десятковъ тысячъ запасныхъ солдатъ какъ кадръ, значительное число унтеръ-офицеровъ (остающихся теперь въ запасѣ въ огромномъ излишкѣ) и располагая рекрутскимъ запасомъ, ежегодно освѣжаемымъ и подученнымъ, достаточнымъ по числу для комплектованія арміи, и для самостоятельныхъ назначеній, можно будетъ выставлять резервные батальіоны по мѣрѣ надобности, сколько окажется нужнымъ, до многихъ сотъ. Это-то и есть настоящее русское ополченіе. Говорить же о двухъ-стахъ резервныхъ батальіонахъ значитъ проставить цифру въ графѣ и сбыть дѣло съ рукъ, а не создать что-либо соотвѣтствующаее дѣйствительной потребности. 2) Резервныя войска не запасные батальіоны. Разумѣется, никакими пріемами нельзя довести ихъ до равнокачественности съ дѣйствующими полками; тѣ войска постоянныя, а эти временныя. Тѣмъ не менѣе нужно, чтобъ резервные батальіоны или дружины могли биться въ полѣ, когда придется не хуже прусскихъ ландверныхъ батальіоновъ; безъ этого, къ чему же и выводить ихъ. Но проектъ очевидно не знаетъ, что такое получается изъ сбора отпускныхъ исключительно старыхъ сроковъ (каковы были, напримѣръ, прежніе безсрочные). Опытъ показалъ, что получается самое нерадивое и вмѣстѣ буйное сборище, къ которому иногда приходилось приставлять караулъ отъ постоянныхъ войскъ, чтобы сдерживать его въ порядкѣ. Это очень естественно: чѣмъ болѣе люди отвыкаютъ отъ службы, чѣмъ становятся осѣдлѣе, тѣмъ неохотнѣе возвращаются къ ней; а въ сборѣ людей одинаковаго настроенія — это настроеніе ростетъ соотвѣтственно накопляющейся массѣ. Между тѣмъ, тѣ же самые старые отпускные, вступая въ ряды военной молодежи, становятся дядюшками, почтенными; они учатъ другихъ, ихъ слушаютъ съ должнымъ подобострастіемъ,—нравственное положеніе ихъ совершенно измѣняется, они чувствуютъ себя гораздо лучше и начинаютъ смотрѣть иными глазами на службу. Съ другой стороны—мы это видѣли на ополченіи 1855 года — въ важные для отече-

ства часы, запасный рекрутъ станетъ въ ряды съ сердечною охотою; ему нуженъ только руководитель — одинъ на нѣсколько человѣкъ — строевой унтеръ-офицеръ и старый солдатъ, которыхъ, къ несчастію, недоставало въ ополченіи 1855 года, какъ недоставало всего, начиная съ ружей. По той же причинѣ оказались несостоятельными даже хорошо вооруженные французскіе мобили 1870 года. Изъ батальіона, формируемаго въ полученномъ рекрутскомъ запасѣ, съ кадромъ строевыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, можетъ выйти войско, если его формировать какъ слѣдуетъ; изъ сбора же однихъ отпускныхъ старыхъ сроковъ выйдетъ лишь то, что не разъ уже у насъ видѣли, особенно въ достопамятные 1849 и 1854 года. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, писать проектъ объ образованіи русскихъ резервовъ, не принимая во вниманіе того, что должно быть извѣстно каждому офицеру, формирующему новый взводъ.

Составители проекта полагаютъ, что они разрѣшили задачу о качествѣ временнаго войска, набирая его исключительно изъ отпускныхъ солдатъ какихъ бы то ни было сроковъ. Между тѣмъ мы указали выше на общеизвѣстный и несомнѣнный фактъ, что всякое временное войско есть въ сущности не болѣе, какъ ополченіе, по отсутствію въ немъ внутренней склейки. Разница того или другаго вида ополченія заключается только въ степени обученія людей и доброй воли, съ какою они становятся въ ряды. Въ первомъ отношеніи молодой запасный рекрутъ, недавно полученный, едва ли будетъ уступать многимъ отпускному, десять лѣтъ не бравшему ружье въ руки; во всякомъ случаѣ, онъ скорѣе пріучится къ дѣлу, чѣмъ отпускной его вспомнитъ. Что же касается до привычки къ дисциплинѣ и прочему, о чемъ можно распространяться на бумагѣ весьма краснорѣчиво, мы смѣемъ думать, что запасный рекрутъ много выиграетъ, узнавая дисциплину прямо на военномъ, а не на нынѣшнемъ мирномъ положеніи. Во второмъ отношеніи, въ смыслѣ доброй воли и истекающаго изъ нея хорошаго духа части, сборъ запасныхъ рекрутъ, перемѣшанныхъ съ отпускными (послѣднихъ $^1/_3$ или $^1/_4$), кажется несравненно выше сбора однихъ старыхъ отпускныхъ; въ этомъ никакой военный человѣкъ не усомнится.

Въ учрежденіи резервныхъ батальіоновъ проектъ подражалъ прусскому ландверу, съ тою разницею, что онъ наби-

раетъ ихъ не изъ перваго, а изъ втораго призыва, наиболѣе отставшаго отъ службы. Но подражать нельзя механически. Пруссаки формируютъ подвижной резервъ исключительно изъ отпускныхъ солдатъ, потому что у нихъ за арміей нѣтъ ничего живаго, кромѣ отпускныхъ, развѣ какія нибудь калѣки. Когда все 20-лѣтнее населеніе привлекается къ службѣ, то выбирать уже не изъ чего. Но если бы у пруссаковъ оставалось за рекрутскимъ наборомъ 120 тысячъ молодыхъ годныхъ людей, то они устроили бы свой резервъ не по образцу нашего проекта; за это можно поручиться.

По нашему мнѣнію, подымая всю Россію на ноги надобно дѣлать такъ, чтобы изъ этого вышло что-нибудь дѣйствительно грозное для непріятеля, а не для однихъ податныхъ плательщиковъ.

Срокъ переустройства.

Мы разсмотрѣли всю систему учрежденій, предположенныхъ проектомъ. Система эта будетъ осуществлена въ полнотѣ только въ 1889 году, черезъ 17 лѣтъ, когда подготовится запасъ отпускныхъ для пополненія арміи на войнѣ. До тѣхъ поръ русская армія будетъ стоять въ переходномъ положеніи, прибѣгая въ случаѣ надобности къ временнымъ мѣрамъ и опираясь, главнѣйше на рекрутскій запасъ. Такимъ образомъ запасъ этотъ станетъ на долгій срокъ главнымъ нашимъ военнымъ подспорьемъ, оставаясь все-таки необученнымъ и неустроеннымъ. Какъ ни слаба, по нашему мнѣнію, вся система проекта, но она окажется, очевидно, еще гораздо слабѣе въ теченіе 17 лѣтъ переходнаго состоянія. До тѣхъ поръ благоразумнѣе не воевать. Но вѣдь теперь никто уже не воюетъ для своего личнаго удовольствія. Современная война возгарается изъ-за международныхъ притязаній, когда одинъ народъ мѣшаетъ естественному росту другаго, географически или исторически, считая въ тоже время свое притязаніе законнымъ. Такіе вопросы, остававшіеся подъ спудомъ цѣлые вѣка, зрѣютъ теперь не по днямъ, а по часамъ, и положить ихъ опять подъ спудъ — не во власти правителей. Всѣ народы это знаютъ и потому не только вооружаются съ головы до

ногъ, но, чего прежде не было, съ готовностію принимають на себя тягость чрезмѣрныхъ вооруженій. У толпы вообще чутье не дурное, и если она жертвуеть многимъ для военныхъ цѣлей, даже въ Англіи, значить нельзя сдѣлать иначе. Этотъ странный, хотя довольно объяснимый переломъ европейской исторіи не можеть тянуться долго; онъ кончится самъ собою, какъ только разсѣкутся мечомъ современные гордіевы узлы— но бѣда тѣмъ, кого онъ застигнеть неготовыми. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы въ нынѣшнемъ положеніи свѣта — Россія, даже сильно вооруженная, успѣла сохранить миръ до 1889 года; Россія же недостаточно вооруженная, не будеть обезпечена даже въ завтрашнемъ днѣ. Послѣ передѣлки всей Европы, извѣстно, за кѣмъ теперь очередь. Система вооруженій, разсчитанная на 17 лѣтъ, еслибъ она даже обладала всевозможными совершенствами въ своемъ окончательномъ видѣ, въ наше время никуда не годится.

Причина чрезвычайной (а въ настоящую пору, даже невозможной) медленности въ развитіи нашихъ вооруженій заключается въ самомъ устройствѣ, предлагаемомъ проектомъ, неотдѣлима отъ него. Устройство это, какъ мы видѣли, основано на такомъ разсчетѣ, чтобы въ первый, самый кровавый разгаръ борьбы, можно было оставить половину арміи дома и въ то же время оказаться достаточно сильнымъ на театрѣ войны съ другою половиною. Цѣль эта, какъ читатель помнить, вовсе не достигается; мы далеко не оказываемся достаточно сильными числомъ дѣйствующихъ войскъ, даже при полномъ завершеніи проекта, а между тѣмъ, осуществленіе этой, совсѣмъ не военной, затѣи требуеть итога 2.400,000 солдатъ, на службѣ и въ запасѣ, т. е. 17 лѣтъ времени, при ежегодномъ наборѣ въ 180 тыс. человѣкъ. При томъ проектъ признаетъ въ Россіи только одинъ источникъ силъ — рекрутскій наборъ. Очевидно комиссія трудилась надъ квадратурой круга. Ясно также и послѣдствіе: не дотянувъ до полнаго развитія предположенной системы (хотя и полное развитіе ея еще не большое утѣшеніе) — мы будемъ вынуждены къ войнѣ, къ одной изъ войнъ, рѣшающихъ участь народовъ, и выступимъ на враговъ съ недостаточною полевою арміею, безъ резерва и запаса, еще не готовыхъ. Рекрутскій же запасъ, которымъ проектъ хочетъ временно замѣнить свои многосложныя тыловыя учрежденія, въ томъ видѣ, какъ онъ предложенъ, есть не

болѣе, какъ игра въ слова — сырой матеріалъ, какимъ Россія обладала въ изобиліи и въ 1812, и въ 1855 году.

Между тѣмъ—кто же не видитъ?—цѣль достигается самыми простыми пріемами, и достигается тѣмъ лучше, чѣмъ пріемы проще. Намъ нужны полевые кадры, болѣе многочисленные, чѣмъ теперь, умноженные не насчетъ бюджета, а насчетъ мѣстныхъ войскъ; нужно достаточное число отпускныхъ для приведенія этихъ кадровъ не только въ штатное состояніе по военному положенію, но и выше, если потребуется (по образцу бывшихъ австрійскихъ баталіоновъ въ 1,200 рядовыхъ) съ заблаговременнымъ приспособленіемъ къ этой цѣли матеріальнаго снаряженія; нужно нѣкоторое число запасныхъ нижнихъ чиновъ для кадровъ резервныхъ войскъ и правильное, обширное подготовленіе рекрутскаго запаса, т. е. ополченія, какъ основнаго матеріала резерва. Однимъ словомъ, нужно развивать русскія силы не изъ одного источника, а изъ двухъ разомъ—изъ рекрутскаго набора и изъ рекрутскаго запаса. Такихъ простыхъ и не головоломныхъ пріемовъ было бы достаточно для приготовленія Россіи къ самой страшной борьбѣ года на четере, много въ пять. Въ этотъ срокъ не было бы еще сдѣлано все, но было бы достигнуто больше, въ смыслѣ боевыхъ цѣлей, чѣмъ проектъ имѣетъ въ виду черезъ 17 лѣтъ. Между тѣмъ два года уже потрачено на изобрѣтеніе непрактичныхъ плановъ, и все-таки, по словамъ проекта «положеніе о запасныхъ офицерахъ еще не выяснено даже въ главныхъ основаніяхъ».

VII.

Взвѣсилъ ли проектъ особенности нашей русской дѣйствительности? Посмотримъ.

Но прежде всего для этого надо уяснить себѣ разъ навсегда, въ чемъ состоитъ главная задача русскихъ вооруженій, къ какой цѣли должно преимущественно клониться ихъ устройство? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этого вопроса нельзя было поставить. Всякій зналъ твердо, что задача постоянной русской арміи состояла въ огражденіи силою существенныхъ интересовъ имперіи, внутреннихъ и внѣшнихъ; но съ 1862 года

всѣ документы военнаго вѣдомства и всѣ военные журналы говорятъ единственно о войнѣ оборонительной. Этотъ фактъ можно было бы подкрѣпить безчисленнымъ рядомъ выписокъ, безъ единаго исключенія. Приходится, стало быть, думать, что въ послѣдніе годы назначеніе боевой русской арміи стало уже не тѣмъ, чѣмъ оно было отъ первыхъ годовъ Петра Великаго до 1862 года; что отнынѣ всѣ усилія будутъ направлены исключительно къ оборонительнымъ цѣлямъ? Такой вопросъ не игра въ слова, такъ какъ пріемы устройства вооруженныхъ силъ для обороны или наступленія, хотя довольно сходны, но все же не тождественны. Мы не спрашиваемъ, насколько пригодна для Россіи исключительно оборонительная система; мы спрашиваемъ просто—возможна ли она?

Кто въ силахъ внести войну въ непріятельскую землю, тотъ несравненно болѣе ограждаетъ свой собственный край отъ вторженія, чѣмъ при одной способности къ страдательной оборонѣ; того и задираютъ съ гораздо большей оглядкой. Эта истина доступна всякому младенцу. Но дѣло еще не въ томъ.

Есть въ Европѣ государства географически законченныя, къ которымъ ничего не можетъ больше прирости, у которыхъ ничего нельзя отнять — ихъ природная грань совпадаетъ съ гранью племенною. Такова Испанія, такова будетъ черезъ полвѣка Италія, когда сростется нравственно въ органическое цѣлое. Государства эти, не первостепенныя по своимъ силамъ, не могутъ серьезно играть роль великихъ державъ, не могутъ принимать участіе во всемірныхъ событіяхъ иначе, какъ въ качествѣ чьихъ либо союзницъ, полевая армія нужна имъ дѣйствительно только въ оборонительномъ смыслѣ, какъ кадры народнаго ополченія и какъ сила полицейская. Италія истощается на армію потому только, что не увѣрена до сихъ поръ въ своей окрѣплости. Но можетъ ли держава дѣйствительно первостепенная, опирающаяся только на себѣ, а не на общемъ политическомъ равновѣсіи, успокоиться на системѣ оборонительныхъ военныхъ учрежденій? Теперь уже не выростаютъ изъ подъ земли орды Батыя, внезапно устремляющіяся на Европу, никто не нападаетъ на сильный народъ, если онъ спокойно сидитъ дома, ни во что не мѣшаясь. Но великій народъ не можетъ замыкаться дома, потому что его прямые интересы, вещественные и нравственные, не заключаются въ предѣлахъ государства, разростаются далеко за эти предѣлы.

Могла ли бы Францiя, даже носящая еще на себѣ слѣды прусскаго нашествiя, стерпѣть молча все, что сдѣлали бы безъ ея вѣдома съ Бельгiей, Голландiей, Швейцарiей даже съ Турцiей? Могла ли бы она, даже теперь, допустить безгласно новую кандидатуру прусскаго принца на испанскiй престолъ? Поступить иначе значило бы для нея обрѣчь себя на международное положенiе Польши XVIII вѣка и современемъ погибнуть какъ Польша. Великiе народы держатъ великую армiю именно для огражденiя своихъ внѣшнихъ интересовъ. Но есть ли смыслъ въ томъ, чтобъ ограждать свои внѣшнiе интересы, приготовляясь къ страдательной оборонѣ? Великая держава, рѣшившаяся держаться исключительно оборонительной системѣ перестала бы съ того же дня считаться великой державой, голосъ ея не имѣлъ бы уже никакого значенiя.

Кромѣ того, отпоръ врагу можетъ часто представлять вѣроятность успѣха только при томъ условiи, чтобы предупредить его и самому вторгнуться въ его землю. Таково напримѣръ было бы единственное условiе успѣха Австрiи въ войнѣ съ нами. При нынѣшнемъ настроенiи славянскихъ народовъ австро-венгерской монархiи она погибла бы несомнѣнно, еслибъ русскiя армiи побѣдоносно перешли за Карпаты; съ этой минуты она разсыпалась бы сама собою. Для того чтобъ отбиться, Австрiя должна была бы стараться предупредить насъ и ринуться впередъ, возмущая Польшу, насколько подобная цѣль еще осуществима. Наступательная война была бы для нея единственнымъ способомъ достигнуть оборонительныхъ цѣлей. Ясно, что и наоборотъ выходитъ почти то же самое.

У всѣхъ великихъ державъ есть великiе заграничные интересы, но у двухъ изъ нихъ—Германiи и Россiи, очевидно еще не вполнѣ сложившихся, бѣлая половина великихъ народныхъ интересовъ лежитъ за рубежемъ государства. Изъ всѣхъ историческихъ русскихъ вопросовъ, могущихъ стать международными пересталъ быть вопросомъ только одинъ—вопросъ о цѣлости и неприкосновенности московской Россiи, начинающейся съ лѣваго берега Днѣпра. Все остальное еще не рѣшено окончательно. Отъ Днѣпра до Баварiи и отъ Нѣмана (можно сказать даже отъ Финскаго залива до Босфора) тянется рядъ владѣнiй и областей, протестующихъ болѣе или менѣе настойчиво противъ ихъ нынѣшняго политическаго дѣленiя; очевидно дѣленiе это далеко не представляетъ прочности рубежей За-

падной Европы. Русская граница—ничто иное, какъ условная черта, проведенная дипломата черезъэ ту, покуда еще забытую, часть Европы. Все что происходитъ на одной сторонѣ черты, можетъ и, вѣроятно, будетъ сильно отзываться на другой ея сторонѣ. Окончательная участь Царства Польскаго, Прибалтійскаго и Заднѣпровскаго края, свободное пользованіе Балтійскимъ и Чернымъ морями зависятъ, даже тѣсно зависятъ, отъ того, что случится съ Даніей, Богеміей, Сербіей, Румыніей или съ черноморскими проливами. Дѣйствительная оборонительная система Россіи, ограждающая не только настоящее, но и будущее, состоитъ въ томъ именно, чтобъ не допускать, вдоль своей границы какихъ либо политическихъ сочетаній явно намъ враждебныхъ или неблагопріятныхъ. Но для того чтобъ не допустить ихъ, нужна подвижная, т. е. наступательная сила. Было бы весьма замысловато противодѣйствовать неблагопріятному для насъ обороту дѣлъ за границей тѣмъ способомъ, чтобы молча готовиться къ оборонительной войнѣ. На насъ никто не нападетъ, если мы не станемъ никому мѣшать дѣлать все, что онъ хочетъ. Въ такомъ случаѣ можно было бы совершенно безопасно протестовать и въ то же время распустить армію; въ ней не окажется никакой надобности. Безъ сомнѣнія, такое отреченіе отъ внѣшнихъ дѣлъ повело бы современемъ къ рѣшенію всѣхъ ихъ въ самомъ непріязненномъ для Россіи смыслѣ и тогда международные вопросы пердвинулись бы съ внѣшней стороны нашей пограничной черты на внутреннюю. Но до этого еще далеко, а покуда на насъ никто не нападетъ безъ прямаго вызова. Чтобы Россія не дѣлала съ собой, на войну съ нею все-таки никто не пойдетъ безъ крайности. Недаромъ тѣни Карла XII и Наполеона носятся надъ русскимъ рубежемъ, предостерегая неблагоразумныхъ. Тѣмъ не менѣе, запираться дома систематически, тратя ежегодно полтораста милліоновъ на чисто-оборонительныя учрежденія, неимѣющія никакого вѣса въ глазахъ свѣта, значило бы не отвратить, а навлечь грозу, только не на наше, а на слѣдующее за нами русское поколѣніе. Къ тому времени внѣшнія дѣла пришли бы уже въ такое положеніе, противъ насъ накопились бы такія силы, что наши оборонительныя средства оказались бы, вѣроятно, недостаточными.

Небывалая у насъ наклонность къ оборонительнымъ учрежденіямъ истекаетъ прямо и всецѣло изъ воспоминаній крым-

ской войны, не дающей, однакожъ, повода ни къ какому военному выводу, по самой исключительности событія, доказавшаго только нестаточность успѣшнаго веденія войны при невозможной политической обстановкѣ.

Притомъ, надо дать себѣ ясный отчетъ, что такое значатъ собственно оборонительныя учрежденія? Чистый образецъ такихъ учрежденій мы видимъ въ Швейцаріи. Онѣ состоятъ въ томъ, чтобъ обратить весь народъ — не въ источникъ, изъ котораго почерпается армія — а въ самую армію, противопоставить вторженію громадныя силы цѣлаго народа, обученнаго военному дѣлу, замѣняя качество количествомъ. Постоянной арміи въ этомъ случаѣ не полагается вовсе—система экономическая и достаточно удовлетворительная для своей цѣли. Такія учрежденія исключаютъ даже мысль о наступательной войнѣ. При подобной системѣ русскій военный бюджетъ не превышалъ бы какихъ-нибудь 30 милліоновъ. Но вѣдь этого никогда не сбудется. Наши оборонительныя средства существуютъ сами по себѣ, независимо отъ всякой системы; они состоятъ въ безчисленномъ народѣ (для котораго нужны только достаточные запасы вооруженія), въ климатѣ и разстояніяхъ; живая же русская сила всегда будетъ выражаться постоянной арміей, которая по существу своему есть учрежденіе вовсе не оборонительное. Въ дѣйствительности, по самому складу дѣла, наше военное устройство останется во всякомъ случаѣ наступательнымъ, основанномъ на многочисленной дѣйствующей арміи; недавно же возникшая, весьма неопредѣленная наклонность къ оборонительной системѣ вовсе не поведетъ къ дешевымъ, дѣйствительно оборонительнымъ учрежденіямъ, но можетъ повести лишь къ тому, что наше военное устройство, продолжая быть въ сущности наступательнымъ, останется недодѣланнымъ, недоразвитымъ, недостигающимъ настоящей цѣли.

Разумѣется, всякая наступательная война можетъ при неудачѣ обратиться въ оборонительную, съ тѣмъ, чтобъ съ перемѣною счастія опять перейти въ наступленіе. На насъ тяготѣетъ еще другое условіе. Всякая русская война въ Европѣ будетъ въ началѣ непремѣнно оборонительною, по невозможности сосредоточить наши силы одновременно съ противникомъ, вслѣдствіе чего необходимо заранѣе обезпечить сборъ арміи въ пограничномъ краѣ и вѣрно сообразить систему укрѣпленныхъ лагерей. Но выжидать, пока армія соберется, съ тѣмъ, чтобы

сломить непріятеля и преслѣдовать по пятамъ, не значитъ вести оборонительную войну; тутъ все дѣло въ полевыхъ войскахъ, т. е. въ силѣ наступательной.

Оборонительныя учрежденія не требуютъ въ Россіи ни большихъ расходовъ, ни большой изобрѣтательности. Текущая задача военнаго управленія состоитъ въ томъ, чтобы умѣть воспользоваться необъятными средствами Россіи для созданія могучей живой силы, чтобъ устроить дѣйствующую русскую армію, первую въ свѣтѣ по числу и качеству, — для чего нынѣшній военный бюджетъ болѣе нежели достаточенъ.

Надо прибавить еще одно. Людямъ не дано далеко заглядывать въ будущее. Излишняя забота о прочности, о развитіи въ дальнемъ будущемъ такого измѣнчиваго учрежденія какъ военное—докажетъ только доктринерство учредителей. Въ настоящую пору нужно собрать и связать въ одинъ узелъ силы Россіи не для потребности будущихъ поколѣній, а для первой предстоящей намъ войны. Всякій русскій сознаетъ, болѣе или менѣе ясно, что въ первой же войнѣ положительно будетъ рѣшаться участь Россіи. Намъ нужно быть сильными не къ будущему столѣтію, а къ завтрашнему дню.

VIII.

Особенности русскаго могущества, вещественныя и нравственныя, таковы, что въ дѣлѣ переустройства русскихъ силъ нельзя ступить шагу, написать одной строки, не проникнувшись впередъ ихъ значеніемъ. Между европейскими государствами лежитъ разница вида; между Россіей и Европою—разница рода. Существующее у насъ естественное отношеніе валовыхъ силъ народа къ военнымъ потребностямъ государства по большей части иное, чѣмъ на западѣ. Не говоря о множествѣ особенностей второстепенныхъ, мы перечислимъ только основныя, неотразимо вліяющія по постановку вопроса объ устройствѣ русскихъ силъ.

1) Россія вдвое многолюднѣе каждаго изъ европейскихъ государствъ и можетъ поставить подъ ружье вдвое болѣе людей. При высшемъ напряженіи силъ Германія выставила 1.200,000 человѣкъ; Россія 1855 года, имѣвшая 10 милліонами

населенія менѣе нынѣшняго, поставила 2.560,000. Мы можемъ выдвинуть въ настоящее время значительно больше людей, чѣмъ германія и Австрія вмѣстѣ. Объ относительномъ народномъ богатствѣ нечего говорить, потому, что, каково бы ни было отношеніе, нашъ военный бюджетъ превышаетъ двумя пятыми германскій и тремя пятыми австрійскій. Слѣдствіе, очевидно: вопросъ заключается у насъ не въ количествѣ людей — главной заботѣ западныхъ организаціи, а въ правильномъ ихъ употребленіи. Намъ незачѣмъ распложать число солдатъ выше мѣры.

2) Этотъ выводъ доказывается очевидною данною, на которую проектъ обратилъ очень мало вниманія. Между тѣмъ какъ всѣ европейскія государства напрягаютъ силы, розыскиваютъ послѣдняго рекрута, чтобъ поставить подъ ружье необходимое имъ число людей, у насъ, не смотря на громадную цифру солдатъ, задуманную проектомъ (2.400,000), остается ежегодно 120,000 способныхъ къ службѣ людей въ рекрутскомъ запасѣ (вѣроятно, даже гораздо больше). Такое число лишнихъ людей создаетъ намъ исключительное положеніе, позволяетъ обезпечить пополненіе арміи и вмѣстѣ устройство резерва способами, неосуществимыми въ Европѣ. На западѣ все подростающее населеніе ставится подъ ружье и самостоятельнаго резерва создать не изъ чего; тамъ резервъ есть ничто иное, какъ хвостъ, оторванный отъ полевой арміи, вторая ея половина; для постоянныхъ войскъ остаются только младшіе сроки. Ясно кажется, что раздѣленіе служилыхъ солдатъ между арміей и резервомъ, то есть ослабленіе полевой арміи всѣмъ числомъ людей, расходуемыхъ на резервъ, есть на западѣ не теорія, а необходимость, вынуждаемая скудостію въ людяхъ; иначе откуда добыть резервъ, безъ котораго дѣйствующая армія не можетъ сосредоточиться на границѣ? Мы же, въ нашемъ льготномъ положеніи, имѣя за постоянными войсками громадное число лишнихъ людей, можемъ не стѣсняться подобнымъ рязсчетомъ и вливать въ полевую армію почти всѣ сроки служилыхъ солдатъ, за небольшимъ исключеніемъ, доводя ее численность до размѣровъ, невозможныхъ въ другихъ странахъ. Надобно только пользоваться своимъ преимуществомъ, не держась слѣпо европейской рутины наперекоръ собственной природѣ.

Если мы будемъ держать солдатъ исключительно для по-

левой арміи и кадровъ резервныхъ войскъ, то, очевидно, армія будетъ гораздо сильнѣе при гораздо меньшемъ количествѣ запасныхъ солдатъ, т.-е. сократится разорительный для народа рекрутскій наборъ, окажется больше простора въ назначеніи сроковъ службы, содержаніе вооруженныхъ силъ по мирному времени станетъ дешевле, а число людей рекрутскаго запаса значительно возрастетъ. Однимъ словомъ армія останется арміей; выдѣленнымъ военнымъ сословіемъ, отдавшимся ратному дѣлу, какъ было до сихъ поръ; какъ желалъ Тьеръ, какъ долженъ желать всякій военный, какъ пожелали бы сами пруссаки, еслибъ не были стѣснены въ этомъ отношеніи недостаткомъ въ людяхъ. Намъ осталось бы только позаботиться объ устройствѣ резерва и о средствахъ пополненія дѣйствующихъ силъ на войнѣ хорошо подготовленнымъ матеріаломъ.

3) Обѣ эти послѣднія потребности, очевидно, сливаются въ одну. Какъ ни подучать въ началѣ запасныхъ рекрутъ, они выйдутъ еще гораздо лучше, если будутъ получены вторично, въ составѣ строевыхъ частей. А какъ Россіи нужно въ военное время не 200 резервныхъ батальіоновъ, а неопредѣленное число, котораго нельзя указать заранѣе, то эти резервные батальіоны изъ рекрутскаго запаса съ кадрами отпускныхъ солдатъ станутъ лучшею школою ополченія и лучшимъ запасомъ для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ; люди станутъ переходить изъ строя въ строй, а резервные батальіоны— постоянно подготовлять новыхъ людей. Вторая линія резервныхъ батальіоновъ не можетъ быть лучше употреблена; она окажется полезною вдвойнѣ. Для этой цѣли число резервныхъ батальіоновъ можетъ быть даже увеличено. Никакое напряженіе силъ въ военное время не должно считаться излишнимъ, только бы оно было сколь можно легче въ мирное время. При русскомъ многолюдствѣ, устройство, основанное на хорошо подготовленномъ рекрутскомъ запасѣ, можетъ отличаться качествами, недоступными никакой европейской организаціи — неограниченностію готовыхъ резервныхъ силъ и неистощимостію средствъ пополненія арміи.

4) За укомплектованіемъ арміи и отдѣленіемъ части запасныхъ солдатъ въ кадры резервныхъ войскъ, ихъ останется еще очень много. Разумъ велитъ пользоваться ими въ день объявленія войны, не откладывая. Но число постоянныхъ кадровъ разсчитывается по количеству служащихъ людей, а не

отпускныхъ. Создавать новыя полевыя части, во время перехода на военное положеніе, негодится; да у насъ не стало бы для этого и офицеровъ. А потому существуетъ только одинъ способъ пользоваться запасными солдатами — усиливать число рядовъ въ ротахъ. Предѣлъ растяжимости части, такое число людей, чтобы ротный командиръ могъ легко управиться ими въ строю и на стоянкѣ — примѣрно 300 рядовыхъ. Но въ пятиротномъ батальіонѣ, какъ у насъ, совершенно достаточно и 240 рядовыхъ на роту, то есть 300 лишнихъ рядовыхъ на батальіонъ; иначе онъ вышелъ бы слишкомъ неповоротливъ. Дѣйствующая пѣхота усилится такимъ способомъ на цѣлую четверть, каждый пѣхотный трехъ - батальіонный полкъ будетъ въ дѣйствительности равенъ 4-хъ-батальіонному, выставитъ 4,000 штыковъ. Самъ же проектъ говоритъ, что въ началѣ войны армія теряетъ 20% своей численности; не лучше ли сразу влить въ нее эти 20 или даже 25%, придавая ей рѣшительное численное превосходство надъ непріятелемъ, чѣмъ посылать за нею маршевые батальіоны въ первомъ же періодѣ дѣйствій, не зная навѣрное, придутъ ли они по назначенію и въ какомъ положеніи встрѣтятъ свои кадры. Войско таетъ на войнѣ такъ быстро, что никакая строевая часть не можетъ считаться слишкомъ сильною въ началѣ,—разумѣется до извѣстныхъ предѣловъ. Въ западныхъ арміяхъ такой пріемъ не употребляется главнѣйше по недостатку готовыхъ людей; въ началѣ войны рекруты текущаго года не обучены и даже еще не собраны, а запасные люди необходимы для формированія резерва. У насъ же льготное отношеніе численности людей къ военнымъ потребностямъ не только допускаетъ этотъ способъ усиленія арміи, но обращаетъ его въ одно изъ нашихъ великихъ преимуществъ *).

*) Записка 7 ноября 1870 года возражаетъ противъ усиленія числа рядовъ (обсуждавшагося уже въ нашей военной литературѣ), но не съ тактической, а съ административной точки зрѣнія. Возраженіе состоитъ въ томъ, что увеличеніе числа рядовъ разстраиваетъ предварительный разсчетъ вещественнаго снаряженія войскъ. Какъ будто можно возражать такимъ образомъ. Дѣло идетъ не о внезапной мѣрѣ; размѣръ снаряженія соображается съ тѣмъ, что заранѣе имѣется въ виду: для батальіона въ 900 рядовыхъ на 900, для батальіона въ 1,200 рядовыхъ на 1,200. Даже при внезапномъ усиліи части, развѣ трудно придать батальіону нѣсколько лишнихъ повозокъ и лишній патронный ящикъ, какъ придадутъ ихъ резервнымъ и всякимъ вновь формирующимъ войскамъ?

5) Выражая все вышеизложенное нѣсколькими словами, особыя условія русской земли и русскаго войска позволяютъ (а стало быть и требуютъ, потому что это выгодно) ограничить рекрутскій наборъ потребностями одной полевой арміи, въ усиленномъ составѣ баталіоновъ, съ излишкомъ для сформированія кадровъ резервныхъ войскъ. Никакихъ постоянныхъ кадровъ для резерва въ мирное время не требуется, кромѣ артилерійскихъ. Намъ нужна сколь возможно сильная боевая армія изъ отлично обученныхъ солдатъ, если можно не слишкомъ краткосрочныхъ, а за арміей—достаточно подготовленныя народныя силы, для образованія неопредѣленнаго числа резервныхъ войскъ, сколько бы ихъ ни потребовалось, и безостановочнаго пополненія арміи въ военное время. По своему многолюдству, мы располагаемъ не однимъ, а двумя источниками вооруженныхъ силъ — рекрутскимъ наборомъ и

Неужели бѣда только въ томъ, что эти повозки будутъ не форменныхъ размѣровъ? Придетъ ли въ голову, ради такой форменности, оставлять дома, безъ дѣла, нѣсколько сотъ тысячъ обученныхъ людей, достаточныхъ для рѣшенія побѣды?

Кромѣ того надо сказать: увеличеніе числа рядовъ не требуетъ никакого расширенія офицерскихъ штатовъ, по крайней мѣрѣ у насъ. Въ русской арміи извѣка считается правиломъ: людьми командуютъ только старшіе офицеры, достаточно изучившіе службу—ротные и эскадронные командиры; а младшіе; т.-е. субалтернъ-офицеры, стоятъ передъ фронтомъ и несутъ общую службу по полку и баталіону, не имѣющую никакого отношенія къ числу людей, подготовляясь къ начальствованію въ свою пору. Дѣйствительная власть въ подраздѣленіяхъ части принадлежитъ у насъ фельдфебелю и капральнымъ унтеръ-офицерамъ, считающимся прямыми помощниками ротнаго командира. Порядокъ этотъ никѣмъ не сочиненъ, онъ выросъ изъ естественнаго склада русской арміи; тронуть его, поставить надъ взводомъ 20-лѣтняго мальчика, вмѣсто опытнаго капральнаго, значило бы замѣнить дѣйствительное управленіе людьми—воображаемымъ. Въ западныхъ арміяхъ дѣло иное—тамъ нельзя оставить даже полувзвода безъ офицера, вслѣдствіе другаго общественнаго склада. Въ Европѣ народъ давно уже превратился въ безсвязную чернь, которая не можетъ обойтись безъ предводителя изъ высшихъ сословій, даже для барикадъ и битья фонарей. Для нашихъ солдатъ, выходящихъ изъ народа, не утратившаго связности въ домашнемъ быту, привыкшаго еще въ селѣ къ начальству изъ своей среды, урядникъ или унтеръ-офицеръ такой же начальникъ, какъ и офицеръ; разница только въ томъ, что первый ближе къ людямъ и лучше ихъ знаетъ, что для командованія капральствомъ важнѣе всѣхъ наукъ. Европейцы не могутъ усиливать роты, не добавляя субалтернъ-офицеровъ; у насъ этого не нужно. Какже не пользоваться такимъ преимуществомъ?

рекрутскимъ запасомъ или ополченіемъ. Вотъ величайшая изъ особенностей Россіи.

6) Крупная и на этотъ разъ уже не полезная особенность наша состоитъ въ малочисленности образованнаго слоя общества, изъ котораго почерпаются офицеры. Очевидно намъ необходимы двѣ мѣры: первая—начинать планъ переустройства русскихъ силъ не иначе, какъ положеніемъ о запасныхъ офицерахъ, которые, по словамъ проекта, до сихъ поръ еще невыяснено даже въ главныхъ основаніяхъ (любопытно знать, когда оно выяснится, неужели послѣ войны?); вторая мѣра: усилить по возможности число служилыхъ офицеровъ, такъ какъ большинство запасныхъ изъ вольноопредѣляющихся не будетъ годиться для полевой войны. Но какая же предстоитъ къ тому возможность при нынѣшнихъ порядкахъ, когда на 16,000 офицеровъ полевыхъ войскъ содержится слишкомъ 11 тысячъ военныхъ чиновниковъ въ эполетахъ и безъ эполетъ, стоющихъ несравненно дороже всѣхъ строевыхъ и считающихъ совершенно искренно и резонно переходъ въ строй за ссылку. Пока эта недавно созданная особенность Россіи не будетъ подведена подъ прусскіе порядки, сборъ безчисленнаго числа людей подъ ружьемъ дастъ у насъ въ итогѣ только новый расходъ, а не новую силу. Несравненно полезнѣе перещеголять пруссаковъ въ сокращеніи нестроевыхъ штатовъ, чѣмъ въ предпринятой проектомъ мобилизаціи ландштурма.

7) Великая особенность Россіи заключается въ самостоятельности и обиліи кавалерійскихъ источниковъ, ей только свойственныхъ. Имѣть возможность выставить въ поле 250 или 300 тысячъ стрѣлковой конницы, новаго, неподражаемаго для нашихъ враговъ, страшнѣйшаго изъ оружій, извращающаго въ нашу пользу всѣ вѣроятности современной войны— и не пользоваться этою возможностью, не значитъ заниматься серьезно русскимъ военнымъ устройствомъ. Проектъ пренебрегаетъ естественными источниками русскихъ конныхъ силъ до такой степени, что замѣняетъ ихъ, какъ мы видѣли, конными чухонцами. Конечно, проектъ не можетъ не затрудняться развитіемъ русской конницы во всей ея самобытности. Силы кубанскаго войска, напримѣръ, понижены съ 29 дѣйствующихъ и столькихъ же запасныхъ полковъ на 10 полковъ всего, по военному положенію. Кубанское войско не исключеніе. Для созданія всесокрушающей русской стрѣлковой конницы нужно

прежде всего вычеркнуть из практики 10 лѣтъ дѣятельности, предшествовавшей проекту.

8) Техническое развитіе слабо въ Россіи, а война запретъ вмѣстѣ наши моря и наши сухопутныя границы. Наше положеніе будетъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ положеніе Франціи 1870 года, имѣвшей свободный доступъ ко всѣмъ оружейнымъ заводамъ въ свѣтѣ. Держать на готовѣ $2^1/_2$ милліона солдатъ при одномъ милліонѣ ружей, безъ двойнаго или хоть полуторнаго комплекта полевой артилеріи (кто знаетъ, сколько орудій придется придать резервамъ и ополченіямъ, сколько выставить въ пополненіе дѣйствующихъ?), безъ сильной крѣпостной артиллеріи, безъ обширнаго внутренняго развитія селитрянаго производства и сѣрныхъ копей и проч., значитъ забывать, что человѣкъ стоитъ дороже ружья и патроновъ, даже по цѣнѣ, недавно еще выдававшейся за крѣпостную душу. Вездѣ на свѣтѣ матеріальныя заготовленія предшествуютъ увеличенію личнаго состава, на худой конецъ сопутствуютъ ему, но никогда не слѣдуютъ за нимъ; тѣмъ менѣе въ государствѣ, которому невозможно пополнить недочетъ послѣ объявленія войны.

Наконецъ 9-я, самая существенная особенность Россіи заключается въ томъ, что мы можемъ менѣе чѣмъ кто либо другой на свѣтѣ обойтись безъ грозной силы. Европейскія государства обрываютъ другъ друга когда смогутъ, но тѣмъ не менѣе искренно признаютъ другъ за другомъ право на существованіе, даже приблизительно въ предѣлахъ давно уже намѣченныхъ каждымъ изъ нихъ; Россія же до сихъ поръ чужая въ Европѣ, она непрошеный гость, ее признаютъ искренно только угнетенные славяне, она живетъ лишь потому, что ей не могутъ помѣшать жить, потому что она достаточно сильна, чтобы отбиться. Еслибъ современная Франція не думала объ отмщеніи, она могла бы не заботиться о большихъ вооруженіяхъ. Для насъ же вопросъ силы есть вопросъ жизни, мы не должны уснуть спокойно, пока не будемъ увѣрены, что владѣемъ силою, достаточною противъ всякой случайности. А тутъ проектъ растягиваетъ развитіе вооруженій на 17 лѣтъ. Изъ-за чего? Изъ-за того, что располагать $2^1/_2$ милліонами солдатъ для разныхъ запасныхъ и крѣпостныхъ батальіоновъ, болѣе всего лежащихъ у него на сердцѣ. Да намъ вовсе не нужно $2^1/_2$ милліона солдатъ, намъ нужны солдаты только для

боевой арміи и кадровъ резервныхъ войскъ, а затѣмъ необходимъ болѣе всего хорошо подготовленный рекрутскій запасъ, т.-е. ополченіе. Можно высчитать въ нѣсколькихъ строкахъ, сколько понадобится для того времени.

Прибавляя къ арміи изъ упраздняемыхъ кадровъ, кромѣ предположенныхъ 80 батальіоновъ, еще 108 и установляя правиломъ при переходѣ на военное положеніе усиленіе каждаго батальіона до 1,200 рядовыхъ, получится полевая армія въ 1.168,000 строевой пѣхоты—сила подавляющая *). Кромѣ того нужны еще запасные люди для кадровъ резервныхъ батальіоновъ и резервной артиллеріи, по ротѣ на батальіонъ, положимъ, примѣрно для 500 батальіоновъ, значитъ всего 500 ротъ—125 т. человѣкъ, считая со стрѣлками. Вмѣстѣ съ дѣйствующею арміею это составляетъ 1.300,000 пѣхотныхъ строевыхъ солдатъ. Прилагая артиллерію, инженерныя войска, необходимыя команды, однимъ словомъ, все, кромѣ конницы (пополненіе которой надо искать для будущаго, по естественному порядку, въ казачьихъ войскахъ, а не въ рекрутскомъ наборѣ), намъ нужно $1^{1}/_{2}$ милліона строевыхъ солдатъ съ небольшимъ, которыхъ мы будемъ имѣть по разсчету проекта въ 1875 г. **). Затѣмъ, надо

*) Разсчетъ короткій. Вмѣсто 250 мѣстныхъ запасныхъ батальіоновъ (составляющихъ 125 полныхъ) и 29 крѣпостныхъ, можетъ быть сформировано 154 полевыхъ батальіоновъ. Откидывая не много менѣе трети этого числа для покрытія расходовъ на артиллерію и новые дивизіонные полковые штабы (т. е. больше чѣмъ нужно) остается еще 108 батальіоновъ, 9 пѣхотныхъ дивизій. Такимъ образомъ достаточно только захотѣть, чтобы повысить полевую армію не 80, а 188 батальіонами, не 10, а 19 дивизіями; тогда число кадровъ полевыхъ батальіоновъ возрастетъ до 876, число пѣхотныхъ полковъ до 292. Съ переходомъ на военное положеніе и увеличеніемъ числа рядовъ запасными людьми, каждый пѣхотный полкъ можно усилить до 4 тысячъ штыковъ, что и даетъ вышепоказанное число. Еслибъ потребовались новыя войска, то изъ каждаго батальіона легко было бы образовать новый полкъ, дополняя его полученными людьми рекрутскаго запаса—полкъ до нѣкоторой степени солидный, такъ какъ кадръ его состоялъ бы изъ дѣйствующихъ войскъ въ пропорціи трети.

**) Число нестроевыхъ въ нашихъ войскахъ безпримѣрно велико, а людей внѣ арміи, всевозможныхъ названій, еще больше. Даже по проекту предполагается упраздненіе большей части ихъ, въ дѣйствительности же нужно чрезвычайное пониженіе числа людей внѣ строя. Считая по прусски 95% нестроевыхъ людей во временныхъ войскахъ, $1^{1}/_{2}$ милліона солдатъ станетъ на всѣ потребности.

принять всевозможныя мѣры для развитія прочно подученаго рекрутскаго запаса, въ первое время по три разряда разомъ, по крайней мѣрѣ, и образованія цѣлаго сословія запасныхъ офицеровъ не однимъ, а многими путями. Вотъ очень недолгій срокъ устройства русскихъ силъ, потому именно недолгій, что онъ истекаетъ изъ дѣйствительныхъ потребностей, для которыхъ всегда находятся на лицо (такъ это мудро устроено природою и дѣйствительныя средства. Этотъ короткій очеркъ русскихъ потребностей не сочиненъ кѣмъ-либо, онъ рождается самъ собою даже изъ проекта (какъ мы видѣли во все продолженіе нашего разбора), подстановкой подъ каждымъ натянутымъ предположеніемъ, соотвѣтствующей естественной мѣры. Проектъ не желаетъ 1.160,000 боевой пѣхоты черезъ три года, онъ хочетъ только 688 тысячъ, но зато непремѣнно черезъ 17 лѣтъ, не заботясь черезчуръ, какъ и слѣдуетъ, о той присущей Россіи особенности, что она не можетъ быть увѣрена въ одномъ днѣ, оставаясь слабѣе сосѣдей.

Вотъ коренныя отличія Россіи, вынуждающія, помимо всякой теоріи, сообразоваться съ почвой. Можно ли создать что нибудь практически соотвѣтствующее нашимъ потребностямъ, не принимая ихъ въ разсчетъ? Мы не говорили еще о многомъ, напримѣръ, объ особыхъ условіяхъ сбора русской арміи, по неудобству вести печатную рѣчь, всегда доходящую до Европы, о такомъ предметѣ. Сообразовался ли сколько нибудь проектъ съ этими рѣзкими чертами русской дѣйствительности? Въ немъ не видно даже такого намѣренія. Нельзя упрекнуть проектъ въ томъ, чтобъ онъ слѣпо подражалъ прусскимъ военнымъ учрежденіямъ, принимаемымъ теперь вообще за образецъ; мы видѣли, что онъ сначала отрѣзалъ имъ руки, ноги и голову; и взялъ въ примѣръ нескладное, неузнаваемое туловище. Нельзя также упрекнуть его и въ томъ, чтобъ онъ слишкомъ стѣснялся особенностями среды, къ которой прилагаетъ этотъ образецъ. Проектъ вовсе не устанавливаетъ плана русскаго военнаго устройства, онъ сочиняетъ устройство произвольное, относящееся къ Россіи не болѣе, чѣмъ къ Бельгіи или къ Бразиліи, а что всего хуже—вовсе не относящееся къ концу третьей четверти девятнадцатаго вѣка. Явленіе не новое у насъ, только въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о хроническомъ недугѣ, съ которымъ люди уживаются, а о самомъ остромъ, отъ котораго можно умереть сразу.

Послѣдній документъ предварительныхъ работъ, подъ названіемъ «Записка объ измѣненіяхъ въ организаціи нашей арміи», говоритъ почти заодно съ ними. Общія разсужденія этого важнаго документа не только совпадаютъ съ нашими взглядами, но часто на цѣлыхъ страницахъ воспроизводятъ, съ легкимъ измѣненіемъ, текстъ возраженій, представленныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ противъ самаго основанія, на которомъ предполагалось воздвигнуть будущее военное устройство. Новая записка доказываетъ неудобство соединенія въ одно цѣлое полевыхъ войскъ съ резервомъ, рѣзко выставляетъ исключительную важность полевыхъ кадровъ въ нашей военной системѣ и хочетъ довести дѣйствующую армію до 63 полевыхъ дивизій, отодвигаетъ резервъ на подобающее ему весьма второстепенное мѣсто, опровергаетъ надобность въ крѣпостныхъ войскахъ, уясняетъ невыгоду подраздѣленій пѣхоты на разные разряды, и такъ далѣе. Въ своихъ общихъ разсужденіяхъ она отвергаетъ почти всѣ основанія перхоначальнаго проекта, желавшаго увѣковѣчить систему 1862 года. Цѣлый рядъ полновѣсныхъ опроверженій стараго проекта приводитъ, наконецъ, къ тому заключенію; чтобы оставить его — безъ измѣненія, не усиливать дѣйствующую армію свыше предположенныхъ 80 батальіоновъ, сохранить неприкосиовенно запутанную систему тыловыхъ учрежденій, нетрогать невыгоднаго подраздѣленія пѣхоты на самостоятельные разряды и проч. Согласившись съ своими противниками въ теоріи, записка не сходитъ на практикѣ съ привычной старой почвы. Она думаетъ одно, дѣлаетъ другое. Какъ это понимать.

Отчего проектъ хочетъ, чтобъ русская дѣйствующая армія выступила на врага въ составѣ 680 тысячъ пѣхоты, когда она легко можетъ выдвинуть болѣе милліона такого же качества, при такомъ же числѣ людей подъ ружьемъ въ мирное время? Отчего онъ не пользуется рекрутскимъ запасомъ—очевиднымъ нашимъ преимуществомъ передъ Европою, устраняющимъ при должныхъ мѣрахъ всякую заботу о пополненіи арміи, заключающемъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ новыхъ, непочатыхъ силъ военнаго времени, не отрубленныхъ отъ арміи, какъ въ Европѣ, а паралельныхъ съ арміей? Отчего проэктъ довольствуется 68-ю тысячами нынѣшнихъ, обезсиленныхъ числомъ и плохо устроенныхъ казаковъ, вмѣсто 250 тысячъ стрѣлковой конницы, которая склонила бы участь

войны на нашу сторону раньше перваго выстрѣла пѣхоты. Отчего онъ откладываетъ развитіе русскихъ вооруженій до 1889 г., когда они могутъ достигнуть великой силы въ 1875? Отчего онъ потратилъ два года на безплодныя обсужденія, ничего не обсудившія, когда ничего не мѣшало разсуждать и дѣйствовать вмѣстѣ, начать обученіе рекрутскаго запаса въ тоже время, когда былъ усиленъ годовой рекрутскій наборъ, Почему, вмѣсто рѣшительныхъ и понятныхъ мѣръ, указываемыхъ самою сущностью дѣла, проэктъ обезображиваетъ прусскія учрежденія, принимаемыя имъ за образецъ, закрываетъ глаза передъ русскою дѣйствительностію, набираетъ милліоны вовсе ненужныхъ солдатъ, чтобы оставить ихъ безъ дѣла, сочиняетъ 8 подраздѣленій пѣхоты, всякіе запасные, крѣпостные, маршевые батальіоны и проч. учрежденія, нигдѣ не существующія, идущія наперекоръ современнымъ, общепринятымъ военнымъ истинамъ и пріемамъ? Отчего проэктъ не хочетъ признать этихъ истинъ на дѣлѣ, хотя съ самаго начала соглашался съ ними во вставкахъ, а теперь соглашается въ цѣлой систематической запискѣ.

Сколько ни ломать головы надъ этою задачею, отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Не смотря на вставку, можетъ быть обязательную, объ увеличеніи полевой арміи «возможною цифрою», новые проэкты (мы не говоримъ о коммиссіи) заботятся болѣе всего о неприкосневонности основаній, изложенныхъ въ старыхъ проэктахъ, въ запискѣ 7 ноября 1870 г. Записка, въ свою очередь, задавалась исключительной заботой—сохранить всѣ черты системы 1862 г.

Надо замѣтить: предпринятое нынѣ преобразованіе, очевидно предполагающее несостоятельность исправляемой имъ системы 1862 года, вынуждается не устарѣлостію, ея а неправильными взглядами, на которыхъ она заложена. Яснымъ доказательствомъ тому служитъ прусская система, введенная еще въ 1860 г., двумя годами ранѣе, и не требующая до сихъ поръ никакой передѣлки, повсѣду признаваемая образцовой. Въ 1862 и въ послѣдующихъ годахъ въ Россіи, какъ и въ Пруссіи, существовали уже всѣ данныя, то есть, всѣ средства и потребности для основанія современнаго военнаго устройства, въ полномъ значеніи этого слова; надобно было только умѣть обращаться съ ними. Вмѣсто того, намъ приходится теперь передѣлывать свою систему, хотя удовле-

творительно передѣлать ее невозможно, потому что въ основаніи ея положены—не военныя цѣли, а административныя удобства; но если такъ, то подставлять подъ будущее наше военное устройство эту же самую систему—значитъ снова, и на этотъ разъ уже сознательно, обрекать его на полную несостоятельность, вынуждать новое преобразованіе черезъ самый короткій срокъ, если только благопріятная судьба даетъ намъ время.

Не смотря на то, послѣдніе проэкты жертвуютъ этой цѣли—увѣковѣченію системы 1862 г.—всѣмъ, можетъ быть даже участію Россіи·

Другаго объясненія нѣтъ.

Окружная система въ военномъ отношеніи.

1872 годъ.

Въ нашихъ глазахъ вопросъ о переустройствѣ русскихъ силъ на основаніи общеобязательной повинности—очень простъ. Во всякомъ вѣкѣ господствовалъ какой нибудь образецъ военныхъ учрежденій, развившійся сначала въ одной изъ армій и перенимаемый потомъ всѣми остальными. Такимъ образцомъ были въ свое время учрежденія Густава-Адольфа, Людовика XIV, Фридриха Великаго, Наполеона. Теперь, какъ доказалъ опытъ, совершеннѣйшее, относительно, воённое устройство—прусское. Дѣло въ томъ, чтобы пересадить это устройство на нашу почву, не въ подробностяхъ, а въ главныхъ основаніяхъ, въ его существенномъ смыслѣ, строго примѣняясь при этомъ къ русской дѣйствительности, охраняя ненарушимо самородные источники русской силы.

Такъ поступило всевластное французское національное собраніе въ нынѣшнемъ году, примѣняя къ своей странѣ прусскія военныя учрежденія. Русская военная комиссія, проекты которой мы разбирали, не обладала такимъ произволомъ. Она не могла примѣнять прусское устройство прямо къ русской дѣйствительности, взятой въ ея чистомъ видѣ; она должна была пересадить его на почву окружной системы 1862 года, основанія которой, вѣроятно, вовсе не подлежали ея обсужденію.

До 1862 года привитіе главныхъ основаній прусской системы къ нашему военному устройству совершилось бы весьма легко; нужно было только дополнить его положеніемъ о резервахъ, что не представляло никакого затрудненія при нашемъ

многолюдствѣ. Въ то время обѣ системы, русская и прусская, рѣзко отличаясь способомъ формированія армій, всегда тѣсно зависящимъ отъ общаго бытоваго склада народа и другихъ данныхъ условій, почти не разнились въ своемъ законченномъ видѣ, въ распредѣленіи и устройствѣ готовыхъ вооруженныхъ силъ. Русскія и прусскія войска управлялись и воспитывались почти на одинаковыхъ началахъ; тѣ и другія сохраняли въ мирное время свое военное устройство, дѣлились на корпуса съ постоянными штабами, всегда оставаясь подъ рукою прямыхъ боевыхъ начальниковъ, отличались рѣшительнымъ преобладаніемъ боеваго элемента, свысока смотрѣвшаго на все нестроевое. Онѣ дѣйствовали въ походѣ на основаніи почти тождественнаго полеваго положенія; въ тѣхъ и другихъ войскахъ соблюдалась неприкосновенно полнота власти строеваго начальника, армія существовала какъ выдѣленное цѣлое, отчего и формы военнаго суда были весьма сходны; даже оказывалось то сродство, что блескъ военнаго званія и тамъ и здѣсь привлекалъ къ строевой службѣ почти все дворянство поголовно. Разница, и то случайная, обнаруживалась только въ двухъ отношеніяхъ: въ Пруссіи сохранилось званіе начальника главнаго штаба короля (достаточно оправдавшее себя въ лицѣ генерала Мольтке), вслѣдствіе чего за военнымъ министерствомъ оставалось исключительно хозяйственное значеніе, у насъ же это званіе было упразднено въ началѣ 30-хъ годовъ, и оттого нѣкоторыя войска, внѣ состава армій, подчинялись прямо министерству. Кромѣ того, пруссаки не дѣлили въ мирное время своихъ войскъ на арміи; имъ нечего было дѣлить, пока у нихъ стояло подъ ружьемъ 9 пѣхотныхъ дивизій; но съ увеличеніемъ силъ у нихъ возникли уже обширныя военныя инспекціи, подобіе армій *). При такомъ сходствѣ формъ было бы не трудно довершить сближеніе.

Это сходство формъ истекало вовсе не изъ нашего подражанія пруссакамъ; напротивъ, съ 1813 года пруссаки больше заимствовали отъ насъ, чѣмъ мы отъ нихъ. Въ теченіе двухъ вѣковъ русское военное устройство сообразовалось, конечно, съ

*) Формальное учрежденіе армій въ мирное время очень затруднительно въ Германіи, такъ какъ она можетъ быть вынуждена къ войнѣ на каждой изъ своихъ границъ, что перепутало бы дѣленіе, установленное заранѣе. У насъ же всего одна граница, на которой можетъ разгорѣться серьозная война—западная, что ставило и ставитъ совсѣмъ иначе вопросъ о русскихъ арміяхъ.

господствовавшими европейскими образцами, какъ всѣ прочія, но тѣмъ не менѣе развивалось самостоятельно. Организація полевыхъ войскъ, не выходившихъ изъ-подъ руки самыхъ опытныхъ боевыхъ начальниковъ, и хозяйственной части, подѣленной между этими начальниками и военнымъ министерствомъ, смотря по предметамъ и мѣстамъ заготовленій, складывалась постепенно, по указаніямъ продолжительнаго опыта. Подраздѣленіе вооруженныхъ силъ на арміи и корпуса съ постоянными штабами, распредѣленіе командованій, мѣра власти и взаимныхъ отношеній начальствующихъ лицъ, основанія, по которымъ эти лица избирались, составъ штабовъ, размѣщеніе и кругъ дѣйствій хозяйственныхъ учрежденій—во всемъ этомъ не было ничего произвольнаго и сочиненнаго; все создавалось постепенно и также постепенно улучшалось въ каждое царствованіе, сообразно потребностямъ мирнаго и военнаго времени, тысячи разъ заявлявшимъ о себѣ, тысячи разъ провѣреннымъ. Съ Петра Великаго до нашего времени русское военное устройство всегда соотвѣтствовало нуждамъ и средствамъ эпохи наилучшимъ образомъ, чего нельзя сказать ни о какой другой европейской системѣ: каждая изъ нихъ бывала по нѣскольку разъ въ полномъ упадкѣ. Россія не видала у себя временъ Росбаха, Іены, Садовой, Седана, поочередно посѣщавшихъ всѣ европейскія арміи. Съ Петра Великаго всѣ наши войны, сравнительно, велись очень хорошо, всѣ оканчивались побѣдоносно, если только главнокомандующій не былъ стѣсняемъ въ своихъ распоряженіяхъ; неудачныя войны 1805, 1806 и 1807 гг., первая турецкая к мпанія 1828 г.—отличались отъ другихъ именно тѣмъ исключительнымъ обстоятельствомъ, что главнокомандующій не пользовался полною свободою дѣйствій. Наши арміи всегда снабжались исправно, а въ послѣднее время при князѣ Паскевичѣ эта часть была доведена до совершенства. Конецъ «дѣлу вѣнецъ» неизмѣнно доказывалъ прочность и достоинство русскихъ военныхъ учрежденій, осторожно складывавшихся въ долгіе періоды времени; всякое отступленіе отъ нашихъ основныхъ правилъ неуклонно приводило къ неудачѣ. Русскія учрежденія представляли систему, хотя не симетрически стройную (что невозможно безъ насилованія дѣйствительности), но точно примѣненную къ русскимъ потребностямъ. Сравнительно съ Европою, смотря на дѣло съ чисто военной точки зрѣнія, онѣ шли не въ хвостѣ,

а въ головѣ прочихъ и вѣроятно развились бы во всю ширь нынѣшнихъ пруськихъ, но самостоятельно; еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, еслибъ могли выбиться изъ подъ гнета крѣпостнаго права. Неусыпныя попеченія почившаго государя о созданіи резерва, не смотря на самую неблагопріятную обстановку, едва ли позволяютъ въ томъ сомнѣваться *).

*) Крымская война не даетъ ни какого повода къ возраженію противъ историческихъ русскихъ учрежденій. Во первыхъ, эта война была вмѣстѣ ошибкой и нечаянностію, въ такой же мѣрѣ какъ французская война 1870 г.; не предвидя разыгравшихся событій сначала, мы все время отставали на полгода въ своихъ вооруженіяхъ отъ союзниковъ, должны были ихъ догонять и потому никогда не могли съ ними сравняться. Во-вторыхъ, направленіе этой войны было до такой степени случайнымъ и исключительнымъ, что оно спутало всѣ наши предварительные разсчеты, заставило постоянно прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Съ одной стороны, мы должны были бороться противъ невозможной политической обстановки, съ другой, отъ торопливости, безпрестанно отступали отъ своихъ основныхъ военныхъ началъ, что и прежде никогда не проходило намъ даромъ. Мы пошли за Дунай въ обходъ Австріи, предпринимая невозможное. Потомъ Австрія выставила свою нейтральную армію между нами и союзниками, предоставляя 70-тысячному десанту, стоявшему бокъ-о-бокъ съ нами, но недостижимому для насъ, возможность направить ударъ куда угодно — примѣръ, котораго еще не бывало и, можетъ быть, не будетъ. Союзникамъ было не трудно взять верхъ почти тройными силами надъ нашимъ крымскимъ отрядомъ, а затѣмъ они утвердились на позиціи болѣе крѣпкой, чѣмъ самъ Севастополь. Въ нарушеніе нашего кореннаго «учрежденія о большой дѣйствующей арміи» начальствованіе на всемъ южномъ театрѣ войны не было объединено въ однѣхъ рукахъ, вездѣ дѣйствовали независимыя одна отъ другой частныя арміи, отчего наши силы не могли быть сосредоточены къ Крыму довольно скоро, чтобъ сбить союзниковъ на первыхъ порахъ. Командованіе крымской арміей находилось все время въ очень слабыхъ рукахъ, что составляетъ уже личный вопросъ. Не смотря на то, Севастополь не былъ бы взятъ и союзники не остались бы въ Крыму на вторую зиму безъ сраженія на Чорной; а сраженіе это (какъ извѣстно изъ недавно напечатанныхъ писемъ кн. Паскевича) было дано вопреки учрежденію 1812 г. и устава 1846 г. Наконецъ продовольствованіе и все хозяйственное снабженіе крымской арміи, непредвидѣнное заранѣе, исполненное почти неодолимыхъ затрудненій, производилось безостановочно, съ такою дѣятельностію и съ такимъ знаніемъ дѣла, которыхъ остается только желать для будущей войны. Затѣмъ крымская война была только неудачною,—вотъ все, что можно сказать. Неудача же ея произошла исключительно, во-первыхъ, отъ политическихъ ошибокъ, во-вторыхъ отъ нарушенія нашихъ основныхъ военныхъ началъ; она не опровергла, а напротивъ доказала еще лишній разъ ихъ относительно, преимущество. Но толпа всегда судитъ на первыхъ порахъ по голому факту, а не по его смыслу. Изъ неудачи крымской войны стали выводить заключенія о несостоятельности нашей двухвѣковой военной системы, хотя разумная рѣчь могла идти только

Освобожденіе народа представило наконецъ полный просторъ русскому военному устройству; наши порядки могли закончиться также какъ взросли, своеобразно. Въ это время была перенесена въ Россію французская военная система (называемая у насъ системою 1862 года), нѣсколько измѣненная, но сохранившая всѣ свои основныя черты: сосредоточіе власти въ министерствѣ, различное устройство войскъ въ мирное и военное время, устраненіе отъ арміи по мирному положенію главнокомандующихъ и корпусныхъ командировъ и подчиненіе войскъ мѣстнымъ (небоевымъ) начальникамъ, поземельные округа (не для комплектованія войскъ, а для управленія ими) и военное положеніе, сохраняющее въ значительной степени зависимость главнокомандующаго отъ центральнаго военнаго управленія.

Окружная система возникла во Франціи въ исключительныхъ условіяхъ. Тамъ она основана при Бурбонахъ, послѣ второй реставраціи, съ заднею мыслію—вытравить изъ наполеоновской арміи главное ея качество—тѣсную связь полковъ между собою и съ высшими военными начальниками. Для этой цѣли расторгнутъ боевой составъ арміи и боевые начальники отстранены отъ нея; войска подчинены начальникамъ поземельныхъ дивизій (округовъ), получившимъ исключительный характеръ инспекторовъ мирнаго времени. Такимъ образомъ проведено глубокое различіе между мирнымъ и военнымъ положеніемъ. Съ устраненіемъ отъ арміи главныхъ вождей, въ ней осталась только одна высшая власть—министерство, ставшее такимъ образомъ всевластнымъ. Этотъ порядокъ казался выгоднымъ. Бурбоны не вѣрили наполеоновскимъ маршаламъ вообще, но вѣрили военному министру, тщательно избранному. Вмѣстѣ съ тѣмъ и военное положеніе было прилажено къ диктатурѣ военнаго министерства; арміи, даже въ дѣйствіи, поставлены въ довольно тѣсную зависимость отъ него, особенно по хозяйственной и денежной части. Къ несамостоятельности армій французы были пріучены, впро-

о ея недоконченности, вслѣдствіе крѣпостнаго права. Офиціальное изданіе министерства—«Военный Сборникъ»—состоялъ тогда подъ редакціей компаніи, изъ которой вышло не мало будущихъ преобразователей; военнаго дѣла они не знали, а подобное толкованіе, естественно, пришлось имъ съ руки, и они ревностно его распространяли.

чемъ, еще Наполеономъ, распоряжавшимся ими издали, изъ своего кабинета (наприм., въ испанской войнѣ), что однакожъ не шло ему въ прокъ и постоянно вело къ пораженіямъ. Основанная реставраціей окружная система, смѣло пожертвовавшая политическимъ цѣлямъ военными, до такой степени соотвѣтствовала господствующей во Франціи централизаціи, что современемъ привилась къ странѣ, не смотря на свои громадные недостатки. Французы даже гордились ею и нашли себѣ подражателей. Надо сказать и то, что самая слабая сторона системы—хаотическій переходъ съ мирнаго положенія на военное—долго не успѣвала обнаружиться. Въ крымскую войну можно было безопасно тянуть приготовленія; въ итальянскую—этотъ недостатокъ впервые бросился въ глаза (по словамъ Трошю: se débrouiller en marche); въ 1870 г. онъ привелъ къ гибели. Это самый крупный недостатокъ системы, но ихъ много. Изъ ложнаго основанія не могутъ истекать правильныя послѣдствія.

Отличіе бывшей французской военной системы отъ прусской (почти тождественной съ нашей русской, существовавшей до 1862 года) такъ велико, что онѣ никакъ не могутъ быть слиты вмѣстѣ; между тѣмъ такой именно трудъ предстоялъ нашимъ комиссіямъ. Мы исчислимъ коренныя различія той и другой системы.

1) Въ Пруссіи войска сохраняютъ въ мирное время свое боевое устройство; съ выступленіемъ въ походъ онѣ только пополняются. У пруссаковъ выдвигаются съ мѣста готовые корпуса, въ военныхъ инспекціяхъ находятся теперь зачатки армейскихъ штабовъ; у насъ прежде выдвигались готовыя арміи. По французской же системѣ надо прежде свести разъединенныя войска въ тактическій составъ. Понятно, насколько первое совершается скорѣе и проще втораго *). Но суть дѣла

*) Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ военному положенію 17-го апрѣля 1868 г., говорится, будто опытъ доказываетъ, что наши корпуса рѣдко дѣйствовали въ полномъ составѣ; между тѣмъ, опытъ доказалъ какъ извѣстно, совершенно противное. Во всѣхъ нашихъ большихъ европейскихъ войнахъ корпуса оставались въ сборѣ; они разъединялись только на Дунаѣ въ 1853 году и въ Крыму, гдѣ война имѣла совершенно исключительный характеръ, вовсе несвойственный европейской кампаніи. Можно сказать одно, что наши корпуса при императорѣ Николаѣ были слишкомъ велики. То же самое и о главныхъ штабахъ, которые будто-бы находились за тыломъ арміи, между

еще не въ этомъ. Въ Пруссіи, какъ было и у насъ, при всѣхъ подраздѣленіяхъ войскъ состоятъ постоянные штабы; по французской системѣ штабы формируются только съ объявленіемъ войны. Но очевидно, что между штабомъ постояннымъ и сброднымъ, сколоченнымъ въ попыхахъ для потребности минуты, существуетъ неизмѣримая разница. Начальникъ можетъ только думать своей одиночной головой, распоряжаться же онъ можетъ лишь черезъ свой штабъ; оттого штабъ составляетъ въ сущности какъ бы тѣло, приставленное къ головѣ начальника. Для увѣренности въ точномъ исполненіи распоряженій (безъ чего и распоряжаться не стоитъ) необходимо, чтобъ штабъ обошолся, привыкъ къ начальству, чтобъ сила и способность каждаго штабнаго были заранѣе извѣстны всѣмъ прочимъ, поставлены на свое мѣсто и внушали достаточное довѣріе. Понятно, что должно произойти въ день объявленія войны, когда къ матеріальной путаницѣ новаго распредѣленія войскъ, непривычнаго имъ въ мирное время, прибавляется еще нравственный хаосъ сбродныхъ штабовъ изъ людей, незнакомыхъ между собою и неизвѣстныхъ начальству. 1870 г. представилъ картину такого сбора. Въ этомъ отношеніи неосуществимо никакое сближеніе между прусскою и французскою системою; можно только замѣнить одну другою.

2) Въ Пруссіи, какъ прежде у насъ, вайска находятся въ мирное время подъ рукою тѣхъ же боевыхъ начальниковъ, которые поведутъ ихъ на войну—корпусныхъ командировъ и высшихъ военныхъ инспекторовъ т. е. главнокомандующихъ. У насъ, сообразно съ русскими условіями, существовали постоянныя арміи. По французской системѣ въ мирное время войсками завѣдываютъ командующіе поземельными округами, т. е. начальники мѣстныхъ отдѣловъ военнаго министерства, избираемые по соображеніямъ вовсе не боевымъ. При сборѣ арміи, незнакомыя между собой войска собираются подъ предводительствомъ незнакомаго имъ начальника, который распоряжается дѣйствіемъ черезъ незнакомый имъ и ему штабъ.

тѣмъ какъ всякому интересующемуся военной исторіей извѣстно, что у насъ всегда главные штабы находились при главнокомандующемъ; даже въ 1854 году, на который указываетъ записка, они пошли обыкновеннымъ порядкомъ за Дунай.

Такое теоретическое устройство не могло повести французовъ къ добру. Неразрывное единеніе главныхъ боевыхъ начальниковъ съ войсками составляло всегда первую потребность хорошаго воспитанія войскъ и хорошаго предводительства арміей. Теперь оно стало необходимостію. Пріемы войны измѣняются съ каждымъ годомъ. Со введеніемъ скорострѣльнаго ружья совершенно передѣлались строй и примѣненіе войскъ на полѣ битвы, что измѣняетъ всѣ прежніе разсчеты относительно пространства, занимаемаго фронтомъ, расположенія, подступа къ позиціи, подготовленія къ атакѣ, выбора рѣшительныхъ минутъ, употребленія разныхъ оружій, слѣдовательно измѣняетъ въ нѣкоторой мѣрѣ даже стратегическій разсчетъ сосредоточенія войскъ для битвы. Мало слѣдить за такими перемѣнами въ книжкахъ (вдобавокъ еще ненаписанныхъ), надо пріучить себя къ нимъ ежедневной практикой. Могутъ ли люди, умѣющіе командовать массами, но разлученные съ арміей со времени гладкоствольныхъ ружей, правильно расчитывать всѣ подробности дѣйствій на основаніяхъ имъ непривычныхъ? А между тѣмъ вся сила въ этихъ людахъ, умѣющихъ командовать массами. Во всякой арміи есть десятокъ людей, отстраненіе которыхъ вынимаетъ изъ нея душу, парализуетъ ее съ головы до ногъ. Французская же система отстраняетъ отъ арміи не десять вождей, а бывшихъ и будущихъ главнокомандующихъ, всѣхъ корпусныхъ командировъ, начальниковъ главныхъ штабовъ и большихъ отрядовъ; почти всѣ они находятся внѣ арміи. Новыхъ вождей подростать не можетъ, потому что строевая іерархія кончается начальникомъ дивизіи, владѣющимъ однимъ только родомъ оружія. Даже эти начальники дивизіи, по мѣрѣ того какъ оня созрѣваютъ въ опытности и повышаются въ чинахъ, исчезаютъ въ свою очередь въ нестроевомъ составѣ военнаго вѣдомства. Съ увѣковѣченіемъ такого порядка, армія, въ противоположность прусской, становится буквально туловищемъ безъ головы.

3) Противоположность двухъ системъ--исключительное преобладаніе боеваго элемента надъ всѣмъ остальнымъ въ военномъ вѣдомствѣ, истекающее само собою изъ прусскаго устройства, но несоотвѣтствующее французской централизаціи и окружной системѣ, чрезмѣрно развивающихъ военную бюрократію въ ущербъ арміи. Во Франціи боевой элементъ поддерживался на нѣкоторой высотѣ искусственными мѣрами и укоре-

нившимися привычками военныхъ, вопрекри теоріи. Но эта же теорія, перенесенная къ намъ, быстро дала свои естественные плоды. Можно ли проводить какое либо сближеніе между двумя военными системами, какъ бы ни были сходны заголовки учрежденій, когда въ одной изъ нихъ строевой офицеръ стоитъ на первомъ мѣстѣ, въ другий же онъ можетъ разсчитывать на повышеніе, на достаточное жалованье, однимъ словомъ на будущность, только подъ условіемъ перехода въ нестроевыя вѣдомства, вслѣдствіе чего содержаніе $11^{1}/_{2}$ тысячъ чиновниковъ военнаго вѣдомства обходится, гораздо дороже содержанія 16 тысячъ офицеровъ полевой арміи. Въ общественномъ устройствѣ, какъ въ религіи—каковъ идеалъ, таковъ и человѣкъ. Чѣмъ же можетъ быть армія, идеаломъ которой, конечною цѣлью всѣхъ стремленій офицера—служитъ военное чиновничество въ разныхъ его видахъ — хозяйственное, судебное, канцелярское.

4) Эта же самая причина—излишнее развитіе военно-административныхъ вѣдомствъ—мѣшаетъ во Франціи образованію самостоятельныхъ резервовъ; для нихъ нужно много офицеровъ, которыхъ ни одна страна въ свѣтѣ не можетъ поставить въ неопредѣленномъ числѣ. Когда военное вѣдомство забираетъ слишкомъ много людей образованныхъ слоевъ общества въ нестроевую часть, тогда, естественно, ихъ недостаетъ для строевой. На нашей же тучной почвѣ французская система разрослась еще не въ примѣръ роскошнѣе и отношеніе числа и стоимости нестроевыхъ къ строевымъ приняло невиданные размѣры. Не говоря о военномъ развитіи людей, обращая вниманіе только на личное и нравственное развитіе, даваемое самимъ обществомъ (вѣрнѣйшій залогъ благонадежности), офицеровъ дѣлятъ вездѣ на два разряда: первый, лучшій, принимаютъ въ постоянныя войска, второй—держутъ въ запасѣ для войскъ временныхъ. При французской же системѣ, особенно преувеличенной,—первый разрядъ, соотвѣтствующій прусскимъ строевымъ офицерамъ, образуетъ военное чиновничество, такъ какъ это занятіе несравненно выгоднѣе; второй разрядъ—въ родѣ прусскихъ запасныхъ—приходится выдѣлить уже изъ третьяго общественнаго слоя, чего еще никто не пробовалъ. Не мудрено, что при подобномъ условіи «положеніе о запасныхъ офицерахъ еще не выяснено даже въ главныхъ основаніяхъ». Оно и не можетъ быть выяснено удовлетворительно

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же пытаться сочетать между собою двѣ системы, столь противоположныя?

5) Съ 1813 года пруссаки руководствуются на практикѣ русскимъ военнымъ положеніемъ, учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи 1812 года, не сочиненнымъ, а записаннымъ Барклаеемъ-де-Толли изъ опыта цѣлаго вѣка побѣдъ. Недавно оно было сопоставлено въ великой войнѣ, какъ бы для всемірнаго опыта, съ французскимъ. Нынѣ французы перенимаютъ его отъ пруссаковъ. Но оно идетъ въ разрѣзъ съ французскою окружною системою и потому не могло быть удержано у насъ при недавнемъ преобразованіи. Это совершенно правильно, такъ какъ военное и мирное устройства должны быть согласованы между собою; иначе мобилизація арміи поведетъ къ безвыходной путаницѣ. Одно изъ двухъ: или учрежденіе о большой дѣйствующей арміи 1812 года съ прусскими (прежними русскими) порядками мирнаго времени, или же французская окружная система, но тогда и французское военное положеніе, какъ бы оно ни отрекомендовало себя подъ Седаномъ и Орлеаномъ *).

Коренная разница между двумя военными положеніями та, что первое (русское, нынѣ прусское) развиваетъ учрежденія мирнаго времени изъ потребностей военнаго; второе же (французское, нынѣ русское) поступаетъ наоборотъ—примѣняетъ учрежденія военнаго времени къ удобствамъ мирнаго.

Даже при Наполеонѣ кабинетское руководство весьма нерѣдко приводило къ путаницѣ, какъ слишкомъ извѣстно изъ примѣровъ испанской войны 1807 до 1813 г. Командовавшіе арміями наполеоновскіе маршалы доказали наглядно своимъ примѣромъ и данными ими потомъ разъясненіями невозможность успѣха на войнѣ безъ ограниченнаго полномочія, безъ выдѣленія дѣйствующей арміи совершенно независимымъ цѣлымъ, хотя бы заглазнымъ руководителемъ оставался при этомъ Наполеонъ I; тоже доказываютъ всѣ войны на свѣтѣ. Великія побѣды одерживаются только главнокомадующими по учрежденію 1812 года, а не связанными командующими частныхъ

*) Читатели, помнятъ, вѣроятно, какъ Макъ-Магонъ шелъ противъ воли подъ Седанъ по предписанію военнаго министерства, и какъ Гамбетта командовалъ изъ Тура французскими властями, дѣйствовавшими подъ Орлеаномъ.

армій, какой бы громкій титулъ имъ ни придавали. Всѣ знаютъ теперь, что пораженіе Орель де-Паладина и Шанзи произошло на половину отъ недостаточности ихъ полномочій, т.-е. отъ недостаточной выдѣленности дѣйствующей арміи.

Но какъ бы то ни было, старо-французское учрежденіе частныхъ, несамостоятельныхъ армій неизбѣжно при окружной системѣ.

Мы привели только самыя крупныя противоположности двухъ системъ—старо-французской и прусской. Ихъ есть еще множество и очень важныхъ. Но и этихъ примѣровъ достаточно для заключенія: совмѣстимы-ли эти системы, есть-ли какая-либо возможность пересадить побѣдоносныя прусскія учрежденія на почву заимствованной отъ французовъ окружной системы? Онѣ рознятся еще гораздо болѣе духомъ, чѣмъ формами; въ одной преобладаютъ боевыя, въ другой чисто административныя цѣли. Одна изъ этихъ системъ можетъ не дополнить, а только разложить другую, привести ее въ хаотическое состояніе.

Могло-ли бы французское національное собраніе 1872 г. привить прусскіе порядки къ своимъ старымъ, оставляя эти послѣдніе неприкосновенными? Нашимъ же комиссіямъ пришлось соединять въ одно—прусскія учрежденія, рѣзкія условія русской дѣйствительности и французскую военную систему, основанную въ виду исключительно политическихъ цѣлей. Задача, очевидно, неисполнимая.

Послѣ того нельзя не принять въ соображеніе «множество весьма ложныхъ условій, при которыхъ комиссіямъ пришлось дѣйствовать». Признавая выработанные ими проекты несостоятельными, все-таки нельзя не отдать справедливости ихъ трудолюбію и находчивости; не имѣя возможности вывести что-либо среднее изъ трехъ несогласимыхъ основаній, комиссіи сочинили теоретическій проектъ для неизвѣстной страны. То же будетъ и впредь, сколько бы разъ ни начинали работу, если данныя для нея основанія не измѣнятся. Слѣдуя по этому пути мы никогда не дойдемъ до примѣненія къ Россіи духа прусскихъ порядковъ, составляющаго всю ихъ силу.

Одно изъ двухъ: или наши историческія военныя учрежденія, развиваемыя въ современномъ духѣ, или же французская окружная система 1862 года. Въ первомъ случаѣ прусскіе по-

рядки, кромѣ общесословной военной повинности, намъ не нужны, какъ по чрезвычайному сходству того и другаго устройства въ его существенномъ смыслѣ, такъ и по чрезвычайному различію той и другой страны; во второмъ случаѣ они для насъ невозможны.

Разборъ положенія *).

о полевомъ командованіи арміями 17-го апрѣля 1868 г.

1873 г.

Положеніе о полевомъ командованіи арміями составляетъ вѣнецъ всякой системы военныхъ учрежденій, выражаетъ ея сущность и ея практическое достоинство. Наша окружная система 1862 года заключилась также исключительно ей принадлежащимъ военнымъ положеніемъ, замѣнившимъ Учрежденіе о большой дѣйствующей арміи 1812 г. и Уставъ 1846 г.

Цѣль наша разсмотрѣть постановку русскаго главнокомандующаго и русской арміи на войнѣ на основаніи Положенія о полевомъ управленіи войскъ 17 апрѣля 1868 года.

Итогъ вѣроятностей побѣды, конечно, не заключается весь въ законѣ о военномъ положеніи. Мало хорошо распоряжаться арміей; надобно, чтобъ сама армія была надежнымъ орудіемъ въ рукахъ полководца, что достигается предварительными условіями ея устройства и воспитанія, не истекающими непосредственно изъ того или другого положенія о военномъ командованіи. Но тѣмъ не менѣе, какъ война есть единственная цѣль и причина, изъ которой государство обременяетъ себя содержаніемъ арміи, то духъ, въ которомъ составляется военное положеніе, выказываетъ точно, хотя не прямо, духъ и, стало быть, достоинство цѣлой системы военнаго устройства, выказываетъ правильную или ложную постановку всего дѣла съ боевой, т.-е. окончательной точки зрѣнія. Логически невозможно, чтобы система учрежденіій мирнаго времени, недоста-

*) Перепечатана отдѣльной брошюрой 1881 г.

точно взвѣсившая условія, при которыхъ достигается желанный исходъ, т.-е. побѣда, могла правильно установить средства для его достиженія,—чтобъ глазъ, не видящій ясно цѣли, могъ вѣрно въ нее мѣтить.

Разница въ сущности военныхъ учрежденій боеваго и мирнаго времени состоитъ въ томъ, что первыя, боевыя, истекають изъ всемірнаго опыта, въ главныхъ чертахъ всегда и для всѣхъ однѣ, потому незыблемы, какъ аксіома; вторыя, мирныя, напротивъ, подвижны и зависятъ отъ умѣнья приспособить наилучшие средства государства, въ данную эпоху, къ общеизвѣстнымъ потребностямъ военнаго положенія.

Условія успѣха на войнѣ давно уже не подлежатъ спору. Война есть тотъ же поединокъ, въ которомъ армія представляетъ мускульную силу бойца, а главнокомандующій—его живую душу. Залоги побѣды тѣ же въ обоихъ случаяхъ: самообладаніе, свобода движеній, быстрота взгляда и вѣрность удара—условія несбыточныя, если на бойца надѣнутъ тѣсное платье и онъ будетъ дѣйствовать не по вдохновенію минуты, а по указанію профессоровъ фехтованія, стоящихъ сзади. На военномъ языкѣ тѣсное платье называется подробной регламентаціей власти главнокомандующаго, а стоящіе сзади профессоры — гофъ-кригсратомъ, командованіемъ на разстояніи, въ какомъ бы то ни было видѣ. Войной нельзя управлять издали, какъ шахматной игрой, хоть бы посредствомъ телеграфной проволоки, потому что тутъ все заключается въ пониманіи живой души своихъ и противниковъ, въ ежеминутной оцѣнкѣ почти неуловимыхъ признаковъ. Основанія эти достаточно извѣстны, но только въ нынѣшнемъ столѣтіи всѣ стали держаться ихъ буквально. Причина очевидна. При настоящей громадности вооруженій, рѣшающей участь государства въ нѣсколько недѣль, война стала поединкомъ на смерть изъ поединка до первой крови, какимъ она была прежде; прихоти нѣтъ больше мѣста. Вслѣдствіе того вездѣ исчезли даже слѣды всепредвидящихъ регламентацій и гофъ - кригсратовъ, вездѣ приняты тѣ же самыя основанія: 1) единовластіе на театрѣ войны, т.-е. подчиненіе одной руководящей волѣ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ связи между собою; 2) полновластіе главнокомандующаго, т.-е. неограниченное право распоряжаться по усмотрѣнію всѣми личными и матеріальными средствами, ввѣренными ему для войны; 3) нераздѣльность распорядительной

и исполнительной власти — полномочіе въ избраніи средствъ, органовъ и формъ для достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія вещественнымъ нуждамъ арміи. Сознаніе невозможности вести войну на иныхъ основаніяхъ, увѣренность, что малѣйшее отступленіе отъ нихъ ведетъ навѣрное къ пораженію, стали всеобщими. Но осуществить этотъ идеалъ полновластія на войнѣ можно только однимъ способомъ — облеченіемъ главнокомандующаго верховною властію на театрѣ войны. Такъ теперь и дѣлается. Генералъ Грантъ былъ всевластенъ на театрѣ войны, какъ американскій народъ, эрцгерцогъ Альбрехтъ — какъ австрійскій императоръ. Этотъ вопросъ былъ у насъ разрѣшенъ давно и еще глубже, и въ томъ состояло наше великое преимущество въ продолженіе полутора вѣка. Русскій военный порядокъ установленъ регламентомъ 1716 года, опредѣленъ съ рѣдкою точностію Учрежденіемъ 1812 г. и дополненъ Уставомъ 1846 г. въ одномъ и томъ же духѣ. Порядокъ этотъ, въ его послѣднемъ выраженіи, можно опредѣлить такъ: обычайнымъ вождемъ дѣйствующей арміи былъ или считался всегда самъ государь, вслѣдствіе чего полновластіе на войнѣ не подлежало ограниченію; въ отсутствіе же Государя мѣсто верховнаго повелителя заступалъ временно главнокомандующій, считавшійся начальникомъ главнаго штаба Его Величества, когда Государь находился при арміи. Онъ заступалъ это мѣсто, какъ главнокомандующій чрезвычайный и потому: 1) начальствовалъ нераздѣльно на всемъ театрѣ войны, 2) представлялъ лицо Монарха и облекался властіею Его Величества, 3) давалъ высочайшія именныя повелѣнія, 4) подчинялся непосредственно только Государю, 5) снималъ своимъ повелѣніемъ всякую отвѣтственность съ исполняющихъ лицъ, 6) отвѣтствовалъ за свои дѣла передъ однимъ Государемъ. Когда нужно было дѣйствовать отдѣльными массами, назначались командующіе частными арміями, но главнокомандующій оставался одинъ на театрѣ войны и цѣльность дѣйствія не нарушалась. Съ перваго взгляда видно, что наша форма полномочія на войнѣ была совершеннѣйшею, по твердости и ясности принципа и по соотвѣтственности его учрежденіямъ государства, въ которомъ все основано на единодержавіи. Форма эта стала теперь общимъ образцомъ; всѣ переняли ее отъ насъ или перенимаютъ въ то самое время, когда мы отъ нея отказались. По своему духу, въ настоящее время военное положеніе А

всѣхъ народовъ одно и то же; въ дѣйствующей арміи присутствуетъ сама верховная власть, посредственно или непосредственно. Эта сторона военныхъ учрежденій составляетъ аксіому, разнообразящуюся только въ очень мелкихъ подробностяхъ, неподвижную точку, къ которой все должно примѣняться, и которая сама не примѣняется ни къ чему, по невозможности нарушить ее безнаказанно.

Мирныя учрежденія арміи, напротивъ, измѣнчивы, какъ общественный бытъ народовъ, какъ вновь возникающія условія жизни всякой новой четверти вѣка; но всѣ они имѣютъ одну общую цѣль — возможно лучшее примѣненіе частныхъ особенностей каждаго государства и каждаго времени къ постояннымъ потребностямъ военнаго положенія. Америка, напримѣръ, кромѣ немногихъ пограничныхъ войскъ, не держитъ даже кадровъ для полковъ, а набираетъ ихъ прямо изъ гражданъ, когда нужно; Англія, напротивъ, держитъ только постоянную армію, немного ниже комплекта, за которою нѣтъ никакихъ резервовъ; Пруссія же обратила въ резервъ всю націю, а постоянная армія ея состоитъ изъ однихъ кадровъ, и т. д. Очевидно, разстояніе между этими учрежденіями, много разъ видоизмѣнявшимися, какъ вездѣ, очень велико; однакожь, ни Америкѣ, ни Англіи, ни Пруссіи не приходило на мысль прилаживать военное положеніе къ своимъ мирнымъ учрежденіямъ; всѣ заботятся, напротивъ, чтобы мирныя учрежденія, при всей ихъ національной самобытности, приводили къ всеобщему военному положенію, основанному на истинныхъ законахъ войны. Если штабное устройство армій разнится нѣсколько по историческому воспитанію каждой, то и тутъ дѣйствуетъ не умозрѣніе, а привычка, въ которой всѣ видятъ первое обезпеченіе порядка; но это различіе никакъ не простирается на опредѣленіе основныхъ правъ командованія—его единства, полномочія и цѣльности дѣйствія въ распоряженіи и исполненіи. Въ этомъ всѣ согласны.

Редакція положенія о полевомъ управленіи войскъ, увѣнчавшаго окружную систему 1862 года, думала, однакожъ, иначе. Текстъ положенія не оставляетъ въ томъ сомнѣнія, какъ и показанія приложенной къ нему объяснительной записки. Изъ обоихъ видно, что уставъ 1846 года о военномъ времени обойденъ, какъ несуществующій, и новое военное положеніе состав-

лено изъ прежняго устава мирнаго, приспособленнаго къ окружной системѣ.

Невозможно было приступить къ передѣлкѣ военнаго положенія, не вынувъ изъ подъ него основанія — личнаго предводительствованія арміи Государемъ, всегда предполагавшагося — такъ какъ все прежнее положеніе состояло изъ развитія этого перваго начала.

Подобное основаніе, составляя одно цѣлое со всѣми нашими коренными учрежденіями и обезпечивая, на сколько возможно человѣческому предвидѣнію, успѣхъ нашего оружія, казалось непоколебимымъ. Но положеніе 1868 года, не отмѣнивъ его прямо, обошло, такъ что оно теперь уже не существуетъ. Параграфы 14 и 31 Устава 1846 года, постановлявшіе правила на случай личнаго предводительства арміи Государемъ, облекавшіе при этомъ главнокомандующаго обязанностями начальника главнаго штаба Его Величества, выпущены. О присутствіи Государя въ арміи теперь не упоминается, постановленій на этотъ счетъ нѣтъ больше; учрежденія, предназначавшіяся на такой случай, вычеркнуты.

Конечно, молчаніе закона не можетъ служить препятствіемъ Императору Всероссійскому принять личное начальство надъ своими арміями, если Его Величеству то будетъ угодно. Дѣйствіе Государя само по себѣ законъ, не имѣющій нужды въ предварительной оговоркѣ. Но дѣло идетъ о предметѣ еще болѣе важномъ, чѣмъ даже фактъ личнаго присутствія Государя — объ основномъ началѣ, предполагающемъ это присутствіе источникомъ всей власти на войнѣ. По новому положенію, Государь въ принципѣ не командуетъ дѣйствующею арміею, какъ прежде въ принципѣ командовалъ ею. Съ какой стороны ни смотрѣть на подобное нововведеніе, все-таки остается несомнѣннымъ, что оно измѣняетъ коренное начало, изъ котораго истекаетъ духъ всѣхъ послѣдующихъ учрежденій. Мы осмѣлимся сказать, что въ текстѣ закона оно разрываетъ личную связь Государя съ арміей, въ силу которой, когда было нужно, главнокомандующій принималъ на себя высочайшую власть, корпусный командиръ власть главнокомандующаго, дивизіонный — корпуснаго и т. д., всѣ дѣйствовали именемъ Государя, вся армія, до послѣдняго унтеръ-офицера, была проникнута сознаніемъ, что она армія Императорская, вслѣдствіе чего всякій зналъ, что онъ смѣетъ

все, явно содѣйствующее пользѣ и славѣ своего верховнаго полководца — Государя. Но какъ скоро личное командованіе Государя устранено изъ закона, то и главнокомандующій не можетъ замѣнять въ ней Монарха и быть продолженіемъ Его особы; онъ становится должностнымъ лицомъ, какъ всякое другое, съ опредѣленными правами, повиннымъ предъ формальностями, отвѣтственнымъ не Государю прямо, но правительству во всей его сложной іерархіи. Этотъ духъ распространится на всѣхъ его подчиненныхъ и обратитъ боевую армію изъ чувствующей личности въ машину; люди будутъ дѣйствовать не по внутреннему побужденію, а по параграфамъ закона, который не можетъ всего предвидѣть, не можетъ стать источникомъ воодушевленія для арміи; ей нужно живое лицо, а не бумажный текстъ. Всякій военный это знаетъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только верховное начало было обойдено, то редакторы положенія 1868 г. поступили логично, снявъ съ главнокомандующаго права, которыми онъ пользовался, какъ представитель верховной власти. Съ отмѣною параграфовъ 16, 19, 28, 67, 81 устава 1846 г. главнокомандующій не представляетъ уже лицо Монарха, не облекается властію Его Величества, не даетъ именныхъ высочайшихъ повелѣній, не снимаетъ своимъ утвержденіемъ всякую отвѣтственность съ исполняющихъ, не подчиняется непосредственно Государю и не отвѣтствуетъ за свои дѣйствія Ему одному; онъ становится старшимъ генераломъ въ своей арміи, ограниченнымъ разными установленіями, какъ всякій начальникъ.

Но если было логично, въ извѣстномъ смыслѣ, отмѣнивъ коренное начало, упразднить и его послѣдствія, то слѣдовало по крайней мѣрѣ оговорить ясно измѣненіе этихъ основныхъ началъ, а не пройти ихъ молчаніемъ, утверждая въ объяснительной запискѣ, что такіе параграфы, какъ личное командованіе арміи Государемъ, верховныя права его представителя въ ней, званіе начальника главнаго штаба Его Величества, которое онъ исполняетъ въ присутствіи Монарха—составляютъ не сущность дѣла, а условное выраженіе редакціи.

Отмѣна нашего историческаго начала разрѣшилась двумя послѣдствіями неизмѣримой важности:

1) У насъ однихъ верховная власть не будетъ присутствовать въ дѣйствующей арміи. Извѣстная степень самостоятельности зависимаго должностнаго лица будетъ противопоставлена

царской самостоятельности, руководящей врагами, потому что теперь всѣ враги будутъ дѣйствовать въ духѣ нашего Учрежденія 1812 г., какъ дѣйствовали недавно пруссаки.

2) Измѣненіе верховнаго начала, разрушивъ основанія, на которыхъ все до тѣхъ поръ стояло, дало возможность редакціи, какъ увидимъ, не только отнять у главнокомандующаго, одно за другимъ, присвоенныя ему права и даже раздробить единство командованія, но позволило установить отношенія, несогласныя съ вѣчными и общепризнанными законами войны.

Положеніе 1868 года не оставило камня на камнѣ въ нашемъ полуторавѣковомъ военномъ устройствѣ. Надобно разсмотрѣть практическія послѣдствія этой ломки съ двухъ сторонъ: 1) со стороны единства командованія на войнѣ, 2) со стороны обстановки, созданной главнокомандующему во ввѣренной ему части арміи и новыхъ отношеній его къ военному министерству.

Въ Учрежденіи 1812 года и въ Уставѣ 1846 года сказано: «Власть командующихъ частными арміями, по какому либо случаю назначаемыхъ, опредѣляется каждый разъ высочайшими указами объ ихъ назначеніи».

На этомъ параграфѣ, умолчанномъ въ положеніи, основывалось единство власти на войнѣ. Частная армія составляла особенность нашей военной организаціи, которая тѣмъ и была драгоцѣнна, что развивалась самостоятельно, на дѣйствительной почвѣ, и потому отвѣчала всякой прирожденной потребности государства, для котораго писалась. Особенность эта перешла уже теперь въ нѣмецкую армію и перейдетъ во всѣ другія.

При громадномъ протяженіи нашихъ предѣловъ, а потому и поля дѣйствія, за ними и передъ ними лежащаго, русской арміи часто приходилось и придется дѣйствовать большими отдѣльными массами, сохраняя однакожъ на театрѣ войны единство власти, безъ которой все погибнетъ. Для этого была установлена частная армія, состоящая изъ массы болѣе одного корпуса.

Наша исторія полна примѣрами частныхъ армій. Прежде чѣмъ установилось ихъ названіе, онѣ существовали въ силу необходимости, когда нѣсколько отдѣльно дѣйствующихъ массъ подчинялись одному полководцу. Такъ дѣйствовалъ Потемкинъ въ турецкую войну и Суворовъ при раздѣлѣ Польши. Въ

1812 году раздробленіе нашихъ силъ на три независимыя арміи, составлявшее вмѣстѣ нарушеніе всегдашняго обычая и только-что изданнаго учрежденія, сейчасъ же было признано ошибкой и всѣ арміи и отдѣльныя части—1-я, 2-я, Тормасова, Чичагова и Витгенштейна—соединены подъ властію фельдмаршала Кутузова. Если въ 1813 году императоръ Александръ допустилъ въ союзныхъ войскахъ нѣсколькихъ главнокомандующихъ, то во-первыхъ, это былъ союзъ, а во-вторыхъ, надъ всѣми арміями стоялъ генералисимусъ. Во время польскаго мятежа 1831 года у насъ была, кромѣ дѣйствующей, частная армія въ Литвѣ, подчиненная общему главнокомандующему. Въ послѣднюю восточную войну была допущена ошибка, противорѣчившая духу нашихъ военныхъ учрежденій, имѣвшая пагубное вліяніе на исходъ войны и которую положеніе 1868 года возводитъ въ правило—раздѣленіе силъ, дѣйствовавшихъ противъ одного врага, между двумя независимыми начальниками, возведеніе частной арміи въ самостоятельное цѣлое. Въ каждой большой войнѣ, какъ бы мы ни дѣйствовали рѣшительно, окажется необходимымъ выставить нѣсколько второстепенныхъ массъ; между тѣмъ, при громадности нынѣшнихъ силъ и быстротѣ рѣшенія войны, единство командованія стало важнѣе, чѣмъ когда нибудь.

Положеніе 1868 года вычеркнуло историческое установленіе о частныхъ арміяхъ, объединявшихся въ лицѣ единаго главнокомандующаго. Какъ же оно рѣшаетъ вопросъ? Тутъ только два исхода: или замѣнить частныя арміи отдѣльными корпусами, или признать ихъ независимыми одна отъ другой, облечь каждаго отдѣльнаго начальника, состоящаго въ положеніи командующаго частною арміею, саномъ главнокомандующаго.

Отдѣльный корпусъ не можетъ замѣнить армію, ни по силамъ, ни по дѣйствительному значенію начальника. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ корпуса были огромнаго состава (50 баталіоновъ), но Уставъ 1846 года не полагалъ, чтобы корпусъ могъ значить — частная армія, и тщательно сохранилъ установленіе о послѣдней. На военномъ языкѣ корпусомъ называется соединеніе 2-хъ или 3-хъ дивизій. Если ихъ больше, то главному начальнику нужны помощники, званіемъ выше дивизіонныхъ; самъ онъ уже не можетъ быть корпуснымъ командиромъ. Привычныя названія также много зна-

чать; корпусный командиръ не будетъ командующимъ арміею, ни въ глазахъ войска и людей, ни въ собственныхъ глазахъ, по своимъ отношеніямъ къ центральной власти и постороннимъ вѣдомствамъ *).

Если бы имѣлось въ виду замѣнить частныя арміи отдѣльными корпусами, то подобное смѣшеніе понятій привело бы только къ путаницѣ, потому что корпусъ и частная армія представляютъ весьма различную единицу силы, власти и цѣли. Отдѣльные корпуса и теперь остаются тѣмъ же, чѣмъ были.

Отмѣнивъ установленіе частныхъ армій, положеніе замѣняетъ его рядомъ статей о неизвѣстномъ до тѣхъ поръ у насъ взаимодѣйствіи между многими главнокомандующими.

Ст. 1. Войска, предназначенныя къ дѣйствію на театрѣ войны, образуютъ одну или нѣсколько армій.

Ст. 11. Когда военный округъ служитъ театромъ дѣйствій для двухъ армій, то степень подчиненія каждому изъ главнокомандующихъ мѣстныхъ управленій такого округа, равно какъ и распредѣленіе обязанностей по снабженію арміи между полевыми и мѣстными управленіями вообще, устанавливаются каждый разъ особыми высочайшими повелѣніями.

Ст. 20 . . . . . . Но если противъ непріятеля дѣйствуетъ нѣсколько армій, то главнокомандующій ни въ какомъ случаѣ не можетъ заключать перемирія безъ соглашенія съ другими главнокомандующими или безъ испрошенія высочайшаго соизволенія. . . . . .

Ст. 22. Когда противъ непріятеля дѣйствуютъ нѣсколько армій, то главнокомандующіе сими арміями обязаны сообщать одинъ другому свѣдѣнія о своемъ положеніи и проч. . . . . .

Изъ этихъ статей ясно, кого положеніе ставитъ на мѣсто командующихъ частными арміями. Оно не замѣняетъ ихъ командирами отдѣльныхъ корпусовъ, но возводитъ всѣхъ ихъ въ званіе главнокомандующихъ.

---

*) Наполеонъ въ 1809 году разъ только выставилъ корпуса большой силы; но то были въ дѣйствительности частныя арміи по правамъ начальниковъ и употребленію ихъ на войнѣ. Съ началомъ кампаніи 1812 года и впослѣдствіи онъ составлялъ такія массы изъ нѣсколькихъ корпусовъ, подъ властію особаго начальника, не придавая ему никакого особеннаго титула. Вотъ что значитъ въ сущности частная армія; такъ она и понималась русскими военными законодателями, всегда опереживавшими вѣкъ.

Это очевидно изъ факта: безъ частныхъ армій мы не обойдемся, замѣстить ихъ корпусами нельзя, званіе командующаго частною арміей уничтожено, стало быть во главѣ всякой отдѣльной массы, превышающей корпусъ, поставлены будутъ главнокомандующіе.

Это очевидно также изъ закона.

Иногда въ Россіи бывало одновременно два и даже три главнокомандующихъ, но на противоположныхъ концахъ имперіи; каждый представлялъ верховную власть на всемъ протяженіи границы, охваченной войною; имъ нечего было дѣлить между собою. Положеніе 1868 года дѣлитъ главнокомандующихъ,—стало быть по его мнѣнію имъ придется сталкиваться. Если возможно объяснить статьи 20 и 22 сбыточнымъ примѣромъ,—дѣйствіемъ двухъ армій противъ Турціи въ Европѣ и Азіи (это единственное исключеніе),—то объясненіе въ такомъ же смыслѣ статей 1 и 11 не существуетъ. Статья 11 предполагаетъ одинъ округъ подѣленнымъ между двумя главнокомандующими, изъ чего становится совершенно ясно, что положеніе даетъ особаго главнокомандующаго каждому подраздѣленію силы, т.-е. частной арміи, которая дѣйствительно можетъ основываться на одномъ округѣ съ другою, какъ напр. 1854—1855 годовъ въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ.

Статья 1 не объясняется никакимъ образомъ. Ни въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ уставовъ не существуетъ и намека на возможность подобнаго дѣленія; надо думать, что осуществленіе его на практикѣ невозможно.

Стало быть буква положенія, заодно съ фактомъ, показываетъ, что при первой войнѣ всѣ частныя подраздѣленія силы станутъ у насъ независимыми, каждая съ своимъ главнокомандующимъ.

Тоже самое очевидно изъ настойчивости, съ какою положеніе приводитъ и повторяетъ эту мысль. Молчаніе прежнихъ уставовъ доказываетъ, что никогда не представилсь практической нужды опредѣлять взаимныя отношенія главнокомандующихъ. Положеніе же—посвящаетъ этому предмету четыре статьи. Въ прочихъ отношеніяхъ оно не пытается, какъ и слѣдуетъ подвести всякій необычайный случай подъ опредѣленныя правила. Только по поводу случая самаго невѣроятнаго изо всѣхъ—столкновенія многихъ главнокомандующихъ на войнѣ, положеніе настойчиво проводитъ руководство, какъ имъ

дѣлиться между собою, задаваясь впередъ этимъ страннымъ вопросомъ.

Отдѣленные отъ арміи корпуса оставлены на прежнихъ основаніяхъ, но съ пропускомъ и оговоркою, глубоко измѣняющими ихъ значеніе. Говоря о командирахъ корпусовъ, «не состоящихъ въ зависимости главнокомандующаго», Уставъ 1848 г. имѣлъ въ виду мѣстныхъ начальниковъ, какъ въ Оренбургѣ, Сибири и проч. Такихъ больше нѣтъ; они замѣнены командующими войсками въ округахъ. Но уставъ ставитъ особо дѣйствующіе корпуса, имѣющіе, по какому либо случаю, собственную операціонную линію, и выражается о нихъ такъ: «если же отдѣльный корпусъ состоитъ въ зависимости главнокомандующаго, то. . . .» и проч. По смыслу устава видно, что онъ не предполагалъ дѣйствующихъ корпусовъ, независимыхъ отъ арміи. Положеніе, напротивъ, не предполагаетъ отдѣльныхъ корпусовъ, зависящихъ отъ главнокомандующихъ, но не договариваетъ мысли; въ этомъ состоитъ пропускъ противъ Устава. Оговорка заключается въ словахъ (находящихся и въ текстѣ, и въ объяснительной запискѣ) объ особомъ театрѣ войны, къ которому, будто бы, предназначается отдѣльный корпусъ. Подобное смѣшеніе особаго военнаго театра съ особой операціонной линіей, столь тщательно устраненное прежними нашими учрежденіями, проведено чрезъ все положеніе. Выходитъ, что отдѣльный корпусъ, не замѣняя частной арміи, которой онъ не можетъ замѣнить, обращается въ новое орудіе для раздробленія единоначалія на войнѣ.

Сложивъ вышесказанное, можно утверждать, что редакція положенія 1868 г. проводитъ систематически раздробленіе русскихъ силъ на войнѣ, со многими главнокомандующими и небывалымъ числомъ независимыхъ начальниковъ. Надо сказать, что послѣ отмѣны частныхъ армій трудно будетъ даже поступить иначе.

Раздробленіе силъ и происходящая отъ того безсвязность дѣйствія ведутъ къ пораженію. Это знаютъ и не военные. Гораздо слабѣйшій, но связный противникъ всегда можетъ разбить армію, состоящую изъ нѣсколькихъ частей, необъединенныхъ общимъ командованіемъ. Самые рѣшительные успѣхи одной изъ такихъ частей не ведутъ ни къ чему, потому что сосѣдняя часть можетъ быть внезапно разбита, и побѣдители, обойденные, должны будутъ отступать безъ оглядки.

Объяснительная записка и текстъ положенія часто повторяютъ о сосѣднихъ театрахъ войны и находятъ такіе сосѣдніе театры даже для отдѣльныхъ корпусовъ. Конечно, законъ не военная географія, чтобы ему говорить собственными именами; но какъ онъ пишется не для неизвѣстной страны, а для государства, военные театры котораго давно опредѣлены географіей и исторіей, то прежде всего должно сообразоваться съ дѣйствительностію. Передъ Россіей всего три военныхъ театра: на западной границѣ, на Дунаѣ и въ Азіи, основанный на Кавказѣ,—и потому могутъ быть только три дѣйствующихъ арміи. При морской войнѣ надобно имѣть въ виду еще четвертую, но не дѣйствующую, на балтійскомъ прибрежьѣ, для объединенія обороны. Внѣ названныхъ полей дѣйствія лежатъ не «сосѣдніе театры», а произвольныя изобрѣтенія. Учрежденіе 1812 года и Уставъ 1846 года примѣнялись преимущественно къ большой европейской войнѣ, какъ исключительно важной. Въ этомъ случаѣ именно прежніе наши учрежденія, основанныя на великомъ опытѣ, котораго у нашего поколѣнія нѣтъ, служили обезпеченіемъ будущаго. Можно ли забыть, какъ гибельно отозвалось, во время молодыхъ годовъ императора Александра I, забвеніе правилъ Петра и Екатерины (единственное въ нашей исторіи), раздробленіе командованія и довѣріе къ теоріямъ такъ называемыхъ ученыхъ военныхъ; какъ искренно и рѣшительно государь покаялся въ своихъ ошибкахъ, когда пришла пора спасать отечество; какъ онъ возстановилъ въ Учрежденіи 1812 г. преданіе, создавшее русскую имперію, и снова приковалъ побѣду къ русскимъ знаменамъ. Конечно, не англо-французская война, въ которой военные промахи были слѣдствіемъ политическихъ недоразумѣній, постоянно заставлявшихъ насъ опаздывать могла подорвать довѣріе къ нашимъ побѣдоноснымъ учрежденіямъ. Между тѣмъ, по духу и буквѣ Положенія, вопреки Учрежденію 1812 г., сколько будетъ независимыхъ армій и корпусовъ, именно на западномъ театрѣ войны, рѣшающемъ участь отечества? Кажется басня о ломаніи стрѣлъ въ одиночку и въ пучкѣ давно уже разсказана.

Невозможно предположить, чтобы редакція Положенія имѣла въ виду пустить въ дѣйствіе нѣсколько армій, называвшихся прежде частными, несвязанныхъ никакою высшею властью. Всеобъединяющее дѣйствительное присутствіе Государя на

войнѣ можетъ состояться или не состояться по многимъ случайнымъ причинамъ, независящимъ отъ личной воли. Какъ мы видѣли, текстъ положенія умалчиваетъ о высочайшемъ прямомъ начальствованіи; во всякомъ случаѣ нельзя замѣнить основное начало гадательнымъ и невѣрнымъ фактомъ. Однако же положеніе не имѣетъ въ виду и не признаетъ никакого военнаго лица, принадлежащаго къ арміи, въ которомъ могло бы объединиться командованіе нѣсколькими арміями на театрѣ войны за отсутствіемъ Государя.

Въ какомъ же органѣ найдется необходимая объединяющая власть?

Очевидно въ военномъ министерствѣ.

Положеніе 1868 года повысило его всею суммою умаленія прямыхъ начальниковъ арміи. Кромѣ его никого нѣтъ.

Изъ предъидущаго необходимо заключить:

Первое фактическое послѣдствіе, извлеченное изъ отмѣны основныхъ военныхъ началъ, состоитъ въ раздробленіи единоначалія на войнѣ, въ замѣнѣ одного главнокомандующаго многими, причемъ они неизбѣжно подпадаютъ вліянію военнаго министерства.

Мы далеко еще не дошли до конца, и уже обликъ главнокомандующаго совершенно измѣнился. Изъ верховнаго вождя, дѣйствовавшаго царскою властію, онъ сталъ: 1) должностнымъ лицомъ, какъ всѣ прочіе; 2) однимъ изъ генераловъ, ведущихъ войну подъ высшимъ надзоромъ военной администраціи. Но измѣненія не ограничиваются этими внѣшними признаками.

Отнявъ у главнокомандующаго верховное значеніе, ограничивъ кругъ его дѣйствія равноправными товарищами, которые легко могутъ превратиться въ соперниковъ, положеніе лишило его также самостоятельности даже на этой ограниченной почвѣ. Положеніемъ введены въ отношенія главнокомандующаго къ арміи и подчиненному ему краю стѣсненія, до тѣхъ поръ у насъ неизвѣстныя.

Надобно начать съ формированія арміи.

Оно опредѣляется статьями 5 и 24.

Послѣдняя говоритъ: «Предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, главнокомандующій входитъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ, какъ о составѣ арміи, такъ и о нормѣ личнаго

«состава полевыхъ управленій. О соглашеніяхъ этихъ представляется на высочайшее благоусмотрѣніе».

Статья эта также необыкновенна по своему политическому, какъ и по военному смыслу.

До сихъ поръ подобное установленіе считалось у насъ невозможнымъ и противорѣчащимъ кореннымъ государственнымъ законамъ.

Статья эта или ничего не значитъ на практикѣ—тогда для чего же она написана? Или она значитъ: главнокомандующій, которому ввѣряется судьба отечества, въ то время, когда на него со страхомъ и надеждою устремлены взоры Россіи, не имѣетъ права обращаться прямо къ Государю, ни представлять Его Величеству о своемъ взглядѣ и о средствахъ, обезпечивающихъ побѣду, ни стараться, въ случаѣ недоразумѣнія, убѣдить Государя въ своемъ мнѣніи; главнокомандующій имѣетъ дѣло исключительно съ военнымъ министромъ, и толька вошедши съ нимъ въ соглашеніе (т. е. послѣ длиннаго ряда взаимныхъ уступокъ), оба они представляютъ верховной власти результатъ своихъ соглашеній, въ которомъ за округленностію формы вовсе не видно будетъ, какимъ путемъ и по какимъ соображеніямъ онъ выработался.

Нѣтъ сомнѣнія, что и прежде вновь назначенный главнокомандующій, безо-всякой статьи, объяснялся и даже условливался съ министромъ предварительно. Соглашеніе, котораго требуетъ статья 24, осуществлялось на дѣлѣ болѣе или менѣе, но то были частныя отношенія, не подлежавшія никакому законному опредѣленію. Главнокомандующій безъ стѣсненія условливался съ министромъ, потому что могъ обойти его, обратившись къ Государю. Напротивъ, узаконить подобное право министра—значитъ обратить администратора въ военнаго консула, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ эту должность аббатъ Сіейсъ въ своемъ знаменитомъ проектѣ конституціи послѣ 18 брюмера,—и обратить главнокомандующихъ въ его агентовъ.

Такое узаконеніе пригодно только Англіи, т. е. чисто парламентарному правленію, гдѣ лицо Государя представляетъ принципъ, лишенный инціативы. Но оно невозможно даже въ констуціонной формѣ, какъ эта форма понимается на материкѣ, сохраняющей главѣ государство личное дѣйствіе. Даже президентъ республики не допуститъ помимо себя соглашенія глав-

вокомандующаго съ военнымъ министромъ насчетъ состава арміи для большой войны. Это несбыточно уже потому, что самый составъ опредѣляется конечною цѣлію войны, извѣстной вполнѣ часто только главѣ государства.

Но если подобное соглашеніе пригодно одной парламентарной Англіи, то и тамъ оно составляетъ не силу, а слабость. Маколей признается въ этомъ откровенно, говоря о безсвязности англійскихъ военныхъ операцій въ большую французскую войну, до Веллингтона. Всякая форма правительства имѣетъ слабыя и сильныя стороны. Слабая сторона парламентарнаго правленія, которомъ требуется соглашенія министра съ главнокомандующимъ, обнаруживается въ дѣйствіи, тамъ гдѣ нужны рѣшительность, быстрота и тайна. Возможно ли, чтобы наши коренныя учрежденія складывались изъ слабыхъ сторонъ узаконеній всего свѣта.

Въ военномъ отношеніи 24 статья положенія также необыкновенна, какъ и въ политическомъ.

Главнокомандующихъ будетъ много, такъ какъ частныхъ армій не существуетъ; военный же министръ одинъ, и все чѣмъ должны дѣлиться главнокомандующіе, находится до войны въ его рукахъ. Возбранивъ имъ доступъ къ Государю до соглашенія; онъ становится всевластнымъ посредникомъ между ними. Обдѣленный главнокомандующій не можетъ даже жаловаться, потому что не онъ одинъ составляетъ предметъ попеченій министерства. Онъ знаетъ только свой раіонъ; какже можетъ онъ рѣшать самъ, что и гдѣ нужнѣе? Уже по одной этой обстановкѣ, главнокомандующему придется не требовать, а получать, что ему даютъ, стараясь при этомъ выпросить по возможности больше.

Положеніе не упоминаетъ о случаѣ, когда соглашеніе не состоится; оно говоритъ: «по соглашеніи», рѣшая, что соглашеніе должно быть. Въ такомъ случаѣ гордый человѣкъ откажется отъ командованія, гибкій покорится. Смотря по характеру, иной главнокомандующій, воинъ темпераментомъ, думающій только о битвѣ, предоставитъ центральной администраціи округа, т. е. продовольствіе и снабженіе арміи, чтобы составить свой боевой штабъ изъ вѣрныхъ людей; другой съ большой оглядкой, отдастъ свой штабъ за округа, т. е. невѣрную славу за обезпеченное существованіе; третій, неувѣренный въ себѣ, пожертвуетъ тѣмъ и другимъ заприращеніе

численной силы; четвертый, мнительный, дасть всѣмъ распорядиться, по неумѣнію выбрать желаемое имъ во время и т. д. Но во всякомъ случаѣ главнокомандующій долженъ будетъ уступить многое, чтобы получить что нибудь. Все это случится непремѣнно при министрѣ наиболѣе вѣрномъ своему долгу, но не великомъ воинѣ (потому что предположеніе, чтобы великій воинъ, столь рѣдкій вездѣ, оставался или былъ оставленъ въ администраціи, когда рѣшается судьба государства—невозможно). Нечего и говорить, что можетъ случиться при министрѣ честолюбивомъ и самонадѣянномъ.

Но, каковъ бы нибылъ министръ, при статьѣ 24 Положенія русская армія навѣрное выйдетъ на войну калѣкой.

Достаточно сравнить постановку прежняго главнокомандующаго, получавшаго отъ русскаго Царя мечь и жезлъ власти на спасеніе отечества—и нынѣшняго, выторговывающаго въ военномъ министерствѣ свои права и средства, чтобы видѣть ясно куда идетъ положенія.

Надо замѣтить, что объяснительная записка, написанная именно для уясненія видовъ министерства, не упоминаетъ словомъ о статьѣ 24.

Все это было предисловіемъ къ дѣйствію. Перейдемъ теперь къ обстановкѣ главнокомандующаго на полѣ войны въ тѣсномъ, но лично ему предоставленномъ кругѣ.

Эту обстановку надобно прослѣдить съ нѣсколькихъ сторонъ. Начнемъ съ того, въ какой степени онъ хозяинъ всѣхъ частей военнаго вѣдомства въ очерченномъ ему раіонѣ.

До 1868 г. главнокомандующій, представляя лицо Государя, былъ неограниченнымъ распорядителемъ; законъ довольствовался этимъ опредѣленіемъ, не поставляя никакихъ пунктовъ. По положенію 1868 года округъ или округа, входящіе въ раіонъ военныхъ дѣйствій, подчиняются главнокомандующему. Объяснительная записка и первыя строки ст. 10 утверждаютъ, что они подчиняются вполнѣ.

По другимъ статьямъ выходитъ:

По статьѣ 12, «военно-окружныя управленія, по выполненіи ими распоряженія главнокомандующаго, отдаютъ отчетъ военному министерству».

По статьѣ 13, онѣ, «хотя и подчиненныя главнокомандующему, сохраняютъ съ военнымъ министерствомъ установленныя для мирнаго времени постоянныя сношенія».

По статьѣ 30, въ этихъ вполнѣ подчиненныхъ главнокомандующему округахъ командующіе войсками и начальники отдѣловъ военно-окружныхъ управленій назначаются не имъ, а только по предварительному съ нимъ сношенію.

По статьѣ 40, главнокомандующій въ такихъ округахъ «имѣетъ право, если признаетъ неотложнымъ, удалять отъ исполненія должностей начальниковъ отдѣловъ (но не командующаго войсками), впредь до назначенія на эти должности другихъ лицъ, согласно статьи 30 (т. е. прямо отъ министерства). Вспомнимъ, что по нынѣшнему военному устройству командующіе войсками въ округахъ и начальники отдѣловъ окружныхъ управленій находятся постоянно въ дѣйствительной, хотя довольно неопредѣленной подчиненности министерству; съ началомъ войны (въ наше время недолго продолжающейся) они временно подчиняются главнокомандующему, а съ ея окончаніемъ опять поступаютъ подъ власть министерства. При такой постановкѣ дѣла, самая неограниченная власть главнокомандующаго едва ли заставитъ ихъ неоглядываться поминутно на министерство и не справляться, исполняя приказанія, исходящія изъ штаба арміи, въ какой степени онѣ одобряются постояннымъ ихъ цѣнителемъ. Но когда эти лица, даже въ военное время, опредѣляются на должность исключительно черезъ министерство,—вѣроятно такимъ же порядкомъ отрѣшаются (положеніе умалчиваетъ объ этомъ вопросѣ),—остаются къ нему въ установленномъ для мирнаго времени, т.-е. подчиненномъ отношеніи, и представляютъ ему же отчеты, а главнокомандующій можетъ удалить одного изъ начальниковъ отдѣловъ въ такомъ лишь случаѣ, когда признаетъ это неотложнымъ (т.-е. пойдетъ на разрывъ съ министерствомъ), не имѣя притомъ права замѣстить открывающееся мѣсто, на которое министерство пришлетъ своего кандидата, можетъ быть еще болѣе неудобнаго, то подчиненность округовъ главнокомандующему выходитъ на дѣлѣ не только не полная, но даже едва ли дѣйствительная.

Если же прибавить, что командующій войсками подчиненнаго округа, прямой начальникъ мѣстнаго управленія и ходатай за него передъ центральною властью, не можетъ быть удаленъ главнокомандующимъ, хотя бы пошелъ прямо на перекоръ ему, то выходитъ, что подчиненность округовъ главнокомандующему существуетъ въ такой лишь мѣрѣ, на сколько

министерство лично ему благопріятствуетъ. Главнокомандующій не имѣетъ фактическаго средства заставить округъ исполнять свою волю; онъ можетъ только жаловаться министерству, которое выслушаетъ также объясненія начальника округа; пока дойдетъ до резолюціи, ввѣренная главнокомандующему территорія будетъ находиться въ скрытой войнѣ противъ него. То же произойдетъ при личной непріязни командующаго округомъ. Чью сторону приметъ министерство — неизвѣстно, а между тѣмъ, все это отзовется на арміи.

Значитъ, главнокомандующій, по положенію, имѣетъ власть въ отведенномъ ему участкѣ военнаго театра (т.-е. можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ до тѣхъ лишь поръ, пока округа знаютъ, что онъ въ согласіи съ министерствомъ. Даже побѣда не избавляетъ его отъ этой зависимости. По статьямъ 14 и 15, въ занятомъ непріятельскомъ краѣ учреждаются новыя окружныя управленія. Хотя положеніе предоставляетъ учрежденіе ихъ на волю главнокомандующаго, но главнокомандующій, какъ мы видѣли, несамостоятеленъ и, какъ увидимъ далѣе, штабъ его лишенъ средствъ продовольствовать армію; чтобы существовать, онъ долженъ будетъ согласиться на новые округа, т.-е. на новую неволю.

Если въ такой степени подчинены главнокомандующему округа, вполнѣ ему подчиненные, то, кажется, мудрено опредѣлить гомеопатическую долю подчиненности, которая по статьѣ 11 окажется въ округѣ, подчиненнымъ разомъ двумъ главнокомандующимъ.

На этотъ счетъ есть статья 30: «Въ подчиненныхъ округахъ командующіе войсками и начальники отдѣловъ назначаются по предварительному сношенію съ главнокомандующимъ». Онъ долженъ самъ смотрѣть, кого беретъ.

Но точно ли онъ беретъ кого-нибудь? Назначаются по сношенію, значитъ выбираются не имъ; самое большее—онъ кладетъ свое veto. Но какая сила въ его veto, въ какой мѣрѣ оно принимается въ соображеніе, того не сказано. Въ отношеніи къ командующимъ войсками пограничныхъ округовъ, они, какъ генералъ-губернаторы, слишкомъ важны въ другомъ отношеніи, чтобы частный главнокомандующій, созданный положеніемъ 1868 года, могъ располагать выборомъ ихъ, и притомъ еще до войны, безъ фактической причины; но и въ отношеніи къ начальникамъ окружныхъ отдѣловъ будетъ на прак-

тикѣ то же самое. Положеніе имѣетъ въ виду нѣсколькихъ главнокомандующихъ, между которыми не только надо подѣлить округа, но которымъ надо образовать штабы (что для нихъ еще важнѣе) изъ того же личнаго состава окружныхъ управленій. По всей вѣроятности, министерство не допуститъ главнокомандующихъ вводить въ штабы, ни въ округа, новыхъ людей, не принадлежащихъ къ общему административному составу. При этомъ же условіи, имѣя дѣло съ людьми, составляющими постоянную собственность министерства, въ то время, когда начинается на нихъ общій запросъ, когда отказъ можно обусловить тѣмъ, что просимое лицо нужно въ другомъ мѣстѣ, можно ли будетъ отнять его у министерства, даже уговорить это самое лицо пойти противъ воли его постояннаго начальства? За исключеніемъ людей, отдѣляемыхъ въ штабы, округа едва-едва будутъ обезпечены какимъ нибудь личнымъ составомъ. Гдѣ же главнокомандующему, въ то время когда самый штабъ его формируется почти по произволу министерства, набирать окружное управленіе изъ людей, не говоримъ вѣрныхъ, но сколько нибудь ему извѣстныхъ, отнимая ихъ и у министерства, и у другихъ начальниковъ армій? Притомъ, личный составъ округа существуетъ постоянно. Неужели министерство допуститъ, чтобы въ эту минуту суматохи (которая и безъ того будетъ суматохою неслыханною) желаніе главнокомандующихъ, не основанное ни на какомъ положительно высказанномъ правѣ, довело разстройство до крайности, перетасовывая личный составъ всѣхъ военныхъ округовъ въ Россіи, начиная съ командующихъ войсками? Этого дѣйствительно нельзя допустить безъ разрушенія всякаго порядка. Не только сила, но и право будутъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ министерства. Но что же изъ этого слѣдуетъ? То, что по статьѣ 30 подчиненные округа будутъ вполнѣ принадлежать министерству, а не главнокомандующему, не только по смыслу положенія, но еще болѣе по настроенію ихъ личнаго состава.

Въ статьяхъ по этому предмету часто приходится выводить заключеніе не изъ напечатаннаго правила, а изъ умолчанія о правилѣ.

Такъ, постановляя въ ст. 30 сношеніе администраціи съ главнокомандующимъ, умалчивается, въ чемъ оно состоитъ и какъ поступаетъ главнокомандующій, несогласный на вы-

боръ, — что даетъ полную волю сильнѣйшему, т. е. министерству.

Такъ выведенъ безвыходный кругъ изъ этой же 30 ст. и 40, позволяющей главнокомандующему удалять начальниковъ окружныхъ отдѣловъ, но умалчивающей, кто назначаетъ имъ преемниковъ,—замѣняющей положительное указаніе ссылкой все на ту же 30 статью, не имѣющую опредѣленнаго значенія.

Такъ, наконецъ, неприкосновенность командующаго войсками для власти главнокомандующаго нигдѣ не оговорена прямо, но явно вытекаетъ изъ того, что главнокомандующій по статьѣ 40, имѣетъ право удалять только начальниковъ отдѣловъ, стало быть—не командующаго войсками, о которомъ умалчивается.

Можетъ быть редакція положенія думала, что это послѣднее право подразумѣвается статьею 36: «главнокомандующій можетъ всѣхъ лицъ ему подвѣдомственныхъ удалять отъ должностей и высылать изъ армій?» Но кромѣ слишкомъ общаго и чрезвычайнаго смысла этой статьи, армія не значитъ округъ; иначе было бы сказано не «изъ арміи», а «изъ подчиненнаго ему края».

Перейдемъ къ новой сторонѣ дѣла: на сколько Положеніе даетъ простора главнокомандующему обезпечивать матеріальное существованіе арміи.

По прежнимъ уставамъ, отъ созданія русской арміи до 1868 г., главнокомандующій былъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, неограниченныхъ хозяиномъ на театрѣ войны, имѣлъ подъ рукою всѣ нужныя къ тому средства: полевую провіантную и комисаріатскую комиссіи и хозяйственныя учрежденія: артиллерійское, инженерное и прочее. Теперь же:

По статьѣ 9, «въ дѣлахъ хозяйственныхъ полевое управленіе дѣйствуетъ чрезъ окружныя управленія театра войны или мѣстныя заграничныя, возлагая на нихъ всю исполнительную часть».

По статьѣ 10, «во всякомъ случаѣ распоряженія полеваго управленія арміи приводятся въ исполненіе подлежащими отдѣлами окружнаго управленія, подъ ближайшимъ надзоромъ командующаго войсками округа (т. е. во всякомъ случаѣ не штабомъ, а округомъ).

Другія статьи подтверждаютъ это установленіе.

Это значитъ, что распорядительная власть, общее направленіе дѣйствій, или право приказывать, остается при главнокомандующемъ; исполнительная же, право принимать по своему усмотрѣнію мѣры для исполненія требованій ускользаетъ изъ его вѣдома и переходитъ въ округа.

Объяснительная записка утверждаетъ, что такая мѣра необходима для «сохраненія свободы мысли и духа верховнаго вождя арміи».

Отъ своевременнаго и точнаго исполненія требованій зависитъ не только свобода дѣйствій арміи, но самое ея существованіе. Еще Фридрихъ Великій говорилъ: «легко было бы воевать, еслибъ у солдатъ не было брюха». На войнѣ нельзя сдѣлать шагу, не зная точно, гдѣ найдутся въ данную минуту провіантъ, фуражъ и порохъ со снарядами, не будучи въ состояніи разомъ передвинуть ихъ или восполнить случайно оказавшійся недостатокъ. Это ясно безъ объясненія. До сихъ поръ главнокомандующій обезпечивалъ существованіе арміи посредствомъ вѣдомствъ, и людей, находившихся въ прямомъ его распоряженіи, составлявшихъ продолженіе его самого. Какъ мы видѣли, округа, на которые положеніе возлагаетъ эту обязанность, нельзя назвать продолженіемъ главнокомандующаго.

Но забудемъ на минуту условное подчиненіе округовъ, представимъ, что они отданы безотчетно во власть главнокомандующаго. Возможно ли будетъ ему, даже при этомъ условіи, безъ хозяйственныхъ учрежденій въ своемъ собственномъ штабѣ, считать армію обезпеченною?

Обсуждая этотъ вопросъ, надобно не терять изъ виду, что существенное отличіе порядка, установленнаго положеніемъ, отъ прежняго, состоитъ не только въ степени подчиненія исполнительныхъ учрежденій распорядительнымъ, но въ разрывѣ пополамъ заготовительной операціи, съ присвоеніемъ каждой половины отдѣльно особому учрежденію. Прежде распорядительная власть опредѣляла не только цѣль, но и способы; теперь избраніе способовъ принадлежитъ исключительно, и безъ ея вмѣшательства, другому вѣдомству. Отношенія совершенно измѣняются.

Распоряжаясь исключительно хозяйственною частію чрезъ свой штабъ, главнокомандующій имѣлъ передъ глазами всѣ данныя каждаго вопроса и сообразовался съ ними,—онъ зналъ вѣрно, чтó и когда возможно. Цѣль предпріятія не выносилась

изъ его кабинета; въ этомъ кабинетѣ способы исполненія прилаживались къ цѣли и передавались къ исполненію кому слѣдуетъ. Полевыя хозяйственныя вѣдомства, учрежденныя исключительно для боевой арміи, проникались своимъ спеціальнымъ назначеніемъ и дѣйствовали сообразно съ нимъ, зная, какія условія стоятъ тутъ впереди. Главная квартира могла безъ неудобства отойти далеко отъ мѣстопребыванія хозяйственныхъ учрежденій (что впрочемъ случалось очень рѣдко); разстояніе выражалось часами пути, а не взаимнымъ непониманіемъ, такъ какъ этимъ вѣдомствамъ приходилось—не сообразоваться съ видами штабы, а исполнять буквально предписанія. Хозяйственное вѣдомство арміи управлялось не механически, а органически—тѣло повиновалось мысли.

Съ раздѣленіемъ дѣйствія власти на двѣ самостоятельныя половины — распорядительную и исполнительную, даже при безотчетномъ подчиненіи округовъ — дѣло должно было принять иной видъ.

Содержаніе арміи въ мирное и военное время требуетъ совсѣмъ инаго пріема. Въ первомъ случаѣ главное условіе—возможная дешевизна, потому что время терпитъ и стоящія по мѣстамъ войска почти всегда достаточно обезпечены запасами—въ этомъ смыслѣ писаны всѣ наши законы; во второмъ случаѣ, на первомъ мѣстѣ стоятъ точность и быстрота операціи, иногда во что бы ни стоило, чего законы, конечно, не могутъ разрѣшить формально, и потому тутъ нужна безотчетная власть. Мало сказать—ставьте запасы какъ можно скорѣе; часто надобно прибавить — для этого разрѣшаются такіе-то способы, хотя они обременительны для казны, даже для края. Для этого главнокомандующій долженъ имѣть исполнительную власть въ своихъ рукахъ, потому что ни округа, ни даже главный военный совѣтъ не облечены такими правами. Кромѣ того, каждое вѣдомство выдѣлывается въ духѣ системы, постоянно ихъ руководящей; оно также мало можетъ внезапно измѣнить свой характеръ, какъ и частное лицо. Полевая провіантная комиссія и окружное интендантство стали бы дѣйствовать непремѣнно въ противоположномъ духѣ и съ противоположными пріемами; послѣднее не можетъ даже дѣйствовать иначе, потому что отвѣтственно за соблюденіе формальности закона и никто, кромѣ верховной власти, облекавшей преж-

няго главнокомандующаго, не можетъ снять съ него этой отвѣтственности.

Только зная цѣль, можно принять вѣрныя средства для ея достиженія. Съ полевымъ интендантствомъ главнокомандующій самъ направлялъ мѣры сообразно съ цѣлью; окружныя управленія, не зная цѣли, будутъ направлять мѣры неточно и недостаточно. Стало быть, для избѣжанія послѣдствій, могущихъ погубить армію, главнокомандующій будетъ вынужденъ посвящать округа въ свои тайны. Не сомнѣваясь въ вѣрности и патріотизмѣ членовъ окружнаго управленія, можно также не сомнѣваться, что при системѣ обоюднаго шпіонства, употребляемой на войнѣ, это значило бы прямо выдавать тайну непріятелю.

Для ускоренія дѣлопроизводства, положеніе подчиняетъ начальниковъ отдѣловъ округа соотвѣтственнымъ начальникамъ полеваго управленія, но ни одинъ изъ первыхъ не исполнитъ предписанія безъ своего прямаго начальника — командующаго войсками. Это пустая формальность, отъ которой дѣло не пойдетъ скорѣе, — даже формальность не совсѣмъ удобная тѣмъ, что избавляетъ командующаго войсками отъ личной отвѣтственности, возлагая ее на малозначущаго чиновника. Въ дѣйствительности, начальники полевыхъ отдѣловъ, передавая исполненіе своихъ мѣръ чиновникамъ округовъ, косвенно имъ подчиненнымъ, не ими выбраннымъ, по большей части имъ неизвѣстнымъ и въ сущности не предъ ними отвѣтственнымъ, никогда не будутъ обезпечены въ точномъ исполненіи. Имъ придется докладывать главнокомандующему не о томъ, что сдѣлано, а лишь о томъ, что предписано.

Что же остается на выборъ главнокомандующему? Обходить окружное управленіе; но чѣмъ его замѣнить? Или придвинуть его къ себѣ, обращая въ свой личный штабъ? Во-первыхъ, на это нѣтъ опредѣленнаго закона, — можетъ быть министерство не признаетъ подобнаго права за главнокомандующимъ; во вторыхъ, окружное управленіе громоздко, многочисленно, устроено для осѣдлой, а не для кочевой жизни; всѣ обстоятельства могутъ измѣниться, даже иная война кончится прежде, чѣмъ оно подымется съ мѣста; въ-третьихъ, при нынѣшней системѣ оно завѣдуетъ не только снабженіемъ арміи, но и управленіемъ всего военнаго вѣдомства въ краѣ,—стало быть, нужно на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, если бы главно-

командующій былъ принужденъ на это средство, по невозможности поступить иначе, то спрашивается: хорошъ ли законъ, когда съ перваго же шага надобно его обходить? Мѣстныя управленія, дѣйствующія отдѣльно отъ штаба, самостоятельныя по своимъ учрежденіямъ, могутъ заготовить для арміи запасы предварительно, передъ войною, и гуртомъ, но онѣ не могутъ слѣдить за войною и сообразовать свои распоряженія съ ходомъ дѣйствій, даже при полной подчиненности главнокомандующему.

Но мы видѣли, какова эта полная подчиненность по положенію 1868 года. Степень дѣйствительной зависимости окружныхъ управленій отъ главнокомандующаго измѣряется отношеніями его къ центральной администраціи. Положеніе главнокомандующаго, благопріятствуемаго министерствомъ, будетъ трудное: положеніе главнокомандующаго самостоятельнаго и потому неудобнаго станетъ невозможнымъ.

Что же остается дѣлать самостоятельному главнокомандующему? Существованіе арміи, свобода всѣхъ его движеній, зависитъ отъ полуподчиненнаго округа, на который онъ не вполнѣ полагается, и въ то же время не имѣетъ возможности ни контролировать за глаза, ни принудить, ни обновить его личной составъ своими людьми? Самостоятельный главнокомандующій знаетъ напередъ, что жалоба министерству, унизительная для его достоинства, поведетъ только къ проволочкѣ безцѣннаго на войнѣ времени. Министерство всегда можетъ сохранить высокое безстрастіе по закону; округъ также не выйдетъ изъ закона, соблюдая формальности неотмѣняемыя для него военнымъ положеніемъ и весьма достаточныя, въ иныхъ обстоятельствахъ, чтобы оставить армію на походѣ безъ провіанта, оружія, пороха, снарядовъ, медикаментовъ, если главнокомандующій слишкомъ понадѣется на буквальное исполненіе своихъ предписаній. Для этого не нужно полагать, чтобъ округъ хотѣлъ умышленно затруднить армію: между русскими людьми до этого, вѣроятно, не дойдетъ; достаточно, чтобъ окружное управленіе держалось обыкновеннаго порядка дѣйствій, не жертвуя имъ исключительнымъ потребностямъ войны,—что произойдетъ непремѣнно, если оно не увѣрено, что министерство расположено оправдать всякую экстраординарную, но необходимую мѣру. При такомъ отношеніи къ округу, главнокомандующій будетъ вынужденъ прежде всего позабо-

титься о томъ, чтобъ не состоять отъ него въ зависимости. Онъ захочетъ заранѣе обезпечить себя и потребуетъ заготовленій по всѣмъ направленіямъ, не только на линіи, выбранной имъ для дѣйствій, но вездѣ, куда неожиданный случай можетъ забросить войска. Если министерство не затруднитъ такого требованія и округъ найдетъ практическую возможность его исполнить, то выйдетъ непомѣрная растрата государственныхъ средствъ, двойная, можетъ быть, противъ той, какая потребовалась бы при прежнихъ учрежденіяхъ; если же требованіе окажется неисполнимымъ и главнокомандующій будетъ вынужденъ довольствоваться своевременной поставкой, невнушающей ему полнаго довѣрія, онъ ничего не предприметъ, станетъ защищать свои магазины, какъ дѣлали бездарные генералы въ старинныхъ европейскихъ войнахъ. Это слѣдствіе новаго положенія, основаннаго на подобіи гофъкригсъ-рата; со введеніемъ къ намъ отжившихъ и чуждыхъ началъ явится вслѣдъ за ними отжившая и чуждая намъ практика.

Законъ положенія о продовольствіи арміи разъ уже испытанъ у насъ. Въ послѣднюю войну поручено было генералъ-адъютанту Анненкову содержать съ тыла крымскую армію. Обстоятельства казались самыми удобными—за арміей нечего было слѣдить, она стояла на мѣстѣ. Однако вышло, что армія осталась безъ провіанта и была выручена только учрежденіемъ при ней собственнаго хозяйства.

Положеніе, впрочемъ, открываетъ главнокомандующему исходъ изъ этого повидимому безвыходнаго круга—позволяетъ ему довольствовать армію прямо черезъ полевое интендантство; но тѣмъ не менѣе отымаетъ у него всякую фактическую къ тому возможность.

По статьѣ 9 «полевое управленіе принимаетъ непосредственное участвіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ по хозяйственной части только тогда, когда главнокомандующій признаетъ это нужнымъ».

Но какъ же главнокомандующій поступитъ въ такомъ случаѣ? Въ штабѣ его теперь нѣтъ хозяйственныхъ вѣдомствъ.

Для иполненія хозяйственной операціи, сколько нибудь обширной, нужно не только большое число комиссіонеровъ, непосредственно ее производящихъ, нужны еще инстанціи для

подробнаго распоряженія и контролированія, потому что полевые отдѣлы штаба могутъ дать общее направленіе, не больше.

Откуда же главнокомандующій возьметъ этихъ людей. Изъ округа? Уже замѣчена невозможность придвинуть къ себѣ окружное управленіе въ полномъ составѣ. Ослабить слишкомъ округъ, и безъ того ослабленный выдѣленіемъ штабовъ, также нельзя при настоящемъ устройствѣ арміи; временная операція, совершаемая непосредственно штабомъ, не избавляетъ отъ необходимости постоянныхъ операцій, производимыхъ округомъ. Находящіеся при арміи хозяйственные чиновники, какъ напр. корпусные и дивизіонные интенданты,—слишкомъ малочисленны для самостоятельнаго дѣйствія; они только представители своего вѣдомства въ войскахъ, для распоряженія запасами, доставленными округомъ. Взять для операціи офицеровъ изъ штаба и арміи? Безъ сомнѣнія, въ случаѣ крайности главнокомандующій прибѣгнетъ и къ такому средству; но что же это будетъ за мѣра, разстраивающая и безъ того ограниченный штабъ выдѣленіемъ лицъ, необходимыхъ на своемъ мѣстѣ, и ввѣряющая обезпеченіе арміи совершенно неопытнымъ людямъ? Подобная крайность, весьма однакожъ предвидимая, можетъ служить мѣрой для опредѣленія практичности положенія 1868 г. и окружной системы вмѣстѣ. Когда доходитъ до примѣненія на дѣлѣ, то нынѣшнія учрежденія военнаго вѣдомства, стоющія государству непомѣрно дорого, остаются въ сторонѣ, и главнокомандующему приходится для замѣны ихъ устраивать что нибудь на скорую руку, изъ сыраго матеріала, какъ при сборѣ средневѣковаго ополченія.

По положенію, главнокомандующій не имѣетъ возможности дѣйствовать самостоятельно въ хозяйственной части. Историческій нашъ главный штабъ, служившій ему орудіемъ для самостоятельныхъ дѣйствій, замѣненъ полевымъ управленіемъ въ размѣрѣ походной распорядительной канцеляріи по каждому отдѣлу.

Объяснительная записка высказываетъ поводы, на которыхъ основана передѣлка нашего историческаго главнаго штаба и вообще всѣхъ штабовъ; но поводы эти въ свою очередь опираются на факты, очевидно невѣрные. Записка говоритъ.

«Нынѣшнее полевое управленіе будетъ тѣмъ походнымъ штабомъ, который почти во всѣхъ послѣднихъ войнахъ сопровождалъ главнокомандующаго. между тѣмъ какъ многолюдный

главный штабъ оставался гдѣ нибудь въ тылу, исполняя распоряженія, исходившія изъ походнаго штаба».

Въ приведенныхъ строкахъ все невѣрно.

Въ большихъ войнахъ нынѣшняго столѣтія 1805, 1806, 1807, 1812, 1813, 1814, 1828, 1829, 1830, 1831 и 1854 при движеніи за Дунай, 1855 въ Крыму, главный штабъ со всѣми вѣдомостями находился безотлучно при главнокомандующемъ, который не могъ бы иначе управлять арміей, за неимѣніемъ другихъ органовъ. Какъ видно изъ «Свода мнѣній», единственные примѣры, на которые ссылается объяснительная записка, это—южная армія зимой 1853 года и кавказская армія во время англо-французской войны. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствующіе отряды, при которыхъ временно находился главнокомандующій, составляли незначительную часть силъ, разбросанныхъ по всему краю; разумѣется, главнокомандующій составлялъ свой штабъ въ центральномъ расположеніи, гдѣ онъ былъ необходимъ для всей массы войскъ, а съ собой бралъ лишь небольшой походный штабъ, достаточный для личныхъ распоряженій и временнаго управленія немногочисленнымъ отрядомъ. Силы, съ которыми главнокомандующій кавказской арміи дѣйствовалъ въ Анатоліи, не составляли и десятой части ввѣренной ему арміи, остававшейся въ тылу; конечно, онъ не могъ взять съ собою весь главный штабъ. Развѣ такой примѣръ подходитъ къ европейской войнѣ, когда всѣ силы идутъ въ походъ? Кромѣ того, оставленный позади штабъ былъ не самостоятельнымъ учрежденіемъ, хотя бы вполнѣ подчиненнымъ, а личнымъ штабомъ, которымъ главнокомандующій также удобно могъ распоряжаться вдали, какъ и вблизи. Въ такихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на отношенія главнокомандующаго къ округу. Но когда южная армія перешла Дунай главными силами, съ нею пошелъ и штабъ въ полномъ составѣ. Итакъ вотъ примѣры, на основаніи которыхъ, по увѣренію объяснительной записки, уничтоженъ нашъ историческій главный штабъ; другихъ примѣровъ не было въ виду.

Почему же объяснительная записка утверждаетъ, что «почти во всѣхъ нашихъ послѣднихъ войнахъ главнокомандующаго сопровождали одни походные штабы, тогда какъ главные штабы оставались гдѣ нибудь въ тылу?» Неужели можно

ошибаться въ обстоятельствахъ, живыхъ въ памяти каждаго офицера, служащаго съ 1853 года?

Другой поводъ къ преобразованію, выставляемый объяснительною запискою—примѣненіе главнаго штаба арміи къ дивизіонному, окружному и главному министерскому, несостоятеленъ въ такой же степени. Армія не пригоняется по дивизіи и военныя установленія по административнымъ; тѣмъ болѣе, учрежденія, оправданныя долгимъ опытомъ, не замѣняются невынужденною и ничѣмъ не оправданною новизною. Да къ чему было ломать даже дивизіонный штабъ, бывшій гораздо проще и удобнѣе нынѣшняго?

Третій поводъ, согласно той же записки,—«установленіе опредѣленныхъ отношеній между полевымъ управленіемъ арміи и военнымъ министерствомъ»—еще несостоятельнѣе. Мы видѣли, что отношенія самыя опредѣленныя, по которымъ министерству принадлежало заготовленіе матеріала для арміи, а полевому начальству командованіе ею — замѣнены лабиринтомъ правъ, открывающимъ широкое поле для недоразумѣній.

Стало быть замѣна главнаго штаба его обрѣзкомъ—полевымъ управленіемъ—должна объясняться не этими причинами. Тоже самое слѣдуетъ изъ статьи 42, ограничивающей власть главнокомандующаго по хозяйственной части, до сихъ поръ безусловной, правами военнаго совѣта въ мирное время. То же обнаруживается изъ статьи 44, заставляющей главнокомандующаго отчитываться лично министерству въ расходахъ, совершенныхъ полевымъ управленіемъ.

Наконецъ, статья 43 прямо идетъ къ дѣлу, перепечатывая слова Устава 1846 г.: «Предписанія главнокомандующаго о производствѣ какого либо расхода слагаютъ всякую отвѣтственность съ лицъ исполняющихъ», Положеніе прибавляетъ: «Но если таковыя предписанія послѣдовали по представленію начальниковъ отдѣловъ полеваго управленія, то эти лица отвѣтствуютъ какъ за вѣрность фактовъ и справокъ, такъ и за изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, на которыхъ главнокомандующій основывался въ своемъ рѣшеніи».

Эта статья отстраняетъ главнокомандующаго, чтобы имѣть дѣло прямо съ ближайшими его помощниками, съ его личными органами, составляющими продолженіе его официальнаго лица, съ начальниками отдѣловъ полеваго управленія. Они не

отвѣчають за исполненіе приказаній, до которыхъ главнокомандующій додумался самъ, но отвѣтственны передъ министерствомъ за приказанія, состоявшіяся подъ вліяніемъ ихъ совѣта или представленія. Министерство будетъ судить ихъ за факты, справки и за изложеніе обстоятельствъ, т.-е. за личное мнѣніе о положеніи дѣлъ въ данную минуту, доложенное главнокомандующему. Но на войнѣ, особенно на быстромъ походѣ, рѣдко можно знать что-либо достовѣрно, — по большей части надобно довольствоваться общими числами, понимать положеніе вещей больше, чѣмъ знать его; въ этомъ умѣньѣ соображать приблизительно и оцѣнивать впередъ—заключается главный талантъ военныхъ дѣятелей, по хозяйственной, какъ и по другимъ частямъ; хуже всего на войнѣ не додѣлать необходимаго, изъ опасенія лишняго. Это-то пониманіе и предвидѣніе, именно, воспрещаются начальникамъ полевыхъ отдѣловъ статьею 43. Когда недоумѣніе настоящей минуты обратится въ прошлое, освѣщенное совершившимися фактами, министерство станетъ судить ихъ, на основаніи тщательно собранныхъ цифръ, за то, что они совѣтовали, когда эти цифры еще не были извѣстны, когда удача хозяйственныхъ операцій, предпринятыхъ округомъ, подлежала еще тысячѣ случайностей. Очевидно, судъ будетъ совершенно произвольный, потому что между отвѣтчиками не можетъ оказаться ни одного праваго. Кого бы ни призвали къ отвѣту, его непремѣнно можно будетъ уличить въ представленіяхъ, состоявшихся по гадательнымъ даннымъ. Отвѣтственность подобнаго рода станетъ страшною уздою для лицъ, неугодныхъ центральной администраціи. Очевидно, при такомъ условіи полевое управленіе очутится безусловно въ рукахъ министерства. И безъ того оно составляется изъ лицъ, въ мирное время прямо подчиненныхъ министерству, передаваемыхъ главнокомандующему только временно; эти бывшіе и будущіе подчиненные и безъ того не будутъ особенно расположены противиться своему постоянному начальству, а тутъ еще они подвергаются отвѣтственности за каждое самостоятельное—не дѣйствіе даже, а мнѣніе, если оно не нравится высшей администраціи. Немного патріотовъ на свѣтѣ, способныхъ выдержать такое испытаніе. Можно быть увѣреннымъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ начальникъ отдѣла промолчитъ, предоставляя дѣло на волю судьбы, а не станетъ жертвовать своею службою, можетъ быть и боль-

шимъ. Но вѣдь главнокомандующій, какъ человѣкъ, не можетъ ничего одинъ; неужели же редакція положенія, зная это, хотѣла оставить армію безъ хлѣба и пороха? Конечно, нѣтъ. Но, дѣйствуя такимъ образомъ, она рикошетомъ и не-хотя, непремѣнно отымаетъ у солдатъ порохъ и хлѣбъ, у командованія—инициативу, у русской арміи—побѣду.

43 статьей можно закончить изслѣдованіе новой обстановки главнокомандующаго по положенію 1868 года. Далѣе идти некуда.

Соберемъ снова главныя черты этой обстановки.

Мы видѣли, чѣмъ оказывается по новому положенію главнокомандующій, только-что назначенный, еще не принимавшій арміи. Онъ не представитель верховной власти на театрѣ войны; онъ—должностное лицо, какъ всѣ прочія, лицо, обставленное тысячью формальностей.

Кто не узнаетъ въ этомъ очеркѣ знакомый типъ австрійскаго военачальника временъ господства гофъ-кригсъ-рата?

Но таковъ главнокомандующій только-что назначенный. Съ прибытіемъ на поле войны, положеніе 1868 года придаетъ ему новыя черты, устраняющія какое бы то ни было сравненіе, за неимѣніемъ ничего подобнаго въ военной исторіи. Эти добавленія къ образу стариннаго австрійскаго военачальника суть слѣдующія: 1) мѣстныя военныя учрежденія на театрѣ войны подчиняются главнокомандующему только наружно, оставаясь, какъ всегда, въ прямомъ завѣдываніи министерства; 2) единство власти и дѣйствія главнокомандующаго разрывается; за нимъ остается только право призывать, не заботясь, какими способами эти приказанія могутъ быть исполнены, что составляетъ на войнѣ существенную и самую трудную часть задачи; 3) забота объ исполненіи приказаній главнокомандующаго возлагается на мѣстныя учрежденія, которыми въ дѣйствительности онъ не распоряжается; 4) вслѣдствіе того у арміи отняты средства содержать себя собственнымъ о себѣ попеченіемъ,—она уже не самостоятельное цѣлое, само о себѣ пекущееся; 5) въ тѣхъ же видахъ, главный штабъ арміи замѣненъ одной распорядительной экспедиціей; 6) даже личный органъ главнокомандующаго—полевое управленіе—поставлено на дѣлѣ въ тѣсную зависимость отъ министерства; 7) лица полеваго управленія отвѣтственны не только за дѣй-

ствія, но и за мнѣнія: они вынуждены таить отъ главнокомандующаго свои мысли.

Этотъ перечень новыхъ узъ, стѣсняющихъ главнокомандующаго, рѣзко отличаетъ обстановку стараго австрійскаго военачальника отъ обстановки новаго русскаго. При господствѣ австрійскаго гофъ кригсъ-рата достаточно было одного слова верховной власти, чтобы возвратить главнокомандующему самостоятельность немедленно. При господствѣ положенія 1868 г. одного этого слова недостаточно; нуженъ новый законъ для опредѣленія иныхъ отношеній между множествомъ лицъ, нужно возстановленіе матеріальныхъ учрежденій, нынѣ несуществующихъ, что требуетъ времени, а на войнѣ можетъ отозваться другимъ словомъ—слишкомъ поздно. Тѣмъ не менѣе, объяснительная записка утверждаетъ, что «Положеніе 1868 г. оставляетъ главнокомандующему всю ту власть, которая принадлежала ему по Уставу 1846 г. Кромѣ того, ему подчиняются округа и проч.».

Нѣкоторые думаютъ, что стойкій главнокомандующій, даже вопреки положенія 1868 г., можетъ взять на себя полномочіе.

Если-бъ это было такъ, то положеніе разрѣшалось бы только вредомъ гражданскимъ, пріучая къ умышленному, но вынужденному необходимостью попранію законовъ.

Но это вовсе не такъ.

Побѣдоносный главнокомандующій, пользующійся довѣріемъ своего государя, дѣйствительно можетъ взять на себя много; нельзя даже опредѣлить мѣры всему, что онъ можетъ взять на себя. Но дѣло идетъ не о прославленномъ побѣдителѣ, а объ одномъ изъ генераловъ, принимающихъ часть арміи на основаніи положенія 1868 г., поставленномъ въ такія узкія рамки, что ему мудрено думать о побѣдѣ.

Положеніе хочетъ нѣсколько главнокомандующихъ, подъ высшимъ направленіемъ и весьма дѣйствительнымъ контролемъ министерства; на какомъ же основаніи одинъ изъ нихъ сброситъ опеку, принимаемую безотговорочно прочими? На основаніяхъ, установленныхъ положеніемъ 1868 г., можетъ командовать только близкій къ министру человѣкъ; такому и собственный штабъ его, не боясь отвѣтственности, и министерскіе округа—будутъ содѣйствовать искренно; по крайней мѣрѣ съ тыла, со стороны своихъ, онъ будетъ обезпеченъ. Но мы видѣли уже обстановку самостоятельнаго и потому неблагопріят-

ствуемаго главнокомандующаго. Онъ лишенъ фактической власти надъ округами, отъ которыхъ зависитъ существованіе арміи, не можетъ оставить главную квартиру, чтобы наблюдать надъ ними вблизи,—ему остается только жаловаться; самый штабъ его, временный, случайный, несвязный съ нимъ никакими прочными узами, будетъ постоянно оглядываться на министерство; мысль о матеріальномъ содержаніи арміи, по неувѣренности въ томъ, станетъ для него выше всякихъ военныхъ соображеній. Какимъ же образомъ главнокомандующій станетъ дѣйствовать самостоятельно съ перваго дня своего назначенія? А вопросъ въ томъ именно и заключается, чтобы быть самостоятельнымъ съ перваго дня. Громкая побѣда можетъ все, конечно; но какъ побѣждать при такихъ условіяхъ?

Къ «Объяснительной запискѣ», вышедшей одновременно съ «Положеніемъ» 1868 года, приложенъ былъ «Сводъ мнѣній» лицъ, предварительно запрошенныхъ о предполагавшихся преобразованіяхъ. Списокъ этихъ лицъ составленъ весьма странно; въ немъ нѣтъ именъ многихъ извѣстныхъ генераловъ, многихъ начальниковъ дивизій, стяжавшихъ боевую извѣстность, хотя есть незнакомыя имена 18 мелкихъ офицеровъ генеральнаго штаба; въ то же время запросные пункты не высказывали достаточно ясно всѣхъ видовъ, осуществленныхъ потомъ въ «Положеніи». Не смотря на то, «Сводъ мнѣній», съ какой стороны ни взять его—считать-ли отрицательные и утвердительные отвѣты, или взвѣшивать ихъ по силѣ доводовъ—составляетъ протестъ противъ предполагавшихся измѣненій. Напримѣръ на основной вопросъ, изъ котораго истекаетъ все послѣдующее—подлежатъ-ли измѣненію права главнокомандующаго, установленныя прежними законами?—22 лица, первыя въ арміи по сану и извѣстности, отвѣчаютъ короткимъ словомъ «Нѣтъ». Однако же «Объяснительная записка» утверждаетъ, что нововведенія «Положенія» основаны на большинствѣ и уважительности высказанныхъ мнѣній.

Такое утвержденіе, очевидно неточное, какъ можетъ убѣдиться всякій, имѣющій въ рукахъ «Сводъ мнѣній», было вдобавокъ совсѣмъ не нужно. Измѣненіе въ учрежденіяхъ полеваго командованія достаточно объяснялось неотразимымъ доводомъ: невозможностію связать наши прежнія установленія, каково бы ни было ихъ достоинство, со вновь введенною окружною системою. Французская окружная система (сочиненная

маршаломъ Сенъ-Сиромъ, именно съ цѣлію разрушить связность арміи) неотразимо требуетъ французскаго боеваго положенія. Наше учрежденіе о большой дѣйствующей арміи 1812 г., и Уставъ 1846 г.—совершенно несовмѣстимы съ нею. Даже теперь, послѣ всемірнаго опыта войны 1870 года, сопоставившей лицомъ къ лицу оба наши боевыя положенія (старое) которымъ руководствовались пруссаки, и новое, перенятое нами отъ французовъ) и разоблачившей коренную несостоятельность французскаго положенія,—даже послѣ этой войны, все-таки невозможно желать возстановленія нашихъ побѣдоносныхъ полевыхъ учрежденій рядомъ съ окружною системою 1862 года, Ихъ нельзя свести вмѣстѣ. «Плодъ осуждаетъ древо». Несостоятельныхъ боевыхъ положеній системы 1862 года показываетъ, очевидно, несостоятельность ея мирныхъ учрежденій, опровергаетъ всю систему. Но тѣмъ не менѣе, когда разъ французскіе окружные порядки были перенесены къ намъ, то изъ нихъ прямо истекало боевое положеніе 17 апрѣля 1868 года. «Объяснительная записка» могла бы довольствоваться этимъ несокрушимымъ доводомъ, не прибѣгая къ вышесказаннымъ средствамъ.

Новый разборъ.

Положенія о полевомъ командованіи арміями 1873.

I.

Мы начнемъ тѣми же словами, которыми закончили первый нашъ разборъ. «Когда разъ французскіе окружные порядки были перенесены къ намъ, изъ нихъ прямо истекло боевое «Положеніе» 17 апрѣля 1868 года».

Сущность нашихъ новыхъ учрежденій мирнаго времени выражена съ наибольшею точностію въ «Полевой памятной книжкѣ для офицеровъ» 1872 г.

«Высочайшая воля по предметамъ, относящимся до военносухопутныхъ силъ, приводится въ исполненіе военнымъ министерствомъ, которому подчинены войска, военныя управленія и военныя заведенія на всемъ пространствѣ имперіи. Для ближайшаго мѣстнаго завѣдыванія войсками и низшими военными управленіями, имперія раздѣлена на 14 округовъ, изъ которыхъ каждый управляется особымъ начальникомъ, носящимъ званіе главнокомандующаго или командующаго войсками округа».

Если по русски можно сказать что нибудь ясно, то приведенная выписка не допускаетъ толкованій. По системѣ 1862 года, главнокомандующіе, какъ низшія инстанціи, подчинены военному министерству. При прежней системѣ, такая замѣтка о подчиненіи главнокомандующихъ министерству была не мыслима, потому что самаго факта не существовало. Положеніе дѣлъ, значитъ, круто измѣнилось. Теперь министерство считаетъ себя уже не-посредствующимъ органомъ, не военнымъ

секретаріатомъ, какъ было прежде; а установленнымъ высшимъ начальствомъ для всѣхъ армій и главнокомандующихъ. Сторонники существующей системы отрекались и теперь еще отрекаются въ печатныхъ преніяхъ отъ этого факта, давно извѣстнаго арміи на практикѣ и заявленнаго нынѣ самимъ министерствомъ.

Но если главнокомандующіе, какъ низшія инстанціи, подчинены министру въ мирное время; если послѣднее «Положеніе» писано (какъ сказано въ объяснительной запискѣ) для примѣненія его къ окружной системѣ, и если окружная система установлена не до первой войнѣ только (что было бы несообразнымъ) — то гловнокомандующіе должны оставаться въ подчиненности министру и въ военное время; иначе вся система разрушится именно въ ту минуту, когда она должна дѣйствовать. Развѣ мыслимо въ нравственномъ порядкѣ вторичное изъятіе арміи изъ подъ руки самостоятельнаго, извѣстнаго всему народу главнокомандующаго, для новаго подчиненія ея канцеляріи. Редакція окружной системы имѣла въ виду учрежденіе постоянное и должна была удержать за нимъ его существенный смыслъ въ военное, какъ и въ мирное время, а потому не могла допустить въ принципѣ самостоятельныхъ главнокомандующихъ. Положеніе о полевомъ командованіи арміями, увѣнчавшее окружную систему, составлено въ томъ же духѣ, очевидномъ изъ каждой его статьи. Иначе не могло быть, если не хотѣли, чтобъ заключеніе разрушило всю систему. Другое дѣло—на сколько подчиненіе главнокомандующихъ министру, называвшееся на офиціальномъ вѣнскомъ языкѣ гофъ-кригсъ-ратомъ, влечетъ за собой катастрофу. Защитники новыхъ нашихъ учрежденій знаютъ по теоріи, что гофъ-кригсъ-ратъ не ведетъ къ хорошему, а потому всѣми силами отрекаются отъ неблагозвучнаго нѣмецкаго слова; но именно потому, что эти дурныя послѣдствія извѣстны имъ только по теоріи, они никогда не могли понять «Учрежденія» 1812 года и «Устава» 1846 г., и разрушали ихъ большею частію безсознательно. Надо начать поэтому съ уясненія истиннаго смысла нашихъ историческихъ боевыхъ «положеній».

Война никогда не была шуткой. Но въ послѣдніе годы, когда народы стали подъ ружье почти поголовно, она опять приняла свой древній складъ—боя на смерть и горя побѣжденнымъ. Пораженіе грозитъ теперь народамъ, на худшій

конецъ—участію Польши, на лучшій—участію Франціи; ни то, ни другое никому не желательно. Соразмѣрно съ тѣмъ полководецъ сталъ именно человѣкомъ судьбы, которому народъ прямо вручаетъ свою участь. Полководецъ не можетъ ничего безъ стройной силы; но вопросъ, между прочимъ, идетъ и о томъ, кто въ состояніи подготовить такую силу.

Всякій знаетъ, что въ настоящее время намъ нечего и думать о какой-либо частной войнѣ, хотя-бы о войнѣ съ Турціей въ обходъ Австріи, предпринимаемой съ одною изъ армій, какъ бывало прежде. Когда намъ придется вести войну, то война эта порѣшится столкновеніемъ сосредоточенныхъ силъ на западной границѣ съ противниками европейскими. Всякій это понимаетъ. При такой войнѣ можетъ оказаться надобность во второстепенныхъ арміяхъ на Прутѣ и на Балтійскомъ поморьѣ; но то будетъ въ полномъ смыслѣ слова арміи частныя, хотя бы начальствующій ими генералъ былъ облеченъ всевластіемъ главнокомандующаго, какъ допускалось «Уставомъ» 1846 г. Участь Россіи въ будущемъ станетъ рѣшаться на одномъ театрѣ войны, а не на многихъ (за исключеніемъ Кавказа, гдѣ также нуженъ вполнѣ самостоятельный главнокомандующій). Такимъ образомъ, рѣчь можетъ идти только о двухъ главнокомандующихъ большою дѣйствующею арміею: одного передъ Европою и другаго—передъ Азіею. Если бы случайныя обстоятельства, покуда вовсе невѣроятныя, измѣнили направленіе войны, какъ случилось въ 1854 году, то суть дѣла осталась бы той же самою; рѣшеніе европейской войны зависѣло бы все-таки отъ одного главнокомандующаго и одной арміи.

Это новое отношеніе Россіи къ Европѣ, созданное раздѣломъ Польши, устранившимъ вѣроятность и даже возможность нѣсколькихъ частныхъ войнъ разомъ, какъ было при Екатеринѣ (Турція, Швеція, Польша), выяснилось уже достаточно въ 1812 году. Теперь силы, выставляемыя, на Балтійскомъ прибрежьѣ, еслибъ имъ даже пришлось дѣйствовать, вовсе не будутъ имѣть значеніи прежней особой арміи противъ Швеціи, потому что участь большой европейской войны, даже той, которую онѣ ведутъ, порѣшится не ими. Вслѣдствіе того, боевые люди боевой эпохи, писавшіе и провѣрявшіе «Учрежденіе» 1812 г., говорятъ прежде всего о «большой дѣйствующей арміи», а не объ арміяхъ вообще, облекаютъ безу-

словною властію главнокомандующаго, а не главнокомандующихъ во множественномъ числѣ. Они знали твердо, что судьба Россіи на войнѣ будетъ зависѣть впредь только отъ одной арміи и отъ одного полководца, хотя частныхъ армій можетъ быть при этомъ нѣсколько. Редакція «Положенія» 1868 года не поняла этого основнаго взгляда, заговорила о многихъ главнокомандующихъ, точно о какомъ-то сословіи, и съ перваго слова спутала все дѣло.

Первая наша война приметъ необходимо—или характеръ вторженія пруссаковъ во Францію, или же характеръ отечественной войны 1812 года, смотря по успѣху перваго столкновенія. Въ обоихъ случаяхъ, не только возможность успѣха, но просто возможность веденія дѣла немыслима безъ объединенія власти въ однѣхъ рукахъ на всемъ театрѣ войны, не имѣющемъ даже опредѣленныхъ очертаній. Можно ли представить себѣ 1812 годъ безъ Кутузова (въ смыслѣ всеобъединяющаго полководца), или 1870 годъ безъ короля Вильгельма и Мольтке (тъ томъ же общемъ смыслѣ), съ нѣсколькими арміями, блуждающими какъ кометы, по произволу своихъ отдѣльныхъ начальниковъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ? Лицо, въ руки котораго отдается эта объединяющая власть, будетъ несомнѣнно довѣреннѣйшимъ въ то время человѣкомъ Государя и Россіи. На волю его будетъ предоставлено уступить Москву непріятелю, или положить подъ нею армію лоскомъ, — брать штурмомъ укрѣпленную непріятельскую столицу, жертвуя для того сотнею тысячъ людей, или тянуть войну нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, не щадя ни своихъ ни чужихъ областей. Отъ него будетъ требоваться—въ чемъ и состоитъ главный залогъ успѣха—чтобы на всемъ протяженіи театра войны, во всемъ сборищѣ столькихъ тысячъ людей, царствовала только одна его личная воля; чтобъ онъ одинъ былъ душой, все же прочее—матеріальнымъ его орудіемъ; чтобъ всѣ безъ исключенія нетолько слѣпо ему повиновались, но слѣпо вѣрили въ него. Идеалъ такого полновластія достигается конечно только геніемъ, но въ нѣкоторой степени, совершенно необходимой для веденія войны, онъ осуществляется обстановкою, придаваемою главнокомандующему, если главнокомандующій не совершенно неспособенъ, чего никогда не должно быть. Суворовъ создавалъ себѣ такое положеніе даже подъ властью Потемкина; но положеніе это необходимо было создать искусственно, закономъ,

для князя Паскевича, чтобы этотъ замѣчательный, но не первостепенный полководецъ, могъ оказаться тѣмъ, чѣмъ онъ оказался въ четырехъ кампаніяхъ. Даже второстепенный военачальникъ можетъ совершить замѣчательныя дѣла, когда свобода дѣйствій придаетъ ему вѣру въ себя, когда онъ можетъ твердо полагаться на своихъ подчиненныхъ, знающихъ только его одного. Но второстепенный военачальникъ не можетъ самъ создать себѣ такой свободы дѣйствій; она должна быть дана ему. Сущность же этой обороны выражается вполнѣ только однимъ словомъ—облеченіемъ императорскою властію Никакой человѣческій разумъ не можетъ взять на себя разграниченія между дозволеннымъ и не дозволеннымъ главнокомандующему на войнѣ. Всякая попытка къ опредѣленію правъ военачальника можетъ повести только къ одному изъ двухъ—или къ сознательному попранію законовъ при личности очень сильной, или же къ разрушенію единства арміи при личности менѣе сильной. Вотъ второе основаніе «Учрежденія» и «Устава», опять непонятное редакціей «Положенія».

Третье. Кто долженъ стоять во главѣ большой дѣйствующей арміи, отъ которой прямо зависитъ судьба отечества? Очевидно, Государь, т. е. верховная неограниченная власть; она одна можетъ взять на себя такую ношу. Но если Государь не сознаетъ себя полководцемъ, то остается одно изъ двухъ: или онъ поставитъ вмѣсто себя во главѣ арміи другое лицо, облекая его царскою властью (такъ сдѣлалъ въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ, хотя онъ самъ былъ не плохимъ полководцемъ, какъ доказали послѣдствія, только скромнымъ; такъ дѣлали наши государи и впослѣдствіи), или же онъ возьметъ себѣ это же самое лицо начальникомъ главнаго штаба (такъ сдѣлалъ нынѣшній императоръ германскій). Если Государь почему нибудь не можетъ прибыть къ арміи, то остается только первое. Но во всякомъ случаѣ въ большой дѣйствующей арміи должна присутствовать царская власть, посредственно или непосредственно, потому что всякая другая недостаточна. Не только всѣ наши большія войны, но всѣ европейскія войны нынѣшняго столѣтія, увѣнчавшіяся, успѣхомъ, поставили эту истину внѣ всякаго сомнѣнія. Вотъ почему «Учрежденіе» и «Уставъ» ставятъ главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею: въ отсутствіи Государя, начальникомъ главнаго Его штаба, а въ присутствіи—представи-

телемъ лица Императора, облеченнымъ властiею Его Величества и правомъ давать Высочайшiя именныя повелѣнiя. Редакцiя не поняла и этого основанiя.

Четвертое. Большая дѣйствующая армiя не есть просто армiя, она — сосредоточенiе главныхъ силъ на томъ театрѣ войны, гдѣ рѣшается участь государства. Если бы война на западной границѣ усложнилась для насъ еще войною морскою (какъ, вѣроятно, и случится) или войною турецкою, или шведскою, то, очевидно, исходъ дѣла зависѣлъ бы отъ того, что произойдетъ на западѣ, а силы, собранныя на югѣ и сѣверѣ, имѣли бы лишь второстепенное значенiе. Но сущность дѣла еще не въ степени значенiя, а въ размѣрѣ свободы дѣйствiй, предоставляемой по необходимости главной армiи и армiямъ побочнымъ. Дѣйствiя первой, рѣшающей войну, обусловлены только обстоятельствами, которыми нужно пользоваться немедленно. Понятно, что наступленiе на непрiятельскую столицу или отступленiе къ Москвѣ — дѣло не вкуса, а возможности. Главнокомандующiй большою армiею наступаетъ, отступаетъ или стоитъ на мѣстѣ сообразно съ ходомъ войны и ни съ чѣмъ больше. Даже извѣстная ему воля Государя можетъ быть часто обходима для лучшаго примѣненiя къ обстоятельствамъ. Потому главнокомандующiй большою армiею считался у насъ вполнѣ самостоятельнымъ на войнѣ. Тѣ же права были весьма основательно распространены на отдаленную кавказскую армiю, на главнокомандующаго въ Азiи. Частныя же армiи — вспомогательныя, не рѣшающiя дѣла собственнымъ почином — руководствуются совсѣмъ другими условiями. Всѣ движенiя ихъ приходится почти всегда соображать съ мѣрою успѣха большой дѣйствующей армiи. Напримѣръ, во время западной войны можетъ ли армiя, выставленная на Прутъ, пользоваться полною свободою дѣйствiй, сообразоваться исключительно съ условiями своего мѣстнаго театра войны и предпринять походъ за Дунай при первомъ удобномъ случаѣ, становясь тыломъ къ другой непрiязненной державѣ, еще болѣе сильной, успѣхъ которой преимущественно рѣшаетъ всю обстановку войны? А можетъ быть, вслѣдствiе событiй на главномъ театрѣ, придется половину этой дунайской армiи придвинуть къ Галицiи или выдвинуть за Карпаты, ограничиваясь чисто оборонительнымъ положенiемъ въ Бессарабiи? Или же окажется лучшимъ, при другомъ оборотѣ дѣлъ, сосредоточить ее пас-

сивно въ княжествахъ, угрожая разомъ обоимъ противникамъ? Очевидно, нельзя предоставить начальнику такой арміи самому обсуждать общее положеніе дѣлъ, имъ надо руководить, въ чемъ и состоитъ коренное отличіе большой дѣйствующей арміи отъ армій частныхъ. Еще въ тѣснѣйшей зависимости отъ главной силы находятся частныя арміи, когда онѣ составляютъ прямое ея подраздѣленіе. Можно ли было въ 1871 году предоставить Мантейфелю заботиться исключительно о своемъ сѣверо-восточномъ театрѣ войны, когда обстоятельства заставляли, напротивъ, жертвовать сѣверомъ и устремить всѣ свободныя силы на помощь Вердеру, отстаивавшему сообщенія пруссаковъ съ ихъ базисомъ? Мантейфелю дана была частная задача; король прусскій или главный начальникъ, который стоялъ бы во главѣ германскихъ силъ за отсутствіемъ короля, имѣлъ въ виду общую задачу, самую цѣль войны. Различіе очевидно. Вотъ на какихъ истинно военныхъ основаніяхъ «Учрежденіе» и «Уставъ» отличали главнокомандующаго большой дѣйствующей арміей отъ командующихъ арміями частными. Они облекали царскою властью только перваго, оставляя вторыхъ въ положеніи до извѣстной степени подчиненномъ. Редакція «Положенія» очевидно не поняла и этого четвертаго основанія, въ такой же мѣрѣ, какъ и первыхъ трехъ.

Въ 1868 г., послѣ австро-прусской войны, значеніе нашей западной границы и большой дѣйствующей арміи съ единымъ главнокомандующимъ стало еще яснѣе, чѣмъ было прежде; потребность объединенія возросла, а не уменьшилась. Въ это именно время «Положеніе» скосило разомъ всѣ четыре основанія, на которыхъ стояло командованіе русскою арміею.

«Положеніе» оставило командующихъ частными арміями на ихъ прежней высотѣ, хотя обрѣзало ихъ до крайности какъ хозяевъ особой, выдѣленной силы; но оно вырвало съ корнемъ главнокомандующаго большой арміи, составлявшаго ключъ свода нашихъ боевыхъ учрежденій, переносившаго всю военную власть на самый театръ войны и сосредоточившаго ее въ рукахъ исключительно боевыхъ, а не административныхъ. Чтобы закрѣпить этотъ новый порядокъ, «Положеніе» 1868 года произвело въ «Уставѣ» 1846 года слѣдующія коренныя измѣненія:

1) Вычеркнуло изъ закона все, относящееся къ личному командованію Государя арміей, и перенесло это верховное

командованіе изъ учрежденій объ арміи въ учежденія о министерствѣ. Очевидно, что въ «Уставѣ» 1846 года личное предводительствованіе Государя главными боевыми силами полагалось не только какъ всегда возможный фактъ, требующій поэтому особыхъ установленій, но какъ великій практическій принципъ, по которому главнокомандующій становился непремѣнно или начальникомъ главнаго штаба Его Величества, или представителемъ Высочайшей власти на театрѣ войны, т.-е. лишалъ министерство всякой возможности начальствовать войсками,—возможности, бывшей всегда и вездѣ источникомъ постыдныхъ пораженій. Общее выраженіе о верховномъ начальствованіи Государя надъ всѣми военно-сухопутными силами не только не замѣняетъ этого практическаго принципа, но совсѣмъ не нужно, потому что каждый русскій знаетъ изъ закона, а еще прежде отъ своей матери, что русскій Царь самодержавенъ во всѣхъ отношеніяхъ и что повиновеніе ему обязательно не только за страхъ, но и за совѣсть.

2) Искоренивъ главнокомандующаго, «Положеніе» приняло мѣры, чтобы это всеобъединяющее военное лицо не могло возродиться, и для того вычеркнуло изъ закона, во-первыхъ, всѣ особыя присвоенныя ему права и, во-вторыхъ, коренное наше учрежденіе о частныхъ арміяхъ. «Положеніе» возвело всѣхъ командующихъ частными арміями въ санъ главнокомандующихъ. Кто же изъ нихъ можетъ стать главнымъ, когда они всѣ равны?

3) Для вящаго достиженія цѣли написаны двѣ статьи: 1-я, войска, предназначенныя къ дѣйствію на театрѣ войны, образуютъ одну или нѣсколько армій; 11-я статья: о случаѣ подчиненія одного военнаго округа двумъ главнокомандующимъ. Нечего говорить, что такія статьи были бы немыслимы для редакцій «Учрежденія» или «Устава». Какимъ образомъ вводить на театръ войны нѣсколько армій, не частныхъ, но самостоятельныхъ, съ отдѣльными, не связанными между собою главнокомандующими? Защитники «Положенія» не говорятъ, чтобъ эти двѣ статьи были вставлены въ рукопись «Положенія» кѣмъ либо украдкою, пользуясь отсутствіемъ дежурнаго, пока она еще лежала въ канцеляріи. Стало быть, онѣ писаны преднамѣренно, а если преднамѣренно, то какое же толкованіе можетъ затемнить прямой ихъ смыслъ и прямую цѣль?

4) Положеніе поставило этихъ новыхъ главнокомандующихъ

мелкими арміями въ такой кругъ, что матеріальное существованіе, ввѣряемыхъ имъ силъ зависитъ прямо отъ министерства; а какъ безъ матеріальнаго обезпеченія нельзя ступить шагу ни въ какую сторону, то стало быть и въ военномъ отношеніи они не могутъ ничего предпринять въ разрѣзъ съ волей министерства.

Итакъ, единство и самостоятельность русской арміи на войнѣ разрушены «Положеніемъ» не на словахъ, а на дѣлѣ,— разрушены очевидно. Конечно, даже редакція «Положенія», даже защитники его, сколько бы они ни были чужды военному дѣлу, понимаютъ что разрозненность отдѣльныхъ армій невозможна. Читая «Положеніе» и послѣдніе доводы въ его пользу, нельзя усомниться, что составители и сторонники его желаютъ сохранить единство власти на войнѣ, только считаютъ сбыточнымъ исхитить ее изъ рукъ главнокомандующаго для перенесенія въ другія руки. Какія именно руки, и чѣмъ должно разрѣшиться подобное перемѣщеніе,—мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

Не желая мѣшать дѣла съ пустой полемикой, мы будемъ говорить въ выноскахъ о возраженіяхъ, недавно выставленныхъ противъ насъ почтенными защитниками окружной системы; но на этотъ разъ мы сдѣлаемъ исключеніе и помѣстимъ ихъ въ текстѣ, по важности коренныхъ основъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Эти замѣчательныя возраженія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) «Въ просвѣщенномъ обществѣ права каждаго лица должны быть опредѣлены и ограничены» («Голосъ», № 27). Война есть не просвѣщенное состояніе обществъ, а состояніе варварское; управленіе ею требуетъ насильственныхъ средствъ, именно для того, чтобъ она не обрушилась всею тяжестію на головы просвѣщеннаго общества; въ этомъ могутъ сомнѣваться только воины, взросшіе на канцелярской почвѣ. (Тѣмъ не менѣе должно сказать, что военная система 1862 года построена на этомъ невозможномъ сочетаніи—на примѣненіи военныхъ началъ къ такъ называемому духу просвѣщеннаго вѣка, о чемъ нигдѣ еще, даже въ Америкѣ, не мечтаютъ).

2) «Личная связь Государя съ арміей не разрывается «Положеніемъ», потому что Самъ Монархъ назначаетъ главнокомандующаго» («Голосъ», № 25). Каждый вице-губернаторъ назначается Высочайшимъ приказомъ, но между Высочайшею

властію и губернскими правленіями не предполагается никакой личной связи.

3) «Положеніе подчиняетъ главнокомандующему даже лицъ Императорской фамиліи» («Голосъ», № 27). Какъ извѣстно, лицо Императорской фамиліи подчиняется, смотря потому чѣмъ командуетъ, полковому, бригадному, дивизіонному командиру и т. д. Тутъ только военная дисциплина, а не исключительное право.

4) «Никакой подданный не можетъ облечься въ царскія права даже на минуту и даже на одинъ только предметъ» («Голосъ», № 27). Это возраженіе очень любопытно. Либеральничавшіе мирные воины, недавніе соредакторы открытыхъ нигилистовъ, сообща съ которыми они собирались засадить всѣхъ насъ въ дворцы изъ алюминія, находятъ теперь, что наши Императоры Александръ I и Николай I не держали своей власти достаточно высоко, не съумѣли оттграничить себя отъ подданныхъ какъ-бы слѣдовало, и пожелали исправить ихъ слабость. Вѣдь это называется по-русски—сѣчь себя своими же руками.

5) «Главнокомандующему оставлено право давать Высочайшія повелѣнія» («Голосъ» и пр.). Но изъ этого права вычеркнуто слово именныя, въ которомъ была вся сила. Именное повелѣніе (подписанное) должно исполняться безоттоворочно; простое Высочайшее повелѣніе (объявляемое чрезъ одного изъ докладчиковъ) можетъ быть въ особыхъ обстоятельствахъ пріостановлено исполнителемъ, съ донесеніемъ о томъ. Такая пріостановка даетъ возможность исполнителю повелѣній главнокомандующаго запросить министерство, какъ оно объ этомъ думаетъ, и разрушаетъ всю пышность слова.

6) «Какъ можетъ главнокомандующій представлять лицо Императора, когда право его въ производствѣ ограничено чиномъ капитана» («Голосъ», № 27). Сочинитель этого возраженія даже сердится, что мы не видимъ сами такого логическаго вывода! Но вѣдь и малое дитя понимаетъ, что одно — власть, необходимая для веденія войны, другое — внѣшнія почести, наравнѣ съ числомъ часовыхъ и проч. Мы готовы сами подкрѣпить логическій выводъ оппонента: не только короны и порфиры, даже уборныхъ унтеръ-офицеровъ, если не ошибаемся, главнокомандующему не полагалось. Они ставятся только къ лицамъ Высочайшей фамиліи.

7) «Разборъ «Положенія» писанъ до 1870 года, иначе сочинитель зналъ бы, сколько было разныхъ армій во франко-прусской войнѣ и сколько разъ онѣ формировались вновь» («Голосъ», № 27). Мы предлагаемъ лицу, выставившему это знаменитое возраженіе, взять въ судьи институтку; она пойметъ въ минуту, что арміи, о которыхъ онъ говоритъ, были именно арміи частныя, опредѣленныя «Уставомъ» и разрушенныя «Положеніемъ», объединенныя общимъ командованіемъ въ рукахъ одного лица; онъ приводитъ этотъ примѣръ прямо противъ себя. А вѣдь подобныя статьи читались предварительно не въ одной редакціи!

8) Другой оппонентъ («Петерб. Вѣд.», № 38) увѣряетъ, напротивъ, что при надобности ничто не мѣшаетъ выставить нѣсколько частныхъ армій подъ властью одного главнокомандующаго. Онъ думаетъ, что такая мѣра не будетъ даже противорѣчить духу «Положенія». Можетъ быть, въ «Положеніи», какъ въ Коранѣ, есть семь смысловъ, постепенно открывающихся посвящаемымъ; но нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра прямо противорѣчитъ буквѣ его, вычеркнувшей установленіе о частныхъ арміяхъ, стало быть и объединеніе ихъ въ лицѣ одного главнаго начальника.

9) «Распоряженіе нѣсколькими отдѣльными массами, за 300 и 400 верстъ одна отъ другой, будетъ тѣмъ же гофъ-кригсъ-ратомъ, перенесеннымъ на театръ войны» («Голосъ», № 27). Надо замѣтить—авторъ статьи утверждалъ выше, что «Положеніе» имѣло въ виду отдѣльныхъ главнокомандующихъ только для западной границы, Прута и балтійскаго берега; черезъ нѣсколько строкъ онъ уже забылъ свои слова: до такой степени они не вязались съ дѣйствительной цѣлью статьи. Ну, а въ какомъ же разстояніи находились одна отъ другой арміи Кутузова и Тормасова, армія Фридриха-Карла подъ Мансомъ и корпусъ Вердера? Или авторъ полагаетъ, что въ обоихъ случаяхъ можно было бы обойтись безъ объединеія на театрѣ войны? Гофъ-кригсъ-ратъ осуществляется только въ военномъ министерствѣ, когда оно берется за дѣло не по своимъ силамъ и способностямъ; на театрѣ войны нѣтъ гофъ-кригсъ-рата, тамъ есть только полководецъ — Государь или лицо, облеченное Его властью.

10) Насъ упрекаютъ, наконецъ (во всѣхъ статьяхъ), въ произвольномъ предположеніи соперничества между министер-

ствомъ и арміей, которыя должны, напротивъ, жить душа въ душу. Имѣемъ честь отвѣчать. Такимъ соперничествомъ, тысячи разъ приводившимъ къ величайшимъ бѣдствіямъ, наполнены всѣ страницы исторіи. Въ виду «Положенія» 1868 года нельзя объ этомъ не призадуматься. Законы для того и пишутся, чтобъ обуздывать эгоистическія стремленія людей; они были не нужны въ золотомъ вѣкѣ, когда каждый думалъ только о самопожертвованіи. Но золотой вѣкъ, вмѣстѣ съ невмѣняемостью преступленія и платою не по труду, а по потребности, принадлежитъ къ области алюминіевыхъ дворцовъ. Извѣстно, что мы этимъ дворцамъ не вѣримъ.

Мы собрали возраженія только по предмету единовластія и полномочія главнокомандующаго. Читатели видятъ: не было ли во сто разъ лучше ограничиться короткой замѣткой въ «Инвалидѣ» объ измѣнѣ «Русскаго Міра», чѣмъ выступать передъ читающій свѣтъ съ рядомъ такихъ возраженій.

II.

Мы видѣли, что объединеніе командованія русскими арміями на войнѣ упразднено «Положеніемъ 1868 года; объединяющаго лица не существуетъ на театрѣ войны; противъ возникновенія такого лица приняты мѣры,—конечно, на бумагѣ, иначе нельзя было дѣлать. Тѣмъ не менѣе, даже новѣйшіе защитники «Положенія» сознаются, что разрозненности въ дѣйствіяхъ нельзя допустить; только они не договариваютъ своей мысли. Они желали бы, чтобы эта мысль имѣла полное дѣйствіе на практикѣ, не называя ее вслухъ, что съ ихъ стороны не удивительно; но удивительно то, какъ они не понимаютъ невозможности выбиться изъ слѣдующаго безвыходнаго круга:

Разрозненность на войнѣ невозможна.

Объединеніе можетъ состояться только въ рукахъ главнокомандующаго по «Уставу» 1846 года, или же въ рукахъ военнаго министерства.

Такой главнокомандующій уничтоженъ «Положеніемъ» 1868 года.

Ergo...

На это ergo они отвѣчаютъ хоромъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»

Затѣмъ опять прибѣгаютъ къ тонкимъ внушеніямъ, что и безъ единаго начальника можно было бы обойтись, но ни за что въ свѣтѣ не рѣшаются высказаться прямо.

Мы не имѣли никакого повода къ умолчанію факта и потому сказали вслухъ: «Положеніе» 1868 года повысило военнаго министра всею суммою умаленія прямыхъ начальниковъ арміи. Кромѣ его никого нѣтъ».

Какъ могло быть иначе, когда даже въ руководствѣ для прапорщиковъ, «Полевой памятной книжкѣ», сказано во всеуслышаніе, что военному министерству подчинены всѣ войска въ имперіи, а главнокомандующіе въ отношеніи къ нему составляютъ низшую инстанцію. Защитники «Положенія» говорятъ сами, что правильнаго устройства боевой арміи, «можно достигнуть только тогда, когда организація мирнаго времени останется нетронутою» («Голосъ», № 25). Мы охотно подтверждаемъ ихъ слова. Но въ такомъ случаѣ, для каждаго, даже невидавшаго въ глаза «Положенія» 1868 года, становится яснымъ, что постановленіе мирнаго времени, по которому главнокомандующіе подчинены министру, остающееся неприкосновеннымъ въ военное время, дастъ въ выводѣ подчиненныхъ главнокомандующихъ. Развѣ можно надѣяться, посредствомъ какого бы ни было набора словъ, отвести читателю глаза въ такомъ очевидномъ дѣлѣ?

Но защитники «Положенія» все еще надѣются. Въ № 39 «Голоса» они опять говорятъ, по поводу германскаго устройства, о нѣсколькихъ арміяхъ, съ нѣсколькими главными квартирами на театрѣ войны, изъ которыхъ одна, впрочемъ, называется большою и при ней находится генералъ-инспекторъ этаповъ и проч. Но кто же не знаетъ, что эта одна изъ главныхъ квартиръ есть квартира главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею, при которой находятся центральныя хозяйственныя и другія главныя управленія всей арміи, изъ которой командуютъ всевластно прочими арміями, въ полномъ смыслѣ слова частными. Пруссаки ведутъ большую войну буквально на основаніи «Учрежденія» 1812 года. Примѣръ послѣдней франко-прусской войны, подающей поводъ къ такимъ недомолвкамъ, тѣмъ особенно важенъ для насъ, что въ немъ соединяются условія, при которыхъ и намъ придется вести большую войну на западной границѣ. Недоговоренныя основанія будущаго устройства армій по «Положенію»

1868 года опасны именно тамъ, гдѣ рѣшается судьба государства, гдѣ ошибка неисправима, — на западной границѣ. На Дунаѣ, напримѣръ, или на Кавказѣ, даже «Положеніе» едва ли имѣетъ въ виду двѣ независимыя арміи; оно довольствуется стѣсненіемъ власти главныхъ начальниковъ въ пользу центральныхъ учрежденій. На европейской же границѣ съ «Положеніемъ» 1868 года бѣда неминуема. На этой границѣ именно необходимъ главнокомандующій по «Уставу» 1846 года; но для нея то и написаны—образованіе на театрѣ войны одной или нѣсколькихъ армій, подчиненіе одного округа двумъ главнокомандующимъ, взаимное содѣйствіе ихъ и всякіе сосѣдніе театры. Гофъ-крихсъ-ратъ, сосредоточенный «Положеніемъ 1868 года въ министерствѣ, будетъ руководить косвенно второстепенными арміями, выставленными на югѣ и сѣверѣ; но онъ необходимо станетъ прямымъ, хотя заглазнымъ начальствомъ для нѣсколькихъ армій, дѣйствующихъ на западной границѣ, по несуществованію никакого другаго объединяющаго органа.

Стало быть вопросъ о послѣдствіяхъ «Положенія» 1868 года сводится на сравненіе силъ и способностей въ военномъ дѣлѣ— съ одной стороны главнокомандующаго большою арміею, т.-е. перваго боеваго человѣка Россіи, съ другой—военнаго министра, кто бы онъ ни былъ. Это сравненіе простирается не только на командованіе арміею, но вобще на распоряженіе войною. Вопросъ идетъ о томъ, кто будетъ главнымъ совѣтникомъ Верховной власти въ дѣлѣ войны—человѣкъ признанный способнымъ стать во главѣ арміи, или же лицо, считаемое способнымъ занимать должность военнаго министра?

Можетъ случиться, что въ мирное время во главѣ военнаго вѣдомства будетъ поставленъ извѣстный боевой человѣкъ, для приготовленія силъ государства къ предстоящей войнѣ. Такимъ образомъ устройство арміи было временно поручаемо— въ Австріи эрцъ-герцогу Карлу, у насъ—Барклаю-де-Толли, съ тѣмъ, чтобы до перваго еще выстрѣла снова воротиться къ арміи. Можетъ статься также, что извѣстный военный человѣкъ будетъ назначенъ съ тою же цѣлію постояннымъ начальникомъ главнаго штаба Его Величества, какъ гр. Дибичъ-Забалканскій и гр. Мольтке. Понятно также возведеніе второстепеннаго боеваго человѣка въ званіе военнаго министра, напр. гр. Коновницына. Но никогда не можетъ случиться,

чтобы воинъ, признанный способнымъ командовать арміею, не только большою дѣйствующею, но даже одною изъ частныхъ, былъ оставленъ министромъ въ военное время—для веденія рекрутскихъ списковъ и заготовленія сапоговъ на войско, для занятій чисто хозяйственныхъ и канцелярскихъ. А дѣло идетъ именно о лицѣ, остающемся во главѣ военнаго министерства въ разгаръ битвъ, потому что на это лицо была бы перенесена, прямо или косвенно, вся власть, изъятая изъ рукъ прямыхъ начальниковъ арміи. Для полководца нуженъ быстрый и вмѣстѣ основательный умъ, боевая опытность и великій характеръ—качества рѣдкія; для военнаго министра, поставленнаго въ подобающее ему положеніе, нужны скромныя способности совсѣмъ другаго разряда, присущія очень многимъ людямъ. Какже жертвовать рѣдкимъ обыденному? *). Извѣстные полководцы считаются исторіей великими людьми, имена ихъ вытверживаются дѣтьми на школьной скамьѣ; но кто помнитъ имена военныхъ министровъ, за исключеніемъ Лувуа, кромѣ одного министерскаго архиваріуса? Многіе ли читатели знаютъ, кто былъ русскимъ военнымъ министромъ въ вѣчно памятную эпоху 1812—14 годовъ? Кому вѣрнѣе оцѣнить условія войны, съ кѣмъ главѣ государства надежнѣе совѣтоваться, не только о военныхъ операціяхъ, но объ устройствѣ арміи, о подраздѣленіи ея, о предварительномъ распредѣленіи войскъ въ началѣ войны—съ Мольтке и принцомъ Карломъ, или съ хозяйственнымъ Рооновъ, (хотя онъ человѣкъ не въ примѣръ другимъ способный), съ Кутузовымъ и Барклаемъ, или съ княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Горчаковымъ? (также не дурнымъ министромъ). Статочно ли было допустить въ 1812 и 1813 гг. кн. А. И. Горчакова разставлять арміи, хотя бы предварительно, т. е. предрѣшать образъ веденія войны? Еслибъ онъ былъ способенъ къ такому дѣлу, развѣ его оставили бы въ Петербургѣ, въ то время, когда дѣло шло о спасеніи Россіи?

---

*) Между военнымъ и другими министрами существуетъ та явная разница, что каждый изъ прочихъ министровъ есть дѣйствительно глава своего вѣдомства, между тѣмъ какъ въ вѣдомствѣ военномъ, правильно устроенномъ, министръ ограниченъ одностороннимъ кругомъ дѣйствія, цѣнится послѣ всѣхъ главнокомандующихъ и въ сущности имѣетъ значеніе четвертаго или пятаго лица въ военной части.

Военному министру предоставляется вездѣ важная, но не видная роль: въ военное время—удовлетворять требованіямъ главнокомандующаго всѣми средствами, находящимися внѣ театра войны; въ мирное—держать въ порядкѣ матеріалы, изъ которыхъ слагается армія. Ни направлять военныя дѣйствія, ни распредѣлять арміи въ началѣ войны, что значило бы то же самое, руководствуясь своимъ мнѣніемъ, ни даже устраивать военную систему—министръ не можетъ съ успѣхомъ, если онъ не полководецъ, назначенный временно для такой цѣли; о полководцѣ же во главѣ министерства въ военное время не можетъ быть рѣчи. Министръ самое большое можетъ имѣть свой голосъ въ этихъ предметахъ, но голосъ далеко не первенствующій.

По духу «Учрежденія» 1812 г. и «Устава» 1846 г., главнокомандующій большою дѣйствующею арміею считался главнымъ помощникомъ Государя въ дѣлѣ веденія войны; потому онъ былъ облеченъ правомъ давать именныя Высочайшія повелѣнія; потому никакое обязательное соглашеніе его съ военнымъ министромъ, похожее на ст. 24 «Положенія», не могло быть допущено. Военный министръ былъ въ боевомъ отношеніи только передаточнымъ органомъ, архивомъ, исполнителемъ, хозяйственнымъ заготовителемъ, а не самостоятельнымъ лицомъ, точно также какъ нынѣшній прусскій военный министръ, отъ котораго, сколько извѣстно, не зависѣло ни въ какой степени распредѣленіе армій, который долженъ былъ заботиться только о передвиженіи и снабженіи указанныхъ ему частей, хотя королевскія повелѣнія проходили общимъ порядкомъ черезъ министерство *). «Положеніе» передвинуло центръ тяжести военной власти. Вмѣсто перваго военнаго человѣка

---

*) Наши оппоненты возражаютъ слѣдующимъ образомъ: «Вотъ одинъ главнокомандующій посылаетъ приказъ преображенскому полку сѣсть на варшавскую желѣзную дорогу и высадиться въ Вильнѣ; другой предписываетъ тому же полку сѣсть на пароходы и ѣхать въ Ленкорань; тотъ же полкъ можетъ получить отъ третьяго приказаніе выступить въ Выборгъ, отъ четвертаго—спѣшить въ Кишеневъ». Въ этомъ дѣтскомъ подборѣ словъ есть однакожъ интересная сторона; въ немъ ясно мелькаетъ мысль, на которую мы указывали въ предъидущей статьѣ, о сословіи главнокомандующихъ. Всякій понимаетъ, что главнокомандующій не обойдется безъ министерства, но дѣло въ томъ, чтобъ министерство было въ этомъ случаѣ посредствующимъ органомъ, а не личною властью.

Россіи оно поставило въ теоріи главнымъ совѣтникомъ и исполнителемъ Высочайшей воли въ дѣлѣ войны лицо второстепенное или третьестепенное, скорѣе же всего—лицо вовсе не военное. Послѣднее весьма вѣроятно, потому что изъ десяти лицъ, управлявшихъ военнымъ министерствомъ съ 1811 по 1873 годъ (мы исключаемъ изъ списка Барклая де-Толли, котораго никогда не думали отрывать отъ арміи), только одинъ Коновницынъ былъ вполнѣ боевымъ, хотя второстепеннымъ генераломъ; четверо; кн. Горчаковъ, Меллеръ-Закомельскій, кн. Чернышевъ и Сухозанетъ—до нѣкоторой степени бывалыми военными людьми; остальные—люди, чуждые военному дѣлу. Всеобщій опытъ у насъ и за границей доказалъ, что выборъ не военныхъ людей въ военные министры вовсе не оказывался ошибкой, пока кругъ ихъ дѣйствій соотвѣтствовалъ роду ихъ способностей. Въ Англіи и Америкѣ военные министры подъ рядъ статскіе. Но тамъ они не направляютъ главнокомандующихъ, не распредѣляютъ армій, не перестраиваютъ военную систему.

Не только военное министерство не можетъ заниматься боевою частію и всѣмъ прикосновеннымъ къ ней,—оно не должно ею заниматься, иначе оно упуститъ изъ виду свое собственное дѣло и въ обѣихъ отношеніяхъ ничего не выйдетъ: въ первомъ—по неумѣнію, во второмъ—по отвлеченію. Военное министерство, устроенное правильно, не по услужливымъ идеямъ маршала Сенъ-Сира, едва ли должно даже считаться собственно военнымъ учрежденіемъ; оно—органъ, связывающій военное вѣдомство съ общимъ государственнымъ управленіемъ по части бюджета, ректутскихъ наборовъ и общихъ хозяйственныхъ учрежденій. Оно должно приводить въ исполненіе мѣры, истекающія изъ современныхъ военныхъ потребностей, но не можетъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ своими собственными взглядами. На то есть въ государствѣ люди несравненно болѣе опытные. Вся обстановка военнаго министерства, какъ и прочихъ министерствъ, необходимо и существенно гражданская. Развѣ было бы съ чѣмъ нибудь сообразно обставлять военнаго министра, наполнять его управленія и канцеляріи—опытными боевыми и строевыми людьми, вездѣ немногочисленными, отымая ихъ у арміи, которая станетъ безъ нихъ мертвымъ тѣломъ? Это невозможно, а потому военныя канцеляріи наполняются чиновниками, во фракѣ или въ эполетахъ, совер-

шенно пригодными для письменныхъ и хозяйственныхъ занятій, но крайне неопытными въ военномъ дѣлѣ, существенно-практическомъ. Какъ же спрашивать у этихъ людей, проводящихъ жизнь за канцелярскимъ столомъ, ихъ мнѣнія о военныхъ и боевыхъ предметахъ? Они знаютъ лишь то, что имъ удалось вычитать, помнятъ урокъ, но собственнаго мнѣнія въ подобномъ дѣлѣ имѣть не могутъ. Еслибъ военнымъ министромъ былъ назначенъ дѣйствительно боевой человѣкъ, онъ все-таки оказался бы мало состоятельнымъ для правильнаго рѣшенія чисто-военныхъ вопросовъ при такой обстановкѣ; доля его личнаго пониманія утонула бы въ тысячѣ долей непониманія его сотрудниковъ. Недавній примѣръ Франціи доказалъ, къ чему приводитъ сосредоточеніе власти въ военномъ министерствѣ, хотя въ головѣ его стояли тамъ исключительно боевые люди, не первокласные, но достаточно опытные.

Въ главнокомандующіе избираются всегда первые военные люди государства, по крайней мѣрѣ люди, пользующіеся славою первыхъ людей. Министръ никогда не выбирается по соображенію его чисто военныхъ способностей; иначе онъ оказался бы нужнѣе на другомъ мѣстѣ. Вся жизнь главнокомандующаго и другихъ высшихъ начальниковъ арміи протекаетъ (или должна протекать) въ военной обстановкѣ, жизнь министра—въ кабинетѣ. Первые всегда окружены боевыми, по меньшей мѣрѣ опытными строевыми людьми, второй—чиновниками, хотя бы при саблѣ или въ аксельбантахъ. Обстановка же значитъ чрезвычайно много, даже для генія. Полевые начальники арміи естественно ставятъ военное дѣло на первое мѣсто и судятъ о немъ всегда съ боевой точки зрѣнія. Въ министерствѣ чисто-военное дѣло не только отодвигается на второй планъ и жертвуется отчасти разнымъ соображеніямъ общимъ, но даже судить о немъ съ практически-боевой стороны тамъ некому. Извѣстно, что занятіе военными предметами, безъ боевой, или хоть долгой строевой опытности, относится къ военному дѣлу какъ знаніе наизусть правилъ верховой ѣзды къ умѣнію ѣздить верхомъ. Люди военныхъ канцелярій еще въ меньшей степени военные, чѣмъ люди канцелярій финансовыхъ — финансисты. Оттого не было примѣра, чтобы военное министерство, выходящее изъ своего естественнаго назначенія—высшаго хозяйствен-

наго и передаточнаго вѣдомства — умѣю справиться даже съ устройствомъ и воспитаніемъ арміи въ мирное время.

Мы дозволили себѣ высказать этотъ взглядъ потому, что онъ взглядъ всеобщій, разговоръ, который всякій европейскій офицеръ (особенно нынѣ) считалъ бы излишнимъ и рѣшеннымъ. Но если такъ, то нужно ли спрашивать о послѣдствіяхъ «Положенія» 1868 года, примѣняющаго военныя учрежденія къ произвольнымъ мирнымъ и переносящаго центръ тяжести военной власти, въ боевое время, изъ рукъ полевого командованія въ руки канцеляріи?

Можно показать наглядно, что выходитъ изъ обсужденія практическихъ военныхъ вопросовъ въ полу-военныхъ кружкахъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ говорить о документахъ неопубликованныхъ, хотя въ нихъ заключается сокъ дѣла. Остановимся только на печатныхъ. «Инвалидъ» не разъ уже писалъ стратегическіе разборы русскихъ окраинъ — разборы, рѣшавшіе впослѣдствіи направленіе, или даже осуществленіе очень дорогихъ и безплодныхъ въ торговомъ отношеніи, желѣзныхъ дорогъ. Одинъ изъ такихъ разборовъ — черноморской окраины и лозово-чонгарской желѣзной дороги разобранъ въ свою очередь въ брошюрѣ «Театръ черноморской войны 1870 году». Читатели могутъ видѣть изъ нея, въ чемъ состоятъ стратегическіе взгляды, слагающіеся въ извѣстной обстановкѣ. Голое памятованіе послѣдняго событія, безъ малѣйшаго обсужденія исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ оно совершилось, безъ оглядки на возможность или вѣроятность его возврата, безъ оцѣнки его отношеній къ современной дѣятельности, и какъ послѣдствіе, мѣры, принимаемыя исключительно противъ прошлаго, съ полнымъ непониманіемъ потребностей текущаго времени—вотъ вся ихъ суть. Брошюра назвала эти стратегическіе взгляды «военнымъ спиритизмомъ», хлопочущимъ не о живыхъ врагахъ, а о тѣняхъ враговъ усопшихъ, которые никогда уже не возьмутъ оружія въ руки. Ясно, какимъ образомъ возникаютъ такіе взгляды. Люди, слагающіе свои военныя понятія съ чужихъ словъ, могутъ только помнить, а не судить самостоятельно. Боевой человѣкъ, даже наименѣе одаренный, никогда не сдѣлаетъ ошибки такого рода. Онъ можетъ грубо промахнуться въ пониманіи условій настоящей минуты; но онъ слишкомъ пріученъ цѣлою жизнію вгля-

дываться въ то именно, что у него передъ глазами, чтобы ставить призраки на мѣсто дѣйствительности.

По «Положенію» не только центральное и въ сущности бюрократическое вѣдомство будетъ руководить заглазно несамостоятельными боевыми начальниками,—оно будетъ руководить ими на основаніи штатской стратегіи излагаемой «Инвалидомъ».

Крымская война и окружная система.

1873 годъ.

I.

Мы разсмотрѣли главныя основанія военной системы 1862 года и видѣли дѣйствіе ея въ приложеніи къ мирному и военному времени. Въ этомъ разборѣ мы не касались только одной стороны дѣла, самой важной—вліянія новой системы на нравственное состояніе и боевой духъ арміи; не коснемся ея и теперь, потому что намъ пришлось бы сказать или слишкомъ мало, или слишкомъ много. Остальное уяснено достаточно. Не подлежитъ сомнѣнію, что система 1862 года основана на началахъ, изъ которыхъ одни заимствованы изъ иностранныхъ учрежденій, осужденныхъ самымъ положительнымъ и недавнимъ опытомъ; другія принадлежатъ отвлеченной, чисто личной теоріи, нигдѣ еще не испытанной. Ключъ къ этой теоріи состоитъ въ афоризмѣ: «учрежденія должны быть таковы, чтобы личныя качества людей не имѣли большаго значенія», вслѣдствіе чего система повсюду замѣняла личное дѣйствіе и личную отвѣтственность механическими и дорого стоющими учрежденіями. Поводъ, на которомъ теорія основалась — недостатки бывшаго нашего устройства, выказанные будто бы Крымскою войною; объявленная цѣль ея — улучшеніе хозяйственной части. Достоинство системы 1862 года опредѣляется стало быть относительнымъ значеніемъ ея теоретическаго основанія, предлога и цѣли, также какъ достигнутыми ею результатами. Чтобы вѣрно судить о ней, надобно разсмотрѣть ее съ этихъ точекъ зрѣнія. Всякое преобразованіе есть покупка

своего рода, выгодность которой зависитъ отъ того, чѣмъ жертвуешь и что получаешь въ замѣнъ.

Каковы бы ни были административныя и всякія другія достоинства системы военнаго управленія, дѣло идетъ прежде всего о боевой силѣ. Но хорошее состояніе войска зависитъ, конечно, отъ правильнаго разрѣшенія многихъ вопросовъ военно-административныхъ. Система 1862 года сосредоточила на этихъ вопросахъ главное вниманіе и подчинила имъ цѣли чисто боевыя, за что, впрочемъ, ее нельзя упрекать a priori. Бываютъ, хотя рѣдко, положенія, когда разстройство военно-хозяйственной части заставляетъ выдвинуть заботы о ней на первое мѣсто. Дѣло въ томъ, были ли мы въ такомъ положеніи и достигло ли послѣднее преобразованіе цѣлей, которыми задавалось? Если Крымская война дала намъ дѣйствительно тяжелый урокъ (въ чемъ, кажется, трудно сомнѣваться), то воспользовались ли мы этимъ урокомъ? Если крѣпостное право стѣсняло наши военныя учрежденія (что также очевидно), то пошло ли намъ въ прокъ освобожденіе народа въ этомъ отношеніи? Управленіе, проводившее послѣднее военное преобразованіе, пользовалось всѣми плодами великихъ преобразованій гражданскихъ, развязавшихъ ему руки; положеніе его, сравнительно съ предшествовавшими управленіями, было исключительно удобное.

Мы сказали, что система 1862 года подчинила цѣли собственно боевыя цѣлямъ административнымъ, но что по голому факту нельзя еще судить о правильности или неправильности такого оборота дѣла въ данную минуту. Самый же фактъ подобнаго подчиненія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Сличая прежніе наши порядки съ нынѣшними въ чисто военномъ отношеніи, нельзя не признать съ перваго взгляда превосходства первыхъ. Окружная система идетъ очевидно въ разрѣзъ съ потребностями военнаго времени. Подраздѣленіе арміи на девять частей по округамъ Европейской Россіи совершенно не сходно съ распредѣленіемъ боевыхъ командованій какой бы то ни было войны, и потому вовсе не напоминаетъ прусской поземельной системы; число войскъ, состоящихъ въ каждомъ округѣ, слишкомъ велико для корпуса и слишкомъ мало для арміи,—если только не осуществится мысль о раздробленіи русской силы на мелкія части, руководимыя министерствомъ. При такомъ мирномъ положеніи придется, приступая къ войнѣ, ломать все

существующее и создавать совершенно новое, т.-е. терять безцѣнное время и сознательно допустить между мирнымъ и военнымъ положеніями еще третье, промежуточное положеніе—хаотическое. Недавно свѣтъ видѣлъ, какимъ образомъ французская армія, вынужденная пройти черезъ такое именно хаотическо-переходное состояніе, не могла уже изъ него выйти, была сокрушена прежде, чѣмъ вышла. Если этого не случилось съ нею раньше, то потому только, что до тѣхъ поръ она вела войны за морями или за горами, откуда сама оставалась неуязвимой для непріятеля и имѣла время сосредоточить силы. Составляя тормазъ для формированія дѣйствующихъ армій, дѣленіе на округа нисколько не можетъ также совпадать съ командованіемъ арміями частными или резервными, еслибъ въ нихъ оказалось надобность, потому что каждая изъ такихъ армій (напримѣръ балтійская или черноморская) не можетъ содержаться средствами одного округа, оголеннаго уже выдѣленіемъ многихъ силъ и запасовъ къ границѣ, въ первый періодъ войны. Но кромѣ наружной несоотвѣственности между дѣленіемъ на округа и потребностями войны, между ними оказывается еще величайшая несоотвѣтственность нравственная. Окружная система ограничиваетъ полевыя командованія званіемъ начальника дивизіи и отрываетъ отъ арміи высшихъ боевыхъ вождей — командующихъ арміями, начальниковъ главныхъ штабовъ, начальниковъ спеціальныхъ оружій арміи и корпусныхъ командировъ; она не только отчуждаетъ ихъ отъ войскъ, но разучаетъ военному дѣлу, за которымъ нельзя услѣдить по книжкамъ, особенно въ наше время, при быстромъ видоизмѣненіи самаго способа веденія войны. Достаточно перечислить количество высшихъ командованій, требуемыхъ военнымъ временемъ, и назвать имена людей, извѣстныхъ Россіи по своимъ боевымъ качествамъ,—будетъ видно, что большая часть изъ нихъ устранена отъ арміи окружною системою. По духу этой системы, командующіе войсками въ округахъ назначаются не преимущественно по боевымъ достоинствамъ; одни изъ нихъ генералъ-губернаторы, всѣ—начальники хозяйственныхъ управленій, для чего и выбираются; представленіе объ ихъ назначеніи идетъ не отъ главнокомандующаго, привычнаго къ оцѣнкѣ боевыхъ способностей, а отъ управленія бюрократическаго; наконецъ, ихъ всего девять въ Европейской Россіи, а высшихъ военныхъ

командованій, перваго и втораго разряда, несуществующихъ въ окружной системѣ, нужно въ военное время болѣе тридцати, не говоря даже о начальникахъ артиллерійскихъ дивизій и проч. *). Такимъ образомъ, больше двухъ третей лицъ, необходимыхъ для высшихъ командованій, по мѣрѣ того какъ они перерostаютъ въ службѣ званіе начальника дивизіи или члена окружнаго совѣта, исчезаютъ въ нестроевомъ составѣ военнаго вѣдомства, забываются войсками и забываютъ свое дѣло. Если нѣкоторые изъ начальниковъ округовъ получатъ боевыя командованія, не смотря на мѣстный характеръ своей должности, то, по несоотвѣтственности военнаго дѣленія войскъ съ мирнымъ, даже они выступятъ не со своими войсками или, по крайней мѣрѣ, не со всѣми своими войсками, а съ частями, мѣшанными изъ разныхъ округовъ; даже между ними (не говоря о другихъ) и ввѣренными имъ людьми не окажется связи привычки и взаимнаго пониманія, составляющей первый залогъ успѣшнаго командованія въ бою. Затѣмъ, съ переходомъ изъ окружной системы на военное положеніе всѣ штабы армій и корпусовъ, составленные изъ случайно сведенныхъ людей, незнакомыхъ ни между собою, ни съ начальникомъ, ни съ войсками, представятъ картину вавилонскаго смѣшенія языковъ; а хорошій и обошедшійся штабъ есть необходимое орудіе успѣшнаго командованія. Потомъ, окружная система, замѣнившая вездѣ личное дѣйствіе и личную отвѣтственность колегіальными учрежденіями, даже до полка, расходующая военный бюджетъ на созданіе многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій съ $11^{1}/_{2}$ тысячъ чиновниковъ, безъ которыхъ другія государства обходятся—не только развиваетъ бюрократію на счетъ существенныхъ военныхъ потребностей, но даетъ чрезъ то явный перевѣсъ въ военномъ вѣдомствѣ небоевому элементу надъ боевымъ. Въ настоящее время чуть не каждый русскій офицеръ, кромѣ нѣсколькихъ полковъ гвардіи, думаетъ лишь о переходѣ въ нестроевую часть, потому что тамъ только и

*) При образованіи трехъ армій — одной большой и двухъ частныхъ (балтій и южной), понадобится: 3 командующихъ арміями, 3 главныхъ начальника штаба, 3 начальн. артиллеріи, 3 начальн. инженеровъ, 3 ген.-интендантовъ, да на всю Россію, при 63-хъ пѣхотныхъ дивизіяхъ, не менѣе 20-ти командировъ пѣхотныхъ корпусовъ и 3-хъ или 4-хъ корпусовъ кавалерійскихъ; всего значительно больше 30-ти высшихъ начальствованій, по крайней мѣрѣ равныхъ своему званію командующихъ войсками въ округѣ.

житье — чего прежде никогда не бывало. Даже въ полкахъ бюрократическое устройство, введенное системою 1862 г., выдвинуло на первый планъ офицеровъ писакъ и счетчиковъ, дало имъ явное преимущество надъ офицерами боевыми. Явно, какое вліяніе должно оказать на духъ арміи систематическое предпочтеніе нестроевыхъ людей строевымъ, проведенное сверху до низу, истекающее изъ самой сущности новыхъ учрежденій. Наконецъ, окружная система создала въ тылу арміи, можно сказать, второй комплектъ высшихъ чиновъ и должностей, такъ какъ окружныя управленія существуютъ постоянно въ военное и въ мирное время (даже въ такихъ округахъ, откуда будутъ выведены всѣ войска до послѣдней роты), отвлекая отъ арміи множество людей въ самое время боя и значительно возвышая расходы государства безъ соотвѣтствующаго приращенія силы. До окружной системы, для тыловой дѣятельности оказывались достаточными оберъ провіантмейстеры (по одному на губернію), нѣсколько комисаріатскихъ комиссій (число которыхъ можно было значительно сократить), инженерныя и артиллерійскія гарнизонныя управленія въ пограничной полосѣ и извѣстное число офицеровъ для формированія резерва (которые будутъ одинаково нужны и теперь, независимо отъ окружныхъ управленій, такъ какъ резервы формируются для выступленія, а не для стоянія на мѣстѣ). Въ нынѣшнее время, кромѣ прежнихъ учрежденій, кромѣ начальниковъ мѣстныхъ войскъ и завѣдывающихъ полковыми участками, понадобились бы еще инспекторы желѣзныхъ дорогъ съ особыми командами,— вотъ и все. Окружная система замѣнила мѣстныя учрежденія, выросшія по указанію опыта, тамъ, гдѣ они сто разъ оказывались нужными, сѣтью симетрическихъ учрежденій, разбросанныхъ по сему пространству Россіи, даже тамъ, гдѣ они вовсе не нужны. Каждый понимаетъ, что непомѣрное разростаніе тыловыхъ и бюрократическихъ учрежденій военнаго вѣдомства, какова бы ни была ожидаемая отъ нихъ польза въ другихъ отношеніяхъ, было осуществимо только на счетъ количества или качества полевой силы; что въ чисто-военномъ отношеніи такое разростаніе положительно вредно. Очевидно также, что предпочтеніе и распространеніе не боеваго элемента, достигающее нынѣ своего апогея, произошло отъ перенесенія центра тяжести военной власти и совѣта изъ рукъ полеваго командованія въ руки бюрократіи. Окружная система, упразд-

няя по принципу боевыя командованія, разомъ удалила отъ арміи большую часть боевыхъ генераловъ; затѣмъ вычеркнула главнокомандующаго по «Уставу» 1846 года (придавъ этотъ титулъ, безъ соотвѣтствующихъ правъ, нѣкоторымъ изъ окружныхъ начальниковъ) и увѣнчалась военнымъ «Положеніемъ», продолжающимъ ее и въ военное время, наперекоръ общепризнаннымъ потребностямъ боеваго командованія.

Каково бы ни было сужденіе о пользѣ или необходимости военныхъ преобразованій, извѣстныхъ подъ названіемъ системы 1862 года, въ другихъ косвенныхъ отношеніяхъ, никто, уважающій свое слово, не можетъ сказать, чтобы они были улучшеніемъ въ чисто военномъ отношеніи; чтобы для цѣлей, исключительно боевыхъ, было выгоднѣе устраивать за-ново полевую армію съ объявленіемъ войны, чѣмъ прямо выдвигать ее впередъ; чтобъ было вѣрнѣе поручать командованіе войсками въ полѣ начальнику имъ неизвѣстному и отвыкшему отъ дѣла, чѣмъ начальнику привычному; чтобъ наскоро собранный штабъ былъ надежнѣе постояннаго; чтобъ воспитаніе войскъ ихъ прямыми боевыми начальниками не обѣщало болѣе успѣха, чѣмъ начальниками хозяйственными, отвлеченными занятіями и отвѣтственностію совсѣмъ инаго рода; чтобъ возвышеніе боеваго элемента не придавало арміи болѣе духа, чѣмъ предпочтеніе элемента военно-чиновничьяго; чтобы излишнее развитіе тыловыхъ, мѣстныхъ учрежденій не обрѣзывало средствъ на военныя потребности; чтобъ примѣненіе «Положенія» о полевомъ командованіи арміи къ мирнымъ учрежденіямъ не было противорѣчіемъ правилу, требующему обратнаго примѣненія; чтобы, наконецъ, министерство могло управлять арміею въ военное и мирное время лучше опытныхъ боевыхъ людей. Такъ какъ подобныхъ вещей нельзя утверждать, то невозможно также отрицать и того, что въ чисто военномъ отношеніи преобразованіе 1862 года далеко не было улучшеніемъ. Стало быть оно вынуждалось другими, косвенными потребностями, столь важными, что итогъ ихъ преодолѣлъ соображенія собственно боевыя. Конечно, прежде чѣмъ думать о побѣдѣ, надо подумать о существованіи армін. Такъ, въ концѣ-концовъ, говорятъ теперь защитники окружной системы, ссылаясь на примѣръ крымской войны и на послѣдовавшее преобразованіе хозяйственной части, по ихъ словамъ совершенно удовлетворительное. Тутъ послѣдняя крѣпость, въ которой они засѣли. Намъ

остается, стало быть, идти по ихъ слѣдамъ и разсмотрѣть, въ чѣмъ состоитъ примѣръ крымской войны и послѣднее хозяйственное преобразованіе.

II.

Сторонники новыхъ военныхъ учрежденій указываютъ на пороки нашего историческаго устройства обнаруженные будто бы крымскою войною, какъ на главный поводъ къ учрежденію окружной системы. Они высказываютъ по поводу этой войны невѣроятныя сужденія, изобличающія съ перваго слова людей, не оставившихъ себѣ никакого опредѣленнаго понятія о войнѣ вообще. Они считаютъ исключительною особенностію послѣдней войны (единственной, сколько нибудь имъ извѣстной по слухамъ съ ея оборотной стороны) всѣ промахи и ужасы, сопутствующіе всякой войнѣ. Кто, кромѣ такихъ военно-письменныхъ людей, рѣшится употребить выраженія: «основныя положенія, взгроможденныя на гнилой пьедесталъ офиціальной исторіи» (№ 25 «Голоса»), обращаясь вдобавокъ къ тысячамъ людей, которымъ событіе извѣстно не по исторіи, а по личному въ немъ участію? Очевидно, что въ своемъ кружкѣ они ставятъ на одну доску исторію и свидѣтельство участниковъ событія съ когда-то напечатанной статьей «Изнанка крымской войны». И на такихъ-то сужденіяхъ основался въ этихъ кружкахъ приговоръ двумъ вѣкамъ русской славы.

Мы не можемъ писать исторію восточной войны, да и не къ чему. Объ ней уже столько было писано, что не понимать этого событія можетъ только не желающій понять, или человѣкъ, не умѣющій составить себѣ опредѣленнаго понятія о войнѣ вообще. Она не могла увѣнчаться успѣхомъ, вслѣдствіе своей политической обстановки; къ ней не готовились—она вспыхнула нежданно и оставалась до конца безцѣльной. Мы не могли внести оружія въ непріятельскіе предѣлы, вслѣдствіе вооруженнаго нейтралитета Австріи и должны были отбиваться на всемъ протяженіи морскихъ окраинъ противъ плавучихъ армій непріятеля, что потребовало громаднаго развитія силъ, достаточнаго для самой великанской борьбы, сосредоточенной

на одномъ театрѣ (какъ франко-прусская), но разбросанныхъ до такой степени что въ каждомъ пунктѣ мы оказывались, на первыхъ порахъ, слабѣе непріятеля. Такъ было и въ Крыму. Случайныя обстоятельства (случайныя для непріятеля въ такой же мѣрѣ, какъ для насъ) привели къ развязкѣ всей борьбы на Крымскомъ полуостровѣ, въ глухомъ углу, о которомъ никто прежде не думалъ, о которомъ и теперь уже нечего думать. Разумѣется, большой войны въ этомъ направленіи никогда не ждали, ничего не было для нея готово. Небольшія средства Крымскаго полуострова были истощены въ первыя же недѣли на содержаніе внезапно нахлынувшихъ силъ. По географическому очертанію полуострова, по относительному безлюдію прилегающей къ нему таврической степи, этотъ случайный театръ войны былъ разъединенъ почти пустынею съ производительными мѣстностями государства; каждый куль хлѣба, каждый фунтъ мяса необходимо было доставлять за многія сотни верстъ, въ самые мѣсяцы безкормицы. Пришлось одновременно везти по пустынной дорогѣ и запасы для арміи, и кормъ для животныхъ, тащившихъ эти запасы. Раненныхъ и больныхъ надобно было отвозить этой же дорогой, на издыхавшихъ подъ ними волахъ, а въ ожиданіи отправки — скоплять до 16 т. раненныхъ и больныхъ въ маленькомъ Симферополѣ. По той же причинѣ невозможно бы снабжать Севастополь боевыми запасами въ пропорціи, соотвѣтствующей средствамъ непріятеля. Крымская война, по своимъ чрезвычайнымъ условіямъ, представила рядъ затрудненій совсѣмъ не европейскаго, а чисто азіятскаго похода. Притомъ севастопольская армія была въ началѣ вовсе не арміей, а случайнымъ соединеніемъ войскъ безъ устроеннаго штаба и всякихъ хозяйственныхъ учрежденій. Еслибъ въ то время существовало нынѣшнее одесское военно-окружное управленіе, оно помогло бы горю столь же мало, какъ главное управленіе южной арміи, находившееся въ 1851 году очень близко отъ Одессы, въ Кишиневѣ, и облеченное гораздо высшими правами; помогло бы отнюдь не болѣе, чѣмъ управленіе генерала Анненкова, учрежденное именно съ такою цѣлію въ тылу арміи. Суть затрудненій состояла не въ недостаткѣ распорядительности, а въ способахъ доставки, проистекало изъ географическаго разъединенія этихъ мѣстностей съ государствомъ, хотя вначалѣ она усиливалась несомнѣнно отсут-

ствіемъ исполнительныхъ хозяйственныхъ учрежденій при арміи. Но какъ только въ Крыму былъ устроенъ настоящій главный штабъ по «Уставу» 1846 года, содержаніе арміи стало безъукоризненнымъ. Севастопольскій гарнизонъ продовольствовался лучше гвардіи, получая ежедневно, безъ перерыва, фунтъ мяса и двѣ чарки на человѣка. Не смотря на непомѣрныя трудности въ добываніи фуража, лошади были сыты. Конечно. продовольствіе арміи стоило дорого. Могло ли быть иначе въ такихъ обстоятельствахъ, когда каждое распоряженіе главнокомандующаго, по необходимости, выражало требованіе скорѣйшей поставки, во что бы то ни стоило. Были при этомъ также большіе безпорядки, замѣшательства и злоупотребленія мелкихъ агентовъ, какъ при всякомъ чрезвычайномъ напряженіи силъ, какъ во всякой войнѣ по цѣлому свѣту; было найдено дѣйствительно нѣсколько тюковъ нераспечатанныхъ госпитальныхъ вещей, не смотря на крайнюю нужду въ нихъ, какъ на послѣдней московской выставкѣ нашелся нераспечатаннымъ тюкъ съ силезкими коврами Госпитальная часть вообще оказалась тогда слабѣе прочихъ, что было очень понятно при невысокомъ уровнѣ техническаго образованія. Удивительно не то, что въ содержаніи крымской арміи чувствовались порой недостатки и оказывались упущенія, что раненнымъ и больнымъ часто недоставало помѣщенія, что перевозка ихъ совершалась безчеловѣчнымъ способомъ: для кореннаго исправленія дѣла нужна была желѣзная дорога изъ Россіи въ Крымъ; удивительно то, что, не смотря на исключительныя условія, продовольствіе арміи совершалось безостановочно. Сравнивая неудобство нашего положенія съ удобствомъ союзниковъ, пользовавшихся торговымъ флотомъ цѣлаго свѣта; сравнивая въ то же время недостатки въ содержаніи арміи подъ Севастополемъ съ нашей и съ ихъ стороны, невозможно не придти къ заключенію, что управленіе генерала Затлера выказало несравненно болѣе энергіи и знанія дѣла, преодолѣло несравненно большія препятствія съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ интендантство союзниковъ. То же было и въ кавказской арміи, поставленной въ очень неблагопріятныя условія. Со всѣмъ тѣмъ, мнѣніе, возбужденное неудачею войны, требовало жертвъ. Хотя по существовавшимъ законамъ суду подлежалъ главнокомандующій, снимающій своимъ утвержденіемъ отвѣтственность съ исполняющихъ

лицъ, но судъ состоялся надъ однимъ интендантствомъ. И что же оказалось? Россія, ожидавшая раскрытія ужасовъ, узнала объ утвержденіи губернаторами справочныхъ цѣнъ, можетъ быть, но не на вѣрно, слишкомъ высокихъ, и о нѣсколькихъ обманахъ мелкихъ чиновниковъ, дѣйствовавшихъ за сотни верстъ отъ пребыванія интенданта. Открылось, что не всѣ провіантскіе чиновники Россіи 1855 года равнялись высотой души съ древнимъ Катономъ и что хозяйственная система, обезпечившая безостановочное снабженіе арміи въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не могла оградить казну въ періодъ величайшей суматохи, отъ превышенія расходовъ— положимъ пятью расхищенными милліонами — на нѣсколько сотъ которыхъ стоила война. Теперь всякій знаетъ, возможно ли провести параллель между злоупотребленіями и промахами, вкравшимися въ дѣйствія русскаго интендантства 1855 года, и тѣмъ, что мы видѣли со стороны французскихъ хозяйственныхъ управленій въ прошлую войну? Да зачѣмъ искать иностранныхъ примѣровъ? По слухамъ, государственный контроль открылъ въ нѣкоторыхъ долгосрочныхъ подрядахъ больше пропавшихъ милліоновъ, чѣмъ ихъ было утрачено во всю сумятицу восточной войны.

Безъ сомнѣнія, крымская война дала намъ нѣсколько крупныхъ уроковъ, которыми слѣдовало воспользоваться. Такими глазами смотрѣло министерство при генералѣ Сухозанетѣ, недаровитомъ, но военномъ человѣкѣ; многія стороны въ нашемъ военномъ устройствѣ, отжившія свое время, были исправлены въ тотъ періодъ времени. Но система 1862 года поступила обратно. Она не воспользовалась ни однимъ изъ уроковъ послѣдней войны, напротивъ возвела многіе случайные промахи того времени въ правило, а принялась за преобразованіе только тѣхъ сторонъ дѣла, которыя хотя требовали нѣкоторыхъ улучшеній, но вовсе не требовали преобразованія, потому что дѣйствовали исправно. Читатели увидятъ эту истину наглядно изъ слѣдующаго перечня нашихъ недостатковъ, выказанныхъ крымскою войною, и соотвѣтствующихъ имъ мѣръ, принятыхъ системою 1862 г.

1. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ двѣ коренныя неправильности нашего военнаго устройства, невольныя, такъ какъ онѣ обусловливались язвою русскаго общественнаго быта, крѣпостнымъ правомъ — слабость резервовъ и обременительную

многочисленность мѣстныхъ войскъ, содержимыхъ не для войны. При крѣпостномъ правѣ нельзя было сокращать сроковъ службы и проводить черезъ ряды достаточное число людей для образованія резерва. Люди эти становились свободными. Нельзя было также уменьшить число мѣстныхъ войскъ— онѣ были необходимы для поддержанія крѣпостнаго права силою. Между тѣмъ, въ Европѣ система резервныхъ войскъ развивалась постепенно, не зная этого препятствія. Вслѣдствіе того, наша полевая армія, не смотря на свою кажущуюся многочисленность, съ году на годъ понижалась въ силѣ сравнительно съ европейскими. Покойный Государь сдѣлалъ возможное для исправленіи этой видимой причины нашей слабости; но при тогдашней обстановкѣ поле было необширно. 1854 годъ показалъ воочію невозможность разсчитывать веденіе войны на силахъ одной постоянной арміи; пришлось разомъ создавать резервы, почти изъ ничего, хотя въ тоже время несчотныя мѣстныя войска безполезно числились на государственномъ бюджетѣ. Оттого мы были слабы до конца; не могли предпринять ничего рѣшительнаго и должны были, наконецъ, покориться передъ ультиматумомъ Австріи. Въ 1861 году Державная рука разбила оковы, наложенныя на Россію Годуновымъ; всѣ препятствія къ правильному военному устройству исчезли. Какъ воспользовалась этимъ событіемъ система 1862 года, современная освобожденію? Для нея, очевидно, не существовалъ бьющій въ глаза рядъ фактовъ 1854 и 1855 годовъ; существовала только «Изнанка крымской войны». Увеличивъ нѣсколько число кадровъ полевыхъ войскъ (что было совершенно необходимо для приведенія нашихъ полевыхъ силъ въ соотвѣтственность съ европейскими, сильно разросшимися), система эта скосила всѣ зачатки боевыхъ русскихъ резервовъ, устроенные еще Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и прибавила къ мѣстнымъ, недѣйствующимъ войскамъ 82 новыхъ резервныхъ батальоновъ. Читатели помнятъ полемику объ этомъ жизненномъ вопросѣ, поднятую «Вооруженными силами Россіи» и длившуюся до 1871 года. Всѣ пріемы употребляемые теперь для защиты «Положенія» о полевомъ командованіи, были употребляемы уже тогда, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, для доказательства, что Россіи не нужно никакого резерва («Инвалидъ» 1867 года, «Военный Сборникъ» 1868 года и« Голосъ» 1868 и 1871 гг.). Сторонники системы 1862 года

доходили въ ту пору до утвержденія, что въ самый разгаръ европейской войны достаточно одной дивизіи для огражденія балтійскаго прибрежья («Голосъ» 1868 года). Еслибъ между 1863 годомъ и настоящимъ временемъ на насъ нагрянула война, мы очевидно очутились бы въ положеніи сто разъ худшемъ противъ 1855 года, когда у насъ былъ хоть какой нибудь резервъ, способный къ растяженію. Вѣроятно, такъ продолжалось бы и впредь. Россія твердо знаетъ, что она обязана огражденіемъ своего будущаго, нынѣ уже рѣшеннымъ, не министерству, а почину Державной воли, давшему ей свободу, судъ и самоустройство.

2) Распредѣленіе нашихъ армій въ 1854 году было очевиднымъ отступленіемъ отъ «Устава» 1846 г. Отступленіе произошло неумышленно, оттого что войска, первоначально собранныя въ Крыму, считались десантными, присвоенными флоту, оттого, что они находились временно подъ начальствомъ морского министерства; оттого также, что вначалѣ не предвидѣли разыгравшихся потомъ событій. Тѣмъ не менѣе, южный театръ войны не былъ объединенъ въ однѣхъ рукахъ, какъ бы слѣдовало по нашимъ военнымъ преданіямъ; двѣ частныя арміи дѣйствовали разъединенно на Прутѣ и въ Крыму. Извѣстно, къ чему повело это разъединеніе. Когда Крыму стала угрожать опасность, кн. Горчаковъ, неотвѣтственный за него, посылалъ безотговорочно свои дивизіи зимовать въ подольскую губернію; когда опасность осуществилась, онъ, правда, подалъ помощь товарищу, но далеко не въ той мѣрѣ, въ какой бы онъ подалъ ее самому себѣ. Когда, наконецъ, были стянуты въ Крыму достаточныя силы, союзники также получили подмогу и прочно осѣлись на позиціи, болѣе крѣпкой, чѣмъ самъ Севастополь. Примѣръ этотъ доказалъ въ тысячный разъ необходимость единства власти на театрѣ войны и безусловное достоинство нашихъ военныхъ установленій; онъ наказалъ насъ за случайное отступленіе отъ нихъ. Система 1862 года возвела эту минутную, жестоко выстраданную нами ошибку въ правило, разрушила единство власти главнокомандующаго по «Уставу» 1846 года и поставила частныя арміи въ независимость одну отъ другой, такъ что несчастный оборотъ дѣла 1854 года теперь уже не только можетъ, но непремѣнно долженъ произойти.

3) Крымская война доказала фактомъ, также въ тысячный

разъ, невозможность обезпечить снабженіе арміи, даже стоящей на мѣстѣ, безъ присвоенныхъ ей полныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Порученіе, возложенное на генерала Анненкова, продовольствовать Крымскую армію съ тыла, было первымъ опытомъ раздѣленія распорядительнаго и исполнительнаго дѣйствія по военно-хозяйственной части. Опытъ оказался крайне неудачнымъ, и вслѣдствіе того были вынуждены въ 1855 году создать при арміи, не жалѣя издержекъ, собственныя хозяйственныя учрежденія, чего не случилось бы, еслибъ операція генерала Анненкова не оставляла ничего желать. Система 1862 года возвела и этотъ неудачный опытъ въ общее правило, установила снабженіе армій изъ тыльныхъ, подчиненныхъ министерству округовъ.

4) Въ прошлую войну самою слабою стороною нашихъ военно-хозяйственныхъ учрежденій оказалась госпитальная часть, а слабѣйшею стороною этой части—недостаточное число врачей. То было двадцать лѣтъ назадъ, при низкомъ уровнѣ тогдашнихъ техническихъ средствъ и знаній въ Россіи и при военномъ бюджетѣ, не достигавшемъ 90 мильоновъ. Насколько исправила дѣло система 1862 года, располагающая бюджетомъ въ 170 мильоновъ? Въ отчетѣ г. военнаго министра за 1870 г., послѣ восьми-лѣтней дѣятельности новой системы, сказано: «по заключенію послѣдняго комитета, размѣръ военно-врачебныхъ учрежденій не соотвѣтствуетъ потребностямъ большой войны, а срокъ пополненія врачебныхъ запасовъ зависитъ отъ будущихъ денежныхъ асигнованій». Въ отчетѣ за 1872 годъ, послѣ дѣсятилѣтней дѣятельности, показывается: «Вопросъ о мѣрахъ для уничтоженія некомплекта врачей, къ сожалѣнію, мало подвинулся впередъ».—«Спеціальный вопросъ о врачахъ военнаго вѣдомства, столь важный по отношенію готовности нашей къ войнѣ, къ сожалѣнію, останется безъ разрѣшенія»—конечно, по недостатку въ денежныхъ средствахъ, хотя ихъ всегда доставало на развитіе бюрократическихъ учрежденій и увеличеніе числа чиновниковъ.

5) Въ Крымскую воину пришлось выдать ополченію старыя кремневыя ружья. Недостатокъ этотъ бросался въ глаза, объ немъ много кричали, хотя между кремневымъ ружьемъ и гладкоствольнымъ, которымъ была вооружена большая часть союзной арміи, высадившейся въ Крыму, далеко не существовало такой разницы, какъ между гладкоствольнымъ и нынѣшнимъ

скорострѣльнымъ. Кавказская армія съ кремневымъ ружьемъ дѣйствовала противъ пистоннаго турецкаго и разбивала непріятеля въ пропорціи одного на трехъ. Теперь, на $2^1/_2$ милліона солдатъ, предположенныхъ проектомъ главнаго штаба, считается только 1.120,000 ружей; изъ нихъ 214,000 скверныхъ ружей Карлея, стало быть удовлетворительныхъ 896,000 *). Слѣдовательно, въ текущіе годы пришлось бы опять вооружать не только уже ополченіе, но и резервы старымъ складомъ ружей, совершенно негодныхъ для современной войны. Даже по экономическому разсчету человѣкъ, отрываемый отъ производительнаго труда, стоитъ настолько дороже ружья, что вездѣ на свѣтѣ мѣры о заготовленіи оружія предшествуютъ всѣмъ другимъ; онѣ вездѣ уже и давно окончены. Мы же очутились бы теперь въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ во время Крымской войны, когда боевыхъ ружей недоставало—не для резерва, а только для ополченія.

6) Въ послѣднюю войну нѣкоторыя наши крѣпости, напримѣръ Кинбурнъ, пали почти мгновенно отъ несоотвѣтственности своего артиллерійскаго вооруженія въ сравненіи съ непріятельскимъ. По послѣднему отчету, изъ всего количества артиллеріи, назначенной для вооруженія крѣпостей, готово только 58%. Въ Севастополѣ недоставало пороху; въ настоящее время его требуется гораздо больше по калибру орудій и числу патроновъ,—а у насъ остались тѣ же три пороховыхъ завода (во Франціи ихъ 12). Патронный заводъ у насъ одинъ на всю имперію, стало быть для резервовъ не будетъ ни ружей, ни патроновъ. Всѣ помнятъ, въ какое затрудненіе мы были поставлены въ 1854—55 годахъ недостаткомъ сѣры; русскія сѣрныя залежи остаются неразработанными, какъ прежде, но къ этому прибавилось паденіе нашего внутренняго селитроваренія, совершенно удовлетворительнаго въ послѣднюю войну.

И такъ далѣе. Надобно замѣтить, что недостатки въ такихъ предметахъ, мало извинительные даже при военномъ бюджетѣ въ 80 милліоновъ, какъ было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, принимаютъ совсѣмъ иной видъ при бюджетѣ во 170 милліоновъ.

Мы представили перечень главныхъ вопросовъ, дѣйстви-

---

*) Мы называемъ удовлетворительными ружьями — передѣланныя Крынке, хоть во всѣхъ другихъ арміяхъ ружья передѣланныя считаются бракомъ.

тельно возбужденныхъ Крымскою войною, и видѣли, что сущность дѣла по нѣкоторымъ изъ нихъ ухудшена системою 1862 года, ни по одному — не исправлена. Стало быть эта система, жертвовавшая, очевидно, боевыми цѣлями административнымъ улучшеніямъ (какъ было показано нами и давно извѣстно арміи), имѣла притомъ въ виду преимущественно вовсе не тѣ административныя улучшенія, которыя ведутъ, хотя косвенно, къ возвышенію боевой силы государства; пользовалась вовсе не тѣми уроками Крымской войны, которые имѣли прямое отношеніе къ существенной сторонѣ дѣла. Между тѣмъ, редакція, работавшая надъ новыми учрежденіями, также какъ нынѣшніе ихъ защитники, утверждали и утверждаютъ, что наше полутора-вѣковое военное устройство было разрушено вслѣдствіе практическихъ указаній, данныхъ Крымскою войною. Что же указала Крымская война, кромѣ исчисленныхъ выше пунктовъ, и въ чемъ же состоитъ существенная цѣль громадной ломки, начавшейся съ 1862 года? Остается одно предположеніе. Нынѣшняя система имѣла въ виду исключительно искорененіе казнокрадства по военно-хозяйственнымъ вѣдомствамъ и ничего больше; она жертвовала всѣмъ, даже вѣроятностями побѣды, требующими устройства почти противоположнаго, даже опасностью поколебать боевой духъ арміи, даже попеченіемъ о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для войны, для одной этой цѣли? *)

*) Мы сказали — искорененіе казнокрадства въ военно-хозяйственныхъ вѣдомствахъ, и только—потому, что о подобномъ же взглядѣ на полковое хозяйство, служившемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ темою для краснорѣчія людей, никогда не стоявшихъ въ войскѣ, нельзя уже говорить послѣ Высочайшаго приказа въ январѣ 1872 года, положившаго конецъ конституціи въ полкахъ. Надобно надѣяться, что скоро будетъ положенъ конецъ и преувеличенному формализму хозяйственной отчетности полковъ, обращающему треть офицеровъ въ чиновниковъ и множество строевыхъ солдатъ въ писарей,— формализму, ничего не ограждающему, подъ щитомъ котораго и расцвѣло старинное взяточничество въ русскихъ канцеляріяхъ. Теперь, какъ и всегда, можно удостовѣриться въ исправномъ состояніи части только изъ фактической повѣрки, а не изъ книгъ, которымъ опытные начальники не придаютъ никакого значенія. Наше зло состояло и состоитъ въ полковомъ хозяйствѣ, т.-е. въ необходимости пополнять казенные отпуски солдатскою работою, а не въ хозяинѣ, безъ котораго ничто на свѣтѣ не спорится. Но система 1862 года, постоянно, упускавшая изъ виду нравственную сторону дѣла, видѣла спасеніе въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, въ однѣхъ канцелярскихъ формальностяхъ.

Цѣль сама по себѣ благая; но слѣдуетъ спросить: можно ли жечь свой домъ, чтобъ избавиться отъ тараканов? можно ли рубить дерево, чтобъ очистить его отъ гусеницъ? можно ли затрачивать непроизводительно или недостаточно производительно 170 миллионовъ ежегодно и лишній мильярдъ во время войны для того только, чтобъ предупредить разхищеніе 5 милліоновъ, какъ было, положимъ, въ Крымскую войну? Еслибъ система 1862 года достигла этого частнаго результата даже вполнѣ, въ такой мѣрѣ, какъ никто еще его не достигалъ, она была бы, тѣмъ не менѣе, въ виду всего остальнаго, великой ошибкой. Но достигла ли она даже этой частной цѣли, покупаемой такою непомѣрною цѣною,—не говоримъ вполнѣ, а хоть въ какой нибудь степени? Оградила ли она казну отъ мелкаго расхищенія? Это мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

III.

Намъ остается договорить послѣднее слово объ окружной системѣ—какъ о преобразованіи хозяйственномъ.

Мы видѣли, что система 1862 года направила главныя усилія противъ злоупотребленій, существовавшихъ или предполагавшихся въ военно-хозяйственной части, и пожертвовала этой цѣли всѣмъ остальнымъ. По основному положенію системы (учрежденія должны быть таковы, чтобы личныя качества людей не имѣли большаго значенія), она заботилась гораздо больше о наружномъ устройствѣ учрежденія, чѣмъ объ улучшеніи его личнаго состава, неизмѣнившагося до сихъ поръ замѣтнымъ образомъ. Нельзя было, впрочемъ, и требовать отъ власти значительнаго нравственнаго повышенія массы служащихъ вопреки общественному уровню; чѣмъ она могла замѣнить ее? Ограниченное этою невозможностію, не придавая даже, по своимъ правиламъ, значенія личному качеству людей, современное военное управленіе искало улучшенія въ замѣнѣ одного механизма другимъ. Вопросъ стало-быть очень упрощается; онъ состоитъ въ сравненіи практическаго достоинства двухъ механизмовъ хозяйственнаго управленія—прежняго и нынѣшняго. Для уясненія дѣла, достаточно опредѣлить съ точностію главныя ихъ основанія.

Извѣстно, что пожива казенными деньгами, по мѣрѣ силъ и возможности, всегда была сильно распространена въ Россіи на нисшихъ ступеняхъ службы; сомнительно, чтобъ она ослабѣла въ замѣтной мѣрѣ даже теперь. Разумѣется, военно-хозяйственная часть не составляла исключенія. Часть эта наполняется не тѣмъ общественнымъ слоемъ, который поступаетъ въ кавалергарды и дипломаты, отъ котораго можно требовать и ждать соблюденія по крайней мѣрѣ условныхъ правилъ чести, каковы бы ни были личныя качества людей. Она наполняется также не скромными тружениками ученаго сословія, посвящающими жизнь умственному труду и хорошо понимающими значеніе нравственныхъ оснований. Не говоря объ исключеніяхъ, низшіе слои интендантскаго вѣдомства подбираются изъ людей бѣдныхъ и по большой части мало образованныхъ, проникающихся очень скоро преданіями своей многоденежной части. Черезъ руки этихъ людей проходятъ груды золота. Усчитывать ихъ можно лишь до нѣкоторой, весьма неопредѣленной степени, какъ потому, что справочныя цѣны бываютъ необходимо всегда выше дѣйствительныхъ и зависятъ отъ земской полиціи, не всегда совершенно добродѣтельной, такъ и потому, что чиновники эти имѣютъ дѣло преимущественно съ классомъ подрядчиковъ, тоже мало похожихъ на Плутарховыхъ героевъ, охотно готовымъ дѣлиться казенными деньгами со своими покупщиками. Такой порядокъ дѣла покуда неизбѣженъ, а потому въ нашихъ прежнихъ военно-хозяйственныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ не на теоріи, всегда признавали существованіе зла и только принимали мѣры для ограниченія вредныхъ его послѣдствій. Такъ какъ вредъ могъ быть двоякій—отъ недоброкачественнаго довольствія арміи и отъ излишняго возвышенія казенныхъ расходовъ, то для каждой стороны дѣла была придумана, или лучше сказать заимствована изъ опыта всѣхъ вѣковъ военной исторіи, начиная съ Александра Македонскаго, мудрѣйшая, хотя самая простая мѣра.

1) Чтобъ войскамъ не выдавалось дурнаго довольствія, провіантскаго и комисаріатскаго, имъ предоставлялось право браковать предлагаемое, сообразно съ утвержденными образцами, и брать только доброкачественное. Они должны были сами смотрѣть, что берутъ. Строевые начальники, отъ корпуснаго до ротнаго командира, были отвѣтственны за пріемъ

дурнаго довольствія и, разумѣется, считали дѣломъ личнаго достоинства стоять за свои войска.

2) Чтобъ казенные расходы не подымались выше дознанной потребности, къ нимъ былъ приставленъ прямой личный отвѣтчикъ, обязанный содержать ихъ въ нормальномъ уровнѣ. Такихъ отвѣтчиковъ было два на всю имперію, одинъ по провіантской, другой—по комисаріатской части. Совершенная необходимость самостоятельнаго хозяйства отдѣльной арміи на войнѣ заставила учредить еще двухъ генералъ-интендантовъ на двухъ предѣлахъ имперіи: въ Варшавѣ и на Кавказѣ, съ такими же правами.

Генералъ-провіантмейстеръ и генералъ - кригсъ-комисаръ имѣли своихъ агентовъ въ областяхъ, какъ всякое главное вѣдомство. Таково было простое и разумное устройство русской военно-хозяйственной части. За качествомъ смотрѣли сами получатели, наиболѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ; за расходомъ—прямой единоличный отвѣтчикъ, стоявшій передъ правительствомъ. Интересы мелкихъ агентовъ, ворочающихъ, не смотря на свою мелкоту, милліонами, были поставлены въ тиски съ двухъ концовъ—между интересомъ получателей и интересомъ отвѣтчика за цѣны. Прежняя система, взросшая вѣками, знавшая по опыту безсиліе канцелярскихъ формальностей и принимавшая въ соображеніе прежде всего нравственную сторону дѣла, полагалась на имущественную отвѣтственность дѣятелей (нынѣ отмѣненную), на фактическій контроль получателей и на личную отвѣтственность высшихъ начальниковъ, больше чѣмъ на письменную отчетность.

Сосредоточеніе хозяйственнаго управленія въ рукахъ министерства (въ противоположность децентрализаціи) считалось необходимымъ для того, чтобы уравновѣшивать высокія цѣны однѣхъ мѣстностей низшими цѣнами другихъ по всей имперіи; чтобы распредѣлять хозяйственныя операціи сообразно съ дѣйствительными средствами различныхъ полосъ и производительныхъ центровъ, не обремѣняя однихъ и не лишая сбыта другихъ, за чѣмъ можно наблюдать только изъ средоточія, къ выгодѣ всего государства; чтобы во время приготовленія къ войнѣ, требующаго соединенія всѣхъ средствъ имперіи на одномъ изъ предѣловъ, возлагать эту громадную операцію не на дробную силу какого-либо мѣстнаго пограничнаго управленія, а на центральное вѣдомство, широко

устроенное; чтобы не разбрасывать средствъ, необходимыхъ для бухгалтеріи, по мелочамъ и не писать 10 заготовительныхъ плановъ вмѣсто одного; чтобы не путать принципа, требующаго мѣстнаго управленія для мѣстныхъ интересовъ и управленія центральнаго для интереса государственнаго, въ область котораго входитъ всецѣло военно-хозяйственная часть (для мѣстныхъ операцій существовали второстепенные подчиненные органы); главнѣйшее же затѣмъ, чтобы имѣть передъ лицомъ правительства одного прямаго отвѣтчика за бережливость государственныхъ средствъ, обязаннаго уравновѣшивать цѣны по всей имперіи, виноватаго, если онъ допускалъ общее вздорожаніе, неоправдываемое чрезвычайными обстоятельствами,—что становится невозможнымъ, когда хозяевъ много. Кромѣ этихъ основаній, общихъ для провіантской и комисаріатской части, существовало еще то соображеніе, что управленіе послѣднею не можетъ быть распредѣлено симетрически по всему пространству имперіи и должно оставаться сосредоточеннымъ, потому что оно пріобрѣтаетъ нужный матерьялъ въ немногихъ промышленныхъ центрахъ, внѣ которыхъ ему нечего дѣлать; для передачи же вещей въ войска нужны лишь немногочисленные агенты. Наконецъ, раздѣленіе провіантскаго и комисаріатскаго вѣдомствъ вынуждалось кореннымъ различіемъ знаній и опытности, потребныхъ для каждой части, несходствомъ ихъ торговыхъ оборотовъ и производителей, съ которыми они имѣютъ дѣло. Правильное раздѣленіе труда составляетъ первое условіе успѣха даже на булавочной фабрикѣ, не только во сто милльонномъ государственномъ хозяйствѣ.

Въ обоихъ отношеніяхъ, теоретическомъ и практическомъ, прежнее устройство военно-хозяйственной части было правильно. Оно не задавалось отвлеченными вопросами, но преслѣдовало прямыя цѣли, руководствуясь фактами. Не только по хозяйственной части, но по всѣмъ другимъ частямъ военнаго управленія, мѣстныя учрежденія—оберъ-провіантмейстеры и комисаріатскія комиссіи, инженерные и гарнизонно-артиллерійскіе округа и проч.—возникали тамъ, гдѣ многократный военный опытъ указывалъ имъ мѣста, гдѣ они дѣйствительно были нужны. На этихъ основаніяхъ русская хозяйственная система развивалась полтора вѣка и въ управленіе кн. Чернышева достигла, наконецъ, совершенной исправности. Никто не помнитъ за это время какой-либо остановки въ довольствіи

войскъ, причемъ довольствіе было очень близко къ образцамъ, а казенные расходы стояли по многимъ городамъ на одномъ уровнѣ, повышаясь только періодами и незамѣтно, пропорціонально съ естественнымъ вздорожаніемъ произведеній. Такъ продолжалось и послѣ князя Чернышева, даже въ бурный періодъ Крымской войны. Никто не можетъ сказать, чтобъ и при генералѣ Сухозанетѣ войска продовольствовались неисправно или недоброкачественно: въ силу закона они сами не взяли бы дурнаго довольствія; чтобы казенные расходы непомѣрно возвышались—прямые отвѣтчики, въ лицѣ генералъ-провіантмейстера, кригсъ-комисара и двухъ генералъ-интендантовъ не могли этого допустить. Случались, конечно, злоупотребленія, неизбѣжныя въ вѣдомствѣ, пропускающемъ милліоны чрезъ руки голодныхъ людей,—но злоупотребленія, не вліявшія чувствительно на отправленіе дѣла. Надобно замѣтить также, что торговый характеръ оборотовъ хозяйственныхъ вѣдомствъ допускаетъ часто сдѣлки, которыя общественное мнѣніе считало злоупотребленіями, хотя каждый купецъ дозволяетъ ихъ своимъ прикащикамъ—такимъ же комиссіонерамъ. Не надо забывать, что торговля изъ рукъ казны, также какъ изъ рукъ частныхъ людей—есть торговля, и не требовать невозможнаго, лишь бы дѣло шло исправно и обходилось не дорого. Безъ такого взгляда замѣна старыхъ порядковъ другими, болѣе удобными способами, оказалась бы навѣки невозможной.

Система 1862 года стала на противоположную точку зрѣнія. Въ военно-хозяйственной части, какъ и въ чисто военныхъ вопросахъ, она отбросила всю нравственную сторону дѣла, въ которой до тѣхъ поръ искали главнаго обезпеченія, и замѣнила ее гарантіей сложныхъ канцелярскихъ формъ, давно утратившихъ довѣріе въ русскомъ и даже всесвѣтномъ мнѣніи. Личная отвѣтственность была вездѣ замѣнена колегіальной, т. е. перенесена съ живыхъ людей, дорожащихъ своимъ положеніемъ и доброй славой, на журналы безличныхъ присутствій, не смотря на вѣковой опытъ, доказавшій несостоятельность такой гарантіи. Съ одной стороны, новыя учрежденія уничтожили фактическій контроль войскъ надъ хозяйственнымъ вѣдомствомъ, отняли у нихъ право браковать предлогаемое, неподходящее къ образцамъ; съ другой—упразднили личныхъ отвѣтчиковъ за казенные расходы: генералъ-провіантмейстера, генералъ-кригсъ комисара и генералъ-интендантовъ

затѣмъ слили въ одно двѣ разнородныя части военнаго хозяйства и разбросали симетрически по всему пространству имперіи мѣстныя учрежденія, соотвѣтствовавшія своей цѣли только въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Надобно разсмотрѣть отдѣльно значеніе и послѣдствія каждой этой ломки.

Пріемъ вещей и довольствія, производившійся самими войсками, предоставленъ теперь пріемнымъ комиссіямъ, собираемымъ изъ нѣсколькихъ членовъ отъ окружнаго интендантства и нѣсколькихъ депутатовъ отъ войскъ, назначаемыхъ воинскимъ начальствомъ. При составленіи плана окружной системы, особый комитетъ изъ опытныхъ людей предложилъ такія пріемныя комиссіи исключительно для комисаріатскаго вѣдомства, съ тѣмъ условіемъ, чтобы была осуществлена первоначальная программа министерства, предполагавшая замѣнить аферистовъ-подрядчиковъ прямымъ заказомъ вещей у коренныхъ производителей. Объ обращеніи къ производителямъ мечтали всѣ предшествующія министерства, но цѣль никогда не осуществлялась, по ея несогласію съ личнымъ интересомъ слишкомъ многихъ людей. Понятно, что полученіе предметовъ комисаріатскаго довольствія изъ рукъ фабрикантовъ и заводчиковъ, владѣющихъ милліонами и дорожащихъ своею фирмой, соперничающихъ между собою, устраняемыхъ и подлежащихъ большимъ взысканіямъ при первомъ доказательствѣ недобросовѣстности, позволяло много упростить дѣло, обходиться безъ строгостей пріема, совершенно необходимыхъ въ отношеніи къ мелкимъ перекупщикамъ. Но предположеніе министерской программы осталось предположеніемъ. Къ прямымъ производителямъ до сихъ поръ исключительно не обратились, поставка осталась въ рукахъ прежнихъ перекупщиковъ, дополненныхъ въ послѣдніе годы толпою торгашей евреевъ; а между тѣмъ пріемныя комиссіи, устраняющія непосредственное участіе войскъ въ пріемѣ довольствія, предложенныя въ виду исключительнаго и несбывшаго оборота дѣла, введены безъ изъятія не только въ комисаріатской части, но даже въ провіантской, для которой онѣ никогда не предназначались; слитіе двухъ разнородныхъ управленій заставило распространить на каждое изъ нихъ общія правила, выработанныя на другой почвѣ, вовсе къ нему не подходящія. Существенная разница прежняго отпуска и нынѣшняго заключается въ томъ, что до окружной системы браковщики принимали для себя и, слѣдовательно,

были прямо заинтересованы не брать дурнаго; кромѣ того полковой пріемщикъ комисаріатскихъ вещей былъ лично отвѣтственъ передъ товарищами, его выбравшими, т. е. передъ цѣлою частію. Теперь браковщики, командированные посторонним начальствомъ, принимаютъ неизвѣстно для кого, и ни передъ кѣмъ лично не отвѣтственны; а въ то же время противорѣчіе съ ихъ стороны чинамъ интендантства имѣетъ видъ косвеннаго противодѣйствія высшему военному начальству, командующему войсками округа, съ разрѣшенія котораго интендантъ дѣйствуетъ. Нѣтъ нужды, кажется, углубляться въ степень самостоятельности пріемщиковъ при такой обстановкѣ и послѣдствій, которыми подобное преобразованіе должно отзываться. Вся власть теперь отдана въ руки окружнаго интендантства, безъ права отказа въ пріемѣ со стороны войскъ.

Но этого мало. Прежде войска находили твердую опору противъ случайнаго злоупотребленія хозяйственныхъ вѣдомствъ въ своихъ строевыхъ начальникахъ, совершенно чуждыхъ казеннымъ денежнымъ операціямъ. Сколько разъ корпусные командиры доводили прямо до Высочайшаго свѣдѣнія о замѣченныхъ ими безпорядкахъ въ снабженіи войскъ, вынуждая интендантство и комисаріатъ къ постоянной осторожности. Нынѣ командующій войсками въ округѣ есть въ тоже время предсѣдатель хозяйственнаго управленія, довольствующаго войска. Конечно, онъ не станетъ торопиться доносить верховной власти о своемъ же собственномъ упущеніи; онъ постарается, вѣроятно, исправить его насколько возможно, но также точно постарается скрыть упущеніе насколько исправленіе окажется уже неисполнимымъ. Возможно-ли требовать отъ природы человѣка, даже самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ, безпристрастнаго обличенія самого себя? Жалоба на интендантство самому интенданту никогда не считалась въ государственномъ порядкѣ и не могла считаться достаточнымъ обезпеченіемъ. Между тѣмъ, нынѣшній командующій огругомъ, замѣнившій для войскъ ихъ прямаго защитника, корпуснаго командира, утверждающій всѣ мѣры по хозяйственной части, до такой степени сливается съ окружнымъ интендантомъ, что подчиненные не имѣютъ никакой возможности отличить волю одного отъ воли другаго. Кому же и на кого имъ жаловаться?

Уничтоженіе дѣйствительнаго контроля самихъ войскъ, служившаго первымъ обезпеченіемъ, и упраздненіе власти. есте-

ственно стоявшей за ихъ интересы и составлявшей второе обезпеченіе — вотъ два улучшенія, придуманныя системою 1862 года въ отношеніи доброкачественности довольствія арміи.

Таковы же новыя мѣры, принятыя для огражденія казеннаго интереса.

Нынѣшній генералъ-интендантъ не отвѣтственъ за бюджетъ своего вѣдомства, потому что онъ не хозяинъ, а только высшій контролеръ, даже трудно сказать, что онъ собственно такое; онъ никогда не имѣетъ современныхъ свѣдѣній о казенныхъ оборотахъ. Хозяева—14 окружныхъ интендантовъ. Во-первыхъ, всякому понятно, что выборъ 14-ти самостоятельныхъ распорядителей государственной казны, совершенно благонадежныхъ по характеру, способности и знанію дѣла, вмѣсто 4-хъ, оказывавшихся достаточными, не только гораздо затруднительнѣе, но даже едва-ли возможенъ; мы видѣли въ послѣднее время нѣкоторыя назначенія, о которыхъ прежде нельзя было и подумать, и не удивлялись; откуда взять такое число отборныхъ людей? Во-вторыхъ, ни одинъ изъ окружныхъ интендантовъ не можетъ отвѣчать за общій бюджетъ, потому что занимаясь дѣлами только своей мѣстности, не имѣетъ средствъ покрывать высокія цѣны одной полосы низкими цѣнами другой. Окружной интендантъ устанавливаетъ лишь среднія цѣны своего округа, отчего случалось, что на пограничной чертѣ между двумя округами, на одномъ и томъ же базарѣ, за одинъ и тотъ же куль муки, комиссіонеръ съ праваго берега рѣки выводилъ по книгѣ цѣну въ 3 рубля, а комиссіонеръ съ лѣваго берега—въ 6 рублей. Если же различныя интендантства захотѣли бы производить операціи въ дешевыхъ мѣстностяхъ внѣ своихъ районовъ, то ненаправляемыя общимъ планомъ, возможнымъ только для бывшаго центральнаго департамента, они могли бы своимъ неразсчитаннымъ соперничествомъ сейчасъ же поднять цѣны и тамъ. Послѣдствіе очевидно: въ настоящее время никто не отвѣчаетъ за общій балансъ военно-хозяйственной части. Такое отсутствіе отвѣтственности относится не къ одному интендантству; оно простирается, вслѣдствіе окружной системы, на всѣ части военнаго вѣдомства, расходующія казенныя деньги. Поставьте въ такую обстановку самое маленькое частное хозяйство,—расходъ возрастетъ непомѣрно. Удивительно-ли, если съ 1862 года онъ быстро увеличивается по всѣмъ военно-хозяйственнымъ отраслямъ, безъ

улучшенія, часто еще съ ухудшеніемъ качества продуктовъ. Много-ли на свѣтѣ людей, готовыхъ не спать ночи за казенный, т.-е. въ сущности чуждый имъ, интересъ, когда на нихъ не лежитъ прямой за него отвѣтственности?

Для обезпеченія государственнаго интереса поставленъ окружной совѣтъ, изъ всѣхъ начальниковъ отдѣловъ различныхъ управленій,—подобно тому, какъ въ прежнихъ хозяйственныхъ департаментахъ существовало общее присутствіе. Но разница между ними та, что члены общихъ присутствій знали всѣ болѣе или менѣе дѣло, къ которому были приставлены; въ окружномъ же совѣтѣ, главный докторъ вовсе не знаетъ толку въ кожевенномъ товарѣ и въ пушкахъ, артиллеристъ—въ медикаментахъ, интендантъ—въ строительномъ искусствѣ, инженеръ—въ цѣнахъ на крупу, членъ отъ военнаго министерства—ни въ чемъ. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ однакожъ полный вѣсъ по всѣмъ частямъ, и медикъ, перевѣсомъ одного голоса, можетъ рѣшить и въ дѣйствительности рѣшаетъ дѣла о вооруженіи крѣпостей и о способахъ интендантскихъ заготовленій. Очевидно, подобное столкновеніе людей, изъ которыхъ одинъ только понимаетъ докладываемое дѣло, именно свое собственное, затормазило бы всякое обсужденіе, еслибъ оно не разрѣшалось на практикѣ очень простымъ способомъ. Медикъ знаетъ, что онъ можетъ помѣшать артиллеристу, но знаетъ также, что артиллеристъ, въ свою очередь, можетъ помѣшать ему; а потому начальники окружныхъ отдѣловъ по-неволѣ не мѣшаются въ распоряженія товарищей, каждый изъ нихъ проводитъ что хочетъ и какъ хочетъ; командующій же войсками—какъ строевой генералъ, а не спеціалистъ—въ громадномъ большинствѣ случаевъ, полагается на совѣтъ и нравственно не можетъ поступить иначе. Рѣшеніе совѣта снимаетъ всякую отвѣтственность съ исполняющаго лица, такъ-что каждый изъ 14 окружныхъ совѣтовъ, составленныхъ вышепоказаннымъ способомъ, облеченъ de facto властію, отнятою недавно у главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею. Конечно, начальники окружныхъ отдѣловъ, по своему служебному положенію, имѣютъ право на довѣріе. Но вѣдь они люди; а человѣкъ, поставленный въ такія исключительныя условія—твердо огражденный, съ одной стороны, номинальнымъ контролемъ, а съ другой—нисколько имъ не связанный, можетъ увлечься далеко. Сопоставленіе трехъ нововведеній, придуманныхъ системою 1862

года—упраздненіе общаго распорядителя и прямаго отвѣтчика по военно-хозяйственной части, раздробленіе заготовительныхъ операцій по округамъ, не позволяющее ясно свести концы съ концами, и замѣна дѣйствительнаго контроля призрачнымъ, въ лицѣ окружныхъ совѣтовъ,—безъ единаго личнаго отвѣтчика, объясняетъ само собой, почему содержаніе солдата, разсчитанное по числу людей, содержимыхъ въ мирное время, и общей цифрѣ бюджета, составляло въ 1859 году 104 рубля, а въ 1873 составляетъ 225 рублей *). Увеличеніе расходовъ на техническую часть, усиленіе содержанія и довольствія, вздорожаніе припасовъ—составляютъ лишь нѣкоторую часть въ этомъ непомѣрномъ приращеніи расхода. Остальное, очевидно, падаетъ на систему, расплодившую непомѣрное число чиновниковъ и снявшую, въ тоже время, съ каждаго изъ нихъ личную отвѣтственность.

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ теперь обезпеченіе доброкачественнаго довольствія арміи; видѣли также, въ чемъ заключается обезпеченіе казеннаго расхода. Дѣло идетъ не о личномъ взглядѣ на современное военно-хозяйственное устройство, а о логическомъ выводѣ послѣдствій изъ данныхъ основаній. Всякій, не имѣющій повода отвращать глаза отъ сути дѣла, можетъ судить самъ: слѣдовало ли ломать дѣйствительный контроль пріемщиковъ и дѣйствительную отвѣтственность начальниковъ, единственно возможный противовѣсъ, сдерживавшій съ двухъ концовъ соблазнъ адинистративно-хозяйственной службы, чтобы замѣнить его гарантіей сложнаго, дорогаго и мартваго канцелярскаго механизма, надъ страхами котораго давно уже смѣются даже дѣти хозяйственныхъ вѣдомствъ, не только отцы!

Съ учрежденіемъ окружной системы, мѣстныя управленія—артиллерійскія, инженерныя, хозяйственныя, устроенныя въ нѣсколькихъ пограничныхъ пунктахъ, гдѣ они постоянно оказывались необходимыми, или въ мѣстностяхъ, откуда исключительно добываются потребныя для военнаго вѣдомства произведенія—разбросаны нынѣ симетрически по всему пространству имперіи. Давно извѣстно, что симетрія (изобрѣтеніе чисто

*) Надо вспомнить, что въ 1854 году, кромѣ текущихъ расходовъ военнаго вѣдомства, тратились огромныя суммы на перевооруженіе арміи и на окончаніе кавказской войны.

французскаго вкуса) всегда противорѣчитъ дѣйствительной потребности; ясно почему. Въ Россіи же, гдѣ три четверти государства не подвержены опасности непріятельскаго вторженія со дня смерти Мамая, гдѣ естественныя произведенія разбросаны такъ разнообразно, что одна какая-нибудь полоса снабжаетъ ими всю имперію, гдѣ промышленное производство скучено почти исключительно въ одномъ округѣ,—симетрическое расположеніе спеціальныхъ военныхъ управленій составляетъ вопіющее противорѣчіе дѣйствительности; тѣмъ болѣе, что большія казенныя заведенія, какъ оружейные и пороховые заводы, остаются подъ опекой центральнаго вѣдомства. Равномѣрное распредѣленіе военно-административныхъ силъ по всей имперіи ослабляетъ въ значительной мѣрѣ ихъ дѣятельность тамъ, гдѣ она дѣйствительно нужна, и ведетъ только къ лишнему расходу тамъ, гдѣ въ ней нѣтъ надобности.

Неужели итогъ всѣхъ вышеуказанныхъ хозяйственныхъ преобразованій составляетъ въ самомъ дѣлѣ улучшеніе? Вѣдь такому утвержденію, какъ бы беззастѣнчиво оно ни высказывалось, противорѣчатъ и логическій выводъ, и очевидные вещественные результаты, и общій голосъ лицъ, прикосновенныхъ къ нынѣшней военно-хозяйственной части. Защитники окружной системы тѣшатъ только себя, говоря о плачѣ стараго комисаріатскаго чиновника надъ прежними порядками. Ему не изъза чего плакать. Еслибъ эти защитники хоть разъ въ жизни вышли изъ канцеляріи и взглянули на дѣйствительность, они увидѣли бы, какъ старые чиновники хозяйственныхъ вѣдомствъ плачутъ только о дряхлости, не позволяющей имъ послужить въ такое хорошее для нихъ время, какъ нынѣшнее. Въ былую пору они совершали злоупотребленія, но попадались очень часто, потому что надъ ними стоялъ надзоръ со стороны, независимый отъ военной администраціи, ничего имъ не спускавшій. Теперь они не попадаются никогда—не отъ того конечно, чтобъ злоупотребленія стали рѣже—а по той простой причинѣ, что никто не отдастъ самъ себя подъ судъ.

Какъ же станутъ дѣйствовать новыя учрежденія, лишенныя, по самой сложности своей, способности къ энергіи и быстротѣ, въ военное время, котораго онѣ еще не видали, когда малѣйшее затрудненіе принимаетъ вдругъ размѣръ громаднаго препятствія? До какихъ мильярдовъ возрастетъ при этомъ государственная затрата?

Между тѣмъ улучшеніе хозяйственной части выставлялось единственнымъ понятнымъ поводомъ къ разрушенію нашего почти двухъ-вѣковаго военнаго устройства. Этому воображаемому улучшенію были принесены въ жертву и очевидныя боевыя удобства, и историческій закалъ войска, и отчасти даже средства, необходимыя для веденія войны. Не смотря на возрастаніе военнаго бюджета въ 14 лѣтъ со 106 милліоновъ при 919 тысячахъ войска (въ 1859) на 165½ (кромѣ добавочныхъ кредитовъ) при 734 тыс. солдатъ (въ 1873), наше развитіе по вооруженію; по устройству крѣпостей, по пороховому производству, по госпитальной части, также какъ по всѣмъ прочимъ предметамъ собственно-военнаго дѣла, находится еще на полупути, между тѣмъ какъ оно вездѣ уже и при меньшихъ средствахъ давно окончено—въ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи, даже въ Турціи. Чѣмъ окупаются такія упущенія? Система 1862 года пожертвовала всѣмъ для хозяйственной части, но въ то же время понизила ее въ качествѣ едва ли не болѣе прочихъ частей своего вѣдомства, пожертвованныхъ для хозяйства.

Иначе не могло быть. Въ началѣ преобразованій многіе, не слишкомъ надѣявшіеся на вѣрность военнаго взгляда возникавшей системы, оправдывали ее ожиданіемъ серьезныхъ улучшеній хозяйственныхъ. Но хозяйственная часть, также какъ и чисто военная, требуетъ не кабинетныхъ теорій, а житейскаго опыта, практическихъ знаній и пріемовъ и вѣрной оцѣнки людей. Безъ пониманія человѣческаго сердца нельзя строить ничего прочнаго на свѣтѣ. Система 1862 г. не обращала вниманія на живую сторону дѣла, задавалась исключительно теоріей и вѣрила въ спасительность только механическихъ формъ дѣлопроизводства. Въ сущности ея не заключалось данныхъ для достиженія успѣха ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Выводъ этотъ истекаетъ изъ явнаго опыта. Мы можемъ закончить имъ разборъ проектовъ военнаго министерства и окружной системы съ ея послѣдствіями.

Театръ войны

на Черноморскомъ прибрежьѣ.

1870 г.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1870 г. напечатана статья «Развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ». Авторъ защищаетъ стратегическія дороги, вошедшія уже въ росписаніе, и потому, надо думать, воспроизводитъ офиціальные доводы. Онъ отстаиваетъ слѣдующимъ образомъ дорогу, составляющую предметъ этой статьи.

«Связь съ Крымомъ должна быть вполнѣ надежна, должна быть обезпечена отъ возможно большаго числа случайностей. Между тѣмъ, ведя линію отъ Кременчуга черезъ Бериславъ и Перекопъ, мы не имѣли бы ни одной части дороги, вполнѣ огражденной отъ рисковъ... При нѣкоторыхъ, положимъ, исключительныхъ условіяхъ, мы можемъ быть вынуждены, хотя временно, отойдти отъ Одессы и Николаева къ Днѣпру, тогда и остальная часть дороги, лежащей по западному его берегу, можетъ очутиться во власти противника... Совсѣмъ иныя условія Чонгарской линіи. Чтобы аттаковать судами самую Чонгарскую переправу, нужно сперва прорваться въ Азовское море, и затѣмъ прорваться еще въ Сивашъ. Это, конечно не абсолютно не возможно. Но есть основаніе думать, что подъ Керчью непріятель встрѣтитъ второй Севастополь». И такъ далѣе. Ясно, что мѣры для обороны Крыма, высказываемыя «Русскимъ Инвалидомъ», имѣютъ въ виду союзную армію 1855 года. Неговоря покуда объ основательности такого взгляда и о заключеніяхъ, къ которымъ онъ приводитъ, надобно прежде всего замѣтить слѣдующее:

Стратегическія военныя дороги стоятъ въ Россіи въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Вслѣдствіе огромности государства, всѣ наши дороги длинны, сооруженіе ихъ требуетъ большихъ капиталовъ, а потому ни одна самостоятельная дорога не можетъ служить собственно военнымъ цѣлямъ не только исключительно, но даже преимущественно. На русской почвѣ, каждую стратегическую линію приходится растягивать на сотни верстъ и тратить на нее десятки милліоновъ. Если подобное предпріятіе не окупается, т. е. мало полезно въ другихъ отношеніяхъ, то осуществить его—значило бы буквально возвысить текущій военный бюджетъ десятками милліоновъ. Бюджетъ этотъ возросъ въ 9-ть лѣтъ съ 97 милліоновъ на 140; а если еще увеличивать его ежегодною приплатою гарантіи на бездоходныя, чисто стратегическія дороги, то онъ станетъ, наконецъ, изъ бюджета военнаго—цѣлымъ государственнымъ бюджетомъ и все остальное придется содержать посредствомъ благоразумной экономіи. Кромѣ того, изъ частыхъ жалобъ военнаго вѣдомства, (заявленныхъ въ его же собственныхъ изданіяхъ) на недостаточность средствъ по разнымъ предметамъ и до сихъ поръ неудовлетворенныя нужды арміи,—видно ясно, что лишніе милліоны, если бы таковые оказались, нашли бы себѣ болѣе спѣшное употребленіе, даже по военной части, чѣмъ поддержаніе сомнительныхъ стратегическихъ линій. По всему этому у насъ можно принять за аксіому слѣдующее: если военная желѣзная дорога нужна дѣйствительно, (что слѣдуетъ строго доказать), то она все таки немыслима, какъ самостоятельная линія значительнаго протяженія. Можно строить какую нибудь соединительную вѣтвь, придающую двумъ торговымъ путямъ стратегическое значеніе, котораго они не имѣли бы безъ нея; можно въ военныхъ видахъ, давать нѣкоторое уклоненіе, вновь закладываемымъ желѣзнымъ путямъ, если уклоненіе не подрываетъ главной ихъ цѣли—но и только. Такъ дѣлалось до сихъ поръ. Одна лишь петербурго-варшавская дорога построена съ цѣлію болѣе военно-политическою, чѣмъ торговою, вслѣдствіе особенной ея важности; за то же она долго не окупалась. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ относиться очень строго къ проектамъ стратегическихъ дорогъ и оцѣнивать ихъ непремѣнно по двумъ условіямъ: чтобы потребность въ дорогѣ была дѣйствительно настоятельная и чтобы дорога не требовала приплаты, была прежде всего доро-

гою торговою, а потомъ уже военною. Единственное исключеніе, намъ сказано--какая нибудь короткая соединительная вѣтвь съ чисто военною цѣлію. Но и въ такомъ случаѣ самое благоразумное—по одёжкѣ протягивать ножки. Если за какимъ нибудь пунктомъ признано важное военное значеніе, то и тогда лучше соединять его съ ближайшею точкою желѣзной дороги, чѣмъ строить къ нему болѣе длинный, хотя, можетъ быть, и болѣе удобный путь. Такимъ образомъ останутся средства и на другіе, одинаково важные пункты, а у насъ ихъ много. Лучше быть достаточно сильнымъ вездѣ, чѣмъ совсѣмъ сильнымъ въ одномъ мѣстѣ и совсѣмъ слабымъ во всѣхъ прочихъ. Конечно, со временемъ явятся желѣзныя дороги всюду, гдѣ онѣ нужны, но непріятель не станетъ дожидаться окончанія ихъ; надобно стараться сдѣлать возможно больше—къ неизвѣстному часу.

Все сказанное примѣняется буквально къ Крымской дорогѣ, недавно утвержденной, но примѣняется едвали не въ обратномъ смыслѣ. Дорога будетъ имѣть отъ Харькова до Севастополя 819 верстъ протяженія, и въ Чонгарѣ раздѣлится (какъ говоритъ «Инвалидъ») на двѣ вѣтви — севастопольскую и керченскую. Въ выборѣ этого направленія выражается особенно ярко, по моему мнѣнію, отсутствіе условій, при которыхъ наши стратегическія дороги становятся возможными и необременительными, т.-е. тѣ именно условія, при которыхъ дороги могутъ легко переходить изъ проектовъ въ дѣло. Крымъ удаленъ отъ центровъ государства, отрѣзанъ отъ нихъ широкою степною полосою; между тѣмъ, оборона полуострова требуетъ, чтобы онъ былъ связанъ съ этими центрами, для торговли также нуженъ путь къ нему. Разстояніе большое. При этихъ условіяхъ, очевидно, лучшее, что можно сдѣлать — связать полуостровъ съ ближайшимъ пунктомъ, существующихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя въ виду преимущественно дешевизну и торговыя потребности, чтобы дорога не отозвалась приращеніемъ (въ сущности, хотя не по названію) военнаго бюджета. Въ готовой сѣти желѣзныхъ дорогъ есть пункты значительно болѣе близкіе къ Севастополю, конечному пункту дороги, чѣмъ станція Лозовая. Военная дорога въ Крымъ, каково бы ни было ея направленіе, одинаково удовлетворитъ главной цѣли — сообщенію. Конечно, въ военномъ смыслѣ выгоднѣе имѣть дорогу спеціально-соображенную съ своимъ назначеніемъ. Но было бы еще вы-

годнѣе имѣть въ Балтійскомъ морѣ флотъ, неуступающій англійскому; мало ли что выгодно. Оборона государства, безъ сомнѣнія великая вещь; если необходима жертва для этой цѣли, то ее должно принести. Но въ данномъ случаѣ вопросъ состоитъ именно въ необходимости жертвы. Я не знаю офиціальныхъ записокъ по этому предмету, но сущность ихъ видна достаточно даже изъ краткихъ доводовъ «Инвалида». Будетъ весьма поучительно разобрать эти доводы.

Изъ словъ «Инвалида» видно, что авторъ обороняетъ Крымъ противъ союзной арміи 1855 года; всѣ заключенія его истекаютъ изъ событій восточной войны.

Не знаю почему, но у насъ, и только у насъ однихъ въ свѣтѣ, всякое крупное военное событіе, и свое и чужое, не только принимается къ свѣдѣнію, какъ вездѣ, но становится руководящимъ началомъ, къ которому все пригоняется въ текущій за тѣмъ періодъ времени; такъ идетъ до новаго подобнаго же событія, становящагося, въ свою очередь, новымъ образцомъ. Къ руководству принимаются не только дѣйствительно важныя и всеобщія стороны дѣла, освѣщенныя событіями, но самыя случайныя черты вовсе не подходящія ни къ народному складу, ни къ вѣроятному будущему. Такъ было послѣ восточной войны, такъ стало и послѣ австро-прусской. Но какъ Кениггрецкій походъ не пролилъ новаго свѣта на событія, могущія произойти въ черноморскомъ бассейнѣ, то въ этомъ послѣднемъ отношеніи держатся еще заключеній, выводимыхъ изъ войны 1853—56 годовъ, хотя этотъ исключительный примѣръ вовсе не приложимъ къ обыденному положенію дѣлъ. Однакоже, онъ глубоко заронилъ сѣмя въ нѣкоторыхъ умахъ. Вслѣдствіе его именно, какъ кажется, оборонительная война возведена въ принципъ, хотя оборонительная война 1854—55 гг. была единственнымъ исключеніемъ въ нашей исторіи со временемъ Петра Великаго, хотя оборнительная война можетъ выпасть намъ на долю только вслѣдствіе непростительныхъ политическихъ ошибокъ и ничего другаго, даже не случая. Но тѣмъ не менѣе, такъ какъ взглядъ на оборону Крыма и другихъ южныхъ предѣловъ Россіи основываютъ теперь преимущественно на примѣрѣ восточной войны, то приходится по неволѣ представить сжатый очеркъ этой войны, разложить ее на составные элементы.

Когда рѣчь идетъ объ оборонѣ, то прежде всего возни-

каетъ вопросъ—противъ кого? Будущее неизвѣстно, но только далѣе нѣкоторыхъ предѣловъ. Каждое государство знаетъ приблизительно, съ кѣмъ и по какимъ поводамъ оно можетъ воевать. При такомъ соображеніи нельзя никакъ руководствоваться послѣднимъ событіемъ, — надобно взвѣсить прежде, что это было за событіе. Странно основывать мѣры къ оборонѣ черноморскаго побережья на разсчетѣ силъ коалиціи 1855 г. Повтореніе такого событія просто невозможно.

Какимъ образомъ дошло до войны въ Крыму, ставшемъ вдругъ изъ глухаго угла, какимъ онъ былъ и всегда будетъ, театромъ всесвѣтной борьбы? Не смотря на кажущуюся путаницу событій того времени, подкладка этого дѣла такъ проста, что ее можно очертить нѣсколькими словами. Война вспыхнула неожиданно, потому что начиналась изъ-за незначительныхъ требованій, которыя не возбудили бы никакого шума нѣсколькими годами ранѣе, когда во Франціи царствовалъ миролюбивый Луи Филиппъ. Австрія, считаемая нашимъ другомъ, ловко воспользовалась этимъ страннымъ заблужденіемъ и новымъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, чтобъ жарить каштаны, не обжигая лапъ. Все это извѣстно, но дѣло въ томъ, что не помышляя о войнѣ, не вѣря ей, мы впутались въ борьбу совершенно нежданно, не готовясь, не соразмѣривъ средствъ съ цѣлію и потому не могли дать военнымъ дѣйствіямъ направленія, которое дали бы имъ, еслибъ задумали это дѣло сознательно. Вышло, что мы отставали отъ союзниковъ въ средствахъ къ веденію войны по крайней мѣрѣ годомъ, такъ что наше военное развитіе въ 1854 году соотвѣтствовало только потребностямъ 1853, а въ 1855 потребностямъ 1854 года. Не рѣшившись на дессантъ въ Константинополь и на средоточеніе силъ противъ Австріи пока было можно, потому именно, что мы вовсе не имѣли въ виду такихъ серьезныхъ цѣлей. мы были вынуждены соразмѣрять начало своихъ вооруженій съ готовыми уже вооруженіями союзниковъ и, вслѣдствіе того, должны были рабски ступать по ихъ слѣдамъ, довольствоваться пассивною обороною. Французы пошли въ Турцію не для удовольствія внести войну въ Черное море — театръ неудобный, дорогой и немогшій привести ни къ какимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ; а потому лишь, что они хотѣли войны во что бы то ни стало, съ цѣлію разорвать священный союзъ. Австрія же довольствовалась вооруженнымъ нейтралитетомъ и не пу-

скала ихъ къ себѣ; имъ не было другого выбора. Занявъ княжества въ видѣ демонстраціи, нашу южную армію продержали 9 мѣсяцевъ въ бездѣйствіи на Дунаѣ, для того, чтобы избѣжать серьезной войны, а потомъ двинули ее за Дунай по одной лишь причинѣ — по невозможности податься политически, безъ ущерба, въ какую бы то ни было сторону. Это была опять не война, а новая демонстрація; нельзя было серьезно думать объ Адріанополѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что эта демонстрація обратилась намъ въ ловушку. Стоя за Дунаемъ и не имѣя готовой наступательной арміи на Вислѣ, мы не могли отказать Австріи ни въ чемъ. Она заставила насъ безотговорочно воротиться въ свои предѣлы, и стала стѣною между нами и союзниками, собранными въ Турціи, такъ что съ этой стороны столкновеніе вышло невозможнымъ. Союзныя войска пріобрѣли полную свободу дѣйствій. Надо думать, что съ тѣхъ поръ, какъ начались войны на свѣтѣ, подобное явленіе произошло въ первый разъ: сильное войско, собранное противъ врага еще сильнѣйшаго, и вдругъ безъ мира избавленное отъ всякой заботы о непріятельской арміи, свободное направить ударъ, куда ему вздумается. Тутъ оказывалось не положеніе обыкновеннаго дессанта, вольнаго гулять по морю—союзники не бросили бы Турцію, еслибъ намъ былъ открытъ туда доступъ,— но исключительная постановка вещей, происшедшая изъ ряда политическихъ промаховъ. Въ то время Севастополь съ черноморскимъ флотомъ стоялъ ежечасною опасностію для Турціи,— союзники естественно направили первый ударъ на Севастополь. Они разбили слабое войско, имъ противоставшее, промахнулись, не взявши съ перваго шага неукрѣпленный городъ; но сами имѣли время укрѣпиться на удобной береговой позиціи, пока противъ нихъ стягивались достаточныя силы. Силы эти собирались очень медленно, вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ, на которыя стоитъ указать 1). Въ Крымъ могли придти подкрѣпленія, способныя къ полевой войнѣ, только изъ дунайской арміи, стоявшей въ Бессарабіи. Если бы въ то время существовала даже желѣзная дорога извнутри Россіи въ Крымъ, то она все таки не могла бы доставить туда боевыхъ войскъ, какъ недоставила бы ихъ и теперь, потому что въ разгарѣ войны боевыхъ войскъ нѣтъ внутри государства: есть только резервы, годные для гарнизоновъ. А между Днѣстромъ и Крымомъ не существовало, какъ не существуетъ и теперь, и не

предполагается даже, никакого скородвижнаго пути; между тѣмъ какъ все сѣверное прибрежье Чернаго моря составляетъ очевидно одинъ военный театръ. Въ настоящую пору случилось бы то же самое даже при лозово-севастопольской дорогѣ, которая не помогла бы нисколько въ подобную спѣшную минуту. 2) Въ началѣ восточной войны не было соблюдено мудрое правило, руководившее до тѣхъ поръ нашими войсками,— высшее начальствованіе на всемъ возможномъ театрѣ войны противъ одного и того же врага (въ данномъ случаѣ на всемъ черноморскомъ бассейнѣ, кромѣ Кавказа), не было объединено въ однѣхъ рукахъ. Командовавшій въ Крыму былъ вполнѣ не зависимъ отъ командовавшаго на Прутѣ и въ Новороссіи. Не распространяясь много объ этомъ обстоятельствѣ, скажу только, что у насъ на такой конецъ всегда существовало правило, сначала въ обычаяхъ и преданіяхъ, потомъ вписанное въ уставы (нынѣ вовсе отмѣненное) о командующихъ частными арміями, подчинявшихся единому главнокомандующему, когда онѣ входили въ его районъ дѣйствій. Командующій частною арміею, имѣя свое особое дѣло, оставался самостоятельнымъ начальникомъ, по тѣхъ лишь поръ, пока главнокомандующій это допускалъ. Такимъ образомъ единство сохранялось на всемъ протяженіи войны и всякая масса войскъ, даже выдѣленная особой арміей, была обезпечена въ поддержкѣ прочихъ. Это учрежденіе составляло краеугольный камень нашей военной системы и доставляло намъ великое преимущество. Будь весь черноморскій бассейнъ сосредоточенъ въ рукахъ одного главнаго полководца, этотъ полководецъ, отвѣчая за Крымъ въ такой же мѣрѣ какъ и за Бессарабію, устремился бы немедленно туда, гдѣ грозила опасность. Союзники появились уже въ Крыму, стало быть не могли одновременно угрожать Бессарабіи; для удержанія оставшихся за Дунаемъ турокъ не нужно было большихъ силъ; съ австрійцами войны не было и она не могла вспыхнуть мгновенно. По первому извѣстію о высадкѣ, единый главнокомандующій повелъ бы въ Крымъ силы, достаточныя для того, чтобы сбить союзниковъ на первыхъ порахъ. Отдѣльный командующій арміею, отвѣчающій только за свою мѣстность, не имѣлъ особаго побужденія торопиться и дожидался приказаній свыше. Когда подкрѣпленія прибыли, непріятель также ихъ получилъ и твердо уже стоялъ на своей позиціи.

О дальнѣйшемъ ходѣ Крымской войны нечего много говорить. Даже въ этомъ стѣсненномъ положеніи, мы могли бы побить непріятеля, еслибы пользовались выгодами своей сосредоточенной позиціи и ломили впередъ по-русски, вмѣсто хитросплетенныхъ обходныхъ движеній, производившихся безъ настойчивости и раздроблявшихъ наши силы. Солдаты чуть не плакали всякій разъ, когда, сбивши непріятеля на большой вылазкѣ, получали приказаніе отступить въ городъ. Лѣтомъ 1855 года безъисходный споръ шелъ уже только объ одномъ вопросѣ: кто привезетъ больше бомбъ, союзники ли моремъ или мы на почтовыхъ тройкахъ? Въ то время какъ и теперь, для устраненія этого неравенства, было бы достаточно, чтобы какая нибудь желѣзная дорога связывала Крымъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ и съ центрами государства. Въ военномъ отношеніи было бы всего выгоднѣе, чтобы эта дорога, или отростки ея связывали Крымъ съ Прутомъ. Въ смыслѣ продовольствія и снабженія, какъ сказано, всякая дорога изнутри Россіи удовлетворила бы потребностямъ 1855 года. Еслибы эти двѣ дороги съ Прута и изъ Россіи связывались вмѣстѣ, наше положеніе было бы превосходнымъ.

Но въ настоящую пору оказалось бы фантазіею, если не больше, примѣнять крымскую дорогу къ обстоятельствамъ 1855 года. Мы видѣли, какой рядъ исключительныхъ условій былъ нуженъ для того, чтобы Крымская война могла осуществиться. Не представься хоть одно изъ этихъ условій и война не разразилась бы въ Крыму. Для этого было бы нужно.

1) Чтобы мы снова возымѣли намѣреніе ломиться въ Турцію въ обходъ Австріи, не смотря на очевидную невозможность такого дѣла.

2) Чтобы Франція хотѣла опять войны для войны и рѣшилась для того оголить себя, сосредоточить всѣ свои силы хоть на краю свѣта, даже снова въ Черномъ морѣ.

3) Чтобы въ это время Пруссія, по старой дружбѣ къ сосѣдкѣ, поручилась за неприкосновенность рейнской границы.

4) Чтобы мы опять ввязались въ войну нечаянно и, не бывши готовыми, не могли бы вовсе направлять ее въ нашихъ видахъ.

5) Чтобы мы снова поддались въ ловушку 1854 года, дали бы австрійцамъ стать между нами и силами коалиціи, предоставляя послѣднимъ полную свободу дѣйствій.

6) Чтобы существовалъ севастопольскій портъ съ черноморскимъ флотомъ, естественно привлекавшій на себя первый ударъ этой праздной арміи.

Если же хотя одно изъ этихъ мудреныхъ условій, мудреныхъ даже поодиночкѣ, не состоится то ради Создателя, какая же коалиція придетъ въ Крымъ и что она будетъ тамъ дѣлать?

Можно смѣло сказать: если бы вздумалось теперь стараться возобновить событія 1854 года, нарочно играть такою игрою, чтобы привлечь въ Крымъ стотысячную непріятельскую армію, то это оказалось бы невозможнымъ. Противъ кого же такія страшныя приготовленія, бросаніе лишнихъ милліоновъ на самую безопасную дорогу и грозную Керчь, этотъ новый Севастополь, какъ называетъ ее «Инвалидъ»? Укрѣплять Крымъ противъ коалиціи 1855 года, все равно, что укрѣплять Полтаву противъ новой осады Карла XII.

Это не значитъ, чтобы не нужно было принимать заблаговременныхъ мѣръ къ оборонѣ Крыма и всего черноморскаго прибрежья; но мѣры эти должны быть сообразованы съ дѣйствительною, ожидаемою, а не съ прошлою опасностію; ихъ надобно поставить въ разрядъ, соотвѣтствующій сущности дѣла, чтобы не тратить въ одномъ мѣстѣ лишняго, когда въ другомъ недостаетъ необходимаго.

Война изъ-за Турціи можетъ вспыхнуть завтра, но рѣшительныя дѣйствія разыграются въ такомъ случаѣ на западной границѣ, а никакъ не на Черномъ морѣ. Предположимъ самый опасный случай—еслибъ мы были вынуждены встать внезапно, безъ всякаго союзника, противъ европейской коалиціи какъ въ 1854 году. Кто же не видитъ, что главная наша опасность въ этомъ случаѣ, прежде и болѣе всего—Польша съ Западнымъ краемъ, потомъ Закавказье, Финляндія—страны, въ которыхъ непріятелю надобно взять верхъ на одинъ мигъ, чтобъ все двинулось въ его пользу. Въ первый періодъ войны силы европейской коалиціи никакъ не станутъ стягиваться въ европейской Турціи, такъ какъ имъ не будетъ никакого повода въ это время заботиться объ ея участи. Мы не пойдемъ, съ перваго же шага, на перекоръ смыслу и опыту, очевидному для ребенка, воевать за Дунаемъ въ обходъ Австріи. Прежде чѣмъ идти на турокъ въ Европѣ, намъ надобно завоевать это право цѣною большихъ побѣдъ. Европейскія арміи, въ

свою очередь, пойдутъ туда, гдѣ для нихъ есть цѣль и рѣшительные пункты, а не туда гдѣ имъ нечего дѣлать. Какъ и куда, это зависитъ отъ многихъ условій, но условій предвидимыхъ даже безъ особой зоркости. Но въ такомъ случаѣ, безъ матеріальной поддержки Европы, война на Черномъ морѣ становится мѣстною, происходитъ между двумя сосѣдними сторонами—Россіею и Турціею. Нельзя ручаться, конечно, чтобъ турки не были поддержаны какимъ нибудь европейскимъ дессантомъ. Англія, напримѣръ, безсильная въ сухопутной европейской войнѣ, можетъ послать подкрѣпленіе Турціи, и то едвали; при войнѣ съ Россіею, Англія пошлетъ всѣхъ своихъ лишнихъ солдатъ въ Индію, не противъ русскихъ штыковъ, а противъ вѣтра, дующаго съ сѣверной стороны; въ Индіи этотъ вѣтеръ причиняетъ, говорятъ, смертельную простуду. Но какъ бы то ни было, когда загорится у насъ война, мы увидимъ на Черномъ морѣ турокъ и можетъ быть европейскій экспедиціонный корпусъ въ 10—15 тысячъ человѣкъ, не болѣе; главныя силы турокъ будутъ заняты въ Азіи, для дессантовъ не останется ихъ через чуръ много. Подвижнаго войска для морскихъ экспедицій можно предположить у непріятеля 40 тысячъ на крайній конецъ, и изъ нихъ двѣ трети турокъ, т. е. людей, бѣгущихъ поголовно, когда ихъ первая линія опрокинута. Перевозочныхъ морскихъ средствъ не наберется и на половину этихъ людей. Въ 1854 году нужно было усиленное напряженіе Англіи, Франціи и Турціи, съ наймомъ судовъ по цѣлому свѣту, чтобъ поднять 62 тысячи человѣкъ на двое сутокъ. Но положимъ, что дессантъ подымется весь; я преувеличиваю и цифры и вѣроятности, чтобы меня не попрекнули въ пристрастіи. Надобно разсмотрѣть, что можетъ имѣть въ виду подобный дессантъ въ Черномъ морѣ?

Никто не тратитъ своихъ средствъ даромъ, а такой дессантъ требуетъ огромной затраты. Надобно, чтобъ цѣль хоть сколько нибудь соотвѣтствовала издержкамъ. Можно нанести чувствительный ударъ врагу только тамъ, гдѣ по особому очертанію границы или по духу населенія, первая побѣда ведетъ къ окончательному отхвату областей; по крайней мѣрѣ къ осуществимой угрозѣ, что если-де непріятель не согласится на наши условія, то захваченныя области не будутъ ему возвращены. Для дѣйствительности такой угрозы, нужно прежде всего, чтобы существовала, нравственно и матеріяльно, воз-

можность удержать минутное завоеваніе. Конечная цѣль похода можетъ состоять также въ уничтоженіи дорого стоющихъ, требующихъ большаго времени для возобновленія, опасныхъ по своей цѣли заведеній непріятеля—каковъ былъ Севастополь. Все это понятно. Севастополь, какъ портъ и арсеналъ, не существуетъ болѣе, стало быть—по второму пункту у непріятеля нѣтъ цѣли въ Крыму. По первому пункту онъ можетъ имѣть въ виду только Закавказье. Хотя страна эта теперь трудно доступна для внѣшняго врага, потому что бывшія черкесскія горы, находясь въ нашихъ рукахъ, составляютъ неодолимую крѣпость, откуда отряды могутъ выйти на сообщеніе непріятеля, по какой бы сторонѣ горъ онъ ни пошелъ—по сѣверной или южной; потому также, что мусульманское населеніе, на которое непріятель могъ бы разсчитывать, живетъ далеко отъ Чернаго моря, окруженнаго (кромѣ одной Абхазіи) христіанскимъ, вооруженнымъ и вѣрнымъ народомъ; но, во всякомъ случаѣ, покушеніе на Закавказье со стороны моря, за одно съ наступленіемъ турецкой арміи изъ Карса, имѣетъ хоть какую нибудь возможность успѣха. По этому единственная наша опасность въ черноморскомъ бассейнѣ заключается въ Закавказьи. Тамъ преимущественно слѣдуетъ думать о военныхъ дорогахъ и укрѣпленіяхъ.

Но Крымъ, но западная половина новороссійскаго края отъ Прута до Днѣпра, которую авторъ статьи «Инвалида» думаетъ покинуть при какихъ-то особыхъ военныхъ случайностяхъ, что это такое?

Подобную тему легко было бы обратить въ забаву для читателя, но я не хочу этого, потому что авторъ статьи, въ извѣстномъ смыслѣ, не виноватъ. Онъ слѣдуетъ общему направленію, передумываетъ свою задачу по воспоминаніямъ восточной войны. На счетъ оборонительной линіи Днѣпра надо сказать слѣдующее:

Если бы мы приняли вызовъ Австріи въ 1856 году, то война сосредоточилась бы безъ сомнѣнія въ западныхъ губерніяхъ. Армія коалиціи пошла бы изъ Крыма на соединеніе съ австрійцами и, конечно, не степью черезъ Перекопъ и черезъ головы нашей Севастопольской арміи, а моремъ черезъ Одессу; для такой цѣли она пожертвовала бы, пожалуй, своимъ арріергардомъ. Тогда намъ пришлось бы, конечно, держаться на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но только нѣсколько дней, во время по-

хода союзной арміи съ берега въ Подолію. Въ силу этого воспоминанія, статья «Инвалида» прячетъ соединительную линію Россіи съ Крымомъ за Днѣпръ, чтобы не вводить непріятеля въ искушеніе. Въ военномъ дѣлѣ оказывается недостаточнымъ помнить, надобно еще соображать и предвидѣть. Кто же можетъ быть нашимъ непріятелемъ въ будущемъ со стороны Новороссійскаго края? Армія новой коалиціи? Но для этого нужно осуществленіе шести вышеприведенныхъ неосуществимыхъ условій. Австрійцы? Но развѣ, въ случаѣ войны съ Австріею, хотя бы поддержанной другими союзниками, ей будетъ время думать о наступленіи на Днѣпръ, для того единственно, надобно думать, чтобы полюбоваться порогами? И при томъ можетъ ли небольшой корпусъ предпринять такую операцію? Что же касается до цѣлой Австрійской арміи въ Новороссійскомъ краѣ—то развѣ тутъ есть человѣческій смыслъ. Передъ австрійцами лежитъ Польша, которую можно поднять поголовно, а они двинутся въ глухую степь, населенную вѣрнымъ русскимъ народомъ, гдѣ каждая пядень земли будетъ воевать за насъ? Силы Австріи сосредоточатся въ Польшѣ, часть ихъ займетъ, если сможетъ, княжества, но отбивать у насъ крымскую дорогу они не станутъ. Остаются только турки. Авторъ статьи, по всей вѣроятности, никогда не видалъ турокъ въ огнѣ; мы же видѣли, какъ 50 тысячъ фесокъ бѣгутъ отъ 9 тысячъ русскихъ солдатъ. Кромѣ того турки никогда не отличались страстію къ путешествіямъ; зачѣмъ станутъ они путешествовать на Днѣпръ, безъ дѣла? Для непріятеля, владѣющаго Чернымъ моремъ нѣтъ, конечно, невозможности захватить на нѣсколько часовъ Перекопскую дорогу выше или ниже перешейка. Но операція эта требуетъ по крайней мѣрѣ трехъ дней и сопряжена съ рискомъ, на рискъ же никто не идетъ безъ положительной цѣли; а мелкая, исправимая въ нѣсколько часовъ, порча дороги не составляетъ серіозной цѣли для непріятеля, какъ и серіознаго урона для насъ. А конечно непріятель не придетъ на дорогу, отстоящую нѣсколько десятковъ верстъ отъ берега съ тѣмъ, чтобы свить себѣ гнѣздо и построить городъ. Прятать крымскую желѣзную дорогу за Днѣпръ, изъ опасенія непріятельскаго вторженія — не значитъ писать серіозный стратегическій разборъ.

Цѣль дороги—Крымъ. Надобно разсмотрѣть въ какой мѣрѣ полуостровъ привлекаетъ къ себѣ непріятеля, какое значеніе

можетъ имѣть для насъ вторженіе туда врага и въ чемъ должна состоять оборона, соразмѣренная не съ фантастическою, а съ дѣйствительною опасностію.

Если бы непріятель могъ захватить Крымъ легко, небольшими силами и удержаться въ немъ, для чего ему надобно прежде всего овладѣть доступами на полуостровъ, то отчего же и не захватить? полуостровъ послужилъ бы выгодною статьею промѣна при мирѣ, другой цѣли у непріятеля тамъ нѣтъ. Въ Крыму не существуетъ уже ни арсеналовъ, ни доковъ, ни флота — стоявшихъ прежде какъ бѣльмо на глазу у Европы. Остается Керчь, но объ этомъ послѣ. Тѣмъ не менѣе — захватъ Крыма представляетъ всетаки какую-нибудь выгоду. Одна бѣда: удержаться на полуостровѣ съ малыми силами нельзя, большихъ — это завоеваніе не стоитъ. Чтобы стать прочно въ Перекопѣ, Чонгарѣ, на Стрѣлкѣ и блокировать Керчь, съ резервомъ сзади, непріятелю нужно отъ 40 до 50 тысячъ войска, которое при томъ не будетъ въ состояніи ступить шагу далѣе. Неужели кто-нибудь согласится пожертвовать для такой цѣли, на все продолженіе войны, 50 тысячами солдатъ? Если же согласится, то дай Богъ! у враговъ будетъ 50-ю тысячами боеваго войска менѣе, опасность дессанта въ другія, болѣе опасныя мѣстности, исчезнетъ вовсе, оборона черноморскаго прибрежья станетъ весьма покойною для насъ. А какъ участь войны порѣшится теперь, во всякомъ случаѣ, уже не въ черноморскомъ бассейнѣ, то намъ будетъ очень выгодно свалить съ плечь заботу о южномъ прибрежьѣ. Крымъ безъ Севастополя, т.-е безъ чувствительной утраты для насъ, всосетъ въ себя всю дессантную непріятельскую силу, какъ губка. Для наблюденія за 50-ю тысячами разбросанныхъ въ Крыму враговъ, достаточно держать отрядъ въ 15 тысячъ на материкѣ Таврической губерніи,—вѣдь непріятель не погонится же за нимъ до Харькова! Въ общемъ итогѣ выйдетъ преимущество надъ непріятелемъ въ 35 тысячъ солдатъ. Но къ чему тѣшить себя такими радужными мечтами! Теперь уже не найдется на свѣтѣ противника, который пошелъ бы на столь выгодную для насъ сдѣлку. Если въ его распоряженіи окажется дѣйствительный дессантъ, не то, что въ 50, а хотя въ 30 тысячъ, онъ не пожертвуетъ имъ для занятія пустаго и никому ненужнаго Крыма, найдетъ для себя цѣль гораздо болѣе намъ опасную.

Остается Керчь, новый Севастополь, по словамъ «Инвалида». Но Севастополь самъ по себѣ никого не интересовалъ, союзники интересовались только севастопольскимъ флотомъ съ принадлежностями, составлявшимъ въ рукахъ Россіи очень опасное орудіе, посредствомъ котораго она могла, когда ей вздумается, высадить войско въ Константинополѣ. Керчь же не только не составляетъ опорнаго пункта для какого-нибудь флота, но, говоря правильно, она даже не портъ, даже не приморская крѣпость. Въ Таманскій проливъ не могутъ входить 12-пушечные корветы.

Углублять Таманскій проливъ было бы работой Данаидовой бочки, ежегодные наносы Дона и Кубани засыпаютъ постепенно Азовское море и выносятся въ проливы; а всѣ видѣли, что вышло изъ хлопотъ цѣлой международной комиссіи, бившейся надъ углубленіемъ дунайскихъ гирлъ послѣ парижскаго мира. Кромѣ того, во всемъ Азовскомъ морѣ нѣтъ ничего похожаго на портъ; все оно — наводненная песчаная низменность; двухъ-мачтовыя купеческія суда не подходятъ тамъ къ берегу ближе 10 верстъ; однимъ словомъ, ни возможности устроить верфь для военныхъ судовъ, ни рейда для нихъ, ни выхода въ Черное море — ничего этого не существуетъ.

Если бы Азовское море было не лужей, а входъ въ него изъ Чернаго моря не сточною канавою — о! тогда совсѣмъ другое дѣло, тогда не Керчь была бы вторымъ Севастополемъ, а напротивъ, развѣ Севастополь назывался бы второю Керчью.

Керчь не портъ, въ ней и за нею нѣтъ и никогда не можетъ быть никакого флота. Единственное назначеніе ея — закрывать входъ въ Азовское море; польза ея равняется, математически, вреду, который непріятель можетъ нанести азовскимъ берегамъ и содержанію войска (самаго дешеваго, казаковъ или какой-нибудь милиціи), нужнаго для занятія береговъ въ случаѣ прорыва непріятеля — ни больше ни меньше. Вредъ, причиненный непріятелемъ въ Азовскомъ морѣ, въ прошлую войну, состоялъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ сожженія нѣсколькихъ лодокъ, двухъ затопленныхъ пароходовъ и двухъ пустыхъ карантиновъ. Малоцѣнность потерь, положимъ, не можетъ быть доводомъ; во всякомъ случаѣ русское правительство обязано оградить своихъ подданныхъ отъ вражескаго насилія, когда это оказывается возможнымъ. Потому надо

было укрѣпить керченскій проливъ. Но рѣчь идетъ не объ укрѣпленіи, а о первокласной крѣпости. Стратегическаго значенія эта крѣпость не имѣетъ, арсеналомъ она служить не можетъ, потому что въ военное время она будетъ заперта съ моря, а въ мирное некого оттуда снабжать. Притомъ всякая деревня на Азовскомъ морѣ, не говоря о Ростовѣ, составляетъ такое же складочное мѣсто, безопасное отъ покушеній непріятеля, когда разъ проливъ закрытъ. Все дѣло, стало быть, въ закрытіи пролива. Для этого нужны береговыя батареи и такая ограда со стороны суши, чтобы дессантъ въ 10—15 тысячъ человѣкъ не могъ взять укрѣпленіе штурмомъ. Объ осадѣ нечего говорить, потому что никто и никогда не придетъ осаждать Керчь. Такое предпріятіе не имѣетъ другой цѣли, какъ только ворваться въ Азовское море, чтобы снова сжечь два пустые карантина и нѣсколько лодокъ. Въ 1855 году союзники могли воспользоваться прорывомъ, чтобы дѣйствовать на Ростовъ и Новочеркаскъ, затрудняя наши сообщенія съ Кавказомъ; они многое могли, потому что за флотомъ стояла двухъсотъ-тысячная армія, и однакó же, не рѣшились,—не такъ легко лѣзть съ палубы на русскую землю. Очевидно, есть люди, считающіе достаточнымъ поставить на морскомъ берегу валъ съ пушками, чтобы непріятель пришелъ его осаждать; непріятель, однако же, идетъ туда, гдѣ видитъ цѣль, а не туда, куда его приглашаютъ. Что же касается извѣстныхъ мнѣ доводовъ военныхъ журналовъ, то могу сказать, я самъ набилъ руку въ аргументаціи такого рода и, если угодно, представлю сильные доводы въ пользу громаднаго значенія Керчи. Читайте:

«Послѣ разрушенія Севастополя у насъ не осталось ни одного твердаго оплота на Черномъ морѣ. Мы не можемъ обойдтись безъ опорнаго пункта въ этомъ важномъ басейнѣ, имѣющемъ великое стратегическое значеніе въ системѣ общей обороны государства. Къ счастію, Азовское море вполнѣ осталось въ нашихъ рукахъ. Въ точкѣ, соединенія его съ Чернымъ моремъ лежитъ едва ли не важнѣйшій пунктъ всего южнаго бассейна. Кромѣ того, что онъ совершенно ограждаетъ входъ въ Азовское море, пунктъ этотъ, лежащій при соединеніи двухъ морей и двухъ, можно сказать, различныхъ зонъ,—Крыма, т.-е. южной Россіи, и сѣвернаго Кавказа, представляетъ уже самъ по себѣ опорную точку, одинаково важную

для крымскаго полуострова, для Кавказа и для будущаго владычества на Черномъ морѣ. Керчь ограждаетъ весь сѣверный Кавказъ, куда непріятель не рѣшится двинуться, оставляя въ тылу у себя сильную крѣпость. При тщательномъ укрѣпленіи мѣстности, чему способствуютъ многія условія, непріятель найдетъ здѣсь второй Севастополь, и проч.». Увѣряю васъ, что эта краснорѣчивая страница не выписана мною откуда нибудь—я сейчасъ ее сочинилъ.

Какъ извѣстно, занятіе Керчи союзниками въ 1855 году не повліяло ни малѣйшимъ образомъ на ходъ дѣлъ въ Крыму; пострадали только нѣкоторые прибрежные азовцы. Керчь, отрѣзанная водою отъ Таманскаго полуострова, куда непріятель можетъ высадиться безъ затрудненія и не обращая вниманія на пушки противоположнаго берега—не ограждаетъ вовсе какого либо доступа въ Крымъ; непріятель можетъ овладѣть Таманскимъ полуостровомъ, а затѣмъ пустить, сколько хочетъ, скадныхъ желѣзныхъ судовъ въ Азовское море, не заботясь о существованіи этой крѣпости, она будетъ блакирована собственнымъ своимъ положеніемъ. Керчь вовсе не прикрываетъ сѣвернаго Кавказа, какъ я написалъ на краснорѣчивой страницѣ, — во-первыхъ, потому, что не можетъ его прикрывать, во-вторыхъ, потому, что прикрывать нечего. Сѣверный Кавказъ — страна, населенная самымъ воинственнымъ народомъ въ свѣтѣ — кавказскими казаками, огражденная кавказскою арміею и притомъ страна безъ всякаго предмѣстнаго пункта, на который непріятель могъ бы направить свои усилія — степь въ тысячу верстъ. Если найдется врагъ, способный на такія умныя предпріятія, то его никакъ не слѣдуетъ отпугивать крѣпостями, напротивъ, надо отворить ему двери настежъ. Къ владычеству же на Черномъ морѣ, Керченская крѣпость имѣетъ такое же отношеніе, какъ если бы она стояла посреди Астраханской степи.

Если забывать, смотря на карту, дѣйствительность, которую она представляетъ, то Керчь — единственная наша крѣпость на Черномъ морѣ, запирающая Азовское море, точка соприкосновенія Кавказа съ Крымомъ — можетъ, пожалуй, показаться стратегическимъ пунктомъ. Но, помня дѣйствительность, въ этой крѣпости нельзя видѣть ничего другаго, какъ батарею, закрывающую входъ въ Азовскій заливъ, съ цѣлію оградить береговое населеніе отъ разбоя непріятельскихъ крей-

серовъ. Цѣль полезная, но второстепенная. Все прочее — и въ томъ числѣ стратегическія разсужденія — совсѣмъ лишнее.

Какимъ образомъ могло установиться такое понятіе? Очень просто, вслѣдствіе идеи, о которой мы уже говорили — идеи защищать Крымъ противъ фантастическихъ силъ новой коалиціи.

Я съ намѣреніемъ напиралъ на Керчь, чтобы не дать противникамъ свить въ ней гнѣздо, изъ котораго можно переиначивать прямой взглядъ на оборону Крыма. Это былъ, кажется, единственный напоръ въ настоящемъ и будущемъ на эту крѣпость. Теперь главные пункты дѣла установлены, по нимъ можно обозначить общій планъ обороны Крыма и Новороссіи, что составляетъ въ сущности одинъ и тотъ же вопросъ. Начнемъ съ Крыма. На Черномъ морѣ нельзя ждать союзной арміи 1855 года, а потому не для чего принимать чрезвычайныхъ мѣръ. Мы можемъ имѣть дѣло съ дессантомъ тысячъ 30—40, вѣроятно, съ турецкимъ, а можетъ быть съ такимъ, гдѣ турокъ будетъ двѣ трети, вотъ мѣра опасности. Единственная серьозная приманка для дессанта въ Черномъ морѣ— Закавказскій край. Крымъ безъ Севастополя не представляетъ для него важной цѣли. Въ случаѣ войны, непріятель, по своему обычаю, станетъ грабить крымскіе берега; противъ морскаго разбоя должны быть приняты тѣже мѣры въ Крыму, какъ и въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Херсонской губерніи и проч.; береговая защита не есть стратегическая оборона края. Рисковать, однако же, не слѣдуетъ, хотя не слѣдуетъ тратить лишнихъ средствъ противъ призрака. Непріятель можетъ удержаться на полуостровѣ въ такомъ лишь случаѣ, когда захватитъ доступы къ нему съ материка. Намъ предстоитъ, стало быть, обратная задача — твердо держать эти доступы въ своихъ рукахъ. Мы можемъ выставить вездѣ отрядовъ равносильныхъ дессанту. Наше дѣло—имѣть прочный доступъ въ Крымъ, и за нимъ отрядъ, который могъ бы вступить на полуостровъ, когда нужно, и выгнать дессантъ; выгнанный разъ дессантъ не придетъ вторично. Задача въ томъ, чтобы входъ на полуостровъ былъ наилучше огражденъ отъ покушеній непріятеля, близокъ къ расположенію войскъ, составляющихъ боевой резервъ, и связанъ желѣзною дорогою съ мѣстами расположенія этихъ войскъ. Что касается до продовольствія, то всякій рельсовый путь, связывающій Крымъ съ

сѣтью желѣзныхъ дорогъ удовлетворитъ такой цѣли. Сила дѣйствующаго резерва. кромѣ гарнизоновъ, зависитъ отъ того обстоятельства—примкнутъ ли къ туркамъ какіе-нибудь европейцы, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ достаточно 25, во второмъ 15 тысячъ. Турки одни могутъ показаться въ Крыму, но не предпримутъ серьезнаго похода внутрь страны.

Теперь предложимъ первый вопросъ: гдѣ въ военное время будутъ расположены войска, которымъ придется выручать Крымъ? Конечно не въ Харьковѣ и не на Азовскомъ морѣ, огражденномъ Керчью. Если при европейской войнѣ останутся въ Харьковѣ или вдоль лозовско-чонгарской дороги какія либо полевыя войска, то это будетъ значить, что мы не умѣемъ воевать и потому не должны начинать войну. Откуда же могутъ придти полевыя войска? Очевидно, изъ пунктовъ, гдѣ онѣ и безъ того нужны, гдѣ, слѣдовательно, онѣ будутъ расположены предварительно. Когда война распространится на Черное море, то у насъ по необходимости будетъ собрана армія на Днѣстрѣ и Прутѣ; по необходимости также эта армія будетъ оборонительною, не пойдетъ далеко; въ первый періодъ войны мы никакъ не вторгнемся въ Турцію въ обходъ Австріи. Кромѣ того будутъ расположены войска для защиты прибрежья, въ Одессѣ, Николаевѣ, на устьѣ Днѣпра. Въ этихъ силахъ заключается боевой резервъ для обороны Крыма и другаго не нужно, да и взять его не откуда. Когда направленіе непріятеля выяснится, то большой части этихъ силъ нечего будетъ дѣлать на прежнихъ мѣстахъ. Изъ этого явствуетъ, что самый выгодный доступъ въ Крымъ—тотъ, который лежитъ ближе прочихъ къ этимъ обязательнымъ мѣстамъ расположенія войскъ, т. е. къ западу. Пунктъ этотъ Перекопъ.

Для полнаго выясненія читателямъ вышесказаннаго, я долженъ оговориться.

Въ военное время могутъ оказаться подъ рукою, внутри страны, довольно многочисленныя резервныя войска, вновь формируемыя, какъ ополченіе и проч. Но такія войска, составляя чрезвычайно важное подпорье для обороны края, въ гарнизонахъ или стоя за дѣйствующими войсками, не составляютъ еще самостоятельной силы; нельзя вести ихъ однѣхъ въ полевую битву; поэтому нельзя и разсчитывать на нихъ, какъ на боевой резервъ для отраженія дессанта.

Затѣмъ слѣдуетъ второй вопросъ. Прикроетъ ли прочно за-

нятая позиція въ Перекопѣ—Чонгарскій мостъ *) и все лежащее далѣе пространство? Очевидно, когда Перекопъ и Керчь въ нашихъ рукахъ, то Азовское море совершенно безопасно. Но огражденъ ли Перекопъ Чонгарскою позиціею? Также очевидно—нѣтъ, потому что Перекопскій перешеекъ лежитъ впереди ея, ближе къ непріятелю. Избраніе Чонгарской переправы, какъ основнаго пункта сообщенія, ведетъ къ двумъ послѣдствіямъ: или Перекопъ оставляется на произволъ перваго вражескаго дессанта, или требуется раздѣленіе силъ и увеличеніе расходовъ для обоихъ пунктовъ вмѣстѣ. Захвативъ Перекопъ, непріятель можетъ двигаться безпрепятственно по обѣимъ сторонамъ Сиваша—на полуостровѣ и на материкѣ; если перевѣсъ въ силахъ окажется за нимъ, что неминуемо въ первые дни дессанта, то онъ можетъ удобно захватить Лозовскую дорогу выше Чонгара. Даже больше; владѣя Перекопомъ, сообразительный непріятель надолго упрочитъ за собою превосходство силъ, потому что изъ этой центральной позиціи онъ можетъ не допустить сосредоточенія русскихъ войскъ съ лѣвой и съ правой стороны Днѣпра, иначе какъ длиннымъ обходомъ; а въ тоже время движеніе его отъ Перекопа къ Чонгару отрѣжетъ вовсе войска, занимающія Крымъ, отъ материковыхъ. Между тѣмъ, очевидно, наша сила, разбросанная, какъ сила всякаго обороняющагося, состоитъ единственно въ возможности быстраго сосредоточенія. Избраніе позицій, препятствующихъ сосредоточенію, рушитъ все дѣло. При существованіи лозовочонгарской дороги, на Днѣпрѣ не будетъ устроено ни одной безпрепятственной переправы ниже Кременчуга, а тутъ придется переходить рѣку и тащиться пѣшкомъ изъ за Днѣпра на выручку Чонгара, мимо, можно даже сказать,—въ виду непріятеля, стерегущаго изъ центральной Перекопской позиціи, всегда доступной ему безъ выстрѣла, каждое движеніе нашихъ разбросанныхъ отрядовъ. Для трехъ, четырехъ дневныхъ переходовъ найдутся средства и у дессанта; вѣдь прошла же армія С. Арно изъ Евпаторіи къ Севастополю. Можетъ быть авторъ статьи, полагающій умѣстнымъ спрятать Крымскую дорогу за Днѣпръ отъ турокъ, стоящихъ за Дунаемъ, считаетъ невозмож-

*) Чонгарскій мостъ построенъ на рукавѣ Сиваша между Перекопомъ и Арбатскою стрѣлкою въ 70 верстахъ отъ Перекопа и въ 30 отъ Стрѣлки, т. е. Геническа.

нымъ движеніе въ нѣсколько переходовъ отъ Перекопа? Эту тему можно было бы развить пространно, но кажется достаточно и сказаннаго. Какой же военный не видитъ при первомъ взглядѣ на карту, всѣхъ этихъ послѣдствій избранія Чонгарской переправы и забвенія о Перекопѣ.

Перекопъ недоступенъ флоту. Онъ окруженъ такими мелями, что даже плоты не могутъ къ нему подходить. Въ этомъ отношеніи положеніе его одинаково съ Чонгаромъ. Дорога отъ Днѣпра къ перешейку идетъ перпендикулярно къ морю и на столько же удалена отъ ближайшаго дессантнаго мѣста какъ и самъ Перекопъ. Очевидно Перекопскій перешеекъ долженъ быть укрѣпленъ и занятъ въ военное время достаточнымъ гарнизономъ. Объ этомъ настаивалъ еще извѣстный адмиралъ Грейгъ, послѣ войны 1829 года.

Но значеніе его какъ главнаго доступа въ Крымъ и пункта сосредоточенія войскъ, утратилось бы совершенно, если бы онъ не былъ связанъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Какое можетъ быть сосредоточеніе безъ дороги и какое огражденіе позиціи безъ возможности сосредоточенія?

Кромѣ того, какъ сказано выше, крымскій резервъ—это вся масса войскъ, занимающихъ Новороссійское прибрежье до Днѣстра и даже далѣе, до Прута. Оборона сѣверо-западнаго угла Чернаго моря составляетъ главную заботу во всемъ южномъ бассейнѣ. Какими бы ополченіями не заняли этотъ край, за ополченіемъ все таки нужно будетъ нѣкоторое число полевыхъ войскъ, какъ ядро, къ которому примкнутъ подвижныя части ополченія. Но дѣло въ томъ именно, чтобъ число полевыхъ войскъ, необходимыхъ въ этой мѣстности, какъ и на другихъ оборонительныхъ предѣлахъ, было по возможности не велико. Участь войны зависитъ почти исключительно отъ количества дѣйствующихъ войскъ, выставленныхъ на главномъ театрѣ войны; все что употребляется на пассивную оборону, уменьшаетъ на столько же вѣроятность счастливаго исхода войны. Но какимъ способомъ можно уменьшить до послѣдняго предѣла количество полевыхъ войскъ, необходимыхъ для обороны западной части черноморскаго бассейна, т.-е. Новороссіи и Крыма? Очевидно, только однимъ — чтобы войска могли быстро сосредоточиться на всякомъ угрожаемомъ пунктѣ. Сѣверо-западное черноморское прибрежье, составляя единый военный театръ отъ Дуная до Крыма, должно быть

такимъ не только на картѣ, но въ дѣйствительности — что осуществляется лишь желѣзною дорогою изъ Одессы черезъ Николаевъ въ Крымъ. Но длинныхъ стратегическихъ дорогъ нельзя строить, а потому дѣло идетъ не о сооруженіи Одесскониколаевско-перекопской дороги, а о томъ направленіи крымскаго рельсоваго пути признаннаго уже нужнымъ въ торговыхъ и стратегическихъ видахъ вмѣстѣ), которое способствовало бы въ будущемъ сооруженію вышесказанной параллельной къ морю дороги и дало бы возможность связать оба пути—въ Крымъ съ Днѣстра и изъ Россіи; иначе оборона края по обѣимъ сторонамъ Днѣпра останется разъединенною, вслѣдствіе чего и оборона Крыма представитъ буквально тѣ же затрудненія, какъ въ 1854 году. При покушеніи непріятеля на Крымъ, дѣйствующимъ войскамъ опять придется тащиться туда пѣшкомъ съ Днѣпра и Прута, или же надобно будетъ съ самаго начала отдѣлить 25 тысячъ солдатъ, въ видѣ особаго резерва, исключивъ его изъ итога нашихъ боевыхъ силъ, единственно для наблюденія за Крымомъ, куда непріятель, вѣроятно, совсѣмъ не придетъ. Надо помнить, что дорога изнутри Россіи въ Крымъ—лозово или чонгарская или кременчуго-перекопская, есть дорога продовольственная, а не военная, служитъ только для первоначальнаго размѣщенія войскъ и для снабженія Крыма, если придется тамъ дѣйствовать; за ней окажется весьма мало значенія, когда внезапно предстанетъ надобность выручать Крымъ. Стало быть, въ стратегическомъ отношеніи, требуетъ разрѣшенія только одинъ вопросъ: какое направленіе крымской желѣзной дороги соотвѣтствуетъ вышеизложеннымъ, кажется достаточно очевиднымъ цѣлямъ?

Въ военномъ отношеніи намъ нужна желѣзная дорога не въ Крымъ, а до Крыма, чтобы входить на полуостровъ когда нужно. Проектъ военнаго министерства развѣтвляетъ эту дорогу отъ Чонгарской переправы на двѣ линіи—на Севастополь и на Керчь. Но продолженіе дороги внутри полуострова есть дѣло коммерческое, а не военное. Въ Севастополѣ намъ нечего больше защищать; для непріятеля, отстоящаго на 36 часовъ плаванія отъ Босфора до новороссійскихъ и таврическихъ береговъ, севастопольская бухта сама по себѣ не представляетъ важности. Еще менѣе нужна дорога на Керчь—въ обыкновенное время, потому что крѣпость снабжается всѣмъ изъ Таганрога,

въ военное—потому что съ первою высадкою непріятеля подъ Керчью, если бы таковая состоялась, желѣзная дорога перестала бы дѣйствовать. Торговаго значенія этотъ послѣдній отростокъ не имѣетъ рѣшительно никакого.

Въ какомъ же направленіи строить дорогу до Крыма? Росписаніе говоритъ: съ Харькова на Чонгаръ. Выборъ предстоитъ между двумя линіями: вышеназванной и кременчуго-перекопской; обѣ онѣ одинаково удобны для снабженія войскъ, расположенныхъ въ Крыму; но первая имѣетъ протяженія 819 верстъ отъ Харькова и 683 версты отъ Лозовой, вторая 504 всего; стало быть короче на 176 верстъ. Даже изъ Харькова въ Севастополь на Кременчугъ всего 751 верста, слѣдовательно 68 верстами меньше, чѣмъ по лозово-чонгарской дорогѣ. Но, кромѣ того, лозово-чонгарская линія вовсе не важна, не смотря на «Инвалидныя» разсужденія объ ней. Какъ мы видѣли, дорога эта не ограждаетъ ни полуострова, ни самой себя, отдаетъ врагу безъ сопротивленія центральную перекопскую позицію, парализующую всѣ мѣры обороны съ нашей стороны, и за неимѣніемъ сообщенія черезъ Днѣпръ разъединяетъ защиту края по обѣимъ сторонамъ рѣки, т. е. создаетъ два военныхъ театра вмѣсто одного, заставляетъ выставить два сильныхъ наблюдательныхъ отряда, когда одинъ можетъ быть достаточнымъ. При лозово-чонгарской дорогѣ нечего и думать о соединеніи Крыма съ Николаевымъ, стало быть съ Одессою и съ Бессарабіею, т. е. съ мѣстами естественнаго расположенія войскъ на войнѣ. Кременчуго-севастопольская дорога, направленная на Бериславъ и Перекопъ, соотвѣтствуетъ до такой степени всѣмъ военнымъ условіямъ, что она была бы едва ли не единственною въ мірѣ торговою дорогою, построенною какъ бы исключительно для стратегическихъ цѣлей *). Она удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ условіямъ:

1) Соединяетъ Крымъ съ сѣтью русскихъ дорогъ самымъ короткимъ, стало быть и самымъ дешевымъ путемъ.

2) Подходитъ близко къ мѣсторасположенію войскъ, занимающихъ Новороссійское прибрежье, даетъ имъ возможность скорѣе поспѣть въ Крымъ, также, какъ крымскимъ войскамъ въ Новороссію.

3) Вслѣдствіе того осуществляетъ, хотя еще не полно, но

*) Перекопъ отстоитъ отъ Кременчуга всего на 300 верстъ.

уже довольно приблизительно, столь желанное объединеніе обѣихъ половинъ южнаго театра войны.

4) Даетъ возможность достигнуть въ близкомъ будущемъ полнаго его объединенія, безъ всякихъ приплатъ на дороги изъ-за военныхъ цѣлей. Отъ этого пути выростетъ непремѣнно, вѣроятно одновременно съ его сооруженіемъ, вѣтвь къ Николаеву; а въ такомъ случаѣ и Одесса поспѣшитъ примкнуть къ этому же промежуточному пункту.

5) Служитъ, въ одинаковой мѣрѣ, какъ для обороны Крыма, такъ и для обороны Новороссійскаго прибрежья.

6) Ограждаетъ намъ доступъ въ Крымъ самымъ прочнымъ образомъ, устраняя возможность захвата одного изъ входовъ на полуостровъ, вслѣдствіе чего непріятель могъ бы легко протянуть руку и къ прочимъ входамъ.

6) Наконецъ даже исходный путь этой дороги въ Кременчугѣ гораздо выгоднѣе Харькова въ военномъ отношеніи. Съ началомъ войны арміи будутъ собраны на западѣ; если бы пришлось, по внезапнымъ обстоятельствамъ, отдѣлить отъ нихъ въ отрядъ въ помощь Новороссіи и Крыму, отрядъ этотъ прибудетъ легче и скорѣе черезъ Кременчугъ, чѣмъ черезъ Харьковъ.

Въ ближайшей войнѣ, изъ чего бы она ни произошла, станетъ рѣшаться не только какой нибудь политическій вопросъ, какъ въ войнѣ восточной,—но судьба Россіи. Сознаніе обоюдныхъ задачъ выэрѣло съ обѣихъ сторонъ и начинаетъ волновать страсти; въ непродолжительномъ времени оно станетъ системою. Гдѣ бы ни раздался первый выстрѣлъ, онъ выдвинетъ впередъ не какой либо мѣстный вопросъ, а вопросъ о средней Европѣ, и все сведется на западные рубежи—на польскую окраину. Намъ придется побѣдить во что бы ни стало, или далеко отойдти назадъ въ границахъ, историческихъ цѣляхъ, и даже въ настроеніи народнаго духа, изъ котораго складывается всякое внутреннее преуспѣяніе. Но первое условіе для побѣды—не разбрасываться. Съ этою цѣлію я указывалъ прежде на ополченіе, безъ котораго наша армія не будетъ достаточно сильна для наступленія на главномъ пунктѣ, съ тою же цѣлію я говорю теперь о крымской желѣзной дорогѣ. Даже при готовомъ ополченіи, занимающемъ наши предѣлы оборонительно, нужно будетъ поставить за нимъ нѣкоторое число полевыхъ войскъ. Для того, чтобы быть сильнымъ на

главномъ театрѣ войны нужно, чтобы число этихъ исключенныхъ изъ списковъ, бездѣйствующихъ войскъ, было по возможности наименьшее; а чтобы достигнуть такой экономіи боевыхъ войскъ, надобно укрѣплять русскіе предѣлы правильно, въ виду не фантастической, а строго взвѣшенной положительной опасности, наблюдая, чтобы резервъ могъ дѣйствовать сосредоточенно и поспѣть всюду во время для того, чтобы не ставить двухъ солдатъ тамъ, гдѣ можно обойтись однимъ. Не особенная бѣда, если бы случайно и временно на какой нибудь изъ оборонительныхъ окраинъ напоръ непріятеля взялъ верхъ надъ разсчитанною впередъ силою обороны; такія окраины никогда не составляютъ на войнѣ сущности дѣла, и событія, на нихъ происходящія, особенно же на одной изъ нихъ, не могутъ вліять значительно на условія мира. Но было бы истинною бѣдою, если бы изъ желанія показаться одинаково сильными вездѣ, даже тамъ, гдѣ не предстоитъ въ томъ особенной надобности, мы оказались слабыми на полѣ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ этомъ сопоставленіи заключается смыслъ настоящей статьи. Руководствуясь взглядомъ «Инвалида», слѣдовало бы удвоить количество оборонительныхъ войскъ, исчисленныхъ въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи». Я обратилъ вниманіе общества на крымскую дорогу, т. е. на оборону черноморскихъ береговъ, не изъ опасенія за Крымъ (хотя при мѣрахъ, восхваляемыхъ военными журналами, полуостровъ далеко не въ безопасности), напротивъ того, изъ опасенія, чтобы неправильная система обороны Крыма, какъ и другихъ окраинъ, влекущая за собою, какъ всякая неправильность, лишнюю растрату силъ и средствъ, не ослабила насъ слишкомъ на главномъ театрѣ дѣйствій и не повела къ пораженію тамъ, гдѣ изъ пораженія возникаетъ не временное затрудненіе, а наше поправимое бѣдствіе.

Это тѣмъ опаснѣе, что взглядъ министерства на крымскую оборону, приведенный въ образецъ, положительно невѣрный и не военный; а судя по аналогіи, такимъ же взглядомъ будутъ опредѣляться потребности главнаго театра войны, отъ котораго прямо уже зависитъ участь отечества.

Можно выразить нѣсколькими словами естественныя условія обороны Новороссійскаго края и Крыма: для этого нужно скрещеніе подъ прямымъ угломъ двухъ желѣзныхъ дорогъ, одной—военной, параллельной морскому берегу, изъ Одессы,

въ Перекопъ; другой, продовольственной, перпендикулярной къ первой и къ берегу, изнутри Россіи. Нѣтъ никакого повода прятать крымскую дорогу за Днѣпръ, для огражденія ея отъ коалиціи 1855 года, какъ нѣтъ повода укрѣплять Волгу противъ новаго нашествія Тамерлана.

Должно признать истину, что длинныхъ стратегическихъ дорогъ, ставящихъ исключительно военныя соображенія на первый планъ, не можетъ существовать на свѣтѣ, по двумъ причинамъ: 1) потому что нѣтъ государства, обладающаго такимъ излишкомъ средствъ, чтобъ приращать свой военный бюджетъ десятками и сотнями милліоновъ для подобной затѣи; 2) потому что предвидѣть напередъ оборотъ всякой случайной войны почти невозможно. Случалось иногда, что такое предвидѣніе будущаго, и то въ условіяхъ, уже нѣсколько опредѣлившихся, бывало удѣломъ генія, никогда еще оно не было удѣломъ военныхъ канцелярій. Вся исторія показываетъ (за единственнымъ исключеніемъ въ теченіе многихъ вѣковъ— министерство Лувуа при Людовикѣ XIV), что никогда и нигдѣ, ни одна администрація не умѣла дать вѣрнаго направленія даже войнѣ, уже разыгравшейся, при самыхъ ясныхъ и опредѣлившихся условіяхъ; если только веденіе дѣла оставалось въ рукахъ администраціи и не появлялся во время полководецъ, человѣкъ дѣйствія, воспитанный самою арміею, то война неизмѣнно кончалась путаницею. Но если безпримѣрно, чтобъ администрація умѣла справиться съ настоящимъ, въ обстоятельствахъ уже ясно опредѣлившихся, то существуетъ ли какая либо вѣроятность, чтобы она могла предвидѣть и вѣрно установить потребности будущаго, въ войнѣ совсѣмъ неопредѣленной, при неизвѣстныхъ условіяхъ?

Очень естественно, что военная администрація должна думать о возможно быстромъ сосредоточеніи армій на окраинахъ и о безпрепятственномъ содержаніи этихъ армій во время войны; поэтому она не можетъ не заботиться о дорогахъ изъ центра государства къ самымъ важнымъ окраинамъ. Но дороги эти имѣютъ значеніе исключительно связующее и продовольственное, а не стратегическое въ тѣсномъ смыслѣ слова. Если военно-желѣзныя дороги понимаются въ такомъ смыслѣ, то онѣ не составляютъ никакого исключенія изъ общей желѣзно-дорожной сѣти государства. Связь между центрами и окраинами нужна столько же для потребностей торговыхъ, по-

литическихъ и проч., сколько и для военныхъ. Держась такого практическаго взгляда, военное вѣдомство можетъ быть обезпечено въ томъ, что нужды его будутъ удовлетворены безъ всякихъ особенныхъ усилій и жертвъ, естественнымъ разростаніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Это не значитъ, что бы военное вѣдомство не должно было поддерживать настойчиво своимъ вліяніемъ путей, представляющихъ особенную для него важность. Будетъ не только понятно, но и разумно, если правительство, при соревнованіи двухъ проектовъ желѣзныхъ дорогъ, одинаково полезныхъ въ торговомъ отношеніи, поставитъ впереди дорогу полезную еще въ отношеніи военномъ. Съ такимъ порядкомъ, при нынѣшнемъ развитіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, военному вѣдомству никогда не придется ждать своей очереди слишкомъ долго, а главное—при этомъ оно не будетъ рисковать постройкою дороги, которая окажется потомъ не нужною никому, и даже, въ концѣ концовъ, при выяснившихся обстоятельствахъ, ему самому. Кромѣ исключительныхъ—а потому непредвидимыхъ—случаевъ, военному вѣдомству могутъ принести пользу только дороги, полезныя уже для торговли, какъ связующія и продовольственныя, ведущія къ окраинамъ изъ плодородныхъ и богатыхъ внутреннихъ мѣстностей, гдѣ въ мирное время бываютъ расположены войска и откуда онѣ въ военное время продовольствуются; но въ такомъ направленіи, очевидно, выростаютъ сами собою торговыя дороги, служащія одновременно какъ общественнымъ, такъ и военнымъ цѣлямъ. Ясно, напримѣръ, что Россіи нужны,—внѣ всякихъ военныхъ видовъ,—дорога въ Крымъ и дорога изъ Москвы чрезъ Литву въ Варшаву; въ тоже время пути эти нужны и военному вѣдомству, но не по какимъ либо особеннымъ таинственно-стратегическимъ причинамъ, а по тѣмъ же самымъ, какъ и для всякаго купца и землевладѣльца, потому, что по нимъ везутъ изъ одной мѣстности въ другую то, что есть въ одной и чего нѣтъ въ другой,—въ мирное время для населенія и заграничной торговли, въ военное время—для арміи. Въ видахъ будущей войны, при неизвѣстности ея условій и направленія, одно лишь важно—чтобъ окраина, на которой придется вести войну, была связана удобнымъ путемъ съ центрами государства; всего прочаго нельзя предвидѣть заранѣе. Единственный смыслъ такъ называемой военной дороги—тотъ, чтобъ она способствовала скорѣйшему сосредоточенію войскъ и безоста-

новочному ихъ снабженію—для чего годится всякая торговая дорога. Если бы дѣло шло только объ этой цѣли, то не было бы и спора: шелъ бы разговоръ о томъ лишь, какую дорогу строить прежде, какъ болѣе нужную. Но въ томъ и сила, что въ послѣднее время, подъ названіемъ стратегическихъ дорогъ, у насъ стала проводиться идея совсѣмъ другаго рода; стали чертить желѣзныя дороги маневрическія (chemins de monœuvres) если можно такъ выразиться, дороги способствующія, по мнѣнію составителей ихъ, наиболѣе ученому веденію войны на данной мѣстности, что равняется прямо бросанію денегъ въ воду. Война есть состязаніе между силою нравственныхъ и матеріальныхъ силъ двухъ армій, суммою всегда колеблющеюся, и которую надобно вѣрно уловить въ данный мигъ, въ чемъ и состоитъ искусство; каждый стратегическій маневръ имѣетъ смыслъ тогда лишь, когда онъ основывается на вѣрной оцѣнкѣ этой пропорціи въ данную минуту; одни школьники считаютъ его чѣмъ-то осмысленнымъ въ самомъ себѣ, какъ ходъ на шахматной доскѣ. Потому желѣзныя дороги чисто военныя, съ боевою цѣлію, именнно тѣ, которыя понимаются у насъ подъ названіемъ стратегическихъ, окажутся на дѣлѣ неимѣющими никакого значенія, ни для войны, ни для мира. При такомъ или другомъ оборотѣ войны, всегда возможномъ, такая-то желѣзная дорога—параллельная, перпендикулярная или облическая къ границѣ,—построенная въ нашу пользу по тончайшимъ соображеніямъ мирныхъ стратегиковъ, можетъ послужить къ торжеству непріятеля; и обратно, самый невыгодный, по понятіямъ мирнаго времени, изгибъ дороги можетъ, въ данномъ случаѣ и въ рукахъ искуснаго полководца, неожиданно повести къ побѣдѣ. Прошлая война никогда почти не можетъ служить примѣромъ для послѣдующей, а стратегическія дороги, какъ мы видѣли, прочеркиваютъ у насъ по картѣ не по предвидѣнію, а именно по воспоминанію. Можно сказать утвердительно; не только обыкновенные и малоопытные люди, но самъ Наполеонъ I, если бы онъ воскресъ, не могъ бы расположить стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ (не продовольственныхъ и связующихъ, а собственно стратегическихъ въ употребительномъ у насъ значеніи слова) въ виду войны, условія которой еще неизвѣстны. Было бы очень поучительно сопоставить взгляды этого великаго полководца на укрѣпленіе и устройство того же самаго военнаго

театра при двухъ различныхъ войнахъ — жизнь его представляетъ такіе примѣры,—но подобное сопоставленіе, рѣшительное въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, потребовало бы цѣлаго сочиненія. Самому Наполеону приходилось горько разочароваться въ надеждѣ устроить заблаговременно военный театръ, посредствомъ крѣпостей и связывающихъ дорогъ, какъ шахматную доску, для самой выгодной игры. Новыя условія второй войны ниспровергали почти всѣ разсчеты, основанные на исходѣ первой. Стоитъ вспомнить, какое количество войскъ, могшее обезпечить за нимъ побѣду почти навѣрное, онъ потерялъ безплодно въ 1813 году, именно изъ этихъ видовъ — устроить заранѣе военный театръ, во всѣхъ подробностяхъ, въ свою пользу. Если бы при Наполеонѣ существовали желѣзныя дороги, то даже онъ, при всемъ своемъ геніальномъ предвидѣніи, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого предвидѣнія, злоупотребилъ бы ими для своихъ военныхъ видовъ и самъ бы въ томъ раскаялся, какъ раскаивался въ злоупотребленіи тогдашними средствами для такой же цѣли. Даже Наполеону не было дано невозможнаго—упрочить за собою своевременными мѣрами успѣхъ въ будущемъ, не представляющимъ еще никакихъ опредѣленныхъ условій. Но мы говорили о Наполеонѣ, первомъ военномъ геніѣ со временъ древности. Что же можетъ случиться, когда подобное дѣло попадаетъ въ руки военныхъ канцелярій. Случится то, что мы видѣли на примѣрѣ крымской желѣзной дороги. Мы взяли только одинъ образецъ ученыхъ стратегическихъ взглядовъ, — ручаемся словомъ, что взяли его не на выборъ, а потому лишь, что въ руки намъ попали статистическія данныя именно по этому предмету — и что же вышло? Въ результатѣ оказались мѣры, принимаемыя противъ фантастическаго и невозможнаго непріятеля, ведущія съ большою приплатою и въ ущербъ русской торговлѣ, къ раздробленію обороны черноморскаго прибрежья и къ увеличенію потребныхъ для того жертвъ, т.-е. къ ослабленію самой обороны и къ ослабленію силъ на главномъ полѣ дѣйствій, отъ котораго прямо зависитъ участь государства. Вотъ онѣ, стратегическія желѣзныя дороги! Торговыя потребности, предоставленныя самимъ себѣ, провели бы крымскую дорогу изъ удобнѣйшаго для такой цѣли центра, по кратчайшему направленію, т.-е изъ Кременчуга на Перекопъ; осуществили бы выгодную, окупающую себя дорогу изъ Россіи въ Крымъ, что

именно и нужно. За одно съ торговлею, военное вѣдомство пользовалось бы этою дорогою для своихъ видовъ, безъ ущерба для казны и подданныхъ; дорога, испрашиваемая мѣстными городскими обществами и крымскими солепромышленниками, никогда не слыхавшими о стратегіи, оказалась бы, какъ нарочно, самою удобною въ военномъ отношеніи. Замѣшались ученые стратегическіе взгляды — выйдетъ худо и для торговли, и для военнаго дѣла.

Статья эта имѣетъ въ виду исключительно черноморскій военный театръ, а потому я не буду говорить о другихъ окраинахъ и о другихъ стратегическихъ дорогахъ. Военныя требованія, насколько можно видѣть изъ офиціальныхъ изданій, простираются, впрочемъ, не на однѣ окраины; даже дороги по лѣвой сторонѣ Днѣпра измѣняются въ направленіи, вслѣдствіе оцѣнки ихъ съ военной точки зрѣнія, что уже не только неправильно, но даже не совсѣмъ понятно. Тѣмъ не менѣе читатель, по сродству дѣла, можетъ заключить, что взятый на удачу примѣръ лозово-севастопольской дороги не внушаетъ слѣпаго довѣрія къ прочимъ. Нельзя, однако же, не замѣтить, по поводу всѣхъ нашихъ желѣзныхъ стратегическихъ дорогъ, одной общей черты: всѣ онѣ основаны исключительно, какъ и крымская, не на предвидѣніи будущаго, а на памяти прошлаго, всѣ разсчитаны не противъ армій, съ которыми намъ придется имѣть дѣло, а противъ армій, когда-то вторгавшихся въ предѣлы Россіи; въ сущности, наши стратегическія дороги направлены преимущественно противъ тѣней старыхъ враговъ, которыя никогда уже не облекутся плотію и не возьмутъ ружье въ руки: онѣ вызываютъ на бой давно уже умершихъ. Этотъ желѣзно-дорожный спиритизмъ новаго рода можетъ, однако стоитъ очень дорого.

До сихъ поръ, въ обильной русской землѣ всякая желѣзная дорога оказывалась выгодною, какъ въ нетронутыхъ калифорнскихъ золотыхъ пріискахъ оказывалась выгодною всякая раскопка; но чрезъ нѣсколько лѣтъ не всякій уже, отправившійся въ Калифорнію, возвращался съ золотомъ въ карманахъ. Такъ будетъ неизмѣнно и съ русскими желѣзными дорогами. По мнѣнію многихъ опытныхъ людей, впереди начинаетъ мелькать возможность торговаго кризиса, неизбѣжнаго, какъ показываетъ всесвѣтная исторія, всякій разъ, когда затрачено въ кредитъ больше капиталовъ, чѣмъ ихъ есть на

лицо, и когда увлеченіе какимъ нибудь обширнымъ предпріятіемъ, дававшимъ сначала огромные барыши, послѣ разработки самыхъ богатыхъ и вѣрныхъ источниковъ поживы, устремляетъ жадность искателей на второстепенные, болѣе скудные источники. Нѣсколько неудачныхъ, малодоходныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій могутъ разомъ вызвать кризисъ. Природа богатства и его распредѣленія не измѣнитъ для насъ своихъ законовъ. А обширный торговый кризисъ, при нынѣшнемъ разстройствѣ нашей монетной системы, представляетъ не веселую перспективу. Потому, кажется, въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ приходится уже думать объ осторожности. Но если у насъ произойдетъ торговый кризисъ, то онъ будетъ вызванъ именно—и болѣе всего—стратегическими дорогами, въ которыхъ, по самой сущности дѣла, выгодность предпріятія жертвуется таинственнымъ военнымъ взглядамъ, объясняемымъ потомъ четырьмя строчками «Инвалида». Лондонскій финансовый журналъ «The economist», съ своей стороны, также недавно указалъ на эту опасность. Онъ говоритъ чрезвычайно разумно: «Сооруженія такихъ линій желаютъ генералы, забывая, что желѣзные пути, не имѣющіе въ виду военныхъ цѣлей, способствуютъ увеличенію народнаго благосостоянія, и тѣмъ самымъ создаютъ силу, необходимую для всякаго рода предпріятій. Если государство недостаточно сильно внутри, то стратегическія дороги, приготовляемыя генералами, облегчатъ скорѣе нападеніе со стороны непріятеля, чѣмъ защиту противъ него». Если такія предпріятія станутъ продолжаться, то государственная казна и общество вмѣстѣ могутъ понести страшныя потери. Средства, необходимыя для тысячи вопіющихъ потребностей русской жизни и даже русской арміи, могутъ погибнуть въ этомъ круговоротѣ. А затѣмъ, когда вспыхнетъ война, русскія войска отправятся противъ непріятеля не по стратегической желѣзной дорогѣ, бывшей причиною круговорота, а пѣшкомъ, потому что стратегическая дорога окажется фантазіею, непримѣнимою къ текущимъ обстоятельствамъ. Такъ случится непремѣнно съ лозово-чонгарскою дорогою при вторженіи непріятеля въ Крымъ, потому что войска, которымъ придется выручать полуостровъ, не пойдутъ же, конечно, съ Днѣстра и съ Новороссійскаго прибрежья въ Харьковъ, чтобы сѣсть тамъ на желѣзную дорогу.

Благоразумно прекратить своевременно опасную игру въ

стратегическія дороги. Если дорога вызывается дѣйствительными военными потребностями, то она явится сама собою, вслѣдствіе потребностей мирныхъ; мы видѣли уже, что тѣ и другія, въ общихъ чертахъ, тождественны, если отбросить только фантастическія маневрированія въ неизвѣстныхъ временахъ и пространствахъ. Въ чисто военныхъ видахъ можетъ понадобиться развѣ какой нибудь недорого стоющій отростокъ дороги. Но и въ такомъ случаѣ должно взвѣсить его значеніе всесторонне, съ военнымъ тактомъ, на основаніи современной дѣйствительности, а не лозово-чонгарскихъ стратегическихъ взглядовъ. Во всякомъ дѣлѣ на свѣтѣ, а въ военномъ еще болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, дѣло мастера боится.

Новый Панцырь.

1869.

Большинство читателей помнитъ, вѣроятно, судьбу предложенія Минье (извѣстнаго изобрѣтателя практическихъ нарѣзныхъ ружей) русскому правительству предъ Крымскою войною. Предложеніе не было принято, и Минье продалъ свое изобрѣтеніе французамъ, въ рукахъ которыхъ оно стало однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ побѣдѣ надъ нами. Теперь старая исторія съ ружьями Минье можетъ повториться въ новомъ, еще болѣе опасномъ, видѣ.

Въ № 45 лейпцигской газеты «Deutsche Blätter» напечатано было слѣдующее извѣстіе:

«Панцырь будущности. Одинъ италіянецъ, по имени Муратори, продалъ императору Наполеону секретъ открытаго имъ состава, который дѣлаетъ носящаго его на себѣ неуязвимымъ отъ удара и укола, а потому бросаетъ въ кладовую, какъ хламъ, работу цѣлой жизни Дрейзе, Снейдерса, Шаспо и прочихъ. Новый панцырь дѣлается изъ чего то въ родѣ войлока и непроницаемъ пулею. Матеріалъ для этого панцыря состоитъ изъ шерсти, которая въ смѣси съ другими веществами, будучи приведена въ жидкое состояніе и подвержена дѣйствію сильной мѣсильной машины, нагрѣвается; затѣмъ даютъ ей охладѣть до тѣхъ поръ, пока она отвердѣетъ и превратится въ массу въ родѣ макадама (?). Не знаешь, правду ли приходится сказать, что жаль огромныхъ суммъ, затраченныхъ на Шаспо, игольчатыя, ударныя и другія новыя ружья! Или приходится радоваться, что наукѣ удалось всѣ эти орудія разрушенія сдѣлать безвредными и лишними».

Извѣстіе это сбивчиво, не точно, но основаніе его вѣрное. Вопросъ о панцырѣ, поднятый мною два года тому назадъ, какъ великое военное усовершенствованіе, стоящее на первой очереди, не остался въ Европѣ подъ спудомъ, чего я и ждалъ. Задавшись давно уже этою мыслію и слѣдивъ внимательно за каждымъ ея осуществленіемъ, я могу сообщить довольно точныя данныя о панцырѣ, которыя начинаютъ обращать на себя вниманіе многихъ иностранныхъ правительствъ.

Сколько мнѣ извѣстно, панцырь этотъ дѣлается не изъ массы вареной шерсти, смѣшанной съ другими веществами и сдавленной подъ прессомъ, а просто изъ шерсти, сплетенной извѣстнымъ образомъ, посредствомъ чрезвычайно густыхъ и сильныхъ гребней; по крайней мѣрѣ, таковъ лучшій изъ нихъ, изобрѣтенный графомъ Литта Біуми. Панцырь Мураторй, выдѣланный первоначально въ Миланѣ, былъ представленъ правительству и отданъ на испытаніе военной комиссіи сначала въ Миланѣ, потомъ во Флоренціи; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство выдало Муратори 25 тыс. франк. пособія. Опыты италіянской комиссіи продолжались не малое время. Ей былъ поставленъ вопросъ: можетъ ли быть новый панцырь принятъ немедленно для всей арміи?—Вопросъ очевидно неправильный, потому что никакое изобрѣтеніе, особенно въ первой порѣ своей, не доказанное еще положительнымъ опытомъ, не можетъ быть примѣнено огуломъ. Мнѣ говорили, что если бы имѣлось въ виду введеніе панцыря въ небольшую часть арміи, въ какія нибудь отборныя войска, то комиссія не поколебалась бы отвѣчать утвердительно, несмотря на явное несовершенство панцыря Муратори: даже при этомъ несовершенствѣ онъ былъ бы все же великимъ преимуществомъ. Но комиссія затруднилась, какъ и слѣдовало ожидать, введеніемъ панцыря разомъ на всю армію, и вопросъ покуда остался въ Италіи нерѣшеннымъ.

Послѣ нерѣшительнаго отвѣта италіянской комиссіи, Мураторй былъ приглашенъ англійскимъ правительствомъ и занялся въ Лондонѣ приготовленіемъ своихъ панцырей для людей (и другихъ большихъ, въ замѣну корабельной брони). Французское военное управленіе, обратилось также къ Мураторй; но этотъ послѣдній, связанный уговоромъ съ англійскимъ министерствомъ, не могъ принять предложенія, вслѣдствіе чего французское правительство вызвало другаго изобрѣ-

тателя Берніери, который, кажется ничто иное, какъ подставное лицо отъ Муратори; по крайней мѣрѣ, панцыри ихъ, на сколько извѣстно мнѣ, тождественны. Извѣстіе объ этомъ то послѣднемъ условіи съ Берніери дошло до лейпцигской газеты.

Въ 1-мъ приложеніи къ «Вооруженнымъ силамъ Россіи», я описалъ подробно панцырь противъ пули, испытанный мною давно уже, и высказалъ послѣдствія, которыми это открытіе должно отозваться, раньше или позже въ военномъ дѣлѣ Панцырь этотъ былъ достаточно легокъ, особенно въ сравненіи со стальною кирасою и дѣйствительно не пробиваемъ, защищалъ не только отъ раны, но даже отъ контузіи. При мнѣ стрѣляли въ животныхъ и потомъ въ людей, одѣтыхъ этимъ панцыремъ, безъ всякаго для нихъ вреда; я испытывалъ его даже на себѣ; ударъ пистолетной пули чувствовался на тѣлѣ, какъ сильный толчокъ большимъ пальцемъ,—не болѣе. Убѣдившись въ дѣйствительности панцыря, я не могъ уже сомнѣваться ни въ важности изобрѣтенія для войны, ни въ сокрушительномъ преимуществѣ, которое оно придаетъ странѣ, впервые его принявшей. Для каждаго, кто видѣлъ серіозный бой хоть разъ въ жизни, не можетъ быть въ этомъ никакого сомнѣнія. Я сказалъ въ своемъ сочиненіи:

«Теперь, когда зошла уже рѣчь о панцырѣ, когда стало несомнѣннымъ, что можетъ быть изготовленъ достаточно легкій панцырь, отражающій пулю, можно быть увѣреннымъ, что не сегодня, такъ завтра, на одномъ изъ европейскихъ полей сраженія явятся вдругъ съ какой нибудь стороны панцырные полки; для противоположной стороны сраженіе это будетъ имѣть исходъ Садовой, а можетъ быть, еще гораздо худшій, такъ какъ паника отъ неуязвимости непріятеля будетъ, конечно, сильнѣе, чѣмъ отъ быстроты его огня. Гораздо лучше быть въ этомъ случаѣ стороною удивившею, чѣмъ стороною удивленною».

Мысль о панцырѣ, послѣ собственнаго убѣдительнаго опыта, преслѣдовала меня неотступно. Я видѣлъ ясно рѣшительный переворотъ, котораго должно ожидать на войнѣ отъ введенія панцыря; потрясающее впечатлѣніе, производимое первымъ неуязвивымъ полкомъ, появляющимся на полѣ сраженія; важность этого изобрѣтенія именно для насъ по кореннымъ свойствамъ нашей арміи. Но ирландскій панцырь, испытан-

ный мною въ сороковыхъ годахъ, не замѣченный достаточно въ свое время, былъ уже забытъ, и достать образчикъ оказывалось невозможнымъ. Вдругъ въ 1866 году появилось въ газетахъ извѣстіе о новомъ панцырѣ Мураторы. Панцырь этотъ, по словамъ газетъ, вѣсилъ 7 разъ меньше куска желѣза, оказывающаго равносильное сопротивленіе пулѣ. Не зная еще новаго открытія, но зная по опыту, что оно возможно, я просилъ тогда же одного офицера, отправлявшагося въ Италію, добыть, если возможно, такой панцырь. Лицо, къ которому я обратился, достало панцырь новаго изобрѣтателя, о которомъ я до тѣхъ поръ не слыхалъ, графа Литта Біуми. Панцырь этотъ (по слухамъ превосходящій кирассу Мураторы, хотя уступающій прежнему ирландскому)—войлочный нагрудникъ, вѣсомъ 5 фунтовъ, сдѣланъ противъ пистолета и отражаетъ пулю сильнѣйшаго револьвера Кольта на всякомъ разстояніи безъ контузіи, и ударъ всякимъ холоднымъ оружіемъ; но противъ пѣхотнаго нарѣзнаго ружья не устаиваетъ. Тѣмъ не менѣе, когда разъ изобрѣтена ткань, защищающая отъ сильнаго револьвера безъ контузіи, то несомнѣнно можетъ быть выдѣлана ткань, защищающая отъ ружья; разница тутъ только въ толщинѣ и вѣсѣ, что подлежитъ дальнѣйшимъ испытаніямъ.

Мнѣ сообщены свѣдѣнія о новомъ усовершенствованіи панцыря Литта Біуми. Изобрѣтатель пишетъ:

Послѣ многихъ публичныхъ опытовъ, я могу представить новую систему панцырей, отражающихъ съ величайшимъ успѣхомъ пулю нынѣшнихъ, заряжающихся съ казенной части ружей, чего не достигаетъ въ такой же степени панцырь Мураторы, который по этой причинѣ и не принятъ еще окончательно ни однимъ правительствомъ. Я выдѣлываю панцыри двухъ родовъ: первые легкіе въ $^1/_2$ килограмма ($1^1/_4$ фунта), защищающіе противъ всякаго скрытаго оружія, пистолетовъ, револьверовъ и проч., также противъ всякаго, безъ исключенія, холоднаго оружія: штыка, копья, сабли, ножа. Можно мгновенно надѣть на себя такой легкій панцырь, нисколько не связывающій движеній и носить его подъ платьемъ. Вооруженная полиція, напримѣръ, будетъ совершенно защищена имъ противъ всякаго злодѣйскаго покушенія. Другой родъ панцырей, болѣе тяжелыхъ и плотныхъ, въ $1^1/_2$ килограмма ($3^3/_4$ фунта) вѣсомъ, отражаетъ пулю обыкновеннаго пѣхотнаго ружья на разстояніи 200 метровъ (280 шаговъ) безъ малѣйшей кон-

тузіи въ точкѣ удара. Панцырь этого вѣса для пѣхотинца состоитъ изъ двухъ частей и покрываетъ грудь и животъ солдата. Панцыри обезпечены своимъ составомъ отъ моли и непромокаемы, такъ что могутъ пролежать въ магазинахъ неопредѣленное время».

Надобно замѣтить, что панцырь, отражающій ружейную пулю не ближе 280 шаговъ, не совсѣмъ еще удовлетворителенъ, потому что съ этого разстоянія именно начинается самый губительный огонь. Но, кромѣ того что панцырь должно выдѣлывать изъ матеріала, болѣе пригоднаго чѣмъ шерсть, даже при шерстяномъ панцырѣ $3^1/_2$ фунтовой вѣсъ его можно увеличить значительно, не обременяя слишкомъ солдата; была, стало быть, полная надежда выдѣлать удобоносимый, непробиваемый панцырь, не тяжелѣе 10-ти фунтовъ, а можетъ быть еще легче.

Г. Литта Віуми прибавляетъ, что отославши свой панцырь въ Россію и зная, что панцырь этотъ былъ представленъ военному начальству, онъ ждалъ отвѣта около года и уклонялся въ это время отъ предложеній съ другихъ сторонъ, но что онъ будетъ вынужденъ, наконецъ, принять ихъ.

Кромѣ названныхъ трехъ изобрѣтателей, выдѣлкою панцырей занимается еще одинъ русскій, отставной морской офицеръ. Онъ производилъ самые удачные опыты передъ фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ, но не представлялъ своего произведенія офиціально.

Разрушительное дѣйствіе новаго огнестрѣльнаго оружія должно неизбѣжно вызвать противодѣйствующее средство въ арміи, какъ вызвало его уже во флотѣ.

На сколько человѣкъ способенъ къ убѣжденію, на столько убѣжденъ я, во первыхъ, что непробиваемый пулею панцырь возможенъ, потому что самъ стоялъ въ немъ противъ выстрѣла, во вторыхъ, что армія, выставившая впервые резервъ панцырныхъ войскъ на поле сраженія, разгромитъ всякаго противника.

Я основываю послѣднее заключеніе столько же на матеріальномъ, какъ и на нравственномъ вліяніи, которое непробиваемый панцырь долженъ оказать на войнѣ. Очевидно что человѣкъ, неуязвимый въ жизненныя части тѣла, имѣетъ страшное преимущество предъ человѣкомъ уязвимымъ, въ огнестрѣльномъ, какъ и въ рукопашномъ бою. Но нравственное вліяніе пан-

цыря еще важнѣе. Я знаю изъ военной исторіи и много разъ видѣлъ на дѣлѣ, что всякое преимущество, сознаваемое за непріятелемъ, сейчасъ же отзывается соразмѣрнымъ сомнѣніемъ въ себѣ, легко переходящимъ въ панику; что при аттакѣ всякія условія успѣха—стремительность натиска, выгодность позиціи и проч. почти исчезаютъ передъ однимъ главнымъ,—передъ настроеніемъ минуты, съ той и другой стороны, передъ степенью, въ какой это настроеніе заглушаетъ въ людяхъ чувство самосохраненія. За кѣмъ остается излишекъ въ этомъ отношеніи, тотъ и беретъ верхъ. Очевидно, что излишекъ самоувѣренности окажется всегда за панцырниками. А какъ русская пѣхота сильна исключительно неразрывностью массы, прямымъ натискомъ и рукопашнымъ боемъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи мы превосходимъ европейскія арміи на столько же, на сколько уступаемъ имъ въ прочемъ, и какъ теперь, со введеніемъ скорострѣльнаго нарѣзнаго оружія, задача состоитъ въ томъ, чтобы дойдти до непріятеля, то мнѣ кажется безспорнымъ, что панцырь нужнѣе теперь, чѣмъ прежде, нужнѣе намъ, чѣмъ кому нибудь другому, и что русской арміи было бы выгодно, если бы онъ былъ принятъ цѣлымъ свѣтомъ. Я не могу считать серіознымъ возраженіемъ небольшую относительно тяжесть панцыря, носимаго всѣми войсками много тысячъ лѣтъ и скинутаго не болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, потому только, что старый желѣзный панцырь не защищалъ отъ пули.

Если дѣйствительно существуетъ панцырь, не пробиваемый изъ ружья и вѣсящій (считая тутъ покровъ груди, живота и головы) хотя бы даже 15 фунтовъ, то можно ли не взглянуть серіозно на такое средство?

Но даже въ этомъ отношеніи, какъ я убѣдился, мнѣнія расходятся. Всѣ боевые люди, привыкшіе смотрѣть на солдата какъ на живое существо, подверженное безпрерывнымъ колебаніямъ духа, признаютъ безъ возраженія огромное значеніе панцыря при нынѣшнемъ оружіи, если только панцырь возможенъ; почти всѣ мирно-военные тактики и ученые, понимающіе бой какъ военную игру. а солдата, какъ механизмъ, непремѣнно доходящій до пункта, назначеннаго ему по диспозиціи, отвергаютъ эту важность. Доводы ихъ сводятся всѣ на совѣтъ, преподанный мнѣ когда-то «Военнымъ Сборникомъ», прочитать тактику и усмотрѣть, что главное условіе успѣшно-

сти атаки состоитъ въ быстротѣ, замедляемой тяжестію панцыря. Я счелъ лишнимъ отвѣчать тогда печатно почтенному журналу, что всѣ европейскія войска ходятъ въ аттаку съ ранцемъ, вѣсящимъ болѣе пуда, и который у насъ въ такомъ случаѣ обыкновенно сбрасывается; что при движеніи въ нѣсколько сотъ шаговъ 10 лишнихъ фунтовъ на человѣкѣ безъ ранца, или хоть бы даже съ ранцемъ, не могутъ имѣть вліянія на быстроту; и что всѣ неудачныя аттаки противъ ружейнаго огня, которыя мнѣ довелось видѣть, не удавались единственнно отъ опасенія быть убитымъ пулею, а не отъ чего другаго.

Тактическій переломъ вслѣдствіе скорострѣльнаго ружья очевиденъ и требуетъ новыхъ пріемовъ на войнѣ. Картечь, служившая еще недавно главнымъ средствомъ для обороны позицій, мало дѣйствительна при нарѣзныхъ орудіяхъ. Оборона состоитъ теперь преимущественно въ ружейномъ огнѣ; но огонь этотъ гораздо ужаснѣе прежняго ружейнаго вмѣстѣ съ картечнымъ. Въ нынѣшнемъ боѣ вся линія огня стрѣляетъ лежа, прикрытая, мѣстность сама себя обстрѣливаетъ какъ будто невидимыми силами; нужно идти на свинцовый дождь, не имѣя возможности предварительно разстроить своимъ огнемъ почти незримаго противника. Это новое условіе войны ставитъ теперь всѣхъ въ тупикъ; придумываютъ самыя рискованныя средства, чтобы уравнобѣсить его.

Употребленіе скорострѣльнаго ружья требуетъ разжиженія фронта и раздробленія его на мелкія части. Это послѣдствіе, хотя неизбѣжное покуда, отзывается на насъ невыгодно, идетъ противъ нашей народной складки.

Я долженъ сдѣлать отступленіе, необходимое для ясности предмета. Каждая армія имѣетъ свой особенный, непроизвольный складъ, въ слѣдствіе своеобразнаго историческаго характера каждой народности. Складъ этотъ, въ общемъ смыслѣ, не поддается воспитанію, которое можетъ развить чуждыя ему свойства только до нѣкоторой степени, а не до полнаго ихъ выраженія; только прирожденныя свойства развиваются вполнѣ. Вслѣдствіе этого непреложнаго закона, каждая изъ хорошихъ европейскихъ армій, частію сознательно, частію полусознательно, но во всякомъ случаѣ вѣрно, развиваетъ особенно старательно именно свое преимущественное качество. Можно

назвать безъ запинки это качество всякой большой европейской арміи, такъ явственно оно выражается.

Французы были всегда сильны своею живостью, называющеюся на военномъ языкѣ—предпріимчивостію. У нихъ, говоря вообще, каждый сержантъ, отдѣленный съ полувзводомъ, ведетъ себя совершенно также, какъ главнокомандующій, беретъ на себя все, что считаетъ лучшимъ, не дожидаясь приказаній. Въ этомъ состоитъ главное преимущество французовъ: никакой удобный случай не пропадаетъ для нихъ даромъ; а какъ война состоитъ вся изъ безчисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ, то понятно, какіе шансы оказываются на сторонѣ, обращающей въ свою пользу большинство этихъ случаевъ. Французы маневрируютъ, т. е. примѣняются къ мѣстности и непріятелю, такъ же натурально, какъ вода течетъ по склону... Французскіе военные, отъ высшаго до нисшаго, проникнуты этимъ народнымъ свойствомъ до такой степени, что не понимаютъ даже, какъ можетъ быть иначе. Стремительность въ аттакѣ — французская запальчивость — тоже самое свойство подъ другимъ названіемъ; французы стремительны, потому что предпріимчивы. Жидкій и раздробленный фронтъ не смущаетъ ихъ; очень выгодно дѣйствовать мелкими частями, если можно полагаться на каждую изъ этихъ частей отдѣльно. Во всякомъ случаѣ переломъ въ боевомъ дѣлѣ отъ скорострѣльнаго ружья не заключаетъ въ себѣ ничего; что не сходилось бы съ природнымъ свойствомъ французской арміи, чего она не могла бы обратить въ свою пользу *).

Тоже самое, хотя въ другомъ видѣ, надо сказать о войскахъ нѣмецкихъ, т.-е. прусскихъ; онѣ сильны преимущественно своимъ огнемъ и правильною механичностію. Въ прусскомъ солдатѣ мало личной предпріимчивости, много упорства и очень много терпѣливости и аккуратности, способныхъ довести его до совершенства въ предметѣ ежедневнаго занятія. Эти качества достигаютъ въ прусскомъ офицерѣ высшей своей степени. Прусскіе офицеры отдаютъ все время службѣ и только о ней думаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряли меня, доказывая слово дѣломъ, что они по временамъ отвыкали обѣдать

*) Отзывъ этотъ писанъ до войны 1870 г. Не полагая, чтобъ война могла заставить мыслящаго военнаго человѣка измѣнить такое мнѣніе.

по невозможности оторваться отъ обученія своихъ краткосрочныхъ солдатъ на такое долгое время и ѣли только урывками. А какъ нѣмцы по преимуществу народъ стрѣлковый, любящій стрѣльбу, какъ у нихъ однихъ есть цѣлыя области и цѣлыя сословія прирожденныхъ стрѣлковъ, то естественно, что при такомъ педантски-тщательномъ обученіи природная наклонность даетъ богатый плодъ. Историческая сила прусской арміи состояла всегда въ быстромъ и мѣткомъ огнѣ, рѣшавшимъ сраженія при Фридрихѣ Великомъ, такъ же, какъ при Вильгельмѣ I. Недаромъ были первымъ сказаны слова: «Толпа прицѣливающихся одолѣетъ толпу смѣлыхъ». Для такой арміи каждое усовершенствованіе ружья, хотя бы одинаково принимаемое всѣми, оказывается особенно выгоднымъ, приращаетъ ея силу бóльшимъ числомъ процентовъ, чѣмъ силу другихъ армій. Оттого инициатива нововведенія въ этомъ отношеніи всегда принадлежала Пруссіи—отъ желѣзныхъ шомполовъ до игольчатаго ружья.

Русскія войска развивались иногда очень своеобразно, какъ на Кавказѣ, подъ вліяніемъ долгой боевой службы въ различной обстановкѣ, выдѣлывавшей каждый полкъ по особой мѣркѣ. На Кавказѣ были полки, близко подходившіе по наружности къ французскому типу; въ этомъ высказывалось вліяніе 25-ти-лѣтней боевой службы на исключительномъ полѣ, а не народнаго характера. Говоря же вообще, русская армія очень далека отъ качествъ, какъ французскихъ, такъ и прусскихъ. Съ одной стороны у насъ вкоренено безпрекословное исполненіе приказанія, а не предпріимчивость; наша рѣшительность проявляется въ исполненіи воли начальника, а не въ собственномъ починѣ, изъ десяти мелкихъ начальниковъ девять дадутъ безстрастно разстрѣливать свою часть и не ступятъ шагу безъ распоряженія свыше; отдѣльныя части у насъ не привыкли къ самостоятельности, нашими ротами, баталіонами, полками и даже выше, надобно двигать,—сами отъ себя въ большей части случаевъ они не двинутся. Наша армія — страшное оружіе въ сильныхъ рукахъ, но собственнаго почина въ ней нѣтъ; исключеніе не правило. Исторія и личный опытъ каждаго бывалаго человѣка не позволяютъ въ томъ сомнѣваться. Въ этой чертѣ выражается характеръ русскаго народа, не воинственнаго, но крайне смѣлаго, вслѣдствіе чего складывается естественно войско—

непредпріимчивое, но неустрашимое, способное идти на смерть, очертя голову, за начальникомъ, но рѣдко примѣняющееся само собою къ обстоятельствамъ. У насъ нельзя полагаться на усмотрѣніе частныхъ начальниковъ и дробныхъ частей, пользующихся каждымъ закрытіемъ и складкой мѣстности, каждымъ удобнымъ случаемъ прорвать непріятеля или обойти его, что одно только можетъ уравновѣсить разрушительность нынѣшняго огня. Съ другой стороны, намъ трудно сравниться съ западными сосѣдями во всемъ, что требуетъ техническаго совершенства, точности и неустанной заботливости. Ежедневный опытъ можетъ разувѣрить въ этомъ, кажется, всякаго оптимиста. Кромѣ того, что въ техническомъ отношеніи мы всегда опаздываемъ, совершенство арміи въ огнѣ требуетъ личныхъ качествъ, которыхъ у насъ положительно нѣтъ. Русскій простолюдинъ не одиночникъ и проникается увѣренностію въ себѣ только въ артели; нашъ рекрутъ по большей части беретъ въ руки ружье какъ вещь ему незнакомую; онъ рѣдко пристращается къ мелочамъ, необходимымъ для совершенства въ техникѣ. Изъ его натуры нельзя развить стрѣлковыхъ качествъ, ихъ надо прививать къ нему извнѣ, что составляетъ уже совсѣмъ иное дѣло. Большая искренняя точность въ исполненіи мелкихъ обязанностей службы встрѣчается у насъ рѣдко; офицеры русской арміи не отвыкнутъ обѣдать изъ рвенія къ обученію людей; даже высшіе начальники у насъ не скоро еще станутъ считать первымъ качествомъ части—искусство въ стрѣльбѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Наша армія всегда была ниже европейскихъ по умѣнію маневрировать и по ружейному огню, и вѣроятно, всегда останется такою, объ чемъ задумываться нечего, лишь бы отношеніе оставалось на той же степени, не понижаясь.

Русское войско, не предпріимчивое и не ловкое въ маневрахъ, какъ французское, не сильное своимъ огнемъ, какъ прусское или англійское, считалось, однако, страшнѣйшимъ противникомъ всѣми, кому доводилось съ нимъ мѣряться. Даже сраженія, выигранныя противъ насъ бывали самыми долгими, кровавыми и наименѣе рѣшительными сраженіями вѣка; можно утвердительно сказать, что мы иногда проигрывали битву противъ непріятельскихъ генераловъ, никогда противъ непріятельскихъ солдатъ. Въ какомъ же свойствѣ заключается русское преимущество? Это знаетъ Европа и каждый бывалый русскій

фицеръ. Оно заключается въ неразрывности строевой части—баталіона и роты,—въ томъ духѣ, который заставляетъ русскаго человѣка подчинять свою личность миру, общинѣ, и дѣйствовать всегда артелью, по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна». Всякій европейскій баталіонъ, разъ опрокинутый, разсыпается, такъ что не скоро уже соберешь людей; нашъ же баталіонъ, при самой страшной неудачѣ, не разбѣгается почти никогда, люди жмутся другъ къ другу и отступаютъ толпою. Это значитъ, что русскій солдатъ, въ общемъ смыслѣ, не одиночный боецъ, но человѣкъ сомкнутаго строя. Понятно, какою неодолимою силою разрѣшается такое свойство въ рукахъ твердаго духомъ начальника. Энергія его безсильна, когда часть въ разбродѣ; но покуда она остается сомкнутою, одно удачное слово можетъ возвратить ей бодрость. Съ начальникомъ не унывающимъ такую армію нельзя сбить съ поля, ее приходится вырѣзать, какъ матеріальное препятствіе, что не легко дается. Понятно также, что войско, всегда остающееся сомкнутымъ, въ которомъ до послѣдней минуты всѣ люди, кромѣ убитыхъ и тяжело раненныхъ, остаются въ рядахъ, можетъ длить бой безъ конца, что оно оказывается на дѣлѣ не сокрушимымъ орудіемъ, никогда не обманывающимъ расчетовъ полководца, лишь бы полководецъ стоилъ его. Понятно, наконецъ, какое впечатлѣніе подобное войско производитъ на самаго закаленнаго непріятеля. Послѣ цѣлаго дня отчаянныхъ усилій, искусныхъ аттакъ и блестящихъ маневровъ, овладѣвъ въ случаѣ удачи первою, второю, третьею позиціею, самъ истомленный и разстроенный, онъ все-таки видитъ передъ собою сомкнутыя массы и линію, готовую къ новому отпору. Это свойство несокрушимости русской пѣхоты въ послѣднія минуты Бородинскаго боя вырвало у Наполеона слова: «Я не выдвину свою гвардію на разрушеніе, нельзя рисковать своими послѣдними средствами». Продолженіе недоговоренной фразы въ мысли завоевателя очевидно: къ чему? мы убьемъ новыя тысячи ихъ, но остальныя будутъ стоять такъ же, какъ стоятъ теперь. Французскіе солдаты, старые и новые, повторяли и повторяютъ: русская армія сильна только кулакомъ, но страшно сильна имъ. Фридрихъ Великій еще прежде сказалъ то же самое: «русскаго солдата легче убивать, чѣмъ побѣждать», т. е. бей ихъ, сколько хочешь, они все стоятъ сомкнутою массою, все-таки не разбиты. Извѣстный горскій партизанъ Гаджи-

Муратъ выразилъ по своему эту истину; «Странный человѣкъ русскій солдатъ! въ одиночку не годится противъ горца, а соберется ихъ кучка, никакъ съ нею не справишься». Всѣ наши противники, съ учрежденія у насъ регулярной арміи, повторяли это замѣчаніе на всякіе лады. Штыковая сила русскаго солдата, кромѣ личной отваги, заставляющей его бить, а не обороняться, есть главнѣйшее слѣдствіе нашего кореннаго свойства—дѣйствовать артелью, жаться другъ къ другу; чѣмъ колонна менѣе подвержена разрыву и чѣмъ напираетъ дружнѣе, тѣмъ сильнѣе ея натискъ въ рукопашномъ бою. Въ аванпостныхъ дѣлахъ, гдѣ нужны качества бойца-одиночки, мы не сильны, что всегда подавало большую надежду непріятелю въ началѣ каждой кампаніи; но когда доходило до открытаго боя, усилія его разбивались или истощались объ русскія колонны, какъ напоръ воды противъ камня. Шмитъ въ исторіи польскаго возстанія показываетъ ярко это первоначальное обольщеніе и слѣдовавшее затѣмъ разочарованіе непріятеля. Противъ серіознаго европейскаго врага мы брали верхъ только этимъ свойствомъ, не преимущественно, а исключительно; въ немъ сила русской арміи и въ прошедшемъ, и будущемъ. Суворовъ, доведшій нашу армію до совершенства, выше котораго свѣтъ ничего не видалъ основалъ (правильнѣе сказать, довершилъ, потому что и прежде такъ было) воспитаніе русскаго войска и свою тактику именно на этомъ свойствѣ. Въ итальянской кампаніи, гдѣ только нужно было маневрировать, онъ ставилъ австрійцевъ, также и на аванпостахъ; своихъ же солдатъ велъ туда, гдѣ нужно было сбить непріятеля открытымъ боемъ безъ хитростей, «на чистоту», возобновлялъ аттаку десять разъ съ ряду и всегда подъ конецъ заставлялъ непріятеля разсыпаться, между тѣмъ какъ у него самаго оставалось подъ рукою хотя бы только горсть, стоявшая плотно и бывшая въ состояніи возобновить бой. Къ концу кампаніи изъ 40 слишкомъ тысячъ русскаго войска осталось только 12, но у этого остатка не было уже противника въ полѣ.

Конечно, нельзя легко смотрѣть и на другія стороны дѣла, необходимо стараться довести русскихъ солдатъ до возможно высшей степени, какъ маневристовъ и стрѣлковъ; но прежде всего надобно твердо сознавать природныя черты, въ которыхъ заключается наша сила. Иначе военная система станетъ своего рода нигилизмомъ, создающимъ мыльные пузыри для фанта-

стическихъ солдатъ. Никогда мы не будемъ страшны европейскимъ арміямъ предпріимчивостію отдѣльныхъ частей и ловкостію въ маневрахъ, какъ французы, ни своимъ убійственнымъ огнемъ и совершенствомъ техники, какъ пруссаки и англичане: мы должны привить къ себѣ эти качества достаточно, для того, чтобы по возможности уравновѣшивать преимущество враговъ въ этомъ отношеніи; побѣждать же мы можемъ только тѣмъ свойствомъ, которымъ побѣждали до сихъ поръ—несокрушимостію строя. Наша армія понизилась бы несомнѣнно въ общемъ уровнѣ, если бы вліяніе новаго оружія и истекающей изъ него новой тактики оказалось неблагопріятнымъ для нашего народнаго качества. Искусственно привитое никогда не замѣнить природнаго.

Между тѣмъ вліяніе это дѣйствительно неблагопріятно. При всеобщемъ вооруженіи скорострѣльнымъ ружьемъ, каждая изъ большихъ европейскихъ армій находитъ въ немъ выгодное примѣненіе къ одному изъ своихъ главныхъ качествъ, выигрываетъ въ какомъ либо отношеніи предъ прочими. Одни только мы проигрываемъ безъ вознагражденія. Губительность нынѣшняго огня, проистекающая изъ того необходимость разжиженія и раздробленія фронта — противорѣчатъ кореннымъ образомъ нашей главной силѣ, состоящей въ связности и несокрушимости массы. Если есть возможность найдти средство, обезпечивающее русской арміи ея основное преимущество, то средство это должно найдти.

Средство—панцырь—найдено. На обыкновенномъ разстояніи между бьющимися линіями той и другой стороны, кромѣ рѣшительныхъ минутъ прямой схватки, ружейный огонь не разобьетъ никого и на полѣ сраженія окажется всегда достаточно естественныхъ закрытій; панцырь нуженъ для головныхъ частей, въ минуты натиска или прямаго отпора. Панцырныя войска представляютъ въ этомъ случаѣ остріе иглы, за которымъ самъ собою проникаетъ въ массу непріятеля стержень ея — войска не панцырныя. Между тѣмъ, панцырь сохранитъ головнымъ частямъ. рѣшающимъ участь аттаки, первое условіе нашей силы — связность. По моему мнѣнію, для этой цѣли, какъ только панцырь установится въ окончательномъ видѣ, было бы нужно снарядить, на первый случай, хотя столько же панцырныхъ баталіоновъ, сколько у насъ дивизій, — разумѣется, не разсѣянныхъ по дивизіямъ, а собран-

ныхъ въ полки, распредѣляемые по мѣрѣ надобности. Полки эти служили бы остріемъ иглы при натискѣ и неодолимымъ резервомъ въ послѣднюю минуту. На первый случай было бы достаточно одѣть въ латы гвардейскую линейную пѣхоту.

Скорострѣльное ружье окажетъ еще больше вліянія на конницу, чѣмъ на пѣхоту. Значеніе конницы, остающейся въ нынѣшнемъ рутинномъ видѣ, подсѣчено въ корнѣ; даже въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля она едва ли принесетъ особенно большую пользу. Не только баталіонъ, но рота, остающаяся сомкнутою и не трусившая, отобьетъ свинцовымъ дождемъ всякую конницу. Рутинная регулярная кавалерія представляетъ теперь только безполезную тягость на бюджетѣ. При скорострѣльномъ ружьѣ конница можетъ имѣть значеніе только какъ линейные казаки, т.-е. какъ стрѣлки конные или пѣшіе, смотря по удобству минуты, умѣющіе. разумѣется, дѣйствовать регулярнымъ фронтомъ, но обнажающіе шашку только при случаѣ, — стрѣлковая часть, движущаяся съ быстротою неутомимой конницы. Всѣ наши казаки могутъ быть приведены къ такому образцу. Въ этомъ отношеніи, выгода очевидно, на нашей сторонѣ, по качеству, дешевизнѣ и многочисленности этого оружія. Казачья конница, одѣтая въ легкій панцырь 1½ ф.. вѣсомъ, неуязвимый холоднымъ оружіемъ, считала бы непріятельскую ни во что.

Считаю почти ненужнымъ говорить о магическомъ дѣйствіи панцырныхъ войскъ, пѣхоты и конницы, впервые явившихся на полѣ битвы. Дѣйствіе это будетъ также разрушительно, какъ появленіе панцырнаго корабля посреди деревянныхъ судовъ. Пѣшіе латники, подведенные къ непріятелю на 300 шаговъ, подъ прикрытіемъ ружейнаго огня своей линіи, постепенно сближающейся съ врагомъ, — устремляющіеся съ этого разстоянія бѣглымъ шагомъ въ аттаку — прорвутъ противника, какъ пушечное ядро; прорванная въ одномъ мѣстѣ линія слабѣетъ нравственно далеко окрестъ этого пункта. Латники будутъ также неоцѣненны для штурма деревень и укрѣпленныхъ мѣстъ. Первое же сраженіе отзовется паникою въ рядахъ непріятеля и повліяетъ на исходъ войны, вѣроятно, въ гораздо высшей степени, чѣмъ нарѣзныя ружья союзниковъ въ войнѣ Крымской и игольчатыя въ австро-прусской. Гораздо выгоднѣе, какъ сказано выше, быть стороною удивляющею, чѣмъ стороною удивленною; а выборъ между тѣмъ и другимъ пред-

ставляется теперь рѣшительно. Правительства производили опыты и заставили изобрѣтателей панцырей работать въ государственныхъ мастерскихъ. Пускай весь свѣтъ приметъ панцырь,—выгода все таки окажется за нами. Во первыхъ, мы сохранимъ главное наше боевое качество—неразрывность; во вторыхъ, бой приметъ въ рѣшительную минуту самый выгодный для насъ видъ—рукопашный. Въ этомъ бою русскіе сильнѣе всѣхъ; это не народная присказка, а дѣйствительность, которую признаетъ каждый добросовѣстный иностранецъ, стоявшій въ бою противъ насъ. Въ схваткахъ подъ Севастополемъ французы, такъ много хвастающіе своимъ штыкомъ, не били, а только отмахивались, и всегда подавались назадъ *). Даже обычныя замашки русскаго солдата послужатъ намъ тутъ въ пользу. У насъ (такъ по крайней мѣрѣ видѣлъ я постоянно) только первая шеренга встрѣчаетъ врага штыкомъ, затѣмъ главное оружіе нашего солдата не штыкъ, а прикладъ, или правильнѣе—курокъ, которымъ онъ бьетъ на отмашъ. Штыкъ безсиленъ противъ панцыря,—ударъ прикладомъ въ голову, хотя бы защищаемую непробиваемымъ шишакомъ, если не ранитъ, то на мгновеніе свалитъ съ ногъ даже великана. Въ этомъ дѣлѣ оказываются черты, какъ бы предуставленныя въ нашу пользу.

Назначеніе панцыря — предохранять человѣка отъ опасности быть внезапно убитымъ ружейнымъ выстрѣломъ, но только съ лица. Люди должны знать, что оборотившись къ непріятелю спиною, они мгновенно лишаются своего преимущества. Защита нужна для жизненныхъ частей тѣла, ударъ въ которыя можетъ причинить немедленную смерть—грудь, животъ до паховъ и голову. Рана не принимается въ соображеніе. Всякій, бывавшій въ бою съ нашими войсками, знаетъ, что русскій солдатъ не боится раны и, въ хорошемъ полку, легко раненный, не выходитъ изъ рядовъ. Другое дѣло—явная смерть. При отступленіи французовъ въ 1812 году старые гвардейцы Наполеона, видя что раненныхъ не подбираютъ и

*) Человѣкъ, имѣвшій наиболѣе данныхъ для боеваго сужденія о французахъ, генералъ Хрулевъ, утверждалъ, что они даже не отмахивались, а прямо бѣжали отъ рукопашнаго боя, такъ что весь вопросъ состоялъ лишь въ томъ чтобы довести до нихъ нашихъ солдатъ. Англичане отбивались штыками, но только въ крайности.

что потому даже легкая рана, мѣшающая человѣку ходить, равносильна смерти—колебались идти въ бой. Число людей, упавшихъ отъ раны въ ногу, не ослабитъ значительно строй и не повліяетъ на духъ людей; напротивъ, возбудитъ солдатскія шутки.

Обстоятельства какъ бы нарочно складываются для облегченія вопроса о панцырѣ. Ударъ пули скорострѣльнаго ружья новыхъ образцевъ, принимаемыхъ во всей Европѣ, малаго калибра, значительно слабѣе прежняго, вслѣдствіе закона, что сила удара равняется массѣ, умноженной на квадратъ скорости, т. е. ударъ пули въ 4½ линіи калибра составляетъ только ²/₃ удара пули 6-ти линейной при тѣхъ же условіяхъ. Если введеніе панцыря потребуетъ снова увеличенія ружейнаго калибра съ уменьшеніемъ числа патроновъ, въ противорѣчіе самому смыслу скорострѣльнаго ружья, то для обратной передѣлки нужно будетъ много времени, въ продолженіе котораго панцырь станетъ рѣшать сраженія. Но, кромѣ того, при нынѣшнемъ ходѣ дѣла, будущее—за панцырь, противъ ружья. Увеличить значительно силу выстрѣла невозможно безъ увеличенія калибра, ограниченнаго въ ручномъ оружіи, при нормальномъ количествѣ патроновъ, довольно тѣсными предѣлами, а со скорострѣльнымъ ружьемъ даже очень тѣсными, потому что безъ большого запаса патроновъ на человѣкѣ оно никуда негодится. Между тѣмъ панцырь только что зародился и каждый день приноситъ новыя улучшенія. Первое усовершенствованіе, еще не испытанное, но которое прежде всего надо имѣть въ виду—это замѣна матеріала, употребляемаго на нынѣшій панцырь другимъ, болѣе устойчивымъ. Начальныя работы Мураторн, Литта Біуми и прочихъ имѣли въ виду корабельную броню; хотѣли замѣнить желѣзо болѣе легкимъ веществомъ и въ тоже время сколь возможно болѣе дешевымъ. Опыты оказались столь удачны, что возникла мысь о натѣльномъ панцырѣ; но матеріалъ оставленъ тотъ же самый, вслѣдствіе чего кирасса Литта Біуми стоитъ только 20 франковъ. Но въ натѣльномъ панцырѣ цѣна имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, приэтомъ не нужны груды матеріала, потребнаго на корабли и потому можно быть гораздо разборчивѣе въ выборѣ его. Если бы натѣльный панцырь стоилъ даже 30 р. (100 франковъ), то снаряженіе всей гвардейской линейной пѣхоты обошлось бы не дороже милліона—цѣна брони на одинъ большой

корабль. Матеріалъ же можно найти гораздо устойчивѣе шерсти. Г. Литта и другіе занимаются опытами въ странѣ, гдѣ давно уже утратилось преданіе о панцырѣ. Между тѣмъ въ земляхъ, гдѣ кольчуга скинута недавно, какъ на Кавказѣ, извѣстно, что она оказывалась дѣйствительною только при подкладкѣ изъ шелка-сырца, нити котораго обладаютъ наибольшею крѣпостію изъ всѣхъ извѣстныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что панцырь, выдѣланный изъ шелка, представитъ значительно большее сопротивленіе, чѣмъ шерстяной. Нынѣшній панцырь на грудь и животъ, послѣдней выдѣлки, отражающій ружейную пулю на 200 метровъ, вѣситъ, какъ сказано, $3^{3}/_{4}$ фунта. Такой же панцырь шелковый, непробиваемый въ упоръ, по всей вѣроятности, будетъ вѣсить 6—8 фунтовъ. Шелковый панцырь съ работою станетъ около 25 руб.

Видѣть препятствіе въ осьми фунтовой тяжести панцыря могутъ только люди, не составляющіе себѣ яснаго понятія о боѣ и походѣ. Объ этомъ можно спросить любого солдата. Я никакъ не могу считать вопросомъ дѣло, рѣшенное всемірнымъ опытомъ многихъ тысячъ лѣтъ. Неужели достаточно двухъ вѣковъ, чтобы забыть такой опытъ и обратить короткую относительно привычку въ рутину, не допускающую даже разсужденія? Но кромѣ очевидной возможности въ самой себѣ, есть много средствъ облегчить латника. Вѣсъ нынѣшней солдатской ноши легко можетъ быть, даже долженъ быть уменьшенъ болѣе, чѣмъ на 10 ф. Въ латники надо выбирать сильныхъ людей, которые легко понесутъ лишнюю тяжесть противъ малорослаго пѣхотинца, если бы даже была въ томъ надобность. Латниковъ, конечно, не будутъ употреблять на аванпостахъ; они останутся въ резервѣ, на долю ихъ выпадетъ менѣе трудовъ. При натискѣ они скинутъ ранцы, какъ это обыкновенно у насъ дѣлается. Наконецъ, панцырь, разумѣется, нѣтъ надобности надѣвать на походѣ; его можно пристегнуть къ ранцу. Если бы крѣпкому человѣку пришлось даже нести нѣсколько лишнихъ фунтовъ, служащихъ ему талисманомъ противъ пули, онъ не отяготится ими. Если можно возражать противъ панцыря, то никакъ не съ этой точки зрѣнія.

Какъ не пожалѣть, глядя на нашу гвардію, что щепоть гороха равняетъ такихъ людей съ трехъ-вершковымъ пѣхотинцемъ, между тѣмъ какъ избытокъ физической силы, могущій стать страшнымъ преимуществомъ въ бою, допускаетъ безъ

затрудненія увеличеніе ноши нѣсколькими фунтами для сохраненія за бойцемъ такого великаго преимущества.

Покрой панцыря на переднюю часть тѣла отъ шеи до паховъ не представляетъ никакого затрудненія; головной же панцырь требуетъ старательной пригонки. Для каждаго рода войскъ — пѣхоты, конницы и проч. нужны различные виды панцырей, стало быть, различныя испытанія, въ кавалерію, напримѣръ, могутъ быть введены совсѣмъ легкіе панцыри, вѣсящіе только до 1 фунта, но защищающіе отъ пистолетнаго выстрѣла и отъ всякаго холоднаго оружія. Вопросъ объ оборонительномъ вооруженіи только что возникаетъ; оно можетъ получить примѣненія, о которыхъ пока еще нѣтъ рѣчи. Возможны также большіе щиты, вколачиваемые въ землю для закрытія артилеріи отъ ружейнаго огня (что, надо сказать, придаетъ новое значеніе картечи), и также большіе щиты подвижные для нѣсколькихъ человѣкъ, носимые первою шеренгою. Было бы лишь обращено должное вниманіе на панцырь — и столько разомъ возникнетъ нежданныхъ примѣненій, что они перевернутъ вверхъ дномъ значительную часть нынѣшнихъ тактическихъ правилъ и понятій.

Лично и глубоко убѣжденъ въ огромной современной важности панцыря. Многіе военные люди наши, пользующіеся заслуженною извѣстностію, съ которыми я имѣлъ случай говорить объ этомъ предметѣ, раздѣляютъ мое убѣжденіе. Всѣ боевые люди понимаютъ важность предмета, хотя не всѣ вѣрятъ въ существованіе достаточно легкаго непробиваемаго панцыря. Его нужно показать, а для того прежде надобно возбудить желаніе посмотрѣть, и въ этомъ состоитъ, странно сказать, труднѣйшая часть задачи, по крайней мѣрѣ, у насъ. Между тѣмъ дѣло идетъ покуда вовсе не о томъ, чтобы одѣвать въ панцырь кого бы то ни было и затрачивать для того значительныя суммы; покуда достаточно желанія удостовѣриться — изобрѣтенъ ли въ самомъ дѣлѣ непробиваемый пулею панцырь. Если панцырь окажется вздоромъ, то бросить его; если — не вздоромъ, то не подвергаться опасности повторить исторію съ ружьями Минье въ Крымскую войну.

Военная исторія полна примѣрами изобрѣтеній, дававшихся прямо въ руки кому-нибудь, отвергаемыхъ рутиною и потомъ обезпечивавшихъ побѣду противнику. Неужели мы забудемъ такъ скоро ружья Минье? Панцырь открытъ не вчера;

двадцать лѣтъ тому назадъ я видѣлъ, какъ онъ отражаетъ пулю. Окрытіе это стучится въ дверь новой тактикѣ. Не сегодня, такъ завтра кто-нибудь усовершенствуетъ его и восторжествуетъ посредствомъ его. Но никому онъ не нуженъ въ такой мѣрѣ, какъ намъ, по коренному свойству нашей арміи. Я сужу такъ: если имѣется въ виду какой-нибудь опытъ еще не початый, но могущій, по логикѣ, разрѣшиться значительными послѣдствіями, если за него стоятъ нѣсколько людей, не глупыхъ и знакомыхъ съ дѣломъ, — то опытъ долженъ быть произведенъ, особенно если онъ не требуетъ большихъ жертвъ; вреда отъ этого нѣтъ, а польза можетъ быть большая; тѣмъ болѣе, когда за него стоятъ авторитеты дѣла, которыхъ я могу назвать цѣлый рядъ, и нѣсколько правительствъ, обратившихъ уже на него вниманіе.

Разборъ брошюры.

Генерала Пистолькорса «О значеніи русской кавалеріи».

1872 годъ.

Не желая возобновлять безплодныхъ преній о нашемъ военномъ дѣлѣ, излагаю не свое, а чужое и, кажется, довольно полновѣсное мнѣніе, о замѣчательной брошюрѣ генерала Пистолькорса. Лично я почти не имѣю права одобрять ея взглядъ, такъ какъ давно уже думаю заодно съ ея авторомъ, что извѣстно читателямъ «Вооруженныхъ силъ Россіи».

Графъ де Бальменъ, бывшій русскимъ агентомъ на островѣ св. Елены во время заключенія Наполеона, приводитъ въ одномъ изъ своихъ донесеній слѣдующій разговоръ великаго полководца съ англійскимъ адмираломъ, сэромъ Пельтней Мэлькольмомъ *). Говоря о Россіи, онъ сказалъ:

«Если вы не остережетесь, эта страна возобладаетъ надъ всѣми. Она уже и теперь достигла такого развитія силъ, при которомъ возможно очень многое. Государь ея миролюбивъ, и это счастіе для васъ, большое счастіе. Достаточно было бы однѣхъ легкихъ войскъ, казаковъ, пущенныхъ по всѣмъ направленіямъ, чтобы порядочно растрепать Европу».

«Но, сказалъ адмиралъ, по наружности, казаковъ нельзя считать отличной конницей».

«Не разсчитывайте на это, возразилъ Бонапарте, они смѣтливы до тонкости, отлично понимаютъ партизанскую войну, ловко накрываютъ непріятеля, ловко врѣзываются въ него,

---

*) Напечатано въ »Русскомъ Архивѣ».

а потомъ и слѣдъ ихъ простылъ; ихъ же самихъ невозможно побить порядкомъ. Они пробираются чутьемъ по чужимъ странамъ, не зная ни языка, ни дорогъ; они вездѣ сущи, продовольствуются добычей. Мнѣ никогда не случалось брать казаковъ въ плѣнъ».

Къ этимъ словамъ нечего прибавлять, но можно выяснить, насколько они остаются справедливыми при новыхъ условіяхъ войны, до которыхъ Наполеонъ не дожилъ. Для этого достаточно изложить въ сокращеніи брошюру г. Пистолькорса.

Я читалъ (кажется, у прусскаго тактика Деккера), что послѣ Люценской битвы въ 1813 году у союзныхъ начальниковъ спрашивали, отчего они не пустили въ дѣло нѣсколько десятковъ тысячъ своей кавалеріи противъ непріятеля, почти безконнаго, и услышали отвѣтъ: «что же можетъ сдѣлать конница противъ пѣхоты, одержавшей верхъ надъ нашею пѣхотою»? Этотъ отвѣтъ, совершенно резонный, былъ данъ въ то время, когда вооруженіе пѣхоты состояло изъ кремневыхъ ружей, не стрѣлявшихъ въ дождь, какъ въ томъ же году случилось подъ Дрезденомъ. Теперь пѣхота вооружена скорострѣльными ружьями, берущими на версту и вся поголовно обучена прицѣльной стрѣльбѣ. Гражданскій читатель можетъ, пожалуй, заключить изъ этого, что строевой солдатской конницѣ, предназначенной исключительно къ аттакѣ холоднымъ оружіемъ, или, говоря по просту, къ сбиванію людей грудью коня, нечего больше дѣлать. Но нѣкоторые ученые военные полагаютъ, однако же, что и теперь еще строевой конницѣ можетъ выпасть случай совершить что нибудь блестящее,—и они совершенно правы въ томъ смыслѣ, что въ человѣческихъ дѣлахъ, какъ въ человѣческихъ спряженіяхъ, нѣтъ правила безъ исключенія. Но тутъ является вопросъ; если солдатская кавалерія, предназначаемая въ ломкѣ грудью, станетъ даромъ ѣсть казенное сѣно, пока общее правило не прорвется какимъ нибудь исключеніемъ, то окажется ли въ итогѣ хоть одинъ процентъ пользы на сто процентовъ ея стоимости? Другіе военные писатели, болѣе экономные (напримѣръ, Рюстовъ) считаютъ единственнымъ назначеніемъ конницы въ наше время аванпостную службу и предлагаютъ ограничить ея размѣръ пропорціей одного всадника на 20 пѣхотинцевъ, выражающей довольно вѣрно отношеніе числа лошадей къ итогу населенія на западѣ.

Все это относится къ Европѣ. Но, какъ благосклонному читателю извѣстно, мы не Европа, а варварская Россія, по окраинамъ которой бродятъ до сихъ поръ несчетные табуны и живутъ сотни тысячъ людей, умѣющихъ ѣздить верхомъ съизмала, не учившись, такъ же какъ нѣмецъ или французъ умѣетъ не учившись ходить пѣшкомъ. Это обстоятельство придаетъ совсѣмъ иную постановку вопросу о нашей конницѣ.

Кавалерія союзниковъ подъ Люценомъ, о которой выше шла рѣчь, была, конечно, мало подвижна: всадники ѣздили не особенно бойко, были по большей части неспособны къ одиночному дѣйствію, а кони ихъ не выдерживали ни долгихъ переходовъ (особенно же ряда долгихъ переходовъ), ни плохаго корма. Совсѣмъ тѣмъ, всякая лошадь движется настолько быстрѣе человѣка, что и эта кавалерія могла бы обойти непріятеля, имѣвшаго мало конницы, и стать за его тыломъ и флангами. Но, затѣмъ, что бы она дѣлала, ставши за флангами и тыломъ? Европейская конница (въ томъ числѣ и наша) знаетъ только одинъ способъ биться противъ пѣхоты: ломить ее грудью коней. Но аттаковать такимъ образомъ цѣлую пѣхоту значитъ навѣрное дать себя истребить безъ малѣйшаго разсчета на успѣхъ и, стало быть, безъ малѣйшей пользы. Слѣдовательно союзной конницѣ оставалось только идти за хвостомъ своей пѣхоты, въ ожиданіи счастливаго часа, когда послѣдняя разобьетъ непріятельскую и ей представится случай броситься на противника уже разстроеннаго. Такъ было въ то время, когда пѣхота дѣйствовала разстрѣлянными кремневыми ружьями, выпускавшими половину заряда черезъ затравку. Теперь же, даже въ преслѣдованіи разбитаго непріятеля, строевая конница едва ли совершитъ чудеса. Каждая рота со скорострѣльными ружьями, хотя бы разстроенная, но не совсѣмъ струсившая, осадитъ всякую конницу; счастіе еще, если преслѣдующая кавалерія успѣетъ захватить нѣсколько отставшихъ орудій. Во все продолженіе франко-прусской войны кавалерія ни разу не пожинала какихъ либо лавровъ на полѣ битвы.

Было бы иное еслибъ, конница кромѣ геройской, но романической ломки грудью, владѣла еще какимъ либо другимъ, болѣе удобнымъ пріемомъ для боя съ пѣхотою, еслибъ она могла биться съ нею въ ровную, рискуя собою въ одинаковой степени съ противникомъ; тогда нѣсколько десятковъ тысячъ

союзной конницы подъ Люценомъ не оказались бы праздными, и непріятелю, не имѣвшему досчаточнаго числа коней, чтобы удержать ее, пришлось бы плохо. Едва ли кто нибудь представитъ себѣ возможность биться въ два фаса противъ непріятеля, спереди и сзади, если только затыльный противникъ не какая либо мелкая партія, а масса, способная къ рѣшительному удару. Я читалъ про такую битву разъ въ жизни, у Полибія. Надобно полагать, что въ подобномъ положеніи всякая армія, даже самая обстрѣленная, будетъ разбита паникой, прежде чѣмъ придется разбивать ее оружіемъ. Нечего и говорить о другихъ преимуществахъ конницы, способной мѣряться съ пѣхотой въ ровную, во всякомъ случаѣ и на всякой мѣстности. По быстротѣ движеній, конницу легко сосредоточивать гдѣ угодно, а потому она не дала бы дохнуть непріятелю, не дала бы ему выдѣлить ни одного отряда; а война сплошною массою, безъ отрядовъ, невозможна.

Но все это осуществимо лишь при томъ условіи, чтобы конница могла состязаться съ пѣхотою какимъ либо другимъ способомъ, кромѣ наскока, при которомъ бьютъ только ее, а она никого не бьетъ. Такой способъ есть, и притомъ единственный—спѣшиваться, когда нужно, обращаясь самой въ пѣхоту, какъ учатъ драгунъ. Но только способъ этотъ вещественно недостижимъ въ большомъ размѣрѣ для европейской конницы и всякой, формируемой по ея подобію, по двумъ причинамъ: 1) Срокъ службы кавалериста изъ ректрутъ весь уходитъ на то, чтобы обучить его сидѣть на лошади; неумѣніе ѣздить верхомъ составляетъ коренной признакъ цивилизованныхъ націй. Гоняться же за двумя зайцами, какъ всякій знаетъ, значитъ не поймать ни одного. Еще Жомини называлъ европейскихъ драгунъ амфибіей, и утверждалъ, что этотъ родъ войска можно формировать только изъ людей, родящихся драгунами, каковы казаки, турки, кавказскіе горцы. Такъ было прежде, подавно же теперь, когда пѣхотинецъ долженъ стать прежде всего хорошимъ стрѣлкомъ. Въ настоящаго драгуна можетъ обратиться лишь такой человѣкъ, которому достаточно показать нѣсколько простыхъ кавалерійскихъ построеній и затѣмъ употребить весь срокъ его службы на обученіе стрѣлковому и застрѣльщичьему дѣлу. Надобно замѣтить притомъ, что обученіе казаковъ, по чрезвычайной ихъ расторопности, чрез-

буетъ мѣсяцевъ вмѣсто годовъ, необходимыхъ обыкновенному рекруту. 2) Для того, чтобы конница, даже стрѣлковая и отлично обученная, могла дѣйствовать самостоятельно, надобно чтобъ она была очень многочисленна; способность къ спѣшиванью не поможетъ, если ей постоянно придется имѣть дѣло съ непріятельской пѣхотой, значительно превосходящей ее числомъ. Положимъ, конницу легко сосредоточить; но даже при этомъ условіи надо располагать большимъ числомъ всадниковъ, чтобы было кого сосредоточивать, такъ какъ на конницѣ лежитъ еще много другихъ обязанностей, отъ которыхъ нельзя отрывать ее безъ остатка. Наконецъ, конница можетъ отважиться на самостоятельныя предпріятія противъ тыла и фланговъ врага въ такомъ лишь случаѣ, когда предварительно собьетъ съ поля его конныя силы, т. е. окажется значительно сильнѣе ихъ. Очевидно какое число коней необходимо для такихъ цѣлей. Но вѣдь конница—оружіе спеціальное, слѣдуетъ даже сказать — единственное спеціальное оружіе, требующее развитія въ людяхъ особаго склада душевнаго и тѣлеснаго, что пріобрѣтается только долгимъ и непрерывнымъ навыкомъ, и то лишь въ половину, если люди не сложились всадниками сами собою, съизмала; оттого искусственную конницу нельзя понижать въ мирное время въ кадровый составъ, какъ пѣхоту или конницу естественную, распуская большую часть людей по домамъ; люди эти вернутся въ строй не кавалеристами. Держать же на-лицо всю массу всадниковъ и коней, потребную для осуществленія задачи настоящей стрѣлковой конницы,— на это не станетъ никакого бюджета, а въ Европѣ не станетъ и лошадей. А между тѣмъ стрѣлковая конница осуществима лишь при томъ условіи, чтобы всякій человѣкъ былъ одинаково хорошимъ бойцомъ на конѣ и пѣшкомъ. Европейскіе народы не могутъ преодолѣть этихъ двухъ препонъ— обращенія рекрута одновременно въ кавалериста и пѣхотинца, и содержанія такого числа кавалеріи, какое нужно для самостоятельныхъ ея дѣйствій. Для нихъ тутъ не затрудненія только, а препоны непреодолимыя. Къ этимъ двумъ препятствіямъ присоединяется еще третье: неимѣніе въ Европѣ лошадей, способныхъ къ долгой скачкѣ, къ усиленнымъ переходамъ въ теченіе многихъ дней, при недостаточно обильномъ кормѣ,—безъ чего изъ самостоятельныхъ дѣйствій кавалеріи ничего не выйдетъ. Оттого европейцамъ остается одинъ

лишь способъ употреблять свою кавалерію (кромѣ аванпостной службы), способъ котораго они и держутся: водить ее на хвостѣ пѣхотныхъ колоннъ, дожидаясь удобнаго для аттаки случая, почти никогда теперь не представляющагося; французы и австрійцы постоянно такъ дѣлали, вѣроятно будутъ дѣлать и впредь; прусаки въ послѣднюю войну выдвигали большую часть ея впередъ, но лишь для аванпостной службы.

Многимъ читателямъ желательно, вѣроятно, напомнить мнѣ въ этомъ мѣстѣ о прусскихъ уланахъ. Но я также попрошу ихъ вспомнить, что половина французской конницы была заперта въ Мецѣ, а другая взята въ плѣнъ въ Седанѣ, и что при такихъ обстоятельствахъ, въ странѣ, гдѣ никто неумѣетъ ѣздить верхомъ, кромѣ членовъ жокей клуба, какимъ бы то ни было уланамъ и въ какомъ бы то ни было числѣ—можно было безопасно бродить по открытымъ полямъ и брать напуганные города, знавшіе, что за двумя уланами идетъ 20 тысячъ пѣхоты. Но въ то же время во Франціи происходило слѣдующее любопытное явленіе, о которомъ ходятъ тамъ тысячи анекдотовъ: прусаки разбросали по странѣ кавалерію, французы—вольныхъ стрѣлковъ. Эти стрѣлки, какъ польскія банды 1864 года, бродили по перелѣскамъ, не смѣя выставить носа изъ древесной чащи; прусскіе же конные партизаны, не имѣя ружья, трусили, въ свою очередь, каждой рощицы и держались исключительно на открытыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ сѣверная Франція была наполнена одновременно партизанами двухъ враждебныхъ сторонъ, кружившихся однѣ около другихъ, какъ пары въ вальсѣ, не сталкиваясь. Къ такимъ партизанскимъ дѣйствіямъ способны нетолько прусскіе, но, полагаю, также и китайскіе уланы.

Очевидно, что современный кавалерійскій вопросъ замкнутъ для европейцевъ въ безвыходномъ кругѣ. Для усвоенія этому страшному оружію его существеннаго преимущества, состоящаго въ чрезвычайной быстротѣ передвиженія, тамъ не существуетъ матеріала—ни годныхъ людей, ни достаточнаго числа лошадей. Нельзя поэтому не признать основательности мнѣнія многихъ западныхъ военныхъ, предлагающихъ ограничить назначеніе европейской кавалеріи одною аванпостною службою.

Но въ какомъ же отношеніи этотъ выводъ примѣняется къ намъ. Неужели мы перестали бы плавать по Волгѣ, еслибъ нѣмцевъ вдругъ высохъ Рейнъ?

Въ юго-восточной окраинѣ Россіи живутъ 250 тысячъ годныхъ къ службѣ казаковъ и почти столько же внутреннихъ конныхъ инородцевъ; всѣ они люди родящіеся на конѣ, разсторопные, ловкіе и смѣлые. Учить ихъ верховой ѣздѣ не приходится: для нихъ это не знаніе, а безсознательная привычка. Изъ нихъ можно формировать строевую конницу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ современную пѣхоту—держать въ мирное время на-лицо треть людей, что недостижимо въ Европѣ, и употребить весь срокъ ихъ службы на обученіе стрѣлковому дѣлу. Каждый изъ нихъ, какъ всадникъ, несравненно превосходитъ солдата, ѣздящаго верхомъ только съ помощію нѣсколькихъ, съ трудомъ заученныхъ правилъ. Въ то же время въ собственной Россіи, кромѣ подчиненныхъ ей кочевыхъ странъ, считается 20 милліоновъ лошадей, вдвое болѣе чѣмъ въ остальной Европѣ. Безъ малѣйшаго затрудненія, съ большою экономіею для военнаго бюджета, въ шестилѣтній срокъ (считая три двухгодовыя очереди), не содержа въ мирное время болѣе коней, чѣмъ теперь, мы могли бы сформировать 300 тыс. стрѣлковой конницы, оправдывающей предсказаніе Наполеона,—въ случаѣ нужды и больше.

Но для осуществленія этой сокрушительной силы нужно разстаться съ нашей привычкой слѣпаго подражанія Европѣ. Нынѣшнюю манежную кавалерію, на нѣмецкій ладъ, нельзя дополнить естественной русской конницей,—можно лишь вполнѣ замѣнить одну другою. На это есть много причинъ: 1) казаки дожны знать конный строй не менѣе (хотя отнюдь не болѣе) гвардейскихъ казачьихъ полковъ, рѣшившихъ своей аттакой участь первой битвы подъ Лейпцигомъ,—для чего слѣдуетъ смѣшать нашихъ молодецкихъ кавалерійскихъ офицеровъ съ казачьими; это нужно для того также, чтобы поднять служебный уровень казачьяго офицерства; по численной пропорціи этихъ двухъ видовъ конницы, регулярные составятъ $^1/_4$ всего числа; 2) казаковъ нельзя пускать въ строй на лошаденкѣ, пріобрѣтаемой инымъ бѣднякомъ за 20 руб., неимѣющей ни силы, ни оѣгу: имъ надо дать пособіе изъ казеннаго ремонта, выходящаго теперь безъ остатка на регулярную кавалерію, и требовать отъ нихъ добрыхъ степныхъ коней; 3) казакамъ нужно также дать огнестрѣльное вооруженіе, не только равнокачественное пѣхотному, но еще болѣе сокрушительное, а именно—повторительное или магазинное ружье. Ге-

нералъ Пистолькорсъ приводитъ изъ американской войны нѣсколько примѣровъ убійственнаго дѣйствія этого ружья, почти мгновенно опрокидывавшаго противника всякій разъ, какъ оно было употреблено въ бою,—ружья, котораго нельзя однакожъ дать пѣхотинцу, по невозможности носить на себѣ потребное для него количество патроновъ; всадникъ повезетъ ихъ на конѣ. Между тѣмъ, по словамъ прошлогодняго отчета военнаго министерства, вооруженіе казаковъ, даже обыкновенными скорострѣльными ружьями, остановилось до приведенія въ ясность ихъ войсковыхъ суммъ. Такъ будетъ всегда, пока русская конница не составится исключительно изъ казаковъ, т. е. изъ отличныхъ и дешевыхъ природныхъ всадниковъ, вмѣсто дорогихъ всадниковъ искусственныхъ, способныхъ только къ одному роду дѣйствій. Нравственная сторона дѣла важнѣе еще въ этомъ случаѣ экономической и всякой другой. Пока существуетъ солдатская кавалерія, хотя бы въ ограниченномъ числѣ, казаки не выйдутъ изъ чернаго тѣла, останутся на вѣки нестроевой конницей, которой они никогда не были, въ которую ихъ обратили почти насильно, для противоположности. Обученіе строю нѣсколькихъ казачьихъ полковъ, какъ дѣлается теперь, нисколько не поможетъ; даже для нихъ не найдется ни достаточнаго числа хорошихъ офицеровъ, т. е. офицеровъ на виду, ни ремонтныхъ денегъ, ни оружія; не окажется даже полнаго вниманія къ нимъ со стороны начальниковъ; имъ достанутся лишь объѣдки отъ уланъ и гусаръ. Еслибъ не существовало даже такого ряда причинъ для упраздненія у насъ искусственной конницы, то все-таки оставалась бы главная, самая убѣдительная причина, та, что она ни къ чему не нужна при столь многочисленной конницѣ природной, единственной, удовлетворяющей современнымъ требованіямъ и стоющей гораздо дешевле, такъ какъ послѣдняя станетъ смѣняться въ три очереди и будетъ въ значительной мѣрѣ вооружаться и ремонтироваться на собственный счетъ. Кажется, можно выбрать не колеблясь между страшнымъ оружіемъ настоящаго и будущаго и архивнымъ оружіемъ старыхъ воспоминаній, безъ сомнѣнія храбрымъ, но рѣдко уже примѣнимымъ къ дѣлу по своему вооруженію, по качеству людей и лошадей.

Закоренѣлыя привычки такъ сильны, однакожъ что дѣло все-таки не обойдется безъ возраженія: «будетъ ли казачья аттака такъ же сильна, какъ нынѣшняя кавалерійская?» Возра-

женіе это понятно со стороны людей, видавшихъ только казаковъ, разбираемыхъ цѣлыми сотнями въ вѣстовые, не имѣвшихъ ни одной свободной недѣли для ученья во все продолженіе служебнаго срока, выѣзжавшихъ иногда на плохихъ лошаденкахъ, командуемыхъ зачастую урядниками изъ писарей и штабъ-офицерами изъ стряпчихъ—однимъ словомъ, казаковъ, затоптанныхъ въ черное тѣло. Но даже такіе казаки, попадая случайно въ добрыя руки, становятся отчаянной конницей, между тѣмъ, какъ солдатская кавалерія, поставленная въ подобныя условія, забыла бы не только ѣздить, она забыла бы, кажется, ходить пѣшкомъ. Безъ причины ничего не приходитъ; по какой же причинѣ казачья аттака можетъ оказаться слабѣе солдатской? Оттого ли, что казакъ лучше владѣетъ конемъ, что онъ проводитъ въ сѣдлѣ по суткамъ безъ устали, что онъ ловче, несравненно смѣтливѣе и, какъ прирожденный всадникъ, въ общемъ итогѣ отважнѣе коннаго солдата; оттого ли, что конь его болѣе сносливъ отъ природы, не испорченъ неестественной выѣздкой и всегда лучше сбереженъ, чѣмъ въ солдатской кавалеріи: или оттого что ни казакъ, ни конь его не знаютъ полезныхъ штукъ, выдѣлываемыхъ въ углахъ манежей? Приходится спросить еще разъ, какъ я уже спрашивалъ однажды: что сказали бы объ англичанахъ, еслибъ они стали пополнять свой флотъ манчестерскими бумагопрядильщиками, обходя своихъ безчисленныхъ вольныхъ матросовъ, въ подражаніе народамъ, у которыхъ вольныхъ матросовъ нѣтъ? Предположеніе это кажется читателю забавнымъ... мнѣ также. Къ подражательности подобнаго рода способны не англичане, а развѣ турки, также замѣнившіе своихъ грозныхъ спаговъ нынѣшними комическими уланами.

Мечта великихъ полководцевъ, въ томъ числѣ и Наполеона I-го стрѣлковая конница, одинаково способная биться пѣшкомъ и верхомъ,—это страшное орудіе, могущее въ хорошихъ рукахъ перевернуть всѣ общепринятыя условія войны—осуществима только въ Россіи. Въ наше время значеніе ея выдается еще рѣзче. При Наполеонѣ обыкновенная строевая конница могла замѣнять ее, хотя отчасти; теперь же, при усовершенствованномъ огнестрѣльномъ оружіи, кавалерія, не умѣющая обращаться въ пѣхоту, оказывается полезной только на аванпостахъ, и то не въ видѣ силы, а лишь въ видѣ дозора. Замѣтьте еще, что Наполеонъ мечталъ о стрѣлковой кон-

ницѣ не въ нашемъ русскомъ размѣрѣ, а лишь въ численности, соотвѣтствующей ремонтнымъ средствамъ Европы, то-есть въ пропорціи одного коннаго стрѣлка на 10 пѣхотинцевъ, и даже въ такомъ видѣ находилъ ее неосуществимой; онъ зналъ, что многочисленная искуственная конница невозможна, что для этого нужны люди, родящіеся всадниками и выходящіе на службу очередями. О нашихъ же казакахъ этотъ великій полководецъ мечталъ, какъ о недостижимомъ для европейцевъ идеалѣ, обращающемъ войну изъ случайной игры въ непогрѣшимый разсчетъ. Дѣйствительно, сравните положеніе двухъ воюющихъ сторонъ, изъ которыхъ одна располагаетъ только ограниченнымъ количествомъ строевой конницы, дѣйствующей однимъ холоднымъ оружіемъ, другая же почти не ограниченнымъ числомъ конницы стрѣлковой, превращающейся мгновенно, когда нужно, въ пѣхоту. Даже въ равныхъ силахъ непріятельская строевая кавалерія будетъ способна биться только противъ кавалеріи же, на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, наша— противъ всѣхъ оружій, на всякомъ мѣстѣ. Въ странѣ, хотя нѣсколько, пересѣченной она не только разобьетъ,—она запретъ непріятельскую конницу, какъ запираютъ противника въ игрѣ шашекъ. Въ превосходныхъ же силахъ, соотвѣтствующихъ гибкому устройству естественной конницы, мы загонимъ кавалерію непріятеля за его пѣхоту, изъ за которой она не посмѣетъ уже показаться. Тогда весь театръ войны—нашъ; непріятель очутится въ осадѣ даже на своей собственной землѣ; ни одинъ вольный стрѣлокъ не посмѣетъ показаться передъ тучею стрѣлковыхъ казаковъ, не спрячется отъ нихъ въ перелѣскѣ, какъ отъ прусскихъ уланъ. Въ то же время стрѣлковая конница, хорошо владѣющая повторительнымъ ружьемъ, будетъ имѣть за собою очевидныя преимущества въ бою съ пѣхотою: во-первыхъ, превосходствомъ своего вооруженія, во-вторыхъ тѣмъ, что она конница и пѣхота вмѣстѣ, и можетъ пользоваться обоими видами своей силы, можетъ догнать на конѣ опрокинутыхъ пѣхотинцевъ прежде, чѣмъ тѣ успѣютъ оправиться, т.-е истребить ихъ, чего теперь не случается, такъ какъ кавалерія обыкновенно стоитъ далеко въ резервѣ. Затѣмъ, всякій маневръ станетъ почти невозможнымъ для непріятеля; мы предупредимъ его вездѣ и всегда, стратегически и тактически, не какимъ нибудь летучимъ отрядомъ, а массою спѣшенной конницы, т.-е пѣхотою же, при какомъ угодно количествѣ конной артиллеріи. Нако-

нецъ, при томъ числѣ конницы, которое Россія можетъ выставить, если съумѣютъ ее подготовить), намъ будетъ возможно обойти непріятеля не только въ частномъ бою, но въ генеральномъ сраженіи, поставить его между двухъ огней, какъ еслибъ въ тылъ ему зашелъ цѣлый пѣхотный корпусъ съ массою конницы. Эта обходящая летучая армія нагрянетъ на него и скроется, когда ей угодно. Нашимъ противникамъ, постоянно окруженнымъ партизанами, заранѣе истомленнымъ почти блокаднымъ положеніемъ, идущимъ ощупью, какъ слѣпые противъ зрячаго,—придется еще вступать въ каждый бой въ обстановкѣ Седана, имѣя врага спереди и съ тыла. Это будетъ борьба звѣря съ равносильной хищной птицей, набрасывающейся на него сверху,—борьба, очевидно, неровная. Вотъ чего можно достигнуть разумнымъ употребленіемъ природной русской конницы,—вотъ о чемъ думалъ Наполеонъ, говоря о казакахъ на св. Еленѣ.

Я изложилъ своими словами и вкратцѣ содержаніе брошюры генерала Пистолькорса. Въ этомъ сокращеніи я не могъ дать читателю достаточнаго понятія о многообразномъ развитіи предмета, о мѣткости взгляда, о глубинѣ практическаго знанія дѣла, которыми насквозь проникнуто это замѣчательное сочиненіе. Брошюра генерала Пистолькорса — починъ новаго дѣла, а не перетруска общеизвѣстныхъ вещей, составляющая содержаніе почти всей военной литературы послѣднихъ годовъ. Будь она написана не по-русски, она стала бы знакомою каждому русскому читателю, даже не знающему иностранныхъ языковъ; теперь же едва-ли многіе ее прочли. Журналамъ она, кажется, также мало извѣстна, особенно военнымъ. У насъ зачастую и несправедливо выражаютъ сомнѣніе въ существованіи достаточнаго числа способныхъ и вполнѣ приготовленныхъ людей руководителей; между тѣмъ, какъ люди не заурядъ выказываются у насъ не рѣдко, вотъ хоть бы сочинитель брошюры «о значеніи русской кавалеріи»; а никто не спрашиваетъ, въ тоже время, есть-ли у насъ для этихъ людей оцѣнка и публика, въ чемъ можно болѣе чѣмъ усомниться. Факты доказываютъ неутѣшительное явленіе, что оцѣнка русскаго человѣка, сильнаго въ своемъ предметѣ, устанавливается всегда раньше и сознательнѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Россіи.

Генералъ Пистолькорсъ затрогиваетъ въ своей брошюрѣ

(впрочемъ, немногими словами) еще одинъ чрезвычайно важный военный вопросъ, параллельный съ кавалерійскимъ, такъ какъ и онъ основывается преимущественно на обиліи и цѣнности лошадей—вопросъ объ артиллеріи. Не имѣя въ виду развивать его подробно, я изложу его все-таки нѣсколько шире, чѣмъ сдѣлалъ г. Пистолькорсъ; иначе читатели не поймутъ въ чемъ дѣло. Въ настоящее время самая многочисленная полевая артиллерія въ Европѣ—германская; число запряженныхъ орудій по военному положенію, для дѣйствующей арміи и резерва, простирается тамъ до 2,408. Нѣмцы остановились на этой цифрѣ не потому, чтобы не хотѣли имѣть болѣе орудій, а потому, что имъ невозможно имѣть болѣе; это не мѣшаетъ, однакожъ, инымъ тактикамъ, по заведенному порядку, обращать необходимость въ систему и устанавливать правило, что на столько-то бойцовъ теперь слѣуетъ держать столько-то пушекъ. Очевидно, однакожъ, что если нѣмцы были вынуждены установить обязательную военную повинность не только для людей, но и для лошадей, то имъ приходится тѣсно въ этомъ отношеніи; но тѣ же нѣмцы бываютъ очень рады, когда представляется возможность вывесть въ поле больше орудій, чѣмъ полагается по штатамъ. Армія принца Фридриха-Карла, подтаявшая при блокадѣ Меца и направленная потомъ противъ французской орлеанской арміи, несравненно превосходившей ее числомъ,—полагалась больше всего на свою артиллерію, состоявшую изъ 330 орудій на 45 тысячъ боевыхъ солдатъ, что даетъ пропорцію почти 8 орудій на 1,000 бойцовъ. Нѣмцы вовсе не желали сообразоваться въ этомъ случаѣ съ нормой, и дѣлали бы такъ всегда, еслибъ имѣли къ тому возможность; но они этого не могутъ,—у нихъ нѣтъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ летейныхъ заводахъ, но коней негдѣ взять; въ Германіи всего 2 милліона лошадей съ жеребятами и дряхлыми клячами на всѣ потребности войны, извоза и земледѣлія; а на ихъ армію, въ нынѣшней ея численности требуется до 300 тысячъ. Вообще же можно сказать,—при настоящей дѣйствительности и самостоятельности артиллеріи, всякая норма становится для нея излишней; остается только возможность. Прежнія легкія пушки, стрѣлявшія удовлетворительно не болѣе какъ на разстояніи 1,200 шаговъ (батарейныя на 1,800), были слишкомъ подвержены внезапному нападенію конницы и даже застрѣльщиковъ, а потому никогда не могли обхо-

диться безъ сильнаго прикрытія; пока артиллерія не выходила изъ подъ постоянной опеки, поневолѣ нужно было сообразовать число орудій съ численностію прикрытія; отсюда и выросло понятіе о законной нормѣ артиллеріи. Теперь полевая артиллерія, даже легкая, дѣйствуетъ губительно на разстояніи 3,600 шаговъ, а съ этого разстоянія внезапное нападеніе достаточно: ему всегда можно противопоставить достаточныя силы во время; слѣдовательно, артиллерія стала гораздо независимѣе прежняго. Пруссаки водили ее массою во главѣ своихъ походныхъ колонъ, вслѣдъ за аванпостами, о чемъ прежде нельзя было и думать, и пріобрѣтали очевидный перевѣсъ въ началѣ каждаго дѣла, что часто рѣшаетъ и конецъ. Съ другой стороны, дальность, мѣткость и разрушительное дѣйствіе артиллерійскаго огня чревычайно усилили значеніе этого рода оружія, вмѣстѣ съ тѣмъ много упрощеннаго, такъ какъ одинъ снарядъ замѣняетъ теперь все—и ядро, и гранату, и картечь. Въ настоящее время можно возмѣщать избыткомъ артиллеріи недочетъ въ пѣхотѣ (хотя не въ конницѣ). Соразмѣряя итогъ разрушительности, производимый нынѣ пѣхотнымъ или артиллерійскимъ огнемъ на полѣ битвы со стоимостію каждаго изъ этихъ оружій, оказывается, что за одинаковый бюджетный расходъ мирнаго времени можно побить гораздо болѣе враговъ посредствомъ артиллеріи, чѣмъ посредствомъ пѣхоты; т. е., что въ сущности артиллерія стоитъ гораздо дешевле пѣхоты. Конечно, одна артиллерія не можетъ выйти въ поле, но превосходство въ артиллеріи часто рѣшаетъ дѣло. Выставляющій большее число пушекъ можетъ съ вѣроятностію разсчитывать на побѣду, а выставить больше пушекъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ больше лошадей и не затрудняется ремонтомъ. Вся выгода положенія на нашей сторонѣ; остается только ею пользоваться. Рядомъ съ этими великими преимуществами новѣйшей артиллеріи, она представляетъ еще то неоцѣненное, притомъ давнишнее преимущество, что она формируется легче и скорѣе всѣхъ другихъ родовъ оружія, если только въ странѣ упрочено образованіе артиллерійскихъ офицеровъ. Доказательства на лицо, и не только доказательства, взятыя изъ какой либо одной войны, но изъ цѣлаго ряда войнъ. Въ послѣднемъ столкновеніи австро-прусскомъ, какъ въ борьбѣ за испанскую независимость 1807—13 г., такъ и въ другихъ случаяхъ, когда приходилось импровизовать арміи, одна

только артиллерія оказывалась вполнѣ годной, будто старая. Въ концѣ 1870 года новорожденная французская артиллерія уступала прусской лишь въ качествѣ орудій, но не въ качествѣ прислуги; если и была разница, то мало ощутительная не влiявшая на исходъ боя. Этотъ фактъ можетъ показаться страннымъ только ученымъ военнымъ, а не людямъ, живущимъ съ солдатами. Механическое образованіе войска—дѣло простое и не долгое; вся мудрость въ томъ, чтобы вложить въ него душу, для чего нужно также время; въ артиллеріи же нѣтъ души: она складывается чисто механическими пріемами. Дѣло въ томъ, что конница и пѣхота составляютъ массу, а масса, какъ извѣстно, сила стихiйная, подверженная безличному и часто безпричинному увлеченію и такой же паникѣ. Чтобы обезпечить, насколько возможно, случайное настроеніе массы въ свою пользу, нужно многое: и сильная военная закваска, и преданія, и духъ товарищества, и отличный нравственный выборъ старшихъ людей, къ которымъ человѣческое стадо тѣснилось бы по непроизвольному влеченію, вѣруя въ нихъ. Артиллерія же не масса: тутъ немногіе солдаты, каждый самъ по себѣ, стоятъ собственнымъ лицомъ передъ офицеромъ, не сливаясь ни въ какое цѣлое и дѣлая каждый свое особое дѣло; они выкликаются, когда нужно, поименно; не составляя массы, они не могутъ увлечься разомъ ни въ какую сторону. Оттого, когда въ артиллеріи хороша матеріальная часть и хорошъ офицеръ, то и артиллерія хороша. Притомъ, по отборности матеріала и нѣсколько привилегированному положенію, въ ней никогда не бываетъ недостатка въ отличномъ духѣ, по крайней мѣрѣ у насъ; выучить же дѣйствію при орудіяхъ легче, чѣмъ научить хорошо стрѣлять изъ ружья. Не смотря на названіе спеціальнаго оружія (укоренившагося за артиллеріей съ той поры, когда пушкари подбирались изъ наемныхъ знахарей), она—оружіе самое неспеціальное, не требующее никакой особой нравственной выдѣлки въ человѣкѣ, наилегче формируемое, наиболѣе способное къ пониженію наличности въ мирное время, даже болѣе, чѣмъ пѣхота. Когда на лицо есть офицеры, фейерверкеры и матеріальная часть—есть и артиллерія. Даже подготовленіе боевыхъ артиллерійскихъ офицеровъ не сложнѣе всякихъ другихъ; строевая и техническая стороны артиллеріи спутаны въ одно только вслѣдствіе старыхъ воспоминаній. Содержаніе самой многочисленной артиллеріи, понижаемой въ мирное время

въ треть при дѣйствующихъ войскахъ и въ четверть или болѣе для резерва, стоитъ относительно очень дешево. Съ артиллеріею одно только затрудненіе—лошади, которыхъ она требуетъ въ огромномъ количествѣ (сколько нужно для однихъ парковъ!), но тутъ затрудненіе для Европы, а не для насъ. Добывать упряжь въ Россіи гораздо легче, чѣмъ за границей. Что же касается до собственно матеріальной части—орудій, снарядовъ, пороха, то въ наше время всякая образованная, даже не образованная страна имѣетъ достаточно для того средствъ, лишь бы военное управленіе умѣло разсчитывать впередъ потребности войны. Въ первое время наполеоновскихъ войнъ мы пользовались своимъ преимуществомъ при очень низкомъ бюджетѣ и были сильнѣе всѣхъ числомъ орудій; французамъ пришлось съ великимъ трудомъ догонять насъ. Теперь, относительно, мы слабѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи, при самомъ великомъ въ свѣтѣ военномъ бюджетѣ. Еслибъ были достаточные запасы для расширенія размѣра нашей артиллеріи когда придетъ нужда—пушки, снаряды, сѣра, селитра—горю можно было бы помочь; но ихъ нѣтъ.

Я высказалъ болѣе подробно то, о чемъ ген. Пистолькорсъ только намекаетъ; полагаю, по крайней мѣрѣ, что такова его мысль. До сихъ поръ я съ нимъ во всемъ соглашался и охотно жертвую въ пользу соглашенія тѣмъ, что говорилъ въ «Вооруженныхъ силахъ Россіи» о нѣсколькихъ казачьихъ дивизіяхъ исключительно строевыхъ, а не стрѣлковыхъ; жертвую потому, что чувствую нравственную, невещественную опасность такого исключенія для сущности дѣла. Но я расхожусь съ авторомъ въ заключительныхъ словахъ его брошюры. Онъ удивляется, какимъ образомъ понятія столь ясныя, столь осязательно практическія, столь важныя по послѣдствіямъ не вошли еще въ общее сознаніе, и надѣется на скорое ихъ осуществленіе. Я не могу ни удивляться, ни надѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Россія, очевидно, не вышла еще изъ воспитательнаго періода своей исторіи, хотя на дняхъ мы отпраздновали второй его юбилей: мы не умѣемъ еще, или не смѣемъ, стоять на своихъ ногахъ. Сказать свое мнѣніе о дѣлѣ можетъ всякій, кто понимаетъ дѣло; но ждать осуществленія такихъ мнѣній было бы преждевременнымъ. Надо помнить, что военные бюрократы всегда останутся при своихъ взглядахъ и предоставятъ Наполеону I, генералу Пистолькорсу и остатку русскихъ боевыхъ людей думать, что они хотятъ.

МНѢНІЕ

О

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

Мнѣніе о восточномъ вопросѣ *).

1869 г.

Перепечатывая въ книгѣ брошюру «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ», писанную въ 1869 году, я не считалъ нужнымъ передѣлывать давно сказанное для примѣненія къ совершившимся фактамъ. Хотя въ то время нельзя еще было предвидѣть размѣра разыгравшихся потомъ событій, но направленіе ихъ и тогда уже не подлежало сомнѣнію. Готовившаяся борьба между Германіей и Франціей обозначалась уже весьма ясно; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было сомнѣваться и въ томъ выводѣ, что исходъ этой борьбы въ ту или другую сторону, рѣшительный для судьбы западной половины нашего материка, не могъ повліять существенно на русскіе политическіе вопросы и на отношеніе къ нимъ Европы; онъ могъ только до нѣкоторой степени затруднить или облегчить ихъ дальнѣйшій ходъ въ будущемъ. Побѣда того или другаго изъ противниковъ измѣняла не болѣе какъ одно имя въ спискѣ противопоставленныхъ намъ силъ. Въ одномъ случаѣ въ спискѣ стояли бы: Франція, Австрія, Англія; въ другомъ—Германія, Австрія, Англія. Побѣда Франціи была бы для насъ временно опаснѣе побѣды Пруссіи. Она подчинила бы французскому вліянію Австрію, не столь прочно, но еще болѣе тѣсно, чѣмъ подчиняетъ ее теперь вліяніе нѣмецкое; съ тѣмъ вмѣстѣ, побѣда эта или прямо зажгла бы пожаръ на нашей западной окраинѣ, или во всякомъ случаѣ снова поставила бы эту окраину на дыбы, возбудила бы нравственное ея сопротивленіе русской власти до пароксизма. Побѣда Германіи, болѣе опасная для насъ въ будущемъ, замѣнившая политическое противодѣйствіе французовъ националь-

*) Напечатано отдѣльной брошюрой.

нымъ соперничествомъ самой упорной расы, обхватившей кругомъ нашу границу, обезпечила намъ по крайней мѣрѣ хотя временный, но довольно продолжительный миръ, дала возможность не быть захваченнымъ врасплохъ; теперь степень нашей безопасности зависитъ уже отъ насъ самихъ. Можно утверждать поэтому, что русское правительство, обязанное пещисъ прежде всего о заботахъ текущаго дня, имѣло весьма достаточное побужденіе благопріятствовать въ началѣ минувшей войны Пруссіи, а не Франціи; благоразумные люди не могли не думать въ этомъ отношеніи за одно съ правительствомъ. Въ сущности же никакой переворотъ въ Европѣ не могъ оказать непосредственнаго дѣйствія на наши внѣшніе вопросы. Тѣмъ не менѣе эти вопросы продолжаютъ стоять надъ нами постоянною опасностью; они—внѣшніе только временно, потому что грозятъ при неблагопріятномъ ихъ разрѣшеніи обратиться въ вопросы внутренніе, перенестись съ заграничной стороны нашихъ окраинъ на русскую ихъ сторону. Въ этомъ отношеніи сужденіе, основанное на общемъ политическомъ состояніи 1873 года, отличалось бы развѣ немногими чертами отъ сужденія 1869. Нашъ основной и вмѣстѣ конечный политическій вопросъ—неразрывная, несомнѣнная и неизбѣжная внутренняя связь въ положеніи дѣлъ и возможномъ ихъ исходѣ на двухъ русскихъ окраинахъ—западной и южной, связь до такой степени неразрывная, что она переплетаетъ оба эти вопроса въ одинъ клубокъ, что рѣшеніе судьбы средней, славянской Европы, тяготѣющей надъ нашею западною окраиною, предрѣшаетъ неотразимо судьбу Балканскаго полуострова съ Чернымъ моремъ и обратно,—остается непочатымъ, не только съ 1869 года, но съ кончины Екатерины II. Онъ не только можетъ, но навѣрное будетъ еще разъ, даже еще нѣсколко разъ, поставленъ на карту. Отъ личнаго рѣшенія правительствъ зависитъ только ускорить или замедлить исходъ, но не отвратить его. Съ того времени какъ Россія обратилась изъ московскаго царства въ русскую имперію, выступила изъ предѣловъ чисто русскаго племени, порѣшила многовѣковой споръ съ Польшей и вдвинулась въ черезполосицу восточнаго края средней Европы, славянскаго по населенію, нѣмецкаго по офиціальной окраскѣ, западная ея граница стала произвольной и случайной чертой, зависящей отъ перваго крупнаго политическаго событія. Вся обширная страна чрезъ которую прочерчена ди-

пломатами 1815 года наша западная граница, страна, раскинувшаяся отъ Баварiи до Днѣпра и отъ устья Нѣмана (въ чисто политическомъ смыслѣ даже отъ Финскаго залива) до Босфора, кромѣ явнаго и достаточно уже сознаваемаго этнографическаго сродства, имѣетъ еще тотъ общiй складъ, что вся она, во всѣхъ своихъ подраздѣленiяхъ, недовольна своимъ настоящимъ положенiемъ, не признаетъ искренно своихъ политическихъ владыкъ, даже давнихъ, и жаждетъ инаго будущаго. При такомъ переходномъ состоянiи, все что происходитъ въ одномъ углу этой черезполосной страны не можетъ не отозваться со временемъ во всякомъ дургомъ углу; думая о Литвѣ, о балтiйскомъ прибрежьѣ или о Черномъ морѣ, мы не можемъ не думать одновременно о Богемiи и Румынiи. Развѣ не ясно, окончательное рѣшенiе участи Богемiи въ чисто нѣмецкомъ смыслѣ, повлекло бы за собой рѣшенiе участи Польши, со всѣмъ полу-польскимъ краемъ, вовсе не въ смыслѣ русскомъ, даже едва-ли въ польскомъ, развѣ на первое время. Какой же смыслъ представляетъ для мыслящаго человѣка statu quo въ такой обстановкѣ. Историческая судьба клонится осязательно къ рѣшенiю вопроса о всей восточной Европѣ въ его цѣлости, т. е. къ размежеванiю двухъ великихъ породъ славянской и нѣмецкой, или къ поглощенiю первой, къ такому поглощенiю, что даже на востокѣ отъ нея останутся только клочки, московское царство Алексѣя Михайловича. Можно придавать большее или меньшее значенiе этому всесвѣтному вопросу, смотря по личнымъ взглядамъ и вкусамъ, но нельзя не видѣть его или отрицать. Вопросъ этотъ не мнѣнiе, а неопровержимый фактъ. Вотъ что побудило меня высказать свое убѣжденiе въ 1869 году. Въ ту пору «Мнѣнiе о восточномъ вопросѣ« казалось еще большинству той «чепухой», о которой говорилъ Лейль. Послѣдняя война открыла глаза многимъ. Въ изданiяхъ, встрѣтившихъ мою брошюру довольно непрiязненно, появились съ тѣхъ поръ серiозные труды по этому вопросу, съ другихъ точекъ зрѣнiя, но въ томъ же самомъ смыслѣ. Такiя мнѣнiя, требующiя предварительной оцѣнки разнообразныхъ сторонъ дѣла, не проникаютъ массу разомъ, какъ бы онѣ не были вѣрны; но онѣ охватываютъ постепенно мыслящiе умы и тѣмъ самымъ обезпечиваютъ свой успѣхъ. Вотъ существенная разница для судьбы брошюры между двумя ея изданiями, 1869 и 1873 года. Все прочее осталось какъ было, а потому я не

вижу надобности примѣнять ея текстъ къ нѣкоторымъ измѣнившимся подробностямъ; достаточно нѣсколькихъ примѣчаній. Вопросъ этотъ развивался въ вѣкахъ; четыре протекшіе года не могли оказать на него замѣтнаго вліянія, рѣшеніе его зависитъ не отъ внѣшнихъ событій, а отъ степени зрѣлости его въ сознаніи русскаго племени.

Каждое государство опредѣляетъ нужныя ему силы вслѣдствіе многихъ соображеній различнаго свойства; никакое не руководствуется въ этомъ отношеніи одною сравнительною статистикою, но мѣряетъ степень своего напряженія географическими особенностями и политическими отношеніями—не только постоянными, но и временными. Послѣ отвлеченнаго вопроса, какую силу можетъ выставить государство, слѣдуетъ вопросъ практическій: какая сила нужна ему?—На послѣдній вопросъ нельзя дать даже приблизительнаго отвѣта, не составивъ себѣ точнаго понятія о политическихъ отношеніяхъ государства, которыя могутъ вовлечь его въ войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажутъ направленіе войны и степень ея напряженія. Такое политическое понятіе, предшествующее всякому военному выводу, можетъ быть не вѣрно или односторонне, что, конечно, отразится на выводѣ; но безъ него нельзя приступить къ военному вопросу; безъ этого основанія предметомъ разсужденія будетъ искусство для искусства, а не дѣйствительность. Мой разсчетъ вооруженныхъ силъ (принимаемый теперь офиціально-усиленіемъ дѣйствующей арміи и созданіемъ резерва) основывается также на законченномъ понятіи о нашихъ политическихъ или, вѣрнѣе сказать, историческихъ, отношеніяхъ (такъ какъ тутъ дѣло идетъ не о текущемъ днѣ). Мысль, на которой построенъ разсчетъ, слѣдующая: ни одинъ изъ близкихъ намъ европейскихъ вопросовъ, и особенно главный изъ нихъ—восточный, не можетъ быть поконченъ мѣстною войною (восточный, напримѣръ, войною на Балканскомъ полуостровѣ); послѣдняя война была въ этомъ отношеніи явленіемъ случайнымъ и исключительнымъ, не повторяющимся дважды. Столкновеніе наше съ Европою, или съ частію ея, можетъ порѣшиться только борьбою съ лица т. е. войною на западной границѣ; а потому между-народную силу Россіи надо мѣрять не только преимущественно, но почти исключительно силою, ко-

торую она можетъ выставить на западномъ своемъ предѣлѣ, оставаясь въ тоже время въ оборонительномъ положеніи на прочихъ границахъ, гдѣ нужно.

Утвержденіе это, несомнѣнное въ моихъ глазахъ, привело къ недоразумѣніямъ. Мнѣ замѣчали, что, кромѣ восточнаго вопроса, никакой другой не можетъ возбудить противъ насъ коалицію, потому что польское дѣло не представляетъ для Европы существенной важности; что восточный вопросъ, какъ показываютъ факты, не поведетъ къ столкновенію на западной границѣ; что союзники 1854 г. не предприняли сухопутной войны вслѣдствіе того, что Англія не хотѣла изъ-за восточныхъ дѣлъ передѣлывать европейскую карту, чего надо ждать и въ будущемъ, и т. д.

На такія замѣчанія можно было бы отвѣчать въ короткихъ словахъ: 1) Коалиція противъ насъ внѣ восточнаго вопроса до такой степени возможна, что въ 1863 году, когда Наполеонъ хлопоталъ въ Вѣнѣ о наступательномъ союзѣ, коалиція чуть было не состоялась. Австрія колебалась нѣсколько дней, и если бы тогдашнее ея правительство было немного рѣшительнѣе (въ доброй волѣ у него не было недостатка), то противъ насъ образовался бы грозный союзъ изъ Франціи, Австріи и Италіи, въ обходъ мало тогда значившей и еще не увѣренной въ себѣ Пруссіи, безъ помина о восточныхъ дѣлахъ. Всякое волненіе Польши грозило и будетъ грозить намъ тою же опасностію *). 2) Англія точно—не желала связывать польскій вопросъ съ восточнымъ, но не до такой степени, чтобы признать себя побѣжденною и отказаться отъ своихъ требованій на востокѣ для избѣжанія его. Обратить же морскую войну

*) Война 1870 г. значительно измѣнила показанную здѣсь обстановку, но по большей части не въ нашу пользу. Союзъ Австріи съ Франціей можетъ замѣниться теперь союзомъ Германіи съ Австріей, гораздо болѣе сосредоточеннымъ и владѣющимъ несравненно большими средствами для возмущенія спокойствія нашей западной окраины. Правда, такой союзъ имѣлъ бы у себя въ тылу Францію; но вѣдь и возможный прежде союзъ австро-французскій имѣлъ бы во флангѣ Пруссію; однакожъ тогдашніе противники наши не останавливались передъ этимъ соображеніемъ. Въ Польшѣ нынѣ уже не опасны волненія самородныя, но волненія навѣянныя гораздо осуществимѣе чѣмъ, прежде, по близости поддержки. Сущность нашего международнаго положенія въ этомъ отношеніи не измѣнилась, но вѣроятная опасность, хотя не столь внезапная какою она могла оказаться до войны 1870 г., возросла еще на нѣсколько процентовъ.

въ сухопутную зависѣло не отъ западныхъ державъ, а отъ Австріи, которая одна могла открыть союзникамъ доступъ къ нашей западной границѣ. 3) Сухопутная война не вспыхнула по восточному вопросу въ 1856 году отъ того лишь, что мы отступили передъ нею и отказались не только отъ недавнихъ требованій, но отъ давнихъ преимуществъ, вслѣдствіе ультиматума Австріи; иначе война легла бы всею тяжестью именно на западную границу. Я бралъ для разсчисленія силъ послѣднюю войну, причемъ очевидно долженъ былъ руководиться не буквально тѣмъ, что случилось, а тѣмъ, что непремѣнно должно было случиться, если бы мы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Я имѣлъ въ виду не случайную и безцѣльную войну, какъ въ 1853—1856 годахъ, но войну обдуманную, со средствами, заранѣе соображенными съ цѣлію.

Я не могу вдаваться въ подробности и потому не представляю никакого новаго факта; но укажу то соотношеніе между фактами, изъ котораго истекаетъ мой взглядъ.

Сосредоточимся на восточномъ вопросѣ. Онъ дѣйствительно самый существенный для насъ, потому что одинъ только постоянно грозитъ намъ враждебною коалиціею. Какъ во время сильной эпидеміи всѣ болѣзни носятъ на себѣ ея оттѣнокъ такъ и по восточному вопросу, покуда онъ стоитъ не разрѣшенный, всѣ причины столкновенія Россіи съ западомъ вытекаютъ изъ него или въ него втекаютъ; онъ служитъ имъ общею связью *). Согласиться въ истинномъ значеніи восточнаго вопроса и въ опредѣленіи кореннаго препятствія, не допускающаго до сихъ поръ разрѣшенія его въ русскомъ, т. е. справедливомъ смыслѣ, котораго жаждетъ все населеніе Балканскаго полуострова,—значитъ согласиться на счетъ сущности военно-политическаго положенія Россіи—стало быть, и важности для насъ того или другаго основанія военныхъ дѣйствій.

Собственно говоря, недоразумѣніе происходитъ отъ различія понятій на счетъ предѣловъ вопроса.

Предѣлы эти чрезвычайно раздвинулись въ текущее столѣ-

*) Такъ было до 1870 года. Теперь же поводы къ столкновенію могутъ возникнуть еще скорѣе изъ случайныхъ или систематически подготовленныхъ событій средней Европы, чѣмъ изъ восточнаго вопроса. Вмѣсто одной опасной случайности передъ ними стоятъ двѣ. Вотъ въ чемъ наше положеніе ухудшилось.

тіе. Отъ прежняго восточнаго вопроса осталось одно названіе; все прочее—сущность и размѣры стали иными. Можно прослѣдить съ чрезвычайною точностію внутренній ростъ вопроса по отношеніямъ, въ какія постепенно становилась къ намъ Австрія при каждой изъ нашихъ турецкихъ войнъ. Никакой барометръ не показываетъ такъ вѣрно погоду, какъ степень непріязни Австріи къ намъ—состояніе восточнаго вопроса, потому что для нея этотъ вопросъ не политическій, какъ для Франціи и Англіи, а свой, жизненный, въ такой же мѣрѣ, какъ для насъ—только въ обратномъ смыслѣ.

Въ 1786 г. былъ заключенъ союзъ между Екатериною II и Іосифомъ II для завоеванія, раздѣла и перерожденія европейской Турціи. Въ этомъ союзѣ выразилась въ послѣдній разъ мысль, триста лѣтъ занимавшая Европу, объ изгнаніи невѣрныхъ варваровъ изъ ея предѣловъ,—разумѣется, съ приманкою личныхъ интересовъ. Единовѣріе наше съ балканскими народами значило тогда много для турецкихъ раіевъ и мало для Европы; единокровіе наше съ ними не имѣло значенія ни для кого: стремленія къ народности еще не существовало. Мы отдавали Австріи гуртомъ православныхъ славянъ Сербіи и Босніи, она обѣщала за то помогать намъ въ возстановленіи византійской имперіи; о другомъ преемникѣ для Турціи еще никому не думалось. Славянъ дѣлили, какъ товаръ, между нѣмцами и греками. На такихъ основаніяхъ Австрія могла быть за одно съ нами.

Въ 1807 г. она смотрѣла на дѣло уже другими глазами, вслѣдствіе нежданнаго и успѣшнаго возстанія сербовъ. Могло ли государство, населенное 19-ю милліонами порабощенныхъ славянъ, видѣть равнодушно этихъ новыхъ турецкихъ наслѣдниковъ, и гдѣ же?—вдоль границы Кроаціи и Воеводины. Въ дѣйствіяхъ Австріи высказался тогда же новый планъ политики по восточному вопросу, которому съ тѣхъ поръ она слѣдовала неуклонно. Вѣнскій кабинетъ употребилъ въ ту пору всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы разорвать союзъ Франціи съ Россіею, грозившій ему одною только, но для него невыносимою опасностію—уступками со стороны Франціи по восточному вопросу. Для избѣжанія подобной сдѣлки, болѣе, чѣмъ для чего либо другаго, Австрія сначала бросилась въ войну съ Наполеономъ, потомъ отдала за него свою эрцгерцогиню и пошла къ нему въ союзъ.

Она не успѣла, однако же, помѣшать освобожденію Сербіи. Императоръ Александръ, не находившійся еще подъ вліяніемъ Меттерниха, настоялъ на своемъ. Но извѣстно, что затѣмъ произошло. Когда человѣческое чувство и стыдъ передъ своими народами склонили всѣ европейскія правительства, даже англійское, въ пользу грековъ,—одна Австрія оставалась непреклонною и долго тормозила Россію именемъ священнаго союза. Казалось бы, однако же, «великая идея» возстановленіе греческой имперіи, а тѣмъ менѣе первый шагъ къ этой еще отдаленной цѣли, не должны были пугать племянника Іосифа II-го; но въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени австро-русскаго союза противъ турокъ, для зоркой Австріи стало ясно, чѣмъ подбить восточный вопросъ: тамъ, гдѣ другіе говорили греки, она думала уже сербы и болгары. Когда истощилось, наконецъ, терпѣніе русскаго правительства и покойный государь повелъ свою армію за Дунай, Австрія, не смотря на священный союзъ, выбивалась изъ силъ, чтобы набрать противъ Россіи такую же коалицію, какую удалось ей составить 25 лѣтъ спустя. Она оказалась несравненно рѣшительнѣе Англіи; въ Вѣнѣ прославляли каждую минутную нашу неудачу, какъ патріотическое торжество. На тотъ разъ только довѣріе Карла X къ слову императора Николая Павловича—не разрушать Турціи, и родственно дружескія отношенія съ Пруссіею, избавили насъ отъ враждебнаго союза.

Съ тѣхъ поръ дѣйствительность уяснялась съ каждымъ днемъ. Задолго до восточной войны Европа, съ голоса Австріи, кричала о панслависмѣ. Событія 1848 года, выказавшія живучесть австро-славянскихъ населеній, не могли, конечно, задобрить владыществующіе классы и племена австрійской имперіи къ славянскимъ населеніямъ Турціи. Тайные переговоры, предшествовавшіе восточной войнѣ, до сихъ поръ мало извѣстны *). Несомнѣнно, однако же, что Австрія пугливо старалась уладить раздоръ 1853 года, пока не увѣрилась въ готовности Франціи рискнуть войною, и стала раздувать его, когда пріобрѣла эту увѣренность. Возможно ли допустить, чтобы вновь импровизованный императоръ французовъ, только что поднявшій опасное для Европы знамя Бонопартовъ, поз-

*) Кромѣ переговоровъ съ Англіею, которой не принадлежитъ починъ этого дѣлать.

волилъ себѣ хотя первыя угрожающія демонстраціи, возжигавшія по немного войну, которой никому не хотѣлось, не зная положительно что Австрія съ нимъ, т. е. что на него не обрушится священный союзъ? По наружности союзъ этотъ былъ скрѣпленъ между Россіею и Австріею почти въ прежнемъ смыслѣ; Пруссія, хотя недовольная событіями 1851 года, не поколебалась бы, безъ сомнѣнія, между своими старыми союзницами и бонапартовскою Франціею; если бы наружность оказалась дѣйствительностію, французамъ, вмѣсто Крыма, пришлось бы отбиваться въ Шампаніи. Въ завоевательные замыслы Россіи никто не вѣрилъ, а потому при единодушіи сѣверныхъ державъ невозможно было разсчитывать на Англію. Если бы бывшій священный союзъ заговорилъ громко въ ту пору, на что онъ имѣлъ полное право, зная невинность Россіи во взводимыхъ на нее коварствахъ, Англія отступила бы мгновенно, предоставляя минутному союзнику раздѣлываться, какъ самъ знаетъ. Безъ заручки съ самаго начала въ противоположномъ лагерѣ, французскія демонстраціи 1853 года были бы безумнымъ рискомъ. Нельзя сомнѣваться поэтому, что нравственною зачинщицею коалиціи 1854 года была Австрія, а не Франція, не смотря на обманчивую постановку фактовъ, Австрія, конечно, находила выгоднымъ загребать жаръ чужими руками; но она же развязала руки союзникамъ, потребовавъ отступленія русской арміи за Прутъ и заслонивъ отъ насъ Турцію своими войсками; она же въ послѣднюю минуту рѣшила дѣло, положивъ на вѣсы тяжесть своей трехъ-сотъ-тысячной арміи; она же была несговорчивѣе всѣхъ при заключеніи мира.

Совершенно ясно, почему Австрія медлила окончательнымъ рѣшеніемъ въ прошлую войну, вслѣдствіе чего дѣйствія разъигрались въ Крыму, а не на Вислѣ. Во-первыхъ, Австрія была тогда еще историческою монархіею габсбурговъ, мы были нужны ей для ея германскихъ и итальянскихъ интересовъ; она не хотѣла торопить окончательный разрывъ съ Россіею, надѣясь достигнуть своихъ цѣлей однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, въ чемъ и успѣла *). Во-вторыхъ, въ 1853—1856

*) Первая австрійская депеша русскому кабинету по заключеніи парижскаго мира содержала приглашеніе обратить вниманіе на смутное положеніе итальянскихъ дѣлъ.

годахъ не было и помину о рѣшеніи восточнаго вопроса, развѣ только въ стихахъ Хомякова; споръ шолъ о второстепенныхъ подробностяхъ. Этого, однако же, было достаточно, чтобы Австрія стала во враждебное положеніе, не смотря на опасность потерять столь нужную для нея поддержку Россіи въ другихъ дѣлахъ, нынѣ уже ее не связывающихъ. Что же было бы, если бы теперь дошло до окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса?

Позволительно ошибаться одинаковымъ образомъ не болѣе двухъ разъ: два раза равняются несомнѣнному опыту; а съ тѣхъ поръ, какъ Австрія уразумѣла впервые сущность восточнаго вопроса и приняла въ отношеніи къ нему твердо опредѣленную систему политики, мы уже два раза испытали невозможность не только порѣшить, но даже сколько нибудь улучшить дѣла Балканскаго полуострова помимо ея. Въ 1829 году наша армія дошла до Мраморнаго моря, но только на честномъ словѣ ограничиться при мирѣ однѣми греческими дѣлами въ заранѣе очерченномъ кругѣ (мы не могли освободить Кандію, хотя стояли подъ Константинополемъ). Въ 1854 г. мы вовсе не могли идти впередъ. Оба раза препятствіе было у насъ не съ лица, но съ тыла.

У насъ считаютъ главною препоною къ вооруженному вмѣшательству въ турецкія дѣла—Францію и Англію. Но въ дѣйствительности Франція и Англія однѣ не могутъ, при всемъ желаніи, оградить отъ насъ европейскую Турцію, если у насъ развязаны руки на западной границѣ. Нельзя бороться посредствомъ дассантовъ противъ равносильной державы, которой открытъ сухопутный доступъ въ спорную страну—ни по времени, ни по численности. Что значатъ всѣ перевозочныя морскія средства противъ двухъ-сотъ-тысячной арміи, дѣйствующей безостановочно. Въ 1854 году союзники употребили часть зимы и всю весну, чтобы перевезти въ Турцію 60 тысячъ солдатъ; потомъ имъ нужно было значительное время для устройства обозовъ; до іюня они были прикованы къ морскому берегу и даже до конца не стали подвижными. Силы ихъ возросли въ Крыму до размѣровъ многочисленной арміи лишь постепенными подвозами въ теченіе цѣлаго года. Между тѣмъ русской арміи достаточно 6-ти недѣль и еще меньше, чтобы пройти отъ Дуная до Константинополя, если она будетъ довольно многочисленна для блокированія крѣпостей въ тылу,

вмѣстѣ съ безостановочнымъ по возможности движеніемъ впередъ. Имѣя дѣло съ турками, война можетъ подвигаться такъ же скоро, какъ двигаются обозы. Надо думать, что и на Балканскомъ полуостровѣ война пропитаетъ войну, если быстрота похода не дозволитъ непріятелю методически опустошать страну, которая въ такихъ обстоятельствахъ, конечно, не поддастся ему безъ сопротивленія. До сихъ поръ по старымъ преданіямъ мы воевали въ европейской Турціи шагъ за шагомъ, осаждая крѣпости, чему удивлялись въ Европѣ, и къ чему не было необходимой военной причины; въ 1829 г. была впрочемъ, причина политическая—обезпечить сколько нибудь свой тылъ на случай враждебной выходки Австріи. Для рѣшенія участи европейской Турціи, не смотря ни на какія усилія морскихъ державъ, достаточно чтобы 150 тыс. войска дошло до Босфора, т. е. на самый широкій конецъ, чтобы 250 т. пришло къ Дунаю. Мы можемъ предупредить сухопутную армію западно-европейскихъ противниковъ не только на Балканахъ, но и въ Константинополѣ. Если бы они успѣли, что довольно трудно, встрѣтить насъ подъ этою столицею съ силами, собранными въ 1854 г. въ Варнѣ, послѣ многомѣсячныхъ усилій, то 60 тыс. европейцевъ, сколько бы при нихъ ни стояло турокъ, не отразили бы 150-тысячной русской арміи; да регулярныхъ турецкихъ полковъ и не существовало бы уже въ то время: они были бы разсѣяны раньше въ Европѣ и въ Азіи. Вмѣстѣ съ Константинополемъ достались бы въ наши руки и проливы; укрѣпленія ихъ не могутъ держаться противъ береговой арміи. Разъ же, что входы въ Мраморное море заняты и ограждены достаточною силою, серьозное покушеніе на Турцію со стороны моря, съ цѣлію оспаривать владычество надъ нею, почти невозможно. Самый большой дессантъ извѣстный въ исторіи, есть дессантъ крымскій—60 т. войска безъ кавалеріи, обозовъ и съ малою пропорціею артиллеріи. Онъ увѣнчался успѣхомъ вслѣдствіе двухъ особенныхъ причинъ: короткаго (полуторасуточнаго) плаванія и двойной силы противъ встрѣтившихъ его на берегу войскъ. Но дессантъ въ виду превосходнаго числомъ или даже равносильнаго непріятеля, изобильно снабженнаго всѣми средствами сухопутной войны, поведетъ къ гибели. Армія Веллингтона, привезенная и снабжаемая изъ-за моря, имѣвшая неодолимое убѣжище на устье Тага, держалась въ Испаніи противъ превосходныхъ, хотя раздробленныхъ

силъ французовъ потому только, что страна была за нее; но представьте обратное отношеніе: могла ли бы французская армія въ 1807—1812 годахъ, окруженная народнымъ возстаніемъ, держаться въ Испаніи противъ превосходныхъ англійскихъ силъ? Именно таково было бы положеніе европейскихъ союзниковъ въ Турціи, если бы мы могли дѣйствовать не оглядываясь; да при этомъ условіи, по всей вѣроятности, мы и не встрѣтили бы ихъ тамъ. Если бы морскія державы рѣшились защищать Турцію, не имѣя въ виду содѣйствія Австріи, то защищали бы ее однѣми морскими силами, съ такимъ развѣ числомъ сухопутныхъ полковъ, которое можетъ разъѣзжать съ флотомъ, не обремѣняя его,—но не рисковали бы своею арміею. Многихъ вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что союзники 1854 года имѣли силу внести войну даже въ наши предѣлы и держаться въ нихъ; но какимъ образомъ?—на сильной береговой позиціи, которую они успѣли укрѣпить прежде, чѣмъ противъ нихъ собралась достаточная сила. Такихъ позицій много и на турецкомъ берегу; но, сидя прижавшись къ морю въ подобной позиціи, не спасешь оттоманскаго владычества. Въ дѣйствительности Франція и Англія также мало могутъ оградить противъ насъ европейскую Турцію своими сухопутными силами, какъ Канаду или Мексику противъ американцевъ.

Дѣло въ томъ, что намъ невозможно вести войну на Балканскомъ полуостровѣ безъ позволенія Австріи, а этого позволенія мы не получимъ ни въ какомъ случаѣ. Посмотрите на карту: намъ открытъ доступъ на европейскую Турцію только однимъ путемъ—черезъ ворота между юго-восточнымъ угломъ Карпатовъ и устьемъ Дуная; ключъ отъ этихъ воротъ въ рукахъ Австріи. Переходя Дунай или даже Прутъ, мы становимся тыломъ къ ней. Въ этомъ неловкомъ положеніи первая угрожающая демонстрація нашей доброй сосѣдки заставляетъ насъ поспѣшно отступить, какъ было въ 1854 году. Нижній Дунай доступенъ только при австрійскомъ паспортѣ. Въ отношеніи къ намъ географическое положеніе европейской Турціи уподобляется прочному ящику, крышку котораго составляетъ Австрія; не приподнявши крышки нельзя ничего достать изъ ящика—мы уже достаточно это испытали.

Въ 1854 году разсказывали, будто князь Паскевичъ сильно настаивалъ передъ почившимъ государемъ о необходимости

разъ рѣшившись на войну турецкую, готовиться, прежде всего къ войнѣ австрійской; онъ утверждалъ, что восточный вопросъ можетъ быть распутанъ только въ Вѣнѣ, а не въ Турціи. События оправдали взглядъ знаменитаго воина.

Покуда Россія владѣла Чернымъ моремъ, можно было попытаться почать ящикъ съ другой стороны—пробить у него дно дессантомъ на Босфоръ. Слѣдствіемъ было бы поголовное возстаніе христіанскаго населенія, параличъ Турціи въ послѣдующіе затѣмъ мѣсяцы и, вѣроятно, конечное ея разложеніе, но только въ чью пользу? Захватъ Константинополя и проливовъ не рѣшилъ бы этого вопроса. Его пришлось бы разъигрывать въ сухопутной войнѣ противъ союза, душею котораго была бы все таки Австрія. Въ продолженіи этой войны христіанское населеніе Балканскаго полуострова находилось бы еще въ хаотическомъ состояніи, рѣзалось бы съ мусульманскимъ населеніемъ городовъ; оно не могло бы оказать намъ помощи внѣ своей собственной земли. Для занятія проливовъ и всего полуострова пришлось бы отдѣлить большія силы, чѣмъ сколько ихъ нужно при западной войнѣ, для огражденія нашихъ береговъ и сухопутныхъ предѣловъ противъ живой Турціи. Такъ что въ итогѣ захватъ Константинополя съ моря, пока онъ былъ еще возможенъ, увеличивалъ для насъ весьма мало вещественныя вѣроятности окончательнаго успѣха, что я оговорилъ нѣсколькими словами въ «Вооруженныхъ силахъ». Въ вопросахъ текущихъ, неокончательныхъ, каковъ былъ, напримѣръ, послѣдній кандійскій, черноморскій флотъ могъ бы оказать полновѣсное вліяніе; онъ былъ сильнымъ дипломатическимъ средствомъ, но не особенно важнымъ военнымъ орудіемъ въ виду предлежащихъ намъ цѣлей. Конечно, нельзя взвѣшивать гадательно нравственнаго вліянія такого громаднаго событія, какъ вступленіе, хотя бы нечаянное, русскихъ знаменъ въ Константинополь; но событіе это было бы во всякомъ случаѣ обоюдо-острымъ мечемъ.

Можно, кажется, заключить, на основаніи неоспоримыхъ фактовъ, что главная препона и главный нашъ противникъ въ восточномъ вопросѣ не Франція и Англія, но Австрія; первыя не болѣе какъ союзницы ея въ этомъ дѣлѣ, хотя больше шумятъ и становятся на сценѣ впереди ея *). Морскія дер-

*) Теперь конечно Франція не можетъ оставаться въ этомъ спискѣ, хотя

жавы сами по себѣ не могли бы загородить намъ дорогу къ Босфору даже оружіемъ; Австрія можетъ остановить насъ, не выпаливъ изъ ружья, однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ. Не только для военнаго человѣка, понимающаго свое дѣло, но для всякаго человѣка, взвѣшивающаго обстоятельства, не можетъ быть истины очевиднѣе той, что вопросъ, обыкновенно называемый восточнымъ, не разрѣшается мѣстною войною на Балканскомъ полуостровѣ: что мы не можемъ даже предпринять войны въ этомъ направленіи, что бы ни случилось и при какомъ бы то ни было развитіи силъ съ нашей стороны. Покуда существовалъ черноморскій флотъ, мы могли начать дѣло съ юга, но съ тѣмъ, чтобы кончить тамъ же, гдѣ и теперь придется кончать, если дойдетъ до столкновенія,—на западной границѣ. Не предвидя этого конца въ 1854 году и не готовясь къ нему, мы непремѣнно должны были попасть въ безвыходный кругъ. Нынѣ же у насъ нѣтъ выбора даже для начала; мы можемъ пройти въ Турцію черезъ Австрію, но не можемъ пройти мимо Австріи. Отъ этой державы не только зависитъ не допускать насъ къ открытому вмѣшательству въ восточный вопросъ, какой бы плачевный конецъ ни придумали для него, но въ ея власти также бросить при этомъ противъ нашей западной границы силы европейской коалиціи, или не пускать ихъ; она можетъ по своему удобству прикрывать Турцію вооруженнымъ нейтралитетомъ, какъ въ 1854 году, или открыть дорогу на Вислу, возмущая Польшу, какъ грозилась сдѣлать въ 1856 году. Такая роль принадлежитъ исключительно Австріи, что и составляетъ главный смыслъ ея европейскаго положенія. По двумъ нашимъ жизненнымъ вопросамъ—восточному и польскому—она можетъ служить вмѣстѣ щитомъ и мечемъ враждебной намъ части Европы, смотря по своимъ интересамъ. Мнѣ сдается, нужно немного терпѣнія, чтобы увидѣть, какъ станетъ разъигрываться эта обоюдная роль.

Рѣшеніе трудной задачи требуетъ прежде всего сознанія заключающейся въ ней трудности. Для того чтобы обсуждать съ пользою восточный вопросъ, въ предѣлахъ обыкновенно ему

не можетъ также относиться равнодушно ко всему, происходящему на Балканскомъ полуостровѣ. Война 1870 г. устранила ее отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но чрезвычайно облегчила для насъ соглашеніе съ нею.

назначаемыхъ, т.-е. въ границахъ Турціи, надобно прежде всего признать главное препятствіе, состоящее въ томъ, что мы не можемъ туда пройти. Прямо протянуть руку христіанскимъ населеніямъ Балканскаго полуострова—значило бы отдать ее на отсѣченіе. Возьмемъ въ примѣръ послѣднее греческое столкновеніе. Развѣ могли мы двинуть армію за Дунай, для чего нужно вступить въ независимую Румынію, не выставивъ одновременно на западной границѣ трехъ сотъ тысячъ солдатъ т.-е. не приготовившись съ начала же къ большой европейской войнѣ? Дѣйствовать иначе значило бы повторить буквально событія 1854 года, получить черезъ нѣсколько дней учтивое приглашеніе очистить княжества или дать себя отрѣзать. Спрашивать, какъ у насъ спрашиваютъ, готова ли Россія поддержать свои требованія въ Турціи силою,—значитъ вести салонный разговоръ. Довольно затруднительно быть готовымъ къ войнѣ, которой нельзя начать. Это странное положеніе никакъ не временное. Европейскихъ союзниковъ въ восточномъ вопросѣ для насъ не предвидится, а пока стоитъ Австрія, она всегда будетъ щитомъ для Турціи.

Австрія не можетъ поступить иначе. Согласиться на разрѣшеніе восточнаго вопроса не только въ русскомъ смыслѣ, но въ смыслѣ не прямо противоположномъ русскимъ видамъ и чувствамъ, значило бы для нея наложить на себя руки. Существованіе свободныхъ славянскихъ государствъ рядомъ съ обширными порабощенными славянскими областями, не только однокровными, каковы онѣ въ отношеніи къ намъ, но составляющими одинъ народъ и одинъ языкъ по обѣимъ сторонамъ Савы, совершенно несовмѣстно. На одномъ берегу рѣчки, черезъ которую курица перейдетъ въ бродъ, будутъ вольныя скупчины и радостное будущее; на другомъ постепенное исчезновеніе народной личности, онѣмечиваемой или омадьяриваемой, а до тѣхъ поръ существованіе въ качествѣ низшей рассы, безъ малѣйшей надежды впереди,—развѣ это сбыточно? Австрія поплатилась итальянскими владѣніями за то, что допустила существованіе рядомъ съ ними маленькаго независимаго италіанскаго государства. Какимъ образомъ ожидать, чтобы она согласилась на созданіе, вдоль своей южной границы, славянскаго Піемонта, который по однородству стихіи внесетъ разложеніе уже не въ одинъ уголъ ея владѣній, а въ самое тѣло имперіи? Развѣ мы добровольно признали вар-

шавское герцогство въ 1807-мъ году? У Австріи на виду только два исхода: или славяне по ту сторону Савы будутъ приведены ею въ положеніе венгерскихъ словаковъ, или славяне по сю сторону, до Саксоніи, станутъ въ положеніе княжеской Сербіи. Мудрено предлагать Австіи справедливое рѣшеніе восточнаго вопроса. Одна возможность такого оборота въ будущемъ была большою опасностію для нѣмецкой Австріи, опиравшейся на совокупности силъ германскаго союза; она стала смертельною опасностію для Австріи венгерской, особенно для ея восточной половины, гдѣ весь политическій устой заключается въ одной трети населенія противъ двухъ третей. Для этой половины страшны не только славяне, но и румыны.

Говорятъ, фантастическій Іосифъ II завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ, если придетъ крайность, обратить габсбургскую монархію въ славянское царство. Многіе филантропы совѣтуютъ правительству Австріи отвратить опасность справедливымъ обращеніемъ съ славянскими подданными. Но, кромѣ чеховъ, сжатыхъ какъ въ тискахъ разросшеюся Германіею, австрійское правительство почти нигдѣ не владѣетъ прямо славянскими населеніями; оно владѣетъ господствующими классами и племенами не славянскими, которымъ эти населенія подчинены. За немногими исключеніями землевладѣніе, историческія права и воспоминанія, провинціальное устройство не въ рукахъ славянъ. Развитое сословіе и разумъ послѣднихъ заключаются въ сельскомъ духовенствѣ и сельскихъ учителяхъ. Таково же было (если только можно сказать—было) положеніе народа въ западныхъ губерніяхъ—даже съ тѣмъ сходствомъ, что въ Польшѣ, какъ теперь въ Австріи, чужеземное владычествующее сословіе опиралось на ядрѣ владычествующаго хотя по имени народа и на городахъ, чуждыхъ и враждебныхъ деревнямъ. Посовѣтуйте польскимъ панамъ признать справедливость народныхъ требованій большинства, пойти добровольно на уступку, которой до сихъ поръ не можетъ вынудить у нихъ всесильное правительство, ни очевидность подавляющей силы, стоящей за этимъ правительствомъ; и потомъ совѣтуйте то же самое австрійскимъ нѣмцамъ и мадьярамъ, знающимъ несомнѣнное превосходство своей организованной силы надъ раздробленными влеченіями подвластныхъ. Австрійское правительство не могло бы возстановить самостоятельность славянъ даже во имя демократическаго начала, такъ какъ рознь идетъ тамъ

не только между сословіями, но и между народами. Притомъ, какой же разсчетъ правительству мѣнять поддержку, находимую имъ у владычествующихъ, политически устроенныхъ племенъ, на сочувствіе стихійныхъ силъ,—особенно, когда за выдѣломъ Галиціи, мѣшающей, а не способствующей прочимъ славянамъ, владычествующія племена и области въ остальной части имперіи равны по численности съ порабощенными?

Тѣмъ не менѣе народное чувство австрійскихъ славянъ—нельзя сказать зрѣетъ, но разжигается съ каждымъ днемъ; для того чтобы зрѣть, складываться въ законченную форму, ему не достаетъ общественнаго простора и согласія, невозможнаго тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть покуда опредѣленной практической цѣли. Внутреннія славянскія смуты не страшны ни цѣлой Австріи, ни ея венгерской половинѣ. Чехи и Хорваты могутъ только волноваться, прочіе славянскіе подданные—только роптать. Австрія похожа на заряженную пушку, которая безъ посторонней искры простоитъ вѣка безопасно, но выпалитъ, какъ только искра до нея коснется. Разумѣется, противъ опасной искры приняты предосторожности, и ни на Австрію, ни на Венгрію нельзя за то сѣтовать.

То же самое, только въ болѣе грубой формѣ, повторяется на южномъ берегу Савы. И тамъ опасность для владычествующаго народа заключается вся въ славянскомъ племени. Призракъ восточной имперіи разсѣялся на нашихъ глазахъ; распря изъ-за епископовъ показала наглядно, какъ охотно болгары приняли бы греческихъ чиновниковъ. Нѣтъ невозможности возстановить греческую имперію силою, но ни возстать сама собою, ни удержаться, она не въ состояніи. Если бы вопросъ шелъ объ однихъ грекахъ, онъ бы давно пересталъ быть вопросомъ. Греціи могутъ принадлежать Эпиръ, Ѳессалія, Кандія, Кипръ и мало-азійскіе острова,—вотъ предѣлы эллинскаго племени. Остальныя греческія населенія въ турецкой имперіи слишкомъ малочисленны и разсѣяны, чтобы думать о господствѣ. Константинополь лежитъ болѣе чѣмъ на сутки пароходнаго плаванія отъ ближайшей эллинской почвы и былъ бы развѣ колоніею въ рукахъ грековъ; а народъ, котораго всего на все наберется едва ли до трехъ милліоновъ на материкѣ и островахъ, не можетъ владѣть въ видѣ колоніи отдаленнымъ городомъ съ милліоннымъ населеніемъ, въ большинствѣ ему чуждымъ. Храбрыхъ и умныхъ грековъ мож-

но было бы выдѣлить безобидно даже для самой Турціи. Европа притѣсняетъ ихъ изъ-за того, во первыхъ, что они представляютъ собою выдавшійся конецъ клубка: боятся удлиннить его, чтобы весь клубокъ не размотался и не обнаружилась бы его славянская серцевина; во-вторыхъ, оттого, что они чужды Европѣ, какъ православные. (Кто можетъ сомнѣваться, что грекамъ давно уже была бы оказана справедливость, будь они католики или протестанты: достаточно было нѣсколькихъ убійствъ сирійскихъ католиковъ, чтобы на помощь имъ прилетѣлъ французскій отрядъ). Полное освобожденіе греческаго народа могло бы совершиться помимо восточнаго вопроса, не трогая его сущности. Дѣло не въ грекахъ. Кромѣ особаго полуострова, занятаго эллинскимъ и албанскимъ племенами, составляющаго какъ бы особый наростъ на большомъ полуостровѣ Балканскомъ, все остальное въ европейской Турціи—отъ Далмаціи и Дуная до Константинополя—славянское. Полвѣка тому назадъ между славянствомъ турецкимъ и австрійскимъ не обнаруживалось еще ни прямаго соприкосновенія, ни сочувствія; освобожденіе Сербіи создало его. Конечно, Венгрія не можетъ забыть, что въ 1848 году вольные сербы приходили на помощь къ братьямъ своимъ, ея подданнымъ. Струя проточной воды и цвѣтъ шлагбаумовъ не могутъ разъединить нравственно эту массу славянщины, простирающуюся отъ Архипелага до Саксоніи, съ той минуты, какъ племенное сознаніе проснулось въ ней. Австрія можетъ сдерживать свою половину до тѣхъ лишь поръ, пока Турція сдерживаетъ свою, и обратно. Эта роковая постановка дѣла обусловливаетъ отношенія Австріи къ восточному вопросу даже помимо воли ея государственныхъ людей. Турецко-славянскія и австрійско-славянскія дѣла переплелись въ такой безвыходный клубокъ, что нѣтъ никакой возможности расплесть одну его половину, не трогая другой.

Вотъ образчикъ отношеній Австріи, а по ея примѣру и всей западной Европѣ къ балканскимъ туземцамъ. Французская печать проговорилась, что въ 1863 году между тюльерійскимъ и вѣнскимъ кабинетами обсуждались слѣдующія условія союза: Австрія отдаетъ Венецію Италіи, а Галицію возрождающейся Польшѣ, въ замѣнъ же ихъ возьметъ себѣ Боснію съ Герцеговиною, Сербію и Румынію. Свободные и несвободные—не только славяне, но всѣ православные дунайскіе народы—промѣнива-

лись въ неволю гуртомъ по стольку-то душъ за каждую освобождающуюся европейскую (въ томъ числѣ и наши бѣдные русскіе Галиціи). Для Австріи (въ чемъ многіе согласны съ нею) только и возможно такое рѣшеніе восточнаго вопроса: взять себѣ, что можно (приблизительно до Балканъ); неподходящее для себя отдать кому-нибудь другому изъ европейцевъ, напримѣръ, Албанію—Италіи, высматривающей уже свой пай на турецкомъ наслѣдствѣ; чего нельзя взять покуда, оставлять въ рукахъ турокъ; Турцію вознаградить Кавказомъ—грузинами и грузинками, на что наши согласны; въ крайности (можетъ быть) замѣнить за Балканами турецкое насиліе греческимъ, къ пагубѣ грековъ и болгаръ; но ни подъ какимъ видомъ не давать самостоятельности ни одной славянской душѣ. Если бы въ Россіи продолжали смотрѣть на восточный вопросъ съ европейской точки зрѣнія, съ надеждою разрѣшить его походомъ за Дунай, то исходъ, по всей вѣроятности, былъ бы близокъ къ вышеизложенному *).

Выходитъ, кажется, что отъ историческаго восточнаго вопроса, т. е. отъ вопроса о безсиліи Турціи, осталось нынѣ одно названіе. Пока съ легкой руки лорда Чатама хлопотали о немъ цѣлое столѣтіе, подъ нимъ выросъ и заглушилъ его вопросъ еще болѣе важный, которому нѣтъ другаго названія, кромѣ—вопроса обще-славянскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрослись и спорные предѣлы, обхватывающіе теперь уже не одинъ Балканскій полуостровъ, а пространство между Рудными горами и Архипелагомъ. Для Европы, не желающей самостоятельности славянъ, восточный вопросъ можетъ существовать и теперь въ его прежнемъ видѣ, какъ занумерованное и не оконченное дѣло о разложеніи Турціи; мы же, русскіе, не имѣемъ причины закрывать глаза передъ дѣйствительностію. Мы должны видѣть въ пресловутомъ вопросѣ то, что въ немъ есть на самомъ дѣлѣ,—одной намъ славянскій вопросъ, окрашенный на картѣ Европы въ два различные цвѣта, но нераздѣльный въ сущности, неразрѣшимый иначе, какъ въ совокупности, потому что взаимнодѣйствіе обѣихъ его половинъ, за и противъ,

---

*) Возможный исходъ дѣла, представляющійся послѣ войны 1870 года, еще опаснѣе для насъ. Съ отпаденіемъ Цислейтаніи къ Германіи, Венгрія вступила бы во всѣ права турецкаго наслѣдства, поддерживаемая совокупною силою нѣмецкаго племени.

оказывается нынѣ несомнѣнною, неизмѣнимою никакими случайностями, данною.

Безъ сомнѣнія, славянскій вопросъ въ двухъ его подраздѣленіяхъ—южномъ и сѣверномъ—отличается крупными оттѣнками. Въ Австріи славянство бьется безплодно о стѣны своей клѣтки, но славянинъ, какъ человѣкъ, можетъ жить. Въ Турціи ему нѣтъ житья, какъ человѣку. Вѣшаніе священниковъ, удушеніе людей, окунутыхъ головою въ мѣшокъ съ просомъ—всѣ эти дикія выходки татарской орды надъ христіанскимъ населеніемъ, дѣйствуютъ иначе, конечно, на русскіе нервы, чѣмъ политическое утѣсненіе въ Австріи; вопросъ о человѣчествѣ идетъ тутъ иногда впереди всякихъ влеченій единокровія и единовѣрія. Въ слѣдствіе того, южная славянская группа чаще напоминаетъ о себѣ и требуетъ отъ дипломатіи временныхъ мѣръ, неумѣстныхъ въ отношеніи къ сѣверной. Ежедневные политическіе пріемы не могутъ быть одинаковы тамъ и здѣсь. Тѣмъ не менѣе исторія связала уже оба эти вопроса въ одинъ, сростила ихъ и не допускаетъ частнаго рѣшенія въ одной половинѣ помимо другой. Европа умышленно отвращаетъ глаза отъ опаснаго единства, не хочетъ его видѣть, но понимаетъ очень хорошо; стоитъ вспомнить какой переполохъ надѣлало въ ея печати невинное посѣщеніе Москвы славянскими гостями. Мы же не можемъ не видѣть. Мы стоимъ лицомъ къ западу и восходящее солнце не слѣпитъ намъ глазъ.

До сихъ поръ я не отступалъ отъ руководящихъ фактовъ. Не разсужденіе, а факты показываютъ, что намъ нѣтъ больше пути на Дунай въ обходъ Австріи. Такое, повидимому, безвыходное положеніе опредѣлилось съ математическою точностью въ 1854 году и длилось безъ измѣненія до 1866 года. Въ теченіе десяти лѣтъ мы не могли затронуть дѣломъ восточный вопросъ, не накликавъ на себя войну съ англо-австро-французскимъ союзомъ на западной границѣ, не предоставляя нашимъ противникамъ возможности и повода слить въ одно вопросы восточный и польскій. Побѣда Пруссіи перемѣшала карты, нѣкоторые думаютъ, въ нашу пользу. Во всякомъ случаѣ событія 1866 года видоизмѣнили всѣ европейскія отношенія и не могутъ остаться безъ вліянія на постановку восточнаго, т.-е. общеславянскаго вопроса. Нельзя говорить о нашихъ военно-политическихъ отношеніяхъ, не принявъ въ

соображеніе новое положеніе Пруссіи. Но тутъ по неволѣ приходится сойти съ твердой почвы фактовъ; положеніе это никакими фактами еще не обозначилось. Вмѣсто отношеній, доказанныхъ событіями, существуетъ однако же, очевидность народныхъ стремленій, въ наше время обязательныхъ для правительствъ.

Всѣ знаютъ случай, когда можетъ состояться союзъ Россіи съ нашею союзницею Пруссіею, какъ часто говорятъ теперь; случай этотъ—враждебный франко-австрійскій союзъ періодически разглашаемый газетами (хотя вовсе невѣроятный), направленный собственно противъ Пруссіи, а противъ насъ только рикошетомъ. При такомъ политическомъ сочетаніи, Пруссія согласилась бы, конечно, на большія уступки по восточному вопросу, даже принимая названіе «восточный вопросъ» въ чисто русскомъ смыслѣ. Она заплатила бы эту цѣну за союзъ противъ опаснаго для нея врага *). Но внѣ даннаго случая невозможно придумать обстоятельствъ, при которыхъ наша союзница предложила бы намъ свой союзъ; всего менѣе можно ждать отъ нея такого предложенія непринужденно по восточному вопросу. Даже прежняя Пруссія не могла относиться къ нему сочувственно съ нашей точки зрѣнія, какъ только оказалась связь между австрійскими и турецкими дѣлами; а надо помнить, что у прежней Пруссіи были собственные, не нѣмецкіе интересы, стоявшіе впереди ея племенныхъ сочувствій; тогда еще можно было сойдтись съ нею по турецко-славянскимъ и нераздѣльнымъ съ ними австро-славянскимъ дѣламъ за очень щедрое вознагражденіе. Теперь же Пруссія стала Германіею. Вся сила ея правительства заключается въ томъ, что оно взяло на себя поруку внѣшнихъ нѣмецкихъ интересовъ, объявило себя щитомъ и мечемъ Германіи: прусское главенство можетъ устоять только при этомъ условіи. Для Германіи же нѣмецкіе интересы въ Австріи такъ же дороги, какъ въ Пруссіи,—на верхней Эльбѣ и Савѣ въ такой же мѣрѣ, какъ на Вартѣ и Нижней Вислѣ. Въ этомъ отношеніи нѣмецкія стремленія нельзя даже назвать стремленіями, тамъ смотрятъ на нихъ, какъ на неотъемлемое право. Для

*) Эти слова уже сбылись. Пруссія заплатила намъ за нравственную поддержку упраздненіемъ трактата 1856 года о нейтрализаціи Чернаго моря; заплатила бы и большимъ, еслибъ то потребовалось.

каждаго нѣмца все, что заключается въ предѣлахъ австрійской имперіи, есть нѣмецкое достояніе,—все, что можетъ прирости къ ней, есть нѣмецкое пріобрѣтеніе. Возьмите какое угодно путешествіе не австрійскаго нѣмца въ Австрію, какое угодно разсужденіе его объ Австріи, половина книги состоитъ всегда въ охужденіи вѣнскаго правительства за неумѣніе онѣмечить въ продолженіи столькихъ вѣковъ славянъ, румынъ и даже мадьяръ,—въ предложеніи мѣръ къ ускоренію этого онѣмеченія и въ выраженіи увѣренности, что въ рукахъ другихъ, болѣе энергическихъ сыновъ Германіи, оно осуществится, причемъ Дунай станетъ исключительно нѣмецкою рѣкою. Въ глазахъ всего нѣмецкаго племени выпустить изъ рукъ даже часть, не только всѣхъ австрійскихъ славянъ, значило бы тоже, что для насъ отдать за-днѣпровскій край. Для чего искать сравненія—нашъ остзейскій вопросикъ показываетъ наглядно и буквально взглядъ Германіи на австрійскія области.

Ни одинъ нѣмецъ въ душѣ не согласится признать, на вѣчныя времена, самостоятельность даже мадьяръ, но онъ понимаетъ, что безъ мадьяръ, однимъ нѣмцамъ нельзя покуда справиться съ при-дунайскими славянами. Мадьяры съ своей стороны также хорошо понимаютъ необходимость взаимнаго союза. Недавно еще первый венгерскій министръ хвалился, что, будь онъ имперскимъ канцлеромъ, онъ мигомъ угомонилъ бы чеховъ. Въ отношеніи къ намъ Венгрія составляетъ авангардъ Германіи, гогенцолерны въ Румыніи—передовой ея постъ. Въ Европѣ и у насъ многіе наивно удивляются, какъ терпитъ Австрія прусское вліяніе на нижнемъ Дунаѣ, доказывающее коварное намѣреніе грозной соперницы обойдти ее съ тыла; Австрія, между тѣмъ, остается совершенно довольною. Для нея, въ этомъ направленіи, прусское ли, баварское или собственное руководство значитъ буквально одно и то же—вліяніе нѣмецкое. Ставъ во главѣ Германіи, Пруссія должна по необходимости обезпечивать нѣмецкому племени намѣченные имъ предѣлы, со всѣми передовыми постами. Въ этомъ заключается условіе существованія прусской династіи. Могли бы, конечно, возникнуть обстоятельства (напримѣръ, австро-французскій союзъ), при которыхъ Пруссія не только согласится, но пойдетъ сама на раздробленіе Австріи, какъ имперіи, замѣняя ее Венгріею; но она никогда не пойдетъ противъ нѣмецкаго преданія въ австрійскихъ областяхъ; воспротивится всѣми силами та-

кому исходу, развѣ ей самой будетъ грозить уже слишкомъ большая опасность. Но если Пруссія не можетъ допустить самостоятельности славянъ австрійскихъ, то не можетъ даже допустить самостоятельности славянъ турецкихъ: вторые ручаются за первыхъ. Освобожденіе южныхъ дунайскихъ племенъ повлечетъ за собою освобожденіе сѣверныхъ; уже теперь венгерскіе румыны поднимаютъ голову вслѣдствіе полу-независимости румынъ закарпатскихъ. Какъ же глубокомысленному нѣмцу не понять такой простой вещи? Разсчитывая на сочувствіе Пруссіи 1866 года въ этомъ отношеніи, мы всегда придемъ къ результату послѣдней конференціи по греческимъ дѣламъ. Прежняя Пруссія могла не быть сообщницею Австріи въ восточномъ вопросѣ, нынѣшняя Пруссія вынуждена къ этому сотовариществу. Австрійскіе интересы въ восточномъ или южно-славянскомъ вопросѣ суть интересы нѣмецкіе, обезпечивающіе историческое преобладаніе Германіи въ долинѣ Дуная и на его притокахъ; а Пруссія нравственно ручается за нѣмецкіе интересы и только вслѣдствіе такого ручательства стоитъ во главѣ Германіи *).

Послѣ этого можно находить довольно страннымъ распространенное у насъ мнѣніе о прочности прусскаго союза. Старая дружба и родственныя отношенія не помѣшали Россіи стать противъ Пруссіи въ 1851 году, даже безъ особенной надобности, ни Пруссіи противъ Россіи въ 1854 году. Этотъ послѣдній случай особенно замѣчателенъ. Прежняя Пруссія, второй членъ германскаго союза, недавно передъ тѣмъ униженная Австріею, считала себя однако же обязанною поручиться противъ Россіи за свою соперницу. Какъ же можетъ нынѣшняя Пруссія-Германія бросить ее на произволъ судьбы при борьбѣ съ чужеземцами? Кромѣ нѣкоторой взаимности по польскимъ дѣламъ, взаимности совершенно внѣшней, всѣ существенные интересы стоятъ гораздо болѣе въ разрѣзъ между Россіею и Пруссіею, чѣмъ между Россіею, напримѣръ, и Франціею. Мудрено разсчитывать на союзницу, вынужденную чув-

*) Эти страницы относятся также точно къ положенію Германіи и ея нравственной отвѣтственности передъ немѣцкимъ племенемъ въ 1873-мъ году, какъ въ 1869-мъ. Потому мы и оставили текстъ брошюры безъ передѣлки.

ствомъ самосохраненія быть въ большой части случаевъ соперникомъ и даже врагомъ своего союзника *)

Расширеніе Пруссіи въ Германію ослабило въ отношеніи къ намъ опасность четвертаго союза Англіи, Франціи, Австріи и Италіи, постоянно грозившаго по восточному вопросу, или, скорѣе, ослабило только опасность прямаго наступленія этого союза на нашу западную границу, хотя не устранило ея совершенно: возможность нападенія на насъ съ моря осталась въ прежней силѣ. Но уменьшивъ одну опасность, расширеніе Пруссіи создало для насъ двѣ новыя: во первыхъ, обративъ политически Австрію въ Венгрію, война 1866 г. отдала ее въ руки правителей, гораздо болѣе энергическихъ, честолюбивыхъ и жадныхъ на захватъ, чѣмъ прежніе, и въ тоже время, отгородивъ ее стѣною отъ Европы, предоставила ей свободу дѣйствія только къ югу и востоку, т. е. направила всѣ силы и все честолюбіе этого государства на турецко-славянскія и румынскія области; во вторыхъ, замѣнила для Австріи отдаленную поддержку западныхъ державъ близкою поддержкою сосредоточенныхъ и родственныхъ нѣмецкихъ силъ. Если нынѣшняя венгерская Австрія чистосердечно войдетъ въ свою новую колею, что почти несомнѣнно, то Германія во всякомъ случаѣ постоитъ за нее, какъ за свое собственное добро. Въ обоихъ отношеніяхъ 1866 годъ не исправилъ, а ухудшилъ наше военно политическое положеніе **).

Мы видѣли, что смыслъ и узелъ восточнаго (для насъ славянскаго) вопроса лежитъ не въ Турціи, а въ Австріи. Мы никакъ не можемъ пройдти въ Турцію, мимо Австріи. При этомъ условіи, отнынѣ несомнѣнномъ и не подлежащемъ никакимъ случайностямъ, все что усиливаетъ Австрію, составляетъ новое препятствіе для насъ. Между тѣмъ очевидно, что оконча-

---

*) Взаимность по польскимъ дѣламъ между Германіею и Россіею уже упразднена послѣдними событіями. Самостоятельное возстаніе поляковъ стиснутыхъ какъ въ тискахъ между двумя имперіями стало немыслимымъ. Напротивъ, то что было прежде поводомъ ко взаимности, можетъ стать яблокомъ раздора.

**) Еще болѣе ухудшилъ его, во многихъ отношеніяхъ, 1870-й годъ не только въ смыслѣ будущаго. Этого ухудшенія однакожъ нельзя было избѣжать. Мы думаемъ, и сказали выше, что русская политика въ началѣ и въ продолженіи франко-прусской войны была совершенно правильна въ виду опасностей, угрожавшихъ намъ съ той или другой стороны.

ніе вѣковой распри съ Пруссіею и союзъ съ нею придадутъ Австріи гораздо болѣе устоя, чѣмъ союзъ съ несмежною и шаткою Франціею. Количество силъ, одновременность военныхъ сборовъ и удобство сосредоточивать арміи, не говоря уже о прочности связи, коренящейся въ народномъ чувствѣ,—во всемъ видно явное преимущество перваго союза надъ вторымъ. Если прежде наше положеніе въ восточномъ вопросѣ было затруднительно вслѣдствіе того, что щитомъ для Турціи служила Австрія, то оно стало еще гораздо затруднительнѣе теперь, когда щитомъ для Австріи служитъ Пруссія. Противопоставленные намъ щиты нагромоздились въ три этажа.

Несомнѣнно, что при новомъ положеніи дѣлъ, созданномъ побѣдою Пруссіи, главнымъ противникомъ нашимъ въ восточномъ вопросѣ—о самостоятельности славянскихъ племенъ хотя бы за Савою—будетъ уже не западъ, а центръ Европы, нѣмецкое племя. Къ противодѣйствію политическому присоединилось еще сопротивленіе, внушаемое народнымъ чувствомъ. Но какъ на свѣтѣ не бываетъ худа безъ добра, то объединеніе Германіи, страшно не выгодное для насъ вообще, выгодно въ одномъ отношеніи, открывая болѣе обширное поле для соглашеній, можетъ быть и для союза.

Я думаю, однако же, что намъ нечего обманывать себя въ значеніи какого бы то ни было союза съ Европою. Положительные, историческіе русскіе интересы такого свойства, что для ихъ осуществленія никто не протянетъ намъ руку охотно. Центръ сопротивленія противъ насъ, какъ мы видѣли, лежитъ въ Австріи; обойти ея нельзя *). Въ тоже время, не сдвинувши съ мѣста этотъ центръ сопротивленія, мы не только не будемъ въ состояніи устроить удовлетворительно свои внѣшнія дѣла въ какомъ бы то ни было будущемъ, но дадимъ накопиться великимъ опасностямъ даже для своихъ внутреннихъ дѣлъ. А гдѣ же найти вѣрнаго союзника противъ Австріи? Несомнѣнно что Австрія, и даже преемница ея Венгрія, гораздо дороже для Европы, чѣмъ самая Турція. Въ турецкихъ дѣлахъ важенъ только текущій день; всѣ признаютъ неизбѣж-

*) Теперь центръ этого сопротивленія лежитъ уже не въ одной Австріи, а во всемъ нѣмецкомъ племени, не только въ этнографическихъ, но и въ политическихъ предѣлахъ, захваченныхъ державами съ нѣмецкимъ правительствомъ. Все прочее, сказанное объ Австріи, осталось вѣрнымъ и теперь.

ную выморочность турецкаго наслѣдства раньше или позже: споръ идетъ лишь о наслѣдникахъ. Между тѣмъ вся Европа хоромъ повторяетъ старую присказку, что если бы Австрія (скоро будутъ говорить Венгрія) не существовала, то ее нужно было бы выдумать, что союзъ (хорошъ союзъ!) дунайскихъ народовъ подъ одною властію необходимъ Европѣ, какъ оплотъ противъ востока. Востокъ значилъ прежде: Турція и мусульманство, теперь значитъ: Россія, славянство и православіе. Въ обыкновенное время Европа, не раздираемая какимъ-либо междоусобіемъ, дружно станетъ за этотъ дунайскій союзъ *). Для западной Европы онъ значитъ—политическое равновѣсіе, для центральной Европы — неродное величіе, для клерикальной партіи—спудъ на груди православнаго востока, для толпы—огражденіе цивилизаціи отъ новаго нашествія монголовъ въ лицѣ недавно открытаго московско-туранскаго племени. При такомъ настроеніи, вошедшемъ въ плоть и кровь, всякое противорѣчащее ему соглашеніе, изъ крайности, дастся не иначе, какъ съ затаенною мыслію взять его обратно при первой возможности. Съ послѣднимъ выстрѣломъ кончится и уступка; затѣмъ вчерашній союзникъ начнетъ противодѣйствовать ея послѣдствіямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и вчерашній врагъ. Съ кѣмъ Россія не заключитъ союзъ и какъ побѣдоносно ни будетъ дѣйствовать въ этомъ союзѣ, за нею останется лишь тотъ выигрышъ, который она успѣетъ совершенно закрѣпить во время войны. Но въ великомъ вопросѣ, предстоящемъ Россіи, какъ увидимъ далѣе, нѣтъ такихъ вещей, которыя можно было бы кончать сразу; война можетъ только посѣять, миръ долженъ взростить всходы. Именно этимъ всходамъ будутъ препятствовать враги и союзники явно и тайно. Европейскій союзъ можетъ намъ дать только возможность дѣйствовать не стѣсняясь въ теченіе короткаго срока и бросить въ это время зерна будущей жатвы; но было бы мечтою полагаться на какой

*) Теперь уже можетъ быть не дружно. При хорошихъ обыденныхъ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, на послѣднюю такой союзъ уже разсчитывать не можетъ. Вотъ единственная, но весьма важная поправка въ нашемъ международномъ положеніи, принесенная 1870-мъ годомъ, ухудшившимъ его во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Но поправка эта, вмѣстѣ съ разрушеніемъ польскихъ надеждъ на чужеземную помощь превышаетъ, какъ выгода, все остальное и доказываетъ до какой степени былъ вѣренъ взглядъ русскаго правительства на событія 1870 г.

либо союзъ для систематическаго разрѣшенія хотя самыхъ насущныхъ и законныхъ международныхъ потребностей нашихъ.

Говоря мимоходомъ, единственный возможный союзникъ въ свѣтѣ, не враждебный историческимъ задачамъ Россіи,—Америка. Но американскій союзъ, безмѣрно важный для насъ, какъ противодѣйствіе морскимъ силамъ западныхъ державъ, не можетъ помочь намъ на сушѣ.

Говоря о союзѣ, надобно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что отъ Россіи ни въ какомъ случаѣ не зависитъ создать союзъ; насъ слишкомъ остерегаются, нашъ починъ возбудитъ недовѣріе даже тѣхъ, кому выгодно стать рядомъ съ нами. Россія можетъ только пристать къ одному изъ двухъ лагерей, на которые по временамъ дѣлится Европа. Не владѣя почином, трудно направлять событія. Самые жгучіе для насъ вопросы могутъ разгорѣться именно въ то время, когда въ Европѣ не существуетъ никакого прямаго повода къ раздѣленію. Изъ этого видно, между прочимъ, какъ важно для насъ быть готовыми въ военномъ отношеніи, чтобы не пропускать минутъ, не отъ насъ зависящихъ и невознаградимыхъ.

Въ сущности, какъ ни оборачивать великій вопросъ, онъ остается тѣмъ же вопросомъ, неразрѣшимымъ никакими обыкновенными средствами. Мы стоимъ одни, безъ надежды на снисхожденіе передъ разлагающеюся Турціею, куда намъ нѣтъ хода, передъ запрещеннымъ намъ Чернымъ моремъ, передъ насильно онѣмечиваемымъ и омадьяриваемымъ славянствомъ Австріи, передъ стонущими русскими Галиціи, передъ польскими галичанами съ эмиграціею, упорно ожидающими удобной минуты, чтобы снова внести смуту и, если можно, европейскую войну въ привислянскій край и западныя губерніи. Понятно, безъ дальнѣйшихъ объясненій, каково было бы наше положеніе, какихъ жертвъ, какой напряженной борьбы въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ потребовалось бы отъ насъ, если бы главные вопросы, смущающіе нынѣ Европу, созрѣли наконецъ, и разрѣшились помимо насъ и противъ насъ. Обойти ихъ нельзя, они сами о себѣ напомнятъ. Вся выгода въ этой игрѣ останется, вѣроятно, за тѣмъ, кто начнетъ ее раньше и будетъ имѣть ходъ впереди. Задача въ средствахъ. Какъ ни велики наши народныя силы (правильнѣе сказать, какъ ни велики могли бы быть наши силы), итогъ противниковъ еще сильнѣе. Безъ раздѣленія въ непріятельскомъ лагерѣ, мы не

сдвинемъ затрудняющихъ насъ препятствій и въ то же время не можемъ разсчитывать на чистосердечное соглашеніе съ какимъ бы то ни было европейскимъ союзникомъ *).

Несомнѣнное, хотя еще весьма отвлеченное сочувствіе къ намъ сорокамилліонной массы славянскихъ или православныхъ населеній, окружающихъ Россію, не имѣетъ покуда никакого практическаго значенія. Не только эти населенія въ большинствѣ не располагаютъ собою, но даже въ сочувствіи ихъ къ намъ нѣтъ еще никакого опредѣленнаго содержанія; онѣ довольны тѣмъ, что есть на свѣтѣ большой и самостоятельный народъ, близкій имъ по языку или по вѣрѣ,—вотъ и все. Только самыя затоптанныя и безсильныя изъ этихъ племенъ, русскіе галичане и болгары, желали бы прямой нашей помощи. Но все же славяне и православные близки намъ по сердцу. Между тѣмъ главная сила, сдерживающая естественныя русскія стремленія, состоитъ на двѣ трети изъ этихъ же людей, не только не непріязненныхъ, но даже сочувственныхъ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ,—явленіе во всякомъ случаѣ странное, особенно теперь, когда поднятъ вопросъ о національностяхъ. Если бы главная сила французовъ состояла изъ эльзасцевъ, говорящихъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ, хотя почти непонятнымъ для пруссака, конечно, Пруссія не упустила бы изъ вида такого обстоятельства. Все равно, кому принадлежатъ тѣла, когда души за одно. Будущее зависитъ для насъ отъ вѣрнаго примѣненія вопроса, что нужно для того, чтобы души были за одно?

Мы раскрыли сущность восточнаго вопроса. Въ немъ не славянское—только одна кайма, именно южная окраина, само собою отпадающая отъ него по немногу. Затѣмъ весь восточный вопросъ есть ничто иное, какъ южная половина славянскаго вопроса, неразрѣшимая отдѣльно, или разрѣшимая лишь въ смыслѣ прямо намъ враждебномъ. Австрійскія дѣла до такой степени сплетены съ турецкими, что тронуть одну часть дѣла—значитъ тронуть все дѣло; мы можемъ идти на разрѣшеніе великаго славянскаго вопроса въ цѣломъ его составѣ, но не въ состояніи даже подступить къ одной его половинѣ—турецкой. Дѣйствуя иначе, мы будемъ бить по неуловимому

*) Въ настоящую пору мы могли бы имѣть союзниковъ въ Европѣ. Но полоса времени, въ продолженіе которой мы можемъ ихъ имѣть, протянется вѣроятно не долго. Затѣмъ все вступитъ въ прежнюю колею.

призраку и попадемъ въ безвыходный кругъ, какъ въ 1854 г. Ничего хорошаго нельзя ждать впереди, покуда сознаніе такой постановки дѣла не укоренится въ русскихъ умахъ. Названія имѣютъ великое значеніе, онѣ замѣняютъ толпѣ обдуманное мнѣніе. Тогда лишь можно будетъ повѣрить, что восточный вопросъ понятъ у насъ, когда онъ окрестится своимъ настоящимъ именемъ, выражающимъ его сущность, будетъ называться «славянскимъ вопросомъ». Даже выраженіе «южно-славянскій» не годится, потому что «южно-славянскаго» вопроса въ самомъ себѣ, какъ практическаго дѣла, не существуетъ. Когда мы назовемъ дѣло правильно, тогда и славянство пойметъ скорѣе, что мы заботимся не только о себѣ, но и о немъ.

Въ извѣстномъ случаѣ, цѣлое можетъ оказаться легче половины. Какъ ни подступать къ восточному вопросу,—мы ли къ нему подступимъ, или онъ къ намъ, — на рукахъ у насъ все-таки будетъ коалиція съ Австріею въ сердцѣ, если не въ головѣ: придется отступить, какъ въ 1854 году, или считаться съ этою державою. Но въ такомъ случаѣ, что лучше: вступая въ борьбу съ Австріею изъ-за славянскаго вопроса, найти въ ней многочисленныхъ союзниковъ (взявши предварительно верхъ, конечно), или, предпринимая войну изъ-за метафизическаго восточнаго вопроса въ европейскомъ смыслѣ, встрѣтить въ ней однихъ австрійцевъ? Дунайскій союзъ, какъ выражаются въ Европѣ, окажется несостоятельнымъ передъ нами тогда лишь, когда славянскія племена будутъ знать заранѣе положительно, изъ опредѣлившаго и несомнѣннаго направленія всей русской политики, что мы за нихъ; когда они будутъ увѣрены, что Россія подымаетъ славянское знамя не на часъ, вслѣдствіе временныхъ затрудненій, а твердо и высоко держитъ его, какъ свое историческое призваніе. Національная политика Россіи еще такъ нова, что не могла созрѣть даже въ собственномъ своемъ сознаніи; заграничные родичи не видятъ еще ея и не вѣрятъ ей. Для большинства изъ нихъ Россія, по преданію, остается Россіею священнаго союза, только съ какою то новою, не совсѣмъ имъ понятною замашкою. Славяне знаютъ, что въ 1849 году галичане, говорившіе «мы русскіе, мы стонемъ подъ чуждымъ игомъ, отворите намъ двери роднаго дома»—получили въ отвѣтъ: «мы пришли сюда не затѣмъ, чтобы возмущать подданныхъ противъ ихъ законнаго государя, но съ тѣмъ, чтобъ заставить ихъ покориться ему».

Славяне знаютъ, что русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Медемъ, на замѣчаніе своего предшественника Татищева о сочувствіи славянъ къ Россіи, отвѣчалъ: «я знаю въ Австріи только австрійцевъ»,—что этотъ же самый Медемъ выгонялъ нѣсколько разъ изъ посольскаго дома бана Іеллашича, приходившаго къ нему за совѣтомъ въ 1848 году, какъ къ представителю Россіи. Славяне, бьющіеся въ ненавистныхъ имъ нѣмецкихъ тискахъ у себя дома, считаютъ нѣмецкое вліяніе всесильнымъ въ Россіи и не вѣрятъ въ искренность русскихъ дипломатическихъ агентовъ съ нѣмецкимъ именемъ. Недавніе знаки нашего сочувствія къ нимъ выказываются покуда чрезвычайно слабо; изъ 70 тысячъ, исчисленныхъ на самое необходимое пособіе для поддержанія славянскаго развитія на стипендіи и матицы, не собирается ежегодно и трети, хотя заѣзжающіе въ Петербургъ славянскіе гости видятъ, что у насъ частный человѣкъ ни почемъ бросаетъ 70 тысячъ на прихоть. Славяне знаютъ изъ русской печати, въ какой степени нынѣшніе наши консерваторы сходятся съ бывшими нигилистами въ пренебреженіи къ ихъ судьбѣ; они принимаютъ выраженія сочувствія, доходящія къ нимъ по временамъ, за заявленіе небольшой, лишенной вліянія на дѣла группы людей и по результату не могутъ судить иначе. Передовые славянскіе люди увѣрились уже теперь, конечно, что сердце Россіи пошевелилось въ пользу единокровныхъ; но, кромѣ того, что мнѣніе нѣсколькихъ личностей, хотя бы крупныхъ, не проникаетъ массу разомъ, эти передовые люди знаютъ также, до какой степени въ Россіи мнѣніе еще шатко, дѣло не соотвѣтствуетъ слову, а завтрашній день сегодняшнему начинанію; они знаютъ, что Россія не Америка, и что чувства русскихъ остаются при русскихъ людяхъ, а дѣла все-таки не видно. Удивительно еще, какъ держится въ славянахъ нынѣшнее ихъ расположеніе къ Россіи и вѣра въ нее. Эти чувства съ ихъ стороны доказываютъ одно только: сознаніе невозможности выбиться изъ тисковъ собственными усиліями, заставляющее ихъ хвататься даже за такую соломенку, какою была до сихъ поръ надежда на Россію. Но не должно смѣшивать двухъ вещей: безсиліе стать на связанныя ноги не мѣшаетъ обнаружиться громадной силѣ, когда ноги будутъ распутаны.

Все теперь зависитъ отъ насъ самихъ, принимая слово «мы» въ смыслѣ государства и общества вмѣстѣ. Славянскія насе-

ленія Австріи и Турціи сочувствуютъ намъ лишь отчасти и то скорѣе литературнымъ образомъ, даже тамъ, гдѣ онѣ располагаютъ нѣкоторою свободою дѣйствій, какъ въ Сербіи. Иначе не можетъ быть. Развѣ итальянскія населенія горячѣе сочувствовали Піемонту до 1848 г.? Западные славяне не довольно къ намъ близки по исторіи, чтобы безкорыстно питать къ Россіи чувства русскихъ галичанъ; но все же довольно близки по крови, чтобы отличить братскую руку отъ чужой, когда эта братская рука простерется надъ ними, когда они увидятъ пока хотя твердое намѣреніе простереть ее. Теперь они смотрятъ еще вокругъ по всему горизонту, ожидая, не появится ли гдѣ нибудь свѣтлая точка на небѣ,—что очень понятно. Нѣкоторые изъ нашихъ западныхъ родичей, полусвободные, какъ сербы,—горды и хотѣли бы все сдѣлать сами для себя. Въ этомъ отношеніи можно указать имъ на опытъ, на вѣнскій и пештскій кабинеты въ первой линіи, на Пруссію, Англію и Францію во второй, чтобы разувѣрить ихъ окончательно и отнять у нихъ всякую надежду открыть себѣ выходъ собственными силами. Объ австрійскихъ подданныхъ нечего и говорить; они, какъ заживо зарытые люди, будутъ биться о крышку гроба, пока не задохнутся, или пока дружеская рука не приподниметъ эту крышку. Послѣ каждаго усилія и слѣдующаго за нимъ разочарованія, славяне будутъ снова обращаться къ Россіи. Но для того, чтобы разчитывать на искреннее и дѣятельное сочувствіе къ намъ обѣихъ славянскихъ группъ, на сочувствіе, стремящееся къ практической цѣли, надобно, чтобы Россія дала имъ существенный залогъ своей готовности переходить отъ словъ къ дѣлу, по мѣрѣ силъ и возможности. Всякому заинтересованному понятно, что сила, возможность, время зависятъ не отъ насъ; но для него важна увѣренность въ искренности желанія помочь ему. Всякому понятно также, что государство, населеніе котораго достигнетъ, вѣроятно, къ концу текущаго вѣка ста милліоновъ, не будетъ понапрасно слишкомъ долгое время только желать. Дать славянамъ эту увѣренность могутъ не дипломатическія депеши, а дѣло, въ которомъ есть своя доля каждому: и власти, и частнымъ средствамъ, и доброму пожеланію русскихъ сословій и корпорацій. Надобно внушить славянамъ увѣренность, что Россія не спускаетъ съ нихъ глазъ, что дѣятели ихъ имѣютъ за собою поддержку, что каждый славянинъ въ Россіи—у себя

дома. Привожу только заголовки давно сказаннаго другими. Нужно дать средства хотя не изобильныя, но достаточныя, для поддержанія умственнаго славянскаго движенія, по крайней мѣрѣ въ видѣ разсадника, тамъ, гдѣ для того нѣтъ мѣстныхъ средствъ. Нужно поощрять высокимъ вниманіемъ знаменитыхъ славянскихъ дѣятелей. Нужно, чтобы каждый подвижникъ славянскаго дѣла, гонимый за любовь къ своей народности, не оставался безпомощнымъ дома, а въ случаѣ крайности находилъ обезпеченное пристанище въ Россіи, чему болѣе всего могутъ способствовать ученыя русскія корпораціи, такъ какъ славянскіе дѣятели за границею почти всѣ принадлежатъ къ ученому сословію. Нужно, чтобы въ Россіи, по мѣрѣ надобности въ умѣлыхъ людяхъ, вызывали ихъ преимущественно изъ славянскихъ земель, гдѣ ихъ такъ много, и завели бы для того спеціальныя сношенія. Нужно всевозможными средствами распространять между заграничными славянами русскую литературу, открывая имъ матеріальные доступы къ ней: только въ этой литературѣ найдутъ они общую народную связь между собою и съ нами. Нужно въ тоже время знакомить Россію съ славянскимъ міромъ, усвоить нашимъ университетамъ и другимъ высшимъ заведеніямъ славянскіе курсы исторіи, статистики и проч., наравнѣ съ отечестренными. Нужно, чтобы въ Россіи сознали, наконецъ, что славянское католическое духовенство, главный руководитель и хранитель народнаго чувства, исполнено любви въ Россіи, что оно состоитъ въ большинствѣ изъ горячихъ русскихъ патріотовъ,—и замѣняли бы ими, на сколько найдется для того желающихъ (прежде всего въ арміи) нынѣшнихъ высшихъ и низшихъ ксендзовъ. Нужно, по моему мнѣнію, открыть русскую службу, особенно военную, иностраннымъ славянамъ наравнѣ съ своими подданными, принимая служившихъ тѣмъ же чиномъ, не въ примѣръ другимъ чужеземцамъ; такое допущеніе будетъ полезно и намъ, и имъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Мѣры эти должны быть общимъ правиломъ, а не демонстраціею только на извѣстный случай; должно создать постоянное нравственное соприкосновеніе между Россіею и заграничными ея братьями. Тѣ изъ вышеприведенныхъ мѣръ, которыя не зависятъ отъ офиціальной власти, все-таки требуютъ почина сверху, безъ котораго у насъ покуда ничто не идетъ; но затѣмъ на русскомъ обществѣ лежитъ обязанность усвоить ихъ себѣ и рас-

пространить. Мало внушать эти чувства, надо создать на нихъ моду и потомъ превратить ее въ дѣло чести. Затѣмъ если эти обязанности не войдутъ въ общее сознаніе, то нечего и говорить,—значитъ, нельзя вѣрить въ Россію.

Говоря о славянахъ, я понимаю всю группу народовъ, связанныхъ съ Россіею историческою судьбою, единокровныхъ и единовѣрныхъ. Нельзя обойдти въ великомъ вопросѣ грековъ и румынъ; вторые особенно вросли въ сплошное тѣло славянщины и поневолѣ должны дѣлить ея участь. У обоихъ тѣ же враги и тоже безсиліе достигнуть законной цѣли собственными средствами. Греки понимаютъ очень хорошо, что единственный народъ, искренно желающій имъ освобожденія, готовый пролить за нихъ кровь,—все-таки русскіе и никто больше, Разница во взглядѣ на восточную имперію, на этотъ безсмысленный призракъ котораго Россія, конечно, не можетъ допустить, на этотъ плодъ археологическихъ мечтаній ученой греческой партіи,—не охладитъ къ намъ народную массу, желающую только дѣйствительности: свободы и національнаго развитія. Никто не сомнѣвается, что Россія, выступивъ впередъ, увлечетъ за собою грековъ. Сомнѣніе это существуетъ относительно румынъ: вожаки ихъ сбиты съ толку упорною внѣшнею интригою. Но никакая интрига не можетъ долго устоять противъ очевидности; въ этомъ же случаѣ очевидность полная. Единственный народъ, имѣющій разумную причину желать самостоятельности румынъ, единственный народъ, создавшій и поддерживавшій эту самостоятельность,—русскіе. Не только румынское племя не можетъ собрать собственными силами свои разсѣянныя отрасли, попранныя, какъ и славяне, чужеземнымъ гнетомъ; но оно не можетъ устоять свободнымъ народомъ иначе, какъ съ русскою помощію. Переговоры между Австріею и Франціею въ 1863 году, великодушно располагавшими судьбою Румыніи, и многое другое изъ того, что говорилось и писалось въ Европѣ о румынахъ, должно, наконецъ, открыть имъ глаза. Судьба всѣхъ дунайскихъ народовъ колеблется теперь на остріѣ иглы; или они будутъ свободны въ союзѣ съ Россіею, или станутъ, сначала провинціями, потомъ низшею расою, «словаками» венгерской Австріи. Побужденіе, не допускающее Венгрію или Австріею, а за нею Германію, согласиться на свободное существованіе турецкихъ славянъ, простирается въ той же мѣрѣ и на румынъ. Два милліона ру-

мынскихъ подданныхъ Венгріи, не говоря уже о стремленіи нѣмецкаго племени и его венгерскаго авангарда къ овладѣнію всѣмъ теченіемъ Дуная, составляютъ, кажется, достаточную угрозу для беззащитныхъ дунайскихъ княжествъ. Въ случаѣ новой борьбы за восточный вопросъ, или лучше сказать, за новый славянскій вопросъ, ставшій на мѣсто перваго, существованіе румынъ, не только какъ народа, но какъ людей, какъ гражданъ, будетъ зависѣть исключительно отъ побѣды Россіи. Гогенцоллернскій принцъ не обезпечиваетъ, а напротивъ, предвѣщаетъ румынамъ (въ дурномъ для нихъ смыслѣ) ихъ будущность. Когда людямъ предстоитъ выборъ между такими крайностями, тогда можно положиться на ихъ собственное чувство самосохраненія, не забывая, впрочемъ, по возможности неустанно раскрывать глаза всѣмъ и каждому. Греки должны быть съ нами, или долго имъ придется еще видѣть въ рабствѣ половину своего народа: румыны должны или быть съ нами или погибнуть. Ни тѣ, ни другіе не захотятъ послѣдняго исхода.

Россія нужна грекамъ и румынамъ; они не столько нужны, сколько дороги намъ, и должны быть дороги, даже румыны, не смотря на ихъ кичливость, какъ православные. Я не затрону, конечно, духовныхъ вопросовъ въ военно-политической статьѣ; но нельзя не замѣтить тутъ одной особенности. Православіе не разсѣяно по лицу земли, какъ католичество; оно освѣщаетъ сплошную массу народовъ, живущихъ рядомъ, тѣсно связанныхъ между собою съ перваго появленія въ исторіи, имѣющихъ передъ собою почти одинаковую религіозную, нравственную, вѣроятно, даже гражданскую будущность. Въ этомъ отношеніи православіе запечатлѣно особымъ, можно сказать, соціальнымъ свойствомъ. Неизмѣнное въ основаніи, оно помнитъ единство вѣры, просвѣщенія и гражданскаго общества, осѣнявшее первые дни его торжества,—преданіе, давно утратившееся въ католичествѣ. Можно удостовѣриться личнымъ опытомъ, что для каждаго священника, даже для каждаго мірянина, воспитаннаго на церковной литературѣ не только въ Румыніи, но даже въ Сиріи, даже въ Египтѣ, русскій Царь есть единый царь православный и законный, прямой наслѣдникъ Константина Великаго: прочіе только владѣтели. Въ Россіи лежитъ теперь средоточіе православнаго общества, не вѣры, конечно, но людей, исповѣдывающихъ эту вѣру, въ ней

узелъ тѣсной, мірской связи между православными людьми всего свѣта. Намъ, русскимъ, никакъ не слѣдуетъ этого забывать.

Наша историческая сила въ громадномъ сочувственномъ народонаселеніи, окружающемъ юго западные предѣлы Россіи. Наша слабость въ томъ, что мы вчера лишь сознали свое сродство съ десятками миллюновъ пограничнаго населенія и не только еще не овладѣли нравственно сочувственною стихіею, но едва начинаемъ понимать значеніе предстоящаго намъ новаго, вѣроятно, послѣдняго перелома въ русской исторіи. Не особенно трудно, однако же, исправить невольную ошибку первыхъ трехъ четвертей столѣтія. Въ нашъ быстротечный вѣкъ не только событія разыгрываются чрезвычайно скоро, но переворотъ во взглядахъ и чувствахъ людей совершается съ изумительною быстротою, коль скоро накопляются къ тому разумныя основанія; ни того, ни другаго нельзя мѣрять прежнимъ масштабомъ. Даже въ между-народной политикѣ главное дѣло въ твердомъ общественномъ сознаніи,—если есть только какая нибудь соразмѣрность въ силахъ; а соразмѣрность эта въ нашемъ дѣлѣ очевидна. Нужно только, чтобы разумное побужденіе къ единодушному усилію стало очевиднымъ въ такой же степени.

Силы сочувственныхъ намъ заграничныхъ населеній громадны, но до сихъ поръ безсвязны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что славянскія и сосѣднія имъ православныя племена другой крови, сплетенныя съ ними одною судьбою, перевернули бы разомъ весь нынѣшній порядокъ вещей въ Турціи и Австріи, если бы принялись за дѣло единодушно и не опасались остальной Европы. Но такое единодушіе, возникающее само собою, несбыточно и немыслимо, какъ немыслимо правильное движеніе планетъ безъ солнца въ средоточіи. Кромѣ того, въ этой глухой борьбѣ ни одинъ членъ великой семьи не обладаетъ достаточно явнымъ перевѣсомъ силъ и развитія, чтобы статъ признаннымъ руководителемъ остальныхъ, но каждое племя отдѣльно борется противъ давящихъ его обстоятельствъ; ни одно племя не можетъ протянуть другому руку, потому, во первыхъ, что не можетъ собственными усиліями пріобрѣсти достаточной для того свободы дѣйствій, и, вторыхъ, потому, что прямыя цѣли,—цѣли текущаго дня,—для каждаго иныя. Сочувственныя намъ населенія опутаны въ безвыходномъ кругѣ,

не имѣя возможности ни достигнуть единодушія, такъ какъ имъ недостаетъ для этого самостоятельности, ни добиться самостоятельности безъ предварительнаго единодушія. Даже независимые народы Балканскаго полуострова, сербы, румыны, греки и черногорцы слишкомъ разрознены и подавлены гнетомъ Европы, чтобы серіозно думать о союзѣ. Безъ внѣшняго объединенія огромная масса славянскаго и православнаго міра безсильна: собранная вокругъ одного общаго устоя—она неодолима. Начиная съ сѣверной группы, большая половина австрійской арміи состоитъ изъ славянъ. При общемъ сзовѣ чешское племя, по обѣ стороны горъ, выставляетъ 120 тыс. первостепенныхъ солдатъ, русскіе галичане 60 тыс., словаки (смѣшанные, впрочемъ, съ другими населеніями въ венгерскихъ рядахъ) 30 т., словенцы Иллиріи и Штиріи также 30 тыс.; затѣмъ все сербское племя южно-австрійской границы составляетъ одинъ военный станъ знаменитыхъ «красныхъ плащей»; далматы, первые моряки на Средиземномъ морѣ, комвесь военный флотъ; венгерскіе румыны, стоящіе въ одинаковомъ положеніи съ славянами, ставятъ 80 тыс. солдатъ нѣмцевъ и мадьяровъ, въ которыхъ заключается весь политическій устой Австріи, наберется въ рядахъ ея арміи, даже вмѣстѣ съ поляками, не болѣе 280 тысячъ. Конечно, славянскіе и другіе чужеплеменные полки теперь еще сила австрійская и при томъ вѣрная, пока надъ ними развѣвается черно-желтое знамя; но полки эти были бы еще вѣрнѣе своему народному знамени, если бы оно поднялось надъ ними. Далѣе въ предѣлахъ Турціи, отъ Далмаціи до Румыніи, живетъ другая половина сербскаго племени, отъ природы народъ воиновъ, не задумавшійся возстать противъ всѣхъ силъ турецкой имперіи и отстоявшій свою независимость безъ чужой помощи; у Адріатическаго моря вѣтвь сербскаго племени, черногорцы, выстоявшіе въ продолженіе вѣковъ противъ страшнаго царства Солимановъ; на югѣ греки, одни въ свѣтѣ готовые умирать за родное дѣло даже безъ надежды на успѣхъ; между сербами и греками 6 милліоновъ болгаръ, покуда еще не воиновъ, но способныхъ стать воинами, какъ всѣ славяне, способныхъ, какъ мы видимъ ежедневно потрясать свое ярмо. Наконецъ, въ тылу прочихъ, 4-хъ милліонный православный румынскій народъ; его порабощенные братья вопіютъ къ нему, Европа торгуетъ имъ въ своихъ политическихъ сдѣлкахъ,—придется же ему подумать о зая-

трашнемъ днѣ. Наши прирожденные союзники выставляютъ теперь полмилліона солдатъ для закрѣпленія надъ собою ненавистнаго ига: они выставятъ всѣ вмѣстѣ милліонъ солдатъ и за ними столько же мѣстнаго ополченія для огражденія своей независимости, когда у нихъ будутъ развязаны руки. До того еще многіе изъ нихъ станутъ не колеблясь рядомъ съ нами и всѣ пошевелятся сильно, какъ только мелькнетъ имъ возможность освобожденія не на словахъ, а на дѣлѣ. Но, конечно, не манифесты въ минуту войны вызовутъ къ довѣрію нашихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ,—мы видѣли значеніе манифестовъ 1854,—а братское и дѣятельное сочувствіе, доказанное будничнымъ опытомъ, общность умственной и нравственной жизни до войны.

Такое великое дѣло не складывается разомъ; даже освобожденіе Италіи, ничтожное сравнительно по размѣрамъ, досихъ поръ еще не закончилось *). Нужно нѣсколько роздыховъ, пока нынѣшніе «австро-дунайскій» и «татарско-балканскій» союзы, говоря европейскимъ языкомъ, обратятся изъ враждебныхъ для насъ въ братскіе. Покуда мы еще не соприкасаемся прямо съ славянскимъ міромъ, не только нравственно, но даже географически; насъ отдѣляютъ отъ него на западѣ—Галиція, русская и польская, на югѣ—полоса уступленная, Румыніи въ 1856 году.

Русская Галиція ставитъ неодолимую преграду нашему сближенію съ славянствомъ: она разрушаетъ довѣріе къ намъ въ самомъ зародышѣ. Спросите объ этомъ какого угодно заграничнаго славянина, онъ скажетъ: «какую надежду могутъ возлагать на Россію двоюродные братья, когда даже братья родные, стонующіе на русскихъ границахъ, не могутъ дождаться помощи?» Именно русская Галиція болѣе всего прочаго внушаетъ славянамъ мысль, что наше отечество въ душѣ имъ чуждо, что русское сочувствіе къ славянству составляетъ не болѣе, какъ выраженіе мнѣній небольшаго литературнаго кружка. Напрасно станете вы доказывать славянамъ, что въ политикѣ дѣло не въ желаніи, а въ возможности и благопріятныхъ обстоятельствахъ: они стоятъ на томъ, что несчастные русскіе галичане могли быть освобождены безъ чрезвычайныхъ усилій

*) Писано въ 1869.

въ 1849 году, потомъ въ 1859, потомъ еще въ 1866 году. Съ западными славянами можно будетъ говорить не безплодно объ ихъ дѣлахъ тогда лишь, когда кончится шестисотъ-лѣтній планъ Червонной Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы станемъ непосредственно на предѣлахъ славянской страны.

Тоже самое чувство внушаетъ турецкимъ славянамъ видъ оторваннаго отъ Россіи Измаила. Они слышатъ отъ измаильцевъ такія слова: «въ первый годъ мы смѣялись надъ молдавскими чиновниками и дожидались только слѣдующей весны; пришла весна, мы отложили надежду до третьяго года, потомъ до четвертаго; теперь мы перестали уже считать года, и молдавскіе чиновники смѣются надъ нами». Люди надѣются на помощь того только, кто въ ихъ глазахъ умѣетъ помогать себѣ.

Тѣмъ не менѣе, кто можетъ усомниться въ неисчерпаемой жизненности и великой судьбѣ русскаго народа въ виду этого примѣра Червонной Руси. Нѣмцы становятся превосходными французами черезъ два столѣтія какъ въ Альзасѣ, французы отличными англичанами, какъ въ новомъ Орлеанѣ, поляки—ревностными пруссаками, какъ въ Силезіи. Но вотъ два клочка, оторванные отъ Россіи, одинъ вчера, другой шесть вѣковъ тому назадъ,—и нельзя сказать, въ какомъ изъ этихъ обрывковъ русское чувство сильнѣе, который изъ нихъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ срощенія съ роднымъ деревомъ.

Первый шагъ, предстоящій современной Россіи, если она пойдетъ по своему историческому склону—освобожденіе прикарпатской Руси и Измаила. До того времени можно и нужно помогать славянамъ, какъ людямъ, и сближаться съ ними, но нечего говорить о славянствѣ и тѣмъ менѣе—толковать о несуществующемъ раздѣльно, недоступнымъ для насъ и потому фантастическомъ покуда, восточномъ вопросѣ.

За исключеніемъ Червонной Руси, польская Галиція все еще остается сторожевымъ постомъ непріятеля по сю сторону Карпатовъ, т. е. можно сказать,—непріятель стоитъ въ «естественныхъ» предѣлахъ Россіи, дожидаясь благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ углу сосредоточивается главный фокусъ наступательной силы противъ насъ, какъ въ углу противоположномъ, на юго-восточномъ загибѣ Карпатскихъ горъ, лежитъ узелъ оборонительной непріятельской силы, заслоняющей отъ насъ Балканскій полуостровъ. Западная Галиція въ рукахъ

Австріи есть ежеминутная опасность польскаго вопроса и европейской войны изъ за него.

Пока не разрѣшено всеславянское дѣло, польскій вопросъ не отдѣлимъ отъ восточнаго. Онъ служитъ во враждебныхъ рукахъ остріемъ, которое можно направить въ нашу грудь, какъ только мы пошевелимся въ русскомъ смыслѣ, напримѣръ, поднимемъ восточный вопросъ. Кромѣ того, для Австріи польская будущность важна сама по себѣ—потому, что польская смута составляетъ единственное ея оружіе противъ Россіи, у которой цѣлый арсеналъ всякаго оружія противъ нея *). Понятно безъ объясненій, что тотъ день, въ который установился бы сердечный миръ между поляками и русскими, былъ бы послѣднимъ днемъ знаменитаго «дунайскаго союза». Передъ всякимъ австрійскимъ государственнымъ человѣкомъ и всякимъ венгерскимъ патріотомъ возстаетъ такая диллема: или Австрія овладѣетъ польскимъ вопросомъ и оградитъ имъ себя отъ грозной сосѣдки, или Россія овладѣетъ имъ, и Польша станетъ не стѣною, а мостомъ между двумя массами славянщины—восточною и западною.

Едва-ли Австрія можетъ опасаться въ польскомъ вопросѣ серіознаго противодѣйствія Пруссіи. Эта послѣдняя такъ хорошо закрѣпостила свои польскія области, что не рискуетъ ими даже въ сосѣдствѣ независимой Польши; черезъ нѣсколько времени эти области станутъ такими же прусскими, какъ Силезія и Померанія. Между тѣмъ все, что необходимо для обезпеченія нѣмецкаго отечества со всѣми его захватами, составляетъ нравственную обязанность Пруссіи; когда станетъ очевиднымъ, что возстановленіе Польши необходимо для огражденія Австріи, т. е. нѣмецкаго преобладанія на Дунаѣ, Пруссія будетъ вынуждена содѣйствовать освобожденію. Она не станетъ даже слишкомъ упираться; независимая Польша для нея чрезвычайно выгодна. Возстановить Польшу нѣмецкими руками значитъ отдать ее на съѣденіе Пруссіи, значитъ пустить въ полный ходъ «Drang nach Osten», сдерживаемый русскою межею **).

*) Замѣтимъ разъ навсегда. Послѣ 1870 года, то что говорится объ Австріи, надо распространять и на Германію, на все нѣмецкое племя въ его политическихъ предѣлахъ.

**) Относительно польскаго вопроса я не возьмусь сказать на сколько новый оборотъ мыслей и плановъ созрѣлъ уже по обѣ стороны границы, осо-

Очевидно, что по польскому, какъ и по восточному вопросу узелъ враждебнаго противодѣйствія Россіи лежитъ исключительно въ Австріи. Прочіе наши недоброжелатели въ первомъ и во второмъ отношеніи только союзники ея, болѣе или менѣе прочные, хотя безъ исключенія искренніе, пока ихъ не увлекаетъ какой нибудь большой противоположный интересъ.

На случай опасности Австрія держитъ въ западной Галиціи, если можно такъ выразиться, польскую смуту въ видѣ экстракта: стоитъ подлить въ него кипятку, и лекарство готово. Разсчетъ ясенъ. Въ случаѣ войны съ нами, Австріи нужно одно лишь, — чтобы польское возстаніе разлилось какъ можно шире, также широко, по крайней мѣрѣ, какъ въ 1863 году, для отвлеченія возможно большаго количества русскихъ силъ съ поля битвы, на которомъ будетъ рѣшаться участь

бенно по ту сторону. Правительствамъ часто приписываютъ виды, которыхъ въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ; но нельзя забывать и того, что современныя правительства находятся постоянно подъ такимъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, тамъ гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, что направленіе сильно распространенное въ обществѣ, особенно если оно не противорѣчитъ офиціальнымъ интересамъ, очень скоро переходитъ въ правительственные круги. Въ нѣмецкомъ же заграничномъ обществѣ (собственно говоря прусскомъ) чрезвычайно распространена мысль объ обращеніи польскаго вопроса въ новое орудіе германской политики. Успѣхъ этого дѣла, говорятъ тамъ, рѣшилъ бы въ нашу пользу также и вопросъ объ отзейскомъ краѣ. Конечно, только самые рьяные и не практическіе патріоты мечтаютъ о немедленномъ завоеваніи Польши. При нынѣшней международной обстановкѣ, между молотомъ и наковальней, между Россіей и Франціей, даже германско-австро-турецкій союзъ оказался бы слишкомъ малосильнымъ для такой затѣи. Но развѣ Польша, говорятъ тамъ, не можетъ сама броситься въ наши объятія? Она получила бы отъ насъ гораздо больше, чѣмъ можетъ надѣяться отъ Россіи (въ тихомолку прибавляютъ: на первое время). Такой оборотъ дѣла измѣнилъ бы всю постановку задачи. Развѣ Франція могла бы безъ стыда заключить союзъ съ Россіей для новаго порабощенія Польши? Да кромѣ того, нынѣшняя Франція живетъ постоянно наканунѣ анархіи и междоусобія, которыя въ 24 часа могутъ совершенно ее парализовать, вычеркнуть ее на время изъ ряда европейскихъ государствъ. Что трудно сегодня, то можетъ стать сбыточнымъ завтра. Такія рѣчи повторяются и съ нашей стороны границы, конечно не большинствомъ, но многими наивными поляками. Противъ этихъ-то людей г. Крживицкій написалъ свою брошюру но какъ всегда бываетъ въ разгарѣ спора, пересолилъ, поставилъ передъ поляками перспективу русско-славянскаго союза, изъ котораго, на практикѣ вычеркнуто польское имя, что не можетъ имѣть въ глазахъ ихъ никакой привлекательности.

войны. Теперь польская окраина гораздо опаснѣе въ рукахъ внѣшняго врага, чѣмъ была въ 1812 году, когда она бездѣйственно ожидала побѣды великой арміи; интеллигенція додумалась до настоящаго средства, какъ дѣйствовать противъ насъ. Каждая галицко-польская рота, вступающая набѣгомъ въ русскіе предѣлы, немедленно обратится въ полкъ, хорошо вооруженный на чужой счетъ. Рухавка съ скорострѣльными ружьями и твердымъ кадромъ не станетъ еще, конечно, хорошимъ войскомъ, но будетъ совсѣмъ уже не рухавкою 1863 г. и заставитъ насъ разбросать по краю еще больше дѣйствующихъ войскъ, чѣмъ при послѣднемъ мятежѣ.

Едва ли кто-нибудь думаетъ, что польское дѣло въ самомъ дѣлѣ кончено. Всѣ составныя его части такъ же живы теперь, какъ и прежде. До сихъ поръ положеніе дѣлъ улучшено въ одномъ только отношеніи: народъ изъятъ изъ-подъ прямаго распоряженія высшихъ свѣтскихъ классовъ, склонныхъ къ мятежу. Эта мѣра составляетъ дѣйствительно значительное затрудненіе для самороднаго бунта, но не представитъ никакого препятствія бунту, поддержанному внѣшнею силою. Рѣрная область, занятая непріятелемъ, составляетъ для него все-таки обузу, требуя раздѣленія силъ для удержанія ея въ покорности. Но нашъ западный край въ нынѣшнемъ его состояніи — не только привислянскій, но даже Волынская губернія, гдѣ всего десять процентовъ католиковъ, станетъ чистою Польшею. враждебною намъ землею, какъ только внѣшній врагъ вступитъ туда; непріязненная интеллигенція, не стѣсняемая никакимъ однокачественнымъ противовѣсомъ, сейчасъ же захватитъ прежнюю власть и заставитъ мѣстное населеніе, вопреки желанію его, также ревностно трудиться въ пользу нашего врага, какъ стали бы трудиться самые чистокровные поляки. Численное преобладаніе русскаго народа не ослабитъ даже количества и качества вооруженной силы, которую эта же Волынская губернія въ подобномъ случаѣ поставитъ въ непріятельскіе ряды; десять процентовъ непріязненнаго населенія легко выставятъ полный контингентъ на всю область, если содержаніе семействъ, уходящихъ на войну будетъ возложено на остальную массу. Нечего и говорить о губерніяхъ, гдѣ большая часть народа находится подъ вліяніемъ ксендзовъ. Напрасно, кажется, повторять извѣстную истину, что пока большинство образованнаго сословія и владѣльцевъ въ западныхъ

губерніяхъ не станетъ русскимъ, къ чему мы приблизились очень мало, край этотъ будетъ подлежать всѣмъ случайностямъ войны въ такой же мѣрѣ, какъ и привислянскій. Въ Вѣнѣ, Пештѣ и Краковѣ знаютъ отлично это положеніе вещей.

Конечно, Австрія не выйдетъ на борьбу безъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Она держитъ въ своихъ рукахъ польскій вопросъ, какъ громоотводъ на случай восточнаго. Этотъ послѣдній составляетъ прямой поводъ къ европейской коалиціи противъ насъ. Налегая на него въ томъ смыслѣ, какъ онъ обыкновенно понимается, мы сами создадимъ эти благопріятныя для нея обстоятельства.

Польскій вопросъ можетъ служить орудіемъ для Австріи до тѣхъ лишь поръ, пока западный край, или хотя только шесть чисто русскихъ западныхъ губерній не станутъ вполнѣ русскими, чего такъ легко достигнуть *). Тогда польскій вопросъ предстанетъ совсѣмъ въ другомъ значеніи и для насъ, и для сосѣдей. Безсмысленность мечты о возстановленіи старой Польши, бывшей не націею, а случайною и насильственною историческою федераціею, совершенно сходною съ нынѣшними союзами «австро-дунайскимъ» и «татарско-балканскимъ», станетъ очевидною для каждаго, даже для поляка, наравнѣ съ мечтою о возстановленіи имперіи Карла V. До 1863 года нельзя было винить поляковъ за такую мечту; имъ не было случая убѣдиться въ ея призрачности; какъ имъ было не мечтать о Польшѣ 1772 года, видя, что русскій человѣкъ не можетъ получить мѣста на службѣ въ Житомирѣ за то, что онъ русскій!

---

*) Условія обрусенія опредѣлились теперь до очевидности: съ одной стороны на это нужно нѣсколько десятковъ милліоновъ, настойчивость безъ насилія, искренность въ исполненіи и нѣсколько лѣтъ времени. Съ другой—самыя широкія земскія учрежденія (конечно и судебныя) съ устраненіемъ ценса, иначе все вліяніе будетъ отдано именно въ тѣ руки, изъ которыхъ надобно его изъять; когда этотъ край выйдетъ изъ-подъ исключительнаго полицейскаго управленія на гражданскую волю, клочокъ не русскаго населенія потонетъ въ общей массѣ. Десятилѣтній опытъ управленія доказалъ достаточно, что жизнь не передѣлывается одними административными мѣрами. За каждый милліонъ, не положенный заблаговременно на обрусеніе заднѣпровской страны, придется издержать десятки лишнихъ милліоновъ при первой войнѣ, оставаясь все-таки въ крайне опасномъ положеніи. Жертвы на западный край составляютъ расходъ не мирнаго, а военнаго времени, а потому не могутъ ни лежать на текущемъ бюджетѣ, ни соразмѣрятся съ его растяжимостію.

Эмиграція остается и теперь при этомъ убѣжденіи, но русскіе поляки, не совершенно сбитые съ толку, начинаютъ понимать дѣйствительность. Еще одинъ разумный и смѣлый шагъ, и Россіи можно будетъ взять польскій вопросъ изъ рукъ Австріи въ свои руки, обратить его въ одинъ изъ частныхъ славянскихъ вопросовъ *).

Полагая, что меня нельзя заподозрить въ недостаткѣ патріотизма, считаю себя въ правѣ сказать свое мнѣніе о польскомъ рубежѣ, насколько оно касается общаго положенія дѣлъ.

Современная исторія достаточно уяснила сущность четырехъвѣковой распри Россіи съ Польшею. Въ этой распрѣ Польша дѣйствовала не отъ своего лица, а отъ имени Литвы, т.-е. западной половины Руси, вступивши случайно въ ея права и притязанія. Притязаніемъ же было все-таки единство Россіи подъ державою западной или восточной династіи. Въ концѣ 18-го столѣтія споръ порѣшился — все древне-русское отошло опять къ Россіи. Сліяніе обѣихъ половинъ было бы теперь уже полное, если бы два первые наслѣдника Екатерины шли неуклонно по ея слѣдамъ; причины, затрудняющія его, созданы исключительно направленіемъ правительства съ 1796 по 1830 годъ. Во всякомъ случаѣ затрудненія эти чисто искусственныя, напоминающія не вѣковую рознь Англіи съ Ирландіею, а сословное противодѣйствіе высшихъ классовъ Неаполя, Ганновера или Франкфурта, хотя въ болѣе рѣзкой формѣ. Пока длится противодѣйствіе, оно составляетъ дѣйствительную опасность въ случаѣ войны; но правительственныя мѣры, давшія ему когда-то силу, также точно могутъ положить ему конецъ. Тутъ идетъ дѣло не объ историческомъ вопросѣ—

*) Въ настоящее время, вслѣдствіе разгрома Франціи, на которую поляки возлагали всю свою надежду, въ умахъ ихъ совершается очевидный и рѣшительный переломъ; они отрѣшаются одинъ за другимъ отъ старыхъ идеаловъ и ищутъ какой-нибудь новой точки опоры, къ которой они могли бы прилѣпить свое общественное развитіе въ будущемъ, хотя бы только въ чисто нравственномъ смыслѣ. Фантазеровъ осталось еще много, послѣднее столѣтіе слишкомъ заразило польское общество фантазіями, чтобъ оно могло вылѣчиться отъ нихъ въ одинъ день; но разумные люди между ними понимаютъ, что искать этой точки опоры гдѣ нибудь внѣ Россіи, было бы теперь пустѣйшимъ и вмѣстѣ пагубнѣйшимъ изъ мечтаній. Теперь съ искренними поляками уже можно говорить,—это надо принять къ свѣдѣнію, отрѣшаясь и съ своей стороны отъ страстныхъ національныхъ увлеченій 1863 г.

исторія сказала уже свое послѣднее слово, но о вопросѣ административномъ и общественномъ, не до такой степени важномъ, чтобы связывать руки естественной русской политикѣ. Но за предѣлами русской окраины лежитъ окраина чисто польская, доставшаяся намъ случайно, источникъ постоянной смуты для нашихъ западныхъ губерній,—и тутъ дѣло принимаетъ иной видъ; тутъ мы стоимъ на чужой почвѣ и видимъ не искусственное, а дѣйствительное непризнаваніе русской власти. Самыя мудрыя и справедливыя мѣры на этой окраинѣ, какъ надѣленіе крестьянъ землею, могутъ быть полезными политически лишь временно, при жизни поколѣнія, ими воспользовавшагося. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Привислянскомъ краѣ окажется милліонъ гражданъ вмѣсто двухъ сотъ тысячъ—вотъ, вѣроятно, окончательный результатъ надѣла. Въ настоящее время, разувѣрившись въ возможности какихъ-либо уступокъ, наше правительство вынуждено необходимостію распространять мѣры, принимаемыя въ Западномъ краѣ, и на Привислянскій край; но сила вещей беретъ свое и тѣ же самыя мѣры далеко не ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ тамъ и здѣсь. Западный край можно и должно обрусить вполнѣ и въ самое непродолжительное время; на обрусеніе царства польскаго, при нынѣшнемъ общественномъ состояніи Россіи, едва ли есть надежда; надъ нимъ можно только поставить русскую вывѣску. Можно сдѣлать еще другое, весьма разумное, что теперь и дѣлается: разсѣять правильнымъ воспитаніемъ, основаннымъ на серьозномъ знакомствѣ съ русскими источниками, односторонность польскихъ идей. Можно и должно воспитать поколѣніе поляковъ не чуждыхъ Россіи—но обрусить ихъ нельзя. Не говоря уже о значительномъ устоѣ польскаго духа, рядомъ съ Привислянскимъ краемъ лежитъ Галиція—неисчерпаемый источникъ польскаго духа и польскихъ мечтаній, откуда они неудержимо переливаются въ принадлежащій намъ край. Даже завоеваніе краковской Галиціи, при настоящемъ складѣ вещей, не улучшило бы положенія; оно удвоило бы только численность сопротивляющихся. Тѣмъ не менѣе мѣры, принимаемыя къ обрусенію Привислянскаго края, хотя подающія мало надежды на успѣхъ, приносятъ ту временную пользу, что составляютъ полнѣйшее отрицаніе автономіи царства, разрѣшавшейся до сихъ поръ постоянно и неизбѣжно мятежомъ. Покуда нельзя ни уступать полякамъ, ни питать основательной

надежды переломить ихъ. Въ этомъ неутѣшительномъ положеніи вещей сказывается, можно думать, только переходный кризисъ русской исторіи, который будетъ длиться до тѣхъ лишь поръ, пока Россія, выросшая уже мѣстами изъ племенныхъ предѣловъ собственно русскаго народа, не станетъ въ дѣйствительности главою славянскаго міра. Рѣшительное поднятіе славянскаго знамени ставитъ иначе и польскій вопросъ, даетъ ему законный исходъ. Съ обрусеніемъ западныхъ губерній и съ провозглашеніемъ славянской идеи, Привислянскій край не можетъ составлять для насъ никакого внутренняго вопроса. Польскому народу одинъ выборъ: быть младшимъ братомъ русскаго народа или нѣмецкою провинціею. Онъ и теперь уже ничто иное, какъ послѣдній объѣдокъ нѣмецкаго пиршества, поглотившаго родственныя ему населенія и части собственнаго его тѣла отъ Саалы до Вислы. Можетъ ли узкая полоса земли, сжатая между Россіею и Германіею, устоять въ видѣ государства, располагающаго верховною свободою дѣйствій,—что составляетъ теперь принадлежность только великихъ державъ? До какой степени ни считать поляковъ мечтателями, невозможно, противно логикѣ, чтобы многіе изъ нихъ, особенно умнѣйшіе, не видѣли неизбѣжности выбора между племенною самостоятельностію и гибелью. Объ эмиграціи нечего говорить: она стала народомъ кочевыхъ авантюристовъ, для которыхъ смута на Вислѣ, какъ и всякая другая, предлогъ; но осѣдлые поляки, даже фанатики, поймутъ свое положеніе, какъ только увидятъ $^3/_4$ имѣній Минской или Волынской губерній въ русскихъ рукахъ, особенно, когда увидятъ себя не на окраинѣ, а посрединѣ земель, сочувственно принимающихъ главенство Россіи въ общемъ союзѣ. Теперь полякъ, какъ человѣкъ своей національности, естественно дорожащій ею, находится дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи. Его можно не допустить до бунта, но нельзя отвратить отъ ежеминутной мысли о бунтѣ. Разувѣрившись въ Наполеонѣ, онъ продолжаетъ надѣяться на львовскій сеймъ, на барона Бейста, на Венгрію, даже на Пруссію; покуда человѣкъ живетъ, долженъ же онъ на что-нибудь надѣяться. Онъ перестанетъ грезить о разрушеніи Россіи, когда передъ нимъ мелькнетъ возможность стремиться къ осуществленію сбыточной Польши, не становясь черезъ то русскимъ измѣнникомъ. До сихъ поръ существованіе русской партіи между поляками было невоз-

можно: для такой партіи не оказывалось опредѣленной цѣли. Поляки считали болѣе удобнымъ и желательнымъ возстановить старо-польское государство на счетъ Россіи, чѣмъ польскую національность въ ея ограниченныхъ предѣлахъ съ помощью Россіи. Но когда съ одной стороны исчезнетъ всякая надежда увѣрить русскихъ людей Гродненской или Минской губерній, ставшихъ на свои ноги, что они имѣютъ что-нибудь общее съ поляками, а съ другой стороны, напротивъ, воскреснетъ надежда сохранить дѣйствительную Польшу, то десять человѣкъ сомкнувшись убѣжденнымъ кружкомъ, могутъ положить основаніе преобладающей партіи. Затѣмъ, еще, конечно, останется много вздорныхъ мечтателей, но сила вездѣ въ передовой мысли, а не въ отсталой толпѣ. Создать такую партію, значитъ взять польскій вопросъ изъ австрійскихъ въ русскія руки, свалить главную нашу опасность на голову врага. Что надо сдѣлать для этого? Полагаю ничего особеннаго: настойчиво, но безъ насилія, продолжать обрусеніе западныхъ губерній, безъ исключительныхъ мѣръ, не жалѣя для того никакихъ жертвъ; считать поляковъ славянскимъ народомъ, имѣющимъ въ глазахъ Россіи такое же право на существованіе и на русскую помогу въ будущемъ для возсоединенія растерзанныхъ, но еще живыхъ его членовъ, какъ и всякій другой славянскій народъ; поставивъ такую цѣль передъ нами, отличать искреннихъ ея сторонниковъ отъ неискреннихъ, безъ чего нельзя управлять даже своимъ народомъ, не только чужимъ. Такая задача неодолима для Россіи, не сознающей своего историческаго значенія и дѣйствительнаго смысла лежащихъ передъ нею камней преткновенія, и, надо думать, неособенно трудна для сознающей. Поляки не идутъ по зову чеховъ въ австрійскій панславизмъ, чтобы не потерять поддержки правительства, въ которомъ покуда вся ихъ надежда. Другое дѣло голосъ Россіи. Если на зовъ русскаго правительства, приглашающаго поляковъ занять законное мѣсто въ славянской семьѣ, не откликнется скоро сильная партія, значитъ всѣ законы логики и вѣроятности перевернулись недавно вверхъ дномъ на бѣломъ свѣтѣ. Невозможно поднять славянское знамя, не признавая за поляками ихъ законнаго мѣста въ славянской семьѣ. Четыре милліона русскихъ поляковъ и два милліона поляковъ австрійскихъ, разжигаемые ежедневно въ ненависти къ Россіи, станутъ стѣною между нами и западнымъ славянствомъ. Съ

другой стороны, увѣковѣчиваніе нынѣшняго положенія вещей въ Польшѣ, возведенное въ принципъ, перепугаетъ все славянство, разрушитъ въ корнѣ всякое довѣріе къ намъ. Славяне, до сихъ поръ боящіеся призрака ненасытнаго русскаго честолюбія, примутъ нашъ братскій зовъ за уловку. Бунтъ поляковъ, возможный противъ Россіи, невозможенъ противъ союза, добровольно признающаго русское главенство, союза, обхватывающаго ихъ землю со всѣхъ сторонъ. Для меня эти вещи ясны, какъ дважды два четыре; не знаю, какъ для другихъ.

Если Россія возстановитъ, рано или поздно, славянскій міръ, — значитъ она призвана на это дѣло Провидѣніемъ, ей надо быть исполнителемъ судебъ, начертанныхъ для человѣчества. Но нельзя служить Провидѣнію, отказывая въ справедливости кому бы то ни было, особенно одному же изъ членовъ своего семейства.

Кромѣ раздраженія, посѣяннаго вѣковыми событіями между поляками и русскими, польскій вопросъ, какъ племенной, ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстныхъ славянскихъ вопросовъ. Всѣ славяне находятся приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ поляки; всѣмъ имъ предстоитъ, какъ и полякамъ, выборъ между двумя исходами: сжаться около Россіи для сохраненія своей народной личности, или, пожертвовать ею, дать обезличить себя. Обширная спорная полоса между предѣлами чисто-русскаго и чисто-нѣмецкаго племенъ, по большей части обхваченная уже политически послѣднимъ, будетъ совсѣмъ онѣмечена до послѣдней души,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если каждую изъ мозаичныхъ ея клѣтокъ предоставить собственнымъ силамъ. Какъ только закончится объединеніе Германіи, то славянамъ по обѣимъ сторонамъ Савы не останется уже никакой надежды. Пруссія дѣйствуетъ не такъ, какъ Австрія. Когда Фридрихъ Великій узналъ, что сельское населеніе Помераніи говоритъ еще по славянски, онъ приказалъ положить конецъ этому сраму; къ концу его царствованія «срама» уже не было. Многіе западные публицисты приглашаютъ славянъ «покориться своей участи добровольно, сгинуть безъ слѣда; значитъ, говорятъ они, непреклонная исторія не выдѣлила вамъ особаго угла; противъ законовъ природы и исторіи нечего спорить»; такъ и случится, если славяне будутъ отбиваться врознь. Чешское племя, со всѣхъ сто-

ронъ обложенное нѣмцами, исчезнетъ первое: за нимъ придетъ скорый чередъ и другимъ. Если бы Россія не возникла вдругъ на рубежѣ Европы, о славянахъ не было бы уже и помина; оживленіе славянскаго духа въ нашемъ столѣтіи не имѣло бы повода. Что начато Россіею безсознательно, то ею же одною можетъ быть кончено сознательно. Не только славяне не могутъ избѣжать своей участи—народнаго обезличенія—иначе, какъ схватившись за русскую руку, но даже поднявшись сами какимъ нибудь чудомъ, они не могли бы сохранить независимость иначе, какъ опираясь на Россію. Какая международная самостоятельность, разсчитанная на собственныя силы, возможна разрозненнымъ славянскимъ клочкамъ, стиснутымъ между нѣмцами и мадьярами, при подавляющей массѣ и высшей культурѣ первыхъ, при сильной политической организаціи вторыхъ? Въ наше время, когда Европа подѣлилась на нѣсколько огромныхъ массъ, когда лишь тотъ имѣетъ право на отдѣльное существованіе, кто выставляетъ пол-милліона солдатъ, когда даже старыя государства, какъ Голландія и Швейцарія, начинаютъ бояться за свое будущее, что значитъ международный щебень, каковы чехи, хорваты и другіе?—когда, въ добавокъ, этотъ щебень не признается, презирается могучими сосѣдями, оскорбляетъ ихъ, становится внезапно поперегъ ихъ исторіи, надеждъ и интересовъ? Славянъ много—отъ Саксоніи до Архипелага; масса ихъ дѣйствующая за одно, сильна и могла бы выдержать напоръ Германіи. Но въ чемъ найдетъ эта масса общую связь? Въ союзѣ? Славянская страна прорѣзана въ нѣсколькихъ направленіяхъ полосами чуждыхъ и враждебныхъ ей племенъ, до сихъ поръ владычествующихъ; отдѣльныя части славянщины не могутъ безъ посторонней помощи подать руку другъ другу. Кромѣ того, на какомъ же языкѣ будетъ говорить этотъ пламенной союзъ? Увѣряютъ, что на пражскомъ сеймѣ 1848 г. славяне разныхъ нарѣчій разговаривали между собою по нѣмецки. Въ этомъ отношеніи, какъ во всемъ прочемъ, имъ нужно объединеніе; сами по себѣ они его никакъ не достигнутъ. Не примутъ же болгары по собственному выбору чешскій языкъ, или чехи сербскій, за общій политическій. Кромѣ того, нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ, какъ болгарамъ, словенцамъ, словакамъ, доведеннымъ до положенія низшаго класса населенія на своей же землѣ, надобно еще сложиться въ народъ, что требуетъ времени, въ продолженіе

котораго они не могутъ прожить безъ опеки. Славянъ много, они умны, храбры, жаждутъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ національной жизни; но ни добиться, ни удержать ее сами собою не могутъ. Славянскій міръ—это космическое облако, могущее стать сложившимся міромъ только при объединяющемъ центрѣ тяготѣнія.

Славянскіе народы должны стремиться къ двумъ цѣлямъ: каждый отдѣльно—къ самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, всѣ вмѣстѣ—къ тѣснѣйшему племенному союзу съ Россіею и къ русскому главенству въ военномъ и международномъ отношеніи. Каждому племени нуженъ свой государь для домашнихъ дѣлъ и великій славянскій царь для дѣлъ общихъ. Безъ этого втораго условія самостоятельность какъ балканскихъ, такъ и дунайскихъ народовъ не сбыточна. Если ихъ освободить сегодня безъ объединенія около Россіи, завтра они очутились бы въ прежнемъ и еще худшемъ положеніи. Въ тотъ день, когда Россія подниметъ свое настоящее знамя, для каждаго славянина не будетъ истины очевиднѣе этой.

Глухая вражда къ намъ Европы и всегдашнія опасенія ея основанны именно на сознанной неизбѣжности такого оборота дѣла, какъ только будетъ данъ ему толчекъ. Австрія не допускаетъ независимости балканскихъ славянъ изъ чувства самосохраненія; но западныя державы не противились бы этой независимости, если бы могли надѣяться на полную политическую самостоятельность областей, освобожденныхъ хотя бы помощію Россіи. Англія нисколько не боялась освобожденія Италіи французскимъ оружіемъ, къ успѣху котораго она обыкновенно такъ недовѣрчива. Европа ревниво бережетъ Турцію, въ слѣдствіе увѣренности, что осколки ея не могутъ оказаться самостоятельными въ международномъ смыслѣ и, по естественному сродству, спасаясь отъ нѣмцевъ, примкнуть политически къ Россіи. Австро-славянскія населенія находятся въ такомъ же положеніи.

Но если балканскіе и дунайскіе народы не могутъ ничего безъ Россіи, то Россія также не можетъ особенно многаго безъ нихъ. Противъ насъ Европа. Мы жили съ нею дружно, пока не было помину о племенной, непроизвольной задачѣ Россіи, навлекли на себя ея подозрѣніе, какъ только задача эта мелькнула впервые въ умахъ, и возбудили вражду, когда наша ис-

торическая личность достаточно выяснилась. Такой оборотъ дѣла былъ неминуемъ. Противъ объединенія Италіи было только нѣмецкое племя; противъ объединенія Германіи, если оно пойдетъ, какъ надо ждать, по программѣ всѣхъ извѣстныхъ ненасытныхъ нѣмецкихъ притязаній, будутъ многіе; противъ историческаго развитія Россіи, грозящаго еще большею ломкою, стоитъ вся Европа; только съ другаго берега океана смотрятъ на нее дружелюбно. Два первые переворота, итальянскій и нѣмецкій, проскользнули въ исторію нечаянно; никто не ждалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они совершились, оттого только они не встрѣтили съ самаго начала рѣшительнаго противодѣйствія; второй впрочемъ еще не конченъ. Мы же никакъ не можемъ достигнуть русскихъ цѣлей ни по восточному вопросу, ни почему другому внезапно, пользуясь случаемъ: нашъ каждый шагъ давно уже стерегутъ. Конечно, Россія можетъ многое совершить въ минуту періодически повторяющагося раздора въ Европѣ; но чѣмъ болѣе совершитъ она, тѣмъ скорѣе соперники помирятся, чтобы дружно стать противъ насъ. У Россіи нѣтъ въ Европѣ сознательныхъ союзниковъ, кромѣ своей естественной семьи — славянъ и православныхъ. Когда семья эта проникнется довѣріемъ къ Россіи, надобно будетъ въ первую благопріятную минуту помочь ей приподняться, т. е. дойти до нея, что требуетъ только побѣды на первыхъ порахъ. Для продолженія затяжной, нѣсколько разъ возобновляющейся борьбы, безъ чего не обойдется, у насъ будутъ уже свои союзники.

Главныя международныя затрудненія Россіи по восточному вопросу, польскимъ дѣламъ и владѣнію Чернымъ моремъ—спутаны въ клубокъ; ни одного изъ нихъ нельзя тронуть, не затрогивая прочихъ. Восточный вопросъ неразрѣшимъ на Балканахъ, польскій вопросъ не распутывается въ Варшавѣ, вопросъ о Черномъ морѣ не кончается на Босфорѣ. Всѣ три затрудненія стянуты общимъ узломъ, лежащимъ на среднемъ Дунаѣ. Какъ въ волшебной сказкѣ ужасы очарованнаго замка разрушаются только ударомъ въ магическій щитъ, запрятанный въ его тайникѣ, такъ и наши политическія затрудненія, безвыходныя на видъ, разрѣшаются однимъ ударомъ, направленіе котораго указывалъ еще покойный князь Паскевичъ. Ни одинъ изъ осаждающихъ насъ вопросовъ не уловимъ по одиночкѣ, потому что не заключаетъ въ самомъ

себѣ сущности дѣла, а представляетъ только одну изъ ея сторонъ: сущность дѣла называется обще-славянскимъ вопросомъ. Задача не шуточная, но потому то для нея и нужны союзники, тѣ единственные союзники, которыхъ мы можемъ имѣть въ такомъ дѣлѣ.

Мы видѣли невозможность почать славянское дѣло съ южной группы: намъ нельзя пройдти къ ней, да и не зачѣмъ. Ключъ позиціи, какъ говорятъ на военномъ языкѣ, лежитъ не тамъ. Если бы дѣла сѣверной славянской семьи устроились благопріятно, то съ Турціи снялась бы крышка, подъ которою она доживаетъ свои дни. Въ такомъ положеніи никакія усилія морскихъ державъ не продлили бы ея существованія даже на годъ. Мы столкнемся, вѣроятно, съ европейскимъ союзомъ на среднемъ Дунаѣ, но, затѣмъ, едва ли уже встрѣтимъ его въ Турціи.

Очевидно, Россія не можетъ допустить, чтобы участь спорной полосы внѣшнихъ ея окраинъ порѣшилась во враждебномъ для нея смыслѣ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе это будетъ вполнѣ враждебно намъ въ той мѣрѣ, въ какомъ мы допустимъ чужое, чье бы то ни было, вмѣшательство въ эти дѣла; другими словами, мы будемъ дышать свободно тогда лишь, когда устроимъ внѣшнія окраины собственными и сочувственными, теперь еще задавленными силами, безъ спроса у Европы. Но для того надо подумать о сочувственныхъ силахъ и внушить имъ увѣренность, что у нихъ и у насъ одинъ общій интересъ.

Говоря опредѣленно, враждебное для насъ рѣшеніе текущихъ дѣлъ значитъ такое рѣшеніе, которое перенесетъ вопросъ съ нашихъ внѣшнихъ окраинъ на внутреннія окраины, что случится не минуемо, если затрогивающія насъ международныя дѣла будутъ разрѣшены не нами. Со времени восточной войны, пока мы ограничивались однимъ наблюденіемъ, всякое крупное событіе въ европейскихъ дѣлахъ складывалось положительно во вредъ Россіи *). Такъ будетъ и впредь.

*) Война 1859 года создала для насъ новаго соперника въ восточномъ вопросѣ и усилила враждебный станъ двухъ-сотъ-тысячною арміею; война датская потрясла наше положеніе на Балтійскомъ морѣ; война 1866 года сосредоточила силы и вниманіе Австріи на предметахъ, особенно намъ близкихъ, и поставила въ резервѣ за нею объединенную Германію, ручающуюся за нѣмецкіе интересы; кандійское возстаніе и греческое столкновеніе обезопасили Турцію на много лѣтъ и придали ей новую увѣренность.

При общемъ несочувствіи къ намъ, мы не можемъ полагаться на судьбу и случай и замыкаться въ самихъ себѣ. Выжиданіе не отвратитъ рѣшительной минуты, но создастъ вокругъ такую обстановку, что намъ нельзя будетъ ни покориться судьбѣ, ни бороться съ успѣхомъ. Восточный вопросъ двинется когда-нибудь самъ собою, помимо нашей воли, — вслѣдствіе ли внутреннихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ или вслѣдствіе какихъ-либо новыхъ политическихъ сочетаній въ Европѣ, — и разомъ вызоветъ наружу всѣ наши политическія затрудненія въ Польшѣ, на Черномъ морѣ, даже на Кавказѣ **). Самый обыкновенный случай — обширное возстаніе въ какой-либо части Турціи, дающее поводъ австрійцамъ, по предварительномъ соглашеніи съ кѣмъ нужно, перейти черезъ Саву «для огражденія собственной безопасности на время безпокойствъ», можетъ послужить началомъ конца. Европа не раздѣлится въ такомъ случаѣ на два лагеря для защиты ненавистныхъ ей русскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ *). Англія всегда станетъ въ сторону того, кто ограждаетъ Балканскій полуостровъ; Прусія покроетъ Австрію своимъ ручательствомъ, какъ въ 1854 году, что равняется оборонительному союзу; Франція не пойдетъ въ такую минуту на разрывъ съ Англіею, Австріею и Пруссіею для того, чтобы очистить намъ дорогу въ Константинополь. Что придется дѣлать въ этомъ случаѣ? Идти за Дунай въ обходъ Австріи?—нельзя. Идти на Австрію?—но покуда въ случаѣ войны изъ-за восточнаго вопроса всѣ вѣроятности на сторонѣ Австріи. Кромѣ того, что ее не отдадутъ на жертву, она, а не мы, держитъ ключъ спорной окраины. Поддержанная ручательствомъ Пруссіи Англіею, Турціею и смутою на нашей западной границѣ, всегда отъ нея зависящею, Австрія, при нынѣшнемъ отношеніи силъ, трудно уязвима для насъ и сама откроетъ наступленіе. Пока наши средства воздѣйствія на австрійскихъ славянъ заключаются въ нынѣшнемъ славянскомъ комитетѣ, лишенномъ

**) Въ настоящее время къ опасности нечаянно возникающаго восточнаго вопроса, присоединится опасность другой еще худшей нечаянности — перемежеванія средней Европы, отпаденія Цислейтаніи въ Германіи; даже того хуже—возникновеніе обоихъ этихъ вопросовъ одновременно, какъ вѣроятно и случится.

*) Такъ было прежде, теперь можетъ случится иначе.

средствъ для осуществленія десятой части скромныхъ своихъ желаній, а средства воздѣйствія Австріи на русскихъ славянъ состоятъ въ львовскомъ сеймѣ и ста тысячахъ польскихъ солдатъ (подъ австрійскимъ знаменемъ всѣ галичане—поляки), пока русская партія не существуетъ не только за Карпатами, но даже на Вислѣ, между тѣмъ какъ семь милліоновъ русскихъ подданныхъ, исповѣдающихся у польскихъ ксендзовъ, принадлежатъ въ огромномъ большинствѣ, въ случаѣ войны, къ австрійской партіи, — успѣхъ для насъ мало вѣроятенъ. Австрія можетъ по сигналу возбудить организованную смуту во всей западно-русской окраинѣ и развлечь нашу армію, — мы не можемъ покуда отплатить ей ничѣмъ подобнымъ: за насъ будутъ, можетъ быть, сочувствія, но не поднимется ни одной руки. Слѣдствіе то, что австрійцы имѣютъ большія вѣроятности дать битву въ значительно превосходныхъ силахъ. А какимъ послѣдствіемъ разыгралась бы для насъ потеря большаго сраженія въ обстоятельствахъ 1863 года? По моему сужденію — отступленіемъ на Днѣпръ и провозглашеніемъ Польши въ предѣлахъ 1772 года съ эрцгерцогомъ въ головѣ; въ такой серіозной борьбѣ Австрія не поскупилась бы на Галицію. Конечно, мы можемъ быть гораздо сильнѣе нынѣшняго, дѣло въ естественныхъ силахъ Россіи, а не во временномъ ихъ устройствѣ. Но тѣмъ не менѣе, пока Россія не подниметъ надъ собою славянское знамя, пока славянскій вопросъ сосредоточивается въ рукахъ Австріи — матеріально по ту сторону границы и нравственно по сю сторону, — вѣроятность успѣха на войнѣ,—по восточному ли вопросу, какъ въ 1854 году, по польскому ли, какъ могло случиться въ 1863 году, — будетъ не на нашей сторонѣ. Мы можемъ, принявшись правильно за дѣло, вооружиться достаточно сильно, чтобы побѣдить при счастіи австрійцевъ и коалицію на среднемъ Дунаѣ; но даже при этомъ, встрѣчая въ Австріи однихъ австрійцевъ, не будемъ въ состояніи упрочить результатовъ пріобрѣтенной побѣды, безъ чего собственно восточный вопросъ всегда останется для насъ недоступнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ придется начинать дѣло и дѣйствовать въ томъ же безвыходномъ кругѣ *).

*) Мы уже сказали, что послѣ войны 1870 года, имя Австріи, по большей части можно замѣтить общимъ именемъ нѣмецкаго племени..

Но что случится, если мы не побѣдимъ, за неимѣніемъ союзниковъ ни офиціальныхъ, ни неофиціальныхъ? Восточный вопросъ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ переговоровъ 1863 г., переносившихъ австрійскую границу на Балканы и отдававшихъ Дунай до самаго устья въ нѣмецкія или венгерскія руки (что въ сущности все равно); слѣдствіемъ чего будетъ въ близкомъ времени обращеніе Чернаго моря въ нѣмецко-турецкое, пока оно не стоитъ совсѣмъ нѣмецкимъ. Война за восточный вопросъ разразится неизбѣжно (кромѣ прибрежій) на западной границѣ. Если мы не останемся побѣдителями, то одновременно разрѣшатся въ неблагопріятномъ смыслѣ для насъ дѣла какъ турецкой, такъ и польской окраины, т.-е.. Россія отодвинется на сто лѣтъ назадъ.

Пока длится распря между Франціею и Пруссіею, мы располагаемъ еще нѣкоторою долею свободы дѣйствія; когда она остынетъ или порѣшится, намъ придется брать штурмомъ малѣйшее затрудненіе. Тогда, по всей вѣроятности, осуществится англо-австро-прусское соглашеніе, гораздо опаснѣйшее для насъ, чѣмъ соглашеніе западныхъ державъ. До сихъ поръ ему препятствуютъ только личныя настроенія: рыцарскій характеръ стараго короля и безвозвратныя воспоминанія австрійскаго дома *).

Главный врагъ нашъ никакъ не западная Европа, а нѣмецкое племя съ его непомѣрными притязаніями. Побѣда склонится на сторону того, кто возьметъ верхъ въ спорной землѣ— славянской по крови, нѣмецкой по политической географіи, раздѣляющей два могучіе народа. Когда закончится объединеніе германской породы въ предѣлахъ, гордо ею назначаемыхъ для себя, и она примется онѣмечивать славянъ прусскими мѣрами, будетъ уже поздно тягаться. Славянство внѣ предѣловъ Россіи станетъ ея жертвою. Съ тѣмъ вмѣстѣ покончится судьба послѣдней, великой арійской расы, съ ея зачатками для человѣчества; судьба уцѣлѣвшихъ еще политическихъ осколковъ православнаго міра внѣ Россіи и смыслъ нашей собственной исторіи, что никакому народу не проходитъ даромъ.

Выскажу откровенно свою мысль: современная Россія выросла уже изъ племенныхъ предѣловъ, дающихъ законность и

---

*) Мы сохраняемъ эти слова, онѣ не утратили своей современности.

устойчивость государственному бытію, и не доросла еще до другой высшей законности—стать средоточіемъ своего особаго славянскаго и православнаго міра. Россія не можетъ упрочиться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ; политическая исторія, такъ же какъ естественная, не увѣковѣчиваетъ неопредѣлившихся недоконченныхъ видовъ. Все зависитъ теперь отъ рѣшенія славянскаго вопроса: Россія распространитъ свое главенство до Адріатическаго моря или вновь отступитъ до Днѣпра. До сихъ поръ наше отечество шло вѣрнымъ шагомъ къ данной ему исторической задачѣ. Въ ту пору, когда западному славянскому міру начинало уже грозить постигшее его порабощеніе, изъ варяжскаго удѣла выросло въ Москвѣ государство и сначала собрало вокругъ себя родное великорусское племя, потомъ всѣ вѣтви русскаго народа, получило на пути своемъ запись умиравшей восточной имперіи на ея нравственное наслѣдство и, наконецъ, перешагнуло въ предѣлы чужеплеменнаго славянства. Останавливаться теперь или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Россія могла бы остаться великою державою, не выходя на западѣ изъ своихъ строго племенныхъ границъ, не принимая на себя призванія, ставшаго теперь уже долгомъ — воскресить христіанскій востокъ; но она сдѣлала это и, можно смѣло сказать, не могла не сдѣлать. Какъ глава великой расы, возстановлявшейся постепенно въ ея лицѣ, и какъ прибѣжище всѣхъ православныхъ, Россія не замыкалась строго очерченными предѣлами и должна была выйдти изъ нихъ. На русскихъ царяхъ лежала и лежитъ печать особаго рода, не допускающая ихъ со временъ Ивана III замыкаться исключительно въ предѣлахъ своего государства,— печать единственныхъ въ мірѣ истинныхъ славянскихъ и православныхъ царей, живыхъ посреди развалинъ славянскаго или православнаго востока Европы. Понятіе объ общности славянъ всегда существовало у насъ, какъ стремленіе къ общности единокровныхъ—сначала великорусскаго народа, потомъ русскаго со всѣми его переходными оттѣнками—и естественно должно было дорости до своего настоящаго значенія. Никогда подобное стремленіе не возникало въ Польшѣ: она смотрѣла на себя, какъ на государство, а не какъ на народъ и потому не имѣла никакого значенія для родственныхъ сосѣдей. Теперь Россія стоитъ уже посреди славянства нерусскаго, раздѣленнаго произвольною чертою между ея владычествомъ и нѣмецкимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе одноплеменности по обѣимъ сторонамъ рубежа, пониманіе общности вещественныхъ и нравственныхъ потребностей всей восточной Европы начинаетъ быстро созрѣвать. Минута рѣшительная и невозвратная, не допускающая долгихъ колебаній. Одно изъ двухъ: или Россія признаетъ себя государствомъ въ смыслѣ старой Польши, не болѣе какъ государствомъ, чуждымъ по душѣ всему внѣ своихъ случайныхъ предѣловъ, и приступитъ рѣшительно къ искорененію всякаго самобытнаго оттѣнка, входящихъ или имѣющихъ войти въ составъ ея родственныхъ племенъ; въ то же время искренно и гласно отброситъ всякую мысль о славянствѣ и православномъ востокѣ, всякое общеніе съ ними, напрасно отравляющее наши отношенія къ Европѣ,—оттолкнетъ ихъ отъ себя, станетъ впередъ смотрѣть на нихъ глазами Пруссіи или Франціи; однимъ словомъ, запрется дома, сдерживая силою свои окраины, пока, съ теченіемъ вѣковъ, онѣ не сольются съ тѣломъ государства. Или же, оставляя за русскимъ народомъ его непоколебимое главенство въ славянскомъ мірѣ, за русскимъ языкомъ—его несомнѣнное право быть политическимъ связующимъ языкомъ этого міра,—Россія откроетъ объятія всѣмъ, кто по сердцу ближе къ ней, чѣмъ къ Европѣ на правахъ младшихъ, но самостоятельныхъ братьевъ одной великой семьи. Первое рѣшеніе идетъ въ разрѣзъ съ исторіею,—путь опасный! Но дѣло еще не въ томъ. Такое рѣшеніе, возможное при Екатеринѣ II, почти уже невозможно теперь. Мы зашли слишкомъ далеко: племенныя влеченія возбуждены, восточный вопросъ поднятъ, раздѣленная Польша стала яблокомъ раздора между нѣмецкимъ племенемъ и нами, общая связь всѣхъ этихъ затрудненій выказывается уже явно и носитъ опредѣленное имя. Искренность нашихъ отношеній къ Европѣ не возстановится больше, покуда не разразится и не уляжется гроза; намъ не повѣрятъ. Если мы не воспользуемся всѣми своими средствами, прямыми и косвенными, для рѣшенія невозвратно поднятыхъ вопросовъ въ нашу пользу, другіе порѣшатъ ихъ—во вредъ намъ. Первымъ послѣдствіемъ будетъ окончательное отнятіе у насъ Чернаго моря и враждебное владычество на немъ. Вторымъ—ненависть къ намъ, оттолкнутыхъ сорока милліоновъ славянъ и православныхъ, которые рѣшительно станутъ во вражескіе ряды, да и нельзя имъ будетъ сдѣлать иначе. Третьимъ—непомѣрное подавляющее могущество сосѣдняго нѣ-

мецкаго племени. Четвертымъ—все-таки споръ изъ-за Польши, съ возможными его послѣдствіями; объединенные нѣмцы не станутъ добровольно подставлять намъ флангъ, когда можно оградить его, не подарятъ намъ почвы, столь удобной для посажденія на ней въ будущемъ нѣмецкой разсады, не упустятъ случая держать насъ въ постоянной тревогѣ; у нихъ останутся еще счеты съ ними на балтійскомъ взморьѣ. Пятымъ — дополнительныя статьи: Финляндія, Ливонія, Бессарабія, Крымъ, Кавказъ. Отрекшись отъ своего историческаго призванія, Россія отречется вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ единыхъ союзниковъ, на которыхъ можетъ разсчитывать. Собственными силами и въ свое собственное имя мы можемъ выиграть сраженіе, но не можемъ достигнуть никакихъ цѣлей. А между тѣмъ намъ все-таки придется вести борьбу съ тѣми же препятствіями и съ тѣми же врагами—только не наступательную, а оборонительную, не за тѣмъ, чтобы кончить борьбу торжествомъ, а затѣмъ лишь, чтобъ отдалить на сколько можно дурной исходъ ея. Историческое движеніе наше съ Днѣпра на Вислу было объявленіемъ войны Европѣ, вторгнувшейся въ непринадлежащую ей половину материка. Мы стоимъ теперь посреди непріятельскихъ линій—положеніе временное: или мы собьемъ непріятеля, или отступимъ на свою позицію.

Кромѣ двухъ рѣшеній, о которыхъ шла рѣчь, можетъ быть еще третье—средняя политика, худшая изо всѣхъ: хотѣть неопредѣленно и раздражать противъ себя цѣлый свѣтъ, ничего не дѣлая въ сущности и ни къ чему не готовясь положительнымъ образомъ. Не дай Богъ напасть на такой путь.

Война за чью-либо независимость можетъ имѣть въ виду только независимость—объ этомъ нечего и говорить. Для Россіи не существуетъ никакой разумной причины, нравственной, экономической или военной, желать новыхъ присоединеній въ Европѣ: въ русскомъ умѣ нѣтъ мысли объ обращеніи родственныхъ намъ странъ въ подчиненныя области. Червонная Русь и Измаилъ наши по своей природѣ. Привислянскій край, при полномъ освобожденіи кровныхъ—не нашъ. Въ окружающихъ Россію славянскихъ и православныхъ земляхъ существуетъ шесть или восемь главныхъ центровъ тяготѣнія (это еще недостаточно выяснилось); около нихъ должны собраться народ-

ныя единицы. Даже покуда, если только Россія пойдетъ по своему историческому склону, наши мирныя усилія въ пользу своихъ близкихъ не должны быть безразличны, но строго сообразоваться съ особенными условіями и потребностями каждаго центра отдѣльно. Кромѣ этихъ естественныхъ группъ, есть еще мѣсто на землѣ, безмѣрно важное для насъ, лишенное всякой національности, но по своему исключительному положенію слишкомъ значительное, чтобъ принадлежать какому нибудь мелкому народу,—Константинополь съ его окрестностями и проливами. Самые положительные русскіе интересы заставляютъ желать, чтобы этотъ городъ, гораздо болѣе вѣчный чѣмъ Римъ, былъ вольнымъ городомъ племеннаго союза.

Если исторія имѣетъ разумность, и освобожденіе нашихъ близкихъ состоится, то взаимныя отношенія ихъ между собою и къ намъ опредѣлятся силою вещей. Самостоятельность каждаго члена освобожденной семьи въ его внутреннихъ дѣлахъ, особый государь и особыя политическія учрежденія, какія кому удобнѣе,—все это уже рѣшено исторіею. Но совсѣмъ иное дѣло—самостоятельность въ международномъ и военномъ отношеніи. Мало освободиться, нужно остаться свободнымъ. При нынѣшнемъ раздѣленіи Европы нѣтъ мѣста кучкѣ маленькихъ народцевъ, распоряжающихся своими маленькими арміями, объявляющихъ войну, заключающихъ миръ и союзы—каждый отъ своего лица. И гдѣ же?—между русскою и нѣмецкими имперіями. И кто же? непризнанныя Европою, отвергнутыя племена, на которыхъ вчерашніе владыки долго еще будутъ смотрѣть какъ на взбунтовавшихся подданныхъ, выжидая удобнаго случая для новаго порабощенія.

Создать подобный хаосъ, полный споровъ, неурядицы и междоусобій, неувѣренный въ своемъ существованіи даже на завтрашній день, обременительный для всѣхъ и болѣе всѣхъ для самихъ освободителей,—значило бы взять на себя не возстановленіе, а разрушеніе законныхъ правъ и порядка въ Европѣ, значило бы предать общему посмѣянію величайшій изъ всемірныхъ вопросовъ, и черезъ нѣсколько времени очутиться въ прежнемъ безъисходномъ положеніи. Освобожденному востоку Европы, если онъ будетъ освобожденъ, нужны: прочная объединительная связь, общій глава съ общимъ совѣтомъ, веденіе международныхъ дѣлъ и военное начальствова-

ванiе въ рукахъ этого главы, русскаго Царя, естественнаго начальника всѣхъ славянъ и православныхъ. Нужно, чтобы гражданинъ каждаго народа объединенной семьи былъ полноправнымъ гражданиномъ всей семьи. Нѣтъ надобности ставить всѣ вооруженныя силы союзныхъ народовъ подъ русское знамя, на сѣверо-германскiй образецъ; достаточно, чтобы дѣйствующiя войска, по мирному и военному положенiю, на своей или на чужой землѣ, какъ укажетъ надобность, чтобы союзныя крѣпости, выходы въ Черное море—состояли въ полномъ распоряженiи и управленiи главы союза. Великая семья, самостоятельная въ каждой отдѣльной части, будетъ для свѣта единымъ государствомъ.

Знаю, что многiе назовутъ мои заключенiя поэзiею. Но я высказалъ уже свое убѣжденiе, основанное на достаточномъ рядѣ доводовъ; если не осуществится эта поэзiя, не смотря на то что тысячелѣтняя исторiя неотразимо влечетъ къ ней, то Россiя, какъ государство, едва ли устоитъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ. Народности пошли теперь складываться воедино, неясные рубежи стали шаткими, перевороты совершаются съ поражающею быстротою. Духъ времени, за одно съ дѣйствительнымъ смысломъ нашего положенiя, допускаетъ только два рѣшенiя: Россiя, какъ мѣстное государство русскаго народа, далеко отодвинувшееся назадъ, или Россiя, какъ средоточiе славянскаго и православнаго мiра.

Въ отношенiи къ настоящей минутѣ эти два рѣшенiя выражаются двумя глаголами: выжидать или дѣйствовать.

Сначала дѣйствiе Россiи можетъ быть только нравственное. Гласное признанiе своего права быть представительницею родственнаго мiра, при первой возможности возвращенiе подъ отчiй кровъ послѣднихъ порабощенныхъ обрывковъ русскаго народа, умственное и сердечное единенiе съ своею историческою семьею, единодушное стремленiе къ общей цѣли по обѣимъ сторонамъ рубежа, должны предшествовать единенiю политическому. Затѣмъ въ благопрiятныхъ случаяхъ не будетъ недостатка.

Но, каково бы ни было единодушiе, какъ бы случай ни былъ благопрiятенъ, это великое дѣло можетъ рѣшиться только силою, и на первыхъ порахъ одною русскою силою. Теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, намъ нужна армiя, соотвѣтствую-

щая числомъ и качествомъ величію задачи, предоставленной для Россіи.

Изъ вышеизложенной постановки вопроса не слѣдуетъ, однако же, чтобъ намъ нужно было меньше силъ, если бы этихъ цѣлей не имѣлось въ виду. Выжиданіе требуетъ отъ насъ такого же точно развитія силъ, какъ и дѣйствіе. Выжиданіемъ нельзя отвратить событій; только минута будетъ выбрана не нами и не по нашему удобству, все прочее останется неизмѣннымъ. Мы столкнемся съ тѣми же противниками, съ тѣмъ же числомъ солдатъ и пушекъ изъ-за недоступнаго восточнаго вопроса и его неизбѣжнаго дополненія—неразрѣшимаго польскаго, какъ и по поводу доступнаго и осмысленнаго вопроса всеславянскаго, съ тою лишь разницею, что въ первомъ случаѣ даже побѣда останется для насъ безплодною, какъ Новара для Австріи: она только отдалитъ опасность; во второмъ даже пораженіе будетъ плодовито, какъ та же Новара для Піемонта, скрѣпляя наши узы съ кровными, усиливая насъ нравственно къ будущему.

Многіе, вѣроятно, найдутъ мою искренность неосторожною. Я не разъ слышалъ такіе упреки; но остаюсь при убѣжденіи, что русскому слѣдуетъ говорить о дѣлахъ своего отечества такъ же ясно, какъ говорятъ о нихъ чужіе. Слово въ наше время есть оружіе, а безоружному съ вооруженнымъ нельзя бороться. Полагаю, что государства и народы, о которыхъ говорится въ моей брошюрѣ, совершенно равнодушны къ тому, что думаю я лично о восточномъ вопросѣ. Когда же мысль о всеславянствѣ станетъ государственною, она сверкнетъ въ глаза всѣмъ, какъ молнія; тутъ уже не будетъ мѣста тайнѣ. Наши дѣла пойдутъ успѣшно тогда только, когда деревенскія женщины на берегу Молдавы или на отрогахъ Балкановъ, убаюкивая своего ребенка, станутъ говорить ему: «не плачь, вотъ скоро придутъ русскіе помогать намъ и принесутъ тебѣ гостинецъ».

Я изложилъ свое мнѣніе о восточномъ вопросѣ. Это мнѣніе можно сжать въ нѣсколько словъ. Дѣла сложились такъ, что восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ, представляетъ для насъ квадратуру круга, неразрѣшимую никакими средствами въ настоящемъ, не оставляющую никакой надежды въ будущемъ; дѣло это—призракъ, стоящій надъ нашимъ изголовьемъ, и противъ котораго нельзя

ничего предпринять, именно оттого что оно призракъ, несамостоятельная половина другаго, болѣе важнаго дѣла. Восточный вопросъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. вопросъ о восточной Европѣ—дѣйствительность, не легко достижимая, потому что въ ней заключается мiровая историческая задача, но все-таки дѣйствительность, живой противникъ, съ которымъ можно схватиться и одолѣть его, вѣруя въ Провидѣнiе и себя самихъ.

Приложение къ «Мнѣнію о восточномъ вопросѣ».

Разнорѣчивыя сужденія, читанныя и слышанныя мною о руководящей мысли брошюры, вынуждаютъ меня прибавить къ ней нѣсколько объясненій. Я постараюсь освѣтить главныя недоразумѣнія насколько необходимо. Недоразумѣнія—самые опасные враги всякой новой мысли. Какъ бы она ни была вѣрна сама по себѣ, у нея всегда останутся систематическіе противники, во-первыхъ, изъ за старыхъ интересовъ, во-вторыхъ, потому, что самое основаніе, на которомъ строится личный взглядъ человѣка, бываетъ различно въ различныхъ людяхъ; такое коренное разнорѣчіе примиряется не обсужденіемъ, а жизнію, раскрывающею понемногу передъ обществомъ новые горизонты, о которыхъ прежде не думалось. Напротивъ того, недоразумѣнія разъединяютъ мнѣнія почти сочувственныя, мѣшаютъ имъ слиться во едино изъ за словъ, различно понимаемыхъ. Оставлять ихъ въ этомъ видѣ—значило бы грѣшить не противъ чужихъ, а противъ своихъ.

Называя мысль своей брошюры новою, я имѣю въ виду только ея форму. Въ «Голосѣ» было замѣчено совершенно справедливо, что новизна этой мысли заключается только въ томъ, что она высказана безъ двусмысленности, со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями. На той и на другой сторонѣ русской границы живутъ многія тысячи людей, самыхъ зрѣлыхъ и передовыхъ, давно уже додумавшихся до такого заключенія. Надобно было одинъ разъ произнести его громко, чтобы привести въ соприкосновеніе эти разъединенныя убѣжденія, вслѣдствіе чего долженъ былъ непремѣнно произойти во мнѣніи взрывъ своего рода. Не я, такъ другой, не сегодня, такъ завтра, сказалъ бы тоже самое.

Взрывъ былъ громкій, не дома, впрочемъ, а заграницею. Въ безпредѣльной Руси нѣтъ близко стѣнокъ, о которыя звукъ могъ бы ударяться, потому нѣтъ и эха; это не мѣшаетъ нашимъ мнѣніямъ зрѣть потихоньку, какъ зрѣетъ наша пшеница. Заграницею брошюра была встрѣчена рукоплесканіями славянскихъ народовъ и озадачила политическія власти, вѣрный признакъ, что руководящая ея мысль—не фантазія; никто не тревожился изъ за французскаго шовинизма, высказывавшаго желаніе подчинить своему прямому вліянію всѣ романскія племена—разстояніе между словомъ и дѣломъ тамъ было совсѣмъ иное. Прошу читателей не винить меня въ самохвальствѣ за слова одного чешскаго журнала («Квѣты»), которыя я сейчасъ приведу—я сказалъ уже, что заслуга моя состоитъ въ томъ лишь, что я заговорилъ первый. Журналъ этотъ недавно сказалъ обо мнѣ слѣдующее: «въ послѣднее время, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, онъ сталъ такъ всеобще извѣстенъ, а имя его во всѣхъ областяхъ чешско-славянскихъ стало такимъ же домашнимъ для всякаго, какъ имена вождей народныхъ. И не только у чеховъ, но во всѣхъ земляхъ славянскихъ возлюбили его имя, и т. п.».

Слова эти доказываютъ, во всякомъ случаѣ, что брошюра попала въ цѣль и не есть плодъ личныхъ соображеній; я рѣшился написать ее именно потому, что встрѣчалъ единомысліе въ большинствѣ людей, способныхъ идти въ своихъ заключеніяхъ далѣе общихъ мѣстъ. Сила руководящей мысли брошюры состоитъ въ томъ, что она указываетъ опредѣлительно единственный выходъ изъ ложнаго круга, въ которомъ бьются безплодно, не живя и не умирая, сорокъ слишкомъ милліоновъ близкихъ намъ людей, въ которомъ они не могутъ никогда жить и не могутъ уже умереть. Въ этомъ ложномъ кругѣ рѣшается не только ихъ судьба, но и наша, потому, что государство, въ исключительномъ смыслѣ государства—случайно сколоченной исторической загородки—держится до сихъ поръ благополучно только въ Азіи, въ Европѣ и Америкѣ пора его уже проходитъ, и слава Богу!

Откровенно сказанное слово бросило въ почву семя, которое теперь уже не заглохнетъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ возникъ рядъ недоразумѣній. Постараюсь разъяснить немногими словами главныя изъ нихъ.

Первое недоразумѣніе.

Нѣкоторые вывели изъ написаннаго мною такое заключеніе, что прямо національная политика повела бы насъ къ постоянному военному напряженію, даже въ мирное время. Никогда я не думалъ и не говорилъ ничего подобнаго. Въ «Вооруженныхъ силахъ» я выразился ясно: «на войнѣ бываетъ силенъ только тотъ, кто бережетъ свои средства во время мира». Въ своихъ военныхъ сочиненіяхъ я постоянно имѣлъ въ виду сокращеніе, а не увеличеніе бюджета на армію; никогда я не предлагалъ сформированія новыхъ сверхкомплектныхъ силъ и считаю ихъ ненужными. Я думаю, что полковой составъ долженъ быть увеличенъ у насъ до 4 баталіоновъ—на счетъ мертвыхъ силъ мѣстныхъ войскъ; приращенія тутъ нѣтъ. Я выставляю мысль объ ополченіи, указывая въ то же время на сокращенія для покрытія этого расхода, по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что всѣ большія войны нынѣшняго столѣтія, безъ исключенія, доказали необходимость ополченія, замѣна же его остаткомъ безсрочныхъ, при нынѣшней пропорціи набора и невозможности найти офицеровъ; есть не болѣе, какъ игра въ слова; во вторыхъ, потому, что только учрежденіемъ ополченія, мы можемъ возстановить прежнее отношеніе нашихъ силъ къ европейскимъ; послѣднія повысились въ текущее десятилѣтіе на столько же, на сколько наши понизились, вслѣдствіе принятой новой военной системы. Для наглядности это пониженіе можно показать таблицею.

Для войны въ Европейской Россіи, за исключеніемъ Кавказа и другихъ дальнихъ окраинъ, у насъ было до парижскаго мира, считая для краткости только пѣхотные баталіоны:

7 дивизій	12 батал.	(съ карабинерною)	84 бат.
18 »	16 »	» »	360 »
			444 бат.

Во время войны формировались, по мѣрѣ надобности, 5 и 6 баталіоны резервные, 7 и 8 запасные, для которыхъ существовали кадры въ видѣ 5 резервнаго баталіона. Масса эта составляла . . . . 432 »

Итого (безъ стрѣлковъ и саперъ) 876 бат.

Не смотря на такую громадную силу въ 1855 году всетаки понадобилось ополченіе.

Писавши съ памяти, я ошибаюсь, можетъ быть, нѣсколькими баталіонами, но не болѣе какъ нѣсколькими; для наглядности разница не чувствительна.

Нынѣ никакихъ резервовъ нѣтъ и не имѣется въ виду. Дѣйствующая армія въ Европейской Россіи, составляющая всю нашу силу, за исключеніемъ 6 дивизій на Кавказѣ, имѣетъ въ итогѣ, на случай европейской войны, 41 дивизій 12 баталіонныхъ 492 бат.—вмѣсто 876-ти.

Имѣлъ ли я причину говорить объ ополченіи (стоющемъ такъ дешево) и объ обращеніи мѣстныхъ, т. е. мертвыхъ для войны силъ, въ дѣйствующія?

Все прочее въ вооруженныхъ силахъ относится къ качеству, а не къ количеству войскъ.

Изъ этого, кажется, вовсе не слѣдуетъ, чтобы я желалъ соразмѣрять напряженіе русскихъ силъ и русскаго бюджета съ размѣрами славянскаго вопроса. Какова бы ни была наша политическая система, намъ нужно въ этомъ отношеніи извѣстное равновѣсіе съ Европою, какъ было прежде (равновѣсіе, котораго, по моему мнѣнію, можно достигнуть при правильной системѣ, ставящей на первое мѣсто армію, а не администрацію, не съ повышеніемъ, а съ пониженіемъ военнаго бюджета). Россія единственное европейское государство, которому ежегодное приращеніе населенія идетъ впрокъ, въ которомъ это приращеніе остается. Съ каждымъ днемъ мы дѣлаемся относительно сильнѣе. Руководясь неизмѣнною національною политикою, дѣйствующею постепенно, пользующеюся каждымъ удобнымъ временемъ, Россія имѣетъ достаточно средствъ для какой бы то ни было разумной задачи, не истощая себя безвременно. Я никогда не отступалъ отъ мысли, высказанной въ началѣ этого параграфа—«на войнѣ силенъ только тотъ, кто бережетъ свои силы въ мирное время». Но я не забывалъ также, и ни одинъ русскій не долженъ забывать, что для насъ армія имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ для кого бы то ни было. Токвиль сказалъ совершенно вѣрно: «исторія такъ поставила Россію, что ей постоянно приходилось создавать себя штыкомъ, какъ Америка создавала себя лопатою. Тѣснимая Азіею и не признаваемая Европою, Россія должна была завоевать себѣ право жить. Очевидно, это неестественное положеніе не совсѣмъ еще кончилось.

Второе недоразумѣніе.

Заказанная противъ меня безъименная чешская брошюра говоритъ, что объединеніе славянъ въ сущности такая же мысль, какъ объединеніе всей германской породы,—нѣмцевъ, скандинавовъ, англичанъ и проч. Одинъ изъ нашихъ фельетонистовъ принялъ эти слова за чистыя деньги и привелъ знаменитый доводъ уже отъ своего имени. Для многихъ читателей разъясненіе тутъ не нужно; но для нѣкоторыхъ оно можетъ пригодиться. Потому я попрошу ихъ вспомнить, что англичанинъ, шведъ, нѣмецъ и голландецъ не понимаетъ другъ друга, въ такой же степени какъ онъ не понимаетъ китайца. Велѣдъ за этимъ, привожу въ переводѣ, на 5-ти главныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, хоть, напримѣръ, вышеприведенный лестный отзывъ обо мнѣ чешской газеты. Достаточно написать его кирилицею, чтобы читатель легко понялъ.

По русски онъ уже сообщенъ.

По чешски. (Текстъ возстановляется съ памяти и потому, можетъ быть, не буквально). Въ послѣднемъ часе наследкамъ звлашныхъ ополности сталъ се тамъ вшеобенцѣ знамымъ и его имено есть славно всвшехъ властехъ ческословенскихъ тамъ домацнымъ про каждего, ано имено вудцовъ народныхъ. А неѣкомъ у Чехувъ, але и всвшехъ земихъ слованскихъ заминовали сю имена...

По польски. Въ остатнемъ часу въ пржнмайку осубныхъ околичносьцяхъ тамъ въ огульносьци вядомымъ, а имя іего ве вшысткихъ окраинахъ чешскославяньскихъ, стало такимъ же домовымъ для каждего, якъ имена воеводовъ народовыхъ. И не тылько у Чехувъ, але ве вшысткихъ земяхъ славянскихъ покохали іего имя...

По сербски. У последне време всобе но његовога положнея, онъ је постао тако знаменит да му се име у свим крајевима чехословенским исто тако слави, као имена досад народних вођа. Његово име не слави се само код чехано и код свију друге словенских народа...

Языки это или нарѣчія одного языка?

Но дѣло еще не въ этомъ. Конечно, объединеніе нѣмцевъ, шведовъ и англичанъ—глупость, не только потому, что между современными шведами, англичанами и нѣмцами нѣтъ ничего

общаго, но еще болѣе потому, что они вовсе не хотятъ общей связи, потому, что подобная мысль ни кому изъ нихъ не западала въ голову, и не могла запасть. Ну, а если бы они захотѣли? если бы по несуществующимъ теперь причинамъ, передовые люди этихъ народовъ задались мыслію объединенія или племеннаго союза и эта мысль стала бы понемногу проникать въ толпу—вѣдь она утратила бы свой первоначальный характеръ абсолютной глупости! А если бы при томъ еще развѣтвленіе племенъ германскаго корня было не такъ глубоко, какъ теперь, если бы языки ихъ были только нарѣчіями одного общаго языка, понятными безъ перевода каждому члену великой семьи? и эти языки не были бы закрѣплены, каждый, самостоятельною, богатою словесностію, а нуждались бы, даже для собственнаго своего развитія, для образовательныхъ цѣлей, въ одной главной, всѣмъ общей словесности? вѣдь тогда первопачальная глупость начала бы становиться дѣломъ довольно осмысленнымъ! А если бы, далѣе, племенное сочувствіе этихъ народовъ доросло уже до такой степени, что у нихъ сердце стало бы болѣть за каждаго члена великой семьи, какъ было между піемонтцами и венеціянами, народныя нарѣчія которыхъ гораздо далѣе отстоятъ между собою, чѣмъ русское, напримѣръ, и сербское—тогда глупость превратилась бы въ дѣло не только осмысленное, но законное, задѣвающее народную честь и естественныя чувства человѣка. Продолжаю. Если бы, кромѣ всего сказаннаго, географическое положеніе племенъ германскаго корня способствовало извѣстному объединенію; еслибъ историческое состояніе ихъ было таково, что одни изъ нихъ, стоптанныя чужеземцами, взывали бы къ свободнымъ братьямъ; свободные же видѣли бы, въ свою очередь, что съ обезличеніемъ единоправныхъ, споръ перейдетъ съ ихъ внѣшней окраины на внутреннюю окраину,—смотрѣли бы на это равнодушно племена германскаго корня, отказываясь отъ своей породы, т.-е. отъ самаго смысла своей исторіи, для того, чтобъ развиваться, каждое особнякомъ, *на обще-человѣческихъ началахъ*, какъ говорится еще иногда въ нашихъ фельетонахъ? Русско-славянское дѣло находится именно въ томъ положеніи, къ которому мы пришли послѣ этого послѣдняго запроснаго пункта. Нечего даже спрашивать, что дѣлали бы въ такомъ случаѣ народы германскаго корня, съ ихъ Чатамами, Каннингами, Монро и Бисмарками. Кажется, мы видимъ передъ гла-

зами примѣръ, что нѣмцы, забирающіе Шлезвигъ во имя національности, считаютъ также своими областями славянскія государства, вслѣдствіе того, что австрійскій эрцгерцогъ когда-то вступилъ на ихъ престолы посредствомъ брачнаго союза, что для нихъ нашъ остзейскій вопросъ составляетъ сердечное дѣло, потому что тамъ живутъ 100,000 нѣмцевъ посреди 2-хъ милліоновъ чужеземныхъ жителей.

Въ дѣйствительности же славянскій вопросъ еще важнѣе, еще настоятельнѣе для насъ, чѣмъ явствуетъ изъ всего предъидущаго. Дѣло идетъ не только о будущемъ, но о настоящемъ, самомъ неотложномъ. На нашихъ глазахъ Австрійская имперія распадается, по невозможности управлять одною силою разнородными людьми, доросшими до политическаго и племеннаго самосознанія. Чешская корона получитъ на дняхъ свою автономію; послѣ нея получатъ тоже Галиція, Иллирія, Тироль, (не желающій имѣть ничего общаго съ прочими австрійскими нѣмцами); по необходимости облечется тогда въ автономію и эрцгерцогство австрійское. Когда раздѣлъ кончится въ Цислейтаніи, онъ начнется въ Венгріи. Нѣтъ почти сомнѣнія, что немного раньше или позже, не мадьярскіе депутаты выйдутъ изъ пештскаго сейма, какъ нѣмецкіе вышли изъ вѣнскаго, и повторится та же исторія, усложненная, можетъ быть, междоусобною войною. Не будучи пророкомъ, можно сказать, что въ скоромъ времени Австрія будетъ уже не мозаикою, что предполагаетъ еще нѣкоторый цементъ, а грудою отдѣльныхъ обломковъ, связанныхъ между собою единственно личною связью, въ особѣ общаго государя. Весь вопросъ для Австріи заключается теперь въ томъ лишь: хочетъ ли она дойти до раздробленія спокойно и добровольно, или послѣ величайшихъ смутъ, не представляющихъ для императорскаго правительства никакой вѣроятности успѣшнаго исхода? Но разложеніе неминуемо, если не на картѣ, то на дѣлѣ — и что тогда произойдетъ? равновѣсіе стопудовыхъ гирь, повѣшенныхъ на паутинѣ. Австрійскіе нѣмцы потянутъ къ Германіи, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, вслѣдствіе чего разорвется паутина личной связи всей монархіи. Чехія обхваченная новою нѣмецкою имперіею, не будетъ въ состояніи дохнуть. На первыхъ порахъ ей дадутъ, конечно, всякое удовлетвореніе; но кто же повѣритъ, разъ взглянувши

на карту, чтобы Германія стала лелеять внутри себя свою язву, самобытное славянское государство? Для того только, чтобъ не задохнуться чехи будутъ вынуждены вступить въ Сѣверо-германскій Союзъ, ставить ему рекрутъ, командовать ими по нѣмецки—дальнѣйшее извѣстно. Безъ чехіи же славянское дѣло проиграно навсегда. Чехія голова, передовой постъ всего славянства, тотъ ледорѣзъ, о который разбивался до сихъ поръ нѣмецкій наплывъ на южныхъ славянъ: за неимѣніемъ такого ледорѣза, сѣверное славянство погибло невозвратно, и теперь, онѣмечившись, создаетъ Германію собственными руками. Со вступленіемъ чеховъ въ нѣмецкій союзъ, корона св. Стефана устроитъ, можетъ быть, по названію, но съ перваго же дня попадетъ въ распоряженіе нѣмецкой имперіи. Какая внутренняя связь можетъ оказаться въ восточной половинѣ Австріи, пережившей западную, но еще болѣе пестрой, чѣмъ послѣдняя. Она станетъ однакоже, драгоцѣннымъ орудіемъ въ рукахъ объединенныхъ нѣмцевъ, поддерживающихъ своихъ земляковъ габсбурговъ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ. Мечта мадьяровъ—собираніе осколковъ Турціи и перваго изъ нихъ, Румыніи, около короны св. Стефана можетъ отлично осуществляться при такомъ сочетаніи вещей; только осуществленіе это станетъ не дѣйствительностію, а театральнымъ представленіемъ для того, чтобъ забавлять мадьяръ, пока нужно. Какъ господинъ при крѣпостномъ правѣ, Германія будетъ распоряжаться по произволу всѣмъ достояніемъ Венгріи; отчего жъ ей не потѣшить своихъ вассаловъ призракомъ? не только мадьярамъ, Германія предоставитъ въ началѣ всѣмъ славянамъ, ставшимъ подъ ея тѣнь всякое удовольствіе; она возвратитъ имъ всевозможныя права, раздобритъ ихъ, какъ раздобриваютъ телятъ на убой. На первое время они ей будутъ нужны, довольные, веселые и шумные—для того, чтобъ манить своимъ призрачнымъ счастіемъ многія изъ нашихъ русскихъ окраинъ, а окраины вдаются у насъ глубоко во внутрь государства. Безъ чешскаго устоя судьба всѣхъ сторонъ сѣвернаго берега Дуная, до устья его, не составляетъ никакого вопроса; раньше или позже, онѣ станутъ сначала вассалами, потомъ областями объединенной Германіи. Но что же станется съ южнымъ берегомъ? Тутъ можно перефразировать слова лорда Чатама о Турціи, и сказать: не стоитъ раз-

суждать съ тѣмъ, кто не видитъ, что участь лѣваго берега Дуная рѣшаетъ участь праваго берега до самаго Босфора. А что окажется затѣмъ? Что станется, напримѣръ, съ Галиціею? Отданная въ наши руки въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, она будетъ значить—двойная сила польскаго мятежа противъ Россіи; оставшись самостоятельною, она обратится въ боевой складъ противъ насъ. А вѣдь великая Германія, наложивъ руку на западное славянство, а вслѣдствіе того со временемъ и на южное, упрется еще не въ предѣлы великорусскаго племени. Между нѣмецкою границею и непоколебимо вѣрными русскими областями останется еще обширная страна, далеко не непоколебимая, а при нѣкоторыхъ случайностяхъ даже чрезвычайно сомнительная. Неужели новая имперія, подчиняющая западныхъ славянъ для того, чтобы всосать ихъ въ себя, остановится покорно на русской государственной межѣ и будетъ смиренно ожидать, чтобы могучая сосѣдка опрокинула вверхъ дномъ, въ первую удобную минуту, всѣ ея замыслы, пока операція претворенія еще не довершена. Неужели она не попытается оградить себя, пользуясь тѣми шансами, какіе представляетъ противъ насъ западная полоса государства, отъ Финскаго залива до Чернаго моря, съ Отзейскимъ краемъ, Польшею, Жмудью, съ польскою интеллигенціею въ полурусскихъ губерніяхъ, съ полутора милліономъ евреевъ и съ румынскими притязаніями въ Бессарабіи?

Завершеніе нѣмецкаго владычества надъ славянами, въ смыслѣ велико-германской идеи и знаменитаго Drang nach Osten станетъ не только отрицаніемъ всякой доброй будущности для насъ, но сдѣлаетъ невозможнымъ на вѣки прочный миръ въ Восточной Европѣ. Россіи придется опять обратиться въ военный станъ, какъ было въ прошлыхъ вѣкахъ и снова напрягать свои силы не на созданіе русскаго просвѣщенія, а за право жить. И если въ такомъ случаѣ окончательная побѣда окажется не за нами, чѣмъ мы станемъ, нравственно и матеріально, какъ не Тураномъ, въ полномъ смыслѣ слова. Развѣ народъ, проигравшій разъ свою судьбу, возстановлялся когда нибудь въ исторіи? Тутъ идетъ рѣчь не о пограничныхъ столбахъ, а о томъ, кто станетъ въ близкомъ будущемъ первымъ народомъ стараго свѣта; лучше сказать, о томъ, кто успѣетъ разчистить себѣ мѣсто, чтобы вырости во весь свой

природный ростъ тѣломъ и душею (въ исторіи эти два вида возрастанія связаны неразрывно)—Русь или Германія? Кажется, что лордъ Чатамъ, по старой привычкѣ, не удостоилъ бы долгаго разговора человѣка, который этого не понимаетъ.

Конечно, веденіе такого дѣла, даже въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, только, не говоря о врагахъ, всего еще не легко. О славянскомъ мірѣ нельзя покуда сказать опредѣлительно, чего онъ хочетъ. Міръ этотъ не продолжаетъ своего историческаго дѣла,—какъ другіе,—онъ начинаетъ его вновь. Проснувшись отъ четырехъ-вѣковаго летаргическаго сна, онъ оглядывается еще кругомъ—гдѣ онъ, и что съ нимъ? Разумѣется, первымъ движеніемъ славянъ, почувствовавшихъ, что могильный камень скатился съ ихъ груди — было подышать воздухомъ, расправить члены, попользоваться мѣстною самобытностію, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ проснулся, не вглядываясь еще въ дальніе горизонты. За это чувство нельзя винить ихъ, хотя въ немъ же покуда—причина ихъ слабости. Въ нашихъ русскихъ взглядахъ господствуютъ такія же младенческія черты, хотя другаго свойства, — но объ этомъ послѣ. Однакоже, и тамъ, и здѣсь мыслящіе люди поняли уже сущность дѣла; а что сегодня понимаютъ мыслящіе люди, то завтра будутъ понимать всѣ.

Славянскій вопросъ представляетъ возможность, хотя очень слабую, еще другаго исхода—освобожденія и образованія славянскаго союза помимо Россіи. Дѣло это чрезмѣрно трудное, но исторія развязываетъ иногда неожиданно гордіевы узлы. Только такой исходъ оказался бы для насъ, русскихъ, еще хуже перваго. Рядомъ съ нами встала бы новая, великанская всеславянская Литва XIV вѣка, перенесенная въ XIX, съ магнитнымъ притяженіемъ для всего, что есть въ Россіи не великорусскаго.

Во всякомъ случаѣ, славянскій вопросъ въ наши дни уже не историческая теорія, а вопросъ о самомъ близкомъ будущемъ, въ самомъ важномъ для Россіи дѣлѣ. Въ текущій мигъ русское дѣло въ Европѣ заключается главнѣйше не въ обладаніи Чернымъ моремъ и даже не въ Польшѣ, а въ томъ, что станется съ чехами и хорватами—устоями, задерживающими покуда западный наплывъ, подъ нашъ собственный фундаментъ.

Третье недоразумѣніе.

Безъименная чешская брошюра и ея русскіе переводчики пугаютъ насъ войною со всею Европою, изъ-за славянскаго вопроса. Но вѣдь такія же брошюры пугаютъ тѣмъ же самымъ Пруссію изъ-за вопроса общегерманскаго; однако же, Пруссія, располагающая населеніемъ не свыше 30 милліоновъ, не боится угрозы и идетъ къ своей цѣли осторожно, конечно, но непреклонно. Она задумала эту цѣль, когда у нея было не болѣе 18 милліоновъ подданныхъ, а не 80, какъ въ Россіи; задумала ее, при такомъ географическомъ положеніи, что самое существованіе ея зависѣло отъ исхода одного большаго сраженія, между тѣмъ, какъ Россія можетъ дать двадцать великихъ битвъ, прежде чѣмъ возникнетъ вопросъ объ ея цѣлости; рѣшилась на дѣйствіе, зная, что разсѣянные птенцы, которыхъ она идетъ собирать, встрѣтятъ ее не сочувствіемъ, а оружіемъ—на оборотъ того, что ожидаетъ насъ. Пруссія шла наперекоръ Европѣ. Она не могла сомнѣваться, что успѣхъ ея замысловъ смертельно встревожитъ Францію и не могла не помнить, какими глазами взглянулъ императоръ Николай Павловичъ на предложеніе нѣмецкой короны Фридриху-Вильгельму IV. И все-таки она рѣшилась. На какія вѣроятности разсчитывала Пруссія? На одну только, но самую рѣшительную въ исторіи на ту вѣроятность, что она шла по теченію вѣка и духа народнаго, а не противъ него, какъ приходилось идти Австріи. Для того, чтобы закончить дѣло, Пруссія рѣшится на войну еще разъ, можетъ быть два и три раза, конечно, выбирая подходящее время. При послѣдовательной политикѣ и должной подготовкѣ мнѣнія, все зависитъ отъ удачно-выбранной минуты. Европа не конфедерація, заступающаяся обязательно за каждаго своего члена и всякое государство, за исключеніемъ Австріи и отчасти Пруссіи, имѣетъ свой интересъ, болѣе важный для него, чѣмъ образованіе славянскаго союза. Пожалуй, можно въ каждый мигъ поднять противъ себя Европу самымъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, но безвременнымъ, предпринятымъ въ такую пору, когда общее положеніе дѣлъ для него неблагопріятно. Такъ было въ 1853 году; между тѣмъ, какъ въ 1848 и 1849 годахъ можно было совершить чрезвычайно много, не возбуждая противъ себя западно-европейской коалиціи, разумѣется при извѣстныхъ пріе-

махъ. Европа больна перемежающеюся лихорадкою, у нея бываютъ дни, когда она лежитъ въ пароксизмѣ, чему Россія не подвержена. Въ такихъ вещахъ, грозное слово «Европа» есть не мысль, а пустѣйшая фраза, годная только для безъименныхъ брошюръ и фельетоновъ.

Мы подымемъ противъ себя европейскую коалицію въ такомъ лишь случаѣ, когда станемъ дѣлать то, что намъ самимъ же вредно, когда поведемъ свою политику наизнанку, не съ того конца—будемъ обращать главное вниманіе на южную задунайскую славянскую группу раньше, чѣмъ на сѣверную, отъ которой все зависитъ. Въ этомъ случаѣ мы будемъ имѣть на рукахъ Францію, стало быть европейскую коалицію, между тѣмъ, какъ дѣйствительные политическіе интересы Франціи могутъ и должны быть, если не за одно съ нами, то, въ извѣстной мѣрѣ, сочувственны намъ. Франція не можетъ никакъ устроить положеніе дѣлъ восточной Европы такъ, чтобы оно было вполнѣ для нея благопріятно; ей приходится выбирать между двумя положеніями, изъ которыхъ одно, хотя нежелательное само по себѣ, все-таки для нея гораздо удобнѣе другаго между преобладаніемъ русскимъ или нѣмецкимъ. Спасти Австрію она не можетъ, потому, что Австрія умретъ не отъ чужаго оружія, а отъ внутренней болѣзни, а со смертію Австріи возможенъ только одинъ изъ этихъ двухъ исходовъ. Что же лучше для Франціи? Нѣмецкое преобладаніе ляжетъ на нее всею тяжестью, русское ничѣмъ не опасно и не препятствуетъ ни одному изъ ея положительныхъ интересовъ. При нѣмецкомъ преобладаніи славянскія страны станутъ областями враждебной ей колоссальной державы; при русскомъ онѣ будутъ конфедераціею, устройствомъ, наименѣе для кого-либо опаснымъ. Завершеніе нѣмецкаго владычества въ восточной Европѣ будетъ именно самою трудною минутою для Франціи, тогда то и наступитъ для нее самое тревожное время; завершеніе русскаго устранитъ послѣднюю причину какого либо спора или недоумѣній между двумя государствами. Что остается затѣмъ, собственно восточный вопросъ? Но тутъ дѣло идетъ опять о вещи неизбѣжной, которой западныя державы, въ концѣ концовъ, помѣшать не могутъ. Кто бы ни сталъ на Дунаѣ взамѣнъ Австріи, южные славяне будутъ жить подъ его тѣнью. Для всѣхъ французскихъ сочувствій къ свободѣ народовъ, къ полякамъ къ мадьярамъ, формы, подъ которыми можетъ осуще-

ствиться русское преобладаніе, гораздо желательнѣе формъ преобладанія нѣмецкаго; первое оставитъ живымъ все живое, второе заберетъ живыхъ для того только, чтобы раскормить ихъ на убой, на обезличеніе. Французы, не англичане и не нѣмцы, готовые жертвовать всѣмъ на свѣтѣ своему Молоху—интересу текущаго дня; у французскаго народа есть сердце, постоянно сказывающееся даже въ политикѣ. До сихъ поръ мы были разъединены нравственно съ этимъ великимъ народомъ, однимъ препятствіемъ, казавшимся неодолимымъ—судьбою Польши. Но судьба Польши зависитъ исключительно отъ исхода славянскаго вопроса, и ни отъ чего болѣе. Польша можетъ быть возсоединена и свободна, только какъ членъ славянской семьи; внѣ славянства участь ея уже рѣшена исторіею—никто и ничто не воскреситъ ее. Раньше или позже поляки поймутъ гдѣ искать спасенія; устроить этотъ часъ, зависитъ отъ насъ самихъ—правительства и общества. Въ тотъ часъ, когда Франція пойметъ, что спасеніе Польши связано неразрывно съ торжествомъ славянской идеи, сердце ея будетъ съ нами. Во всякомъ случаѣ надобно было бы поступать слишкомъ грубо, чтобы навлечь на себя такую невѣроятную коалицію, какъ франко-прусскій союзъ. Отъ Франціи намъ не нужно ничего, кромѣ нейтралитета. Если же она захочетъ принять дѣятельное участіе въ великомъ вопросѣ, согласное съ ея прямыми и совершенно законными интересами, тѣмъ лучше будетъ для нея, для насъ и для человѣчества.

Мы можемъ разсчитывать также, и на этотъ разъ внѣ всякихъ случайностей, на сочувствіе Америки. Заатлантическій міръ чуждъ дрязгамъ личнаго европейскаго соперничества и потому сочувствуетъ только правдѣ, а правда на нашей сторонѣ. Новая политика Америки есть политика законности, предоставляющая каждой естественной силѣ развиваться во весь свой ростъ, въ противоположность политикѣ европейской, подчиняющей всякое проявленіе жизни искусственнымъ условіямъ своего statu quo. Новыя понятія о Россіи и о славянскомъ вопросѣ теперь быстро распространяются въ Америкѣ. Затруднительно говорить о нашихъ отношеніяхъ къ Америкѣ, лежащихъ еще въ возможности, а не въ дѣйствительности, съ такою же откровенностію, какъ объ отношеніяхъ, давно уже опредѣлившихся къ старому свѣту. Прочность нашей связи съ Америкою зависитъ исключительно отъ того, съ какимъ чув-

ствомъ, не показнымъ, а сердечнымъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, Россія отнесется къ ней. Разрывъ Америки съ Англіею всегда возможенъ. Въ Америкѣ существуетъ громадная партія—весь Югъ, а стало быть и демократы отчасти, которая бьетъ на войну, какъ на средство изгладить всѣ воспоминанія междоусобія. Америка желаетъ стать въ признанное положеніе великой державы, занять свое мѣсто во всемірномъ конгрессѣ, на что она имѣетъ достаточно права и силы; Россія можетъ ввести ее туда за руку и упрочить ея голосъ за себя и за правду. Объ этомъ предметѣ пришлось бы сказать много, если бы было удобно говорить о немъ прямо. Несомнѣнно одно: поступая въ смыслѣ естественнаго сердечнаго влеченія, которое всегда есть лучшее, мы можемъ имѣть съ собою искреннее сочувствіе американскаго народа—дѣятельное или страдательное, это покажетъ время; но во всякомъ случаѣ американское сочувствіе значитъ много на вѣсахъ судьбы.

Затѣмъ, что же остается и кто наши враги,—та Европа, которою насъ пугаютъ? При политикѣ неравной, несознательной, дѣйствующей внезапными скачками, какъ въ 1853 г., мы можемъ имѣть противъ себя Европу изъ-за ничего. При политикѣ, гораздо болѣе обширной, вполнѣ національной, но послѣдовательной, вѣрно выбирающей время для дѣйствія, противъ насъ станутъ,—прямо или косвенно,—Англія, скованная по рукамъ и ногамъ грознымъ американскимъ соперничествомъ, и нѣмецкое племя, съ его союзниками—турками и мадьярами; имѣть или не имѣть противъ себя поляковъ, зависитъ совершенно отъ насъ самихъ.

У насъ можетъ быть прочный миръ съ нѣмецкимъ племенемъ только послѣ разрѣшенія славянскаго вопроса въ его законномъ смыслѣ. При такомъ условіи полнѣйшее объединеніе нѣмецкаго племени совершенно справедливо и также безопасно для насъ, какъ наше для него. Но, вѣроятно, не найдется на свѣтѣ мечтателя, который въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ бы, что подобное размежеваніе можетъ совершиться полюбовно. Раньше или позже Россіи неизбѣжно придется схватиться съ нѣмецкимъ племенемъ и его подручниками, не для того, чтобы нарушать законныя его права, но чтобы оградить свои собственныя. Для такой задачи, съ своими естественными союзниками, Россія достаточно могущественна, или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть достаточно могущественна; конечно, при томъ не-

премѣнномъ условіи, чтобы связь съ этими союзниками была закрѣплена еще во время мира и чтобы наше политическое направленіе было твердо, послѣдовательно и всегда сообразовано съ текущею минутою. Въ концѣ концовъ надобно еще повторить, хотя бы въ десятый разъ: существенная, хотя по моему убѣжденію, вовсе не труднѣйшая часть задачи славянскаго вопроса заключается въ полякахъ. Безъ сочувственной Польши, славянскій міръ не двинется, и если бы даже двинулся случайно, то не пойдетъ далеко.

Возсозданіе славянскаго міра значитъ ли всемірное преобладаніе? конечно, нѣтъ; но первенство въ старомъ свѣтѣ—да! О преобладаніи не можетъ быть никакой рѣчи въ то время, когда государства собираются и складываются по взаимнымъ сочувствіямъ народовъ. Смутное состояніе Европы въ международныхъ вопросахъ происходитъ теперь исключительно изъ-за неопредѣленнаго положенія спорной восточной полосы, начинающейся Польшею и кончающейся Турціею. Всѣ чуютъ, что отъ этой полосы вѣетъ неизбѣжною грозою, неизбѣжною, потому, что въ такихъ историческихъ вопросахъ даже уговоръ правительствъ есть только минутная остановка. Пока судьба спорной полосы не порѣшится, въ Европѣ не будетъ ни прочнаго мира, на разоруженія, хотя бы многіе десятки лѣтъ, трудъ народный и развитіе знаній будутъ идти не на улучшеніе человѣческой участи, а на застрахованіе себя отъ чаемой бури. Съ рѣшеніемъ вопроса кончатся всѣ главныя недоразумѣнія, не останется слѣдовъ никакому существенному несогласію между западною и восточною Европою. Какой же смыслъ можетъ имѣть при этомъ слово—преобладаніе? Первенство же, т. е. первенствующая сила, никому неопасная, когда нѣтъ причины къ раздору, окажется непремѣнно въ чьихъ-нибудь рукахъ, какъ только славянскій вопросъ будетъ порѣшенъ, дѣло въ томъ лишь, какія это будутъ руки—русскія или нѣмецкія. Въ первомъ случаѣ—вопросъ конченъ навсегда, и ясная погода воротится; во второмъ—онъ затянется на вѣки, съ ежеминутною опасностію новой грозы.

Первенство между народами рѣшается теперь не на полѣ битвы, а географическимъ ихъ положеніемъ. Сто лѣтъ тому назадъ, на свѣтѣ не было другаго живаго человѣчества, кромѣ европейскаго—оно первенствовало, и первый въ Европѣ былъ первымъ въ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ по окраинамъ Европы,—въ

Америкѣ и въ Россіи,—выросли два новыя, живыя человѣчества, не замкнутыя въ тѣсной перегородкѣ, какъ европейскія націи, но разливающіяся безъ препятствій по необозримымъ горизонтамъ, растущія безъ мѣры во всѣ стороны, на сколько станетъ у нихъ естественнаго роста. Разумѣется, первенство должно оказаться въ концѣ, за двумя новыми ростками, ни чѣмъ не стѣсняемыми, въ ущербъ старой Европѣ, запертой въ своей клѣткѣ. Несомнѣнно, придетъ время, когда знаменитые теперь европейскіе народы очутятся, сравнительно съ восточными и западными сосѣдями въ положеніи великой когда-то Голландіи, гремѣвшей когда-то Швеціи и мудрой, въ былое время, Венеціи. Тутъ дѣйствуетъ сила вещей, которой не остановить союзомъ Англіи съ Франціею, ни союзомъ Австріи съ турецкимъ султаномъ.

Четвертое недоразумѣніе.

Что мы выиграемъ нравственно, съ возстановленіемъ славянскаго міра? Мы выиграемъ то, что будемъ знать, кто мы и куда идемъ. До сихъ поръ мы одни, между всѣми народами земли, имѣющими будущность, не знали этого ясно. У нашего образованнаго сословія, дѣйствительно, потеряна почва подъ ногами. Я знаю, какъ трудно говорить объ этомъ предметѣ,—это тоже самое, что обсуждать съ юношею, по примѣтамъ его характера чѣмъ, онъ будетъ въ сорокъ лѣтъ. Многіе уже писали объ этомъ предметѣ. Г. Данилевскій помѣстилъ недавно въ «Зарѣ» замѣчательное сочиненіе, «Россія и Европа», выдѣлявшееся какъ бриліантъ изъ груды ежегодно истребляемой у насъ бумаги, и котораго, кажется, никто не знаетъ. Очень серіозныя вещи у насъ еще не въ ходу. Я же не только не намѣренъ писать цѣлаго сочиненія, но хочу непремѣнно закончить эту статью въ слѣдующемъ столбцѣ. Но мнѣ всетаки приходится сказать нѣсколько заключительныхъ словъ, иначе статья останется безъ конца, въ которомъ вся сила, потому что конецъ именно долженъ уяснить, хоть вкратцѣ, самое коренное недоразумѣніе: изъ чего намъ хлопотать?

Недавно еще, въ первый годъ польскаго возстанія, русское общество, плодъ и результатъ полуторастолѣтняго воспитательнаго періода нашей исторіи, представляло въ своихъ понятіяхъ безъисходный и безпримѣрный на свѣтѣ хаосъ. Не было

такой простой идеи, которая являлась бы намъ просто, съ настоящимъ своимъ образомъ, какъ въ остальномъ свѣтѣ. Человѣкъ, его существенныя стремленія, Россія, религія, отношеніе дѣтей къ семейству, польскій заговоръ и приличіе въ отношеніяхъ между людьми,—все это представлялось большинству, подъ вліяніемъ модной пропоганды, какъ черезъ дурное стекло, въ образахъ, не похожихъ ни на какую дѣйствительность. Если бы пришлось разсуждать тогда съ этимъ новымъ Положеніемъ, русскимъ обществомъ 1863 года, соглашавшимся видѣть верблюда въ каждомъ облакѣ, разсужденіе продлилось бы до конца свѣта, и не привело бы ни къ чему. Но вдругъ польское возстаніе обдало наше общество какъ ушатомъ холодной воды,—раздался крикъ: «нашихъ бьютъ! православныя церкви позорятъ!» И люди, бывшіе за минуту космополитами, матеріалистами, революціонерами, людьми будущей геологической эпохи, заревѣли въ одинъ голосъ: «неправда, бей ихъ! мы русскіе, мы православные, мы вѣрноподданные». Затѣмъ русское общество, истощенное этими двумя противоположными порывами, опять погрузилось въ спячку, которой покуда конца не видать.

Что это за фантастическое явленіе и что оно значитъ? По моему разсужденію, тутъ дѣло очень простое. Это—общество, встающее со школьной скамьи, безличное, какъ всякій школьникъ и всякая юность, не жившая еще на своей волѣ, хотя съ задатками личности, очень серіозной въ будущемъ. Полтораста лѣтъ школы для цѣлаго народа—тоже самое, что десять лѣтъ для отдѣльнаго лица и послѣдствія ея тѣ же; а вспомнимъ, чѣмъ мы были всѣ, вставая со школьной скамьи. Для насъ существовали только теоріи, понятія же о дѣйствительности вещей—никакого. Намъ казалось нипочемъ созвать народный конвентъ въ Китаѣ, убѣдить пламенною рѣчью скрягу, пожертвовать тысячу рублей для бѣдной вдовы и сочинить новую религію. Чѣмъ болѣе какая нибудь теорія была рогата и замысловата, тѣмъ болѣе мы прилѣплялись къ ней и вѣрили въ ея значеніе. Но въ то же время у насъ было хорошее сердце и при первомъ естественномъ движеніи, наши любимыя теоріи также мало стѣсняли насъ, какъ вчерашніе сны. Вотъ современное состояніе русскаго общества,—не Россія, однакоже, которая вынесла изъ своей тысячелѣтней исторіи столько же личной закваски, какъ и всякій другой, развивающійся на-

родъ, но только закваска эта лежитъ еще покуда на днѣ—не въ одной народной массѣ, какъ говорили бывшіе славяно-филы,—но въ каждомъ изъ насъ, покрытая слоемъ общихъ теорій, украшающихъ память и почти не вліяющихъ на волю.

Разница между школьникомъ-человѣкомъ и школьникомъ-народомъ та, что старый школьникъ никуда не годится, между тѣмъ какъ народъ всегда юнъ и послѣ 8 вѣковъ самой трудной исторіи можетъ еще съ успѣхомъ сѣсть на скамью; но послѣдствія школы, въ первое время отзываются совершенно одинаково на человѣкѣ и на народѣ.

Мы бываемъ русскими, когда дѣйствуемъ подъ вліяніемъ какого нибудь возбужденія, не справляясь съ урокомъ, и становимся опять учениками, заговариваемъ некстати объ общечеловѣческихъ началахъ, когда хотимъ блеснуть передъ собою. Знаніе и личный взглядъ не слились еще въ насъ въ одно цѣлое, какъ всегда бываетъ на другой день послѣ выпускнаго экзамена.

Между тѣмъ мы уже отбыли экзаменъ. Воспитательный періодъ русской исторіи, начатый Петромъ Великимъ конченъ Александромъ II-мъ. Прошлое отрѣзано, какъ ножемъ. Правительство перестало быть учителемъ и народъ пересталъ быть ученикомъ, полуторастолѣтнія воспитательныя отношенія между нами замѣняются теперь естественными отношеніями правительства къ возмужалому народу. Послѣ разныхъ періодовъ нашей исторіи: удѣльнаго, монгольскаго, московскаго и воспитательнаго, мы начинаемъ теперь пятый періодъ—русскій. Насъ уже никто не будетъ учить, мы должны отвыкнуть отъ школьныхъ пріемовъ и жить самостоятельно народною личностію.

Какою?

Одинъ журналистъ увѣрялъ меня какъ-то, что мы должны быть личностію обще-человѣческою. Я и радъ бы: да какъ же сдѣлать, чтобы у меня было лице обще-человѣческое, а не какое нибудь опредѣленное? Даже американскій народъ, образовавшійся на нашихъ глазахъ изъ смѣси всѣхъ сѣверо-европейскихъ породъ, начинаетъ выдѣляться въ очень рѣзкую народную личность, и по мѣрѣ того, какъ зрѣетъ эта личность, зрѣетъ и американское государство, бывшее еще недавно не болѣе, какъ освободившеюся англійскою колоніею. Какъ же мы устроимся на обще-человѣческихъ началахъ? Кажется, природная сила, производящая, безъ нашего вѣдома, какую нибудь

дѣйствительность и умозаключеніе о ней—двѣ вещи разныя; одно—фактъ, другое—отвлеченная идея.

Эти разговоры объ обще-человѣческихъ началахъ, которымъ занимаются только у насъ, составляютъ вторую, очень яркую мѣтку недавно покинутой скамьи. Каждый изъ насъ, прежде, чѣмъ выдѣлялъ свой личный взглядъ, смотрѣлъ на все глазами профессора. Обще-человѣческія начала (т.-е. арійско-христіанскія, потому что мусульманско-семитическія и туранско-шаманскія совсѣмъ иное дѣло) существуютъ у всѣхъ европейцевъ, какъ общая форма черепа, ведутъ къ заключенію только въ философіи и не мѣшаютъ никакому народу имѣть свой собственный типъ и жить по своему идеалу. Но даже въ видѣ философскаго заключенія, въ этихъ обще-человѣческихъ началахъ существуетъ рѣзкій оттѣнокъ между нами и западною Европою. Для людей, опредѣлившихъ свои понятія объ исторіи общества, и исторіи религіи, основная закваска православно-славянская (это можно сказать потому что православіе исповѣдуется $^4/_5$ славянства) и закваска католическая романо-германская совсѣмъ не одно и то же.

Покуда люди ненаучатся складывать исторію по произволу, въ чемъ они еще очень мало преуспѣли, исторія будетъ плодомъ, какъ растеніе, извѣстнаго сѣмени, упавшаго въ извѣстную почву. Такъ выросла старая Россія. Она была совершенно зрѣлою народною личностію, мало-ученою, но умнѣйшею, какъ иной волостной голова, и твердо знавшею, что ей нужно. Въ нашемъ государственномъ сознаніи (не лично-человѣческомъ, конечно), мы только тѣмъ и живемъ, что уцѣлѣло отъ старой Руси. Въ нынѣшнее царствованіе, давшее возможность ожить всему, что у насъ сохранилось живаго, мы стали гораздо ближе къ старорусскимъ взглядамъ, во внѣшней и внутренней политикѣ, чѣмъ были двадцать лѣтъ тому назадъ. А какъ смотрѣла на вещи старая Русь? Въ ней было невозможно многое, совершившееся въ послѣдніе полтораста лѣтъ и теперь снова понемногу кончающееся, ни польскій, ни остзейскій вопросы, въ ихъ настоящемъ видѣ, ни священный союзъ, жертвовавшій всѣми русскими интересами, ни рѣшеніе самыхъ насущныхъ экономическихъ вопросовъ въ теоретическомъ смыслѣ, ни множество другихъ вещей, которыхъ нечего здѣсь пересчитывать; даже ни одна война не начиналась тогда безъ ясной цѣли и не кончалась случайно, хотя правительство было всесильно,

какъ и теперь. Происходило же это оттого, что общество, какъ оно ни отставало въ другихъ отношеніяхъ, понимало себя, было твердою, сознательною народною личностію. Если бы тогдашная Россія стояла въ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, то славянскій вопросъ не встрѣтилъ бы въ ней ни минуты колебанія; общій голосъ отвѣчалъ бы: «тутъ рѣшается наше собственное дѣло»! Надо вспомнить, какъ Иванъ Грозный или Алексѣй Михайловичъ относились не къ Литвѣ, а къ католической Польшѣ, бывшей въ то время единственнымъ, доступнымъ намъ угломъ славянскаго міра. Тогдашняя Русь твердо знала кто она; не мудрено, что она также ясно сознавала своихъ ближнихъ и своихъ враговъ, никогда въ этомъ не ошибаясь. Воспитательный періодъ, давшій русскому обществу, безъ сомнѣнія, очень много, тѣмъ не менѣе сбилъ его съ толку, разрознилъ, пріучилъ искать неподходящихъ образцовъ, отвелъ глаза отъ своего прямаго дѣла,—это кажется истина общеизвѣстная. Мы вышли изъ школы, естественно, школьниками, но на бѣду въ то самое время, когда рѣшается, повидимому, окончательный поворотъ русской исторіи, когда намъ необходимо, болѣе чѣмъ когда нибудь, знать твердо, кто мы и куда идемъ? Чутье русскаго общества въ этомъ отношеніи вѣрно; но оно должно еще, кромѣ того; опредѣлиться сознательно.

Личность не сочиняется, она—природа, она только уяснется въ собственномъ сознаніи и развивается въ той мѣрѣ, на сколько сознается. Наша русская личность есть личность славянская, понимающая и примѣняющая государство, религію и взаимныя отношенія людей иначе, во многомъ, чѣмъ это понимается и примѣняется на западѣ. Но мы сильно перепутали въ послѣдній періодъ свое съ чужимъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ переварили свой обще-человѣческій урокъ, склонности у насъ свои, примѣры чужіе. Намъ будетъ трудно и долго входить въ настоящую колею, пока мы останемся глазъ на глазъ съ собою, не воротимся въ родную семью, не оживимъ старыхъ воспоминаній, не провѣримъ себя на однокачественныхъ, близко къ намъ подходящихъ, но разнообразныхъ примѣрахъ. Европейскія книги останутся при насъ, — это достояніе человѣка; но для полноты жизни народной нужно другое, разнообразіе оттѣнковъ, создавшее западную цивилизацію, и котораго у насъ нѣтъ: мы одинъ видъ своего рода, вокругъ насъ слишкомъ много пустоты. Мы не должны оста-

ваться въ такомъ отчужденномъ положеніи, когда представляется возможность изъ него выйти. Всѣ мы въ массѣ получили теоретическое образованіе, можно сказать, за границею; теперь нужно примѣнить его къ родной почвѣ, а такой урокъ могутъ дать только свои, старожилы этой почвы.

Первая современная потребность для насъ — перешагнуть скорѣе за рубежъ, отдѣляющій въ жизни даровитаго ученика отъ самостоятельнаго человѣка. Это возможно только для опредѣлившейся личности; а мы можемъ быть лишь тою личностію, какою насъ Богъ создалъ—славянскою по роду, и русскою по виду; къ этому надобно еще прибавить—грамотнымъ народомъ по званію. Третье условіе, трудно достижимо безъ двухъ первыхъ. Чужеземное вліяніе воспитательнаго періода разбило русскихъ людей на двѣ группы—на европейцевъ и неевропейцевъ. Что бы ни говорили, мы русскіе европейцы, смотримъ на остальныхъ русскихъ почти тѣми-же глазами, какъ остзейскіе нѣмцы на своихъ латышей; послѣдствіемъ выходитъ, что мы обращаемъ просвѣщеніе въ сословную монополію, и въ Россіи, вмѣсто нѣсколькихъ милліоновъ, сознательныхъ людей—въ чемъ вся сила—оказывается едва ли нѣсколько тысячъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣній чужеземной школы, мы надолго еще останемся чуждыми своему народу. Эта грань сотрется, и свѣтъ откроется русскому народу тогда лишь, когда всѣ мы, европейскіе и неевропейскіе люди, станемъ сами собою, славяно-русскими людьми.

Намъ нужно славянство не для того только, чтобы устоять въ европейской борьбѣ, но для того, чтобы съ его помощію самимъ стать опять славянами. Иначе—что же значитъ вся наша исторія и наша пятивѣковая борьба съ Польшею? Въ смутномъ, но настойчивомъ народномъ сознаніи, дѣло шло не о томъ, конечно, чтобы виленскія текущія дѣла рѣшались непремѣнно въ Москвѣ, а не въ Варшавѣ; споръ шелъ не о расширеніи круга дѣйствій русскихъ приказовъ и канцелярій. Народъ нашъ, тогда еще не разорванный по сословіямъ, чувствовалъ живо, что цѣлой половинѣ его жилось не по сердцу, не по русскимъ началамъ. Но вѣдь Польша была Европою, единственнымъ славянскимъ народомъ, совершенно отдавшимся Европѣ; и теперь она остается Европою несравненно больше, чѣмъ мы. Она поступала съ русскимъ народомъ буквально также, какъ Австрія и Пруссія поступаютъ съ дру-

гими славянскими народами, и дѣлала это во имя того, что она—Европа. Поляки могутъ цивилизовать на европейскій ладъ подчиненныя имъ племена гораздо успѣшнѣе, чѣмъ мы. Если Россія должна быть подражаніемъ Европѣ, то послѣдняя совершенно права въ своемъ приговорѣ о раздѣлѣ Польши. Въ такомъ случаѣ наша побѣда есть ни что иное какъ побѣда грубой силы надъ цивилизаціею, притѣснительной, правда, но не въ большей степени, чѣмъ была вся западная цивилизація. Поляки никогда не превосходили въ этомъ отношеніи англичанъ, по закону которыхъ, со временъ Кромвеля, каждый ирландецъ, родившійся отъ католическаго брака, считался незаконнорожденнымъ. Мы заняли просвѣщеніе съ запада, также какъ поляки. Если мы внесли его къ себѣ въ томъ же смыслѣ, какъ они, то наше первенство случайно и беззаконно, оно принадлежитъ по праву имъ; мы стоимъ къ полякамъ въ такомъ же отношеніи, какъ ученики младшаго класса къ ученикамъ старшаго. Одно изъ двухъ: или правы Духинскій и Анри-Мартэнъ съ братіею, или мы внесли къ себѣ европейскую науку не для того, чтобы стать подражаніемъ Европы, но чтобы примѣнить положительное знаніе къ своимъ особеннымъ началамъ. Въ послѣднемъ случаѣ наше призваніе дѣйствительно, и наша побѣда надъ Польшею, перебѣжчицею изъ славянства къ западу, разумна и законна. Что такое вся наша исторія? Сложить вопреки всякимъ препятствіямъ государство обнимающее шестую часть свѣта; пролить въ ежечасной борьбѣ потоки крови, своей и чужой, какихъ не проливалъ никакой народъ со временъ римлянъ; держать подъ своею властію многочисленные чуждые народы, и въ томъ числѣ одно великое славянское племя; быть надеждою многихъ другихъ народовъ и пугаломъ свѣта: пожертвовать всѣмъ и народомъ, и лицемъ, созданію государства, т. е. того именно, чего до сихъ поръ не доставало славянству, и все для того, чтобы стать, подъ конецъ, плохимъ спискомъ съ Европы, замѣнить ея прямое цивилизующее дѣйствіе на обширныя страны слабымъ его отраженіемъ? Такъ могутъ смотрѣть на вещи англійскіе журналисты, но исторія не создаетъ такихъ безобразій. Она строитъ будущее на прошедшемъ, этажъ на этажѣ все выше и выше, подымая человѣка къ небу. Но въ такомъ случаѣ—что же мы? Середины тутъ нѣтъ; или мы—славянство, съ его будущимъ, или мы—Туранъ, незаконное вторженіе прошлаго. Если же мы

не Туранъ, то на какомъ умственномъ уровнѣ надобно стоять чтобы спрашивать: «что намъ за дѣло до славянства?»

Подобные вопросы возможны у насъ, однакоже, со стороны людей даже умныхъ и достаточно образованныхъ, вслѣдствіе низкаго состоянія *общественнаго* образованія. Я слышалъ сотни разъ: славяне осуждены на безсиліе своимъ характеромъ; могъ-ли бы европейскій, а не славянскій народъ переносить 200 лѣтъ монгольское иго и 400 лѣтъ турецкое? Можетъ-ли быть, чтобы имѣющій будущность народъ не выработалъ себѣ въ теченіе вѣковъ, правильныхъ учрежденій? и т. д., безъ конца. Конечно, тутъ только полнѣйшее непониманіе исторіи. Тоже самое могли сказать римляне о германцахъ, потоптанныхъ гуннами и остававшихся тысячелѣтія въ варварствѣ—и ошиблись-бы. Одно дерево даетъ плодъ раньше, другое позже, въ этомъ состоитъ преемство породъ въ исторіи, т. е. сама исторія. Но въ такихъ заключеніяхъ наши умные люди не виноваты—и это самое худое, потому что тутъ виноватъ уровень общаго развитія. Нельзя требовать отъ каждаго человѣка, чтобъ онъ самъ додумывался до пониманія исторіи. Для этого существуетъ общественное просвѣщеніе, распространяющее между людьми *дознанныя заключенія* о всемъ томъ, что они не успѣли передумать лично. Въ количествѣ такихъ стереотипныхъ заключеній и состоитъ уровень народнаго образованія. У насъ до этого еще не дошло, и не дойдетъ, пока мы будемъ учиться съ чужихъ словъ чему попало. Но чтобы у насъ могла выработаться образовательная система, лично къ намъ примѣненная, прежде всего нужно рѣшить—кто мы? Россія доросла до той поры, что безъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не можемъ ступить шага ни въ какомъ направленіи.

Славянство или Туранъ—другаго выхода нѣтъ.

Безъ сомнѣнія, всякое великое историческое движеніе оправдывается только конечнымъ вліяніемъ своимъ на пользу человѣчества и просвѣщенія. Возсозданіе славянскаго міра оказалось бы безплоднымъ, если бы міръ этотъ твердилъ зады и не выработалъ новыхъ путей въ человѣческомъ развитіи. Говорить впередъ о такой задачѣ было бы безсмыслицею. Но для нея существуютъ всѣ необходимыя данныя — послѣдняя арійская, т. е. прогрессивная порода, выступающая на сцену свѣта; особая религіозная основа, исключительно чистая, просвѣщавшая до сихъ поръ личную совѣсть людей, но въ об-

щественномъ отношеніи, лежавшая какъ бы подъ спудомъ и свой новый театръ дѣйствій, такой старый, что онъ кажется новымъ для исторіи—весь востокъ стараго свѣта. Когда астрономія обнаруживаетъ въ какой нибудь планетѣ три условія: достаточно плотную массу, чтобъ быть твердымъ тѣломъ, атмосферу и жидкость въ видѣ облаковъ и полярнаго снѣга, мы въ правѣ утверждать à priori, что на этой планетѣ есть или будетъ жизнь.

Заключеніе вытекаетъ само собою. Если Россія нравственно можетъ быть чѣмъ нибудь только съ условіемъ, чтобы она была славянскою, и если политическій устой нашъ зависитъ отъ того, чтобъ внѣ-русскіе славяне удержали за собой свою личность и свое мѣсто на землѣ, то современная русская задача состоитъ въ томъ, чтобъ спасти славянство. Въ настоящую минуту можно сказать утвердительно, не задаваясь даже дальнѣйшимъ будущимъ: наша собственная участь зависитъ отъ того, что станется съ чехами, хорватами, поляками и русскими галичанами въ текущіе годы.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Р. А. ФАДѢЕВА.

ТОМЪ III.

ЧАСТЬ 1.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ и БУДУЩЕМЪ.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ЧАСТЬ 2.

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Невскій, № 138—140.
1890.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Р. А. ФАДѢЕВА.

R. A. Fadieev

ТОМЪ III.

ЧАСТЬ I.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ и БУДУЩЕМЪ.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ЧАСТЬ 2.

ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ.

Изданіе В. В. Комарова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій пр., д. № 138—140.
1889

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЪ

НАСТОЯЩЕМЪ и БУДУЩЕМЪ

(Чѣмъ намъ быть?)

Рядъ статей подъ этимъ заглавіемъ вначалѣ появился въ „Русскомъ Мірѣ“. При первомъ изданіи ихъ отдѣльною книгою въ 1874 г. авторъ предпослалъ имъ слѣдующее краткое предисловіе: „Издавая книгою статьи, напечатанныя въ „Русскомъ Мирѣ“ подъ заглавіемъ „Чѣмъ намъ быть“ я далъ имъ, для удобства читателей, иное раздѣленіе—на главы, соединяя статьи однороднаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе дополнено и развито съ большою опредѣленностью, для избѣжанія недоразумѣній, возникшихъ въ обществѣ при чтеніи спѣшно написанныхъ газетныхъ статей. Тѣмъ не менѣе я долженъ просить читателей помнить, что представляемая имъ книга—собственно не книга, отъ которой можно было бы требовать систематической полноты предмета, а рядъ исправленныхъ журнальныхъ статей, соединенныхъ въ одно цѣлое только по формѣ“.

ГЛАВА I.

Наше современное общество.

Любопытно поставить передъ нашимъ обществомъ слѣдующій вопросъ: существуетъ ли для нынѣ живущихъ русскихъ людей, изъ безчисленнаго ряда задачъ, предлагаемыхъ настоящему поколѣнію общественною жизнью, такая задача, которая могла бы быть рѣшена и установлена на дѣлѣ внѣ спора несомнѣннымъ большинствомъ голосовъ, о которой можно было бы сказать, что въ этомъ отношеніи въ Россіи существуетъ твердое мнѣніе? Представимъ себѣ сонъ: намъ снится, что всѣ *частные* русскіе люди, семьдесятъ девять съ половиною милліоновъ изъ осьмидесяти, перенесены мгновенно на другую планету и имъ приходится устраивать свой общественный бытъ безъ помощи готовой правительственной склейки, которою у насъ все держится; этимъ частнымъ людямъ надобно сложиться въ общество и государство одною силою своей исторической закваски и современныхъ убѣжденій. Можетъ ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ нашлось достаточное большинство, правильнѣе сказать—достаточная нравственная сила, для твердаго и скораго установленія не только соотвѣтствующихъ формъ,—мы объ нихъ уже не говоримъ,—но даже самыхъ коренныхъ основъ? Слово *большинство* необходимо замѣнить въ этомъ случаѣ словомъ *нравственная сила*, потому что въ нынѣшнемъ состояніи свѣта не всѣ еще люди одинаково люди; подъ развитыми общественными слоями лежатъ слои, представляющіе почти допотопный человѣческій бытъ, которые даже въ случайныхъ проявленіяхъ своей силы движутся не собственными замыслами, а руководятся вожаками изъ исторически созрѣвшихъ верхушекъ,—все равно, на парижскихъ ли

баррикадахъ, предводительствуемыхъ живописцами безъ заказовъ и журнальными сотрудниками безъ работы, на французскомъ ли и нѣмецкомъ всенародномъ голосованіи, выжимаемомъ изъ страны давленіемъ высшихъ слоевъ, или въ рѣшеніяхъ русскихъ гласныхъ отъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ. Явленіе возмутившихся сицилійскихъ рабовъ, избравшихъ своимъ начальникомъ римскаго гражданина, представляетъ и будетъ представлять еще на неизмѣримое время въ будущемъ явленіе неизбѣжное. Мы можемъ поэтому ограничиться въ нашемъ разсужденіи однимъ обществомъ. Хотя русская народная масса и не оставалась бездѣйственною въ рѣшительные часы нашей государственной жизни, какъ, напримѣръ, въ 1612 году (въ чемъ заключается одно изъ великихъ нашихъ преимуществъ), но ея сочувствіе имѣло лишь то значеніе, что доставляло перевѣсъ одной изъ партій, возникавшихъ въ исторически-воспитанномъ общественномъ слоѣ—иначе и быть не могло. Но существуетъ ли въ современномъ русскомъ обществѣ какое либо мнѣніе съ такимъ большинствомъ, или, говоря иначе, существуетъ ли такая группа единомысленныхъ людей, которая въ предполагаемомъ нами снѣ могла бы обратить свою волю въ обязательный законъ, безъ чего новой планетѣ пришлось бы быть свидѣтельницей сумятицы и даже полнаго разложенія, еще невиданныхъ на нашемъ свѣтѣ? Вопросъ этотъ сводится на слѣдующій: оказываются ли въ обновленномъ русскомъ обществѣ хотя бы только завязки самостоятельной и сознательной народной жизни, безъ которой мы можемъ быть расой, можемъ быть государствомъ, но не можемъ стать живою, развивающеюся націей, идущею впередъ по *своему* пути? Ходить же постоянно по чужимъ путямъ значитъ лишиться въ историческомъ смыслѣ права на самостоятельное бытіе, обратиться въ обезличенную толпу, въ матеріалъ, и подвергнуться опасности, раньше или позже, очутиться подъ рукой тѣхъ, у кого есть *свой* путь. Несомнѣнно, что всякій изъ большихъ европейскихъ народовъ, поставленный въ положеніе, о которомъ мы говоримъ, не находился бы долго въ затрудненіи: онъ возсоздался бы по своему историческому складу. У англичанъ не возобновилось бы, вѣроятно, одно пэрство, но управленіе осталось бы на новой планетѣ въ нынѣшнихъ же привычныхъ рукахъ. Между французами не обошлось бы безъ рѣзни, такъ какъ у нихъ лишь рѣзнею устанавливается законность всякаго новаго

правительства; но одна изъ *готовыхъ* партій очень скоро захватила бы власть и снова опеленала бы народъ административною паутиной; французамъ опять пришлось бы платонически увлекаться пристрастіемъ къ той или другой формѣ верховной власти, оставаясь подъ тою же самою ежечасною и мелочною опекой чиновниковъ, назначаемыхъ всякимъ ихъ правительствомъ почти изъ тѣхъ же людей. Нечего и говорить объ американцахъ: почва новой планеты никакъ не показалась бы имъ въ политическомъ отношеніи мудренѣе почвы Новаго Свѣта. То же сравненіе, приблизительно, можно распространить и на нѣмцевъ и на итальянцевъ. Но что дѣлали бы въ такомъ положеніи мы, русскіе? Одна сторона вопроса, вѣроятно, рѣшилась бы скоро. Судя по понятіямъ всей массы нашего народа, признающаго законною властью одну только царскую власть, безъ всякаго ея опредѣленія, мы должны были бы снова прибѣгнуть къ самодержавію, хотя подобное возстановленіе не обошлось бы безъ большой смуты: нашъ народъ вѣритъ не столько въ отвлеченный принципъ, какъ въ освященный родъ. Но вопросъ этимъ не кончается. Самодержавіе все же есть только принципъ, какъ народовластіе въ республикѣ, принципъ, способный облекаться въ самыя разнообразныя формы въ приложеніи къ дѣлу, въ управленіи государствомъ и областями, какъ достаточно доказано нашею собственною исторіей. Но какой монархъ можетъ взяться за устройство управленія, не зная, въ чемъ состоятъ условія и потребности даннаго народа? А кто же, какое мнѣніе, какая группа единомышленниковъ—могли бы указать у насъ, при возсозданіи общественнаго порядка, наши потребности, — указать такимъ образомъ, чтобы голосъ ихъ покрылъ тысячи другихъ голосовъ, настоящую кошачью музыку, которая поднялась бы по этому поводу? Можно сказать съ достаточною вѣроятностью лишь одно: большинство русскихъ голосовъ не захотѣло бы возобновленія бюрократическаго управленія посредствомъ столоначальниковъ, внѣ необходимыхъ размѣровъ. Но чѣмъ замѣнить столоначальниковъ? Кто сказалъ бы это на новой планетѣ съ такимъ авторитетомъ, чтобы въ немъ можно было узнать голосъ страны, по крайней мѣрѣ голосъ нравственной силы, первенствующій въ странѣ, что одно и то же? Можно думать, однако же, что, даже не переѣзжая на другую планету, мы находимся и на этой землѣ въ положеніи довольно близкомъ къ вышеописанному, за однимъ

исключеніемъ — за исключеніемъ прочности верховной власти, безъ которой все у насъ разсыпалось бы прахомъ. Конечно, существованіе твердой власти есть спасительный фактъ, обезпечивающій наше настоящее и близкое будущее въ государственномъ смыслѣ; но само по себѣ оно не предрѣшаетъ формъ общественнаго устройства, соотвѣтствующихъ нашему складу, росту и потребностямъ. Правительство состоитъ не изъ волшебниковъ, которые могли бы знать то, чего не знаетъ самъ народъ; у насъ же не существуетъ покуда никакого связнаго мнѣнія (возможнаго только при связности людей), въ которомъ выражалось бы хотя приблизительно направленіе большинства русскаго общества.

Двадцать лѣтъ тому назадъ нельзя было предложить подобнаго вопроса, не только по стѣсненію слова, но потому, что онъ не имѣлъ бы смысла. Во-первыхъ, нѣкоторое сосредоточеніе мнѣнія и органы для его выраженія тогда существовали, хотя въ очень одностороннемъ и бездѣйственномъ видѣ. Во-вторыхъ, — и это главное, — подобный вопросъ не могъ тогда возбудиться, такъ какъ въ немъ не настояло надобности. Пока продолжался воспитательный періодъ нашей исторіи, открытый Петромъ Великимъ и законченный нынѣшнимъ царствованіемъ, верховная власть относилась у насъ къ народу, вмѣстѣ взятому, не только какъ власть, но какъ наставникъ: и сама она, и русское общество, послѣ страдательнаго противодѣйствія первыхъ годовъ, признали особую просвѣтительную миссію сверху, не постоянную, а временную, отрицавшую по своей сущности самостоятельность сужденія и гражданской дѣятельности у просвѣщаемыхъ. Извѣстное дѣло, что отъ ученика требуютъ только прилежанія и послушанія, а не мнѣнія. Прожитый нами полуторавѣковой воспитательный періодъ былъ запечатлѣнъ исключительнымъ, чисто-искусственнымъ и подражательнымъ характеромъ, рѣзко отличающимъ его и отъ предшествующаго, и надо думать, отъ наступившаго уже времени, отъ минувшихъ и отъ грядущихъ вѣковъ самодѣльнаго народнаго развитія. Настоящее царствованіе упразднило этотъ воспитательный періодъ, вызвавъ общество къ гражданской дѣятельности, и открыло новую эпоху русской исторіи, можно надѣяться— эпоху зрѣлости, въ отношеніи къ которой всѣ предшествующія были только пріуготовительными. Мы выдержали выпускной экзаменъ, такъ, впрочемъ, какъ его обыкновенно выдерживаютъ

на Руси, благодаря снисхожденію экзаменаторовъ, болѣе чѣмъ собственнымъ знаніямъ; тѣмъ не менѣе мы теперь уже должны стоять на своихъ ногахъ и жить своимъ умомъ. Вопросъ объ опредѣленности и твердости общественнаго мнѣнія и о связности сословныхъ пластовъ и группъ, способныхъ взращать и выражать его, становится изъ празднаго, какимъ онъ былъ еще недавно, неотложнымъ. Покуда же мы, русскіе, встающіе со школьной скамьи воспитательнаго вѣка своей исторіи, связываемся между собою не какою либо общностью мнѣнія, свойственною всякой сложившейся націи, а лишь нѣкоторымъ единствомъ народнаго чувства; это чувство есть не иное что, какъ отголосокъ, постепенно выдыхающійся отъ времени, однородности и сосредоточенія національныхъ взглядовъ, когда-то у насъ существовавшихъ. Потому, мы покуда только гоосударство, а не общество. Очевидно, крѣпость государственнаго сложенія обезпечиваетъ намъ переходный срокъ, въ теченіи котораго мы можемъ сростись въ общество; но тѣмъ не менѣе срокъ этотъ, едва ли растяжимый произвольно, долженъ окончательно рѣшить, что намъ предстоитъ впереди: быть ли живымъ народомъ, или политическимъ сборомъ безсвязныхъ единицъ. На днѣ вопроса, поставленнаго такимъ образомъ, лежитъ ключъ нашего будущаго.

Въ современной Россіи видно во всемъ отсутствіе сложившихся мнѣній и общественныхъ органовъ, способныхъ установить взгляды большинства и выражать ихъ съ достаточнымъ вѣсомъ. Одно связано съ другимъ неразрывно: разбродъ мнѣній всегда доказываетъ, между прочимъ, разбродъ людей. Ниже мы постараемся изслѣдовать причины такого необычайнаго явленія—тысячелѣтняго историческаго общества съ неустоявшимися понятіями; покуда же можно удовольствоваться признаніемъ самаго факта: путаница нашихъ понятій бросается въ глаза. Мы всѣ знаемъ, что русскій народъ чрезвычайно даровитъ, что умныхъ людей у насъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Достаточно проѣхать нѣсколько сотъ верстъ по нашимъ и по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ, разговаривая съ случайными сосѣдями, чтобы неотразимо придти къ двумъ заключеніямъ: первое—что въ сужденіи большинства русскихъ людей гораздо болѣе мѣткости и независимости; второе — что въ самыхъ обыденныхъ предметахъ, къ которымъ европеецъ подходитъ совершенно развязно, какъ къ своему дому, зная

всѣ входы и выходы, русскому приходится какъ будто открывать Америку; вы видите, что нашъ землякъ подступаетъ къ предмету какъ бы въ первый разъ и притомъ въ одиночку, не чувствуя за собою никакой опоры сложившагося мнѣнія. Даже въ противоположныхъ взглядахъ двухъ европейцевъ на какой либо предметъ замѣтно, что сужденія ихъ исходятъ изъ одного общаго основанія и расходятся только въ личныхъ заключеніяхъ; но даже въ согласіи двухъ русскихъ чувствуется, что мнѣнія ихъ вытекаютъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія и сходятся только въ практическомъ выводѣ. Подъ нашими взглядами нѣтъ общей подкладки, выработанной совокупною жизнью. Оттого среднiй русскій человѣкъ изъ фрачныхъ слоевъ или крайне нерѣшителенъ въ своихъ заключеніяхъ, не довѣряетъ себѣ, или же дерзокъ до безобразія, до безсмыслія. И нерѣшительность, и дерзость происходятъ изъ одного источника— изъ того, что онъ долженъ до всего добираться самъ, что онъ не знаетъ, что и кто за него, что и кто противъ него; онъ разсуждаетъ въ одиночку. И наша робость, и наша смѣлость не сознательны. Оттого русскіе люди, даже вполнѣ зрѣлые и нравственно сильные, которые принесли бы честь всякой странѣ, мало полезны обществу. Какъ имѣть вліяніе на общество, когда оно не представляетъ ни сборныхъ мнѣній, ни общихъ интересовъ, ни сложившихся группъ, на которыя можно было бы дѣйствовать; влiять же на людей поодиночкѣ значило бы черпать море ложкою. Недостатокъ гражданской доблести, вялость въ исполненіи своихъ обязанностей и равнодушіе къ общему дѣлу, въ которыхъ мы постоянно себя упрекаемъ, происходятъ, въ сущности, отъ безсвязности между людьми. Немудрено быть гражданиномъ тамъ, гдѣ человѣкъ видитъ передъ собою возможность осуществить всякое хорошее намѣреніе; но нужна непомѣрная, чрезвычайно рѣдкая энергія, чтобы тратить силы при малой надеждѣ на успѣхъ. Это чувство одиночества, дѣйствующее очень долго, повліяло, конечно, и на складъ русскаго человѣка, сдѣлало его относительно-равнодушнымъ къ общественному дѣлу, лишило вѣры въ себя, вытравило изъ насъ отчасти то, что называется индивидуализмомъ. Невозможно вылѣчиться отъ равнодушія, пока продолжается обстановка, его создавшая.

Въ русской литературѣ то же самое, что въ русской жизни. И здѣсь нѣтъ недостатка въ умныхъ и ученыхъ книгахъ или

журнальныхъ статьяхъ, заносимыхъ въ періодическія изданія изъ самаго общества; но подъ зрѣлыми русскими книгами такъ же точно не оказывается почвы, какъ и подъ зрѣлыми русскими людьми: онѣ мало входятъ въ народное сознаніе, между ними и общимъ уровнемъ остается пустой промежутокъ. Въ другихъ странахъ никакое личное выраженіе сильной мысли не пропадаетъ даромъ: оно подхватывается и разносится въ обществѣ періодическою печатью, оно, можно сказать, размѣнивается ею на мелочь для всеобщаго употребленія. У насъ же, между серьезными трудами со стороны, которые печатаютъ случайно газеты или журналы, и собственными ихъ передовыми статьями или обозрѣніями не оказывается никакой связи; въ печати, какъ и въ жизни, зрѣлые люди остаются одинокими, мыслятъ про себя, а печать (даже изданія, служащія имъ органомъ, за весьма малымъ исключеніемъ) продолжаетъ угощать публику тою же уличною философіею и политикою. Даже въ дѣлѣ рецензіи и ознакомленія общества съ замѣчательными отечественными произведеніями, составляющихъ прямое дѣло періодической печати, всякій трудъ, переростающій общій уровень, всякое произведеніе мысли сколько нибудь сильной—остаются чужды русской критикѣ; развѣ случайно вздумается умному и ученому адвокату написать разборъ новаго сочиненія по соціологіи, или «неизвѣстному» представить очеркъ такъ-называемыхъ «запрещенныхъ духовныхъ книгъ». Безъ такихъ случайностей, довольно рѣдкихъ, одиночныя верхушки русской мысли оказываются не подъ силу нашей критикѣ, даже не затрогиваются ею. Удивительно развѣ то, что многіе люди все-таки добираются до этихъ произведеній собственнымъ чутьемъ, безъ всякаго указанія, что репутація нашихъ дѣятелей и писателей въ обществѣ держится совершенно независимо отъ ея огласки печатью; этотъ фактъ болѣе всего остальнаго доказываетъ великія нравственныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ русскаго общества, несмотря на слабость внѣшнихъ его проявленій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, наша періодическая печать оказывала несомнѣнное вліяніе на общество, но въ итогѣ вліяніе пустозвонное и не хорошее, и утратила его по своей винѣ *). Теперь она не руководитъ рѣши-

*) Мы не считаемъ нужнымъ оговаривать всѣмъ извѣстныхъ исключеній— объ изданіяхъ, оказавшихъ въ свое время несомнѣнную услугу русской мысли

тельно ничѣмъ, остается совершенно безплодною для развитія мнѣнія русскихъ людей, тѣхъ по крайней мѣрѣ, у которыхъ выросла уже борода. Особенно должно сказать это о нашей печати газетной, наиболѣе привлекающей читателей средняго уровня; она исключительно живетъ фельетономъ, обращеннымъ въ потѣху для публики, принявшемъ всѣ свойства стариннаго помѣщичьяго увеселенія съ шутами и скоморохами. Наши нигилистскіе журналы издаются для гимназистовъ; такъ-называемыя серьезныя газеты, во всемъ, что онѣ говорятъ отъ своего имени,—ровно ни для кого: читатели ищутъ въ нихъ шутокъ, телеграммъ, извѣстій изъ областей, городской хроники, иногда останавливаются на случайномъ словѣ кого нибудь изъ читателей же, рѣшившагося высказаться — и только.

Явленіе само по себѣ совершенно понятное. Въ нашей періодической печати не выражается, кромѣ рѣдкихъ исключеній, никакихъ *сборныхъ* мнѣній, у нея нѣтъ союза со *сборными* интересами, такъ какъ страна почти не обнаруживаетъ ихъ; за печатью не стоитъ никто, она не внушается никакою живою дѣйствительностью, она рѣшаетъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія какихъ-то *общечеловѣчныхъ принциповъ*, замѣняющихъ недостатокъ положительнаго дѣла; однимъ словомъ, она выражаетъ собою только самое себя, понятія своихъ сотрудниковъ. Кому же они могутъ быть любопытны? Нельзя сказать притомъ, чтобы въ нашихъ журнальныхъ редакціяхъ не было даровитыхъ людей: они есть; но у этихъ людей нѣтъ дѣла, они проникнуты тѣмъ же характеромъ, находятся въ тѣхъ же условіяхъ, какъ наши даровитые собесѣдники на желѣзныхъ дорогахъ. Едва можно назвать двѣ или три редакціи, стоящія выше этой среды; но и онѣ точно также вращаются въ пустотѣ. Свыше, очевидно, относятся къ вліянію такой печати гораздо серьезнѣе, чѣмъ относится къ ней само общество— лучшій судья въ этомъ вопросѣ.

Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ о предметѣ первой важности. Современное состояніе дважды обновленнаго русскаго общества, во всякомъ проявленіи его, до какого не коснись—до жизни высшихъ и низшихъ слоевъ, до земскаго управленія,

---

и русскому дѣлу по текущимъ случайнымъ вопросамъ; исключеніе только одтверждаетъ правило.

до церковнаго причта, до школы свѣтской и духовной, до печати, до войска, до семейнаго быта,—доказываетъ совершенный разбродъ людей и понятій, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Этой бѣдѣ не поможетъ ни классическое, ни реальное образованіе, когда вокругъ юношей, выходящихъ изъ школы, общественная жизнь разсыпается на первобытные атомы. Никуда не годится объяснять наше внутреннее безсиліе (можно сказать даже—оскудѣніе, потому что въ извѣстномъ отношеніи мы спустились ниже, чѣмъ стояли недавно) одною молодостью тысячелѣтней Россіи; нечего ждать естественнаго наступленія возмужалости. При нынѣшнемъ ходѣ дѣла, эта возмужалость никогда ни придетъ сама собою. Съ каждымъ годомъ мы будемъ скорѣе разсыпаться, чѣмъ складываться, а въ настоящемъ положеніи свѣта, сросшись съ Европой такъ тѣсно, какъ мы съ нею срослись, намъ некогда уже подростать потихоньку. Глиняный горшокъ не спутникъ желѣзному.

Прежде чѣмъ искать выхода изъ нашей безсвязности, надобно хорошенько въ ней оглядѣться. Не только въ русской общественной жизни нѣтъ ни средоточія общаго, ни средоточій мѣстныхъ, его нѣтъ также точно и въ русской мысли. Справа налѣво, во всемъ туманномъ облакѣ расплывающихся русскихъ мнѣній, изъ которыхъ ни одно не очерчено ясно, отъ бывшихъ славянофиловъ до крайнихъ нигилистовъ, непримѣтно до сихъ поръ ни одной точки, въ которой можно было бы предполагать будущій центръ тяготѣнія нашей національной мысли, направленіе будущаго большинства. Этой точки нельзя даже подозрѣвать, потому что у насъ обрисовались сколько-нибудь лишь крайнія, совершенно несогласимыя мнѣнія; а въ промежуткѣ между ними, гдѣ обыкновенно помѣщается центръ, тянется умственная пустота, въ которой вращается вихрь осколковъ—даже не мыслей, а осколковъ фразъ и словъ, надерганныхъ наудачу изъ обѣихъ оконечностей, больше, впрочемъ, съ лѣвой, чѣмъ съ правой; выводы послѣдней, и то безъ яснаго понятія объ ихъ источникѣ, стали только недавно входить въ общее сознаніе. Этотъ вихрь самородныхъ осколковъ недавно зародившейся русской мысли перемѣшанъ вдобавокъ съ роемъ другихъ мысленныхъ осколковъ, внесенныхъ гуртомъ въ наши понятія только-что прожитымъ подражательнымъ періодомъ русской исторіи. Наше

образованное общество воспитывалось на иностранной жизни, то-есть на иностранныхъ литературахъ, и огуломъ почерпало изъ нихъ не столько мысли, какъ названія съ подведенными подъ нихъ заключеніями, а потомъ, не задумываясь, примѣняло эти названія и заключенія къ своему домашнему быту, къ явленіямъ русской жизни, имѣющимъ совсѣмъ иное содержаніе. Эта переноска названій и готовыхъ выводовъ на неподходящіе къ нимъ предметы спутала наши понятія до хаоса. Мы не замѣтили въ началѣ своего подражательнаго вѣка, что явленія нашей общественной и государственной жизни, окрещиваемыя иностранными именами, подразумѣваютъ совсѣмъ не то, что слова эти означаютъ на западѣ: что русская верховная власть стоитъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ феодальная европейская монархія; что русское дворянство не имѣетъ ничего общаго съ дворянствомъ западнымъ ни по происхожденію, ни по отношенію къ народу и представляетъ совсѣмъ иную функцію общественной жизни; что примѣненіе къ намъ европейскихъ понятій о среднемъ сословіи составляетъ безсмыслицу, потому что въ Россіи всего только два пласта людей—пластъ, созрѣвшій исторически, постоянно подновляемый притокомъ новыхъ силъ снизу, и пластъ стихійный—простой народъ; что православное духовенство, какъ общественной органъ, не можетъ быть ни съ какой стороны приравнено къ клиру католическому или церковному наставничеству протестантскому; что православная церковь, охраняющая свое единство въ чисто-духовномъ смыслѣ, составляетъ учрежденіе *не* политическое, чѣмъ обусловливается внутреннее направленіе нашей исторіи, кромѣ случайныхъ, совершенно личныхъ отклоненій, а потому у насъ невозможно мѣрить отношенія церкви къ государству заграничнымъ аршиномъ; что въ Россіи нѣтъ черни, волнующей съ нѣкотораго времени Западную Европу, а есть только осѣдлый народъ, не разрывающій связи съ родною деревнею, даже при долголѣтнемъ жительствѣ на сторонѣ; что завистливыя отношенія низшихъ *народныхъ* слоевъ къ высшимъ, образованнымъ, рѣшительно у насъ не существуютъ, вслѣдствіе чего первые не требуютъ себѣ никакого трибунства, никакого огражденія отъ послѣднихъ; что нашъ народъ привыкъ управляться міромъ только въ хозяйственномъ отношеніи—дѣлить общинную землю и подати, а полицейское самоуправленіе на швейцарскій ладъ ему

невѣдомо,—и такъ далѣе безъ конца. Можно было бы выслѣдить во всемъ объемѣ образованной русской жизни фальшь, происходящую изъ занесенныхъ къ намъ чужихъ названій и выводимыхъ изъ нихъ неподходящихъ заключеній. Проглядѣвъ въ первомъ жару образовательнаго увлеченія это коренное различіе между вновь заучиваемыми словами и своею родною дѣйствительностью, мы сбили себя съ толку на полтора, можетъ быть, на два столѣтія. Мы уподобились всѣ львенкамъ басни, отданнымъ на воспитаніе орлу и воспылавшимъ, по возвращеніи домой, рвеніемъ обучать звѣрей искусству вить гнѣзда. Отсюда всѣ промахи нашего воспитательнаго періода сверху и снизу вплоть до новѣйшаго нигилизма, прямаго и неизбѣжнаго его послѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ самаго неподходящаго и безсмысленнѣйшаго изъ русскихъ подражаній. Изъ общества, вмѣстѣ съ людьми, эта привычная подстановка чуждыхъ названій и выводовъ подъ русскую дѣйствительность перешла и въ офиціальные круги—кто же наполнялъ эти круги, какъ не тѣ же люди образованнаго русскаго слоя?— и отразилась на безконечномъ рядѣ правительственныхъ мѣръ прошлаго времени; въ послѣдній разъ она отозвалась, и отозвалась сильно, на громадныхъ преобразованіяхъ шестидесятыхъ годовъ. Въ обществѣ это полуторавѣковое qui pro quo дѣйствуетъ до сихъ поръ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ личный взглядъ человѣка ближе подходитъ къ лѣвой сторонѣ русскихъ направленій, то-есть чѣмъ меньше самостоятельности въ его мысли. Какой нибудь журналъ пишетъ статью о народномъ образованіи въ Россіи: онъ считаетъ просвѣщеннымъ дѣломъ выговорить, по западному образцу, огражденіе образованія отъ клерикализма, даже не подозрѣвая того, что, безпокоясь о нашемъ клерикализмѣ, онъ говоритъ французскимъ языкомъ уѣздной барышни, которая называетъ содержателя постоялаго двора—по народному, дворника—le portier; а щи—la soupe au choux.

Одно съ другимъ—переплетеніе крайнихъ взглядовъ, выросшихъ на русской почвѣ, съ хаосомъ неподходящихъ, чуждыхъ нашей жизни выводовъ и заключеній—не могли не сбиться въ настоящую кашу въ русской головѣ средней силы. При нѣкоторой связности общественной жизни, этотъ хаосъ пришелъ бы самъ собою въ порядокъ, по крайней мѣрѣ распредѣлился бы по группамъ; значеніе господствующихъ направленій можно

было сосчитать, если не взвѣсить; мы знали бы приблизительно, въ чемъ у насъ сила и куда мы идемъ. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣла, при полной безсвязности людей, умственный хаосъ обращается въ нашъ хроническій недугъ. Нельзя не замѣтить, однакожъ, что механическая смѣсь противоположныхъ или, что еще хуже, несоизмѣримыхъ взглядовъ можетъ уживаться только въ частной жизни нетребовательныхъ личностей, для которыхъ мнѣнія составляютъ нѣчто вродѣ умственнаго упражненія на досугѣ; но съ нею не уживается стройная общественная жизнь, требующая прежде всего извѣстнаго соотвѣтствія началъ и цѣлей въ людяхъ, дѣйствующихъ съобща.

Единственная серьезная работа русской мысли надъ самой собою дана намъ группою, наименѣе у насъ популярною, бывшими славянофилами—не въ ихъ теоріи и не въ ихъ практическихъ заключеніяхъ, но въ анализѣ, совершенномъ ими надъ русскими понятіями конца воспитательнаго періода, въ изобличеніи вопіющей фальши чуждыхъ названій и подведенныхъ къ нимъ готовыхъ заключеній чужеземной жизни въ отношеніи къ русской дѣйствительности, въ точномъ опредѣленіи нашего рода и вида между націями, въ общественномъ и духовномъ смыслѣ. Безъ этого труда, не вполнѣ еще вошедшаго въ общественное сознаніе, но тѣмъ не менѣе проникающаго его понемногу со всѣхъ сторонъ, мы находились бы до сихъ поръ въ смутномъ положеніи образованнаго русскаго слоя двадцатыхъ годовъ, стремившагося всею душою, чистосердечно, къ перенесенію на нашу почву французскихъ порядковъ и французскихъ политическихъ заключеній,—въ положеніи русскихъ барынь, обращаемыхъ де-Местромъ въ ультрамонтанство,—въ понятіяхъ того времени, когда Бѣлинскій видѣлъ въ турецкомъ пашѣ и австрійскомъ жандармѣ просвѣтительное начало для славянъ. О школѣ славянофиловъ можно говорить уже въ прошломъ; она отжила свое время и высказала все, что имѣла сказать. Теорія ея создала принципъ слишкомъ цѣльный, чтобы онъ могъ примѣниться къ условному общественному быту; въ практическихъ заключеніяхъ она не принесла плода. Поставивши ясно вопросъ, независимые и либеральные умы, работавшіе въ этомъ направленіи, не умѣли свести его на жизненную почву; такая задача оказалась не подъ силу ихъ времени. Они пришли на дѣлѣ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ позднѣйшіе либералы съ чужихъ словъ: искали спасенія въ

сокровищахъ стихійной мудрости русскаго простонародья. Съ общаго голоса всѣхъ направленій опытъ былъ предпринятъ. Оказалось, какъ и должно было оказаться, что стихійныя народныя сокровища (дѣйствительныя, какъ доказывается русскою исторіей) уподобляются минеральнымъ сокровищамъ горы Благодати: лежатъ подъ спудомъ и безъ пользы, покуда образованные инженеры не станутъ извлекать ихъ по частямъ и отливать въ опредѣленную форму.

Нечего говорить о несуществующей пока срединѣ русскихъ мнѣній, о томъ, что называется на Западѣ правымъ и лѣвомъ центрами, всегда составляющими большинство: она высказывается по временамъ лишь въ добрыхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ практическимъ предметамъ, выражаетъ преимущественно личное настроеніе и не выработала себѣ никакихъ общихъ началъ. Да какъ и выработать? Мы вынуждены перешагнуть прямо къ вавилонскому смѣшенію языковъ, названному недавно лѣвою стороной русскихъ мнѣній.

Наши лѣвыя мнѣнія прозвали себя либеральными. Это прилагательное удержалось за ними въ разговорномъ языкѣ, не какъ сужденіе общества, но какъ кличка. Что значитъ въ ихъ смыслѣ слово либерализмъ, — можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія.

Славянофилы, нынѣ уже отжившіе, были не только либералами, но либералами-утопистами, насколько русскіе люди могли стать ими, не отрываясь совершенно отъ почвы. Они такъ глубоко вѣрили въ сокровенную духовную мощь русскаго народа, что считали возможнымъ осуществленіе самыхъ широкихъ идеаловъ жизни почти безъ всякихъ обезпеченій со стороны власти и закона, на началахъ одного полюбовнаго соглашенія: они вѣрили въ народную правду, то-есть въ разумное сельское самоуправленіе съ общиной и круговою порукой; вѣрили въ самое широкое самоуправленіе областное и государственное (земскіе соборы, какъ совѣщательное собраніе); вѣрили въ полную свободу слова, служащаго само себѣ противовѣсомъ; вѣрили въ безъизъятную свободу совѣсти и духовную вселенскую церковь, стоящую исключительно на единодушіи вѣрующихъ, внѣ всякой охраны со стороны государства; они признавали судъ присяжныхъ (справедливо или нѣтъ—все равно) за коренное славянское учрежденіе; ограничивали въ своей теоріи дѣйствіе администраціи одною внѣшнею, фактическою

стороной жизни; были противниками всякихъ предупредительныхъ стѣсненій; свято (хотя, конечно, не слѣпо) чтили науку,— и такъ далѣе. Если такія мнѣнія — не самый полный, почти радикальный, даже увлекающійся либерализмъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ современному общественному состоянію Россіи,—то что же онѣ такое? Не даромъ Герценъ называлъ славянофиловъ своими братьями по свободомыслію. Противъ нихъ можно было спорить во многомъ, даже почти во всемъ, вслѣдствіе слишкомъ теоретической постановки, которую они давали своимъ положеніямъ; можно было опровергать ихъ пріемы; можно было доказать имъ, что такого свободнаго общества, о какомъ они мечтали, еще не существовало на свѣтѣ, — но никакъ нельзя было не признавать ихъ самыми свободомыслящими людьми. Между тѣмъ, наши такъ-называемые либералы всегда считали и именовали группу славянофиловъ консервативною, *нелиберальною*. Такъ выражались даже почтенные, совсѣмъ не-нигилистскіе, сохраняющіе благопристойность органы лѣваго направленія; подонки же этой стороны литературы, настоящіе нигилистскіе листки, величали мнѣнія славянофиловъ «понятіями московской просвирни». Теперь спрашивается: если стремленіе къ широчайшему самоуправленію, къ свободѣ слова и совѣсти, къ независимой не политической церкви, къ народному суду, къ вольной наукѣ и т. д. составляютъ въ нынѣшнемъ положеніи нашего отечества партію консервативную, то въ чемъ же заключаются гражданскія стремленія нашей партіи прогрессивной?

Читатель ждетъ ужасовъ. Можно думать, что идеалъ людей, для которыхъ всѣ вышесказанныя стремленія составляютъ не болѣе какъ чистый консерватизмъ, долженъ бить, по крайней мѣрѣ, на какой нибудь соціальный переворотъ! Нѣтъ, ничего подобнаго наши либералы не имѣютъ въ виду. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ у насъ дѣйствительно развилось-было, подъ давленіемъ долгаго застоя, заграничной пропаганды и тяжелаго впечатлѣнія крымской неудачи, направленіе поголовно отрицательное, сильно проникнутое бреднями соціализма и космополитизма—нашъ знаменитый нигилизмъ; но онъ никогда не былъ сознательнымъ убѣжденіемъ чьимъ бы то ни было, кромѣ нѣсколькихъ недокроенныхъ природою личностей,—онъ былъ только модою, на которую всегда податливы люди, не чувствующіе подъ собою почвы. Первое соприкосновеніе рус-

скаго общества съ дѣйствительностью, въ видѣ польскаго возстанія, снесло его какъ утренній туманъ. Остатки нигилизма укрылись въ литературныхъ подпольяхъ, откуда они продолжаютъ дѣйствовать понемногу на разныхъ юношей, такъ что нынѣшніе русскіе нигилисты составляютъ не какую либо группу людей, связанную общими убѣжденіями, а только извѣстный возрастъ. Какъ Аѳины подъ управленіемъ геронтократіи (аристократіи старцевъ), Россія подѣлилась на партію людей брадатыхъ и партію безбородыхъ; стало быть, нынѣшній нигилизмъ въ сущности составляетъ довольно невинную забаву. Съ тѣмъ вмѣстѣ вершины, даже средній уровень либеральной печати и публики, почти совершенно очистились, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, отъ нигилистскихъ началъ, то-есть отъ фантазіи отрицанія всего историческаго подлуннаго міра, хотя множество отдѣльныхъ повѣрій той полосы времени удержались еще, какъ лужи послѣ наводненія. Но хотя въ настоящее время наши грамотные либералы уже не нигилисты, тѣмъ не менѣе они признаютъ за собою стремленіе къ такимъ возвышеннымъ цѣлямъ, въ сравненіи съ которыми утопическія цѣли славянофиловъ ничто иное, какъ консерватизмъ. Мы полагали бы, что на свѣтѣ не существуетъ покуда политическаго идеала, который могъ бы относиться къ полной свободѣ самоуправленія, слова, церкви и проч., какъ прогессъ къ застою; американцы такого идеала не знаютъ: честь изобрѣтенія его принадлежитъ русской лѣвой сторонѣ. Но въ чемъ же состоитъ, наконецъ, этотъ недостижимый для другихъ народовъ идеалъ? Увы, это можно сказать въ двухъ словахъ. Онъ состоитъ *ни въ чемъ*, все содержаніе его не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ либеральныхъ общихъ мѣстъ, занесенныхъ къ намъ краснорѣчіемъ европейскихъ политическихъ партій. Для нашихъ либераловъ важны слова и названія, а не дѣло.

Перенесеніе въ нашъ домашній бытъ названій и заключеній, выработанныхъ чужою жизнью, о которомъ мы говорили, усложнилось еще особымъ, временнымъ характеромъ—теоретическимъ крайне-либеральнымъ оттѣнкомъ въ самомъ неопредѣленномъ значеніи этого слова. Европейскія понятія стали проникать въ русское общество только въ послѣдніе годы Екатерины, одновременно со взрывомъ резолюціи; до тѣхъ поръ мы заимствовали военно-техническія знанія, шитые кам-

волы и менуэтъ; еще Рюльеръ говорилъ объ насъ: «une nation barbare armée de tous les arts de la guerre». Въ ту пору именно вся Европа увлекалась царствомъ разума и правами человѣка; понятно, что это увлеченіе, въ теоріи, не осталось чуждымъ и русскому образованному обществу. Но съ тѣхъ поръ между Европою и нами легла слѣдующая разница: Европа выстрадала послѣдствія своихъ увлеченій и научилась жестокимъ опытомъ отличать слова отъ дѣла; по крайней мѣрѣ культурные слои ея научились этому искусству. Мы же заимствовали изъ ея пира только цвѣтки безъ ягодокъ и позволяемъ себѣ роскошно упиваться ихъ ароматомъ, не разбирая между цѣлебными и ядовитыми. При такомъ золотомъ настроеніи, владычество пышныхъ словъ хотя и не умно, но понятно. Слова эти, несмотря на свою обветшалость, стали у насъ для многихъ такими же кумирами, такими же метафизическими существами, по выраженію Огюста Конта, какими были они для французовъ 1788 года—въ меньшей степени конечно, такъ какъ тамъ кумиры были самородные, у насъ же они заносные.

Въ этихъ метафизическихъ либеральныхъ словахъ заключается вся сущность нашей лѣвой стороны, всѣхъ изданій и мнѣній, выросшихъ первоначально на смутной почвѣ конца пятидесятыхъ годовъ, несмотря на видимыя усилія многихъ изъ нихъ высвободиться изъ-подъ такихъ воспоминаній. Кумиропоклоненіе предъ словами выказывается на этой сторонѣ всякій разъ безъ исключенія, какъ только подымается у насъ какой нибудь общественный вопросъ. Достаточно указать на выдержку нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ. Каждый такой примѣръ, какъ каждое отдѣльное существо въ природѣ, представляетъ собою цѣлый микрокосмъ, въ которомъ отражается все общественное состояніе съ своими оттѣнками.

Вотъ случай съ госпожею Энкенъ. Приговоръ мироваго суда, учрежденнаго для разбора дѣлъ по обычаю страны, противорѣчилъ не только русскому обычаю, но обычаю всѣхъ странъ въ свѣтѣ; онъ былъ бы несообразнымъ даже въ демократической Америкѣ. Еслибъ такіе приговоры вошли въ привычку, еслибъ русскій человѣкъ не могъ прогнать во всякое время слугу, ругающаго его въ глаза,—существованіе культурныхъ слоевъ стало бы у насъ невозможнымъ; отъ министра до послѣдняго технолога всѣмъ людямъ образованныхъ слоевъ пришлось бы бросить умственный трудъ и заняться

чорною работой, мести свою комнату и чистить сапоги, по невозможности держать прислугу. Ни мировые судьи, изрекшіе знаменитый приговоръ, ни защитники ихъ въ печати не потерпѣли бы у себя, въ своемъ личномъ дѣлѣ, ничего подобнаго. И тѣ и другіе знали отлично, знали несомнѣнно, что этотъ приговоръ выражаетъ произвольную ложь въ общественныхъ отношеніяхъ; что ни въ одной странѣ, имѣющей привычку къ самоуправленію, онъ не былъ бы допущенъ; что распространеніе подобныхъ взглядовъ мироваго суда имѣло бы послѣдствіемъ переворотъ всѣхъ общественныхъ отношеній, нѣчто въ родѣ соціальной революціи—чего не хочетъ ни правительство, ни общество, чего въ дѣйствительности не хотятъ даже эти судьи и ихъ литературные защитники. Всякому извѣстно, что общія начала или принципы, на которыхъ подобный приговоръ могъ бы основаться, годятся развѣ для самаго плохаго нигилистскаго листка. Никакой европеецъ не пойметъ возможности защитить московскій приговоръ; значительная же часть нашей такъ-называемой либеральной печати защищала его. Если защищала, стало быть надѣялась на одобреніе многихъ читателей, изъ которыхъ ни одинъ, навѣрное не поступилъ бы въ подобномъ случаѣ снисходительнѣе г-жи Енкенъ, а большинство поступило бы гораздо суровѣе. Что же означаетъ подобное явленіе, если не ребяческое кумирапоклоненіе предъ общими мѣстами либерализма, неимѣющими никакого значенія въ жизни. Общее либеральное мѣсто въ данномъ случаѣ—это три завѣтныя слова: святость суда, выборное начало и равенство передъ закономъ. Но святы лишь вѣра и отечество, отецъ и мать; судъ вовсе не святъ самъ по себѣ: онъ есть общественная потребность и годится, въ данномъ ему устройствѣ, только до тѣхъ поръ, пока удовлетворяетъ этой потребности, а не противорѣчитъ ей; выборное начало есть средство, а не цѣль,—средство, не соотвѣтствующее многимъ отправленіямъ общественной жизни; равенство имѣетъ значеніе между гражданами, которыхъ самъ же законъ ставитъ въ равное положеніе, а не между солдатомъ и офицеромъ, не между наемнымъ слугою и его господиномъ, не говоря уже о томъ, что всякій выгонитъ изъ дому не только низшее, но и равное, но и высшее себя лицо, если оно начнетъ дѣлать дерзости. Либеральные защитники московскаго приговора знаютъ это такъ же хорошо, какъ мы; ихъ практиче-

скія дѣйствія совершенно сходны съ нашими, но на бумагѣ они—рабы извѣстныхъ словъ фетишей, они отрекаются предъ ними отъ своего личнаго сужденія.

Возьмемъ другой случай. Рѣчь идетъ о присяжныхъ, просящихъ милостыни между засѣданіями и крадущихъ другъ у друга полушубки на скамьѣ суда. Сказать мимоходомъ, мы вовсе не противъ присяжныхъ изъ крестьянъ, — они оказываются лучше столичныхъ, — но всему есть мѣра. Лѣвая, то-есть либеральная печать возстаетъ на защиту существующаго порядка на томъ основаніи, что законъ есть дѣло вѣковое и священное; что въ Англіи даже сомнительные законы испытываются цѣлыми столѣтіями прежде, чѣмъ рѣшаются ихъ измѣнить. Защитники прошенія милостыни присяжными, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, хорошо знаютъ, что въ Англіи святые законы складывались вѣковымъ обычаемъ и мнѣніемъ, прежде чѣмъ устанавливались обязательно; они также знаютъ, что наши недавнія учрежденія, по самой новизнѣ своей и теоретичности составляютъ какъ-бы пробу, требующую дальнѣйшаго указанія опыта, что въ ихъ подробностяхъ такой-то параграфъ выработанъ вчернѣ такимъ то начальникомъ отдѣленія, котораго мы хорошо знаемъ въ домашнемъ быту, не признавая за нимъ никакой святости. Они все это знаютъ; но тутъ замѣшано слово: «присяжные отъ крестьянъ», и они уже не могутъ судить своимъ умомъ, они—рабы либеральнаго слова, для оправданія котораго подыскиваютъ совершенно неподходящій примѣръ Англіи.

Идетъ рѣчь о всесословной волости, неотложномъ вопросѣ текущаго времени. Наша либеральная печать, также какъ и прочіе ея оттѣнки, признаетъ эту необходимость; но она соглашается на нее только подъ условіемъ, чтобы въ новой волости помѣщики сравнялись съ мужиками, а всѣ должности оплачивались, т. е. демократизировались, хотя главная потребность этого учрежденія состоитъ именно въ томъ, чтобы высвободить русскій народъ изъ-подъ мужичьяго управленія, становящагося для него нестерпимымъ. Тщетно г. Марковъ и столько другихъ, стоящихъ въ прямомъ прикосновеніи съ народомъ, высказываютъ несомнѣнную истину, что у насъ между крестьянствомъ и господами нѣтъ розни, что наши крестьяне въ своего брата не вѣрятъ, что они полагаются больше на правду господъ, а господиномъ считаютъ не какого либо за-

бредшаго на ихъ сторону студента, а своего мѣстнаго, кореннаго помѣщика; что извращеніе закономъ естественныхъ, вросшихъ въ нравы отношеній можетъ не устроить, а только еще болѣе разстроить общество, и безъ того почти разсыпающееся. Что за дѣло нашимъ присяжнымъ либераламъ, хорошо или худо будетъ русскимъ крестьянамъ, хорошо или худо пойдутъ дѣла въ уѣздахъ? Они ихъ и не увидятъ. Принципъ равенства на бумагѣ,—вотъ что важно. Не мѣнять же тона петербургской редакціи изъ-за мѣстныхъ дѣлъ какого нибудь далекаго уѣзда.

Вотъ вопросъ о пьянствѣ, возросшемъ до крайнихъ предѣловъ и составляющемъ язву нынѣшней Россіи. Различіе во взглядахъ на средства къ пресѣченію зла очень понятно; но какое же различіе могло бы обнаружиться, кажется, въ сужденіи о *необходимости* какихъ либо мѣръ для этой цѣли. Извѣстно, что чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ болѣе оно заботится о народной нравственности, чѣмъ либералъ искреннѣе, тѣмъ онъ ближе принимаетъ къ сердцу народное благосостояніе, въ корнѣ подсѣкаемое пьянствомъ. Тутъ то именно, на почвѣ питейнаго вопроса, слѣдовало ожидать единодушія всѣхъ либеральныхъ органовъ печати. Да, но только не русскихъ. Для русской либеральной печати существуютъ одни отвлеченныя права человѣка, а не потребности дѣйствительнаго лица. Во имя этихъ правъ большинство ея ополчилось за свободу пьянства противъ мѣръ къ его пресѣченію.

Довольно примѣровъ. Пусть укажутъ намъ единый случай, единый общественный вопросъ, въ которомъ наша такъ-именуемая либеральная сторона сохранила бы практическую самостоятельность сужденія и не оказалась бы крѣпостною лелѣемыхъ ею модныхъ (въ кругу ея публики) словъ. Она сохраняетъ цѣликомъ старинную миѳологію метафизическихъ существъ, либеральныхъ отвлеченностей, избираемыхъ, разумѣется, по собственному вкусу, и поклоняется ей по-язычески. Немудрено, что предъ ея идеаломъ даже славянофилы оказываются тугими консерваторами; идеалъ ея — не какая либо дѣйствительность, а либерально-аллегорическій Олимпъ. Какая быль можетъ поравняться съ сказочною аллегоріей?

Эта миѳологія имѣла на первыхъ порахъ сильное вліяніе на русское общество, потрясенное въ своихъ обычныхъ вѣрованіяхъ разочарованіемъ, послѣдовавшимъ временно за крымскою войною, но тутъ было главнѣйше вліяніе новизны, разле-

тѣвшееся само собою. Привычная робость передъ громкими словами удержалась у насъ въ нѣкоторой степени и до сихъ поръ; она должна удержаться, покуда сложившаяся общественная жизнь не распредѣлитъ ихъ по достоинству, не дастъ сомнительнымъ изъ нихъ достаточный, видный для всѣхъ отпоръ. Но громадное большинство, не рѣшающееся покуда, по своей безсвязности, возстать явно противъ навязываемыхъ ему призраковъ, уже не вѣритъ имъ,—въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, выѣзжающій за петербургскую заставу. Понятно, что при такомъ настроеніи большинства наша метафизическая либеральная печать утратила всякое значеніе; но понятно также, что въ головахъ этого общественнаго большинства, изъ которыхъ еще прежде безсодержательный либерализмъ, нынѣ испаряющійся самъ собою, вытѣснилъ большую часть отеческихъ завѣтовъ, остались только пустота и равнодушіе ко всему.

Легко выразить въ двухъ словахъ сущность мнѣній нынѣшней лѣвой стороны, откидывая, конечно, ея крайнюю оконечность: еслибъ ихъ можно было выпаривать въ котлѣ, общія мѣста улетучились бы и на днѣ осталось бы: нѣкоторое количество добрыхъ намѣреній, не мало личныхъ дарованій, очень много спекуляціи и смутная, нынѣ почти уже безсознательная закваска, сохранившаяся отъ разлива нигилизма пятидесятыхъ годовъ.

Эту закваску, сохранившуюся и до сихъ поръ въ довольно чистомъ видѣ, хотя въ микроскопическихъ размѣрахъ, стоитъ разобрать особо. Какъ общественная группа, она ничтожна, ограничиваясь преимущественно несовершеннолѣтними; какъ признакъ общественнаго состоянія, она имѣетъ свое значеніе. Надобно принять въ соображеніе и ее, чтобы окончательно оглядѣться въ туманѣ современныхъ русскихъ мнѣній.

ГЛАВА II.

Европейская революція и русскіе ея почитатели.

Какъ извѣстно, въ настоящее время наша крайняя лѣвая сторона очень похожа своею постановкой на учебное заведеніе: взрослые числятся въ ней только въ должностяхъ учителей и наставниковъ, слушатели—всѣ дѣти.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ было иначе: тогда русскія уши разныхъ возрастовъ увлекались новыми словами. Но проповѣдь нигилизма, внѣ литературныхъ кружковъ, никогда не шла далѣе ушей, и соблазнъ ея не простирался далѣе «новыхъ словъ». Первый опытъ доказалъ это съ несомнѣнною убѣдительностью. Нынѣ живущее поколѣніе хорошо помнитъ время польскаго возстанія, когда при встрѣчѣ на почтовыхъ станціяхъ (желѣзныхъ дорогъ тогда еще было мало) приписные русскіе нигилисты обмѣнивались словами: «а вѣдь Герценъ, котораго мы считали такимъ патріотомъ, оказался измѣнникомъ! кто бы этого могъ ожидать?»

Со времени этого великаго опыта русскіе нигилисты и не нигилисты распредѣлились по возрасту. Говорятъ, что у насъ существуетъ одинъ крайне либеральный журналъ, постоянно твердящій о молодомъ поколѣніи, изъ котораго сотрудники, достигающіе 21 года — возраста гражданскаго совершеннолѣтія — исключаются поголовно по подозрѣнію въ консерватизмѣ. Этотъ журналъ, очевидно, умнѣе чѣмъ думаютъ. Стало быть, въ политическомъ отношеніи можно смотрѣть равнодушно на остатки русскаго нигилизма, такъ какъ ничто, даже новый всемірный потопъ, не можетъ измѣнить того закона, по которому двадцалѣтніе люди находятся подъ властью сорокалѣтнихъ. Но въ другихъ отношеніяхъ это не совсѣмъ такъ. Намъ, поколѣнію отцовъ, не все равно, что происходитъ съ нашими

дѣтьми до двадцати одного года, когда, по мнѣнію умнаго нигилистскаго журнала, у нихъ впервые является склонность къ консерватизму: этого срока весьма достаточно, чтобы сгубить себя. Кромѣ того, имъ приходится наверстывать отъ двадцати до тридцати лѣтъ время, которое они тратятъ на бредни отъ десяти до двадцати; такимъ образомъ Россія никогда не догонитъ своихъ сосѣдей, оставаясь навѣчно десятью годами моложе ихъ. Наконецъ, эта черезчуръ распространенная юношеская шалость оказывается дурнымъ признакомъ въ нравственномъ состояніи отцовъ: какъ имъ складывать общественный бытъ своихъ зрѣлыхъ согражданъ, когда они не могутъ сладить съ собственными дѣтьми? Вслѣдствіе этихъ соображеній, несмотря на ничтожность остатковъ русскаго нигилизма, какъ общественной группы, стоитъ разсмотрѣть это явленіе пристальнѣе.

Полнаго выраженія мнѣній нашей крайней лѣвой надобно искать въ русской заграничной печати. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она и дома высказывалась достаточно откровенно и писала между строкъ то же самое, что наши бѣглые печатали въявь въ Лондонѣ и Женевѣ; но то время прошло. Съ окончаніемъ повѣтрія и моды на этотъ родъ рѣчи, нашъ свойскій, домашній нигилизмъ не могъ бы договариваться до конца, еслибъ ему была даже предоставлена полная свобода слова. Въ глаза людямъ нельзя говорить басень, легко сходящихъ за глаза. Довольно мудрено увѣрить въ пріятности фаланстеріи (коммунистской казармы) сосѣда, съ которымъ не можешь ужиться на одной квартирѣ; убѣдить хозяина, отъ котораго кабакъ сманиваетъ рабочихъ, нанимаемыхъ за высокую плату, въ усердіи этихъ же самыхъ рабочихъ, трудящихся безплатно, изъ соревнованія, для пользы общины; доказать невмѣняемость преступленія крестьянамъ, гибнущимъ отъ конокрадства; проповѣдывать федеративно-соціальную республику уѣзднымъ земствамъ, которыя до сихъ поръ не могутъ справиться съ мѣстными мостами. Но за границей, въ кружкѣ десятка русскихъ, затерянныхъ въ многолюдномъ Лондонѣ, или въ обществѣ русскихъ цюрихскихъ барышень, высокія мысли зрѣютъ безпрепятственно. Оттого русская заграничная печать отличается драгоцѣнною откровенностью; въ ней, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отражается не только лицевая сторона, но даже изнанка нашихъ передовыхъ мнѣній.

Собравъ все, что писали наши эмигранты, вышло бы нѣсколько сотъ томовъ; но—замѣчательное дѣло—во всей этой библіотекѣ нѣтъ единаго слова проповѣди, сочиненнаго отъ себя, за исключеніемъ, конечно, личныхъ воспоминаній и перебранки: до послѣдней мысли, все заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ, переведено или кое-какъ передано своими словами. За нашими независимыми мыслителями оказывается только способность переписывать. Единственная довольно крупная личность, являвшаяся между ними, былъ Герценъ, обладавшій дарованіемъ исключительно литературнымъ, лучше даже сказать—фельетоннымъ, безъ тѣни какой либо обобщенной мысли или политическаго чутья; въ библіотекѣ было бы смѣшно поставить сочиненія этого талантливаго писателя въ иной отдѣлъ, кромѣ беллетристики. Созданная имъ заграничная русская печать процвѣла на короткое время, а затѣмъ, какъ извѣстно, забрела въ польскій лагерь и пала по недостатку читателей, надѣлавъ много шума, но не высказавъ ни одной мысли, которая пригодилась бы для какого нибудь дѣла.

Кажется, урокъ былъ достаточный. Россійскіе *крайніе* могли бы понять, что имъ несравненно выгоднѣе писать подъ цензурой, ничего не договаривая до конца: такой пріемъ—самый удобный для людей, которымъ нечего сказать, кромѣ общихъ мѣстъ, вычитанныхъ въ чужихъ книжкахъ. Но самолюбіе всегда растетъ вмѣстѣ съ несостоятельностью. И вотъ, въ 1873 году снова появилось въ Цюрихѣ русское красное изданіе, подъ заглавіемъ «Впередъ». Изданіе это можетъ служить не только отличнымъ мѣриломъ внутренняго содержанія осадковъ бывшаго нигилизма послѣднихъ русскихъ революціонеровъ (правильнѣе сказать — русскихъ читателей иностранныхъ революціонныхъ книгъ, такъ какъ своего у нихъ нѣтъ ни іоты), но вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ умственнаго состоянія многихъ нашихъ людей, по природѣ не совсѣмъ бездарныхъ. Будетъ не лишнимъ познакомить общество—въ видѣ отдѣльной вставки—съ этимъ новымъ цвѣткомъ забытаго было нигилизма, выросшимъ хотя не на русской почвѣ, но несомнѣнно изъ русскихъ сѣмянъ.

Мы считаемъ себя обязанными высказать по этому поводу полнѣйшее несогласіе съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати: такія книги слѣдуетъ не запрещать, а напротивъ, перепечатывать на казенный счетъ и разсылать въ видѣ подарка

во всѣ уѣзды; онѣ могли бы служить отличнымъ предохранительнымъ маякомъ для русскихъ людей, такъ легко переходящихъ, смотря по полосѣ времени, отъ самодурства въ жизни къ самодурству въ мысли. Очевидно, наши цюрихскіе обновители человѣчества ошиблись въ разсчетѣ времени: имъ кололъ глаза временный успѣхъ Герцена, но они забыли, въ чемъ состояла суть этого успѣха; мы же это хорошо помнимъ. Было, дѣйствительно, время, когда русскіе люди, самые враждебные по образу мыслей и складу всей жизни безсвязной революціонной проповѣди Герцена, трепетали какимъ-то смутно-радостнымъ чувствомъ, видя въ печати, въ первый разъ послѣ призванія Рюрика съ братьями, совершенно свободное русское слово. Но это время прошло: насъ теперь уже не удивишь никакою неценвурною выходкой; наши уши достаточно вянутъ отъ своей домашней печати, чтобы мы стали гоняться за заграничною болтовней. Безъ какого-нибудь достоинства мысли или слога, самая дерзкая рѣчь не имѣетъ уже для насъ цѣны, а потому спекуляція нашихъ цюрихскихъ соотечественниковъ едва ли имъ удастся.

Между тѣмъ они были бы достойны лучшей участи. Это—самыя наивныя души, самые глубоко-вѣрующіе люди, какихъ мы когда-нибудь знали. Они не вѣрятъ только въ Бога, государство, народность, собственность и полицію, но за то вѣрятъ во все остальное,—вѣрятъ простодушно, горячо—во всякій безсмысленный вздоръ, вычитанный въ какой-нибудь соціалистской книжкѣ: вѣрятъ въ добровольное смѣшеніе національностей (напримѣръ, французовъ и нѣмцевъ); въ безмятежный миръ нѣсколькихъ тысячъ самостоятельныхъ общинъ, на которыя они желаютъ подѣлить Европу и Америку; въ разумное устройство, которое сочинитъ себѣ простой народъ, выбившись изъ-подъ опеки культурныхъ слоевъ; въ прочное сохраненіе свободы городскою чернью, минутно захватившею власть; въ обширное владѣніе всѣми имуществами, основанное на безкорыстномъ соревнованіи каждаго въ трудѣ; въ правильную регламентацію всемірнаго промышленнаго производства посредствомъ международныхъ съѣздовъ. Мало всего этого: они вѣрятъ даже въ успѣхъ своей проповѣди и въ тотъ исходъ ея, что имъ же, нашимъ цюрихскимъ проповѣдникамъ, предстоитъ управлять судьбами обновленнаго человѣчества, по крайней мѣрѣ его русскимъ отдѣломъ; на этотъ конецъ они пишутъ даже инструк-

ціи другъ другу и бранятся между собою по поводу пріемовъ управленія. Но слѣдуетъ разсказать содержаніе этой любопытной книги подробнѣе.

Изданіе—анонимъ; въ немъ нѣтъ собственныхъ именъ. Какъ редакторъ не подписался, то литературное приличіе не позволяетъ намъ его называтъ. Ясно одно: этотъ человѣкъ, больной загнаннымъ внутрь самолюбіемъ, проклялъ своихъ соотечественниковъ, не умѣвшихъ оцѣнить его достоинствъ, и возымѣлъ намѣреніе перевернуть вверхъ дномъ современную Россію посредствомъ изданія въ Цюрихѣ неперіодическаго обозрѣнія «Впередъ». Сотрудники обозрѣнія очевидно принадлежатъ къ русской безбородой партіи; это видно изъ того, что въ сообщеніяхъ изъ Россіи лица, мѣста, событія перепутаны именно такимъ образомъ, какъ обыкновенно происходитъ въ политическихъ разговорахъ между гимназистами. Отдѣлъ этотъ совсѣмъ ребяческій; да и во всемъ первомъ томѣ стоитъ прочтенія только одна статья о рабочемъ движеніи въ Германіи, написанная не дурно, хотя, разумѣется, съ соціалистской точки зрѣнія. Не лишенъ интереса отчасти и отчетъ объ интернаціоналѣ, довольно забавный, конечно противъ желанія автора; онъ повѣствуетъ, какъ интернаціоналы, отложивъ покуда ниспроверженіе всемірнаго порядка, схватились за волоса между собою, что, очевидно, гораздо удобнѣе. Обѣ эти статьи—домашняя исторія почтеннаго союза всемірныхъ бѣглецовъ. Но вотъ философія и политика.

Какъ читатель, вѣроятно, догадывается, цюрихскіе нигилисты пишутъ Богъ чрезъ маленькое *б*; это извѣстно ужъ изъ «Рабагаса» Сарду. Они говорятъ: «религіозный элементъ намъ безусловно враждебенъ»... Объявивъ себя такимъ образомъ противъ всемірной власти въ природѣ, они переходятъ, въ частности, къ ниспроверженію силъ и порядковъ планеты земли, т. е. государства, народности, собственности, суда и образованныхъ классовъ. Они объявляютъ слѣдующую программу: сначала освободить простой русскій народъ изъ-подъ всякихъ общественныхъ формъ, а потомъ предоставить ему рѣшить, чего онъ хочетъ—нисколько не заботясь притомъ (такая безпечность!) о затрудненіи бѣднаго русскаго народа, которому придется разомъ, съ утра до вечера, покончить съ этимъ запутаннымъ вопросомъ. Они хотятъ того же самаго въ цѣломъ свѣтѣ и называютъ эту операцію: вступленіемъ во власть чет-

вертаго сословія, т. е., собственно, фабричныхъ рабочихъ. Но какъ невѣжественная толпа не можетъ же вовсе остаться безъ руководителей, то они великодушно предлагаютъ ей въ руководители себя—не насильно конечно: о, нѣтъ,—не такіе они люди, чтобы стали насиловать народъ,—а по добровольному соглашенію. По этому случаю между ними даже происходитъ споръ въ перепискѣ, озаглавленной «Революція и знаніе»: одни утверждаютъ, что истиннымъ народнымъ предводителямъ не нужно ничего знать—чѣмъ безграмотнѣе, тѣмъ лучше; другіе опровергаютъ ихъ во имя *науки*. Мы думаемъ однако жъ, что окончательно возьмутъ верхъ сторонники безграмотности: на ихъ сторонѣ громадное большинство между нашими нигилистами. Но, грамотные и неграмотные, всѣ имѣютъ одну цѣль: покроить міръ, устраняя обветшалое дѣленіе національное, на нѣсколько тысячъ самостоятельныхъ коммунистскихъ общинъ, которыя затѣмъ станутъ жить въ трогательномъ мирѣ и согласіи. Въ этихъ общинахъ не будетъ суда: несостоятельность этого учрежденія доказана въ статьѣ «Фикціи судебной правды»; къ этой статьѣ приложены еще разсужденія о драконовскихъ дѣйствіяхъ русскихъ военно-окружныхъ судовъ и о безчеловѣчной дисциплинѣ нашей нынѣшней арміи (вотъ, кто бы подумалъ!). Въ обозрѣніи есть также статья — размышленія о замѣчательномъ 1773 г., въ теченіе котораго совпало объявленіе американской независимости съ появленіемъ русской пугачевщины. Изъ статьи читатель узнаетъ, что первое событіе, то-есть отдѣленіе Соединенныхъ Штатовъ Америки отъ Англіи, оказалось событіемъ безплоднымъ, а въ пугачевщинѣ, напротивъ, заключается залогъ будущаго обновленія человѣчества. Хотя наши проповѣдники и прикидываются космополитами, но все же ихъ русскому сердцу пріятно такое превосходство отечественной исторіи надъ европейскою. Только въ концѣ обозрѣнія почтенная редакція какъ будто задумывается надъ вопросомъ: похоже ли положеніе русскаго крестьянства на положеніе западнаго городскаго пролетаріата? можно ли устраивать ихъ по одному коммунистскому плану? Но, къ счастію, она находитъ разрѣшеніе и этого затрудненія: нельзя отдѣлить судьбу русскаго народа отъ судьбы всего свѣта. Не нужно говорить, что цюрихскіе обновители обращаютъ свою рѣчь почти исключительно къ молодежи: это слово «молодежь» повторяется на ихъ страницахъ нѣсколько сотъ разъ; они вѣрятъ только ей одной.

Надо полагать, что, достигнувъ величія, они послѣдуютъ примѣру упомянутаго нами нигилистскаго журнала и станутъ увольнять въ отставку изъ государственныхъ должностей всѣхъ, кому стукнулъ 21 годъ, возрастъ консерватизма. Въ заключеніе, цюрихская компанія объявляетъ свое снисхожденіе въ *послѣдній разъ* русскимъ писателямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ нею, а затѣмъ уже не станетъ ихъ щадить. Неизвѣстно только, когда разразится ея безпощадность: тогда ли, когда она подѣлитъ Россію на полторы тысячи независимыхъ соціалистскихъ государствъ, или немедленно, посредствомъ своего журнала? Но для того, чтобы преслѣдовать кого-нибудь словомъ, надобно прежде всего умѣть порядочно писать по-русски, что не подъ силу ни одному изъ этихъ господъ.

Читатели не ждутъ, конечно, чтобы мы завели серьезную рѣчь съ цюрихскими революціонерами; но есть возраженія, которыя даже имъ могутъ быть удобопонятны. Мы обойдемъ ихъ «безусловно-враждебное отношеніе къ религіозному элементу». Громадному большинству людей совершенно ясно опредѣленіе, данное Катрфажемъ человѣку, какъ отдѣльному классу природы, по его коренным признакамъ—«существа нравственно-религіознаго». Безъ этого внутренняго содержанія лица, на свѣтѣ не было бы ни исторіи, ни общества; но есть исключительныя натуры, обрывающіяся на извѣстномъ звенѣ понятій, безсильныя идти дальше. Увѣряютъ, что собака, у которой пять щенятъ, видимо горюетъ, когда похитятъ одного изъ нихъ, но не замѣчаетъ пропажи шестаго щенка: у нея счетъ кончаются пятью; число *шесть* недоступно ея пониманію—ну, недоступно и только, такова отпущенная ей мѣра. Можно замѣтить также, что хотя не всѣ соціалисты поголовно, то по крайней мѣрѣ всѣ главныя соціалистскія школы свили себѣ гнѣздо на атеизмѣ, по необходимости: нельзя сочинять произвольный, небывалый міръ и небывалое человѣчество, когда надъ ними стоитъ всевластное Провидѣніе, давшее имъ извѣстный образъ и неизвѣстныя намъ цѣли; безъ революціи противъ этого высшаго самодержавія дѣло не пойдетъ: или бунтуй, или клади шпагу. Но въ политическихъ соображеніяхъ наши революціонеры не могутъ прикрываться даже такою отговоркой. Что они дѣлаютъ, когда увѣреннымъ тономъ предсказываютъ царство четвертаго сословія, т. е. фабричныхъ рабочихъ, не въ силу постепеннаго ихъ развитія, не вслѣдствіе

надежды, что они дорастутъ когда нибудь до полнаго политическаго сознанія, а потому, что возьмутъ его грубой силой? Будто въ самомъ дѣлѣ наши соціалисты не знаютъ, что третье сословіе захватило власть въ 1789 году потому, что умственно давно сравнялось съ дворянствомъ; что царствующая, непоколебимая въ исторіи сила—есть разумъ и просвѣщеніе, а не число; что выписываемая ими изъ соціалистскихъ книжонокъ механическая теорія развитія человѣчества годится только для людей, не достигшихъ 21 года. Сами же они признаютъ, что народная толпа не можетъ оставаться безъ образованныхъ руководителей, и великодушно предлагаютъ ей въ руководители—себя, такъ что сущность поднимаемаго ими вопроса заключается собственно въ томъ, чтобы нынѣшніе правители государствъ замѣнились сотрудниками цюрихскаго журнала «Впередъ» съ братіей. Наивность этихъ людей объясняется только келейнымъ заключеніемъ ихъ въ средѣ себѣ подобныхъ. А что они дѣлаютъ, когда съ важностью объявляютъ: «много ли насъ, мало ли насъ, сосчитаете во время настоящей борьбы»: какую няньку хотятъ они пугать числомъ своихъ несовершеннолѣтнихъ приверженцевъ? Кто же не знаетъ, что первое слово ихъ проповѣди, обращенное къ русскому простолюдину, было бы для него вмѣстѣ и оскорбленіемъ самыхъ завѣтныхъ его чувствъ и ничтожнѣйшею болтовнею ребятишекъ, которыхъ онъ превосходитъ во сто разъ пониманіемъ настоящаго дѣла. А какія чувства выказываютъ они, когда смѣются (то есть стараются смѣяться на сколько умѣютъ) надъ каждымъ, принимающимъ къ сердцу благо живыхъ и дѣйствительныхъ русскихъ людей, заботящагося объ улучшеніи народнаго быта школами, больницами, примѣромъ правильнаго хозяйства и прочее,—что они совѣтуютъ бросить, какъ вредныя мѣры, затрудняющія революцію, вмѣсто того, чтобы ей содѣйствовать? Къ чему они пишутъ весь этотъ вздоръ? Вѣдь не всѣ же сотрудники цюрихскаго журнала въ самомъ дѣлѣ дѣти; между ними найдется порядочное число взрослыхъ нигилистовъ, которыхъ покойный Герценъ, довольно изучившій ихъ на практикѣ, называлъ «старинными русскими подъячими, вывороченными на изнанку». Эти вывороченные взрослые имѣютъ только одно извиненіе—то, что ихъ революціонное обозрѣніе есть не что иное, какъ попытка книжной спекуляціи на пропитаніе.

Мы сказали выше, что вводимъ рѣчь о нашихъ загранич-

ныхъ нигилистахъ лишь въ видѣ вставки, какъ любопытный образчикъ русскаго шатанія. Дѣло не въ нихъ, а въ состояніи общества, дающемъ мѣсто подобному явленію—исковерканному подражанію чужой пѣсни, хотя бы въ микроскопическомъ размѣрѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ мы хорошо помнимъ время, когда размѣры этого явленія были вовсе не микроскопическіе. За границей революція и соціализмъ, баррикадные вожаки и теоретики—приписали себя къ рабочему движенію, хотя въ сущности не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Но за границей рабочее движеніе, само по себѣ независимое отъ выросшихъ на немъ ядовитыхъ паразитовъ, имѣетъ корни въ исторіи и нѣкоторый смыслъ въ современной жизни. За нимъ пока нѣтъ никакого смысла у насъ. Можно, стало быть, поставить вопросъ: отчего же нѣкоторые русскіе люди, а недавно еще довольно большое число людей, бросались и бросаются въ эту безобразную, совершенно чуждую нашей жизни крайность? Рѣшеніе этого вопроса заключаетъ также одну изъ разгадокъ нашего современнаго общественнаго состоянія.

Говорятъ, что рыбы кидаются исключительно на красныя вещи, потому что въ водѣ не довольно свѣтло и болѣе нѣжные цвѣта тускнутъ въ общемъ отсвѣтѣ. Этимъ способомъ ловятъ тупоумныхъ акулъ. Мы думаемъ, что та же самая причина влечетъ иныхъ русскихъ людей, совершенно безцѣльно, къ краснымъ европейскимъ партіямъ. Въ нашемъ обществѣ не довольно свѣтло, совокупной жизни нѣтъ, люди разбились изъ естественныхъ группъ на единицы, взгляды ихъ не сложены. Только опытъ учитъ людей цѣнить промежуточные практическіе оттѣнки; неруководимыя такимъ опытомъ, ни своимъ личнымъ, ни сборнымъ, русскія акулы съ ихъ невинными рыбками спутниками (всегда сопровождающими акулъ) кидаются не разобравши, на все яркое.

Нигилизмъ, какъ всякій понимаетъ, былъ у насъ неизбѣжнымъ явленіемъ и долженъ было проявиться съ первымъ проблескомъ свободы слова; онъ начало протискиваться даже сквозь цензуру въ концѣ прошлаго царствованія. Проживъ полтора столѣтія исключительно подражательною умственною жизнью, примѣривъ на себѣ (въ воображеніи конечно, а не на дѣлѣ) всѣ европейскіе идеалы, русское общество не могло подойти къ такому крупному современному явленію, какъ революціонное отрицаніе, безъ того чтобы за нимъ не потянулся

цѣлый хвостъ сторонниковъ. Можно сказать что каждый изъ этихъ чужеземныхъ идеаловъ былъ какъ неводъ, ловившій въ русскомъ морѣ рыбъ одного рода, смотря по тому, на какой глубинѣ черпалъ. Въ сѣть нигилизма попались первоначально всѣ рыбки, плавающія на поверхности, никогда не заглядывающія въ глубь; но гнилая сѣть не выдержала и лопнула. Теперь мода на это направленіе прошла, остались послѣдніе могиканы и недоросли, хотя все еще въ изрядномъ количествѣ. Въ русскомъ нигилизмѣ оказалось своего—только каррикатурное преувеличеніе, удивлявшее даже иностранныхъ отрицателей, а потому въ немъ нечего искать содержанія; но стоитъ взглянуть пристальнѣе на его европейскіе корни. Подъ ними лежитъ не мало уроковъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости обсуждать теоретически, въ примѣненіи къ своему домашнему быту, нѣкоторыя стороны дѣла, достаточно уже уясненныя чуждымъ опытомъ. Читатели не посѣтуютъ на насъ за это отступленіе, облегчающее послѣдующій трудъ.

Очевидно, европейское революціонное движеніе не выработало себѣ до сихъ поръ никакой ясной и опредѣленной цѣли; оно мѣняло свои идеалы такъ же часто, какъ русское общество, и переходило отъ «свободы, равенства и братства» 1793 года къ «дешовому правительству» 1830 года, къ страннопріимнымъ мастерскимъ на казенный счетъ 1848 года и приклеилось нынѣ къ международному союзу рабочихъ (интернаціоналу). Несомнѣнно также, что въ современномъ революціонномъ движеніи идутъ рядомъ два разнородныя теченія: одно, не лишенное практическаго значенія — артельное устройство промышленнаго производства; другое, чисто фантастическое — стремленіе къ осуществленію земнаго рая въ сей юдоли плача и смерти, недостижимое даже въ вещественномъ отношеніи, пока академіи не откроютъ средства приготовлять страсбургскіе пироги изъ простыхъ химическихъ элементовъ. Вожаки, поддерживающіе такія надежды, имѣютъ еще свои маленькія личныя цѣли — повластвовать и пожить на чужой счетъ хотя бы короткій срокъ, въ часы суматохи. Стремленіе къ артельному производству, само по себѣ, независимо отъ навязавшихся ему руководителей, не содержитъ ничего роволюціоннаго. Можетъ быть въ обществахъ чисто-буржуазныхъ и сильно промышленныхъ оно и встрѣчаетъ чисто-эгоистическій отпоръ со стороны владычествующей среды, боящейся соперничества;

если правительство находится въ рукахъ этой среды то и оно будетъ стоять за одно съ нею; но для всякаго правительства, свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, трудолюбивая артель рабочихъ, на сколько она осуществима, не только не страшна, но даже желательна, обезпечивая благосостояніе многимъ подданнымъ, вмѣсто одного. Въ Россіи, напримѣръ, гдѣ артель существуетъ издавна и была задержана въ своемъ развитіи лишь гнетомъ крѣпостнаго права, какая причина правительству—не только препятствовать, но даже не покровительствовать по возможности всякому спокойному и благоустроенному товариществу рабочихъ? Съ какой стати польза какого нибудь разбогатѣвшаго кулака-фабриканта была бы для русской верховной власти дороже пользъ нѣсколькихъ тысячъ преданныхъ ей людей? Развѣ неодинаково желательно и правительству, и обществу сохранить нынѣшнюю твердую связь русскаго народа съ почвой и избѣжать, на сколько возможно, скопленія и обѣднѣнія разнороднаго бездомнаго люда, неизбѣжно вызываемаго исключительнымъ преобладаніемъ капитала въ промышленности, на европейскій ладъ? Недавно зашла у насъ рѣчь объ устройствѣ обширнаго кредита для крестьянскаго земледѣлія; если на русской почвѣ начнетъ развиваться промышленное товарищество, и опытъ докажетъ его состоятельность, то, безъ всякаго сомнѣнія, правительство отнесется къ нему такъ же благосклонно, какъ относится нынѣ къ земледѣльческой общинѣ. Потому, въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ даже эта стародавняя община поддерживается теперь главнѣйше правительственными мѣрами, соціалистическая проповѣдь составляетъ безсмысленнѣйшее повтореніе чужихъ споровъ. Но даже въ Западной Европѣ, гдѣ рабочее движеніе встрѣчаетъ отчасти прямой отпоръ со стороны иного, уже сложившагося порядка дѣлъ, правительства не относились бы къ нему непріязненно, еслибъ оно оставалось на чисто-экономической почвѣ, не попало бы подъ руководство революціонеровъ, извратившихъ его смыслъ; нынѣшняя международка стремится не къ основанію промышленныхъ общинъ, а къ явному грабежу чужого имущества. Стало быть, въ сущности, рабочее движеніе надобно вычеркнуть изъ революціонной программы, изъ обѣщаній извѣстныхъ *друзей народа*; оно только предлогъ, и предлогъ до такой степени наглый, что парижскіе коммунисты, напримѣръ, не обинуясь, называютъ крестьянъ-собствен-

никовъ, то есть двѣ трети французскаго народа, уже обезпечившихъ свое благосостояніе, главнымъ препятствіемъ къ осуществленію *спасительнаго для народа* преобразованія. Нынѣшніе баррикадные вожаки, которымъ нужна только смута, примкнули къ соціализму, потому что онъ сильно распространился между уличною чернью; распространился же онъ потому, что нравственная сторона человѣческой природы не позволяетъ жечь и грабить сосѣда безъ предлога, безъ какого либо общаго оправдательнаго ученія. Не соціалисты поддерживаютъ революціонное движеніе; они сочинили свою теорію для готовой, объявившейся уже революціи. Ихъ ученіе, безцеремонно жертвующее всѣмъ родомъ человѣческимъ, даже массою земледѣльческаго населенія, воображаемой пользѣ фабричныхъ рабочихъ, противорѣчащее даже прямымъ цѣлямъ артельнаго товарищества, требующимъ прежде всего свободы въ выборѣ членовъ— такъ же призрачно и непримѣнимо къ дѣйствительности, какъ всѣ смѣнявшіеся донынѣ лозунги революціоннаго движенія. Несомнѣнно, что европейская революція, которой скоро придется праздновать свой столѣтній юбилей, пребываетъ въ такомъ же безформенномъ видѣ, какъ въ первый день, что она не выработала и не имѣетъ надежды выработать никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, на осуществленіи которыхъ могла бы успокоиться.

Но если исключить изъ европейскаго революціоннаго движенія, какъ требуетъ дѣятельная его оцѣнка, планъ рабочей артели, которому оно только мѣшаетъ, также какъ всѣ прошлые его лозунги, поголовно оказавшіеся несостоятельными—то, что же въ немъ останется, кромѣ безсознательнаго стремленія къ недостижимому земному раю, въ которомъ всѣмъ было бы одинаково хорошо? Культурные слои, даже низшіе, которымъ не всегда жилось отлично, никогда не обнаруживали такого стремленія: они достаточно воспитаны исторіею, чтобы умѣть отличать возможное отъ невозможнаго. Иногда отдѣльныя личности ударялись въ фантазію, но сословія, сколько нибудь образованныя и сложившіяся, желали и желаютъ только постепенныхъ улучшеній, а не переворота, не баснословнаго обновленія человѣчества. Стремленіе къ этому призраку явилось съ появленіемъ на европейской политической сценѣ стихійной силы, уличной черни, массы, не жившей исторически, не понимающей, вслѣдствіе того, условій совокупной человѣ-

ческой жизни. На пиръ этой новой силы явились блюдолизы изъ культурныхъ слоевъ и стали сочинять угодныя ей теоріи, какъ прежде сочиняли оды къ обѣду откупщика. Не говоря о причинахъ переворота, созрѣвавшихъ въ мысли и жизни самихъ образованныхъ сословій, въ чисто-политическомъ отношеніи современная революціонная смута, губящая на нашихъ глазахъ народы, истекаетъ изъ одной причины—изъ прорыва культурныхъ слоевъ стихійною массою, чуждой историческаго быта. Этимъ объясняется все—сытовыя рѣки и кисельные берега соціализма, такъ же какъ безсодержательность революціонныхъ попытокъ, длящихся почти цѣлое столѣтіе. Европейскія націи уцѣлѣли, выгородили свое будущее, даже обезпечили постепенное развитіе рабочаго народа на столько лишь, на сколько ихъ культурные слои оказались устойчивыми противъ напора снизу. Слои эти, въ совокупности, никогда и нигдѣ, на памяти исторіи, не были побѣждены толпою, такъ же точно, какъ милліонныя варварскія ополченія не побѣждали малочисленныхъ благоустроенныхъ армій; но съ конца прошлаго столѣтія, сами они часто въ своихъ раздорахъ призывали на помощь толпу и становились ея жертвою, а вмѣстѣ съ тѣмъ губили отечество. Можно, стало быть, сказать положительно, что устой современныхъ государствъ и мѣра надежды ихъ на будущее зависятъ исключительно отъ связности ихъ культурныхъ слоевъ.

Опытъ на лицо. Отъ одного конца государственной лѣстницы до другого, отъ Франціи до Англіи и Америки, чрезъ всѣ промежуточныя ступени, онъ несомнѣнно доказалъ эту истину. Ожесточенный раздоръ между среднимъ сословіемъ и дворянствомъ Франціи широко открылъ ворота уличной революціи; съ тѣхъ поръ она свила тамъ гнѣздо и оттуда періодически угрожаетъ спокойствію Европы: какъ извѣстно, всѣ взрывы на нашемъ материкѣ были только подраженіемъ взрывамъ французскимъ. Кратковременный раздоръ между сословіями Германіи впустилъ революцію и въ эту страну. Хотя ее угомонили довольно скоро, такъ что самая тина не успѣла подняться на поверхность (вслѣдствіе чего германскія правительства сохранили гораздо болѣе прочности, чѣмъ послѣ-революціонныя правительства Франціи и Испаніи), но тѣмъ не менѣе язва осталась въ странѣ и воспоминаніе о минутномъ торжествѣ баррикадъ 1848 года поддерживаетъ до сихъ поръ, бу-

деть поддерживать и въ будущемъ надежды возмутителей, придаетъ и будетъ придавать революціонной проповѣди нѣкоторый оттѣнокъ сбыточности. Государство, какъ женщина, теряетъ свою неприкосновенность только одинъ разъ и навсегда. Надо думать, что правительство Германской имперіи охотно отказалось бы въ прошломъ отъ славы побѣдъ 1870 года, чтобы стереть воспоминанія 1848 года. Но французскія бури не коснулись странъ, гдѣ не оказалось разрыва въ образованныхъ слояхъ; въ Англіи и Америкѣ соціальная революція даже не пикнула. Надобно посмотрѣть, съ какою наивностью интернаціоналы жалуются на идолопоклонническое уваженіе милліона англійскихъ фабричныхъ рабочихъ въ законности. Положимъ, законность законностію. Немудрено, что въ странѣ, воспитанной вѣками правомѣрной свободы, даже невѣжественные люди уважаютъ законность; но дѣло не въ одномъ уваженіи. Въ 1848 году сто тысячъ англійскихъ хартистовъ, подзадоренныхъ парижскимъ взрывомъ, рѣшились собраться процессіей и представить парламенту прошеніе о вольностяхъ въ своемъ вкусѣ; уваженіе къ праву сборищъ не позволяло препятствовать ихъ намѣренію, но по такому же праву достаточное число тысячъ вооруженныхъ избирателей, представляющихъ культурный слой Англіи, обязались между собою явиться на защиту спокойствія города. Хартистамъ оставалось только молча представить прошеніе, что не вело ни къ чему; они предпочли вовсе отказаться отъ заявленія. Англія не боится революціи, потому что весь ея культурный слой, отъ пэра до послѣдняго лавочника-избирателя, не смотря на множество общественныхъ перегородокъ, составляетъ одно политическое сословіе, раздѣляющееся на партіи лишь въ отношеніи къ практическимъ вопросамъ, а не къ общественнымъ началамъ. Всѣ видѣли, какъ послѣднее расширеніе избирательныхъ правъ привело въ выводѣ къ торійскому министерству. Англійское политическое сословіе выростало постепенно и вслѣдствіе того сросталось въ одно цѣлое; оно сбиралось около ядра, состоявшаго первоначально изъ дворянства и богатыхъ горожанъ, проникаясь ихъ духомъ. Нынѣ, уже забывъ о своемъ происхожденіи, оно тѣмъ не менѣе образуетъ по привычкѣ и собственному сознанію, органическое сословіе государственныхъ избирателей, тѣсно сплоченное съ высшими классами страны,—въ противоположность безсвязной цензовой буржуазіи, властвовавшей во

Франціи съ 1814 по 1848 годъ. Хотя англійскій простой народъ, совершенно обезземеленный и бездомный, казался бы опаснѣе всякаго другого, тѣмъ не менѣе всѣ теченія снизу только постепенно утолщаютъ англійскій культурный слой, но не могутъ его прорвать; революція безсильна противъ его связности, а потому развитіе впередъ идетъ безбоязненно и безостановочно. Тѣ же начала англичане перенесли съ собою на почву Новаго Свѣта. Съ окончаніемъ войны за независимость, разбившей старинныя формы законности, новосозданный американскій народъ обнаружилъ было анархическія стремленія, не уступавшія французскимъ 1793 года. Участь Соединенныхъ Штатовъ висѣла на волоскѣ—они легко могли ниспасть въ состояніе нынѣшней испанской Америки; но культурный слой, взросшій на англійской закваскѣ, нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы положить конецъ броженію и подъ предводительствомъ Вашингтона, далъ странѣ непоколебимое устройство. Не смотря на всеобщую подачу голосовъ и ежегодный приливъ европейскихъ пролетаріевъ, столь опасныхъ на родинѣ, порядокъ стоитъ въ Америкѣ незыблемо, уличная толпа не смѣетъ шевельнуться передъ законностью,—значитъ руководящіе слои общества не утратили своей наслѣдственной крѣпости. Дѣйствительно, великая американская республика осталась тою же Англіей, съ тою же строгою и связною сословностью въ нравахъ, только безъ старыхъ названій; нигдѣ общественное положеніе не раздѣляетъ людей въ существенномъ ихъ значеніи такъ рѣзко, какъ тамъ, и нигдѣ не найдется политическихъ группъ болѣе единодушныхъ и устойчивыхъ. Оттого стихійная сила не врывается въ Америкѣ въ государственное управленіе, и рабочій Альбертъ, попавшій прямо съ кузницы въ верховное правительство Франціи, также какъ всѣ Ферре и Груссе, составляютъ за океаномъ явленіе немыслимое. Можно обойтись безъ законнаго распредѣленія людей по качеству тамъ, но только тамъ, гдѣ законъ замѣняется самимъ дѣломъ,—обычаемъ, вросшимъ въ нравы. Но безсословность, въ законѣ и на дѣлѣ вмѣстѣ, порожденная революціей на европейской почвѣ принесла съ собой всюду одно разрушеніе и подчинила, въ значительной степени, самые сложные вопросы XIX-го столѣтія сужденію людей каменнаго вѣка.

Не говоря о непонятной Испаніи, послѣднюю ступень этого неисправимаго паденія представляетъ современная Фран-

ція. Задержанная два столѣтія въ своемъ общественномъ развитіи, она захотѣла воротить все потерянное въ одинъ день, причемъ ея исторически-воспитанныя сословія стали на ножи одно противъ другого. Въ открывшійся между ними промежутокъ ворвалась парижская чернь, напоминающая не людей каменнаго вѣка, но нѣчто худшее—городское населеніе цезарскаго Рима; чернь достаточно развитая, чтобы увлекаться громкими словами, но недостаточно зрѣлая, чтобы ихъ взвѣшивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ развращенная и ежечасно соблазняемая зрѣлищемъ недоступной для нея роскоши. Толпа, разумѣется, не могла захватить власть въ собственныя руки, но передала ее послѣднимъ отребьямъ образованнаго слоя, ставшимъ ея льстецами; то же самое повторилось и въ 1848, и въ 1871 годахъ. Мѣсто въ общественномъ организмѣ, чрезъ которое произошло вторженіе городской черни, осталось не задѣланнымъ, а только замазаннымъ, и теперь уступаетъ первому напору, такъ что прорывы повторяются и будутъ еще повторяться, заставляя націю тратить силы не на посѣвы будущаго, а на расчистку заносовъ, оставляемыхъ этими періодическими наводненіями. Но главная бѣда Франціи еще не въ этомъ, а въ безсиліи ея культурнаго слоя, растолченнаго первою революціею въ порошокъ, въ пустое названіе, въ статистическую численность безсвязныхъ единицъ. Попытка возстановить связь образованныхъ сословій въ видѣ цензовыхъ избирателей, продолжавшаяся 34 года, дала Франціи періодъ процвѣтанія, политической свободы и довольно высокаго значенія въ глазахъ свѣта, въ концѣ концовъ оказалась несостоятельною. Законное отграниченіе культурныхъ слоевъ общества отъ стихійныхъ въ политическихъ правахъ можно сохранять, слѣдуетъ даже возстановлять, пока существуетъ еще и признается народомъ сословное ядро, около котораго первые могутъ сомкнуться, но его невозможно сочинить, придать ему дѣйствительность и прочность, когда такого ядра не существуетъ. Во Франціи же, послѣ революціи, ядра уже не было. Дворянство, значительная часть котораго сражалась противъ своего отечества въ рядахъ его заклятыхъ враговъ, было не только непопулярно,—оно внушало страхъ всѣмъ поживившимся его добромъ, то-есть почти всей странѣ; съ своей стороны феодальное французское дворянство продолжало ставить между собою и согражданами кастовое различіе бѣлой и черной кости,

продолжало смотрѣть на нихъ глазами своихъ предковъ, франковъ-завоевателей. Буржуазія, разведенная наплывомъ столькихъ тысячъ новыхъ людей, созданныхъ революціей, не была въ состояніи образовать безъ дворянства что нибудь цѣльное, внушающее почтеніе народу; нововведенный ценсъ былъ только наружнымъ признакомъ и не могъ склеить эти разнородные осколки въ политическое сословіе. Ценсовый культурный классъ оказался способнымъ охранять страну лишь противъ мелкихъ покушеній во время общаго затишья и безсильнымъ противъ бури. Несостоятельность его изумила Европу въ 1848 году, когда милліонъ слишкомъ вооруженной французской буржуазіи, желавшей сохраненія порядка, ненавидѣвшей самое имя соціальной республики, сложилъ оружіе молча, хотя съ отчаяніемъ въ душѣ, передъ пятьюдесятью вожаками баррикадъ. Всѣ увидѣли, что этотъ классъ составлялъ только численный списокъ, а не политическое сословіе, что одинъ ценсъ безсиленъ создать подобное сословіе, требующее органической сердцевины. Съ той поры Франція впала въ полную безсословность, ея образованное общество распалось на безсвязныя единицы, занятыя исключительно своими личными дѣлами, а потому стало въ итогѣ, съ началомъ второй имперіи, совершенно чуждымъ престолу и всякому виду верховной власти, а вслѣдствіе того почти чуждымъ общему дѣлу. При затишьѣ это образованное общество имѣетъ видъ чего-то живого; но первая смута стушевываетъ его до такой степени, какъ будто его никогда не было. Тогда французская нація представляется только двумя оконечностями общественной лѣстницы—государственными чиновниками съ одной стороны и уличною чернью съ другой, то входящими въ соглашеніе посредствомъ плебисцитовъ, то взаимно разстрѣливающими другъ друга. Культурная сила, скоплявшаяся въ странѣ тысячу лѣтъ, пропала для нея даромъ. Крайняя степень усилій разрозненнаго историческаго слоя Франціи, подымающагося поголовно для собственнаго спасенія, оказывается достаточною для того только, чтобы передать государство военной диктатурѣ; о разумномъ управленіи собственными силами не можетъ быть рѣчи. Будущность Франціи начинаетъ очерчиваться ясно: впереди мелькаетъ только поочередная смѣна трехмѣсячной анархіи съ пятнадцати-лѣтнимъ владычествомъ штыковъ, пока не потянется непрерывный рядъ случайныхъ Каракаллъ, объявляющихъ беззастѣн-

чиво: «я считаюсь только со мнѣніемъ легіоновъ». Общественное разстройство отразилось неизбѣжно и на общественномъ разумѣ; надобно послушать, какъ свободнѣйшіе умы страны начинаютъ жаловаться на чувствительный уже нынѣ упадокъ просвѣщенія и науки. Передѣлать это состояніе, обратить хаосъ въ организмъ, теперь невозможно безъ какого нибудь чуда; понятно, почему передовые люди Франціи, всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія, отъ Гизо до Ренана, ищутъ своихъ идеаловъ уже не въ будущемъ, а въ прошломъ. Нація начинаетъ скатываться по обратному склону. Если кому нибудь въ Европѣ нравится эта будущность—обращеніе живого общественнаго организма въ безразличный студень,—періодически потрясаемый народными взрывами—пусть подражаетъ добровольно; только пусть не забываетъ при этомъ, что Франція не даромъ называлась великою націей, кто она дѣйствительно шла въ головѣ Европы и что если даже она утратила такіе великіе залоги, утопивъ свои культурные слои въ стихійныхъ, то на пустыряхъ, гдѣ только еще появляются кой-какіе всходы, при какомъ бы то не было богатствѣ почвы, конечно ничего не выростетъ при этомъ условіи.

Мы видѣли, что въ европейскихъ корняхъ русскаго нигилизма и даже нынѣшняго фразернаго либерализма, враждебнаго либерализму дѣла, какъ вода огню, лежитъ дѣйствительно не мало полезныхъ уроковъ, что многія стороны современныхъ русскихъ вопросовъ обсуждены уже чужимъ опытомъ. Теперь мы можемъ воротиться къ нашему домашнему дѣлу.

ГЛАВА III.

Наши историческія силы.

Переходя отъ чужихъ, хотя тѣмъ не менѣе внушительныхъ для каждаго народа примѣровъ, къ своему домашнему дѣлу, нельзя не остановиться прежде всего на очевидномъ фактѣ— на нашей современной, нравственной и общественной безсвязности, послѣдствія которой не высказываются вполнѣ благодаря лишь исключительной въ исторіи твердости нашихъ государственныхъ началъ, не дающихъ намъ разсыпаться. Едва ли найдется въ обширной Россіи хотя одинъ человѣкъ, сомнѣвающійся въ наглядной истинѣ—что мы живемъ въ состояніи чисто переходномъ, отставши отъ одного берега и не приставши еще къ другому; что этотъ новый берегъ даже не очертился ясно передъ нами; что, покуда, сборное русское мнѣніе не сознаетъ опредѣленно не только того—что намъ дѣлать, но даже того—чего намъ желать. Наше современное общественное состояніе походитъ очень близко на эпоху общаго недоумѣнія, однажды уже пережитую нами, на эпоху послѣдовавшую за смертію Петра Великаго, когда не было уже старой и не оказывалось еще новой Россіи, когда обще-признаваемыя руководящія начала замѣнились на долгое время—и для общества и для отдѣльныхъ лицъ—полусознанными мнѣніями, до крайности шаткими по своей смутности. Но между двумя переходными полосами нашей исторіи—послѣ петровской и нынѣшней, существуетъ та огромная разница, что недоумѣніе первой относилось болѣе къ вопросамъ государственнымъ и воспитательнымъ, легче поддающимся прямому руководству власти, чѣмъ вопросы общественные, ставшіе нынѣ на очереди; въ томъ также, что первая наша нравственная смута соотвѣтствовала времени общаго европейскаго затишья, общей установленности взгля-

довъ и мнѣній, господствовавшей въ промежуткѣ между послѣдними раскатами бури, поднятой реформаціей, и первымъ взрывомъ соціальныхъ революцій; въ наше же время вопросъ идетъ не только о примѣненіи какихъ либо началъ, но о самыхъ началахъ — отчего онъ сталъ гораздо сложнѣе. Тѣмъ не менѣе обѣ эпохи русскаго раздумья схожи въ той основной чертѣ, что наше будущее—самыя крупныя явленія и формы нашего будущаго—зависятъ въ значительной степени, теперь, также какъ тогда, отъ мѣръ, важность которыхъ недостаточно осязательна для современниковъ, и которыя, по тому самому, оцѣниваются часто съ точки зрѣнія минутной ихъ пригодности, подводятся подъ личные виды и удобства нѣкоторыхъ людей и интересовъ, не заглядывая впередъ. Какъ линіи, выходящія изъ общаго центра, близкія одна къ другой вначалѣ, могутъ разбѣжаться на неизмѣримое разстояніе въ пространствѣ, такъ и подобныя мѣры, принятыя въ переходномъ состояніи общества, могутъ опредѣлить весьма различнымъ образомъ его будущее. Такъ, напримѣръ, направленіе и окончательный исходъ петровскаго преобразованія были рѣшены въ первыя пятнадцать лѣтъ, послѣдовавшія за смертію преобразователя, людьми, никогда не задававшимися историческимъ вопросомъ, примѣнявшими государственныя мѣропріятія къ однимъ мелкимъ потребностямъ текущаго времени, вслѣдствіе чего реформа, столь дорого купленная, устояла лишь случайно и дала едва ли не столько же отрицательныхъ, какъ и положительныхъ послѣдствій. Современная намъ, вторая эпоха русскаго раздумья затруднительнѣе послѣпетровской, по сложности подымаемыхъ ею задачъ, но у нея есть два подспорья, которыхъ первая не имѣла — богатство накопленнаго въ теченіе полутора вѣка умственнаго капитала, и вмѣстѣ съ тѣмъ, близость общественныхъ вопросовъ (поставленныхъ на мѣсто отвлеченно-государственныхъ) къ личному пониманію и опыту каждаго; эти два условія допускаютъ самодѣятельное участіе современнаго поколѣнія въ устройствѣ нашей судьбы, чего не могло быть въ первой половинѣ 18-го вѣка. Теперь все дѣло въ томъ, чтобъ наше сборное мнѣніе могло организоваться и правильно выразиться.

Покуда это еще невозложно. Двадцать лѣтъ тому назадъ, до крымской войны, всѣ мы понимали тогдашнюю Россію и самихъ себя, знали что думаемъ и въ нѣкоторой степени даже

то—чего желаемъ. Теперь мы этого не знаемъ и покуда даже не можемъ знать, хотя безъ такого сознанія не можемъ также ступить шагу ни въ какую сторону. Нельзя выработать сознаніе безъ связности между людьми, разрѣшающейся въ связность мнѣній. Поэтому, полагаемъ, задача текущаго времени заключается для насъ преимущественно въ осуществленіи связности общественныхъ группъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ эти группы, можно сказать, не существуютъ въ русской дѣйствительности. Онѣ замѣнены внѣшнимъ учрежденіемъ — земскимъ самоуправленіемъ. Надежда на будущую, необходимую намъ связность, содержится, стало быть, покуда, исключительно въ этомъ самоуправленіи и въ степени развитія, къ которому оно способно.

Извѣстно, что наше земское самоуправленіе, въ его нынѣшней формѣ, не есть учрежденіе государственное въ точномъ смыслѣ слова; оно не входитъ въ кругъ государственнаго дѣйствія, не составляетъ посредствующаго звена между верховною властію и землею, не завѣдываетъ порядкомъ и безопасностію населеній, не исполняетъ никакихъ правительственныхъ задачъ и отчитывается въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ. Наше самоуправленіе есть нѣчто въ родѣ частнаго общества, разрѣшеннаго земству для завѣдыванія его сборными экономическими нуждами. При условіяхъ, выпрошенныхъ печатью и общимъ голосомъ тѣхъ годовъ, въ которые рѣшалось это учрежденіе, правительство не могло дать ему иныхъ основаній—опытъ былъ слишкомъ теоретиченъ и новъ. Поэтому нынѣшнее наше самоуправленіе можно разсматривать только съ точки зрѣнія способности, обнаруженной всесословнымъ земствомъ для веденія своихъ частныхъ дѣлъ. Силъ, достаточныхъ на такой кругъ дѣятельности, можетъ не стать на кругъ болѣе обширный, но никакъ не наоборотъ. Каковы же эти силы?

Мы не будемъ вдаваться въ подробности современнаго положенія, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныя—о новомъ соотношеніи нашихъ экономическихъ силъ, о положеніи крестьянскаго самоуправленія, о ходѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ и мировыхъ судахъ и прочее. Въ послѣднее время появились достаточно убѣдительные труды и сообщенія по этимъ предметамъ, не допускающіе излишняго оптимизма. Въ житейскихъ дѣлахъ личные взгляды бываютъ, конечно, различны и про-

тивоположны, даже болѣе чѣмъ въ области мысли; тѣмъ не менѣе нынѣ можно уже сказать утвердительно, не опасаясь обвиненія въ односторонности, что большинство опытныхъ русскихъ людей, принимающихъ прямое участіе въ мѣстной земской жизни, каковы бы ни были ихъ общія убѣжденія, согласны въ одномъ: что покуда еще земское дѣло не принялось на нашей почвѣ,—не вслѣдствіе тѣхъ или другихъ подробностей учрежденія, или новизны, не давшей людямъ времени спѣться, но по той простой и вмѣстѣ мудреной причинѣ, что съ самаго начала оно *не пошло*; многіе даже называютъ наши новыя льготы, не смотря на ихъ очевидную искренность и либеральность, мертворожденными. Въ нихъ какъ-будто оказывается какой-то органическій недостатокъ, или, напротивъ, чувствуется отсутствіе какой-то органической силы, мѣшающей имъ стать живымъ дѣломъ. Иные ищутъ до сихъ поръ причины ихъ неудовлетворительности въ частностяхъ; но такой частности, измѣненіе которой могло бы исправить дѣло, очевидно, не существуетъ: иначе она давно уже была бы указана общимъ мнѣніемъ. Полагаемъ, мы въ правѣ повторить съ голоса большаго числа знающихъ людей, что мѣстное самоуправленіе (губернское, уѣздное и крестьянское, вмѣстѣ съ мировымъ судомъ), дарованное намъ правительствомъ съ полною искренностью, совершенно согласно общественному настроенію той полосы времени, когда учрежденіе выработывалось, представляетъ мало надежды къ дальнѣйшему развитію на нынѣшнихъ началахъ. Каковы бы ни были взгляды *нѣкоторыхъ*, относящихся болѣе благопріятно къ нашему земству, но голосъ *столькихъ* людей, на мнѣніи которыхъ мы основываемся, заслуживаетъ же какого нибудь вниманія; во всякомъ случаѣ онъ не допускаетъ безмятежной увѣренности, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Между тѣмъ земское самоуправленіе, это хозяйство, самосудъ и школа всего русскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сельская полиція и администрація, то-есть единственное обезпеченіе порядка у девяти десятыхъ населенія, между которыми правительственная власть не присутствуетъ прямо: въ этомъ самоуправленіи—корни всякаго народнаго и общественнаго преуспѣянія. Съ передачею такихъ правъ земству, отвѣтственность за нихъ перешла съ правительства на него. При бездѣйствіи или неудовлетворительности этихъ основ-

ныхъ функцій народной жизни, самая мудрая, самая дѣятельная государственная власть остается безсильною для добра, трудится въ пустомъ пространствѣ, не можетъ даже предупредить зарожденія анархіи въ странѣ, еслибъ что либо обусловливало такое явленіе. Подобное положеніе дѣла въ самой почвѣ, на которой зиждется государство, въ соединеніи съ разрозненностью, невыдержанностью и крайностію нашихъ мнѣній въ обществѣ и печати, представляетъ весьма мало залоговъ самостоятельности, и именно въ такое время, когда для насъ пришла необходимость стоять на своихъ ногахъ, желаемъ ли мы того или не желаемъ. Не смотря на довольно распространенное, хотя поверхностное, несросшееся еще съ личностью, образованіе и на либеральныя мѣстныя учрежденія, въ современной Россіи, за исключеніемъ администраціи, оказывается полное отсутствіе органовъ, пригодныхъ къ почину, общественныхъ группъ, способныхъ выработать въ себѣ какое либо совокупное мнѣніе, провести въ жизнь какое либо совокупное дѣло. Вопреки явному желанію верховной воли воззвать страну къ жизни, вопреки буквѣ закона объ общественныхъ группахъ, т. е. о сословіяхъ, Россія оказывается больною общею разъединенностью, происходящею, конечно, не отъ сословности и даже не отъ всесословности, но отъ безсословности, удавшейся до сихъ поръ одной Америкѣ, и удавшейся вслѣдствіе того именно, что безсословность существуетъ тамъ, наоборотъ, только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Въ итогѣ, государство, населенное восьмьюдесятью милліонами безсвязныхъ единицъ, представляетъ для общественной дѣятельности не болѣе силы, чѣмъ сколько ея заключается въ каждой отдѣльной единицѣ. Какъ за 15 лѣтъ назадъ, во времена споровъ бывшихъ славянофиловъ съ бывшими западниками, намъ приходится и теперь возложить упованіе только на *сокровенную внутреннюю мощь русскаго народа*, т. е. на общее мѣсто, лишенное всякаго значенія въ дѣйствительной жизни.

Наша либеральная печать, до которой безпрестанно доходятъ вопли, вызываемые такимъ положеніемъ, не разъ уже пробовала утѣшать насъ гласностью, заключающею въ себѣ, по ея мнѣнію, противоядіе отъ всевозможныхъ золъ. Печать наша еще вѣритъ спасительному дѣйствію гласности въ коренныхъ общественныхъ вопросахъ; остальной свѣтъ знаетъ, что гласность полезна лишь для ихъ обсужденія, а принести

дѣйствительную практическую помощь она можетъ только въ частныхъ случаяхъ, подобныхъ случаю г-жи Энкенъ. Кажется порядочные люди Францiи не скупились на гласность для проповѣдыванiя своимъ непорядочнымъ соотечественникамъ о послѣдствiяхъ баррикадъ, революцiй и общественнаго разлада, доведшихъ Францiю до ея нынѣшняго состоянiя; но не только гласность, а самые жестокiе уроки дѣйствительности, тяжело отзывающiеся почти на каждомъ французѣ, нисколько не исправили самодурства людей. Пока сознательные слои французской нацiи будутъ оказываться безсильными, по своей безсвязности, для стойкаго и разумнаго управленiя народомъ, — что теперь уже почти неисправимо,—до тѣхъ поръ люди, которымъ смута выгодна, не перестанутъ губить отечество. Наше современное общественное состоянiе (конечно, не государственное) подходитъ довольно близко къ французскому и не проявило еще всѣхъ своихъ послѣдствiй, выказывается только по мелочамъ, потому, во-первыхъ, что эти послѣдствiя сдерживаются незыблемою высшею властью, а во-вторыхъ, потому, что мнѣнiя и обычаи большинства нынѣ живущаго поколѣнiя вылились изъ прежняго, а не изъ настоящаго бытового склада. Въ людяхъ же, взросшихъ на нынѣшней, не переполотой какъ слѣдуетъ почвѣ, окажется иное: очень многiе изъ нихъ станутъ дѣйствительно похожими, даже по миновании 21 года, на идеалъ молодого поколѣнiя, о которомъ твердятъ нигилистскiе журналы.

Стало быть, къ слабости нашей духовной выработки и къ разрозненности нашихъ мнѣнiй присоединяется еще на практикѣ отсутствiе какихъ либо общественныхъ органовъ, способныхъ къ совокупной дѣятельности. Кромѣ того, въ русскихъ областяхъ оказался внезапно полнѣйшiй недостатокъ въ личностяхъ, удовлетворяющихъ условiямъ земскаго дѣла; образованные люди, которыхъ всѣ мы знали по всякимъ захолустьямъ до призыва ихъ къ самодѣятельности, съ тѣхъ поръ разсыпались въ стороны, исчезли неизвѣстно куда. Какимъ образомъ тысячелѣтнее нацiональное бытiе привело насъ къ такому безформенному, первобытному состоянiю мысли и дѣла?

Это—вопросъ историческiй, требующiй для полнаго разъясненiя томовъ, а не газетныхъ статей; но нѣтъ также возможности хорошо понимать сегодняшнiй день, отрывая его отъ вчерашняго. Поэтому мы вынуждены еще къ одному отступленiю, чтобы обнажить, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, корни ны-

нѣшняго нашего положенія; корни его лежатъ въ только-что прожитомъ нами воспитательномъ періодѣ, съ наслѣдствомъ котораго мы вступили въ новую эпоху. Взглянувъ назадъ, намъ станетъ виднѣе, воспользовались мы или не воспользовались, и въ какой мѣрѣ воспользовались этимъ наслѣдствомъ?

При разрозненности русскихъ взглядовъ во всемъ, было бы удивительнымъ чудомъ, если бы мы оказались согласными во взглядѣ на нашу исторію, даже на ея коренную основу, какъ другіе народы. Когда установится общепринятое сужденіе о ближайшихъ къ намъ столѣтіяхъ русской жизни, оно будетъ первымъ признакомъ зрѣлости, первымъ доказательствомъ нашей способности стоять на своихъ ногахъ. До тѣхъ поръ каждому приходится поневолѣ смотрѣть на дѣло съ своей точки зрѣнія.

Мы считаемъ неоспоримою истиною, что петровскій или воспитательный періодъ, заключенный послѣднею нашею реформою, которому до сихъ поръ еще многіе придаютъ баснословный, совершенно невозможный въ людскихъ дѣлахъ характеръ преобразованія народныхъ основъ однимъ человѣкомъ, былъ вовсе не новымъ началомъ и не преобразованіемъ основъ, а только вводнымъ эпизодомъ русской исторіи, и что мы стоимъ въ 1874 году несравненно ближе къ московской Руси, чѣмъ стояли въ 1854, какъ выразились уже наши старообрядцы; что послѣ долгаго и поголовнаго отвлеченія отъ общаго дѣла для личнаго образованія, намъ приходится продолжать свое общественное развитіе съ той самой точки, на которой оно стояло въ 1688 году, съ двумя только, правда, очень крупными измѣненіями: 1) съ отмѣной (давно уже состоявшейся) военной диктатуры на всемъ пространствѣ государства, неизбѣжной въ московской Руси, постоянно находившейся на осадномъ положеніи, ежечасно ожидавшей вторженія на каждомъ изъ своихъ предѣловъ, и 2) съ превращеніемъ, совершоннымъ, Петромъ (въ чемъ и состоитъ главная черта его реформы), прежняго, почти кастоваго дворянства въ русскій культурный слой, тѣсно связанный между собою и съ престоломъ и открытый снизу всякой созрѣвающей силѣ, даже не крупной, въ чемъ бы она ни заключалась. Эти двѣ перемѣны придаютъ дѣйствительно новыя стороны каждому изъ нашихъ общественныхъ вопросовъ, замерзшихъ въ зародышѣ въ 1688 году и оттаявшихъ только въ 1861, не измѣ-

няя, однако же, ихъ сущности. Воспитательный періодъ только обучалъ русскихъ людей и не могъ допускать общественныхъ вопросовъ между школьниками. Власти этого вставнаго историческаго эпизода держались своего правила крѣпко, хотя едва ли вполнѣ сознательно, и въ сущности были правы. Надѣлали бы мы дѣлъ, принимаясь вдругъ за самоуправленіе съ тѣми понятіями о Россіи, Западѣ и пригодныхъ намъ цѣляхъ, которыя обращались въ нашемъ обществѣ даже во времена Александра I. Мы считаемъ очевиднымъ, что нашъ воспитательный періодъ не разорвалъ русскую исторію пополамъ, какъ долго повторялось, а только придалъ ей временно особый, чуждый нашему народному складу оттѣнокъ, выразившійся и въ исключительныхъ отношеніяхъ верховной власти къ перво-воспитываемому обществу, и въ шаткости русскаго мнѣнія, внезапно погруженнаго въ незнакомую ему среду. Съ устраненіемъ этого оттѣнка и сопряженной съ нимъ чрезвычайной просвѣтительной миссіи сверху, мы становимся на прежнія основанія, съ двумя вышесказанными дополненіями. Эти повороты нашей исторіи обозначены такъ явно, что верховная власть, относившаяся къ московской Руси съ полнѣйшимъ довѣріемъ, совѣщавшаяся съ своимъ народомъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, но потомъ уединившаяся на полтора вѣка, снова воззвала къ народу, какъ только кончилась ея временная задача. Конечно, въ этихъ поворотахъ нельзя искать полной сознательности цѣлей; исторія ведетъ людей еще болѣе, чѣмъ люди складываютъ исторію; но наши переломы говорятъ сами за себя.

Скажемъ мимоходомъ: верховная власть московскихъ временъ не имѣла того простора дѣйствій, какъ нынѣ. Она была прежде всего военною диктатурой, необходимою для спасенія русской самостоятельности, чѣмъ и обусловливалась главная ея цѣль. Московскій царь былъ верховнымъ вождемъ русскихъ силъ еще болѣе чѣмъ монархомъ. Царская военная диктатура создала Россію изъ погибавшихъ обломковъ, твердо установила пути къ достиженію національныхъ цѣлей, довершенныхъ Екатериною II, и передала петербургскому періоду могучую и сосредоточенную Русь, которую оставалось только отшлифовать. Передъ глазами свѣта стоитъ фактъ: изъ столькихъ славянскихъ государствъ, бросившихъ немало блеска во время своего процвѣтанія, стоявшихъ въ условіяхъ гораздо болѣе

благопріятныхъ чѣмъ мы, уцѣлѣла одна Россія; самое имя славянской породы спаслось въ ней одной, благодаря чутью народа, стоявшаго прежде всего и болѣе всего за цѣлость и независимость, умѣвшему жертвовать государственному единству привольемъ послѣдовательныхъ поколѣній и сплотившемуся около престола не только какъ народъ, но почти какъ войско, всегда готовое встать поголовно по его призыву. Только этою жертвою Россія откупилась отъ зарока насильственной смерти, наложеннаго, какъ проклятіе, на всѣ славянскія племена. Намъ теперь легко судить на льготѣ, изъ-за ограды крупповскихъ пушекъ, о московской эпохѣ; но ей некогда было тратить много времени на общественные вопросы: всѣ силы ея были поглощены вопросомъ о бытіи Россіи; ей было невозможно установить настоящее земское самоуправленіе, по необходимости сосредоточивать военную и гражданскую власть на всякой точкѣ государства, такъ какъ тогда не было ни единой точки, вполнѣ безопасной отъ поляковъ, шведовъ, татаръ, черемисъ и собственныхъ казаковъ. Безъ мѣстнаго самоуправленія земскіе соборы не достигали цѣли вполнѣ; но тѣмъ не менѣе верховная власть относилась къ народу, въ лицѣ его выработанныхъ слоевъ, съ полнѣйшимъ довѣріемъ, обращалась къ нему за совѣтомъ при каждомъ важномъ вопросѣ. Взаимное сближеніе постепенно учащалось; съ обезпеченіемъ безопасности областей, устранявшимъ необходимость военной диктатуры, изъ такого сближенія непремѣнно развился бы живой государственный строй.

Петербургскій періодъ прервалъ эти отношенія, возстановленныя только нынѣшнимъ царствованіемъ,—прервалъ по необходимости,—ставъ передъ народомъ въ положеніе учителя и наставника, взявшагося просвѣтить его хотя бы силою, обязаннаго подгонять лѣнивыхъ; какъ же при этомъ выслушивать ихъ мнѣніе? Сообразно потребности эпохъ, приходившихъ на смѣну одна другой, верховная власть приняла у насъ въ отношеніяхъ къ народу новый оттѣнокъ—просвѣтительный, замѣнившій московскій оттѣнокъ военной диктатуры, но еще менѣе согласимый съ развитіемъ земскаго самоуправленія. Выборное начало, введенное Екатериной II въ губернское устройство, не опровергло, а напротивъ явно доказало эту несогласимость. Оно было лишь либеральною формальностью. Коронные чиновники продолжали управлять; земскіе же дѣя-

тели только помогали имъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей: выборные изъ дворянъ, безгласные по неимѣнію на своей сторонѣ большинства, плыли по теченію времени и сами становились чиновниками или по возможности устранялись отъ дѣла; выборные отъ мѣщанъ топили печи въ присутствіи, выборные отъ крестьянъ мели дворъ. Серьезная задача воспитательнаго періода была совсѣмъ иная: онъ положилъ конецъ прежней сословной замкнутости и вызвалъ изъ нѣдръ русскаго народа, безъ различія званія и рожденія, всѣхъ, кто хотѣлъ слѣдовать за нимъ къ поставленной имъ цѣли — стать русскимъ европейцемъ. Подъ названіемъ дворянства онъ создалъ нашъ культурный слой, связный и отграниченный отъ массы, но открытый снизу всякой созрѣвающей личности,—слой, способный пользоваться политическими правами и вмѣстѣ съ тѣмъ не замкнутый въ себялюбивое сословіе, не чуждый народу, постоянно обновлявшему и укрѣплявшему его притокомъ новыхъ силъ. Было бы, вѣроятно, лучше, если бы культурный слой создавался медленнѣе, не отрываясь отъ почвы; но случилось такъ, а не иначе. Съ этою отборною частью народа петербургская эпоха совершила всѣ свои начинанія—внутреннія и внѣшнія; она не могла только одного: дать созданному ею новому дворянству политическаго воспитанія, по несогласимости широкаго земскаго самоуправленія съ существеннымъ характеромъ воспитательнаго періода. Задача эта стояла впереди и требовала, чтобы временная просвѣтительная миссія сверху была признана законченною. Можно думать, что часъ этотъ насталъ для насъ нравственно именно въ половинѣ текущаго столѣтія. Около этого времени выяснились уже во мнѣніи, хотя еще не вполнѣ вошли въ общее сознаніе, опредѣленныя понятія о нашемъ родѣ и видѣ между народами, о точкахъ соприкосновенія и отличія русскаго племени, русской жизни и русской исторіи съ западно-европейскими. Нѣсколько ранѣе наши понятія въ этомъ отношеніи были еще очень сбивчивы. Въ этотъ разъ, какъ и прежде, съ самаго начала московскаго государства, судьба намъ явно благопріятствовала; нашей исторіи не пришлось дожидаться: поворотъ на дѣлѣ соотвѣтствовалъ немедленно нравственной потребности.

За исключеніемъ великой и сознательной задачи—созданія русскаго культурнаго слоя, петровскому періоду жилось легко; на долю его не выпало не только десятой, но даже сотой доли

трудовъ, подъятыхъ московскими временами. Онъ приводилъ въ порядокъ готовыя матеріалы. Во внутреннихъ дѣлахъ ему досталось въ наслѣдство цѣльное государство, сросщенное во всѣхъ своихъ частяхъ, съ сильною централизаціею, до сущности которой правительство этого періода никогда не касалось; оно только переименовывало дьяковъ въ секретарей, приказы въ коллегіи и министерства, а боярскую думу въ правительствующій сенатъ или государственный совѣтъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ Москва завѣщала Петербургу завершеніе вопросовъ, въ основаніи уже порѣшенныхъ ею: объ изгнаніи остатковъ мусульманскаго владычества изъ естественныхъ предѣловъ Европейской Россіи и о преобладаніи надъ Польшею; одно только завоеваніе балтійскаго прибрежья, котораго московскіе цари никакъ не могли добиться, принадлежитъ въ собственность петербургскому періоду.

Въ полномъ значеніи слова, нисколько не играя выраженіями, должно сказать, что мы, русскіе, какъ нація, только вчера доросли до нравственной независимости, до такого состоянія, въ которомъ намъ не приходится уже жертвовать роковой необходимости драгоцѣннѣйшими условіями развитой общественной жизни; только вчера мы выбрались на широкую дорогу. Предшествовавшія времена не располагали достаточною для того свободою дѣйствій. Московской эпохѣ было некогда: она боролась за право существованія Россіи; но и петербургскому періоду было нельзя, потому что онъ шелъ къ другой задачѣ. Вѣроятно, въ будущемъ ожидаетъ насъ еще много внѣшнихъ бурь; но при нашей государственной окрѣплости, онѣ уже не остановятъ народнаго роста. Теперь только пришло намъ время жить и обнаружить свои внутреннія силы.

Мы вступаемъ въ пятую эпоху своей исторіи съ крупнымъ, но единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся намъ отъ воспитательнаго періода—съ нашимъ культурнымъ слоемъ, который Петръ Великій назвалъ русскимъ дворянствомъ, приравнявъ его къ старинному высшему сословію. Внѣ петровскаго дворянства у насъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ богато-одареннаго природою, твердо сомкнутаго въ смыслѣ народности, но совершенно стихійнаго русскаго простонародья. Вся умственная сила Россіи, вся наша способность къ созданію создательной общественной дѣятельности — заключается въ дворянствѣ, въ томъ именно видѣ дворянства, какимъ создалъ его Петръ —

связномъ и доступномъ снизу. Россія купила свою нравственную силу дорогою цѣною—пріостановкою общественнаго развитія на полтора вѣка. Наше будущее зависитъ отъ умѣнья пользоваться этою силою. Современное положеніе Россіи объясняется все, безъ остатка, внутреннимъ содержаніемъ, степенью зрѣлости нашего культурнаго слоя—дворянства, и мѣрою участія его въ общественныхъ дѣлахъ.

Мы всѣ знаемъ про себя, что всесословный русскій народъ дѣлится, въ дѣйствительности, только на два сословія—на господъ и на простолюдиновъ, то-есть на людей, ставшихъ и вновь становящихся образованными европейцами, и на людей, не выбившихся еще изъ стихійнаго быта. Купцы не въ счетъ: по степени богатства они примыкаютъ или къ первымъ, или ко вторымъ, не говоря о почетныхъ гражданахъ, давно пользующихся многими дворянскими правами. Развитые люди низшихъ слоевъ, не добившіеся дворянства (о которыхъ надобно еще спросить, въ какомъ смыслѣ они развиты?), составляютъ у насъ единичныя явленія и никогда не сложатся въ сословіе. Странно было бы даже ставить вопросъ о внезапномъ появленіи въ девятнадцатомъ столѣтіи сословія, о которомъ никогда не слыхала тысячелѣтняя Русь! При бытовыхъ условіяхъ русской жизни, давно уже опредѣлившихся, такому сословію положительно нѣтъ у насъ мѣста. Наши города совсѣмъ не похожи на европейскіе, а потому не могли и не могутъ создать отдѣльнаго класса горожанъ; они—не промышленные центры, а административныя средоточія, въ которыхъ живутъ тѣ же господа и мѣщане, ничѣмъ не отличающіеся отъ крестьянъ: въ мелкихъ городахъ мѣщане пашутъ землю и и сами не знаютъ, почему они переименованы въ новое званіе; наша промышленность въ большинствѣ пріютилась по селамъ. Условія русской производительности не выдвинули людей средняго состоянія какъ цѣльное сословіе; отдѣльныя же семейства, выроставшія изъ народнаго уровня, вступали послѣ Петра Великаго въ ряды дворянства, или прямо, или черезъ нѣкоторый срокъ, если могли продержаться два-три поколѣнія выше толпы (купеческіе роды); въ противномъ же случаѣ опять растворялись въ народѣ. Учрежденіе нашего высшаго сословія, открытаго снизу, не допускало скопленія подъ нимъ непривелигированнаго образованнаго слоя. До послѣдней реформы дворянство считало себя сословіемъ исключительно служилымъ и

не занималось никакимъ техническимъ дѣломъ, развѣ рѣдко и неохотно; вслѣдствіе того, въ теченіе нынѣшняго столѣтія подъ высшимъ классомъ стало появляться—не сословіе, конечно, но довольно большое число полуобразованныхъ техниковъ разнаго рода, на половину иностранцевъ. Теперь же, какъ извѣстно, такъ называемыя либеральныя профессіи наполняются сильнымъ притокомъ дворянства; оно признало *своею* всю область умственныхъ занятій. Первоначальная мысль Петра Великаго, положившаго основаніе новому дворянству какъ *связному сословію русскихъ образованныхъ людей*, дожила до своего практическаго приложенія. Конечно, Петръ собиралъ это сословіе только для государственной службы, но исторія извлекла изъ его началъ послѣдствія, далеко превосходящія человѣческое предвидѣніе. Въ настоящее время наши инженеры, ученые техники, профессора—всѣ господа, а дѣти каждаго изъ нихъ, лично возвысившагося изъ толпы, сколько-нибудь путные, уже навѣрное станутъ дворянами; о нашихъ писателяхъ еще Пушкинъ сказалъ, что имъ не нужны меценаты сверху, такъ какъ сами они господа. Какая же умственная сила существуетъ еще въ Россіи внѣ дворянства и богатаго купечества, кромѣ отдѣльныхъ и разсѣянныхъ личностей да нѣмцевъ-аптекарей, которыхъ было бы смѣшно класть на вѣсы, когда рѣчь идетъ о закладкѣ государственнаго строя? Подъ высшимъ русскимъ слоемъ лежитъ особымъ пластомъ, но все же не сословіемъ, только наше потомственное духовенство, неизвѣстное ни старой Россіи, ни другимъ православнымъ странамъ; изъ этого пласта выходятъ ежегодно—не въ церковь, а въ свѣтъ тысячи молодыхъ, полуобразованныхъ людей, стучащихъ въ двери культурнаго общества. Съ ихъ-то стороны и раздаются главнѣйше вопли о демократическомъ равенствѣ и всесловности, непризнаваемыхъ русскимъ народомъ. Вопросъ о кастовомъ духовенствѣ—вопросъ очень великій, отъ котораго также въ значительной степени зависитъ наше будущее, но потому именно его нельзя касаться мимоходомъ. Но вѣдь и наши семинаристы не скопляются въ какую-нибудь промышленную буржуазію: они почти поголовно идутъ въ чиновники. Страшный недостатокъ въ техническихъ школахъ заставляетъ у насъ каждаго подростка, скинувшаго зипунъ,—подростка, который могъ бы стать хорошимъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ и быть первымъ между своими,—голодать всю жизнь, но лѣзть въ господа:

у него нѣтъ другаго средства обезпечить свое существованіе. Эти машинисты и всякіе техники низшаго разряда не сложатся также, сколько-бъ ихъ ни было впослѣдствіи, ни въ какое сословіе; въ глазахъ русскаго народа они—тѣ же рабочіе, какъ и другіе, только зажиточные. Русская жизнь сложила лишь два пласта людей—привилегированный и непривилегированный, отличающіеся между собою въ сущности не столько привилегіей, какъ тѣмъ кореннымъ отличіемъ, что они выражаютъ, каждое, различную эпоху исторіи: высшее сословіе — 19-й вѣкъ, нисшее — 9-й вѣкъ нашей эры. Въ каждомъ изъ этихъ пластовъ, раздѣленныхъ тысячелѣтіемъ, хотя живущихъ рядомъ, есть свои верхи и свои низы, своя аристократія и демократія; но въ серединѣ между ними нѣтъ ничего и не мелькаетъ даже зародыша чего-нибудь для будущаго; только съ теченіемъ времени верхній слой будетъ постоянно утолщаться. Такова форма, данная нашей жизни исторіей; а исторію никто не сочиняетъ. Теперь еще не пора судить объ относительномъ достоинствѣ этой формы; можетъ быть такъ выйдетъ лучше; по крайней мѣрѣ у насъ не произойдетъ никогда разрыва между культурными слоями, сливающимися въ одинъ общій слой. Но, во всякомъ случаѣ, откидывая чуждыя сравнительныя названія, занесенныя къ намъ изъ иностранной жизни воспитательнымъ періодомъ, и общія мѣста либерализма, происходящія изъ того же источника, невозможно не признать, что русскій культурный слой содержится почти исключительно въ русскомъ дворянствѣ и богатомъ купечествѣ, не только по факту, но по принципу, и что внѣ дворянства у насъ не существуетъ никакой развитой умственной силы, кромѣ очень рѣдкихъ исключеній. Слѣдовательно, сознательная сила русской націи равняется тому ея количеству, которое заключается въ дворянствѣ.

Каково же наше дворянство? За этимъ вопросомъ остается только относительное значеніе, потому что, хорошо оно или дурно, замѣнить его нечѣмъ. Но безъ уясненія вопроса нельзя ничего понять въ нашемъ современномъ положеніи.

Въ предшествующихъ главахъ мы очертили, по своему убѣжденію, нынѣшнее состояніе русской мысли и русскаго общественнаго дѣла; думаемъ, по личному опыту, что большинство образованныхъ людей раздѣляютъ наши взгляды на самый фактъ. Состояніе это оказывается далеко не утѣшительнымъ:

оно проникнуто какимъ-то слабосиліемъ, не допускающимъ даже зрѣлыхъ лицъ, которыхъ у насъ не мало, соединиться между собою и сложить какое-либо зрѣлое мнѣніе или зрѣлое дѣло. Если вся наша умственная сила заключается въ дворянствѣ, то можно вывести, пожалуй, что вина въ современномъ безсиліи падаетъ на него. Хотя нельзя винить прямо разъѣхавшихся за границу помѣщиковъ въ нынѣшнемъ безплодіи освобожденнаго, сравнительно съ прежнимъ русскаго слова, или прямо ставить въ укоръ остающимся—безжизненность земскихъ учрежденій, въ которыхъ они представляютъ только свой классъ, въ настоящее время далеко не особенно связный; но тѣмъ не менѣе надо признаться: если бы наше дворянство, заключающее въ себѣ весь русскій культурный слой, весь тысячелѣтній разумъ Россіи, было достаточно созрѣвшимъ, оно оказывало бы даже въ нынѣшнемъ своемъ положеніи несравненно болѣе вліянія и на своихъ членовъ, и на остальное населеніе государства; у насъ не было бы ни разлива нигилизма конца пятидесятыхъ годовъ, ни нынѣшняго общественнаго безсилія въ словѣ и дѣлѣ. Но откуда быть ему созрѣвшимъ?

Воспитательный періодъ создалъ большое число русскихъ европейцевъ подъ названіемъ дворянъ; но онъ не смотрѣлъ и не могъ смотрѣть на дворянство, какъ на связное общественное сословіе: оно являлось связнымъ только въ отношеніи къ государству, было въ его рукахъ сословіемъ исключительно служилымъ, своими людьми, но никогда не жило совокупною жизнью. Императрица Екатерина предоставила дворянству льготу выбирать нѣсколькихъ чиновниковъ, которые затѣмъ поступали въ непосредственное подчиненіе коронной администраціи; ею же было дано ему право обсуждать дѣйствующіе законы и представлять объ нихъ свое мнѣніе; но право это оставалось, какъ извѣстно, мертвою буквой. Въ прошлыя времена не одинъ дворянинъ, пытавшійся напомнить собранію о дарованномъ правѣ, былъ прямо останавливаемъ, если не случалось съ нимъ хуже. Теперь мы хорошо понимаемъ, оглянувшись назадъ, что такія отношенія были въ порядкѣ дѣла, что они даже не могли быть иными: нельзя вмѣстѣ перевоспитывать людей и ставить ихъ на одинъ умственный уровень съ собою, прежде чѣмъ они сдадутъ экзаменъ. До нынѣшней эпохи русскіе дворяне, старые и новосозданные, сходились между

собою въ полкахъ, въ канцеляріяхъ и разъ въ три года на съѣздахъ, гдѣ они выбирали предводителей и нѣсколькихъ чиновниковъ, но никакого общаго дѣла у нихъ не являлось. Они составляли сословіе только по буквѣ закона, а не въ дѣйствительности. Сказать короче: въ Россіи было много дворянъ, но не было дворянства. Нашъ культурный слой со дня своего рожденія никогда еще не жилъ общественною жизнью, и нынѣ, призванный къ жизни вмѣстѣ съ другими сословіями, выступаетъ на сцену такимъ же новичкомъ, какъ они. Онъ имѣетъ за собою преимущество не только громадное, но исключительное, не допускающее никакого соперничества,—преимущество личнаго культурнаго развитія. О вопросахъ XIX вѣка, даже мелкихъ, могутъ судить только люди этого вѣка, а не люди допотопныхъ временъ; но тѣмъ не менѣе, нашъ культурный слой, какъ сословіе, имѣетъ также недостатки юноши, хорошо учившагося, но еще не понимающаго жизни. Нужно цѣлое поколѣніе, при крѣпкой связности и цѣляхъ, достойныхъ усилій всей жизни, чтобы сложить его въ политическое сословіе, сознательно служащее видамъ верховной власти и твердо руководящее народомъ въ каждой мѣстности. По всѣмъ даннымъ исторіи можно надѣяться, что слѣдующее поколѣніе образованныхъ и уважающихъ себя русскихъ людей, при должной обстановкѣ, тѣсно сплоченное, доростетъ до зрѣлости; покуда же, не смотря на большое число лично развитыхъ людей, у насъ нѣтъ общественной опытности, что отражается на каждомъ изъ насъ безъ исключенія. Эта сборная опытность, свѣряющая всѣ мнѣнія между собою и съ практикою, пріобрѣтается только совокупною жизнью, а не книгами и одиночными умозаключеніями. Отсутствіемъ ея объясняется нынѣшняя шаткость, разрозненность и крайность мнѣній, непослѣдовательность и неустойчивость дѣйствій русскихъ образованныхъ людей, не говоря о полуобразованныхъ. Послѣдніе всегда и вездѣ не самостоятельны; они руководятся общественнымъ сознаніемъ слоевъ болѣе зрѣлыхъ. При отсутствіи такого руководящаго начала они должны поневолѣ находиться еще въ большемъ нравственномъ разбродѣ, чѣмъ ихъ старшая братія.

Съ началомъ петровской эпохи старинное дворянство, пріобрѣвшее много преданій государственной, если не чисто-общественной дѣятельности, утратило ихъ, утонувъ въ массѣ но-

ваго культурнаго слоя; людямъ же этого новаго слоя до сихъ поръ не откуда было ихъ почерпнуть. Въ продолженіе полутора вѣка слишкомъ, и старые, и новые дворяне воспитывались лично, учились въ одиночку, никогда не соприкасаясь другъ съ другомъ какъ члены общества. Они проникались иностранными понятіями, не имѣя возможности свѣрить ихъ съ своею дѣйствительностью, прозябшею подъ ними чисто-растительною жизнью, потому именно растительною, что вся нервная система была извлечена изъ нея въ другую, государственную сферу. Не имѣя прямаго вліянія на народную жизнь, образованные русскіе люди, желавшіе понять ее, должны были прибѣгать — если можно такъ, выразиться — къ пріемамъ не физіологіи, а анатоміи: они разсѣкали органъ, не имѣя средства поглядѣть его отправленія. Эта ограниченность средствъ выказалась очень живо въ ученіи славянофиловъ: они подмѣтили съ чрезвычайною мѣткостью *суть* русской жизни, но оказались безсильными для практическихъ выводовъ изъ нея. Масса же общества, неуглубляющаяся въ отвлеченныя изысканія, не имѣла ровно никакихъ средствъ провѣрить на дѣлѣ чужеземный урокъ, преподаваемый ей въ школѣ и офиціальной сферѣ. Къ концу воспитательнаго періода источники самостоятельнаго народнаго духа, не смотря на теоретическое возвращеніе къ нимъ, стали изсякать не только въ бывшемъ офранцуженномъ классѣ, но даже въ поддонкахъ нашего культурнаго слоя. Вышло что то же самое общество, которое выставляло столько крупныхъ личностей на государственную службу, оказалось безсильнымъ, принимаясь за свое собственное дѣло; и не удивительно: для службы нужны лично-развитые люди, какихъ воспитательный періодъ создалъ не мало; для собственнаго дѣла нужные *русскіе земскіе люди*, давно исчезнувшіе на нашей почвѣ. Самые даровитые и многознающіе воспитанники бываютъ всегда, въ день выхода изъ школы, существами безличными; опредѣленная личность слагается въ нихъ уже впослѣдствіи, житейскимъ опытомъ. Эти юныя существа отличаются отъ взрослыхъ тѣмъ именно, что ихъ чувства и дѣйствія не вяжутся съ навѣянными на нихъ мнѣніями. Вотъ наше общественное состояніе, конечно, временное и переходное. Оно опредѣляется единымъ словомъ: обезличеніе.

Это обезличеніе сказывается во всемъ. Какой-нибудь журналъ, вообще серьезный, успокоивается на общихъ мѣстахъ

въ такой мѣрѣ, что обращается съ бумажнымъ высокомѣріемъ къ непритворной тревогѣ русскаго человѣка, не чувствующаго почвы подъ ногами: или утѣшаетъ его гласностью, или совѣтуетъ *общечеловѣческое* развитіе; по привычкѣ къ готовымъ заключеніямъ, онъ не догадывается, что если были святые и чародѣи, умѣвшіе стоять на водѣ и на воздухѣ, то до сихъ поръ никто еще не стоялъ на звукѣ. Большинство все еще понимаетъ подъ словомъ «почва» теоретическіе споры сороковыхъ годовъ и не видитъ факта, осадившаго насъ со всѣхъ сторонъ: необходимости бытовой почвы, на которой могла бы развиться дѣйствительная земская жизнь, исходящая изъ дѣйствительныхъ условій русскаго общественнаго склада, не лгущая передъ нимъ, также какъ живая и живящая печать, сознательно относящаяся ко всѣмъ особенностямъ народнаго духа—вмѣсто либеральнаго, но мертваго канцелярскаго измышленія, вмѣсто либерально-аллегорической болтовни журнальныхъ статей.

Вотъ другой фактъ изъ общественной жизни. Садитесь на пароходъ въ Псковѣ; черезъ восемъ часовъ вы будете въ Дерптѣ, принадлежащемъ Россіи болѣе полутора вѣка, въ которомъ вы не допроситесь ни воды, ни хлѣба, если станете спрашивать ихъ по-русски. Между тѣмъ, мы хорошо знаемъ, какъ окрайные города, занимаемые московскою Русью, черезъ одно поколѣніе становились до такой степени русскими, что отбивались отчаянно отъ своихъ прежнихъ владыкъ. Мы вовсе не сторонники приравненія окраинъ къ тѣлу государства полицейскими мѣрами, — даже всякаго вида приравненія ихъ, кромѣ политическаго; намъ кажется желательнѣе, напротивъ, воскресить мѣстный духъ даже составныхъ частей собственной Россіи. При обширности государства, наша будущность—въ разнообразіи и нѣкоторой самобытности большихъ областей. Мы считаемъ распространеніе русскаго языка и русскаго чувства къ общему отечеству на окраины дѣломъ болѣе общественнымъ, чѣмъ правительственнымъ. Въ этомъ отношеніи вышеуказанный фактъ имѣетъ великое значеніе. Старая Русь оказывала живое вліяніе на присоединяемые края, потому что сама была живымъ цѣлымъ, твердо сознававшимъ свою личность; сила ея состояла не въ учености, а въ нравственномъ единствѣ. Нынѣшняя Россія, выходящая изъ воспитательнаго періода, съ своимъ блѣднымъ культурнымъ обще-

ствомъ безъ тѣла и своимъ стихійнымъ простонародьемъ безъ головы, владѣетъ только силою механическою; она не можетъ никого убѣждать, потому что сама не знаетъ своихъ убѣжденій. Мы образовывались и выцвѣтали постепенно отъ недостатка совокупной жизни. При Екатеринѣ, вновь присоединенныя губерніи стали-было быстро заквашиваться въ общемъ духѣ государства, — значитъ, въ русскомъ обществѣ сохранялся тогда еще нѣкоторый запасъ дѣятельной силы; мы видимъ, какимъ успѣхомъ увѣнчались въ тѣхъ же губерніяхъ, въ настоящую пору, самыя энергическія усилія правительства во всемъ, чего нельзя было достигнуть прямо административными мѣрами. Нынѣшнее общество только взывало къ правительству по этому поводу, но помогло ему очень мало.

Такова покуда внутренняя сила дворянства, заключающаго въ себѣ весь нашъ культурный слой. Нечего говорить о степени состоятельности полуобразованныхъ людей, только еще дорастающихъ до званія господъ, отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому. Не смотря на эту горькую истину, наше общественное дѣло можетъ быть поведено только однимъ дворянствомъ, присоединяя къ нему, конечно, силу большихъ капиталовъ и крупныхъ талантовъ, откуда бы они ни взялись. Не создавать же новаго культурнаго класса, въ обходъ стараго, если бы даже такая операція была возможна, сложивъ опять руки на полтораста лѣтъ. Кромѣ того, слабосиліе русскаго образованнаго общества—не порокъ органическій, а чисто-наружный, происходящій отъ отвычки къ серьезному дѣлу. Чѣмъ ушибся—тѣмъ и лѣчись.

Не смотря на очевидное временное обезличеніе нашего культурнаго слоя, мы считаемъ однакожъ крайне несправедливымъ и вполнѣ невѣрнымъ обвиненіе его въ оторванности отъ русской почвы, въ очужеземленіи, если можно такъ выразиться; мы не видимъ никакихъ существенныхъ признаковъ, дающихъ право сказать, какъ не разъ у насъ говорилось, что петровская реформа разорвала русскій народъ на двѣ половины, не понимающія уже одна другую. Мы напротивъ, видимъ явно, по ежедневному опыту, тотъ же самый русскій складъ, и съ хорошей и съ дурной стороны, въ человѣкѣ высшаго общества и въ простолюдинѣ; оба они проникнуты одинаково русскимъ чутьемъ, внутреннее содержаніе, основные взгляды втораго—тѣ же самые, что и перваго, только

безъ культурныхъ добавленій. Эти культурныя добавленія, до сихъ поръ не свѣренныя съ жизненною дѣйствительностью, а потому случайныя и произвольныя, составляютъ всю разницу между ними. Русскій образованный человѣкъ не отрывался отъ простолюдина, но онъ надолго былъ оторванъ отъ всякой общей съ нимъ, не казенной заботы. Какъ братьямъ, никогда не ссорившимся, но давно разъѣхавшимся, имъ надо пожить вмѣстѣ мѣсяцъ, чтобы столковаться насчетъ своего семейнаго дѣла; мѣсяцъ въ жизни народа—это одно поколѣніе. Прямое участіе нашего культурнаго слоя—дворянства—въ общественной жизни, вмѣсто нынѣшняго косвеннаго участія, серьезная дѣятельность и серьезная отвѣтственность сложатъ его въ одно цѣлое и между собою, и съ народомъ, проникнутъ его единствомъ настроенія и отрезвятъ совершенно. Этого будетъ достаточно, чтобы коренной русскій духъ проросъ вновь сквозь нынѣшнее школьное обезличеніе. У насъ явятся тогда и общественное мнѣніе, и общественная дѣятельность. Мы набрались достаточныхъ свѣдѣній въ теченіе послѣдняго полутора вѣка, намъ недостаетъ только баласта—связности и уроковъ жизни, откуда и происходитъ нынѣшняя русская безцвѣтность. Болѣзнь эта неудобная, особенно въ настоящее бурное время, хотя не болѣе какъ наружная и скоро-проходящая при должныхъ лѣкарствахъ; но вылѣчить насъ можетъ только всероссійскій житейскій опытъ, развивающійся изъ бытовыхъ, а не изъ сочиненныхъ началъ и отношеній.

Если современная болѣзнь русскаго общества состоитъ въ обезличеніи, происходящемъ исключительно изъ теоретическаго образованія, не провѣреннаго опытомъ совокупной жизни, отъ которой мы давно отвыкли, то нашему культурному слою связность въ будущемъ еще необходимѣе, чѣмъ такимъ же слоямъ европейскимъ. Къ причинамъ, заставляющимъ послѣдніе тѣсно держаться между собою по закону и преданію, у насъ присоединяется еще новая причина. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ легче, чѣмъ на Западѣ, сохранить или возстановить, пока еще есть время, связность образованнаго общества, потому именно, что оно не дѣлится на соперничествующія группы—на дворянство и среднее состояніе, а смыкается въ одно сословіе, раздѣленное, конечно, на многія подслойки въ дѣйствительной жизни, но законно равноправное. Если на Западѣ прочность государственнаго и общественнаго устоя зависитъ вполнѣ отъ крѣп-

кой связи культурнаго слоя, какъ несомнѣнно доказываетъ новая исторія, то это непремѣнное условіе существуетъ еще въ большей мѣрѣ для насъ; мы не можемъ считать себя исключеніемъ изъ рода человѣческаго. Въ Европѣ сознательные классы, воспитанные связно цѣлыми вѣками, не устояли, какъ только чуть немного раздвинулись между собою; какой же устой представляетъ, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, русскій сознательный слой, воспитанный, даже можно сказать рожденный въ безсвязности, лишенный всякихъ преданій совокупной общественной дѣятельности? Тамъ сгубилъ дѣло одинъ промежутокъ между двумя сословіями—у насъ же такіе промежутки лежатъ между каждыми двумя людьми. Уже теперь, безъ тѣни еще какого либо политическаго вопроса, въ нашей сборной жизни оказывается полнѣйшій разбродъ. Безсвязность и обезличеніе, таившіяся, какъ скрытый недугъ, въ русскомъ обществѣ, замороженномъ воспитательнымъ періодомъ, должны были необходимо выйти наружу при первомъ внесенномъ лучѣ; но они не сказались бы въ такой наготѣ, имѣли бы время отстояться, если бы общественныя группы не были въ то же время вдругъ сдвинуты съ привычнаго мѣста. При этомъ же передвиженіи нашъ нравственный разбродъ выразился съ учетверенною яркостью—неопредѣленностью всѣхъ личныхъ положеній, отсутствіемъ обмысленныхъ и, главное, распространенныхъ убѣжденій, оторванностью мысли отъ дѣла въ единицахъ, равнодушіемъ разрозненнаго общества къ основнымъ вопросамъ, безпримѣрною шаткостью пониманія и примѣненія закона общественными дѣятелями, отсутствіемъ власти и руководства внѣ большихъ городовъ, теоретичностью и безжизненностью печати въ практическихъ дѣлахъ, бездѣйствіемъ земскихъ силъ, даже безсиліемъ акціонеровъ какой бы то ни было компаніи защитить свои личные интересы отъ произвола нѣсколькихъ беззастѣнчивыхъ людей, выбирающихъ самихъ себя въ директора. Гдѣ только намъ приходится жить, дѣйствовать или говорить съобща, тамъ мы, покуда, безсильны и безпомощны. Ни сверху, ни снизу нельзя считать такое общественное состояніе безопаснымъ и успокоиться на немъ.

Мы очутились въ этомъ положеніи внезапно. До 19 февраля 1861 года русскій сознательный слой жилъ только государственною, а не общественною жизнью и гордился быстрыми умственными успѣхами, не замѣчая своего нравственнаго оску-

дѣнія; онъ глядѣлъ въ будущее довольно довѣрчиво, полагаясь на давнюю, механическую, но тѣмъ не менѣе обратившуюся уже въ привычку сословную связность—и въ извѣстной мѣрѣ былъ правъ. Еслибъ эта связность, хотя только наружная, уцѣлѣла при новыхъ условіяхъ жизни, послѣ освобожденія народа, при той степени личнаго образованія, до которой доросло русское дворянство, то совокупная дѣятельность сростила бы его нравственно довольно скоро; общественная среда и обязаности положенія удержали бы увлекающіяся личности правой и лѣвой оконечности, не дали бы однимъ эмансипироваться, по русскому обычаю, до чортиковъ, другимъ — разбрестись въ стороны, напоминая въ миніатюрѣ французскую эмиграцію 1790 года. Русскій культурный слой проникался бы постепенно единствомъ, устанавливая понемногу общественное мнѣніе, и въ то же время повелъ бы земское дѣло въ одномъ направленіи, а не въ сотняхъ разбѣгающихся направленій. Во всякомъ случаѣ, дѣло не дошло бы до нынѣшняго разлада въ томъ и другомъ отношеніи.

Случилось иначе. Осмѣливаемся высказать мнѣніе, что великодушныя преобразованія, обновившія Россію вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ, были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ слишкомъ теоретичны, а потому не вполнѣ совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи. Но если, по неизбѣжному несовершенству человѣческихъ дѣлъ, въ нихъ вкрались ошибки, то даже ошибки эти служатъ къ славѣ нашего правительства. Высшая степень доброжелательства и искренности правительства состоитъ въ томъ именно, чтобы дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Мы же всѣ помнимъ, каково было русское мнѣніе конца пятидесятыхъ годовъ. Тогда высказывались только отдѣльныя личности, несовсѣмъ довольныя принятымъ направленіемъ. Сборный голосъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ славянофиловъ до нигилистовъ, на сколько онъ выражался и въ печати, и на улицѣ, желалъ всесословности,—именно такой формы всесословности, которая на дѣлѣ равнялась бы полной безсословности. Русское общество, воспитанное на чужеземныхъ теоріяхъ нынѣшней бурливой эпохи, не вкусивъ еще никогда плодовъ неразборчиваго поклоненія имъ, наскучившее однообразіемъ прежняго быта, разочарованное временно крымскою войною, рвалось къ самымъ широкимъ и туманнымъ идеаламъ въ либеральномъ смыслѣ. Опытъ совер-

шился. Выработанный исторіей русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ всесословности, то-есть низшимъ сословнымъ группамъ, представляемымъ на западный образецъ, никогда не существовавшимъ на русской почвѣ. Никому отъ этого не стало лучше, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ сотрудниковъ, предъ которыми раскрылись широкія темы либеральнаго витійства; но русскому дѣлу, нашему ходу впередъ, стало положительно хуже.

Народу въ періодѣ роста, какъ мы, такой опытъ, если онъ не затягивается на неопредѣленное время, не вреденъ—совсѣмъ напротивъ. Онъ отрезвилъ многихъ. Безъ него тысячи русскихъ людей продолжали бы и въ будущемъ увлекаться несбывшеюся мечтою, вѣрить во французскія теоріи безсословности, не смотря даже на очевидную убѣдительность французскаго примѣра. Давно извѣстно, что чужой опытъ не впрокъ. Хотя давнишнее подражаніе недовело еще насъ, и не доведетъ, надо надѣяться, до серьезныхъ послѣдствій, но легкій отблескъ ихъ сталъ мелькать уже въ глаза достаточно многимъ людямъ, чтобы отучить ихъ отъ охоты замѣнять дѣло словами.

Въ послѣднее время у насъ стало почти общепринятымъ считать и называть русскій личный и общественный складъ демократическимъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно. Достаточно оглянуться на русскую исторію для убѣжденія въ томъ, что мы —народъ не аристократическій, безъ развитагó индивидуализма, такъ какъ у насъ никогда не появлялось самостоятельной, неслужилой аристократіи. Самая форма русской верховной власти, предъ лицомъ которой уравниваются всѣ подданные, есть форма земской монархіи. Но этотъ взглядъ нисколько не противорѣчитъ существованію дворянства, созданнаго воспитательнымъ періодомъ въ видѣ организованнаго, то-есть связаннаго съ престоломъ и между собою, но открытаго снизу культурнаго слоя; слой этотъ есть именно неизвѣстное Европѣ организованное высшее сословіе демократическаго народа. Мы употребляемъ слово *демократическій* никакъ не во французскомъ смыслѣ; правильнѣе было сказать—народа цѣльнаго, не разорваннаго кастовою сословностію. Это учрежденіе было бы невозможнымъ при родовомъ, современномъ государству, появившемся вмѣстѣ съ нимъ дворянствѣ въ западномъ смыслѣ.

Русское дворянство — единственное высшее сословіе въ Европѣ, не происходящее изъ права завоеванія, не отличающееся отъ народа своею кровью и особымъ племеннымъ духомъ. Все французское дворянство поголовно (кромѣ судебнаго, жалованнаго королями) и почти все нѣмецкое — ведутъ свой родъ отъ племени франковъ, покорившихъ ту и другую страну; англійское отъ норманновъ; испанское отъ вестготовъ; итальянское отъ смѣси франковъ, лонгобардовъ и остготовъ; польская шляхта происходитъ также отъ завоевателей, по всей вѣроятности, не норманновъ, какъ старался доказать Шайноха, а отъ остатковъ аварской орды, потоптавшей привислянскихъ славянъ *). Всѣ европейскія дворянства, потомки древнихъ *насильцевъ* народа (какъ говоритъ Несторъ), сплачивались безъ исключенія въ замкнутую касту, ставили и ставятъ до сихъ поръ между собой и покоренными, каково бы ни было развитіе и даже богатство послѣднихъ, непереходимую грань бѣлой и черной кости,—ту же грань, какая существуетъ у насъ между остзейскими помѣщиками и ихъ чухонцами. Дворянство на Западѣ никогда не мѣшалось съ народомъ, такъ что французская революція была, буквально, возстаніемъ галловъ противъ нѣмецкихъ завоевателей, владѣвшихъ ими почти полторы тысячи лѣтъ и лежавшихъ надъ ними какъ слой масла на водѣ, не сливаясь. Теченіе вѣковъ уменьшало постепенно привилегіи западныхъ дворянствъ, но до сего дня нисколько не ослабило непереходимости кастовой грани. Умный либеральный и буржуазный журналъ нынѣшней революціонной Франціи «Rêvue des deux mondes» отзывался иронически о пожалованіи Персиньи герцогомъ, на томъ основаніи, какъ онъ говорилъ, что дворяниномъ можетъ быть только тотъ, кто *всегда* имъ былъ, т. е., говоря другими словами, тотъ лишь, кто происходитъ отъ насильцевъ французскаго народа—германскихъ сикамбровъ Хлодвига. Вотъ понятія Запада о дворянствѣ, такъ толково перенесенныя, съ любовью или непріязнью, многими учениками воспитательнаго періода на наше народное культурное сословіе.

Всякій знаетъ, что въ Россіи никогда не существовало особой, племенной дворянской крови, которую считается грѣхомъ

---

*) Еще Сенковскій замѣтилъ, что польскій дворянскій гербъ не имѣетъ ничего общаго съ европейскимъ, что онъ есть чистѣйшая тамга азіатскихъ кочевниковъ.

смѣшивать съ кровью поганца, хотя бы признаннаго великимъ человѣкомъ; на нашемъ языкѣ нѣтъ даже слова для перевода mésalliance. Старинное русское дворянство, хотя замкнутое въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, вышло почти поголовно изъ народа и никогда не рознилось съ нимъ какимъ-либо рѣзко-исключительнымъ сословнымъ духомъ. Нечего говорить о петровскомъ культурномъ слоѣ, набранномъ преимущественно производствомъ сдаточныхъ въ первый офицерскій чинъ, подъячихъ и семинаристовъ въ коллежскіе ассесоры. Наше дворянство, и старое, и новое, было всегда нераздѣльною частью русскаго народа, отобранною для государственной службы. Оттого наша исторія не являетъ ни одного примѣра розни между сословіями. Возстаніе закрѣпощеннаго народа, подъ предводительствомъ казацкой вольницы, было протестомъ противъ закрѣпощенія, а не сословною рознью. Извѣстно, что крѣпостное право, искажавшее два съ половиною вѣка отношенія между высшимъ общественнымъ слоемъ и народомъ, было въ началѣ навязано нашимъ вотчинникамъ и помѣщикамъ насильно, противъ желанія огромнаго большинства ихъ, какъ полицейская мѣра; характеръ же личной подневоли былъ ему приданъ лишь въ царствованіе Петра Великаго, также безъ спросу, для установленія правильной поставки рекрутъ. Наша исторія долго не допускала естественныхъ отношеній между сословіями, не изъ политическихъ, а изъ чисто-административныхъ видовъ, для того, чтобы достаточно вооружить государство противъ внѣшняго врага. Этою чертою она также отличается отъ всѣхъ прочихъ. Но даже въ крѣпостныя времена русское дворянство не прониклось духомъ сословнаго эгоизма, отстаивающаго, прежде всего, и болѣе всего, свои собственные интересы, въ ущербъ массамъ—что совсѣмъ не понятно для западнаго европейца. Въ послѣднее время Россія видѣла рядъ фактовъ, совершенно невозможныхъ на западѣ; мировые посредники, выработавшіе практически освобожденіе крѣпостныхъ, были поголовно помѣщики; въ пору перваго увлеченія, дворянство нѣкоторыхъ губерній само просило о снятіи съ него привилегій; оно же невынужденно первое подало голосъ о всесословномъ уравненіи податей и т. д. Такія явленія несбыточны въ Европѣ не потому, чтобы тамошнія высшія сословія были черствѣе сердцемъ, а потому, что эти сословія составляютъ какъ-бы особое племя, государство въ государствѣ, живущее своими особыми

преданіями и поголовно воспитанное въ такомъ духѣ. Наше же дворянство—не отрѣзанный ломоть, даже въ извѣстномъ смыслѣ не группа, рѣзко отгороженная исторіей, а высшій слой русскаго народа. Оттого всѣ токи нашихъ всесословныхъ мнѣній, чувствъ и увлеченій проходятъ безпрепятственно сверху внизъ и снизу вверхъ, не останавливаясь ни на какой перегородкѣ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ русскій народъ не чувствуетъ потребности въ трибунахъ и болѣе вѣритъ въ правду мѣстныхъ помѣщиковъ, чѣмъ въ правду людей изъ собственной среды или чиновниковъ.

Современное русское дворянство, въ своемъ духѣ и въ своей общественной задачѣ, составляетъ полнѣйшую противоположность прусскому юнкерству и похоже скорѣе на бывшую французскую цензовую буржуазію, съ тою коренною разницею, что послѣдняя была учрежденіемъ чисто-искусственнымъ, безъ внутренняго единства, а потому несостоятельнымъ, не выдерживавшимъ потрясеній; наше же дворянство есть учрежденіе органическое, то-есть связное и наслѣдственное. Оно должно оставаться такимъ еще надолго, образуя сердцевину и устой выростающаго постепенно изъ народа русскаго сознательнаго общества, способнаго пользоваться политическими правами— потомственно или лично.

Послѣ всего сказаннаго и, еще болѣе, послѣ всего извѣстнаго каждому образованному человѣку, нечего, кажется, говорить много о необходимости связи нашего политическаго культурнаго сословія съ верховной властью и между собою. Примѣръ Франціи теперь едва ли уже соблазнитъ кого-либо, достигшаго 21 года. Въ нашемъ же русскомъ быту, еще не вызрѣвшемъ и неустоявшемся, французская безсвязность, то-есть безсословность, дѣйствовала бы еще во сто разъ губительнѣе. Но никакая связность немыслима безъ твердой сердцевины, и никакая сердцевина не мыслима у насъ покуда безъ наслѣдственности, проникающей массу людей извѣстнымъ единствомъ воспита- и направленія, переносящей ихъ съ произвольной почвы личныхъ взглядовъ на почву историческую, связывающую ихъ правами и отвѣтственностью сословія. Политическій слой англійскихъ государственныхъ избирателей стоитъ крѣпко потому, что смыкался постепенно и до сихъ поръ сомкнутъ около прочнаго ядра; французская цензовая буржуазія, не имѣвшая центра, разсыпалась предъ горстью уличныхъ возмутителей. Намъ,

русскимъ, давно отвыкшимъ отъ совокупной общественной жизни, невозможно завязать ее вновь иначе, какъ въ средѣ образованныхъ и уважающихъ себя людей, вызванныхъ изъ народной толпы воспитательнымъ періодомъ, твердо сомкнутыхъ въ сословіе.

Кромѣ того, наслѣдственность въ высшемъ слоѣ нужна намъ еще въ другомъ отношеніи—для упроченія и развитія самостоятельнаго русскаго образованія. Въ Европѣ извѣстная доля просвѣщенія разлита во всѣхъ слояхъ общества и только сгущается къ верху; тамъ оно—дѣло тысячелѣтнее, унаслѣдованное еще отъ древняго міра, на почвѣ котораго основались европейскія государства. У насъ, какъ заимствованное, оно сосредоточивается исключительно въ слоѣ людей, принявшихъ европейскія формы; за исключеніемъ подростковъ изъ духовнаго званія, въ Россіи получаетъ порядочное образованіе только тотъ, для кого оно обязательно по рожденію. Распространеніе образованности идетъ у насъ параллельно утолщенію сомкнутаго культурнаго слоя, удерживающаго въ своей средѣ всякаго, кто разъ въ него вступилъ. Безъ этого условія наука не пустила бы въ Россіи корней, какъ она не пускала ихъ въ Турціи, гдѣ одно поколѣніе ничего не передавало другому по той причинѣ, что сынъ или внукъ визиря, вышедшаго изъ носильщиковъ, самъ въ свою очередь обращался въ носильщика. Теперь этотъ порядокъ начинаетъ понемногу измѣняться даже въ Турціи: образованные турки даютъ воспитаніе своимъ дѣтямъ, набираемымъ потомъ преимущественно въ государственную службу; но это значитъ только то, что въ царствѣ султана, вопреки мусульманскимъ порядкамъ, завязывается новое потомственное дворянство на подобіе петровскаго. Въ дѣйствительности, кромѣ рѣдкихъ исключеній, вродѣ Ломоносова или Сперанскаго, просвѣщеннымъ человѣкомъ становится только образованный потомокъ нѣсколькихъ образованныхъ поколѣній; онъ получаетъ въ своей семьѣ и своемъ обществѣ массу знаній и исторически вызрѣвшихъ взглядовъ, которыхъ не можетъ дать никакой университетъ. Самостоятельное и сознательное русское просвѣщеніе созрѣетъ только въ потомственно-просвѣщенномъ русскомъ сословіи. На почвѣ Западной Европы, гдѣ дворянство есть каста—наука вырабатывается теперь болѣе среднимъ, чѣмъ высшимъ классомъ; но въ Россіи ей нѣтъ мѣ-

ста внѣ узаконеннаго культурнаго слоя, въ которомъ сливаются оба сословія вмѣстѣ.

Потомственный общественный слой значитъ слой привилегированный. Съ какого конца ни смотрѣть на вопросъ, такой привилегированный слой необходимъ для будущности Россіи— съ одной стороны, чтобы не стать похожею на Францію, съ другой, чтобы не стать похожею на Персію. Надобно только, чтобы онъ былъ привилегированъ правильно, сообразно современнымъ потребностямъ, а не отжившимъ видамъ петровской эпохи, чтобы ему было отведено подобающее мѣсто въ государственномъ устройствѣ; чтобы онъ служилъ ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая ее въ свою исключительную собственность; чтобы доступъ въ него снизу былъ не затрудненъ и открывался не только лицамъ, повышающимся въ государственной службѣ, какъ прежде, но и другимъ культурнымъ классамъ, постепенно размножающимся съ развитіемъ общества; чтобы ряды его раздвигались для извѣстныхъ размѣровъ и видовъ богатства (обладающихъ самостоятельною силою независимо отъ всякаго закона) и для умственныхъ заслугъ; чтобы достойные люди изъ культурной подпочвы, которая будетъ постоянно выростать между народомъ и дворянствомъ, недостигнувшіе еще потомственной привилегіи могли *лично* группироваться около нея; чтобы по возможности было обезпечено хорошее воспитаніе молодымъ поколѣніямъ этого высшаго народнаго слоя. Затѣмъ нужно еще, чтобы русское дворянство, въ должной мѣрѣ, насколько это необходимо государству и обществу, стало, какъ прежде, сословіемъ обязательно служилымъ, а не вольницей: права безъ обязанностей не ведутъ ни къ чому, колятъ всѣмъ глаза и производятъ только распущенность, вмѣсто того, чтобы нравственно скрѣплять людей. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ руководиться никакимъ чужимъ примѣромъ, такъ какъ самое учрежденіе нынѣшняго русскаго дворянства, какъ привилегированнаго культурнаго слоя, есть дѣло новое въ исторіи, самородное произведеніе русской почвы, и должна развиваться изъ своихъ собственныхъ началъ; главное же изъ этихъ началъ, какъ мы знаемъ, есть начало государственной служилости.

Надобно разсмотрѣть отдѣльно каждое изъ вышеприведенныхъ условій, что мы и постараемся сдѣлать въ слѣдующей главѣ. Но уже теперь мы считаемъ вопросъ о русскомъ дво-

рянствѣ, какъ поставила его исторія, достаточно уясненнымъ, чтобы опредѣлить существенныя отношенія этого учрежденія къ общему государственному строю.

Дворянскія привилегіи никогда не могутъ обратиться у насъ въ монополію, стѣснительную для массы народа,—во-первыхъ, потому, что наше дворянство—не кровная и замкнутая каста, а тотъ же русскій народъ, верхній слой народа, воспитанный исторически и постоянно освѣжаемый притоками снизу, мыслящій и чувствующій, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, заодно со всѣмъ населеніемъ; во-вторыхъ, потому, что верховная русская власть, непоколебимая и въ полномъ значеніи *всесословная*, созданная исторіей, или, лучше сказать, создавшая нашу исторію на основаніи общенародныхъ цѣлей, никогда не допуститъ какое-либо отдѣльное государственное учрежденіе обратиться въ независимую силу, подчиняющую общія пользы своимъ личнымъ видамъ. Съ другой же стороны, наше правительство, твердо увѣренное въ дворянствѣ и народѣ, но не въ шаткой культурной подпочвѣ, отставшей отъ одного края и не приставшей еще къ другому,—подпочвѣ, заявившей о себѣ въ послѣдніе годы довольно дурно (какъ и должно было случиться при расшатанности общественнаго строя)—можетъ отнестись вполнѣ искренно, безъ малѣйшаго опасенія за злоупотребленіе довѣрія, только къ историческому потомственному слою, твердо съ нимъ связанному, да еще, конечно, къ купечеству. Для развитія нашего земства въ мѣстномъ и государственномъ смыслѣ, для освобожденія его отъ неусыпнаго административнаго надзора, нужно, прежде всего, чтобы оно находилось въ вѣрныхъ рукахъ. Тогда только правительство найдетъ возможность не ставить коронныхъ чиновниковъ между имъ и собою. Въ этомъ отношеніи также, независимо отъ прочихъ потребностей, всякому образованному русскому должно быть желательно, чтобы нашъ культурный слой занялъ подобающее ему мѣсто.

Современная монархія, нравамъ которой неизвѣстно преобладаніе чисто-аристократическихъ началъ, можетъ обезпечить себя только подобнымъ учрежденіемъ — наслѣдственнымъ и сомкнутымъ образованнымъ общественнымъ слоемъ, доступнымъ снизу притоку созрѣвающихъ силъ. Никакія искусственныя учрежденія не равняются въ прочности съ этимъ, потому что народъ не можетъ имѣть побужденій возставать противъ своей

5*

же собственной организованной нравственной и умственной силы, не замкнутой снизу, слѣдовательно всегда вѣрно выражающей современное состояніе массы; честолюбивымъ людямъ низшихъ слоевъ гораздо выгоднѣе вступить въ привилегированный классъ, чѣмъ бороться противъ привилегій. Съ другой стороны, такой высшій слой, устроенный сословно, связывается тѣснѣйшими узами съ верховною властью, составляетъ не только ея опору, но продолженіе ея самой, образуетъ ея тѣло и члены. Можно думать, что русское петровское дворянство составляетъ позднѣйшее и полнѣйшее выраженіе искомой формы современной не-феодальной монархіи,—явленіе, способное удовлетворить въ одинаковой степени потребностямъ государственнаго порядка и народнаго развитія.

ГЛАВА IV.

Естественный складъ русскаго общества.

Взгляды людей такъ случайны и разнообразны, что добиваться общаго, безусловнаго согласія на какую-нибудь истину было бы пустою затѣею. Самая простая истина—та, что земля кругла и въ полюсахъ сжата — встрѣтила бы рѣшительный отпоръ со стороны нѣсколькихъ милліоновъ старообрядцевъ, составляющихъ едва ли не самую развитую часть русскаго простонародья, полагающихъ, что земля есть плоскій кругъ, въ серединѣ котораго стоитъ Іерусалимъ; многіе изъ нашихъ русскихъ людей выставили бы, въ другомъ порядкѣ мыслей, положенія еще своеобразнѣе центральности Іерусалима. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что, если-бъ можно было допытаться настоящаго русскаго мнѣнія въ текущее время,—мнѣнія не газетнаго, не чиновничьяго, не университетскаго, а мнѣнія русскихъ людей культурнаго слоя, живущихъ въ нѣкоторой связи съ почвою,—о томъ, что всего нужнѣе Россіи, большинство отвѣчало бы не колеблясь, хотя, разумѣется, каждый своими словами: сосредоточеніе. У насъ накопилось достаточно развитыхъ умственныхъ силъ, чтобы сложить ихъ въ политическое сословіе; но ихъ вовсе не достаточно для того, чтобы заквасить ими русскую всесословность на американскій образецъ, какъ имѣлось, кажется, въ виду въ началѣ реформъ. Растворяя свой культурный капиталъ, нажитый съ такимъ трудомъ, въ восьмидесятимилліонной массѣ, мы уподобились хозяину, вливающему бочку вина въ прудъ, въ надеждѣ улучшить вкусъ воды: при этомъ и вино пропало, и вода осталась по прежнему. Но вышло еще то, что въ этомъ растворѣ завелись зловреднѣйшіе гады, которыхъ прежде не было, проповѣдники всякихъ нелѣпицъ, люди, ставящіе себѣ задачею

не развивать, а мутить обще-народный строй, оставшійся безъ присмотра и мѣстныхъ руководителей, что явствуетъ изъ политическихъ процессовъ начавшихъ повторяться почти ежегодно. Какъ всегда бываетъ при внезапномъ смѣшеніи общественныхъ положеній, одни, сверху, или бросили все, или же стали популярничать въ самомъ фальшивомъ тонѣ; другіе, снизу, нашли возможность пріобрѣтать на опустѣлой почвѣ вліяніе, для котораго они еще вовсе не готовы, и пользоваться имъ для цѣлей, иногда очень вредныхъ. Наша всесословность не сложилась и никогда не сложится такимъ путемъ, но образованное общество разсыпалось.

Легенда о пучкѣ стрѣлъ скифскаго царя может служить девизомъ къ нашему современному вопросу. Сосредоточить образованное общество въ связное сословіе, сомкнуть его вокругъ твердаго ядра—вотъ русская задача текущаго времени, безъ осуществленія которой намъ нечего разсчитывать на будущее.

Ядро это, очевидно — дворянство, ничего другого у насъ нѣтъ. Кругъ его дѣятельности, мѣсто его въ общегосударственномъ и народномъ строѣ очерчивается ясно, конечно не въ подробностяхъ и не въ прямомъ приложеніи къ практикѣ, что требуетъ предварительнаго и серьезнаго обсужденія вопросовъ между властью и самими земскими людьми. Мы считаемъ возможнымъ обсуждать печатно лишь то, чего должно желать, а не пріемовъ, посредствомъ которыхъ можно осуществить желаемое помимо людей, прямо стоящихъ у дѣла: иначе мы провинились бы передъ читателями тѣми же именно словопреніями, которыми больна наша нынѣшняя печать, или, правильнѣе сказать, нашъ нынѣшній общественный строй, отражаемый печатью. Сущность же самой задачи мы считаемъ неподлежащею сомнѣнію.

По нашему понятію, русское дворянство не можетъ быть признано, въ виду близкаго будущаго, *всею* умственною силою Россіи, способною пользоваться политическими правами; но оно несомнѣнно должно стать законнымъ средоточіемъ и устоемъ *всей* этой силы. Другими словами: внѣ дворянства у насъ существуютъ, въ настоящую пору, люди, отчасти сгруппированные между собою, отчасти разбросанные, способные къ политической жизни и обладающіе вліяніемъ въ своей средѣ, безъ которыхъ земскій строй не будетъ вѣрнымъ отра-

женіемъ дѣйствительности, опять уклонится отъ всероссійской правды; но эти группы и эти несвязныя личности далеко еще не довольно самостоятельны, чтобы представлять что нибудь отъ своего лица и званія; имъ можетъ быть предоставлено лишь право *лично* пользоваться земскими правами дворянства, вступать въ кругъ его земской дѣятельности, при опредѣленныхъ условіяхъ, пока они имъ удовлетворяютъ. Всѣ эти группы и лица выражаютъ собой не русскій созрѣвшій историческій слой, образующій наслѣдственную силу государства, а только свою особу или свое случайное, часто преходящее экономическое положеніе; потому и участіе ихъ въ общественномъ (конечно не сельскомъ) самоуправленіи можетъ быть только личное, истекающее или изъ высокаго ценса, или изъ довѣрія къ нимъ мѣстнаго дворянства, открывающаго имъ доступъ въ въ свои ряды. Затѣмъ, у насъ существуютъ еще особыя мѣстности, въ которыхъ преобладающее вліяніе принадлежитъ по закону и здравому смыслу, не дворянству, а владѣльцамъ капиталовъ, домовъ и лавокъ, — города. Очевидно, что эти мѣстности съ своими дѣятелями должны имѣть въ земскихъ дѣлахъ голосъ по праву, независимо отъ чьего либо усмотрѣнія. Можно думать, что всѣ значительные города было бы гораздо удобнѣе отдѣлить отъ уѣзда въ особую земскую единицу.

Единственная группа людей внѣ дворянства, обладающая у насъ самостоятельнымъ значеніемъ, а потому имѣющая несомнѣнное право голоса въ общихъ дѣлахъ, это—купечество. Изо всѣхъ общественныхъ группъ, наше купечество—самая связная, наиболѣе способная отстаивать свои сборныя выгоды, какъ она постоянно доказывала. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя назвать русское купечество сословіемъ въ западномъ смыслѣ: до сихъ поръ оно не могло сложиться въ крѣпкое сословіе, такъ какъ наши купцы, невольно покоряясь историческому складу русскаго общества, или постепенно переходили въ дворянство, или же разорялись и вновь утопали въ народѣ. Если же изъ купцовъ не выработалось сословія до сихъ поръ, то уже не выработается никогда; теперь въ немъ нѣтъ больше надобности. Въ кастовомъ западномъ дворянствѣ нужны были законы Людовика XIV, оказавшіеся вдобавокъ безсильными по противорѣчію нравамъ, о дозволеніи дворянину заниматься торговлею, не роняя своего достоинства. Въ нашемъ народномъ

дворянствѣ это понимается само собою. Ничто не мѣшаетъ богатому русскому купцу и его потомкамъ увѣковѣчить свою фирму, ставъ дворянами. Напротивъ, такимъ образомъ только и сложится въ Россіи дѣйствительно сильное купечество. англійское и голландское купечество большихъ домовъ давно считается частью мѣстной аристократіи. То же было въ Италіи, гдѣ, напримѣръ, знаменитый банкирскій домъ Торлонія носилъ герцогскій титулъ, не переставая держать банкъ. Въ Европѣ торговая аристократія существуетъ безъ привилегіи, въ силу своего наслѣдственнаго богатства; но у насъ укоренились другія условія: русскій привилегированный слой, составляющій учрежденіе чисто-общественное, долженъ открываться всякой общественной силѣ, упрочивающей себя наслѣдственно. Потому въ Россіи слѣдовало бы облегчить по возможности переходъ въ дворянство крупнымъ купцамъ, остающимся купцами. По нашему мнѣнію, было бы совершенно согласнымъ съ современными потребностями предоставить имъ право просить о возведеніи въ дворянство дѣтей, обезпеченныхъ значительною недвижимою собственностью; почетныхъ же гражданъ, владѣющихъ капиталомъ опредѣленной величины, сравнять съ дворянами во всѣхъ правахъ. Такимъ образомъ, богатое купечество наслѣдственное перейдетъ всецѣло въ привилегированный слой общества, какъ и слѣдуетъ по духу этого учрежденія; внѣ русскаго высшаго класса останется только мелкое купечество, и теперь ни чѣмъ не отличающееся отъ народа, да люди, лично нажившіе себѣ состояніе. Потому о нынѣшнемъ русскомъ купечествѣ слѣдуетъ говорить какъ объ лицахъ, а не какъ о сословіи. Лица эти, какъ члены общественнаго самоуправленія, властвуютъ и должны властвовать въ торговыхъ городахъ, по естественному закону; тамъ ихъ главная сила, оттуда они могутъ заявлять въ земскія собранія о своихъ сборныхъ нуждахъ и цѣляхъ. Купцы, разсѣянные въ уѣздахъ, не многочисленны, по образованію стоятъ въ итогѣ гораздо ниже дворянъ и пользуются значеніемъ только при большомъ состояніи; такое состояніе—напримѣръ, цѣнная фабрика—должно, конечно, давать имъ личный доступъ въ земское дворянское самоуправленіе. Вообще же голый капиталъ, какъ сила чисто-вещественная, долженъ и цѣниться въ общественномъ смыслѣ только съ вещественной стороны, сообразно своей величинѣ. Въ этомъ отношеніи,

для распредѣленія нашихъ купцовъ на общественные разряды нужно прежде всего опредѣлить величину ихъ капиталовъ подоходнымъ налогомъ. Запись въ гильдіи, какъ всякому извѣстно, ничего не выражаетъ. Никто не сомнѣвается въ наилучшемъ русскомъ духѣ нашего купечества, въ его практичности, въ его близкомъ знакомствѣ съ народомъ; но потомственныхъ купцовъ у насъ еще мало, и въ будущемъ имъ гораздо выгоднѣе перейти въ высшее сословіе, оставаясь купцами, чѣмъ завязывать новое; уровень образованія остальныхъ очень не великъ, а потому нѣтъ возможности признавать за ними общественное значеніе иначе, какъ по дѣйствительной силѣ—по богатству, то есть по цензу, во много кратъ высшему дворянскаго.

Изъ остальныхъ общественныхъ званій только люди умственнаго труда, каковы ученые, писатели и т. п., рожденные внѣ дворянства, могутъ, смотря по степени своихъ заслугъ, пользоваться правомъ и способностью участвовать въ общественномъ самоуправленіи. Число такихъ лицъ будетъ у насъ постепенно возрастать съ развитіемъ общества. Хотя русское дворянство, по самому своему учрежденію, раздвигаетъ ряды для силъ, подростающихъ снизу, но доступъ въ него долженъ все-таки подлежать серьезнымъ условіямъ: иначе оно скоро перестанетъ быть дворянствомъ даже въ русскомъ смыслѣ. Внѣ его и подъ нимъ, въ нашемъ растущемъ обществѣ, особенно со временемъ, окажется не мало образованныхъ и достойныхъ людей, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отталкивать въ ряды недовольныхъ, лишаясь вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ услугъ. Съ другой стороны, статистика доказываетъ, что сословія, наслѣдственно-пользующіяся благосостояніемъ, размножаются туго и чрезъ нѣкоторый срокъ, безъ подновленія, даже сокращаются въ числѣ *). Въ обоихъ направленіяхъ разростаясь и подновляясь, наше привилегированное культурное

*) Существуетъ, напримѣръ, замѣчательный фактъ: англичане, первоначально населившіе Сѣверную Америку, славившіеся прежде плодовитостью, нынѣ, упрочивъ свое благосостояніе, стали производить мало потомковъ, между тѣмъ какъ голодные нѣмцы, льющіеся теперь цѣлымъ потокомъ на благодатную американскую почву, плодятся въ такой степени, что эта несоразмѣрность въ размноженіи двухъ породъ заставляетъ призадумываться многихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

сословіе будетъ послѣдовательно пополняться притоками культурной подпочвы, выростающей понемногу изъ народа и служащей высшему классу какъ-бы питомникомъ. Нельзя, стало быть, не обратить вниманія на эту подпочву: незначительная покуда, она разростется со временемъ. Надобно согласить серьезность условій, полагаемыхъ для вступленія въ потомственное дворянство, съ потребностью открыть должный просторъ созрѣвшимъ личностямъ изъ низшихъ слоевъ, не достигнувшимъ еще этого званія, что зависитъ чаще отъ удачи, чѣмъ отъ личныхъ качествъ. По духу своего учрежденія, русское дворянство должно быть открыто образованнымъ родамъ, преемственно образованнымъ поколѣніямъ, а не каждому образованному человѣку лично: для такого не отворяются даже двери ценсовой европейской буржуазіи, если онъ не удовлетворяетъ прочимъ условіямъ. Но для людей средняго состоянія, заслужившихъ вниманіе, можетъ существовать, по нашему мнѣнію, другое право, жалуемое правительствомъ лицу не наслѣдственно, — право личнаго дворянства, не въ нынѣшнемъ его значеніи, а съ полнымъ приравненіемъ ко всѣмъ политическимъ и другимъ дворянскимъ правамъ пожизненно. Эта милость можетъ быть даруема по представленію соотвѣтствующихъ начальствъ или земскихъ управленій, конечно, при опредѣленныхъ условіяхъ. Она станетъ, напримѣръ, достойнымъ увѣнчаніемъ хорошей службы при отставкѣ и введетъ въ земство многихъ опытныхъ и способныхъ дѣловыхъ людей, большинство которыхъ, несомнѣнно, находится у насъ въ администраціи; она же откроетъ доступъ въ политическое сословіе людямъ, пріобрѣвшимъ извѣстность внѣ службы. Ничто не мѣшаетъ постановить закономъ, что два или три поколѣнія такого личнаго дворянства даютъ званіе дворянства потомственнаго. При развивающемся у насъ уравненіи гражданскихъ (не-политическихъ) правъ, личное дворянство по закону, нынѣ дѣйствующему, можетъ быть вовсе отмѣнено.

Кромѣ того, было бы разумно и справедливо предоставить мѣстному дворянству каждаго уѣзда допускать въ свою среду, также лично, людей непривилегированнаго званія, которыхъ оно признаетъ полезными общественными дѣятелями. Мы разсмотримъ этотъ вопросъ далѣе, покуда же упомянули объ немъ лишь для полноты. Также точно мы полагаемъ нужнымъ оговориться немедленно, предоставляя себѣ войти въ подроб-

ности предмета ниже, что мы считали бы безправіемъ (надѣемся вмѣстѣ съ громаднымъ большинствомъ читателей) произвольное обложеніе высшимъ сословіемъ низшаго — деньгами или работою для земскихъ потребностей — безъ согласія облагаемыхъ: въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ равны. Съ вышеприведенными оговорками о купечествѣ, о личномъ дворянствѣ и о правѣ обложенія, мы считаемъ первою современною потребностью сосредоточеніе всего земскаго самоуправленія въ рукахъ дворянства, отрицая всякую мысль о всесословности въ современной Россіи, какъ вопіющую, сочиненную и опасную ложь противъ русской дѣйствительности.

Въ самодѣятельномъ обществѣ доступъ въ полноправное потомственное сословіе не можетъ, очевидно, ограничиваться тѣми же условіями, какія были постановлены для общества, вся дѣятельность котораго поглощалась государственною службою. Нашъ привилегированный слой тогда только оправдаетъ вполнѣ смыслъ своего учрежденія, когда будетъ выражать собою несомнѣнную общественную правду, когда онъ свяжетъ въ одно цѣлое, безъ изъятія, всѣ живыя, вліятельныя, упроченныя силы русской земли. Такой правды невозможно достигнуть въ отношеніи къ лицамъ, но она легко достижима въ отношеніи къ общественнымъ положеніямъ. Но прежде всего надобно установить правильно, согласно съ нравами и понятіями настоящаго времени, ту ступень государственной службы, которая открываетъ лицу доступъ въ потомственное дворянство; это необходиму потому, что служебное право останется у насъ еще надолго общимъ мѣриломъ, къ которому будетъ пригоняться оцѣнка всѣхъ прочихъ положеній; не совсѣмъ вѣрный взглядъ на значеніе служебныхъ степеней поведетъ за собою неправильность и въ другихъ отношеніяхъ. Мы думаемъ, что такое опредѣленіе не должно быть произвольнымъ. Законъ Петра Великаго, предоставлявшій право дворянства всѣмъ сдаточнымъ, произведеннымъ въ первый офицерскій чинъ, и всѣмъ подъячимъ, добившимся коллежскаго ассесора, соотвѣтствовалъ, можетъ быть, потребностямъ того времени, когда Россія усвоивала одни внѣшніе пріемы цивилизаціи; теперь онъ, очевидно, не соотвѣтствовалъ бы общему дворянскому уровню. Законъ прошлаго царствованія, дѣйствующій понынѣ, соединившій дворянскія права съ чиномъ полковника и IV классомъ гражданской службы,

очевидно, слишкомъ требователенъ, Въ концѣ воспитательнаго періода государственная мысль, на которой Петръ Великій основалъ учрежденіе новаго дворянства, стала уже утрачиваться, слишкомъ многіе начали смотрѣть на русское *благородное* сословіе западными глазами и думали принести ему пользу, туго замыкая его снизу. Въ теоріи не трудно опредѣлить точную черту, отграничивающую людей, доросшихъ на государственной службѣ до правъ наслѣдственности, отъ слоя общественныхъ подростковъ, еще не обозначившихся. Это — люди, ставшіе на такую ступень, которая обезпечиваетъ ихъ дѣтямъ и внукамъ общественное положеніе и вѣроятность высшаго образованія, кромѣ какихъ-либо непредвидимыхъ случайностей,—люди, упрочившіе въ извѣстной мѣрѣ положеніе не только свое, но своего потомства. При нынѣшней потребности образованія, трудно думать, чтобы дѣти какого-нибудь судьи, прокурора, совѣтника палаты, начальника отдѣленія, впали опять въ слой разночинцевъ. Вслѣдствіе того, въ отношеніи къ гражданской службѣ можно сказать, что обезпеченіе положенія начинается у насъ съ переходомъ изъ чисто-канцелярской работы въ должность съ правомъ голоса, съ личнымъ значеніемъ въ своей средѣ. Военная служба совсѣмъ иное дѣло. Это —вопросъ такой важности, что неправильная постановка его, при нынѣшнемъ положеніи Европы, можетъ разомъ обратить въ ничто—не только все совершенное въ наше время, но даже все совершенное Петромъ Великимъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ войною теперь шутить нельзя. Еще великій республиканецъ Вашингтонъ говорилъ, что армія, въ которой корпусъ офицеровъ состоитъ не изъ джентльменовъ, никуда не годится. Желательно, чтобы въ русской арміи было какъ можно меньше рѣчи о чинѣ, дарующемъ дворянскія права, чтобы наши офицеры въ этомъ чинѣ не нуждались. Мы посвятимъ особую главу отношенію дворянства къ арміи. Но какъ бываютъ личныя заслуги и какъ въ нашемъ обществѣ оказывается и теперь уже небольшое число довольно образованныхъ подростковъ не изъ дворянъ, которыхъ всесословная повинность поставитъ въ ряды арміи, то замѣтимъ по этому поводу, что въ дореволюціонномъ французскомъ войскѣ чинъ капитана давалъ дворянство; наше культурное сословіе не можетъ быть требовательнѣе кастоваго дворянства, происходящаго отъ татуированныхъ сикамбровъ

Съ установкою точныхъ, соотвѣтствующихъ общественной дѣйствительности отношеній государственной службы къ правамъ потомственнаго дворянства, облегчится правильная оцѣнка положеній и въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Не принимая на себя обсужденія размѣра условій, открывающихъ двери привилегированнаго сословія, мы полагаемъ, что самая очевидность указываетъ на два вида такихъ условій: на крупное недвижимое имущество и на видную общественную заслугу.

Облеченное политическимъ полноправіемъ культурное сословіе, оставляющее внѣ себя силу богатства, будетъ неправдою и никогда не упрочится. Но нельзя также упускать изъ виду, что привилегированный наслѣдственный слой представляетъ собою не итогъ лицъ, а итогъ родовъ, и что вступленіе въ него должно быть обезпечено *по праву* только одному упроченному, а не случайному положенію: иначе каждый игрокъ, разбогатѣвшій во вторникъ и разорившійся въ четвергъ, становился бы дворяниномъ. Упроченнымъ же состояніемъ можетъ называться лишь состояніе наслѣдственное. Кромѣ того, имущество, облекающее своего владѣльца новыми правами, должно быть непремѣнно значительнымъ, хотя не огромнымъ, во всякомъ случаѣ выше средняго уровня дворянскихъ состояній. Между правами родовыми и благопріобрѣтенными лежитъ огромная разница,—разница культурнаго развитія нѣсколькихъ преемственныхъ поколѣній, предполагаемаго первыми, и случайности, доставляющей иногда богатство мало развитому человѣку; ихъ нельзя мѣрить однимъ аршиномъ. Потому намъ кажется справедливымъ, чтобы значительное недвижимое имущество открывало доступъ въ потомственное дворянство—не лицу, пріобрѣвшему это имущество, а его прямому наслѣднику; въ такомъ случаѣ будетъ гораздо болѣе обезпечено соотвѣтствующее воспитаніе новаго дворянина. Конечно, возвышеніе въ дворянство, исходящее отъ верховной власти, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть правомъ какого бы то ни было богатства; но мы думаемъ, что наслѣдственное богатство должно давать у насъ право просить о причисленіи къ привилегированному сословію.

Награда дворянскимъ званіемъ внѣ государственной службы, за очевидныя заслуги передъ обществомъ, можетъ быть только милостью верховной власти. Смѣемъ думать, однакожъ, что тамъ гдѣ одно только привилегированное сословіе облечено по-

литическими правами, такой наградѣ прилично являться не въ видѣ случайнаго и рѣдкаго исключенія, каково было пожалованіе Минина думнымъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ. Въ развитомъ обществѣ всегда найдется нѣкоторое число лицъ, не добившихся, даже не искавшихъ официіальныхъ почестей и богатства, но заслужившихъ извѣстность и общее уваженіе своими трудами, достойныхъ примкнуть къ высшему сословію своего отечества.

Присовокупляя къ этимъ двумъ путямъ вступленія въ потомственное дворянство внѣ государственной службы еще третій, упомянутый выше — пріобрѣтаемый двумя или тремя поколѣніями личнаго дворянства, мы не видимъ уже никакой живой общественной силы, которая не могла бы добиться своего признанія. Нынѣшнее дворянство, воспитанное исторически, послѣдовательно пополняемое и освѣжаемое такими притоками, привлекающее вдобавокъ лично въ свою среду достойныхъ людей изъ низшихъ сословій по собственному выбору или вслѣдствіе пожалованія ихъ правительствомъ въ званіе личныхъ дворянъ, будетъ въ точности представлять дѣйствительную нравственную силу русской земли, составляя въ то же время сословіе охранительное, тѣсно связанное съ престоломъ и между собою.

Самоуправленіе станетъ въ Россіи *положительнымъ дѣломъ*, способнымъ къ дѣйствительному развитію, тогда лишь, когда оно перейдетъ въ руки дворянства и крупнаго купечества на вышеприведенныхъ условіяхъ. Но дворянство наше многочисленно и по духу учрежденія должно быть многочисленнымъ, какъ сословіе служилое, удовлетворяющее всѣмъ потребностямъ государственной службы, военной и гражданской; мелкое дворянство, посвящающее себя военному дѣлу, какъ въ Пруссіи, совершенно необходимо для арміи. Потому обязанности нашего дворянства заключаются далеко не въ одной только земской службѣ, не смотря на ея важность. Кромѣ того, все уѣздное дворянство поголовно не можетъ вести земскаго дѣла; собранія его стали бы похожими на сеймики польской шляхты. По этой причинѣ у насъ давно уже былъ введенъ дворянскій ценсъ, представлявшій избирательное право. Какъ извѣстно, ценсъ этотъ равнялся владѣнію ста ревизскими душами; нынѣ можно его положить въ 1.000 р. дохода. Землевладѣльцы съ меньшими участками почти лишены возможности правильно обработыватъ

свою землю при нынѣшнихъ условіяхъ, не становясь лично рабочими. Съ установленіемъ прочнаго кредита для крестьянскаго земледѣлія, они будутъ, къ своей же выгодѣ, постепенно вытѣсняться послѣднимъ и станутъ жить капиталомъ, службой или умственнымъ трудомъ. Для кастоваго дворянства обеземеленіе почти равняется уничтоженію: русское привилегированное званіе, достающееся въ удѣлъ наслѣдственному образованію, удовлетворительно уживается съ нимъ. Такимъ образомъ земское самоуправленіе, то ѐсть избирательное право, будетъ находиться въ рукахъ ценсоваго дворянства, въ которое надобно также включить *по праву*, независимо отъ ценса, извѣстныя званія, заявляющія о качествѣ человѣка: значительный чинъ и высокую ученую степень, если ученый — дворянинъ, потомственный или личный. Съ передачею избирательнаго права въ надежныя руки, нечего будетъ заботиться о качествѣ избираемыхъ, подводить послѣднихъ подъ указную мѣрку. Хорошіе избиратели ручаются за хорошихъ избранныхъ. Когда земское управленіе станетъ у насъ *дѣломъ*, когда на этой почвѣ разъ свяжутся культурныя русскія силы, тогда все у насъ постепенно обратится въ дѣло—и общественное мнѣніе, и печать, и даже акціонерныя компаніи.

Ясно очерченное положеніе въ общественномъ устройствѣ ведетъ къ яснымъ же послѣдствіямъ, необходимо истекающимъ изъ данной постановки дѣла. Вопросъ о передачѣ самоуправленія въ руки культурнаго сословія, то-есть о признаніи русской дѣйствительности тѣмъ, что она есть, содержитъ въ себѣ, въ главныхъ чертахъ, опредѣленіе дѣятельности этого самоуправленія, еслибъ оно состоялось. Вслѣдствіе того, не принимая на себя права давать совѣты власти, мы считаемъ возможнымъ выяснить теперь же эти главныя черты.

Первое дѣло состоитъ, очевидно, въ признаніи правильно устроеннаго земства прямымъ звеномъ государственной власти, мѣстнымъ ея орудіемъ, съ отграниченіемъ земской дѣятельности отъ чисто административной не въ сущности, а только въ степени, въ послѣдовательности инстанцій. Мы поставили этотъ вопросъ первымъ не потому только, что онъ дѣйствительно основной, но еще потому, что въ послѣднее время у насъ не разъ заявлялись мнѣнія, со стороны опытныхъ и умныхъ людей, объ улучшеніи нынѣшняго мѣстнаго управленія уравновѣшеніемъ этихъ двухъ силъ,—посредствомъ не раздѣ-

ленія, а напротивъ смѣшенія чисто-правительственной и земской дѣятельности. Мы же полагаемъ (признаемся даже, не понимаемъ, какъ можно полагать иначе), что чистосердечіе и рѣшительность земскаго самоуправленія возможны только при несомнѣнной ясности правъ, при полной отграниченности круга дѣйствій отъ коронной администраціи, за которою оставалось бы значеніе высшей инстанціи и наблюденіе надъ законностью его дѣйствій. Какую ступень администраціи и въ какой мѣрѣ облечь правомъ наблюденія и приговора — это дѣло правительства; учрежденіе административныхъ судовъ, подвѣдомственныхъ правительствующему сенату, представляется лучшимъ къ тому средствомъ; но самая задача двухъ видовъ власти, государственной и земской, отлична въ основаніи, а потому онѣ должны быть строго разграничены на всемъ пространствѣ государства. Отказываясь отъ мѣстнаго хозяйничанья и отдавая его въ руки земцевъ, правительство признало послѣднихъ состоятельнѣе въ этомъ отношеніи своихъ личныхъ чиновниковъ. Но не въ одномъ хозяйствѣ, а вообще во всѣхъ отправленіяхъ уѣздной жизни хорошіе и образованные мѣстные дѣятели не только болѣе знакомы съ нуждами управляемыхъ и болѣе внимательны къ нимъ, но даже въ чисто-правительственныхъ видахъ они гораздо благонадежнѣе мелкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ составляется нынѣшняя уѣздная власть; заслуживать полнаго довѣрія правительства можетъ или тщательно-выбранное, слѣдственно высшее лицо, или же съѣздъ дворянства, а не вицъ-мундирный фракъ, облекающій кого бы то ни было. Потому, когда самоуправленіе поступитъ въ руки совершенно надежныхъ, связныхъ и образованныхъ людей, такихъ людей, которыхъ правительство будетъ въ правѣ считать *своими*, то свыше, вѣроятно, не затруднятся расширить кругъ ихъ дѣятельности, передать вполнѣ уѣздное управленіе ихъ завѣдыванію — такъ какъ мелкое поземельное дѣленіе, называемое уѣздомъ, лишено всякаго политическаго значенія. Земскіе люди, поставленные въ надлежащее положеніе, могутъ лучше присмотрѣть за мѣстною полиціей, за тюрьмой, за неблагонадежными (даже политически) людьми, за сборомъ податей, чѣмъ чиновники, набираемые изъ самаго низшаго административнаго состава; но они не могутъ быть оффиціальными совѣтниками губернской власти, по желанію нѣкоторыхъ, такъ какъ она есть орудіе власти верховной, преслѣ-

дующей обще-государственную пользу, которую нельзя отдавать на обсужденіе мѣстныхъ земствъ. Это значило бы подчинять высшія цѣли, единыя для всей имперіи, взглядамъ людей каждой области отдѣльно. Московскіе цари совѣтовались съ земскимъ соборомъ, выражавшимъ всероссійское мнѣніе, что совсѣмъ иное дѣло — съ обѣихъ сторонъ единство было соблюдено. Въ мѣстномъ же земствѣ это не такъ. Между *мѣстными* властями — правительственною и земскою — лежитъ та существенная разница, что первая служитъ государственнымъ потребностямъ, господствующимъ надъ мѣстными; она принимаетъ послѣднія во вниманіе только по мѣрѣ возможности, между тѣмъ какъ для второй существуютъ лишь эти мѣстныя потребности. Обѣ онѣ могутъ и должны дѣйствовать согласно, но почти всегда съ подчиненіемъ взглядовъ второй взгляду первой, а потому онѣ несоизмѣримы между собою. Никакое, даже конституціонное, правительство не можетъ поступиться правомъ держать въ областяхъ государственную власть, какъ бы ни были широки права земства, исключительно въ своихъ рукахъ, безъ противовѣса и земскихъ совѣтниковъ съ правомъ голоса; оно не можетъ отказаться отъ обязанности наблюдать за дѣйствіями земства съ высоты, не становясь на одинъ съ нимъ уровень; оно не должно быть прямо замѣшано въ земскія распоряженія, чтобы сохранять свободу отмѣнить каждое изъ нихъ, противорѣчащее общимъ видамъ государства. Потому правительственнымъ органамъ слѣдуетъ стоять совершенно отдѣльно и выше. Съ другой стороны, земству нѣтъ никакой выгоды сочетаться съ офиціальною мѣстною властью въ нѣчто общее, какъ бы среднее: такое сочетаніе открыло бы доступъ вмѣшательству администраціи во всѣ земскія дѣла безъ исключенія, въ вознагражденіе за слабое вмѣшательство земства въ дѣла административныя. Сожительство глинянаго горшка съ желѣзнымъ опасно, конечно не послѣднему. И для государственной, и для земской власти гораздо выгоднѣе дѣйствовать въ своемъ отграниченномъ кругѣ; тогда каждая отвѣчаетъ за себя и самостоятельно пользуется своими правами. Самый естественный способъ разграниченія этихъ двухъ властей состоитъ въ локализаціи второй, въ передачѣ земству уѣзднаго управленія всецѣло, за исключеніемъ спеціальныхъ частей, которыя правительство сочтетъ нужнымъ удержать за собою, какъ напримѣръ—казначейство. Тогда земская и административная

дѣятельность будутъ разграничены между собою совершенно ясно по инстанціямъ. Съ образованіемъ вполнѣ надежнаго земства, вмѣшательство администраціи въ его дѣла должно было бы ограничиваться четырьмя способами дѣйствія: надзоромъ за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ распоряженій, утвержденіемъ или назначеніемъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей, преслѣдованіемъ виновныхъ судомъ и пріостановкою мѣръ, несогласныхъ съ правительственными видами, до рѣшенія административнаго суда или высшей власти, какъ будетъ установлено. Для наблюденія за дѣйствіями земства, если это признается нужнымъ, достаточно держать въ уѣздѣ одного коронпаго чиновника съ правомъ протеста на каждое незаконное распоряженіе; затѣмъ нѣтъ надобности подвергать всѣ прочія, неопротестованныя распоряженія никакому предварительному разсмотрѣнію.

Если средоточіемъ земскаго самоуправленія станетъ ценсовое дворянство, то правительство будетъ относиться къ нему, безъ малѣйшаго сомнѣнія, съ такимъ же полнымъ довѣріемъ, съ какимъ оно относится къ собственнымъ чиновникамъ. Русское дворянство есть и должно быть прежде всего сословіемъ служилымъ. Измѣненіе этого порядка, не только въ основаніи, но и на практикѣ, вовсе не желательно; мы далеко не выиграемъ, если значительное число дворянъ съ ранней молодости посвятитъ себя земскому дѣлу, не пройдя предварительно чрезъ государственную службу—не въ видѣ обязательной повинности, а по доброй волѣ, слѣдуя примѣру отцовъ. Дворянинъ, прослужившій нѣкоторый срокъ и возвращающійся въ свое помѣстье между тридцатью и сорока годами жизни, пріѣзжаетъ домой человѣкомъ опытнымъ, съ несравненно болѣе развитымъ умомъ и характеромъ, чѣмъ его сосѣдъ, навѣки засѣвшій въ захолустьѣ, или покидавшій его только для собственнаго развлеченія; черезъ два-три года первый пойметъ даже земское дѣло лучше, внесетъ въ него больше силы и жизни, чѣмъ лицо, просидѣвшее на немъ весь свой вѣкъ безъ всякой другой практики. Съ сохраненіемъ всеобщей служилости, какъ кореннаго дворянскаго обычая, нарушеніе котораго противорѣчило бы нравамъ (что вполнѣ въ волѣ правительства), члены ценсоваго дворянства, служащіе и отставные, останутся въ глазахъ верховной власти тѣми же офицерами и чиновниками какъ прочіе; но притомъ они будутъ еще мѣстными дворянами-

избирателями, значитъ—вдвойнѣ своими людьми для власти. Болѣе видное чѣмъ теперь положеніе дворянства соберетъ раз сѣявшихся, дастъ всему сословію иныя, болѣе связныя привычки; сословіе станетъ властнымъ надъ своими членами. Желательно, чтобы въ Россіи завелся всеобщій обычай (созданіе котораго также совершенно зависитъ отъ правительства), чтобы всѣ ценсовые дворяне, гдѣ бы они ни находились, возвращались временно на родину и были бы для того по закону увольняемы въ отпускъ изъ службы, къ трехлѣтнимъ выборамъ; чтобы каждый государственный сановникъ, каждый министръ являлся къ этимъ выборамъ и садился на скамьѣ избирателей своего уѣзда на ряду съ прочими. Въ серьезной постановкѣ земскаго дѣла—вся будущность Россіи; нельзя останавливаться ни передъ какими усиліями, чтобы, наконецъ, двинуть его.

Первымъ правомъ ценсоваго дворянства, облеченнаго довѣріемъ свыше, должно быть право—судить самостоятельно о достоинствѣ и способности каждаго изъ своихъ членовъ—и прирожденнаго, и вновь вступающаго въ его ряды, потомственно или лично, и избираемаго въ земскія должности, безъ всякой указной, навязанной со стороны мѣрки, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда права лица ограничены судебнымъ приговоромъ. Правительство, безъ сомнѣнія, оставитъ за собой утвержденіе выборовъ на высшія земскія должности; можетъ быть, оно удержитъ также право прямого назначенія извѣстныхъ ему мѣстныхъ жителей на нѣкоторыя изъ этихъ должностей. Такой двойной контроль будетъ весьма достаточнымъ. Но затѣмъ земское дѣло станетъ вполнѣ живымъ дѣломъ тогда лишь, когда мѣстные избиратели станутъ единственными судьями вопроса о томъ, кто заслуживаетъ или не заслуживаетъ, независимо отъ своего общественнаго положенія, стоять въ ихъ рядахъ, когда за ними признается неотъемлемое право принять въ свою среду или избрать на должность всякаго достойнаго, какого бы онъ званія ни былъ, и въ тоже время исключить изъ нея всякаго недостойнаго, также кто бы онъ ни былъ. Ценсовое дворянское избирательство—не всенародная подача голосовъ, даже не разношерстная французская буржуазія тридцатыхъ годовъ; оно будетъ состоять изъ отборныхъ людей, а потому должно быть тѣсно сплочено между собою и отвѣтственно передъ правительствомъ и мнѣніемъ Рос-

сіи за свои совокупныя дѣйствія, стало быть за каждаго изъ своихъ членовъ. Существенное ручательство за избираемыхъ заключается не во внѣшнихъ, совершенно неуловимыхъ признакахъ, а въ качествѣ и свободѣ дѣйствій избирателей; при такомъ только условіи они будутъ въ состояніи принять на себя полную отвѣтственность за все совершаемое. Изъ русскаго народа выдаются по-временамъ такія удивительныя личности, что иной содержатель постоялаго двора можетъ стать превосходнымъ земскимъ дѣятелемъ. Вѣдь примутъ же его въ дворянское собраніе по цензу, если онъ станетъ купцомъ и наживетъ милліонъ, — а достоинство человѣка нельзя мѣрить однимъ искусствомъ наживать деньги. Судьями этого достоинства должны быть избиратели. Также точно никакое пышное общественное положеніе не ручается за качества человѣка, а а потому избиратели должны имѣть возможность очистить свою среду отъ лица, смущающаго или роняющаго ее, даже просто отъ лица, послѣдовательно отъ нея отстраняющагося, выказывающаго явное равнодушіе къ общему дѣлу. Очень желательно, чтобы исключеніе ценсовымъ дворянствомъ кого либо изъ числа мѣстныхъ избирателей отзывалось и на другихъ его правахъ; связное государственное сословіе должно владѣть въ нѣкоторой степени принудительною властью надъ своими членами, иначе оно не будетъ имѣть силы для выполненія своей задачи во всей ея широтѣ. Мы полагаемъ также, что мѣстные избиратели не должны быть обязаны принять въ свою среду новое лицо, хотя бы удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ закона, безъ предварительнаго голосованія. Отмѣна подобныхъ постановленій можетъ принадлежать одной только верховной волѣ и никому другому.

Съ перенесеніемъ на избирателей полной отвѣтственности за избираемыхъ, долженъ прекратиться всякій ценсъ по образованію. Въ однѣхъ варварскихъ странахъ, куда только-что еще начинаютъ пересаживать знаніе съ чужой почвы, можно разцѣнивать сорокалѣтнихъ людей по балламъ, полученнымъ ими на экзаменѣ. Кто знаетъ, чему научился человѣкъ отъ двадцати до сорока лѣтъ своей жизни? Не ставитъ же сѣдовласыхъ старцевъ на экзаменъ по знаменитому закону Сперанскаго. Надобно признать, что наука жизни несравненно выше науки школы.

При ценсовомъ дворянствѣ, управленіе, то-есть право на-

чальственныхъ распоряженій по уѣзду и исполненіе предписаній высшихъ властей, должно бы находиться исключительно въ рукахъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ. Мы не беремся обсуждать самый способъ назначенія на земскія должности, требующій, для правильной постановки, предварительнаго совѣщанія правительства съ земскими людьми. Способъ этотъ можетъ быть двоякій для различныхъ должностей: избраніе дворянствомъ, или же назначеніе отъ высшей власти изъ мѣстныхъ жителей. Ничто не мѣшаетъ обоимъ способамъ дѣйствовать одновременно, особенно въ началѣ, пополняя вторымъ все то, чего не будетъ въ состояніи достигнуть удовлетворительнымо образомъ первый. Прямое назначеніе станетъ въ рукахъ правительства средствомъ къ возбужденію дѣятельности мѣстныхъ избирателей. Они будутъ осмотрительнѣе и старательнѣе, зная, что высшая власть, во всякомъ случаѣ, можетъ обойтись безъ кандидата ихъ выбора. Главнымъ лицомъ уѣзда остался бы, понятно, предводитель дворянства, но въ такомъ случаѣ для опредѣленія новыхъ правъ его должности потребовались бы новыя постановленія. Возможно также оставить предводителя главой и блюстителемъ сословія, придавъ ему помощника для управленія мѣстной полиціей, непосредственно ему подчиненнаго, еслибъ предводитель не хотѣлъ или не могъ соединить въ себѣ оба эти званія. Понятно, что подвижность и практичная распорядительность, нужныя полицейскому дѣятелю — не тѣ свойства, по которымъ долженъ расцѣниваться предводитель, хотя онѣ необходимы на своемъ мѣстѣ. Прямое же назначеніе отъ правительства главы уѣзда, который вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ и главой сословнымъ, на подобіе нынѣшнихъ предводителей западныхъ губерній (или прусскаго ландрата), противорѣчило бы въ корнѣ нашему естественному порядку. Глава этотъ, навязанный мѣстнымъ избирателямъ, никогда не будетъ пользоваться должнымъ вліяніемъ въ ихъ средѣ, что повело бы къ нравственному разброду самаго сословія, отъ единодушія котораго зависитъ прочность нашего общественнаго порядка и развитіе русской жизни. Потому земское самоуправленіе, передаваемое въ руки культурнаго сословія, никакъ не можетъ обойтись безъ избираемаго сословнаго предводителя. Лицо предводителя становится такимъ образомъ связующимъ звеномъ между верховною властію и руководящимъ сословіемъ (т. е. всѣмъ земствомъ), какова бы ни была офиціальная его обста-

новка—что достаточно показываетъ важность самой должности въ общемъ государственномъ строѣ. Качества, потребныя для этого высокаго званія, чисто нравственныя, требующія прежде всего почтенія снизу и довѣрія сверху, независимо отъ лѣтъ, здоровья и даже отъ практической распорядительности и служебной точности, могутъ часто не совмѣщаться съ дѣятельностію и исполнительностію, необходимыми въ начальникѣ уѣзднаго управленія и уѣздной полиціи; хотя съ другой стороны, никакія способности практическаго дѣятеля не могутъ замѣнить ихъ. Вслѣдствіе того, надо думать, нерѣдко окажется надобность придавать уѣздному предводителю подчиненнаго ему помощника изъ мѣстныхъ жителей, для прямаго завѣдыванія земскимъ упревленіемъ, и сдѣлать эту вторую должность, требующую внѣшней энергіи и подвижности,—не почетною, а платною, не возводя однакожъ такого раздѣленія занятій въ общее правило и предоставляя на волю предводителя соединять обѣ должности въ своемъ лицѣ.

Затѣмъ первое дѣло заключается въ устройствѣ волости, какъ низшей земской единицы, можно сказать даже—единицы государственнаго дѣленія, такъ какъ въ ней должны сосредоточиваться всѣ первоначальныя мѣры, всѣ зародыши самыхъ важныхъ отправленій обще-государственной дѣятельности: полиціи, поставки рекрутъ, сбора податей. Этотъ предметъ не разъ уже обсуждался въ русской печати съ разныхъ точекъ зрѣнія, причемъ всѣ сужденія всегда сходились на одномъ выводѣ: на важности волости, безъ надлежащаго устройства которой у насъ ничто не будетъ прочно устроено. Дѣйствительно, пока въ волости не существуетъ надлежащаго присмотра и руководства, надо сказать, что все сельское населеніе русскаго царства остается безъ присмотра и руководства, отдается въ произвольное распоряженіе волостныхъ писарей. Съ такимъ порядкомъ дѣла въ корняхъ, мы не далеко уйдемъ, какъ бы ни старались разукрашивать верхушки государственнаго зданія. При сосредоточеніи земскаго самоуправленія въ рукахъ ценсоваго дворянства, управленіе волостями, какъ начальными ячейками всего общественаго склада, должно, очевидно, принадлежать ему же. Мы не считаемъ возможнымъ вдаваться въ обсужденіе практическаго рѣшенія этого вопроса, какъ и всѣхъ подобныхъ вопросовъ, но выскажемъ свое мнѣніе, охотно уступая преимущество иному, лучшему, когда оно

явится. Мы думаемъ, что земское управленіе должно быть, покуда, сколько возможно дешевымъ, несложнымъ и ограничиваться наименьшимъ числомъ лицъ: иначе его благодѣянія не окупятъ его стоимости, а земскія должности станутъ одною декораціей, или, что еще хуже, приманкой для личной выгоды; ихъ теперь уже больше, чѣмъ находится для нихъ подходящихъ людей. Въ виду этихъ цѣлей, намъ кажется самымъ выгоднымъ соединеніе званія волостного попечителя и мѣстнаго мироваго судьи въ лицѣ мѣстнаго помѣщика по выбору дворянства всего уѣзда, но изъ лицъ, живущихъ въ волости или близъ нея—безплатно; если же таковаго не окажется, что на первыхъ порахъ надо предвидѣть во многихъ мѣстностяхъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже постоянно, то по назначенію правительства,—изъ мѣстныхъ людей, съ жалованьемъ отъ земства. Прямое назначеніе въ подобномъ случаѣ будетъ именно тѣмъ средствомъ возбужденія мѣстной дѣятельности, о которомъ мы говорили выше. Выборный отъ крестьянъ волостной голова можетъ служить помощникомъ начальнику и исправлять должность въ его короткія отсутствія. Управленіе уѣздомъ легко сосредоточится тогда въ съѣздѣ этихъ волостныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой, подъ предсѣдательствомъ предводителя; придется, можетъ быть, добавить одного или двухъ членовъ для постоянныхъ занятій въ центрѣ уѣзда. Завѣдываніе мѣстною полиціей перейдетъ съ такимъ устройствомъ прямо въ руки волостныхъ попечителей, т. е. мѣстнаго ценсоваго дворянства; правительство сниметъ съ себя эту обузу, носимую, покуда, очень неудовлетворительно нѣсколькими мелкими коронными чиновниками, совершенно неспособными слѣдить за нравственною стороною населенія. При довольно большомъ числѣ волостныхъ начальниковъ, съѣзды мироваго суда можно будетъ собирать не со всего уѣзда разомъ, а въ каждой мѣстности отдѣльно и поочередно. Уѣздное управленіе въ такомъ видѣ будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ людей уважающихъ себя, отвѣтственныхъ другъ за друга, дѣйствительно знакомыхъ съ дѣломъ и съ мѣстными условіями; во всякомъ же случаѣ оно не обременитъ земство расходами на содержаніе постоянно возрастающаго числа сочиняемыхъ имъ чиновниковъ. Въ мѣстныхъ кандидатахъ не должно оказываться недостатка. Выборная служба въ уѣздѣ, полагаемъ, должна быть по существу установленія обязатель-

ною на извѣстный срокъ для всякаго неслужащаго государству цензоваго дворянина—дома онъ, или въ отсутствіи.

Мы окинули бѣглымъ взглядомъ только внутреннее устройство сословнаго самоуправленія, какъ оно можетъ быть постановлено. Мы сказали уже, что выдаемъ свою мысль не за лучшее рѣшеніе, а лишь за одно изъ возможныхъ рѣшеній вопроса. Посмотримъ теперь, въ какія отношенія сословное самоуправленіе стало бы къ низшимъ слоямъ, къ народу.

Наше земское самоуправленіе станетъ живымъ дѣломъ лишь при дворянской закваскѣ, подъ высшимъ и безпристрастнымъ наблюденіемъ правительства, одинаково принимающаго къ сердцу пользы всѣхъ сословій, не допускающаго никого злоупотреблять своимъ положеніемъ для личной выгоды, но владѣющаго, для осуществленія своихъ цѣлей, только двумя орудіями, между которыми приходится нынѣ выбирать—бюрократіей или дворянствомъ. Бюрократія представляетъ извѣстное обезпеченіе благонадежности и способности только въ высшихъ слояхъ, тѣхъ именно, которые ведутъ управленіе—можно сказать теоретически, не соприкасаясь съ жизнью прямо; чѣмъ ниже, тѣмъ личный составъ ея становится слабѣе и наконецъ, въ самомъ низу, въ уѣздѣ, гдѣ приходится непосредственно имѣть дѣло съ населеніемъ, оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ. Дворянство же, напротивъ, особенно дворянство землевладѣльческое, цензовое, какъ слой однородный, представляетъ почти тотъ же итогъ нравственныхъ силъ внизу, какъ и вверху, въ уѣздѣ, какъ и въ столицѣ; разница оказывается только въ блескѣ положеній, а не въ дѣйствительной способности. Когда наши дворяне хозяйничали въ своихъ имѣніяхъ, когда большинство отставныхъ отправлялись доживать свой вѣкъ на родину, — въ каждомъ уѣздѣ можно было найти не мало образованныхъ и, что еще важнѣе, уважающихъ себя людей. Такъ должно быть и впредь, такъ будетъ, какъ только устранятся неблагопріятныя условія, разсѣявшія по свѣту русскихъ помѣщиковъ, — условія, неизбѣжно вытекшія изъ переходныхъ и неопредѣленныхъ отношеній послѣреформенной полосы времени. Правительство воспитательнаго періода имѣло понятныя побужденія управлять даже мѣстнымъ бытомъ посредствомъ своихъ личныхъ слугъ-чиновниковъ; но у правительства, воззвавшаго русскихъ людей къ самостоятельности, такихъ побужденій не можетъ быть. Остается практическій

вопросъ, котораго въ сущности нельзя даже поставить: кто благонадежнѣе для управленія уѣздными дѣлами, заключающими въ себѣ корни всей государственной жизни—мѣстное ли дворянство или послѣдній слой чиновниковъ, набираемыхъ въ полуграмотномъ фрачномъ пролетаріатѣ, столь же чуждомъ правительству, какъ и мѣстному обществу? Покуда отправленія уѣздной жизни были у насъ чисто-механическія и состояли исключительно въ сборѣ податей, поставкѣ рекрутъ, поимкѣ бѣглыхъ и починкѣ мостовъ, мелкіе чиновники съ грѣхомъ пополамъ удовлетворяли потребности; но они оказались безнадежно несостоятельными, какъ только возникъ первый вопросъ о нравственныхъ отношеніяхъ къ населенію; а эти нравственные вопросы станутъ плодиться теперь съ каждымъ днемъ. Въ политическихъ видахъ раздѣленіе власти въ уѣздѣ вовсе не нужно, такъ какъ верховная власть можетъ положиться на свое дворянство, взятое какъ сословіе, несравненно болѣе чѣмъ на какую бы то ни было группу чиновниковъ — всякій это знаетъ. Въ смыслѣ исполнительности было бы странно возлагать полицейскія обязанности въ уѣздѣ на двухъ становыхъ приставовъ, когда надъ каждою волостью станетъ благонадежный попечитель. Въ отношеніи связности съ губернскимъ начальствомъ, каждый должностный дворянинъ становится въ положеніе чиновника, отвѣтственнаго передъ судомъ за нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ. Англійская сельская полиція слыветъ образцовою, находясь исключительно въ рукахъ мировыхъ судей—мѣстныхъ помѣщиковъ.

Ясно, однакожъ, что дворянство будетъ поставлено въ приличное ему положеніе тогда лишь, когда ему придется *не добиваться* преобладанія въ мѣстномъ обществѣ, а *пользоваться* имъ какъ своимъ законнымъ правомъ, для чего нужно не избраніе въ земскія должности изъ дворянъ, а напротивъ—избраніе въ эти должности дворянами — кого угодно; нужно, чтобы сословіе земскихъ избирателей заключалось въ дворянствѣ, съ вышеупомянутыми дополненіями. Цѣль не была бы вовсе достигнута, еслибъ, напримѣръ, крестьянамъ было предоставлено право выбирать дворянъ въ волостные головы, какъ желаютъ нѣкоторые. Кромѣ того, что въ настоящее время, по общему сознанію, нужна всесословная волость, причемъ часто пришлось бы человѣку высшаго положенія стать подъ управленіе какого нибудь цѣловальника, взявшаго верхъ на выборахъ, что по-

вело бы къ окончательному растлѣнію нашего общественнаго строя, и безъ того уже поколебленнаго; но современная потребность состоитъ именно въ томъ, чтобы дать руководство невѣжественной толпѣ, не умѣющей выработать опредѣленнаго мнѣнія, а не получать руководства отъ нея. При выборномъ сословномъ началѣ для всего уѣзда крестьянское самоуправленіе, подъ надзоромъ волостныхъ попечителей, данныхъ ему дворянствомъ, могло бы остаться почти въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, съ нѣкоторыми только, указанными опытомъ улучшеніями. Крестьянскія мірскія сходки удовлетворительно достигаютъ цѣли въ предметахъ, доступныхъ личному пониманію крестьянина; никто не возьмется учить ихъ распредѣленію общинныхъ угодій и повинностей, какъ и всякимъ потребностямъ ихъ сельской жизни; несостоятельность ихъ въ другихъ отношеніяхъ происходитъ, слѣдовательно, не отъ безсвязности сельскаго міра и не отъ неспособности русскаго простолюдина къ самоуправленію, давно ему извѣстному, а отъ малодоступности для него предметовъ, навязанныхъ его обсужденію. Замкнутый въ мужичьемъ мірѣ, онъ остался совсѣмъ безъ руководителей и попадаетъ теперь въ жертву каждому полуграмотному плуту. Попечители изъ образованнаго сословія устранятъ этотъ недостатокъ, не мѣшая крестьянскому самоуправленію, напротивъ того — развивая и укрѣпляя его постепенно. Попечительство будетъ не произволомъ, такъ какъ оно станетъ подъ надзоръ уѣзднаго съѣзда, представляющаго все мѣстное образованное сословіе; за законностью его дѣйствій будетъ наблюдать и правительственная власть. Съ другой стороны, дворянское попечительство въ волостяхъ положитъ конецъ неустройству, заставившему значительную часть помѣщиковъ разбѣжаться въ шестидесятыхъ годахъ; оно сдѣлаетъ жизнь въ деревнѣ возможною и удобною и само наroститъ свои силы, привлекая къ земскому дѣлу столькихъ отставшихъ, привлекая и новобранцевъ высшаго сословія, приростающихъ теперь почти исключительно къ городамъ.

Считая необходимымъ объединеніе въ рукахъ дворянства мѣстнаго управленія, то есть, какъ мы сказали выше, избранія цѣлей, средствъ и дѣятелей, мы вовсе не желаемъ, чтобы другія сословія лишились голоса въ дѣлахъ, прямо касающихся ихъ пользъ. Такое лишеніе было бы противорѣчіемъ русской исторіи, чуждой сословнаго преобладанія, создавшей наслѣдственное

культурное сословіе какъ орудіе, а не какъ цѣль общегосударственной жизни. Кромѣ того что себялюбіе сословное, какъ и личное, должно быть обуздано закономъ, мы полагаемъ также, что никого нельзя благодѣтельствовать противъ его воли. Потому мы не только считаемъ необходимымъ сохраненіе городскаго и сельскаго самоуправленія (распространяя первое на самые маленькіе городки и ставя послѣднее не подъ произволъ, а лишь подъ руководство образованнаго общества), но полагаемъ также, что голосъ въ мѣстномъ самоуправленіи долженъ принадлежать по праву каждой группѣ людей, связанныхъ взаимными интересами—не одной земледѣльческой общинѣ или извѣстному числу земледѣльцевъ данной мѣстности, но также всякому значительному промыслу, желающему заявить о своихъ сборныхъ потребностяхъ. Тѣмъ не менѣе въ благоустроенномъ обществѣ обширность права голоса (если можно такъ выразиться), кругъ предоставляемыхъ ему вопросовъ, долженъ соотвѣтствовать его умственному кругозору, иначе самоуправленіе обращается въ ложь и въ интригу, вопросы голосуются безсознательно, какъ нынѣ. Нельзя облагать земскими сборами безъ собственнаго согласія, — развѣ количество или предметъ этихъ сборовъ постановлены закономъ,—но тогда дѣло будетъ идти не объ обложеніи, а о разложеніи. Самая видимая польза какого либо общественнаго расхода нисколько не устанавливаетъ его законности, если онъ превышаетъ средства плательщиковъ или не соотвѣтствуетъ *ихъ* понятію о пользѣ; многое кажется необходимымъ англичанину, въ чемъ русскій крестьянинъ не видитъ никакой надобности и нисколько не сочтетъ себя счастливымъ, если ему станутъ насильно навязывать англійскія потребности. Прежде чѣмъ жить хорошо, надо быть въ состояніи прожить какъ нибудь; а потому обяванность высшаго сословія, въ руки котораго отдано управленіе, состоитъ, въ подобномъ случаѣ, въ томъ лишь, чтобы убѣждать, а никакъ не принуждать мѣстныхъ плательщиковъ. Съ другой стороны, какъ мы уже говорили, каждый сборный интересъ долженъ имѣть право заявлять о своихъ нуждахъ предъ управленіемъ; онъ имѣетъ также естественное право, думаемъ, ставить свое согласіе на требуемыя отъ него жертвы въ зависимость отъ удовлетворенія заявляемымъ имъ нуждамъ. Въ обѣихъ отношеніяхъ и для обѣихъ цѣлей нынѣшнія всесословныя земскія собранія необходимы въ мѣстномъ самоуправленіи, только,

полагаемъ, не съ тою задачей и отчасти даже не въ томъ видѣ, какіе имъ даны. Первая слишкомъ широка для нихъ, второй— слишкомъ узокъ. Назначеніе ихъ должно бы состоять исключительно въ утвержденіи земскихъ налоговъ, разсмотрѣніи денежной отчетности, заявленіи объ общественныхъ нуждахъ и выборѣ лицъ, распоряжающихся общественными суммами; безъ послѣдняго условія контроль собранія надъ своимъ мѣстнымъ бюджетомъ не можетъ стать дѣйствительнымъ. Но выборъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ исполнительною властію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, пользующихся правами полиціи, суда и нравственнаго надзора за населеніемъ, также какъ правомъ вести сношенія съ высшими инстанціями о мѣстныхъ потребностяхъ и объ общихъ вопросахъ, должны естественно, принадлежать просвѣщенному собранію ценсоваго дворянства и лицъ, допущенныхъ имъ въ свой кругъ; вести управленіе въ прямомъ значеніи этого слова могутъ лишь выборные дворянства.

Что касается состава земскаго собранія, правильно представляющаго уѣздъ, то онъ опредѣляется самимъ кругомъ его дѣятельности и справедливостью, требующею уравненія всѣхъ плательщиковъ въ установленіи и несеніи налога, независимо отъ ихъ званій; мѣсто въ собраніи должно бы оставаться, по праву, за всякимъ ценсовымъ имуществомъ въ уѣздѣ, кому бы оно ни принадлежало: землевладѣльцу ли, общинѣ ли, городскому ли владѣльцу или капиталисту. Мы совершенно согласны съ княземъ Васильчиковымъ въ томъ отношеніи, что каждая крестьянская община есть такой же землевладѣлецъ, какъ и всякій другой. Но едва ли настоитъ надобность въ представительствѣ дробныхъ имуществъ сборными голосами. Мы не станемъ обсуждать этого вопроса, относящагося къ подробностямъ; но можно замѣтить слѣдующее: когда имущественные интересы ограждены съ одной стороны крупными владѣльцами, а съ другой—крестьянскими общинами, то изъ-за чего принуждать мелкихъ собственниковъ тратиться на выборы? Было бы другое дѣло, если-бъ наши общинники подѣлились,—въ этомъ случаѣ они посылали бы выборныхъ отъ волости; но этого еще нѣтъ и не предвидится скоро. Хотя собственно земское собраніе должно представлять, по нашему пониманію, только денежные интересы, а не мѣстную власть, но оно все-таки скажется прочнѣе, будетъ охранительнѣе и разсчетливѣе, со-

стоя изъ лицъ, представляющихъ свои собственныя, а не сборныя и чужія выгоды. Съ сохраненіемъ земскихъ собраній, хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ противъ нынѣшняго состава, переходъ къ новому виду самоуправленія совершился бы легко и былъ бы мало замѣтенъ для народа, что также важно. Для перваго раза было бы достаточно перенести выборы должностныхъ земскихъ лицъ, кромѣ завѣдывающихъ общественными суммами, въ дворянское собраніе.

Самоуправленіе осуществимо только въ уѣздѣ. Нынѣшняя губернія не представляетъ для него никакихъ данныхъ; она есть единица чисто-административная и дробная. Было бы иное дѣло, если-бъ Россія была подѣлена на области болѣе крупныя, соотвѣтствующія естественнымъ географическимъ или этнографическимъ отдѣламъ, тяготѣющія каждая къ своимъ торговымъ путямъ и къ своему собственному, значительному центру, управляемыя самостоятельными, близкими къ престолу сановниками; такая область имѣла бы личность, а потому и потребность выражать ее въ областномъ представительствѣ. Мы думаемъ, что вопросъ о такомъ дѣленіи возбудится у насъ когда-нибудь самъ собою, въ числѣ многихъ великихъ вопросовъ, предстоящихъ намъ въ будущемъ. Россія срослась слишкомъ крѣпко, чтобы можно было опасаться за ея единство при какой бы то ни было самостоятельности областей, а между тѣмъ въ такомъ обширномъ тѣлѣ сосредоточеніе всей общественной и умственной жизни исключительно въ одномъ центрѣ невозможно безъ постепеннаго омертвленія членовъ. Мы видимъ уже это омертвеніе на дѣлѣ: внѣ Петербурга и Москвы русская мысль не шевелится, еще гораздо болѣе, чѣмъ она не шевелится во Франціи внѣ Парижа, въ чемъ заключается одна изъ опаснѣйшихъ болѣзней французскаго народа; при нашей же государственной обширности эта опасность еще очевиднѣе: затянувшись слишкомъ надолго, она погрузитъ въ мертвую спячку девять десятыхъ нашихъ духовныхъ силъ. Надо замѣтить также, что ни одна изъ нашихъ губерній не срослась еще во что-нибудь цѣлое, и никогда не сростется, по своей незначительности и искусственности, не допускающихъ самостоятельныхъ интересовъ. Никто не слыхалъ отъ заволжскаго симбирца жалобы на то, что его обратили въ самарца; поэтому новая областная перестройка государства не задѣнетъ у насъ никакого существующаго интереса, но несомнѣнно создастъ со временемъ жи-

вые сборные интересы. Но тутъ—вопросъ будущаго, никакъ не относящiйся къ нашему поколѣнiю; у нынѣ живущихъ людей есть только одна внутренняя задача, самая великая изъ задачъ: искоренить общественную разрозненность, при которой всѣ осаждающiе насъ вопросы останутся на всегда мертворожденными. Мы упомянули объ областномъ дѣленiи для того только, чтобы оговорить несостоятельность нынѣшнихъ губернiй въ смыслѣ единства и общегосударственнаго значенiя. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторое объединенiе, если не самоуправленiя, то по крайней мѣрѣ направленiя уѣздныхъ самоуправленiй нужно и въ нынѣшней губернiи, для чего и учрежденъ для нея центральный органъ. Кромѣ того дворянство каждой губернiи (одно между всѣми сословiями) нѣсколько срослось уже между собою; ему нуженъ общiй представитель и въ нѣкоторыхъ случаяхъ общiй съѣздъ; уѣздовъ слишкомъ много, чтобы каждый изъ нихъ могъ ходатайствовать о своихъ дѣлахъ передъ правительствомъ. Губернскiй предводитель дворянства необходимъ какъ глава, представитель и ходатай сословiя. Съ переходомъ самоуправленiя въ сословныя руки, если бы оно осуществилось, глава этотъ не можетъ оставаться только почетнымъ лицомъ; онъ станетъ средоточiемъ всѣхъ самоуправленiй и въ этомъ качествѣ долженъ пользоваться правомъ созывать предводителей и выборныхъ дворянства по мѣрѣ надобности, а въ особенно важныхъ случаяхъ или въ очередные сроки—собранiе всего ценсоваго дворянства съ причисленными къ нему лицами. Безъ полнаго, достаточно заслуженнаго довѣрiя свыше къ дворянству, самоуправленiе у насъ не пойдетъ; а потому желательно, чтобы губернскiй предводитель не только не былъ стѣсненъ въ необходимыхъ ему правахъ, но пользовался бы совѣщательнымъ голосомъ въ высшей правительственной средѣ. Можно положиться на здравый смыслъ русскаго развитаго сословiя: когда губернскiй предводитель станетъ изъ амфитрiона, какимъ онъ былъ доселѣ, лицомъ съ государственнымъ значенiемъ,—оно станетъ выбирать въ эту должность соотвѣтствующихъ ей людей. Значенiе лица губернскаго предводителя не можетъ стѣснить губернаторской власти. Губернаторъ останется представителемъ правительства, начальникомъ коронной администрацiи и высшимъ прокуроромъ государственной власти при мѣстномъ самоуправленiи, не допуская его выходить изъ указанныхъ ему предѣ-

ловъ; съ него должно быть снято только званіе хозяина губерніи, составляющее уже теперь вопіющее противорѣчіе, такъ какъ хозяйство отдано офиціально въ другія руки. Мы признаемъ за губернскими съѣздами значеніе только въ смыслѣ съѣздовъ дворянства, какъ сословія, облеченнаго правительствомъ извѣстною долею самостоятельности, но не видимъ никакой цѣли въ губернскомъ всесословномъ собраніи, если задача всесословныхъ собраній будетъ ограничена утвержденіемъ налоговъ. Для этого имъ нѣтъ надобности съѣзжаться вмѣстѣ. Даже въ случаѣ необходимости какого-либо общаго налога по губерніи, онъ можетъ быть голосованъ на мѣстѣ, большинствомъ (по счету) уѣздныхъ собраній. Мы думаемъ, что вообще задачи государственнаго управленія, дворянскаго самоуправленія и имущественнаго права утвержденія и расходованія мѣстныхъ налоговъ должны быть строго разграничены между собою.

ГЛАВА V.

Воспитаніе, церковники, какъ общественная группа, бюрократія и земство.

Изо всего до сихъ поръ сказаннаго читатели видятъ, что. въ нашемъ мнѣніи, самая настоятельная потребность текущаго времени—передача самоуправленія въ руки культурнаго сословія—необходима по двумъ причинамъ и для двухъ предметовъ: она нужна вмѣстѣ какъ средство и какъ цѣль. Одно только образованное общество, проникнутое государственными и общественными преданіями исторической Россіи, можетъ дать правильную постановку земскому дѣлу и вести его самостоятельно, пользуясь полнымъ довѣріемъ правительства; до сихъ поръ цѣль не достигалась, потому что развитому слою приходилось въ общественныхъ дѣлахъ спускаться на уровень толпы, вмѣсто того, чтобы стараться постепенно подымать толпу на свой уровень. Наше новое, нынѣ дѣйствующее земское устройство, въ сущности, уподобило насъ болѣе Франціи, чѣмъ Англіи и Америкѣ. Въ такомъ положеніи нельзя оставаться. Дворянство составляетъ естественное и покуда единственное орудіе въ рукахъ правительства для развитія общегосударственной жизни и установленія порядка въ русской землѣ. Въ этомъ отношеніи, оно—средство. Но, какъ ни важна эта сторона дѣла, существуетъ другая, еще болѣе важная. Обезличеніе и безсвязность, которыми страдаетъ наше образованное общество, отсутствіе сложившагося мнѣнія и неумѣніе дѣйствовать съобща,—парализирующія въ корнѣ современную Россію и вытекающія, несомнѣнно, изъ долгой отвычки отъ совокупной жизни, изъ полуторавѣковой невозможности провѣрить свое теоретическое и чужеземное образованіе на коренныхъ свойствахъ своей собственной почвы, — вынуждаютъ,

прежде всего, къ объединенію культурныхъ силъ, къ возбужденію ихъ самодѣятельности, однимъ словомъ—къ ихъ срощенію въ подобающемъ имъ кругѣ дѣйствія—для возстановленія нравственной національной личности. Извѣстное дѣло, что изъ питомника нельзя выростить лѣсъ, не огородивъ его. Самостоятельная русская мысль возникнетъ изъ нестройнаго, накопленнаго нами въ теченіе полутораста лѣтъ умственнаго матеріала только при содѣйствіи сознательной общественной жизни образованнаго слоя, непосредственно соприкасающагося съ народомъ, но не растворяемаго въ немъ. Въ этомъ отношеніи извѣстное обособленіе высшаго сословія заключаетъ въ себѣ уже не средство только, а прямую цѣль современной русской исторіи. Осьмидесятимилліонному государству нельзя существовать въ наше время, на европейской почвѣ, безъ умственной самостоятельности, безъ народности, выражащейся ясно, даже преимущественно, въ его развитыхъ слояхъ, и безъ связнаго культурнаго общества.

Отъ этого общества у насъ, какъ и вездѣ, зависитъ историческое значеніе націи. Въ степени его образованности и въ зрѣлости проникающаго его духа заключается устой и будущность русскаго народа какъ отдѣльной человѣческой семьи. Потому задача текущаго времени, послѣ установленія твердой связи культурнаго сословія съ престоломъ, между собою и съ народомъ, заключается въ томъ, чтобы поднять уровень его образованія на возможную высоту. Надобно сосредоточить, а не разсыпать наши образовательныя средства. Намъ кажется очевиднымъ, что въ современной Россіи оказывается потребность только въ трехъ совершенно опредѣленныхъ ступеняхъ общественнаго воспитанія: грамотности для народа, техническаго обученія для молодыхъ людей, переростающихъ чернорабочій слой вслѣдствіе зажиточности своихъ родителей, и науки, въ полномъ значеніи слова, для культурнаго класса. Особая система образованія въ средѣ духовенства, какъ спеціальная, не идетъ въ счетъ. Съ прекращеніемъ источника, постоянно вливавшаго въ высшее русское сословіе толпу неразвитыхъ личностей, въ видѣ дѣтей нижнихъ чиновъ, произведенныхъ въ первый офицерскій чинъ, которымъ это производство давало дворянскія права—у насъ будутъ оказываться рѣже и рѣже дворяне, не получившіе приличнаго воспитанія; но надо, чтобы ихъ вовсе не было, кромѣ какихъ нибудь не-

предвидимыхъ исключенiй. Въ дворянствѣ не ценсовомъ у насъ много людей безъ средствъ, а между тѣмъ этимъ отдѣломъ его должна преимущественно пополняться государственная служба, особенно же армiя, для чего нужны образованные люди. Но даже небогатому слою ценсоваго дворянства трудно обойтись безъ пособiя. Землевладѣлецъ съ тысячью рублями дохода, составляющими приблизительно низшiй ценсъ полноправнаго сословiя (такъ какъ при этомъ доходѣ можно жить съ имѣнiя не становясь съ работникомъ), будетъ все-таки очень затрудненъ въ воспитанiи нѣсколькихъ дѣтей. При должной связности мѣстнаго дворянства, онъ найдетъ въ своемъ сословiи, можно надѣяться, нѣкоторую опору для такой вопiющей потребности, — но опору далеко недостаточную для всѣхъ. Если бы у насъ каждый образовывался на свой счетъ, какъ въ Англiи, то нечего было бы и говорить о пособiи. Но это пособiе существуетъ въ Россiи въ видѣ многочисленныхъ стипендiй, распредѣляемыхъ въ настоящее время совершенно произвольно, преимущественно самымъ бѣднымъ молодымъ людямъ низшихъ сословiй, которые безъ приманки такого оранжерейнаго вырощенiя искали бы другихъ, хлѣбныхъ занятiй и не выбивались бы непомѣрными усилiями въ господа, чтобы потомъ, за немногими исключенiями, голодать всю жизнь, вопить противъ неравенства общественныхъ условiй и сочувствовать всею душою парижскимъ бунтамъ. Выпускаемые въ общество, чуждое имъ, въ которомъ у нихъ нѣтъ ни связей, ни точки опоры, эти искусственно высиженные культурные подростки начинаютъ свою жизнь годами бѣдствованiя, наполняющими ихъ желчью навсегда, даже въ случаѣ позднѣйшаго успѣха; а многимъ ли изъ нихъ выпадаетъ на долю успѣхъ? Мало ли читаемъ мы въ газетахъ извѣстiй о самоубiйствѣ, смерти отъ истощенiя, объявленiй о готовности вступить хоть въ домашнюю прислугу этихъ жертвъ напускной русской учености, которыя, при другомъ направленiи воспитанiя, стали бы зажиточными, преданными, довольными своею судьбой техниками, восполняя въ то же время вопiющiя потребности русской производительности, до сихъ поръ неудовлетворенныя? Если мы покуда еще не можемъ совсѣмъ отвыкнуть отъ подражанiя, то будемъ лучше подражать Европѣ, гдѣ бѣдные воспитанники учатся хлѣбнымъ знанiямъ, чѣмъ Китаю, въ которомъ существуетъ только одна наука—философiя Конфуцiя,

преподаваемая всѣмъ безъ различія, отъ мандаринчика съ красною пуговкой до великаго мандарина съ павлинымъ перомъ. Мы настроили множество заведеній для классической науки и толкаемъ всю Россію въ университетъ, выписывая въ то же время машинистовъ желѣзной дороги изъ-за границы по неимѣнію своихъ. Съ одной стороны эта болѣзнь у насъ застарѣлая—мы начали съ перехватыванія верховъ, а не низовъ; съ другой—она чрезвычайно усилилась во время бѣлой горячки русскаго общества, прозванной нигилизмомъ. Въ ту пору одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ написалъ чрезвычайно дѣльную статью о значеніи университета и объ отношеніи степеней образованія къ различнымъ общественнымъ слоямъ; но тогдашняя печать накинулась на нее какъ на ретроградную *). Была ли возможность серьезнымъ людямъ разговаривать съ обществомъ, руководимымъ въ большинствѣ *мыслителями* «Современника» и «Полярной Звѣзды». Но теперь разливъ вошелъ въ русло, надо подумать о дѣлѣ. Русское дворянство, какъ культурный народный слой, открыто всякой силѣ, подросшей снизу, но только силѣ—то-есть экономическому положенію или дарованію, умѣющему пробиться,—а не толпѣ искусственно высиживаемыхъ, посредственныхъ и, въ сущности, даже по окончаніи университетскаго курса, вовсе еще не образованныхъ мальчиковъ. Если дѣло въ томъ, чтобы переряжать какъ можно больше людей изъ поддевки во фракъ, купленный на Щукиномъ дворѣ, то это можно бы сдѣлать легче, слѣдуя шуточному совѣту одного вельможи пятнадцатыхъ годовъ—сравнять всю Россію съ станціонными смотрителями, произведя ее въ четырнадцатый классъ. Мы высказали свое мнѣніе и не думаемъ встрѣтить много противниковъ: нашему отечеству необходимы — образованное дворянство, большое распространеніе техническихъ и промышленныхъ знаній въ среднихъ состояніяхъ и грамотный народъ. Каждому свое. Безъ серьезнаго и поголовнаго образованія дворянства мы не дойдемъ никуда, а потому, думаемъ, надобно сосредоточить на воспитаніи небогатыхъ низовъ наслѣдственнаго сословія почти исключительно всѣ стипендіи, находящіяся въ рукахъ правительства. Для по-

*) Баронъ А. П. Николаи.

ощренія замѣтно способныхъ молодыхъ людей низшихъ званій, по нашему мнѣнію, было бы достаточно назначить по одной всесословной стипендіи на гимназію, но съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не покидать этихъ выбранныхъ воспитанниковъ на произволъ судьбы. Мы выставили пропорцію приблизительно,— установить ее есть дѣло спеціалистовъ. Затѣмъ нужно большое распространеніе техническихъ школъ, не въ какихъ либо центрахъ, а по всей поверхности государства, соотвѣтственно хозяйственнымъ и промышленнымъ потребностямъ каждой области. Слѣдуя такимъ путемъ, мы станемъ наконецъ образованнымъ народомъ не на словахъ, а на дѣлѣ.

Прежде всего надобно постараться направить въ эту сторону—къ реальному и промышленному воспитанію—многочисленный притокъ подростковъ духовнаго званія, выходящихъ изъ церкви въ свѣтъ. На нашихъ глазахъ происходитъ странное и безобразное явленіе: нигилизмъ набиралъ и набираетъ главныхъ своихъ приверженцевъ изъ среды дѣтей, рожденныхъ, можно сказать, въ церковной оградѣ; достаточно посчитать извѣстныхъ вожаковъ. Отцы проповѣдуютъ евангеліе, а сыновья въ значительномъ числѣ—безбожіе и разрушеніе общественныхъ началъ. Это явленіе объясняется не чѣмъ инымъ, какъ ложнымъ общественнымъ положеніемъ послѣднихъ. Недавно еще знаніе считалось у насъ рѣдкостью; достаточно было знать что нибудь для устройства себѣ отгороженнаго уголка въ жизни; изъ семинаристовъ, вступившихъ въ службу, вмѣстѣ съ произведенными унтеръ-офицерами, составилась чуть ли не половина послѣпетровскаго дворянства. Но теперь, очевидно, прекратился запросъ на полуобразованныхъ, не обладающихъ прикладными знаніями людей, какихъ выпускаетъ семинарія въ міръ. Имъ приходится биться какъ рыбѣ объ ледъ; получаемое ими схоластическое воспитаніе, устраняющее Хомякова для огражденія неприкосновенности учебниковъ XVII вѣка, мало укрѣпляетъ ихъ нравственно; немудрено, что многіе изъ нихъ проникаются ненавистью къ обществу въ первые годы этой безлюдной борьбы и увлекаются въ крайности. Между тѣмъ, наше церковное сословіе многочисленно и покуда, къ несчастію, наслѣдственно въ дѣйствительности, несмотря на букву закона, недавно уничтожившаго эту наслѣдственность на бумагѣ. Вдобавокъ дѣти священниковъ, занимающихъ самое почетное положеніе, никогда не отграничен-

ные точно отъ дѣтей послѣднихъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, въ послѣднее время сравнены съ ними во всѣхъ правахъ, даже служебныхъ — что окрыляетъ всѣхъ безчисленныхъ подростковъ духовнаго званія одинаковыми надеждами, придаетъ всѣмъ одинаковое честолюбіе, чтобы потомъ привести почти всѣхъ къ одинаковому разочарованію. Изъ мѣщанъ и людей другихъ низшихъ сословій, постепенно подымающихся къ верху, рѣдко оказываются недовольные, имѣющіе поводъ роптать на общественное устройство: кто изъ нихъ поднялся, тотъ, значитъ, разжился, тому хорошо. Но подъ русскимъ культурнымъ обществомъ оказывается, въ видѣ церковнаго сословія, какъ-бы подземный притокъ, клокочущій по неимѣнію выхода, и силящійся сорвать верхнюю почву; покуда усиліе это еще ничтожно, оно выражается только въ личныхъ настроеніяхъ, но, если ему не откроютъ законнаго выхода, оно будетъ постепенно накопляться. Въ противоположность всему, что видѣлъ до сихъ поръ свѣтъ, непріязнь къ охранительнымъ общественнымъ началамъ возникаетъ у насъ преимущественно изъ церковной ограды, изъ размножающагося личнаго состава церковниковъ, вслѣдствіе кастоваго ихъ устройства и воспитательно-промышленной отсталости Россіи. Второму горю можно помочь въ срокъ не слишкомъ долгій, не только правительственными мѣрами, но настойчивымъ содѣйствіемъ правительства всѣмъ такимъ начинаніямъ, всевозможнымъ поощреніемъ ихъ. Развитіе техническаго образованія составляетъ одну изъ первыхъ нашихъ потребностей со всѣхъ точекъ зрѣнія. Кромѣ того, мы считали бы необходимымъ, по справедливости и изъ благоразумія, законно отдѣлить дѣтей священническихъ отъ дѣтей церковныхъ причетниковъ, не смѣшивать ихъ въ одно сословіе, облечь первыхъ правами, сближающими ихъ съ высшимъ наслѣдственнымъ сословіемъ, дать имъ льготы передъ прочими въ пособіи на воспитаніе и преемствѣ званія, не отказывать имъ и въ свѣтскихъ стипендіяхъ; причетниковъ же не считать вовсе въ духовномъ сословіи. Если разъ возникло у насъ кастовое духовенство, то лучше пусть будетъ покуда въ Россіи нѣсколько десятковъ тысячъ наслѣдственныхъ семей священническихъ, которыя можно обезпечить до нѣкоторой степени, чѣмъ нѣсколько сотъ тысячъ семей наслѣдственнаго клира, съ тѣми же самыми притязаніями, совершенно неудовлетворимыми, но,

не смотря на то, постоянно раздражающими ихъ противъ общества. Что касается самой наслѣдственности духовенства, то тутъ вопросъ великій, хотя, очевидно, вопросъ не нашего поколѣнія. Православная церковь требуетъ духовенства по призванію, а не по ремеслу; Россія не выйдетъ изъ нынѣшней духовной апатіи безъ измѣненія существующаго въ церкви порядка, но тѣмъ не менѣе мы считали бы преждевременнымъ трогать его покуда: при нынѣшней общественной разрозненности у насъ не хватитъ на это силъ. Мы говоримъ не о церкви, а только о мѣстѣ, занимаемомъ въ обществѣ личнымъ составомъ церкви; но даже въ этомъ отношеніи, несмотря на важность предмета, считаемъ неудобнымъ распространяться, имѣя въ виду примѣры Хомякова и Самарина, сочиненіямъ которыхъ нѣтъ хода. Кромѣ того, развитіе такого вопроса требовало бы особаго сочиненія. Мы упомянули объ немъ лишь для полноты изложенія.

Церковный вопросъ, временно заглохшій у насъ, также какъ вопросъ о созданіи нѣсколькихъ средоточій русской жизни и мысли вмѣсто двухъ, какъ и многіе другіе великіе вопросы, принадлежитъ будущему. Задача нынѣшняго поколѣнія заключается въ томъ, чтобы создать орудіе русской общественной жизни, посредствомъ котораго великіе вопросы могли бы быть двинуты современемъ; орудіе, безъ котораго русское правительство, не смотря на свое несравненное и исключительное нравственное могущество, не можетъ—смѣемъ сказать—пользоваться вполнѣ этимъ могуществомъ для блага России. Сила безъ рычага остается отвлеченностью.

Покуда нечего думать даже о томъ, чтобы отлить орудіе русскаго будущаго въ окончательную форму. Наше поколѣніе сдѣлаетъ свое дѣло, если сложится въ нѣчто цѣлое, способное къ дѣйствію мѣстному, обезпечивающее въ тоже время текущій порядокъ дѣлъ. У насъ довольно много говорятъ, хотя мало пишутъ объ объединеніи земскаго самоуправленія. Но для такого объединенія, конечно, осмысленнаго, нужно прежде, чтобы мѣстная земская жизнь стала дѣйствительностью, что осуществится вполнѣ развѣ въ будущемъ поколѣніи. Пока наше земство не умѣетъ сладить съ своимъ уѣзднымъ дѣломъ, не для чего ему выступать передъ лицо свѣта. Можно думать, что всесословный земскій соборъ, созванный въ настоящее время верховною властью по старинному образцу, не принесъ бы плодовъ и не

сталъ бы ни большимъ утѣшеніемъ для Россіи, ни особенно величавымъ зрѣлищемъ для Европы. «Довлѣетъ дневи злоба его». Мы думаемъ, однакожъ, что было бы справедливымъ и даже необходимымъ возвратить дворянству, въ лицѣ его губернскихъ съѣздовъ, право всеподданнѣйше заявлять о желательныхъ измѣненіяхъ въ законахъ, устарѣвшихъ или почему либо несоотвѣтственныхъ, что почти всегда бываетъ гораздо виднѣе на мѣстѣ. Осторожное, но не стѣсняемое пользованіе этимъ высшимъ правомъ, давно уже принадлежавшимъ высшему русскому сословію по буквѣ закона, при потребной свободѣ взаимныхъ сношеній между собраніями, выработало бы практически, еще въ срокъ нынѣ живущаго поколѣнія, многія прикладныя стороны нашего законодательства и оказалось бы гораздо полезнѣе преждевременныхъ всероссійскихъ съѣздовъ.

Первая обязанность высшаго сословія, признаннаго государствомъ, есть военная и безплатная общественная служба. Въ этихъ двухъ видахъ личной повинности заключается весь политическій смыслъ сословія, каково бы ни было его происхожденіе. Права немыслимы безъ обязанностей даже въ кастѣ, выросшей изъ завоеванія, не только въ культурномъ дворянствѣ, созданномъ верховною властью прямо для пользы, которую оно могло и можетъ приносить государству и народу.

Занятія канцелярскія, низшія ступени вѣдомства, называемаго по-русски гражданскимъ, не облекающія лицо самостоятельною властью въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, недавно еще мало входили въ кругъ дворянской дѣятельности и въ Европѣ и въ Россіи, особенно въ областяхъ, даже послѣ Петра Великаго. Этотъ разрядъ чиновниковъ пополнялся у насъ преимущественно приказными людьми, образовавшими почти наслѣдственное сословіе, постепенно приращавшееся притоками изъ духовенства; не смотря на относительную выгодность этой службы и на бѣдность мелкаго дворянства, лица высшаго сословія вступали въ нее неохотно. Отъ устья Тага до Камчатки, при всемъ глубокомъ различіи происхожденія и духа привилегированныхъ классовъ различныхъ странъ, низшая ступень гражданской службы, прозванная у насъ приказною, считалась занятіемъ не дворянскимъ. Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о судѣ, только недавно выдѣленномъ у насъ изъ общаго гражданскаго вѣдомства. Въ этомъ послѣднемъ учрежденіи всѣ должности самостоятельны, а потому требуютъ

непремѣнно людей перваго разбора. Вслѣдствіе того личный составъ судей, прокуроровъ и слѣдователей не только почерпался вездѣ въ высшемъ общественномъ слоѣ, но вызывалъ даже учрежденіе особаго судебнаго дворянства. Нашъ русскій судъ съ прокурорскимъ надзоромъ требуетъ привлеченія въ свои нѣдра лучшихъ силъ изо всей страны. Рѣчь идетъ только о письменномъ дѣлопроизводствѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи европейскія правительства, много разъ пытавшіяся привлечь дворянство къ торговлѣ, никогда не думали объ обращеніи хотя какой нибудь части его въ канцелярское чиновничество. Такое повсемѣстное устраненіе высшаго сословія отъ извѣстнаго вида государственной службы, выводившаго иногда людей очень высоко, во всякомъ случаѣ необходимаго въ извѣстныхъ предѣлахъ и часто выгоднаго, должно имѣть какую нибудь общую, осмысленную причину, истекающую не изъ одного предразсудка, — и дѣйствительно оно имѣетъ ее. Такъ называемая приказная или канцелярская служба требуетъ, какъ и всякая другая, знанія дѣла и опытности, но она вовсе не требуетъ характера и личной самостоятельности, развиваемыхъ въ особенности наслѣдственно-политическими сословіями, — не требуетъ потому, что канцелярскій чиновникъ не начальствуетъ ни надъ кѣмъ, ни за кого лично не отвѣчаетъ, а работаетъ въ одиночку. Напротивъ, военная и общественная служба, не говоря о государственныхъ должностяхъ высшаго порядка, немыслима безъ этихъ именно дворянскихъ качествъ,—безъ умѣнія держать власть, безъ рѣшительности и уваженія къ себѣ, истекающихъ изъ высокаго мнѣнія о своей личности. Такія черты выражаются преимущественно въ высшемъ сословіи, почему высшее сословіе составляетъ необходимую потребность, составляло ее всегда и вездѣ, для земскаго самоуправленія, для суда и арміи, но не для низшихъ слоевъ гражданской службы. На свѣтѣ не бываетъ никакого общаго явленія безъ разумной причины. Въ нынѣшней Россіи низы гражданской службы, до тѣхъ ступеней, на которыхъ начинается личная самостоятельность, могли бы оставаться въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ они были еще недавно, служить пристанищемъ многочисленному разряду старыхъ и новыхъ приказныхъ людей, безъ всякаго ущерба для нашей будущности; туда же будетъ направляться излишекъ притока свѣтскихъ подростковъ духовенства, не попавшихъ въ промышленную жизнь, пока въ составѣ церкви,

на дѣлѣ, продолжается наслѣдственность. Но если раздѣленіе гражданскихъ занятій на два существенно отличные отдѣла— властный и канцелярскій, какъ всеобщее и вездѣ принятое, истекаетъ изъ смысла самаго дѣла, то ступени службы, предоставляемыя низшему чиновничеству, не слѣдуетъ и у насъ смѣшивать съ высшими, облекающими лицо самостоятельною властью, какъ онѣ смѣшиваются нынѣ; ихъ слѣдуетъ строго разграничить на практикѣ, допускать только дѣйствительно отборныхъ людей снизу переступать эту черту, замѣстителей же высшихъ самостоятельныхъ должностей выбирать не изъ подростающаго мелкаго чиновничества, а изъ земскихъ дѣятелей. Даже въ такомъ случаѣ столичныя, если не областныя канцеляріи, все-таки останутся на долгій срокъ разсадникомъ большинства администраторовъ. Бюрократическій порядокъ сильно укоренился въ Россіи; онъ давно уже привлекъ и постоянно привлекаетъ въ свою среду лучшія общественныя силы; нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей бюрократіи гораздо болѣе способныхъ людей, чѣмъ въ нашемъ обществѣ. Это очень понятно, такъ какъ учрежденія бюрократическія — дѣло вѣковое, земскія — вчерашнее; притомъ первыя гораздо выгоднѣе вторыхъ. Пока бюрократизмъ былъ единственнымъ видомъ управленія, пока онъ завѣдывалъ, безъ исключенія, всѣми явленіями русской жизни, онъ необходимо долженъ былъ разростись до крайности; но когда разъ общество вызвано къ самоуправленію, то бюрократіи необходимо приходится постепенно сокращаться и войти наконецъ въ подобающіе ей размѣры чисто государственнаго управленія. Совмѣщеніе нынѣшней административной сѣти съ полнымъ развитіемъ земской жизни не только было бы несообразнымъ, оно — немыслимо, потому что у населенія не станетъ для этихъ двухъ потребностей разомъ ни вещественныхъ, ни личныхъ силъ. Довольно мудрено развить земское дѣло, забирая всѣхъ способныхъ людей въ коронную службу; довольно мудрено также, при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи землевладѣльцевъ, предложить способнымъ людямъ промѣнять содержащую ихъ (хотя часто безполезно) коронную службу на земскую. Надобно однако же видѣть, что съ продолженіемъ такого порядка русская общественная жизнь заглохнетъ на вѣки, не смотря ни на какія либеральныя формальности. Сколько бы ни шли такимъ путемъ, мы дойдемъ лишь *до самостоятельности съ разрѣшенія бли-*

жайшаго начальства, до формъ, а не до сущности самоуправленія, будемъ либерально управляемы канцеляріей, почерпающею свои вдохновенія хотя бы изъ самыхъ сводомыслящихъ, зачастую даже нигилистскихъ источниковъ, но безъ малѣйшей заботы о томъ, что намъ нужно и чего мы сами желаемъ. Довольно взглянуть на примѣръ современныхъ французовъ, не говоря уже о нашемъ собственномъ, для убѣжденія, что даже осадное положеніе менѣе сокрушительно для самостоятельнаго общественнаго развитія, чѣмъ «канцелярскій» либерализмъ. Если земская дѣятельность, отданная въ руки, на которыя правительство можетъ положиться, не будетъ отодвигать у насъ постепенно, но достаточно быстро, всепоглощающую бюрократію въ законно принадлежащіе ей предѣлы, то изъ этой дѣятельности ничего не выйдетъ; она обратится въ формальность, формальность станетъ рутиною и тогда уже будетъ слишкомъ трудно призвать къ жизни русское общество, разочарованное однажды въ своихъ надеждахъ и силахъ; намъ останется въ будущемъ единственный способъ развитія—если онъ для кого нибудь желателенъ—совершенствовать до безконечности свой канцелярскій механизмъ, переименовывая и перетасовывая должности, по образцу квартета Крылова. Есть только два выхода изъ нынѣшняго положенія, и оба они, думаемъ, должны быть открыты одновременно:

1) Сокращать постепенно бюрократическія учрежденія до предѣловъ, соотвѣтствующихъ *современной* ихъ цѣли,—служить орудіемъ общегосударственныхъ заботъ и надзора за мѣстнымъ самоуправленіемъ,—обращая экономію отъ упраздненія излишнихъ гражданскихъ штатовъ, порожденныхъ отживающими нынѣ порядками, на потребности земства. Самостоятельныя земскія должности, безъ сомнѣнія, должны быть безплатными, въ томъ смыслѣ, чтобы содержаніе ихъ не ложилось прямо на мѣстное населеніе; но пособіе имъ отъ государства, въ умѣренныхъ размѣрахъ, совершенно соотвѣтствовало бы духу самодержавно-народной монархіи, какова наша, въ которой культурное сословіе есть преимущественно сословіе служилое. Для правительства можетъ существовать только одинъ вопросъ: какой видъ службы этого сословія и въ какихъ именно размѣрахъ полезнѣе въ настоящее время: земскій или канцелярскій?—такъ какъ русскіе дворяне остаются въ одинаковой степени его слугами и въ земствѣ и въ бюрократіи. Безъ пря-

маго пособія отъ государства никогда нельзя будетъ вызвать къ земскому дѣлу достаточное число способныхъ людей изъ нашихъ канцелярій, въ которыхъ четыре чиновника дѣлаютъ то же самое, на что въ Европѣ считается достаточнымъ одинъ; а безъ этихъ способныхъ людей, отрываемыхъ нынѣ отъ почвы и отрываемыхъ, вдобавокъ, больше чѣмъ на половину совершенно безполезно, земское самоуправленіе не станетъ живымъ дѣломъ, не облегчитъ народнаго развитія, не сниметъ съ правительственной власти заботъ, несоотвѣтствующихъ ея прямой задачѣ. Отдѣленіе части государственнаго бюджета на мѣстныя потребности сознается въ настоящую пору всѣми и испрашивается тысячами голосовъ; но открыть нужныя для того средства можно только постепеннымъ сокращеніемъ бюрократіи, замѣняемой новою, призванною къ дѣятельности общественною силою. Сокращеніе это необходимо въ трехъ отношеніяхъ— чтобы не обременять народъ излишними добавочными налогами, чтобы не отрывать отъ мѣстнаго самоуправленія слишкомъ много способныхъ людей, и чтобы не обращать государственной службы въ архивный складъ должностей и званій, утратившихъ свое значеніе.

2) Замѣщать высшія начальническія должности гражданской службы земскими дѣятелями, начиная пока хоть съ областныхъ. При такомъ порядкѣ земское самоуправленіе не только оживится,— оно выйдетъ изъ нынѣшняго неподходящаго положенія, придающаго ему часто видъ какой то глухой оппозиціи противъ административной власти, оно сольется съ общимъ государственнымъ управленіемъ, не только по формѣ и по наружной связи опредѣляемой закономъ, а въ самомъ духѣ своемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ коронная администрація перейдетъ къ людямъ, изучившимъ общественныя потребности на самой почвѣ, а не на одной казенной бумагѣ, къ людямъ, пріученнымъ всею жизнію къ самостоятельной и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственной дѣятельности, серьезно понимающимъ свои обязанности передъ правительствомъ въ качествѣ сознательныхъ его слугъ, а не механическихъ орудій. Со временемъ эти люди станутъ лучшимъ разсадникомъ и для государственныхъ должностей. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончится у насъ всевластіе бюрократическое въ прямомъ и дурномъ значеніи этого слова — то положеніе дѣла, въ которомъ воля столоначальника, глядящаго на все на свѣтѣ съ своей канцелярской и формальной точки зрѣнія, зачастую пе-

ревѣшиваетъ мнѣніе государственнаго сановника и даетъ направленіе самымъ важнымъ дѣламъ. У насъ будутъ вырабатываться люди, а не чиновники. Но для этого нужно, прежде всего, чтобы земское дѣло перешло въ руки, на которыя власть могла бы положиться. Для возможности какого либо дѣйствительнаго развитія въ современной Россіи, земское самоуправленіе, властныя гражданскія должности, судъ и военная служба должны находиться, думаемъ, въ рукахъ узаконеннаго культурнаго сословія, конечно не исключительно, такъ какъ самое это сословіе не исключительное, но болѣе чѣмъ преимущественно.

ГЛАВА VI.

Армія въ отношеніи къ гражданскому обществу.

Земское самоуправленіе, требующее прежде всего независимаго положенія, есть прямое дѣло цензоваго дворянства. Нецензовое необходимо для войска. Если наша армія не будетъ обезпечена корпусомъ офицеровъ, въ большинствѣ дворянскимъ, проникнутымъ дворянскимъ духомъ, то лучше не тратиться на ея содержаніе.

Пока въ Европѣ дворянство было особымъ сословіемъ, каждый дворянинъ родился солдатомъ; такъ осталось и теперь въ странахъ, сохранившихъ это учрежденіе—въ Германіи и Австріи. Въ современной Франціи, не смотря на ея революціонныя преданія, офицеры изъ низшихъ сословій, называемые «les officiers troupiers», мало цѣнятся. Ихъ много, по недостатку въ другихъ, но въ нихъ также состояла съ 1815 года слабая сторона французской арміи; всѣ видѣли въ послѣднюю войну превосходство прусскаго дворянскаго корпуса офицеровъ. Наполеонъ III много заботился о привлеченіи въ армію офицеровъ изъ хорошо воспитаннаго класса общества; но тамъ прошла мода на военную службу, а разсыпавшееся образованное общество стояло внѣ всякаго правительственнаго вліянія, даже чисто нравственнаго,—усилія власти остались безплодными. Очень трудно найти средство поправить французскую армію въ этомъ отношеніи: общеобязательная военная повинность не достигаетъ подобной цѣли, такъ какъ нельзя заставить никого служить далѣе положеннаго срока; общая повинность ставитъ въ армію только солдатъ, а не офицеровъ. Какъ извѣстно, въ Англіи законное дворянство состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ перовъ; высшее же земское сословіе, которое можно назвать дворянствомъ по обычаю (въ огромномъ большинствѣ также

по происхожденію),—землевладѣльцы—дѣлится, по первородству, между общественною и государственною службою. Старшіе братья, наслѣдники имѣній, служатъ обществу; у нихъ довольно дѣла дома, такъ какъ все областное управленіе Англіи, за исключеніемъ короннаго суда, лежитъ на ихъ рукахъ. Младшіе братья служатъ въ арміи,—конечно не всѣ: имъ не было бы мѣста; но англійскіе офицеры поголовно джентльмены, даже болѣе чѣмъ въ Пруссіи, хотя не всѣ они люди старинныхъ родовъ, такъ какъ высшее англійское сословіе давно уже обратилось изъ кастоваго учрежденія въ политическое. По единодушному отзыву британской арміи, недавно установленная замѣна патента (доказывавшаго въ извѣстной мѣрѣ общественное положеніе лица) экзаменомъ—несомнѣнно понизитъ ея боевое качество; патентъ почти всегда былъ порукою за образованіе, а экзаменъ никогда не станетъ ручательствомъ за чувство личнаго достоинства, въ которомъ заключается девяносто девять сотыхъ качества офицера *). Въ демократической Америкѣ офицеры—поголовно джентльмены, всѣ люди высшаго класса, также точно какъ и въ Англіи. Они выходятъ исключительно изъ Уэстъ-Пойнтскаго военнаго училища, куда воспитанники принимаются не иначе, какъ по рекомендаціи депутатовъ государственнаго конгресса; при такомъ условіи получаютъ эполеты, разумѣется, только сыновья хорошо-поставленныхъ семействъ. Чисто джентльменскій составъ корпуса офицеровъ составляетъ основное преданіе американской республики, современное ея основанію. Создатель ея, Джорджъ Вашингтонъ, принимая начальство надъ первою арміей Соединенныхъ Штатовъ, постановилъ правиломъ: «Въ выборѣ офицеровъ надобно болѣе всего остерегаться, чтобы они не

---

*) Замѣтимъ для читателей, мало знакомыхъ съ бывшею системою производства англійской арміи, что въ ней никогда не покупался чинъ, какъ многіе думаютъ у насъ: на производство имѣлъ право только старшій по спискамъ, какъ вездѣ; но онъ уплачивалъ опредѣленную сумму тому лицу, на мѣсто котораго поступалъ, когда оно очищалось, до чина подполковника. Такимъ образомъ покупка патента была не чѣмъ инымъ, какъ цensовымъ условіемъ извѣстнаго вида для производства офицера. Система эта, на которой два вѣка держалась англійская армія, постоянно побѣждавшая, соотвѣтствовала всему общественному складу Англіи, но была разрушена подъ впечатлѣніемъ послѣдняго успѣха пруссаковъ, сбившаго съ толку, въ военномъ отношеніи, не одних англичанъ.

выходили изъ сословій, слишкомъ близкихъ къ тѣмъ, изъ которыхъ набираются солдаты. Іерархія сословій переходитъ изъ гражданской жизни въ военную. За исключеніемъ очевидныхъ заслугъ, надобно держаться правила, чтобы кандидатъ въ офицеры былъ непремѣнно джентльменъ, знающій правила чести и дорожащій своею репутаціей». (Histoire de Washington par C. de Witt, страница 109). Можно выразить эту мысль, составляющую краеугольный камень въ дѣлѣ военнаго устройства, еще сжатѣе: офицеры должны быть изъ властныхъ сословій— тогда только они съумѣютъ держать власть.

На свѣтѣ бывали примѣры побѣдоносныхъ демократическихъ армій, не заимствовавшихъ свой корпусъ офицеровъ изъ общественной іерархіи, но выростившихъ его изъ своей собственной среды,—только такія явленія происходили въ обстановкѣ совершенно исключительной, во время долгаго періода непрерывныхъ войнъ, когда армія становилась какъ бы отдѣльнымъ народомъ и складывала свою домашнюю аристократію, по общему закону всѣхъ народовъ. Такова была армія Наполеона I, очень похожая своимъ внутреннимъ характеромъ на старинныя варварскія ополченія, грабившія Европу и жившія на счетъ покоренныхъ. Каждый наполеоновскій полковникъ, не только генералъ, получалъ титулъ и становился владѣтелемъ какого нибудь имѣнія, конфискованнаго въ Германіи, Италіи или Испаніи; каждый ротный командиръ властвовалъ надъ побѣжденными въ районѣ расположенія своей роты какъ феодальный баронъ; даже каждый солдатъ пользовался частичкою правъ завоевателя и если былъ молодцомъ, то мѣтилъ въ эсаулы своей шайки; а во всякой насильствующей шайкѣ, какъ извѣстно, ведется строгая дисциплина; даже въ сборищахъ Разина и Пугачева эсаулы были начальниками строгими и несговорчивыми, держали низшихъ въ повиновеніи. Когда Наполеонъ говорилъ о превосходствѣ своихъ солдатъ, сознающихъ, что въ ранцѣ каждаго изъ нихъ лежитъ въ зародышѣ маршальскій жезлъ,—онъ былъ совершенно правъ въ примѣненіи къ созданной имъ, вѣчно бьющейся завоевательной ордѣ; тоже самое онъ могъ сказать и Чингисъ-ханъ. Но кромѣ того что подобныя отношенія не примѣнимы къ обыденному устройству армій и вовсе нежелательны, потому что войско такого образца властвуетъ надъ своею страной такъ же жостко, какъ надъ странами завоеванными — но примѣръ этотъ, въ сущно-

сти, подтверждаетъ еще лишній разъ правило Вашингтона: когда армія вынуждена, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, создавать свою собственную аристократію, оставляемую потомъ въ наслѣдство общему государственному строю, значитъ—она не можетъ безъ нея обойтись; въ обстоятельствахъ обыкновенныхъ, лишающихъ ее силы такого внутренняго творчества, ей остается только одно: заимствовать свое высшее сословіе изъ іерархіи общественной.

Особый закалъ людей, образующихъ корпусъ офицеровъ,—закалъ властности и личной чести, развиваемый исторически-воспитаннымъ обществомъ, но преимущественно наслѣдственнымъ политическимъ сословіемъ,—совершенно необходимъ арміи по той простой причинѣ, что солдаты, даже самые дисциплинированные и обстрѣленные, никогда и нигдѣ не идутъ и не пойдутъ въ огонь сами собой, — у нихъ нѣтъ для того достаточно внутреннихъ побужденій; они только слѣдуютъ за своими офицерами. Извѣстное дѣло, что часть, въ которой офицеры перебиты, считается выбывшею изъ строя, сколько бы ни оставалось въ ней солдатъ. Офицеры же смѣло смотрятъ въ глаза смерти потому, что въ хорошо подобранномъ и воспитанномъ корпусѣ офицеровъ нужно сто разъ больше храбрости для того, чтобы струсить, чѣмъ для того, чтобы лѣзть на самую явную гибель. Всякій человѣкъ невольно поддается чувству самохраненія, если имъ не владѣетъ чувство еще сильнѣйшее—вліяніе среды и неотступный вопросъ: какъ потомъ стать передъ нею? Такого настроенія нельзя развить въ толпѣ: оно возникаетъ только въ отборныхъ общественныхъ слояхъ. Фридрихъ Великій говорилъ, что бываетъ побѣдоноснымъ только то войско, въ которомъ солдатъ больше боится палки капрала, чѣмъ непріятельской пули. Палка замѣнилась теперь другими средствами, но вполнѣ сохранила свое аллегорическое значеніе: солдата ведетъ капралъ, капрала офицеръ, который служитъ необязательно; а потому боится только самого себя и мнѣнія своей среды; онъ исполняетъ при своей части обязанность механика при машинѣ, въ немъ заключается единственный источникъ нравственной силы войска. Оттого, для боеваго качества арміи, большинство офицеровъ въ мирное время, особенно же закваска всего офицерскаго корпуса — должны неизбѣжно исходить изъ высшаго историческаго сословія, богатаго или бѣднаго—это все-равно, для котораго исполненіе долга есть свободная, но тѣмъ

самымъ еще несравненно болѣе принудительная обязанность. Съ другой стороны, такъ какъ вся сила войска — въ офицерахъ, то, для связности, подчиненные имъ люди должны находиться въ нѣмомъ повиновеніи. Это называется военною дисциплиной. Неодолимое превосходство постоянной арміи надъ ополченіемъ состоитъ именно въ томъ, что въ первой отдѣльныя части — полки, баталіоны, роты — срощаются заблаговременно въ одно цѣлое, такъ что каждая часть представляетъ не сборъ людей, а можно сказать единичное лицо своего начальника, обладающаго, какъ индѣйское божество, нѣсколькими стами паръ вооруженныхъ рукъ; къ такой арміи остается лишь подобрать надежныхъ начальниковъ. Но осуществить подобное срощеніе, управляя справедливо нѣмыми подчиненными, могутъ вообще только люди, съизмала пріученные къ извѣстной долѣ власти и къ превосходству надъ толпою, — люди, въ которыхъ солдатъ видитъ также не своихъ равныхъ, а лицъ, къ которымъ онъ привыкъ относиться съ почтеніемъ еще въ родномъ селѣ. Не очень давно во всей русской арміи нижніе чины называли офицеровъ не иначе какъ *господами*; они почитали ихъ въ мирное время, вѣрили имъ въ военное — именно въ качествѣ господъ, то есть людей высшаго общественнаго порядка, постояннаго, а не случайнаго; послѣдній не имѣетъ для русскаго простолюдина никакого обаянія. Наши офицеры всегда, въ послѣднюю войну какъ и прежде, оправдывали довѣріе: они шли впереди всѣхъ. Даже непріятели единогласно отдавали имъ эту справедливость. Въ мирное время русскіе сословные офицеры, какъ люди свыкшіеся съ своими правами, поддержанные мнѣніемъ своей среды, знали ясно мѣсто, принадлежащее имъ въ въ военной іерархіи, никогда не поддавались растлѣвающимъ напускнымъ мнѣніямъ извнѣ и твердо держали власть въ рукахъ; они были начальниками дѣйствительно *властными*, не боявшимися, при исполненіи долга, ни законной отвѣтственности предъ старшими, ни беззаконнаго неудовольствія между младшими — въ томъ и состоитъ суть хорошаго воспитанія войска. Оттого русская армія такъ твердо сращалась въ мирное время, что на войнѣ непріятель могъ ее осилить, если ему удавалось, но никогда не могъ ея разсѣять, какъ не разъ случалось съ другими европейскими войсками; наши полки, на три четверти истребленные, все-таки не разсыпались. Всякій наезтъ, что офицеры, воспитывавшіе такую армію, набирались

въ огромномъ большинствѣ изъ бѣднаго дворянства, изъ той именно части дворянства, которое называется теперь не цензовымъ. Между ними всегда находилось не мало офицеровъ изъ разныхъ сословій, но офицерская среда была средою существенно дворянскою (конечно, въ русскомъ, а не во французскомъ или нѣмецкомъ значеніи этого названія); всѣ вступавшіе въ нее заквашивались въ ея духѣ и сами становились господами, даже въ глазахъ солдатъ, потому что принадлежали къ военному сословію господъ. .

Многолѣтній опытъ кавказской арміи (единственной въ въ свѣтѣ, въ которой можно было расцѣнивать офицеровъ не приблизительно, а съ совершенною точностью, такъ какъ война ставила ихъ ежедневно лицомъ къ дѣлу) доказалъ, что лучшіе оберъ-офицеры въ большинствѣ выходили изъ бѣдныхъ, часто мало образованныхъ юнкеровъ, зачастую приходившихъ въ полкъ пѣшкомъ. Не смотря на нищенское положеніе, эти молодые люди, привыкшіе еще на своемъ хуторѣ рѣзко отличать себя отъ толпы, выказывали безстрашную отвагу въ бою и твердую волю въ командованіи; потершись нѣсколько лѣтъ въ рядахъ, они становились почти поголовно надежными начальниками на низшихъ ступеняхъ службы. Большинство ихъ, конечно, кончали карьеру на этихъ ступеняхъ,—но они были драгоцѣнны на нихъ; наиболѣе одаренные выходили впередъ и считались, на основаніи несомнѣннаго опыта, отличными полковыми командирами и генералами. Въ полку же изъ нихъ образовывалось офицерство сословное, связное, проникнутое военнымъ духомъ. Нѣсколько офицеровъ хорошаго общества, всегда находившихся въ кавказскихъ полкахъ, передавали этому обществу даже внѣшнюю шлифовку.

Въ настоящее время просвѣщеніе достаточно распространено въ Россіи, чтобы наша армія не подвергалась недостатку въ образованныхъ людяхъ тамъ, гдѣ они необходимы; но намъ грозитъ страшный недостатокъ, именно теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь—въ оберъ-офицерахъ, подобныхъ прежнимъ, безъ которыхъ число и наилучшее обученіе солдатъ обращаются въ нуль. Тутъ дѣло далеко не въ одномъ образованіи и даже не собственно въ образованіи. Странно было бы мечтать о немедленномъ наполненіи русскаго корпуса офицеровъ исключительно-образованными людьми, во-первыхъ, потому, что это невозможно; во-вторыхъ, потому, что въ этомъ нѣтъ надобности; въ-третьихъ

потому, что наши экзамены, какъ ихъ понимаетъ военная канцелярія, не ручаются даже за одинъ процентъ качества, потребнаго офицеру. Поставить русскую армію на ноги можно только—не говоря о многихъ нравственныхъ мѣрахъ—посредствомъ установленныхъ закономъ особыхъ правъ и обязанностей дворянства къ военной повинности. Въ послѣднемъ отношеніи дворянство неценсовое, какъ самое многочисленное, выступаетъ на первый планъ.

Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса прямо зависитъ наше «быть или не быть». Для оцѣнки того что намъ нужно, надобно прежде взвѣсить то, что у насъ есть; надобно выслѣдить, въ чемъ разошлась въ послѣднія 12 лѣтъ армія тысячелѣтней русской монархіи съ арміей демократической американской республики, которой Вашингтонъ положилъ зарокомъ: охранять, какъ зѣницу ока, корпусъ своихъ офицеровъ-джентльменовъ.

Хвалясь русскимъ солдатомъ, подъ именемъ котораго подразумѣвается вся армія (какъ это происходитъ въ обыденномъ разговорѣ), надобно не забывать, что русскій солдатъ осуществлялъ свой историческій типъ подъ предводительствомъ русскаго офицера; что солдаты, сами по себѣ, взятые отдѣльно, даже солдаты Цезаря или Суворова, представляютъ не болѣе какъ машину безъ механика, не только умственно, но нравственно. Русскій солдатъ, какъ матеріалъ, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ; но русское войско, при иныхъ условіяхъ командованія, можетъ и даже необходимо должно оказатся уже не тѣмъ, какимъ мы его знали. Въ мирное время военныя качества людей не обозначаются достаточно явственно, чтобы можно было подобрать годный корпусъ офицеровъ посредствомъ единичной разцѣнки каждаго. Такого чуда не могъ бы осуществить даже Наполеонъ I, не только военная канцелярія, всегда недалеко уходящая въ пониманіи боевого дѣла отъ всякой иной канцеляріи.

Между тѣмъ, у насъ произошло слѣдующее явленіе:

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, соотвѣтствовавшихъ времени реформъ, ежегодная убыль въ офицерахъ, производимыхъ на прежнемъ основаніи, противъ штатнаго числа составляла среднимъ числомъ слишкомъ 600 и доросла въ 1868 году до цифры 2.880. Для пополненія корпуса офицеровъ изъ другихъ источниковъ, сообразно съ новыми взглядами новаго военнаго

управленія, званію юнкера, съ которымъ дворяне вступали въ полки, — званію, служившему главнымъ разсадникомъ нашего офицерства, придано было совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе. Мѣра эта имѣла чрезвычайную важность, такъ какъ число офицеровъ, производимыхъ изъ юнкеровъ, всегда далеко превышало у насъ итогъ выпускаемыхъ изъ военно-учебныхъ заведеній. Прежніе юнкера изъ дворянъ переименованы въ вольноопредѣляющіеся наравнѣ съ лицами другихъ сословій, а названіе юнкера перенесено исключительно на воспитанниковъ вновь учрежденныхъ юнкерскихъ школъ, изъ которыхъ долженъ впредь набираться нашъ корпусъ офицеровъ, школъ, наполняемыхъ теперь безсословными вольноопредѣляющимися, раздѣленными на три разряда по происхожденію и образованію; причемъ всѣмъ вольноопредѣляющимся низшихъ сословій значительно сокращенъ срокъ службы до производства. Такимъ образомъ, вмѣсто ценса по происхожденію и выслугѣ, къ которымъ прежде приравнивалось въ правахъ только высшее образованіе, для производства въ офицеры поставленъ преимущественно *цензъ по образованію*, довольно низкій, съ нѣкоторою привилегіей для высшихъ сословій въ срокахъ службы передъ прочими (конечно, только при неимѣніи учебнаго свидѣтельства, уравнивающаго, какъ и слѣдуетъ, всѣхъ безъ изъятія). Въ сущности и на практикѣ, это новое положеніе было коренною передѣлкою русской арміи; оно замѣнило прежній сословный составъ офицеровъ составомъ всесословнымъ, или, лучше сказать, безсословнымъ.

Нельзя говорить объ общественномъ дѣлѣ въ Россіи, составляющемъ предметъ нашихъ статей, не отдавая себѣ отчета въ прочности основъ, на которыхъ у насъ все покоится. Во внутреннемъ порядкѣ, представляемомъ строемъ самого общества, мы обезпечены неопредѣленнымъ срокомъ времени для своего правильнаго развитія. Въ порядкѣ внѣшнихъ дѣлъ, въ настоящую полосу времени, такая обезпеченность зависитъ лишь отъ совершенства военнаго устройства—для каждаго изъ членовъ европейской семьи безъ исключенія, а для нашего отечества еще гораздо больше чѣмъ для всякаго другого. Не смотря на блескъ нынѣшняго государственнаго положенія Россіи, мы все-таки чужіе въ Европѣ; она признаетъ и будетъ признавать наши права на столько лишь, на сколько мы дѣйствительно сильны. Кто этого не знаетъ?

Если бы новый законъ могъ установить производство офицеровъ по ценсу *дѣйствительнаго* образованія, о послѣдствіяхъ его нечего было бы и говорить; русская армія обладала бы корпусомъ офицеровъ, лучше котораго нельзя желать. Во-первыхъ, большинство образованныхъ людей имѣетъ достаточно понятія о правилахъ чести и достаточно соревнованія, чтобы нести это званіе съ должнымъ достоинствомъ,—мы полагаемъ, что молодые люди, окончившіе гимназическій курсъ, какого бы происхожденія ни были, удовлетворяютъ такому условію; во-вторыхъ, въ Россіи нѣтъ другаго образованнаго сословія, кромѣ дворянства и очень крупнаго купечества, стало-быть— ценсъ серьезнаго экзамена давалъ бы арміи офицерство почти исключительно дворянское. Цѣль была бы достигнута, съ какой точки зрѣнія на нее ни смотрѣть. Но затрудненіе въ томъ именно и состоитъ, что осуществить подобную цѣль въ современной Россіи—нельзя прямымъ и открытымъ путемъ. Какъ замѣчено выше, такое многочисленное сословіе, какъ офицерское, нигдѣ не можетъ быть создано искусственными средствами, кромѣ періодовъ чрезвычайно долгихъ войнъ, позволяющихъ арміи выростить изъ себя собственную аристоратію; въ обыкновенное же время іерархія ея необходимо должна воспроизводить гражданскій строй общества, почерпая изъ него то, что въ немъ есть. Въ послѣдніе полтора вѣка образованные русскіе люди становились поголовно дворянами, оттого ихъ неоткуда взять покуда, иначе какъ изъ дворянства. Затѣмъ, даже малообразованные дворяне проникнуты достаточною историческою закваскою, чтобы стать если не хорошими генералами, то надежными оберъ-офицерами, какъ достаточно доказано опытомъ. Этого послѣдняго свойства нельзя искать въ другихъ сословіяхъ; оно является тамъ въ видѣ личнаго исключенія. Для достиженія цѣли, имѣвшейся въ виду у сторонниковъ послѣдняго преобразованія, т. е. созданія русскаго безсословнаго корпуса офицеровъ по ценсу образованія,—надобно было понизить этотъ ценсъ до такой степени, чтобы онъ не представлялъ препятствія никому, то-есть, говоря прямо, обратить его въ нуль; иначе нѣкого было бы производить. Но какъ подобное пониженіе отозвалось бы дурно въ ушахъ людей, наиболѣе сочувствовавшихъ военнымъ реформамъ и безсословности,—въ ушахъ нашей такъ называемой либеральной партіи, — то надо было это сдѣлать иначе,

а именно—поставить такую требовательную програму, чтобы ей никто не могъ удовлетворить, а затѣмъ, по невозможности отказывать всѣмъ,—всѣхъ, напротивъ, удовлетворять. Мы сейчасъ увидимъ, такъ ли это дѣлается въ дѣйствительности.

Вышедшая въ прошломъ году книга генерала Бобровскаго объ юнкерскихъ училищахъ показываетъ слѣдующее.

Всесословные вольно-опредѣляющіеся принимаются въ войска по экзамену; но эти вольно-опредѣляющіеся, присылаемые въ юнкерскія училища, — слѣдовательно лучшіе, — всѣ слабы въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ, а многіе изъ нихъ не знаютъ дѣйствій надъ простыми числами, не умѣютъ написать простой дроби, не могутъ разсказать прочитаннаго въ книгѣ два и три раза предложенія. Иные отвѣчаютъ, что Петербургъ—рѣка, впадающая въ Коспійское море, и т. д.

О нравственности всесословныхъ вольноопредѣляющихся, по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ, даже поступившихъ въ юнкерскія училища, оффиціозная книга отзывается, что выдающіеся ихъ недостатки состоятъ въ отсутствіи сознанія собственнаго достоинства, въ изворотливой робости, неоткровенности, пьянствѣ, плутовскихъ продѣлкахъ разнаго рода и готовности пользоваться плохо-положеннымъ.

Объ ихъ знаніи службы говорится, что они не выучиваются ходить въ ногу, не знаютъ ни боевъ, ни сигналовъ, ни даже первыхъ началъ рекрутской школы; что въ кавалеріи они не умѣютъ подойти къ лошади; что *воспитанники*, прослужившіе предварительно нѣсколько лѣтъ въ канцеляріяхъ, не умѣютъ взяться за ружье.

Книга объясняетъ, что дѣти потомственныхъ дворянъ отличаются тѣмъ благороднымъ и приличнымъ отпечаткомъ, который всегда бываетъ слѣдствіемъ болѣе утонченнаго домашняго воспитанія. Это разумѣется само-собою, но число дворянъ-юнкеровъ рѣдѣетъ до крайности, какъ видно изъ слѣдующаго.

Сыновей хорошихъ семействъ, поступавшихъ прежде юнкерами, теперь вовсе нѣтъ. По признанію автора, теперь очень изрѣдка мелькнетъ между юнкерами какой-нибудь блудный сынъ помѣщика или зажиточнаго купца, прервавшій свое воспитаніе и неимѣющій возможности возобновить его ни въ какомъ общеобразовательномъ заведеніи. Кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1872 году было

только 82 человѣка на 7.000 слишкомъ — 1,17%. Въ томъ же году, изъ числа вольноопредѣляющихся, служившіе по первому разряду, то есть потомственные дворяне, вмѣстѣ съ другими приравненными къ нимъ по закону лицами, составляли только 27%, съ выключенными изъ военныхъ училищъ можетъ быть до 30%. Въ цифрѣ дворянъ, приходившихся на эти 30% (что не показано) было, вѣроятно, достаточное число польскихъ — не пановъ, которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ открыть настежъ двери военной службы—а шляхтичей, понадѣланныхъ въ недавнее время фабриками фальшивыхъ дипломовъ, охотно поступающихъ, за неимѣніемъ полковой вакансіи, въ трактирные маркеры. Сколько же осталось русскихъ дворянъ? Надобно помнить, притомъ, что и эта горстка дворянъ, за исключеніемъ 82-хъ человѣкъ, состояла изъ мальчиковъ, не окончившихъ никакого курса, или даже нигдѣ не учившихся. Остальные вольноопредѣляющіеся, а слѣдовательно и юнкера окружныхъ училищъ—нынѣшняго разсадника нашихъ офицеровъ, дѣлятся на два разряда: одни—дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и церковныхъ причетниковъ, возвратившіеся вспять отъ премудрости низшихъ классовъ уѣздныхъ и духовныхъ училищъ; другіе—писаря и фельдшера военнаго вѣдомства, число которыхъ въ трехъ юнкерскихъ училищахъ превышаетъ уже 30%. Немудрено, что этотъ осадокъ всѣхъ сословій, настоящій фризовый пролетаріатъ, поступающій въ военную службу, можно сказать съ горя, отличается качествами, никогда не отличавшими ни одно изъ русскихъ сословій отдѣльно взятое—изворотливое робостью и охотою пользоваться плохо-положеннымъ.

Что же дѣлать юнкерскимъ училищамъ со всесословными вольноопредѣляющимися, зачастую отмѣченными изворотливою робостью, не умѣющими взяться за ружье и полагающими, что Петербургъ есть рѣка? Какъ надѣяться приготовить изъ нихъ въ двѣ зимы офицеровъ, соотвѣтствующихъ своему званію? На этотъ вопросъ приводимая нами книга отвѣчаетъ совершенно удовлетворительно: «Если бы юнкерскія училища требовали отъ поступающихъ строгаго выполненія всѣхъ условій, то онѣ могли бы принять одну четверть, т. е. тремъ четвертямъ должно бы закрыть двери училища. Учебнымъ комитетамъ приходится снисходительно относиться къ неудовле-

творительной подготовкѣ весьма многихъ, вслѣдствіе *значительнаго числа свободныхъ вакансій»*.

Затѣмъ начинается въ училищахъ систематическое воспитаніе будущихъ безсословныхъ офицеровъ, на которое посвящается два зимнихъ курса—одинъ общеобразовательный, а другой преимущественно спеціально—военный. Такимъ образомъ, общее образованіе въ сущности довершается въ одну зиму, въ теченіе которой этимъ молодымъ людямъ, не умѣющимъ разсказать прочитанное три раза въ книгѣ простое предложеніе, преподается 15 предметовъ, въ томъ числѣ сравнительная анатомія и физіологія (для правильной пригонки аммуниціи), иппологія (для умѣнія водить лошадей на водопой), гигіена (вѣроятно для надзора надъ вентиляціей крестьянскихъ избъ, въ которыхъ разбросаны солдаты), педагогія (для преподаванія въ полковыхъ школахъ), общее законодательство съ приложеніемъ устава для мировыхъ судей, военная администрація (въ которой изъ юнкеровъ больше всѣхъ преуспѣваютъ военные писаря) и проч. До сихъ поръ къ Россіи не было ни одного главнокомандующаго, знавшаго всѣ эти науки. Кажется, система преподаванія въ юнкерскихъ училищахъ прилажена къ системѣ военныхъ гимназій—и съ тѣми же результатами. Изъ общеобразовательнаго курса юнкера переходятъ въ спеціально-военный; но, къ сожалѣнію, этотъ послѣдній не вѣнчаетъ достойнымъ образомъ учености, пріобрѣтенной въ первомъ, такъ какъ, по признанію книги, хотя портупей-юнкера (кандидаты въ офицеры) выходятъ изъ училища плохо-знающими русскую грамматику, слабыми въ ариѳметикѣ и географіи, но они оказываются всего слабѣе въ *практическомъ знаніи военныхъ предметовъ*.

Въ прошломъ (1873) году «Московскія Вѣдомости» разоблачили своею опытною рукою подобную систему преподаванія и показали, что единственное послѣдствіе ея есть бросаніе казенныхъ денегъ въ воду. Дѣйствительно, можно сказать, нисколько не нарушая почтенія къ военному управленію, то такимъ образомъ обыкновенно обучаютъ попугаевъ, а не людей. И попугай можетъ заучить фразу изъ иппологіи или сравнительной анатоміи; только эта фраза не будетъ имѣть никакого отношенія къ его собственному сознанію. Но «Московскія Вѣдомости» разбирали дѣло съ одной педагогической точки зрѣнія, а дѣло это имѣетъ въ сущности смыслъ го-

раздо обширнѣйшій—смыслъ, который можно выразить двумя словами: «по Калишъ или по Днѣпръ?»

Это либеральное преобразованіе, соотвѣтствующее всѣмъ прочимъ преобразованіямъ военной бюрократіи съ 1862 года, называется въ теоріи «подборомъ корпуса офицеровъ по цензу образованія». На дѣлѣ же оно оказывается, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, подборомъ офицеровъ изъ робко-изворотливыхъ писарей, не умѣющихъ взять ружья въ руки. Надобно помнить, что этихъ послѣднихъ находилось уже въ 1872 г. свыше 30% въ трехъ юнкерскихъ училищахъ, между тѣмъ какъ число вольноопредѣляющихся изъ дворянъ сокращается до такой степени, что въ училищахъ, куда имъ легче поступать, чѣмъ другимъ группамъ, число это упало относительно, съ 1869 года по 1872, на 24%. Притомъ эти вольноопредѣляющіеся изъ дворянъ, какъ мы видѣли, принадлежатъ, за немногими исключеніями, къ осадкамъ сословія, къ личностямъ, которымъ закрыта всякая другая дорога. Внѣ гвардіи нѣтъ больше и помина объ образованныхъ юнкерахъ хорошихъ семействъ, которыхъ такъ много встрѣчалось въ прежнихъ полкахъ. Вслѣдствіе старыхъ порядковъ, большинство офицеровъ нашей арміи до сихъ поръ—дворяне, такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ «Инвалидъ». Но мы очевидно идемъ къ тому близкому будущему, когда не только большинство, но даже поглащающее большинство русскихъ офицеровъ будетъ состоять изъ писарей, дополненныхъ изгнанными семинаристами, убоявшимися бездны премудрости.

Въ прежней русской арміи не было слышно ни объ одномъ офицерѣ изъ писарей; ихъ производили въ классный чинъ, но не давали имъ эполетъ. Генералъ Бобровскій говоритъ о разныхъ недостаткахъ писарской корпораціи въ юнкерскихъ училищахъ; можно дѣйствительно думать, что въ писарской корпораціи есть нѣкоторые недостатки. Военныхъ писарей, по духу, давно заведшемуся между этими людьми, презиралъ и презираетъ каждый солдатъ; но они привыкли рыться въ Сводѣ Законовъ, а потому преуспѣваютъ въ военной администраціи,—царицѣ наукъ нынѣшнихъ военныхъ курсовъ,—и становятся на первомъ планѣ.

Возможно-ли оставаться въ такомъ положеніи и съ такимъ руководствомъ дѣла? Писаря и выгнанные семинаристы не только не поведутъ солдатъ въ бой,—объ этомъ нечего и го-

ворить,—но они еще до боя совсѣмъ расклеятъ армію въ ея внутреннемъ составѣ, сдѣлаютъ ее неспособною къ бою. Если часть, въ которой всѣ офицеры перебиты, не можетъ идти въ огонь, то часть съ подобными офицерами не можетъ драться еще въ несравненно большей степени. При отсутствіи офицеровъ, хорошій фельдфебель, пожалуй, рѣшится еще на что нибудь—такіе примѣры бывали; но подъ начальствомъ робко-изворотливаго писаря, даже унтеръ-офицеры парализованы. Начальники такого подбора могутъ быть, конечно, наряжены въ офицерскій мундиръ, какъ и во всякое другое платье, но они не могутъ командовать войскомъ ни въ боевое, ни даже въ мирное время.

Изъ распоряженій военнаго вѣдомства нисколько не видно, чтобы нравственный вопросъ объ офицерахъ считался серьезнымъ дѣломъ. Положеніе объ общей военной повинности также не имѣетъ его въ виду. Для канцеляріи, очевидно, такой вопросъ не существуетъ; она пополнила вышеприведенными средствами некомплектъ, оказавшійся въ офицерскомъ составѣ—чегожъ еще надо? Кромѣ того, наборъ офицеровъ по *ценсу образованія*—мѣра либеральная; а наши военныя канцеляріи, какъ извѣстно, найлиберальнѣйшія изо всѣхъ учрежденій имперіи. Иностранные офицеры не хотятъ вѣрить этому факту, на томъ основаніи, будто бы, что военное управленіе не можетъ быть ни либеральнымъ, ни консервативнымъ, такъ какъ оно—военное, стоящее испоконъ вѣку на однѣхъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ началахъ; но они забываютъ, что дѣло идетъ о бюрократіи, которая въ дѣйствительности военною никогда стать не можетъ. Соединеніе либеральнаго направленія въ русскомъ журнальномъ смыслѣ съ канцелярскимъ взглядомъ, для котораго существуютъ только списки, а не живые люди, привело насъ къ вышеозначеннымъ послѣдствіямъ. Вотъ какимъ образомъ чиноначаліе войска русской монархіи разошлось съ 1862 г. съ чиноначаліемъ демократической Америки и съ мнѣніемъ великаго республиканца Вашингтона.

Мы повторяемъ: въ отношеніи корпуса офицеровъ русская армія не находится еще, можетъ быть, въ дурномъ положеніи; но, по нашему мнѣнію, если продлится нынѣшняя система производства и если въ новой всеобщей военной повинности русское дворянство, какъ государственное служилое сословіе, не будетъ поставлено въ исключительное, строго-обязательное,

но никакъ не всесословное отношеніе къ арміи, то мы неизбѣжно придемъ къ такому положенію въ близкомъ будущемъ.

Единственное объясненіе нововведеннаго безсословнаго состава офицеровъ, неоправдывающихъ себя никакимъ качествомъ—необходимость пополнить некомплектъ, образовавшійся вслѣдствіе постепеннаго устраненія дворянства отъ военной службы—ничего не объясняетъ. Въ самодержавномъ русскомъ государствѣ дворянство, сохраняющее свое мѣсто, не можетъ уклоняться отъ воли Монарха—это небылица. Дворянство осталось въ гвардіи потому, что гвардія также осталась почти тѣмъ же, чѣмъ была. То же самое оказывается во многихъ кавалерійскихъ полкахъ, потому что наша кавалерія имѣетъ свое отдѣльное *военное* начальство, высвобождающее ее нѣсколько изъ-подъ произвола бюрократіи. Въ настоящей же арміи произошло другое. Дворянство никогда отъ нея не устранялось, но оно было устранено рядомъ бюрократическихъ мѣръ, лишившихъ строевую службу ея прежняго, всемірнаго характера,—мѣръ въ томъ же духѣ, который внушилъ потомъ обращеніе массами писарей въ офицеровъ.

Причина, по которой русское дворянство, недавно еще служившее въ арміи почти поголовно, стало отъ нея отстраняться, объяснена нами косвенно, выше, въ разсужденіи о приказной службѣ. Никакое дворянство въ свѣтѣ не считало *своимъ* дѣломъ службу на низшихъ канцелярскихъ ступеняхъ, требующую отъ лица качествъ почти противоположныхъ тѣмъ, въ которыхъ состоятъ сила и значеніе высшаго государственнаго сословія. Въ канцелярскомъ чиновникѣ характеръ и самостоятельность не ставятся ни во что: онъ расцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія мелочной аккуратности и знанія письменнаго дѣлопроизводства. Въ этомъ отношеніи каждый военный писарь, привыкшій рыться въ Сводѣ, перещеголяетъ самаго даровитаго, характернаго и образованнаго человѣка высшихъ слоевъ,—человѣка, изъ котораго могъ бы выйти современемъ, пожалуй, побѣдоносный главнокомандующій. Въ каждомъ подраздѣленіи общественной дѣятельности нужны свои, а не чужія свойства: лавочный прикащикъ тщеславится умѣньемъ зазывать покупателей, дьяконъ—своимъ голосомъ, писарь—знаніемъ указнаго дѣлопроизводства; все это качества несомнѣнно нужныя для одного званія, но вовсе не лестныя для другого. Не многіе изъ насъ захотятъ поставить себя

подъ расцѣнку по голосу, подобно дьякону. Для молодого человѣка съ порядочнымъ общественнымъ положеніемъ вовсе не желательно быть судимымъ, въ теченіе лучшихъ лѣтъ своей жизни, съ единственной точки зрѣнія канцелярской исправности, наравнѣ съ писаремъ; для молодаго хуторскаго дворянина такое состязаніе съ военнымъ писаремъ даже невозможно при нынѣшнихъ порядкахъ послѣдній перещеголяетъ его, оставитъ его въ тѣни, какъ офицера недостаточно исправнаго и полезнаго. Первый изъ названныхъ нами молодыхъ людей не хочетъ, второй не можетъ разсчитывать на успѣхъ такого поприща, а въ концѣ-концовъ выходитъ, что съ нѣкотораго времени русское дворянство поступаетъ въ армію только изъ крайности.

Кромѣ нѣсколькихъ другихъ условій, которыя мы перечислимъ ниже, главнѣйшая причина видимаго нынѣ устраненія дворянства отъ службы въ арміи именно эта—преобладаніе бюрократическихъ требованій, въѣвшееся въ наше войско съ 1862 года, никогда и нигдѣ еще не виданное, обращающее званіе офицера, особенно же ротнаго командира, въ канцелярское болѣе чѣмъ военное. Какъ неоднократно уже говорилось въ нашей газетѣ, для прекращенія нѣкоторыхъ безпорядковъ въ военно-хозяйственной части (въ дѣйствительности очень мелкихъ), военное управленіе прибѣгло не къ основнымъ мѣрамъ—не къ упраздненію солдатской работы по внутреннему полковому хозяйству и не къ приведенію въ точное соотвѣтствіе отпуска съ потребностью, а ввело непомѣрную, ничего недоказывающую и ни отъ чего неограждающую письменную отчетность въ частяхъ. Ротный командиръ съ его 17-ю и болѣе шнуровыми книгами обратился изъ строевого начальника въ бухгалтера, полковое управленіе—въ гражданскій департаментъ, вслѣдствіе чего офицеры-писаки и счетчики стали въ арміи на первое мѣсто и совершенно заслонили боевыхъ. Кромѣ спеціальныхъ частей, надъ которыми сохраняются особыя военныя инспекціи, старающіяся всѣми силами поддерживать въ частяхъ боевое начало, во всѣхъ остальныхъ, т. е. почти во всей арміи, находящейся безконтрольно подъ рукой военной бюрократіи, строевые офицеры цѣнятся не только преимущественно, но можно сказать исключительно по ихъ письменной способности. Есть округа, въ которыхъ не признается никакой другой оцѣнки офицеровъ. Опытъ доказываетъ

наглядно несовмѣстимость въ одномъ человѣкѣ двухъ душъ— строевой и письменной, или, говоря иначе, военной и канцелярской, невозможность соединить въ полку эти два элемента, не жертвуя однимъ другому. Немудрено, что многія окружныя юнкерскія училища приготовляютъ теперь къ офицерскому званію свыше 30% военныхъ писарей. При нынѣ существующихъ порядкахъ, эти офицеры-писаря, не смотря на свою очевидную несостоятельность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оказываются первою необходимостью для полковъ, становятся людьми дня. Какъ же русскому дворянству вступать въ невозможное соперничество съ ними по знанію табелей и положеній, по умѣнію составлять рапортички, по безмолвной покорности прихотямъ письменнаго начальства, по равнодушію къ требованіямъ настоящей строевой службы и дисциплины, отошедшимъ далеко на задній планъ? Кромѣ того, методическое обученіе грамотѣ солдатъ поставлено также въ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ офицеру, для чего въ юнкерскія училища введенъ курсъ педагогіи. Въ этомъ отношеніи также прилежный писарь всегда перещеголяетъ молодаго дворянина, и свѣтскаго, и хуторскаго. Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя обученіе грамотѣ въ войскахъ — дѣло полезное, но никакъ нельзя смѣшивать качествъ школьнаго учителя съ качествомъ боеваго офицера. Если есть еще люди, вѣрующіе афоризму, что прусскія побѣды одержалъ школьный учитель, то никто не повѣритъ, чтобы пруссаки могли побѣждать подъ начальствомъ этихъ самыхъ школьныхъ учителей. Въ сущности оказывается, что нынѣшняго армейскаго офицера цѣнятъ преимущественно по свойствамъ, можетъ быть и полезнымъ, но чуждымъ его прямому званію и его воспитанію. Очень понятно, что высшее сословіе не идетъ охотно на конкурренцію, въ которой его прирожденныя качества, тѣ именно, которыми оно сильно, имѣютъ мало значенія.

Кромѣ этой основной причины устраненія русскаго культурнаго сословія отъ службы въ арміи въ послѣдніе годы, существуютъ еще многія другія, достаточно уважительныя и явныя причины, снимающія съ него въ значительной степени отвѣтственность за кажущееся равнодушіе къ первой изъ своихъ обязанностей. Объ этомъ предметѣ было достаточно рѣчей во время засѣданія военныхъ коммиссій, потому мы не станемъ разбирать его подробно, а укажемъ только для

памяти главные факты. Нынѣшній армейскій офицеръ, кромѣ особенныхъ исключеній, не имѣетъ передъ собой карьеры, такъ какъ почти всѣ начальствующія лица не выростаютъ изъ арміи, а приходятъ въ нее извнѣ. Прежде одни офицеры гвардіи, въ силу своей привилегіи въ чинахъ, садились на голову армейскимъ—это было вредно; теперь же разсадникомъ начальства служитъ и генеральный штабъ (что было бы справедливо, если бы этотъ штабъ не былъ выдѣленъ въ особую нестроевую корпорацію), и вся безчисленная военная администрація, такъ что назначеніе армейскимъ командиромъ гвардейскаго офицера стало изъ вреднаго, какимъ было прежде, относительно полезнымъ, отбивая вакансію у какого нибудь столоначальника, еслибъ послѣднему вздумалось снизойти до строевой должности. Затѣмъ званіе полковаго командира, стоявшее прежде очень высоко, теперь уже никого не прельщаетъ: какое значеніе имѣетъ полковой командиръ въ военномъ вѣдомствѣ, когда каждый начальникъ отдѣленія военныхъ канцелярій — генералъ, каждый столоначальникъ — полковникъ, и притомъ стоящій гораздо больше на виду, скорѣе подвигающійся въ службѣ, пользующійся значительно высшимъ содержаніемъ? Въ военной бюрократіи смѣются надъ людьми, имѣющими простоту переходить во фронтъ, хотя бы въ начальническія должности. Разумѣется, съ пониженіемъ званія командира на столько же понизилось и званіе подчиненнаго ему офицера, не имѣющее теперь никакого значенія, ни въ обществѣ, ни даже въ глазахъ его собственнаго высшаго начальства. Вниманіе бюрократическихъ управленій, между которыми подѣлено командованіе арміей, обращено преимущественно на своихъ же несчетныхъ сотрудниковъ, на свои хозяйственныя вѣдомства. Что значитъ для нихъ строевой офицеръ? Кромѣ того, при размноженіи военной бюрократіи въ такой степени какъ она размножилась съ 1862 года, въ числѣ, личномъ значеніи и стоимости, могло ли остаться много вещественныхъ средствъ на содержаніе армейскихъ офицеровъ? Содержаніе это было повышаемо, но далеко не соотвѣтственно чрезвычайному вздорожанію жизни, такъ что въ дѣйствительности офицеръ получаетъ теперь меньше чѣмъ получалъ прежде *). Мы не перечисляемъ общихъ недо-

*) Если бы можно было вывести стоимость каждаго мелочнаго распоряженія нашего военнаго управленія и каждаго ружья, не по цѣнѣ бумаги и чернилъ,

статковъ, существующихъ, по нашему мнѣнію, въ нынѣ дѣйствующей военной системѣ, и говоримъ лишь о личномъ положеніи офицера. Въ этомъ отношеніи съ 1862 года произошло коренное измѣненіе, которое можно выразить немногими словами: армія и военная бюрократія помѣнялись мѣстами — бюрократія выдвинулась на первый планъ, армія отошла на второй планъ. Очень естественно, что большинство людей, желающихъ устроиться на службѣ и пользующихся какими либо преимуществами—способностью, знаніемъ, ловкостью, покровительствомъ — устремилось въ бюрократію, и арміи остался одинъ оборышъ. Этотъ приливъ людей не улучшилъ военную администрацію, потому что единственное улучшеніе ея можетъ состоять только въ упрощеніи, въ наложеніи на каждаго дѣйствователя личной отвѣтственности, чему усложненіе механизма явно противорѣчитъ; но оно чрезвычайно ослабило армію, не говоря о другихъ причинахъ, долженствовавшихъ понизить ея нравственный уровень подъ бюрократическимъ управленіемъ. Немудрено, что на званіе армейскаго офицера осталось нынѣ мало охотниковъ между людьми, имѣющими доступъ къ чему нибудь другому. Замѣна прежняго сословнаго состава офице-

---

не по деньгамъ, уплачиваемымъ оружейному фабриканту, а по общему расходу на административный механизмъ, употребляемый для написанія этой бумаги и для заказа ружья,—добытая цифра оказалась бы баснословною. Къ сожалѣнію, такую работу можетъ совершить не частный человѣкъ, а только самая же администрація, которая, конечно, никогда ее не предприметъ. Въ этомъ отношеніи не помогутъ никакія повѣрочныя коммиссіи. Для избавленія русской арміи отъ такого непосильнаго и непроизводительнаго бремени, остается въ будущемъ только одно средство: взять военно-административные штаты какого либо экономнаго государства и ввести ихъ у насъ, на первый разъ буквально, не требуя отъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и строевыхъ частей переписки и отчетности свыше тѣхъ, какія требуются, положимъ, въ Пруссіи. Исключеніе можетъ быть допущено только въ средѣ практической дѣятельности, для хозяйственныхъ коммиссіонеровъ, закупщиковъ и проч., такъ какъ тутъ дѣйствительно оказываются иныя мѣстныя условія; но для написанія канцелярской бумаги и сведенія счета требуется столько же труда и времени въ Пруссіи, какъ и въ Россіи. Пусть это буквальное подражаніе заключитъ подражательный періодъ нашей исторіи; оно будетъ полезнѣе многихъ другихъ. Безъ такого удара по Гордіеву узлу правительство никогда его не распутаетъ, не заставитъ тысячи людей искренно трудиться надъ преобразованіемъ, противорѣчащимъ ихъ прямымъ пользамъ; а между тѣмъ у государства видимо не станетъ средствъ на содержаніе разомъ двухъ армій — боевой и арміи мирныхъ воителей.

ровъ безсословнымъ, неудовлетворяющимъ никакому цензу, ни въ какомъ отношеніи, безъ сомнѣнія раздвинула еще болѣе промежутокъ, образовавшійся постепенно между русскимъ культурнымъ слоемъ и арміей.

Въ тоже время относительное положеніе нашего дворянства было глубоко потрясено преобразованіемъ 1861 года и рядомъ послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ, — потрясено и въ общественномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Съ одной стороны, дворянство почти утратило свое прежнее, явно очерченное мѣсто въ государственномъ строѣ, что не могло не отозваться въ извѣстной мѣрѣ на понятіяхъ его о служебной обязанности и о сродной ему карьерѣ; съ другой—имущественныя средства большинства значительно понизились, а военное дѣло вознаграждаетъ людей вещественно очень недостаточно—приманка его заключается совсѣмъ въ другомъ. Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ, взятыхъ вмѣстѣ, число дворянъ, посвящающихъ себя военной службѣ, должно было необходимо оскудѣть у насъ. Еслибъ вліяніе такихъ условій обнаружилось у нашихъ занѣманскихъ сосѣдей, прусское юнкерство, составляющее всю силу побѣдоноснаго войска новой имперіи, которую оно сложило, можно сказать, своими руками, отшатнулось бы отъ арміи еще скорѣе и полнѣе, а главное сознательнѣе, какъ это произошло во Франціи. У насъ же оказался не разрывъ, а только временное охлажденіе. Тѣмъ не менѣе, дѣло не можетъ оставаться въ настоящемъ положеніи. Солдаты безъ офицеровъ вовсе не составляютъ силы, а дать офицеровъ русской арміи можетъ только дворянство, никакъ не юнкерскія училища, наполняемыя писарями и исключенными семинаристами.

Наше спасеніе заключается въ просторѣ, предоставляемомъ закономъ о всесословной военной повинности; но для такой цѣли нужны новыя постановленія. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ недавно вышедшій законъ, составленный въ духѣ всѣхъ прочихъ военныхъ преобразованій системы 1862 года, никакъ не спасетъ насъ, потому что содѣлаетъ возвратъ къ естественному, единственно-возможному и надежному іерархическому устройству русской арміи еще затруднительнѣе.

Всесословная военная повинность нужна была нашему отечеству какъ возстановленіе государственнаго права въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ безъ изъятія, но не какъ веще-

ственная потребность; она никогда не можетъ стать вещественною потребностью въ громадномъ государствѣ, имѣющемъ возможность поставить подъ ружье, посредствомъ *всякаго* закона о наборѣ, большее число людей, чѣмъ ему нужно. Маленькая Пруссія выросла силою всесословной службы; но, обратившись въ Германію, она удержала только *право* ставить подъ ружье всѣхъ, въ дѣйствительности же не пользуется и не можетъ имъ пользоваться. Въ 1856 году у насъ состояло въ распоряженіи военнаго вѣдомства 2.600.000 человѣкъ; развѣ можетъ когда либо явиться потребность въ числѣ солдатъ еще высшемъ? Стало-быть *вещественно* прежній законъ о наборѣ вполнѣ удовлетворялъ нуждамъ государства. Надобно было покончить, ради справедливости, съ вопіющими исключеніями сословными и племенными, но въ тоже время не было повода смотрѣть на новыя положенія иначе какъ съ этой точки зрѣнія. По нашему мнѣнію, въ Россіи ничто не вызываетъ необходимости призывать каждаго, внѣ дворянства, къ лично-обязательной службѣ, воспрещая покупку зачетныхъ квитанцій, такъ какъ у насъ никакъ не можетъ оказаться недостатка въ солдатахъ; Пруссія удержала такой законъ, какъ существующій, но, по всей вѣроятности, не создавала бы его вновь для многолюдной Германской имперіи, еслибъ его прежде не было. *Положительное* значеніе новой военной повинности, внѣ вопроса о правѣ, можетъ состоять у насъ въ томъ лишь, чтобы пополнять посредствомъ ея русскую армію офицерами. Кажется, въ этихъ видахъ исключительно военное вѣдомство желало безусловно обязательной личной службы; какъ ни успокоиваться на бумажныхъ спискахъ, а угрожающій намъ составъ офицерства изъ однихъ писарей рѣжетъ глаза всякому. Но только избранный для того путь не можетъ привести къ цѣли ни въ какой степени. При всесословности можно заставить всякаго, на кого упадетъ жребій, прослужить извѣстный срокъ нижнимъ чиномъ, но нельзя никого обязать оставаться строевымъ офицеромъ въ мирное время, а вся сила арміи—именно въ строевыхъ офицерахъ мирнаго времени; безъ нихъ она не станетъ ни кадромъ, ни школой, а останется только расходомъ. Извѣстными мѣрами очень легко принудить молодыхъ людей высшаго сословія дослуживаться до патента на званіе офицера резервныхъ войскъ, чтобы потомъ, съ объявленіемъ войны, не пасти воловъ въ качествѣ

фурштатовъ: только что же мы станемъ дѣлать съ массою резервныхъ офицеровъ, безъ офицеровъ дѣйствующихъ? А первыхъ невозможно удерживать на дѣйствительной службѣ послѣ производства противъ воли, если условія этой службы ихъ отталкиваютъ. Въ настоящее же время, когда дворянство, особенно не богатое, стало уже утрачивать, можно сказать, привычку къ военной службѣ и понятіе, что въ ней заключается прямое его призваніе,—вопросъ состоитъ не только въ томъ, чтобы возвратить строевой службѣ прежній ея блескъ, а въ томъ еще, чтобы возстановить прежнія привычки и понятія сословія. Разглашенный законъ о *всесословной* военной повинности для такой цѣли совершенно безсиленъ.

Упроченіе качества русской арміи требуетъ той же развязки какая нужна для того, чтобы вдохнуть жизнь въ нашъ земскій строй, вызвать нашу общественную дѣятельность и сложить наше сборное мнѣніе, вывести наружу національную личность въ образованныхъ слояхъ, для того чтобы возстановить и окончательно сплотить нравственную и умственную силу русской народности,—требуетъ связнаго, самостоятельнаго, законно-установленнаго положенія культурнаго общества, призваннаго къ бытію Петромъ Великимъ въ качествѣ политическаго и служилаго государственнаго сословія, внѣ котораго у насъ нѣтъ ничего, кромѣ стихійныхъ силъ. Надобно возложить отвѣтственность за гражданское развитіе и за армію на сознательныхъ людей—на русскихъ европейцевъ, сплоченныхъ въ одно нравственное цѣлое. Примѣръ арміи выказываетъ эту необходимость столь же убѣдительно, но еще рѣзче чѣмъ всѣ другія стороны нашей жизни. Петръ Великій создалъ русскую постоянную армію какъ европейскую, съ офицерами на образецъ европейскихъ, безъ которыхъ она не мыслима; для подбора такихъ офицеровъ, болѣе чѣмъ для чего нибудь другаго, онъ трудился всю жизнь надъ образованіемъ культурнаго европейскаго слоя въ Россіи. Эти офицеры сдѣлали русскую армію, до того времени бившуюся въ ровную противъ крымскихъ татаръ, тѣмъ, чѣмъ она была на нашихъ глазахъ—арміей, побѣждавшею Европу. Въ послѣднихъ бояхъ за Кавказомъ горсти русскихъ солдатъ противъ огромныхъ регулярныхъ армій турокъ, лично очень храбрыхъ и дисциплинированныхъ людей, не уступающихъ никому другому, вооруженныхъ лучше насъ, мы достаточно видѣли, какимъ образомъ

нравственная разница между офицерами той и другой стороны рѣшала бой, внѣ всякаго отношенія къ числу солдатъ. Наша армія была сильна тѣмъ же, чѣмъ можетъ быть силенъ весь нашъ государственный и общественный строй—тѣмъ, что силы могучаго отъ природы русскаго простонародья направлялись развитыми русскими людьми. Историческій духъ нашей арміи исчезнетъ невозвратно, если она перейдетъ въ руки писарей, разночинцевъ и псаломщиковъ допетровской эпохи. Неужели такой возвратъ возможенъ послѣ полуторавѣковой исторіи, потратившей всѣ свои силы безъ остатка на созданіе образованнаго русскаго общества?

Но, понятенъ или непонятенъ такой возвратъ, онъ неизбѣженъ при общеобязательной военной повинности, *всесословной*, безразличной для всѣхъ состояній. Послѣдствія его могутъ быть предотвращены только особыми законно опредѣленными обязанностями дворянства къ военной службѣ, что немыслимо безъ рѣшенія вопроса объ общихъ отношеніяхъ русскаго культурнаго сословія къ государству; могутъ ли существовать исключительныя обязанности безъ исключительныхъ правъ? Въ этомъ случаѣ Пруссія, приравнивающая по военному закону свое дворянство къ прочему населенію, намъ не примѣръ по многимъ причинамъ: прусское дворянство издревле составляетъ касту, считающую военную службу своимъ правомъ, вслѣдствіе чего никакія особыя мѣры не нужны для привлеченія его въ армію; вступленіе же каждаго новаго офицера въ полкъ зависитъ тамъ отъ сословнаго полковаго офицерства, крайне ревниваго къ своему званію. Затѣмъ въ Пруссіи существуетъ многочисленное и очень образованное среднее сословіе, преимущественно дающее офицеровъ спеціальнымъ оружіямъ, сословіе, безъ котораго прусская армія не можетъ обойтись, и котораго у насъ совсѣмъ нѣтъ. Не смотря на то, офицеры-недворяне до такой степени рѣдѣютъ въ прусской арміи, подымаясь кверху, что на высшихъ ступеняхъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, т. е. законъ сравнивающій всѣхъ по буквѣ, просѣевается административно сквозь сито. Между тѣмъ нѣмецкое дворянство составляетъ только часть образованнаго общества, въ Германіи легко было бы подобрать офицеровъ и внѣ его, у насъ же наслѣдственное культурное сословіе заключаетъ въ себѣ все общество, внѣ котораго можно отыскать только писарей и семинаристовъ. Ясно, кажется, что если ужъ подра-

жать, то надо подражать не формальному, а внутреннему, дѣйствительному порядку подбора прусскихъ офицеровъ, смотрѣть не на пріемы, вынуждаемые мѣстными условіями, а на цѣль, къ которой стремится берлинское военное управленіе. Наша отечественная потребность чистосердечнѣе прусской, мы не желаемъ просѣивать черезъ сито офицеровъ, разъ допущенныхъ къ эполетамъ, откуда бы они ни вышли; но намъ нужно, какъ и всѣмъ другимъ, серьозно расцѣнивать источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ своихъ офицеровъ.

Съ признаніемъ русскаго дворянства (вмѣстѣ съ лицами, законно къ нему приравненными) государственнымъ сословіемъ въ прямомъ значеніи слова, оно должно стать сословіемъ обязательно служилымъ. Права безъ обязанностей такъ же невозможны, какъ обязанности безъ правъ, а наше дворянство, съ самаго начала своего бытія, особенно же послѣ Петра Великаго, никогда не имѣло самостоятельныхъ корней въ русской почвѣ, на образецъ привилегированныхъ европейскихъ кастъ; корни его исходили изъ верховной власти, оно существовало исключительно какъ правительственное орудіе; оно и теперь можетъ упрочить свое политическое бытіе только подъ условіемъ—нести посильную службу Государю и русской землѣ. Когда рѣчь идетъ о нашемъ дворянствѣ, то вопросъ заключается только въ размѣрѣ обязательной службы, требуемой современными нуждами, а не въ самой служилости, составляющей душу этого учрежденія. Думаемъ, что военная повинность должна быть обязательною у насъ на извѣстный срокъ для каждаго дворянина, достигшаго указнаго возраста, безъ малѣйшаго исключенія, безъ выкупа и замѣщенія, не по жребію, а поголовно, но только для дворянина. Какъ сказано прежде, мы не видимъ никакого понятнаго объясненія для распространенія такой же принудительности на прочія сословія. Мы считаемъ продажу зачетныхъ квитанцій изъ рукъ правительства полезнымъ дѣломъ, для удовлетворенія нѣкоторымъ нуждамъ арміи и для освобожденія торговыхъ и промышленныхъ людей отъ повинности, которую они считаютъ несродною себѣ; для развитія арміи ихъ деньги окажутся несомнѣнно полезнѣе ихъ личности; но въ такомъ случаѣ, цѣна квитанціи должна быть высока, примѣрно около 3.000 рублей: охотниковъ выкупаться окажется достаточно и выручка будетъ значительная.

Устанавливая обязательность личной военной повинности дворянства, нельзя, однако, упускать изъ виду, что невольные офицеры, даже дворяне, не удовлетворяютъ цѣли. Значеніе офицера состоитъ именно въ томъ, что онъ *свободно* идетъ на опасность, а потому имѣетъ нравственное право *насильно* вести за собой другихъ; кромѣ того, обязанности офицера, даже въ мирное время, требуютъ, чтобы онъ предавался имъ съ охотою. Дѣло не въ томъ, чтобы заставлять порядочныхъ молодыхъ людей служить офицерами, а въ томъ, чтобы дать имъ нетрудный доступъ къ этому званію и предварительную привычку къ военной службѣ; при этихъ условіяхъ, когда русское офицерство станетъ вновь дворянскимъ по духу, охотники польются въ него какъ и прежде.

Мы изложимъ свой взглядъ по этому предмету, конечно, какъ личное мнѣніе, но съ большею увѣренностью, чѣмъ излагали его по поводу практическаго устройства мѣстнаго самоуправленія. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя ступить шагу безъ всесторонняго обсужденія дѣла самими земскими людьми,— обсужденія, еще не высказавшагося; въ первомъ же, о которомъ идетъ теперь рѣчь, намъ давно извѣстно мнѣніе большей части русскихъ военныхъ людей, пользующихся и пользовавшихся въ наше время заслуженною извѣстностью.

Мы думаемъ, что прежде всего необходимо возстановленіе званія полковаго юнкера въ прежнемъ его видѣ, а затѣмъ нужно призывать на службу всѣхъ дворянъ подлежащаго возраста поголовно, не рядовыми, а юнкерами, съ обязанностью прослужить годъ; изъ прочихъ же сословій давать юнкерскіе галуны, также прямо со вступленіемъ въ строй, молодымъ людямъ, имѣющимъ гимназическій дипломъ или выдерживающимъ соотвѣтственный экзаменъ, если они предварительно согласятся на годовую службу; въ случаѣ же несогласія, оставлять ихъ рядовыми на срокъ, установленный нынѣшнимъ уложеніемъ. Независимо отъ военно-учебныхъ заведеній, разрядъ юнкеровъ станетъ разсадникомъ постоянныхъ офицеровъ добровольныхъ и также обязательныхъ офицеровъ ополченія; кто не захочетъ посвятить себя военной службѣ, тотъ выучится ей достаточно, по крайней мѣрѣ для того, чтобы командовать ополченскимъ взводомъ. Экзаменъ дворянъ на юнкера, при поступленіи ихъ въ строй, долженъ соотвѣтствовать не какимъ-либо произвольнымъ взглядамъ канцелярской эрудиціи, пробивающейся заго-

ловками пышныхъ и несостоятельныхъ програмиъ, а дѣйствительной потребности,—тому, что прямо необходимо для оберъ-офицера, также какъ дѣйствительному уровню образованія въ Россіи; для этого нужно немного, но это немногое молодой дворянинъ пополнитъ качествами, придаваемыми ему закаломъ нѣсколькихъ поколѣній. Готовить же просвѣщенныхъ людей— дѣло общества, а не военнаго вѣдомства, которое тогда только и начинаетъ заниматься общимъ просвѣщеніемъ, когда сознаетъ себя недостаточно военнымъ. Въ настоящее время русская армія не почувствуетъ уже недостатка въ серьезно-образованныхъ людяхъ, не прилагая къ тому собственныхъ стараній.

Останется приготовить къ военному дѣлу юнкеровъ, желающихъ продолжать службу офицерами. Для этой цѣли нынѣшнія юнкерскія училища не годятся: онѣ могутъ приготовлять только иппологовъ. Даже преобразованныя онѣ не удовлетворять потребности потому, что соотвѣтствуютъ не военному, а административному подраздѣленію, стоять подъ рукою бюрократіи и навсегда останутся проникнутыми вложенною въ нихъ закваскою. Ихъ можно только закрыть, а не переобразовать. На мѣсто ихъ нужны корпусные классы, временные, зимніе, для каждаго корпуса отдѣльно, съ преподаваніемъ исключительно военныхъ предметовъ и, пожалуй, математики. Преподаваніе, думаемъ, должно быть серьезное, но не обширное, не педантское, — соотвѣтствующее потребностямъ строеваго офицера, а не главнокомандующаго или профессора. Главнокомандующіе выростаютъ на иной почвѣ, кромѣ случаевъ необычайнаго дарованія, которое само умѣетъ пополнить недостающее ему. Однимъ словомъ, пріемный экзаменъ долженъ въ точности соотвѣтствовать среднему уровню образованія небогатаго дворянства; выпускной военный экзаменъ—средней мѣрѣ спеціальныхъ знаній, нужныхъ оберъ-офицеру. Тогда громадное большинство поступающихъ удовлетворитъ тому и другому.

Поступленіе въ военные классы, равносильное желанію остаться на службѣ, должно зависѣть, конечно, отъ воли каждаго. Нежелающій имѣетъ право, по прослуженіи года, быть перечисленнымъ въ ополченіе. Но звать дворянъ въ военную службу, особенно на первое время, еще недостаточно; надобно ихъ привлечь къ ней. Какъ большинство дворянства, на которое можно разсчитывать для арміи—не богатое, не цензовое, от людей, изъявляющихъ желаніе посвятить себя военной

службѣ, слѣдуетъ обезпечить съ перваго же дня сообразно ихъ положенію—назначить имъ содержаніе, кромѣ общаго казеннаго довольствія, которое они также могутъ получать деньгами. Содержаніе должно идти имъ съ того дня, когда они изъявятъ желаніе слушать военный курсъ,—хотя бы съ перваго же дня службы; но въ такомъ случаѣ они обязуются оставаться въ рядахъ до производства въ офицеры. Затѣмъ они вольны располагать собою; но огромное большинство, привыкши къ службѣ, несомнѣнно останется въ ней послѣ производства. Средства на содержаніе обязавшихся юнкеровъ не составляютъ вопроса. Если число ихъ будетъ равняться числу всѣхъ нынѣшнихъ вольноопредѣляющихся—7½ тысячамъ, и если каждому положать примѣрно по 200 руб. въ годъ, то и тогда сумма эта будетъ гораздо ниже той, которая расходуется покуда на разныхъ сверхштатныхъ и состоящихъ около военныхъ канцелярій. Можно надѣяться, что у насъ никогда не окажется затрудненія въ денежныхъ средствахъ на необходимыя потребности арміи, какъ только окончательно выяснится вопросъ, кто для кого существуетъ: военная ли администрація для арміи, или наоборотъ?

Затѣмъ, всѣмъ юнкерамъ, не желающимъ продолжать военную службу, слѣдуетъ предоставить право оставить ее черезъ годъ, со званіемъ офицера ополченія, разумѣется, при одобреніи ихъ начальствомъ; меньше года службы положить нельзя, если человѣкъ въ это время долженъ чему-нибудь выучиться. Одна изъ главныхъ силъ Россіи состоитъ въ возможности, ей только свойственной, выставить многочисленное и устроенное ополченіе. Потому офицеры ополченія должны существовать не на одной бумагѣ; даже въ мирное время безъ нихъ, вѣроятно, не обойдется, хотя на самые короткіе сроки, какъ это происходитъ въ Швейцаріи и Англіи. Съ другой стороны, офицеры изъ дворянъ-юнкеровъ еще необходимѣе въ ополченіи, чѣмъ въ арміи. Въ постоянномъ войскѣ солдатъ привыкаетъ повиноваться офицеру, какъ офицеру, независимо отъ его происхожденія. Ополченіе же состоитъ изъ крестьянъ, обученныхъ владѣть оружіемъ (въ чемъ и должно состоять ихъ подготовленіе), но не срощенныхъ дисциплиною. Начальствовать съ какимъ-нибудь толкомъ надъ этими людьми можетъ тотъ лишь, кого они признаютъ за высшее лицо еще въ родномъ селѣ—мѣстный дворянинъ. Не выработанная между ними дисциплина можетъ за-

мѣняться только естественными отношеніями старшинства и почтенія. Для годности ополченія необходимо, чтобы всѣ наши уѣздные дворяне были нѣсколько знакомы съ военною службою: иначе оно останется вовсе безъ офицеровъ, или выступить съ такими офицерами, которыхъ лучше ужъ не безпокоить.

Сущность вышеозначенныхъ мѣръ, которыя мы считаемъ неизбѣжными въ настоящемъ положеніи дѣла, состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы замѣнить нынѣшнюю мало-состоятельную, искусственно-высиживаемую іерархію русскихъ силъ, постоянныхъ и резервныхъ, — іерархіею естественною. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить прежнюю рекрутскую армію устроеннымъ для боя русскимъ народомъ, то исполнимость такого плана зависитъ прямо отъ условія, чтобы каждый русскій дворянинъ обратился въ прирожденнаго офицера народной силы (кромѣ личностей совершенно неспособныхъ). Это необходимо и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но въ такомъ случаѣ ясно, почему въ дворянствѣ не могутъ быть допущены ни замѣщеніе, ни выкупъ, почему отъ дворянства должна требоваться *въ основаніи* поголовная военная служба: дворянину пришлось бы откупаться не отъ солдатства, что еще понятно, но отъ офицерства.

Мы сказали «*въ основаніи*» потому, что на практикѣ нельзя, конечно, не допустить многихъ исключеній какъ въ сокращеніи срока службы, такъ и въ полномъ освобожденіи отъ нея по опредѣленнымъ категоріямъ и лично, для окончанія образованія, по особымъ семейнымъ обстоятельствамъ и проч. Люди не могутъ установить никакого непреложнаго правила, что не колеблетъ, однако же, необходимости общихъ правилъ.

Установленіе твердаго военнаго чиноначалія даетъ возможность поставить вооруженныя силы Россіи на подобающую имъ нравственную высоту, обезпечивая ихъ потребнымъ числомъ и качествомъ офицеровъ, но не достигаетъ еще этой цѣли прямо. Цѣль достигнется вполнѣ, когда кончится преобладаніе бюрократіи въ военномъ вѣдомствѣ, когда устройство и воспитаніе нашей арміи станетъ исключительно боевымъ. Самый лучшій подборъ офицеровъ, вводимыхъ въ полки, еслибъ даже онъ былъ осуществимъ при нынѣшнихъ условіяхъ, не поправитъ дѣла, если офицеры не захотятъ продолжать службу или окажутся безсильными противъ общаго теченія. Мы только

указали на этотъ вопросъ и не станемъ входить въ его подробности: онъ достаточно разъясненъ уже въ другихъ трудахъ, чтобы «имѣющій очи могъ видѣть».

Кромѣ того, для осуществленія всей мощи, къ какой способна русская армія, для возвращенія ей духа суворовскихъ войскъ, нужно измѣненіе не только многихъ нововведенныхъ порядковъ, но и нѣкоторыхъ прежнихъ. Мы говоримъ о той лишь сторонѣ дѣла, которая прямо касается качества офицеровъ. Нужна отмѣна внѣшнихъ привилегій по родамъ войскъ. Пока каждый русскій офицеръ не будетъ имѣть въ глазахъ правительства, если не общества, того же значенія, какъ кавалергардскій или преображенскій, пока эполеты не будутъ возведены въ Россіи въ такой же почетъ, какимъ пользуется портупея въ Австріи,—у насъ не возникнетъ цѣльнаго и связнаго корпуса офицеровъ. Высшее дворянство стоитъ въ головѣ низшаго—это неизбѣжно и правильно; но, во-первыхъ, эта ступень можетъ принадлежать ему только нравственно; во-вторыхъ, оно должно быть разлито по всему тѣлу государства и и арміи, а не скопляться заурядъ въ одномъ мѣстѣ; тогда только оно принесетъ свою пользу. Устройство русскаго служилаго сословія, какъ верхняго, обдуманно-сложеннаго пласта земскаго царства, несовмѣстно съ порядкомъ, существовавшимъ за столомъ Карла Великаго, гдѣ графы служили герцогамъ, бароны—графамъ, простые дворяне—баронамъ. Призвать русское культурное сословіе къ поголовно-обязательной военной службѣ, затѣмъ чтобы распредѣлять его потомъ на искусственные и неравномѣрные по правамъ разряды,—было бы противорѣчіемъ русской исторіи и лишило бы это учрежденіе жизненности въ самомъ началѣ.

Неотстранимая потребность времени ведетъ насъ къ одному общему исходу: и въ общественномъ устройствѣ, и въ арміи дѣло не обойдется безъ исторически-развитаго русскаго слоя, вызваннаго къ совокупной дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Условія нашего будущаго развитія.

Мы высказали свой взглядъ на отдѣльныя стороны вопроса, съ которымъ обратились къ читателямъ въ началѣ этого труда: какимъ образомъ мы, русскіе люди, выходящіе изъ воспитательнаго періода своей исторіи, обязанные отнынѣ стоять на своихъ ногахъ, можемъ способствовать сложенію нынѣшняго и нарождающагося поколѣній, обезличенныхъ сверху и стихійныхъ снизу, безсвязныхъ умственно и нравственно, въ органическое общество. Намъ остается еще свести эти отдѣльныя изысканія вмѣстѣ и подвести къ нимъ итоги. Каковъ бы ни былъ личный взглядъ на лучшій исходъ изъ такого состоянія, трудно усомниться, что мы дѣйствительно въ немъ находимся, что, не смотря на громадную силу статистическую, на довольно распространенное образованіе, на великія народныя качества, наша сознательная сила нравственная еще вовсе не сложилась; а главное, въ настоящее время у насъ не видно даже органовъ, способныхъ выработать и установить ее. Трудно отрицать въ современной Россіи полный разбродъ мнѣній и отсутствіе какой-либо общественной дѣятельности, что отражается на всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни—на печати, на самоуправленіи, на нашемъ безсиліи оказать нравственное вліяніе на окраины. Мнѣніе о современной нашей скудости, сравнительно съ недавнимъ возбужденіемъ русскаго общества, можно назвать общепризнаннымъ, хотя каждый объясняетъ его по-своему. По нашему понятію, объясненіе этого явленія представляется само собою. Двадцать лѣтъ тому назадъ, русская мысль дѣйствительно высказывала рѣзкія мнѣнія, и эти мнѣнія отчасти группировали людей; но тогда она только пережевывала въ послѣдній разъ запасъ чужихъ идей и знаній, зане-

сенныхъ къ намъ въ теченіе воспитательнаго періода, работала надъ ними окончательно и болѣе сознательно чѣмъ прежде, откуда и происходило это кажущееся оживленіе. Когда же на мѣсто голой теоріи намъ открылась и практика, когда мы стали на свою собственную почву ногами, а не головой, какъ стояли на ней прежде, когда для насъ явилась неотложная потребность говорить *свое*, а не чужое — мы всѣ замолчали разомъ, такъ какъ *своего* намъ покуда сказать нечего. Свое мнѣніе складывается только жизнью, и притомъ жизнью не отдѣльныхъ личностей, а общественныхъ группъ, которыя и прежде у насъ были слабы, а при новой перепашкѣ русской почвы были совсѣмъ выполоты. Каждому русскому, желающему сказать что либо путное, пришлось теперь додумываться до всего своимъ одноличнымъ умомъ — трудъ непосильный. Проводить же какую-либо мысль въ общественную дѣятельность одноличпо—уже совершенно немыслимо. Въ такомъ состояніи, при отсутствіи общественной организаціи, ни умственная, ни ни дѣятельная жизнь Россіи не сложится не только въ пятнадцать, но и въ полтораста лѣтъ; сухой песокъ никогда не сростется самъ собою въ камень. Природное различіе въ лѣстницѣ существъ состоитъ именно въ развитіи организаціи; только организаціей самое маленькое позвоночное явно превосходитъ самаго большаго моллюска. Въ этомъ отношеніи всѣ образованные народы—позвоночные, всѣ они заключаютъ въ своемъ общественномъ устройствѣ твердый остовъ, прочно установленный культурный слой, дающій опредѣленную форму всему общественному тѣлу,—всѣ, кромѣ современной Франціи и насъ. Франція умудрилась утратить свою основную, историческую организацію; мы же не только не сложили ее до сихъ поръ явственно (вслѣдствіе тяготѣвшихъ надъ нашею народною жизнью условій), но въ послѣднее время разбросали собственными руками зачатки, готовые сложиться въ организованное цѣлое,—растворили въ массѣ свое петровское культурное сословіе, а потому и остаемся покуда въ видѣ тысячелѣтняго студня.

Мы видѣли въ послѣдней главѣ, посвященной военному вопросу, что намъ нельзя обойтись безъ твердо-установленнаго образованнаго сословія, не только для того, чтобы жить хорошо, развиваясь самостоятельно, но для того даже, чтобы жить какъ нибудь, просто для того, чтобы жить. Безъ дворян-

ства у насъ не будетъ арміи, а безъ арміи не долго простоитъ нынѣшняя Россія. Уцѣлѣетъ, можетъ быть, московская и петровская Русь, принятая въ наслѣдство Екатериной II (да и тутъ еще надо подумать о Прибалтійскомъ краѣ), но не устоитъ Русская имперія, перешагнувшая за предѣлы чисто-русскаго племени, со всѣмъ, что ей намѣчено еще судьбою впереди. Мы вѣдь въ Европѣ непрошенные гости. По доброй волѣ, невынужденно, она не потерпитъ насъ не только на Вислѣ, но и на Нѣманѣ, и на Припети. Всякая неотложная историческая потребность выражается не въ одномъ только отношеніи, а во всѣхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ высказывается и наша потребность въ политически-признанномъ, поставленномъ на своемъ мѣстѣ русскомъ культурномъ сословіи, не только въ виду ожидаемой отъ него пользы, но по необходимости. Какой смыслъ имѣла бы наша исторія, если бы, потративши полтора вѣка на созданіе слоя русскихъ европейцевъ, затормозивши изъ-за этого дѣла всякое общественное развитіе въ Россіи, по окончаніи своей задачи она обошла бы ее какъ ненужную?

Конечно, вопросъ идетъ собственно не о потребности для Россіи въ образованномъ обществѣ, о чемъ никто не споритъ, а о политическихъ правахъ этого общества,—о томъ, должно ли оно входить въ составъ русской организованной жизни въ качествѣ частныхъ людей, какъ теперь во Франціи, или же на правахъ признаннаго закономъ высшаго сословія. Прежде всего надобно замѣтить, что сущность вопроса состоитъ не въ томъ,—какъ иные ставятъ его,—демократична ли русская исторія и демократиченъ ли русскій народъ,—хотя онъ несомнѣнно недемократиченъ во французскомъ смыслѣ, не зараженъ завистію къ высшимъ слоямъ и больше вѣритъ въ мѣстныхъ помѣщиковъ, чѣмъ въ своихъ выборныхъ людей или въ чиновниковъ,—а совсѣмъ въ другомъ: можетъ ли обойтись восьмидесятимилліонная Россія безъ организаціи, безъ постоянныхъ зрѣлыхъ и благонадежныхъ руководителей, связанныхъ въ одно цѣлое, вмѣсто случайныхъ, незрѣлыхъ и шаткихъ,—шаткихъ именно вслѣдствіе своей незрѣлости и несвязности? Слѣдуетъ ли предоставить общее руководство дѣломъ, даже при довѣріи народа къ просвѣщенному мѣстному слою, одному настроенію толпы, которую завтра же какое нибудь случайное теченіе можетъ сбить съ толку и направить въ противоположную сторону, что значило бы, въ сущности, дать въ руководство рус-

скимъ областямъ, заглазно отъ правительства, не сознательность, а инстинктъ? Не только для прочности общественнаго порядка, но для добра самого народа ему нужны зрѣлые руководители. Если бы мы могли обойтись безъ общественной организаціи, установленной на исторической сознательности,—мы были бы единственнымъ исключеніемъ въ свѣтѣ Эта установленность существуетъ вездѣ, конечно въ разныхъ видахъ, за исключеніемъ Франціи, расплачивающейся теперь за свою напускную безсословность. Пруссія не могла отдать. по новому положенію, земской власти юнкерству, такъ тщательно оберегаемому ею во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ это юнкерство—исключительная каста, далеко не представляющая всего развитаго и богатаго класса страны; она также не могла отдать власти и прямо среднему сословію, совмѣстно съ дворянствомъ, такъ какъ это сословіе не имѣетъ тамъ никакого законнаго опредѣленія, кромѣ ценса; но прусское положеніе такъ обстановило выборы въ новомъ земскомъ законѣ, что власть и направленіе остаются исключительно въ рукахъ исторически зрѣлыхъ слоевъ общества, очень близко къ англійскому образцу. Извѣстна охранительность прусскаго государственнаго устройства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Можно быть спокойнымъ на счетъ воздержности теоретическаго либерализма въ этой державѣ. Объ англійской безсословности странно даже говорить, хотя для иныхъ нашихъ публицистовъ и такой выводъ ни по чемъ. Англичанинъ, конечно, всегда можетъ вступить во властное сословіе своего отечества и стать полноправнымъ земскимъ лицомъ (даже внѣ городовъ) независимо отъ своего происхожденія,—но не въ русскомъ смыслѣ, не заслугою, а пріобрѣтеніемъ значительнаго поземельнаго состоянія, которое пріобрѣсть въ Англіи не только дорого, но даже довольно трудно. Для полученія полноправія, онъ долженъ стать на дѣлѣ членомъ весьма немногочисленнаго и богатаго полноправнаго сословія — вотъ что называется англійскою безсословностью. Отсюда до избранія земскихъ дѣятелей изъ батраковъ оказывается еще достаточно далеко, а потому разговоръ объ англійской всесословности, примѣнительно къ Россіи, можетъ быть только игрой словъ, а не серьезнымъ разсужденіемъ. Суть англійскаго устройства состоитъ въ томъ, что тамъ политическія права даются однимъ богатствомъ, а богатство поземельное находится преимущественно въ рукахъ древнихъ завоева-

телей страны. При такомъ положеніи *дѣла*, можно дать названіямъ какой угодно просторъ. Въ одной Америкѣ безсословность царитъ по закону, но, какъ извѣстно и какъ мы оговорили прежде, только по закону, а не на дѣлѣ. Но кромѣ того. что Америка выдѣлываетъ въ себѣ какую-то новую общественную закваску, еще недостаточно опредѣлившуюся и которая не можетъ служить намъ примѣромъ, существенная организація этой страны, исправляющая и ограничивающая всякій недостатокъ общественнаго устройства, дающая ему жизнь, самостоятельность и разнообразіе, состоитъ въ дѣленіи на штаты,— маленькія государства, почти независимыя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; земская жизнь развивается тамъ подъ глазами мѣстной верховной власти, а не заглазно отъ нея, какъ у насъ. Затѣмъ, хотя весь простой американскій народъ можетъ быть приравненъ по образованію и благосостоянію къ среднему европейскому сословію невысокихъ ступеней, но самоуправленіе простонародное кончается тамъ деревнею; американскіе нравы допускаютъ въ управленіе графствомъ, равняющимся нашему уѣзду, только политикановъ, естественно принадлежащихъ къ образованному классу. При такомъ общественномъ закалѣ, когда нравы пополняютъ законъ — безсословность возможна. Но въ Европѣ она еще никого не доводила до добра. Въ безмѣрной же Россіи, лишенной всякой живой организаціи областной, управляемой за глазами отъ правительства, можно сказать, лишь офиціально, толпою кое-какъ набранныхъ чиновниковъ, въ большинствѣ совершенно равнодушныхъ къ общему дѣлу, безсословность значитъ — хаосъ, отсутствіе всякой организаціи, то есть обезпеченности, послѣдовательности и сознательности въ управленіи мѣстною жизнью. И если бы еще хоть кому нибудь было отъ того лучше! Но, напротивъ, всѣмъ стало хуже: народу, поставленному подъ руководство плутоватыхъ писарей — хуже; дворянству, лишенному своего прежняго значенія — хуже; серьезно-образованнымъ людямъ другихъ сословій, которые правомѣрно, хотя лично, примкнули бы къ дворянству и нашли бы почву для обширной дѣятельности—хуже, такъ какъ они теперь стираются, вмѣсто того чтобы выдвигаться; купечеству, не имѣющему покуда возможности занять подобающее его дѣйствительному значенію мѣсто въ общественномъ строѣ и примкнуть къ политическому слою — хуже; русской военной силѣ — гораздо хуже; всѣмъ мѣстнымъ населе-

ніямъ, платящимъ вдвое дороже прежняго за мосты, по которымъ нельзя ѣздить, и вчетверо дороже за больницы, въ которыхъ никто не лѣчится — также хуже; всего же хуже для преуспѣянія Россіи, сначала какъ общества, а впослѣдствіи даже какъ государства, — безсиліе общественное не можетъ не отозваться современемъ на могуществѣ государственномъ. Хорошо только однимъ обще-либеральнымъ принципамъ, которые, къ сожалѣнію, какъ существа метафизическія, наслаждаясь одни, не могутъ даже чувствовать своего благополучія.

А между тѣмъ наше шатаніе происходитъ только отъ недоразумѣнія, отъ той игры словъ, о которой мы говорили выше, занесенной къ намъ воспитательнымъ періодомъ и заставившей насъ подразумѣвать подъ русскими названіями явленія чужеземной жизни. Такъ именно случилось съ понятіемъ о нашемъ дворянствѣ, приравненномъ во мнѣніи къ европейскимъ завоевательнымъ кастамъ. Устанавливая всесословность въ гражданскомъ строѣ и въ арміи, согласно съ призрачными русскими идеалами шестидесятыхъ годовъ, было упущено изъ виду, что наше послѣ-петровское дворянство — не только не каста, но даже не самостоятельное сословіе, а лишь правительственное и общественное орудіе для просвѣщенія и благоустройства Россіи. Петръ Великій обновилъ его преимущественно для арміи и правительства, отчего оно и удержало на вѣки свой характеръ прямыхъ слугъ верховной власти, — слугъ надежныхъ и сознательно вѣрныхъ гораздо болѣе всякаго чиновничества. Протекшіе затѣмъ полтора вѣка придали петровскому дворянству еще новое значеніе, не разрушая прежняго, — значеніе русскаго культурнаго общества. Съ недавнимъ выходомъ нашей исторіи на широкую дорогу, не стѣсняемую больше никакими исключительными обстоятельствами, тормазившими наше самобытное развитіе цѣлую тысячу лѣтъ, русская монархія находилась въ такихъ выгодныхъ условіяхъ, какія еще нигдѣ не осуществлялись. Все народное культурное сословіе вмѣстѣ взятое, со всѣми притоками снизу, которыхъ оно могло ожидать въ будущемъ, проникнутое преданіями своей служилости, пользовавшееся почтеніемъ и довѣріемъ народа, принадлежало правительству въ собственность, составляло въ буквальномъ смыслѣ совокупность *его людей*, къ которымъ власть могла всегда, по всякому поводу, отнестись со всякимъ разумнымъ требованіемъ, въ полной увѣренности, что это требованіе будетъ исполнено неме-

дленно и съ сочувствіемъ, хотя бы вынуждало къ большимъ жертвамъ. Отношенія русскаго высшаго сословія къ власти, его создавшей, были совсѣмъ иныя, чѣмъ феодальная вѣрность западнаго дворянства, смотрѣвшаго на короля какъ на главнаго дружиннаго начальника и твердившаго ему при всякомъ удобномъ случаѣ: si non non. Изъ этого «sinon non», не имѣющаго у насъ никакой почвы, выросъ весь современный европейскій порядокъ, выросли всѣ конституціи и революціи. Насколько такія условныя отношенія были вмѣстѣ полезны и вредны западнымъ обществамъ — это до насъ не касается, потому что къ намъ непримѣнимо. Со служилымъ культурнымъ обществомъ, ведущимъ за собой народъ, русская верховная власть располагала и можетъ располагать всемогуществомъ, благотворнымъ и невиданнымъ въ исторіи. Съ другой стороны учрежденіе общедоступнаго политическаго сословія было въ такой же мѣрѣ пригодно для развитія и благоустройства Россіи. Наслѣдственный культурный слой, пользующійся довѣріемъ народа, обязанный службою правительству и открытый снизу, представлялъ самое подходящее, даже единственно-подходящее орудіе как для выработки и сосредоточенія національной умственной и нравственной силы, такъ и для направленія народной массы по должному пути; орудіе это было исторически-выработанною организаціей земской всесословной монархіи, каково наше отечество. Такого учрежденія не существовало еще нигдѣ, кромѣ Россіи, потому что въ одной Россіи впервые осуществилась истинная народная монархія, — народная въ смыслѣ всесословности верховной власти, одинаково безпристрастной и доброжелательной ко всѣмъ разрядамъ подданныхъ,—народная по отсутствію какихъ-либо насильственныхъ формъ, навязанныхъ извнѣ завоеваніемъ, развившаяся исключительно изъ самой себя, а потому смотрѣвшая на каждаго своего члена какъ на кровнаго. Дѣйствительная и упроченная монархія, представляющая не переходную форму отъ феодальнаго порядка къ республикѣ, анархіи или военному деспотизму, каковы всѣ нынѣшнія европейскія государства,—а монархія въ себѣ, по сущности, какъ Россія, не можетъ обойтись безъ высшаго сословія, потому что вѣковѣчная и наслѣдственная верховная власть можетъ преслѣдовать вѣковыя цѣли только чрезъ вѣковѣчное же, сроднившееся съ нимъ историческое орудіе. Въ народной русской монархіи это орудіе пра-

вительственнаго дѣйствія и государственной организаціи вполнѣ соотвѣтствовало всему ея складу, кромѣ одного безобразнаго нароста крѣпостнаго владѣнія. Открываясь для каждой созрѣвшей снизу силы, по праву, а не въ видѣ исключительной милости правительства, какъ на Западѣ, наше высшее сословіе не могло колоть глаза никакому серьезному честолюбію изъ подполья; напротивъ, оно представляло ему законное, соотвѣтственное мѣрѣ его способностей повышеніе въ общественномъ положеніи, а въ то же время собирало въ пучокъ, въ одинъ общій слой, всѣ русскія культурныя силы, устраняя поводъ ко всякому сословному раздѣленію въ будущемъ. Нашъ высшій классъ былъ всегда классомъ наслѣдственнымъ; онъ остается и долженъ оставаться такимъ. Въ наслѣдственности все его значеніе. Безъ нея онъ никогда не сложился бы, не сталъ бы ядромъ русской сознательной жизни; безъ нея онъ не можетъ быть ни орудіемъ государственнаго, ни орудіемъ общественнаго русскаго развитія. Для этихъ цѣлей нужна не бывшая цензовая французская буржуазія, павшая отъ перваго толчка, а устойчивый и связный слой преемственно-образованныхъ родовъ, уважаемый народомъ, неразрывно скрѣпленный съ правительствомъ, выработавшій вѣковымъ существованіемъ твердое сознаніе своихъ правъ и обязанностей. Надобно помнить также, что самое условіе, при которомъ складывалось петровское высшее сословіе, было условіемъ исключительнымъ, требовавшимъ времени для полнаго созрѣнія. Высшее сословіе, тождественно равняющееся у насъ итогу образованнаго общества, не развивалось изъ народа непосредственно, но должно было пройти предварительно, можно сказать, черезъ чужую почву, объевропеиться, что и налагало на него особый, рѣзко отличавшій его отъ народа отпечатокъ. Находясь въ такомъ состояніи, оно до сихъ поръ еще не выработало своей окончательной формы и не совсѣмъ еще соотвѣтствуетъ своему историческому назначенію, которыя осуществятся вполнѣ тогда лишь, когда, съ самостоятельнымъ развитіемъ взятаго напрокатъ чужого умственнаго капитала, русскому человѣку, перерастающему народный уровень, надобно будетъ не объевропеиться, а окультуриться въ своемъ природномъ обществѣ (просимъ у читателей извиненія за это послѣднее выраженіе, но другого мы не нашли). Тогда совсѣмъ исчезнетъ промежутокъ, отдѣляющій у насъ высшій слой русскаго народа отъ низшаго;

вліяніе перваго на массу возрастетъ вдвое и станетъ непоколебимымъ. Такой переходъ былъ неизбѣженъ по духу нашего воспитательнаго періода, а потому, покуда, надо смотрѣть на историческія отношенія культурнаго слоя къ народу, на окончательное ихъ сочетаніе—можно сказать—въ ожиданіи, а не черезъ продолжающійся еще туманъ переходнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе, даже покуда, даже съ нерусскимъ внѣшнимъ обликомъ, наше культурное дворянство постоянно доказывало своими дѣйствіями, что оно — не отрѣзанный ломоть, не аристократія въ западномъ смыслѣ, а верхній слой русскаго народа; оно постоянно выражало и свое происхожденіе, и свою неразрывность съ почвой, какъ положительною готовностью приносить тяжелыя жертвы общенароднымъ пользамъ, такъ даже своими ошибками и своимъ увлеченіемъ въ этомъ отношеніи. Происходило это не отъ вѣянія нашего національнаго склада, какъ говорятъ нѣкоторые, а отъ исключительнаго духа, свойственнаго одному только русскому дворянству—духа не аристократическаго, а чисто-культурнаго, всенароднаго, не допускающаго его оторваться отъ массы. Противъ подобнаго, однокровнаго, постоянно подновляемаго снизу культурнаго сословія русскія населенія не имѣли и никогда не будутъ имѣть надобности въ трибунахъ, въ довѣренныхъ выборныхъ людяхъ для своего огражденія; оттого русское простонародье гораздо больше вѣритъ порядочному мѣстному помѣщику, чѣмъ излюбленному волостному головѣ. Наконецъ, наше культурное сословіе, постоянно принимавшее въ себя всѣ силы, выростающія на русской почвѣ, и связывавшее ихъ въ одно цѣлое, въ одну общерусскую нравственную силу, представляло для будущности нашего политическаго развитія еще то несравненно-выгодное и намъ однимъ свойственное условіе, что, внушая власти полное довѣріе къ себѣ, какъ къ своему творенію, оно могло надѣяться получить отъ нея доказательство искренняго довѣрія гораздо скорѣе и полнѣе какой-либо всесословности. А какъ дворянство вело народъ и совмѣщало въ себѣ всѣ созрѣвающіе его притоки, то политическія льготы дворянства оказались бы прямо и непосредственно льготами всероссійскими, въ такомъ же прямомъ смыслѣ, какъ льготы класса англійскихъ государственныхъ избирателей суть льготы Англіи. Во второй половинѣ текущаго столѣтія всѣ эти историческія условія, выросшія на русской почвѣ, безпримѣрно выгодныя и для вла-

сти, и для общества, и для населеній, уже вполнѣ развились и устоялись, но только какъ матеріалъ, не распредѣлившись еще между собой въ должномъ порядкѣ и взаимодѣйствіи. Въ такомъ положеніи находились мы къ началу шестидесятыхъ годовъ. Срѣзывая случайный наростъ крѣпостнаго права, можно было дать всѣмъ бытовымъ чертамъ русской жизни, выращеннымъ петровскимъ періодомъ, если не окончательную форму, то по крайней мѣрѣ форму имъ соотвѣтствующую, приближавшую ихъ къ окончательной. Сплоченіе высшаго сословія становилось тѣмъ необходимѣе, что, при одновременномъ упраздненіи крѣпостнаго права и воззваніи страны къ самодѣятельности, прежнее офиціальное мѣстное управленіе, посредствомъ чиновниковъ (далеко не отожествляющихъ у насъ своихъ личныхъ стремленій съ правительственными), теряло значительную долю своей прежней дѣйствительности — какъ вслѣдствіе того, что ему приходилось отнынѣ вѣдаться съ нравственными интересами, непосильными для него и до тѣхъ поръ ему чуждыми, такъ и потому, что оно лишалось содѣйствія мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе охранявшихъ порядокъ. Сознательныя и дисциплинированныя земскія силы становились во сто разъ нужнѣе для нашего будущаго, чѣмъ онѣ были въ прошедшемъ; потребность въ культурномъ сословіи выдвигалась съ удвоенною настоятельностью и для новаго гражданскаго строя, и для новаго краткосрочнаго войска. Но кто не помнитъ, въ какомъ болѣзненномъ состояніи находилось русское общество послѣ крымскаго потрясенія, поколебавшаго нашу старинную вѣру въ себя, открывшаго временно доступъ къ намъ самымъ неестественнымъ, самымъ напускнымъ возбужденіямъ? Кромѣ того, наше историческое національное сознаніе, хотя уже нѣсколько созрѣвшее къ тому времени, было еще лишено всякаго опыта, пришедшаго уже послѣ, а вслѣдствіе того держалось въ насъ очень слабо, какъ всякая теорія. Почти всѣ мы, отъ мала до велика, поддались искушенію новизны и завопили о всесословности чисто-теоретической и выгодной развѣ для горстки разночинцевъ и для бюрократіи, такъ какъ народъ нашъ не выказывалъ, даже смутно и инстинктивно, какъ и теперь не выказываетъ, никакого влеченія къ подобному нововведенію. Мы были удовлетворены, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Неимѣя возможности питать полнаго довѣрія къ неизвѣстному и неизвѣданному

учрежденію, какимъ представлялось всесословное самоуправленіе, власть была нравственно вынуждена придать ему характеръ частнаго, общественнаго, а не государственнаго учрежденія, приставить земскую дѣятельность къ системѣ общаго управленія, какъ особую заклѣть, а не ввести его въ государственный строй какъ составную часть,—въ чемъ мы, конечно, не выиграли. Но, тѣмъ не менѣе, безсословность стала въ нашей текущей практикѣ руководящимъ началомъ, причемъ дворянство, очень естественно, отстранилось добровольно отъ многаго, и за это нельзя его винить. Одновременно съ освобожденіемъ крѣпостныхъ руками ихъ же помѣщиковъ, были приняты мѣры для огражденія освобожденнаго народа отъ прямого вліянія послѣднихъ. А какъ нашъ народъ безграмотенъ (да и какое же простонародье политически не безграмотно!) и какъ никакого средняго состоянія у насъ не существуетъ, то съ отстраненіемъ офиціальнаго культурнаго класса, руководство, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ гражданскомъ обществѣ, такъ и въ войскѣ, стало переходить въ руки одной бюрократіи. Призракъ всесословнаго земства повелъ исключительно къ усиленію бюрократическаго начала вездѣ и во всемъ, то есть, въ сущности, къ большей еще несостоятельности общества чѣмъ то было прежде. Личное участіе людей культурнаго слоя, какъ единицъ, по ихъ доброй волѣ, въ какомъ бы то ни было количествѣ, въ отправленіяхъ русской общественной жизни не улучшаетъ дѣла и нисколько не можетъ помѣшать новой безсословности, т. е. безсознательности, разыграться на просторѣ. Во Франціи наслѣдственно образованныхъ людей несравненно больше чѣмъ у насъ, но съ тѣхъ поръ какъ тамъ былъ разбитъ культурный *политическій* слой, осколки его оказываются совершенно безсильными для управленія обществомъ; maximum ихъ напряженія достигалъ только той цѣли, чтобы передать власть изъ рукъ уличной анархіи въ руки военной диктатуры. Совершившаяся у насъ передача направленія изъ сознательныхъ рукъ въ безсознательныя оказала свое вліяніе не только появленіемъ на сцену новыхъ личностей, какихъ у насъ прежде не было видно, но еще новымъ тономъ, напущеннымъ на русское общество; даже многіе люди культурнаго слоя, одни по неволѣ, другіе по разсчету, третьи по модѣ, стали подъ него поддѣлываться. Такого крутого нравственнаго перелома нигдѣ еще не случалось. Въ Европѣ, даже въ революціяхъ, на смѣну

падающихъ общественныхъ пластовъ всегда бывали уже готовы новые, достаточно подросшіе. Оттого-то царствованіе французской демократіи не удается, не смотря на растолченіе культурныхъ слоевъ, что у нея нѣтъ еще своихъ собственныхъ созрѣвшихъ силъ. Намъ же, за неимѣніемъ никакихъ перегородокъ, даже нравственныхъ, въ массѣ, лежащей подъ культурнымъ слоемъ, пришлось свалиться, не въ примѣръ прочимъ, не на ближайшую перегородку и не съ перегородки на перегородку, а прямо на дно. Съ увѣковѣченіемъ этого новаго порядка дѣлъ, ничѣмъ не вынужденнаго, не принесшаго никому личной пользы, вызваннаго не какою либо созрѣвшею потребностью, а лишь временнымъ общественнымъ увлеченіемъ—Россія не станетъ демократичною болѣе чѣмъ прежде, потому что она была всегда чисто-народною и земскою, что составляетъ переводъ того же понятія, словомъ и дѣломъ, только въ русскомъ смыслѣ; но она станетъ изъ монархіи организованной—неорганизованною, стихійною, а современемъ и анархическою. Всякое положеніе приводитъ неизбѣжно къ послѣдствіямъ, которыя оно въ себѣ содержитъ. Отвергать этотъ выводъ можетъ только тотъ, кто вѣритъ выростанію созрѣвшихъ историческихъ слоевъ на подобіе грибовъ, разомъ. послѣ перваго дождика и первой реформы.

Законъ поступательнаго движенія обществъ нынѣ достаточно опредѣленъ и извѣстенъ, хотя эта извѣстность нисколько не облегчаетъ выработки сборной человѣческой жизни, какъ знаніе законовъ небесной механики не даетъ вліянія на ходъ свѣтилъ. Пониманіе общественнаго закона, примѣненнаго съ приблизительною точностью къ отечественной исторіи, даетъ только возможность смотрѣть отчетливѣе на явленія своего прошлаго и настоящаго, понимать сущность этихъ явленій, не подымая завѣсы будущаго. Ни въ какомъ народѣ культурный слой, заключающій въ себѣ историческую жизнь племени и государства, не движется всею массою разомъ, не идетъ впередъ, если можно такъ выразиться, фронтомъ, ровняясь по всей линіи, но выдвигается исключительно оконечностями, сначала лѣвою, потомъ правою, причемъ второй оконечности приходится по большей части догонять первую, затормозивъ предварительно ея бѣгъ настолько, чтобы та не зарвалась слишкомъ далеко, до чистой теоретичности, до полнаго разъединенія съ привычными взглядами и обычаями массы. По

счастливому, хотя не совсѣмъ точному выраженію Маколея, сегодняшніе тори суть не что иное, какъ вчерашніе виги. Неточность выраженія состоитъ въ томъ, что сегодняшніе тори все-таки остаются нравственно торіями, что они мирятся лишь съ нѣкоторыми практическими выводами, провозглашенными ихъ соперниками и принятыми обществомъ, но вѣрятъ преимущественно въ исторію, то-есть въ опытъ, между тѣмъ какъ виги, даже благоразумнѣйшіе, не отрывающіеся прямо отъ исторической почвы, всегда слишкомъ склонны къ теоріи. Кромѣ того, тори вносятъ въ управленіе и въ нравы совсѣмъ иной духъ, чѣмъ виги. Характеръ тѣхъ и другихъ остается при нихъ, идетъ впередъ только время. Очевидно, что и тѣ, и другіе, держась исключительно направленія во всемъ и всегда, не могутъ не быть односторонними, не могутъ не обнаруживать извѣстной узкости взгляда, непримѣнимаго цѣликомъ, по своей исключительности, къ разностороннимъ бытовымъ потребностямъ общественной жизни. Но въ узкости воззрѣнія и состоитъ сила партій; одна только узкость позволяетъ имъ сложить законченную, безъизъятную житейскую теорію, доступную, па своей простотѣ, всякому уму, которую потому легко и проповѣдывать. Всякая рѣка въ тѣсныхъ берегахъ течетъ стремительно. Въ срединѣ, между двумя оконечностями, находится громадное большинство культурнаго слоя, не принадлежащее ни къ правой, ни къ лѣвой, но стоящее между ними какъ судья и посредникъ, примыкающее то къ той, то къ другой, смотря по потребностямъ времени и по выясняющейся необходимости поправить перевѣсомъ одной изъ оконечностей излишекъ и односторонность, напущенные на общество перевѣсомъ другой. Потому-то дѣйствительно единодушныя партіи складываются лишь на двухъ оконечностяхъ; партіи же среднія бываютъ только условными и временными соглашеніями. Тѣмъ не менѣе отъ этихъ среднихъ партій главнѣйше зависитъ правильное развитіе и благосостояніе общества, такъ какъ онѣ однѣ передѣлываютъ крайности обѣихъ оконечностей на бытовыя понятія, способныя войти въ общественную практику. Если крайнія партіи вліяютъ преимущественно одна на другую—лѣвая на правую тѣмъ, что не даетъ ей заснуть, а правая на лѣвую тѣмъ, что не даетъ ей улетучиться до фантазіи, то вліяніе центровъ состоитъ въ уравновѣшеніи партій съ обществомъ взятымъ вмѣстѣ, съ мнѣніемъ и потребностями людей.

составляющихъ вездѣ огромное большинство, которые не увлекаются особенно никакими общими цѣлями, а хотятъ благополучно прожить на свѣтѣ, безъ притѣсненія свыше и безпорядковъ снизу. Вожаками этихъ спокойныхъ гражданъ, т. е. предводителями среднихъ, практическихъ группъ, бываютъ обыкновенно истинные государственные люди, рѣдко выставляемые крайними сторонами, потому именно, что сила замкнутыхъ партій состоитъ въ страстности и односторонности. Въ то время какъ сторонники обѣихъ оконечностей возводятъ свои личные взгляды до идеаловъ,—одни представляютъ прошлое, а другіе будущее въ такомъ радужномъ цвѣтѣ, какимъ ни это прошлое, ни это будущее никогда въ дѣйствительности не окрашивались и не окрасятся,—центры руководятъ обыденною жизнью. Оттого въ крайнихъ партіяхъ заключается сила, движущая обществомъ, въ срединѣ—его равновѣсіе, дѣйствительность текущаго часа.

Извѣстное дѣло, что чѣмъ народъ развитѣе, тѣмъ значеніе центровъ съуживается въ политическихъ сферахъ, хотя въ самомъ обществѣ (или, говоря парламентскимъ языкомъ, въ избирателяхъ) все-таки остается главною силою—и наоборотъ. Въ Англіи и Америкѣ всего только двѣ преобладающія политическія партіи—правая и лѣвая; во Франціи же, какъ и на всемъ материкѣ, настоящая правая и настоящая лѣвая, вмѣстѣ взятыя, образуютъ меньшинство, всѣ же остальныя представляютъ не цѣльное мнѣніе, а лишь оттѣнокъ мнѣнія, легко переливающійся въ сосѣдній оттѣнокъ, смотря по обстоятельствамъ и настроенію, какъ обыкновенно бываетъ въ бытовой жизни. Потому-то эти средніе союзы нельзя назвать партіями въ прямомъ значеніи слова; они—не болѣе какъ группы людей, сближаемыхъ не принципами, а настроеніемъ, связываемыхъ и раздѣляемыхъ текущими вопросами. Если бы, для опыта, вздумалось собрать сегодня русскій земскій соборъ, то наша правая и наша лѣвая выставили бы каждая, надо думать, по десятку человѣкъ; всѣ же прочіе не высказали бы никакого сборнаго мнѣнія, а развѣ показали бы одно безпристрастіе, готовность принять все хорошее изъ всякихъ рукъ. Расширеніе крайнихъ партій на счетъ центровъ въ политически-развитыхъ государствахъ (которыхъ лишь два на свѣтѣ) объясняется не только зрѣлостью, а слѣдовательно и большею опредѣленностью личныхъ мнѣній, но зрѣлостью самихъ партій, обдуманныхъ, дисциплинированныхъ, ограничивающихъ

увлеченія своихъ членовъ, заставляющихъ ихъ подчиняться рѣшенію *своего*, партійнаго большинства. Въ каждой изъ двухъ большихъ англійскихъ и американскихъ партій есть свои правая, лѣвая и центръ, но только въ мнѣніяхъ, а не въ политическихъ заявленіяхъ, производящихся тамъ, какъ въ хорошо устроенной арміи, по командѣ. Политически-взрослый человѣкъ знаетъ, что одиночныя усилія не ведутъ ни къ чему, что для полученія прямо-достижимаго надо умѣть жертвовать трудно-достижимымъ, какъ бы оно ни было дорого сердцу. Кромѣ того обѣ большія партіи Англіи и Америки устоялись на дѣйствительной почвѣ—на почвѣ высказывающихся общественныхъ потребностей; онѣ давно обрѣзали съ обоихъ своихъ концовъ увлеченія чисто теоретическія, а потому между ними и людьми, озабоченными больше интересами дня, чѣмъ идеями, нѣтъ ощутительнаго промежутка; тѣмъ легче онѣ втягиваютъ въ себя лицъ всякаго рода на счетъ центровъ. И, со всѣмъ тѣмъ, даже въ такихъ государствахъ мнѣнія скопляются въ двѣ главныя группы только на парламентскомъ полѣ; въ обществѣ же большинство остается все-таки въ видѣ текучей середины, дающей перевѣсъ то той, то другой партіи: развитіе и благоустройство націи все-таки зависятъ отъ зрѣлости и сознательности этой середины, не сростающейся надолго ни съ какою оконечностью. Свобода дѣйствій среднихъ политическихъ группъ не означаетъ отсутствія въ людяхъ установленнаго мнѣнія, а только отсутствіе увлеченія и самомнѣнія—отрицательное качество, необходимое для всякаго практическаго дѣла. Она истекаетъ не столько изъ склада ума, какъ изъ разсудительности и примирительнаго характера, отчасти изъ безстрастія; въ ней нѣтъ увлекающей силы, но весь устой заключается въ ней одной. Оттого именно, кромѣ часовъ взрыва и реакцій, почти всѣ государственные люди выходятъ изъ среднихъ партій.

Крайнія мнѣнія существуютъ вездѣ и всегда, по той же причинѣ по которой у всякой палки два конца; за ними дѣло никогда не станетъ, но благоустройство обществъ и политическая ихъ зрѣлость зависятъ исключительно отъ развитія среднихъ, можно сказать, нейтральныхъ мнѣній, какимъ бы образомъ онѣ ни выражались—заквашивая ли своимъ примирительнымъ духомъ двѣ преобладающія партіи, или же образуя между ними самостоятельный устой. Способность народа къ правильной полити-

ческой жизни измѣряется преимущественно численностью, просвѣщеніемъ и связностью этихъ среднихъ группъ, заботящихся болѣе о практикѣ жизни, чѣмъ о теоріяхъ. Гдѣ имъ недостаетъ одного изъ названныхъ условій, тамъ правильное развитіе общества замѣняется очередными потрясеніями въ ту и другую сторону. О численности ихъ нечего заботиться: людей умѣреннаго мнѣнія и житейскихъ практиковъ вездѣ несравненно больше, чѣмъ несговорчивыхъ, изъ которыхъ набираются горячія партіи. Но отсутствіе связности между средними политическими группами гибельно: оно свалило Францію; отсутствіе связности и просвѣщенія въ общественныхъ центрахъ явно губитъ южно-американскія республики.

Перевѣсъ середины самого тѣла надъ крыльями составляетъ такое же условіе правильнаго организма для общества, какъ и для птицы. Безъ крыльевъ народъ не можетъ двигаться, какъ Китай, но безъ средины онъ вовсе не можетъ жить. Слѣдуетъ потому сказать съ увѣренностью, что тамъ, гдѣ середина не подаетъ признаковъ явной самостоятельной жизни, гдѣ она еще не сложилась,—тамъ нѣтъ и крыльевъ, а то, что наивные люди принимаютъ за крылья, есть не что иное, какъ вѣялки изъ накладныхъ перьевъ, нѣчто вродѣ *партій*, складываемыхъ между малолѣтними единомысліемъ нѣсколькихъ журнальныхъ сотрудниковъ или салонное собраніе немногихъ собесѣдниковъ безъ послѣдователей, какъ у насъ. Ростъ крыльевъ, образованіе партіи или партій на оконечностяхъ безъ живого общественнаго тѣла, безъ ясно-высказывающейся середины—возможны, но это—явленіе болѣзненное и скоропреходящее. Такимъ болѣзненнымъ явленіемъ было у насъ распространеніе нигилизма въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, хотя онъ былъ не партіей, а только разливомъ полусознанной новизны.

Этотъ законъ общественнаго развитія поочереднымъ движеніемъ съ двухъ оконечностей, умѣряемымъ и приноравливаемымъ къ жизни серединою, есть законъ всемірный и вѣчный, законъ древняго какъ и новаго міра,—сознается ли онъ обществомъ, или нѣтъ. Разница оказывается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ, при сознаніи, выдвигаются настоящія, устроенныя партіи; во второмъ—движеніе выражается однимъ напоромъ мнѣнія, безформеннымъ, но тѣмъ не менѣе приводящимъ къ цѣли. Можетъ случиться и при сознательности, что партіи не смыкаются, не представляются глазамъ наружнымъ обра-

зомъ, а дѣйствуютъ только силою и распространенностью мнѣнія. Такое явленіе возможно лишь въ странѣ, гдѣ общество не привыкло къ самодѣятельности и союзы частныхъ людей для какой-либо общей цѣли не обычны, но гдѣ въ то же время правительство срощено съ народомъ въ одно органическое цѣлое, гдѣ оно не имѣетъ надобности отстаивать какіе-либо личные свои интересы, и гдѣ вслѣдствіе того укореняется убѣжденіе, что созрѣвшему мнѣнію достаточно быть услышаннымъ. чтобы перейти въ жизнь. Иначе не изъ чего было бы хлопотать: турецкимъ райямъ и негосподствующимъ австрійскимъ народностямъ нѣтъ пользы доводить свои сердечныя желанія до свѣдѣнія ихъ повелителей—нѣмецкаго цезаря и мусульманскаго султана, вынужденныхъ поддерживать старые порядки для собственнаго самосохраненія.

При дѣйствіи одного мнѣнія, также какъ и при явныхъ партіяхъ, въ странѣ самодержавной (но такой, гдѣ власть органически соединена съ народомъ), также какъ и въ странахъ конституціонныхъ, позывъ къ движенію въ ту или другую сторону всегда созрѣваетъ въ оконечныхъ, тереотическихъ мнѣніяхъ, раньше, чѣмъ въ самомъ тѣлѣ общества, въ его серединѣ, но становится потребностью и явно заявляетъ о себѣ тогда лишь, когда принимается срединою, то-есть силою, преобладающею въ этой серединѣ, взвѣсившею предварительно теорію партій со своею практикою. Исторія всѣхъ развивающихся народовъ шла однимъ изъ этихъ путей. Она складывалась организованными партіями въ республикахъ классическаго міра, въ средневѣковой Италіи и въ англо-саксонскомъ племени, и напоромъ неорганизованнаго мнѣнія во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Если-бъ можно было забыть исторію и судить о прошломъ лишь по нынѣшнему состоянію народовъ, то и въ такомъ случаѣ эти черты ихъ истекшей жизни обозначились бы явно: въ обществахъ, давно знакомыхъ съ сомкнутыми партіями, эти партіи слились въ двѣ главныя, почти поглотившія центръ, проявляющійся теперь въ нихъ самихъ, а не внѣ ихъ; въ прочихъ европейскихъ странахъ партіи дробятся чрезвычайно, и самостоятельные центры господствуютъ, хотя непрочно. Подводя нашу исторію и наше современное общественное состояніе подъ мѣрку, данную этимъ всеобщимъ закономъ, мы видимъ несомнѣнно, что Россія принадлежитъ къ числу государствъ, развивавшихся подъ напоромъ мнѣнія

безформеннаго, хотя всегда достигавшаго своихъ цѣлей; но нельзя не видѣть и того, что въ настоящую пору мы значительно отстали отъ другихъ европейцевъ, какъ въ опредѣленности, и главное, въ практичности своихъ мнѣній, такъ и въ способахъ ихъ выраженія, не вслѣдствіе нашихъ политическихъ началъ, но по неорганизованности самаго общества. У насъ не существуетъ покуда не только партій, но даже явно обозначившихся сборныхъ мнѣній. Можно думать, что настоящія партіи у насъ никогда не возникнутъ, а при дальнѣйшемъ развитіи сложатся только опредѣленныя группы одномыслящихъ людей,—группы болѣе сплоченныя, какъ вездѣ, на оконечностяхъ, но болѣе многочисленныя въ центрѣ. Неосуществимость въ Россіи сомкнутыхъ партій, дѣйствующихъ на народное развитіе и на законодательство не мнѣніемъ, а прямымъ, самодѣятельнымъ напоромъ—очевидна. Имъ нѣтъ у насъ мѣста, пока русскій народъ сохраняетъ свои основныя историческія понятія, т. е. на неопредѣленно долгое время въ будущемъ.

Россія представляетъ единственный въ исторіи примѣръ государства, въ которомъ весь народъ безъ изъятія, всѣ сословія, вмѣстѣ взятыя, не признаютъ никакой самостоятельной общественной силы внѣ верховной власти и не могутъ признавать, не могутъ даже мечтать объ ней, потому что такой общественной силы не существуетъ въ зародышѣ. Въ исторіи нельзя ничего сочинять; въ ней живетъ только то, что ею же призвано къ жизни. Общество, какъ и всякое твореніе въ природѣ, можетъ пользоваться только дѣйствительными, развившимися изъ него самого орудіями,—въ такомъ же смыслѣ какъ птица крыльями и звѣрь лапами,—а не какими-либо присочиненными; на накладныхъ крыльяхъ никто не летаетъ. Съ другой стороны, въ одной лишь Россіи осуществилась верховная власть всесословная, не связанная особыми личными отношеніями ни съ какою гражданскою группою, такъ какъ всѣ отдѣльныя сословія созданы ею же, почему она внушаетъ одинаковое довѣріе людямъ всѣхъ общественныхъ подраздѣленій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы составляемъ единственное исключеніе изъ категоріи европейскихъ государствъ, развивавшихся, какъ и мы, безъ явно-обозначавшихся органовъ народной самодѣятельности, безъ партій, однимъ повышеніемъ уровня нерасчлененнаго общественнаго мнѣнія. У насъ однихъ только мнѣніе, разъ вызрѣвшее, никогда не оставалось

безъ удовлетворенія, между тѣмъ какъ тамъ, т. е. по всей материковой Европѣ, самыя распространенныя мнѣнія, желавшія измѣненія установленныхъ порядковъ, рѣдко признавались властью добровольно; власть, взросшая не на всенародной, а на условной и сословной почвѣ, смотрѣла непріязненно на всякую новизну и уступала только необходимости. Нашъ государственный складъ никакъ не препятствуетъ развитію какихъ бы то ни было политическихъ формъ и органовъ мнѣнія, соотвѣтствующихъ народному росту, но заранѣе и неотвратимо опредѣляетъ ихъ внутреннее содержаніе—совѣщательное, а не самостоятельное, даетъ мѣсто только группамъ единомышленниковъ, а не сомкнутымъ политическимъ партіямъ, что, однакожъ, нисколько не умаляетъ ихъ значенія въ нашемъ будущемъ; съ возвышеніемъ уровня общественной сознательности, при давнишнемъ, полномъ довѣріи русской верховной власти къ своему народу, взаимныя отношенія ихъ могутъ быть гораздо искреннѣе, нравственная сила созрѣвшаго мнѣнія гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ въ бумажныхъ конституціяхъ европейскаго материка. Дѣло только въ томъ, чтобы вызрѣли, наконецъ, наши—не разговорныя, а практическія, сборныя мнѣнія и сложились соотвѣтствующіе сборные органы для ихъ выраженія, чего можно ждать, конечно, не на завтрашній день.

Внутреннее содержаніе русской исторіи опредѣлилось разъ навсегда, въ самомъ зародышѣ московскаго государства, тѣмъ исключительнымъ оборотомъ дѣла, что не русскій народъ выростилъ изъ себя свою верховную власть, какъ всегда происходило и происходитъ на свѣтѣ, а напротивъ, верховная власть создала русское государство и русскій народъ изъ распавшагося, уничиженнаго и погибавшаго племени. Можно провести такое сравненіе: еслибъ черногорскіе владыки въ XVII и XVIII столѣтіяхъ собственными силами вытѣснили турокъ изъ Европы и собрали бы раіевъ, стонущихъ подъ варварскимъ игомъ, въ сильное и однородное государство, которому они дали бы все, отъ независимости до послѣдняго гражданскаго учрежденія,—государство, въ которомъ не оказывалось бы ничего, что не было бы дѣломъ ихъ рукъ,—то имъ, неизбѣжно, выпало бы на долю всемогущество русской верховней власти; въ народномъ понятіи не существовало бы никакой самостоятельной силы, кромѣ династіи, а всѣ сословія и учрежденія, ею созданныя, считались бы только формами, орудіями, подлежа-

щими передѣлкѣ сообразно потребностямъ времени. Таковъ смыслъ русской исторіи. У насъ существуютъ самостоятельно только русская народность и русская верховная власть, какъ органическая ея голова; кромѣ церкви, все прочее, каково бы ни было его относительное значеніе, не живетъ въ себѣ, не располагаетъ никакою собственною силой, не имѣетъ никакихъ признанныхъ корней въ народномъ сознаніи, а потому и не можетъ говорить отъ себя лично, хотя и можетъ быть допущено властью къ самому широкому развитію во имя же власти, для удовлетворенія потребностямъ русскаго народа. Одни фантастическіе умы могутъ мечтать объ измѣненіи этой коренной основы нашей жизни, внѣ которой у насъ ничего нѣтъ, которою мы только и держимся, обезпечивающей, намъ стройное и спокойное развитіе, покоющееся, не въ-примѣръ европейскому материку, на правдѣ, на дѣйствительности бытовыхъ отношеній, а не на фикціи. Наши общественныя формы выростутъ сами собою, когда предварительно подъ ними возникнутъ сознательныя и опредѣленныя мнѣнія и потребности. Надобно помнить, что въ Англіи, кромѣ одной magna charta, не было ни клочка писанныхъ условій между властью и обществомъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы никогда не сложимъ англійскаго парламентаризма. Это недостижимо не только для склада русскаго общества, а даже для склада русской личности, въ томъ видѣ, какъ она заквашена исторіей—но доростемъ до всего, что нужно Россіи, сохраняя въ то же время незыблемо-прочную почву подъ ногами. Иного пути передъ нами нѣтъ и не будетъ никогда.

Наша коренная народная основа, замѣнившая разнообразіе общественнаго склада невиданнымъ въ исторіи единствомъ его, не содержитъ и никогда не содержала въ себѣ ничего азіатскаго; въ ней, очевидно, осуществился новый, послѣдній по времени и, надо думать, исключительно устойчивый типъ чисто-европейской, но не феодальной монархіи, глубоко отличный, въ этомъ отношеніи, отъ всѣхъ западныхъ образцовъ. Прочность основъ обѣщаетъ русскому всесословному царству многовѣковое правильное развитіе, въ виду начавшагося разложенія феодальныхъ монархій европейскихъ. Несмотря на то, при невыработанности нашихъ понятій, у насъ очень часто еще повторяется мнѣніе объ азіатствѣ московской, а стало быть и нынѣшней Руси, такъ какъ государственныя основанія ихъ

тождественны; ученые люди недавно еще пытались выводить наши политическія формы изъ наслѣдства Золотой Орды. Читатели позволятъ намъ небольшое отступленіе для разъясненія такого взгляда, необходимо вліяющаго на сужденіе о нашей современности, на вопросъ: чѣмъ намъ быть? Верховная власть азіатская—не развивающее начало, а механическое объединеніе населеній, давно окаменѣвшихъ въ данной формѣ, утратившихъ способность измѣняться, чуждыхъ потому живыхъ нравственныхъ интересовъ и почти безъ исключенія лишенныхъ всякой народности, замѣненной у нихъ религіознымъ единствомъ, — по крайней мѣрѣ недорожащихъ народностью. Надъ мертвымъ обществомъ можетъ стоять только мертвая же, нерасчисленная, а оттого и безпредѣльная власть. Въ азіатскомъ застоѣ конецъ столѣтія ничѣмъ не отличается отъ его начала, общество остается тѣмъ же, чѣмъ и было, а если движется, то лишь вслѣдствіе механическихъ толчковъ, наносящихъ на него порою новые слои завоевателей; никакое новое царствованіе не вноситъ въ это общество новизны и отличается отъ предшествовавшаго только личнымъ характеромъ царствующаго лица. Слово «Азія» въ этомъ отношеніи употребляется неправильно; оно должно бы имѣть не географическій, а историческій смыслъ, означать всякія отжившія общества, оказывавшіяся не въ одной Азіи; отжившимъ міромъ, въ такой же степени какъ нынѣшній Китай и нынѣшнее мусульманство, былъ весь міръ классическій, отъ вѣка Антониновъ до взятія турками Константинополя. Кто имѣетъ ясное понятіе о такихъ отжившихъ народахъ, кто видѣлъ ихъ своими глазами, тому нечего объяснять, что между ними и московскою, также какъ и нынѣшнею Русью нѣтъ и никогда не могло быть ничего общаго, кромѣ нѣсколькихъ наружныхъ формъ. Единственный образчикъ въ Россіи, могущій идти въ сравненіе съ Азіею, это — наши старообрядцы, и то лишь въ смыслѣ религіозной общины, такъ какъ въ своемъ обыденномъ быту они такіе же живые русскіе люди, какъ и всѣ прочіе; между тѣмъ, какъ нынѣшніе азіатскіе народы, также какъ и отживавшій классическій міръ, были старообрядцами во всемъ, во всякой чертѣ своей умственной, гражданской и политической жизни, своей науки и своего искусства, безъ исключенія. Они считали и считаютъ предковъ безусловно умнѣе и ученѣе себя; чтили и чтутъ только внѣшнюю форму, утратившую свое первона-

чальное значеніе; полагают въ ней всю святость; наслѣдственно выростают въ этихъ понятіяхъ, а потому становятся неспособными къ оцѣнкѣ всякаго мнѣнія и дѣла внѣ формы, что не позволяетъ имъ ступить шагу впередъ. Надъ подобными окаменѣлыми обществами, очевидно, можетъ стоять только механическая власть, такая же старообрядческая, какъ они сами. Ничего подобнаго не бывало и не могло быть въ Россіи ни въ какомъ періодѣ ея исторіи: Россія всегда жила жизнью органическою. Ни въ одномъ изъ прожитыхъ нами столѣтій конецъ его не похожъ на начало: въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ постоянно оказывалось значительное видоизмѣненіе какъ въ государственныхъ вопросахъ, такъ и въ общественномъ настроеніи, въ явленіяхъ собственно-народной жизни. Конечно, задачи времени сочинялись не властью—такое сочиненіе нигдѣ на свѣтѣ не было ея дѣломъ; сознаніе ихъ проникало въ правительственный кругъ изъ постоянно растущаго и складывающагося общественнаго мнѣнія, то разливавшагося на всѣ слои населенія,—какъ было въ первое время, когда русскій народъ, потоптанный татарами, самъ бросился въ объятія возникавшей верховной власти, или въ эпоху междуцарствія, при избраніи дома Романовыхъ,—то принимавшаго мѣстный характеръ, какъ оказалось при отстаиваніи Москвою правильнаго престолонаслѣдія во времена Василія Темнаго,—то съ съужавшагося въ русло небольшой, но сильной своею связностью передовой партіи, какъ происходило при нововводительныхъ попыткахъ начала царствованія Іоанна Грознаго, при исправленіи церковнаго устава Никономъ, при уничтоженіи мѣстничества, и такъ далѣе. Самое преобразованіе Петра Великаго было только ускореніемъ, а не починомъ стремленія, возникшаго во мнѣніи передовыхъ людей, къ сближенію съ Европой; надо помнить, что еще до Петра было заведено регулярное войско, въ Москвѣ появились иновѣрческія церкви, а при дворѣ Софьи Алексѣевны игрались трагедіи Корнеля. Кромѣ того, петровская реформа стоитъ въ самой тѣсной связи съ предшествовавшею ей нѣсколькими годами отмѣной мѣстничества, не допускавшаго созданія народнаго культурнаго сословія, главной задачи, главнаго орудія и главнаго смысла нашего воспитательнаго періода. Одно вытекло изъ другого. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ отечественной жизни несомнѣнно дѣйствовало постоянно развивающееся,

незнавшее застоя мнѣніе; стало быть, русскій народъ жилъ органически, и никакого сравненія между Россіею и окаменѣвшими странами Азіи быть не можетъ. Починъ дѣйствія, претвореніе созрѣвавшихъ мнѣній въ бытовыя формы, всегда принадлежалъ у насъ исключительно верховной власти, безъ видимаго проявленія общественной самодѣятельности, потому что во власти, создавшей Россію, заключалась и заключается единственная самостоятельная сила нашей почвы, единственное орудіе дѣйствія. Но вслѣдствіе той же самой причины русская власть, не имѣющая никакихъ внутреннихъ соперниковъ, никогда не имѣла также никакихъ личныхъ интересовъ, кромѣ общенародныхъ; она не только никогда не ставила преградъ возникавшему напору мнѣнія, но, напротивъ, скорѣе упреждала его, переносила въ бытовую жизнь то, что требовалось небольшимъ, иногда даже увлекающимся меньшинствомъ развитаго слоя. Также продолжается и до днесь—мы видѣли это на современныхъ намъ преобразованіяхъ; такъ будетъ продолжаться и впредь, хотя подъ другими, болѣе опредѣленными формами. Находить сходство между русскою верховною властью, живою головою русскаго народа и механическимъ ханствомъ Золотой Орды, такъ какъ между Россіей, какого бы то ни было періода ея исторіи, и азіатскими обществами, можно только посредствомъ остроумія, а не историческаго разума. Мы всегда жили какъ народъ и шли впередъ, подъ управленіемъ власти, столько же, если еще не болѣе прогрессивной чѣмъ мы сами; тѣ живутъ какъ единицы, не какъ общество, подъ произволомъ безъ содержанія и впередъ не идутъ. Вотъ коренная разница, которой не можетъ ослабить сходство никакихъ внѣшнихъ обрядовъ.

Мы принадлежимъ къ христіанской, постоянно развивающейся, незнающей покуда застоя половинѣ человѣчества; мы народъ европейскій, прогрессивный въ своей сущности,—а прогрессъ состоитъ именно въ безпрерывномъ наростаніи мнѣнія и потребностей, періодически требующихъ обновленія общественныхъ формъ, сообразно ихъ росту. Такъ и происходило во все продолженіе нашей тысячелѣтней исторіи. Но мы постоянно жили въ заколдованной обстановкѣ, тормовившей развитіе общества — сначала въ обстановкѣ международной, заставлявшей насъ жертвовать внутренними задачами внѣшнимъ, домашнимъ успѣхомъ — государственному бытію;

потомъ въ обстановкѣ нравственной, затрачивавшей всю силу народнаго роста на созданіе орудія будущаго, нашего культурнаго сословія, и погрузившей насъ въ среду чуждыхъ, не усвоенныхъ, нераспредѣлившихся въ нашихъ головахъ, непримѣненныхъ къ нашей почвѣ чужеземныхъ понятій. Только вчера выбились мы на открытую дорогу и можемъ, наконецъ, понимать себя, сознательно оглядываться на пройденный путь, разумно пользоваться содержаніемъ, даннымъ намъ исторіей— умственнымъ, нравственнымъ, и политически-общественнымъ. Въ чемъ же состоитъ это содержаніе? Что вынесли мы изъ этого тысячелѣтняго бытія? Можно отвѣчать безъ запинки: государственное величіе, крѣпчайшій народный складъ, непоколебимую верховную власть, доброжелательство всѣхъ русскихъ сословій между собою и наше культурное петровское сословіе. Это—очень много, какъ руководящее начало и какъ матеріалъ, но недостаточно, можно даже сказать несоотвѣтственно потребностямъ текущей эпохи, какъ форма. Поэтому предстоящая намъ задача заключается именно въ сложеніи формъ, точно соотвѣтствующихъ нашимъ дѣйствительностямъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безформенное содержаніе нашего развитія, выростанія нашихъ мнѣній, и домашнихъ и заимствованныхъ, и образъ ихъ взаимодѣйствія между собою, съ верхомъ и съ низомъ, исчерпано уже до конца. Но такая нравственная и законодательная задача не можетъ, конечно, выработаться въ одинъ день. Для нея нужны прежде всего опредѣленныя орудія—если можно такъ выразиться—расчлененіе общества по росту его слоевъ; а для того нуженъ еще предварительный шагъ: признаніе съ обѣихъ сторонъ нашей дѣйствительности во всей ея полнотѣ и отреченіе, какъ отъ неподходящихъ къ намъ идеаловъ чужой жизни, такъ и отъ собственныхъ увлеченій.

Покуда же наше общественное мнѣніе и наша общественная дѣятельность въ самомъ дѣлѣ безформенны, выражаются полусознательно и то лишь въ часы крайняго напряженія, что вело насъ постоянно, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, или къ недовершенію, или къ перевершенію цѣлей, но никогда къ прямому ихъ достиженію. Нашему сборному мнѣнію не только негдѣ выработаться, но невозможно ни сосчитать, ни взвѣсить различныхъ своихъ оттѣнковъ, еслибъ даже оно выработалось; наша печать высказываетъ не его, а только самое себя, лич-

ныя понятія нѣсколькихъ пишущихъ людей. Плодотворной общественной дѣятельности также нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ милліоны людей, сознательныхъ и несознательныхъ, но вообще непривычныхъ къ какому либо дружному дѣйствію, слиты въ одну безразличную массу. Кромѣ эпохъ всенароднаго потрясенія, подобныхъ 1612 или 1812 годовъ, какое единство взглядовъ и стремленій, какое большинство можетъ выработаться въ этой массѣ? Кто возьмется говорить отъ имени всего народа, даже одной губерніи, даже одного уѣзда, а если возьмется, не будетъ ли такая рѣчь явною ложью? Какая личная сила, какое частное начинаніе можетъ дать толчекъ, въ какомъ бы то ни было направленіи, всему населенію хотя бы только уѣздному? При гражданской безсвязности культурнаго сословія, утопленнаго въ стихійной массѣ, современная Россія совершенно лишена органовъ, слагающихъ и выражающихъ сборное мнѣніе, способныхъ вызывать сборную дѣятельность. Для того, чтобы жить вполнѣ человѣческою жизнью, намъ приходится или ждать отдаленныхъ вѣковъ, когда все русское простонародье уподобится развитому населенію маленькаго швейцарскаго кантона, или же выдѣлить изъ него и сомкнуть вмѣстѣ слои, способные къ исторической жизни. Объ этомъ мы говорили въ цѣлой книгѣ. А между тѣмъ время бѣжитъ, и намъ нѣкогда засиживаться въ своемъ безформенномъ состояніи. Если Европа пойдетъ къ обновленію, намъ будетъ худо — она слишкомъ опередитъ насъ; если она идетъ къ растлѣнію, что гораздо вѣроятнѣе, намъ будетъ еще хуже — мы останемся одни и намъ предстоитъ почерпать все изъ самихъ себя, не говоря объ упорной борьбѣ, которую намъ доведется выдерживать противъ нея по противоположности началъ. Потому, думаемъ, выдѣленіе и организація культурнаго слоя, какъ орудія русской мысли и дѣятельности, составляютъ насущную задачу текущаго времени, — задачу, безъ разрѣшенія которой мы не ступимъ шагу далѣе. Ничто у насъ не сложится безъ зародыша, безъ твердаго ядра, совокупляющаго въ себѣ историческія силы русской земли, дающаго всей массѣ надлежащее направленіе и подымающаго ее понемногу на свой уровень.

Только организація культурнаго сословія можетъ создать у насъ ту общественную середину, тѣ связныя группы умѣренныхъ и практическихъ мнѣній и дѣятелей, безъ которыхъ немыслимо не только правильное, но даже какое нибудь дѣйстви-

тельное развитіе. Мы не полетимъ, махая крыльями безъ тѣла, упражняясь въ однихъ крайнихъ и теоретическихъ мнѣніяхъ прогресса и охранительности, а только измахаемся понапрасну. Даже для этихъ оконечныхъ мнѣній необходимо сложеніе и оживленіе нашей середины, самого тѣла образованнаго русскаго общества; тогда только они будутъ въ состояніи жить и дѣйствовать, вмѣсто того, чтобы толковать пустое и по-пустому, какъ нынѣ. Изъ общества безформеннаго, лишеннаго связныхъ, руководящихъ слоевъ, особенно въ такую пору, когда оно еще не привыкло къ самодѣятельности, не могутъ явно выдѣлиться группы, изъ которыхъ должно слагаться развитіе всякаго зрѣлаго и даже созрѣвающаго народа — лѣвая, средняя и правая; въ такомъ состояніи существуютъ лишь безличныя мнѣнія, не подлежащія ни счету, ни оцѣнкѣ, становящіяся осязательными только въ рѣдкихъ случаяхъ особеннаго напряженія. Прежде всего намъ надо выйти изъ безформеннаго состоянія и сложиться, посвятивъ этой задачѣ хотя бы жизнь цѣлаго поколѣнія; слѣдующее успѣетъ сосчитаться по своимъ направленіямъ. До тѣхъ же поръ намъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, некуда бѣжать впередъ, какъ и нечего охранять.

Бѣжать впередъ намъ пока рѣшительно некуда. Въ ожиданіи будущаго поколѣнія, нашему передовому направленію неизбѣжно приходится сложить руки *). Послѣдніе его идеалы, къ которымъ оно рвалось въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, были — можно надѣяться, послѣдній разъ въ нашей исторіи—безъ исключенія заимствованные, не-русскіе. Замѣненіе какими бы то ни было либеральными идеалами, хотя бы самыми чуждыми народному сознанію, такихъ явныхъ отступленій отъ правильной общественной жизни, какъ крѣпостное право и наше прежнее безсудіе, всегда сходитъ съ рукъ; отъ него все-таки становится легче. Но пора голаго отрицанія для насъ прошла, приходится засѣвать вновь перепаханную и перемолотую русскую почву, а для такой цѣли экзотическія сѣ-

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что лѣвую сторону мнѣній обыкновенно называютъ передовою не потому, чтобы она въ самомъ дѣлѣ опережала кого нибудь въ пониманіи дѣла, какъ думаютъ мальчики, а потому только, что она всегда рвется впередъ, становится ближе къ концу, каковъ бы онъ ни былъ, хорошій или дурной. Доброкачественность ея стремленій зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ эпохи и отъ возраста народнаго развитія

мена, примѣры и теоріи, вычитанныя въ чужихъ книгахъ, никуда не годятся. Въ нашемъ же обновленномъ обществѣ вызрѣло съ тѣхъ поръ лишь сознаніе необходимости безпредѣльной, но самой обыденной, самой мелочной практики для улучшенія и установки на новыхъ началахъ всенароднаго и всесословнаго быта; но не вызрѣло никакихъ явно очерченныхъ идеаловъ русской жизни, къ осуществленію которыхъ можно было бы стремиться сознательно, въ согласіи съ массою или хоть частью массы. Они и не могутъ—не только вызрѣть, но даже пустить ростокъ при нынѣшнемъ безформенномъ складѣ. Потому людямъ передоваго направленія приходится у насъ или тянуть чужую пѣсню, что уже слишкомъ всѣмъ надоѣло, или же благоразумно отойти на второй планъ, въ ожиданіи будущаго, предаваясь покуда практической, полезной, но невыдающейся дѣятельности словомъ и дѣломъ, мѣшая ее, какъ можно меньше съ теоретическими направленіями. Нигилисты, вѣроятно, останутся нигилистами, но ихъ никто не причисляетъ къ либераламъ лѣвой группы: они принадлежатъ совсѣмъ иному направленію—безбородому.

Нашей правой въ ея чистомъ видѣ, нашему охранительному направленію—нельзя совѣтовать даже того, что мы совѣтовали лѣвому; ему незачѣмъ отходить на второй планъ, такъ какъ ни на второмъ, ни на первомъ у него, какъ у опредѣленнаго мнѣнія, не оказывается покуда никакого дѣла. Это направленіе имѣло немалое значеніе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, но проиграло сраженіе (мы говоримъ не о крѣпостномъ правѣ, сохраненія котораго желало очень небольшое число людей, а объ остальномъ). Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ охранители поднялись вновь, но проницательнѣйшіе изъ нихъ поняли, что на перепаханномъ русскомъ полѣ нѣтъ уже старыхъ корней и нѣтъ еще новыхъ всходовъ, такъ что охранять на немъ въ настоящее время рѣшительно нечего; скорѣе надо заботиться о слѣдующемъ посѣвѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ всякая партія, мнѣніе или группа единомысленныхъ людей, одаренная политическимъ чутьемъ, должна непремѣнно видоизмѣнить свое знамя. Умные изъ нашихъ охранителей дѣйствительно видоизмѣнили его. Они стали думать о созданіи подходящихъ формъ будущей русской жизни, органически привитыхъ къ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія, отказываясь отъ никуда неведущаго охраненія однихъ воспоминаній. Что намъ

охранять въ текущій часъ? Наши основныя начала — православная вѣра, государственное единство, русская народность, историческая верховная власть—не только не просятъ охраненія со стороны общества, но, напротивъ, сами насъ охраняютъ; мы живемъ только ими и безъ нихъ разсыпались бы прахомъ. Одна только изъ этихъ четырехъ основъ—религіозная—допускаетъ съ своей внутренней стороны охранительныя усилія частныхъ людей. Мы не станемъ развивать покуда этотъ вопросъ, но не можемъ не замѣтить, что, при нынѣшней безсвязности русскаго общества, подобныя усилія хотя и возможны, но въ сущности безплодны; въ этомъ отношеніи болѣе даже чѣмъ во всякомъ другомъ, нужна предварительная организація культурнаго слоя, чтобы цѣлыя группы людей могли мыслить и дѣйствовать съобща. О прочихъ основахъ нечего и говорить: мы сильны ими, а не онѣ нами. Не станемъ разыгрывать лицъ басни «Муха и проѣзжіе» и помогать взбираться на гору колесницѣ, которая насъ же везетъ на себѣ. Никакой человѣкъ со смысломъ не возьмется за охраненіе народнаго духа и его органическихъ проявленій въ теченіе временъ; можно охранять только сложившіяся формы. Между тѣмъ, именно подлежащихъ охраненію формъ теперь у насъ почти вовсе нѣтъ. Мы станемъ оберегать ихъ въ то время, когда онѣ дѣйствительно возникнутъ. Покуда же, вслѣдъ за только что совершившеюся передѣлкою всего русскаго быта, нашъ консерватизмъ въ своемъ чистомъ видѣ есть самое заносное изъ заносныхъ, самое неподходящее изъ неподходящихъ къ намъ чужеземныхъ понятій... Нынѣшнему русскому охранителю—во что бы ни стало—приходится дѣлать одно изъ двухъ: или охранять то именно, чего онъ не любитъ—нашу нынѣшнюю безформенность и безсословность,—или же играть роль часового, поставленнаго, говорятъ, въ Лѣтнемъ саду императрицею Екатериною II у куста посаженныхъ ею розъ и выведеннаго только недавно, сторожившаго цѣлое столѣтіе мѣсто давно изчезнувшаго куста.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что люди нашей охранительной группы, по своему развитію и нравственнымъ качествамъ, стоятъ въ большинствѣ очень высоко и могутъ быть чрезвычайно полезными общественными двигателями; тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ станетъ плодотворною тогда лишь, когда они употребятъ ее не на охраненіе того, чего уже нѣтъ, а на со-

зданіе того, что намъ будетъ необходимо охранять въ будущемъ.

Полагаемъ, что для нашихъ прогрессистовъ и нашихъ охранителей покуда нѣтъ положительнаго дѣла; когда же настанетъ вновь время ихъ дѣятельности,—оно наступитъ для тѣхъ и для другихъ разомъ. Покуда намъ нужна преимущественно живая середина, нужно связное, организованное, практически дѣятельное тѣло общества, осуществимое только правильною постановкою культурнаго слоя. Наше общество достаточно впитало въ себя законченныхъ теорій съ обѣихъ оконечностей, правда, больше съ лѣвой, чѣмъ съ правой; но таково было повѣтріе времени; нынѣ даже оконечности нашихъ мнѣній почти заглохли и могутъ ожить тогда лишь, когда наберутся содержанія для новой дѣятельности изъ нѣдръ общественнаго большинства, не увлеченнаго никакими теоріями, изъ практической жизни русской середины.

Однимъ словомъ, наши великіе народные вопросы все еще впереди; рѣшеніе ихъ принадлежитъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ. Потому мы почти вовсе не касались ихъ. По нашему пониманію, задача нынѣ живущаго поколѣнія заключается преимущественно въ созданіи общественнаго устройства, способнаго, подъ рукою верховной власти, двинуть современемъ эти вопросы.

ГЛАВА VIII.

Полемическіе вопросы и общіе выводы.

Остается подвести итоги предшествующему и взвѣсить возраженія, противопоставленныя нашимъ заключеніямъ—возраженія вполнѣ естественныя, если смотрѣть на предметъ не съ нашей точки зрѣнія, а съ какой-либо иной. Такихъ же точекъ зрѣнія можетъ быть много, вслѣдствіе чрезвычайной сложности самаго предмета: общественнаго устройства, наилучше соотвѣтствующаго духу многочисленнаго народа и направленію, данному ему исторіей, при извѣстной степени его зрѣлости. Не говоря уже о томъ, что для правильнаго обсужденія такого вопроса нужно прежде всего полное безпристрастіе, отреченіе отъ личныхъ вкусовъ въ пользу чисто логическихъ выводовъ; но кромѣ того, различіе во взглядѣ даже на одну какую-либо сторону вопроса—на духъ нашего народа, на степень его зрѣлости или на смыслъ русской исторіи—должно непремѣнно отозваться на общемъ выводѣ. Мы знаемъ возможность сильныхъ возраженій противъ высказанныхъ нами заключеній, потому что эти возраженія возникали въ нашемъ собственномъ умѣ; оттого мы и не считаемъ своихъ выводовъ ни единственно осуществимыми, ни единственно разумными; съ измѣненіемъ принятаго основанія измѣняется и вся перспектива. Но мы стоимъ на томъ, что эти выводы истекаютъ неизбѣжно изъ нашихъ основаній, когда разъ основанія приняты. Значитъ, мы обязаны прежде всего оправдать свою точку зрѣнія, показать, почему мы считаемъ ее исключительно правильною.

Самый разговоръ о такомъ предметѣ какъ общественное переустройство, основанное не на теоріи, а на чистой практикѣ, примѣняемое не къ отвлеченному, а къ опредѣленному народу, представляетъ то чрезвычайное затрудненіе,—что такого раз-

говора еще никогда и нигдѣ не бывало, что его приходится вести въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ. Для того, чтобы могла возникнуть возможность подобнаго обсужденія нужно соединеніе условій, осуществившееся только у насъ и только теперь: зрѣлые общественные матеріалы, не сложившіеся еще ни въ какую явную форму и стоящіе подъ рукой всесильной верховной власти, могущей дать имъ—вѣроятно уже въ послѣдній разъ въ нашей исторіи—тотъ или другой исходъ. Говоримъ—въ послѣдній разъ, потому что въ теченіе полувѣка мы должны наконецъ устояться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ видѣ. Иными словами: у насъ осуществились разомъ—неотложная необходимость принять окончательное рѣшеніе, вмѣстѣ съ полной свободой этого рѣшенія.

Всѣ другіе народы развивали одновременно и параллельно свои общественныя и государственныя формы, большею частію полусознательно, не заглядывая въ будущее. Мы же сложились въ могучее и образованное государство—безъ всякаго опредѣленнаго общественнаго склада, заготовивъ только матеріалъ для его будущаго содержанія; намъ приходится слагать свое общество въ пору возмужалости и совершенно сознательно—задача, одновременно и облегченная и непомѣнно трудная. Каково бы ни было личное мнѣніе каждаго изъ насъ о нынѣшнемъ состояніи русскаго общества, т. е. о совокупности нашихъ сознательныхъ силъ умственныхъ и нравственныхъ, въ какой бы мѣрѣ ни былъ каждый доволенъ или недоволенъ лично настоящею общественною средою, едва ли кто нибудь признаетъ за этою средою способность къ самодѣятельности въ европейскомъ смыслѣ,—способность правильно вершить ту долю задачъ, которая вездѣ въ образованномъ мірѣ лежитъ теперь уже на самомъ обществѣ. Голосъ большинства—какъ людей мыслящихъ, такъ и людей, живущихъ непосредственною жизнью, выражающихъ одни только ежедневныя впечатлѣнія, прямо указываетъ на коренной недостатокъ, мѣшающій развитой части русскаго народа стать на свои ноги—на нашу безсвязность, не допускающую сложиться сколько нибудь установленному мнѣнію; общество же есть ни что иное, какъ живое мнѣніе. Въ послѣдніе годы у насъ стала также слышаться жалоба на недостатокъ въ людяхъ,—но скудость эта явно проистекаетъ изъ того же первоначальнаго источника—изъ безсвязности. Кромѣ личностей, одаренныхъ необычайными силами,

всякій человѣкъ силенъ гораздо болѣе сборнымъ, чѣмъ своимъ личнымъ сознаніемъ общественныхъ потребностей; въ этомъ смыслѣ всѣ люди—хамелеоны, всѣ отражаютъ цвѣтъ общей подкладки, съ тою только разницею, что одни, болѣе даровитые и ревностные, отражаютъ ее ярче, опредѣленнѣе другихъ, а потому становятся вожаками толпы. При безцвѣтности же подкладки, при отсутствіи установленныхъ мнѣній, всѣ, кромѣ геніевъ, безцвѣтны. Кромѣ того, можетъ ли несвязное общество выставлять сознательныхъ и послѣдовательныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ бы оно ни было богато лично способными людьми? Кто будетъ разцѣнивать этихъ людей? Неустроенная толпа къ такому дѣлу непригодна. Оттого, при нескладности образованныхъ слоевъ, заключающихъ въ себѣ весь разумъ націи, личности дѣйствительно сильныя непремѣнно остаются въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенное, спокойное время; между ними и обществомъ нѣтъ посредствующей связи. Если они что-нибудь дѣлаютъ, то дѣлаютъ про себя и оцѣниваются только впослѣдствіи; руководство же толпою въ дѣлѣ жизни и мысли достается людямъ, наименѣе изъ нее выдѣляющимся, несдерживаемымъ, притомъ, никакими установленными условіями,—такъ какъ при общемъ разбродѣ надъ ними не оказывается никакого надзора, никакого требовательнаго мнѣнія, стѣсняющаго ихъ произволъ. Конечное послѣдствіе такого общественнаго состоянія у всѣхъ передъ глазами: русская образованная среда не руководитъ ничѣмъ, даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Она не можетъ выяснить власти своихъ потребностей, предоставляя ей догадываться объ нихъ; въ этомъ отношеніи намъ не поможетъ никакое дальнѣйшее развитіе учрежденій, не помогутъ никакіе новые органы, пока само общество безсильно, вслѣдствіе своего разброда. Русская образованная среда не можетъ надзирать надъ своими, ею же выбранными дѣятелями и не умѣетъ пользоваться данными ей правами—не только для постепеннаго развитія впередъ, но даже для обыденнаго примѣненія ихъ къ своимъ нуждамъ. Также точно она не даетъ покуда никакой прочной основы выраженію русской мысли, вслѣдствіе чего наша періодическая печать, какъ сказалъ недавно одинъ извѣстный писатель, за очень немногими исключеніями, пляшетъ въ присядку, служитъ не дѣлу, а потѣхѣ праздной публики. Безъ опоры твердой середины, безъ установленнаго сборнаго мнѣнія, для котораго

въ настоящее время у насъ нѣтъ почвы, люди могутъ только играть въ свободу, злоупотреблять ею во всѣхъ видахъ, но не могутъ ею пользоваться. Наше общественное безсиліе выражается однимъ словомъ: «разбродъ».

Нравственная сила всякаго народа заключается въ связности его образованныхъ слоевъ, въ извѣстномъ единствѣ ихъ воззрѣній и дѣятельности; она никогда не переживаетъ этого единства. Не смотря на богатство накопленнаго умственнаго капитала, преданій и политической опытности, современное французское общество впало въ состояніе, довольно близкое къ русскому, съ тою, однако-жъ, громадною разницею въ нашу пользу, что тамъ это состояніе есть вмѣстѣ общественное и государственное, нашъ же государственный порядокъ упроченъ тверже, чѣмъ гдѣ нибудь, стало быть, намъ есть время поправиться. Между нами и французами лежитъ еще то коренное различіе, что у нихъ общественный разбродъ показываетъ упадокъ, обозначившійся склонъ книзу, у насъ же—только невыработанность. Наше нынѣшнее общественное межеуміе, какъ послѣдствіе особыхъ обстоятельствъ и естественнаго роста, а не какихъ-либо насильственныхъ потрясеній и разрушеній, есть состояніе переходное—но лишь при условіи, чтобы оно не затянулось слишкомъ надолго и не стало привычнымъ; въ послѣднемъ случаѣ изъ него будетъ слишкомъ трудно выбраться.

Мы впали въ нынѣшнее состояніе не по своей винѣ, какъ французы, и не по чьей-либо личной винѣ; оно стояло на нашемъ историческомъ пути, какъ опасное мѣсто въ скачкѣ съ препятствіями,—а наша исторія была именно самою головоломною скачкой съ постоянными препятствіями. Отдавъ всѣ свои силы, безъ остатка, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, на созданіе государства и народа, прочно закрѣпивъ, напослѣдокъ, свое національное бытіе, мы поневолѣ должны были пойти въ науку къ Европѣ, потому что не умѣли ни развѣдывать собственныя руды, ни отливать собственныя пушки, и вынесли изъ полутора-вѣковаго обученія то, что должны были вынести изъ него—образованность и науку, но въ то же время полное обезличеніе и полную безсвязность взрощенныхъ на русской почвѣ европейцевъ, всего нашего культурнаго слоя. Обезличеніе явилось необходимымъ послѣдствіемъ умственнаго состоянія, въ которое такъ долго было погружено русское общество, заимствовавшее всякое званіе изъ чужихъ рукъ безъ

возможности провѣрить его на собственномъ дѣлѣ и собственномъ опытѣ: свое дѣло и свой опытъ были пріостановлены у насъ петровскимъ преобразованіемъ, замѣнившимъ стремленіе къ общественному развитію — развитіемъ личности. Русское правительство воспитательнаго періода учило своихъ подданныхъ, а потому не могло ни въ какой мѣрѣ учиться отъ нихъ, не могло допустить общественной самодѣятельнсcти школьниковъ; оно воспитывало русскихъ европейцевъ не для общественныхъ, а для государственныхъ цѣлей, для арміи и администраціи, вслѣдствіе чего эти люди, представлявшіе собой все русское культурное сословіе безъ остатка, были связаны взаимно только отношеніями служебными, но были совершенно разобщены и между собою, и съ народомъ какъ граждане. Мы воспитались въ общественной безсвязности, прикрытой наружно екатерининскими губернскими учрежденіями. Обезличеніе и безсвязность—самыя явныя черты современнаго русскаго общества, хотя вовсе не коренныя его свойства, потому что истекаютъ не изъ народнаго характера, а изъ чисто школьнаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе онѣ составляютъ нашу главную, даже единственную болѣзнь, въ нихъ корни всѣхъ нашихъ частныхъ болей. Мы нуждаемся именно въ томъ лѣкарствѣ, которое способно вылѣчить насъ отъ обезличенія и безсвязности.

Какъ ни слабо было спаяно образованное русское общество, выросшее по одиночкѣ, человѣкъ за человѣкомъ, изо всѣхъ народныхъ слоевъ русской земли въ продолженіе воспитательнаго періода, оно находило еще недавно нѣкоторое, хотя наружное объединеніе въ своемъ сословномъ значеніи. Вызванное къ самодѣятельности съ окончаніемъ школьнаго періода, оно непремѣнно срослось бы, и довольно скоро, въ нѣчто цѣльное, не мѣшая развитію русской жизни ниже, подъ собою, такъ какъ оно было по существу сословіемъ не кастовымъ, а политическимъ, открытымъ снизу. Въ то время, когда совершались наши послѣднія преобразованія, всемірный опытъ достаточно уже выяснилъ условія правильнаго общественнаго развитія: можно было уже не сомнѣваться въ истинѣ, что эта правильность зависитъ исключительно отъ связности и постепеннаго, естественнаго, а не искусственнаго разростанія образованныхъ слоевъ, воспитанныхъ историческою жизнію; что право на непрерывное развитіе, не подверженное никакимъ колебаніямъ, осталось только за народами, умѣвшими оградить себя

отъ вторженія толпы въ непринадлежащую ей область — за Англіей, въ силу твердаго закона и укорененныхъ обычаевъ, за Америкой, въ силу однихъ твердыхъ политическихъ нравовъ; что существованіе полноправныхъ общественныхъ слоевъ, руководящихъ народною жизнью и способныхъ къ извѣстной долѣ единодушія, невозможно безъ прочной сердцевины—по крайней мѣрѣ у насъ, въ старомъ свѣтѣ, слишкомъ опутанномъ своимъ прошедшимъ. Все это было уже доказано опытомъ, только не для насъ, заинтересованныхъ европейскою жизнью въ смыслѣ, не историческаго урока, а занимательнаго романа, роли котораго давно уже нравились многимъ нашимъ. Когда созрѣло мнѣніе, руководимое правительствомъ, о необходимости срѣзать съ Россіи болѣзненные наросты, порожденные нашимъ прошлымъ,—крѣпостное право, безсудіе и безусловную чиновничью опеку,—мы не умѣли провести явной черты между своими собственными, русскими потребностями и чужими стремленіями, привившимися къ намъ во время нашего сидѣнья за европейскою азбукой. Передъ тѣмъ только что разыгралась крымская война, поколебавшая временно нашу давнюю увѣренность въ себя—вслѣдствіе чего русскіе культурные люди стали на извѣстный срокъ еще болѣе школьниками, еще болѣе несостоятельными существами въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ были прежде. Такое настроеніе должна было очень естественно открыть настежь двери разливу нигилистскаго пустословія. Прежде чѣмъ прошло это повѣтріе между взрослыми людьми, передѣлка нашего общественнаго строя уже совершилась,—передѣлка, несомнѣнно необходимая, осуществившая великій и благотворный поворотъ въ нашей исторіи и безупречная съ своей отрицательной стороны, устранившая все, что должно было устранить, но не замѣнившая устраняемаго, во многихъ отношеніяхъ, ничѣмъ существеннымъ. На счетъ этого существеннаго въ ту пору было еще слишкомъ трудно согласиться; намъ не доставало даже самаго начальнаго обще-житейскаго опыта, мы еще слишкомъ довѣрчиво относились къ своимъ, принятымъ на вѣру идеаламъ. Духъ, проникавшій преобразованіе шестидесятыхъ годовъ, соотвѣтствовалъ настроенію времени; выдвигавшіеся на сцену дѣятели той эпохи были почти всѣ, какъ извѣстно, представителями такъ называемыхъ «передовыхъ стремленій», все содержаніе которыхъ почерпалось не изъ жизни, а изъ заем-

ной науки нашего воспитательнаго періода; стремленія эти находили себѣ поддержку и въ недовольствѣ большинства, разочарованнаго крымскою неудачею и въ обаяніи свободнаго русскаго слова, впервые прорвавшаго плотину и не знавшаго предѣловъ своему дѣтскому увлеченію. Правительство съ своей стороны затруднялось установленнымъ преобладаніемъ высшаго сословія для того времени, когда приходилось изъять изъ-подъ руки его двадцать милліоновъ крѣпостныхъ. Хотя самый трудный шагъ въ этомъ дѣлѣ—личное освобожденіе—былъ совершенъ самимъ дворянствомъ, мѣстными помѣщиками (чему, сказать мимоходомъ, западные сосѣди наши почти отказываются вѣрить), но тѣмъ не менѣе понятно, что въ тѣ годы считалось болѣе удобнымъ разъединить сословія, чтобы окончательно упрочить самостоятельный бытъ освобожденныхъ. Жертвовать основными историческими началами, особенно когда ихъ нечѣмъ замѣнить, удобству минуты—едва ли можно считать выгоднымъ; но для каждой полосы времени интересъ текущаго часа почти всегда перевѣшиваетъ все остальное. Сила, однакожъ, въ томъ, что эта мѣра — разъединеніе сословій и между собою, и въ самихъ себѣ—имѣвшая нѣкоторое значеніе въ смыслѣ мѣры переходной, установилась надолго и обратилась въ руководящее начало,—на которомъ были воздвигнуты дальнѣйшія преобразованія. Весь этотъ итогъ разнообразныхъ теченій повліялъ прямо на исходъ дѣла. Оттого, смѣемъ думать, великія преобразованія шестидесятыхъ годовъ, вполнѣ вѣрныя духу русской исторіи съ своей отрицательной стороны и въ своей современности, неоспоримо вѣрныя также въ коренномъ основаніи въ освобожденіи народа съ землей, оказались теоретическими, не совсѣмъ русскими, со стороны положительной, въ задуманномъ ими новомъ общественномъ устройствѣ, очевидно *сочиненномъ* людьми того времени.

Вопреки примѣрамъ, стоявшимъ передъ нашими глазами, мы сдѣлали опытъ, никому еще не удававшійся въ Европѣ и шедшій въ разрѣзъ всему содержанію нашей послѣпетровской исторіи: окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое, еще не достаточно связное, еще не созрѣвшее культурное сословіе, требовавшее времени и самодѣятельности для того, чтобы стать на ноги—и теперь вкушаемъ уже первые плоды начавшагося всеобщаго нравственнаго разброда, но только первые—далеко еще не послѣдніе плоды. Въ настоящее

время у насъ, какъ во Франціи, не набирается четырехъ человѣкъ для выраженія одного и того же мнѣнія, и нельзя связать вмѣстѣ даже двухъ человѣкъ для проведенія какого нибудь общественнаго дѣла, внѣ личныхъ интересовъ; за то, не въ примѣръ Франціи, гдѣ, по старой привычкѣ, надъ человѣкомъ стоитъ еще нѣкоторый надзоръ мнѣнія, у насъ нравственное своеволіе личности ограничивается только чертой, за которою начинается вмѣшательство власти. Связность общества, внутренняя его дисциплина, подчиняющая лицо большинству съ тѣхъ сторонъ жизни, къ которымъ офиціальный законъ не имѣетъ доступа—безъ чего свобода невозможна—не успѣвшая окрѣпнуть до эпохи преобразованій, расшаталась совсѣмъ, какъ только съ нашего юнаго культурнаго общества была снята прежняя обстановка, хотя бы искусственная, поддерживавшая его цѣльность; общество наше подверглось участи всякаго кирпича, съ котораго снимутъ рамку прежде чѣмъ онъ затвердѣетъ. Слѣдуя нынѣшнимъ путемъ, мы неизбѣжно придемъ къ исходу слишкомъ явному, чтобы можно было въ немъ усомниться: къ тому исходу, что русское общество, т. е. вся наша историческая культурная сила, разсыпется сухимъ пескомъ, утратитъ всякую способность къ какому либо сборному дѣлу, къ какому либо умственному или практическому почину, утратитъ всякое опредѣленное сознаніе о различіи между нравственно-должнымъ и не-должнымъ, всякую мысль объ общемъ дѣлѣ, сохраняя почтеніе къ одной только истинѣ — къ практической истинѣ личныхъ интересовъ. Вѣнцомъ такого общества станетъ видимо выростающая у насъ еврейская биржевая аристократія, какъ подательница единственнаго блага, сохраняющаго свою цѣну одинаково и въ глазахъ потомковъ Пожарскаго и въ глазахъ семьи Минина. Наше общество будетъ въ состояніи производить, можетъ быть, лично способныхъ людей, но не выработаетъ ничего изъ самаго себя, не сложится ни во что опредѣленное. Намъ придется или дожидаться того счастливаго часа, когда весь русскій народъ поголовно обратится въ американскій въ отношеніи политической зрѣлости,—конечно, по вдохновенію свыше, потому что нынѣшнимъ путемъ мы не придемъ къ такому концу, — или же оставаться на вѣки народомъ, способнымъ жить только подъ строгимъ полицейскимъ управленіемъ; наша будущность ограничится одною постоянною перекройкою административныхъ учрежденій. Не-

чего и говорить, что на такомъ основаніи русская мысль и самобытная закваска, вложенная въ русскій народъ его исторіей, пропадутъ даромъ, не разовьются ни во что осмысленное. Нашъ упадокъ совершится постепенно, не вдругъ, но совершится непремѣнно. Кто тогда будетъ правъ?—Рѣшаемся выговорить вслухъ: одна изъ двухъ силъ—или русская полиція, или наши цюрихскіе бѣглые съ ихъ будущими послѣдователями. Судьба Россіи, лишенной связнаго общества, будетъ со временемъ поставлена на карту между этими двумя партнерами.

Если наша насущная потребность, наше спасеніе, заключается въ общественномъ объединеніи, то мы можемъ спастись только возвращеніемъ на свой историческій путь, явно начертанный всѣмъ нашимъ прошлымъ—можемъ найдти объединеніе лишь въ единственной гражданской группѣ, нѣсколько привыкшей къ связности — въ наслѣдственномъ культурномъ сословіи, заключающемъ въ себѣ покуда итогъ русской сознательной силы, составляющемъ единственное наслѣдство, полученное нами отъ петровскаго періода, а не въ сочиненіи чего-либо новаго и произвольнаго, еще никогда не удавшагося въ исторіи. Мы далеки отъ мысли о какой либо кастовой исключительности по крови и породѣ; мы считаемъ, вмѣстѣ съ большинствомъ, русскую монархію—монархіей чисто-народной въ своей сущности; мы хорошо понимаемъ, что Россія, созданная, одна изъ всѣхъ государствъ свѣта, не завоеваніемъ, а обще-народною потребностью единства, не имѣетъ никакого повода предпочитать одну группу гражданъ другой, независимо отъ личной способности людей; мы вполнѣ вѣримъ въ русскій народъ, не миѳологическій народъ славянофиловъ, обладающій небывалыми на свѣтѣ качествами, а въ дѣйствительный народъ, доказавшій много разъ свои великія свойства—и въ пору созданія московскаго государства, и въ 1612, и въ 1812 годахъ,—въ народъ, который нынѣ, распущенный и оставшійся почти безъ надзора, ведетъ себя все-таки лучше европейской черни, у которой стоятъ по двѣ няньки надъ душой; наконецъ, мы чистосердечно вѣримъ въ будущность самобытно-развившейся всесословной Россіи. Но мы не вѣримъ тому, чему исторія не представляетъ примѣра, что отвергается разумомъ и самыми законами природы: возможности развитія безчисленнаго населенія, еще не выработавшаго себѣ оконча-

тельныхъ формъ, но уже заранѣе приведеннаго въ состояніе неразчлененнаго, безсословнаго студня; населенія, надъ которымъ не стоитъ явно очерченное, самодѣятельное, исторически-воспитанное культурное общество, скрѣпленное въ одно цѣлое чѣмъ бы то ни было: закономъ, обычаемъ или интересами; населенія, въ которомъ неразвитая масса предоставлена на произволъ ея инстинктовъ, а правительственное дѣйствіе — единственная живая у насъ сила—проводится исключительно посредствомъ наемниковъ—казеннаго чиновничества, въ сущности столь же чуждаго видамъ власти, какъ и мѣстнымъ пользамъ, а главное—чуждаго русскому народу, всѣмъ нравственнымъ сторонамъ его жизни, болѣе чѣмъ какое либо изъ нашихъ сословій. Несмотря на наружное сходство административныхъ формъ нынѣшняго времени и недавно окончившейся эпохи, между ними легла бездна. Пока русское дворянство составляло связное сословіе, какъ ни слабо оказывалось его политическое воспитаніе, оно все-таки было проникнуто чувствомъ своей обязанности къ престолу и Россіи; оно вносило это чувство въ государственную службу, военную и гражданскую; дворяне, получавшіе жалованье, были служилыми людьми своего отечества, а не простыми наемниками; мелкіе исполнители стояли подъ ихъ рукой; въ русскую службу вносился духъ не какихъ либо личностей только, а духъ сословія. Немного времени прошло со дня растворенія нашего отборнаго слоя въ массѣ, растворенія далеко еще не полнаго, а послѣдствія его сказались уже яркими чертами въ арміи, въ администраціи, а болѣе всего въ самомъ обществѣ, утрачивающемъ со-дня-на-день всякую нравственную дисциплину. Отдѣльный человѣкъ, какъ членъ общества, есть ничто, если онъ не какой нибудь исключительный герой; онъ силенъ и предпріимчивъ только взаимною поддержкою, онъ благонадеженъ только взаимнымъ ограниченіемъ; гдѣ нѣтъ связнаго общества, тамъ нѣтъ и надежныхъ людей. Оставаться въ нынѣшнемъ положеніи значитъ—не жить совокупною жизнію. Чѣмъ же, въ чемъ же, около чего же мы можемъ связаться? Единственный общественный слой въ Россіи, не только достаточно образованный, не только проникнутый въ извѣстной мѣрѣ историческими преданіями, но единственный, сохранившій хотя нѣкоторую привычку къ связности, къ подчиненію себѣ своихъ членовъ— есть дворянство, и только оно. Сознавая очень хорошо вре-

менное обезличеніе, политическую нестройность, малую привычку къ дружному дѣйствію, еще усиленную отвычкою послѣднихъ годовъ, признавая всю недозрѣлость русскаго дворянства, воспитаннаго, можно сказать, не сословно, а въ одиночку, разсыпавшагося на половину, вдобавокъ, во всѣ стороны со времени преобразованій, мы все-таки не знаемъ въ Россіи никакого другого общества, кромѣ дворянскаго, не видимъ никакого другого матеріала, который могъ бы послужить основаніемъ связному, мыслящему и политическому русскому обществу, кромѣ дворянства. Всѣ знаютъ, что наше дворянство—не самостоятельное сословіе въ государствѣ и не можетъ быть такимъ, потому что оно есть твореніе верховной власти; что оно—не каста, а учрежденіе чисто-политическое, первый приступъ къ организаціи Россіи, не успѣвшей еще вполнѣ организоваться; даже менѣе того: оно покуда только можетъ стать политическимъ учрежденіемъ въ пособіе самой власти, до сихъ же поръ было лишь сословіемъ служилымъ, а потому оно никакъ не въ состояніи злоупотребить своимъ положеніемъ для собственныхъ сословныхъ цѣлей; но зато оно одно можетъ дать намъ то, чего у насъ теперь положительно нѣтъ и безъ чего нельзя жить: стройность и совокупность русскаго общества, обязательное мнѣніе и способность къ общественному почину, не стѣсняя никакого проявленія жизни внизу, принимая въ себя всѣ притоки выростающихъ изъ почвы силъ, служа сознательно верховной власти и направляя народъ въ свойственномъ ему духѣ, а не въ духѣ канцелярскаго прогресса. Русское дворянство, организованное и открытое, составляющее союзъ образованныхъ русскихъ родовъ, какого бы они происхожденія не были, тѣсно сплоченное съ верховною властью, надолго обезпечитъ правильное развитіе Россіи, обезпечитъ его до тѣхъ поръ, пока не воспитаетъ народъ до всесословности—не на словахъ, а на дѣлѣ. Конечно, нужно время, вѣроятно даже цѣлое поколѣніе, для того, чтобы сложить въ связное сословіе наше дворянство и все, что должно прирости къ нему въ настоящемъ и будущемъ; разомъ ничего не дѣлается, а теперь, когда нашъ культурный слой расшатался и расплылся, для срощенія его требуется еще больше времени, чѣмъ понадобилось бы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; но у насъ нѣтъ другого выхода изъ нынѣшняго нескладнаго и ничего не обѣщающаго впереди положенія. Ни

наше общество, ни наша армія, ни наши учрежденія не могутъ поправиться и развиться безъ новой склейки, ядромъ которой можетъ служить только то, что дѣйствительно у насъ есть—петровское дворянство съ крупнымъ купечествомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Обращаясь къ образованнымъ кругамъ, несущимъ на своихъ плечахъ житейскія тягости, некого, кажется, убѣждать въ той истинѣ, что мы находимся въ полномъ нравственномъ разбродѣ и что въ такомъ положеніи нельзя оставаться. Громадное большинство нашихъ развитыхъ людей сознаютъ необходимость организовать русскую жизнь, дать ей средоточіе. Но если большинство пришло къ сознанію этой потребности, то взгляды его на причины нашего общественнаго разобщенія, а стало быть и на средства къ излѣченію, очевидно еще не объединились. Наше образованное и даже просто практическое большинство, офиціальное и частное, видитъ необходимость устроить нынѣшній непорядокъ, поставить объединеніе на мѣстѣ разлада и предоставить управленіе мѣстною жизнію, вершеніе чисто общественныхъ задачъ, благонадежнымъ рукамъ, но чьимъ именно рукамъ — это вопросъ еще колеблющійся. Онъ колеблется потому именно, что на него смотрятъ почти исключительно съ одной только стороны, формальной и внѣшней—со стороны задачъ мѣстнаго самоуправленія, между тѣмъ какъ въ немъ заключается еще внутренняя и гораздо важнѣйшая сторона, чисто нравственная — вопросъ о нашей общественной цѣльности, о развитіи и организаціи русскаго мнѣнія, русскихъ направленій и русской сборной дѣятельности, которыя могутъ сложиться и явно высказаться только въ твердо установленномъ кругѣ людей сознательныхъ, понимающихъ другъ друга и свои права, привыкшихъ къ совокупному дѣйствію, идущихъ къ одной цѣли, хотя бы различными путями. Безъ этихъ условій у насъ никогда не сложатся большія, дисциплинированныя группы единомышленниковъ и не окажется господствующаго мнѣнія, т. е. Россія никогда не станетъ нравственно организованною страной. Извѣстно, что никакое тѣло, растворенное въ слишкомъ большомъ количествѣ жидкости, не кристаллизуется. Вотъ важнѣйшая сторона вопроса. Время требуетъ (надо прибавить—всегда требовало) объединенія русскаго историческаго слоя, выросшаго и выростающаго изъ слоевъ стихійныхъ, способнаго осуществить

въ себѣ самостоятельную умственную жизнь Россіи и статъ сознательнымъ, отвѣтственнымъ во всемъ своемъ объемѣ орудіемъ верховной власти, для развитія нашего будущаго. Эта вторая потребность очевидно господствуетъ надъ первою—надъ пригодностію тѣхъ или другихъ формъ мѣстнаго самоуправленія, хотя въ тоже время даетъ и ей самой правильный исходъ. Въ русскихъ уѣздахъ существуетъ только то разумное общество, которое существуетъ въ русскомъ государствѣ; устройство швейцарскаго кантона въ такой степени не соотвѣтствуетъ состоянію нашего уѣзда, въ какой общее устройство швейцарскаго союза не соотвѣтствовало бы состоянію русской имперіи. Задача текущаго времени рѣзко отличается отъ той, которую большинство нашего общества радостно привѣтствовало въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; тогда, выйдя въ первый разъ на волю изъ полуторавѣковой школы, мы желали прежде всего осуществленія своихъ завѣтныхъ, хотя напускныхъ идеаловъ; теперь же намъ приходится думать объ удовлетвореніи нашимъ вопіющимъ потребностямъ. Мы пожили съ тѣхъ поръ и понабрались опытности.

Можно спокойно ожидать часа, когда мнѣніе о необходимости общественной связности, такъ же какъ о невозможности оставить народную толпу безъ просвѣщеннаго руководства, станетъ всеобщимъ между нашими образованными людьми. Но какимъ путемъ достигнуть этихъ цѣлей? Въ этомъ отношеніи, насколько можно оглядѣться въ нынѣшней пестротѣ взглядовъ, существуютъ три главныя мнѣнія: одни думаютъ что дѣло обойдется само собою, безъ законодательныхъ мѣръ, и что нашъ культурный слой собственною силою всплыветъ на верхъ, что мы сростемся потихоньку; другіе, сознающіе потребность объединенія безъ проволочки и не вѣрящіе быстрому торжеству однѣхъ нравственныхъ началъ въ неустроенномъ обществѣ, хотятъ исключительнаго господства ценса, съ устраненіемъ всякой сословности; третьи, наконецъ, и мы въ томъ числѣ, довѣряютъ также мало спасительному дѣйствію ценса въ самомъ себѣ, какъ и самобытному торжеству разума, и думаютъ, что въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ вещественномъ мірѣ, ничто не слагается безъ центра тяготѣнія.

Первое мнѣніе — о самородномъ и безыскусственномъ возстановленіи русской цѣльности — не выдерживаетъ критики. Всякая сила, конечно, имѣетъ вѣроятность восторжествовать

рано или поздно, если она сила совокупная, растущая; но въ томъ и дѣло, что у насъ существуютъ только запасы общественной силы, а связаться имъ не на чемъ. Подъ щитомъ сильнаго правительства, обезпеченные въ сохраненіи наружняго порядка, мы можемъ долго прожить въ состояніи безпорядка внутренняго, такъ долго, что наконецъ по привычкѣ утратимъ вѣру во все на свѣтѣ, кромѣ одной полиціи; тогда будетъ уже поздно поправляться. Тамъ, гдѣ есть привычка къ общественному объединенію, препятствія не страшны. Еслибъ Англія была вдругъ погружена въ анархію какимъ-либо нежданнымъ переворотомъ, то все-таки нечего было бы опасаться за ея общество, за ея владычествующую и связующую силу: англійское общество могло бы утратить свои историческія формы, но оно не утратило бы ни своего нравственнаго господства въ странѣ, ни своей стойкости и цѣльности, какъ не утратили ихъ англійскіе культурные классы на американской почвѣ. Дѣйствительная сила всегда возьметъ свое; но у насъ вопросъ идетъ не о проявленіи силы существующей, а о томъ, чтобъ эта сила могла сложиться на нашей бездѣйственной почвѣ сама собой, не только безъ поддержки закона, но вопреки закону, недавно упразднившему завязи ея, начавшія было складываться. Мы всѣ видимъ своими глазами какъ русское общество стало съ тѣхъ поръ расшатываться, терять всякое единство; но не видимъ никакой причины, даже въ будущемъ, которая могла бы сама собой породить обратное движеніе. Если бы даже такое движеніе могло возникнуть само собою когда нибудь, что вовсе невѣроятно, то, въ ожиданіи этого счастливаго дня, мы настолько отстали бы нравственно отъ всего свѣта, въ такой вѣкъ, когда всякій слабый виноватъ, что поплатились бы за внутреннее неустройство даже своимъ международнымъ положеніемъ.

Разбирая вышеприведенное мнѣніе, мы не касались двухъ разрядовъ людей: тѣхъ, которымъ всесословность мила по вкусу, которые любятъ ее какъ учрежденіе *либеральное* и видятъ ней обезпеченіе воображаемыхъ правъ народа противъ захвата высшихъ сословій—однимъ словомъ, людей, смотрящихъ на безсословность какъ на плодотворное начало въ самой себѣ и ожидающихъ отъ нея неизвѣстныхъ имъ самимъ, но во всякомъ случаѣ хорошихъ послѣдствій; тѣхъ также, для которыхъ безсословность составляетъ средство, а не цѣль. Первые у насъ очень много-

численны, но наклонность ихъ нельзя назвать прямо мнѣніемъ, — это больше вкусъ, а о вкусахъ не спорятъ. Въ другихъ земляхъ иначе. Правильно или утопически понимаетъ европейское фабричное населеніе свои пользы, силясь оторваться отъ культурныхъ слоевъ страны, но на западѣ это движеніе существуетъ, оно было достаточно сильно, чтобы провести законъ о всеобщемъ голосованіи, оно вызвало не мало печальныхъ, но тѣмъ не менѣе крупныхъ явленій въ народной жизни; тамъ оно дѣйствительность, а потому естественно находитъ въ образованныхъ кругахъ сторонниковъ и вожаковъ. Въ нашемъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ стремленій къ обособленію по множеству причинъ, давно уже указанныхъ, между прочимъ указанныхъ и въ нашей книгѣ. Русскій народъ — земледѣльческій, осѣдлый до такой степени, что даже въ Петербургѣ онъ не разрываетъ связи съ родною деревнею; не скученный въ городахъ, всегда бывшій собственникомъ на дѣлѣ, а теперь ставшій имъ по праву; онъ, правда, не устроенъ еще вполнѣ въ качествѣ собственника, но не устроенъ потому, что бюрократическая опека, взявшая его на свое попеченіе, не въ силахъ идти далѣе наружнаго устройства; есть надежда весьма сбыточная, что у насъ можетъ широко развиться артельное производство и что вслѣдствіе того преобладаніе капитала не станетъ въ Россіи такимъ гнетомъ какъ въ Европѣ; но даже этотъ вопросъ, при слабомъ развитіи русской промышленности, принадлежитъ еще будущему, а не настоящему и не можетъ покуда вызывать никакихъ практическихъ мѣръ. Затѣмъ, сословной борьбы въ Россіи не было и не будетъ, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ, а есть только два слоя — образованный и необразованный, — изъ которыхъ первый, по необходимости, служилъ, служитъ и будетъ служить орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Вопросъ въ томъ, какой видъ службы этого слоя наилучше соотвѣтствуетъ условіямъ времени — чисто казенный, какъ нынѣ, или земскій? Рѣчь идетъ не о передвиженіи властнаго положенія изъ одного общественнаго пласта въ другой, что дѣйствительно отзывалось бы переворотомъ; оно остается неизбѣжно въ томъ же самомъ слоѣ, способномъ его нести; дѣло въ томъ, чтобы сложить образованныхъ русскихъ людей, имѣвшихъ до сихъ поръ лишь значеніе казенныхъ чиновниковъ, въ связную, по возможности самостоятель-

ную гражданскую группу, остающуюся, какъ и прежде, прямымъ орудіемъ верховной власти. Эта потребность вызывается не теоріею, а дѣйствительностію, такъ какъ нашъ разрозненный культурный слой, объединяемый только механически государственною службою, оказывается съ каждымъ днемъ все безсильнѣе передъ возникающими общественными задачами. Онѣ становятся не по плечу ему, не только по отчужденности его отъ почвы и дѣйствительной жизни, но также вслѣдствіе въѣвшагося въ него, очень понятнаго равнодушія и къ общему дѣлу и къ кореннымъ государственнымъ основамъ; большинству всякаго чиновничества все равно отъ кого получать жалованье, лишь бы получать его; характеръ наемничества вытравляетъ изъ него все болѣе гражданское чувство, а между тѣмъ для земской дѣятельности остается лишь оборышъ людей. Для собственнаго обезпеченія, правительству выгодно обратить созданный имъ культурный слой изъ слугъ наемниковъ въ вѣрноподданныхъ гражданъ, повѣряющихъ другъ друга передъ лицомъ всей земли. При безформенности, какъ и при общественной сомкнутости, значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, народъ находится подъ его же управленіемъ, но мѣра пользы, приносимая имъ, будетъ совсѣмъ иная. Исключительное значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, только лучше приспособленнымъ къ потребностямъ времени. Спорить о такомъ приспособленіи можно лишь въ смыслѣ политическихъ, а не соціальныхъ видовъ, которые остаются тутъ не причемъ. Наконецъ наша верховная власть, общенародная по своему происхожденію, никогда не допуститъ преобладанія одной группы русскихъ людей надъ другою, въ ея личную пользу, независимо отъ пользъ государственныхъ. При такомъ національномъ складѣ, мы смѣло можемъ сосредоточить помыслы на потребностяхъ текущей эпохи, не принимая въ расчетъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ западную Европу, и не пробуя кроить себѣ политическаго платья съ запасомъ, для неизвѣстныхъ нуждъ отдаленныхъ поколѣній. По самой сущности единственныхъ нашихъ русскихъ дѣйствительностей, образуемыхъ двумя полюсами—исторической верховною властію и духомъ народа,—потребное намъ, осмысленное современное устройство, есть только форма, организація общества, соотвѣтствующая его росту; она не заковываетъ жизнь будущихъ поколѣній въ какой либо неизмѣнный

типъ, не предрѣшаетъ нисколько того, что окажется нужнымъ Россіи черезъ сто или двѣсти лѣтъ. Наша исторія послѣдовательно мѣняла орудія, посредствомъ которыхъ правительство проводило свои дѣйствія въ страну; стало быть, ей и теперь нѣтъ надобности стѣснять себя изъ-за фантастическихъ соображеній о потребностяхъ грядущихъ поколѣній, тѣмъ болѣе, что человѣку не дано заглядывать такъ далеко въ будущее. «Нѣсть бо ваше вѣдѣніе времена и вѣки», сказалъ всемірный учитель. Современныя же нужды — не только общества, но простонародья, требуютъ у насъ прежде всего совокупности, взаимодѣйствія и просвѣщеннаго руководства, невозможныхъ безъ связности образованнаго слоя. Такое руководство необходимо болѣе всего самому же народу, для того, чтобы развить врожденныя ему способности; самъ по себѣ въ цѣлую тысячу лѣтъ онъ развился лишь до того состоянія, въ которомъ пребываетъ на нашихъ глазахъ. Русское простонародье понимаетъ свои выгоды несравненно яснѣе книжныхъ своихъ сторонниковъ: оно мало довѣряетъ выборному начальству изъ своей среды. полагается гораздо болѣе на мѣстнаго помѣщика, чѣмъ на либеральнаго чиновника, не знаетъ никакой зависти къ высшимъ классамъ, выросшимъ и повседневно выростающимъ изъ его же среды. Надобно полагать, что русскому сельскому люду показалось бы довольно забавнымъ предложеніе: потерпѣть неурядицу неопредѣленное время для того, чтобъ когда нибудь, какое нибудь изъ русскихъ поколѣній не было стѣснено существующими формами въ свободномъ выборѣ своего общественнаго устройства. Надобно думать, что этому вожделѣнному поколѣнію пришлось бы даже не подъ силу строить что бы то ни было — оно слишкомъ отупѣло бы отъ вѣковой разладицы. Между тѣмъ — вотъ все, на что сводятся доводы любителей безсословности ради самой безсословности. Умнѣйшіе изъ нихъ понимаютъ невозможность оставаться долго въ чисто-хаотическомъ состояніи и ищутъ выхода — не въ общей и явной связности по закону и обычаю, а въ частномъ, какъ бы потайномъ сростаніи въ средѣ каждой общественной группы особо — что, во-первыхъ, не подаетъ никакой надежды на успѣхъ и вовсе не достигаетъ существенной цѣли, а во-вторыхъ — доказываетъ внутреннее признаніе самаго принципа, съ желаніемъ обойти его во что бы ни стало — изъ-за личнаго вкуса. Каковы бы ни были взгляды нашихъ сторонниковъ безформен-

ности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, они очевидно принадлежатъ къ еретической для науки сектѣ, вѣрующей въ самозарожденіе; они ждутъ всходовъ тамъ, гдѣ ничего не посѣяно и не хотятъ понять, что безформенность, являющаяся не въ колыбели общества, а въ порѣ его сознательности, можетъ развиваться только въ свойственномъ ей духѣ; что безформенность текущаго дня обращается въ двойную безформенность завтрашняго и тройную послѣдующаго, пока наконецъ нравственныя силы народа, не высказавшись, придутъ въ разложеніе и нація начнетъ скатываться по обратному склону.

Мы не станемъ распространяться о немногихъ людяхъ, видящихъ въ нынѣшней безсословности лишь средство—для осуществленія желаній, въ которыхъ они не могутъ признаться. Такой разговоръ въ печати невозможенъ. Но для насъ не составляетъ сомнѣнія тотъ выводъ, что даже эти люди, и даже съ ихъ исключительной точки зрѣнія, глубоко ошибаются; массу можно поворотить въ какую бы то ни было сторону только умственными силами, которыя должны образовать прежде нѣчто цѣльное, способное слагаться въ опредѣленныя группы; иначе происходитъ лишь одно послѣдствіе—только впадаетъ въ китайскій застой и всякое желаніе дѣйствовать на нее уподобляется тогда затѣѣ—вызвать бурю на морѣ, дуя на него съ берега. Возстановленіе общественной цѣльности разсѣетъ, очевидно, утопіи этихъ искателей приключеній, они увидятъ въ очію свою ничтожность, какъ только можно будетъ сосчитать направленія; но тогда, по крайней мѣрѣ, они явно поймутъ причины своей несостоятельности, чего теперь не могутъ понять. Увѣковѣченіе современнаго разлада не обѣщаетъ выгоды никакому *мнѣнію*, ни съ какой точки зрѣнія; но оно представляетъ положительный вредъ всякому *дѣлу*, общему и частному, дѣлу всякихъ людей, каковы бы ни были ихъ личныя стремленія. Потому, оставляя въ сторонѣ мнѣніе о самозарожденіи русскаго общества, какъ противное законамъ природы, отвергающимъ всякое самозарожденіе, сосредоточимъ исключительное вниманіе на сбыточномъ.

Второе мнѣніе—о возможности создать живое русское общество исключительно посредствомъ ценса—нельзя не назвать серьезнымъ: оно приводитъ въ свою пользу вѣскіе доводы; тѣмъ не менѣе мы считаемъ и этотъ способъ недостигающимъ цѣли, имѣемъ явныя причины, какъ читатели увидятъ, счи-

тать его такимъ. Главный доводъ сторонниковъ этого мнѣнія состоитъ въ трудности,—по ихъ словамъ, почти невозможности—воскресить русское дворянство въ его прежнемъ сословномъ видѣ, вновь вдохнуть въ него жизнь. Они говорятъ: «Наше дворянство, во-первыхъ, разсыпалось. Въ переходное время преобразованій, тѣ изъ русскихъ помѣщиковъ, которые имѣли побольше средствъ, уѣхали за границу, тѣ, которые имѣли ихъ меньше, вторично поступили на службу, или перебрались въ города; ни тѣхъ ни другихъ теперь уже не соберешь. Наши уѣзды опустѣли до такой степени, что даже для нынѣшней земской службы, съ ея тѣснымъ кругомъ дѣйствія, нѣтъ достаточнаго числа благонадежныхъ людей. Уцѣлѣла одна только петербургская аристократія, поголовно-служащая или считающаяся на службѣ, давно уже ставшая совершенно чуждою областямъ. Кромѣ того, слабая связь, соединявшая дворянство въ сословіе, теперь почти совсѣмъ распалась; само общество не дѣлаетъ никакого различія между мѣстнымъ дворяниномъ и всякимъ другимъ ценсовымъ владѣльцемъ. Въ третьихъ, дворянство потеряло вѣру въ себя и въ свое значеніе; разстроенное однажды, оно будетъ смотрѣть на себя, если его сомкнуть вновь, какъ на наружное учрежденіе, подверженное въ будущемъ опять может быть новой ломкѣ, а не какъ на твердое самостоятельное сословіе. Въ четвертыхъ, человѣкъ силенъ только сборнымъ духомъ своего общества, а съ тѣхъ поръ какъ дворянское общество перестало быть дѣйствительностію и обратилось въ нарицательный сборъ землевладѣльцевъ, въ немъ замѣтно ослабѣлъ прежній духъ: гдѣ тѣ люди изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, какихъ мы знали—стойкіе, полные уваженія къ своему званію и доброжелательные къ низшимъ, къ которымъ ходилъ судиться весь околотокъ? Возможно-ли, прибавляютъ сторонники ценса, воскресить прошлое и не признать дѣйствительности какъ она есть. Конечно, у насъ теперь нѣтъ общества и оставаться въ такомъ состояніи нельзя. Но за неимѣніемъ дворянства, можно попытаться связать въ нѣчто цѣльное—имущественные, ценсовые классы».

Мы не ослабляли доводовъ этого мнѣнія, напротивъ, рады были бы усилить ихъ новыми, чтобы освѣтить дѣло со всѣхъ сторонъ; мы ищемъ не литературнаго успѣха, а выхода изъ нашего современнаго хаоса, а потому не отвращаемъ умыш-

ленно глазъ отъ дѣйствительности. Въ вышеприведенныхъ доводахъ несомнѣнно есть много правды, но только эта правда нисколько не измѣняетъ постановки дѣла: она не доказываетъ ни возможности сложить прочное, охранительное общество безъ исторической сердцевины, изъ такихъ несвязныхъ лоскутьевъ, какъ случайный имущественный ценсъ, ни возможности найти въ Россіи какую бы то ни было склейку, какую нибудь, хотя бы расшатанную, привычку къ единству и связности внѣ дворянства. Во внутреннемъ обозрѣніи «Вѣстника Европы» за январь 1874 года была съ рѣдкою силою выяснена немыслимость надежды—создать стройное и охранительное политическое общество изъ всѣхъ выигравшихъ нумеровъ текущей спекуляціи. Въ томъ же журналѣ была помѣщена замѣчательная статья г. Маркова о вопросѣ—кто можетъ вести мѣстное самоуправленіе и кому вѣритъ русскій народъ. Всѣ читали письма изъ провинціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Мы указали только на выдающіеся труды въ этомъ родѣ,—но ихъ много, наше общество начинаетъ высказываться, и изъ показаній его достаточно видно, насколько оно вѣритъ и въ успѣхъ безсословности, и въ спасительную силу одного ценса. Но дѣло не въ статьяхъ. Въ глазахъ свѣта стоитъ довольно примѣровъ, какъ удачно ценсъ, самъ по себѣ, спасалъ европейское общество. До сихъ поръ ценсовое сословіе удалось только въ Англіи, потому что оно явилось тамъ не бюрократическимъ спискомъ крупныхъ плательщиковъ податей, а постепеннымъ разростаніемъ высшаго историческаго сословія страны, органически сращавшаго и сращающаго съ собою все подымающееся вверхъ. Но этотъ же самый ценсъ, введенный искусственно, какъ учрежденіе,—какъ нѣкоторые предлагаютъ ввести его у насъ,—во французское общество, не сплотилъ и не спасъ ничего; вооруженная ценсовая буржуазія была взята въ плѣнъ нѣсколькими сотнями уличныхъ оборванцевъ. Во Франціи же дѣло шло только объ охраненіи общества, у насъ оно идетъ—о созданіи его. Какая связность, а главное—какая умственная цѣльность, необходимая для установки русскаго общественнаго мнѣнія, можетъ быть достигнута бумажнымъ объединеніемъ самыхъ разнородныхъ, чуждыхъ между собою даже въ коренныхъ понятіяхъ, плохо-понимающихъ другъ друга единицъ, не соприкасающихся между собою внѣ офиціально навязанныхъ имъ занятій? Между тѣмъ, эти же самые люди,

примыкающіе постепенно—одни потомственно, другіе лично—къ средѣ уже установленной и представляющей хотя нѣкоторую связность, непремѣнно станутъ проникаться ея духомъ и свяжутся между собой органически. Политическое общество, построенное на такихъ началахъ, будетъ имѣть подъ собой основаніе, способное къ дальнѣйшему развитію; во всякомъ же случаѣ мы пойдемъ впередъ англійскимъ ходомъ, который привелъ къ чему нибудь положительному, а не французскимъ, который привелъ только къ септеннату. Если бы намъ пришлось необходимо выбирать между политическимъ обществомъ исключительно цензовымъ и нынѣшнимъ безсословнымъ разладомъ, мы не колеблясь предпочли бы второй. Русскій народъ самъ по себѣ, какъ охранительный устой, вѣрный своимъ кореннымъ преданіямъ, вполнѣ благонадеженъ. Неудобство нынѣшняго склада заключается въ томъ, что этому народу приходится рѣшать вопросы на три четверти для него недоступные—причемъ, естественно, онъ становится жертвою всякихъ интригъ въ пользу личныхъ интересовъ. Съ развитіемъ нашей общественной жизни число недоступныхъ народу вопросовъ возрастетъ до $^{9}/_{10}$, что затормозитъ все дѣло; съ тѣмъ вмѣстѣ растворенное въ массѣ культурное общество останется на вѣки не сложившимся. Но при нынѣшнемъ устройствѣ, наша сборная жизнь основана все-таки на почвѣ, хотя и непроизводительной, а не на флюгерѣ, какъ было бы съ передачею ея въ руки такой мѣшанины, какую представляетъ нынѣшній русскій цензъ, особенно не высокій,—потому что цензъ высокій, господство исключительно богатыхъ людей, у насъ немыслимо; оно слишкомъ противорѣчитъ русскимъ нравамъ.

Недостатки русскаго дворянства въ его нынѣшнемъ видѣ очевидны; но они не такого свойства, чтобы можно было не только отчаяваться за него, но даже сомнѣваться въ томъ, что наше дворянство можетъ служить надежною сердцевиною русскому культурному слою, какъ будущему политическому сословію, и русской умственной жизни. А какъ внѣ дворянства у насъ положительно ничего нѣтъ, то и выбирать не изъ чего. Общіе же недостатки нашего дворянства, какъ всякій знаетъ, состоятъ въ разрозненности, значительно увеличившейся еще въ послѣдніе годы, и въ отсутствіи гражданскаго воспитанія—откуда и обезличеніе, и шаткость. Какъ исключительно служилое, оно связывалось только вокругъ престола,

въ государственной дѣятельности: но по крайней мѣрѣ эта связь, вмѣстѣ съ извѣстною однородностію воспитанія и преданій, осталась въ немъ и только въ немъ одномъ; она легко перейдетъ въ связность гражданскую, земскую, какъ только наше историческое сословіе будетъ поставлено передъ настоящимъ дѣломъ—поставлено какъ сословіе, а не какъ сборъ несвязныхъ личностей. Частные же вышеуказанные недостатки дворянства, на которые упираются сторонники исключительнаго ценса, составляютъ принадлежность—не сословія, а только нынѣшней переходной полосы времени. Отказываться отъ единственнаго орудія общественной силы, оставленнаго намъ въ наслѣдство многовѣковой исторіей, изъ-за временныхъ его несовершенствъ, значило бы дать ему ржавѣть еще болѣе и добровольно увѣковѣчивать наше неутѣшительное настоящее. Всѣ недостатки русскаго культурнаго слоя привиты ему школьнымъ періодомъ и теоретическимъ переустройствомъ, а потому всѣ они излѣчиваются дѣятельною общественною жизнью. Начнемъ съ перваго недостатка. Покуда, правда, наша аристократія (служебная—другой у насъ никогда несуществовало) дѣйствительно оторвана отъ своего сословія, что сильно подрываетъ его значеніе. Со временъ Петра Великаго верхушки привилегированнаго класса постоянно замыкались въ столицахъ и не составляли одного тѣла съ областнымъ дворянствомъ, въ силу тѣхъ же условій, которыя разъединяли все дворянство между собою—въ силу потребностей государственной службы. Для этихъ цѣлей исключительно создавались у насъ и новая аристократія, и все культурное сословіе. Очевидно, что съ измѣненіемъ способа правительственнаго дѣйствія сообразно спросу времени, съ перенесеніемъ центра управленій изъ канцелярій въ земство, большинство дворянства, служившаго до сихъ поръ верховной власти въ качествѣ слугъ-чиновниковъ, обратится въ ея слугъ земскихъ; въ земствѣ будетъ составляться репутація людей; земство, а не столичныя гостиныя и министерскія канцеляріи станутъ разсадникомъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Такое же разсредоточеніе (вмѣсто нынѣшняго военно-окружнаго) крайне необходимо для арміи; высшее и низшее дворянство должны быть одинаково разлиты въ ней. Когда двойное это перемѣщеніе совершится,—а безъ него мы не обойдемся—тогда большинству богатыхъ русскихъ родовъ не зачѣмъ будетъ скопляться въ столицѣ—праздная жизнь внѣ

всякой службы не въ нашихъ нравахъ; для своей прямой пользы они станутъ начинать карьеру на родинѣ, сольются съ мѣстнымъ земствомъ и станутъ его головою. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ нашей сословной неокрѣплости разсѣется сама собою.

Тоже самое, и еще точнѣе, должно сказать о нынѣшней разсыпанности дворянства, объ опустѣніи нашихъ уѣздовъ. Это явленіе дѣйствительно существуетъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ новымъ будто бы правамъ сословія; въ немъ выразилась только особенность переходнаго времени. Конечно, теперь уже трудно собрать всѣхъ помѣщиковъ, разбѣжавшихся тринадцать лѣтъ тому за границу и въ города, но большинство ихъ вернется, когда увидитъ приличное для себя положеніе въ родной мѣстности; а затѣмъ у этихъ доморощенныхъ эмигрантовъ есть дѣти, уже взрослые, дѣло же идетъ не собственно о текущемъ часѣ, а о нашемъ будущемъ. Главное же, наше культурное общество, ставшее опять государственнымъ сословіемъ, будетъ властнымъ надъ своими членами, поголовно обязанными къ срочной земской службѣ, и не допуститъ новаго разброда между ними; да никто и не подумаетъ о разрывѣ связи съ своимъ пепелищемъ, когда земскія права будутъ упрочивать личное положеніе, а земская дѣятельность—складывать репутацію человѣка. Въ будущемъ, конечно, надобно ждать постепеннаго сокращенія въ деревняхъ дворянства мелкомѣстнаго, недостаточно обезпеченнаго своей землицей при новыхъ условіяхъ хозяйства; оно будетъ вытѣсняться крестьянскимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, оставаясь долго еще необходимымъ для государственной службы, особенно же въ арміи; но тѣмъ болѣе широкое поле предстоитъ дворянству ценсовому. Оно также будетъ отчасти и постепенно замѣняться новыми выросшими изъ почвы землевладѣльцами—(недвижимыя имѣнія стали переходить у насъ изъ рукъ въ руки гораздо чаще прежняго), но эти новые люди, выдвигаясь одинъ за другимъ и постепенно, станутъ прирастать органически къ государственному сословію въ свойственномъ ему духѣ. Духъ же этотъ сохранится и разовьется широко, опасаться тутъ нечего. Кажущееся оскудѣніе нынѣшняго сельскаго дворянства, отсутствіе людей, къ которымъ прежде ходилъ судиться весь околотокъ—произошли явно отъ его разсѣянія и отъ утраты прежняго положенія; люди эти живы, но

одни изъ нихъ въ отсутствіи, другіе не хотятъ и не могутъ выходить изъ предѣловъ частной жизни. Не всякій станетъ добровольно баллотироваться въ мировые судьи, при нынѣшнемъ духѣ и направленіи общественнаго дѣла. Наше культурное сословіе, конечно, утратило вѣру въ себя послѣ того какъ порвалась его сомкнутость и отъ него остались однѣ безсвязныя единицы; можно испарить всю невскую воду, разливъ ее по стаканамъ, выставленнымъ на солнце, хотя нельзя испарить текущую Неву. Также и съ сословіемъ. Самые развитые люди, кромѣ геніевъ, сильны только общественными, а не своими личными силами. Русское культурное сословіе, сложенное въ государственное, необходимо проявитъ всю суть умственныхъ и нравственныхъ силъ, присущихъ русскому народу—такъ какъ эти силы въ немъ только, и ни въ комъ кромѣ его, становятся вполнѣ сознательными. Потому, мы остаемся въ убѣжденіи, что выбора нѣтъ: само собой дѣло не поправится; исключительный ценсъ приведетъ насъ еще къ большей расшатанности, чѣмъ нынѣшняя безсословность; остается только дворянство, какъ средоточіе необходимой намъ организаціи. Конечно, къ дворянству, какъ къ сословію государственныхъ избирателей, представляющихъ собою не какую-либо сословную касту на западный образецъ, а итогъ умственныхъ силъ Россіи, необходимо присоединить крупные капиталы и людей умственнаго труда, заявившихъ свою способность—иначе оно осталось бы одностороннимъ и искусственнымъ учрежденіемъ, не выражающимъ дѣйствительности силъ, руководящихъ народною жизнію.

Когда политическое сословіе государства смыкается вокругъ наслѣдственнаго класса—иначе оно у насъ не мыслимо—то оно должно владѣть своими членами и открывать свою мѣстную среду не иначе, какъ по общему согласію — какъ лицамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ сословнымъ и ценсовымъ, такъ и людямъ всякаго званія, удостоеннымъ общественнаго довѣрія. Намъ замѣчали, что группа полноправнаго мѣстнаго сословія будетъ облечена такимъ образомъ правами остзейскаго дворянства; мы не видимъ тутъ ничего схожаго. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ привилегированное сословіе пользуется правомъ допускать въ свою среду благородные роды наслѣдственно, мы же говоримъ о личной оцѣнкѣ людей; но, кромѣ того, остзейское дворянство есть кровная каста, руководимая

своимъ тѣснымъ сословнымъ духомъ, а у насъ же дѣло идетъ о томъ только, чтобы сомкнуть въ одно цѣлое политическій и гражданскій, естественно выросшій и постоянно выростающій изъ почвы культурный слой, сплотить сословіе русскихъ европейцевъ, способныхъ относиться сознательно къ вопросамъ времени. Если такая спайка не можетъ обойтись у насъ безъ признаннаго дворянства, то никакъ не вслѣдствіе какого-либо аристократизма въ началахъ, а по тремъ давно уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ причинамъ: потому что у насъ нѣтъ другого образованнаго слоя, кромѣ дворянскаго; потому что въ одномъ дворянствѣ у насъ оказывается нѣкоторая привычка къ связности; потому что нашъ культурный пластъ существуетъ покуда въ видѣ сырого матеріала—не болѣе; ему предстоитъ еще связаться, а прочно связаться безъ сердцевины, безъ устойчиваго общественнаго центра — невозможно, какъ доказываетъ исторія. Мы достаточно развили эти доводы въ предшествующихъ главахъ. Въ нашихъ мѣстныхъ культурныхъ группахъ, положимъ хоть уѣздныхъ, прочно устроенныхъ, не можетъ зародиться никакого кастоваго духа, а потому и въ выборахъ ихъ выразится только мѣстное общественное мнѣніе, а не сословная ревность, какъ въ остзейскомъ дворянствѣ. Между обществомъ такого устройства, хотя бы сто разъ привилегированнымъ, т. е. полноправнымъ въ смыслѣ общественной дѣятельности, и аристократіей какого бы ни было вида, нѣтъ ничего общаго. Смѣшивать эти два разряда учрежденій, значитъ не понимать основаній—не только общественной науки, но даже практической жизни. Аристократическое общество не сочиняется; да у насъ нѣтъ для него и матеріаловъ. Исторія опредѣлила намъ быть монархіей народною и земскою, изъ чего, однакожъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были оставаться обществомъ неорганизованнымъ.

Всякій понимаетъ, что образованный и имущественный классъ, окончательно сомкнутый, руководящій общественною жизнью и земствомъ по указанію верховной власти, есть только орудіе, а не цѣль, а потому не можетъ имѣть поползновенія стать *всѣмъ*—не только въ государствѣ, но и въ народѣ. Назначеніе его—объединить наши сознательныя силы, но не подавлять ничего дѣйствительно живого, стоящаго внѣ его. Мы уже высказали наше мнѣніе: высшее сословіе должно быть у насъ открытымъ для всѣхъ образованныхъ родовъ и видныхъ за-

слугъ потомственно, для всѣхъ людей, заявившихъ свою способность къ общественной дѣятельности — лично; оно должно руководить крестьянскимъ самоуправленіемъ и развивать его, не замѣщая его собою; должно нести обязательно тягости государственной и земской службы; должно взращать на почвѣ своего мѣстнаго самоуправленія добрыхъ слугъ Государя, изучившихъ дѣйствительную жизнь, для дѣятельности всероссійской; должно воспитать русскій народъ современемъ, конечно, еще не скоро, до той мѣры всесословности, какая будетъ отпущена намъ исторіей естественно, безъ натяжекъ и искусственныхъ учрежденій. Но затѣмъ, если мы хотимъ развиться до полной нравственной самостоятельности, то сомкнутое культурное сословіе должно также стать *единственнымъ* орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Ему слѣдуетъ ввѣрить полноправное мѣстное самоуправленіе, во всемъ его объемѣ, до той черты, съ которой начинается дѣйствіе государственной власти; изъ его нѣдръ, изъ его выдающихся людей придется складывать высшую служебную іерархію, сначала областную, а потомъ и государственную. Даже въ чиновничьей Франціи, лишенной школы мѣстнаго самоуправленія, лучшіе префекты—не говоря о министрахъ—выходятъ преимущественно изъ общественныхъ дѣятелей, даже изъ людей такъ-называемаго празднаго общества, замѣняющихъ наукою жизни знаніе форменнаго дѣлопроизводства; у насъ же все дворянство начинаетъ и еще долго будетъ начинать жизнь государственною службою; наше земство долго еще будетъ состоять изъ людей исключительно служилыхъ—тѣмъ естественнѣе полное довѣріе къ нему. Канцелярскимъ учрежденіямъ останется у насъ еще достаточно мѣста, лишь бы *направленіе дѣлъ* было изъято изъ ихъ рукъ. Перенесеніе центра тяжести изъ чиновничества въ общество совершится легко, какъ только само общество будетъ установлено на прочныхъ основаніяхъ. Уравновѣсить же эти двѣ силы—земскую и бюрократическую, происходящія изъ источниковъ совершенно различныхъ, выражающія совсѣмъ иныя отношенія правительства къ народу, даже другой возрастъ государства, вносящія въ общее дѣло духъ прямо противоположный—совершенно невозможно. Такое сочетаніе двухъ равныхъ, но разнородныхъ силъ въ общественномъ тѣлѣ привело бы прямо къ неподвижности — ни къ чему иному. Одна изъ нихъ должна пользоваться господствующимъ, другая лишь под-

чиненнымъ, вспомогательнымъ значеніемъ. Или общественные дѣятели будутъ руководиться канцеляріей, или канцелярія будетъ руководиться общественными дѣятелями—другого выхода нѣтъ. Мы достаточно вкусили плодовъ перваго преобладанія—хотя неизбѣжнаго, а потому и естественнаго въ продолженіе нашего воспитательнаго періода. Но этотъ періодъ уже упраздненъ нынѣшнимъ царствованіемъ. Открылся новый, а вмѣстѣ съ нимъ и новыя потребности, для удовлетворенія которымъ бюрократія безсильна. Очевидно, какая сила стучится теперь въ дверь и готовится на смѣну прежней, въ качествѣ главнаго орудія верховной власти. Правильность нашего развитія въ настоящемъ и будущемъ зависитъ отъ ея признанія, явнаго и опредѣленнаго, со всѣми его послѣдствіями. Надобно замѣтить однакожъ, что выдающаяся черта нынѣшняго общественнаго склада, устраняющая даже мечту, чтобы изъ него могло выработаться что-нибудь само-собою, безъ давленія сверху, заключается въ томъ, что наше общество раздвоено и тормозитъ само себя, потому именно, что большинство культурнаго слоя—люди, оторванные отъ почвы, присосавшіеся къ государственной службѣ подъ всевозможными названіями. При отрѣшенности отъ дѣйствительной народной жизни, эта половина образованнаго слоя находится почти внѣ вліянія сборнаго опыта и вновь возникающихъ общественныхъ потребностей. Оттого съ одной стороны, часть русскаго дворянства, облеченная въ вицъ-мундирный фракъ, увѣковѣчивается, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ, въ заколдованномъ кругѣ полунигилистскихъ понятій, навѣянныхъ на него началомъ шестидесятыхъ годовъ — хотя не болѣе какъ на словахъ; съ другой стороны, она крѣпко держится за свое нагрѣтое мѣсто и предпочитаетъ извѣстное — сословную службу, казенную, неизвѣстному — сословной службѣ, земской. Несомнѣнно, что главными противниками связной общественной самодѣятельности, хотя бы передаваемой исключительно въ руки культурнаго сословія, являются у насъ люди того же сословія, ставшіе въ ряды бюрократіи, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ. Переходъ, наиболѣе необходимый современному русскому обществу, тормозится половиною самого же общества, предпочитающею безформенность жизни—не отъ непониманія, даже не отъ увлеченія ложными идеями, а изъ за личнаго удобства. Наше вицъ-мундирное дворянство не желаетъ самостоятельнаго земства,

чтобы не подорвать своего личнаго положенія. Но мы, русскіе, можемъ смѣло положиться въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ коренныхъ вопросахъ, на нашу историческую власть: она всегда скорѣе упреждала чѣмъ откладывала осуществленіе всякой сознанной потребности. Не остановившись передъ мѣстничествомъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, передъ святынею народныхъ обычаевъ при Петрѣ Великомъ, передъ крѣпостнымъ правомъ при нынѣ царствующемъ Государѣ, она не остановится передъ преданіемъ бюрократіи, хотя преданіе это проросло сквозь всѣ наши кости. Но для того, чтобы бюрократія могла уступить свое мѣсто иной, свѣжей силѣ, надобно, чтобы эта сила была готова ей на смѣну—въ видѣ сплоченнаго русскаго общества, сплоченнаго на первыхъ порахъ хотя бы только положительнымъ закономъ. Это цѣльное тѣло не замедлитъ проявить и цѣльный духъ.

Русская исторія до сихъ поръ шла впередъ неуклонно, не сбиваясь съ пути, несмотря на чрезмѣрныя осаждавшія ее препятствія, вслѣдствіе того преимущества, что въ ней сочетались въ равной степени сила устойчивости и сила движенія. Наша верховная власть оставалась и останется непоколебимою въ своей сущности. Но она никогда не смѣшивала формъ съ сущностью, какъ происходило въ другихъ странахъ, рѣшительно мѣняла эти формы, когда онѣ отживали свое время, и создавала изъ нѣдръ общества новое, соотвѣтствующее эпохѣ орудіе, становившееся на долгое время главнымъ рычагомъ правительственнаго дѣйствія. Такими послѣдовательными орудіями были: родовое боярство (созданное, а не унаслѣдованное) въ московскомъ періодѣ и безличная бюрократія въ воспитательномъ; очевидно, что въ начинающемся періодѣ полнаго развитія русской жизни, основнымъ орудіемъ правительства можетъ стать только культурное общество. Предшествующій періодъ выработалъ въ этомъ отношеніи не болѣе какъ матеріалы, воспиталъ русскихъ европейцевъ, и пользовался ихъ личною службою; срощеніе нашихъ сознательныхъ людей въ сословіе дѣйствительно государственное, есть дѣло наступившаго времени.

Непрерывность развитія въ эпоху близящейся возмужалости, если только мы сами не замедлимъ ея наступленія, обезпечена намъ историческими условіями прочнѣе, чѣмъ какому-либо народу въ Европѣ. Русская верховная власть, создавшая наше

государство и взросшая сама на всесословной почвѣ,—на почвѣ общихъ русскихъ пользъ безъ различія лицъ и состояній, не видавшая противниковъ и никогда не нуждавшаяся въ союзникахъ внутри государства, одна на нашемъ материкѣ не можетъ быть пристрастною ни къ какой опредѣленной формѣ общественнаго склада, кромѣ той, которая наилучше соотвѣтствуетъ росту общества. При такихъ отношеніяхъ къ народу, русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго въ основаніи съ неограниченными административными монархіями запада, недавно еще повсемѣстными, духъ и содержаніе которыхъ были заранѣе опредѣлены тѣми силами, съ помощью которыхъ онѣ установились. Наше самодержавіе, стоящее выше всякаго духа партій и общественныхъ группъ, представляетъ такое же общее, коренное и нераздѣльное начало, какъ народовластіе въ серьезной республикѣ,—начало, передъ лицомъ котораго не существуетъ въ государствѣ никакой самостоятельной силы, кромѣ той, которая поддерживается потребностью времени и общимъ убѣжденіемъ въ ея пользѣ. Полнота и единство государственнаго начала въ самодержавномъ и республиканскомъ видѣ правленія не даютъ ему повода смотрѣть ревниво на какую-либо развивающуюся общественную силу, всегда встрѣчаемую ожесточеннымъ противодѣйствіемъ въ странахъ, гдѣ власть основана на уравновѣшеніи и примиреніи нѣсколькихъ разнородныхъ началъ. Въ послѣднихъ государствахъ форма, ограждающая права одной изъ сторонъ, составляетъ половину дѣла и не уступаетъ своего мѣста безъ битвы. Въ Россіи и въ Америкѣ она не можетъ противорѣчить полновластному началу, на которомъ построено государство, не можетъ возбуждать его ревности, почему развитіе общественныхъ силъ въ соотвѣтствующихъ времени формахъ, естественный ростъ народнаго духа—и у насъ, и за океаномъ, обезпечены самою сущностью господствующей власти, ея полнымъ политическимъ безпристрастіемъ. При культурномъ обществѣ, дѣйствительно сознательномъ и связномъ—но не иначе—и въ самодержавной монархіи, какова наша, и въ благоустроенной республикѣ, какова американская, завѣдываніе дѣлами всегда будетъ находиться въ рукахъ людей, выносимыхъ впередъ мнѣніемъ, выражающихъ настроеніе большинства,—потому именно, что основная власть, отъ рѣшенія которой все зависитъ—осуществляется ли она въ лицѣ самодержавнаго монарха или самодержавнаго на-

рода—не имѣетъ личныхъ интересовъ и не связана ни съ какими второстепенными общественными подраздѣленіями. Въ западныхъ же монархіяхъ, сложившихся на феодальной почвѣ, какъ и въ республикахъ искусственныхъ, правительство опирается исключительно на нѣкоторыя общественныя группы и связано ихъ интересами: въ Пруссіи оно опирается на родовое юнкерство, въ Австріи—на онѣмеченную крупную аристократію и на небольшой клочекъ чисто-нѣмецкихъ областей, во Франціи—при бурбонахъ опиралось на эмигрантовъ и іезуитовъ, при Бонапартахъ—на штыки и на биржу, при Луи-Филиппѣ и Тьерѣ - на буржуазію; вездѣ же, по необходимости, еще на чиновничество и на войско. Въ такихъ государствахъ правительство, озабоченное собственнымъ самохраненіемъ, очевидно, не можетъ во всемъ и всегда смотрѣть благопріятно на свободный ростъ общества; оно охотно допускаетъ въ немъ только то, что соотвѣтствуетъ его собственнымъ началамъ. Одна Англія составляетъ исключеніе, потому что, при всей разнородности государственнаго строя, ея политическій слой складывался не механически, а органически, сростаясь въ одно цѣлое.

Мы говоримъ не о томъ, что у насъ уже осуществилось, но о томъ, что естественно вытекаетъ изъ данныхъ намъ исторіей основъ, что должно окончательно изъ нихъ вытечь при правильномъ народномъ ростѣ. Мы отмѣтили еще въ прежнихъ главахъ условія, тяготѣвшія надъ нашимъ прошлымъ: русское государство до вчерашняго дня ни разу еще не пользовалось полною свободою дѣйствій; оно должно было тратить всѣ силы безъ остатка—сначала на свою установку, потомъ на просвѣщеніе общества. До окончанія воспитательнаго періода намъ было некогда выводить практическія послѣдствія изъ своихъ теоретическихъ государственныхъ началъ. Часъ этотъ насталъ или, правильнѣе, настаетъ только теперь, но онъ настаетъ условно. Подъ непоколебимою верховною властью, совершенно безпристрастною по своей сущности къ проявленію и формамъ національныхъ силъ,—къ тому, что мы назвали естественнымъ народнымъ ростомъ, наше сознательное общество можетъ свободно развиться до полноты своего внутренняго содержанія, проявить въ соотвѣтствующихъ и законныхъ формахъ все, къ чему оно способно, ведя за собой народъ—но при условіи, чтобы у насъ было цѣльное общество, котораго покуда нѣтъ и слѣда, меньше слѣда, чѣмъ было когда-нибудь. Правительство можетъ

только допустить, поощрить и узаконить всякій шагъ впередъ, созрѣвшій въ общественномъ сознаніи; придумывать же его само для націи оно не можетъ. Самыя лучшія государственныя начала приносятъ плоды только въ сочетаніи съ созрѣвшимъ народнымъ разумомъ, а разумъ зрѣетъ въ народномъ, какъ и въ единичномъ существѣ, только въ головѣ, а не въ членахъ. Когда общественное тѣло не вѣнчается хорошо устроенною головою — сознательнымъ и связнымъ политическимъ сословіемъ, — оно можетъ наслаждаться только крѣпкимъ здоровьемъ и внѣшнею силою, но внутреннее развитіе для него недоступно. Присочинить же искусственно такую голову къ народу немыслимо. Оно можетъ думать только тою головою, какая у него есть въ дѣйствительности, какую выростила ему исторія.

Мы высказали свое мнѣніе о вѣроятныхъ формахъ нашего будущаго развитія. Въ этомъ отношеніи намъ приходилось говорить то, что было уже сказано нѣсколькими проницательными умами, наилучше оцѣнившими основанія, на которыхъ стоитъ Россія. Дѣло это, впрочемъ, само по себѣ достаточно ясное. Для людей, не вѣрящихъ въ самозарожденіе, всякій плодъ есть произведеніе дерева, на которомъ онъ ростетъ. На нашу почву исторія не бросила сѣмянъ парламентаризма въ его европейскомъ и американскомъ видѣ — въ смыслѣ партій, дѣйствующихъ отъ своего лица и побѣждающихъ одна другую временнымъ привлеченіемъ большинства культурнаго слоя на свою сторону. Для такого рода дѣятельности у насъ нѣтъ никакой закваски, не только въ русскомъ обществѣ, но даже въ русской личности. Она требуетъ существованія въ странѣ какихъ либо самостоятельныхъ сборныхъ силъ, способныхъ выступить отъ своего имени — весь западный парламентаризмъ есть дѣло сословное, а не общенародное. Въ Россіи нѣтъ даже признака какой либо самостоятельной силы, внѣ верховной власти, создавшей наше государство. Но исторія дала намъ другое: полное довѣріе между властью и народомъ, выразившееся въ совѣщательныхъ собраніяхъ, созываемыхъ по каждому важному случаю, обратившихся почти въ обычай въ концѣ московскаго періода, — собраніяхъ, которыя непремѣнно развились бы въ постоянное учрежденіе, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, на постоянно осадное положеніе государства, если бы не были внезапно прерваны петербургскимъ

періодомъ, устремившимся по необходимости къ задачѣ совсѣмъ другого рода. По завершеніи этой задачи, возвращаясь отъ личнаго воспитанія и исключительно государственныхъ дѣлъ къ общественнымъ, у насъ нѣтъ другой точки отправленія, кромѣ той, на которой мы остановились въ 1688 году; съ нея только мы можемъ начать новое движеніе впередъ, не срываясь съ дороги, по которой шли наши предки, но довершая сознательно ихъ дѣло. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русская власть XIX вѣка, закончившая задачу воспитательнаго періода и по личному почину воззвавшая общество къ самодѣятельности, окажетъ ему то же довѣріе, какое оказывала два вѣка назадъ—если общество будетъ знать само, что ему нужно, т. е. если у насъ состоится связное политическое общество. Нравственное единеніе правительства со страной въ совѣщательныхъ собраніяхъ, общихъ и областныхъ, смотря по обширности предметовъ обсужденія, совокупно съ подборомъ государственныхъ людей изъ земской же самодѣятельности, съ нашей практической почвы, принесетъ современемъ плоды несравненно болѣе прочные и важные, чѣмъ приноситъ ихъ неискренній парламентаризмъ европейскаго материка. Но для такого единенія нужно предварительное условіе — чтобы правительству было съ кѣмъ единиться. Соглашеніе съ восьмидесяти-милліонною безсознательною массою осуществимо только въ сказкахъ и народныхъ операхъ. Наше политическое общество не можетъ появиться вдругъ, во всеоружіи; оно должно предварительно связаться въ областяхъ, изъ матеріала уже готоваго, но еще не связнаго; всему свой чередъ. Надо сказать еще больше — это политическое общество никогда не разовьется само собой, при нынѣшней разрозненности, сколько бы ни наростало для него запасовъ; его можетъ сложить въ одно цѣлое только та сила, которая создала Россію и все, что въ ней есть—русская историческая власть.

Основанія, на которыхъ стоитъ современная Россія—единеніе непоколебимой и безпристрастной по своей сущности верховной власти съ народомъ, чуждымъ сословнаго соперничества—обѣщаетъ намъ очень богатое гражданское развитіе въ будущемъ,—если мы съумѣемъ впору понять свою личность и свои особенсти, если мы искренно оставимъ несостоятельную мысль о подражаніи чуднымъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть только декораціей на нашей почвѣ, и станемъ думать о развитіи об-

щественныхъ формъ, дѣйствительно намъ свойственныхъ. Мы считаемъ себя въ правѣ говорить объ этомъ краеугольномъ вопросѣ, потому что говоримъ чистосердечно, въ полномъ убѣжденіи, что у насъ есть въ зародышѣ, все что намъ нужно и что мы можемъ развиться широко и прочно, не сходя съ нашихъ историческихъ основъ—съ которыхъ, вдобавокъ, и сойти невозможно, такъ какъ онѣ несравненно прочнѣе всякихъ преходящихъ стремленій. Мы сказали уже и думаемъ, что нашему отечеству до сихъ поръ некогда было выводить практическихъ послѣдствій изъ началъ, заложенныхъ въ нашъ государственный строй. Формы, насильно навязанныя намъ необходимостями каждаго изъ прожитыхъ періодовъ, постоянно закрывали ихъ сущность. Часъ для ихъ обнаруженія настаетъ только теперь, хотя мы живемъ еще покуда подъ формами воспитательнаго періода, не успѣвшими уступить мѣсто новымъ. Бюрократія, произволъ частныхъ властей и разъединенность культурнаго слоя, лишающая его всякой самостоятельности—основныя и неизбѣжныя черты воспитательнаго времени —до сихъ поръ еще составляютъ видимую наружность нашей общественной жизни; но смыслъ ихъ уже въ прошломъ, а не въ будущемъ, и даже не въ настоящемъ, хотя не только иностранцы, но огромное большинство русскихъ людей видятъ въ нихъ какъ бы неотъемлемую принадлежность нашего кореннаго начала—самодержавія. Они судятъ о принципѣ по формамъ, въ которыя облекала его преходящая историческая необходимость,—по военной диктатурѣ московскаго періода и воспитательной миссіи періода петербургскаго, не допускавшихъ полной откровенности между властію и народомъ. До сихъ поръ многіе говорятъ о нашемъ государственномъ началѣ въ какомъ-то общемъ смыслѣ, между тѣмъ какъ русское самодержавіе есть очевидно начало совершенно новое въ исторіи, существенно способное примѣняться къ потребностямъ каждой эпохи. Въ немъ выразился, думаемъ, единственно возможный видъ верховной власти монархическаго народа, не раздробившагося на самобытныя, рѣзко отграниченныя сословія, отстаивающія свои права каждое само за себя, какъ было и есть на западѣ. Всякій народъ отражается въ своей верховной власти; русскій народъ, никогда не разрывавшій общественной цѣльности, не могъ, да и не имѣлъ повода думать объ осложненіи своихъ правительственныхъ формъ; никакой сознатель-

ный бытовой интересъ внизу не чувствовалъ въ томъ надобности. Наше всенародное самодержавіе, какъ народовластіе въ республикѣ, стало принципомъ, не допускающимъ искусственнаго владычества меньшинства, но по сущности своей благопріятнымъ всему, что желательно для сознательнаго большинства націи. Мнѣніе, часто выражаемое и иностранцами, и нѣкоторыми русскими людьми, что подъ самодержавіемъ всякая даже низшая власть—самодержавна, вслѣдствіе чего общественная жизнь не можетъ развиваться свободно, относится очевидно не къ сущности дѣла, а только къ пережитымъ нами формамъ московскаго и воспитательнаго періодовъ, когда у насъ не существовало самоуправленія, а культурное, т. е. политическое сословіе государства, дѣйствовало не съобща и не отъ своего имени, а лишь въ качествѣ казенныхъ чиновниковъ. Это сословіе и впредь будетъ не болѣе какъ орудіемъ правительства, потому что русскій народъ не признаетъ никакого самостоятельнаго источника власти внѣ власти царской, но отдѣльные органы его, отвѣтственные снизу и сверху, отвѣтственные передъ мнѣніемъ русской земли—облеченнымъ въ соотвѣтственныя формы для своего выраженія,—утратятъ всякое поползновеніе къ произволу; съ другой стороны нельзя даже придумать повода, по которому правительство, не нуждающееся ни въ какихъ союзникахъ внутри государства, а потому не связанное никакими сословными и частными интересами, стало бы систематически противиться заявленію сознательнаго, организованнаго и вполнѣ вѣрнаго ему русскаго большинства. Даже дѣятели государственные, избираемые властію лично, поставленные передъ гласною разцѣнкою этого большинства, станутъ людьми вполнѣ отвѣтственными — гораздо болѣе чѣмъ въ странахъ конституціонныхъ, гдѣ эта отвѣтственность есть только слово, прилагаемое къ дѣлу развѣ лишь восторжествовавшею революціею. Чисто нравственныя основы, тамъ гдѣ онѣ могутъ быть чистосердечными, гдѣ онѣ не затруднены несогласимыми интересами, оказываются дѣйствительнѣе всякихъ другихъ,—на такихъ основахъ, стоитъ семейство и все, что есть самаго священнаго у людей. Вошедши въ привычку, онѣ проникаютъ народный организмъ и становятся неискоренимыми. Всякій знаетъ, что въ Англіи, столь рѣзко отличающейся отъ материка своимъ крѣпкимъ устоемъ, самые основные законы суть за-

коны неписанные, но за то вросшіе въ сознаніе каждаго англичанина.

Примѣръ англо-саксонскаго племени въ этомъ отношеніи особенно важенъ для насъ, русскихъ, сохранившихъ простоту, можно сказать естественность своего общественнаго устройства; въ такомъ состояніи, именно, залогъ преуспѣянія заключается главнѣйше въ нравственныхъ началахъ, въ сборныхъ, глубоко укорененныхъ убѣжденіяхъ, играющихъ второстепенную роль на западномъ материкѣ, гдѣ весь государственный устой построенъ на письменномъ договорѣ между недружелюбными сословіями, изъ которыхъ одно только высшее чистосердечно поддерживаетъ верховную власть. Извѣстна поговорка англичанъ объ ихъ (не одноличномъ) самодержавіи, что король въ парламентѣ (King in parliament) не можетъ только одного: обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину. Однакожъ, спросите англичанина, можетъ ли король въ парламентѣ, т. е. великобританское самодержавіе, отмѣнить вовсе установленіе присяжныхъ, свободу слова и сборищъ, личную неприкосновенность гражданина и тому подобное. Всякій англичанинъ отвѣтитъ, что эти льготы не входятъ въ кругъ дѣйствій верховной власти. Для него эти права уже не права политическія, не обезпеченія народной свободы, подчиненныя постановленіямъ закона; они срослись въ его глазахъ съ правомъ естественнымъ — какъ понятіе о собственности, о семействѣ и такъ далѣе. Со всѣхъ сторонъ жизни обезпеченныхъ такими убѣжденіями (а ихъ не мало), свобода англичанина изъята изъ-подъ воли общества, даже взятаго въ совокупности, она не зависитъ болѣе ни отъ формы правительства, ни отъ теченія времени. Въ такомъ разростаніи личной независимости, обращающемъ понемногу въ право естественное то, что было прежде только правомъ политическимъ или гражданскимъ, во всякомъ случаѣ условнымъ — заключается, очевидно, единственное существенное развитіе народной жизни, обезпечивающее, въ одинаковой степени, и личность, и порядокъ. На европейскомъ материкѣ такихъ укорененныхъ понятій очень мало, разростанія же ихъ вовсе не видно, отчего и общественный строй имѣетъ тамъ видъ условный и шаткій. Какое твердое развитіе возможно, напримѣръ, во Франціи, гдѣ общественная власть присвоиваетъ себѣ право (почти уже цѣлое столѣтіе) запрещать неразрѣшенное полиціей сборище свыше 21-го лица, даже для

пріятельскаго обѣда, или право разомъ закрывать всѣ церкви и не позволять людямъ молиться? Въ Россіи мы никогда не знали стѣсненій такого рода, вслѣдствіе непрерывности своего историческаго движенія и довѣрчиваго отношенія власти къ народу; тѣмъ не менѣе, выгороженныхъ изъ-подъ общественной опеки сторонъ жизни у насъ также нѣтъ, кромѣ одной—относящейся къ народному вѣроисповѣданію. На вопросъ, конечно фантастическій: могла ли бы наша государственная власть измѣнить господствующую вѣру, каждый русскій отвѣтитъ, какъ англичанинъ отвѣчаетъ въ другихъ отношеніяхъ — нѣтъ, это право не входитъ въ кругъ ея дѣйствій. Между тѣмъ одинъ изъ англійскихъ королей могъ измѣнить народную религію своимъ личнымъ указомъ, хотя другой поплатился престоломъ за такую попытку. Это значитъ только то, что при Генрихѣ VIII католичество расшаталось въ душѣ его подданныхъ, а при Яковѣ II протестантство успѣло уже сростись вновь съ ихъ душой; то, также, что свобода оставаться православными составляетъ для громаднаго большинства русскаго населенія право отвлеченное, естественное, а не условное, подлежащее дѣйствію закона. То же должно сказать и о другихъ русскихъ религіозныхъ толкахъ: ихъ можно было преслѣдовать какъ меньшинство, но нельзя было сломить; они удержали свое естественное право вѣрить въ то, во что имъ вѣрилось. Между тѣмъ протестантство, распространившееся одно время такъ сильно во Франціи и въ Польшѣ, было искоренено властію. Можно заключить, что духовная самостоятельность въ русской природѣ сильнѣе и что мы способны превращать постепенно преходящія льготы въ естественныя права, сростающіяся съ понятіемъ людей, т. е. ограничивать все болѣе и болѣе кругъ дѣйствій общественной власти, каковы бы ни были ея формы—въ чемъ и состоитъ истинное упроченіе свободы. До сихъ поръ эта способность проявлялась только въ одномъ направленіи, вслѣдствіе неодолимыхъ внѣшнихъ условій, тяготѣвшихъ надъ нашею жизнію во все продолженіе прожитой нами исторіи; но если, какъ можно думать, она существуетъ въ насъ, то она проявится и въ другихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, при тѣсномъ единеніи власти съ народомъ, какъ у насъ, предстоящія намъ формы развитія (очевидно совѣщательныя, а не конституціонныя на западный ладъ, основанныя на полюбовномъ соглашеніи, а не на силѣ, существенно измѣнчивой) несрав-

пенно благопріятнѣе для выработки коренныхъ и повсемѣстныхъ убѣжденій, переливающихся понемногу въ понятіе о естественномъ правѣ, чѣмъ захваты партій, всегда оспариваемые противоположною партіею, всегда условные, въ которыхъ заключается суть европейскаго материковаго развитія, если только оно можетъ быть названо развитіемъ. Лишь въ Англіи и Америкѣ данное разъ никогда не отымается, потому что тамошнія партіи давно согласились въ общихъ основаніяхъ, потому что онѣ въ прямомъ смыслѣ—не партіи на подобіе французскихъ и нѣмецкихъ, а группы практическихъ мнѣній, взаимно уважающихъ другъ друга, вслѣдствіе чего въ этихъ странахъ общество все болѣе и болѣе выгораживается изъ подъ опеки писанныхъ условій. Благодаря цѣльности нашего кореннаго начала, нашей исторической верховной власти, устраняющей всякій споръ объ *основаніяхъ*, намъ придется не только кончить, но и начать свое общественное развитіе въ англосаксонскомъ духѣ—группами единомышленниковъ, стоящими на одной и той же почвѣ, разнящимися только въ практическихъ выводахъ. Тѣмъ прочнѣе будутъ укореняться въ русскомъ народѣ основныя мнѣнія, вырабатываемыя общественною жизнію и не раздираемыя антиподною противоположностію партій; тѣмъ быстрѣе будутъ развиваться понятія о *естественномъ правѣ* общества и личностей. Всякое же такое понятіе, разъ укоренившееся, по неизбѣжному закону исторіи, находитъ формы и пути для заявленія о себѣ, постепенно порождаетъ соотвѣтствующія ему учрежденія, сила которыхъ заключается въ установленности и общемъ довѣріи, а не въ томъ— совѣщательныя онѣ или парламентарныя, развиты-ли онѣ обычаемъ или скрѣплены пергаментомъ. При продолжающихся еще покуда формахъ воспитательнаго періода, подчиняющихъ все и всѣхъ ежечасному бюрократическому надзору, обычай не имѣетъ у насъ никакого значенія въ публичной жизни, ему неоткуда даже возникнуть; но при обществѣ самодѣятельномъ онъ необходимо получитъ значеніе первостепенное, станетъ неписаннымъ закономъ, предшествующимъ закону писанному и поясняющимъ его. Можно надѣяться, что такимъ образомъ мы пойдемъ къ развитію соразмѣрному даннымъ намъ силамъ, безъ перерыва, путемъ гораздо вѣрнѣйшимъ, болѣе сознательнымъ и искреннимъ, чѣмъ идутъ народы европейскаго материка. Но для того нужно прежде всего подчинить стихійныя

влеченія народному разуму, поставить въ головѣ толпы объединенное культурное сословіе, признанное политическою силою русской земли и исключительнымъ орудіемъ верховной власти.

Положеніе наше безпримѣрное. Намъ приходится складывать свое сознательное общество, вездѣ выработывавшееся исподоволь, въ состояніи зрѣлаго государственнаго возраста. Въ этомъ отношеніи между нами и другими народами оказывается такое же различіе, какъ между филологомъ, изучающимъ новый языкъ съ помощію сравнительнаго языкознанія, и ребенкомъ, перенимающимъ его отъ няньки. Послѣдствія явны: наша національная политическая и общественная жизнь долго не станетъ такою же развязною, какъ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ; но она можетъ стать болѣе сознательною и прочною.

Заключительная мысль этой книги очевидна: наша родная Россія, въ настоящемъ ея видѣ, предоставленная естественному теченію дѣлъ, не разовьется ни во что, несмотря на безпримѣрное богатство духовнаго содержанія — по неимѣнію въ себѣ дрожжей—какихъ либо самодѣйствующихъ общественныхъ силъ, способныхъ поднять насъ и дать намъ опредѣленный обликъ. Насъ можетъ поставить на ноги только рука верховной власти, новый правительственный починъ, дополняющій великія послѣдствія преобразованій, совершенныхъ преимущественно съ отрицательной стороны,—положительною ихъ стороною, точно согласованною съ нашимъ историческимъ складомъ и всѣми дѣйствительностями нашей бытовой жизни. До сихъ поръ эта положительная сторона выразилась учрежденіями, смѣемъ сказать—искусственными, проникнутыми духомъ исключительной полосы времени когда онѣ созидались, и по большей части непринявшимися на нашей почвѣ. Есть надежда, что, разъ ставши на ноги, мы устоимъ, олицетворяя народную притчу о нашемъ сиднѣ Ильѣ Муромцѣ. Остается, стало быть, желать, чтобы большинство русскаго образованнаго слоя сознало отчетливо и высказало вслухъ нашу главную современную потребность — потребность общественнаго объединенія. Когда она будетъ признана значительнымъ числомъ мыслящихъ людей, то правительство, можно надѣяться, не затруднится осуществить ее; водвореніе нравственнаго порядка въ Россіи столь же необходимо власти, какъ и народу.

Тогда выкажется сама собой и форма, въ которую мы должны сложиться, — намъ не изъ чего выбирать. Надобно замѣтить еще слѣдующее: одни фантастическіе умы, вовсе непонимающіе дѣйствительности, могутъ воображать, что Россія — не только 19-го, но даже 20-го столѣтія — будетъ въ состояніи управляться сама собой, по образцу Англіи. Россіей надо, — и еще неопредѣленно долго будетъ надо — управлять; все дѣло только въ томъ, чтобъ ею хорошо управляли. Но правительство, какъ мы однажды выразились, состоитъ не изъ волшебниковъ, знающихъ народныя нужды лучше чѣмъ ихъ знаетъ народъ и его культурное сословіе; пора одностороннихъ вопросовъ воспитательнаго періода, видныхъ лучше сверху чѣмъ снизу, уже миновала; задачи развитой общественной жизни стали несравненно сложнѣе, а потому вѣрное направленіе ихъ невозможно въ будущемъ безъ содѣйствія самаго общества, способнаго къ мѣстному самоуправленію и къ совѣщательному обсужденію передъ лицомъ власти обще-русскихъ вопросовъ. Заключеніе явно: связное и сознательное общество составляетъ такую же жизненную потребность наступившей эпохи, какую личное развитіе культурныхъ людей составляло въ эпоху, недавно законченную. Безъ общества мы можемъ прозябать, но жить не можемъ.

Въ природѣ духовной—въ исторіи, также какъ въ природѣ вещественной, великія и прочныя послѣдствія истекаютъ по большей части не изъ шумныхъ переворотовъ, а изъ постоянно дѣйствующихъ, мелкихъ съ виду причинъ, направляющихъ общее развитіе будущаго въ ту, а не въ другую сторону. Переходъ изъ нынѣшней русской безформенности къ благонадежной общественной организаціи, соотвѣтствующей нашему коренному складу, не требуетъ ни какой громкой передѣлки установленнаго порядка, никакого перелома въ коренныхъ законахъ, ничего похожаго на великое обновленіе шестидесятыхъ годовъ; онъ можетъ быть осуществленъ нѣсколькими мало замѣтными для нашего народа и Европы, дополненіями къ дѣйствующимъ постановленіямъ. По нашему разумѣнію, эти дополненія заключаются въ слѣдующемъ.

1) Опредѣлить новыя права вступленія въ потомственное и личное дворянство, права соотвѣтственныя современному развитію нашего общества,—чтобы сомкнуть прямо или косвенно около высшаго сословія, остающагося главнымъ орудіемъ пра-

вительственнаго дѣйствія,—весь русскій культурный слой; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить этому сословію извѣстныя права надъ своими членами.

2) Перенести избраніе властныхъ лицъ уѣзднаго управленія въ дворянское собраніе, устроенное вышесказаннымъ образомъ, не трогая ни городскаго, ни крестьянскаго самоуправленія.

3) Поставить надъ волостями попечителей, по избранію дворянства.

4) Ограничить кругъ дѣйствія всесословныхъ земскихъ собраній утвержденіемъ земскихъ налоговъ и выборомъ лицъ, завѣдующихъ общественными суммами, съ представленіемъ мѣста въ собраніи всякому владѣльцу ценсоваго имущества или капитала, личному и сборному.

5) Отдать уѣздъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ полное завѣдываніе мѣстному самоуправленію, обращенному въ отвѣтственную инстанцію управленія государственнаго.

6) Предоставить губернскому предводителю право созывать *сословное* собраніе губернское, а собраніямъ этимъ—свободу сноситься между собою и дѣйствовать по отношенію къ правительству на основаніи существующихъ, никогда не отмѣненныхъ законовъ императрицы Екатерины II.

7) Сокращать постепенно бюрократію до необходимыхъ предѣловъ, по мѣрѣ передачи земству заботъ, лежащихъ теперь на ней *дѣйствительно*, обращая остатки отъ сокращеній на земскія потребности.

8) Явно отграничить гражданскія должности властныя отъ приказныхъ и замѣщать первыя преимущественно земскими дѣятелями.

9) Опредѣлить особыя обязательныя отношенія дворянства къ всесословной воинской повинности и къ службѣ въ арміи.

Исчисленныя мѣры, конечно, поведутъ со временемъ еще ко многимъ другимъ; но уже сами по себѣ онѣ дадутъ русской жизни прочное основаніе.

Ни одно изъ этихъ дополненій, истекающихъ прямо—или изъ нашихъ коренныхъ законовъ, или изъ нашихъ естественныхъ и обычныхъ отношеній, не будетъ носить на себѣ, ни въ какой степени, характера общественнаго переворота въ глазахъ современнаго поколѣнія; но итогъ ихъ дастъ совсѣмъ иное

направленіе нашему будущему; онъ замѣнитъ нынѣшнюю безформенность (слово, равнозначущее хаосу) разумно устроеннымъ обществомъ. Въ срокъ одного поколѣнія на мѣсто нынѣшней безсознательной нравственно безсильной Россіи станетъ Россія сознательная, способная выработать присущія ей духовныя силы въ опредѣленные образы.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

по поводу рецензій на «Чѣмъ намъ быть» *).

I.

(*3 октября 1879 года*).

Намъ не пришлось долго дожидаться серьезной оцѣнки нашей политической программы, проведенной въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть». Не могло быть сомнѣнія, что такая оцѣнка станетъ появляться въ журналахъ и вызоветъ, наконецъ, на полемику по важности самаго предмета, и опредѣленности его постановки нашею газетой. Дѣло не въ томъ, насколько мы правы въ своихъ заключеніяхъ; но мы первые высказали систематически причины недовольства нынѣшнимъ общественнымъ состояніемъ и указали, по мѣрѣ нашего пониманія, выходъ изъ него къ лучшему будущему. Еслибъ русская печать не отозвалась на этотъ трудъ и не представила своихъ собственныхъ взглядовъ по поводу нашихъ выводовъ, по поводу разъ поставленнаго вопроса: чѣмъ быть русскому обществу?—то она подтвердила бы только первое наше сужденіе, что до сихъ поръ печать у насъ составляетъ еще не дѣло, а лишь забаву для читателей. Ей оставалось подтвердить и второе сужденіе, что, несмотря на этотъ наружный, вовсе не лестный обликъ, въ ней и за нею кроется не мало крупныхъ силъ, слабо высказывающихся только по недостатку настоящаго дѣла. Читатели видятъ, что оба сужденія оправдались разомъ: сначала наша подробная программа была встрѣчена гримасами нѣсколькихъ фельетонистовъ, представляющихъ главный совре-

*) Эти статьи были напечатаны въ №№ 272 и 273 «Русскаго Міра» 1874 г.

менный характеръ русской (по крайней мѣрѣ, петербургской) печати; затѣмъ внутреннія силы выглянули наружу и начались серьезныя рецензіи. Характеръ нынѣшней печати выдержанъ какъ слѣдуетъ.

До сихъ поръ разборъ нашихъ статей появился въ двухъ журналахъ, противоположнаго направленія, можно сказать, въ двухъ журналахъ антиподахъ—въ «Недѣлѣ» и «Гражданинѣ». Мы очень рады случаю первой серьезной полемики, не для того, чтобы писать «антикритику» противъ высказанныхъ возраженій, но для того, чтобы объясниться и возстановить правильный взглядъ на дѣло, съ точки зрѣнія дѣйствительности. Добросовѣстная полемика не можетъ имѣть иного оборота. Подлежатъ обсужденію только логическіе выводы, истекающіе изъ даннаго положенія, а не душевныя стремленія личности; не пристрастіе ума къ тому или другому исходу, обусловливаемое далеко не одной логикой, а всѣми сторонами философскихъ, религіозныхъ и политическихъ взглядовъ, всѣми житейскими впечатлѣніями, складывающими личное направленіе. Чрезвычайно трудно, даже почти невозможно найти на свѣтѣ человѣка, общія заключенія котораго не находились бы подъ вліяніемъ, по большей части, безсознательнымъ, предвзятаго взгляда; человѣка, который далъ бы своему уму полную свободу опредѣлять истину безпристрастно, вмѣсто того, чтобы искать ее въ направленіи, приходящемся ему по вкусу. Особенно же трудно относиться съ логическимъ хладнокровіемъ къ истинѣ политической, всегда условной, преходящей и недостаточно ясной, пока она обсуждается только въ теоріи. Къ ней можно подходить съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, изъ которыхъ каждая права въ какомъ нибудь отношеніи, вслѣдствіе чего и существуютъ на свѣтѣ партіи, крайне противоположныя, но одинаково убѣжденныя въ своей правотѣ. Тѣмъ не менѣе, каждый народъ развивается въ какую нибудь одну сторону; разнообразіе взглядовъ не мѣшаетъ складываться руководящему большинству. Стало быть, практическая истина существуетъ и въ политикѣ. Но подступать къ этой практической истинѣ можно только съ точки зрѣнія дѣйствительности, съ того что есть, а не съ того, что можетъ и что могло бы быть; съ оцѣнки текущихъ потребностей, а не съ подчиненія этихъ потребностей личнымъ идеаламъ. Историческій кругозоръ человѣка весьма не великъ, исторія гораздо болѣе ведетъ

людей, чѣмъ люди складываютъ исторію, а потому, сходя съ почвы своего времени, дѣятель и публицистъ руководствуются уже не практическою истиной,—они сочиняютъ историческій романъ. Мы не сходили съ почвы, одинаково осязательной для каждаго, не сойдемъ съ нея и въ разборѣ выставленныхъ противъ насъ возраженій. Если мы окажемся правыми съ такой точки зрѣнія, то мы будемъ имѣть основаніе считать себя вполнѣ правыми.

«Гражданинъ», недалеко расходящійся съ нами въ общихъ началахъ, выражаетъ несогласіе съ нашими заключеніями лишь по поводу частностей, не имѣющихъ особеннаго значенія въ практическомъ примѣненіи. Главное различіе между нимъ и нами заключается въ теоретическомъ опредѣленіи существеннаго значенія русскаго дворянства. Въ глазахъ «Гражданина» нынѣшнее дворянство, хотя и не идетъ на западный ладъ, но все-таки сословіе *органическое*, взросшее *подъ* верховною властью, но *вмѣстѣ* съ нею, составляющее прямое продолженіе дворянства московскаго періода. Для насъ же настоящее дворянство, хотя несомнѣнно привитое къ корнямъ стараго московскаго, есть совсѣмъ новое растеніе, необходимое для нашего будущаго, долженствующее быть организованнымъ, но никакъ не органическое въ прямомъ смыслѣ, а *культурное сословіе*, созданное исключительно правительственною властью. Органическія сословія разбиваются иногда революціей, но не устраняются какимъ-либо текущимъ постановленіемъ, и даже не прямымъ, а только косвеннымъ смысломъ постановленія, какъ это случилось въ шестидесятыхъ годахъ. По нашему понятію, русское дворянство въ будущемъ можетъ стать сословіемъ дѣйствительно органическимъ, но не само по себѣ, не какъ дворянство, а какъ узаконенное средоточіе и центръ тяготѣнія русскихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, что совсѣмъ иное дѣло. Также точно «Гражданинъ» вѣритъ, кажется, возможности выдѣленія у насъ самаго крупнаго дворянства—аристократіи, особымъ высшимъ сословіемъ, по образцу пэрства; мы же считаемъ такую мысль призракомъ. Аристократія существуетъ и будетъ существовать у насъ, какъ вездѣ; значеніе русскихъ аристократовъ можетъ быть высоко полезнымъ для страны и очень завиднымъ, когда они рѣшительно станутъ во главѣ земства; но выдѣленіе аристократіи особою политической группой было бы на нашей почвѣ,

при явномъ неаристократическомъ складѣ нашего общества, только минутною декораціей, которая уронила бы потомъ надолго *личное* значеніе видныхъ родовъ. Нечего говорить о томъ, существуютъ-ли у насъ или нѣтъ матеріалы для аристократіи. Изъ такихъ матеріаловъ слагается что-либо прочное только въ эпоху безсознательности, и слагается само собою; а если мы дожили до 1874 года безъ выдѣленной аристократіи, то теперь уже поздно строить пэрскіе карточные домики, которые упали бы отъ перваго толчка. Развѣ аристократическое сословіе, сочиненное, несамостоятельное, зависящее даже въ своемъ существованіи отъ взгляда власти, имѣетъ какой нибудь смыслъ и можетъ быть для чего пригоднымъ, даже для самого себя? Нѣтъ сомнѣнія, что государственная власть могла бы создать у насъ выдѣленную аристократію, но такое учрежденіе, не соотвѣтствующее никакой дѣйствительности, было бы не болѣе какъ прихотью одного царствованія и кончилось бы вмѣстѣ съ нимъ. Современному же русскому поколѣнію, безплодно бьющемуся въ своемъ безформенномъ состояніи, надобно думать о закладкѣ прочнаго основанія подъ обществомъ. Прочнымъ же можетъ быть лишь вполнѣ дѣйствительное, явное каждому, независимо отъ личныхъ взглядовъ. Въ Россіи существуютъ только двѣ такія дѣйствительности: верховная власть, создавшая государство, укорененная въ понятіяхъ и нравахъ населеній, и — русскій народъ—конечно, не въ исключительномъ смыслѣ простонародья, народъ, какъ цѣльная масса, не раздробленная самобытными и крѣпкими общественными перегородками. Въ промежуткѣ между ними нѣтъ и едва-ли даже окажется когда либо мѣсто для чего нибудь самостоятельнаго. По крайней мѣрѣ, нынѣ ничего подобнаго нельзя предвидѣть; но въ этомъ промежуткѣ есть, очевидно, мѣсто для всякой формы, соотвѣтствующей потребностямъ, постояннымъ и временнымъ, обѣихъ русскихъ дѣйствительностей, потребностямъ власти и народа. Мы считаемъ организацію культурнаго сословія съ дворянствомъ въ сердцевинѣ за одну изъ такихъ формъ, за форму, совершенно необходимую текущему времени, безъ которой намъ нельзя жить и правильно развиваться,—даже никакъ нельзя развиваться,—а потому и стоимъ за нее. Но тутъ съ нашей стороны дѣло убѣжденія, а не вкуса. Мы сочувствуемъ дворянству, какъ единственному у насъ сознательно историческому сословію, желаемъ его возвышенія для

общихъ пользъ своего отечества, а не для него самого. Впрочемъ, какъ мы оговорили, различіе во взглядахъ между нами и «Гражданиномъ», насколько этотъ почтенный журналъ высказался въ своей рецензіи, относится больше къ теоріи и личнымъ сочувствіямъ, чѣмъ къ нашей практической программѣ, съ которою, какъ достаточно видно, онъ сходится въ общихъ чертахъ.

Мы даже вполнѣ согласны съ однимъ изъ замѣчаній «Гражданина» о неправильности употребленнаго нами выраженія: «русское дворянство какъ организація демократической монархіи». Мы должны были бы сказать «монархіи земской, цѣльной, сплоченной одинаково со всѣми слоями подданныхъ». Русскій народъ по духу совсѣмъ не демократическій въ европейскомъ смыслѣ.

Между «Гражданиномъ» и нами не видно различія въ непосредственныхъ практическихъ цѣляхъ, по крайней мѣрѣ въ первоначальныхъ шагахъ по направленію къ этимъ цѣлямъ.

Совсѣмъ иное дѣло рецензія «Недѣли». Этотъ журналъ разобралъ нашу систему въ двухъ очень талантливыхъ статьяхъ, выражая полное, нераздѣльное согласіе съ нами насчетъ несостоятельностей и потребностей текущаго часа, но въ то же время отвергая ее самымъ положительнымъ образомъ для пользы будущаго, долженствующаго истечь изъ нынѣшняго безформеннаго состоянія, будущаго, которое этотъ журналъ представляетъ себѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ оно представляется намъ. Собственно говоря, «Недѣля» не представляетъ вовсе того вожделѣннаго будущаго, не опредѣляетъ его никакимъ образомъ; она только надѣется, что хорошее будущее придетъ. Она говоритъ: мы очень хорошо понимаемъ всѣ сильныя стороны одного изъ этихъ взглядовъ (т. е. нашего) и слабыя другаго (своего). На сторонѣ перваго—вполнѣ реальныя выгоды культурныхъ классовъ, на сторонѣ втораго—какое то отвлеченное понятіе, совершенно не поддающееся точнымъ опредѣленіямъ. Первое опирается на присущее всякому образованному человѣку стремленіе къ личному и общественному развитію, второе—требуетъ какъ бы самопожертвованія, добровольнаго принесенія частныхъ выгодъ настоящаго въ жертву общимъ выгодамъ далекаго будущаго. Очевидно, что силы того и другаго далеко не равны. Но въ виду этого-то неравенства и слѣдуетъ желать, чтобы государственная власть по-

прежнему оставалась на той позиціи, какую она заняла въ шестидесятыхъ годахъ, и чтобы эта позиція была возведена въ принципъ, въ руководящее начало внутренней государственной дѣятельности.

Еще выше рецензія «Недѣли» говоритъ: «Мы, правда, не можемъ себѣ представить въ опредѣленныхъ чертахъ того типа общественнаго устройства, который сложится въ будущемъ на основаніяхъ, установленныхъ законодательствомъ шестидесятыхъ годовъ, но зато мы оставляемъ вопросъ открытымъ; принимая же планъ «Русскаго Міра», мы создаемъ опредѣленную общественную физіономію, но зато ставимъ своего рода «точку» общественно-политической организаціи народа, взятаго въ его цѣломъ».

Очевидно публицистъ «Недѣли» любитъ не идеалъ будущаго, имѣющаго выросги изъ настоящей безформенности, потому что самъ завѣшивается его покровомъ, не высказывается объ немъ; онъ любитъ безформенность на русской почвѣ для нея самой, вѣритъ въ нее какъ въ плодотворное начало, а потому и допускаетъ добрый плодъ «отъ добраго древа». Мы сказали въ началѣ этой статьи, что на почвѣ политики и вообще соціальныхъ предметовъ можно обсуждать только логическіе выводы, исходящіе изъ даннаго положенія, но нельзя спорить объ идеалахъ, обусловливаемыхъ личнымъ настроеніемъ. Это сужденіе, на нашъ взглядъ неоспоримое, прямо прилагается къ рецензіи «Недѣли». Рецензія признаетъ наши логическіе выводы въ *настоящемъ*, но отвергаетъ ихъ въ *будущемъ*, очевидно во имя своего общественнаго идеала. Мы же думаемъ, что о далекомъ будущемъ можно только мечтать, а не разсуждать, что практическія мѣры предписываются потребностями текущаго поколѣнія, а не неизвѣстными пользами поколѣній грядущихъ, и что въ такомъ преніи надобно устранить личные вкусы, хотя весьма естественные въ каждомъ человѣкѣ; вкусы эти имѣютъ значеніе лишь для лица, а не для предмета. Мы могли бы покончить споръ съ «Недѣлей» на этомъ пунктѣ, такъ какъ съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія дѣйствительности, она сама оправдываетъ насъ. Но мы желаемъ не діалектическаго успѣха, а всесторонняго разъясненія вопроса. Въ этомъ отношеніи, разсужденіе съ умнымъ противникомъ всегда бываетъ плодовито. Хотя, кажется, «Русскій Міръ» и «Недѣля» стоятъ на двухъ противоположныхъ концахъ политическаго и соціаль-

наго воззрѣнія, могутъ считаться антиподами, но это нисколько не мѣшаетъ взаимному пониманію и взаимной оцѣнкѣ доводовъ; такъ выходитъ даже лучше, потому что логика въ заключеніяхъ обязательна для всякаго образа мыслей, а дѣло идетъ между нами не объ основныхъ началахъ, не о направленіи, которыя мы оставимъ при себѣ, а о вопросѣ чисто практическомъ: о нынѣшней безформенности русскаго общества и о прямыхъ ея послѣдствіяхъ. Чѣмъ взгляды съ обѣихъ сторонъ противоположнѣе, тѣмъ шире выходитъ кругъ, охватываемый обсужденіемъ. Въ предстоящемъ случаѣ только это и нужно.

Съ публицистомъ «Недѣли» можно разсуждать. Онъ понимаетъ предметъ спора вполнѣ, понимаетъ его во всѣхъ оттѣнкахъ, хотя, конечно, смотритъ на него съ своей точки зрѣнія. Мы должны признать съ перваго слова, что онъ очертилъ въ немногихъ строкахъ нашу основную мысль не только вѣрно, но съ рѣдкой отчетливостью, не пропустивъ ни одной ея существенной черты. Онъ обошелъ только военный вопросъ, имѣющій въ нашихъ статьяхъ самостоятельное значеніе, такъ какъ для того, чтобы быть чѣмъ-нибудь, надо прежде всего просто быть; но онъ имѣлъ право уклониться отъ этого спеціальнаго предмета, принимая или отвергая его на вѣру. Во всемъ остальномъ онъ доказалъ мѣткость своего взгляда. Поэтому мы приступаемъ къ разсужденію съ нимъ въ увѣренности, что онъ можетъ освѣтить нѣкоторыя части предмета съ противоположной стороны, и во всякомъ случаѣ противъ логики спорить не станетъ.

Публицистъ «Недѣли» доказалъ какъ нельзя лучше, что съ нашей точки зрѣнія мы правы. Мы считаемъ своей задачей доказать, что онъ *не правъ* съ его точки зрѣнія.

Мы постараемся развить наши доводы въ завтрашней статьѣ.

II.

(*4 октября*).

Во вчерашней статьѣ мы выразили намѣреніе объяснить публицисту «Недѣли», почему онъ не правъ съ его собственной точки зрѣнія, т. е. почему путь безформенности, предпочитаемый имъ, вовсе не ведетъ къ желательной для него цѣли—совсѣмъ напротивъ. Мы считаемъ этотъ предметъ довольно важнымъ, потому именно, что множество людей у насъ раздѣляютъ такой взглядъ, хотя не умѣютъ подвести подъ него

доводовъ, какъ подвелъ ихъ рецензентъ. Хотя «Недѣля» не опредѣляетъ положительно общественнаго идеала, долженствующаго, какъ она надѣется, вырости изъ безформенности лѣтъ черезъ сто, но въ общихъ чертахъ идеалъ этотъ можно вывести изъ ея словъ довольно ясно.

Рецензія говоритъ, по поводу нашего мнѣнія, что степень образованія, законно принадлежащая народу, есть грамотность:

«Не будемъ говорить о безсердечности и эгоистичности такой постановки вопроса. Спрашивается, будетъ-ли проектированный культурный слой представлять собой Россію на всемъ ея громадномъ пространствѣ?.. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить ссылка на тотъ фактъ, что ни въ какой странѣ народъ не участвуетъ всей своей массой въ общественной жизни и въ опредѣленіи ея физіономіи. Россія, по сознанію самого «Русскаго Міра», многимъ отличается отъ государствъ западной Европы, и одно изъ отличій состоитъ въ громадномъ безпримѣрномъ преобладаніи въ ней «чернаго народа» надъ культурнымъ сословіемъ. *Осудивъ* всю массу этого народа на одну *грамотность* и совершенную неподвижность, мы даже путемъ сосредоточенія культурнаго класса врядъ-ли создадимъ цѣльную русскую физіономію и прочно политическое общество».

Далѣе: «Способенъ-ли гарантировать проектъ «Русскаго Міра» ту правильность развитія, какую онъ совершенно основательно признаетъ необходимой для культурнаго класса? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать утвердительно тотъ, кто, подобно «Русскому Міру», совершенно игнорируетъ экономическіе вопросы нашего вѣка и причину различныхъ западно-европейскихъ движеній приписываетъ однимъ подстрекательствамъ неблагонамѣренныхъ людей». (Надобно замѣтить — мы никогда этого не говорили, напротивъ, выразили мнѣніе о законности рабочаго движенія, оторваннаго отъ революціи).

«Недѣля» признаетъ, что неизбѣжнымъ спутникомъ безформенности является узаконенная общественная неполноправность и господство бюрократіи. Тѣмъ не менѣе журналъ говоритъ: «Можно сказать, что перемѣна этой точки зрѣнія (шестидесятыхъ годовъ) не произведетъ ровно никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ положеніи низшихъ классовъ».

«Все это совершенно справедливо, если обсуждать вопросъ только въ интересахъ культурнаго класса, и со стороны настоящаго или ближайшаго будущаго. Въ этомъ случаѣ, какъ

мы сказали, другаго рѣшенія и быть не можетъ. Но все это представится въ иномъ видѣ, если взглянуть на вопросъ съ высотъ государственныхъ соображеній и *отдаленнаго будущаго.*

«Кажется ясно! Безформенность должна привести въ отдаленномъ будущемъ всю массу народа къ такому состоянію, въ которомъ не только способнѣйшіе люди изъ толпы станутъ, какъ вездѣ, пробиваться къ высшему образованію, но вся масса, *не осужденная уже на одну грамотность,* разовьется въ уровень съ культурными классами, порѣшивъ въ тоже время экономическіе вопросы нашего вѣка и возсоздавъ цѣльную русскую физіономію и прочное политическое общество въ самой себѣ. Состояніе Россіи въ этомъ отдаленномъ будущемъ остается еще туманнымъ, но оно все-таки получаетъ нѣсколько очерченный образъ».

Идеалъ дѣйствительно соблазнительный, и всякій былъ бы радъ стремиться къ нему, даже путемъ безформенности, но только при трехъ условіяхъ: 1) чтобы онъ оказался сбыточнымъ; 2) чтобы нѣсколько предшествующихъ поколѣній, назначаемыхъ публицистомъ «Недѣли» въ жертву, для осуществленія его, согласились на такую жертву и 3) чтобы путь безформенности велъ именно къ этому идеалу, а не къ чему нибудь совсѣмъ иному.

Насчетъ осуществимости предлагаемаго намъ идеала мы знаемъ только одно: ничего подобнаго въ исторіи не видано. Никогда вся масса населенія не доростала до состоянія культурныхъ слоевъ, никогда она не выражала сознательно народной физіономіи, а доставляла для нея одни сырые матеріалы, вырабатываемые опредѣленно уже образованнымъ обществомъ. Просвѣщеніе въ уровень вѣка расширяется медленно и составляетъ вездѣ привилегію одного верхняго пласта, который потому и держитъ власть въ рукахъ, даже между взбунтовавшимися неграми Гаити. Конечно, будущее нельзя мѣрить прошедшимъ, но только въ смыслѣ размѣровъ, а не сущности дѣла. Мы также сильно надѣемся, что нашъ культурный слой будетъ утолщаться значительно быстрѣе, чѣмъ было до сихъ поръ, но если онъ долженъ когда нибудь охватить всю массу, то это произойдетъ никакъ не черезъ сто, а развѣ черезъ тысячу лѣтъ, и того сказать мало. А тысяча лѣтъ, по 33 года на поколѣніе, составляетъ 30 поколѣній, которыми надо пожертвовать для осуществленія идеала «Недѣли». Не слиш-

комъ-ли ужъ это много? «Русскій Міръ» дѣйствительно утверждаетъ, какъ это уже стало ясно для всѣхъ въ настоящую эпоху, что основанія, на которыхъ развивается Россія, глубоко отличны отъ западно-европейскихъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, какъ говоритъ «Недѣля, чтобы къ намъ былъ неприложимъ тотъ всемірный фактъ, что ни въ какой странѣ народъ не участвуетъ всей своей массой въ общественной жизни. Различная пища не производитъ различія въ законахъ пищеваренія, а историческій процессъ одинъ и тотъ же на всей землѣ, потому что онъ составляетъ часть общаго міроваго порядка,—до этой истины люди давно добрались. Какъ бы ни было велико численное преобладаніе стихійныхъ слоевъ на русской почвѣ, они отъ того не становятся самостоятельнѣе нравственно; милліоны людей, незнающіе чего нибудь и неспособные къ чему-либо, также точно не знаютъ и не могутъ, какъ и одиночный человѣчекъ. Русскій культурный слой, дѣйствительно, такъ жидокъ, что у насъ нѣтъ больше ста тысячъ покупателей на книги и журналы. Но изъ этого слѣдуетъ только лишь, что возростаніе культурнаго слоя желательно ускорить, а вовсе не то, чтобъ онъ могъ быть замѣненъ людьми вовсе неразвитыми. Насчетъ же «экономическихъ вопросовъ вѣка», которые, по нашему мнѣнію, могутъ быть рѣшены окончательно только открытіемъ средства дѣлать бифстексы изъ простыхъ химическихъ элементовъ, пусть прежде похлопочутъ объ ихъ рѣшеніи тѣ народы, которые ихъ затѣяли, а мы подождемъ и посмотримъ; намъ торопиться некуда. Россія—государство земледѣльческое, обладающее, такъ же какъ Америка, безконечными плодородными пространствами, способными вмѣстить многія сотни милліоновъ людей, — пространствами, по которымъ русское населеніе разливается медленно именно вслѣдствіе *безформенности*, связывающей его буквою положеній и лишающей просвѣщеннаго руководства. Едва-ли какіе бы то ни было «экономическіе вопросы вѣка» вознаградятъ русскій народъ за такое состояніе, имѣющее продлиться тысячу лѣтъ.

Насчетъ пожертвованій многими поколѣніями, мы прежде всего спросимъ у публициста «Недѣли»: имѣетъ-ли кто нибудь право жертвовать поколѣніемъ безъ его согласія? Если нѣтъ, то пришлось бы спрашивать у каждаго нарождающагося русскаго поколѣнія, желаетъ-ли оно быть пожертвованнымъ въ

пользу своихъ отдаленныхъ потомковъ? И если одно только изъ нихъ скажетъ: нѣтъ! то и кончено, идеалъ не можетъ осуществиться. Отдаленные потомки—это все равно, что отдаленные предки, что жители другой планеты. Вопросъ; согласны-ли вы на жертву въ пользу людей 2874 года? совершенно равняется другому вопросу: согласились-ли бы вы пожертвовать собою для счастія подданныхъ Рюрика 874 года, за то, чтобъ эти подданные жили въ свое время не такъ, какъ они жили, а съ совершеннымъ благополучіемъ? Что же, согласны-ли вы? Вопросы эти не совсѣмъ шуточные, они имѣютъ глубокое значеніе, но только для кого?—для людей, твердо вѣрующихъ въ безконечную будущность человѣческой личности и въ осмысленныя, не земныя, конечныя цѣли человѣческой исторіи. Христіанскій проповѣдникъ идетъ на костеръ для просвѣщенія чуждыхъ ему племенъ,—онъ пойдетъ на костеръ и для спасенія чуждыхъ ему поколѣній. Мы не знаемъ религіозныхъ убѣжденій публициста «Недѣли» и никогда не позволимъ себѣ касаться тайника чужой души. Но онъ понимаетъ, что самопожертвованіе, особенно цѣлаго поколѣнія, возможно только съ этой точки зрѣнія; съ почвы же «экономическихъ вопросовъ нашего вѣка» оно не имѣетъ никакого смысла, объ немъ нельзя и говорить.

Наконецъ, приведетъ-ли насъ путь *безформенности* не только къ идеалу, рисуемому публицистомъ «Недѣли», несбыточному по сущности, но даже къ какому-либо удовлетворительному состоянію?

Разбирая въ нашихъ передовыхъ статьяхъ существующія въ Россіи мнѣнія о возможномъ исходѣ изъ нынѣшней безформенности, мы не касались двухъ разрядовъ людей: тѣхъ, которымъ безсословность мила по вкусу, которые любятъ ее въ отвлеченномъ смыслѣ либеральнаго учрежденія и видятъ въ ней воображаемое обезпеченіе правъ народа противъ захвата высшихъ сословій,—однимъ словомъ, людей, смотрящихъ на безсословность какъ на плодотворное начало въ самой себѣ и ожидающихъ отъ нея неизвѣстныхъ имъ самимъ, но во всякомъ случаѣ хорошихъ послѣдствій; тѣхъ также, для которыхъ безсословность составляетъ средство, а не цѣль. Спѣшимъ оговориться, что мы не имѣемъ и въ мысли причислять нашего дружелюбнаго противника ко второму разряду — онъ стоитъ твердо на законной почвѣ, даже болѣе твердо чѣмъ мы, потому

что сочувствуетъ не только основаніямъ, но и практическому примѣненію послѣднихъ преобразованій. Первые платоническіе сторонники безсословности очень многочисленны у насъ, но наклонность ихъ нельзя назвать прямо мнѣніемъ, она не основана на положительныхъ доводахъ,—это больше вкусъ, а о вкусахъ не спорятъ. Въ другихъ земляхъ иначе. Правильно или утопически понимаетъ свои пользы европейское фабричное населеніе, силясь высвободиться изъ-подъ культурныхъ слоевъ страны, но на Западѣ это движеніе существуетъ, оно было довольно сильно, чтобы провести законъ о всеобщемъ голосованіи, оно вызвало немало печальныхъ, но тѣмъ не менѣе крупныхъ явленій въ народной жизни, тамъ оно — дѣйствительность, а потому естественно находитъ въ образованныхъ кругахъ сторонниковъ и вожаковъ. Въ нашемъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ стремленій къ обособленію, по многимъ причинамъ, давно уже указаннымъ, между прочимъ указаннымъ и въ нашихъ статьяхъ. Русскій народъ—земледѣльческій, осѣдлый до такой степени, что даже въ Петербургѣ онъ не разрываетъ связи съ родной деревнею, не скученный въ городахъ, всегда бывшій собственникомъ на дѣлѣ, а теперь ставшій имъ и по праву; онъ, правда, не устроенъ еще вполнѣ въ качествѣ землевладѣльца, но не устроенъ потому, что бюрократическая опека, взявшая его на свое попеченіе, не въ силахъ идти далѣе наружнаго устройства; есть надежда, весьма сбыточная, что у насъ можетъ широко развиться артельное производство и что вслѣдствіе того, преобладаніе капитала надъ трудомъ не станетъ у насъ такимъ гнетомъ, какъ въ Европѣ; но даже этотъ вопросъ, при слабомъ развитіи русской промышленности, принадлежитъ еще будущему а не настоящему, и не можетъ доказывать покуда никакихъ практическихъ мѣръ. Затѣмъ сословной борьбы въ Россіи не было и не будетъ, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ, а есть только два слоя—образованный и необразованный, изъ которыхъ первый по необходимости служилъ, служитъ и будетъ служить орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Вопросъ въ томъ, какой видъ службы этого слоя наиболѣе соотвѣтствуетъ условіямъ времени—чисто казенный, какъ нынѣ, или земскій? Рѣчь идетъ не о передвиженіи господствующаго положенія изъ одного общественнаго пласта въ другой, что дѣйствительно отзывалось бы переворотомъ; оно неизбѣжно

остается въ томъ же самомъ слоѣ, способномъ его нести. Дѣло въ томъ, чтобы сложить образованныхъ русскихъ людей, пользовавшихся до сихъ поръ исключительнымъ значеніемъ казенныхъ чиновниковъ, въ связную, по возможности самостоятельную гражданскую группу, остающуюся, какъ и прежде, прямымъ орудіемъ верховной власти. Эта потребность вызывается не теоріей, а дѣйствительностью, такъ какъ нашъ разрозненный культурный слой, объединяемый только механически государственною службою, оказывается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе безсильнымъ передъ возникающими общественными задачами. Правительству выгодно, для собственнаго обезпеченія и удобства, обратить созданный имъ культурный слой—изъ слугъ наемниковъ въ вѣрноподданныхъ гражданъ, повѣряющихъ другъ друга передъ лицомъ всей земли. При безформенности, какъ и при общественной сомкнутости, значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, народъ находится подъ его же управленіемъ, но мѣра пользы, приносимая имъ, будетъ совсѣмъ иная. Спорить о такомъ приспособленіи, сохраняющемъ чисто домашній характеръ между государственною властью и ея людьми, можно лишь въ смыслѣ политическихъ, а не соціальныхъ видовъ, которые, во всякомъ случаѣ, остаются тутъ не причемъ. Наконецъ, наша верховная власть, общенародная по своему происхожденію и духу, никогда не допуститъ преобладанія одной группы русскихъ людей надъ другою въ ея личную пользу, независимо отъ пользъ государственныхъ. При такомъ національномъ складѣ мы смѣло можемъ сосредоточивать помыслы на потребностяхъ *русской* текущей эпохи, не принимая въ расчетъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ западную Европу, и не пробуя кроить себѣ политическаго платья съ запасомъ для неизвѣстныхъ нуждъ отдаленныхъ поколѣній. По самой сущности единственныхъ нашихъ русскихъ дѣйствительностей, образуемыхъ двумя полюсами—историческою верховною властію и духомъ народа, — потребное намъ осмысленное, современное устройство есть только форма, внѣшняя организація общества, соотвѣтствующая его росту; она не заковываетъ жизнь будущихъ поколѣній въ какой либо неизмѣнный типъ, нисколько не предрѣшаетъ того, что окажется нужнымъ Россіи черезъ сто или двѣсти лѣтъ. Наша исторія постоянно мѣняла орудія, посредствомъ которыхъ правительство проводило свое дѣй-

ствіе въ страну; стало быть, ей теперь нѣтъ надобности стѣснять себя изъ-за фантастическихъ соображеній о потребностяхъ грядущихъ поколѣній, тѣмъ болѣе, что человѣку не дано заглядывать такъ далеко въ будущее. «Нѣсть бо ваше вѣдѣніе времена и вѣки», сказалъ всемірный Учитель. Необходимое намъ общественное объединеніе не ставитъ точку въ нашемъ развитіи, какъ говоритъ рецензентъ: — оно даетъ, напротивъ, возможность идти впередъ не наугадъ, не съ завязанными глазами. Современныя нужды не только общества, но простонародья, требуютъ у насъ прежде всего совокупности, взаимодѣйствія и просвѣщеннаго руководства, невозможныхъ при разъединенности образованнаго слоя. Такое руководство необходимо болѣе всего самому же народу, чтобы развить врожденныя ему способности и научить его ими пользоваться; самъ по себѣ въ цѣлую тысячу лѣтъ онъ развился лишь до того состоянія, въ которомъ пребываетъ на нашихъ глазахъ. Русское простонародье понимаетъ свои выгоды несравненно яснѣе книжныхъ своихъ сторонниковъ: оно мало довѣряетъ выборному начальству изъ своей среды, полагается гораздо болѣе на мѣстнаго помѣщика, чѣмъ на либеральнаго чиновника, и считало-бы *осужденіе на одну грамотность* (разумѣется, не на свой скудный, а на государственный счетъ) великимъ благодѣяніемъ. Нельзя не остановиться надъ этимъ «осужденіемъ на одну грамотность» нашего публициста; оно показываетъ лучше всякихъ разсужденій, что такое выходитъ на практикѣ изъ книжной любви къ народу съ точки зрѣнія секты, даже въ умномъ человѣкѣ. Покуда въ Россіи навѣрное нѣтъ десяти процентовъ дѣйствительно грамотныхъ людей, умѣющихъ читать не по складамъ; ихъ нѣтъ главнѣйше отъ того, что нашъ народъ предоставленъ самъ себѣ, а вожаки его, такъ называемые міроѣды, заботятся, конечно, не о просвѣщеніи обираемыхъ ими людей. Нашъ публицистъ изъ любви къ народу, боясь, чтобы толпа не была осуждена на одну грамотность, желаетъ неопредѣленнаго продолженія состоянія, не позволяющаго ей выбиться изъ полной безграмотности; онъ сочувствуетъ поколѣніямъ несуществующимъ, во вредъ живымъ людямъ, съ которыми соприкасается поминутно,—или, лучше сказать, не соприкасается вовсе, оставаясь погруженнымъ въ фантастическій міръ теорій, откуда и проистекаетъ его «безсердечность» и «эгоистичность». Какимъ образомъ народная толпа

можетъ дойти сама собою изъ нынѣшней «безформенной» безграмотности до университетскихъ курсовъ черезъ сто лѣтъ, онъ этого не знаетъ и не указываетъ; мы также не знаемъ. Надобно полагать, что русскому простому люду показалось бы нѣсколько страннымъ предложеніе—потерпѣть еще очень долго неурядицу, противъ которой всѣ теперь вопіютъ, для того, чтобы когда нибудь, какое нибудь изъ русскихъ поколѣній не было стѣснено существующими формами въ свободномъ выборѣ своего общественнаго устройства. Объ этомъ, впрочемъ, легко справиться,—стоитъ поѣхать въ первую деревню и спросить. Слѣдуетъ думать также, что этому вожделѣнному поколѣнію пришлось бы даже не подъ силу строить что бы то ни было: оно слишкомъ отупѣетъ отъ вѣковой разладицы. Между тѣмъ, вотъ все, на что сводятся доводы платоническихъ любителей безсословности и безформенности. Умнѣйшіе изъ нихъ понимаютъ невозможность оставаться долго въ чисто хаотическомъ состояніи и ищутъ выхода — не въ общей и явной связности по закону и обычаю, а въ частномъ, какъ бы потайномъ сростаніи въ средѣ каждой общественной группы особо—что, во-первыхъ, подаетъ очень мало надежды на успѣхъ и вовсе не достигаетъ существенной цѣли, а во-вторыхъ, доказываетъ внутреннее признаніе самаго принципа, съ желаніемъ обойти его во что бы ни стало изъ-за личнаго вкуса. Между этими любителями безсословности есть, конечно, люди, горячо желающіе блага своему отечеству, — публицистъ «Недѣли» несомнѣнно такой человѣкъ; но они требуютъ прежде всего, что бы это благо достигалось путемъ, ими указаннымъ, а не какимъ либо инымъ. Путь для нихъ важнѣе цѣли. Каковы бы ни были взгляды нашихъ сторонниковъ безформенности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, они очевидно принадлежатъ къ еретической для науки сектѣ, вѣрующей въ самозарожденіе; они ждутъ всходовъ тамъ, гдѣ ничего не посѣяно, и не хотятъ понять, что безформенность, являющаяся не въ колыбели общества, а въ пору его сознательности, можетъ развиваться только въ свойственномъ ей духѣ, что безформенность текущаго дня обращается въ двойную безформенность завтрашняго и тройную послѣдующаго, пока, наконецъ, нравственныя силы народа, не высказавшись, придутъ въ разложеніе и нація начнетъ скатываться по обратному склону—«отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть». Къ этому печаль-

ному исходу могутъ привести народъ, даже великій, разныя причины, отмѣченныя однакожъ тѣмъ общимъ свойствомъ, что всѣ онѣ, въ свое время, помѣшали какъ нибудь правильному развитію жизни; въ Испаніи инквизиція не дала обществу мыслить, въ Россіи, если мы погонимся за идеаломъ «Недѣли», безформенность не дастъ ему жить. Затѣмъ, какъ извѣстно, когда принятый внутрь ядъ подѣйствовалъ, въ то единичномъ или сборномъ тѣлѣ, начинаются раньше или позже судороги, безплодныя революціи, въ свою очередь ускоряющія паденіе. Мы достаточно видимъ это на примѣрѣ крайняго европейскаго запада. Другихъ послѣдствій нельзя ждать отъ растлѣнія общественной жизни, развѣ только въ личныхъ грезахъ, создающихъ фантастическій міръ.

Мы имѣли, стало-быть, основаніе сказать, что публицистъ «Недѣли» не правъ даже съ его точки зрѣнія.

Нечего говорить много о небольшомъ числѣ людей, видящихъ въ нынѣшней безсословности лишь средство для осуществленія желаній, въ которыхъ они не могутъ признаться. Такой разговоръ въ печати невозможенъ и безплоденъ, — онъ остается безъ отвѣта. Но для насъ не составляетъ сомнѣнія тотъ выводъ, что даже эти люди, и даже съ ихъ основаній, глубоко ошибаются въ выборѣ пути. Массу можно поворотить въ какую бы то ни было сторону только связностію умственныхъ силъ, которыя должны образовать нѣчто цѣльное, способное слагаться въ опредѣленныя группы; иначе происходитъ только одно послѣдствіе — толпа впадаетъ въ китайскій застой, и всякое желаніе дѣйствовать на нее уподобляется тогда затѣѣ — вызвать бурю на морѣ, дуя на него съ берега. Возстановленіе общественной связности разсѣетъ, очевидно, утопіи этихъ искателей приключеній; они увидятъ свою ничтожность, какъ только можно будетъ сосчитать мнѣнія; но оно разсѣетъ ихъ утопіи лишь на практикѣ, между тѣмъ, какъ теперь онѣ несообразны даже въ самой теоріи. Увѣковѣченіе нынѣшней русской разобщенности не обѣщаетъ ни выгоды, ни успѣха никакому *мнѣнію*, ни съ какой точки зрѣнія; но въ то же время оно представляетъ положительный вредъ всякому *дѣлу*, общему и частному, — дѣлу всякихъ людей, каковы бы ни были ихъ личныя стремленія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

(Чѣмъ намъ быть?)

Полемическія статьи.

(„Русск. Міръ“ 1874).

ПИСЬМА

о

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ.

„Письма о современномъ состояніи Россіи“ впервые были изданы въ 1881 году въ Лейпцигѣ *). Къ этому изданію было приложено слѣдующее предисловіе.

Печатаемыя нынѣ двѣнадцать писемъ о современномъ состояніи Россіи были представлены, какъ означено въ заглавіи, въ смутный годъ съ апрѣля 1879 по апрѣль 1880. Онѣ писаны двумя одномыслящими лицами вмѣстѣ, хотя подписывались лишь однимъ изъ нихъ. Изъ настоящаго изданія исключено все, касавшееся случайныхъ вопросовъ, злобы дня того года; обсужденіе основныхъ вопросовъ оставлено безъ измѣненія. Вѣроятно, письма эти остались бы еще долго подъ спудомъ, еслибъ недавнія сокрушающія событія не вынудили насъ считать дѣломъ совѣсти—высказать наше мнѣніе вслухъ.

*) См. обзоръ литературной дѣятельности Р. Фадѣева, т. I.

ПИСЬМО I.

11-го АПРѢЛЯ 1879 ГОДА.

Въ этомъ письмѣ мнѣ принадлежатъ только объединеніе фактовъ и выводъ изъ нихъ. Самые факты, извѣстные у насъ всѣмъ и каждому, не обращаютъ даже на себя вниманія по своей обыкновенности.

Незачѣмъ касаться механическихъ, полицейскихъ мѣръ для искорененія видимаго зла; онѣ одинаковы въ цѣломъ свѣтѣ. Можно сказать только слѣдующее: безумные фанатики, открыто жертвующіе собою для совершенія злодѣйства, чрезвычайно рѣдки, но звѣрскихъ душъ, готовыхъ на преступленіе, когда есть надежда скрыться отъ преслѣдованія, очень много. Единственно вслѣдствіе того, число такихъ случаевъ въ Европѣ исчерпывается нѣсколькими примѣрами въ столѣтіе; у насъ между двумя верховными покушеніями совершился рядъ открытыхъ убійствъ надъ лицами всякаго званія, отъ государственныхъ людей до гимназистовъ. Въ Европѣ этого нѣтъ, потому что тамъ нельзя совершить уличнаго убійства и не быть захваченнымъ; у насъ можно. Въ Европѣ городовой, видящій какъ злоумышленникъ, покусившійся на жизнь генерала Дрентельна, падаетъ на мосту, бросаетъ коня на произволъ судьбы и, хромая, плетется къ извозчику, понялъ бы, что этотъ человѣкъ спасается отъ преслѣдованія и задержалъ бы его; тамъ и другіе полицейскіе, снабженные на этотъ предметъ свистками, не дали бы ему скрыться изъ виду; тамъ дрожки, поджидавшія недѣлю на одномъ мѣстѣ убійцъ Мезенцова, были бы арестованы на другой день, и такъ далѣе. Очевидно, что русская полиція, даже въ Петербургѣ, гораздо слабѣе всякой

европейской, но зато и русскіе заговорщики мало прикрыты. Они отвергаются чрезвычайнымъ большинствомъ образованнаго слоя, а народъ готовъ растерзать ихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что энергическіе люди могутъ въ короткій срокъ раздавить безпочвенный русскій заговоръ, прекратить опасность съ его стороны на нѣкоторое время, но едва ли—вырвать съ корнемъ. Полицейскія мѣры ничего съ корнемъ не вырываютъ, а въ этомъ все дѣло.

Въ Россіи существуютъ до трехъ сотъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ каждаго заведенія выпадаютъ ежегодно нѣсколько воспитанниковъ. Значительная часть этого набора попадаетъ въ ряды нигилистовъ. Пока такое явленіе продолжается, нигилизмъ можно прижать, обезоружить, но не искоренить. Министерство Просвѣщенія тутъ ни причемъ; оно не можетъ отвѣчать за исключенныхъ и добровольно ушедшихъ. Можно замѣтить развѣ одно. Въ Европѣ за каждымъ учебнымъ заведеніемъ для культурнаго сословія стоитъ нѣсколько низшихъ, обучающихъ умѣнью честно зарабатывать хлѣбъ и подбирающихъ неудачныхъ учениковъ, выбрасываемыхъ первыми. У насъ же между классическимъ преподаваніемъ и полною безграмотностію почти нѣтъ середины. Воспитаннику, которому теорія небесной механики оказалась не подъ силу, негдѣ учиться чему либо не столь высокому, но болѣе хлѣбному, и онъ идетъ въ нигилисты, чтобы не умереть съ голода; а въ тоже время техниковъ всякаго рода выписываютъ изъ заграницы по неимѣнію своихъ.

Но эта причина только усиливаетъ напряженіе нашихъ ядовитыхъ наростовъ. Созданы они отчасти искусственно вызваннымъ, несоразмѣрнымъ съ потребностію, наплывомъ дѣтей бѣднѣйшихъ сословій въ обще-образовательныя заведенія, отчасти легкомысленнымъ подражаніемъ нынѣшнимъ революціоннымъ идеямъ запада, какъ заговоръ 14-го декабря былъ подражаніемъ тогдашнимъ конституціоннымъ идеямъ. Своего въ нихъ ничего нѣтъ, а потому вопросъ объ ихъ происхожденіи имѣетъ лишь относительную важность. Другое дѣло, по какимъ причинамъ всесильное русское правительство не можетъ справиться съ давно обнаруженнымъ и безпочвеннымъ заговоромъ. Тутъ встаетъ вопросъ о правильности постановки всего правительственнаго дѣйствія, и по этой только причинѣ я считаю себя обязаннымъ высказать свое убѣжденіе.

Не трудно было бы искоренить враждебную обществу шайку, если бы всѣ органы власти, отъ крупныхъ до мелкихъ, въ точности исполняли свои обязанности; но правительство можетъ дѣйствовать лишь посредствомъ администраціи, какова она есть. Съ перваго же слова я обязанъ освѣтить неутѣшительную, но общеизвѣстную и несомнѣнную истину: въ настоящее время правительство не настолько владѣетъ своею администраціею, чтобы провести сверху до низу духъ какой либо мѣры; оно можетъ проводить только форму, которая часто прилагается на практикѣ въ смыслѣ, прямо противуположномъ правительственной волѣ.

Въ такомъ непомѣрно громадномъ бюрократическомъ механизмѣ, каковъ русскій, въ которомъ рѣшеніе по каждому дѣлу обусловливается хорошо подобранными формальностями, всякій начальникъ отдѣленія сильнѣе министра въ дѣлахъ своего круга дѣйствій, каждый изъ нихъ можетъ вынудить желательное для себя рѣшеніе у зауряднаго министра, теряющагося въ хаосѣ текущихъ дѣлъ. Это такая доказанная истина, что о ней никто не споритъ. Каждый слышалъ десятки анекдотовъ о томъ, какъ министръ пробовалъ постановить рѣшеніе, сдѣлать назначеніе противъ воли начальника отдѣленія или директора,—и сдался. Но изъ этого выходитъ, что если вслѣдствіе какого-либо вреднаго направленія, вкравшагося въ общество, найдется въ длинномъ іерархическомъ ряду хотя одно лицо, имъ зараженное, то, начиная съ этой ступени, мѣра осуществляется въ духѣ этого лица, а не въ правительственномъ, конечно, съ точнымъ соблюденіемъ формальностей. Извѣстно, что тонкой прослойки какого-либо посторонняго тѣла между двумя стеклами достаточно, чтобы переломить лучъ, дать ему иное направленіе. Но какъ въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ сильно распространенъ духъ безсодержательнаго либерализма и недовольства всѣмъ настоящимъ, и какъ при томъ въ Россіи все выростающее изъ зипуна почти поголовно воплощается въ чиновничествѣ (кромѣ военныхъ), не говоря объ инородцахъ, часто враждебныхъ по принципу, то наша администрація переполнена лицами, дѣйствующими не въ правительственномъ духѣ, тѣми именно прослойками, въ которыхъ лучъ преломляется. До верховной власти не могутъ, конечно, доходить факты, ежедневно звенящіе въ ушахъ каждаго изъ насъ: какъ такой-то мѣстный начальникъ выгоняетъ чиновниковъ, выпи-

сывающихъ добросовѣстные журналы, а не нигилистическіе листки; какъ другой жалуется на тупоуміе ребенка-сына, читающаго Герцена какъ календарь, безъ увлеченія; какъ слѣдователь предупреждаетъ заговорщика, котораго онъ долженъ арестовать, чтобы тотъ скрылъ поличное; какъ вице-директоръ говоритъ своему чиновнику, радующемуся, что одинъ изъ убійцъ Мезенцова наконецъ пойманъ: «не далеко же вы пойдете на службѣ съ такими идеями»; какъ секретарь консисторіи отвѣчаетъ на замѣчаніе, что большинство нигилистовъ выходитъ изъ духовнаго званія: «еще бы, мы ближе къ народу, кому же стоять за него»—и такъ далѣе, безъ конца. Все это не безыменные анекдоты, а число ихъ легіонъ. Но если въ государственной службѣ оказывается не мало процентовъ такихъ личностей, то въ длинномъ іерархическомъ ряду почти каждая правительственная мѣра должна пройдти чрезъ руки одной изъ нихъ, и съ этого времени будетъ сбита съ прямаго пути. Изъ министровъ только три: иностранныхъ дѣлъ, военный и морской, по особому складу ихъ вѣдомствъ, могутъ проводить рѣшенныя мѣры въ ихъ подлинномъ духѣ. Многіе уже сознаютъ нынѣ и всѣ чувствуютъ, что наше правительство не вполнѣ владѣетъ своей административной машиной, а потому оказывается не совсѣмъ властнымъ противъ общественныхъ явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ.

Есть еще другая причина этой немощи. Если считать у насъ столько то процентовъ чиновниковъ неблагонадежныхъ и столько то вполнѣ надежныхъ, то остается еще гораздо большая масса среднихъ, податливыхъ въ своемъ мнѣніи, но не утратившихъ завѣтнаго русскаго чувства и готовыхъ, по настроенію минуты, рисковать собою для предупрежденія злаго умысла,—или же оправдать Вѣру Засуличъ. Безъ малѣйшаго сомнѣнія большинство присяжныхъ надворныхъ совѣтниковъ, вынесшихъ это безобразное оправданіе, были не Минины, но и не Мараты, и думали прежде всего о себѣ; они непремѣнно стали бы на сторону правительства и закона, еслибъ у насъ отдѣльному лицу можно было опереться на правительство. Дѣло въ томъ, что надворные совѣтники стали въ процессѣ Засуличъ на сильнѣйшую сторону, сильнѣйшую въ тѣхъ мелкихъ отношеніяхъ, изъ которыхъ слагается ихъ жизнь. Уже въ то время, до убійствъ, красный кружокъ былъ у насъ единственной связной группой; поддакивавшіе ему избѣгали неудобства быть осмѣянными въ

уличныхъ листкахъ, представленными въ каррикатурѣ на балаганныхъ театрахъ, оскорбленными въ публичныхъ собраніяхъ извѣстнаго рода; они часто выигрывали противъ другихъ даже на службѣ, пользуясь общимъ безпристрастіемъ начальниковъ, людей прямыхъ, и особымъ покровительствомъ кривыхъ. Какъ ни была и есть ничтожна сила красныхъ въ русской массѣ, она все-таки связная сила, знающая и поддерживающая своихъ. *Наше правительство своихъ не знаетъ.* Всякій русскій человѣкъ можетъ быть выгнанъ изъ службы своимъ начальникомъ, краснымъ, за то, что онъ не красный, и нигдѣ не найдетъ управы. Каждый знаетъ много такихъ случаевъ. При всеподавляющемъ нашемъ бюрократизмѣ русское правительство для каждаго отдѣльнаго лица какъ бы не существуетъ. Гдѣ оно, въ чемъ оно, какъ до него достигнуть? Выходитъ, что изъ правящей дѣлами бюрократіи многіе становятся поперегъ правительству; огромное большинство, не имѣющее строго опредѣленнаго мнѣнія, не всегда находитъ лично удобнымъ для себя дѣйствовать въ правительственномъ духѣ; остающійся процентъ людей съ твердыми убѣжденіями не много можетъ сдѣлать. Какъ же разсчитывать на удачное преслѣдованіе цѣлей съ такимъ орудіемъ дѣйствія, когда при томъ оно единственное, незамѣнимое покуда орудіе, даже въ своемъ личномъ составѣ.

Самыя условія бюрократическаго быта служатъ проводникомъ безсодержательному красному либерализму, служащему, въ свою очередь, подпочвой для настоящаго нигилизма. Человѣкъ, живущій практическою жизнію въ какомъ бы то ни было званіи — въ земствѣ, на желѣзной дорогѣ, въ промышленномъ предпріятіи, ежедневно соприкасается съ толпою и видитъ собственными глазами исходъ своихъ мѣропріятій; онъ безпрестанно наталкивается на случаи, заставляющіе его свѣрять дѣйствительность съ идеями, взятыми имъ на вѣру; черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни онъ не можетъ уже оставаться глухимъ утопистомъ и проникается живою средою, не заносною, а своею, русскою, въ которой вращается. Для чиновника канцеляріи или учителя (къ нимъ еще надобно причислить большинство сотрудниковъ періодической нашей печати) рѣдко возможенъ житейскій опытъ. Чиновникъ, особенно же петербургскій, вычитываетъ свои идеи или принимаетъ ихъ съ чужихъ словъ, не видитъ практическихъ послѣдствій своихъ распоряженій, не можетъ повѣрять своихъ мнѣній на опытѣ и судитъ

все на свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи, къ которой однажды прилѣпился, — случайно или по складу своего ума. Оттого наши чисто-канцелярскіе дѣятели, дослужившіеся даже до званія дѣятелей государственныхъ (а такихъ не мало), остаются во многихъ отношеніяхъ существами полудѣтскими, съ заимствованными понятіями безъ собственной провѣрки. При такой закваскѣ людей самый утопическій либерализмъ, дѣйствительно привлекательный въ чистой теоріи, легко внѣдряется въ душу. Намъ же почти два вѣка ставили въ первое достоинство — объевропеиться; тѣ изъ насъ, которые жили преимущественно въ безвоздушномъ пространствѣ офиціальной среды, и объевропеились въ самомъ модномъ и прогрессивномъ вкусѣ. Все это въ порядкѣ вещей.

Нельзя не замѣтить также, что наша періодическая печать, издающаяся покуда, за немногими исключеніями, для того же казеннаго слоя людей, проникнута его же духомъ — и по житейскому воспитанію своихъ дѣятелей, и въ видахъ лучшаго сбыта товара. Одно находитъ оправданіе въ другомъ, и обратно. Большинство казеннаго общества, единственнаго, стоящаго до сихъ поръ на виду, заодно съ большинствомъ печати, мало соприкасаются съ русскою почвою, оба живутъ присочиненными идеалами, чужими готовыми выводами, легко переходящими въ крайность потому именно, что они у насъ не подлежатъ повѣркѣ домашнимъ опытомъ, какъ чужіе. Изъ такой постановки дѣла истекаетъ слѣдующее странное явленіе. Русскій либеральный чиновникъ желалъ бы одарить Россію учрежденіями либеральными до несостоятельности, до хаоса, но не хочетъ позволить обсуждать свои эксперименты тѣмъ, надъ которыми ихъ производитъ; онъ давитъ по мѣрѣ силъ всякое проявленіе земской, и вообще народной жизни, происшедшее безъ его предварительнаго разрѣшенія, какъ самовольство противъ своего офиціальнаго права; печать поступаетъ почти также въ защиту своихъ «либеральныхъ принциповъ». Земля покуда молчитъ, — кто же ее спрашиваетъ? — и все это навѣянное броженіе на поверхности въ слоѣ, который можно назвать чисто казеннымъ (созданнымъ правительствомъ и имъ живущимъ), совершенно безсильное для какого либо общаго дѣла, служитъ тѣмъ не менѣе подпочвой, хотя бы безсознательной, явленіемъ самымъ неподходящимъ, которыя за границей называются «революціоннымъ духомъ Россіи».

Возможно ли присмотрѣть сверху за безчисленной русской бюрократіей, сосредоточивающей въ себѣ всю власть и ежегодно размножающейся своей собственной силой. Уже покойный Государь замѣчалъ, что у насъ гораздо больше чиновниковъ, чѣмъ ихъ нужно для службы. Но каждый начальникъ желаетъ управлять сколь можно болѣе обширнымъ вѣдомствомъ; каждый русскій человѣкъ, перерядившійся въ нѣмецкое платье, считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ жить на казенный счетъ. При безмѣрной численности этой почти праздной массы, въ нее легко вкрадываются не только ненадежныя личности, но настоящіе злоумышленники, какъ оказывалось во время послѣдней польской смуты, какъ оказывается и нынѣ, при нашей смутѣ домашней.

Нѣтъ возможности исправить администрацію, оставляя ее на нынѣшнихъ основаніяхъ. Развѣ мыслимо улучшить ея личный составъ болѣе строгою разцѣнкою людей, когда всѣ грамотные и даже полуграмотные слои русскаго общества облечены уже въ казенный мундиръ? Въ другихъ странахъ, даже въ бюрократической Франціи, можно измѣнить наличный составъ администраціи въ правительственномъ духѣ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ лишь часть образованнаго общества; у насъ же, вслѣдствіе недостаточной еще глубины культурнаго слоя и непомѣрнаго, не имѣющаго подобія распространенія казенной службы на все и на всѣхъ, внѣ наличнаго административнаго состава не остается почти ничего. Для того, чтобы удалить всѣхъ неблагонадежныхъ людей, пришлось бы упразднять не лица, а мѣста и званія, по недостатку замѣстителей. Кромѣ того, кто же будетъ упразднять? Пусть послѣдуетъ Высочайшій указъ; на основаніи его добросовѣстный начальникъ удалитъ, можетъ быть, самыхъ сомнительныхъ, но начальникъ красный, какихъ много, выгонитъ подъ этимъ предлогомъ самыхъ благонадежныхъ. Произойдетъ только перекладываніе изъ одного ящика въ другой.

Худшее послѣдствіе такого положенія дѣлъ заключается не въ томъ даже, что правительство не вполнѣ владѣетъ своимъ орудіемъ-администраціей, а въ томъ, что у него нѣтъ покуда никакого другаго орудія даже на крайній случай. Когда правительство обращается къ Россіи, какъ не разъ случалось, оно употребляетъ аллегорію. Кромѣ простонародья, заключающаго въ себѣ громадныя силы, но для устоя а не

для дѣйствія, внѣ арміи и администраціи не существуетъ почти никакой сознательной Россіи, способной содѣйствовать правительству. Съ тѣхъ поръ какъ крупное помѣстное дворянство, бывшее дѣйствительнымъ продолженіемъ правительства, улетучилось неизвѣстно куда, въ русскихъ областяхъ попадаются кой какіе обрывки, отпадающіе на ходу отъ арміи и администраціи, обрывки болѣе благонадежные, можетъ быть, чѣмъ все прочее, такъ какъ они постепенно проникаются русскою жизнію, но они совершенно безсильны по неимѣнію значенія, средствъ и даже достаточной численности, для того, чтобы сплотиться въ нѣчто цѣлое. Безсильные сами по себѣ, эти обрывки кромѣ того не имѣютъ подъ собой никакой почвы, разъединены съ народомъ, такъ какъ, при дѣйствующихъ положеніяхъ, земскія учрежденія, хотя могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ распоряжаться населеніемъ, но совершенно лишены возможности руководить имъ.

Такимъ образомъ, для охраненія правильнаго развитія русской жизни правительство вооружено одною силою—казенною администраціею, не поддающеюся присмотру по своей громадности и разнородности, и представляющею по своей отчужденности отъ народной жизни богатое поле для распространенія тѣхъ именно вредныхъ уклоненій, которыя приходится и придется еще подавлять.

Исключительное владычество бюрократіи имѣло, конечно, свои причины въ нашей исторіи, какъ всякое явленіе дѣйствительности. Оно возникло въ ту еще пору, когда московскіе великіе князья стали собирать Россію и подводить подъ одинъ уровень самостоятельные прежде города и области; но разрослось и все поглотило съ того времени, когда великій Преобразователь взялъ на себя, независимо отъ управленія, еще и воспитаніе своего народа. При такой задачѣ правительство могло довѣрять только своимъ людямъ, выбраннымъ и наставленнымъ имъ чиновникамъ, не потому, чтобы оно сомнѣвалось въ вѣрности прочихъ, а потому, что эти прочіе не соотвѣтствовали духу новаго направленія. Вслѣдствіе того правительство временно выходило изъ своей прямой задачи — общаго руководства народною жизнію; оно уже не руководило, а все дѣлало своими руками, исключительно чрезъ своихъ людей, какъ великій императоръ дѣлалъ собственноручно модели на показъ своимъ неумѣлымъ кораблестроителямъ. Толчокъ былъ

данъ, правительственная опека разрослась и охватила самомалѣйшія проявленія общественной дѣятельности, можно сказать вытравила изъ Россіи самодѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучила всякаго русскаго человѣка, выучившагося съ грѣхомъ пополамъ геометріи, жить не иначе какъ на счетъ государства. Затѣмъ преобразованія Сперанскаго закрыли послѣдній промежутокъ, оставшійся между верховною властію и администраціей, слили ихъ въ одно, облекли послѣдняго чиновника полномочіемъ и окончательно обратили Россію въ чиновничье царство. Кромѣ этихъ преобразованій Сперанскаго, никогда не имѣвшихъ достаточнаго повода и заслонившихъ бюрократическою стѣною верховную власть отъ народа, создавшемуся порядку была, конечно, въ свое время законная причина, но порядокъ этотъ пережилъ свой законный срокъ и ведетъ въ настоящее время не къ силѣ, а къ обезсиленію правительства.

При дарованіи Россіи земскихъ учрежденій было упущено изъ виду, между прочимъ, то соображеніе, что въ государствѣ исключительно бюрократическомъ, какъ оно установилось въ теченіе воспитательнаго періода, плодотворная земская дѣятельность не можетъ легко развиться; для нея не остается ни людей, ни вещественныхъ средствъ. Люди поглощаются казенной службой, содержаніе ихъ поглощаетъ всѣ доходы земли. Къ этому естественному препятствію присовокупилось еще временное — разъѣздъ самостоятельныхъ владѣльцевъ послѣ упраздненія крѣпостнаго права; за временнымъ явилось предумышленное—явное недовѣріе, выказываемое земству сверху, заставившее устраниться отъ него послѣднихъ видныхъ людей. При такой обстановкѣ дѣла можно вызвать не земскую дѣятельность, а лишь игру въ неё, или же создать для будущаго законоположенія, остающіяся покуда мертвою буквою. Земская жизнь можетъ вполнѣ развиться у насъ тогда лишь, когда правительство рѣшится гласно признать свою воспитательную задачу оконченною и возвратится въ кругъ естественныхъ отправленій государственной власти, сокращая сообразно съ тѣмъ служебный составъ и расходы на него, возвращая излишекъ людей и денегъ земству. Столь великое преобразованіе, вѣнчающее прежнія преобразованія царствованія, разрѣшилось бы двумя послѣдствіями неизмѣримой важности.

1) На мѣсто нынѣшней, выбивающейся изъ рукъ админи-

страціи, которую можно назвать гуртовой, явилась бы администрація инаго склада, соразмѣрная по составу и стоимости съ своей задачей, набираемая изъ общественныхъ дѣятелей, уже выказавшихъ себя, дорожащая своимъ положеніемъ и уважаемая, всегда исправимая въ личномъ составѣ, доступная надзору, сознающая себя вполнѣ правительственною. Съ такою администраціею можно будетъ проводить на конецъ не форму только, а духъ мѣропріятій.

2) За администрацію станетъ тогда не воображаемая, а дѣйствительная, живая Россія, въ лицѣ своего сознательнаго слоя и крестьянскихъ обществъ, слоя, къ которому можно будетъ обращаться не безплодно. Русскія области снова наполнятся образованными и вліятельными людьми, хозяевами своей мѣстности, а при новыхъ вещественныхъ средствахъ, возвращаемыхъ землѣ, развитіе благосостоянія и просвѣщенія двинется вдвое быстрѣе. Кромѣ того, сокращеніе нынѣшнихъ непомѣрныхъ казенныхъ штатовъ соразмѣрно съ дѣйствительною потребностію дастъ еще значительную экономію и вслѣдствіе того, возможность облегчить рабочій народъ, нынѣ непосильно обремененный. Земское самоуправленіе станетъ прямымъ и отвѣтственнымъ продолженіемъ царской службы въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя ускользаютъ отъ глазъ и сознательнаго руководства государственной администраціи. Связное общество не потерпитъ въ средѣ своей противо-общественныхъ явленій, присмотритъ за ними лучше всякой полиціи, поможетъ правительству искоренить ихъ ради собственнаго спокойствія.

По личному моему убѣжденію (должно сказать, что убѣжденіе это начинаетъ преобладать у насъ внѣ служебной среды), въ одномъ лишь постепенномъ развитіи земства можетъ заключаться наша родная конституція, сохраняющая за Россіей ея русскую личность, признающая Царя Царемъ, а не главою исполнительной власти, не подражательная ложь, о которой мечтаютъ оторванные отъ почвы кружки, замѣняющая нравственную правду большинствомъ голосовъ и личную совѣсть Государя безличной и даже передъ Богомъ неотвѣтственной баллотировкой. Нынѣ выборъ между этими двумя направленіями становится неотложнымъ.

При сознательно подобранной администраціи и состоятельномъ земствѣ русское правительство будетъ знать своихъ лю-

дей и легко разоблачить отщепенцевъ. Отдѣльной личности станетъ тогда возможно опереться на власть, какъ на нѣчто живое и осязательное. Одно это послѣдствіе совершитъ полный переворотъ въ настроеніи умовъ. Всѣ не окончательно развращенные люди, которыхъ приходится девяносто девять на сто, были бы тогда, явно и тайно, съ верховною властію и присмотрѣли бы за общею безопасностію. Нынѣ же русскій человѣкъ, безъ казеннаго предписанія, имѣетъ только номинальное право, но не имѣетъ возможности присмотрѣть за чѣмъ нибудь. Явленія, подобныя русскому нигилизму, не вызываемыя никакими бытовыми условіями, заводятся и держатся только при спутанности общественныхъ началъ, когда никто прямо не отвѣтственъ и прямо не заинтересованъ въ общемъ дѣлѣ.

Смѣю ли присовокупить.

Не будучи славянофиломъ, невольно приходишь къ заключенію, что если со временъ великаго императора Петра мы далеко подвинулись въ просвѣщеніи и могуществѣ, то общественное развитіе Россіи едва ли не придется начать съ изнова, со дня кончины Царя Алексѣя Михаиловича, какъ будто всего послѣдующаго, вплоть до великаго дня 19 февраля 1861 года, вовсе не существовало. Недавнее прошлое слишкомъ жертвовало внутреннимъ наружному. Если свѣтлыя надежды великодушнаго Монарха и съ нимъ всей Россіи, возлагавшіяся на этотъ поворотный въ русской исторіи день, до сихъ поръ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то объясненія нечего искать въ другой причинѣ, кромѣ той, что ветхій государственный строй, созданіе иной эпохи и иныхъ потребностей, могъ только начертать новый порядокъ, но не могъ вдохнуть въ него жизнь. На насъ сбылась притча о новомъ винѣ и старыхъ мѣхахъ. Дарованное намъ право быть гражданами вызвало доселѣ не развитіе русской дѣйствительности на обширной какъ міръ почвѣ отечества, которую оно нашло безлюдной, а грёзы и безчинство въ искусственномъ столпленіи людей, созванныхъ воспитательной эпохой съ всѣхъ концовъ земли подъ казенную крышу. Чаемое и послѣднее преобразованіе истекаетъ само собою изъ преобразованій, уже совершенныхъ; оно не только вѣнчаетъ, но вызываетъ ихъ изъ идеи въ бытіе, даетъ всѣмъ имъ почву. Оно не могло осуществиться безъ личной свободы, безъ независимаго суда, безъ предварительныхъ узаконеній о зем-

ствѣ, а потому потребность въ немъ естественно вызывается послѣдними.

Всевѣнчающее преобразованіе положитъ конецъ нашему нравственному неустройству, возвращая каждое общественное отправленіе на его законное мѣсто и возбуждая самодѣятельность, которой теперь нѣтъ простора; но оно труднѣйшее изо всѣхъ, потому что у верховной власти не имѣется для проведенія его прямаго орудія, какимъ была служебная среда при освобожденіи крѣпостныхъ. Нельзя возложить на эту среду задачу рѣзать себя по живому тѣлу, какъ нельзя было въ первомъ случаѣ положиться вполнѣ на помѣстное дворянство, и еще въ гораздо большей степени. Горячее участіе къ осуществленію такой цѣли со стороны земства, общественнаго мнѣнія Россіи и печати несомнѣнно; созрѣвшую общественную истину достаточно назвать по имени, всякій её пойметъ. Совсѣмъ иное дѣло офиціальный міръ; старые порядки слишкомъ въѣлись въ его привычки, вкусы и понятія, слишкомъ для него выгодны и удобны. Но для воли русскаго Государя, когда онъ правъ передъ исторіей, нѣтъ препятствій въ предѣлахъ его царства.

ПИСЬМО II.

Существованіе у насъ революціоннаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ нигилизма, кажется съ перваго взгляда необъяснимымъ. По общему сознанію, оно лишено всякаго оправданія въ условіяхъ нашего быта, всякаго историческаго повода, и даже тѣни надежды хотя бы на минутный успѣхъ; и однакожъ оно не встрѣтило покуда никакого отпора со стороны общества, а до послѣднихъ событій находило даже снисхожденіе, не въ своей безобразной теоріи, всѣми отвергаемой, а къ преступнымъ личностямъ и къ ихъ увлеченію. Что это значитъ? Распространеніе соціалистическихъ мечтаній понятно въ такихъ странахъ какъ Франція и Германія, гдѣ двѣ пятыхъ населенія оторваны отъ почвы и скучены въ городахъ несвязною толпою гдѣ безвѣрныя массы погрузились въ соціализмъ не только какъ въ экономическую теорію, а какъ и религію; гдѣ онѣ періодически остаются безъ насущнаго хлѣба при каждомъ промышленномъ застоѣ, при каждомъ промахѣ хозяина фабрики; гдѣ имъ покровительствуютъ такія силы, какъ муниципальныя власти Парижа и крайнія партіи народнаго представительства; гдѣ сосредоточеніе всѣхъ отправленій жизни страны въ одномъ городѣ, каковъ Парижъ (относительно Прусскаго королевства можно сказать уже Берлинъ), наполненномъ извращенною чернью, представляетъ возможность захватить власть въ расплохъ; гдѣ верховная власть съизвѣка поддерживалась однѣми высшими сословіями и дорога имъ однѣмъ, а въ нынѣшнее время лишилась вдобавокъ своей неприкосновенности во мнѣніи, вслѣдствіе удававшихся революцій и уличныхъ бунтовъ. На западѣ революціонное движеніе имѣетъ поводы и надежду, независимо даже отъ степени осуществимости его конечныхъ стремленій;

[illegible] людей численности и, какъ всякая сила, на-[illegible] [illegible] и [illegible] въ политическихъ кругахъ [illegible] а въ Германіи, со времени разрыва съ Римомъ, даже съ значительной части католическаго духовенства. Понятно, что такъ его трудно подавить; но у насъ совсѣмъ не то. У насъ не существуетъ ни одного изъ этихъ условій: ни бездомнаго и безхлѣбнаго народа, ни стѣсненія въ заработкѣ (до такой степени, что ни одинъ слуга и рабочій не дорожитъ своимъ мѣстомъ), ни зависимости труда отъ колебаній биржи, ни организованнаго покровительства врагамъ общества; наша верховная власть всесословна въ глазахъ самого народа и не расшатана. Со временъ самозванцевъ и до чигиринскаго дѣла мы не видали инаго способа къ возбужденіи смуты въ русской землѣ, кромѣ подлога царскаго имени или царской воли, чѣмъ самымъ подсѣкается въ корнѣ мысль о возможности сознательнаго переворота посредствомъ народа. При относительной же малочисленности, несамостоятельности, и отчужденности отъ почвы образованнаго слоя вся сила Россія заключается въ народѣ. Но, кромѣ того, если только не впадать въ непростительную ошибку, принимая либеральное болтанье и недовольство нынѣшнимъ переходнымъ положеніемъ дѣлъ за революціонный духъ, то и въ образованномъ слоѣ развѣ одинъ человѣкъ на тысячу сочувствуетъ преступнымъ умысламъ; къ нимъ привлекаются почти исключительно оторванныя отъ общества, бездомныя личности. Нашихъ нигилистовъ никто не покрываетъ сверху и не поддерживаетъ снизу. Невольно спрашиваешь себя, могла ли бы въ другомъ мѣстѣ такая ничтожная горсть ничтожныхъ людей, идущихъ въ разрѣзъ общественному убѣжденію, обнаруживать свое существованіе—не говорю уже съ такою дерзостію какъ у насъ, но просто обнаруживать его? Въ Германіи полагаютъ около девятисотъ тысячъ соціалистовъ, но они считаютъ такую численность недостаточною для дѣйствія, на которое покуда и не покушаются, довольствуясь проповѣдью; тамъ нѣтъ отдѣла бунтарей, есть только распространители. У насъ нѣсколько тысячъ общественныхъ подонковъ, растворенныхъ въ сто милліонной отвергающей ихъ массѣ населенія, осмѣливаются мечтать о дѣйствіи! Есть же причина такой разницы. Съ другой стороны, заговоръ нѣсколькихъ тысячъ людей уже не заговоръ, а враждебная секта, происки которой не могутъ укрыться отъ глазъ общества. У насъ найдется не мало людей (самъ я

знаю такихъ), хотя и нетерпящихъ нашихъ революціонеровъ, но тѣмъ не менѣе знакомыхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ по разнымъ поводамъ, знающихъ многихъ другихъ по именамъ, даже попадавшихъ случайно на ихъ собранія, и все же невыдающихъ того, что знаютъ. Обществу въ массѣ извѣстно о заговорѣ едва ли менѣе чѣмъ правительству; общество заговору не сочувствуетъ и однако же молчитъ о немъ. Въ этомъ молчаніи заключается черта, существенно присущая нынѣшнему русскому настроенію и объясняемая отчасти (далеко не вполнѣ) убѣжденіемъ въ очевидной невозможности разшевелить Россію, не только въ пользу утопіи, но чего бы то ни было. Полное объясненіе иное. Если бы люди, о которыхъ я сказалъ, имѣли какой-нибудь просторъ дѣйствій, какую-либо свободу общественной группировки, они стали бы всѣми силами и сообща противодѣйствовать направленію, пагубному по ихъ убѣжденію, и не колеблясь соединили бы свои усилія съ усиліями правительства. Но прямо доносить они не пойдутъ.

Какъ наглядный образчикъ такихъ отношеній, прошу позволенія привести недавній, извѣстный мнѣ случай. Къ одному изъ первыхъ нашихъ писателей явился молодой человѣкъ и разсказалъ, что недавно еще онъ былъ ярымъ нигилистомъ, членомъ тайныхъ ложъ; но прочитавъ разоблаченія этого писателя и свѣривъ ихъ съ собственнымъ опытомъ, пришелъ къ убѣжденію, что нашъ нигилизмъ есть дѣло напускное, иноземное, направленное внѣшними и внутренними врагами исключительно къ ослабленію Россіи; что, узнавъ это разъ, онъ не можетъ оставаться безучастнымъ къ подобному явленію; убѣдившись же, какъ бывшій заговорщикъ, въ недостаточности правительственныхъ средствъ для искорененія зла, предлагаетъ учредить общество, которое разоблачило и убило бы нравственно шайку нигилистовъ въ глазахъ Россіи. Что отвѣчалъ писатель? Онъ выразилъ, конечно, полное сочувствіе видамъ обращеннаго нигилиста, но отъ образованія всякаго общества отказался по увѣренности, что членовъ охранительнаго общества, соединившихся по собственному почину, потребуютъ къ отвѣту за недозволенныя сборища и не разрѣшенную пропаганду, а въ случаѣ утвержденія плана ихъ властями, они станутъ во всѣхъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ полицейскихъ агентовъ и утратятъ всякое значеніе. Молодой человѣкъ, готовый пойдти на борьбу со зломъ какъ гражданинъ, не хотѣлъ стать

доносчикомъ. Такихъ много. Этотъ одиночный случай рисуетъ ярко и вѣрно причину бездѣйствія лучшей, сознательной, а потому сильнѣйшей части нашего общества передъ всякимъ внутреннимъ зломъ.

Отношеніе къ этому явленію второй, болѣе многочисленной части верхняго русскаго слоя, части, которую можно назвать культурною толпою, иное. Половина эта имѣетъ очень смутное понятіе объ ученіи нигилизма, считаетъ также успѣхъ его невозможнымъ, а потому не опасается послѣдствій; на личность же нигилистовъ въ большинствѣ смотрѣла до послѣднихъ событій снисходительно, видя въ нихъ не болѣе какъ протестъ своего рода противъ гнетущаго произвола бюрократіи, въ которомъ, по ея наглядному сужденію, заключается весь нашъ государственный строй. Каждый изъ насъ много разъ слышалъ такое сужденіе. Замѣчательно, что оно высказывается всего чаще чиновниками же, умѣющими какъ-то искренно совмѣстить въ себѣ вѣру въ спасительность канцелярскаго управленія съ глубокимъ недовольствомъ его послѣдствіями.

Долженъ высказать по этому поводу несомнѣнную истину, бросающуюся въ глаза всякому, даже не наблюдательному человѣку. Чувство громаднаго большинства нынѣ живущихъ русскихъ людей культурнаго слоя распадается, можно сказать, на двое: съ одной стороны историческая, прочная вѣра въ личную верховную власть, съ другой стороны глубокое недовольство и полное недовѣріе ко всему правительственному строю, сверху до низу. Подобное недовольство—явленіе весьма извѣстное въ исторіи; оно наступаетъ неизбѣжно къ той порѣ, когда стародавнія формы государственнаго склада ветшаютъ и требуютъ обновленія, когда никто и ничто не чувствуетъ себя на мѣстѣ и не находитъ вокругъ себя достаточнаго простора для осуществленія назрѣвшихъ потребностей; особенно же когда изъ стараго порядка вырвана уже душа и остались однѣ формы. Большинство не умѣетъ назвать существенныхъ причинъ своего недовольства, высказываетъ только мелочи, какъ оно не умѣло бы опредѣлить причинъ тягостнаго вліянія испорченнаго воздуха на свое дыханіе, хотя бы ясно его чувствовало; но такое поголовное недовольство не подлежитъ у насъ сомнѣнію.

Должно сказать, что недовольство усиливается еще особой, самой законной причиной: общей тревогой русскихъ родителей,

отдающихъ дѣтей въ школу какъ на ставку азартной игры, въ которой на одного выигрывающаго двое и трое, если не больше, губятся, или нравственнымъ совращеніемъ, или выкидываніемъ вонъ съ «волчьимъ паспортомъ», какъ у насъ называютъ.

Изъ приведенныхъ и многихъ другихъ причинъ складывается общее настроеніе, которое нельзя назвать иначе, какъ повсемѣстнымъ недовольствомъ современнаго русскаго человѣка формами своей обстановки.

Очевидно, что такое общественное настроеніе, выражающееся обдуманнымъ безучастіемъ образованнаго слоя ко всякому злу, по невозможности самостоятельнаго противодѣйствія ему, и снисходительнымъ отношеніемъ значительной части слоя полу-образованнаго къ преступнымъ личностямъ, въ которыхъ она видитъ не болѣе какъ протестъ противъ положенія дѣлъ, смутно возбуждающаго ея неудовольствіе, что подобное настроеніе совершенно исключаетъ всякое общественное содѣйствіе въ борьбѣ съ появившимся зломъ. Противъ него остаются только административныя средства, не вполнѣ достаточныя даже во внѣшнемъ, полицейскомъ отношеніи, и совершенно безсильныя въ отношеніи нравственномъ.

Такимъ образомъ, въ русской общественной жизни образовалось, можно сказать, пустое мѣсто, до котораго не досягаетъ въ должной мѣрѣ ни одна изъ государственныхъ силъ. Въ этомъ пустомъ мѣстѣ могло завестись безнаказанно что угодно, а по повѣтрію времени завелся нигилизмъ. Какъ заговоръ, нигилизмъ слишкомъ распространенъ, чтобы полиція могла вполнѣ и скоро съ нимъ справиться; не такъ легко выловить изъ общественныхъ подполій нѣсколько тысячъ безъименныхъ заговорщиковъ, какъ задержать нѣсколько сотъ извѣстныхъ лицъ, участвовавшихъ въ свѣтскомъ заговорѣ 14-го декабря 1825 года. Но какъ политическая партія, эти нѣсколько тысячъ бездомныхъ людей ничтожны, и всякое общество, въ которомъ для подобнаго явленія не находится достаточныхъ соціальныхъ поводовъ, какъ у насъ, отвергающее его сверху и снизу, какъ у насъ, живо вымело бы съ помощію правительства этотъ соръ изъ избы; только у насъ нѣтъ и, при нынѣшнихъ государственныхъ формахъ, не можетъ быть пекущагося о себѣ общества.

Употребленное выраженіе «пустое мѣсто» не аллегорія; это пустое мѣсто дѣйствительно образовалось въ нашемъ государ-

ственномъ складѣ. Пока старая администрація имѣла дѣло съ Россіей, обращенной въ страдательный матеріалъ, съ Россіей, усыпленной на полтора слишкомъ вѣка воспитательной системой и сторожимой сборнымъ интересомъ помѣстнаго дворянства, бюрократія могла проводить свои мѣры до почвы, по крайней мѣрѣ механически; но съ 19-го февраля 1861 года, при первомъ признакѣ жизни со стороны управляемыхъ, она спуталась и раздѣлилась въ самой себѣ; въ виду новыхъ явленій у нея не оказалось ни правильнаго пониманія ихъ, ни большаго рвенія руководить ими въ правительственномъ духѣ, ни годныхъ орудій для содѣйствія или противодѣйствія чему нибудь. Между правительствомъ, какъ орудіемъ власти, и обществомъ, соприкасающимися съ тѣхъ поръ лишь наружно, положительно образовалась пустота, дающая просторъ всякому противозаконному явленію.

Пустотой этой воспользовалось западно-революціонное движеніе, такъ какъ покуда ничего самороднаго русскаго, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ, не оказалось для ея наполненія. Послѣднему неоткуда было взяться. Почти уже два вѣка тому назадъ внутренняя работа русскаго общества надъ собою была остановлена и замѣнена заносными, часто передѣлываемыми, чисто теоретическими формами. Все вниманіе правительства сосредоточивалось въ это время на личномъ образованіи русскихъ людей на западный ладъ; вмѣстѣ съ тѣмъ орудіе его, бюрократія, стала относиться къ управляемымъ, можно сказать, педагогически, какъ относятся наставники къ несовершеннолѣтнимъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ русской землѣ изчезли и не могли завязаться вновь единомышленные кружки, сборныя мнѣнія и даже интересы; общество разсыпалось. Одиночное же лицо, безъ связи съ другими, безсильно для дѣйствія, оно отвыкаетъ стоять дружно даже за личную пользу, какъ мы видимъ ежедневно на примѣрахъ нашихъ акціонерныхъ компаній; какъ же ему стоять за пользы правительства и общества? Разъединенные люди поневолѣ впустятъ въ свою среду всякую, даже ничтожную группу людей, обладающую сборною силою; такимъ образомъ они впустили въ Россію нигилизмъ. Проповѣдь его пришла и непремѣнно должна была придти къ намъ съ запада какъ ученіе, вмѣстѣ со всякимъ другимъ ученіемъ, также какъ контрабанда приходитъ рядомъ съ очищеннымъ пошлиною това-

ромъ. Что за дѣло до того, что оно не было вызвано никакою внутреннею потребностію? Въ соціализмѣ выражается такой же естественный плодъ западной мысли и жизни какъ все прочее, а насъ учили преклоняться передъ всѣмъ европейскимъ. Другой вопросъ, какимъ образомъ нигилизмъ успѣлъ у насъ привиться, если бы отвѣтомъ не служила наша несвязность; онъ воззвалъ исключительно къ безпочвеннымъ людямъ, какіе есть вездѣ, и положилъ зародышъ мелкой, но сплоченной группѣ людей въ разъединенномъ обществѣ. Не опасаясь скораго отпора со стороны бездѣйственной массы, онъ легко могъ укрыться на время отъ такой полиціи какъ наша, а затѣмъ русская учебная система дала ему рекрутъ въ изобиліи.

Должно сказать: система эта, какъ многія наши учрежденія, истекла не изъ внутреннихъ потребностей, а изъ отжившихъ понятій воспитательной эпохи, считавшей первою обязанностію (когда то правильно) прививать наибольшему числу русскихъ людей высшее европейское образованіе для самаго образованія, не справляясь съ тѣмъ, что имъ дѣйствительно нужно и полезно, не только по нашимъ, но даже по общимъ современнымъ условіямъ. На западѣ между народными школами для низшаго слоя населенія и классическими для высшаго устроенъ во всѣхъ городахъ и городкахъ цѣлый рядъ практическихъ училищъ, въ которыхъ каждое сословіе и каждая профессія находятъ потребное для себя знаніе; вслѣдствіе чего, за исключеніемъ выдающихся способностей или счастливаго случая, громадное большинство людей не выходитъ изъ наслѣдственной среды, что одинаково удобно и для нихъ самихъ, и для развитія народной производительности. У насъ же, гдѣ Петровскій переворотъ и безъ того раздвоилъ русскій народъ на два рѣзко противуположные пласта—объевропеившійся (бывшій до послѣдняго времени исключительно казеннымъ) и материковый, между которыми нѣтъ почти соприкосновенія по недостатку промежуточныхъ звеньевъ; гдѣ вслѣдствіе того человѣку нисшихъ слоевъ почти не открывается инаго способа выдвинуться, кромѣ того, чтобы выйти въ господа, т. е. попасть на казенное жалованье; гдѣ нельзя устроить вдали отъ промышленныхъ центровъ небольшаго завода, ни воспользоваться въ деревнѣ сельско-хозяйственной машиной по неимѣнію мастеровъ для исправленія испорченнаго механизма; гдѣ промышленная предпріимчивость нахо-

дится въ полномъ застоѣ, вслѣдствіе необходимости выписывать каждаго техника изъ-за границы, тамъ именно система народнаго образованія старается не исправить, а увѣковѣчить эту бѣду. За немногими исключеніями, въ Россіи существуютъ однѣ общеобразовательныя заведенія. Въ Европѣ онѣ воспитываютъ людей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, у насъ же исключительно кандидатовъ въ чиновники. Когда сынъ русскаго дьячка или мѣщанина хочетъ чему нибудь учиться, онъ можетъ выучиться только искусству надѣть вицмундиръ, стать чиновникомъ или учителемъ; инаго въ Россіи внѣ столицъ не преподается. Вмѣстѣ съ тѣмъ этому мѣщанскому сыну, лишенному предварительнаго домашняго развитія, чрезвычайно трудно слѣдить за курсами, установленными для дѣтей образованныхъ сословій, отчего большая часть отстаетъ на полу-пути. Наше общеобразовательное учебное устройство не даетъ готовыхъ дѣятелей для различныхъ слоевъ населенія, его готовый плодъ есть студентъ, окончившій университетскій курсъ; оно пригодно, слѣдовательно, лишь для того обезпеченнаго общественнаго слоя, дѣти котораго могутъ отдавать четверть человѣческаго вѣка на предварительное образованіе, не заботясь о средствахъ жизни. Но какъ внѣ этой учебной системы нѣтъ ничего, то при нынѣшнемъ повальномъ стремленіи къ диплому и его правамъ, по ней тянутся всѣ, имущіе и неимущіе. Каковы же послѣдствія? Исчислено, что изъ тысячи русскихъ студентовъ шестьсотъ не кончаютъ курса; въ гимназіяхъ пропорція отпадающихъ еще большая. Низшихъ и среднихъ техническихъ школъ, съ болѣе доступнымъ курсомъ, которыя могли бы подбирать не удавшихся классиковъ, въ областяхъ почти вовсе нѣтъ, такъ что выпадающіе падаютъ прямо на улицу. Изъ этой массы бѣдняковъ, вышедшихъ изъ своего званія и не попавшихъ въ иное, не знающихъ никакого занятія для снисканія хлѣба, не трудно набрать охотниковъ въ ряды какого бы то ни было тайнаго союза, дающаго имъ точку опоры.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія въ Россіи пробудилось сильное стремленіе къ ученію, увѣнчавшее почти двухъ вѣковыя усилія преемниковъ Петра Великаго. Масса дѣтей самыхъ бѣдныхъ сословій хлынула въ школы. Еслибъ этимъ пробужденіемъ воспользовались для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей народа, крайне бѣднаго всякимъ производитель-

нымъ знаніемъ, оно дало бы богатѣйшую жатву, тьму людей, приращающихъ силы государства во всѣхъ отношеніяхъ, сытыхъ, довольныхъ и спокойныхъ; но его пустили по старой колеѣ, подготовляющей исключительно чиновниковъ. Путь оказался слишкомъ тернистымъ для большинства, чаемая чаша также оказалась переполненной, и всякій школьникъ новаго наплыва, отставшій отъ своего берега и не приставшій къ чужому, сталъ годенъ только въ рекруты нигилизма. Нельзя не замѣтить при этомъ, что достигающіе цѣли, т. е. какого нибудь жалованья или инаго пріюта на житейскомъ полѣ, почти всѣ замѣняютъ прежніе утопическіе идеалы самыми будничныни стремленіями; можно по этому сказать съ увѣренностію, что не утопія, а голодъ и необходимость чьей либо поддержки влекутъ въ тайныя общества девять изъ десяти неудавшихся искателей казеннаго жалованья. У насъ возражаютъ иногда противъ этого, бросающагося въ глаза, вывода такими аргументами, что многіе магистры агрономіи и технологіи не находятъ занятій, а сосланные политическіе преступники отказываются отъ ручной работы, заявляя желаніе жить литературнымъ трудомъ. Разсуждающіе такимъ образомъ не отдаютъ себѣ отчета, кажется, въ той наглядной истинѣ, что магистры обыкновенно учатъ или надзираютъ, а не работаютъ сами, и что въ странѣ, гдѣ трудно отыскать мастероваго для починки зубчатаго колеса, не находится естественно большихъ занятій и для магистровъ технологіи; что человѣкъ, готовившійся всю молодость въ чиновники, не прокормится неизвѣстной и непривычной ему ручной работой.

Сводя вмѣстѣ вышеизложенные несомнѣнные факты оказывается:

1) Никакая, даже наилучше устроенная администрація, не могла бы собственными силами истребить въ корнѣ злой умыселъ, успѣвшій уже обратиться изъ заговора въ секту; тѣмъ менѣе способна на это русская администрація, представляющая собой не администрацію въ европейскомъ смыслѣ слова, а какое то поголовное административное ополченіе, лишенное внутренняго единства и связанное съ правительствомъ довольно слабо, во всякомъ случаѣ не органически.

2) Русское общество не имѣетъ покуда ни права, ни возможности дѣйствовать связно, почему при нынѣшнихъ порядкахъ нельзя разсчитывать на помощь съ его стороны. Созна-

тельная вѣрность правительству народа и громаднаго большинства образованнаго слоя, эта неизмѣримая нравственная сила остается, такимъ образомъ, безплоднымъ личнымъ чувствомъ, нисколько не пособляющимъ власти въ борьбѣ со зломъ.

3) Зло притаилось, можно сказать, въ нравственныхъ пустотахъ нашего государственнаго строя, на которыя неорганизованное общество не въ состоянiи воздѣйствовать и въ которыя администрацiя, со своими механическими средствами, не въ состоянiи проникнуть; такъ что усилiе направляется покуда и то не вполнѣ успѣшно, только противъ личности нигилистовъ; нигилизмъ же, какъ ученiе, остается безъ всякаго противодѣйствiя.

4) Укрывшись относительно безопасно въ подпольяхъ общества, русское революцiонное движенiе успѣло разростись, набирая въ свои ряды безпочвенныхъ, оторвавшихся отъ всякаго сословiя людей, тѣхъ же самыхъ людей, изъ которыхъ набиралось въ старину казачество украинъ. Если нигилизмъ и прiобрѣлъ нѣсколькихъ покровителей въ высшихъ сословiяхъ, то значенiе его заключается никакъ не въ этихъ личностяхъ, а въ его бездомной толпѣ.

5) Толпу эту ему поставляетъ почти исключительно казенная школа, увѣковѣчивающая преданiя воспитательнаго перiода при условiяхъ, вовсе къ нему не подходящихъ.

6) Хотя послѣднiя событiя сильно потрясли безучастiе, столь долго оказываемое обществомъ къ появившемуся злу, но безучастiе это принесло уже свои плоды, давъ возможность враждебной шайкѣ устроиться на русской землѣ и примѣниться къ ея условiямъ, такъ что она теперь можетъ пополняться многочисленными существенными выкидышами, даже помимо снисхожденiя несвязной окружающей среды.

Заключенiе ясно. Революцiонное движенiе не нашло въ Россiи почвы въ смыслѣ общественныхъ условiй, но нашло достаточно обильный личный матерiалъ. Трудно доступное въ своихъ подпольяхъ для преслѣдованiя полицейскаго, и не опасаясь окружающихъ людей, какъ гражданъ, это революцiонное движенiе, не искорененное во-время, грозитъ стать для современной Россiи нравственно тѣмъ же, чѣмъ была вещественно Запорожская Сѣчь для старой Польши: прибѣжищемъ всѣхъ отчаянныхъ людей, не находящихъ себѣ мѣста въ общественномъ строѣ. Подземная крамола не въ силахъ, конечно, поко-

лебать русскій государственный порядокъ, какъ видимая Сѣчь не разрушила польскаго, но можетъ затормозить дальнѣйшее его развитіе и тѣмъ самымъ довести до какой нибудь катастрофы.

Ясно также, что нигилизмъ составляетъ не сущность, а лишь форму нашей язвы. Въ промежуткѣ времени, какое мы переживаемъ, между разрушеніемъ крѣпостнаго государственнаго склада и полнымъ окончаніемъ новаго, общество естественно является не осѣвшимся, въ немъ появилось громадное число людей, выбитыхъ изъ привычной колеи или вызванныхъ изъ толпы новыми потребностями, къ которымъ они не успѣли еще приготовиться и примѣниться. Имъ нужно жить. Соціализмъ есть ничто иное, какъ случайное знамя этихъ людей, какъ современный ярлыкъ бродящихъ общественныхъ осадковъ, укрывшихся въ трещинахъ и пустотахъ нашего государственнаго зданія; онъ есть буквально особый видъ казачества второй половины XIX вѣка, явленіе, проходящее чрезъ всю русскую исторію, но съ соотвѣтствующимъ времени ярлыкомъ. Завтра имя этого осадка легко замѣнится инымъ, но главное дѣло всетаки будетъ не въ осадкѣ, а въ трещинѣ, дающей ему пріютъ. Наша администрація безъ общества уподобляется молоту безъ наковальни, который не раздробляетъ злыхъ сѣмянъ, а только глубже вгоняетъ ихъ въ почву. Можно думать, что соціализмъ, составляя явленіе заносное, чуждое русской жизни, все же безопаснѣе всякаго самороднаго противогосударственнаго произведенія собственной почвы, которое успѣло бы пріютиться въ нашихъ нравственныхъ пустыряхъ, за что нельзя ручаться въ будущемъ. Русскій простой народъ не увлечется западными теоріями, но у него есть свои мечтанія, которыми руководители, менѣе грубые чѣмъ нынѣшніе заговорщики, съумѣли бы, чего добраго, воспользоваться. Кромѣ того, что та же революціонная секта можетъ снова разростись изъ нѣсколькихъ не подобранныхъ сѣмянъ, но еслибъ удалось даже раздавить ее безъ остатка механическими мѣрами (что довольно сомнительно), оставляя по прежнему между правительствомъ и обществомъ пустое поле для посѣва будущихъ доморощенныхъ плевелъ, то такой успѣхъ принесъ бы, по всей вѣроятности, облегченіе весьма кратковременное. Въ дурныхъ явленіяхъ никогда не оказывается недостатка, если есть для нихъ просторъ.

Административныя мѣры заставятъ зло притаиться, но вы-

рвать его съ корнемъ можетъ только довершеніе великаго преобразованія, начатаго въ 1861 году. Послѣ полицейскихъ мѣръ Россія ждетъ законодательныхъ. Нынѣшнее царствованіе безповоротно положило начало новому періоду русской исторіи, замѣняющему Петровскій воспитательный періодъ, но, по общему закону переходныхъ эпохъ, продолжаетъ дѣйствовать посредствомъ прежнихъ заржавленныхъ орудій, не проникающихъ уже вглубь иной, имъ же вызванной жизни. Идеалъ новаго періода очевиденъ всѣмъ: органическое развитіе общества и органическое единеніе его съ правительствомъ и народомъ, вмѣсто управленія механическаго. Но подъ вновь вызванною жизнію, становящеюся уже дѣйствительностію въ своемъ духѣ, только пока безформенною, нѣтъ еще законно опредѣленныхъ основъ, вслѣдствіе чего общество не владѣетъ своими членами, также какъ у власти нѣтъ орудій для прямаго соприкосновенія съ нимъ.

Такъ какъ въ нигилизмѣ выражается не болѣзнь наша, а только ея признакъ, то считаю себя обязаннымъ высказать убѣжденіе тысячъ и тысячъ людей на счетъ того, чѣмъ мы дѣйствительно больны.

ПИСЬМО III.

Не подлежитъ сомнѣнію, что историческое развитіе, выразившееся у каждаго европейскаго народа разнообразными формами общественнаго устройства, поглощено въ Россіи единственною и исключительною формою—развитіемъ бюрократической опеки до крайняго предѣла, т. е. механическимъ отношеніемъ правительства къ текущей народной жизни и наоборотъ. Духъ русскаго народа и вѣра его въ верховную власть составляютъ наше нравственное наслѣдство, исходящее изъ совсѣмъ другихъ источниковъ, а потому ничего не предрѣшающее при обсужденіи современнаго удобства такого порядка; напротивъ, вѣра эта ясно указываетъ на возможность инаго. Тамъ, гдѣ народъ вѣритъ въ свою верховную власть, незыблемость ея и свобода дѣйствій не обусловливаются никакою исключительною формою.

Бюрократическій порядокъ управленія, дѣйствующій безраздѣльно, необходимо становится чисто механическимъ. Истина эта неоспорима. Одинъ изъ нашихъ сановниковъ говорилъ мнѣ: «На насъ, министровъ, возлагаютъ отвѣтственность за все происходящее въ Россіи, хотя въ сущности мы невиннѣе младенцевъ, избитыхъ Иродомъ. Мой идеалъ заключается въ томъ, чтобы когда нибудь управленіе дѣлами сосредоточилось хотя въ рукахъ директоровъ департаментовъ, все же это будетъ шагомъ впередъ; пока оно не восходитъ выше начальниковъ отдѣленій». Иначе не можетъ и быть. При формальномъ дѣлопроизводствѣ, учреждающемъ десять инстанцій для провѣрки одной другою, хозяиномъ дѣла всегда остается тотъ, кто подводитъ формальности. Съ одной стороны, нельзя требовать, чтобы всѣ начальники отдѣленій обладали способностями государ-

ственныхъ людей и единодушно стремились къ общей цѣли, не производя по своему множеству большой путанницы въ дѣлахъ; въ этомъ отношеніи маркизъ Сольсбери былъ правъ въ своей извѣстной рѣчи, утверждая, что въ Россіи нѣтъ единства цѣлей не только между министерствами, но даже между департаментами одного и того же министерства. Съ другой стороны, не смотря на разноголосицу мнѣній и дѣйствій каждой канцелярской ячейки, каждаго отдѣленія, всѣ онѣ проникнуты тѣмъ же самымъ кастовымъ духомъ, духомъ порабощенія всего сущаго, особенно же подающаго признаки жизни. своей опекѣ, всегда подчиняющей духъ формѣ. Вслѣдствіе того, какія преобразованія ни задумывало бы высшее правительство, такъ какъ дальнѣйшее руководство новыми учрежденіями сосредоточивается все-таки не въ рукахъ живыхъ лицъ, а въ канцеляріяхъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ отъ первоначальной мысли законодателя остается одна шелуха, наполненная формальностію, во всѣхъ нововведеніяхъ скоро оказывается, можно сказать, одинъ и тотъ же вкусъ—бюрократическій. Нельзя не сказать: при нынѣшнемъ русскомъ устройствѣ правительство можетъ ставить только новые заголовки надъ отправленіями общественной жизни, но не можетъ измѣнить ихъ чисто механическаго свойства.

Несомнѣнно то, что во всемъ объемѣ русской послѣ-петровской жизни нельзя отыскать ни одной стороны, которая не была бы подведена подъ бюрократическую мѣрку, не уложена въ ящикъ, препятствующій естественному росту, покуда ящикъ цѣлъ. Слава Богу, у насъ до сихъ поръ ящиковъ не ломаютъ, но въ нихъ задыхаются—это вѣрно. Какой можетъ быть при такихъ условіяхъ подъемъ нравственныхъ силъ народа, источника всего его внѣшняго могущества и всей его внутренней жизненности.

Но, кромѣ того, русская владычествующая бюрократія, имѣвшая когда то значеніе орудія власти для перевоспитанія народа, а нынѣ служащая только къ подавленію народнаго роста, не можетъ устоять долго сама по себѣ, независимо даже отъ ея несвоевременности. Она неизбѣжно приведетъ государство къ банкротству.

Вотъ факты.

«Введеніе новыхъ судебныхъ и общественныхъ учрежденій, отнявшее у существовавшихъ мѣстныхъ органовъ большую и

самую существенную часть ихъ дѣятельности, нисколько не повліяло на уменьшеніе расходовъ на ихъ содержаніе; напротивъ, расходы эти почти удвоились, а содержаніе новыхъ учрежденій (только въ 32-хъ губерніяхъ) легло на народъ бременемъ въ 30 новыхъ милліоновъ» *).

Напримѣръ, бюджетъ разныхъ вѣдомствъ (привожу лишь нѣкоторыя) поднялся со времени послѣднихъ преобразованій, по стоимости старыхъ учрежденій, не считая новыхъ:

Бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ, утратившаго главное свое значеніе со дня выхода изъ подъ его вѣденія казенныхъ крестьянъ и упраздненія особой для нихъ администраціи:

съ 9.337.000 (1865 годъ) на 11.060.000 руб.

Стоимость эта показана безъ горнаго вѣдомства, бюджетъ котораго поглощаетъ 6.364.000 изъ 6.474.000 руб. приносимыхъ казенными заводами, такъ что доходъ съ этой части, стоившей государству неимовѣрныхъ затратъ, ограничивается 110-ю тысячами рублей, между тѣмъ какъ горные заводы въ частныхъ рукахъ дали бы казнѣ значительную аренду безъ всякой траты съ ея стороны.

Бюджетъ губернскихъ правленій, передавшихъ земству попеченіе о народномъ хозяйствѣ, а судамъ многія изъ прежнихъ своихъ правъ и избавленныхъ вслѣдствіе того отъ половины бывшихъ занятій:

съ 1.394.000 (1864 годъ) на 2.862.000 рублей.

Акцизныя учрежденія, созданныя вновь рядомъ со старыми казенными палатами, завѣдывавшими до того питейнымъ сборомъ безъ всякаго затрудненія и остающимися приблизительно въ прежнемъ составѣ:

съ 0 на 1.834.000 рублей.

Полиція съ 4.000.000 (1864 года) на 10½ милліоновъ слишкомъ, считая земскихъ урядниковъ. Усиленіе расхода на полицію могло бы считаться не безплоднымъ, если бы оно не видимо улучшило, чего нѣтъ.

Здѣсь приведены лишь нѣкоторыя, особенно бросающіяся въ глаза данныя, но вся государственная роспись представляетъ рядъ такихъ данныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ.

*) Разборъ государственной росписи Думашевскаго.

Вслѣдствіе того стоимость однѣхъ центральныхъ учрежденій возрасла до 19.292.000 (во Франціи 6.000.000 руб., въ Пруссіи 2.259.000 руб.). Въ томъ числѣ главное управленіе министерствомъ финансовъ 6.667.000 (во Франціи 2.000.000 въ Пруссіи 960.000 рублей).

Наградныя деньги чиновникамъ центральныхъ управленій, не говоря о прочихъ, и воспитаніе ихъ дѣтей (статьи расхода неизвѣстныя въ остальномъ свѣтѣ) простираются ежегодно до 7.650.000 руб.

Разсчитано, что, кромѣ помѣщенія, дѣйствительно нужнаго всѣмъ учрежденіямъ, занимающимъ нынѣ казенные дома, этихъ домовъ остается еще на сумму свыше 200 милліоновъ рублей, не приносящихъ ни копѣйки дохода и требующихъ большаго расхода на ремонтъ.

Исчислено, что упраздненіе учрежденій и должностей, *явно* утратившихъ значеніе послѣ совершенныхъ съ 1861 года преобразованій, сняло бы съ съ гражданской половины нашего бюджета около 26 милліоновъ.

Возвышеніе расходовъ на администрацію официально приписываютъ общему вздорожанію жизненныхъ потребностей. Но вопросъ не въ томъ, почему тотъ же чиновникъ получаетъ нынѣ болѣе чѣмъ въ 1864-мъ году, а въ томъ, почему осталось и еще возрасло число чиновниковъ послѣ убавленія на половину ихъ прежнихъ обязанностей?

Западные финансисты никакъ не могутъ понять того явленія, что при русскихъ преобразованіяхъ не происходитъ никакого перемѣщенія государственныхъ расходовъ, а только приращеніе ихъ; что послѣ преобразованій денежные отпуски на всѣ существовавшія до того учрежденія остаются безъ перемѣны, но къ нимъ прибавляются новыя,—что противорѣчитъ самому слову «преобразованіе».

Когда была учреждена послѣдняя коммиссія для сокращенія расходовъ, во всей Россіи не нашлось одной души (можно сказать съ убѣжденіемъ: даже между чинами коммиссіи), повѣрившей въ сокращеніе чего-нибудь, кромѣ развѣ копѣечныхъ статей. Независимо отъ давняго опыта, такое невѣріе основывается еще на очевидности: можно ли мечтать о серьезномъ убавленіи расходовъ тамъ, гдѣ практическое веденіе дѣлъ находится исключительно въ рукахъ третьестепенныхъ агентовъ,

не отвѣтственныхъ за общій исходъ и заинтересованныхъ гораздо болѣе личною, чѣмъ государственною пользою.

Въ канцеляріяхъ нѣтъ лѣкарства противъ этой болѣзни. Сущность бюрократическаго устройства заключается въ томъ именно, что мелкіе относительно чиновники управляютъ въ дѣйствительности дѣлами и сами рѣшаютъ вопросы о размѣрѣ средствъ, потребныхъ для ихъ вѣдомствъ. Какъ доказать, что нужно или не нужно для улучшенія письменнаго управленія такимъ-то гражданскимъ вѣдомствомъ, особенно при нашей системѣ, ставящей трехъ и четырехъ чиновниковъ на мѣсто одного европейскаго—отчасти вслѣдствіе крайней сложности нашего дѣлопроизводства, отчасти по заведенному обычаю привлекать весь верхній слой населенія къ государственной службѣ. Вслѣдствіе равнодушія, порождаемаго невозможностію пролить свѣтъ на дѣла этого рода (какъ то слишкомъ хорошо извѣстно всей Россіи), у насъ давно уже перестали строго взвѣшивать относительную пользу какого-либо вновь испрашиваемаго расхода, а тѣмъ менѣе вести очередь необходимымъ тратамъ, и приняли болѣе простой способъ: давать просимыя средства, если въ ту пору министерство финансовъ неособенно стѣснено и по личнымъ отношеніямъ не хочетъ препятствовать; въ противномъ случаѣ—отказывать въ самой вопіющей потребности, хотя бы то вело къ прямому ущербу государственнаго интереса.

Но такимъ образомъ самыя необходимыя преобразованія остаются въ прямой зависимости отъ открытія новыхъ источниковъ дохода. Это явленіе, исключительно намъ свойственное, совершенно понятно: когда преобразованіе не преобразовываетъ стараго, а только дополняетъ его новымъ, то, конечно, оно становится невозможнымъ безъ предварительнаго приращенія доходовъ. Изъ этого однако слѣдуетъ и доказывается двумя послѣдними вѣками нашей исторіи, что бюрократическое устройство, остающееся господствующимъ, господствуетъ дѣйствительно и не допуститъ новаго на счетъ стараго, что оно фактически поставитъ «veto» законодателю въ его цѣляхъ.

Но даже помимо преобразованій, удвоеніе съ 1864 года стоимости многихъ старыхъ учрежденій, избавленныхъ отъ половины прежнихъ занятій новыми, частью же ставшихъ вовсе не нужными, показываетъ наглядно, надолго ли протянется возможность сохранить устарѣвшіе порядки, хотя бы только съ экономической точки зрѣнія. Если бы даже содержаніе

административной старины оставалось въ постоянной нормѣ, то оно все-таки поставило бы передъ правительствомъ безвыходную задачу: удовлетворять новымъ потребностямъ государства, выдвигаемымъ исторіей на смѣну прежнихъ, одними излишками въ доходахъ; но какъ стоимость этой старины растетъ съ каждымъ годомъ, то ранѣе или позднѣе верховная власть будетъ приведена необходимостію къ одному изъ двухъ рѣшеній: или отказаться отъ всякаго движенія впередъ, или же расчистить русское поле для нуждъ настоящаго и будущаго.

Должно присовокупить: если существуетъ возможность разсчитать съ нѣкоторою приблизительностію, насколько господство бюрократическаго управленія разоряетъ русское государственное хозяйство, то какъ исчислить, чего оно стоитъ хозяйству народному, насколько задерживаетъ его ростъ своею регламентаціей, произвольными рѣшеніями издали и безконечнымъ затягиваніемъ всякой мѣры, необходимость которой давно сознана на мѣстѣ. Можно сказать одно: еслибъ верховной власти угодно было поручить довѣренному лицу (не коммиссіи) собрать отзывъ земскихъ и городскихъ учрежденій и отдѣльныхъ обывателей въ какомъ бы ни было углу Россіи о послѣдствіяхъ тяготѣющей надъ всѣмъ бюрократической опеки, то въ отзывахъ оказалось бы рѣдкое въ этомъ свѣтѣ единогласіе съ тѣмъ выводомъ, что при такихъ порядкахъ серьезному человѣку нѣтъ охоты браться за веденіе общественныхъ дѣлъ.

Но на виду стоитъ только ущербъ гласный, а сколько же составляетъ негласный? Не охотно, но обязательно должно повторить слова, раздающіяся нынѣ чаще всякихъ другихъ въ русской землѣ и противъ которыхъ не слышно ни единаго возраженія: въ послѣднія два десятилѣтія продажность и незаконные поборы возрасли у насъ въ нѣсколько кратъ. Появленіе подобнаго растлѣнія составляетъ постоянный признакъ общественныхъ учрежденій, утратившихъ жизненную силу и вѣру въ себя, и въ то же время подчиненныхъ лишь самимъ себѣ, безъ надзора со стороны. Дѣятели такихъ учрежденій, сознавая вмѣстѣ полную безнаказанность и свое безсиліе для общаго дѣла, начинаютъ безъ зазрѣнія совѣсти обращать данную имъ власть въ пользу личнаго интереса; а какъ язва лихоимства никогда не переводилась въ Россіи, то при такихъ условіяхъ она и разрослась до небывалыхъ размѣровъ, а что

всего хуже, до небывалой беззастѣнчивости. Безобразныя оправданія присяжными казнокрадства и продажности чиновниковъ показываютъ наглядно, что общее мнѣніе не ставитъ ихъ болѣе въ вину личности. Мы пришли къ такому нравственному разложенію роковымъ склономъ. Въ началѣ текущаго столѣтія преобразованія Сперанскаго сняли съ русской администраціи послѣднюю тѣнь контроля, принадлежавшаго сенату, общественное мнѣніе не имѣетъ у насъ значенія, дѣла ведутся въ сущности второстепенными агентами, которымъ нѣтъ выгоды уличать другъ друга; наша бюрократія осталась предоставленной самой себѣ въ виду удесятерившихся денежныхъ оборотовъ, зависящихъ отъ ея разрѣшенія. Многіе ли люди устоятъ противъ подобныхъ искушеній? Тѣмъ не менѣе у русской государственной власти, кромѣ этого малонадежнаго орудія, нѣтъ никакого инаго для воздѣйствія на страну; съ такимъ орудіемъ правительству предстоитъ идти на встрѣчу самымъ загадочнымъ вопросамъ будущаго, очевидно надвигающимся на насъ.

ПИСЬМО IV.

До сихъ поръ я ограничивался внѣшнею стороною нашихъ общественныхъ дѣлъ. Надобно теперь высказаться, по мѣрѣ силъ и очевидныхъ фактовъ, о послѣдствіяхъ почти двухвѣковаго вліянія безраздѣльной бюрократической опеки и усыпленія общества — на духовную сторону русской жизни. Нравственная жизнь народовъ выражается всего нагляднѣе въ двухъ проявленіяхъ: въ повседневной печати, т. е. въ отношеніяхъ общественнаго сознанія къ житейскимъ дѣламъ, и въ отечественной церкви, т. е. въ отношеніяхъ этого сознанія къ внутренней сторонѣ человѣческаго духа.

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ нельзя затормозить надолго вліяніе и просторъ печати. Убѣжденіе массъ всегда оказывается всесильнымъ и вездѣ, ранѣе или позже, осуществляетъ свои стремленія; оно послѣдовательно измѣняло въ исторіи духъ законодательства, общества, церкви, всего на свѣтѣ. Нынѣ же органомъ общественныхъ убѣжденій служитъ печать, а вслѣдствіе того значеніе печати равняется числу грамотныхъ людей въ государствѣ; съ распространеніемъ грамотности возрастаетъ и значеніе печатнаго слова. Конечно, полная свобода печати допущена только въ Америкѣ и Англіи, на материкѣ правительства удерживаютъ за собой право ставить предѣлы ея излишеству, на что у насъ есть еще больше причинъ; но на западѣ предѣлы эти не только гораздо шире, а главное, ясно обозначены практикою и всѣмъ извѣстны, чего у насъ нѣтъ.

Русская печать и безъ того находится въ положеніи крайне неправильномъ, не имѣя подъ собой общественной почвы. Въ Европѣ положительно не существуетъ политическаго органа, котораго направленіе зависѣло бы исключительно отъ его ре-

дактора; каждое изданіе воспроизводитъ тамъ мнѣнія цѣлой группы людей, большой или малой, дѣйствительно сложившейся въ обществѣ, безъ чего оно не пойдетъ. Давно сказано, что настоящіе редакторы европейскаго журнала,—это его подписчики. Изъ такой связи періодической печати съ общественной жизнію, изъ ихъ взаимодѣйствія, истекаютъ вмѣстѣ и обдуманность печатнаго слова, и извѣстная стапень его дисциплины. Какъ бы партія ни была малочисленна, она не можетъ впасть въ легкомысліе одиночнаго лица; она взвѣшиваетъ свои интересы и не станетъ рисковать ими изъ-за эффекта пустыхъ фразъ. Въ Россіи общественныя группы не могли покуда сложиться, а потому и не отражаются въ печати. Наши журналы выражаютъ не болѣе какъ личныя, рѣдко даже выдержанныя мнѣнія, мимолетныя впечатлѣнія петербургскаго или московскаго дня. При всемъ томъ запросъ на періодическую печать сильно растетъ; а какъ русскіе читатели живутъ въ обществѣ безсвязномъ, не принадлежатъ въ большинствѣ ни къ какой группѣ мнѣнія, выдѣлавшей самостоятельный взглядъ и способной къ отпору, то они чрезвычайно легко поддаются вліянію *своего* журнала. Очевидно, что такая печать не можетъ вести систематически читателей и не знаетъ куда ихъ вести, но она можетъ ежедневно растравлять ихъ, что и дѣлаетъ для лучшаго сбыта своего товара.

Въ виду общаго положенія печати наши журналисты, кромѣ единичныхъ исключеній, когда за изданіемъ оказывается нѣкоторое подобіе партіи (какъ было съ славянофилами и одно время съ «Московскими Вѣдомостями»), не могутъ поступать иначе, еслибъ даже хотѣли. Для кого они пишутъ? Каждый столичный журналъ расходится на двѣ трети и болѣе между городскими покупателями, а потому естественно соображается со вкусами большинства своихъ читателей и занимается больше всего тѣмъ, что ихъ интересуетъ. Никакое *дѣло* не выражается до сихъ поръ печатно въ нашихъ областяхъ; оттуда доходятъ въ столичные листки только анекдоты и сплетни. А изъ кого состоитъ преимущественно читающее населеніе столицъ, особенно Петербурга? Изъ чиновниковъ, изъ спекулянтовъ всякаго рода, да изъ людей нашихъ новыхъ либеральныхъ профессій, т. е. фрачной толпы, сильно замѣшанной инородческими элементами окраинъ, въ громадномъ большинствѣ почти совсѣмъ оторвавшейся отъ почвы, чуждой практически всякому мѣст-

ному русскому дѣлу и пробавляющейся разными присочиненными мечтаніями и не провѣренными заголовками идей, о которыхъ я говорилъ въ первомъ письмѣ. Областные подписчики, состоящіе въ значительномъ меньшинствѣ, обращаютъ до сихъ поръ мало вниманія на цвѣтъ журнала, ищутъ главнѣйшее обильныхъ новостей, въ отношеніи чего редакторы и стараются ихъ удовлетворить. При такой обстановкѣ редактору русскаго журнала приходится быть самостоятельнымъ политическимъ умомъ, *почерпать все изъ себя*, чтобы вести дѣльный органъ,— можно ли этого требовать? Единственное *дѣло* доступное нашимъ газетамъ, дѣло, происходящее на ихъ глазахъ, это интересы и спекуляціи мѣстныхъ денежныхъ круговъ, да рѣшенія городской думы, — объ этихъ предметахъ и газеты наши высказываютъ опредѣленныя, не теоретическія мнѣнія (пристрастныя или нѣтъ, вопросъ не въ томъ). Нѣкоторые журналы, даже изъ нынѣ существующихъ, доросли бы, можетъ быть, до состоятельныхъ мнѣній и въ обще-русскихъ дѣлахъ, еслибъ наши области жили и заявляли о себѣ. Покуда же подъ русской печатью нѣтъ никакой почвы.

До сихъ поръ наша періодическая печать вращается въ очень тѣсномъ кругѣ читателей, такъ какъ общее число подписчиковъ на политическіе журналы чрезвычайно ограничено; со времени войны подписка на большіе журналы значительно еще понизилась въ пользу малыхъ, дешевыхъ, занимающихся исключительно сплетнями. Количество людей, читающихъ русскіе политическіе журналы, едва ли превышаетъ полъ-милліона, считая даже нѣсколько читателей на каждый экземпляръ, что составляетъ $^{1}/_{2}$% населенія имперіи. Съ этой точки зрѣнія многіе, особенно же офиціальные люди, придаютъ нашей печати весьма неважное значеніе. Но кромѣ того, что съ наростающимъ поколѣніемъ кругъ читателей долженъ расшириться въ нѣсколько кратъ, въ этомъ полумилліонѣ, для котораго покуда издаются большіе журналы, заключается весь культурный слой страны, изъ него исходятъ всѣ тревоги, озабочивающія правительство, не смотря на полное спокойствіе народныхъ массъ; онъ же поставляетъ учителей, и такимъ образомъ упрочиваетъ свои воззрѣнія и пріемы даже въ будущемъ. Нельзя по этому смотрѣть легко на современную періодическую печать, нельзя съ нею не считаться. Въ близкомъ будущемъ очень многое будетъ зависѣть отъ степени ея зрѣлости.

Думать объ исправленіи нынѣшнихъ недостатковъ печати какъ о дѣлѣ самостоятельномъ, внѣ отношеній ея къ обществу, стремиться къ созданію печати, проникнутой серьезнымъ направленіемъ и нравственной дисциплиной при несвязномъ, лишенномъ чувства круговой отвѣтственности, бездѣйственномъ обществѣ, значило бы искать квадратуру круга. Покуда русское общество не станетъ жить широкою жизнію, русская печать не обратится въ орудіе этой жизни, останется въ большинствѣ калейдоскопомъ взятыхъ на прокатъ модныхъ мнѣній, безпричинныхъ, безцѣльныхъ и крайнихъ, какъ всякая мода. Для воздѣйствія на печать правительство располагаетъ въ текущее время только внѣшними, бюрократическими мѣрами. Какова дѣйствительность этихъ мѣръ, показываютъ слѣдующіе факты.

Броженіе заносныхъ революціонныхъ идей, изъ которыхъ выросъ нигилизмъ, возникло въ самомъ началѣ царствованія подъ впечатлѣніемъ неудачной войны. Отъ него до сихъ поръ осталось въ нашей печати достаточно отголосковъ, но этихъ отголосковъ, пробивающихся въ самыхъ ничточныхъ журналахъ, нельзя поставить даже въ сравненіе съ яростною проповѣдію разрушительныхъ началъ, проводимою около 1860 года главными нашими редакціями заодно съ вольною заграничною печатью. Съ тѣхъ поръ привлекательность новизны изсякла; житейскій опытъ взялъ свое, и гласную часть нынѣшней печати, освобожденную отъ предварительнаго надзора, можно назвать только не дисциплированной, часто не по разуму заносчивой, но никакъ не революціонной. Начальная же проповѣдь нигилизма, причина зла, появилась подъ полнымъ владычествомъ цензуры. Наши цензоры вычеркивали слова, но оставляли мысли. Даже нынѣ изданія съ положительно вреднымъ оттѣнкомъ упорно остаются подъ цензурою, не смотря на многократныя предложенія выйти изъ-подъ нея. Подъ покровомъ цензуры онѣ прячутъ возмутительный смыслъ статьи за ея буквой и ничѣмъ не рискуютъ. Это прятанье за цензуру показываетъ наглядно мѣру состоятельности полной канцелярской опеки надъ печатью.

Но тѣ же самыя послѣдствія, въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, истекаютъ изъ произвольной полу-карательной опеки главнаго управленія по дѣламъ печати въ нынѣшнемъ ея видѣ. Безъ особаго покровительства очень сильнаго лица въ русской

періодической печати нельзя проводить связныхъ политическихъ воззрѣній. Между многими примѣрами, многолѣтнее преслѣдованіе такъ называемыхъ славянофиловъ достаточно подтверждаетъ сказанное. Каково бы ни было мнѣніе о теоріи славянофиловъ (побѣдившей, надо сказать, многіе крупные предразсудки нашего западнаго воспитанія), нельзя не отдать имъ той справедливости, что эти люди положили завязку первому единомысленному кружку въ безсвязномъ русскомъ обществѣ, кружку, проникнутому по своей руководящей мысли безграничною преданностію всѣмъ кореннымъ русскимъ началамъ. Недавнія событія показали насколько мнѣнія этого кружка могутъ проникать вглубь народныхъ массъ. На пустомъ полѣ русскаго общества появились до сихъ поръ, съ противуположныхъ концовъ, только два зачатка нѣкоторой организаціи— славянофильскій и нигилистскій. Кажется, нельзя было сомнѣваться ни въ томъ, какой изъ этихъ кружковъ долженъ быть милѣе правительству, ни въ выгодѣ открыть русской молодежи широкій доступъ къ первому, хотя для того, чтобъ отвлечь ее отъ втораго. На дѣлѣ оказалось обратное. Ни одно изъ изданій славянофиловъ не могло просуществовать далѣе нѣсколькихъ нумеровъ; свои книги они были вынуждены печатать за границей, между тѣмъ какъ нигилистская и полунигилистская печать пользовалась, да и теперь пользуется весьма широкимъ снисхожденіемъ, подъ единственнымъ условіемъ—не называть предметовъ ихъ собственнымъ именемъ, что вовсе и не нужно для яснаго уразумѣнія написаннаго. Напрасно объяснять это явленіе иностранцамъ, ни одна иностранная голова не вмѣщаетъ въ себѣ такой логики. Для насъ же, русскихъ, она совершенно понятна: нигилисты просто вредны, славянофилы же бывали часто непріятны. Покуда нигилисты не обнаружили себя дѣйствіемъ, какое высокопоставленное лицо задавалось заботою о растлѣніи ими какихъ нибудь семинаристовъ, да и кто слѣдилъ за ихъ полуграмотными писаніями? Славянофилы же люди свѣтскіе, равные всякому, отличные писатели, каждое слово ихъ ложилось вѣско. Этого достаточно. Иныхъ отношеній у бюрократіи нѣтъ ни къ чему, нѣтъ, стало быть, и къ печати.

Можно было бы привести много случаевъ, въ которыхъ управленіе по дѣламъ печати, и отъ своего лица, и по указаніямъ III-го отдѣленія тѣснило самыхъ благонамѣренныхъ пи-

сателей и редакторовъ, мирволя очень вреднымъ. Добросовѣстность лицъ, поставленныхъ во главѣ управленій, вліяющихъ на печать, несомнѣнна; но несомнѣнно и то, что лица эти столь же не властны противъ своей бюрократической обстановки, какъ и въ другихъ вѣдомствахъ. Если вообще правительство далеко не всегда можетъ проводить чрезъ современную бюрократію свои виды въ ихъ подлинномъ духѣ, если оно не въ состояніи узнавать вѣрныхъ людей и недоброжелателей въ государственной службѣ, то оно не можетъ этого и по дѣламъ печати.

Послѣдствія выходятъ очень печальныя. Ихъ два. Первое: въ русской печати установился совсѣмъ особенный, нечестный способъ писанія, состоящій въ томъ, чтобы сказать все желаемое въ полъ-слова, понятное читателю и избавляющее отъ необходимости доказывать свою мысль, изъ опасенія, будто бы, слишкомъ явно ее обнаружить. Очевидно, что умѣнье такъ писать есть фокусничество и требуетъ людей, способныхъ быть фокусниками, людей безъ убѣжденія, размышленія и добросовѣстности. У насъ дѣйствительно сложилась цѣлая клика журналистовъ такого свойства. Эта растлѣнная клика, равняющаяся самымъ презрѣннымъ явленіямъ въ исторіи другихъ эпохъ и странъ, вліяетъ понемногу на мнѣнія массъ, изъ котораго *складывается все на свѣтѣ*. Но кто же въ этомъ виноватъ, русскій духъ или русскіе офиціальные порядки? Недавно одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей сказалъ мнѣ: «наша печать развращена цензурнымъ рабствомъ въ такой же мѣрѣ, какъ наше общество развращено крѣпостнымъ правомъ».

Второе послѣдствіе: такъ какъ въ нашей печати преслѣдуется не столько вредное, сколько непріятное, то мыслящему и чистосердечному человѣку, кромѣ рѣдкихъ случаевъ особаго покровительства, совсѣмъ нельзя высказываться въ періодической печати; онъ подвергаетъ редакцію опасности карательныхъ мѣръ прежде чѣмъ мысль его будетъ достаточно выяснена. Кромѣ того, хотя въ современной русской мысли не ставится, да и по самой силѣ вещей не можетъ быть поставлено вопроса о нашихъ основныхъ государственныхъ началахъ, съ которыми громадное большинство согласно, хотя дѣло идетъ только о формѣ и способахъ правительственнаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе многіе предметы, наиболѣе занимающіе

умы, совсѣмъ изъяты изъ обсужденія. Что же выходитъ? Мыслящіе люди по большой части молчатъ, важные вопросы не затрогиваются и общественное сознаніе не выясняется; а клика не мыслящихъ журнальныхъ фигляровъ, замкнувшись въ кругѣ мелкихъ текущихъ событій, ежедневно растравляетъ массу своими полусловами. Явленіе это происходитъ въ первые самые рѣшительные дни эпохи обновленія, когда очевидно и несомнѣнно на мѣсто Петровской Россіи становится новая Россія Александровская, воспринимаемая въ подобной купели.

У насъ не можетъ народиться вполнѣ сознательной и нравственной печати, пока ея вдохновляющимъ источникомъ не станетъ ожившее общество, но тѣмъ не менѣе было бы крайне опасно, еслибъ призваніе общества къ жизни происходило подъ вліяніемъ такой печати, какова нынѣшняя. Преобразовать ее вполнѣ можетъ только народный духъ, но правительство имѣетъ возможность исправить ея обстановку посредствомъ мѣръ, вполнѣ отъ него зависящихъ. По убѣжденію многихъ, къ этой цѣли ведутъ четыре главныя средства.

1) Дать жизнь и голосъ областямъ, безъ чего никто не можетъ знать ни русскихъ дѣлъ, ни русскихъ мнѣній; всякій будетъ подставлять подъ ними свои мечты. Дѣло идетъ не объ оживленіи областной печати въ ея нынѣшнемъ видѣ, какъ частной спекуляціи; печать такого рода останется навсегда блѣднымъ сколкомъ со столичной, хотя и она принесетъ свою долю пользы. Важно то, чтобъ каждое земство имѣло право основать своей безцензурный журналъ.

2) Повсемѣстное упраздненіе предварительной цензуры, подъ покровомъ которой проводятся самыя нецензурныя внушенія. Въ университетскихъ городахъ имѣются средства для ежедневнаго надзора за печатью; въ другихъ же частныхъ газетъ и безъ того почти не издается.

3) Устраненіе отъ печати бюрократическаго произвола. Правительству очевидно выгодно для собственнаго обезпеченія отъ неправильнаго примѣненія его воли и для внушенія уваженія къ приговору, ввѣрить это право суду, хотя бы покуда даже административному, хотя бы изъ тѣхъ же членовъ главнаго управленія, но рѣшающихъ дѣло гласно, большинствомъ голосовъ, послѣ формальнаго обвиненія и защиты. Конечно, такая форма суда можетъ быть лишь переходной. Тогда и кара можетъ стать строже нынѣшней, стать вмѣстѣ денежной

и личной, особенно при допущеніи аппеляціи въ сенатъ, и пресѣчь, между прочимъ, нынѣшнія омерзительныя личности журналистики. Приговоры суда получать осмысленное значеніе въ глазахъ общества и самой печати, они выработаютъ понемногу сознательный кодексъ правъ русскаго слова.

4) Свободное, добросовѣстное обсужденіе государственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, также какъ внѣшней дѣятельности учрежденій, безъ чего и правительство и подданные останутся въ непроглядномъ мракѣ, будутъ слышать личные намеки, а не мнѣніе общества, безъ опоры котораго нельзя больше ступить шагу ни въ какую сторону. При этихъ только условіяхъ общественныя стремленія будутъ въ состояніи выясниться и разумное большинство возьметъ верхъ надъ мечтаніями кружковъ.

Нынѣ же русская печать, вмѣстѣ со многими другими сторонами нашего современнаго склада, и все по одной и той же причинѣ, представляетъ явленіе несообразное и невиданное въ остальномъ свѣтѣ, что выказывается очень рѣзко въ странномъ видѣ вліянія ея на разрозненныхъ людей, которыхъ она смущаетъ, не умѣя направлять.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ IV.

Русская печать содержитъ въ себѣ несомнѣнно большія силы, хотя обыкновенно скрытыя. Во время послѣдняго польскаго мятежа мы видѣли явленіе, небывалое въ другихъ странахъ—газету, пріобрѣвшую руководство надъ умами, собравшую и укрѣпившую нравственныя силы общества для борьбы. Можно было бы привести еще другіе, хотя не столь крупные примѣры способности нашей печати сильно вліять на народное мнѣніе. Въ тоже время нѣтъ въ свѣтѣ печати, болѣе отзывчивой на всякое благое начинаніе власти, какъ наша. Но силы, которыя она могла бы обнаруживать обыденно съ великою пользою для страны и правительства, закупоренныя черезъ мѣру, не только пропадаютъ даромъ, но даже угрожаютъ опасными выходками при первомъ удобномъ случаѣ.

Безъ извѣстной свободы слова мы не выйдемъ изъ нынѣшнихъ недоразумѣній. Наши безспорные вопросы исчерпаны уже въ шестидесятыхъ годахъ, а изъ тѣхъ, которые стоятъ за ними на очереди, ни одинъ не выясненъ покуда окончательно. Причина понятна: рѣшенные вопросы—объ упраздненіи крѣпостнаго права, о независимомъ судѣ и необходимости нѣкотораго участія народныхъ силъ въ мѣстномъ управленіи не вызрѣвали на русской почвѣ; мы приняли ихъ изъ рукъ заимствованной цивилизаціи; слѣдующіе за ними составляютъ уже наше домашнее дѣло, позаимствовать рѣшенія ихъ не откуда, мы должны додуматься до него самолично, что слишкомъ трудно при продолжающемся у насъ стѣсненіи мысли. Мы можемъ оставаться въ такомъ положеніи неопредѣленное время, а между тѣмъ отравляющія нашу народную жизнь недоразумѣнія растутъ безостановочно. Прежде всего, даже прежде приступа къ устройству порядка

вещественнаго, необходимо внести порядокъ и ясность въ русскую мысль предоставленіемъ ей достаточнаго простора, въ предѣлахъ по крайней мѣрѣ нашихъ общепризнанныхъ историческихъ началъ.

Общественное сознаніе ищетъ исхода. Въ послѣдніе годы печатаніе за границею русскихъ книгъ и брошюръ, писанныхъ очень благонамѣренными людьми, стало явленіемъ обыденнымъ, вынуждаемымъ неизвѣстностію предѣловъ печатнаго слова дома; при самомъ искреннемъ желаніи не нарушать установленій печати, у насъ невозможно разграничить заранѣе дозволенное отъ недозволеннаго — все зависитъ отъ весьма измѣнчиваго взгляда начальствующихъ лицъ. Авторы такихъ заграничныхъ сочиненій не только не подвергались преслѣдованію, но нѣкоторымъ дозволялось даже распространять ихъ книги въ Россіи подъ извѣстными условіями. Подобнымъ снисхожденіемъ правительство явно показывало, что по собственному его сознанію русская мысль переросла уже стѣсняющія ее рамки и что оно желаетъ дать ей нѣкоторый просторъ, не зная покуда какъ совмѣстить этотъ просторъ съ привычными пріемами допущенной имъ гласности.

Прежде чѣмъ карать за мысль, надо дать ее договорить. Достаточно признать эту азбучную истину и рѣшительный шагъ будетъ сдѣланъ, русское общество получитъ возможность выяснить себѣ современные вопросы, отъ способа рѣшенія которыхъ зависитъ въ близкомъ будущемъ охраненіе основныхъ началъ нашего государственнаго порядка; а вмѣстѣ съ тѣмъ правительство привыкнетъ слышать вокругъ себя разсужденія такого рода, слышныя нынѣ всѣмъ кромѣ его одного, сниметъ съ нихъ тѣмъ самымъ нынѣшнее подпольное зажигательное свойство. Сложившееся разъ отчетливое мнѣніе большинства освѣтитъ и въ высшей степени облегчитъ правительству дальнѣйшій путь. Но еще до того, пренія такого рода принесутъ ту громадную пользу, что пріучатъ русскихъ людей называть вещи ихъ подлинныхъ именемъ, разсѣютъ ту невѣроятную сбивчивость понятій, которая, подъ названіемъ конституціонныхъ идей, бродитъ покуда въ головахъ и побуждаетъ каждаго чиновника, не получившаго награды къ празднику, взывать къ конституціи, какъ къ вѣрнѣйшему средству для поправленія своихъ личныхъ дѣлъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что пишетъ Leroi-Beau-

lieu о положеніи русской печати. Онъ говоритъ о Россіи очень сочувственно, ничего не преувеличиваетъ, а между тѣмъ русскій человѣкъ краснѣетъ до ушей читая его, до такой степени картина выходитъ похожею на то, что могло бы происходить развѣ въ Тунисѣ. Дѣло не въ одной узкости рамокъ, стѣсняющихъ русское слово; краснѣть заставляетъ безцеремонное, прихотливое отношеніе представителей власти къ печати, а еще болѣе наивные пріемы, употребляемые до сихъ поръ для огражденія насъ отъ зловредныхъ вліяній. Каково видѣть, напримѣръ, цѣлыя страницы иностранныхъ журналовъ, выписываемыхъ, конечно, не для толпы, а для образованнаго общества, покрытыхъ такъ называемой икрой, между тѣмъ какъ сотни тысячъ выѣзжающихъ за границу русскихъ читаютъ ихъ безпрепятственно. И какіе при томъ пустяки замазаны такимъ образомъ! Власть можетъ быть, пожалуй, суровой, но, для избѣжанія самоубійства, никогда, ни на какихъ ступеняхъ не должна становиться смѣшной; а чѣмъ же она выказывается, спасая мою душевную чистоту посредствомъ замазыванія заразительныхъ мыслей въ «Revue des deux mondes?» Я уже говорилъ, что въ нашей печати преслѣдуется главнѣйше не вредное, а почему либо неудобное властнымъ, даже мелко властнымъ людямъ, вліяющимъ на главное управленіе печати или состоящимъ въ пріязни съ нимъ. Но кто же при этомъ выигрываетъ? Внѣ офиціальной сферы всѣмъ, и большимъ и малымъ, хорошо извѣстно, что выигрываютъ однѣ подпольныя стремленія, высказывающіяся очень ясно окольными путями для своихъ читателей и распространяющія превратныя ученія почти безъ противорѣчія, такъ какъ благонамѣренныя и обдуманныя мнѣнія, требующія для своего выясненія не полусловъ, а связнаго развитія, должны молчать.

Очевидно, однакоже, что при такой искусственной безгласности мнѣнія, начинающаго сильно бродить внизу, но лишеннаго возможности выработаться связно и сознательно, правительство остается въ полной нравственной пустотѣ, внѣ всякаго умственнаго соприкосновенія со страною; оно не можетъ почерпать своихъ мѣропріятій изъ дѣйствительности, ему неизвѣстной, и вынуждено придумывать ихъ въ канцеляріяхъ. Выйдемъ ли мы изъ нынѣшнихъ недоумѣній при такой постановкѣ дѣла? Гласное выраженіе мнѣнія не можетъ быть замѣнено никакимъ инымъ способомъ. Еслибъ даже власть стала

призывать для совѣщанія самыхъ опытныхъ земскихъ людей, то и они могли бы изложить только свое одиночное сужденіе, но не могли бы дать того, что покуда совершенно неизвѣстно и въ чемъ вся сила—мнѣнія русскаго большинства. По той же причинѣ никакое общее собраніе земскихъ людей, хотя очень способное освѣтить многія частныя и мѣстныя стороны дѣла, не оказалось бы покуда состоятельнымъ въ смыслѣ рѣшенія коренныхъ вопросовъ; оно стало бы бродить въ лабиринтѣ личныхъ, не провѣренныхъ общимъ сознаніемъ взглядовъ. А въ то же время одиночныя мечтанія, руководимыя не разумомъ, а впечатлѣніями, по большей части озлобленными, продолжаютъ быстро накипать внизу.

Не давая сложиться мнѣнію большинства, несомнѣнно благонамѣреннаго, вѣрноподданнаго и дорожащаго всѣми нашими историческими основами, правительство какъ бы преднамѣренно подставляетъ почву враждебнымъ политическимъ сектамъ, которыя въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ однѣ могутъ складываться и привлекать сообщниковъ безъ простора гласности. Теперь изыскиваютъ мѣры, могущія внушить обществу довѣріе къ новому направленію, вселить въ него спокойное ожиданіе всего лучшаго отъ власти въ будущемъ; но никакая мѣра не равняется своею дѣйствительностію той, которая предоставила бы наконецъ русскому человѣку возможность обсуждать свои общественныя дѣла европейскимъ способомъ, а не шептаньемъ другъ другу на ухо, какъ въ Азіи; никакая другая мѣра, ни расширеніе правъ земства, и ни что иное не подѣйствуетъ благотворно на умы безъ этой послѣдней. Кто повѣритъ въ успѣшность леченія нашей сложной болѣзни ветеринарнымъ способомъ, безъ распроса больнаго о томъ, что у него болитъ.

Было бы трудно, во всякомъ случаѣ долго составлять новое законоположеніе о печати на тереотическихъ основаніяхъ, да едва ли и повело бы оно къ чему нибудь положительному, Когда разъ надъ мыслію существуетъ начальство, то все зависитъ отъ взгляда начальствующихъ лицъ, а взглядъ этотъ обусловливается болѣе всего привычкою. Что у насъ привыкли считать дозволеннымъ, то и есть дозволенное. Существенно важно замѣнить личный приговоръ по дѣламъ печати приговоромъ суда, хотя бы покуда спеціальнаго, для одного этого дѣла. Что же касается до новаго узаконенія о предѣлахъ печатнаго слова, которое въ такомъ неуловимомъ дѣлѣ можно примѣнять какъ угодно, то на мой взглядъ гораздо

удобнѣе провести сначала въ русскую печать необходимую ей долю свободы практическимъ путемъ, даннымъ однажды примѣромъ. Такъ въ сущности произошло и въ началѣ нынѣшняго царствованія, при первомъ подъемѣ русскаго слова. Судъ выработаетъ впослѣдствіи рядомъ своихъ приговоровъ практическіе предѣлы правъ печати гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ выработала бы ихъ какая бы то ни было коммиссія. Въ такомъ способѣ проведенія новыхъ началъ въ жизнь заключается одно изъ преимуществъ самодержавія: оно можетъ замѣнять букву духомъ, не предрѣшая несвоевременно потребностей будущаго, предоставляя имъ обнаруживаться и облекаться постепенно формальною законностію. Подобный починъ вызоветъ голосъ не только присяжныхъ писателей, но, что гораздо важнѣе, голосъ земскихъ людей, вожаковъ мнѣнія своей мѣстности, и мыслящихъ людей по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной дѣятельности, опытность которыхъ служитъ доселѣ имъ однимъ, не просвѣщая никого другаго.

Публичность нужна не только для одиночной мысли, она необходима для цѣлыхъ отраслей народнаго управленія. Земства, напримѣръ, чрезвычайно затрудняются слишкомъ келейнымъ способомъ обсужденія своихъ потребностей, онѣ не могутъ освѣтить ихъ достаточно безъ своего мѣстнаго органа печати. Земства покуда разъединены между собою совершенно, даже нравственно. Очевидно, что впослѣдствіи необходимо будетъ узаконить должную связь между ними въ случаяхъ надобности; но до тѣхъ еще поръ эта связь, часто крайне настоятельная, могла бы поддерживаться взаимною гласностію, безъ которой невозможно выдѣлать кодексъ обычаевъ и практическихъ пріемовъ, часто болѣе важный, чѣмъ кодексъ положительныхъ правъ. Но нельзя не видѣть, что при нынѣшнихъ условіяхъ печати, земскіе листки обратились бы въ краткій перечень засѣданій, что самыя вѣскія и любопытныя заявленія гласныхъ часто не могли бы быть воспроизведены вполнѣ.

При переходѣ изъ одной эпохи въ другую, разъединенныя мѣры не ведутъ ни къ чему, нужны мѣры общія. Для того, чтобы не сбиться съ пути, надо предоставить мысли свободу во всѣхъ ея благонамѣренныхъ проявленіяхъ, и если карать, то лишь за то, что говоритъ человѣкъ, а не за предметъ, о которомъ онъ говоритъ.

ПИСЬМО V.

Рѣшаюсь, наконецъ, высказать свой взглядъ на положеніе русской церкви, несущей на себѣ, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, гнетъ мертвящаго бюрократизма. Какъ сознательная мысль, убѣжденіе мое весьма распространено между образованными людьми; какъ чутье, оно разлито поголовно, высказывается повседневно и въ отношеніяхъ народа къ церкви и въ состояніи умовъ культурнаго слоя.

Членъ государственнаго совѣта П*** произнесъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ совѣтѣ замѣчательную, хотя, конечно, не договоренную рѣчь о положеніи, созданномъ русской церкви Петровскимъ преобразованіемъ. Сущность рѣчи заключалась въ томъ, что современная русская церковь совсѣмъ не церковь, а государственное учрежденіе, служба котораго отправляется чиновниками, облеченными въ епископскій и іерейскій санъ, подъ надзоромъ канцелярій, какъ въ прочихъ вѣдомствахъ, вслѣдствіе чего, естественно, жизнь начинаетъ въ ней оскудѣвать и собраніе вѣрующихъ, лишенное общей связи, мертвѣетъ. Ораторъ высказалъ въ заключеніе, что церковное дѣло не можетъ оставаться въ такомъ положеніи безъ смертельной опасности, для нравственной будущности русскаго человѣка. Г. П*** до такой степени правъ въ отношеніи чиновничества нашего клира, что я слышалъ лично, какъ одинъ епископъ, говоря о священникахъ своей епархіи, выражался «мои чиновники». Г. П*** не счелъ возможнымъ высказать еще многіе факты, между прочими тотъ, что въ духовныхъ академіяхъ и многихъ семинаріяхъ читается съ каѳедры, что русская церковь состоитъ со временъ Петра Великаго въ плѣну у государства, въ такомъ же плѣну, въ какомъ церковь ветхозавѣтная нахо-

дилась въ Вавилонѣ. Говорятъ это несомнѣнно самые честные и чистосердечные профессора, не желающіе скрывать, «ради страха фарисейска» чувства, гнетущаго души вѣрующихъ.

Тяжкая ошибка великаго преобразователя очевидна нынѣ всякому. Хотя мысль о преобразованіи церковнаго управленія не возникла въ его умѣ произвольно, а была отвѣтомъ на недавнія притязанія патріаршества при Никонѣ, проникнутыя католическими вѣяніями, тѣмъ не менѣе очевидно, что крутыя мѣры, принятыя Петромъ, зашли гораздо далѣе предполагавшейся цѣли. Для облегченія переворота, громаднаго и необходимаго, но временнаго, какъ все въ исторіи, онъ занесъ руку на дѣло, до основаній котораго рука человѣческая не должна касаться, разрушилъ свободу и самостоятельность многовѣковаго строя отечественной церкви, разорвалъ существовавшее до тѣхъ поръ живое взаимодѣйствіе между клиромъ и обществомъ, подчинилъ отправленіе церковной жизни бюрократіи, принизилъ духовенство и тѣмъ пресѣкъ приливъ къ нему общественныхъ силъ, вслѣдствіе чего наше духовенство должно было замкнуться въ себѣ и обратиться въ наслѣдственную касту. Съ тѣхъ поръ русская церковь дошла понемногу до состоянія государственнаго учрежденія, о которомъ говорилъ Г. П***. Великій императоръ ужаснулся бы предъ этими послѣдствіями, если бы могъ ихъ предвидѣть, но зародышъ ихъ заключался неизбѣжно въ совершенномъ имъ церковномъ преобразованіи. Плодъ созрѣлъ и мы собираемъ жатву: церковь, росписанная по табели о рангахъ и связанная, утратила вконецъ нравственное вліяніе на русскаго человѣка—не только на общество, но и на народъ; духовенство, служившее во всѣ вѣка Россіи первою опорою Престолу, прониклось глухимъ недовольствомъ, такъ что теперь почти каждый русскій левитъ, не попавшій къ алтарю, становится въ ряды общества и государственной службы врагомъ существующихъ порядковъ. Еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ направленіи, и противники государства найдутъ можетъ быть союзниковъ у самаго алтаря.

Какъ ни велико это зло, оно еще не главное. Гибельныхъ послѣдствій можно насчитать много, но всѣ онѣ меркнутъ передъ тѣмъ невѣроятнымъ послѣдствіемъ, что охлажденіе большинства образованнаго общества къ вѣрѣ и постоянно продолжающійся выходъ огромныхъ народныхъ массъ изъ вселенской церкви въ расколы, истекшіе на западѣ, въ римскомъ

католичествѣ и протестантствѣ, изъ глубины историческихъ, ни отъ кого лично не зависѣвшихъ причинъ, созданы у насъ искусственно руками самой власти, конечно, не преднамѣренно. Да будетъ позволено мнѣ освѣтить въ короткомъ отступленіи причину такого заключенія.

Въ католичествѣ отпаденіе личной совѣсти отъ церкви объясняется ярче дня словами одного извѣстнаго бельгійскаго каноника, принадлежавшаго къ либеральной церкви, Монталамбера. Онъ говорилъ: «я вѣрующій человѣкъ, но не могу признавать двухъ разныхъ Боговъ, Бога римскаго и Бога исторіи; между тѣмъ Римъ признаетъ католикомъ только христіанина XIV-го столѣтія, отвергаетъ право личной совѣсти и считаетъ все, происшедшее съ конца среднихъ вѣковъ, навожденіемъ. Усилія нашей партіи, считавшей возможнымъ примирить церковь съ современнымъ человѣкомъ, доказали тщетность такой надежды. Папа думаетъ иначе чѣмъ либеральные католики, а кто думаетъ не такъ какъ папа, тотъ не правовѣрный. Достаточно выяснено, что положеніе самого вѣрующаго католика, не могущаго отрѣшиться отъ своего человѣческаго развитія и отъ духа своего вѣка—положеніе безвыходное».

Всемірное фіаско протестантства стоитъ у всѣхъ на глазахъ. Послѣ отчаянныхъ усилій открыть истинную вѣру, какъ открываютъ физическую достовѣрность, утвердиться на непреложныхъ основаніяхъ собственнаго изобрѣтенія и успокоиться въ одиночной вѣрѣ внѣ церкви, большинство протестантовъ, въ томъ числѣ самые разсудительные люди, махнули наконецъ рукой на это новое исканіе философскаго камня и стали поневолѣ относиться къ религіи только съ политической и нравственной стороны. Въ общихъ исповѣданіяхъ серьезные люди стали выдѣляться изъ отечественной церкви лишь по мѣрѣ того какъ почва, вопреки ихъ волѣ, сама уходила изъ-подъ ихъ ногъ.

Въ православіи не существуетъ никакой логической причины къ повальному отпаденію душъ отъ церкви. Православіе не приковываетъ вѣрующаго къ какому-либо столѣтію, ни духовно, ни политически, открываетъ его гражданскому развитію неограниченное поле въ той же мѣрѣ какъ самое крайнее протестанство, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ незыблемую опору союзу вѣрующихъ, соединяя ихъ въ церковь. На такой почвѣ личное

невѣріе, всегда обыкновенное между людьми, не ведетъ ни къ какимъ общимъ послѣдствіямъ, остается единичнымъ психологическимъ фактомъ, не имѣя никакого побудительнаго повода, никакой цѣли сливаться во враждебный церкви союзъ, такъ какъ церковь не только не препятствуетъ успѣхамъ общества, но живитъ ихъ, охраняя нравственность и скрѣпляя духовную связь между людьми. Наша церковь, располагающая прежнею свободою дѣйствій, отстояла бы по всей вѣроятности свое нравственное значеніе противъ напора такъ называемаго духа вѣка, но для этого она должна была оставаться церковію, не обращаясь въ гражданское зависимое учрежденіе, должна была видѣть свою опору въ совѣсти вѣрующихъ, а не въ покровительствѣ мірской силы.

По духу православной іерархіи она не составляетъ нигдѣ, какъ не составляла до Петра и у насъ, замкнутаго въ себѣ круга пастырей, пасущихъ безсловесное стадо, подобно католической. Міряне служили церкви не одними вкладами, а мыслію и дѣломъ, участвовали въ ея совѣтахъ, проводили ея начинанія, какъ и теперь это происходитъ на востокѣ, а церковь съ своей стороны оставалась въ тѣсномъ единеніи съ обществомъ, принимала живое участіе во всѣхъ явленіяхъ народной жизни. Съ тѣхъ поръ прямое, дѣятельное общеніе міра съ церковію прервалось въ Россіи, осталось одно наружное: со стороны церкви, потому что она не можетъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія; со стороны мірянъ, потому что за каждымъ дѣйствіемъ церкви они видятъ скрѣпу оберъ-секретаря святѣйшаго синода, съ которымъ религіозное чувство не можетъ имѣть ничего общаго. Замѣчательно то, что коренной духъ православной церкви, устоявшій непоколебимо предъ всѣми ухищреніями іезуитства въ Польшѣ и Австріи, и передъ мусульманскимъ изувѣрствомъ въ Турціи, не устоялъ передъ регламентаціей своего православнаго правительства. Явленіе это однакожъ очень естественно. Православіе, сильное своей исторической правдой, не ограждено ни внѣшнимъ, вещественнымъ и недосягаемымъ авторитетомъ латинства, противъ котораго правительства до сихъ поръ оказываются безсильными, ни способностію протестантства, не имѣющаго центра, замыкаться въ душѣ человѣка какъ улитка въ раковинѣ и оставаться въ ней неуязвимымъ для внѣшней силы; у него есть стройная іерархія, на которую своя, законная и православная власть, и только законная и православная, мо-

жетъ наложить руку, какъ доказано опытомъ. Послѣдствіемъ произошло то, что изъ русскаго духовнаго міра вынута связующая сердцевина и начался нравственный разбродъ. Церковь, лишенная внутренней жизни, ограничилась исполненіемъ требъ, такъ что извѣстный де-Местръ былъ правъ, утверждая, что русскій священникъ представляетъ собою не болѣе какъ трубу органа—онъ поетъ. Общество, охладѣвъ къ церкви, естественнымъ образомъ скоро охладѣло и къ вѣрѣ. Народъ, видя въ церкви одну внѣшнюю формальность, сталъ искать «божественнаго» внѣ ея. Духовное просвѣщеніе грамотныхъ русскихъ сословій ограничилось заучиваніемъ краткаго катихизиса въ школѣ и разрѣшилось полнѣйшимъ невѣдѣніемъ въ дѣлахъ вѣры, а потому и равнодушіемъ къ ней. Для ясности считаю себя обязаннымъ изложить вкратцѣ значеніе этихъ трехъ главныхъ послѣдствій церковнаго онѣмѣнія.

Многіе объясняютъ наше религіозное охлажденіе общимъ невѣріемъ вѣка, но объясненіе это крайне легкомысленное. Въ наиболѣе развитомъ изъ человѣческихъ племенъ, англо-саксонскомъ, есть скептики, какъ и вездѣ, но нѣтъ охлажденія къ вѣрѣ. На свѣтѣ много узкихъ умовъ, отрицающихъ все сплеча, но по самой своей узкости они лишены вліянія на общее сознаніе; мыслящіе же люди, настоящіе вожаки мнѣнія, хотя и распадаются по своему душевному складу на вѣрующихъ и сомнѣвающихся, но сомнѣніе серьезныхъ людей рѣдко переходитъ въ систематическое отрицаніе. Если отечественное вѣроученіе не стоитъ въ разрѣзъ съ задачами вѣка, то большинство даже колеблющихся людей не выдѣляется изъ общей религіозной жизни народа, работаетъ для нея за одно съ вѣрующими, видя въ ней источникъ всякаго нравственнаго начала. Мы постоянно наблюдаемъ это явленіе въ свободныхъ протестантскихъ земляхъ, Англіи и Америкѣ. Еслибъ въ Россіи устояла живая и дѣятельная церковь, проникающая весь объемъ народной жизни въ духъ любви и свободы, а не принужденія, и проникаемая въ свою очередь воздѣйствіемъ на нее общества, какъ было прежде, но при силахъ, усугубленныхъ современнымъ просвѣщеніемъ, еслибъ на твердой почвѣ православія созрѣла свободная религіозная дѣятельность, какую мы видимъ на зыбкой почвѣ англійскаго протестантства, то нравственное настроеніе русской жизни стояло бы несомнѣнно столь же высоко на сколько оно стоитъ теперь низко, а въ нравственномъ

настроеніи заключается все остальное. Тѣ же самые люди, которые рубятъ нынѣ сплеча все сущее, подчинились бы, какъ личности вообще несамостоятельныя, иному, повальному теченію и служили бы дѣйствительнымъ потребностямъ общества. тѣсно сплоченнаго съ церковію. Нынѣ же не только сомнѣвающіеся, но даже твердо вѣрующіе, лишенные средоточія и взаимной связи, находятся у насъ болѣе чѣмъ въ протестантскомъ разбродѣ. Образованные люди, жаждущіе живаго слова и не находящіе его дома, кидаются на Редстока и тому подобныхъ; подростки, неслыхавшіе о серьезномъ духовномъ руководствѣ, переходятъ легко въ религію нигилизма, такъ какъ нигилизмъ также религія, только въ вывороченномъ видѣ. Церковь, какъ единеніе вѣрующихъ, обратилась у насъ въ отвлеченное понятіе, совершенно неуловимое на практикѣ.

Въ простомъ русскомъ народѣ поражаетъ то явленіе, что жизнію сознательною, жизнію съ движеніемъ мысли, съ какими бы то ни было нравственными идеалами, съ духовною связью между людьми, живутъ только населенія, выдѣлившіяся въ расколъ; одни эти населенія способны и въ мірскихъ дѣлахъ къ общему почину и дружному взаимодѣйствію; потому же они неуязвимы какъ крѣпость дья тлетворныхъ ученій политическихъ. Русскій простолюдинъ идетъ въ расколъ для удовлетворенія душевной потребности жить сознательною религіозною жизнію, которой онъ лишенъ въ нынѣшней отечественной церкви, ограниченной наружною обрядностію. Для него не существовало бы никакой причины выходить изъ живой воспріявшей его церкви, утвержденной на вселенскихъ основаніяхъ и предоставляющей ему ту же свободу духовной дѣятельности, какую онъ встрѣчаетъ въ расколахъ; но въ томъ то и дѣло, что онъ не находитъ этого простора въ подневольной офиціальной церкви, какъ не находитъ въ ней его и свѣтскій человѣкъ, обращающійся къ Редстоку. Въ этой причинѣ заключается настоящее объясненіе упорства раскольниковъ: они не хотятъ духовнаго рабства. Въ продолженіе столькихъ вѣковъ, пережитыхъ церковію, появлялось не мало ложныхъ вѣроученій, но ни одно изъ нихъ не оказалось живучимъ; наша религіозная смута второй половины XVII вѣка облеклась тѣломъ и окрѣпла только въ послѣдовавшее царствованіе Петра, поработившее церковь государству. Въ позднѣйшее время, какъ и доселѣ, притяженіе оказываемое расколомъ на народныя массы уси-

ливается соразмѣрно онѣмѣнію церкви. Недалекъ можетъ быть день, когда центръ тяготѣнія народныхъ вѣрованій передвинется изъ православія въ расколы. Хотя русскіе отщепенцы (особенно старообрядцы) несомнѣнно вѣрны Царю, но для участи великаго народа важно не одно только наружное спокойствіе. Еслибъ не дошло даже до численнаго перевѣса раскола, то нравственный перевѣсъ его послѣдователей надъ тупѣющими массами православнаго населенія можетъ разрѣшиться послѣдствіями слишкомъ очевидной важности.

Необходимо наконецъ сказать нѣсколько словъ о состояніи духовнаго просвѣщенія въ Россіи—такъ какъ человѣкъ можетъ сочувствовать только тому что знаетъ. Въ учености наша іерархія не уступитъ никакой другой, и кромѣ того, у насъ лишь есть небывалое въ свѣтѣ явленіе: множество простолюдиновъ, способныхъ состязаться съ первыми европейскими богословами; но только эти феномены-простолюдины принадлежатъ исключительно расколу. Есть еще небольшое число свѣтскихъ лицъ, преимущественно изъ примыкающихъ къ славянофильскому кружку, изучившихъ религіозные вопросы, и есть купцы или нѣкоторые старосвѣтскіе люди другихъ званій, знакомые съ ними наружнымъ образомъ. Затѣмъ сверху до низу, отъ государственныхъ людей и извѣстныхъ писателей до безграмотнаго пастуха православнаго села, нѣтъ ничего кромѣ полнаго незнанія—не только основныхъ вопросовъ вѣры и церкви, но даже самаго существованія этихъ вопросовъ. Причина достаточно ясна. Во всякой христіанской странѣ надъ просвѣщеніемъ душъ трудятся или церковь, или замѣняющія ее общины, трудятся отъ себя, отъ сердца, а не по казенному заказу. Религіозные вопросы не исчерпываются тамъ преподаваніемъ краткаго катехизиса, они осаждаютъ человѣка всю жизнь, независимо отъ его вѣры или безвѣрія, потому что дѣятельность вѣрующихъ, тѣсно сплоченныхъ между собою, проникаетъ тамъ всѣ изгибы общественныхъ дѣлъ. Такъ происходитъ даже въ государствахъ, открыто отрекавшихся отъ христіанской вѣры, тамъ гдѣ большинство населеній до сихъ поръ утопаетъ въ безбожіи. Въ одной только благочестивой Россіи (дѣйствительно благочестивой, и по душевному складу человѣка и по твердому убѣжденію стольких милліоновъ людей), живое слово къ обществу и народу исходитъ не изъ лона отечественной церкви, полтора вѣка уже безвы-

ходно запертой въ храмовой оградѣ; оно заносится къ намъ въ видѣ контрабанды—или поморскимъ бѣгуномъ, или заѣзжимъ англичаниномъ.

Большинство серіозныхъ умовъ считаетъ однакожъ непреложною истиной, что сознаніе долга составляетъ въ человѣкѣ отголосокъ его вѣрованій, на меньшій конецъ исторически религіознаго воспитанія среды, въ которой онъ живетъ, не успѣвшаго еще улетучиться безслѣдно; что безъ воздѣйствія высшихъ помысловъ онъ возвращается къ откровенному эгоизму звѣря. На этомъ основаніи всѣ правительства въ свѣтѣ заботятся объ охраненіи между людьми святыни. Предъ нашими глазами своитъ въ лицѣ нигилистовъ образецъ перерожденія человѣка въ хищное животное, вслѣдствіе безвѣрія. Очевидно что въ нигилизмѣ, увлекающемъ русскихъ подростковъ почти эпидемически, выразилось прямое послѣдствіе церковнаго онѣмѣнія, оскудѣнія связности и дѣятельности православнаго общества. Предоставленныя собственнымъ мечтаніямъ, молодыя поколѣнія идутъ въ разбродъ,—какъ же могло быть иначе? Въ послѣднее время наше правительство не разъ указывало на причину зла, на ослабленіе у насъ религіознаго воспитанія и руководства, хотя не иное что какъ система, столь долго имъ самимъ проводимая, довела насъ до этого состоянія.

Кромѣ общихъ послѣдствій истекающихъ изъ церковной подневоли, эта же причина служитъ неизсякаемымъ источникомъ раскола въ русской церкви. Къ дѣлу о расколѣ нельзя относиться равнодушно или свысока, въ немъ содержится вопросъ неизмѣримой важности, вопросъ о томъ, устоитъ ли окончательно большинство русскаго населенія въ лонѣ вселенской православной церкви; дѣло идетъ о почвѣ, на которой должно рости все наше будущее развитіе, политическое и общественное. Но, забывая даже — если кто можетъ забыть — эту существенную точку зрѣнія, вопросъ о расколѣ стоитъ клиномъ поперегъ самыхъ будничныхъ заботъ и ежедневно напоминаетъ о себѣ. Съ одной стороны нельзя длить безъ конца такого состоянія дѣлъ, при которомъ въ государствѣ, признающемъ вѣротерпимость своимъ основнымъ закономъ, значительная и во многихъ отношеніяхъ лучшая часть кореннаго населенія не можетъ открыто исповѣдывать своей вѣры; нельзя также, особенно въ виду нынѣшняго смутнаго состоянія умовъ, продолжать отталкивать отъ власти въ ряды

недовольныхъ четверть владычествующаго народа; съ другой же стороны невозможно смотрѣть на русскихъ отщепенцевъ, отличающихся отъ православныхъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ малочисленныхъ сектъ) немногими обрядовыми формами или даже только рѣченіями, какъ на иностранное исповѣданіе, и рвать пополамъ изъ-за этихъ рѣченій церковь и душу русскаго народа. Всякій, даже умный и добросовѣстный старообрядецъ, понимаетъ про себя эту невозможность. Приходится покуда пробиваться неправдою, противорѣчіемъ собственному убѣжденію, и жить со дня на день, не заглядывая въ будущее,—относиться снисходительно къ расколу на практикѣ, сознавая неосуществимость законнаго его признанія и самостоятельнаго устройства. Еслибъ даже правительство могло согласиться передать столько милліоновъ коренныхъ русскихъ людей въ вѣдѣніе департамента иностранныхъ исповѣданій, то и тогда даже никакое разрѣшеніе свыше не сложило бы наше старообрядчество въ самостоятельную церковь или церкви. Когда старо-католичество, оторвавшееся отъ Рима вслѣдствіе явнаго искаженія послѣднимъ догмата, не могло выработаться въ связное вѣрованіе, то достижима ли эта цѣль для русскихъ старообрядцевъ, право которыхъ на отдѣльное церковное существованіе заключается въ хожденіи посолонь и удержаніи нѣсколькихъ описокъ въ литургіи? Какъ узаконить такія неясныя очертанія? Съ устраненіемъ же окончательныхъ мѣръ до другаго времени, всякія полумѣры противъ раскольниковъ становятся излишними. Въ послѣдніе полъ-вѣка было испытано не мало средствъ для возсоединенія отдѣлившихся съ церковію, но успѣха не послѣдовало. Старообрядцы поповщинскіе требуютъ прежде всякаго разговора снятія съ нихъ отлученія, что невозможно безъ вселенскаго собора, немыслимаго при нынѣшней казенной церкви; безпоповщина и секты, совсѣмъ оторвавшіяся отъ церковнаго преданія, не идутъ еще покуда на примиреніе ни на какихъ условіяхъ. При настоящемъ положеніи русской церкви остается возможнымъ одинъ лишь видъ отношенія къ расколу: негласная, хотя широкая терпимость, не вводимая въ положительный законъ. Конечно, выдѣлившіяся вѣрованія не удовлетворятся такою терпимостію, она не можетъ дать имъ ни признанной закономъ іерархіи, ни права открытыхъ процессій внѣ церкви, ни даже свободы воздвиженія храмовъ, кромѣ домовыхъ. Пока продолжается плѣненіе

русской церкви, власть отвѣтственна, по крайней мѣрѣ, за ея наружную цѣлость и нравственно не располагаетъ правомъ брать на себя починъ такихъ коренныхъ рѣшеній; негласное снисхожденіе, оказываемое исполнителями англійскаго закона къ диссидентамъ со времени Вильгельма III-го и до недавняго еще времени составляетъ крайній предѣлъ уступокъ, позволительныхъ покуда для власти. Можно и должно остановить на практикѣ всякое преслѣдованіе противъ мѣръ, принимаемыхъ раскольниками для ихъ внутренняго устройства; необходимо узаконить гражданскимъ порядкомъ ихъ браки и метрическія записи, — но далѣе покуда нельзя идти. Должно признаться: высшая терпимость правительства имѣетъ возможность покуда дать старообрядцамъ менѣе, чѣмъ либеральный паша предоставляетъ райямъ, воздвигающимъ хотя бы свои храмы безпрепятственно; но поступить иначе, узаконить русскій расколъ какъ иностранное исповѣданіе, значило бы подорвать преждевременно и неисправимо наше духовное будущее, до сихъ поръ далеко еще невыяснившееся. Безвыходность этихъ отношеній истекаетъ наглядно изъ произвольной и неправильной постановки всего нашего церковнаго вопроса. Всякій русскій человѣкъ чуетъ сердцемъ, что въ этомъ семейномъ недоразумѣніи, между враждой и единеніемъ одинъ только шагъ; только никто не можетъ покуда ступить этого шага. Въ семьѣ ссора затягивается тогда лишь, когда обѣ стороны не совсѣмъ правы, а до сихъ поръ мы сваливали всю вину на отдѣлившихся отъ церкви, забывая, что противъ нашихъ неоспоримыхъ каноническихъ доказательствъ, имъ остается хотя одно, но неопровержимое возраженіе: они нехотятъ духовной подневоли и мертвенности. Между ними и нами стоитъ, какъ непереходимая грань, казенная церковь, которую наши же профессоры богословія называютъ плѣнною, не допускающая свободнаго шага другъ къ другу ни съ нашей, ни съ ихъ стороны. Выводъ: отлагая законодательныя мѣры до того неизвѣстнаго часа, когда духъ замѣнитъ у насъ букву въ церковномъ вопросѣ, правительству приходится отыскивать modus vivendi съ многими милліонами своихъ коренныхъ, вполнѣ вѣрныхъ ему подданныхъ, ограничиваясь этимъ modus vivendi.

Высказавъ душу, осмѣливаюсь поставить вопросъ: кому можетъ быть выгодно такое безличное состояніе церкви, религіознаго сознанія и человѣческихъ душъ въ Россіи, тѣмъ болѣе,

что оно чисто искусственное? Оно могло быть выгоднымъ на время Петру Великому, расчищавшему путь своимъ преобразованіямъ; но кому оно выгодно въ настоящее время? Конечно не правительству, имѣющему причины тревожиться нравственной пустыней, созданной имъ вокругъ себя, взывающему все чаще къ благочестивой Россіи, хотя на такой зовъ не слышится уже отклика; конечно, не имущественному слою, основанія котораго подрываются такимъ положеніемъ дѣлъ; конечно, и не народу, постепенно погружающемуся въ отупѣніе или переходящему въ расколъ, для удовлетворенія духовной жажды, его томящей. Невозможно помыслить, чтобы верховная власть держала церковь въ плѣну преднамѣренно, изъ опасенія ея политическаго преобладанія или слишкомъ большой самостоятельности, которыхъ не опасался ни одинъ восточный императоръ и ни одинъ русскій царь прежней эпохи. Объясненіе этому явленію совсѣмъ иное: насъ сковываетъ съ нимъ самая тяжелая изъ цѣпей, налагаемыхъ исторіей на бездѣйственныя общества, цѣпь полутора-вѣковой необсуждаемой привычки, укрѣпляемая всеобщностію такого же отношенія правительства ко всѣмъ безъ изъятія сторонамъ русской жизни. Изъ-за чего бюрократическая опека надъ церковію будетъ особенно колоть глаза, когда все остальное стоитъ подъ такою же опекой?

Рѣшившись поставить первый вопросъ, вынужденъ поставить и второй: можетъ ли правительство, однимъ своимъ рѣшеніемъ измѣнить настоящее положеніе церкви? Думаю, что возможенъ только условный отвѣтъ; несомнѣнно можетъ, покончивъ съ бюрократической опекой воспитательнаго періода и замѣнивъ ее общественными силами во всѣхъ отправленіяхъ, имъ свойственныхъ, въ томъ числѣ и церковномъ; и положительно не можетъ въ предѣлахъ одной церкви. Какъ выдѣлить церковную жизнь изъ общей жизни государственной, оставляемой на прежнихъ основаніяхъ? Какъ развязать руки русскому человѣку на одинъ часъ въ день, на тотъ именно часъ, когда онъ станетъ заниматься церковными дѣлами? Въ первомъ же случаѣ, при полномъ и рѣшительномъ переходѣ изъ петровскаго періода въ александровскій, открытый уже, но нескрѣпленный признаніемъ подлиннаго его характера и окончательными мѣрами (придавшими безповоротную крѣпость преобразованію Петра Великаго), новое соглашеніе со вселенскою церковію, въ томъ числѣ требуемое старообрядцами снятіе съ

нихъ отлученія, безъ особаго труда исправить промахи соглашеній конца 17-го и начала 18-го столѣтій. Тогда только можно будетъ думать о законодательныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ выдѣлившимся изъ церкви русскимъ людямъ.

Нравственныя послѣдствія всего совершившагося не излечатся конечно внезапно; по крайней мѣрѣ будетъ очищенъ путь къ иному, болѣе свѣтлому будущему. Остальное въ волѣ Божіей.

ПИСЬМО VI.

Онѣмѣніемъ духовной жизни можно закончить правдивый перечень послѣдствій почти двухъ-вѣковаго подавленія жизни бюрократическою формальностію. Я позволилъ себѣ назвать лишь самыя крупныя, но ихъ много. Рядъ и безъ того вышелъ длинный: безсиліе несвязнаго общества и исходящее изъ того полное равнодушіе къ покушенію на самыя существенныя основы; фактическое (къ счастію не нравственное) отчужденіе подданныхъ верховной власти, отгороженной отъ нихъ непроницаемою стѣною бюрократіи; поголовное недовольство правительственными порядками и общее недовѣріе къ орудіямъ власти; пустые промежутки въ государственномъ строѣ, недосягаемые ни сверху ни снизу, въ которыхъ всякое злоумышленіе безпрепятственно можетъ свить себѣ гнѣздо; постепенное разореніе государства вслѣдствіе нагроможденія новыхъ учрежденій надъ старыми не уступающими своего мѣста; сосредоточеніе всей дѣйствительной практической власти правительства въ рукахъ второстепенныхъ, невидныхъ и не отвѣтственныхъ агентовъ; безмѣрное разростаніе злоупотребленій вслѣдствіе этой безотвѣтственности; безобразное положеніе печати, которая тѣмъ не менѣе прямо вліяетъ на настроеніе русскихъ умовъ; наконецъ омертвѣніе церкви и оскудѣніе или уклоненіе въ сторону нашей религіозной жизни. Въ заключеніе полнѣйшее безсиліе бюрократіи, на которой зиждется покуда охраненіе всего нашего государственнаго порядка.

Сводя вмѣстѣ эти явленія, можно удивляться не тому, что не все у насъ идетъ правильно, а тому, развѣ какъ мы имѣемъ еще здоровый видъ и такой неистощимый запасъ внутреннихъ силъ съ подобными язвами въ своихъ нѣдрахъ.

Между тѣмъ милость свыше явно покровительствовала намъ въ послѣднія столѣтія, не только счастливымъ исходомъ изъ самыхъ великихъ затрудненій, но тѣмъ осязательнымъ и совершенно независимымъ отъ человѣческой воли и историческихъ причинъ явленіемъ, что намъ былъ данъ послѣдовательный рядъ замѣчательныхъ Государей, богато одаренныхъ, мужественныхъ, исполненныхъ сознаніемъ своего долга. Значитъ, источникомъ нынѣшняго смутнаго состоянія Россіи были не личныя ошибки правителей, а независѣвшая отъ ихъ воли причина, отравлявшая нашу народную жизнь.

Причина извѣстна. Въ одинъ изъ критическихъ часовъ нашей исторіи, когда Европа, во всеоружіи просвѣщенія, стала явно надвигаться на отставшую и неспособную къ отпору Россію, верховная власть взяла на себя, должна была взять на себя задачу двинуть свой народъ впередъ вопреки ему самому и стать изъ правительства Провидѣніемъ Россіи. Для осуществленія задачи власть остановила естественное возрастаніе общественной жизни, взяла подъ опеку церковь, просвѣтила но обезличила и разъединила съ народомъ высшее сословіе, обратила прикрѣпленіе хлѣбопашца къ землѣ въ личное крѣпостное право, приняла на себя самую полную отвѣтственность за русскаго человѣка и вслѣдствіе того отнеслась къ своему народу какъ наставникъ къ несовершеннолѣтнимъ. Задача, въ то время еще совершенно внѣшняя, механическая, а потому въ извѣстной степени посильная, осуществилась блестящимъ образомъ. Русская имперія была создана и великій преобразователь имѣлъ право произнести на смертномъ одрѣ свои знаменитыя слова: «народъ, который я возвелъ изъ мрака невѣжества на такую высокую степень могущества и славы, долженъ быть мнѣ благодаренъ». Благодаренъ во вѣки, несомнѣнно. Но эти временныя отношенія верха съ низомъ далеко пережили свой законный срокъ; они затянулись съ 1689 года на 190 лѣтъ и, вмѣсто задачъ исключительно внѣшнихъ, встрѣтились съ рядомъ вопросовъ нравственныхъ. Въ виду этихъ вопросовъ правительство не могло замѣнить пріостановленнаго общественнаго роста дѣятельностію своей бюрократіи, а потому неудивительно, что при первомъ прикосновеніи къ старымъ порядкамъ обнаружился рядъ явленій одно затруднительнѣе другаго, накопившихся въ теченіе этого долгаго періода внѣшняго блеска и

внутренняго оцѣпененія. Намъ приходится восполнять разомъ пробѣлъ двухъ-вѣковаго бездѣйствія.

Трудно не признать, что Самодержавіе, неприкосновенное у насъ какъ источникъ власти, не можетъ даже для себя удерживать долѣе свойство Провидѣнія, ведущаго русскаго человѣка къ таинственнымъ цѣлямъ безсознательно для него самого. Такой способъ осуществленія самодержавной воли, установившійся со времени Петра Великаго, не только не единственный, напротивъ, самый исключительный и односторонній изъ способовъ ея выраженія, нѣчто въ родѣ осаднаго положенія, учрежденнаго преобразователемъ на время и затянувшагося съ тѣхъ поръ на два столѣтія. Наши Государи до Петровской эпохи были вполнѣ самодержцами, но вели Россію не иначе какъ съ ея вѣдома, освѣщая общими силами каждый важный вопросъ. Исходная точка нашего развитія въ будущемъ лежитъ очевидно не въ предѣлахъ Петровскаго періода.

Нельзя не сознать, что до упраздненія крѣпостнаго права правительство не имѣло возможности выйдти изъ установленныхъ порядковъ, какъ и того, что приступивъ разъ къ ломкѣ стараго зданія, оно поставило себя въ необходимость не медлить слишкомъ сооруженіемъ новаго. Всякій день, длящій съ тѣхъ поръ прежніе порядки, выказываетъ все ярче несостоятельность отжившаго правительственнаго строя, разрушаетъ довѣріе къ государственнымъ учрежденіямъ и тѣмъ самымъ подрываетъ наши историческія основы, исключительно нравственныя, неогражденныя вещественною силою, какъ я имѣлъ смѣлость высказать еще въ 1872 году. Невозможно разсчитать заранѣе упругость нравственной связи, какъ расчисляютъ упругость вещественную, а потому, смѣю думать, никакъ не слѣдуетъ напрягать ея до конца безъ особой крайности. Между тѣмъ весь устой русскаго государства исчерпывается нынѣ четырьмя словами: народная вѣра въ Царскую власть. Все остальное, вся наша административная, общественная и умственная неурядица, помноженная на недоразумѣнія переходнаго времени, влечетъ насъ ко дну, къ какой то безъименной безднѣ, безъименной, такъ какъ русская исторія складывается самобытно и объ ея явленіяхъ, еще не выяснившихся, нельзя судить по чужимъ примѣрамъ. Первая наша потребность и первое обезпеченіе—сократить по возможности переходные годы и снова осѣсться. Верховная власть можетъ безъ препятствій

вызвать русскую жизнь на свѣтъ и снова окружить себя вѣрующими въ нее народными силами, чтобы стать изъ невидимой пружины, скрытой въ бюрократическомъ механизмѣ, живою главою народа, какъ прежде.

Если весь нашъ государственный строй зиждется, какъ очевидно, на одномъ нравственномъ чувствѣ—на народной вѣрѣ въ Царскую власть, и если вмѣстѣ съ тѣмъ правительственный складъ, созданный Петромъ Великимъ и его преемниками, основанный на механической администраціи (т. е. на выдѣленіи изъ народной семьи по выбору или случаю извѣстнаго числа людей, которые исключительно считаются правительствомъ своими и одни внушаютъ ему довѣріе), пережилъ свою посильную задачу и въ настоящее время не связываетъ уже, а разъединяетъ власть съ народомъ, то заключеніе истекаетъ само собою: надо основаться на дѣйствительной силѣ вмѣсто мнимой, перенести центръ тяжести съ песка на камень. Извѣстно, что подъ вліяніемъ иностранныхъ идей и привычки мѣрить Россію чужимъ аршиномъ, многіе офиціальные люди выводятъ заключеніе, что наше правительство должно, подобно другимъ, опираться исключительно на своихъ людей, т. е. вѣроятно на людей, получающихъ жалованье по казеннымъ ассигновкамъ, такъ какъ инаго отличія между своими и несвоими у насъ нельзя придумать. Въ Европѣ это иначе, я высказалъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣніе объ этой несомнѣнной разницѣ. Въ Европѣ исторія дѣйствительно сложила вокругъ правительствъ цѣлыя сословія и корпораціи, которыя они имѣютъ право считать исключительно своими, но за то все прочее для нихъ чужое. Наше правительство также имѣло своихъ людей въ лицѣ помѣстнаго дворянства, въ теченіе короткаго относительно срока существованія крѣпостнаго права, и однакоже не захотѣло мѣнять долѣе Россію на партію, хотя бы дѣйствительно вѣрную и крѣпкую, какой была дворянская, которую оно легко могло упрочить, несмотря на отмѣну крѣпостныхъ отношеній. Возможно ли помыслить, чтобы верховная власть, пожертвовавшая въ сознаніи своей всесословности и потребностей будущаго такою силою какъ дворянская, захотѣла снова съузить подъ собой почву и основаться, хотя бы временно, на такой *своей* силѣ, каково нынѣшнее полу-красное и несвязное чиновничество? Есть ошибки, невозможныя для вѣковыхъ правительствъ.

Государственная власть не можетъ найти болѣе прочной основы чѣмъ самая общественная почва, если только народъ искренно вѣритъ въ династію, какъ у насъ. Но если устой основывается на массѣ, а не на какихъ либо выдѣленныхъ сословіяхъ или искусственныхъ группахъ, то первое условіе его прочности заключается въ томъ, чтобы народъ былъ относительно доволенъ своею участію, для чего надо дать вздохнуть рабочему податному плательщику. Облегченіе его окажется важнѣе всѣхъ улучшеній, вмѣстѣ взятыхъ. Какъ ни вѣренъ власти русскій простолюдинъ, но онъ обремененъ сверхъ силъ, а потому не можетъ быть довольнымъ, на что преимущественно разсчитываютъ враги порядка. При довольномъ же народѣ правительство станетъ всесильнымъ, не только внѣшнимъ образомъ, какъ всегда, а нравственно, во мнѣніи каждаго, вслѣдствіе чего наши внутреннія затрудненія улягутся сами собою, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Кто станетъ пытаться смутить вѣрующій во власть народъ, которому въ большинствѣ легко живется? Но достиженіе такой цѣли не осуществимо при нынѣшнемъ бюрократическомъ устройствѣ, нагромождающемъ новыя учрежденія на старыя, истрачивающемъ на себя послѣднюю трудовую копѣйку русскаго рабочаго. Въ обоихъ отношеніяхъ нельзя ничего исправить посредствомъ учрежденій Петровской эпохи, очевидно совершенно отжившихъ. Каждое исправленіе требуетъ прежде всего простора въ средствахъ, явно имъ исключаемаго.

Для насъ необходимѣе всего снова осѣсться, но нельзя осѣсться на почвѣ, которая сама уходитъ изъ-подъ ногъ. Передъ нами только два исхода, всякій это знаетъ и чувствуетъ. Большинство служебной среды вмѣстѣ съ инородцами всякаго званія мечтаетъ объ увѣнчаніи подражательныхъ Петровскихъ порядковъ подражательною же конституціей на западный ладъ, хотя такое лекарство не имѣетъ ничего общаго съ нашею болѣзнію. Русскіе люди, твердо стоящіе на народной почвѣ, необращенные въ космополитовъ, видятъ передъ собой иной путь: они желаютъ закладки современнаго государственнаго строя снизу, желаютъ развитія дѣйствительно всесословныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла и выхода *домашней* русской жизни на свѣтъ.

ПИСЬМО VII.

Въ нашей исторіи не разъ высказывалось, можно сказать, чувствуемое руководство свыше; невольно видится оно и въ часѣ, предназначенномъ для поворотнаго событія нашей исторіи, дарованія свободы крѣпостнымъ. Въ предшествовавшія царствованія наше общество руководилось еще чужими, заносными понятіями и не сознавало подлинной личности Россіи. Лучшіе русскіе умы мечтали о томъ лишь, чтобы перенести къ намъ европейскую культуру во всей ея полнотѣ, въ ея личномъ, какъ и политическомъ смыслѣ. Лишь къ концу позапрошлаго царствованія зародилось сомнѣніе, пригодны ли намъ готовые выводы западнаго образованія, не имѣемъ ли мы права на самостоятельное развитіе? Лишь къ этому времени русскій духъ проросъ вновь сквозь чуждую наслойку воспитательной эпохи. Послѣ великаго обновленія 1861 года наше историческое сознаніе окрѣпло, затѣмъ высказалось во внѣшнихъ дѣлахъ, всегда ранѣе доступныхъ пониманію, и по естественному закону проникаетъ нынѣ во внутрь, выдѣлывая постепенно взгляды русскаго человѣка на общественные вопросы. Лѣтъ сорокъ тому назадъ переломъ 1861 года, обусловливающій въ принципѣ выходъ изъ-подъ опеки Петровской эпохи, повлекъ бы неотразимо мнѣніе общества къ западнымъ идеаламъ, къ общему желанію конституціи на старо-французскій ладъ (такъ какъ въ этой формѣ выразился всего полнѣе единственно возможный способъ примѣненія англійскихъ порядковъ къ материку Европы). Теперь не то. Теперь стремленіе большинства, не вполнѣ сознательное, правда, но искреннее, обращается уже не наружу, а внутрь, къ самостоятельному, совсѣмъ не подражательному развитію нашихъ почвенныхъ силъ. Доказательство на лицо.

Какъ ни ограничено еще у насъ прямое воздѣйствіе общества на печать, но тѣмъ не менѣе въ массѣ печатнаго слова выражается воззрѣніе современной русской мысли соотвѣтственно ея распространенію. Заключеніе же серьезныхъ органовъ печати, за исключеніемъ тѣхъ, которые издаются для безпочвенной части петербургскаго фрачнаго населенія, о формахъ естественнаго и желательнаго для насъ государственнаго устройства, совершенно совпадаютъ съ вышесказаннымъ. Наша печать не можетъ открыто высказываться о подобныхъ вопросахъ, чѣмъ чрезвычайно затрудняется ея задача и чрезмѣрно перепутываются понятія читателей; но общій взглядъ лучшей ея части тѣмъ не менѣе ясенъ и можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ.

Всѣ европейскія конституціи кромѣ англійской—ложь, ведущая только къ растратѣ общественныхъ силъ въ безплодной борьбѣ; англійская же конституція, какъ произведеніе особыхъ вѣковыхъ условій, не поддается пересадкѣ на иную почву. По непреложному закону человѣческихъ обществъ верховная власть можетъ быть только одноличной и всегда бываетъ такою въ лицѣ монарха, диктатора или ловкаго вожака мнѣнія; ясно, стало быть, что первое благо для народа—наслѣдственная власть, избавленная отъ ежедневной заботы о своемъ охраненіи, а потому свободная и чистосердечная въ отношеніи къ народу. Принципъ раздѣленія властей въ государствѣ—неосуществимая мечта, такъ какъ одна только исполнительная власть, распоряжающаяся войскомъ, полиціей, выборомъ начальствующихъ лицъ и расходованіемъ денегъ, есть власть дѣйствительная; она соглашаетъ свои дѣйствія въ конституціонномъ государствѣ съ большинствомъ представительнаго собранія, какъ въ самодержавномъ дѣлаетъ уступки напору мнѣнія, выражающагося инымъ способомъ; но эта разница не измѣняетъ существеннымъ образомъ ни ея природы, ни даже свойства ея отношеній къ подданнымъ.

Представительныя собранія неспособны къ прямому вмѣшательству въ управленіе, какъ доказано всемірнымъ опытомъ. У нихъ нѣтъ и не можетъ быть основныхъ, твердо установленныхъ воззрѣній во внутренней и внѣшней политикѣ, охраняющихъ единство историческихъ цѣлей народа. Кромѣ того, всякому сборищу людей недостаетъ того именно краеугольнаго камня, на которомъ зиждется историческій міръ: личной со-

вѣсти и чувства нравственной отвѣтственности, говорящихъ лицу, а не толпѣ; а гдѣ отсутствуетъ личная совѣсть, тамъ нѣтъ уже ни бѣлаго, ни чернаго, нѣтъ нравственной основы, безъ которой никакое современное христіанское общество не можетъ избѣжать безпрерывныхъ судорогъ и окончательнаго растлѣнія. По этой послѣдней причинѣ, еще болѣе чѣмъ по всѣмъ прочимъ, верховная власть, не мыслимая безъ сознанія долга, можетъ быть только одноличной и полномочной въ своемъ кругѣ дѣйствія. За представительными собраніями признается важная способность другаго рода, способность къ надзору за законностію дѣйствій орудій власти, къ повѣркѣ бюджетнаго плана въ отношеніи итога и источниковъ государственныхъ налоговъ, къ выраженію передъ властію назрѣвшихъ мнѣній и потребностей страны. По заключенію всѣхъ оттѣнковъ русской мысли безъ этихъ трехъ условій всякое правительство будетъ ходить во мракѣ, въ такой же степени какъ и народное сознаніе, вслѣдствіе чего между ними возникаетъ постоянное непониманіе, не могущее привести ни къ чему доброму.

Эти основныя понятія дѣйствительно выражаются лучшими по качеству органами русской печати.

Примѣненіе теоретическихъ положеній къ нашему общественному дѣлу довольно затруднительно для печати; но господствующее мнѣніе выражается достаточно ясно тѣмъ кореннымъ началомъ, что въ политическомъ устройствѣ нельзя ничего основать на лжи, что всякая узаконенная ложь есть величайшее бѣдствіе для народа, а потому для обезпеченія странѣ прочнаго будущаго, можно признавать права только дѣйствительныхъ, явныхъ силъ общества, а не мнимыхъ; силы эти даются исторіей и не сочиняются людскою волею. Признаніе самостоятельныхъ правъ за общественными группами, не имѣющими самостоятельнаго значенія, способно отравить всю будущность народа, замѣняя правду въ отношеніяхъ между людьми фальшью и призраками, вызывая неизбѣжно насиліе и нарушеніе закона, такъ какъ господствующая сила не можетъ, если бы даже чистосердечно хотѣла въ началѣ, долго уступать призраку силы; такое искусственное подчиненіе сильнаго слабому, противорѣчитъ природѣ человѣка и общества. Въ отношеніи къ Россіи примѣненіе стало быть ясно. У насъ нѣтъ организованныхъ общественныхъ группъ, нѣтъ вліятельныхъ сословій. Люди образованныхъ и имущест-

венныхъ слоевъ не стоятъ у насъ въ головѣ народа, едва ли даже считающаго ихъ вполнѣ русскими. Народъ вѣритъ въ царскую власть и никогда не допустилъ бы притязаній верхняго слоя, нравственно ему почти чуждаго, на какое-либо политически-самобытное положеніе вопреки власти, что слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Вслѣдствіе того, русское образованное общество, имѣющее несомнѣнно великое призваніе для дѣятельности во имя верховной власти, не можетъ ровно ничего сдѣлать въ свое собственное имя. Но монархическая конституція дается исключительно обществу и для общества, для людей переросшихъ уровень толпы, тамъ гдѣ сила заключается въ нихъ; народныя массы не могутъ извлекать изъ нея выгоды и всегда остаются къ ней совершенно равнодушными. Кто же явился бы въ Россіи охранителемъ новыхъ правъ?

Съ другой стороны, понятна логика англійской конституціи, вѣнчающей самоуправленіе каждой общественной ячейки высшимъ самоуправленіемъ государственнымъ; но при нынѣшнемъ складѣ Россіи, намъ могла бы быть дана лишь конституція на французскій или прусскій ладъ, въ силу которой всѣми отправленіями народной жизни завѣдываетъ полновластное чиновничество, подъ прихотливымъ надзоромъ представительныхъ собраній. Для осуществленія такого образца, дѣйствительно, можно пришить къ нашимъ нынѣшнимъ учрежденіямъ палату выборныхъ и наружно новая Франція будетъ готова. Не ясно ли однакожъ, что именно вслѣдствіе непомѣрности задачи, удержанной за собою французскимъ правительствомъ, вслѣдствіе поглощенія имъ въ себѣ всѣхъ видовъ публичной дѣятельности и власти съ устраненіемъ всякаго мѣстнаго самоуправленія, всякой отвѣтственности общества за свои дѣйствія, вслѣдствіе удерживаемой имъ опеки надъ частными дѣлами подданныхъ, никакая форма его не можетъ угодить большинству, съ него требуютъ отвѣта за все, и черезъ самый короткій срокъ вновь передѣланная форма правительства снова становится ненавистной, чѣмъ болѣе всего объясняются постоянные французскіе перевороты. Очевидно, что въ такомъ видѣ никакое правительство не можетъ дать даже половины того, чего отъ него требуютъ. Въ глазахъ частнаго человѣка, вынужденнаго проходить черезъ двадцать инстанцій для устройства переѣзда черезъ рѣченку, пересѣкающую его землю, какъ это происходитъ во Франціи, администрація совершенно за-

крываетъ правительство; онъ переноситъ на послѣднее всякую досаду, причиненную ему мелкимъ мѣстнымъ агентомъ. Когда разъ идетъ рѣчь о преобразованіяхъ, то увѣнчанія ли такихъ порядковъ желать намъ? Современная русская тяжба возникаетъ не между Царемъ и народомъ, какъ на западѣ, а между бюрократическимъ полчищемъ и вѣрною Царю землею. Непроходимая грань между Россіей и западно-европейскими странами, недопускающая подражанія имъ, если бы даже того пожелали, состоитъ въ томъ именно, что у насъ уцѣлѣлъ народъ, вопреки которому не можетъ быть предпринято никакой коренной перемѣны; на западѣ же народъ постоянно отдаетъ наростъ своихъ силъ буржуазіи и самъ остается безличнымъ, съ нимъ не считаются. Парламентаризмъ составляетъ лекарство, наименѣе подходящее къ современному русскому недугу. Какой парламентаризмъ сверху можетъ распутать хаосъ нашихъ домашнихъ мѣстныхъ дѣлъ, поставить русскаго человѣка хозяиномъ своего угла, въ чемъ заключается наша главная современная задача? Намъ нужна жизнь, а не ученый механизмъ. Конституція не исправляетъ недостатковъ обычнаго народнаго строя, она есть ни что иное какъ оборонительная мѣра большинства противъ власти, утратившей его довѣріе; у насъ же громадное большинство довѣряетъ одной Верховной власти. Противъ кого же конституція и со стороны кого? Даже теперь, при нынѣшней безгласности, ощутительно уже мнѣніе большинства о несогласимости западныхъ началъ съ нашею народною жизнію, о безплодности попытки—слить конституціонныя формы, желательныя и въ Европѣ однимъ культурнымъ сословіямъ, съ высшимъ началомъ всесословнаго и земскаго Царя, обусловливающимъ развитіе совсѣмъ инаго порядка. Насъ можетъ вылечить только историческая власть, стряхнувшая съ себя отжившія преданія, какъ сдѣлалъ Петръ Великій. Не избавившись дарованіемъ конституціи ни отъ одной изъ разъѣдающихъ насъ язвъ, правительство, во-первыхъ, лишило бы себя даже свободы дѣйствій къ уврачеванію ихъ, вооруживъ политическими правами людей, наиболѣе заинтересованныхъ въ охраненіи отжившихъ формъ; во вторыхъ, представило бы свѣту зрѣлище по истинѣ потѣшное: преимущественно своихъ собственныхъ чиновниковъ въ качествѣ представителей народа, не знающаго и не хотящаго ихъ

знать, но тѣмъ не менѣе беззастѣнчиво наступающихъ на власть, вслѣдствіе разрѣшенія, даннаго властію же.

Очень естественно, что конституція на французскій образецъ составляетъ мечту значительной части русскаго чиновничества, вмѣстѣ съ денежной жидовщиной и тою частію печати, которую можно также назвать чиновничьею. Даже люди, злоупотребляющіе властію для личной выгоды, желаютъ того же, отлично понимая, что сочиненная конституція, спутывая еще болѣе неприглядность нашихъ домашнихъ дѣлъ, нисколько не помѣшала бы ихъ оборотамъ. Понятно, какъ было бы лестно, удобно и выгодно всякому крупному чиновнику, засѣсть въ палатѣ представителей, укрѣпить свое служебное положеніе политическимъ и дѣйствовать обѣими руками—на управляемыхъ въ качествѣ агента власти, на власть въ качествѣ избранника управляемыхъ. Но только подобное нововведеніе (если бы даже оно могло найдти для себя опорныя точки, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ) на первыхъ порахъ довольно невинное, привело бы со временемъ къ растлѣнію коренныхъ русскихъ началъ, которыми все у насъ держится, отучая народъ видѣть въ чемъ либо прямое проявленіе Царской воли, и не имѣя въ замѣнъ ея обаянія ровно ничего, даже въ будущемъ; привело бы также къ явной розни культурнаго слоя съ народомъ, уживающихся нынѣ подъ общимъ покровомъ Верховной власти, но ничѣмъ инымъ между собою не связанныхъ, къ розни, отъ которой не далеко уже до всякихъ потрясеній, чего наши любители конституціи въ своей слѣпотѣ не предвидятъ. Существующее же нынѣ недовольство общею обстановкою было бы разсѣяно новизной конституціи развѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ самая обстановка, вызывающая недовольство, осталась бы неприкосновенной. Такъ было бы въ случаѣ, еслибъ подражательный русскій парламентъ имѣлъ время обнаружить свои послѣдствія; въ дѣйствительности же, по всей вѣроятности, произошло бы иное. Зная среду, изъ которой онъ былъ бы преимущественно набранъ, можно несомнѣваться, что этотъ парламентъ, вызванный къ бытію единою властію и никѣмъ инымъ, серьезно вообразилъ бы себя представителемъ народа и сталъ бы дѣйствовать соотвѣтственно такой увѣренности. Власть, сознающая свое всемогущество и не привыкшая къ снисхожденію постепенно, не выдержала бы и прекратила это зрѣлище (дѣйствительно зрѣ-

лище) гораздо ранѣе срока, къ удовольствію низшихъ и большей половины высшихъ сословій. Произвольно присочиненная къ нашей исторіи попытка закрыла бы надолго путь къ развитію, дѣйствительно осуществимому и плодотворному.

Нельзя наконецъ не видѣть, что никакое окончательное рѣшеніе, обусловливающее на долгій срокъ общественное устройство, невозможно еще въ современной Россіи, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мы не знаемъ покуда въ точности ни своихъ силъ, ни почвы, на которой стоимъ. Изо всѣхъ послѣднихъ преобразованій, выработанныхъ офиціальной средой, вышло на дѣлѣ совсѣмъ не то, чего отъ нихъ ждали; можно думать, что окончательное произведеніе этой среды оказалось бы не болѣе удачнымъ, чѣмъ предшествующія частныя. Предрѣшать невозвратно вопросы будущаго при такомъ состояніи невѣдѣнія даже настоящаго, значило бы не устроивать это будущее, а добровольно его подкапывать. Россіи нужно покуда не окончательное рѣшеніе, а достаточный просторъ общественной дѣятельности и достаточное сближеніе ея съ властію, для того, чтобы назрѣвающія потребности могли свободно облекаться, одна за другой, соотвѣтствующими имъ формами, выдерживая повѣрку опыта и дополняя себя взаимно, пока изъ нихъ сложится постепенно нѣчто цѣлое. Намъ нужны учрежденія, выработанныя жизнію, а не измышленныя канцеляріями.

Въ общемъ выводѣ несомнѣнно, что у насъ мечтаютъ о конституціи и парламентаризмѣ одни безпочвенные люди (правда, ихъ много), принимающіе, именно вслѣдствіе безпочвенности, свой единомышленный кружокъ за Россію.

Но если сочиненная конституція не могла бы повести Россію ни къ чему доброму, то изъ этого не слѣдуетъ чтобы можно было длить нынѣшнее тягостное состояніе, послѣдствіе и продолженіе слишкомъ долгаго стѣсненія русской жизни. Такое положеніе дѣлъ, при которомъ нельзя найдти во всемъ государствѣ ни одного довольнаго человѣка (что не подлежитъ сомнѣнію), при которомъ даже офиціальные люди, пользующіеся самымъ беззастѣнчивымъ образомъ неурядицей для своихъ личныхъ выгодъ, не стѣсняются выражать недовольство громче и рѣзче чѣмъ самыя жертвы неурядицы; при которомъ образованное общество и простой народъ заодно чувствуютъ неудобство своей обстановки, такое положеніе стано-

вится нравственно невозможнымъ, независимо даже отъ способовъ, которыми недовольство могло бы выразиться. Когда открытыхъ путей для него не существуетъ, то оно выказывается въ видѣ снисхожденія къ презираемому нигилизму, потому только, что онъ, возставая противъ всего на свѣтѣ, возстаетъ, между прочимъ, и противъ нашихъ нынѣшнихъ порядковъ. Никакое человѣческое общество не можетъ долго выдерживать поголовнаго недовольства, во всякомъ случаѣ не безпричиннаго. Путь къ исходу изъ этого положенія, духъ, связь, размѣры и формы желаемаго простора, всѣ эти вопросы, конечно, ставятся только покуда, разрѣшенія ихъ ожидаютъ всецѣло отъ власти; но ставятся они открыто и всѣми.

ПИСЬМО VIII.

Мы стоимъ въ настоящее время на перепутьи, изъ котораго двѣ противоположныя силы влекутъ насъ и непремѣнно увлекутъ на одинъ изъ двухъ путей: или на путь историческаго развитія русской жизни, или же на путь увѣковѣченія искусственнаго устройства воспитательной эпохи, увѣнчаннаго искусственною же конституціей на западный ладъ, что будетъ равняться совращенію съ пути и такой неизвѣстности во всемъ, о какой нельзя покуда даже составить себѣ понятія.

Первое рѣшеніе, окончательное упраздненіе Петровскихъ порядковъ, развитіе правильно поставленныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла, основанное на царскомъ словѣ, безъ хартій и обязательствъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, однимъ словомъ, возвращеніе на начальный путь царственнаго дома Романовыхъ, прерванный воспитательнымъ періодомъ, такой исходъ не ставитъ никакой неизвѣстности ни передъ правительствомъ, ни передъ народомъ. Если при этомъ есть вопросъ, то одинъ только: необходимость для правительства стать снова правительствомъ земнымъ, какимъ оно было до Петра Великаго, отказаться отъ роли Провидѣнія, ведущаго русскаго человѣка два почти уже столѣтія къ неизвѣстнымъ ему цѣлямъ безъ его вѣдома и спроса. Освобожденіе крѣпостныхъ было очевидно послѣднимъ дѣйствіемъ, которое можно совершить въ такомъ духѣ. Роль судьбы, не совмѣстимая съ человѣческими силами, вынуждено принятая на себя великимъ Преобразователемъ и пережившая свой законный срокъ, стала причиной оцѣпенѣнія общества, церкви и отдѣльно каждаго русскаго человѣка какъ гражданина, стала источникомъ всѣхъ затрудненій, удручающихъ нынѣ правительство и подданныхъ.

Развитіе земскихъ учрежденій до высшаго предѣла, до учрежденій всероссійскихъ, не ставитъ вопроса ни объ источникѣ власти, ни о раздѣленіи властей въ государствѣ, въ противоположность развитію конституціонному, существенно основанному на такомъ дѣленіи. По русскому сознанію, на сколько оно русское, а незаимствованное, Царь, какъ источникъ власти, и личная его совѣсть, охранительница всякой правды, составляютъ краеугольный камень государственнаго зданія. Смыслъ земскаго самоуправленія не подразумѣваетъ и не можетъ подразумѣвать никакого формальнаго опредѣленія правъ Государя; онѣ установляются нравственными отношеніями и обоюдною привычкою. Перенесеніе основаній на земство не перемѣняетъ центра тяжести государственной власти, а ведетъ лишь къ обновленію орудій и способовъ ея дѣйствія. Съ устраненіемъ же канцелярскаго возраженія о своихъ людяхъ, остается только одинъ вопросъ, если онъ вопросъ: возможно ли и желательно ли дальнѣйшее продленіе безцѣльной, безсильной, имѣвшей значеніе лишь для своего времени, разорительной бюрократической опеки воспитательнаго періода?

Въ Россіи не можетъ возникнуть вопроса о томъ, кому управлять? Всякій знаетъ кому. Выдвигается лишь вопросъ о томъ, чрезъ кого управлять. Въ этомъ и заключается наше коренное отличіе отъ западныхъ государствъ. Правительству болѣе чѣмъ выгодно въ настоящее время всеобщихъ недоразумѣній, чтобы неизбѣжные промахи мѣстныхъ управленій и нареканія на нихъ, главный источникъ недовольства, падали не на власть, а на самихъ управляемыхъ, которые должны заботиться и въ концѣ концовъ пріучаться заботиться о своей пользѣ.

Земскія учрежденія идутъ до сихъ поръ плохо, но по причинамъ, которыхъ нельзя имъ прямо ставить въ вину. Во-первыхъ, чего можно ждать отъ спеленанныхъ земствъ, которымъ дано не право и возможность, а лишь позволеніе развиться посреди государства, поглощающаго почти всѣхъ годныхъ людей и всѣ средства земли на казенную службу, которыя вынуждены облагать новыми поборами населенія, и безъ того до крайности обремененныя, для устройства первоначальныхъ и необходимѣйшихъ ихъ нуждъ, одновременно съ тѣмъ какъ удвоиваются расходы на бюрократическія учрежденія, сдавшія земству главныя свои занятія? Во-вторыхъ, факты и общій го-

лось не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, насколько уставы о земскихъ учрежденіяхъ оказались искусственными: съ одной стороны эти учрежденія, связанныя съ народными массами только наружно, не могутъ руководить ими; съ другой же стороны, напротивъ, проникнуты самымъ ложнымъ демократизмомъ. Сельское населеніе, представляемое въ земскихъ учрежденіяхъ посредствомъ тройнаго косвеннаго выбора, т. е. совершенной фикціи, придаетъ имъ своею безгласностію свойства мѣстнаго кумовства, а потому остается въ отношеніи къ нимъ чуждымъ и равнодушнымъ; а въ тоже время эта котерія мѣстныхъ дѣльцевъ основана на цензѣ владѣнія тремя стами десятинами земли, стоющей въ иныхъ мѣстностяхъ по четвертаку за десятину, что допускаетъ въ выборы самое явное барышничество. Въ городахъ же лучшіе слои населенія, люди осѣдлые и издерживающіе по тысячамъ рублей за квартиру, устранены отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи въ пользу приказчиковъ, платящихъ два рубля налога съ торговаго свидѣтельства. Дошло же до того, что цѣлые округа на Дону просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ. При нашемъ историческомъ складѣ плодотворно только дѣйствительное, не фиктивное единеніе народныхъ массъ съ развитыми слоями ихъ мѣстности; отдѣльно, тѣ и другіе безпомощны. Затруднительно винить русское общество за то, что оно недовольно старательно пользуется тѣмъ, чѣмъ не можетъ хорошо пользоваться. Въ-третьихъ, слишкомъ извѣстно, что администрація умышленно, изъ обычной ревности къ своей власти, не давала и не даетъ окрѣпнуть земскому самоуправленію. Лучшіе люди его были систематически заподозрѣваемы въ неблагонадежности, утвержденіе его постановленій преднамѣренно оттягивалось на неопредѣленное время, данныя права постепенно урѣзывались новыми толкованіями. Одно время въ офиціальной средѣ принималось даже за принципъ, что земское учрежденіе противорѣчитъ основному складу нашего государства, и въ силу того, уничтоживъ дворянство въ корнѣ какъ сословіе, стали снова вызывать его тѣнь. Какая была охота серьезнымъ людямъ брать на себя неблагодарный трудъ земской службы при такой обстановкѣ? Очень естественно, что она стала приманкой для людей, ищущихъ въ ней только личной, а не общей пользы.

Сказаннаго еще недостаточно. Еслибъ всѣ исчисленныя пре-

пятствія, затормозившія земское дѣло, могли быть немедленно устранены, то, конечно, нѣкоторыя отправленія мѣстной жизни пошли бы лучше, но общее положеніе не было бы тѣмъ значительно исправлено. Благотворныя послѣдствія не могутъ истекать изъ слишкомъ одностороннихъ началъ. Россіи нужны не улучшенныя, а совсѣмъ иныя земскія учрежденія. Давно выяснилось, что наше земство въ его настоящемъ видѣ вовсе не составляетъ части государственныхъ порядковъ; что оно не иное что, какъ частное товарищество, которому разрѣшено заниматься его личными, придуманными имъ для себя дѣлами. Тамъ, гдѣ мѣстное самоуправленіе дѣйствительно введено въ государственный строй, какъ въ Англіи, оно служитъ основаніемъ всей правительственной администраціи, составляетъ нижній, но самостоятельный ея этажъ. Извѣстный графъ С. Р. Воронцовъ, излагая англійскіе порядки по поводу учрежденія у насъ министерствъ, объяснялъ (вѣроятно, къ великому удивленію послѣднихъ), что въ Англіи должность статсъ-секретаря по внутреннимъ дѣламъ означаетъ только кресло въ министерствѣ, что у него почти нѣтъ занятій, такъ какъ мѣстныя дѣла начинаются и кончаются въ графствахъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность этого сановника нѣсколько расширилась, но только потому, что крайне исключительный складъ англійскаго землевладѣльческаго класса внушалъ ему заботу лишь объ общественномъ порядкѣ, а не объ улучшеніи быта низшихъ сословій, что и вынудило правительство вступиться въ это дѣло; у насъ же такой опасности никакъ не предвидится. Мы, русскіе люди, не мечтаемъ даже о доставленіи подобнаго спокойствія нашему министру внутреннихъ дѣлъ; но мы понимаемъ, что земскія учрежденія могутъ стать дѣйствительностію тогда лишь, когда изъ частнаго товарищества они обратятся въ звено, правильнѣе подслойку общаго управленія, когда они станутъ полными хозяевами мѣстности, принявъ въ свои руки всю экономическую и бытовую мѣстную жизнь, и когда губернскія и уѣздныя учрежденія, къ которымъ они покуда приставлены особнякомъ, будутъ переработаны въ связи съ ними, утверждены на земскомъ самоуправленіи какъ на своемъ основаніи, что потребно одинаково въ видахъ экономіи и цѣльности государственнаго устройства. Покуда же задача земства, имѣющая въ виду огульное мѣстное процвѣтаніе, безъ прямой связи съ дѣйствующими общими порядками, по своей

неопредѣленности и односторонности не можетъ считаться серьезной задачей. На тридцать милліоновъ ежегодно, которыхъ оно стоитъ народу сверхъ государственныхъ податей, можно было бы вѣроятно удовлетворить много потребностей, содержать въ лучшей исправности мосты и дороги, чѣмъ то возможно земству, расходующему едва-ли не половину сбора на свой личный составъ. При нынѣшнемъ назначеніи этого учрежденія оно должно считаться крайне неудачнымъ, слишкомъ дорогимъ и обременительнымъ для народа сравнительно съ своею цѣлію. Понятно, когда на извѣстной степени народнаго развитія правительственная власть выдѣляетъ въ руки общества изъ казенной администраціи заботы о мѣстныхъ распорядкахъ, за которыми не можетъ хорошо присмотрѣть, но выдѣляетъ вмѣстѣ съ личными силами, вещественными средствами, властію и кругомъ дѣйствія, которыми само располагало прежде на этотъ предметъ; когда обязанности земства и общей администраціи ясно разграничены между собою; когда мѣстное самоуправленіе, дѣйствуя въ указанныхъ ему предѣлахъ, не подчиняется никому кромѣ Верховной власти и закона; иначе должно выйти, какъ и вышло у насъ, какое-то филантропическое общество, съ принудительнымъ сборомъ въ свою пользу.

По всей вѣроятности, самый надежный путь для упроченія живыхъ земскихъ учрежденій заключался въ развитіи первоначальнаго установленія мировыхъ посредниковъ; въ ихъ лицѣ видимо завязывалась плодотворная связь между разумомъ народныхъ массъ и просвѣщеніемъ высшаго слоя мѣстностей. Кажется, что установленіе это было скошено вслѣдствіе ревности бюрократіи къ своей власти, и ничего инаго. Тѣмъ не менѣе, нельзя представить себѣ въ Россіи живаго земства иначе какъ при двухъ условіяхъ этого упраздненнаго учрежденія; непосредственной связи просвѣщенныхъ руководителей съ крестьянскимъ населеніемъ и самостоятельности ихъ положенія передъ мѣстными властями. Третье условіе заключается въ недѣлимости и самостоятельности круга дѣйствій, въ томъ, чтобы земство стало дѣйствительнымъ хозяиномъ всего хозяйства своей мѣстности, простирая свое дѣйствіе на владѣнія частныя, общественныя и государственныя, распоряжаясь взысканіемъ прямыхъ казенныхъ налоговъ и оброчныхъ доходовъ безъ вмѣшательства со стороны при его исправности, иначе поли-

цейская практика снова обратить зарождающееся самоуправленіе въ фикцію. Изъ опыта полутора десятка лѣтъ вызрѣли еще многія весьма распространенныя, убѣжденія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ земскомъ положеніи, убѣжденія, которыя правительству легко провѣрить: о передачѣ земству надзора за крестьянскимъ управленіемъ, о прямомъ выборѣ гласныхъ сельскимъ населеніемъ, о возстановленіи званія мировыхъ посредниковъ въ лицѣ нынѣшнихъ мировыхъ судей, какъ въ Англіи, о снятіи съ этихъ судей по мѣрѣ возможности узкихъ рамокъ 10-го тома свода законовъ, о перенесеніи всякихъ административныхъ послугъ изъ волостей въ мировой участокъ, и прочее. Съ признаніемъ кореннаго начала, на которомъ только и можетъ быть установлено живое земство, эти послѣдствія выяснятся сами собою.

Очевидно, что развитіе земской самодѣятельности обусловливается на практикѣ духомъ отношеній къ ней, степенью безпристрастія государственнаго управленія въ областяхъ.

Обновленіе русскаго государственнаго строя не осуществится вполнѣ, будетъ на первыхъ же порахъ сбито съ прямаго пути, если необходимое правительственное руководство земскими учрежденіями станетъ проводиться по нынѣшнему, чрезъ министерскія канцеляріи. Опытъ не позволяетъ въ томъ сомнѣваться. Между двумя такими противуположностями въ одномъ и томъ же отправленіи немедленно возникнетъ противодѣйствіе, а какъ столичныя канцеляріи сильнѣе областнаго земства, что онѣ очень скоро вытравятъ изъ послѣдняго самостоятельность, даже въ той мѣрѣ, какая у насъ пока возможна. Русскій министръ не въ состояніи слѣдить лично за отправленіями областной жизни. Онъ судитъ о потребностяхъ за глаза и рѣшаетъ послѣ перекройки и переоцѣнки ихъ на каждой изъ многочисленныхъ ступеней іерархической лѣстницы; въ этомъ отношеніи именно начальникъ отдѣленія сильнѣе министра. Русскій губернаторъ не имѣетъ также достаточно значенія для самостоятельнаго дѣйствія по совѣсти; онъ не болѣе какъ чиновникъ, на котораго каждый министерскій департаментъ смотритъ свысока. Связью между правительствомъ и земствомъ можетъ служить только довѣренное Государемъ лицо, дѣйствующее на мѣстѣ, генералъ-губернаторъ или, по старинному, намѣстникъ. Въ краяхъ, гдѣ извѣдано значеніе высшаго посредника между правительствомъ

и населеніемъ, какъ, напримѣръ, въ Новороссійскомъ, всѣ того мнѣнія, что безъ мѣстнаго правителя, имѣющаго прямой доступъ къ Государю, не только теряется связь между мѣстностями, связанными общими интересами, но заявленія о потребностяхъ страны сейчасъ же сводятся на гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Учрежденіе высшихъ мѣстныхъ управленій не пошло у насъ, они упразднялись по всякому удобному предлогу единственно вслѣдствіе ревнивости министерскихъ канцелярій, которымъ гораздо удобнѣе дѣло имѣть съ губернаторомъ изъ своихъ же чиновниковъ, чѣмъ съ самостоятельнымъ лицомъ. Вся дѣйствительная власть замкнулась, такимъ образомъ, въ столицѣ, въ областяхъ остались лишь ея безгласные приказчики, чѣмъ и обусловилось нынѣшнее исключительное канцелярское управленіе, замѣняющее дѣло формальностію, пугающееся всякаго проявленія жизни, какъ задачи для него непосильной. Послѣдствіемъ вышло то, что самодержавіе изъ верховнаго начала обратилось въ бюрократическій произволъ, надъ которымъ Государь въ дѣйствительности не властенъ. Разумѣется, подъ такимъ управленіемъ развитіе земской жизни немыслимо. Лично для русскаго Царя самостоятельные земцы— вѣрные слуги и подданные; для министерскихъ канцелярій— они подданные бунтующіе. Всѣ мыслящіе люди у насъ одного мнѣнія въ этомъ отношеніи: снять съ груди Россіи такой спудъ, не дающій ходу никакому живому дѣлу, можно однимъ только средствомъ—разсредоточеніемъ власти. Пусть правитъ нами Государь лично, посредствомъ своихъ довѣренныхъ людей, а не начальники отдѣленій, на которыхъ нѣтъ управы какъ на силу безличную, почти стихійную. Но разсредоточеніе посредствомъ большей самостоятельности губернскихъ учрежденій, хотя необходимое само по себѣ, не представляетъ въ такомъ случаѣ дѣйствительнаго лекарства. Голосъ губерніи, составляющей около одной сотой части имперіи, не будетъ имѣть надлежащаго вѣса, и сто безъ малаго губернаторовъ не могутъ быть ничѣмъ инымъ какъ подчиненными чиновниками. Въ областяхъ же нужны не подчиненные министровъ, а люди имѣющіе прямой доступъ къ Государю. Для такого лица, генералъ-губернатора или намѣстника, земство и его нужды представляютъ не огульное понятіе, какъ для министра, онъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому стоитъ за нихъ. Кромѣ того, такое безмѣрное

государство какъ Россія естественно дѣлится на полосы, представляющіе значительные оттѣнки экономическіе и этнографическіе и свои мѣстныя нужды, общія для нѣсколькихъ губерній. Подъ рукою умнаго генералъ-губернатора, особенно при взаимной связи земствъ ввѣренныхъ ему губерній, эти нужды могутъ добиться своего отдѣльнаго удовлетворенія, между тѣмъ какъ въ рукахъ самаго умнаго министра онѣ сливаются въ общую заботу о благѣ Россіи, слишкомъ широкую для одиночнаго пониманія. Можно оставить при этомъ заботу о цѣльности государства; на всемъ пространствѣ, занимаемомъ русскимъ племенемъ, оно спаяно навѣки еще московскими князьями и царями, и не нуждается болѣе въ попеченіи петербургскихъ канцелярій.

Безъ сомнѣнія, дѣйствія генералъ-губернаторовъ должны быть объединяемы сообразно съ видами правительства, на сколько то допускается разнообразіемъ мѣстныхъ условій. Общее направленіе принадлежитъ естественно министрамъ, какъ непосредственнымъ органамъ верховной власти; но между такимъ способомъ управленія и нынѣшнимъ лежитъ цѣлая бездна. Руководить дѣйствіями генералъ-губернатора въ отношеніи къ земству и всему прочему министры будутъ и могутъ не иначе какъ лично, теперь же отправленіями областной жизни завѣдуютъ безотвѣтно ихъ начальники отдѣленій. Раскроеніе Россіи на сто разъединенныхъ губерній, зависимыхъ до мелочности отъ центральныхъ канцелярій (иначе это и быть не можетъ), отдаетъ управленіе государствомъ въ руки столоначальниковъ и исключаетъ возможность всякаго подъема мѣстной жизни. Нужны, конечно, не временные генералъ-губернаторы съ чрезвычайными полномочіями, а правители однородныхъ полосъ Россіи съ властію строго законною, въ лицѣ которыхъ мѣстное самоуправленіе ввѣренныхъ имъ губерній соприкасалось бы прямо съ верховною властію. Подъ руководствомъ довѣренныхъ лицъ гражданскіе губернаторы остались бы начальниками администраціи своей губерніи, съ отстраненіемъ отъ нихъ всякой политической задачи, въ общемъ итогѣ для нихъ непосильной.

Если для веденія дѣлъ внѣ спеціальныхъ вѣдомствъ нужны только полицейскіе чины и губернаторы съ своей канцеляріей, а для направленія дѣйствій высшихъ представителей власти въ областяхъ требуется единоличное, отнюдь не канцелярское

руководство со стороны министровъ, то очевидно, въ какой степени можетъ сократиться такимъ преобразованіемъ личный административный составъ. Цѣлыя вѣдомства могутъ быть почти безъ остатка растворены въ земствѣ, а другія, спеціальныя, отдать ему же очень многія, вовсе не спеціальныя, отрасли управленія, случайно попавшія въ ихъ руки. Кромѣ сказанныхъ сокращеній, упраздненіе столькихъ учрежденій, ставшихъ излишними въ своемъ полномъ составѣ или въ частяхъ послѣ недавнихъ преобразованій, также другихъ, хозяйственныхъ, оказывающихся безполезными по сравненію приносимаго ими доходасъ расходомъ, даетъ еще огромный остатокъ. Даже самыя спеціальныя вѣдомства, какъ финансовое, подлежатъ чрезвычайному сокращенію, что ставится внѣ сомнѣнія посредствомъ простаго сличенія нашихъ штатовъ съ иностранными въ статьяхъ, не представляющихъ никакой разницы мѣстныхъ условій. Кто приходилъ, напримѣръ, въ нашу таможню за полученіемъ сущей бездѣлицы и кого пересылали, въ продолженіи многихъ часовъ, черезъ 18 разныхъ отдѣленій, при смѣхѣ чиновниковъ, не скрывающихъ своего глумленія надъ подобными порядками, тотъ знаетъ по опыту, есть ли что сокращать въ нашихъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Также и государственному контролю подобаетъ скорѣе быть контрольнымъ департаментомъ сената, а не министерствомъ, и стоить милліонъ вмѣсто четырехъ милліоновъ. Кромѣ того, при замѣщеніи бюрократическаго надзора личнымъ, подлежатъ упраздненію всѣ инстанціи, не имѣющія инаго назначенія кромѣ взаимной повѣрки одной другою; нѣтъ по этому ни одного вѣдомства въ Россіи, кромѣ учебнаго и послѣ реформеннаго судебнаго, которое не подлежало бы большому сокращенію. Какъ только русская власть приметъ рѣшеніе сойдти съ бюрократическихъ подмостокъ на природную почву, безмѣрное излишество и гнилость этихъ опустѣвшихъ подмостокъ изумитъ всѣхъ.

Достиженіе этой цѣли немыслимо, однакожъ, иначе какъ при посредствѣ земскихъ людей. Я высказывалъ уже въ первомъ письмѣ мнѣніе объ этомъ предметѣ. Ни у какого вѣдомства не достанетъ самоотверженія добровольно рѣзать себя по живому тѣлу. Если бы даже всѣ главные начальники управленій пошли искренно на такое личное для себя преобразованіе, то второстепенные дѣльцы офиціальной среды, отъ которыхъ зависитъ практическій исходъ, никакъ не станутъ

жертвовать своими прямыми выгодами для отвлеченной пользы государства. Изъ всякой попытки сократить чиновничество собственными его руками выйдетъ тоже, что выходило изъ столькихъ комиссій для сокращенія расходовъ—новый расходъ на комиссію.

Сокративъ казенную администрацію до размѣровъ, соотвѣтствующихъ ея прямому назначенію—служить орудіемъ, руководящимъ общественною дѣятельностію, не трудно уже будетъ довести ее до состоянія образцовой и вполнѣ правительственной, выкинуть изъ нея неблагонадежныя прослойки. Матеріаломъ для обновленной администраціи послужитъ все земство съ его наиболѣе выдающимися дѣятелями, упразднивъ, конечно, табель о рангахъ, основный столбъ петровской эпохи. Всѣ властные люди, распорядители официіальной среды, должны были бы впредь поставляться у насъ землею, выбираться правительствомъ изъ людей, заявившихъ себя въ общественной дѣятельности и облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, а не изъ выростающихъ на канцелярскомъ полѣ. Безъ такого обновленія ни правительству, ни намъ всѣмъ нельзя больше жить. При нынѣшнемъ административномъ составѣ, проникнутомъ въ большинствѣ, вслѣдствіе своей вѣковой отчужденности отъ почвы, путаницей самыхъ неправительственныхъ и нерусскихъ понятій и наклонностей, власть не знаетъ, на кого ей можно положиться, а земля чувствуетъ въ официіальной средѣ стихію, чуждую себѣ, почти противоположную. Безъ настойчиваго, постепеннаго обновленія высшаго слоя администраціи изъ общественной среды, безъ полнаго измѣненія порядковъ, на основаніи которыхъ онъ до сихъ поръ набирался, наше отечество останется раздвоеннымъ въ себѣ и безсильнымъ воплотить въ жизнь самыя благія начинанія сверху, самыя зрѣлыя ожиданія снизу.

ПИСЬМО IX.

Очевидно, преобразованіе должно начаться. Постройка крыши безъ фундамента, передѣлка центральныхъ учрежденій при увѣковѣченномъ гнетѣ чиновничества, остающемся безъ измѣненія подъ всѣми видами правительства, — мы видѣли къ чему эти пріемы приводили на материкѣ Европы. Даже при революціяхъ тамъ нѣтъ рѣчи о дѣйствительномъ освобожденіи гражданъ, споръ идетъ только о томъ, кто и подъ какими формами будетъ отдавать приказанія казенной части населенія, правящей населеніемъ «партикулярнымъ». У насъ не можетъ быть помина о подобномъ порядкѣ переустройства, такъ какъ при цѣльности государственнаго начала вверху, форма центральныхъ учрежденій обусловливается исключительно порядками, на которыхъ основано мѣстное управленіе землею, не имѣетъ иной цѣли, какъ наилучшее примѣненіе къ послѣднимъ для руководства ими; составъ и кругъ дѣйствія учрежденій государственныхъ опредѣляется практически правами, предоставляемыми управленіямъ губернскимъ и уѣзднымъ, въ связи съ земствомъ. Участіе общественнаго мнѣнія въ правительственныхъ рѣшеніяхъ зависитъ у насъ всецѣло отъ степени его самостоятельности въ мѣстныхъ дѣлахъ. Нельзя говорить съ толкомъ о формахъ правительства, — которыя при самодержавіи, какъ общемъ источникѣ власти, могутъ быть столь же разнообразны, какъ при всякомъ другомъ, — не рѣшивъ вопроса объ управленіи уѣздномъ, иначе выйдетъ бюрократическая передѣлка на образецъ Сперанскаго, съ присутствіемъ или безъ присутствія земскихъ людей, это еще весьма не много значитъ. Кромѣ того, главная и основная задача текущаго времени, преобразованіе экономическое, облегченіе и оживленіе производительнаго труда,

доступно высшему правительству не иначе, какъ въ видѣ общихъ мѣръ, затрогивающихъ только наружную сторону дѣла, между тѣмъ какъ оно обѣщаетъ плодотворныя послѣдствія лишь при чрезвычайно разнообразномъ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ, къ чему способны только земскія и мѣстныя силы, каждая въ своей клѣткѣ, а никакъ не въ канцеляріи, всего же менѣе центральныя. По мнѣнію, начавшему складываться въ очень опредѣленную форму, приступъ къ необходимому преобразованію можетъ начаться успѣшно только въ мѣстныхъ комитетахъ, подобныхъ тѣмъ, которые были созваны для подготовки предварительныхъ работъ при освобожденіи крѣпостныхъ. Лишь въ этихъ первоначальныхъ ячейкахъ можетъ выработаться дѣйствительно русское мнѣніе о нашихъ неотложныхъ вопросахъ для освѣщенія правительству дальнѣйшаго пути. Совѣщательная работа комитетовъ протянется долго, будетъ время зрѣло обдумать сверху каждый послѣдовательный шагъ.

Когда правительству угодно будетъ вступить на этотъ путь, что произойдетъ ранѣе или позднѣе, но произойдетъ непремѣнно, если только мы не изнасилуемъ своей исторіи, то къ осуществленію плана будетъ приступлено, конечно, съ рѣшеніемъ довести его до конца, не торопясь, заложивъ предварительно прочное основаніе, но не упуская напрасно времени. Исходъ извѣстенъ. Мы имѣемъ на своей сторонѣ то неоцѣненное преимущество, что, идя впередъ, идемъ къ извѣстному, возвращаемся къ духу учрежденій, упрочившихъ на престолѣ нынѣ царствующій Домъ. Черезъ нѣсколько времени послѣдовательный рядъ мѣръ, расширяющихъ права земства и сближающихъ его съ властію, приведетъ нечувствительно, безъ измѣненія въ коренныхъ законахъ и безъ видимаго перелома, къ всероссійскимъ совѣщательнымъ земскимъ соборамъ, свободно созываемымъ властію. При этомъ Богъ избавитъ насъ, покуда стоитъ Россія, отъ какого либо клочка бумаги, похожаго на хартію, даже отъ тѣни договора между Русскимъ Государемъ и его народомъ. Сначала самодержавное слово и рядъ преобразованій, нечувствительно открывающихъ новую эру русской исторіи, впослѣдствіи—обоюдная привычка замѣнятъ намъ всякія хартіи. Нашей Верховной власти не съ кѣмъ заключать условій и незакѣмъ признавать политическихъ правъ, въ виду того, что народное мнѣніе не утвердитъ никакого самоотреченія съ ея стороны. Русскій государь воленъ придавать своему правительству всякія формы, соотвѣтствую-

щія потребностямъ времени, но даже онъ не можетъ совершить невозвратныхъ уступокъ, недѣйствительныхъ въ глазахъ большинства. На весь кругозоръ будущаго, доступнаго въ нѣкоторой мѣрѣ человѣческому предвидѣнію, наши всероссійскіе соборы останутся совѣщательными, освѣщающими передъ властію потребности и желанія страны и разныхъ угловъ ея. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подавляющее большинство русскихъ людей удовлетворится такими отношеніями, также въ томъ, что при взаимномъ довѣріи между верхомъ и низомъ подобныя отношенія, хотя чисто нравственныя, окажутся вполнѣ достаточными для соглашенія правительственныхъ мѣръ съ народными потребностями и правительственнаго личнаго состава съ его текущими задачами. Совершенно непопулярный министръ станетъ при нихъ невозможнымъ. Судя по коренному взгляду на государственное устройство, пробивавшемуся во всѣхъ славянскихъ земляхъ, не подчинявшихся заноснымъ образцамъ, въ томъ числѣ и въ древней Россіи, сущность нашего дальнѣйшаго развитія будетъ, вѣроятно, заключаться не въ притязаніи на формальный надзоръ за властію, какъ на западѣ, а въ полюбовномъ размежеваніи съ нею, въ выдѣленіи изъ функцій государственнаго управленія, остающагося неприкосновенно въ рукахъ правительства, всего, что интересуетъ гражданъ лично, всѣхъ ихъ мѣстныхъ, общественныхъ и церковныхъ дѣлъ. Мысль эта требуетъ болѣе полнаго развитія и я указалъ на нее только вскользь; но и съ перваго взгляда видно, что при подобномъ полюбовномъ размежеваніи узаконенное вмѣшательство одной стороны въ дѣла другой легко замѣняется нравственнымъ давленіемъ, что совѣщательное собраніе вполнѣ достаточно для этой цѣли.

Заявленія нашихъ старинныхъ земскихъ соборовъ никогда не были принудительными для власти, и хотя оставались иногда безъ осуществленія, наравнѣ со столькими правительственными видами (когда обстоятельства препятствовали осуществленію), но тѣмъ не менѣе мы не знаемъ ни одного случая, чтобы эти заявленія были отвергаемы; да такого случая и не могло быть; правительство, живущее въ тѣсномъ общеніи со страной, не имѣетъ повода отвергать вызрѣвшія ея желанія, также какъ земскіе люди, при такихъ отношеніяхъ, не имѣютъ побужденія къ требованіямъ, явно неудобнымъ для власти. При оцѣнкѣ русскихъ соборовъ и нѣкоторыхъ, неисполнив-

шихся ихъ желаній, забываютъ, кажется, что и противъ европейскихъ формъ представительства власть вездѣ вооружена правомъ veto, которымъ нынѣ рѣдко пользуется потому только, что уступаетъ *нравственному* давленію, не хочетъ возбуждать неудовольствія страны. Этотъ видъ нравственнаго давленія одинаковъ и при формальномъ парламентѣ, и при совѣщательномъ земскомъ соборѣ; мы не разъ видѣли его дѣйствіе у себя и безъ всякихъ представительныхъ собраній.

По происхожденію и сущности русскаго собора у него всегда было мало общаго съ европейскимъ парламентомъ; при возобновленіи же соборовъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія земскихъ учрежденій, общаго окажется еще меньше, такъ какъ выборные земскіе люди будутъ представлять у насъ не огульное настроеніе толпы, господствовавшее во дни выборовъ и имѣющее выразиться впослѣдствіи, въ парламентѣ, по поводу всякихъ вопросовъ, которыхъ при выборахъ вовсе не имѣлось въ виду, какъ это происходитъ на Западѣ; они станутъ представителями опредѣленнаго мнѣнія пославшихъ ихъ земствъ, по вопросамъ, заранѣе постановленнымъ, а потому приблизительно уже обсужденнымъ ихъ довѣрителями. По ходу развитія русской исторіи у насъ выразится передъ правительствомъ не впечатлѣніе, подъ которымъ толпа подходила къ избирательнымъ урнамъ, а мнѣніе, предварительно уже организованное въ своемъ источникѣ, какъ оно получается, хотя подъ другими формами и по инымъ причинамъ, въ англійскомъ избирательномъ слоѣ.

Болѣе отдаленное будущее поставитъ можетъ быть новые вопросы, но когда разъ окрѣпнетъ семейный складъ этого вида отношеній между Верховною властію и народнымъ сознаніемъ, то и новые вопросы войдутъ безъ труда въ привычную рамку. Государственный строй, основанный на развитіи нашихъ историческихъ началъ, несомнѣнно окажется прочнымъ уже потому, что въ немъ не будетъ заключаться никакихъ фикцій, на которыхъ строются всѣ конституціи безъ исключенія, что все въ немъ окажется чистой правдой.

Какъ ни настоятельно преобразованіе, нельзя, однакожъ, упустить изъ виду вопроса о многихъ десяткахъ тысячъ (въ дѣйствительности, со всѣмъ канцелярскимъ штатомъ и всякими прикосновенными званіями сотняхъ тысячъ) людей, наслѣдственно живущихъ гражданскою службою и не знающихъ

другаго занятія; но какъ передѣлка порядковъ управленія не можетъ быть внезапной, подобно отмѣнѣ крѣпостнаго права, то перемѣщеніе служащихъ людей къ новымъ занятіямъ, открываемымъ развитіемъ жизни, произойдетъ исподоволь. Въ началѣ же преобразованій положеніе гражданскихъ чиновниковъ, кромѣ государственной службы для лучшихъ, обезпечивается въ значительной степени переходомъ на службу земскую, которой неоткуда болѣе взять людей для ея расширенной дѣятельности. Но если затѣмъ осталось бы еще не мало изъ нынѣ служащихъ—чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше,—которыхъ земство не могло бы вмѣстить, то для устройства этихъ остатковъ, очевидно, самыхъ плохихъ въ административномъ составѣ, возможно временное средство: выпускать ихъ въ отставку съ усиленной пенсіей, не дожидаясь истеченія узаконенныхъ для того сроковъ. При нашихъ квартирныхъ, наградныхъ, пособіяхъ на воспитаніе дѣтей и прочемъ, казна останется въ барышѣ съ назначеніемъ самыхъ высокихъ пенсій, кромѣ того, что постепенная убыль пансіонеровъ сведетъ черезъ нѣкоторое время этотъ расходъ къ нулю.

Можно, слѣдовательно, если бы было угодно, двинуть постепенно преобразованіе, не жертвуя ни одной живой душой.

Сущность нашего государственнаго склада не измѣнится скоро вслѣдствіе преобразованія, но отправленія его станутъ гораздо удовлетворительнѣе. Сущность его не можетъ измѣниться, пока не перемѣнится глубоко самая Россія, чего придется долго дожидаться. Даже при самоуправленіи, въ теченіе настоящаго столѣтія въ русской землѣ будетъ продолжаться управленіе, только живое. Внизу—оно станетъ отличаться отъ нынѣшняго бюрократическаго своею мѣстною, можно сказать, осѣдлою постановкой, не такимъ сбродным какъ теперь и болѣе сознательнымъ подборомъ управляющихъ людей, приставленныхъ ближе къ практическому дѣлу и связанныхъ съ населеніемъ общими интересами, живущихъ не въ безвоздушной офиціальной средѣ, обращающей людей въ космополитовъ—а посреди народа; вверху, сильно улучшенной и сосредоточенной въ рукахъ правительства администраціей, постояннымъ обмѣномъ взглядовъ и чувствъ съ народнымъ мнѣніемъ, непрерывнымъ притокомъ точныхъ данныхъ о положеніи дѣлъ. При такихъ условіяхъ не трудно сложить хорошее правительство въ настоящемъ значеніи слова. Если задача правитель-

ства, закончившаго свою временную воспитательную миссію заключается съ тѣхъ поръ вся, какъ очевидно, въ руководствѣ народными силами, то для осуществленія ея потребно небольшое число способныхъ и преданныхъ людей. Упрощенный до этой степени правительственный механизмъ, нынѣ непроглядный какъ морская пучина, станетъ прозрачнымъ насквозь, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ связнымъ и единомысленнымъ, чего покуда главнѣйше недостаетъ. Лицо не вѣдомство, представляющее у насъ государство въ государствѣ, оно отвѣтственно, вслѣдствіе чего при личномъ, не канцелярскомъ заправленіи дѣлами, какъ въ столицѣ, такъ и въ областяхъ, при сближеніи управляемыхъ съ источникомъ власти, всегда можно добиться ясности. Теперь же, когда высшее правительство не ограничивается руководствомъ, а само всѣмъ управляетъ, все рѣшаетъ въ своихъ центральныхъ канцеляріяхъ, ведетъ издали на помочахъ самомалѣйшее проявленіе русской жизни и вслѣдствіе того необходимо предоставляетъ дѣйствительное завѣдываніе дѣлами мелкимъ чиновникамъ,—теперь не только не можетъ оказаться въ немъ связности и единомыслія, не только управляемые не могутъ имъ удовлетворяться, но самая Верховная власть не владѣетъ вполнѣ этимъ орудіемъ, а потому, должно сказать,—давно уже нѣтъ у насъ органическаго правительства въ подлинномъ значеніи слова; есть только источникъ власти и безконечное множество властныхъ людей. Если признается въ современной Россіи какая-либо безспорная истина, то имено эта: отсутствіе у насъ органическаго правительства, способнаго преслѣдовать избранныя цѣли совокупностію своихъ силъ безъ раздѣленія въ самомъ себѣ, знающаго своихъ друзей и недруговъ, правительства, на которое добрые граждане могли бы опереться, силою котораго недоброжелатели не могли бы злоупотреблять противъ него самаго.

Иными словами: у насъ нѣтъ правительства *политическаго*, руководящаго русскою жизнію и даже собственными своими мѣропріятіями по ихъ сущности, есть только правительство *административное*, формальное, представляемое комитетомъ министровъ и довольно многочисленными, не обязанными однородностію направленія, личными докладчиками Государя. Комитетъ министровъ, служащій въ теоріи общею связью между вѣдомствами, въ дѣйствительности можетъ наблюдать только

за однородностію и законностію формъ, а не дѣйствій: онъ слишкомъ многолюденъ, члены его принадлежатъ самымъ различнымъ направленіямъ, результатъ его постановленій чисто механическій, основанный на большинствѣ голосовъ, онъ обремененъ мелочами, лишенъ инициативы, и, наконецъ, каждый министръ можетъ обойдти его, пользуясь личнымъ докладомъ. Роль комитета кончается подписаніемъ журнала, далѣе онъ ни за чѣмъ не наблюдаетъ и примѣненіе его рѣшенія передается всецѣло подлежащему вѣдомству, въ нашей практикѣ положительно не отвѣтственному. При нынѣшнихъ порядкахъ управленіе Россіей можетъ объединяться только въ личномъ сознаніи Государя; но такой способъ объединенія былъ пригоденъ лишь при миѳологическихъ династіяхъ боговъ. Въ продолженіе воспитательной эпохи, пока выдвигались только правительственные вопросы и въ Россіи оказывался живымъ лишь одинъ верхній слой, недостатокъ этотъ не такъ бросался въ глаза; теперь иное дѣло. Всякій нынѣ понимаетъ, что самодержавіе, краеугольный камень русской исторіи въ настоящемъ и будущемъ, означаетъ въ сущности наше родовое опредѣленіе источника власти, также какъ фикція державнаго народа, le peuple souverain, составляетъ его теперь для нѣкоторыхъ другихъ странъ,—съ тѣмъ великимъ преимуществомъ въ нашу пользу, что нашъ принципъ одаренъ живою совѣстію, отсутствующею у втораго—условіе безмѣрно важное въ рѣшающіе часы исторіи; при обыденномъ же ходѣ дѣлъ все зависитъ отъ свойствъ правительственной обстановки, которою вызывается и проводится въ жизнь Высочайшая, какъ и народная воля. Нынѣшняя наша правительственная обстановка можетъ быть опредѣлена слѣдующими словами: добродушное, иногда заинтересованное расхищеніе Верховной власти разными несвязными вѣдомствами и лицами. Каждый черпаетъ изъ общаго источника власти сколько войдетъ въ его кувшинъ.

Всѣ чувствуютъ, что такъ не можетъ продолжаться. Иные, взываютъ къ возстановленію прежняго преобладающаго значенія правительствующаго сената, и это дѣйствительно необходимо для обузданія нестройнаго произвола министерскихъ канцелярій; но изъ сената не можетъ сложиться политическое правительство. При постепенномъ выдѣленіи земству значительной части нынѣшнихъ непосильныхъ правительственныхъ заботъ, при размежеваніи центральной власти съ мѣстными само-

управленіями и областными начальствами, при ограниченіи бюрократіи ея естественными предѣлами, въ головѣ нашего государственнаго порядка сложится силою вещей правильная и ясная обстановка верховной власти; но этого еще долго ждать, а объединенное правительство необходимо сейчасъ, безъ него нельзя ступить шагу ни въ какую сторону. Объ установленіи званія перваго министра незачѣмъ говорить. Въ конституціонныхъ государствахъ этимъ званіемъ облекается глава партіи, взявшей верхъ,—тамъ дѣло совсѣмъ иное; но въ неограниченной монархіи первый министръ возможенъ только при извѣстномъ складѣ характера Государя, во всякомъ случаѣ онъ дается судьбою, а иначе будетъ только фаворитомъ и внесетъ въ управленіе раздоръ хуже прежняго. Въ самыхъ привычныхъ къ такому учрежденію государствахъ, какъ въ старинной Франціи, должность перваго министра оставалась незанятою по многимъ десяткамъ лѣтъ, пока не являлось подходящее лицо. Надо найти иной путь къ единству. Никакое преобразованіе не придастъ комитету министровъ однородность и способность къ дѣйствію, и не по одной причинѣ многолюдства. Конституціонные кабинеты бываютъ иногда очень многолюдны (хотя все-же не въ такой степени), но на то есть причина—необходимость ввести въ правительство всѣхъ главныхъ вожаковъ партіи; есть и поправка—кабинетъ состоитъ изъ людей одной группы мнѣнія, обязательно поддерживающихъ другъ друга въ рѣшеніи и исполненіи мѣръ; такого условія нашъ Комитетъ никакъ не можетъ осуществить. Для немедленнаго образованія сплоченной и дѣятельной, однимъ словомъ—живой власти остается одинъ исходъ: выдѣлить нѣсколькихъ выдающихся государственныхъ людей, облеченныхъ по роду своего вѣдомства или по личному довѣрію дѣйствительною политическою важностію, въ числѣ пяти-шести лицъ, въ постоянный кабинетный совѣтъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя или временно назначаемаго имъ замѣстителя, и принимать официальные доклады въ средѣ этого совѣта, кромѣ особыхъ случаевъ, конечно, когда, Государю будетъ угодно поступить иначе; докладывать при томъ только о дѣлахъ политическаго или обще-государственнаго свойства, всѣ-же текущія административныя дѣла, требующія нынѣ Высочайшаго утвержденія, предоставить разрѣшенію комитета министровъ въ его настоящемъ составѣ; подчинить главныхъ мѣстныхъ начальниковъ

(присутствіе которыхъ желательно по всему лицу государства) исключительно высшему совѣту во всемъ, имѣющемъ политическій оттѣнокъ. При такой постановкѣ, Россія почувствовала бы наконецъ надъ собою (по крайней мѣрѣ могла бы почувствовать, все зависитъ отъ устойчивости принятаго рѣшенія) живую правительственную власть, безъ которой намъ нельзя долѣе существовать. Несостоятельность уложенія о министерствахъ и особенно его примѣненія была обнаружена съ самаго начала (напримѣръ письмомъ графа С. Р. Воронцова). Съ тѣхъ поръ оно все ухудшалось. У насъ упустили изъ виду, между прочимъ, то соображеніе, что не всякое вѣдомство, хотя-бы требующее полной административной самостоятельности, и не всякій, хотя бы высшій государственный постъ, обладаютъ политическимъ значеніемъ, которое должно быть сосредоточено въ возможно меньшемъ числѣ рукъ. Постепенно наше правительственное учрежденіе лишилось всякаго средоточія. Въ итогѣ оказалось случайное и нестройное расхищеніе власти, а послѣдствіемъ то, что правительство съ трудомъ только можетъ разглядѣть что-либо въ разлегшемся подъ нимъ бюрократическомъ туманѣ, закрывшемъ отъ его глазъ землю съ ея дѣйствительною жизнію.

Высказавъ убѣжденія, которыя не имѣю даже права назвать лично своими, до того они прочувствованы тысячами, и которымъ я только придалъ осязательную форму, я руководился сознаніемъ исключительной важности и невозвратимости текущаго времени. Нынѣ обаяніе власти еще цѣло, она можетъ закрѣпить себѣ будущее предосмотрительнымъ отношеніемъ къ нему; но въ виду постоянно возрастающихъ недоразумѣній между верхомъ и низомъ едва ли удобно откладывать рѣшеніе. Порядки воспитательнаго Петровскаго періода, выразившіеся въ бюрократической опекѣ, совсѣмъ истлѣли. Между властію и подданными нужны иныя отношенія. Покуда одиночное непокорство русскаго человѣка проявлялось разбоемъ въ лѣсу, можно было жить даже при скованномъ обществѣ, администрація оказывалась состоятельной; но какъ только непокорство стало принимать политическій оттѣнокъ, правительство не можетъ уже обойтись безъ содѣйствія общества. Самомалѣйшая сборная сила во столько кратъ сильнѣе всякаго числа несвязныхъ единицъ, что никакое, самое прочное государство не устоитъ, если въ его нѣдрахъ будетъ от-

крываться людямъ возможность сплачиваться только въ тайные союзы, если на встрѣчу этимъ противузаконнымъ союзамъ и всему подрывающему общія основы не будутъ въ правѣ явно выступить законные союзы между гражданами, для чего нужна общественная организація въ замѣнъ нынѣшняго разброда, нуженъ просторъ въ дѣйствіяхъ и личномъ починѣ, котораго покуда недостаетъ. Но это еще не все. Не въ ничтожной шайкѣ революціонеровъ заключается наша болѣзнь, шайка только ея признакъ; болѣзнь состоитъ въ томъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ лучшіе русскіе люди не могутъ ничего предпринять въ пользу Государя и государства. Опасный оборотъ болѣзни наступитъ въ тотъ часъ, когда эти лучшіе люди убѣдятся въ безвыходности общаго положенія. Такого полнаго разочарованія именно не слѣдуетъ дожидаться.

Въ 1861 году, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, власть могла упрочить помѣстное дворянство на новыхъ основаніяхъ и опереться, подобно западнымъ правительствамъ, на своихъ людей; но когда разъ она предпочла иной, болѣе широкій путь, то теперь нѣтъ уже выбора; или земскіе люди будутъ признаны властію своими, заслуживающими полнаго довѣрія, или у нея совсѣмъ не останется своихъ людей. Иной опоры у насъ нѣтъ. Изъ нашихъ чиновниковъ и даже офицеровъ нельзя образовать выдѣленной изъ народа правительственной группы какъ на Западѣ; корпораціи не прививаются у насъ. Какъ достаточно доказано опытомъ, значительнѣйшая часть русскихъ чиновниковъ и офицеровъ идетъ по теченію преобладающаго въ странѣ мнѣнія, а потому дѣйствительной опоры взамѣнъ дворянства надо искать въ той силѣ, которая представляетъ страну самымъ несомнѣннымъ образомъ — въ земствѣ.

Для упроченія будущаго необходимо перенести центръ тяготѣнія съ песка на камень, справляясь только съ нашей исторіей, а не съ чужими примѣрами. Подражательная конституція, въ которую мы втянемся неизбѣжно, если нынѣшнія недоумѣнія затянутся на нѣкоторое время, собьетъ насъ окончательно съ пути и приведетъ очень скоро къ новой, гораздо худшей смутѣ. Остается другой исходъ, русскій. Еслибъ можно было сложить всѣ людскія головы необъятной Россіи въ одну, то и эта сверхъ—человѣческая голова не придумала бы иного.

ПИСЬМО X.

Государство, въ которомъ земледѣліе въ упадкѣ, идетъ къ окончательному разоренію и къ гибели. Въ особенности этотъ принципъ приложимъ къ тѣмъ государствамъ, которыя, въ виду вообще низкой культуры, являются почти исключительно производителями сырья, а къ такой категоріи именно и принадлежитъ Россія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ Россіи за послѣдніе годы ухудшилось и то первобытное сельское хозяйство, которое практиковалось при существованіи крѣпостнаго права; доказывать незачѣмъ, факты говорятъ сами за себя; годъ за годомъ все рельефнѣе выступало экономическое оскудѣніе деревни и наконецъ разразилось голоднымъ кризисомъ.

Настало время, когда правительству приходится положить предѣлъ этой экономической безурядицѣ и принять неотложно рядъ такихъ мѣръ, которыя, будучи правильно примѣнены, были-бы въ состояніи вывести наше сельское хозяйство на вѣрный путь къ наивозможно большему развитію.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ соображеній по этому предмету, два слова о представителяхъ нашего землевладѣнія: таковыми являются помѣщики и крестьяне: Довольно значительный процентъ первыхъ уже улучшаетъ или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ улучшать свое хозяйство, но есть еще много такихъ, которые, управляя имѣніями изъ городовъ, или по неумѣнью вести дѣло и расточительности, разоряютъ имѣнія. Силою непреодолимыхъ законовъ логики они въ скоромъ времени исчезнутъ и замѣнятся другими, которые заведутъ раціональное хозяйство, или сами, въ свою очередь,

уступятъ наконецъ мѣсто дѣйствительно заботящимся о своей землѣ хозяевамъ.

Заботливость государства относительно помѣщиковъ должна простираться на столько, чтобы развитіе вообще земледѣлія не стѣснялось, а иногда и въ конецъ не подрѣзывалось сторонними обстоятельствами. Такъ, напр., желательно было-бы видѣть болѣе упрощенную акцизную систему, не стѣсняющую возникновеніе небольшихъ винокурень, вполнѣ соотвѣтствующихъ потребностямъ земледѣлія и скотоводства. Желательно было-бы принятіе мѣръ, которыя организовали-бы правильную, скорую перевозку сельско-хозяйственныхъ, а также и другихъ грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Желательно было бы видѣть осуществленіе дѣйствительнаго полицейско-санитарнаго надзора за скотомъ, перевозимымъ по желѣзнымъ дорогамъ, прогоняемымъ гуртами и наконецъ заболѣвающимъ на мѣстѣ. За послѣдніе годы падежи отъ заразительныхъ болѣзней приняли такіе ужасающіе размѣры, что страшно становится за будущее отечественнаго скотоводства, съ которымъ такъ тѣсно связано земледѣліе. Входить въ дальнѣйшую опеку надъ помѣщиками нѣтъ необходимости. Искусственная поддержка лицъ, разоряющихся по своей винѣ, не входитъ въ задачу правительства, идущаго цѣлесообразнымъ путемъ.

Крестьянское хозяйство за очень рѣдкимъ исключеніемъ вездѣ въ упадкѣ. Здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, причина неустройства стоитъ внѣ вліянія землепашца, а затѣмъ къ этой категоріи лицъ, въ виду отсутствія всякаго образованія, и не можетъ быть приложима строгая критика ихъ дѣятельности. Къ тому-же, неудачные помѣщики находятъ и найдутъ себѣ мѣста въ государственной и общественной службѣ, слѣдовательно, такъ или иначе существованіе ихъ будетъ обезпечено; разоренные-же милліоны крестьянъ,—это пролетаріатъ, съ которымъ государству придется считаться. Остающіеся за ними безплодные, выпаханные, разбросанные лоскутки земли, не окупающей выкупныхъ платежей, не измѣняютъ существа дѣла.

Вопросъ о поднятіи уровня благосостоянія главнаго плательщика казнѣ является вполнѣ настоятельнымъ. Постараюсь изложить тѣ мѣры, которыя на мой взглядъ кажутся наиболѣе цѣлесообразными для достиженія благосостоянія селянина,

и вмѣстѣ съ тѣмъ и государственнаго благоустройства. Для большей наглядности формулирую ихъ категорично, вкратцѣ, только мотивируя ихъ необходимость. Спѣшу оговориться, что при обширности русской монархіи, при разнообразіи мѣстныхъ потребностей, я не могъ предвидѣть тѣхъ видоизмѣненій, которыя по мѣстнымъ условіямъ будутъ необходимы для той или другой области Имперіи. Дѣло губернскихъ земствъ высказаться по этому поводу.

1) *Необходимо пересмотрѣть во всей Россіи выкупную оцѣнку. Принять во вниманіе не фиктивную, а дѣйствительную стоимость земли и количество накопившихся недоимокъ. Во всякомъ случаѣ maximum платежей долженъ остаться нынѣ существующій. Оцѣнка должна быть произведена выбранными отъ земства коммиссіями при контролѣ правительственныхъ чиновниковъ, въ назначенный, по возможности, короткій срокъ.*

Вслѣдствіе различныхъ причинъ, излагать которыя здѣсь не мѣсто, крестьянамъ выдѣлялась худшая земля, оцѣнка земли между тѣмъ была сдѣлана значительной стоимости. Правительство при изданіи положенія 1861 г. предполагало назначить переоцѣнку черезъ 10 лѣтъ, но затѣмъ отложило эту мѣру; теперь въ этомъ ощущается крайняя необходимость.

2) *Оставшіеся еще въ большой массѣ временно-обязанные крестьяне должны быть переведены на выкупъ.*

Удерживать ихъ долѣе для личныхъ выгодъ помѣщиковъ въ такомъ положеніи было бы анахронизмомъ.

3) *Необходимо обязать сельскія общества утвердить передѣлъ если не на все выкупное время, то, во всякомъ случаѣ, не менѣе, какъ лѣтъ на двѣнадцать. При этомъ каждый надѣлъ по возможности отмежевывать къ одной межѣ.*

Дѣйствительно, есть ли возможность перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ при разбросанномъ ленточками надѣлѣ? Есть ли возможность двинуть впередъ сельскую культуру, когда обработывающій пашню не увѣренъ, что на слѣдующій годъ она останется въ его пользованіи и, быть можетъ, плоды трудовъ его по удобренію и обработкѣ достанутся другому? Отстаивая передѣлъ, защитники его видятъ въ немъ непремѣнную принадлежность сельской общины и обезпеченіе противъ перехода земель въ чужія руки; въ этомъ смыслѣ желательно сохраненіе и распространеніе его; но сохранять такія аномаліи,

которыя сознаются самыми крестьянами, во имя отвлеченной идеи, было бы непростительно.

Грозящій въ будущемъ недостатокъ надѣла для разросшейся семьи поправимъ и безъ передѣла такими мѣрами, какъ переселеніе и покупка земель. Нельзя тоже не принять во вниманіе громадное экономическое значеніе многолюдной семьи. Лишнія руки въ крестьянскомъ хозяйствѣ найдутъ себѣ заработокъ, большая, но крѣпко сплоченная семья — это не маловажная сила. При отбываніи воинской повинности однимъ изъ членовъ подобнаго семейства, хозяйство его, если и терпитъ, то далеко не въ такой степени какъ у одиночекъ, при взятіи которыхъ на службу оставшіяся дома жена и дѣти зачастую терпятъ не малую нужду, лишаясь послѣдняго работника. Только выморочные или оставленные хозяевами участки могутъ быть назначены общиной членамъ какой нибудь сильно увеличившейся семьи. Передѣляя же постоянно землю на дѣйствительное число общинныхъ душъ, скоро можно дойти до такого *minimum'а* надѣла, обработкой котораго будетъ смѣшно заниматься.

Прекращеніе необдуманнаго раздѣла семей принесетъ еще ту великую пользу, что тогда можно будетъ составлять сходъ исключительно изъ домохозяевъ, людей зрѣлыхъ, съ устраненіемъ толпы безшабашныхъ крикуновъ, съ чѣмъ вмѣстѣ возстановится очевидно и прежнее значеніе главы семьи.

4) *Ввести обязательное страхованіе посѣвовъ, скота и построекъ, но при этомъ организовать страхованіе, по которому въ случаѣ бѣды крестьянинъ получилъ-бы страховую премію, достаточную для того, чтобы вновь подняться на ноги.*

Въ этой формѣ наилучшимъ образомъ осуществится кредитъ, необходимый въ самыя трудныя минуты, переживаемыя крестьянскимъ хозяйствомъ.

5) *По примѣру выкупной операціи 1861 г. правительство должно придти на помощь крестьянству для покупки земли, сдѣлавши ему на этотъ предметъ ссуду. Средство для этого правительство можетъ найти выпускомъ 6% земельныхъ листовъ. Для того, чтобы они получили большее распространеніе и удобства обращенія, желательно было бы видѣть билеты мелкой стоимости, а некрупные, какъ это практикуется всегда у насъ съ % бумагами. На уѣздныя земскія коммиссіи, о которыхъ говорится въ*

§ 1, *должна быть возложена и провѣрка цѣны, предварительно сторгованной крестьянами, земли.*

Если сдѣлка окажется выгодною для послѣднихъ, въ такомъ только случаѣ выдается продавцу квитанція на полученіе упомянутыхъ земельныхъ листовъ, по исполненіи самыхъ необходимыхъ при продажѣ земли формальностей.

Раньше было говорено о томъ, что многія помѣщичьи земли переходятъ теперь въ другія руки; для правительства важно именно, чтобы подобныя имѣнія миновали рукъ кулаковъ, которые проходятъ по землѣ подобно саранчѣ и выжавши, изъ нея всѣ соки, разоривши окончательно, сбываютъ ее. Чѣмъ скорѣе имѣнія попадутъ въ руки не эксплуататора, а дѣйствительнаго работника хозяина, тѣмъ лучше для благосостоянія страны. Если оцѣнки продаваемыхъ земель будутъ сдѣланы не выше дѣйствительной стоимости, то нѣтъ сомнѣнія, что долгъ правительству погасится во время и безъ недоимокъ. Очень важно, чтобы ссуды выдавались полностью, иначе крестьянину придется добывать остальныя деньги у растовщиковъ и тѣмъ опять-таки закабалить себя. Покупка земель должна быть дозволена не только въ своей губерніи, но гдѣ приглянется земля. Понятно, что не можетъ быть рѣчи ни о принудительной продажѣ, ни о такой же покупкѣ.

6) *Въ связи съ покупкою земли не въ окрестностяхъ своей деревни, находится переселеніе на ненаселенныя пространства нашихъ обширныхъ юго-восточныхъ окраинъ; для этой-же цѣли могутъ быть отведены и во внутреннихъ губерніяхъ участки земли, находящейся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.*

Правильная, наивозможно упрощенная организація переселенія дастъ самыя благія послѣдствія.

7) *Какъ покупка земель, такъ и переселеніе положительно должны быть освобождены отъ той длинной процедуры и тѣхъ формальностей гражданскаго суда, казенной палаты и мѣстнаго управленія государственными имуществами, которыя удерживаютъ отъ сдѣлокъ даже и не крестьянъ.*

Вопросъ объ этихъ затрудненіяхъ достаточно выясненъ въ печати.

8) *Арендованіе земель, находящихся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, для крестьянскихъ общинъ должно быть облегчено.*

При нынѣ существующей системѣ послѣднія арендуютъ изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, переплачивая при этомъ лишнія деньги.

9) *Необходимыя постройки, извѣстная норма скота и другой домашней живности, всѣ земледѣльческія орудія, извѣстное количество запасовъ хлѣба не должны быть продаваемы за недоимки.*

Правило это должно строго соблюдаться. Разорить такимъ путемъ возможно мгновенно, поправлять же придется годами. Слѣдуетъ отказаться отъ поощренія чиновниковъ путемъ наградъ и изъявленія благодарности взыскивать подати во что бы то ни стало, съ рискомъ оставить послѣ такого сбора разоренную деревню. Дѣйствовать такъ—значитъ рѣзать курицу, несущую золотыя яйца.

10) *Не позволять замѣнять хлѣбные запасы въ общественныхъ магазинахъ соотвѣтствующей суммой денегъ.*

Неурожайные годы показывали всю непрактичность этой мѣры. При этомъ запасъ озими, какъ общее правило, долженъ состоять изъ ржи, что же касается яроваго, то родъ его можетъ быть опредѣленъ только мѣстнымъ земствомъ, сообразно съ экономическими условіями даннаго края.

Общій подъемъ уровня благосостоянія сельскихъ обывателей обусловливается какъ принятіемъ чисто-экономическихъ мѣръ, часть которыхъ выше я старался намѣтить, такъ и реформой сельскаго управленія, которое въ настоящемъ своемъ положеніи неудовлетворяетъ самой снисходительной критикѣ.

11) *Все наблюденіе за благоустройствомъ деревни передать въ руки исключительно земства, ограничивъ дѣятельность органовъ полиціи функціями чисто исполнительными.*

Мотивировать подобное предложеніе незачѣмъ.

Связь уѣзднаго земства съ волостнымъ правленіемъ могла бы быть осуществлена въ лицѣ мировыхъ посредниковъ. Въ настоящее время уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія признаются учрежденіями вполнѣ неудовлетворяющими своему назначенію. Съ большою пользою можно ихъ замѣнить съѣздами мировыхъ посредниковъ, передавъ имъ всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію вышеупомянутыхъ присутствій, за исключеніемъ судебныхъ, переносимыхъ изъ волостныхъ судовъ. Если принять за принципъ раздѣленіе административной власти отъ судебной, то слѣдуетъ послѣдній родъ дѣлъ передать всецѣло мировымъ судьямъ, предоставивъ обывателямъ право подавать къ нимъ

аппелляціонныя и кассаціонныя жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ.

Мировые посредники въ количествѣ трехъ или четырехъ смотря по мѣстнымъ условіямъ, должны быть избираемы уѣздными земскими собраніями. Избираются на три года и притомъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ по крайней мѣрѣ средняго учебнаго заведенія. Именованіе этихъ лицъ именно мировыми посредниками желательно потому, что многіе изъ послѣднихъ при введеніи реформы 1861 года оставили послѣ себя добрую память; должность эта стала популярна въ народѣ, чего далеко нельзя сказать о непремѣнныхъ членахъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Въ назначенные сроки посредники каждаго уѣзда собираются на съѣздъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ. Съѣздъ мировыхъ посредниковъ представляетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ уѣздному земскому собранію. Кругъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ въ своемъ участкѣ составится изъ дѣлъ, лежащихъ теперь: на непремѣнномъ членѣ уѣзднаго присутствія и чинахъ уѣзной полиціи, за исключеніемъ только мѣропріятій строго полицейскихъ. Со введеніемъ института мировыхъ посредниковъ и преобразованіемъ волости (о чемъ сказано ниже) должности становыхъ приставовъ и урядниковъ будутъ подлежать упраздненію. Въ распоряженіе-же исправника, который главнымъ образомъ останется начальникомъ городской полиціи, было бы полезно дать конную стражу, которая въ случаѣ нужды являлась бы въ различныхъ частяхъ уѣзда для поимки воровъ, конокрадовъ, разбойниковъ, и т. п.

Сношенія исправника съ органами намѣченнаго мною земскаго управленія всего лучше организовать чрезъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ.

Тутъ кстати-же сказать о волостномъ правленіи, которое имѣетъ важное значеніе для развитія деревенской жизни. Въ настоящее время во главѣ волости стоятъ по большей части люди неразвитые, способные только эксплуатировать крестьянъ. Писаря, играющіе роль деревенскихъ оракуловъ во всемъ, что касается законоположеній, за малымъ исключеніемъ люди весьма сомнительной нравственности, при этомъ еще, вслѣдствіе отсутствія подготовки, они даже и при желаніи помочь крестьянину только путаютъ дѣло. Мірскіе приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ подъ вліяніемъ подобнаго волостнаго старшины и подъ перомъ неуча-писаря часто являются

верхомъ безобразія. Благодаря этому крестьяне совершенно несознательно, съ помощью различныхъ контрактовъ, отдають себя въ кабалу міроѣдовъ. Нужно другихъ людей. Отсюда ясно, что

12) *Необходимо преобразованіе волости во всесословное учрежденіе. Тогда явятся достойные кандидаты на важный постъ волостнаго старшины.*

13) *На должность писаря слѣдовало-бы дозволять выбирать только лицъ съ среднимъ или высшимъ образованіемъ, отнюдь, впрочемъ, не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ министерства.*

Для того-же, чтобы пріохотить молодыхъ людей идти на эти, въ сущности довольно выгодныя для начинающей молодежи, должности (такъ какъ содержаніе можетъ быть доведено при готовой квартирѣ до 500—600 и болѣе рублей), слѣдуетъ

14) *На службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ принимать только лицъ, успѣвшихъ ознакомиться съ деревней въ теченіе по крайней мѣрѣ 2-хъ лѣтъ, въ качествѣ писаря, волостнаго старшины, мироваго судьи или посредника.* О громадной пользѣ, которую могутъ принести подобныя лица сначала въ деревнѣ, а затѣмъ и въ центральныхъ органахъ управленія, нечего распространяться. Понятно, эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе только исподволь.

ПИСЬМО XI.

Обязанъ дополнить прежнія письма краткимъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, возбужденныхъ ими. Въ дѣлѣ столь необычномъ недоразумѣніе легко возникаетъ изъ каждаго недоговореннаго предложенія, а я могъ писать не иначе, какъ кратко, довольствуясь наброской мыслей, не имѣя возможности развить ни одну изъ нихъ до конца.

Я не считалъ бы себя въ правѣ придавать въ другихъ глазахъ важность личному мнѣнію, но я знаю, что въ письмахъ этихъ изложено не одно личное мнѣніе, а сводъ заключеній, высказываемыхъ, хотя не совсѣмъ отчетливо, большимъ числомъ людей. Я только свелъ эти заключенія въ связное цѣлое. Въ такомъ трудѣ, взятомъ мною на себя по чувству русскаго человѣка, я не могъ вдаваться въ личныя измышленія и придумывать остроумные исходы въ противность коренной русской пословицы «выше міра не станешь».

Такіе выводы и такія практическія мѣры, которыхъ большинство мыслящихъ людей не предвидитъ, а толпа не предчувствуетъ, могутъ доказать изобрѣтательность своихъ творцовъ, но не принесутъ живаго плода. Исторія не складывается по личному усмотрѣнію, она вызрѣваетъ въ темномъ сознаніи массъ и осуществляется по мѣрѣ того, какъ находятся правители или государственные люди, умѣющіе обратить стремленіе большинства въ дѣйствительность безъ перерыва теченія государственной жизни. Когда такихъ людей нѣтъ, назрѣвшее стремленіе вторгается въ исторію собственною силой и совершается революція. Потому я считалъ достойнымъ вниманія и изложилъ въ запискѣ лишь тѣ заключенія, въ которыхъ по личному опыту видѣлъ зачатокъ вызрѣвающаго общественнаго

мнѣнія, то есть складывающуюся силу, съ которой нельзя не считаться, сколько бы она ни противорѣчила привычнымъ взглядамъ отживающей эпохи.

Очевидно, что письма такого содержанія не могутъ имѣть значенія въ текущіе дни, дни исключительныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ. Всякій понимаетъ, что безобразное положеніе дѣлъ, до котораго мы дошли, требовало исключительныхъ внѣшнихъ мѣръ и что прежде всего эти мѣры должны произвести свое дѣйствіе, разчистить наши трущобы. Но какъ исключительное положеніе, даже по грамматическому смыслу слова, не можетъ обратиться въ постоянное, то и чрезвычайнымъ мѣрамъ придетъ конецъ. Я писалъ въ виду этого конца, въ виду предстоящаго намъ новаго переходнаго часа. Едва ли кто повѣритъ въ возможность простаго возвращенія къ прежнему, т. е. къ нынѣшнему государственному и общественному обычному порядку, итогомъ котораго оказываются неслыханно безобразныя явленія, требующія исключительныхъ мѣръ.

Высказавъ съ общаго голоса, насколько умѣлъ къ нему прислушаться, рядъ причинъ, вызвавшихъ такія явленія, я долженъ былъ изложить и заключеніе, выводимое изъ нихъ тѣмъ множествомъ людей всякаго званія, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе. Всякій, не отгороженный отъ современныхъ русскихъ людей своимъ исключительнымъ положеніемъ, знаетъ, что у насъ вызрѣли въ этомъ отношеніи два мнѣнія: одно, распространенное преимущественно въ чиновномъ и инородческомъ кругу, хочетъ конституціи, т. е. договора между властію и народомъ; второе, мнѣніе большинства земскихъ и частныхъ людей, выраженіе дѣйствительной почвы, насколько почва можетъ у насъ выразиться, желаетъ только развитія земскихъ учрежденій до ихъ законнаго предѣла, съ сохраненіемъ единства власти, ищетъ обезпеченія будущаго не въ огражденіи, а въ соглашеніи, основанномъ на полномъ взаимномъ довѣріи. Но ни одна живая душа въ Россіи не вѣритъ, чтобы, сдвинувшись въ 1861 году со старыхъ основаній, опиравшихъ весь государственный строй на исключительномъ преобладаніи одного сословія, сдерживавшаго для сохраненія своихъ правъ и себя и всѣхъ прочихъ, можно было бы остаться на воздухѣ, безъ всякой иной общественной опоры, и ограничиться однимъ фактомъ этого перелома, отклоняя или замедляя чрезъ мѣру его естественныя послѣдствія.

Сознательно убѣжденный въ томъ, что конституція, желаемая одною только частію объевропеившагося слоя, который даже въ полномъ объемѣ лишенъ у насъ самостоятельнаго значенія, привела бы къ смутѣ гораздо худшей нынѣшней, я вѣрю и могу сочувствовать только второму исходу. Долженъ сказать болѣе: я считаю его неизбѣжнымъ.

Но каждое живое дѣло содержитъ въ себѣ свои внутреннія условія. Нельзя хотѣть его осуществленія не принимая этихъ условій.

Развитіе земства, какъ основаніе нашего будущаго, ставитъ два условія, и только два. Все остальное не болѣе какъ средство, видоизмѣняемое по волѣ власти на тысячу ладовъ.

Первое условіе: гласный приступъ къ развитію земскихъ учрежденій съ постепенностію, но безъ перерыва, для того, чтобы каждая выяснившаяся потребность могла одна за другой облекаться въ соотвѣтствующую ей форму, чтобы русская жизнь могла сложиться естественнымъ порядкомъ, сообразно ея дѣйствительнымъ нуждамъ, съ устраненіемъ всякихъ канцелярскихъ измышленій. Такая цѣль становится достижимой только при искреннемъ сближеніи власти съ землею, при обращеніи къ землѣ, сначала для выясненія желательныхъ правъ мѣстнаго самоуправленія и для пересмотра нынѣ дѣйствующихъ уложеній городскихъ, земскихъ и судебныхъ, на что нужно не мало времени, потомъ для опредѣленія постоянныхъ отношеній земли къ правительству, возстановляющихъ основныя преданія Русскаго Царствующаго Дома.

Второе условіе: сосредоточеніе прямо правительственнаго дѣйствія (казенной администраціи) на предметахъ, имѣющихъ непосредственное значеніе для самой власти, т. е. возвращеніе заботъ управленія въ предѣлы, изъ которыхъ оно вышло для исключительной и временной задачи, перевоспитанія до-Петровскаго общества, нынѣ уже законченной. Безъ сосредоточенія и сокращенія нынѣшняго правительственнаго механизма невозможно достиженіе трехъ цѣлей, рѣшающихъ все наше будущее: 1) Невозможно высвободить изъ-подъ мелочнаго гнета и сложить сколько нибудь самостоятельное земство, т. е. живую Россію, на которую власть могла бы опираться, какъ обыденно, такъ и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. 2) Невозможно образовать подъ рукою Верховной власти стройное, единомысленное и вполнѣ владѣющее своими орудіями прави-

тельство, безъ чего можно было обходиться въ прежнее патріархальное время, когда опорой государственному порядку служило все помѣстное дворянство, но не теперь. 3) Невозможно положить конецъ безпредѣльному и безотчетному возрастанію расходовъ на администрацію и облегчить рабочій народъ, хотя вопросъ объ этомъ облегченіи колеблется въ предѣлахъ 8—10% съ текущаго бюджета, восполняемыхъ въ теченіе немногихъ лѣтъ возвышеніемъ доходовъ; а въ такое время какъ наше, при обремененномъ сверхъ силъ народѣ, довольно трудно спокойно глядѣть на будущее.

Едва ли возможно какое либо предварительное начертаніе размѣра вышеприведенныхъ преобразованій, какъ по времени, такъ и по сущности, иначе изъ нихъ вышло бы новое канцелярское измышленіе. Правительство знаетъ, чего оно не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ никогда, и этого достаточно для ясности программы; въ отношеніи остальнаго требуется только открыть въ удобное время путь къ преобразованіямъ и вдохнуть этимъ высшимъ рѣшеніемъ новую надежду и иное настроеніе въ русское общество; а затѣмъ, для самой прочности воздвигаемаго зданіян, нужна постепенность, предоставляющая законодательству, въ совѣщаніи съ практичееки опытными людьми, достаточное время для зрѣлаго обсужденія каждаго послѣдовательнаго шага.

Но и нынѣ ясно уже, что для возстановленія русской жизни потребуется не столько обширность круга дѣйствій, сколько прочность мѣстныхъ самоуправленій. Безъ содѣйствія мнѣнія земли едва ли сбыточно и спокойное исправленіе торжественно данныхъ льготъ, изъ которыхъ многія оказались мало соотвѣтствующими нашей дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ данной имъ формѣ, и упрощеніе хаоса нашихъ административныхъ учрежденій, нагроможденныхъ одно на другое различными эпохами и разростающихся собственною силою, вопреки духу новыхъ узаконеній; конечно, не администрація сама упроститъ себя, не она освѣтитъ такой вопросъ передъ властію во всей его полнотѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи пришлось бы гораздо болѣе сокращать безъ остатка (что, однакожъ, недостижимо безъ содѣйствія земскихъ людей), чѣмъ передавать земству. Размѣры передачи на первый разъ не особенно велики, относятся только къ отраслямъ управленія, лишеннымъ всякаго

политическаго значенія, и ограничиваются слѣдующими предѣлами.

1) По сознанію самыхъ либеральныхъ людей и органовъ печати, сухопутныя и морскія силы (не говорю о военномъ хозяйствѣ) нельзя сокращать у насъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе настоящаго столѣтія.

2) Министерства иностранныхъ дѣлъ и Императорскаго двора стоятъ внѣ вопроса.

3) Министерства юстиціи и народнаго просвѣщенія требуютъ приращенія, а не обрѣзыванія.

4) Министерство финансовъ (конечно, и государственный контроль) несомнѣнно подлежитъ большему сокращенію, но сокращенію простому; передавать изъ него земству почти нечего.

5) Съ министерствомъ путей сообщенія и безъ того идетъ тяжба о желѣзныхъ дорогахъ, управлять которыми, внѣ технической стороны, оно положительно не въ состояніи. Остальные счеты съ нимъ также не велики.

6) Передача въ значительныхъ размѣрахъ распространилась бы только на министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ; другимъ вѣдомствамъ пришлось бы выдѣлить отрасли управленія, о которыхъ и теперь всякій спрашиваетъ, изъ-за чего правительство обременяетъ себя хлопотами, вовсе для него не нужными и навлекающими на него одни нареканія. По естественному закону, всѣ стоки воды возвращаются въ море и всякая опека, выходящая изъ круга чисто правительственнаго дѣйствія, переходитъ со временемъ къ созрѣвающему обществу. Будетъ ли земское завѣдываніе этими отраслями управленія, преимущественно хозяйствами, лучше или хуже казеннаго,—вопросъ не важный для власти, такъ какъ онъ касается однихъ управляемыхъ; но при томъ произойдутъ большія сокращенія, которыхъ нельзя достигнуть практически инымъ путемъ. Этихъ сокращеній оказалось бы достаточно для сильнаго облегченія податныхъ сословій, чѣмъ разъ навсегда враги порядка были бы лишены даже тѣни надежды на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ возстановленіе внутренней мощи, самодѣятельности и общественной жизни въ Россіи, основанное на связности мѣстныхъ населеній и самоуправленіи ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, ставитъ только два существенныя, вышеназванныя условія: сближеніе власти съ землей и сосредоточеніе правительственной администраціи на предметахъ, имѣющихъ

для нея прямое значеніе. Все же остальное кромѣ этихъ двухъ существенныхъ условій, постепенность, сроки и размѣры преобразованій и переуступокъ, насколько они окажутся пригодными, будутъ зависѣть отъ послѣдовательнаго и нетороцливаго освѣщенія этихъ вопросовъ общими силами сверху и снизу, причемъ рѣшающимъ судьей останется, конечно, единая власть и никто иной. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого опасенія увлечься на пути преобразованій такого рода.

Нельзя не предвидѣть того неизбѣжнаго факта, что съ прекращеніемъ нынѣшняго исключительнаго положенія и сопряженныхъ съ нимъ полномочій, наши внутренніе вопросы возникнутъ съ небывалою напряженностію, вслѣдствіе той причины, что личное пользованіе полномочіями накопитъ такую же массу неудовольствій въ большинствѣ и внизу, какую личное злоупотребленіе либеральными учрежденіями накопило недавно въ меньшинствѣ и вверху. Нашъ сановникъ, за рѣдкими исключеніями, такой же русскій человѣкъ, какъ и нашъ мировой судья, и при всѣхъ отличныхъ свойствахъ русской души въ такой же степени лишенъ чувства мѣры, права и законности, что выказалось уже достаточно въ самое короткое время; засвидѣтельствуетъ объ этомъ даже всякій агентъ власти, чистосердечно спрошенный. Возможно еще ужиться съ недовольнымъ меньшинствомъ, хотя не политично пренебрегать имъ; но какъ надѣяться устранить всякія послѣдствія неудовольствія большинства? Я коснулся этого предмета вскользь, насколько онъ относится къ цѣли письма. Выводъ изъ него тотъ, что нельзя откладывать обсужденіе окончательныхъ мѣръ до до часа прекращенія исключительнаго положенія, такъ какъ первый шагъ, предстоящій въ этотъ затруднительный часъ, опредѣлитъ почти роковымъ образомъ дальнѣйшее направленіе государства. Долженъ чистосердечно досказать свою мысль. Я помню, какъ во время моей молодости всякое рѣшеніе власти принималось обществомъ съ полнымъ довѣріемъ и считалось почти безпогрѣшнымъ, въ силу того, что оно правительственное; и вижу, съ какимъ недовѣріемъ и съ какою ѣдкою разцѣнкою принимается теперь всякое подобное рѣшеніе, потому только, что оно правительственное. Если въ четверть вѣка могло такъ измѣниться общее настроеніе, то значитъ мы идемъ по крутому и скользкому склону и къ нашимъ домашнимъ дѣламъ опасно обращаться произвольно. Между тѣмъ многіе, самые

офиціальные люди, полагають возможнымъ успокоиться неопредѣленное время на чрезвычайныхъ мѣрахъ, не заглядывая въ будущее. Они, очевидно, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ всемірномъ фактѣ, что никогда еще не было видано твердаго правительства безъ взаимной поруки съ господствующею въ въ странѣ организованною общественною силою (временною, какъ національная гвардія при Луи Филиппѣ, или постоянною, какъ плательщики прямыхъ податей въ Англіи, это все равно),—невидано ни одного, кромѣ правительства неаполитанскихъ Бурбоновъ и мелкихъ итальянскихъ владѣній. Тѣ, правда, полагались только на штыки и полицію, но потому, что внутренняя опора замѣнялась для нихъ внѣшнею, Австріей, недопускавшей въ Италіи революцій. Какъ только Австрія была вынуждена отшатнуться—ихъ штыки и полиція рухнули прахомъ въ нѣсколько дней.

Надо прибавить къ тому, что неаполитанскіе чиновники и офицеры возрастали въ обще-европейскомъ преданіи, по которому служащіе люди считаютъ себя принадлежащими исключительно власти, выдѣленными изъ народа, преданіи, котораго положительно нѣтъ въ Россіи, незнающей вообще связныхъ корпорацій. Въ этомъ фактѣ было слишкомъ легко убѣдиться во время нашего умственнаго пожара шестидесятыхъ годовъ, пока не выступили наружу подлинные поджигатели, поляки.

Послѣ упраздненія помѣстнаго дворянства опорная и преобладающая русская сила можетъ заключаться только въ земствѣ и ни въ чемъ иномъ, но конечно въ земствѣ организованномъ, а не въ милліонахъ несвязныхъ единицъ. Всѣ—значитъ никто, всѣ—это общее голосованіе, то косное до омертвенія, то, переносимое каждымъ вѣтромъ, какъ сухой песокъ изъ одной крайности въ другую, смотря по повѣтрію времени. Наше же правительство имѣетъ дѣло не съ толпой, а съ общественными группами, представляющими устой, свойственный всякой сплоченной группѣ. Эти группы можно и должно сплотить еще крѣпче, придать имъ твердый устой, связать ихъ съ правительствомъ самымъ тѣснымъ образомъ. Нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что между властію и земствомъ нѣтъ мѣста круговой порукѣ, основанной на вещественномъ интересѣ, какая существовала между нею и дворянствомъ; новая круговая порука должна возникнуть изъ интереса исключительно нравственнаго, группирующаго около правительства

всѣ охранительныя силы страны, что требуетъ полнаго взаимнаго довѣрія. Земства, сплоченныя и властныя въ своей мѣстности, при должной связи между собою и открытомъ общеніи ихъ съ верховною властію, составляетъ силу неодолимую; а какъ огромное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ Царскую власть, то земство, непосредственно погруженное въ это большинство, есть вмѣстѣ сила самая благонадежная. Въ нашихъ понятіяхъ существуетъ до сихъ поръ странная сбивчивость: администрацію смѣшиваютъ съ источникомъ власти и все, что ограничиваетъ бюрократическій произволъ, считаютъ ограниченіемъ правительства, какъ будто земскія и всякія выборныя учрежденія, правильно поставленныя, не имѣютъ того же значенія прямаго истеченія Царской власти, не могутъ быть руководимы ею въ такой же степени какъ и учрежденія административныя, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ ея опору, чего въ послѣднихъ не заключается. Но если такъ, то слѣдуетъ гласно признать значеніе земства, обращаться съ нимъ и его органами какъ съ опорною силою государства, какъ обращались съ прежнимъ дворянствомъ; оказывать ему полное довѣріе, не опасаться расширенія его правъ и не отказывать ему въ способностяхъ, признаваемыхъ за каждымъ начальникомъ отдѣленія. Всякій знаетъ предметы, которые не могутъ подлежать вѣдѣнію земства; объ этомъ нечего и говорить.

Зная нынѣшнее русское общество, нельзя надѣяться, чтобы какія бы ни было новыя права скоро обратили Россію въ земной рай, чего недостигло и казенное управленіе; чтобы они искоренили скоро наши наслѣдственные недостатки; но дѣло идетъ не о всеобщемъ благополучіи, а о чисто государственномъ вопросѣ, о правительственномъ устоѣ, не о насажденіи земнаго рая, а о томъ, чтобъ Россія не обратилась въ адъ, что становится довольно возможнымъ. Упроченіе на долгое будущее Россіи исторической, съ привычною цѣльностію власти, съ нашими домашними преданіями и внѣшними стремленіями, оживленными внутреннею самодѣятельностію, кажется многимъ дѣломъ вовсе не мудренымъ при вѣрной оцѣнкѣ современнаго положенія, но нѣсколько сомнительнымъ при томъ нежеланіи додумываться до сущности текущихъ явленій, какое замѣчается въ значительной части нашей офиціальной среды.

Многія высокія лица, напримѣръ, начинаютъ опасаться у насъ чего-либо въ родѣ революціи 1789 г. и не скрываютъ

своего опасенія, между тѣмъ какъ ни одинъ смышленый мѣщанинъ не считаетъ того возможнымъ. Дѣйствительно, возстаніе черни въ 1789 г., безъ котораго свѣтскія и литературныя утопіи того времени не имѣли бы существеннаго значенія, было направлено противъ своевольнаго гнета феодальнаго дворянства и духовенства, а на короля попало только рикошетомъ, какъ на наслѣдственнаго главу привиллегированныхъ сословій; но мыслимо ли у насъ, при монархическомъ настроеніи освобожденнаго народа, насиліе снизу противъ власти всесословнаго и земскаго Царя? Намъ дѣйствительно грозитъ опасность, но совсѣмъ инаго рода, въ случаѣ если затянется еще на долго переходное. состояніе между государственнымъ переломомъ 1861 г. и осуществленіемъ его естественныхъ послѣдствій, если мы не скоро еще осядемся, — опасность невозможности законнаго управленія и постоянной необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ; но опасность такого рода наводитъ на память не французскую, а англійскую революцію, искусственно и добровольно вызванную властію. Прошу позволенія высказать свою мысль откровенно. Правительство Стюартовъ не имѣло въ началѣ никакихъ личныхъ династическихъ интересовъ, какъ не имѣетъ ихъ и наше, что чрезвычайно облегчаетъ согласіе со страной; оно внесло смуту въ государство не въ спорѣ за какія либо исключительныя цѣли, которыхъ при Карлѣ I-мъ совсѣмъ не было, а за способы и пріемы управленія, изъ-за недовѣрія къ странѣ, вслѣдствіе чего между верхомъ и низомъ возникъ рядъ недоразумѣній, всякій день все болѣе спутывавшихся. Общественная опорная сила Англіи отшатнулась отъ правительства, которое оперлось тогда, сначала даже охотно, на внѣшнюю силу исключительно, на офицеровъ и чиновниковъ, чего многіе желали бы и у насъ. Дошло до управленія посредствомъ насильственныхъ мѣръ, становившихся поневолѣ все круче, и которымъ не предвидѣлось конца. Одинъ изъ самыхъ монархическихъ народовъ въ свѣтѣ, англійскій, не выдержалъ и совершилъ двукратную революцію, а какъ только прекратилась для него причина опасаться насилія, сталъ снова самымъ монархическимъ народомъ. Россія, разумѣется, не похожа на Англію и я привелъ этотъ примѣръ не въ видѣ примѣненія къ намъ, но онъ рисуетъ наглядно безвыходное положеніе, къ которому приводятъ недоразумѣнія между властію и землею, не выясненныя во время.

Но если невозможенъ слишкомъ долгій роздыхъ въ нынѣшнемъ переходномъ состояніи и если очевидно, что конституція на французскій ладъ, чиновничья опека подъ надзоромъ представительныхъ собраній, дала бы у насъ навѣрное тѣже плоды, какіе она постоянно приноситъ во Франціи (не говоря уже о томъ, что конституція есть не болѣе какъ форма, ничего не рѣшающая въ отношеніи сущности, вопросъ же идетъ объ опорной силѣ государства взамѣнъ прежняго дворянства), если оба эти исхода, *status quo* и конституція одинаково не годятся, то что же остается кромѣ организованнаго и тѣсно связаннаго съ правительствомъ земства? Мысль эта такая древняя въ Россіи, что еще Иванъ Грозный началъ было переносить въ земство центръ государственнаго тяготѣнія и остановился только потому, что Сильвестръ и Адашевъ замѣнились Малютой Скуратовымъ. Значеніе земскихъ соборовъ при первыхъ государяхъ нынѣ Царствующаго Дома достаточно извѣстно.

Опорной силы нельзя искать, выбирая между нѣсколькими. Та сила, которую приходится отыскивать, не есть сила. Общее народное чувство, хотя бы несомнѣнное, также не составляетъ политическаго обезпеченія; имъ нельзя управлять, съ нимъ нельзя объясняться. Значеніе русскаго земства въ настоящемъ и будущемъ, какъ единственной силы органической, ясно всякому, а потому естественно, что громадное большинство людей, желающихъ спокойнаго развитія отечеству, видятъ въ поставленномъ на ноги и устроенномъ земствѣ единственное основаніе, на которомъ наша историческая Верховная власть можетъ стоять незыблемо до скончанія вѣка.

При такомъ условіи, налагаемомъ на насъ не случайными обстоятельствами, а исторической послѣдовательностью, вопросъ о способности русскаго земства къ задачѣ, удачно исполняемой нѣсколькими другими земствами на свѣтѣ, становится, смѣю думать, безцѣльнымъ. Дѣла пойдутъ для разныхъ частныхъ лицъ, вообще не избалованныхъ отличнымъ управленіемъ, немного лучше или немного хуже, пока сами они пріучатся заботиться о себѣ—вотъ и все. Когда дѣла, интересующія власть, удержаны ею въ своихъ рукахъ, къ чему остальная опека? Вообще же вопросъ идетъ только о времени, такъ какъ ранѣе или позже нашей государственной власти придется основаться на земствѣ, по неимѣнію инаго выбора. Опасность

заключается для насъ въ томъ, чтобъ это рѣшеніе не состоялось слишкомъ поздно.

Въ нашей государственной средѣ высказывается еще такое мнѣніе, что ослаблять прямое правительственное дѣйствіе въ какомъ либо отношеніи опасно въ томъ смыслѣ, что новосозданное общество, предоставленное собственнымъ силамъ, не устоитъ противъ революціоннаго напора; но въ подобномъ мнѣніи каждое слово есть не иное что какъ недоразумѣніе. Ни о какихъ собственныхъ силахъ нѣтъ рѣчи. Развѣ новосозданное общество будетъ стоять особнякомъ, а не подъ рукой и ежечасным надзоромъ власти? Развѣ предоставятъ въ его распоряженіе политическую полицію? Развѣ правительственное дѣйствіе не усилится, напротивъ, вслѣдствіе сосредоточенія на предметахъ, имѣющихъ для него прямое значеніе? Развѣ наше революціонное броженіе есть нѣчто существенное и самостоятельное, есть выраженіе стремленій какихъ либо общественныхъ силъ, сословій, сектъ, областей или городовъ, которые имѣли бы въ виду злоупотребить своими правами для ниспроверженія существующаго порядка? Развѣ это броженіе выкидышей и школьниковъ не истекаетъ изъ нынѣшней нашей несвязности частной и изъ безсилія казенной администраціи, развѣ оно возникло бы и удержалось бы при обществѣ, сплоченномъ для самозащиты, и развѣ оно могло бы выказаться въ дѣйствіи и возбуждать опасенія, еслибъ власть покоилась у насъ, какъ прежде, на организованной, преобладающей силѣ страны?

Исторія не останавливается ни передъ какими затрудненіями. Если люди живущаго поколѣнія не соотвѣтствуютъ налагаемой ею задачѣ, она топчетъ ихъ и замѣняетъ иными, возникающими неизвѣстно откуда. Я же сужу по примѣрамъ нашей исторіи, по перелому Петра Великаго и по послѣднему, совершенному нынѣшнимъ царствованіемъ, что русская самодержавная власть можетъ рѣшиться на все и сломить всякое препятствіе, при ясно сознанной потребности. Весь современный вопросъ сводится, стало быть, на сознаніе необходимости новыхъ основаній, и ни на что иное.

ПИСЬМО XII.

6-го АПРѢЛЯ 1880 г.

Еслибъ можно было перечислить всѣ явныя и тайныя недоразумѣнія, возникающія между офиціальной средой и русскимъ чувствомъ, то чаша далеко не была бы еще исчерпана; еслибъ можно было даже разомъ устранить ихъ, то единодушіе не было бы еще тѣмъ возстановлено. Слѣдующій день принесъ бы опять кучу недоразумѣній того же рода, какія вчера были устранены. Пока не изсякнетъ источникъ недоразумѣній, послѣдствія его будутъ постоянно обнаруживаться; источникъ же тотъ, что большинство нашихъ властныхъ людей не знаетъ или не хочетъ знать современной Россіи, что они продолжаютъ смотрѣть на нее (и это еще въ наилучшемъ случаѣ) взглядомъ начала шестидесятыхъ годовъ. Не говоря о людяхъ старыхъ порядковъ, взявшихъ верхъ вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостнаго права и отступившихъ только на дняхъ (не складывая однакожъ оружія), большая часть облеченныхъ властію людей, даже изъ числа искренно сочувствующихъ преобразованіямъ царствованія, не замѣчаютъ, что Россія совсѣмъ уже не та, въ которой они проводили свою молодость, прежде чѣмъ высокое положеніе отгородило ихъ отъ толпы. Несомнѣнно однакожъ, что съ Россіей произошли съ тѣхъ поръ три крупныя перемѣны, съ которыми надобно считаться чтобы не завести власть и всѣхъ насъ въ безвыходное положеніе.

Во-первыхъ, прежняя опорная сила правительства, стоявшая за него для своихъ собственныхъ интересовъ, при которой никакія враждебныя обществу попытки не могли проявъ

ляться въ широкомъ размѣрѣ, помѣстное дворянство—рухнула и не замѣнилась ничѣмъ, оставляя между правительствомъ и подданными пустое поле, какъ пріютъ для всякихъ злоумышленій.

Во-вторыхъ, несмотря на твердую органическую связь между Верховною властью и землею, прежнее общественное довѣріе къ правительству въ его совокупности, какъ органу власти, пошатнулось до крайности еще съ Крымской войны и послѣдовавшаго за ней умственнаго разброда. Всякій пятидесятилѣтній человѣкъ хорошо знаетъ глубокую разницу въ настроеніи, съ которымъ принимаются и принимались правительственныя рѣшенія теперь и четверть вѣка тому назадъ. Крутой наклонъ, по которому мы идемъ съ тѣхъ поръ, мало замѣтенъ на ходу, но крутизна его поражаетъ, когда оглянешься назадъ.

Въ третьихъ, въ послѣднія двадцать лѣтъ произошла та перемѣна, что за это время Россія обрусѣла, правительственная же среда осталась на прежней переходной почвѣ,—явленіе, обнаружившееся особенно ярко со времени послѣдняго поднятія восточнаго вопроса. Русскій складъ понятій, уцѣлѣвшій отъ иноземной закваски воспитательной эпохи въ одномъ простомъ народѣ, снова проросъ вверхъ. Чуткіе люди давно уже ожидали наступленія этого поворотнаго и неизбѣжнаго часа, но обнаружился онъ въявь только съ наступленіемъ послѣдняго десятилѣтія. Хотя стремленія къ заноснымъ, вычитаннымъ политическимъ идеаламъ и до сихъ поръ держатся упорно въ нѣкоторыхъ слояхъ и группахъ населенія, но вѣрно то, что громадная часть людей, непосредственно соприкасающихся съ земскою жизнію, не вѣритъ больше въ пригодность для насъ готовыхъ выводовъ чужой исторіи, а какъ этотъ второй разрядъ людей составляетъ прямой плодъ русской жизни и народнаго сознанія, и какъ весь приростъ идетъ въ эту сторону, то будущее, очевидно, принадлежитъ ему. Въ офиціальной средѣ нѣтъ до сихъ поръ отзыва новому запросу жизни, но въ этой косности виновата еще болѣе ея обстановка, чѣмъ ея вѣрность преданіямъ. Всѣ виды власти сосредоточены въ Петербургѣ, который самъ есть исключительное произведеніе переходной эпохи и естественно проникнутъ ея духомъ. Пестрое столпленіе людей, привлеченныхъ въ эту искусственную столицу, не только наименѣе русское изъ городскихъ населеній, разрозненное съ общей почвой и воспитанное исключи-

тельно въ книжномъ духѣ, но кромѣ того, оно въ полномъ составѣ своемъ живетъ подъ казенною крышею, связано съ отживающими порядками безчисленными личными интересами, а потому въ большинствѣ желаетъ не замѣщенія этихъ устарѣвшихъ порядковъ инымъ, русскимъ складомъ государства, а напротивъ, увѣнчанія ихъ на западный образецъ бюрократической конституціей. О степени русской закваски Петербурга можно судить по тому наглядному примѣру, что даже ближайшее сельское населеніе окрестностей столицы до сихъ поръ нисколько ни обрусѣло, до сихъ поръ остается такимъ же чухонскимъ, какимъ засталъ его Петръ Великій. Въ глухихъ областяхъ финскія населенія растворились въ нѣдрахъ владычествующаго народа, подъ Петербургомъ—нѣтъ. Этотъ городъ совершенно лишенъ силы русскаго притяженія, потому что русскій духъ замѣняется въ немъ духомъ казеннымъ. Но это казенное населеніе стоитъ передъ глазами властной среды и заслоняетъ Россію. Однакожъ Россія не Петербургъ, она просыпается. Въ наши дни повторяется явленіе, знаменовавшее петровскую эпоху, только въ обратномъ смыслѣ: теперь, какъ и тогда, направленіе большинства офиціальной среды встрѣчаетъ отпоръ въ русскомъ чувствѣ, но тогда жизнь была въ первой, крѣпость во второмъ, теперь наоборотъ. Изъ такого раздвоенія истекаетъ то послѣдствіе, что между органами власти и мнѣніемъ земли (котораго, надо сказать, эти органы не признаютъ) все болѣе усиливается взаимное непониманіе, точно между турками и болгарами, то есть, говоря образно, раздвигается бездна. Въ темнотѣ трудно ходить большими шагами.

Современное настроеніе тѣмъ болѣе серьезно, что долгій опытъ открылъ наконецъ глаза всѣмъ поголовно, что ни одна душа не вѣритъ, какъ вѣрили прежде, возможности улучшить тягостное положеніе посредствомъ какихъ бы ни было передѣлокъ въ административныхъ порядкахъ, перестановокъ казенныхъ органовъ. Исчезла вѣра въ самые эти органы.

Въ виду будущаго опасенъ не нашъ безмысленный нигилизмъ, явленіе далеко не самостоятельное, опасно недоразумѣніе, проникающее всю современную русскую жизнь и его причина. Мы выдвинуты изъ прежняго связнаго государственнаго порядка, при которомъ худо ли, хорошо ли, всякая подробность соотвѣтствовала духу цѣлаго и теперь, въ ожиданіи чего либо окончательнаго, ни одна изъ наружныхъ формъ нашего

устройства не приложена къ лежащей подъ нею сущности. Кромѣ того, отчужденная отъ почвы казенная среда въ большинствѣ остается проникнутой космополитскимъ духомъ отжившей эпохи, идущимъ прямо въ разрѣзъ возникающимъ стремленіямъ земли. Въ итогѣ оказывается безвыходный кругъ. Всѣ уродливыя явленія текущаго времени, вся дерзость горсти общественныхъ поддонковъ, мечтающихъ о передѣлкѣ государства, выростаютъ изъ общаго чувства неудовлетворенности, перетолковываемаго на извѣстный ладъ. Ни власти, ни намъ всѣмъ невозможно выбраться на свѣтъ, на путь дѣйствительно спокойнаго развитія, не отрекшись отъ привычныхъ взглядовъ и преданій воспитательной эпохи, не покончивъ съ двухъ-вѣковымъ неуваженіемъ къ самимъ себѣ. Нельзя указать ни одного изъ нынѣшнихъ неудовольствій на власть, источникъ которыхъ не коренился бы въ искусственной оцѣнкѣ явленій нашей жизни, глубоко въѣвшейся въ офиціальный слой и среду, въ которой онъ погруженъ.

Я не раздѣляю ни въ какой степени мнѣнія, повторяемаго многими, что петровское преобразованіе принесло намъ столько же зла какъ и добра; я думаю, что единственная ошибка великаго преобразователя заключалась въ церковномъ вопросѣ, все же остальное едва ли могло быть совершено иначе какъ онъ сдѣлалъ; но думаю также, что всему на свѣтѣ есть мѣра и срокъ. Мы не могли стать великимъ историческимъ народомъ не пріобщившись къ преемственному обще-человѣческому просвѣщенію, знавшему, до сихъ поръ, только прямыхъ наслѣдниковъ, не видавшему ни одного пріемыша, ни одного народа, который, не бывши воспитанъ имъ съ колыбели, съ безсознательныхъ своихъ годовъ, захотѣлъ бы вдругъ стать просвѣщеннымъ. Мы явились первымъ въ свѣтѣ пріемышемъ такого рода, а потому должны были подчинить временно свой природный складъ иноземному, прожить періодъ обезличенія и космополитства, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность сознательно заявить передъ міромъ свою народную личность. Дѣло шло не объ однихъ техническихъ знаніяхъ, намъ недостававшихъ, а о всестороннемъ воспитаніи русской мысли въ общемъ источникѣ просвѣщенія. Губернская барышня, ломавшая всю жизнь французскій языкъ на саратовскій ладъ, была смѣшнымъ образцомъ перевоспитанія, но являлась неизбѣжнымъ звеномъ между одностороннимъ, хотя и крѣпко закаленнымъ москвичемъ 17-го вѣка,

и русскимъ европейцемъ нашего времени. Но трудный переломъ пройденъ, воспитательная задача нынѣ, очевидно, исчерпана, новая задача состоитъ не въ пріобрѣтеніи знаній изъ чужаго источника, а въ приложеніи ихъ къ родной почвѣ, мало сходной съ европейскою. Въ существенныхъ предметахъ нѣтъ больше мѣста подражательности, какъ явно доказывается подъемомъ самороднаго русскаго мнѣнія. Но по свойству переходныхъ эпохъ отжившее направленіе, отрицаемое духомъ времени, упорно держится въ средѣ, служившей ему первымъ и главнымъ проводникомъ, и вслѣдствіе того глубоко имъ проникнутой. Надо прибавить еще рядъ иностранныхъ вліяній, для которыхъ возникновеніе русскаго духа гораздо страшнѣе ветлянской чумы. Но казенная среда, по самой сущности своей почти двухъ-вѣковой задачи, не знала въ Россіи ничего кромѣ себя одной, а потому у нея не оказывается теперь ни орудій, ни умѣнья для пригоднаго обращенія съ общественными силами, начинающими складываться внѣ ея; она видитъ въ нихъ нѣчто чуждое своимъ преданіямъ, и не умѣя направлять ихъ, старается не давать имъ ходу. Въ нашей народной жизни очевидно произошло, или, правильнѣе сказать, теперь только высказалось раздвоеніе, источникъ всѣхъ современныхъ затрудненій. Задача текущаго времени заключается въ возстановленіи цѣльности нашего внутренняго быта. Понятно, почему все непріязненное намъ въ Европѣ боится возстановленія такой цѣльности сто-милліоннаго народа пуще всего на свѣтѣ.

Надо сказать прямо: упроченіе нашего будущаго зависитъ отъ одного главнаго условія, начинающаго отчетливо выясняться въ умахъ большинства, отъ того условія, чтобы русское правительство въ полномъ своемъ объемѣ стало вполнѣ русскимъ, чтобы оно невынужденно, по внутреннему чувству шло въ ту же сторону, куда растетъ русское мнѣніе. Можно показать практическое значеніе этихъ словъ двумя наглядными примѣрами изъ нашей внѣшней и внутренней дѣятельности.

Первый примѣръ, международный.

Послѣ долгой слѣпой вѣры во все европейское, послѣ заговоровъ и бунтовъ для пересадки къ намъ западной конституціи, у насъ стали выясняться наконецъ свои народные политическіе идеалы. Никто ихъ не сочиняетъ, они выливаются сами собою изъ историческаго склада русскаго человѣка, смутно помнятся ему, присущи всей славянской породѣ, развивалась

своеобразно, но въ томъ же общемъ духѣ, во всякомъ славянскомъ племени достигавшемъ самобытности, отъ древнихъ Кіева и Новгорода, отъ старой Чехіи и старой Польши, не исказившей еще родовыхъ основъ, до нынѣшнихъ Сербіи и Черногоріи. Нашъ племенный государственный идеалъ, начинающій очерчиваться довольно отчетливо въ современныхъ русскихъ умахъ какъ цѣль будущаго, хотя бы отдаленнаго, есть—полновластный Государь въ свободномъ народѣ, выдѣленіе земскаго самоуправленія со всѣми его мѣстными интересами—порядка и нравственности, торговыми, промышленными, сельскохозяйственными, просвѣтительными, церковными и прочее, изъ функцій. обще-государственной власти, остающейся всецѣло въ рукахъ главы народа; взаимное довѣріе, установленное привычкою и силою мнѣнія, вмѣсто искусственнаго, обратно переплетеннаго контроля на западный ладъ между правительствомъ и подданными, связывающаго руки обѣимъ сторонамъ вмѣстѣ. Иными словами: Государь для государства, свободно располагающій средствами, выдѣленными на общее дѣло; граждане съ своими частными дѣлами невступно для самихъ себя. Вмѣсто одновременнаго и обоюднаго вмѣшательства верха и низа во всякое, даже самомалѣйшее отправленіе общественныхъ дѣлъ, какъ при конституціонномъ порядкѣ, раздѣленіе ихъ по природѣ каждаго между обѣими сторонами. Конечно, и при такомъ разверстаніи народной жизни вліяніе власти и мнѣнія, правительства и мѣстныхъ самоуправленій, будутъ на каждомъ шагу проникать себя взаимно, связываться въ одно цѣлое; но вліяніе это съ той и другой стороны станетъ въ концѣ концовъ нравственнымъ, а не формальнымъ. Мы видимъ слабый образчикъ такого выдѣленія функцій общественной дѣятельности въ нашемъ сельскомъ самоуправленіи, при которомъ, какъ бы оно ни шло покуда, простой народъ, въ отличіе отъ другихъ сословій, не заявляетъ неудовольствій на власть по своему управленію, оставаясь самъ себѣ судьей; при прежнемъ чиновничьемъ руководствѣ было бы теперь совсѣмъ иное. Видимъ то же самое, въ болѣе полномъ объемѣ, въ нововоскресшихъ славянскихъ княжествахъ, устроившихся внѣ нашего руководства и начинающихъ понемногу устанавливать у себя этотъ порядокъ почти безсознательно. Въ плохенькой Сербіи, напримѣръ, возникшей изъ возстанія мужиковъ, между которыми не было даже народныхъ учителей, какихъ мы нашли между болгарами, въ настоящее

время внѣ столицы почти не видно чиновниковъ. Не смотря на сочиненную по западному образцу, но не входящую въ народные нравы конституцію, собирающаяся на короткій срокъ скупщина блюдетъ тамъ права и интересы населеній, не мѣшая князю править государственными дѣлами по своей мысли и не навязывая ему министровъ изъ краснобаевъ большинства; а между тѣмъ общественное мнѣніе достаточно вліятельно для того, чтобы министръ, вызвавшій положительное неудовольствіе, могъ удержаться на мѣстѣ. При такомъ дѣленіи правъ и обязанностей, народный сеймъ нуженъ лишь на нѣсколько дней въ году; онъ не направляетъ рѣшеній власти, а только повѣряетъ въ важныхъ случаяхъ ихъ цѣлесообразность, утверждаетъ налоги и выражаетъ желанія страны; отношенія его къ Государю совсѣмъ иныя, чѣмъ европейскаго парламента. Главное же, при этомъ полюбовномъ размежеваніи, государственная власть сохраняетъ свою цѣльность неприкосновенной, не въ теоріи только, а на практикѣ, что при парламентарныхъ формахъ мы видимъ въ одной лишь Англіи, потому, что тамъ и контролируетъ, и управляетъ одна и та же общественная сила; на материкѣ же эта спорная и всегда шаткая цѣльность достигается — или обращеніемъ конституціонныхъ учрежденій въ праздное зрѣлище, или временнымъ насиліемъ одной партіи надъ всѣми прочими, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ ожесточенная реакція.

Надо имѣть въ виду еще слѣдующее: при нынѣшнемъ нашемъ складѣ вызвать дѣйствительное русское мнѣніе можно не сословными выборами, по старинному, и не чуждымъ общинному устройству всенароднымъ голосованіемъ, по западному; его можно добыть только отъ земствъ, поставленныхъ въ правильныя отношенія къ крестьянскому населенію. Кромѣ того, въ одномъ земскомъ самоуправленіи можетъ заключаться впредь опорная сила государства, а потому нельзя будетъ обращаться къ землѣ иначе какъ черезъ него. Но въ земствахъ, какъ въ тѣсно сплоченныхъ группахъ, непремѣнно сложится заранѣе опредѣленное мнѣніе по каждому выдвигаемому вопросу и они не пошлютъ представителемъ иначе какъ члена своего большинства; а потому обязательное мнѣніе выборнаго (mandat impératif), не допускаемое на западѣ, станетъ у насъ основнымъ правиломъ. Но по нашимъ условіямъ это послѣдствіе приведетъ не къ затрудненію, а къ вящшей прочности общаго

устоя. Нельзя, конечно, допустить сбродную толпу избирателей навязывать депутату свое проходящее увлеченіе; наши же земскія собранія представляютъ узаконенную власть, истеченіе и продолженіе власти общегосударственной; каждое рѣшеніе ихъ и безъ того требуетъ полной обдуманности; при должной постановкѣ они будутъ вѣрно отражать мнѣніе и интересы своей мѣстности. Очевидно, что обязательное мнѣніе выборнаго (во всякомъ случаѣ обязательное только нравственно) послужитъ при такой обстановкѣ залогомъ двойной обдуманности, предохраненіемъ отъ случайнаго увлеченія партіями и личными интересами. Въ основаніе нашихъ совѣщательныхъ соборовъ, какъ то было и прежде, ляжетъ задатокъ той особенности, что они представятъ гораздо болѣе дѣловой характеръ чѣмъ западные парламенты (въ буквальномъ переводѣ — говорильни), занимающіеся въ девяти случаяхъ на десять пустымъ болтаніемъ обо всемъ на свѣтѣ; тѣмъ болѣе, что наши соборы должны быть непремѣнно краткосрочными и, кромѣ разсмотрѣнія бюджета, созываться не иначе, какъ по предустановленнымъ вопросамъ; а кромѣ того, выдѣленіе мѣстнымъ самоуправленіямъ всѣхъ заботъ, лишенныхъ прямо политическаго характера, поставитъ вопросы, возникающіе между землею и властію, въ болѣе тѣсный и опредѣленный кругъ, чѣмъ на западѣ. Нѣтъ повода ожидать столкновеній тамъ, гдѣ вѣковое, укорененное въ народномъ сознаніи правительство, совѣщается съ собраніемъ, подчиняющемъ по сущности своей задачи личныя стремленія вызрѣвшимъ и заранѣе взвѣшеннымъ желаніямъ страны, гдѣ выборный долженъ отчитываться въ своихъ дѣйствіяхъ, и гдѣ столько взаимныхъ *мѣстныхъ* интересовъ и взглядовъ будутъ уравновѣшиваться взаимно. Политическое собраніе такого рода невозможно тамъ, гдѣ населеніе не сгруппировано органически по мѣстностямъ, а потому Европа его не знаетъ; но нельзя не видѣть, что развитіе народнаго представительства на этомъ основаніи дастъ новый залогъ прочности, намъ свойственный.

Никакое земное учрежденіе не можетъ, конечно, обладать ненарушимостію математической формулы, всякое находится подъ вліяніемъ такого измѣнчиваго фактора, какъ людское настроеніе; но хотя мы видѣли до сихъ поръ типъ славянскаго государства лишь въ его зародышныхъ формахъ, нельзя не признать однакожъ, что въ немъ гораздо болѣе правды,

простоты и прочности, чѣмъ въ европейскомъ конституціонномъ, особенно же пересаженномъ на материкѣ. Одинъ Богъ знаетъ, когда племенной идеалъ государства осуществится въ Россіи въ своей полнотѣ; но складывающееся народное сознаніе ведетъ постепенно къ нему, и не можетъ вести ни къ чему иному, хотя бы потому, что въ немъ одномъ выражается наша дѣйствительность, подлинное и укоренившееся, а не сочиненное отношеніе народа къ власти.

Въ то время когда московскій фабрикантъ, поволжскій купецъ и дѣльный земецъ начинаютъ сознавать болѣе или менѣе ясно наше естественное направленіе, Русская имперія даетъ конституцію освобожденной ею Болгаріи. По этой конституціи иностранцы судятъ теперь о нашихъ политическихъ идеалахъ; но есть ли въ ней хоть тѣнь возникающаго на нашихъ глазахъ русскаго сознанія? Вмѣсто учрежденій, выростающихъ безъ посѣва на всякой предоставленной себѣ славянской почвѣ—владыки или князя и краткосрочной скупщины, каждаго по своей части, Болгаріи даютъ ту самую конституцію, которую офранцуженные заговорщики 14 декабря 1825 года хотѣли навязать нашему правительству, и отъ которой, къ счастію будущихъ поколѣній, оно отбилось картечью.

Второй примѣръ изъ внутренной жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ переломъ 19 февраля 1861 года привелъ официальную среду въ непосредственное соприкосновеніе съ почвою, оказывается, что взаимное пониманіе между правящими и управляемыми, въ томъ видѣ, какъ оно существовало недавно между тою же средою и дворянствомъ, положительно у насъ порвалось. Въ правительственныхъ кругахъ перестали понимать съ достаточною ясностію значеніе новыхъ общественныхъ стремленій; тамъ переводятъ ихъ на европейскія понятія и изъ бѣлаго выходитъ черное. Все, чего желаетъ современная Россія и чѣмъ она будетъ довольствоваться очень долго, можетъ быть всегда, все что нужно для устраненія нынѣшней смуты въ умахъ, до такой степени не умаляетъ обаянія Верховной власти, что желанія эти навѣрное не встрѣтили бы, не могли бы встрѣтить отпора свыше въ московской Руси, еслибъ до нихъ отчетливо додумались въ тѣ времена. Мало того, самая власть стремилась въ старину къ тому же, чего хочетъ нынѣ большинство, Иванъ Грозный приступалъ къ устройству земли на коренныхъ русскихъ на-

чалахъ, онъ же созывалъ земскихъ людей для писанія законовъ, первые вѣнценосцы дома Романовыхъ собирали вокругъ себя народъ какъ свою семью. Взаимность была полная. Со времень Петра исчезли формы, въ которыхъ проявлялась взаимная связь, съ царствованія же императора Павла исчезъ самый духъ прежнихъ отношеній, хотя перемѣна обнаружилась въявь только съ упраздненіемъ помѣстнаго дворянства, разъединявшаго до тѣхъ поръ власть съ почвою непроницаемой перегородкой. Но именно съ тѣхъ поръ коренная Россія стала явно проростать сквозь наслойку воспитательной эпохи и естественныхъ образомъ возвращается къ своимъ основнымъ преданіямъ, хочетъ примѣнять учрежденія къ народному духу болѣе отчетливо чѣмъ прежде, въ силу высшей сознательности. Офиціальная же среда смотритъ на это проростаніе иными глазами и объясняетъ его примѣрами западнаго революціоннаго движенія. Надо сказать: у насъ дѣйствительно возникаетъ великая распря, но не между духомъ вѣка и историческою властію, отстаивающею свои наслѣдственныя права, какъ думаютъ, кажется, въ большинствѣ чиновныхъ кружковъ, а между самыми вѣрноподданными *русскими* стремленіями и *нерусскою* закваскою казенной среды, чуждой духу нашей исторіи, видящей революцію тамъ, гдѣ русскіе люди ищутъ только самоустройства подъ покровомъ вѣковой власти. У насъ досихъ поръ не мало вліятельныхъ людей, считающихъ все русское въ Россіи контрабандою и заговоромъ, людей о которыхъ покойный Самаринъ сказалъ, что любители европеизма и покровители противо-государственныхъ интересовъ на окраинахъ всегда оказываются душителями всякаго проявленія жизни на непосредственно русской почвѣ. Умомъ и чутьемъ страна начинаетъ понимать эту суть дѣла, начинаетъ подмѣчать въ средѣ правительства и администраціи многочисленныхъ противниковъ народнаго духа, стоящихъ вразрѣзъ самымъ естественнымъ и законнымъ ея стремленіямъ—убѣжденіе въ которомъ несомнѣнно заключается великая опасность, но опасность отъ которой можно погибнуть только по доброй волѣ.

Очевидно, что главное побужденіе нашихъ офиціальныхъ западниковъ, старающихся затормозить развитіе народной жизни, заключается въ желаніи удержать въ своихъ рукахъ бюрократическій произволъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ несомнѣнно что они именно пошли бы охотнѣе всѣхъ на конституцію, что-

весьма понятно, такъ какъ она нигдѣ не препятствуетъ бюрократическому преобладанію и затѣмъ, одна только эта форма окончательнаго исхода понятна людямъ, оторвавшимся отъ русской почвы. Очевидно однакожъ что въ понятіи большинства (которое при нынѣшнихъ порядкахъ не имѣетъ возможности явно высказаться), нашъ основной вопросъ идетъ не о Самодержавіи, ограждаемомъ положительною народною волею, а о формахъ Самодержавія, о замѣнѣ пріемовъ воспитательной эпохи коренными русскими отношеніями верха съ низомъ. Ежедневный опытъ за одно съ здравымъ смысломъ убѣждаютъ, что съ истеченіемъ подражательнаго вѣка нашей исторіи, въ виду зачинающагося самостоятельнаго развитія, правительство не можетъ больше вести русскаго человѣка къ неизвѣстнымъ цѣлямъ безъ его вѣдома, ни предрѣшать этихъ цѣлей въ кружкѣ должностныхъ лицъ, какъ не считало того возможнымъ и прежде, до Петра Великаго; что оно не въ силахъ опекать болѣе безчисленныя, постоянно усложняющіяся мѣстныя потребности, посредствомъ своей бюрократіи, не въ состояніи даже сдерживать наружный порядокъ безъ опоры связной и признанной общественной силы; но во всемъ томъ не заключается вопроса о Самодержавіи, какъ источникѣ власти. Самодержавнаи власть какъ и конституціонная, можетъ выражаться весьма различнымъ образомъ. Со времени миѳологическихъ диньстій боговъ никакой Государь не управляетъ и не можетъ управлять лично; онъ стоитъ въ главѣ даннаго государственнаго устройства и рѣшаетъ общее направленіе дѣлъ, предварительно подготовленныхъ въ духѣ установленныхъ порядковъ, господствующей и правящей средой; вся сила стало быть въ этихъ порядкахъ и этой средѣ. Государственная власть въ полномъ своемъ объемѣ вездѣ необходимо самодержавна и умѣряется только нравами. По коренной англійской поговоркѣ «король въ парламентѣ« неможетъ лишь одно: сдѣлать изъ мущины женщину и изъ женщины мущину. Все остальное зависитъ вездѣ отъ склада и предѣловъ правительственнаго дѣйствія, отъ взаимности его съ общественной средой и объема принимаемой имъ на себя задачи. Личное самодержавіе въ тѣсномъ единеніи съ землею представляетъ совершенно иной образъ правительства, чѣмъ самодержавіе бюрократическое, руководящее, или, правильнѣе, руководимое отрѣзаннымъ отъ земли чиновнымъ со-

словіемъ. При нынѣшнихъ нравахъ никто не считаетъ возможнымъ личнаго насилія со стороны Государя, какъ бывало прежде; а въ общихъ дѣлахъ правительство, не отгороженное отъ населенія всевластной бюрократіей, преслѣдующей свои личные интересы, стоящее передъ страной лицомъ къ лицу, не можетъ имѣть никакого побужденія противодѣйствовать сознательнымъ стремленіямъ народа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что земство, ставшее опорною силою государства, будетъ пользоваться по необходимости полнымъ довѣріемъ власти, а земство — это Россія. По духу основнаго начала, къ которому ведетъ насъ исторія, «полновластный Государь въ свободномъ народѣ» облеченъ самодержавіемъ для обще-государственнаго дѣла, не стѣсняя правъ ни общества, ни отдѣльныхъ лицъ.

Послѣдовательный ходъ исторіи ставитъ передъ Россіей вопросъ не объ источникѣ власти, а о перенесеніи центра государственнаго тяготѣнія съ обветшалой табели о рангахъ на самую почву, въ земство. Россія сдвинута уже властію съ прежнихъ основаній, дѣло это безповоротное, такъ какъ сломанъ самый фундаментъ, на которомъ стояли старые порядки. Слишкомъ долгая остановка на пути ведетъ къ тому лишь, что вмѣсто послѣдствій, одинаково желательныхъ для блага народа и спокойствія власти, являются несвойственныя народному духу анархическія попытки, раздвоеніе и рядъ недоразумѣній, грозящихъ окончательно сбить насъ съ вѣковаго пути на путь, вовсе намъ несвойственный. Мы не установимся вновь, пока не будетъ положено видимое для всѣхъ начало новому порядку, выдвигаемому не людскою волею, а исторіей, пока Россія, не утрачивая привычной цѣльности Верховной власти, не начнетъ обращаться изъ государства чиновничьяго въ государство земское.

Въ жизни народовъ главное зло времени становится почти всегда источникомъ и причиною всѣхъ золъ второстепенныхъ; они излѣчиваются не иначе какъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Первый шагъ приведетъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ къ разрѣшенію всѣхъ нашихъ затрудненій. Раздѣленіе съ землею нынѣшнихъ непосильныхъ правительственныхъ заботъ возвращаетъ власть въ свойственный и подобающій ей кругъ дѣйствій, ведетъ къ сокращенію казеннаго управленія до предѣловъ, указываемыхъ дѣйствительною потребностію, позволяетъ очистить его составъ отъ неподходя-

щихъ примѣсей, сосредоточиваетъ его въ рукахъ власти; рядомъ съ тѣмъ станетъ уменьшаться непроизводительный расходъ государства, вслѣдствіе чего откроется возможность облегчить рабочій народъ отъ подавляющей его тяготы. Всѣ запросы русской жизни, исчисленные въ предъидущихъ письмахъ, въ томъ числѣ и церковный, укладываются въ однѣ и тѣ же рамки, осуществленіе всѣхъ ихъ зависитъ отъ одного и того же рѣшенія, возстановляющаго цѣльность нашего народнаго развитія.

По моему твердому убѣжденію, согласному съ убѣжденіемъ очень многихъ, исправленіе настоящаго и упроченіе будущаго зависятъ у насъ главнѣйше отъ одного условія: ничего не сочинять, чѣмъ исключается въ основаніи всякое помышленіе о сочиненной конституціи. Это условіе поставитъ явную грань между нашимъ грядущимъ и пережитою воспитательною эпохою, которая только сочиняла, не оставляя мѣста никакому органическому развитію. Я думаю, какъ высказался еще ранѣе, что «Россіи нужно покуда не окончательное рѣшеніе, а достаточный просторъ общественной дѣятельности и мысли, и достаточное сближеніе ея съ властію, для того, чтобы назрѣвающія потребности могли свободно облекаться, одна за другою, соотвѣтствующими формами, выдерживая повѣрку опыта и дополняя себя взаимно, пока изъ нихъ сложится постепенно нѣчто цѣлое; что намъ нужны учрежденія, выработанныя жизнію, а не измышленныя канцеляріями».

Независимо отъ сущности, никакія внезапныя, а тѣмъ болѣе отвлеченныя постройки общественныхъ порядковъ не годятся намъ по той уже причинѣ, что для нихъ не оказывается покуда соотвѣтствующаго личнаго состава. Вслѣдствіе многовѣковыхъ усилій сверху, русская почва возращаетъ покуда однихъ чиновниковъ, какимъ названіемъ ихъ ни окрещивай. Легко создать суды безъ судейскаго сословія и земства, отъ которыхъ бѣгутъ лучшіе земцы, но всякій видитъ, что теперь не этого уже нужно. Ничто не препятствуетъ правительству призвать для совѣта, хоть завтра, благонадежныхъ людей русской земли, это даже принесетъ большую пользу, но во всякомъ случаѣ плодотворное дѣло, прочная закладка нашихъ народныхъ учрежденій, возникнетъ не изъ петербургскихъ совѣщаній. Въ государствѣ, стоящемъ на 82-хъ процентахъ крестьянъ собственниковъ, все, что существуетъ на

верху, обусловливается правильною постановкою народнаго быта въ органической связи съ мѣстными просвѣщенными силами; при разнообразіи нашихъ бытовыхъ условій такіе вопросы не рѣшаются обще-государственною програмкою; когда же они будутъ рѣшены на мѣстѣ, тогда возникнутъ и суды, и земства, и соборы, удовлетворяющіе запросамъ русской жизни, а вмѣстѣ съ ними явятся люди, соотвѣтствующіе учрежденіямъ, тѣ люди, которые добросовѣстнымъ трудомъ, на мѣстѣ, подготовятъ для нихъ почву. Русская Россія можетъ сложиться только въ уѣздѣ и области.

По этому поводу надо прибавить еще слѣдующее:

Какъ ни странно доказывать, что Россіи предстоитъ развиваться въ русскомъ духѣ, но привычка думать по чужой указкѣ, усвоенная въ теченіе воспитательнаго періода, до того внѣдрилась во многихъ изъ насъ, что эту первоначальную истину приходится выяснять вовсе не узкимъ умамъ и не своекорыстнымъ людямъ, а вообще людямъ, не привыкшимъ провѣрять всякую мысль собственною головою.

Такіе люди часто серьезно повторяютъ: проведеніе коренныхъ русскихъ началъ въ нашу политическую жизнь, стоящую почти два вѣка на началахъ обще-государственныхъ (читай: космополитскихъ), можетъ повліять крайне невыгодно на нерусскія окраины. Какъ поступить въ такомъ случаѣ съ окраинами?

По здравому разсудку такое разсужденіе примѣняется, изо всѣхъ европейскихъ державъ, къ одной только Австріи.

Легко высчитать изъ статистики, что на осьмидесятимилліонное населеніе Европейской Россіи (въ настоящее время никакъ не менѣе), мѣстности, называемыя окраинами, то-есть Привислинскій край, Остзейскія губерніи и Финляндія составляютъ не болѣе 10°/₀ всего числа жителей. За исключеніемъ Италіи въ Европѣ нѣтъ ни одного большаго государства, заключающаго въ себѣ меньшую пропорцію сплошнаго инородческаго населенія; даже во Франціи наберется такой же процентъ кельтовъ и басковъ, а недавно еще вмѣстѣ съ эльзасцами, было больше. Азіатскія окраины, очевидно, не идутъ въ расчетъ, мы представляемъ тамъ высшее просвѣщеніе, и никому, вѣроятно, не приходило въ голову видоизмѣнять учрежденія коренной Россіи для сближенія ихъ съ потребностями туркестанскаго управленія. Далѣе. Всякій, даже изъ числа

тѣхъ, у которыхъ наибольше болитъ сердце объ окраинахъ, засмѣется, если у него спросить: могло ли бы наше правительство, сдерживающее окраины русскою силою, устоять при поддержкѣ этихъ окраинъ противъ владычествующаго народа, который естественно хочетъ прежде всего жить для себя и никакъ не пожелаетъ подчинять свою судьбу удобствамъ немногихъ инородцевъ? Взрывъ смѣха рѣшаетъ такой вопросъ лучше всякихъ разсужденій. Но за тѣмъ слѣдуетъ еще спросить: въ виду какой именно окраины наше народное развитіе называется особенно неудобнымъ? Конечно, не въ виду Финляндіи. При своемъ самоуправленіи эта страна остается довольною нами, какъ мы остаемся довольными ею; наши внутренніе вопросы до нея не касаются. Тоже, хотя по другой причинѣ, и съ царствомъ Польскимъ. Для людей, необольщающихся несбыточною мечтою объ обрусеніи этого края, единственное возможное разрѣшеніе польскаго вопроса, удовлетворяющее обѣ стороны, принадлежитъ къ области внѣшней, а не внутренней русской политики; покуда же остается только пріисканіе временнаго, сноснаго modus vivendi съ поляками.— Слишкомъ очевидно, что пригонять наши основныя учрежденія къ временнымъ мѣрамъ, потребнымъ въ этомъ отношеніи, было бы нелѣпицей. Остаются три прибалтійскія губерніи. Но кто не понимаетъ, что прочность владѣнія этими губерніями основывается до сихъ поръ исключительно на русской силѣ и потому все, укрѣпляющее насъ внутри, усиливаетъ эту прочность, все ослабляющее насъ ослабляетъ и её. — Еслибъ помѣстнымъ условіямъ оказалось необходимымъ видоизмѣненіе обще-государственныхъ установленій въ примѣненіи къ остзейскому краю, то никто, конечно, не станетъ особенно торговаться изъ-за него и обрекать Россію на неподвижность или ложное направленіе ради единообразія губернскихъ учрежденій въ Казани и Ригѣ.

Окраина, тормозящая развитіе русской жизни, существуетъ несомнѣнно, мы слишкомъ хорошо это чувствуемъ; но она находится не тамъ, гдѣ на нее указываютъ, она лежитъ во Петербургѣ и заключается въ обезличенной, на половину инородческой, фрачной и вицъ-мундирной средѣ, пріютившейся прямо или косвенно подъ казенною крышею, и ратующей изо всѣхъ силъ за увѣковѣченіе формъ воспитательнаго періода, который

произвелъ её на свѣтъ и порядками котораго она живетъ почти исключительно.

Среда эта очень сильна. Она составляетъ, можно сказать, домашнюю обстановку всѣхъ правительственныхъ отправленій; она располагаетъ большею половиною петербургской печати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что сдвинуться съ мѣста по желательному для нея направленію совершенно невозможно, на это не послѣдуетъ согласія ни сверху, ни снизу; и нельзя также не видѣть, что пришла пора на что-нибудь рѣшиться. Надобно поэтому надѣяться, что верховная власть, не поколебавшаяся сломать еще недавно свою явную многовѣковую опору, помѣстное дворянство, не остановится передъ скрытымъ сопротивленіемъ и умышленными отводами, исходящими отъ его собственныхъ орудій. —

ПРИПИСКА.

Долженъ сказать въ заключеніе: знаю впередъ, что многія офиціальныя лица сочтутъ мысли, проводимыя въ этихъ письмахъ, непозволительнымъ вмѣшательствомъ въ права власти, которыя они считаютъ своими собственными правами. Въ ихъ глазахъ, не только дѣйствіе, но даже мнѣніе въ области государственныхъ порядковъ составляетъ неотъемлемую принадлежность правительства и должно быть возбранено частному человѣку; но подобный взглядъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о существующемъ у насъ раздвоеніи. Большинство офиціальной среды до сихъ поръ живетъ всѣми помыслами въ воспитательной эпохѣ, которая ограничивалась одною задачей: пересадкою къ намъ западныхъ формъ по своему выбору, для чего не было надобности въ содѣйствіи народнаго сознанія; оно и устранялось какъ излишнее своеволіе. Но срокъ пересадкѣ кончился и теперь надо забыть не только исторію, но законы природы, чтобы продолжать держаться такого взгляда. Развитіе сознанія и поступательное движеніе въ области мысли возможны лишь для сборнаго разума, для милліоновъ умовъ провѣряющихъ себя взаимно и выработывающихъ постепенно этимъ путемъ новые взгляды въ наукѣ, въ общественныхъ дѣлахъ, даже въ вѣрованіяхъ, во всемъ на свѣтѣ. Правительству принадлежитъ только дѣйствіе, оцѣнка вызрѣвшихъ народныхъ воззрѣній и признаніе за ними права на практическое осуществленіе. Внѣ исключительныхъ задачъ, подобныхъ прожитой нами воспитательной задачѣ, правительство не можетъ идти впередъ самостоятельно и разработывать зарождающіеся соціальные вопросы въ своихъ канцеляріяхъ.

Задача его состоитъ въ томъ, чтобы зорко слѣдить за созрѣвающими общественными убѣжденіями и явно высказавшимися потребностями, не отставая отъ народнаго сознанія.

Нашему переходному состоянію и нашему раздвоенію придетъ конецъ въ тотъ лишь день, когда не для кого будетъ доказывать такихъ простыхъ истинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПИСЕМЪ

О современномъ состояніи Россіи.